

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

••

—

1261

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЛХХІХ.

17

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. КРАВЦОВАГО (Литейная № 38).

1869.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
335719
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1905

ДРЕВНЕ-АНГЛІЙСКІЯ И ШОТЛАНДСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ *.

I.

ЭДВАРДЪ.

— Твое оружіе въ крови,
Эдвардъ, Эдвардъ!
Твое оружіе въ крови...
Какъ страшно мраченъ ты, мой сынъ!
— Мой добрый соколъ мной убить,
О мать, о мать!
Мой добрый соколъ мной убить —
А у меня онъ былъ одинъ!

— Кровь сокола не такъ красна,
Эдвардъ! Эдвардъ!
Кровь сокола не такъ красна...
Мой сынъ, отройся мнѣ скорѣй!

* Изъ приводимыхъ здѣсь стихотвореній первыя два принадлежать къ чисто-народной поэзіи; имена авторовъ ихъ неизвѣстны и сочинены они въ глубокой древности. Я переводилъ почти слово въ слово, чтобъ сохранить главное свойство ихъ—простоту, принимающую иногда, какъ, на примѣръ, въ разговорной балладѣ «Эдвардъ» (одной изъ знаменитѣйшихъ въ шотландской литературѣ), ужасающій характеръ. Третье стихотвореніе написано во 2-й половинѣ XVIII столѣтія шотландцемъ Скиннеромъ, весьма популярно въ народѣ и занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи народной шотландской поэзіи.

Перев.

— Коня убилъ я своего,
 О мать, о мать!
 Коня убилъ я своего, —
 А въ свѣтѣ нѣтъ такихъ коней!

— Онъ былъ и старъ, и не одинъ,
 Эдвардъ, Эдвардъ!
 Онъ былъ и старъ, и не одинъ...
 Нѣтъ, тутъ другая есть печаль!
 — Отца роднаго я убилъ,
 О мать, о мать!
 Отца роднаго я убилъ...
 Ахъ, какъ убитаго мнѣ жаль!

— А чѣмъ искупишь ты свой грѣхъ,
 Эдвардъ, Эдвардъ?
 А чѣмъ искупишь ты свой грѣхъ?
 Слѣши мнѣ это объяснить...
 — Вонъ въ ту ладью усядусь я,
 О мать, о мать!
 Вонъ въ ту ладью усядусь я,
 Чтобъ съ нею за море уплыть!

— А замокъ нашъ? Что дѣлать съ нимъ?
 Эдвардъ, Эдвардъ!
 А замокъ нашъ? Что дѣлать съ нимъ?
 Кто станетъ править имъ тогда?
 — Пускай себѣ стойтъ одинъ,
 О мать, о мать!
 Пускай себѣ стойтъ одинъ,
 А я — уѣду навсегда!

— А какъ же дѣтямъ быть, женѣ?
 Эдвардъ, Эдвардъ!
 А какъ же дѣтямъ быть, женѣ,
 Когда повинешь ты однихъ?
 — Они пусть по миру идутъ,
 О мать, о мать!
 Они пусть по миру идутъ, —
 Я не увижу больше ихъ!

— Что жь будетъ съ матерью твоей?

Эдвардъ, Эдвардъ!

Что жь будетъ съ матерью твоей?

Скажи, что дѣлать ей одной?

— Носи проклятіе мое,

О мать, о мать!

Носи проклятіе мое —

Вѣдь ты была учитель мой!

II.

Вильгельмъ и Маргарита.

Въ лѣтній день Вильгельмъ и Маргарита
Въ лѣсъ пошли и сѣли тамъ подъ тѣнь,
И никакъ они наговориться
Не могли за цѣлый лѣтній день.

— «Ты во мнѣ не видишь недостатковъ,
Я въ тебѣ не вижу тоже ихъ:
Въ семь часовъ проѣдутъ завтра, Гретхенъ,
Предъ тобой невѣста и женихъ!»

Волоса чесала золотые
Утромъ Гретхенъ въ комнатѣ своей, —
И Вильгельмъ возлюбленный съ невѣстой
Въ семь часовъ проѣхалъ передъ ней.

Тутъ она гребенку отложила,
Волоса въ двѣ косы заплела
И ушла изъ комнаты живою —
Но живой назадъ ужъ не пришла.

А какъ день минулъ и ночь настала
И вездѣ всѣ погрузились въ сонъ,
Гретхенъ духъ пришелъ къ Вильгельму въ спальню,
У постели сталъ тихонько онъ.

— «Милый другъ, ты спишь теперь или слышишь,
Что стою я здѣсь передъ тобой?»

Богъ спаси тебя на брачномъ ложѣ,
А меня — въ землѣ моей сирой».

А какъ день насталъ и ночь минула,
И вездѣ возстали всѣ отъ сна,
Говорить Вильгельмъ своей супругѣ:
— «Горько мнѣ, любезная жена!

«Снилось мнѣ сегодня, — сны такіе
Не къ добру, — что будто въ спальнѣ здѣсь
Вижу я свиней пунцовыхъ много
И въ крови мой брачный пологъ весь».

— «Этотъ сонъ, мой мужъ и повелитель,
Не къ добру, конечно, если здѣсь
Видѣлъ ты свиней пунцовыхъ много
И въ крови твой брачный пологъ весь».

Вѣрныхъ слугъ Вильгельмъ къ себѣ сзываетъ,
Одного, двоихъ, троицъ: «Друзья!
Я иду къ прекрасной Гретхенъ, — это
И жена позволила моя».

Вотъ пришелъ онъ въ домъ прекрасной Гретхенъ,
Стукнулъ тутъ у двери онъ кольцемъ,
И ея семь братьевъ, отворивши
Эту дверь, его впустили въ домъ.

Онъ тотчасъ покровъ ея откинулъ:
— «Я хочу взглянуть на мертвеца...
Какъ она блѣдна и посинѣла!
Алый цвѣтъ совсѣмъ пропалъ съ лица!

«Для тебя готовъ я сдѣлать больше,
Милый другъ, чѣмъ вся родня твоя:
Синій трупъ я въ губы подалу,
Хоть не жду отъ нихъ улыбки а!»

Громко тутъ заплакали семь братьевъ
И ему отвѣтили тотчасъ:
— «Ты цалуя твою жену-смуглянку,
А сестру не трогай ты у нас!»

— «Коль жену-смуглинку я цалую,
 Это долгъ мой только... Но ни въ чемъ
 Трупъ я несчастному не клялся —
 Нивогда, ни ночью и ни днемъ.

«Пололамъ дѣлите эти вина,
 Яства эти — тоже пополамъ:
 Часть раздать у ней на погребеньи,
 Часть сберечь къ моимъ похоронамъ».

Нынче Гретхенъ, бѣдная, скончалась,
 Черезъ день къ Вильгельму смерть пришла;
 Отъ любви святой погибла Гретхенъ,
 Грусть-тоска Вильгельма унесла.

И ее на верхнихъ хорахъ церкви,
 А его на нижнихъ погребли;
 У нея изъ груди вышла роза,
 У него — терновникъ. И пошли

Вверхъ рости. Подъ самый куполъ церкви
 Забрались; исходу дальше нѣтъ —
 Тутъ сплелись они узломъ любовнымъ;
 Это чудо долго видѣлъ свѣтъ.

Но одинъ священникъ нескусный —
 (Въ этомъ ты словамъ моимъ повѣрь) —
 Срѣзалъ ихъ нечаянно; иначе
 Тамъ росли они бы и теперь.

III.

Джонъ о'Биднинъ*.

Когда я въ возрастъ ужъ пришелъ
 И ступнуло мнѣ двадцать лѣтъ,
 Считаю себя красавцемъ я
 И захотѣлъ увидѣть свѣтъ.

* Названіе старой писовой гѣсни.

И!франтомъ я пустился въ путь,
 Лишенъ заботъ и свѣжъ умомъ;
 Куда бы я ни приходилъ,
 Мнѣ все казалось майскимъ днемъ.
 Безъ усталы, безопасно, я
 Вездѣ бродилъ по цѣлымъ днямъ
 И слылъ звѣваю у всѣхъ,
 По городамъ и деревнямъ.
 Не зналъ я скуки никогда —
 Ни въ многочудствѣ, ни одинъ,—
 И пѣлъ себѣ на всѣ лады:
 «Джонъ о'Беднинъ!»

Но вотъ я сталъ себѣ исвать
 Подругу жизни: вѣдь любовь
 Облагороживаетъ духъ
 И очищаетъ плоть и кровь.
 На Лизу, волею судьбы, ↓
 Упалъ мой взглядъ, — и въ душу мнѣ
 Проникъ блескъ прелестей ея,
 И я отдался ей вполне.
 Молитвы пылкія мои
 Всечасно слышалъ Купидонъ;
 Я влялся, пѣлъ, плясалъ, вздыхалъ,
 Ну, такъ какъ всякій, кто влюбленъ.
 Но ахъ! огонь моей души
 Не растопилъ холодныхъ льдинъ...
 Я бросилъ Лизу и запѣлъ:
 «Джонъ о'Беднинъ!»

Разочарованный въ любви
 И издѣваясь надъ ней,
 Я чувство дружбы предпочелъ
 И сталъ исвать себѣ друзей.
 И скоро друга я нашелъ —
 Богоподобнаго вполне;
 Хорошій другъ — великій владъ,
 И владъ такой достался мнѣ.
 Теперь я счастливъ былъ; я зналъ:
 Какую бѣ страшную бѣду

Ни встрѣтилъ я — есть человѣкъ,
Въ которомъ друга я найду.
Бѣда пришла — я къ другу: ахъ!
Отвѣтомъ былъ мнѣ смѣхъ одинъ...
Мы разошлись — и я запѣлъ:
«Джонъ о'Беднинъ!»

Ну — думалъ я — теперь за умъ
Пора приняться мнѣ — и вогъ,
Забывъ про дружбу и любовь,
Я сталъ горячій патриотъ.
Монхъ славнѣйшихъ земляковъ
Избралъ себѣ я образцомъ;
Такъ звучны были рѣчи ихъ,
Такъ чудно взоръ сверкалъ огнемъ!
Прошло два мѣсяца — и я
Узналъ, что это все обманъ;
Одинъ былъ интриганъ пустой,
Другой — нахальный шарлатанъ.
И честь и совѣсть они продавать
Готовы оба за алтынъ...
Я злобно плюнулъ и запѣлъ:
«Джонъ о'Беднинъ!»

Ну, что жъ теперь? подумалъ я —
И скоро выбралъ новый путь:
Въ науку бросился — хотѣлъ
Я въ ней всю мудрость почерпнуть.
Я книги горами скупалъ,
Сидѣлъ надъ ними день и ночь,
Отъ докторовъ, профессоровъ
Не отходилъ ни шагу прочь.
Казалось мнѣ, что наша жизнь
Наукой красится одной;
Въ несмѣтныхъ кипахъ разныхъ книгъ
Искалъ я истины святой.
Я строилъ тысячи системъ,
Стремился къ корню всѣхъ причинъ
И... послѣ бросилъ все, запѣвъ:
«Джонъ о'Беднинъ!»

Вотъ такъ-то, юноши мои!
На этомъ жизненномъ пути
Вамъ счастья, правды — вѣрьте мнѣ —
Не посчастливится найти.
Да, вѣрьте мнѣ, фальшивый блескъ
Во всемъ, что васъ прельщаетъ такъ;
Любовь, наука, слава, другъ —
Все одинаковый пустякъ.
Примите жь мой совѣтъ, хотя
Не папа я, не кардиналъ,
И поступайте точно такъ,
Какъ старшій другъ вашъ поступалъ:
Держите сердце далеко
Отъ тревоженій и кручинъ
И пойте весело себѣ:
«Джонъ о'Ведниш!»

П. Вейнбергъ.

О Ч Е Р К Ъ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Статья третья и последняя.

Царствованіе Елизаветы Петровны не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память во внутреннемъ строѣ государства. Двадцать лѣтъ ея правленія не ознаменовались важными измѣненіями въ государственныхъ учрежденіяхъ, не смотря на то, что эти измѣненія повидимому вызывались необходимостію. Мы напрасно будемъ искать въ правительственныхъ распоряженіяхъ какой нибудь системы, какого нибудь общаго плана. Въ этомъ отношеніи царствованіе Елизаветы представляетъ продолженіе предыдущихъ правленій. Какъ въ дѣлахъ внѣшней политики, здѣсь, можетъ быть, еще съ большею ясностію представляется господство личныхъ побужденій, случайности и отсутствіе всякаго опредѣленнаго принципа. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Елизаветы Петровны сдѣлано было довольно такого, на чемъ останавливается вниманіе историка, и останавливается съ полною благодарностію. Въ основаніи московскаго университета, въ колонизаціи Южной Россіи Елизавета имѣетъ право на признательность потомства. Въ эти 20 лѣтъ нравы много потеряли своей прежней грубости. Достаточно сличить манифестъ о наказаніи Минниха, Остермана и другихъ или манифестъ о Лодукинскомъ заговорѣ съ тѣмъ, которымъ объявлено народу о дѣйствительныхъ преступленіяхъ Бестужева, чтобы наглядно убѣдиться въ быстромъ смягченіи нравовъ, совершившемся въ ея правленіе. И должно сказать, что въ этомъ смягченіи много участвовалъ личный характеръ императрицы. Въ памяти народа изъ ея нравственнаго облика удержалось только, какъ главная отличительная черта, кротость и привѣливость дочери Петра Великаго. Какъ ни трудно представить картину общественнаго и ум-

ственного состоянія Россіи въ это время, такое изображеніе необходимо какъ естественное дополненіе ви́шней исторіи. Отрывочность и неполнота не должны насъ останавливать. Отсутствіе общаго плана, бессистемность, случайность точно такой же характеристическій признакъ иныхъ царствованій, какъ ясная сознательная дѣятельность, отличающая другія. Многое учрежденное при Елизаветѣ, явилось безъ всякаго отношенія къ прошедшему, исчезло безъ слѣда съ ея кончиной, но самые факты любопытны, потому что они имѣли сильное вліяніе на современность. Притомъ развитіе общества, исключая разумѣется нисшіе слои его, остававшіеся ви́ движенія, никогда не совершалось съ такою быстротою, какъ въ XVIII вѣгѣ. Каждое 25-лѣтіе составляетъ какъ бы особый періодъ.

Мы начнемъ съ ви́шней, административной и матеріальной стороны общества, чтобы перейти потомъ къ его внутренней, нравственной жизни.

Россія дѣлилась при Елизаветѣ на 16 губерній, изъ которыхъ нѣкоторыя подраздѣлялись на провинціи. Это были 1) Московская съ 9 провинціями, 2) Новгородская съ 4-мя, 3) Бѣлогородская съ 2-мя, 4) Воронежская съ 4-мя, 5) Смоленская безъ провинцій, 6) Архангелогородская съ тремя, 7) Казанская съ 5-ю, 8) Нижегородская съ 2-мя, 9) Астраханская и 10) Кіевская безъ провинцій, 11) Оренбургская и 12) Сибирская каждая съ 2-мя, 13) Рязская, 14) Ревельская, 15) Выборгская и 16) Петербургская безъ провинцій. Всѣ эти губерніи, за исключеніемъ Выборгской, существовали прежде, и вообще при Елизаветѣ не сдѣлано было въ этомъ отношеніи измѣненій. Выборгская же образована по высочайше утвержденному 14 января 1744 года докладу сената изъ вновь завоеванныхъ отъ шведовъ областей съ присовокупленіемъ прежнихъ Выборгской и Кексгольмской провинцій. Этими 16 губерніями не ограничивались, впрочемъ, владѣнія имперіи. Въ вѣденіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ находились Малороссія и степи Южной Россіи. Въ этихъ южныхъ предѣлахъ имперіи совершены важныя перемѣны въ царствованіе Елизаветы Петровны. Начнемъ съ Малороссіи. Послѣ смерти Данила Апостола въ 1734 году, не было гетмана въ Малороссіи. Она была отдана въ управленіе 6-ти членамъ, составившимъ малороссійское правленіе. Половина изъ членовъ была великоруссы, половина малороссовъ. Они управляли на основаніи статей, данныхъ Апостолу. Главные начальники смѣнялись одинъ другаго очень скоро. За нн. Вяртинскимъ слѣдовалъ Румянцевъ, получившій титулъ украинскаго статгальтера. Послѣ Румянцева Кейтъ, оставившій по себѣ добрую память въ народѣ; за нимъ Леонтьевъ, потомъ Неллюевъ.

Всѣ эти перемѣны были между 1737 и 1741 г. Малороссіянамъ сильно не по сердцу было отмѣненіе гетманщины и правленіе великорусскихъ членовъ, при Леонтьевѣ получившихъ перевѣсъ надъ ихъ малороссійскими товарищами. Министерская канцелярія осталась на долго памятной своимъ дѣйствіями. Въ Исторіи Руссовъ Конисскаго высказалась вполне народная ненависть. «Преданіе общее и достовѣрное, говоритъ онъ (238), повѣствуетъ о самомъ мѣстѣ, гдѣ была министерская канцелярія, что ежели бы перстомъ руки Божіей изрыть частицу земли на мѣстѣ томъ, то ударила бы изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая министерскою канцеляріею». Конисскій приводитъ одинъ примѣръ употребленія слова и дѣла, которому трудно повѣрнуть въ наше время. Яркими красками описываетъ архіепископъ Бѣлорусскій правленіе курляндскаго герцога. «Всякъ вѣруя въ Бирона и творяй волю его, спасенъ и прославленъ, а не вѣруя въ него и противяйся ему осужденъ есть и погибшій». Присутствіе въ Стародубѣ брата Бировова, позволявшаго себѣ, по словамъ Конисскаго, самыя возмущающія душу насилія, давало особенно чувствовать малороссамъ тяжесть зависимости отъ Россіи. Все измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Елизаветы. Передъ окончательнымъ уничтоженіемъ своего мѣстнаго, исключительнаго существованія, Малороссія суждено было не на долго воротиться къ ея гетманщинѣ, повѣрнуть на минуту возможности возврата прошлаго. Перемѣна въ отношеніяхъ почувствовалась немедленно. Зная приближенныхъ въ императрицѣ, не трудно угадать, кто внушалъ ей милостивое расположеніе къ Малороссіи, кто заставлялъ ее полюбить этотъ народъ. Малороссійскіе члены правленія получили равенство правъ съ великорусскими, нарушенное Леонтьевымъ. Въ 1744 г. сама императрица прибыла въ Кіевъ. Конисскій разсказываетъ, что однажды Елизавета, окруженная безчисленнымъ народомъ, громко сказала: «Возлюби меня Боже такъ въ царствіи небесномъ, какъ я люблю сей благонравный и незлобивый народъ». Въ Кіевѣ подана была ей просьба о восстановленіи гетманства. Императрица приказала прислать депутатовъ въ Петербургъ ко дню бракосочетанія великаго князя Петра Ѳеодоровича съ Екатериною Алексѣевной. Депутаты воротились обласканные и одаренные дворомъ и привезли грамоту, обѣщавшую скорое избраніе гетмана. Когда въ 1748 году пожары и голодъ опустошали Малороссію, правительство приняло мѣры для облегченія тяжелой участи народа. Изъ Украйны выведены были 7-мь русскихъ полковъ, квартировавшихъ тамъ, розданы девять въ пособіе и т. п. Депутаты малороссійскіе, отправленные въ Москву въ 1745 году, воротились только въ

декабрь 1749 г. Они привезли вѣсть, что скоро прибудетъ гр. Гендриковъ для того, чтобы присутствовать при избраніи новаго гетмана вольными голосами. Причина медленности въ удовлетвореніи желанія малороссовъ заключалась въ томъ, что Кирила Разумовскій, которому предназначалось гетманство, еще путешествовалъ за границей. 22-го февраля 1750 года въ Глуховѣ съ необычной торжественностью, въ присутствіи уполномоченнаго императрицы, совершилось избраніе. На вопросъ Гендрикова, кого желаютъ имѣть гетманомъ, раздалось имя гр. Кирилы Разумовскаго. Депутація была отправлена въ С.-Петербургъ съ извѣстіемъ о результатѣ избранія и для полученія утвержденія императрицы. 24-го апрѣля, въ торжественной аудіенціи, государственный канцлеръ Бестужевъ объявилъ подтвержденіе императрицею сдѣланнаго избранія, и 22-лѣтній Разумовскій произведенъ былъ въ генераль-фельдмаршалы. Именнымъ указомъ 5-го іюня 1750 года, даны были на урядъ новому гетману многія имѣнія, привязано было отставить всѣхъ великорусскихъ членовъ изъ войсковой и министерской канцелярій, изъ генеральнаго суда, изъ комиссій экономіи, счетной и объ обидахъ. Самыя комиссіи и министерская канцелярія были уничтожены. 24-го іюля того же года разрѣшено было возстановить городъ Ватуринъ и сдѣлать его по прежнему гетманской резиденціей. Другимъ указомъ того же числа повелѣно было отдать Разумовскому всѣ доходы съ гетманскихъ имѣній, которые собиралась съ 1734 года, то-есть со смерти Данила Апостола деньгами, хлѣбомъ, виномъ и другими припасами. Указомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 25-го іюля того же года сказано: «Всемилоостивѣйше конфирмованный отъ насъ гетманъ гр. Кирила Разумовскій, предъ всѣми другими гетманами имѣя ту отличность, что онъ нашей имперіи графъ, мы же высочайше имѣя къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе, соизволеніе наше есть, чтобы въ отпращиваемыхъ къ нему изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамотахъ, даванъ ему былъ предикать: *высоко и благоурожденнаго, намъ любезно-вѣрнаго подданнаго*». Указомъ сенату отъ 19-го октября 1750 года повелѣно было подчинить малороссійскому гетману Запорожскую Сѣчь, бывшую до тѣхъ поръ въ вѣденіи кіевскаго губернатора. Правленіе гетмана Разумовскаго памятно малороссамъ по многимъ льготамъ. Такъ указомъ 2-го мая 1754 года дозволено провозить изъ Малороссіи въ Россію и обратно хлѣбъ. Указомъ 15-го мая 1755 года разрѣшенъ безпошлинный въ Малороссію привозъ иностранныхъ товаровъ. Еще нѣсколько прежде именнымъ указомъ 15-го іюля 1754 г. отмѣненъ индуктннй сборъ, а февраля 17-го слѣдующаго года

разрѣшенъ безошлинный ввозъ въ Малороссію пеньки, воска, конопли, масла, кофе и хлѣба. Чрезвычайно важенъ былъ указъ 2-го апрѣля 1755 года, по которому Малороссія освобождалась не только отъ индусты и еветы, но и уничтожены были всѣ многочисленные внутренніе сборы, введенные прежними гетманами подъ именами *покуховнаго* и *скатнаго* (съ продажи вина и дегтю), *ярмонковаго* и *поковшеваго*, *размѣроваго* (съ мельницъ) и *покозаницы* (съ винокуренныхъ котловъ) и т. п., которыми стѣснялась мѣстная промышленность, но которые доставляли войсковому скарбу 48,147 р. ежегодно. Въ замѣнъ этихъ сборовъ въ скарбъ войсковою повелѣно было отпускать изъ государственной казны опредѣленную сумму. Указомъ 17-го января 1756 года, перенесены были малороссійскія дѣла изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ вѣденіи которой они состояли, въ сенатъ, гдѣ учреждена была поэтому особая экспедиція, причемъ, однакоже, удержана прежняя форма сношеній съ гетманами. Это измѣненіе, сдѣланное по просьбѣ Разумовскаго, имѣло важныя послѣдствія: имъ вводилась Малороссія въ общій составъ русскаго государства, и послѣдній гетманъ, по всей вѣроятности, безсознательно или для личныя своихъ выгодъ, содѣйствовалъ уничтоженію исключительнаго положенія Малороссіи. Въ 1761 году взятъ Кіевъ изъ вѣдомства гетманскаго и непосредственно подчиненъ сенату. Во внутреннемъ устройствѣ Малороссіи замѣчательнъ гетманскій универсалъ 17-го ноября 1759 года, которымъ онъ далъ большее значеніе генеральному суду, приказавъ присутствовать въ немъ депутатамъ отъ 10 малороссійскихъ полковъ и освободивъ его отъ апелляціи въ генеральную канцелярію. Казаки принимали участіе въ семилѣтней войнѣ, кромѣ того ихъ отряды наряжали для работъ въ крѣпостяхъ, для прикрытія новыхъ поселеній, въ погонщики въ армію и т. д. Возвращеніе званія гетманскаго не воротило Малороссіи прежняго времени. Гетманщина въ самомъ своемъ устройствѣ носила условія своей недолговѣчности. Обстоятельства измѣнились, а съ ними становилось ненужнымъ особое, исключительное положеніе Малороссіи, дѣлалось необходимымъ слятіе съ областями великой Россіи. Самъ Разумовскій, несмотря на свою силу при дворѣ, не обольщался надеждами, не вѣрилъ въ возможность возврата къ старинѣ. Мазепу называлъ онъ послѣднимъ гетманомъ еще въ то время, когда онъ не предчувствовалъ, что достанется ему заключить своимъ именемъ списокъ малороссійскихъ гетмановъ.

Явленія высокой важности происходили въ степяхъ, прилегавшихъ къ низовью Днѣпра и владѣніямъ крымскихъ и нагайскихъ ордъ. Тамъ доживалъ свое послѣднее время кошъ запорожскій,

съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе показывавшій свою несовмѣстимость съ государственнымъ порядкомъ; также полагалось начало колонизаціи, начало Новороссійскаго края.

Извѣстно, какое участіе приняли запорожцы въ измѣнѣ Мазепы. Почти вся старшина и 8 т. запорожцевъ передались шведамъ, вмѣстѣ съ гетманомъ. 14 мая 1709 г. полковникъ Яковлевъ взялъ приступомъ Сѣчь и разрушилъ ее до основанія. Манифестомъ 26 мая 1709 г. разгнѣванный Петръ объявилъ месть запорожцамъ. Напрасно въ 1710 г. они пытались-было основать кошъ при впаденіи рѣчки Каменки въ Днѣпръ (въ Херсон. уѣздѣ Херсонской губ.). Гетманъ Скоропадскій и генераль Бутурлинъ разорили ихъ поселеніе. Запорожцы передались Крымскому хану. Въ 1711 г. они основали кошъ въ урочищѣ Алешвахъ, на берегу нижняго Днѣпра, среди песковъ и тонкихъ камышей. Запорожье оставалось единственнымъ представителемъ стараго казачества. Время не коснулось древняго устройства этой военной общины. Оно только все рѣзче и рѣзче выставляло различіе между запорожскимъ кошомъ съ остальною Малороссією, быть которой измѣнился уже во многомъ. Сами запорожцы чуждались гетманщины, называя ее городовымъ казачествомъ, презирая ея, и вотъ теперь пришла пора наказанія за это добровольное отчужденіе отъ всѣхъ успѣховъ гражданственности. Подъ верховною властью крымскаго хана, искони врага православія Руси, невыносимо было положеніе бойцовъ за вѣру и Русь. Казачьи пѣсни говорятъ о пребываніи въ Алешкахъ, какъ о времени бѣдствія. «Ой Олешки, будемъ васъ знать, и той лихой день и ту лихую годину», поютъ украинскіе бандуристы. Гордѣнко умеръ въ этомъ изгнаніи. Орликъ и другіе приверженцы Мазепы не могли подавить общаго желанія запорожцевъ воротиться въ подданство русскаго цара. Но дѣло было трудное. Трактатомъ 5-го апрѣля 1712 г. Петръ отказался отъ всѣхъ правъ на Сѣчь запорожскую. Въ 1728 году Даниилъ Апостоль доносилъ верховному тайному совѣту, что запорожцы, забравъ войсковые клейноты, хотятъ возвратиться въ старую Сѣчь и вступить въ подданство Россіи. Императоръ Петръ II отвѣчалъ на это приказомъ отбивать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ отъ нашихъ границъ, если они будутъ пытаться войти въ нихъ. Позволено было принимать только отдѣльныхъ безоружныхъ выходцевъ. Только въ 1734 г. удалось запорожскому кошу исполнить свое первое желаніе, выйдти изъ неестественнаго и невыносимаго подчиненія крымскаго хана. При Аннѣ Ивановнѣ, указомъ 25-го іюня 1731 года, генералу графу Вейсбаху повелѣно основать въ степи линію крѣпостей и редутовъ для прикрытія нашихъ границъ. Эта линія, извѣстная подъ име-

немъ Старой или Украинской, должна была вытянуться отъ Днѣпра, отъ Богородицкаго ретраншемета до Сѣвернаго Донца у границъ Изюмской провинціи. Вейсбахъ, въ виду постоянной опасности отъ крымскихъ наѣздовъ и польскаго безначалія, задумалъ планъ возвратитъ запорожцевъ, исконныхъ враговъ и Крыма и Польши. Съ августа 1731 года начались тайныя сношенія между имъ и кошею. Въ 1734 году онъ сообщилъ имъ копіи съ прощительной грамоты, подписанной императрицей Анной 31-го августа 1733 года. Въ этомъ же году кончилось ихъ бѣдованіе въ Алешвахъ, гдѣ они жили съ татарами, по ихъ выраженію, въ такомъ согласіи, *въ якомъ собака съ котомъ живе*. 27-го марта кошевой Милашевичъ донесъ Вейсбаху, что онъ съ стараго мѣста *увернулся* и сталъ новымъ кошевымъ въ русскихъ предѣлахъ, на правомъ берегу Днѣпра на рѣчкѣ Подпольной (въ 8 верстахъ отъ старой Сѣчи). Здѣсь на полуостровѣ, образуемомъ глубокою Подпольной, оставался 4-й и послѣдній кошъ запорожскій, основана была съ благословія архіепископа кievскаго и Сѣчева я церковь. 7-го сентабря 1734 года получила запорожская старшина въ Бѣлой церквѣ подлинную грамоту императрицы и денежное жалованье и принесла присягу на вѣрность. Тутъ же получила она и войсковыя клеймоты. Началось внутреннее устройство по старымъ, неизмѣннымъ правиламъ. Всѣ земли и рѣчки раздѣлены по *регулъ казачкой* на курени, въ остальныхъ позволено селиться подданству войсковому и *поженнившемуся* казачеству. Эти села составили двѣ *Товщи* или вѣдомства, управляемыя *паланками*, т.-е. полковою старшиною. Поставлены были посты для защиты границъ и рыболовства, возобновлены перевозы, доставлявшіе значительный доходъ войску. Наконецъ, положено было ежегодно отправлять ко двору команду *столичниковъ* за хлѣбнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Кошъ организовался окончателно. Въ войнѣ съ турками запорожцы принимали дѣятельное участіе. Особенно памятное для нихъ по трудности остался днѣстровый походъ 1738 года. Бѣлградскимъ миромъ (18-го сент. 1739 г.) Сѣчь запорожская признана за Россію. Артикуломъ дополнительной Нисской конвенціи опредѣлилась южная граница Россіи съ турецкими владѣніями прямою линіею отъ источниковъ рѣки Конскія воды, впадающей въ Днѣпръ, до источниковъ рѣки Берды, вливающейся въ Азовское море (нынѣшняя межа между Таврической и Екатеринославской губерніями). Этимъ разграниченіемъ всѣ владѣнія запорожцевъ, за исключеніемъ одного *Гарда* * на Бугѣ, вошли въ составъ непосредственныхъ владѣній

* *Гардъ* въ южной Украйнѣ значилъ мѣсто для рыбной ловли. *Скальковскій*: Ист. Нов. Сѣчи. 1, 62.

Русской имперіи, которая такимъ образомъ могла распорядиться Запорожьемъ, какъ собственностью, и уничтожить Сѣчь по первому желанію. Вскорѣ потомъ обозначена была граница Запорожья со стороны Польши; эта граница соотвѣтствуетъ теперешней межѣ между Херсонской, Подольской и Кіевской губерніями. Это размежеваніе было необходимо. Между Польшей и казаками была непримиримая ненависть. Наѣзды гайдамаковъ влекли за собою крайне жестокія мѣры со стороны польскихъ начальствъ. Дикое варварство среднихъ вѣковъ обнаруживалось въ этихъ столкновеніяхъ. Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны было лучшимъ временемъ новой Сѣчи Запорожской, хотя въ это царствованіе кругомъ Запорожья положено было начало тому поясу укрѣпленій, который потомъ задушилъ этотъ послѣдній остатокъ вольнаго казачества. Тотчасъ послѣ присяги на вѣрность, кошъ отправилъ для поздравленія императрицы своего бывшаго кошевого Милашевича, вмѣстѣ съ просьбою 1) болѣе точнаго разграниченія со стороны Польши и разбора жалобъ, 2) разграниченія съ донскими казаками и 3) болѣе положительнаго закона о хлѣбномъ и денежномъ жалованьѣ. О разграниченіи со стороны Польши мы уже упомянули. Разборъ взаимныхъ жалобъ воша и Крыма тянулся чрезвычайно долго. Онъ кончился только на сѣздѣ русскихъ и крымскихъ депутатовъ, въ 1749 году, въ Сѣчѣ, хотя не могъ прекратить исполнѣ всѣхъ поводовъ къ столкновеніямъ. Споры за рѣчки и уголья, за рыболовство по берегамъ и косамъ Азовскаго моря съ донцами были также едва кончены послѣ изслѣдованія на мѣстѣ, начавшагося въ 1743 г. и приведеннаго къ окончанію не прежде 1746 г. Рѣка Калміусъ или Калка назначена была границею между запорожцами и донцами. Но и послѣ того рыболовство запорожцевъ на кубанской сторонѣ подавало поводъ къ непрерывнымъ распрямъ. Относительно льготъ запорожцамъ просьба ихъ была удовлетворена исполнѣ. Указомъ 1-го августа 1742 г. повелѣно было отпускать запорожскому товариществу серебряною монетою по 4,660 рублей въ годъ, да по 1,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ. Грамотою 16-го сентября 1742 года приказано было пропускать черезъ форпосты въ Малую Россію запорожцевъ безъ платежа *мостоваго* и *возребельнаго* (гребля — плотина) сбора, съ товаровъ же брать пошлину на общихъ правахъ. Запорожье было единственнымъ путемъ заграничной черноморской торговли. Потому подобное разрѣшеніе весьма важно. Указомъ 20-го сентября 1743 года это разрѣшеніе распространено и на людей не торговыхъ, на чумаковъ и идущихъ на заработки. Войску пожалованы были клейноты, т.-е. инвести-

тура всѣхъ ихъ вольностей. Въ 1745 году миргородскій полковникъ Капнистъ и инженеръ де-Боскетъ сняли, по приказу императрицы, карту За-дѣпровья и запорожскихъ владѣній. Указомъ 19-го октября 1750 года повелѣно было запорожскому войску состоять въ вѣденіи малороссійскаго гетмана, а не кievскаго генераль-губернатора, какъ это было прежде. Эта переимѣна, впрочемъ, мало значила для Запорожья, сохранявшаго всю независимость своего внутренняго управленія. Военныя поселенія стѣснили приволье запорожцевъ и повели къ нескончаемымъ спорамъ. Уже кабинетнымъ указомъ Анны Ивановны въ 1741 году дозволено было русскимъ и малороссійскимъ бѣглецамъ, скрывавшимся въ Крыму, Молдавіи и Польшѣ, возвращаться въ Россію и селиться въ задѣпровскихъ степяхъ. Изъ этихъ выходцевъ образовались села на запорожскихъ земляхъ, причисленные къ Малороссіи, къ миргородскому и полтавскому полкамъ. Въ 1743 г. полковникъ миргородскій Капнистъ началъ, по приказу императрицы, строить шанцы Новоархангельскій на Синюхѣ, и Орловскій на Бугѣ, у самой польской границы. Съ 1750 года поселеніе приняло большіе размѣры. Въ 1750 году нѣсколько сербскихъ офицеровъ явились въ Вѣнѣ къ русскому послу и просили позволенія поселиться въ Россіи, обѣщая за земли составить гусарскіе и пандурскіе полки. Русскому посланнику хорошо извѣстна была польза австрійской военной границы. Подвиги пандуровъ въ войнѣ за австрійское наслѣдство были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Начались переговоры съ Австрією. Указомъ, даннымъ 13-го іюля 1751 года Вестужеву-Рюмину, нашему послу въ Вѣнѣ, приказано было объявить полковнику Хорвату, «что не токмо онъ и другіе офицеры, но и сколько бы изъ ихъ сербскаго народа въ нашу имперію перейти похотѣло, всѣ оныя яко единовѣрные съ нами въ службу и подданство наше приняты будутъ, и что намъ обѣщанное имъ Хорватомъ набраніе гусарскаго и пандурскаго полковъ угодно, и что для поселенія ихъ сербовъ, не токмо въ Украинѣ, но и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей имперіи, кои не меньше для житія человѣческаго выгодны, пространныя и плодоносныя земли даны будутъ». 10-го октября полковникъ Хорватъ отъ Куртичь былъ уже въ Кіевѣ съ 218-ю чел. обоего пола, и получилъ чинъ генераль-майора нашей службы. Прошеніемъ своимъ Хорватъ объявилъ, что онъ желаетъ учредить 4 полка регулярныхъ, 2 гусарскіе и 2 пандурскіе, каждый полкъ въ 4,000 человѣкъ. Для этихъ полковъ установлено равенство по командѣ съ прочими драгунскими и пѣхотными полками русскаго войска. Гусарскіе полки получаютъ жалованье, равное съ гусарскими полками русскими, а

пандурскіе полки третью меньше, вмѣсто же порціоновъ и раціоновъ дается земля. Въ мирное время имѣтъ этимъ поселеннымъ полкамъ свободную торговлю во внутреннихъ областяхъ имперіи, въ Крыму, Молдавіи и Польшѣ. Каждая гусарская рота одна отъ другой по 8 верстѣ разстоянія имѣла, а въ степи 30 верстѣ; пандурская — 6 верстѣ, а въ степи 25. Каждый полкъ будетъ состоять изъ 20 ротъ. Какъ гусарамъ, такъ и пандурамъ дается на первый разъ изъ казны все оружіе. Для строенія крѣпостей нарядитъ рабочихъ. Просить исходатайствовать отъ Австріи для него набрать въ ихъ владѣніяхъ публичнымъ вербункомъ отъ 500 до 1,000 человекъ, а если этого нельзя, то разрѣшить вербовку, хотя бы то тахимъ и тайнымъ образомъ. Именнымъ указомъ 24-го декабря 1751 года сообщено было сенату о принятія въ подданство сербовъ и сообщенъ экстрактъ изъ донесенія русскаго посла въ Вѣнѣ, которымъ доказана польза военной границы, а также и прошеніе Хорвата. 29-го декабря того же года состоялся сенатскій указъ, утвердившій поселеніе сербовъ и представленіе Хорвата. Сербамъ Хорвата отведены были земли въ сѣверо-западной части Запорожья, почти незанятою, но принадлежавшею кошу. Земли начинались отъ рѣки Кагарлика (въ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи), оканчивались у впаденія рѣки Омельника въ Днѣпръ (въ Александрійскомъ уѣздѣ). Это поселеніе названо Новою Сербією. Въ 1753 году основана была крѣпость св. Елизаветы на вершинахъ рѣки Ингула. Января 11 1752 года дана была жалованная грамота генераль-майору Хорвату, которой подтверждались права поселенныхъ сербовъ, поручалось ему вызывать въ Россію выходцевъ изъ православнаго сербскаго, македонскаго, болгарскаго и валахскаго народовъ, для формированія изъ нихъ гусарскихъ и пандурскихъ полковъ, давалось право ему, а по смерти его, одному изъ дѣтей быть непремѣннымъ полковникомъ одного изъ гусарскихъ полковъ, поселеніе сербовъ получало названіе Новой Сербіи. Въ крѣпости св. Елизаветы положено было содержать гарнизонъ изъ ландмилицкихъ полковъ, подъ начальствомъ коменданта бригадирскаго ранга по назначенію военной коллегіи и т. д. Указомъ 20-го января 1752 года, приказано было малороссійскому гетману отправить для строенія крѣпости св. Елизаветы 2,000 казаковъ, но Разумовскій послалъ въ 1754 году не болѣе 600 рабочихъ людей. Построеніе крѣпости возбуждало подозрѣніе запорожцевъ и самой Турціи. Послѣдніе приверженцы Мазепы, жившіе въ Крыму, указывали запорожскимъ посланнымъ на грозившую имъ опасность. Они говорили имъ, въ 1755 году: «Россіяне нынѣ уже войско запорожское въ конецъ истребить

хотять, для чего и вновь по сей сторонѣ Днѣпра города яко то Елизаветъ и прочіе надѣланы и уже войско запорожское все въ мѣшокъ убрано, только жъ еще, чтобъ якъ тотъ мѣшокъ завязати, россияне способу не избрали». Порта даже отправила особаго чиновника въ Новую Сербію, чтобы удостовѣриться въ справедливости слуховъ. По ея настоянію постройка укрѣпленія въ крѣпости св. Елизаветы была приостановлена. Опасенія Запорожья и Порты не были лишены основанія. Впослѣдствіи времени русскіе изобрѣли способъ завязать въ этотъ мѣшокъ не одно Запорожье, но и самый Крымъ. Поселеніе шло дѣятельно. 3-го февраля 1752 года, дана была инструкція генералъ-майору Глѣбову объ отводѣ земель сербамъ Хорвата и о водвореніи ихъ. Определено было выдавать земли въ той пропорціи, какъ и ландмилиціи, т.-е. капитану 100, поручику 80, подпоручику 70, прапорщику 50, рядовому отъ 25 до 30 четвертей на семью. На содержаніе и жалованье 4 гусарскимъ и пандурскимъ полкамъ и штабу положено было выдавать въ военное время по 524,590 р. 11 к., въ мирное время по 124,957 р. 95 к. въ годъ, да единовременно на изготовленіе оружія и амуниціи 109,053 р. 60 к. Судъ и расправа отдавались Хорвату и Глѣбову, которые должны были дѣйствовать по военному уставу и существующимъ постановленіямъ. Указомъ 24 апрѣля 1752 года разрѣшено было Хорвату принимать выходцевъ сербскаго, болгарскаго, молдавскаго и валахскаго происхожденія изъ Турціи и польскихъ владѣній и пропускать ихъ черезъ границу безъ паспортовъ, не принимая только поляковъ и преступниковъ. 29-го мая того же года разрѣшено принимать и тѣхъ православныхъ иностранцевъ, которые отставлены изъ русскихъ гусарскихъ полковъ. Указомъ 27-го іюня снята пошлина съ припасовъ, привозимыхъ въ Новую Сербію изъ Польши. Скоро явились и другіе охотники на переселеніе. Полковники Иванъ Шевичъ и Райко Прерадовичъ изъявили желаніе перейти въ русское подданство. Оба они произведены въ генералъ-майоры; но ихъ предложеніе относительно мѣста для поселенія не было уважено. Въ именномъ указѣ сенату отъ 20-го ноября 1752 года, о выводѣ изъ Новой Сербіи малорусскихъ выходцевъ высказана, между прочимъ, мысль, что въ случаѣ выхода въ Россію многоаго числа сербовъ, устраивать такъ, чтобы они не всѣ въ одномъ мѣстѣ были, но между бы русскіими подданными въ поселеніи состояли. Потому сенатскимъ указомъ 29-го мая 1753 года Шевичу и Прерадовичу для поселенія отведены были уже мѣста на сѣверо-восточной границѣ Запорожья, именно между сѣвернымъ Донцомъ и рѣчками Бахмутомъ и Луганью (въ Славяно-сербскомъ и Бахмутскомъ

уѣздахъ Елатернославской губерніи). Это второе поселеніе получило названіе Славяно-Сербіи. Организация его была та же самая, что и Новой Сербіи. Водвореніе было поручено инженеръ-полковнику Бибикову, а Славяно-Сербіи состоять въ вѣденіи военной коллегіи, а не сената, какъ хорватовскому поселенію. Крѣпость св. Елизаветы была уже за чертою Новой Сербіи, дадѣе внутрь запорожскихъ владѣній. Кругомъ нея селились малорусскіе выходцы изъ Польши, русскіе раскольники и молдаване. Это новое поселеніе получило названіе Новослободскаго казачьяго поселенія, въ отлччіе отъ слободскихъ полковъ, основанныхъ въ нижѣшней Харьковской губерніи гораздо прежде. Правительство запрешало поселеніе малороссіянъ въ собственныхъ земляхъ Новой Сербіи, старалось, напротивъ, заселить русскими поселенцами окрестности крѣпости св. Елизаветы. Въ сенатскомъ указѣ 5-го іюня 1761 года, мы находимъ любопытныя подробности. Ротмистру Попову поручено было вызывать изъ Польши бѣглыхъ російскихъ людей для поселенія ихъ въ порожнихъ около крѣпости св. Елизаветы мѣстахъ. Имъ опредѣлено было давать льготу на 6 лѣтъ, не опредѣлять въ казани, а селить ихъ на землѣ при крѣпости, опредѣля на хлѣбопашество и въ мѣщанство и равняя ихъ по овладу съ стародубскими раскольниками, когда кончится льготное время. Ротмистра Попова обнадеживали, что если онъ выведетъ изъ Польши 2,000 семей, то онъ не оставленъ будетъ безъ награжденія отъ правительствующаго сената. Какъ много должно было являться изъ Польши русскихъ выходцевъ, видно изъ сенатскаго указа 15 февраля 1761 года, объ учиненіи въ малороссійскихъ раскольниковыхъ слободахъ новой переписи, въ которомъ помѣщено донесеніе поручика Халвидонскаго, бывшаго управителемъ въ двухъ такихъ слободахъ. Халвидонскій доносилъ, что живущіе тамъ раскольники, яко при самой польской границѣ, не имѣя (за отдаленіемъ волостнаго правленія) никакого страха, російскихъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и другихъ всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми селеніями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу, проживши тамъ малое время, возвращаются въ границѣ, по милостивнымъ указамъ для опредѣленія въ раскольниковыя слободы; которые-де никогда раскольниками не бывали, но только для единой вольности, укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольниковыя слободы записываются. Свободное поселеніе въ новослободскомъ поселеніи, разрѣшенное уже послѣ донесенія Халвидонскаго, должно было дать еще большіе размѣры этому бѣгству въ Польшу и выходу оттуда къ крѣпости Елизаветы. Новослободское поселеніе разрасталось такимъ обра-

вомъ. Въ крѣпости образовалось довольно многочисленное торговое и мѣщанское населеніе. На сѣверной границѣ Новой Сербіи устроено было полковникомъ Капнистомъ поселеніе близъ самой польской границы на рѣкѣ Виси, названное Ново-Миргородомъ и населенное болгарами, молдаванами, сербами и т. п. Болгаре, селившіеся также въ Новосербскихъ ротахъ, вышли между 1752—1754 изъ польскихъ владѣній, куда было они пришли въ числѣ 620 семей изъ Турціи, но не нашли въ Польшѣ свободнаго хлѣбопашества. Молдаване начали съ 1753 года селиться въ значительномъ числѣ на земляхъ Новослободскаго казачьяго поселенія. Полковникъ Василій Звѣревъ, называвшійся прежде Лупуломъ, и Штеричъ вывели въ теченіе 10 лѣтъ около 1,800 семей задѣпровскихъ молдаванъ, формируя изъ нихъ военно-земледѣльческія роты. Полковникъ Адабашъ первый далъ этимъ поселенцамъ правильное казачье устройство. Вскорѣ изъ нихъ образовалось до 23 ротъ или укрѣпленныхъ селъ. Сверхъ русскихъ и малороссійскихъ выходцевъ изъ Польши, указомъ 7 октября 1757 года позволено было принимать въ учреждавшійся слободскій гусарскій полкъ и самыхъ поляковъ, если они только примутъ православіе. Новослободское поселеніе растягивалось все далѣе по сѣверо-западнымъ границамъ Запорожья и соединило наконецъ Новую Сербію съ Славяно-Сербією или весь такъ называемый Ново-Сербскій корпусъ. Января 30-го 1760 года поручено было полковнику Солчипскому произвести первый инспекторскій смотръ всѣмъ ново-сербскимъ поселеніямъ. 14 августа того же года сенатъ выдалъ дополнителныя правила для казачьихъ поселеній за рубежомъ Новой-Сербіи. Такимъ образомъ на всей сѣверной границѣ Запорожья отъ Синюхи до Лугани, впадающей въ Сѣверный Донецъ, и до земель донскаго казачества, протянулась новая линія разноплеменныхъ поселеній. Съ запорожскими зимовниками на близкомъ разстояніи почти перемѣшивались сербскія роты съ ретраншементами и нѣмецкимъ устройствомъ военныхъ поселеній, болгарскія, молдавскія и воложскія села, малорусскіе хутора и раскольничьи русскія деревни. Разноязычныя и разноплеменные поселенцы сталкивались между собою. Общаго было только предпримчивость и своеволіе. Эта пестрая смѣсь жителей, независимое почти существованіе сербскихъ владѣльцевъ, жившихъ со своими дружинами какъ они жили на родинѣ, и только номинально подчинявшихся правильной организаціи военныхъ поселеній, хорошо схвачены въ романѣ Кулиша «Михайло Чернышенко», довольно рѣдкою. Безпрестанные споры были неминуемымъ слѣдствіемъ поселенія на запорожскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе, что трудно было удержать буйныхъ поселен-

цевъ въ предѣлахъ отведенныхъ имъ земель. Своими хуторами и выселками они, распространялись далѣе въ степь Запорожья. Такъ со стороны Бахмута поселенцы Славяно-Сербин своими заведеніями доходили до самарскаго вѣдомства, лучшей части Запорожья. Ново-слободскіе поселенцы захватывали земли вблизи великаго и малаго Ингула. Правленіе крѣпости св. Елизаветы безпрестанно выдавало открытые листы новымъ *осадчимъ*, или основателямъ поселеній, которые такимъ образомъ вытѣсняли запорожскіе зимовники. Безпрестанно происходили враждебныя столкновенія. Въ 1755 году Запорожскій кошъ рѣшился отправить депутацію въ Петербургъ. Главными пунктами данной депутатамъ инструкціи велѣно было просить высочайшей грамоты кошу на владѣніе землями, прибавки денежнаго и хлѣбнаго жалованья и разрѣшенія безошляннаго привоза изъ Малороссіи различныхъ припасовъ и необходимыхъ предметовъ и такого же вывоза изъ Запорожья соли, шкуръ, лошадей и т. п. Изъ представленія запорожскаго войска и переписки съ кошемъ депутатовъ, мы узнаемъ нѣкоторыя интересныя статистическія показанія, между прочимъ то, что въ это время въ Запорожьѣ было 13,000 служащаго товариства и 15,000 другихъ жителей степи; тамъ же находимъ любопытныя указанія на нравы русскаго чиновничества и на способъ хожденія по дѣламъ, указанія, которыми мы воспользуемся впоследствии. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, запорожскіе депутаты выѣхали изъ Петербурга въ іюлѣ 1756 года, получивъ только разрѣшеніе на безошлянный привозъ и вывозъ изъ Малороссіи товаровъ, за исключеніемъ впрочемъ соли и другихъ заграничныхъ товаровъ. Грамота не была дана и приказано было прежде составить описаніе и карту всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодымъ. Для этого описанія должны были съѣхаться депутаты изъ Малороссіи и Запорожья и отъ сербскихъ и слободскихъ поселеній, но начальству Ново-Сербин было невыгодно точное размежеваніе, и оно не состоялось, а въ 1758 году поѣхала снова ко двору запорожская депутація, веза съ собою подарки императорской фамиліи и важнымъ лицамъ. Хотя на этотъ разъ ихъ просьбы объ неотводѣ земель подъ военныя поселенія остались безуспѣшны, но по крайней мѣрѣ другія требованія были удовлетворены. Указомъ 25 января 1760 года, разрѣшенъ былъ свободный провозъ изъ Малороссіи всѣхъ предметовъ, также вывозъ изъ Запорожья товаровъ, за исключеніемъ соли, за которую взималась пошлина; позволено запорожцамъ ѣздить съ паспортами отъ кошевыхъ атамановъ. Грамотой 10 мая 1759 года на имя Разумовскаго прибавлено кошу денежнаго жалованья по 2,000 рублей въ годъ къ преж-

нимъ 1,660 рублямъ и подарено три пушки. Когда Сѣча была опустошена пожаромъ, императрица приказала выдать войску 1,000 пудъ желѣза и 1,000 бревенъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Но грамоты на земли запорожцы все-таки не получили. Страшное для нихъ описаніе, которое казалось имъ отложеннымъ, должно было возобновиться. Подробности его чрезвычайно любопытны для характеристики положенія управленія въ тѣхъ мѣстахъ. Въ Петербургѣ были чрезвычайно недовольны старыми обычаями запорожцевъ при выборѣ и смѣнѣ чиновниковъ, особенно когда при выборѣ кошевого въ 1759 году дѣло дошло до рукопашной схватки, но не менѣе произвола было и со стороны русскихъ чиновниковъ. Бригадиръ Муравьевъ, комендантъ крѣпости св. Елизаветы, на запросъ запорожскихъ депутатовъ объ указѣ относительно поселенныхъ земель, отвѣчалъ: «Я самъ указъ». Въ приведеніи въ исполненіе описанія, начальство слободскихъ и ново-сербскихъ поселеній старалось внести всевозможныя затрудненія, а между тѣмъ въ новослобожане своевольно захватывали земли и овладѣли почти всѣмъ нынѣшнимъ Верхнедѣпровскимъ уѣздомъ. Правильнаго размежеванія, а слѣдовательно и грамоты на владѣніе, не могли получить запорожцы въ царствованіе Елизаветы, а при Екатеринѣ, какъ мы увидимъ, ихъ дѣла приняли другой оборотъ.

Малороссія и Запорожье оставались во все царствованіе императрицы Елизаветы Петровны со своимъ особеннымъ устройствомъ. Первая съ 10 полками съ гетманомъ, генеральною судомъ и генеральною канцеляріею, съ генеральною полковою и сотенною старшиною. Послѣднее съ раздѣленіемъ на курени, на холостое товариство и на подданство, съ выборнымъ кошевымъ, съ демократическимъ устройствомъ, которое заставляло кошъ подозрительно смотрѣть даже на депутатовъ, облеченныхъ довѣренностью товариства, съ раздѣленіемъ на паланки и т. п. Хотя указомъ 17 января 1756 года перенесеніе малороссійскихъ дѣлъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ вѣдомство сената, вслѣдствіе чего туда начали поступать апелляціи на рѣшенія гетманскаго правленія, и положено начало уничтоженію особнаго существованія Малороссіи, однако при Елизаветѣ Петровнѣ перемѣна была пока нечувствительна, и внутреннее устройство Малороссіи и Запорожья оставалось на своихъ старыхъ основаніяхъ.

Кромѣ малороссійскаго и запорожскаго казачества, на юго-восточныхъ границахъ Россіи мы находимъ еще много казачьихъ поселеній подъ названіями: Азовскихъ, Астраханскихъ, Волж-

симъ, Гребенскихъ, Донскихъ, Терскихъ, Бахмутскихъ, Оренбургскихъ, Сибирскихъ, Торскихъ, Моцкихъ, Яицкихъ, Хонерскихъ и т. п. Говорить о ихъ положеніи въ царствованіе Елизаветы Петровны, было бы весьма затруднительно, какъ по отсутствію статистическихъ свѣдѣній за это время, такъ и потому, что въ это царствованіе они оставались большею частью на прежнемъ основаніи, слѣдовательно пришлось бы обращаться къ мѣрамъ предшествовавшихъ государей, а это завлекло бы слишкомъ далеко. О нѣкоторыхъ промышленныхъ и торговыхъ мѣрахъ, относительно казаковъ, намъ придется говорить при обзорѣнн торговля и промышленнаго состоянія Россіи при Елизаветѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти поселенія, сохраняя свое устройство, входили уже въ составъ Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерній. Здѣсь замѣтимъ только нѣкоторыя постановленія. Такъ, 10-го марта 1746 года дана была Елизаветой жалованная грамота Войску Донскому въ замѣнъ грамоты 1706 года, сторгъвшей вмѣстѣ съ войсковыми клейнодами, пожалованными Петромъ-Великимъ. Этою грамотою подтверждались прежняя, данная Петромъ, за вѣрность Донскаго Войска, обнаруженную во время астраханскаго бунта 1705 году. Указомъ 27-го октября 1748 года велѣно было соединить бахмутскихъ, торскихъ и моцкихъ казаковъ въ одно и сформировать изъ нихъ трехсотенный бахмутскій казачій полкъ. Указомъ 23-го іюля 1746 года соединены были семейные терскіе казаки съ гребенскими подъ названіемъ гребенскаго войска, а опредѣленіемъ военной коллегіи отъ 31-го іюля 1755 года снова раздѣлены. Есть еще нѣсколько указовъ о жалованьѣ, о раздачѣ въ вѣкторіальныя дни вина и т. п.

Обращаясь къ губерніямъ, на которыя раздѣлялась Россійская имперія, насъ всего болѣе поражаетъ несоразмѣрность ихъ между собою. Сибирская губернія, простиравшаяся отъ Урала до Восточнаго Океана, поставлена на ряду съ чрезвычайно малыми Рижской и Ревельской губерніями. Такое же различіе должно было существовать и въ степени власти главныхъ правителей, различіе разумѣется чисто фактическое, потому что всѣ губернаторы руководствовались одними и тѣми же инструкціями и постановленіями. Вдали отъ центра государственнаго управленія, власть губернатора принимала, разумѣется, иныя размѣры, нежели въ областяхъ ближайшихъ. Въ Сибири, напримѣръ, долго ходила въ народѣ пословица: «на небѣ Богъ, а въ Иркутскѣ Кохъ», объ одномъ изъ правителей.

Въ юго-восточной части Россіи и въ Сибири продолжалось важное дѣло колонизаціи великорусскаго населенія среди ино-

родцевъ, а вмѣстѣ съ нимъ распространенія христіанства и цивилизаціи. Если въ настоящее время въ Оренбургской губерніи считается $\frac{1}{2}$, а въ Астраханской $\frac{2}{3}$ инородческаго населенія, несмотря на многочисленныя переселенія изъ внутреннихъ областей имперіи, на развитіе въ этомъ краѣ хлѣбопашества и промышленности, можно себѣ представить, что было тамъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ тому назадъ. Постепенное развитіе русской колонизаціи, вліяніе ея на измѣненіе въ нравахъ и образѣ жизни инородцевъ, отношеніе русскихъ поселенцевъ среди разноязычнаго, разноплеменнаго, по большей части кочеваго населенія, представляетъ высокій историческій интересъ. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ Полнаго Собранія Законовъ, мы мало найдемъ официальныхъ или частныхъ извѣстій, а такъ-какъ власть губернаторовъ нигдѣ не была такъ велика, какъ на этихъ украиннахъ русскаго государства, то постановленія, исходящія отъ центральной власти, далеко не могутъ дать настоящаго понятія о положеніи страны. На такомъ разстояніи правительство не могло вмѣшиваться въ подробности внутренняго управленія, предоставляя его на отвѣтственность губернаторовъ. Только одной Оренбургской губерніи посчастливилось въ этомъ отношеніи. Въ запискахъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Неплюева, бывшаго тамъ губернаторомъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ Исторіи Оренбургскаго края и въ Топографіи оренбургской, составленныхъ Петромъ Рычковымъ (послѣдняя издана отъ академіи наукъ въ 1762 году), наконецъ въ Журналѣ или дневныхъ запискахъ капитана Николая Рычкова, веденномъ во время путешествія его по нынѣшнимъ Казанской, Симбирской, Самарской и Оренбургской губерніямъ въ 1769 и 1770 годахъ и изданномъ въ 1770 году, мы находимъ любопытныя подробности о состояніи Оренбургскаго края, объ управленіи, о положеніи русскихъ поселенцевъ и т. п. По нимъ мы можемъ составить нѣкоторое понятіе и вообще о положеніи всего восточнаго края Русской имперіи. Оренбургскій край, до учрежденія губерніи, извѣстенъ былъ подъ именемъ Оренбургской Экспедиціи; потомъ, съ назначеніемъ туда правителемъ извѣстнаго историка Татищева, состоялъ въ вѣденіи оренбургской комиссіи. Указомъ 15-го марта 1744 года онъ образованъ былъ въ Оренбургскую губернію, и первымъ губернаторомъ назначенъ Неплюевъ, находившійся тамъ въ званіи командира оренбургской комиссіи уже съ 1742 года. Къ новой губерніи причислена была Исетская провинція съ зауральскими башкирцами, а также и Уфимская провинція со всѣми башкирскими дѣлами. Впослѣдствіи туда же причисленъ городокъ Гурьевъ, а также и Ставро-

польское вѣдомство, принадлежащее къ Симбирской провинціи Казанской губерніи, было подчинено во многомъ оренбургскому губернатору. Населеніе губерніи было самое разнородное. Кромѣ азіатскихъ выходцевъ, бухарцевъ, хивинцевъ, персіянъ и т. п., въ небольшомъ числѣ живущихъ въ пограничныхъ городахъ, постоянными жителями были татары, башкирцы, мещераки, киргизы, каракалпаки, мордва, черемисы, чуваша и вотяки. Предѣлы Оренбургской губерніи къ востоку простирались за Аральское море. Русскихъ поселенцевъ, по показанію Рычкова, было не болѣе 200,000 обоего пола, считая въ томъ числѣ и около 20,000 служивыхъ людей, шесть полковъ гарнизонныхъ, четыре ландмилицкихъ, казаковъ, драгуновъ и т. п. Нѣсколько линій укрѣпленій и крѣпостей съ постояннымъ гарнизономъ изъ армейскихъ и драгунскихъ полковъ и приписныхъ казаковъ, сдерживали въ появленіи инопороческое населеніе и охраняли разсѣянныхъ русскихъ поселенцевъ. Горные заводы частныхъ владѣльцевъ были укрѣплены стѣнами и пушками. О заводѣ Троицкомъ, на рѣчкѣ Кладашѣ, принадлежавшемъ Осокнну, капитанъ Рычковъ говоритъ, что онъ укрѣпленіями превосходитъ многіе уѣздные города; сверхъ стѣны съ башнями, внѣ заводскаго строенія подѣланы батареи. Иначе и быть не могло въ краѣ, еще не совершенно подчиненномъ, населенномъ племенами, помнящими свою независимость. Предшественники Неплюева жили обыкновенно въ Самарѣ, а въ Оренбургскую крѣпость, окруженную заборомъ изъ плетня, осыпанную землею и дерномъ, ѣзжали разъ въ годъ съ многочисленнымъ конвоемъ, а зимою и всякое сообщеніе съ Янцвою линіею прекращалось. Неплюевъ, осмотрѣвъ Оренбургъ и найдя мѣстоположеніе его неудобнымъ по измѣнности и безлѣсности мѣста и по небезопасности каравановъ отъ хищныхъ киргизовъ, переименовалъ его въ Орскую крѣпость, и заложилъ новый городъ верстахъ въ 200 слишкомъ отъ прежняго внизъ по Янку, гдѣ онъ и теперь находится, и первый изъ начальниковъ края тамъ поселился. Это было чрезвычайно важно для страны, населенной буйными племенами. Башкирскіе бунты были въ свѣжей памяти. Третій изъ нихъ продолжался цѣлые шесть лѣтъ, отъ 1735 по 1741 года, и былъ усмирень послѣ свѣданаго кровопролитія. По показанію Петра Рычкова, убито въ сраженіяхъ, послано въ ссылку въ остзейскія губерніи, роздано разнымъ лицамъ для поселенія внутри Россіи по рапортамъ и канцелярскимъ запискамъ 28,491 душа башкирцевъ, не считая побитыхъ въ малыхъ стычкахъ и вольничей, разбѣжавшихся и т. п. При самомъ Неплюевѣ башкирское возмущеніе грозило-было принять большіе размѣры и

было укрошено только благодаря ловкимъ мѣрамъ губернатора. Въ 1755 году башкирцы Исетской провинціи, возмущенные фанатикомъ Батыршею, перерѣзали всѣхъ русскихъ промышленниковъ, отыскивавшихъ глину, годную для фарфора, каменщиковъ, сожгли заводъ Шувалова и т. п. Возстаніе имѣло релігіозный характеръ. Батырша разослалъ воззваніе къ татарамъ Казанской губерніи, къ киргизамъ и другимъ магометанскимъ племенамъ. Киргизы не замедлили отозваться на воззваніе набѣгами. Военныхъ силъ, находившихся въ губерніи, было недостаточно для подавленія возстанія. Неплюевъ собственною властью послалъ приказаніе къ четыремъ армейскимъ полкамъ, стоявшимъ въ Казанской губерніи, немедленно явиться къ нему на помощь, вытребовалъ точно также казаковъ съ Дона и калмыковъ изъ Астраханской губерніи, обнаруживъ, несмотря на свою болѣзнь, необыкновенную дѣятельность. Еще дѣйствительнѣе и важнѣе по своему вліанію на будущее, были другія мѣры стараго губернатора. Возстаніе было подавлено оружіемъ, но башкирцы начали перебираться за Янкъ къ киргизамъ. Уже около 50,000 душъ переправилось въ зауральскія степи. Неплюевъ прибѣгнулъ къ той же политикѣ, къ которой не разъ или лучше сказать постоянно прибѣгали европейцы въ Индіи. Недовольный тѣмъ, что уговорилъ оренбургское магометанское духовенство писать облаченія и опроверженія противъ фанатическихъ воззваній Батырши, Неплюевъ хотѣлъ возбудить вѣчную ненависть между магометанскими племенами, и это вполне удалось ему. Съ одной стороны онъ подымалъ противъ башкирцевъ теятрей и мещеряковъ, на которыхъ башкирцы смотрѣли, какъ на племена имъ подчиненныя. Неплюевъ посланіями указалъ имъ на постыдную для нихъ подчиненность, затронулъ гордость и сдѣлалъ то, что мещеряки неутомимо преслѣдовали возставшихъ башкирцевъ и самъ Батырша былъ захваченъ и выданъ мещеряцкимъ старшиною. Съ другой стороны онъ сумѣлъ посѣять кровавую вражду между башкирцами и киргизами. Своими письмами онъ льстилъ киргизамъ; несмотря на ихъ вторженія, онъ показывалъ видъ, что рассчитываетъ на ихъ вѣрность къ Россіи, и когда башкиры во множествѣ перекочевали за Уралъ, Неплюевъ написалъ къ киргизамъ, что русское правительство въ награду за вѣрность позволяетъ имъ захватить женъ и дочерей измѣнниковъ башкирцевъ съ однимъ условіемъ, чтобы мужчины были изгнаны. Киргизы не устояли противъ этой приманки. Черезъ нѣсколько времени бѣжавшіе башкирцы явились по сю сторону Янка или Урала, принося повинную, требуя только позволенія отстать киргизамъ за кровную обиду, за отнятіе семействъ.

Официально имъ запретили мщеніе, но подъ рукою дали знать, что губернаторъ будетъ смотрѣть на это сквозь пальцы. Страшный наваздъ разъяренныхъ башкирцевъ на киргизскіе аулы, рвзня неожиданныхъ нападенія киргизовъ положили начало племенной ненависти и кровомщенію. Оренбургскому губернатору оставалось только поддерживать эту вражду. Башкирцы, тѣснимые русскими, ненавидимые мещеравами и киргизами, должны были смириться. Съ тѣхъ поръ прекратились ихъ общія возстанія. Только собственными силами они уже не могли бороться съ русскимъ населеніемъ. Во времена пугачевщины они дѣйствовали, но уже не во имя религіознаго фанатизма, не за независимость, а за одно съ заводскими крестьянами и яицкими казаками. Неплюева должно почитать организаторомъ Оренбургскаго края. Уже одно перенесеніе центра управленія изъ Самары въ Оренбургъ, слѣдовательно по ту сторону башкирскихъ земель, между ними и Киргизской степью, имѣло важное вліяніе, но этимъ далеко не ограничилась его дѣятельность. Онъ основалъ множество укрѣпленій, увеличылъ число войскъ вдвое, заложилъ внутри Башкиріи Зеланрскую крѣпость, гдѣ постоянно находились драгунская и пѣхотная роты. Башкирцы были привлечены крѣпкимъ мѣрами. Неплюевъ всѣми силами старался о привлеченіи новыхъ поселенцевъ въ Оренбургскій край. Такъ онъ разными льготами переманилъ купцовъ изъ Самары въ новопостроенный Оренбургъ. Необходимость русскихъ поселеній среди инородцевъ была признана давно уже, и часто подавала поводъ къ довольно крутымъ мѣрамъ. Такъ наприимѣръ, при Аннѣ Ивановнѣ, указомъ 31 іюля 1739 года, велѣно было произвести наборъ съ крестьянъ Сибирской губерніи съ 200 душъ по человѣку для поселенія ихъ въ оренбургскихъ крѣпостяхъ по Яику. При Аннѣ Ивановнѣ и въ правленіе Анны Леопольдовны приняты были мѣры для поселенія въ Оренбургскомъ краю выходцевъ изъ Малороссіи, и поселено было 209 семей, изъ которыхъ 849 человѣкъ записаны въ дѣйствительные казаки; но положеніе малороссійскихъ поселенцевъ было весьма незавидно. Они поддерживались казеннымъ хлѣбомъ и жалованьемъ, не заводилась хозяйствомъ и просились назадъ въ Малороссію. Вслѣдствіе представленія Неплюева, желающимъ разрѣшено возвратиться на родину, а остальнымъ отведены были земли по ихъ желанію. Гораздо дѣйствительнѣе были другія мѣры. Указомъ 8-го марта 1744 года, приказано было селить въ крѣпостяхъ казанской линіи отставныхъ унтеръ-офицеровъ, солдатъ и драгунъ. Неплюевъ представилъ о желаніи защиточныхъ казанскихъ татаръ переселиться въ Оренбургъ. Сенатъ указомъ того же 8-го марта 1744 года разрѣшилъ по-

селить, не болѣе впрочемъ 200 семей. Главнымъ впрочемъ источникомъ для заселенія Оренбургскаго края были бѣглецы крестьяне. Въ донесеніи сенату Неплюевъ говоритъ, что по дѣламъ видно, что за 50 лѣтъ передъ тѣмъ въ Исетской провинціи ни единыя души не было изъ русскихъ; а въ вѣдомости 1741 года показано въ крѣпостяхъ оренбургскихъ сходцевъ, записанныхъ въ регулярныя и нерегулярныя службы, дворцовыхъ, синодальныхъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ и разночинцевъ 5,154 души мужскаго полу. Неплюевъ указывалъ на то, что въ случаѣ возвращенія прежнимъ владѣльцамъ этихъ поселенцевъ, слободы Исетской провинціи запустѣютъ. Вслѣдствіе этого сенатъ въ докладѣ, высочайше утвержденномъ 27 іюня 1744 года, положилъ: 1) бѣжавшихъ до ревизіи 1719 года оставить въ оренбургскихъ крѣпостяхъ и не отдавать прежнимъ владѣльцамъ; 2) бѣглыхъ крестьянъ, записанныхъ въ подушный окладъ по ревизіи 1719 года въ другихъ мѣстахъ и поселившихся въ Оренбургскомъ краю уже послѣ ревизіи, вывести на прежнія жилища; 3) которые же бѣглецы записаны въ новопостроенныхъ по линіи къ Оренбургу крѣпостяхъ въ казаки и тамъ уже обсадились и дѣйствительно службы служатъ, тѣхъ всѣхъ для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ оттуда не высылать, а быть имъ какъ оные нынѣ есть въ казакахъ; а помѣщикамъ и другимъ владѣльцамъ, кромѣ разночинцевъ, зачесть въ будущій наборъ въ рекруты. Такимъ образомъ 3-й пунктъ значительно ослаблялъ или почти уничтожалъ дѣйствіе 2-го пункта. Какъ много было бѣглыхъ, видно изъ указа 24 мая 1748 года, гдѣ говорится, что въ сентябрѣ 1747 года непомятыхъ родства и помѣщиковъ и опредѣленныхъ къ поселенію въ Оренбургскомъ краю оказалось 711 человекъ мужскаго пола. Бѣглецы крестьяне и поселенные отставные солдаты и драгуны постоянно увеличивали число русскаго населенія, находившаго въ плодородныхъ земляхъ Уфимской провинціи, въ развитіи горной промышленности, требовавшей много рукъ, всѣ условія для матеріальнаго благосостоянія, а главное большій просторъ, чѣмъ во внутреннихъ областяхъ Россіи. Довольно важный фактъ въ исторіи Оренбургскаго края представляетъ также поселеніе крещеныхъ калмыковъ. Уже съ конца XVII вѣка началось обращеніе нѣкоторыхъ изъ калмыковъ въ христіанство. Съ 1724 по 1736 годъ, какъ значитъ по свѣдѣніямъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вышло къ городамъ Астраханской губерніи и крещено 1,448 кибитокъ, въ которыхъ было 5,282 души, а послѣ число обращенныхъ увеличилось. Въ числѣ крещеныхъ былъ и владѣлецъ Петръ Тайшинъ. Уже въ царствованіе Анны Ивановны приняты были мѣры для поселенія креще-

нихъ калмыковъ, которыхъ старались отдѣлить отъ некрещенныхъ. Послѣ разныхъ плановъ о мѣстѣ, ихъ рѣшено было въ 1737 г. водворить близъ Волги и выстроить для нихъ городъ Ставрополь. Рычковъ приводитъ рапортъ ставропольской канцеляріи, по которому въ іюнѣ 1754 года показано ихъ 8,693 души обоюга пола. Елизавета, весьма ревностная въ религіозномъ отношеніи, сильно заботилась о распространеніи христіанства между иновѣрцами. Эта ревность выразилась во многихъ указахъ, стѣснительныхъ для магометанъ; напримѣръ: калмыкамъ, желавшимъ принять крещеніе, выдавалось денежное награжденіе; запрещено было обращать ихъ въ другія христіанскія вѣроисповѣданія кромѣ греко-россійскаго. Ставропольское поселеніе отдано было сенатскимъ указомъ 18 апрѣля 1744 года въ вѣдомство Оренбургской губерніи, и однимъ изъ лучшихъ доказательствъ полезной дѣятельности Неплюева служатъ его распоряженія и представленія относительно этого поселенія. Особенно замѣчательно огромное его донесеніе въ сенатъ отъ 8 ноября 1744 года въ 31 пунктѣ, занимающее слишкомъ 16 страницъ Полнаго Собранія Законовъ (№9110). Здѣсь съ необыкновенною внимательностію обсуждено настоящее положеніе новыхъ поселенцевъ и указаны мѣры къ достиженію главной цѣли ихъ поселенія. Ограничена власть и своеволие зайсанговъ, опредѣлено по смерти зайсанга спрашивать у улусныхъ калмыковъ, хотять ли они находиться въ вѣдомствѣ у его наслѣдника, хотя въ то же время смотрѣть, чтобы чрезъ то лучшія и заслуженныя фамиліи въ презрѣніе и уничтоженіе не приходили. Предписано строго наблюдать за тѣмъ, чтобы владѣлецъ не наказывалъ произвольно смертію или отобраніемъ имущества. Для управленія учредить въ Ставрополѣ калмыцкій судъ изъ лучшихъ людей калмыцкаго народа; главному командиру исподоволь вводить русскія постановленія. Русскія селенія, находившіяся внутри земель, отведенныхъ калмыкамъ и назначенныя къ своду въ другія мѣста, Неплюевъ совѣтовалъ оставить, «ибо сходяще когда калмыки будутъ между такими людьми пребывать, которые домамъ живутъ и пашни производять, къ чему и сами они время отъ времени иногда будутъ привыкать». Въ Ставрополь должно стараться привлечь купцовъ и ремесленниковъ, «ибо чрезъ нихъ крещенные калмыки въ торговлѣ, промыслахъ, а слѣдовательно и къ основательному селенію всегда и наилучше приохочиваны быть могутъ». За лѣсами, находящимися около Ставрополя, должно имѣть особенное смотрѣніе. Особенно Неплюевъ заботился, «чтобы оныя всѣ крещенные калмыки по должности христіанской пребывали.... а особливо бы никакихъ прежнихъ ихъ идолаторскихъ забобонъ, и всего того, что православно-христіанской вѣрѣ предосудительно, ме-

жду ними не было»; для достиженія этой цѣли Неплюевъ настаивалъ на необходимости имѣть тамъ ученыхъ и добросостоятельныхъ священниковъ, особливо знающихъ калмыцкій языкъ. Частый объѣздъ священниками улусовъ, увеличеніе заведенной для калмыцкихъ дѣтей школы, переводъ на калмыцкій языкъ молитвъ и нужнѣйшихъ священныхъ книгъ и т. д. Въ донесеніи отъ 4 марта 1746 года Неплюевъ увѣдомляетъ объ успѣшномъ дѣйствіи этихъ мѣръ, о томъ напр., что въ пріѣздъ его въ Ставрополь нѣкоторые изъ лучшихъ калмыковъ охотно отпустили съ нимъ своихъ дѣтей въ Оренбургъ, чтобы тамъ удобнѣе научиться русскому обыкновеніямъ, что другіе дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму охотно обучаютъ и уже нѣсколько изъ оныхъ говорить, читать и писать нарочито обученныхъ есть. Къ сожалѣнію, просвѣщенная дѣятельность Неплюева, кончившаяся въ 1758 году, не нашла себѣ достойныхъ подражателей. Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на его распоряженіяхъ, потому что всѣ они одушевлены желаніемъ блага для страны, имъ управляемой. Въ его запискахъ превосходное объясненіе этихъ мѣръ. Многое онъ сдѣлалъ для Оренбургскаго края; еще болѣе онъ хотѣлъ сдѣлать, но не успѣлъ или не могъ. Замѣчательнъ во многомъ его докладъ отъ 4 марта 1746 года. Въ какихъ нибудь три года послѣ основанія, въ Оренбургѣ было уже 628 дворовъ, 4 церкви, 44 лавки въ гостиномъ дворѣ, 131 лавка въ мѣновомъ, сдѣлана большая часть укрѣпленій и т. д. Множество крѣпостей и редутовъ были вновь выстроены или исправлены. Особое стараніе прилагалъ онъ объ увеличеніи торговли съ Азією. Съ одной стороны онъ писалъ во всѣ русскіе городовые магистраты, указывая на выгоду азіатской торговли, съ другой разосланными черезъ оренбургскихъ татаръ приглашеніями онъ старался привлечь торгующихъ бухарцевъ, хивинцевъ и другихъ жителей средней Азіи. Слѣдствіемъ этого было то, что съ 1745 года начался уже довольно важный торгъ въ новопостроенномъ Оренбургѣ, такъ что вмѣсто 4,799 руб. сбору, получавшагося въ 1742 году при началѣ управленія Неплюева, въ 1754 году, слѣдовательно черезъ 12 лѣтъ, сборовъ было уже 65,912 рублей, изъ нихъ болѣе 50 т. таможеннаго сбора, несмотря на льготы, данныя для привлеченія азіатскихъ купцовъ. Главнымъ предметомъ привоза было золото и серебро. По показанію Петра Рычкова, отъ 1748 года по 1755 годъ ввезено въ Россію золота до 50, серебра до 4,000 пудовъ, не считая того, что провезено безъ явки. При маломъ развитіи добыванія у насъ золота въ то время, понятно какъ важна была оренбургская торговля. Въ 1750 году ѣздилъ Неплюевъ ко двору, чтобы пред-

ставить свой планъ о заведеніи торговли съ Индією. Къ сожалѣнію, его представленіе не имѣло успѣха въ Петербургѣ. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, какое отрадное явленіе во внутренней исторіи Россіи представляетъ дѣятельность Неплюева. Должно замѣтить, что онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ Великимъ за границу, и образовался подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ. До глубокой старости онъ честно служилъ идсамъ великаго преобразователя. Его пресмннамъ оставалось только продолжать начатое. Но многое изъ мѣръ Неплюева осталось безъ исполненія или оставлено послѣ.

Относительно управленія Сибирью, мы имѣемъ довольно большое число указовъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, но эти мѣры правительства въ царствованіе Елизаветы Петровны не представляютъ собою ничего общаго, состоятъ изъ отрывочныхъ распоряженій, и потому за отсутствіемъ частныхъ извѣстій, которыя бы, подобно труду Рычкова и запискамъ Неплюева, дополняли бы и поясняли недостающее въ правительственныхъ актахъ, трудно составить себѣ сколько нибудь отчетливое понятіе о состояніи страны въ это время. Поэтому замѣтимъ только нѣкоторыя мѣры. Указомъ 15-го февраля 1758 года приняты нѣкоторыя мѣры для увеличенія въ Нерчинскомъ уѣздѣ казенной десятинной пашни. Указомъ 12-го сентября 1760 года заведена казенная пашня въ Селенгинскомъ уѣздѣ. Указомъ 7-го іюля 1759 года разрѣшено приписывать въ Иркутскѣ и Нерчинскѣ черносошныхъ крестьянъ, зашедшихъ туда изъ другихъ губерній, но подтверждено не принимать помѣщичьихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Указомъ 17-го октября 1760 года предписано было сибирскому губернатору Соимонову, для безопасности нашихъ границъ со стороны кптайскихъ владѣній и зюнгаровъ, занять мѣста отъ Усть-каменогорской крѣпости до Телецкаго озера, построить крѣпости и поселить по рѣкамъ и рѣчкамъ до 2,000 семей русскихъ людей, набравъ ихъ изъ охотниковъ самой Сибири и изъ государственныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, Устюжской и Вятской провинцій, находящихся въ Сибири по промысламъ. Изъ указа отъ 2-го декабря 1760 года видно, какъ трудно было правительству принудить крестьянъ къ обязанному хлѣбопашеству. Въ нѣкоторыхъ слободахъ Ялуторовскаго уѣзда дѣло дошло до открытаго возмущенія. А между тѣмъ распространеніе хлѣбопашества было необходимо, особенно для содержанія военныхъ силъ тамошняго края. Въ томъ же 1760 году иркутская канцеларія доносила, что въ командахъ, находящихся по дальнимъ острогамъ, умерло съ голоду больше 40 человекъ, а остальные ѣдятъ кожанія сумы и

ремни. Для увеличенія числа рабочих рукъ правительство обнародовало указъ 13-го декабря 1760 года, которымъ вызывало помещиковъ отправлять въ Сибирь на поселеніе своихъ крестьянъ, принимая взрослыхъ мужчинъ за рекрутъ, а ихъ семействамъ плата по установленной таксѣ, именно за мужескъ полъ 5 лѣтъ по 10 рублей, а отъ 5 до 15—20 рублей, за женщинъ вполонину. Тотъ же самый вызовъ обращенъ былъ къ дворцовымъ, синодальнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ крестьянамъ. Находимъ также распоряженіе о припискѣ крестьянъ къ заводамъ; такъ къ Колывано-воскресенскимъ заводамъ приписано слишкомъ 12 т. душъ крестьянъ. Къ Нерчинскимъ приписаны крестьяне, находящіеся въ Томскомъ и другихъ уѣздахъ. Любопытны мѣры, ограничивавшія злоупотребленія. Губернаторы присвоили себѣ власть жаловать въ дворяне и дѣти боярскіе. Указомъ 6-го февраля 1746 года вновь запрещено это самоуправство и приказано обратитъ новопожалованныхъ снова въ податное состояніе. Въ 1745 году отправленъ былъ нарочно въ Сибирь полковникъ Вульфъ, для защиты инородцевъ отъ притѣсенній мѣстныхъ начальниковъ, которые брали себѣ въ кабалу новокрещенныхъ и некрещенныхъ инородцевъ. Въ 1761 году сенаторъ Воронцовъ донесъ сенату о дѣйствіяхъ тобольской митрополитчей консисторіи и раскольниковъ комиссіи, которая, командами вѣзжая въ крестьянскія деревни, грабятъ дома и все имѣніе, а крестьянъ бьютъ и мучать немилосердо и сажаютъ въ дѣвкахъ подъ караулъ.

О торговыхъ и промышленныхъ мѣрахъ мы скажемъ въ общемъ обзорѣнн.

Въ государственныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ мы малое найдемъ измѣненіе въ царствованіе императрицы Елизаветы, а если и находимъ, то измѣненія частныя, состоящія большею частію въ возвращеніи къ постановленіямъ Петра Великаго и въ отиѣненіи перемѣнъ, произведенныхъ въ предшествовавшія царствованія. Того организующаго направленія, которымъ отличена дѣятельность Екатерины Великой, нечего искать въ правленіи Елизаветы. Мы упоминали уже о возстановленіи власти сената, которымъ почти началось царствованіе дочера Петра Великаго. Кабинетъ министровъ былъ уничтоженъ, но почти тотчасъ же его мѣсто заняла конференція при высочайшемъ дворѣ, гдѣ рѣшались важнѣйшіе вопросы, особенно по дѣламъ вышней полѣтїи. Она была уничтожена Петромъ III. Въ запискахъ Шаховскаго мы найдемъ любопытныя подробности о порядкѣ дѣлъ и о характерѣ этой конференціи, а также и о сенатѣ. Одно, что ясно въ этихъ подробностяхъ — это огромная власть лицъ, пользовавшихся довѣріемъ императрицы. Особенно интересны въ

записалъ кн. Шаховскаго отношенія Шувалова (П. Ив.) къ сенату, имѣвшему право общаго контроля. Относительно синода замѣчательны постановленія о монастырскихъ и духовныхъ имуществвахъ. Указомъ 15-го іюля 1744 г. уничтожена была коллегія экономіи, заведенная архіерейскими и монастырскими имѣніями и судомъ между духовныхъ и состоявшая подъ вѣденіемъ и контролемъ сената. Теперь всѣ церковныя вотчины передавались въ непосредственное вѣдомство и управление синода со всѣми приходами, за исключеніемъ только Законоохранительскаго училищнаго монастыря съ его доходами, который будетъ содержанъ на особой суммѣ. Іюня 4-го 1745 г. переименована была коллегія экономіи въ канцелярію синодальнаго экономическаго правленія. Эта важная перемѣна объясняется набожностію Елизаветы Петровны, находившейся, по словамъ Шаховскаго, подъ сильнымъ вліяніемъ духовника и гр. Ал. Разумовскаго, которые оба дѣйствовали въ интересахъ духовенства. Какою властію пользовался духовникъ, мы видимъ изъ записокъ Шаховскаго, а также и изъ переписки запорожскихъ депутатовъ съ Кошемъ. Изъ послѣдняго источника узнаемъ, что вліяніе духовника не ограничивалось однимъ духовнымъ цѣлямъ. 22-го декабря 1755 г. писали депутаты въ Кошъ: «Его высокопреподобіе г. духовникъ е. н. в. о. Павелъ просилъ насъ запорожской низовой шуки зимней-просольной изъ Коши, какъ возможно выписать и притомъ приказалъ свое святое благословеніе вельможности вашей и всему войску написать». Депутаты просили выслать на подводахъ двѣ бочки просольной шуки, чтобы одною кланяться гр. Разумовскому, а другою духовнику. Въ концѣ письма они прибавляютъ: «А такіа обѣ высокія и сильныя персоны, что по нихъ большихъ нивого нѣтъ, и ежели такимъ не услужить, то негдѣ намъ и милости искать». При такой помощи управление церковными имѣніями, разумѣется, было совершенно въ рукахъ синода, старавшагося избавиться отъ всякаго контроля относительно употребленія доходовъ съ имѣній. Когда кн. Шаховскій, бывшій прокуроромъ синода, представилъ о необходимости составить вѣдомость о состояніи монастырскихъ и другихъ церковныхъ имѣній и точное опредѣленіе доходовъ съ нихъ для употребленія ихъ по смыслу постановленій Петра Великаго, членъ синода согласился и разослалъ о томъ указъ, но потомъ онъ узналъ, «что по большей части властители съ тѣхъ деревень себѣ получать, а не въ казну умножать доходы желающіе, черезъ непримѣтныя между собою сообщенія согласились, чтобы такихъ вѣдомостей въ св. синодъ не присылать, и хотя я о томъ ея величеству объяснительно представлялъ и по ея же благоволенію

и наставленію многія старанія и домогательства употреблять, но не возмогъ сдѣлать къ тому полнаго успѣха». Результатомъ настойчивости кн. Шаховскаго была борьба между ними и членами синода, которой подробности находятся въ 1-й части записокъ Шаховскаго. Указомъ 7-го апрѣля 1742 г. восстановлены были въ прежнемъ своемъ составѣ бергъ-коллегія и мануфактуръ-коллегія, которыя въ 1731 г. соединены были съ коммерцъ-коллегіею. Вслѣдствіе чего съ 1736 г. учрежденъ былъ генераль-бергъ-директоріумъ, уничтоженный тѣмъ же указомъ, которымъ восстановились бергъ и мануфактуръ-коллегіи. Указомъ 21-го мая 1743 г. восстановленъ главный и прочіе магистраты, уничтоженныя было въ 1727 г. по представленію кн. Ал. Долгорукаго *для лучшаго посадскихъ охраненія*. Этимъ ограничивались измѣненія въ государственныхъ учрежденіяхъ. Точно также мало найдемъ измѣненій и въ губернскихъ и уѣздныхъ. Относительно губернаторовъ мы находимъ нѣсколько указовъ объ отвѣтственности ихъ за нерадѣніе въ сборѣ подушныхъ денегъ и казенныхъ взносовъ, за несодѣявіе ревизій и за неисполненіе указовъ военной коллегіи. Любопытенъ только указъ 11-го октября 1745 г. по дѣлу Клинскаго воеводы, взятаго по нѣкоторому секретному дѣлу въ контору канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Этимъ указомъ приказано было «ежели впредь изъ котораго мѣста губернаторъ или воевода въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ или оной въ контору взять будетъ, то той канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, не объявляя о дѣлахъ ихъ, того же числа, котораго взяты будутъ, въ пр. сенатъ или въ сенатскую контору рапортовать, дабы на ихъ мѣсто (пока они безъ стражи свободны будутъ) другіе въ скорости опредѣлены быть могли, чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ остановка быть не могло». Замѣчательнъ указъ 12-го окт. 1760 г., которымъ приказано было государственнымъ крестьянамъ въ защиту отъ притѣсненій, поборовъ и взятковъ со стороны воеводъ, управителей и проч. также для ходатайствъ по крестьянскимъ дѣламъ и надсматриваніи имѣть особыхъ выборныхъ, которыхъ запрещено было вытребовать или забирать по дѣламъ изъ волостей въ города, дабы «тотъ безгласный народъ, сказано въ дополн. указъ 19-го марта 1761 г., ни подъ какимъ видомъ излишними поборами и несправедливыми положеніями притѣсняемъ и въ отягощеніе приводимъ не былъ».

Должно замѣтить мѣры, относящіяся къ кодификаціи. Составленіе новаго уложенія, сводъ и приведеніе къ единству многочисленныхъ постановленій, часто забытыхъ или противорѣчащихъ другъ съ другомъ, было признано необходимымъ еще въ

предшествовавшія царствованія, но всѣ мѣры къ составленію уложенія оставались безплодными. Царствованію Елизаветы также не суждено было рѣшить этотъ вопросъ, не рѣшенный и знаменитой комиссіей для составленія новаго уложенія, собранной при Екатеринѣ II. Тѣмъ не менѣе, нельзя оставить безъ вниманія этихъ попытокъ, тѣмъ болѣе, что ихъ повтореніе доказываетъ необходимость зла отъ отсутствія общаго свода законовъ; а ихъ безплодность знаменательна для опредѣленія настоящаго характера и правительства и общества. 11-го марта 1754 г. состоялось высочайшее повелѣніе о сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельству нынѣшнихъ временъ, въ примѣненіи обычаявъ и нравовъ; въ исполненіе этого повелѣнія и образована была при сенатѣ комиссія, а 24-го августа того же года сенатъ опредѣлилъ для членовъ распредѣленіе занятій и утвердилъ планъ къ сочиненію новаго уложенія. Это уложеніе должно было состоять изъ 4-хъ частей: I-я (въ 50 главахъ) должна въ себѣ все то, что надлежитъ до суда и судебныхъ мѣстъ, и въ какихъ случаяхъ письменные и словесные суды производить и по нихъ рѣшеніе чинить. Часть II (въ 21 гл.) гласитъ о такихъ правахъ, которыя подданнымъ въ государствѣ, по разному ихъ состоянію, персонально принадлежать. Часть III (въ 23 гл.) содержитъ въ себѣ все то, что до движимаго и недвижимаго имѣнія и до раздѣленія онаго принадлежитъ, и по какимъ крѣпостямъ и случаямъ оныя кому и какимъ образомъ крѣпкія быть должны. Часть IV (въ 65 гл.) показываетъ, какимъ порядкомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производить и какія за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы положены. О своихъ трудахъ комиссія должна представлять сенату ежемѣсячные рапорты. 29-го сентября 1761 г. состоялся указъ сената, въ которомъ говорилось о планѣ Петра Великаго составить уложеніе, о неудачныхъ мѣрахъ къ тому же Екатерины I, Петра II и Анны Ивановны, далѣе о трудахъ комиссіи, учрежденной императрицею Елизаветою, и о томъ, что двѣ части новаго уложенія, судная и криминальная, уже готовы и потому «какъ оное сочиненіе уложенія, для исправленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ нему потребенъ, предписывалось къ слушанію того уложенія изъ всякой провинціи (кромѣ новозавоеванныхъ, также Сибирской, Астраханской и Киевской губерніи) прислать съ каждой провинціи изъ дворянства по 2 человѣка за выборомъ всего тѣхъ городовъ шляхетства, также изъ купечества по одному человѣку». Губернаторамъ предписано было объявить объ этомъ дворянамъ о произведеніи выборовъ и выслать депутатовъ

въ 1 янв. 1762 г., но самимъ губернаторамъ и воеводамъ въ выборы никакъ не вступаться, также губернаторамъ, воеводамъ и магистратамъ не вступаться въ выборы купечества. Св. синоду также было сообщенно о присылкѣ своихъ депутатовъ сколько св. пр. синодъ соизволить. Указомъ 8-го декабря 1761 года, приказано было выслать депутатовъ изъ провинцій, а также отъ тобольскаго, Иркутскаго, кievскаго, ибжинскаго и оренбургскаго купечества по два же человека, къ 1 марта 1762 г. Изъ Иркутска, впрочемъ, нашлись въ Петербургѣ два купца, поэтому и велѣно было ихъ употребить для слушанія, не выслая новыхъ депутатовъ отъ этого города. Кроме того, еще въ прежнее правленіе была составлена коммиссія для составленія лифляндскаго уложенія, а указомъ 31-го августа 1761 г. сенатъ поручилъ малороссійскому гетману рассмотретьъ статутъ литовскій черезъ особо опредѣленныхъ для того людей, какіе являлись въ немъ недостатки оные пополнить, напротивъ того, излишки исключать, также и въ Кіевѣ тѣ законы, по коимъ тамошніе граждане, мѣщанство, посполитые и другаго званія люди судомъ и прочимъ распоряженіямъ содержатся, рассмотретьъ же, и если доннѣ какими коммиссіями чего къ тому не сочинено или сочиняемо было, да неокончено, то все оное сочинить за надлежащимъ объясненіемъ и единственнымъ положеніемъ, какъ чему быть и оное все съ депутатомъ, который бы могъ дать о всемъ потребное изъясненіе, прислать въ сенатъ. Коммиссіи и депутатамъ не удалось начать своихъ трудовъ при Елизаветѣ. Екатерина II, указомъ 13-го января 1763 г., распустила по домамъ собранныхъ депутатовъ, потому что предварительныя работы не были еще окончены.

Трудно было правительству знать нужды и потребности народа, когда оно не знало ни государственной территоріи, ни народонаселенія. Собираніе географическихъ свѣдѣній; народныя переписы представляютъ очевидное доказательство неестественнаго положенія дѣлъ. Многое, чему положилъ начало великій преобразователь, осталось пренебрежено и забыто его недостойными преемниками. Екатерина II должна была начать съизнова. При академіи наукъ былъ профессоръ географіи (Вингеймъ, † 1753) и географическій департаментъ, издавшій въ 1745 г. атласъ Россійской имперіи въ 19-ти картахъ, причежъ, по замѣчанію Ломоносова, далеко не воспользовались всѣми матеріалами, находившимися подъ рукою. Ломоносовъ сильно заботился объ исправленіи атласа. Онъ требовалъ снаряженія астрономической экспедиціи для опредѣленія широтъ и долготъ важнѣйшихъ мѣстъ въ Россіи, безъ чего нельзя сочинить исправнаго атласа. Проектъ

Ломоносова опредѣлялъ время, нужное для исполненія этой экспедиціи, въ 1 годъ и 16 недѣль. Экспедиція должна была раздѣлиться на три части. Одна осматрѣла бы западную и юго-западную Россію, другая—юго-восточную, третья—сѣверную и часть средней Россіи. Планъ не былъ приведенъ въ исполненіе по разнымъ причинамъ. Нѣсколько полезнѣе было другое средство для полученія географическихъ извѣстій, хотя замѣтимъ, что планъ Ломоносова, неисполненный тотчасъ, послужилъ однако же основаніемъ для астрономическихъ трудовъ академіи при Екваторинѣ Великой. Въ 1759 г., по требованію Ломоносова, академія предложила сенату потребовать для составленія новаго атласа свѣдѣній со всей имперіи. Въ январѣ 1760 г. разосланы были во всѣ мѣста вопросы академіи съ сенатскимъ указомъ. Этихъ вопросовъ было 30. Они касались положенія мѣстностей, названія городовъ и селеній, состоянія ихъ промышленности, ярмарокъ и т. п. Указомъ предписывалось во всѣхъ городахъ, по полученіи этихъ вопросовъ, опросить знающихъ городскихъ жителей и крестьянъ, чего не можно узнать черезъ разпросы, для узнаванія посылать нарочныхъ, измѣрить разстояніе. Отвѣчать по мѣрѣ того, какъ будутъ собираться свѣдѣнія и т. п. Планъ Ломоносова и въ этомъ отношеніи былъ очень обширный; онъ хотѣлъ составить карты промышленности сверхъ картъ географическихъ. Кроме того, академія просила св. синодъ доставить свѣдѣнія о монастыряхъ, церквахъ и имѣніяхъ. Хотя на первое требованіе академіи синодъ отвѣчалъ было, что и самъ не имѣетъ о томъ извѣстія, однако же скоро начали получаться отвѣты. Это побудило Миллера, сдѣлавшагося инспекторомъ классовъ шляхетскаго корпуса, чрезъ управленіе корпуса разослать также 30 вопросовъ съ тою же цѣлію и также съ сенатскимъ указомъ отъ 19-го декабря 1760 г. Въ теченіе 7-ми лѣтъ въ академіи накопилось большое число отвѣтовъ, хотя на многіе вопросы и изъ многихъ мѣстъ не было прислано никакихъ извѣстій. При Елизаветѣ академія еще не могла воспользоваться этими отвѣтами, потому что разсылка вопросовъ была только за годъ съ небольшимъ до ея кончины. Только въ 1771 г. изданы были, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, топографическія извѣстія, служачія для полнаго географическаго описанія Россійской имперіи. Изданы были 4 книжки, 1 томъ, содержащій въ себѣ описаніе Московской губерніи. Въ нихъ находимъ мы нѣсколько довольно любопытныхъ данныхъ и для царствованія Елизаветы, потому что часть отвѣтовъ относится къ ея времени. Состояніе географическихъ извѣстій о Россіи всего лучше характеризируется словами Бакмейстера, издателя Топографиче-

сликъ извѣстій (см. предисл. стр. 3). Мы видѣли, какъ трудно было снять карту и описаніе Запорожья, несмотря на повтореніе распоряженій объ этомъ и несмотря на то, что карта Добо-счета была довольно удачнымъ опытомъ. Кромѣ Ричкова Топографіи Оренбургскаго края, мы не находимъ никакихъ сколько-нибудь систематическихъ описаній частей Россіи. Не менѣе сбивчивы и неточны были свѣдѣнія правительства и о числѣ народонаселенія. Лучшимъ и единственнымъ средствомъ была, разумѣется, ревизія; но способы произведенія ея были самые несовершенные. Сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній нельзя было получить, несмотря на всѣ усилія правительства, которое и само было еще весьма неопытно въ этомъ отношеніи. Сверхъ того не всѣ жители государства входили въ ревизію, имѣвшую цѣлю собраніе подушнаго, а дополнить показаніе ревизіи другими не было возможности. Нѣкоторымъ оправданіемъ можетъ служить развѣ неточность собираемыхъ свѣдѣній и въ наше время. Чтобы показать, чего мы въ правѣ требовать отъ правительства за 100 лѣтъ тому назадъ, я приведу любопытный примѣръ официальныхъ свѣдѣній нашего времени. Въ Матеріалахъ для статистики Россійской Имперіи, изд. статистическимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ по донесеніямъ епархіальныхъ начальствъ за 1835 г., число разночинцевъ въ имперіи показано 3.507,772 об. пол. прав. испов. Въ свѣдѣніяхъ, изданныхъ министерствомъ финансовъ и относящихся къ 1836 г., разночинцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій было всего 188,651. Послѣ этого легко можно представить себѣ, какаю точность могла быть при Елизаветѣ Петровнѣ, къ царствованію которой мы и вернемся. Въ высшей степени замѣчательенъ докладъ сената отъ 17 сентября 1742 г. Тамъ высказано полное сознаніе невѣдѣнія правительства о настоящемъ состояніи государства и о немнѣнн нужныхъ свѣдѣній. Во время сильной нужды правительства въ деньгахъ оно не имѣло средствъ собирать подати. Сверхъ огромныхъ недоимокъ, многія волости и деревни отказывались платить что-нибудь за пустотю, а повѣрить ихъ не было возможности. По одному уѣзду Переяславля-Задѣснаго показано въ сенатѣ пустошь въ 68 помѣщичьихъ деревняхъ. Правительству оставалось обращаться за свѣдѣніями къ духовенству, имѣвшему болѣе всего средствъ доставить точныя мѣстные свѣдѣнія, но и тутъ не нашли помощи. На запросъ въ синодъ о вѣдомствахъ полученъ отвѣтъ, что и въ присылкѣ такіа вѣдомости не изъ всѣхъ енархій, да и тѣ равныхъ годовъ. Если сенатъ, по свидѣтельству Шаховскаго, не могъ истребовать вѣдомостей изъ подвѣдомственной ему комиссіи, находившейся въ самомъ Петербургѣ,

когда въ интересахъ этой комиссіи было набѣдить контроля, повѣстно какъ должны были отбываться отъ показаній мѣста отдаленныя. Докладъ говорить: «многія души приписываемы въ городахъ равныхъ чиновъ людей въ городскимъ ихъ дворамъ, за которыми деревень нѣтъ, и послѣ того оныя люди, за кѣмъ души написаны, померли и въ другія безвѣстныя мѣста отбыли и дворы ихъ — запустили и только мѣста остались... наслѣдниковъ кто послѣ тѣхъ людей, за кѣмъ души написаны остались ли неизвѣстно, и гдѣ тѣ за ними написаны души невѣдомо». Далѣе: «между оными есть такіе, за кѣмъ души написаны въ домамъ, и дворовъ ихъ, гдѣ они жили, не отыскано». Далѣе: «а нѣкоторые помѣщики и съ людьми своими выѣхали, а куда неизвѣстно; земли ихъ лежатъ впустѣ, и никто ими не владѣеть; а между тѣмъ есть и такіе помѣщики, за которыми записаны души, что и владѣнія ихъ въ тѣхъ мѣстахъ въ дачахъ не бывало, и гдѣ тѣ помѣщики никто не вѣдаетъ». То же самое о стрѣльцахъ, разночинцахъ, мушкетерахъ и т. п. Сборъ податей останавливался за *пустотою* и незнаніемъ, гдѣ находятся тѣ, которые подлежатъ подати и сколько ихъ. Собрать болѣе точныя свѣдѣнія необходимо было для финансовыхъ дѣлей. Сенатъ требовалъ генеральной переписи и періодическаго ея повторенія черезъ извѣстное число лѣтъ (15). Вслѣдствіе этого состоялся извѣстный указъ 16 декабря 1743 г. о произведеніи генеральной переписи во всемъ государствѣ мужеска полу душами. Изъ переписи исключены были завоеванные города, астраханскіе и уфимскіе татары, башкирцы и сибирскіе асачные иноземцы. Въ каждую губернію посланъ былъ одинъ изъ генералитета. Того же 16 декабря 1743 г. была подписана инструкція ревизорамъ, начатавшая въ январѣ (6) слѣдующаго года. Ревизорамъ предписано было брать значительныя штрафы за утайку ревизіи подлежащихъ людей и за тѣхъ, которые явятся безъ паспортовъ. Послѣ многихъ дополнительныхъ указовъ, опредѣлявшихъ подробности и сомнительныя случаи въ производствѣ ревизіи, а также и мѣры для предупрежденія и наказанія умышленному утаенію подлежащихъ подати душъ, 2-я ревизія была окончена и съ 1747 г., на основаніи ея, начали сборъ податей. Подробныхъ свѣдѣній о результатѣ ревизіи мы не имѣемъ. Извѣстно только показаніе или перечневая вѣдомость о числѣ жителей Архангелогородской губерніи, помѣщенная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1841 г. (Т. III отд. геогр. и стат. Россіи стр. 283). Изъ нея узнаемъ мы, что ревизія окончена въ февралѣ 1749 г. и продолжалась 5 лѣтъ. Сверхъ того извѣстно валовое показаніе, именно по 2-й ревизіи мужеска пола оказалось въ Россіи 6.643,335 д. подат-

никъ сословія. 25 ноября 1761 г. обнародованъ былъ указъ о призаведеніи новой ревизіи. На этотъ разъ не было послано особыхъ ревизоровъ, а собраніе свѣдѣній возложено на мѣстное управленіе. Срогъ окончательной подачи вѣдомостей назначенъ въ декабрь 1762 года. Результатомъ было 7.363,348 д. мужскаго пола, хотя и приказано было прежнимъ еще распоряженіемъ подавать сказки и о числѣ женскаго пола. Разумѣется, неказанія 2-й и 3-й ревизіи не даютъ точнаго понятія о настоящей величинѣ народонаселенія. Въ предѣлахъ Имперіи Россійской далеко не всѣ жители вошли въ перепись. Много иногородцевъ, напримѣръ, осталось не перечисленными. Въ Малороссіи первая перепись сдѣлана уже при Екатеринѣ Великой, именно въ 1764 г. Нужно читать у Конисскаго, какъ она производилась въ Малороссіи; а по актамъ П. С. З., которые свидѣтельствуютъ объ упорной утайкѣ душъ въ областяхъ Россіи, можно догадываться, что ревизоры 2-й переписи дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ и при произведеніи переписи въ Малороссіи, тѣмъ болѣе что при 3-й ревизіи правительство отмѣнило послѣду особыхъ ревизоровъ. По показанію Шафонскаго (37) перепись 1764 г. показала въ Малороссіи 1.024,023 д. муж. пола. Относительно Запорожья правительство должно было удовольствоваться свѣдѣніемъ, доставленнымъ самимъ Кошемъ и о которомъ мы уже говорили. Важность ревизіи состояла преимущественно въ болѣе точномъ опредѣленіи подушныхъ сборовъ и въ прикрѣпленія лицъ, неизмѣвшихъ опредѣленнаго состоянія и мѣста жительства.

Намъ слѣдуетъ перейти къ изображенію промышленнаго и торговаго состоянія Россіи, но прежде считаю необходимымъ остановиться на одномъ явленіи большей важности, не оставшемся безъ вліянія и на развитіе нашего промышленнаго быта. Одною изъ цѣлей ревизіи было опредѣленіе сословныхъ правъ и мѣста жительства множества лицъ, подлежащихъ подушной подати и между тѣмъ отбывавшихъ отъ нея, равно какъ и отъ всѣхъ другихъ обязательствъ. Никогда, можетъ быть, бѣгство крестьянъ не являлось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Въ самихъ правительственныхныхъ. актахъ, сверхъ общихъ распоряженій, мы находимъ драгоцѣнныя числовыя показанія, которыхъ напрасно бы стали искать въ другихъ источникахъ. Числовыя показанія правительства, при несовершенствѣ собранія свѣдѣній, и при отсутствіи центрального контроля, часто даже и мѣстнаго, очевидно должны быть не совсѣмъ точны; но эта неточность можетъ быть лишь въ одну сторону. Числа могутъ быть меньше дѣйствительности, но не могутъ быть ея больше. Слѣдовательно, мы должны

принимать ихъ за *minimum*; но и этого *minimum* сленнымъ довольно, чтобы показать всю великость зла. Бѣгство крестьянъ было вѣчнымъ протестомъ противъ этого состоянія, въ которое еще въ прошлыхъ столѣтіяхъ обратило свободныхъ земледѣльцевъ правительство. Пока будетъ существовать это ненормальное состояніе, протестъ естествененъ, но будетъ продолжаться въ большей или меньшей степени. Но были и еще причины, которыя дѣлали бѣгство особенно сильнымъ и общимъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Первая общая ревизія, произведенная при Петрѣ I, окончательно сгладила еще существовавшее различіе между разноправными обработывателями помѣщичьихъ и другихъ земель: всѣ они были призваны вѣрнопостными. Такимъ образомъ первой ревизіей произведено было окончательное послѣднее опредѣленіе. Подобное же стремленіе объединять подъ общимъ именемъ и правами вѣрнопостныхъ и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя еще жили на чужихъ земляхъ, не подходя подъ этотъ общій уровень, замѣтно и въ распоряженіяхъ относительно второй общей ревизіи, то-есть при Елизаветѣ. Очевидно, это еще болѣе увеличивало число бѣглецовъ, а средства къ безнаказанному бѣгству были самыя легкія во время безурядицы отъ смерти Петра до вступленія Елизаветы, а также и при слабомъ, безхарактерномъ правленіи этой государыни. Прибавимъ къ этому бироновщину, самоуправство большихъ и малыхъ временщиковъ, слабость центрального управленія и т. п., и огромное число бѣглыхъ станетъ вполне естественно. Бѣгство было всеобщимъ, а не мѣстнымъ явленіемъ. Только сѣверная полоса Россіи представляетъ исключеніе; но тамъ сохранялись подъ именемъ черносѣмныхъ крестьянъ послѣдніе остатки свободныхъ земледѣльческихъ общинъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до нашего времени. Изъ средней и южной Россіи, гдѣ эти общины были задавлены вѣрнопостнымъ правомъ, во всѣ стороны стремились бѣглецы. Желаніе воли было такъ сильно, что его не могли остановить никакія пожертвованія. Передъ этимъ настоячивою потребностью умокала врожденная русскому человѣку антипатія къ нѣмецкому племени. Нужно было въ статьяхъ мирнаго трактата съ Швеціею помѣстять требованіе о взаимной выдачѣ бѣглыхъ, хотя тутъ полной взаимности не могло быть. Еще въ 1740 году была учреждена особая коммисія для отысканія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи и лифляндскихъ бѣглыхъ въ Россіи (№ 9023 и 9800). Указомъ 6-го октября 1753 г. (№ 10139) учреждена была эта коммиссія, потому что «ожидаемаго успѣха чрезъ тѣ коммиссіи и повинѣ не получено». Изъ Лифляндіи и Эстляндіи выслано бѣглыхъ только 1, 125

душъ и «хотя, сказано въ указѣ, по присланнымъ изъ реченныхъ комиссій вѣдомостямъ оныхъ бѣглыхъ въ Лифляндіи и Эстляндіи еще остается немалое число, однакожь отъ тѣхъ губерній въ невмыслѣ бѣглыхъ въ отговорки представлено, что за неровнымъ возвращеніемъ бѣглыхъ (въ Лифляндію изъ Россіи выслано всего 45 душъ обоого пола, а въ Эстляндію 104 душа) тамошнимъ публичнымъ и частнымъ мнзамъ причинится великое раззореніе». Главное стремленіе бѣглецовъ было, впрочемъ, не на западъ. Обѣтованной землей для русскихъ крестьянъ были южныя степи Запорожья и Малороссіи, польская граница, Пермь, Оренбургъ, Астрахань и наконецъ вся Сибирь. Тамъ былъ просторъ для предприимчивости, гарантіи въ безопасности отъ поисковъ и преслѣдованій прежнихъ владѣльцевъ. Чтобы понять, какъ много должно было бѣжать изъ имѣній, достаточно указать, что въ двухъ губерніяхъ, Бѣлгородской и Воронежской, однодворцевъ и другихъ служилыхъ людей, изъ которыхъ ландмилиція содержится, показано въ бѣгахъ 10,423 челоуѣкъ (см. № 8836 инструкціи посланнымъ для вновь учиненія ревизіи 16-го декабря 1743 г.). На польской границѣ были устроены въ черниговскихъ раскольничьихъ слободахъ сборныя мѣста для бѣглецовъ въ Польшу. Цѣлыми семьями проводились тайно за границу. Бывшій управитель двухъ черниговскихъ слободъ, Халкидонскій, доноситъ сенату, «что крестьяне для перехода въ Польшу только малое пребываніе въ оныхъ слободахъ имѣютъ», но и не всѣ изъ нихъ оставались въ Польшѣ. Часть, побывши тамъ нѣсколько времени, выходила обратно на границу, пользуясь не разъ повторяемымъ вызовомъ нашего правительства, обѣщавшаго выходцамъ изъ Польши прощеніе и льготы. Одни изъ этихъ выходцевъ «для единой вольности, по словамъ Халкидонскаго (т. XV, № 11208), укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записываются», не будучи, впрочемъ, раскольниками; другіе селились въ новой Сербіи или около крѣпости св. Елизаветы въ Новослободскомъ поселеніи. Донесеніе Халкидонскаго вполне оправдывается докладомъ сената отъ 16-го сентября 1749 г., гдѣ сенатъ, требуя генеральной ревизіи, говоритъ, что «Смоленской губерніи многое число за рубежь въ Польшу вышло и вывезено не только числомъ людей, но и цѣлыми деревнями». Запорожье по своему характеру могло наполниться только бѣглецами и выходцами, исказшими прежде всего личной свободой. Здѣсь правительство не могло предпринять ничего для остановки бѣглецовъ; ихъ находимъ также въ казачьихъ донскихъ городахъ (т. XIII, № 9632). Бѣглецами наполнялись степи Астраханской и Оренбургской

губерній и пермскіе заводы. Особенно любопытно показаніе объ Астрахани. «Увѣдомилась мнѣ, сказано въ именномъ указѣ сенату отъ 14-го марта 1745 г. (№ 9125), при ревизіи въ Астрахани явились многіе изъ подлѣтъ, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родились, которыхъ по указамъ о ревизіи высылать оттоль велѣно въ Петербургъ на поселеніе, а оныя подлѣтныя люди по привычкѣ жить кругомъ Астрахани, отъ той высылки бѣгутъ въ Пермь и бусурманятся; также въ степи на Кубанскую сторону на р. Куму и на бухарскую сторону за Яевъ, и тамъ промысломъ звѣриннымъ питаюсь, звѣрски въ отчаяніи живутъ». Ничто не можетъ лучше характеризовать этой жажды воли. Бѣглецы русскіе и въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, въ Пруссіи, даже въ Турціи оставались вѣрны религіи отцовъ; надобно было, чтобъ положеніе ихъ было слишкомъ отчаянное, когда они рѣшились лучше бусурманиться, чѣмъ воротиться къ помѣщикамъ. Правительство должно было отступить отъ своихъ распоряженій, и въ томъ же именномъ указѣ императрицы предлагается: «не лучшее ли будетъ записать ихъ въ перепись и поселить по р. Волгѣ на пустыихъ мѣстахъ, которыя никакой пользы будучи пустыни не приносятъ, а поселенные во всякомъ случаѣ потребны». Астрахань привлекала къ себѣ значительную часть бѣглыхъ. Въ 1757 г. въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ обнаружился волненіе между крестьянами. Они бѣжали забирая пожитки и лошадей. За Волгой устроены были землянки и поселившіеся тамъ бѣглецы объявляли, что будутъ принимать у себя всякихъ прихожихъ людей. Здѣсь, слѣдовательно, начинало образовываться такое же общество, какъ и въ Черниговскихъ слободахъ. Между крестьянами пущенъ былъ слухъ, что въ Царицынѣ и въ Камышанѣ велѣно принимать всѣхъ бѣглыхъ для приписки къ казенному шелковому заводу, что для принятія бѣглыхъ опредѣленъ майоръ Парубучъ и крестьяне явно шли туда. Правительство должно было разосланнымъ повсюду сенатскимъ указомъ отъ 13 янв. 1758 г. (№ 10791) объявить лживость этихъ слуховъ и приказать ловить разглашателей этихъ слуховъ, которые ласкаютъ вольностію простой народъ, и подвергать ихъ строгому наказанію. Важно также официальное показаніе о числѣ бѣглыхъ на горныхъ заводахъ. Горнымъ заводчикамъ постановленіемъ Анны Ивановны было опредѣлено: сколько должно было приписывать къ заводамъ крестьянъ, именно на каждую доменную печь сто дворовъ, да къ двумъ молотамъ по 30 дворовъ, итого 160 дворовъ, полагая по 4 души мужскаго пола на дворъ. Въ мѣдныхъ заводахъ на каждые 1000 пуд. выплавляемой чи-

стой мѣдн положено имѣть по 50 дворовъ или по 200 душъ м. я. Въ 1753 г. огазилось (т. XIII, № 10131), что по этому разсчету при заводахъ Сибирской и Казанской губерній должно было быть только 8,362 д., между тѣмъ какъ ихъ было въ наличности 25,627 д., слѣдовательно 17,265 д. лишняго противъ дозволенной пропорціи; изъ нихъ 8,377 душъ пришлыхъ, въ томъ числѣ на 7 заводахъ Акинфія Демидова, пришлыхъ и немонашскихъ родства 4,124 сверхъ приписанныхъ вѣчно въ 1763 г., пришлыхъ же 2,604 д. Бергъ-коллегія, донося о томъ сенату, требовала приписанія валидныхъ противъ пропорціи крестьянъ къ казеннымъ заводамъ, которые терпѣли недостатокъ въ рабочихъ, и въ этомъ смыслѣ и состоялся сенатскій указъ 12 авг. 1753 г. Еще знаменательнѣе сенатскій указъ 30 дек. 1755 г. Тамъ сказано, что на заводахъ Акинфія Демидова пришлыхъ изъ разныхъ губерній послѣ ревизіи 1724 г. показано 6,852 д. Сенатъ опредѣлялъ: съ казенныхъ сибирскихъ заводовъ пришлыхъ послѣ ревизіи 1724 г. по вѣдомостямъ и по 2-й общей ревизіи показано 2,357 душъ; ихъ не высылать. Съ партикулярныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводовъ Акинфія и Никиты Демидовыхъ, Барона Строгонова, Петра и Гаврилы Особиныхъ такихъ же пришлыхъ 4,493 души, также не высылать. Причины выставлены слѣдующія. Такое число бѣглыхъ трудно выслать на мѣсто ихъ жительства безъ огромныхъ вонзоевъ; они разоблудятъ на лѣсамъ, или уйдутъ за границу. Призывъ оставленія бѣглыхъ поданъ уже въ Астрахань, гдѣ по объявленіи, что правительство оставляетъ ихъ въ Астрахань, тотчасъ же 3,000 бѣглецовъ явились и всѣ самохотно обязались платить 40-алтынный подушный окладъ. Бѣглецы, живши на заводахъ, отставъ уже отъ пашни, и не уживутся, и уйдутъ опять сами въ Сибирь, да еще подговорять съ собой и другихъ, а въ Сибири могутъ быть безъ платежа подушныхъ. Кромѣ того, сенатъ привалъ еще въ соображеніе, что Сибирская губернія, которую сенатъ считаетъ между прочимъ *не весьма-великой обширности* (XIV, стр. 795), требуетъ заселенія пустыхъ мѣстъ, что заводы приносятъ большую пользу государству, а высылкой пришлыхъ людей «распространенные только заводы въ опустошеніе преведены быть могутъ». Вслѣдствіе этого и позволено было окончательно оставить при заводахъ всѣхъ бѣглыхъ, запретивъ только строго принимать новыхъ.

О бѣглыхъ въ Оренбургской губерніи мы уже говорили. Для полноты картины не будетъ, однако же, лишнимъ напомнить сказанное; въ докладѣ своемъ сенату (Т. XII № 3006) Неплюевъ пишетъ: «Всѣ крестьяне, что ихъ ни есть въ Исетской провинціи, не суть тамошніе природные, но сходцы изъ разныхъ

мѣсть; ибо при строеніи сибирскихъ слободъ, по указамъ изъ тобольской приказной палаты, велѣно было тѣ слободы населять изъ вольныхъ, прихожанъ и гулящихъ людей, почему всѣ тѣ во большей части или едва не всѣ помѣщичьими населены. Въ 1741 г. по вѣдомостямъ оказалось такихъ сходцевъ въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ записанныхъ въ службѣ 5,154 ч. По осмотру въ сентябрѣ 1747 г. (№ 9501) вновь присланныхъ, оказалось не помѣщичьихъ родства и помѣщиковъ 711, подлежащихъ точно въ подушный окладъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и дряхлыхъ. Подобно бергъ-коллегіи, Неплюевъ требовалъ, чтобы позволено было не выдавать прежнимъ владѣльцамъ этихъ бѣглецовъ, уже давнымъ давно поселившихся въ Оренбургскомъ краѣ. Точно также онъ указывалъ, что въ случаѣ ихъ высылки слободы опустѣютъ, «также и казенныхъ, для Оренбургской губерніи спутныхъ отправленій исполнить будетъ некъмъ; ибо въ нихъ, какъ выше упомянуто, большая часть бѣглыхъ наберется». Правительство должно было уважить представленіе Неплюева. Въ отдаленныхъ областяхъ Сибири не было возможно знать хотя приблизительно число бѣглецовъ. Мы не находимъ въ современныхъ актахъ общаго числа бѣглецовъ. Для сравненія можно привести только справку, сдѣланную въ 1742 г. сенатомъ съ вѣдомостями военной коллегіи. Должно замѣтить, что податные люди приписаны были къ арміи и сборъ съ нихъ шелъ на содержаніе войска (Т. XI № 8619). По показанію военной коллегіи, въ 1729 г. въ теченіе времени отъ 1719 по 1727 г. бѣглыхъ было 198,876 м. п. Число огромное, особенно если предположить, какъ и слѣдуетъ, что неточность могла быть въ уменьшеніи, а не въ увеличеніи дѣйствительнаго числа бѣглыхъ. Съ 1727 г. нѣсколько не измѣнились главные обстоятельства, способствовавшія побѣгамъ, а слѣдовательно, трудно предполагать значительное уменьшеніе числа бѣглецовъ. Разсматривая современные правительственные акты, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ выгодъ отъ этихъ побѣговъ. Бѣглецами населились украинныя Россіи, чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко среди инородцевъ и должна была могущественно дѣйствовать на распространеніе между ними первыхъ началъ промысловъ и хлѣбопашества. Бѣглецами держались наши заводы въ сѣверо-восточномъ углу Россіи и въ Сибири. Не забудемъ, что эти новыя колонисты, была самая энергичная, предприимчивая часть сѣвернаго населенія Россіи. Малодушный и слабый духомъ покорно склонялся подъ условіе крѣпостнаго права, смѣлая уходилъ въ астраханскія степи или въ лѣса Сибири. Говоря о бѣглецахъ, мы беремъ только одну часть, оставляя въ сторонѣ бѣглыхъ расколь-

никовъ, хотя собственно говоря, между ними была тѣсная связь, что мы могли уже замѣтить въ донесеніи Халивдонскаго. Въ полномъ свѣтѣ связь между этими двумя протестами высказалась въ Пугачевщинѣ, гдѣ дикія страсти разыгрались на просторѣ, гдѣ на объявленіе, что самозванецъ жалуетъ бороною и вольностію, отозвалось почти все населеніе восточной Россіи. Говоря о бѣглыхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, мы должны заключить, что далеко не всѣ бѣглецы стремились искать на русскихъ укрѣпленіяхъ новыхъ мѣстъ для поселеній. Естественно часть ихъ должна была остаться по близости прежнихъ мѣстъ; одни, какъ мы знаемъ изъ правительственныхъ распоряженій по ревизіи, искали вольной работы на фабрикахъ и заводахъ внутри Россіи, иногда въ самомъ Петербургѣ или въ Москвѣ. Другіе разрывали всѣ связи съ обществомъ, становились разбойниками. Разбой былъ необходимымъ слѣдствіемъ такого повсемѣстнаго общаго явленія, каково было бѣгство крестьянъ; и средствъ къ заведенію тайныхъ притоновъ, къ укрывательству отъ поисковъ было много. Назадъ тому 100 лѣтъ самыя природныя условія страны были не совсѣмъ тѣ же, что теперь, когда болѣе сжатое населеніе, сильное развитіе земледѣльческой и фабричной промышленности во многомъ совершенно измѣнило ихъ. Правда, и въ царствованіе Елизаветы мы находимъ нѣсколько указовъ, запрещающихъ востребовать лѣса, особенно около большихъ городовъ, но въ то же время въ топографическихъ извѣстіяхъ, основанныхъ на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ или въ самомъ концѣ ея царствованія или нѣсколько позже, мы находимъ, напримѣръ, что въ Клинскомъ уѣздѣ Московской провинціи встрѣчались еще олени и дикія козы (Т. I стр. 36), что въ Муромскихъ лѣсахъ Владимирской провинціи водились еще лоси (стр. 135). При такихъ условіяхъ разбой долженъ былъ являться въ большихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, въ официальныхъ актахъ мы находимъ замѣчательныя извѣстія. Не съ однимъ вожемъ или кистенемъ разбойничать по большимъ дорогамъ бѣглый крестьянинъ или солдатъ, не въ одиночку или малыми шайками отправляли они свое кровавое ремесло (Т. XII № 9020). Въ 1744 г. доносилъ директоръ китайскаго каравана Лобратовскій, ѣхавшій видно изъ Москвы въ Сибирь, что на него до самой Казани чинимы были нападенія отъ разбойниковъ и что онъ едва пушками могъ спасти свое судно, что во время плаванія по Окѣ онъ встрѣтилъ на дорогѣ болѣе 50 разбитыхъ и пограбленныхъ судовъ, на которыхъ людей имѣлось человѣкъ по 60 и многое число набѣжалъ раненныхъ. До самаго Вышнаго Волочка являлись разбойничьи партіи. 7 сентября 1744 г. состоялся именной указъ сенату объ

искорененіи воровъ и разбойниковъ; во всѣ губерніи отправлены особые сыщики съ военными командами: по рѣкамъ пѣшіе отряды на судахъ, конные разъѣзды по дорогамъ, должны были ловить злодѣевъ. Того же числа подписана подробная инструкция сыщикамъ (Т. XII № 9025, 9026 и 9027). Въ тотъ же день подписана и инструкция штабъ-офицерамъ, посланнымъ по губерніямъ для производства слѣдствій надъ прежними сыщиками. Въ 1756 г. доносилъ съ Волги майоръ Бражниковъ, что имѣлъ онъ бой съ разбойниками, въ которомъ убито изъ его команды 27 человекъ, а ранено 5, а изъ разбойниковъ убито до смерти эсаулъ и еще до 5 человекъ, а живыхъ получить не могъ, ибо при нихъ находились пушки и весьма вооружены; да казанскій сыщикъ майоръ Ермолаевъ поймалъ въ Чебоксарахъ одного разбойника, который показалъ съ пытки, что одна разбойничья партія ниже Чебоксаръ на Волгѣ на 2 лодкахъ съ 6 пушками и 50 человекъ должна была въ ночь на 28 мая сухимъ путемъ и водою явиться въ Чебоксары, а онъ съ 2 товарищами посланъ былъ зажечь городъ, что другая также вооруженная партія стоитъ на 2 лодкахъ въ Окѣ выше Нижняго. Что всѣ партіи должны были соединиться въ Нижнемъ Услонѣ и идти до Астрахани, дѣйствуя общими силами (Т. XIV, № 10571). Для разбойниковъ мало было явиться въ многлюдныя селенія ии. Хованскаго или Шереметева (въ Сузд. уѣздѣ), перебить тѣхъ, кто пытался сопротивляться, сжечь строенія, забрать помѣщичьи оброчныя деньги и крѣпости на крестьянъ, какъ они это сдѣлали въ 1744 г. (Т. XII, № 9026 § 9). Въ 1756 г. доносила Алатырская провинціальная канцелярія, при которой находилось 39 человекъ солдатъ, правда безъ ружей съ одними коньями-рогатинами, что въ ночь на 3 марта вошли въ Алатырь разбойники, разбили провинціальнаго магистрата и взяли соланаго сбора денежной казны 946 р., что по р. Сурѣ весной они разбиваютъ и грабятъ казенныя и частныя суда, чина многія смертныя убійства и грабительства, что часто подаются явочныя прошенія въ разбогахъ и пожарахъ. Ахтырская канцелярія требовала прислать 100 ружей, шпагъ и пороху для вооруженія находящихся при ней солдатъ, потому что въ Алатырѣ не было крѣпости, а они боялись новаго нападенія (Т. XIV, № 10612). Не въ одной восточной половинѣ Россіи разбой принимали такой опасный характеръ, хотя тамъ Волга съ ея притоками, дремучіе лѣса и отдаленность правительственнаго центра, разумѣется, должны были особенно благоприятствовать безнаказанности. Мы видѣли, что въ 1744 г. партіи разбойниковъ доходили водою до Вышняго Волочка. Въ именномъ указѣ 22 октября 1759 г. сказано:

«Извѣстно намъ, что во многихъ провинціяхъ, а особенно въ Московской и около Новагорода, великіе разбои завелись и ужасныя грабительства, какъ проѣзжающимъ, такъ и живущимъ по деревнямъ помѣщикамъ чинятся» (т. XV, № 11001). Сенатъ указомъ 11 октября 1761 г. приказалъ главному сыщику Новгородской и Смоленской губерній, полковнику Коптеву командировать комплектную роту въ Новгородъ, да и самому съ командой расположиться ближе къ этому городу, чтобы прекратить разбои. Правительство усилило отрядъ Бражникова на Волгѣ. Кромѣ сыщиковъ и штабъ-офицеровъ для слѣдствія надъ старыми сыщиками, были еще разосланы другіе штабъ и оберъ-офицеры для отысканія бѣглыхъ солдатъ, матросовъ, рекрутъ, которые пополнили собою разныя шайки. Уже изъ самыхъ показаній правительства, изъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ имъ, можно видѣть, какъ велико было зло. Въ то же время можно замѣтить, какъ мало имѣло правительство силъ для его прекращенія. Разбои, какъ уже замѣчено, составляютъ естественное дополненіе бѣгства крестьянъ. Бѣглецы дѣлались. Одни шли въ степи и въ дальнія мѣста добывать себѣ вольнымъ трудомъ кусокъ хлѣба; приписывались къ заводамъ, поселялись въ рыболовныя ватаги, или селились на земляхъ, отведенныхъ правительствомъ, и принимали служебныя и подушныя повинности, стараясь только уничтожить возможность возврата къ прежнимъ владѣльцамъ. Другіе остались около природныхъ жилищъ и кроваво мстили обществу за лишеніе воли.

Перейдемъ къ промышленному и торговому состоянію Россіи. Здѣсь мы найдемъ лучшее доказательство того, что движеніе, приданное развитію Петромъ Великимъ, шло впередъ, несмотря на всѣ препятствія. Въ самомъ дѣлѣ, если безпрестанно измѣнявшіяся постановленія правительства сегодня запрещали то, что было позволено вчера, но что будетъ запрещено опять завтра, если монополія и запретительныя мѣры въ интересахъ сильныхъ временщиковъ, если отсутствіе внутренней безопасности и удобныхъ путей сообщенія, отсутствіе общественныхъ гарантій, не загубили только что зародившуюся промышленность, значитъ она успѣла пустить глубокіе корни въ почву. Мы видимъ медленный, сдерживаемый, но постоянный прогрессъ. Чтобы показать, какъ велики были монополіи, я остановлюсь на привилегіяхъ, данныхъ Петру Ивановичу Шувалову и другимъ, также на нѣкоторыхъ общихъ распоряженіяхъ относительно различныхъ отраслей промышленности. Въ іюнѣ 1742 г. состоялось высочайше утвержденное опредѣленіе сената объ отобраніи у барона Шемберга рудныхъ мѣстъ въ Лапландіи и Гороблагодатныхъ заводовъ, также сольныхъ и китоловныхъ промысловъ, которыми

онъ пользовался, какъ монополистъ, на привилегіяхъ, данныхъ ему еще при Петрѣ Великомъ. Въ этомъ сенатскомъ постановленіи подробно доказано, что Шембергъ не исполнилъ кондицій, что отъ тѣхъ казенныхъ, отданныхъ ему заводовъ вмѣсто прибыли оказался казнѣ не малый убытокъ, и уже заводы содержать стало нечѣмъ; а съ вышеписанныхъ отданныхъ ему Гороблагодатныхъ и Лапландскихъ заводовъ, по обязательству своему ничего въ казну не платилъ, да и въ плавкѣ мѣди на Лапландскихъ заводахъ не было, а съ салныхъ и рѣзныхъ промысловъ, что надлежало въ казну платить ли, того и неизвѣстно и сверхъ того казенныхъ денегъ не малую сумму за срокомъ не платить. Вслѣдствіе этого, заводы были взяты въ казенное вѣдомство до тѣхъ поръ, пока въ содержаніе охотимъ къ тому надежнымъ людямъ съ приращеніемъ казенной прибыли отданы будутъ. Скоро, впрочемъ, всѣ эти заводы перешли въ руки самовластнаго временщика, который, болѣе чѣмъ баронъ Шембергъ могъ дѣйствовать безнаказанно своекорыстно. 6-го іюля 1748 г. именнымъ указомъ отданы были имѣющіеся у города Архангельска и въ Колѣ салные промыслы, для лучшаго тѣхъ промысловъ произведенія и приращенія казеннаго интереса, графу П. Шувалову и женѣ его и наслѣдникамъ на 20 лѣтъ. Затраченныя изъ казны на заготовленіе сала и моржовой кожи на 6,000 р. были пожалованы ему за вѣрныя службы (т. XII, № 9515). Для Шувалова сдѣлана была и другая льгота: «а понеже при тѣхъ промыслахъ содержаны были Грунландскіе китоловные промыслы, которые сначала во все время не только пользу приносили, но и не малый казенный убытокъ причинили, а для того оныя Грунландскіе промыслы отъ вышеупомянутыхъ... исключаются, развѣ онъ, графъ Шуваловъ, самъ пожелаетъ ихъ производить». Отдача этихъ промысловъ Шувалову не была еще стѣснительна для промысловъ Бѣловодскихъ, но за первымъ указомъ слѣдовали другіе. П. И. Шуваловъ былъ дѣятелемъ въ изысканіи способовъ къ увеличенію своего богатства, а довѣріе императрицы позволяло ему забирать въ свои руки монополию на счетъ свободной промышленности. Указомъ 14-го января 1750 г., (т. XIII, № 9701) было запрещено брать съ товаровъ, для Бѣломорской компаніи Шувалова, всякія другія пошлины, кромѣ положенныхъ 5 коп. съ рубля. Февраля 1-го, того же 1750 г. (т. XIII, № 9705) состоялся стѣснительный для промышленниковъ указъ, которымъ объявлялось въ Архангельской и Новгородской губерніяхъ, что сало, ворвань и кожи провозятся и продаются вольными промышленниками помимо компаніи графа Шувалова; отвозя ихъ въ разныя мѣста, между прочимъ въ Остзейскіе порты и хотя

стремъ то и въ такая же плата и прочее удовольствіе чинится, однако, для распространенія выписанныхъ салыныхъ привилегій и приращенія высокаго е. и. в. интереса запрещается, подъ опасеніемъ конфискаціи товаровъ, продавать сало и кожи постороннимъ, помимо прикащиковъ гр. Шувалова. Буде же промышленники за дальностію въ Архангельскому и по немѣнѣ у нихъ способныхъ въ тому судовъ вести тѣхъ сенокъ товаровъ не пожелаютъ, то для лучшаго ихъ удовольствія въ тамошнихъ мѣстахъ изъ конторы его имѣють быть посланы съ готовыми деньгами для покупки оныхъ товаровъ прикащики. 28-го марта 1750 же года, по донесенію гр. Шувалова, что и продажа трески вольными промышленниками по морскому берегу также мѣшаетъ дѣйствіямъ его компаніи, а отъ того и интересу ея императорскаго величества въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ, уповательно есть умаленіе, сенатъ призналъ невыгоды вольныхъ промышленъ и вольной продажи и «указомъ запретили продажу трески помимо конторы Шувалова и его приказа» (№ 9728).

Въ то время, когда строго запрещалось провозить соль даже изъ Запорожья и Малороссіи, Бѣломорской компаніи гр. Шувалова разрѣшено было выписывать изъ-за моря для соленія трески отъ 300 до 500 пудовъ испанской и французской соли (указъ 4-го сентября 1750 г. № 9,796). Указомъ 11-го марта 1753 г. (т. XIII, № 10,176) объявлено, что въ Ригу прибыло судно съ полными грузомъ трески, ловленной въ Колѣ (слѣдовательно, доставленной изъ Бѣломорской компаніи Шувалова), которая добротой превосходитъ привозимой понынѣ изъ Бергена трески жъ, коя частію здѣсь расходуется, частію же въ сосѣдственныхъ мѣстахъ покупаются, и потому ежели бы привозъ изъ Бергена и изъ другихъ иностранныхъ мѣстъ этой трески запрещенъ, а напротивъ того, одну только ловленную въ Колѣ треску жъ привозить позволено было; чтобъ оттого высочайшему ея императорскому величеству интересу не малое приращеніе и коммерціи быти, потому что не только деньги за такой изъ чужестранныхъ мѣстъ привозимый товаръ уже здѣсь въ землѣ останутся, но и пошлина за ту привезенную изъ Колы рыбу равномерно жъ платима будетъ и тѣмъ внутренней торгъ извѣстно увеличится». Сенатъ запретилъ привозъ иностранной трески и интересы многочисленныхъ потребителей были пожертвованы кормостолбію Шувалова. Указомъ 6-го октября 1750 г., запрещено было прибылымъ промышленникамъ Ладожскаго озера продавать ворвань сало кому бы то ни было кромѣ прикащиковъ графа Шувалова. Марта 26-го 1753 г. разрѣшено для прикащиковъ Бѣломорской компаніи Шувалова ѣздить на судахъ въ Карское море, въ Обскій и Тазов-

скій залвы, стронть магазини и вестя торгъ съ ииородческыми племенами; для огражденія купечества запрещено было только прикащикамъ Шувалова ѣздить внутрь земли далѣе 25-ти верстъ отъ морскаго берега, хотя устройство по берегамъ магазинновъ съ хлѣбомъ, котлами, тонорами, однимъ словомъ, всѣми товарами, удовлетворяющими неприхотливому требованію ииородцевъ, дѣлало эти ограниченія почти лишними (№ 10083). Указомъ марта 6-го 1751 г., отданъ Шувалову тюленій промыслъ въ Астрахани и на всемъ Каспійскомъ морѣ, съ запрещеніемъ вольнымъ промышленникамъ продавать свою добычу помимо его конторы.

Это были прамы стѣсновенія со стороны знатныхъ монополистовъ, а сколько было косвенныхъ, которыхъ разгадку надобно искать не въ офіціальныхъ актахъ, а въ частныхъ запискахъ и извѣстіяхъ. Отъ личнаго произвола, отъ своекорыстія временщиковъ зависѣла участь той или другой отрасли народной промышленности: укажу на записки Шаховскаго, гдѣ объяснены поступки Шувалова. Приведу рассказъ Шаховскаго о производствѣ суконъ (1.186). И большая часть мѣръ были вызваны подобными же побужденіями. Было бы слишкомъ долго останавливаться на разныхъ распоряженіяхъ, изъ которыхъ многія мѣнялись частію совершенно въ противоположномъ смнслѣ. Приведемъ общія мѣры и нѣкоторыя частныя. Указомъ 13-го марта 1744 г., написано было русскимъ фабрикантамъ бархатовъ и прочихъ матерій клеймить свои произведенія для обозначенія, въ какомъ городѣ и въ какой именно фабрикѣ они дѣланы. То же подтверждено указомъ 12-го августа 1753 г., подъ опасеніемъ штрафа за неисполненіе этого указа. 27-го іюля 1744 г. состоялся высочайше утвержденный докладъ сената о возобновленіи права фабрикантамъ покупать деревни къ фабрикамъ. 12-го марта 1752 г. указомъ сената опредѣлено, сколько дозволяется имѣть прикупныхъ крестьянъ при фабрикахъ и заводахъ. Я уже имѣлъ случай замѣтить, по поводу бѣглыхъ на горныхъ заводахъ, какъ превышало число наличныхъ заводскихъ крестьянъ противъ указной пропорціи. Указъ 12-го марта вызванъ подобной же несообразностію, оказавшейся на игольной фабрикѣ Римскихъ, гдѣ излишнихъ крестьянъ оказалось около 2 т. (1,982). Постановленіе о числѣ душъ, положенныхъ при желѣзныхъ и мѣдныхъ заводахъ, намъ уже извѣстно. На другихъ заводахъ и фабрикахъ газенная пропорція опредѣлена слѣдующая (№ 9954): къ каждому стану бархатныхъ, штофныхъ и т. п. матерій съ переборами, приписываются по 16 душъ мужскаго пола; къ станамъ для матерій безъ переборовъ по 12 душъ, къ суконнымъ по 42, къ варзевнымъ по 15 (въ указѣ № 10,147 положно по 30), къ полотня-

нимъ по 12, къ шляпному лучку по 30 душъ, а женскаго поля сколько при мужьяхъ обрѣтаться будетъ. Изъ нихъ предписывалось употреблять на дѣйствительную фабричную работу на шелковыхъ фабрикахъ $\frac{1}{4}$ часть, на суконныхъ, полотняныхъ и прочихъ фабрикахъ $\frac{1}{8}$ часть, а прочихъ оставлять при крестьянскихъ работахъ. Бергъ и мануфактуръ-коллегии обязаны были крѣпкое смотрѣніе имѣть, дабы они, заводчики и фабриканты, излишними крестьянами, яко по нихъ званію, непринадлежащихъ интересовъ, подъ видомъ заводовъ и фабрикъ пользоваться случая не имѣли. Указомъ 5-го ноября 1753 г. разрѣшалось покупать фабрикантамъ крестьянъ безъ земли въ число указной пропорціи (№ 10147). 22-го декабря 1758 г., сенатъ, по представленію князя Трубецкаго, потребовалъ у мануфактуръ-коллегии и ея конторы и у главнаго магистрата общаго ихъ мнѣнія, что должно почитать за фабрику и мануфактуру, и что за одно руководѣіе и мастерство, потому что отъ смѣшенія этихъ понятій происходили многія злоупотребленія и стѣсненія для простаго народа, напримѣръ, привилегированные фабриканты запрещали всякую вольную выдѣлку, напримѣръ, набоекъ низшаго сорта, шляпъ мужицкихъ и т. п. (№ 10910). Присланное еще въ 1753 г. мнѣніе мануфактуръ-коллегии было такое, что «всякія мастерства, по большей части почитаются за фабрики, черезъ что у мастеровыхъ, какъ крестьянъ, такъ и прочихъ промышленяющихъ тѣмъ людей, пропитаніе отнято быть можетъ». Есть запрещеніе учреждать огнедѣйствующіе заводы въ разстояніи меньше 200 верстъ отъ Москвы, въ видахъ сбереженія лѣсовъ. Съ тою же цѣлію воспрещено было устроять фабрики и заводы вблизи С.-Петербурга. Сенатскимъ указомъ 13-го декабря 1761 приказано было предоставить самимъ фабрикантамъ вызовъ изъ-за границы иностранныхъ мастеровъ, которые прежде нанимались черезъ русскія посольства въ Парижъ, Лондонъ и другихъ столицахъ Европы. Указомъ 27-го іюля 1760 г. предписано было, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ государственныхъ чернососныхъ крестьянъ не считать вѣчною собственностію тѣхъ заводовъ. Указомъ 15-го октября 1751 г. опредѣлено, чтобы «никто безъ дозволенія мануфактуръ-коллегии никакихъ фабрикъ заводить и производить и тѣмъ настоящимъ фабрикантамъ, въ размноженіи ихъ фабрикъ помѣшательства чинить и производить не дерзали; а кто какую фабрику завестъ и производить пожелаеть, тѣмъ просить позволенія отъ мануфактуръ-коллегии».

Относительно горныхъ заводовъ замѣтитъ слѣдуетъ постановленіе 16-го апрѣля 1744 г.: по представленію губернатора Неплюева и бригадира Аксакова, сенатъ разрѣшилъ отдать нахо-

дившіяся въ Уфимской провинціи казенный негодный Табынскій мѣдный заводъ сибирскому купцу Ив. Твердышеву, несмотря на то, что соискателями его явились дѣяств. ст. сов. Аѳиній Демидовъ, знаменитый въ исторіи нашей горнозаводской промышленности, а также богатый промышленникъ Петръ Осокниъ (т. XII, № 8921). Неплюевъ настоялъ на отдачу завода Твердышеву, и не ошибся въ своемъ выборѣ. Въ Топографіи Оренбургскаго края Рычкова, напечатанной въ 1762 г., показано въ Оренбургской губерніи 5 мѣдныхъ и 2 желѣзныхъ завода, принадлежащихъ компанейщикамъ Ив. Твердышеву и Ив. Мясникову, находившихся въ полномъ ходу въ 1760 г., и два желѣзныхъ вновь устроенныхъ завода. Тамъ же найдемъ мы и характеристику дѣятельности Твердышева, *начинателя* этого дѣла, какъ называетъ его Рычковъ. Табынскій казенный заводъ былъ перенесенъ на другое мѣсто и получилъ названіе Воскресенскаго въ 90 верстахъ отъ прежняго мѣста на р. Торговѣ въ Бѣлую. Поселеніе русскихъ промышленниковъ и заведеніе заводовъ среди башкирскаго населенія встрѣчало большія препятствія. Твердышевъ съ братьями и съ Мечниковымъ, не жалѣя ни труда, ни издвенія, повелъ дѣло такъ ловко и честно, что башкирцы, считавшіе поселеніе на своихъ земляхъ какъ нарушеніе вѣковыхъ правъ собственности, полюбили ихъ, считали ихъ хозяевами и не только никакихъ помѣшательствъ и препятствій ни въ чемъ имъ не чинили, но и сами, узнавъ свойство руды, ихъ находженіе имъ объявлять стали; а многіе изъ платы и возкою на заводъ руды промышленлять вознамѣрились (11,226). Какъ въ Сибири, такъ и въ Оренбургскомъ краѣ русскіе заводчики дѣяствовали по указамъ старинныхъ копей, носившихъ у простаго народа названія Чудскихъ, памятникомъ какой-то погибшей цивилизаціи неизвѣстнаго народа, не оставившаго въ исторіи ничего, кромѣ могилъ и этихъ копей. Октября 13-го 1753 г. состоялся весьма замѣчательный указъ относительно горныхъ заводовъ Оренбургской губерніи (т. XIII, №10141). По свидѣтельству посланнаго горнаго чиновника и мѣстнаго начальства, нельзя было не убѣдиться въ процвѣтаніи частныхъ заводовъ и въ ихъ превосходствѣ надъ казенными, находившимися въ завѣдываніи своекорыстныхъ чиновниковъ. Правительство должно было придти къ этому сознанію и высказало его въ этомъ указѣ. «Башкирцы, сказано тамъ, съ оными партикулярными заводчиками, такъ уже хорошо обошлись, что сами руды сыскиваемы приносятъ и возкою на ихъ заводы съ рудниковъ разработанныхъ рудъ и отдачей имъ въ оброки своихъ земель и угодій, охотно промышленяютъ и пользуются, а нѣкоторые и продажею въ тѣмъ заводамъ изъ

слонкъ вотчинъ землей и угодыми по добровольнымъ договорамъ способствуютъ.... и такъ оное periodically происходитъ, что отъ башкирцова несправедливыхъ жалобъ и отъ заводчиковъ изувольствія не бывало; напротивъ того, оный же башкирскій народъ, по смежности его съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ, довольно знаетъ, на какомъ основаніи тамошніе казенные заводы содержатся». Сенатъ приказалъ, во всей Оренбургской губерніи казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ не заводить, а крайнее стараніе прилагать разнородныя такіе заводы партикулярнымъ людямъ». Вслѣдъ за Твердинскими явились дворяне Дамидовъ, Стрѣгоновъ, Шуваловъ (Ал. и Пет.) и др. Всего въ Оренбургской губерніи, въ 1760 г., было уже 28 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ. Даже восстаніе Батирова не уничтожило этой промышленности. 25-го мая 1764 г. обнародованъ былъ сенатскій указъ (т. XIV, № 10243) во всеобщее свѣдѣніе, которымъ вышнвались желанія въ Сибирской губерніи и Иркутской провинціи искать руды и казенія; тѣмъ позволялось во всякъ тамошнихъ мѣстахъ, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ искать, копать, класть и чистить всякіе металлы, сирѣчь: золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ и желѣзо, главо мѣ и минераловъ яко селитра, сѣра, купоросъ, квасцы и всякихъ кристалловъ и каменій». Нашедшимъ предписывалось только испрашивать позволенія на постройку заводовъ. Того же дня опубликованъ указъ бергъ-коллегіи, разрѣшающій подобныя поиски и въ Оренбургской губерніи. Къ сожалѣнію, мѣры правительства не всегда отличались послѣдовательностію. Какъ скоро замѣшивался интересъ вліятельнаго лица, дѣло принимало другой оборотъ. Такъ, въ 1753 г., правительство созналось въ превосходствѣ частныхъ заводовъ передъ казенными, въ большей отъ нихъ выгодѣ для государства, и запретило заводить казенные мѣдные заводы во всей Оренбургской губерніи. Черезъ годъ съ нѣсколькими мѣсяцами мы находимъ мѣру о запрещеніи вывоза мѣди за границу и объ умноженіи казенныхъ мѣдныхъ заводовъ. Причина заключалась въ томъ, что гр. П. И. Шуваловъ, начальникъ комиссіи для передѣлки мѣдной монеты, увлекавшій изъ этого огромныя денежные выгоды и не дававшій отчета сенату, находилъ для себя несравненно выгоднѣе имѣть дѣло съ казенными заводами, нежели съ частными промышленниками. Въ 1747 г. отобраны были въ казну Колинванъ-Воскресенскіе, Варнаулскій и Шульбинскій заводы умершаго Акинфія Демидова. Въ 1757 г. ноября 14-го (т. XIV, № 10779), мы находимъ новый замѣчательный указъ сената, а въ приложеніи еще болѣе любопытное донесеніе главнаго судьи монетной канцеляріи *Шлаттера*. Шлаттеръ пишетъ о Нерчинскихъ серебро и золото

содержащихся заводахъ, что серебряныя руды казеннымъ коштотомъ прискивать и добывать не столь способно, какъ партикулярными людьми, которые для себя гораздо проворнѣе и прилежнѣе поступаютъ и больше рудъ находятъ и добываютъ, ибо за казенными рудоскателями надлежащее смотрѣніе имѣть никакъ невозможно, и не много смѣется такихъ рачительныхъ собственною своею совѣстью, чтобы безъ крайняго, таѣ върнанаго, какъ хозяйскаго за ними наблюденія, концы по пустымъ мѣстамъ въ горахъ и въ дѣсахъ прискивая рудъ, трудится». Шлаттеръ приводитъ въ примѣръ пермскіе заводы казенные. «Пока при онихъ — говоритъ онъ — рудопрмышленниковъ учреждено и приохочено не было, по то время мѣдныхъ рудъ про одинъ малый заводъ недовольно было казенными рудоскателями и горными служителями, сколько о томъ не старались находить не могли, да и жители около тѣхъ Пермскихъ заводовъ руднаго промысла боялись и ненавидѣли слышать о рудахъ, и смертная опасность тогда предлежала подлымъ людямъ говорить про руду, чтобы ихъ не убили; но когда партикулярный рудный промыселъ учрежденъ, и люди къ тому приохочены и въ обычай свое дѣло вошло, то безчисленное множество рудъ мѣдныхъ найдено, и всѣ жители около тѣхъ Пермскихъ заводовъ съ перехваткою другъ отъ друга въ тотъ рудный промыселъ обратились, и столько на заводы навожено рудъ рудопрмышленничьимъ партикулярнымъ коштотомъ, что нынѣ уже на 5-ти заводахъ и съ прибавленными на нихъ плавильными печами переплавлять не успѣвають, а казенная рудъ добыча оставлена во все; а горные служители изъ Перми переведены и употреблены къ Сибирскимъ золотымъ промысламъ». Шлаттеръ предлагалъ на всѣхъ серебряныхъ и золотыхъ прискахъ употреблять вольныхъ прмышленниковъ, ссужая ихъ изъ казны деньгами и всячески поощряя. Сенатъ призналъ представленіе Шлаттера совершенно основательнымъ и издалъ указъ, по которому опредѣлилъ производство понсковъ черезъ вольныхъ прмышленниковъ и всѣ серебряныя заводы отчислилъ отъ вѣдомства бергъ-коллегіи. Представленіе Шлаттера замѣчательно, какъ чрезвычайно умное и основательное соображеніе всѣхъ невыгодъ существовавшаго тогда управленія. 4-го октября 1760 г. опредѣлено было бергъ-коллегію перевести въ Петербургъ, а Нерчинскимъ и Екатеринбургскимъ серебрянымъ и золотымъ заводамъ, а также и Вонцкому золотому руднику (открытому въ нѣмѣшней Олонецкой губерніи въ 1745 и разрабатывавшемуся до 1794 г.) быть опять въ вѣдомствѣ бергъ-коллегіи.

Относительно фабрикъ льняныхъ и бумажныхъ издѣлій замѣ-

тимъ указъ 29-го ноября 1743 г., которымъ строго подтверждался петровский указъ, запрещавшій выдѣлку узкихъ полотень и традиціонной извѣстную ширину для холста, съ цѣлью болѣе усилѣннаго сбыта нашихъ выдѣлокъ за границу. Въ 1745 г. новымъ указомъ было отменено это запрещеніе и предоставлена была свобода въ изготовленіи полотень всякой мѣры. Правительство поняло, что стѣсненіе такой важной промышленности, какова льняная, вредно, и что контроль невозможенъ, потому что приготовленіе полотень производилось не на фабрикахъ, а по домамъ. Въ 1757 г. выдана была привилегія иностранцѣ Терезинъ изъ Брисоля для основанія въ Петербургѣ или Москвѣ фабрики нитяныхъ кружевъ, добротой противъ брабантскихъ. Ей позволено было купить у помѣщиковъ до 500 душъ жен. пола и до 200 ж., дано было заемобразно 20,000 р. безъ процентовъ на 10 лѣтъ и въ теченіе того же времени запрещено заводить другія такого же рода фабрики. «Что же слѣдуетъ до дѣланія въ домахъ, также и въ монастыряхъ, въ томъ запрещенія не чинить, а можетъ она то преодолѣвать добротой дѣланныхъ на ея мануфактурѣ» (№ 10,759, т. XIV). Распоряженіе, вызванное стѣснительными для частной промышленности притязаніями шляпныхъ и ситцевыхъ фабрикантовъ, о которыхъ было уже упомянуто (№ 10,910); относительно химическихъ, мыловаренныхъ, оружейныхъ и литейныхъ заводовъ въ царствованіе Елизаветы Петровны нѣтъ почти никакихъ постановленій и свѣдѣній. Находимъ только инструкцію 1751 г. для отливанія въ Олонецкомъ и Кончозерскомъ заводѣ чугунныхъ досокъ для дворца и Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря, а также для варенья купороса. Вообще въ царствованіе Елизаветы Петровны болѣе находимъ поощрительныхъ мѣръ для фабрикъ, удовлетворявшихъ искусственнымъ потребностямъ роскоши и моды, нежели для болѣе скромныхъ, но несравненно болѣе полезныхъ отраслей народной промышленности. Въ этомъ отношеніи прямая противоположность съ дѣятельностію великаго Петра. Только изрѣдка встрѣтимъ нѣкоторыя мѣры, почти вынужденныя или прежними подобными же мѣрами или необходимостію, или чисто случайныя. Яснаго взгляда на развитіе народной промышленности не было у государственныхъ людей того времени. Взглядъ ихъ съ необыкновенною ясностію и проницаемостію видѣлъ только ихъ личную выгоду, чему примѣръ мы видѣли въ дѣятельности П. И. Шувалова. Кому было заботиться о невидимыхъ основахъ народнаго благосостоянія? — Въ 1742 г. приказано было присутственнымъ мѣстамъ брать пещую бумагу съ русскихъ фабрикъ, у тѣхъ фабрикантовъ, которые будутъ ставить и дешевле и лучше, нежели старыя фабрики.

кактъ Затрещенный, пользовавшійся привилегією. Въ 1743 г. дана была привилегія купцу Поставалову на основаніе въ Воронежѣ бумажной фабрики. Есть нѣсколько постановленій о смольчужныхъ и салитряныхъ заводахъ. Въ 1757 г. устроены въ Малороссіи казенные смольчужные заводы (№ 10,709). Въ 1744 г. запрещено было заводить салитряные заводы въ лѣніяхъ укрѣпленій малороссійской гравенди, въ видахъ безопасности отъ татаръ. Въ 1750 г. отданы были астраханскіе салитряные заводы, основанные при Петрѣ Великомъ майоромъ Мелоствовичемъ, въ вѣчное содержаніе купцу Бобылову. Производство мѣдныхъ и желѣзныхъ издѣлій находилось болѣею частію при самыхъ горныхъ заводахъ, оттого въ 1765 г. и приказано было, по случаю возникшаго сомнѣнія, считать эти фабрики, находящіяся при заводахъ, въ вѣдомствѣ бергъ, а не мануфактуръ-коллегій. Многіе заводы особенно занимались издѣліемъ изъ собственной руды разныхъ издѣлій. Въ 1756 г. сдѣлано было распоряженіе о размноженіи въ Россіи стальныхъ и желѣзныхъ фабрикъ по примѣру находящихся въ Сиріи. Мы не знаемъ, были ли казія нибудь слѣдствія отъ этого распоряженія. Въ слѣдующемъ царствованіи находимъ новыя указы о томъ же. Нѣсколько болѣе распоряженій относительно стекляннхъ заводовъ. Въ 1747 г. приказано было уничтожить такіе заводы на разстояніи отъ Москвы менѣе 300 верстъ въ мѣстахъ, немѣющихся водной коммуниваціи. Въ 1755 г. переведены стеклянныя заводы изъ Петербурга въ Ямбургъ. Оба распоряженія сдѣланы были въ видахъ сбереженія дѣровъ около обѣихъ столицъ. Въ 1752 г. дано было позволеніе и вспоможеніе знаменитому Ломовосову на основаніе фабрики мозаическихъ вещей, бюсеру, стеклярусу и т. п. Въ 1760 г. была основана извѣстная и до сихъ поръ стеклянная и хрустальная фабрика Мальцова. Болѣе всего мѣръ находимъ относительно суконной и шоловой промышленности. Въ 1743 году воронежскій купецъ Поставаловъ получилъ привилегію на основаніе въ Воронежѣ суконной фабрики. Стараніями князя Шаховскаго, бывшаго въ то время крѣгсъ-коммиссаромъ, поставка суконъ на русскую армію, бывшая до того времени въ рукахъ англичанина Вульфа, закупившаго въ свою пользу русскихъ вельможъ, отдана была русскимъ фабрикантамъ, а это много содѣйствовало развитію нашей суконной промышленности. Въ 1745 году сенатскимъ указомъ предписано было мануфактуръ-коллегій наблюдать за усовершенствованіемъ суконныхъ издѣлій, потому что первая поставка русскихъ суконъ въ казну оказалась не совсѣмъ удовлетворительною. Въ 1752 году отдана была въ вѣчное владѣніе купцу Матвѣеву казенная суконная Путиловская фабрика съ обязатель-

ствомъ, что эта фабрика «въ пользу государственную равнѣжена была сѣльскую рукою» и что Матвѣевъ будучи ставитъ въ вѣржѣ же три года по 3,000 аршинъ сукна въ годъ, и потомъ по 50,000 въ нѣвну. 20-го апрѣля 1759 г. состоялся весьма важный для суконныхъ фабрикантовъ указъ сената, по которому предписывалось брать у нихъ деньги изъ суммъ, слѣдующихъ имъ изъ казны, вмѣсто рекрутъ съ приписныхъ къ фабрикамъ крестьянъ. Рекрутскій наборъ иногда лишалъ фабрикантовъ лучшихъ мастеровыхъ, а сверхъ того влекъ за собою всякаго рода притѣсненія со стороны губернскаго начальства, взыскапія, личное задержаніе и т. п., не говоря уже о взяткахъ. Для шелковой промышленности важно уже было постановленіе 13 апр. 1744 г. (№ 8919), которымъ разрѣшалось армянамъ, индійцамъ и бухарцамъ безпрепятственно заводить въ Астрахани фабрики и заводы, свободно отправлять свое богослуженіе и судиться по ихъ прежнимъ законамъ... Но кромѣ того были и другія поощренія. Въ 1742 г. подтверждена привилегія, данная армянину Ширванову съ товарищами на заведеніе въ Астрахани и въ Кизлярѣ шелководства, сѣяніе сараинскаго пшена и хлопчатой бумаги и на устроеніе фабрики шелковыхъ матерій. Въ 1744 г. мануфактуръ-коллегіи предписано было заботиться объ усовершенствованіи шелковыхъ надѣлій, и какъ одно изъ средствъ предписывалось влеченіе фабричною печатью каждаго куска матеріи. Въ 1747 г. даны были и нѣкоторыя преимущества армянину Макарову, содержателю шелковыхъ мануфактуръ и заводовъ и принятому въ русское подданство. Въ 1758 дано было позволеніе и надежда на вспоможеніе 30 т. р. иностранцу Миллеру, для заведенія въ С.-Петербургѣ фабрики шелковыхъ чулокъ. Шелковне фабриканты получали разнаго рода облегченія и поощренія. Торговля шелкомъ покровительствовалась. Купцы, продававшіе шелкъ на фабрики, не платили пошлинь. Иногда само правительство закупало шелкъ для нашихъ фабрикантовъ. Содержатели шелковыхъ фабрикъ получили право вызывать изъ-за границы рисовальныхъ и красильныхъ мастеровъ. Черезъ таможи пропускали безъ пошлины итальянскій и персидскій шелкъ, выписывали фабрикантовъ и т. д. Въ 1760 г. состоялось дозволеніе Шемакину о безошлинномъ ввозѣ и вывозѣ изъ Россіи всѣхъ сортовъ шелка и другихъ товаровъ, нужныхъ для шелковыхъ фабрикъ. Покровительствомъ правительства пользовались также и шляпныя и шпалерныя фабрики. Въ 1744 году, сланъ былъ вольнымъ компанейщикамъ казенный шляпный заводъ Московской губерніи, находившійся въ совершенномъ разстройствѣ, и заключенъ былъ съ ними договоръ на поставку шляпъ для арміи.

Въ 1747 г. для покровительства шляпной фабрицѣ московскихъ фабрикантовъ Черникова и Сафьянникова, запрещено вывозить изъ Россіи бобровый пухъ, привозить въ Россію иностранныя шляпы и дѣлать въ Москвѣ и въ Московскомъ уѣздѣ шляпы кромѣ какъ на ихъ фабрицѣ. Потомъ даны были привилегіи петербургскимъ шляпнымъ компанейщикамъ Сокольникову и Боткину. Впослѣдствіи правительство, въ видахъ защиты низшаго класса производителей и потребителей со стороны шляпныхъ фабрикантовъ, принуждено было запретить заводить фабрики привилегированныя для шляпъ низкой доброты, и предоставить видѣльцу ихъ каждому желающему. Относительно шпалерныхъ фабрицъ находимъ мѣры объ управленіи казенною шпалерною фабрикою, привилегіи англичанину Ботлеру, и потомъ еще иностранцу Леману и т. п. Шпалерныя фабрики удовлетворяли требованіямъ двора и знатнѣйшихъ вельможъ*.

Мы говорили о домашнемъ воспитаніи въ половинѣ XVIII в., объ иностранцахъ гувернерахъ и дядькахъ, о частныхъ пансіонахъ и т. д. Крайняя недостаточность частныхъ средствъ для образованія должна была обратить на себя вниманіе правительства, и вызвать умноженіе государственныхъ заведеній для образованія. Царствованіе Елизаветы исполнило планы Петра-Великаго, основаніемъ Московскаго университета, Московской и Казанской гимназій составило эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія. Прежде, впрочемъ, чѣмъ перейти къ этому событію, разсмотримъ другія мѣры правительства и состояніе другихъ заведеній, хотя всѣ другія правительственныя распоряженія совершенно теряются въ виду указа объ основаніи университета. Относительно образованія высшихъ классовъ народонаселенія замѣтимъ указъ іюля 1742 объ учрежденіи школъ въ Казанской губерніи въ разныхъ мѣстахъ для обученія новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей. 18 ноября 1748 года состоялся указъ объ учрежденіи въ Оренбургѣ, подъ вѣденіемъ губернскаго канцелярія, особой школы для обученія и содержанія прижитыхъ ссыльными; 29 дек. 1751 объ учрежденіи школъ въ поселеніяхъ сербскаго народа; 15 апр. 1752 объ учрежденіи на украинской линіи школъ для обученія однодворческихъ и ландшляхетскихъ малолѣтнихъ дѣтей. Сюда же относится и указъ 26 окт. 1744 г. о соединеніи въ губерніяхъ и провинціяхъ арифметическихъ и гарнизонныхъ школъ въ одно мѣсто и обученіи въ нихъ всякаго чина людей, о бытіи тѣмъ школамъ въ вѣдомствѣ коменданта и о жалованьѣ учителямъ. Еще раньше, именнo въ мартѣ 1743 г., состоялся указъ сената, которымъ предписывалось разослать по-

* Здѣсь въ рукописи пропускъ одной лекціи, которая, вѣроятно, была прочтана безъ конспекта: рукопись, какъ мы уже сказали, составилась изъ лекцій, то болѣе подробныхъ, то краткихъ, смотря по тому, сколько времени было у автора для приготовленія къ чтенію,—этимиъ объясняются неясности изложенія.
Ред.

всюду буквари и катихизисы, внушить приходскимъ священникамъ, чтобы оны наблюдали за обученіемъ катихизиса въ своихъ приходяхъ, и наконецъ брать штрафъ съ тѣхъ, кто не будетъ обучать своихъ дѣтей катихизису. Штрафъ положенъ за каждымъ человѣка съ шляхетства по 10, а съ прочихъ по 2 рубля. О томъ указъ состоялся вслѣдствіе замѣчанія, что русскіе дворяне обучаютъ своихъ дѣтей только часослову и псалтырю. Къ этимъ же мѣрамъ принадлежатъ основаніе семинарій для духовенства (напр. съ 1748 семинарія въ Tobольскѣ при архіерейскомъ домѣ), надзоръ за этими духовными училищами и требованіе отъ нихъ вѣдомостей. Другія мѣры имѣли цѣлю удовлетвореніе правительственныхъ потребностей, образованіе специальныхъ людей на службу. Такъ при сенатѣ была школа, гдѣ обучались коллеги юнкера и дворяне, освобождавшіеся потому отъ дежурства на службѣ. Въ 1753 г. (мар. 16) приказано было помѣщать въ артиллерійскую школу малопомѣстныхъ дворянъ въ комплектъ преимущественно передъ тѣми, которые могутъ быть на собственномъ иждивеніи. Въ 1755 г. велѣно было находящихся при каммеръ-коллегии юнкеровъ обучать французскому и нѣмецкому языку въ академіи наукъ. Въ 1753 предписано было въ бергъ-коллегии обучать горной наукѣ дворянскихъ дѣтей изъ школъ артиллерійской и инженерной. Главнымъ заведеніемъ военнымъ былъ сухопутный шляхетскій корпусъ, основанный по плану Миниха (см. ук. 1735 г.). Отсюда выходили армейскіе и гвардейскіе офицеры, здѣсь получили образованіе нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ: Румянцовъ, Каменскій, Ферзенъ и т. д. Кадеты, обучавшіеся фортификаціи, переходили въ инженерное вѣдомство. Тѣхъ же, которыхъ готовили къ гражданской службѣ, велѣно было при Елизаветѣ Петровнѣ обучать юриспруденціи и ариметикѣ и освобождать отъ экзерциціи и наукъ собственно военныхъ. Въ 1752 г. составленъ штатъ морскаго кадетскаго корпуса. Сдѣлано было также довольно много для образованія медиковъ. Въ 1754 г. вызваны были изъ духовнаго вѣдомства студенты для обученія въ казенныхъ госпиталяхъ медикохирургіи и фармаціи. Находимъ указъ объ отправленіи за границу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Всѣ эти мѣры, очевидно, клонились къ образованію людей, нужныхъ государству для практическихъ цѣлей. Представителями науки въ ея высшемъ значеніи были двѣ академіи: духовная или славено-греко-латинская въ Москвѣ и академія наукъ въ Спб. Остановимся нѣсколько на нихъ. Славено-греко-латинская, основанная при Θεодорѣ Алексѣевичѣ и получившая во второй четверти XVIII в. титулъ императорской, представляла въ это время не одно только чисто богословское заведеніе. Здѣсь получали образованіе не одна дѣтя духовенства, или лица готовившіеся къ поступленію въ духовное званіе. Въ 1736 г. въ нее, напримѣръ, разомъ поступило 158 дѣтей дворянскихъ, между которыми были дѣти знаменатѣльшихъ фамилій въ государствѣ. Здѣсь были, кромѣ того, подьяческіе,

ванцеларскіе, солдатскіе дѣти и т. д. Она представляла собою слѣдовательно науку въ возможной ей полнотѣ, хотя, разумѣется, съ преобладаніемъ богословскаго направленія. Подъ властію ректора, архимандрита, назначаемаго св. синодомъ находились 9 классовъ, начиная отъ славяно-русской школы, гдѣ обучали началному чтенію и письму и восходя до богословія. Названія классовъ были фара, инфима, грамматика, синтаксима, пѣнника, историка, философія и богословія. Классъ богословія занималъ 4 года, философія и риторика по 2 года, пѣнника и синтаксима по 1. Весьма немногіе могли въ 12 или 15 лѣтъ пребыванія въ академіи окончить курсы. Для многихъ курсъ продолжался лѣтъ до 30. Бывали примѣры, что ученики въ классѣ синтаксима проживали 10 лѣтъ. Временемъ вѣншнаго процвѣтанія была 1725, когда 629 учениковъ сходилось въ академію. При Елизаветѣ Петровнѣ ихъ было отъ 200 до 280. Почти всѣ они не жили въ зданіяхъ академіи, а получали жалованье. Въ 1745 приказано было по новому штату отпускать изъ соляной конторы на содержаніе академіи по 4,450 р. Ученики академіи получали по 3 коп. въ день, студенты философіи и богословія по 4. Ученикъ русской школы вмѣсто денегъ получалъ печеный хлѣбъ изъ кѣлѣби, заводивной при синодальномъ домѣ. Ученый составъ академіи заключался въ ректорѣ, читавшемъ и богословію: это была верховная власть академіи, въ префектѣ или инспекторѣ, на которомъ лежала обязанность надзора за учениками; онъ же обыкновенно читалъ и философію: Духовный регламентъ требовалъ, чтобы префектъ былъ и не весьма свирѣпый и не меланхоликъ; въ двухъ проповѣдникахъ, говорившихъ воученія каждый воскресный и праздничный день въ церкви Заиконоспасскаго монастыря, и въ 6 или 7 учителяхъ. Собственно академическое ученіе начиналось съ фара, гдѣ учили читать и писать по латинѣ; въ инфимѣ преподавали грамматическія правила славяно-русскаго и латинскаго языковъ. Въ грамматикѣ первую часть латинской грамматики и всю славянскую. Тутъ же давали нѣкоторыя свѣдѣнія историческія и географическія, начинали катихизисъ и ариметнику. Синтаксима была высшимъ грамматическимъ классомъ; здѣсь же продолжалось ученіе катихизиса, ариметники, исторіи и географіи. Въ пѣнникѣ стихотворное ученіе русское и латинское; въ риторикѣ краснорѣчіе. Въ классѣ философіи префектъ преподавалъ логику, физику, метафизику и политику. Въ классѣ богословія ректоръ читалъ 4-хъ годичный курсъ богословія. Лекціи были на латинскомъ языкѣ. Схоластика царяла въ академіи...

С. В. Ешевскій.

О С Т А Н О В К А.

(РАЗСКАЗЪ ПРОЪЗЖАГО).

...Шестая недѣля великаго поста была на исходѣ...

Изъ столицъ и губернскихъ городовъ, по желѣзнымъ дорогамъ, въ ямскихъ тарантасахъ, на перекладныхъ тройкахъ, — неслись толпы народа въ деревню, въ глушь, домой... Все это, измученное зимнимъ сезономъ, утомленное долгою черной работой — торопилось отдохнуть, оттаять, поспѣть домой къ празднику... Весеннее солнце было до такой степени живительно, что весь этотъ полубольной народъ съ его громкимъ говоромъ, раздававшимся въ вагонахъ, въ воззалахъ, на постоялыхъ дворахъ и въ толпахъ пѣшеходовъ, — почему-то казался очень веселымъ...

Двигаясь, въ которомъ я выѣхалъ изъ Москвы, былъ тоже въ достаточной степени зараженъ всеобщимъ веселымъ расположеніемъ духа. Всѣ пассажиры какъ-то необыкновенно скоро перезнакомились другъ съ другомъ еще въ почтовой конторѣ, и въ теченіе пяти или десяти минутъ были загадочными друзьями. Какая-то очень молодая дама, подъ влияніемъ всеобщаго веселья, съ восторгомъ объяснила какому-то молодому человѣку о томъ, что супругъ ея только-что получилъ повышение и награду... «съ отощаніемъ... дрова... вода... свѣчи...» лепетали ея розовныя уста, и восторженные взоры почти съ благоговѣніемъ устремлялись на счастливаго мужа. Счастливецъ — мужъ отвѣчалъ супругѣ подалуемъ, супруга обворожительно взглядывала на молодого человѣка; молодой человѣкъ, отвѣчая сразу внимательности нѣсколькихъ лицъ, принужденъ былъ сдѣлать изъ собственной фисіономіи улыбающуюся луну, какою

иногда рисуютъ ее на картинкахъ. Словомъ, все было прекрасно и весело.

Потокъ весеннаго веселья охватывалъ дилижансъ вплоть до облучка. Я сидѣлъ въ наружномъ мѣстѣ кареты, глядѣлъ на оттаившія, дымящіяся поля, свергавшія повсюду воды, шумные потоки, несшіеся въ глинистыхъ оврагахъ, и слушалъ какъ кондукторъ, маленькій и бживотный человѣчекъ, предъявлялъ моему сосѣду купцу тѣ же самыя веселыя вѣсти и мысли. Высунувъ изъ своей конурки красное, обрадованное лицо, съ какою-то страдальческою напряженною жимомъ поперегъ потнаго лба, онъ самоувѣренно говорилъ моему сосѣду:

— Какъ же!... Разрѣшено-съ! Дано знать по телеграфу.

— Дай Богъ, что жь? говорилъ купецъ.

— Да-а-съ!... Миѣ товарищъ сказывалъ. Матрополита спрашивали.

— Благословенія?

— Да-а-съ! Потому силъ никакихъ нѣтъ... У меня шесть человѣкъ дѣтей, — позволите васъ спросить, — долженъ я имъ дать пропитаніе? Какъ вы думаете?...

— Нельзя безъ этаго... Это ужъ что жь.

— Нѣтъ; вы сдѣлайте ваше одолженіе, какъ вы полагаете — долженъ я прокормить шесть человѣкъ ребятъ, а?... Пить? Ъсть? Отецъ я имъ?...

Кондукторъ нѣсколько минутъ упорно смотрѣлъ на моего сосѣда, по всей вѣроятности не съ цѣлію получить отвѣтъ, который былъ ясенъ для всѣхъ, но съ цѣлію рассмотреть, есть ли въ лицѣ постороннаго человѣка хоть капля пониманія той муки, которая срывается въ словахъ «пить», «ѣсть», «шесть человѣкъ», и которая, кромѣ того, вытянула эту страдальчески напряженную жиму на лбу кондуктора.

Должно быть, онъ увидѣлъ въ лицѣ купца то, что ему нужно было видѣть, ибо вслѣдъ затѣмъ онъ почти съ гордостію произнесъ:

— Но есть вѣрнѣйшіе слухи... То-есть ужъ вотъ какъ извѣстно! Разрѣшено!... Телеграфическая депеша была.

— Слава Богу! повторилъ сосѣдъ.

— Телеграмма! шепнулъ кондукторъ, подмигнувъ и вслѣдъ затѣмъ долго шепталъ разныя веселыя слова «съ отощеніемъ... годовой окладъ... по сту цѣлковыхъ на ребѣнка...» и проч. Купецъ все говорилъ: «слава Богу!» и радовался.

Потокъ весеннаго веселья, какъ уже сказано, прекращался на облучкѣ; сѣрый кафтанъ ямщика, иногда смѣнявшійся чернымъ

армякомъ или изодраннимъ полушубкомъ, не предъявлялъ телеграфическихъ депешъ или другихъ радостныхъ извѣстій, въ которыхъ бы можно было усмотрѣть надлежащее отопленіе или освѣщеніе. Владѣлецъ этого полушубка хоть и мѣнялся на каждой станціи, но неуклонно сохранялъ свою молчаливость, угрюмость и необщительность. Онъ имѣлъ дѣло только съ лошадьми, возжами и кнутомъ, подергивалъ, постегивалъ, — и дилижансъ нашъ ровно катился по мокрой дорогѣ; кое-гдѣ колеса его шумѣли въ мокрой и рыхлой массѣ снѣга, кое-гдѣ жужжали по обнаженному щебню; осторожно и какъ-то бокомъ дилижансъ спускался съ горы, пріятно покачивался на гладкой поверхности моста и опростелю взлеталъ съ моста на вкрутую гору. Долго ѣхали мы. Подошелъ вечеръ, стало темно, морозно и холодно; чувствовалась потребность надвинуть шапку на самыя уши, потелѣе закутаться и закутать колѣни, ноги, руки. Обаяніе весны исчезло само собою. Заслышавъ всеобщую переимѣну расположенія духа, и можетъ быть усумнившись въ свойствахъ телеграммъ, кондукторъ обратился-было снова къ купцу и сообщилъ ему, что на каждого ребѣнка обѣщано по годовому окладу жалованья, — но это извѣстіе не произвело надлежащаго дѣйствія.

— Больно жирно! прошепталъ купецъ про себя, и обратился къ кондуктору съ разговорами другаго рода.

— Ты вотъ что, другъ! сказалъ онъ: — какъ бы на Омѣ-тѣ задержки не вышло, остановки бы не было?... Какъ бы, поди, ледъ не тронулся...

— Не должно быть-съ! Не было депеши... Коли ежель чуть какое безпокойство проѣзжающимъ,—мы даемъ депешъ... къ министру.

— Да вѣдь депешъ, депешъ! Тоже дуромъ депешъ гонять проку мало! серьезно проговорилъ сосѣдъ.—Коли ледъ тронулся, тутъ ужъ неизчего господина министра безпокоить... Тутъ сиди да жди.

— Это вы дѣйствительно говорите! Ну, позвольте васъ спросить, должны мы проѣзжающимъ угодать или нѣтъ? Мы откуда получаемъ свое пропитаніе?...

— Ну, да вѣдь это... Ишь какъ отсюда наносить... Должно пошелъ!... сказалъ купецъ, прервавъ рѣчь кондуктора и закутался въ мерлушечій воротникъ.

Кондукторъ скрылся въ свою келью, и слышно было, какъ онъ сдержанно кашлянулъ тамъ, рѣшившись не безпокоить проѣзжающихъ.

Холодные порывы вѣтра усиливались по мѣрѣ приближенія

нашего къ селу ***, стоявшему на Окѣ. Ямщикъ началъ особенно громко и почти непрерывно кричать форрейтору; форрейторъ, почти не переставая, свисталъ и звонкимъ дѣтскимъ голосомъ кричалъ: «сва-арра-чивай!...», «съ да-арроги!...» Желая угодить проезжающимъ, кондукторъ принялся трубить въ грубу; рѣзкій и хриплый звукъ его наломаннаго инструмента почему-то напоминалъ шесть человѣкъ дѣтей, которымъ надо пить и ѣсть... Несмотря на это гиханье и гарканье ямщика, форрейтора и кондуктора, дорога дѣлалась труднѣе съ каждымъ шагомъ. Фонарь, мерцавшій съ одного боку кареты (свѣчку другого фонаря кондукторъ везъ семейству), освѣщалъ мужицкія дровни, троечныя телеги, толпы людей, двигавшихся къ селу ***; вотъ мелькаетъ какая-то окутанная рогожами карета; вонъ худенькая фигурка жеребенка отскочила отъ дилижанса, зацѣпивъ ногой за постромку и зазвонивъ колокольчикомъ. Дорога становится все труднѣе и тѣснѣе.

— Ай нѣтъ проѣзду? оглушительно громко кричитъ купецъ прохожимъ.

— Нѣту!... доносится издалека.

— Эхъ шутъ-тѣ... Кондукторъ! Нѣту проѣзду-то!

— Телеграммы не было, робко говоритъ кондукторъ.

— Что ты телеграфъ, телеграфъ! Вамъ деньги только съ проезжающаго взять... Дешешь! Въ Москву бы депешу-то дали... Дѣкъ-тѣ, поди, дни два тронулся... Только бы деньги взять... Эхъ-ма!...

Кондукторъ безмолвствовалъ.

Купецъ безпрестанно обращался къ прохожимъ съ вопросами, получалъ отвѣты, что нѣту перевозу — и сердился.

Карета ѣдетъ почти шагомъ. Тѣснота отъ экипажей и людей, запрудившихъ улицы села, страшная. Вотъ какія-то освѣщенныя окна; какіе-то люди двигаются съ фонарями между каретъ и дмящихся лошадей...

— Станція! говоритъ кондукторъ, и соскочивъ, принимается откидывать подножки у дверей кареты.

— Перезову нѣтъ! говоритъ какой-то человѣкъ, невидимый въ темнотѣ.

— Какъ нѣтъ перевозу? Я по казенной надобности! грозно доносится изнутри кареты.

— Это что за новости, пищитъ обворожительная дама:—ми по казенной надобности.

— Больше ничего, — что нѣту перевозу! Пожалуйте на подворье, на Гвоздевское; на станціи мѣстовъ нѣту.

Невидимый человекъ произноситъ все это весьма вѣско и уходитъ.

— Какъ на подворье?

— Это что за новости? Мы министру...

Отвѣта на эти воли не получается, и всѣ мы волосъ-не-волосъ отправляемся на Гвоздевское подворье, пѣшкомъ и по грязи.

— Въ Москву бы денешу-то дать! Э-эхъ мнѣ!... ворчить кулець.

Гвоздевское подворье, на которое пришли мы, своимъ видомъ и устройствомъ напоминало съ одной стороны постоялый дворъ, съ другой гостиницу въ чиста тѣхъ, которые любятъ называть себя какимъ-нибудь интереснымъ прозвищемъ — «Барнауль», «Тифлисъ»... Эти два рода качества, заимствованныя отъ гостиницы и постоялаго двора, и соединенныя воедино для удобства господъ проезжающихъ, характеризуютъ вообще всякое подворье. Главнѣйшій дворъ, обнесенный навѣсомъ, колѣдѣвъ съ желѣзной баблей, громкающей на желѣзной цѣпи; конюшня съ вочтительными и тихими маверами, усвоившими дѣйствующими на проезжаго; жирная баба солдатка, охотница до подселуховъ, кисейныхъ фартуговъ и пѣвжикъ молодцовъ, отъ которыхъ она, впрочемъ, любитъ увернуться, выскочивъ со звонкимъ смѣхомъ изъ жаркой кухни въ широкія сѣнцы подворья — вотъ, главнѣйшій образъ, качества, напоминающіи постоялый дворъ. Качества, заимствованныя отъ гостиницы Барнаулъ, гораздо замѣтнѣе и многочисленнѣе. Вонерныхъ, проезжаему для ночлега отводить на подворья, какъ и въ гостиницѣ, — номеръ, а не кладутъ его, какъ на постояломъ дворѣ, рядомъ съ богомольцемъ или богомолкой, близъ кровати молодого козьяскаго сына съ сущругой. Правда, въ корридорѣ, по которому проезжающій идетъ въ номеръ, носится синія валины самоварнаго дыма; обстановка номера съ темными стѣнами, самодвигающемся и самопадающимъ мебелью, производятъ на него грустное впечатлѣніе, — но для успокоенія его существуетъ хозяинъ: онъ такъ искусно водталкиеть колѣномъ разрушенную кровать къ стѣнѣ, такъ незамѣтно сколупнетъ ногтемъ наросты сала со стола, съ окна и дивана, такъ солидно скажетъ: «будьте покойны», «не извольте беспокоиться», что проезжающій дѣйствительно успокоится и привернется со всѣмъ. Кромя того, подворья проезжаго въ номерѣ, хозяинъ объявляетъ ему, «что, въ случаѣ, ежели что

потребуется, — человекъ живните, — онъ всегда тутъ... не отходить отъ буфету». Следовательно, проѣзжему, пожелающему съѣсть или выпить, ненужно, какъ на постояломъ дворѣ, шататься по пустыннымъ сѣнямъ, влѣзать въ чуланы, наткаться на кадки и бочки, отыскивая человекъ, который бы принять въ немъ участіе. Следовательно на подворьѣ можно видѣть и буфетъ и человекъ. Буфетъ состоитъ изъ темно-краснаго двухъ-этажнаго шкафа, съ тусклыми стеклами, дающими, впрочемъ, возможность видѣть, что въ шкафу находится салфетка, вилка, пробка и синяя съ рисунками тарелка. Тутъ же можно видѣть и человекъ: онъ обыкновенно помѣщается противъ шкафа, на рукѣ его всегда надѣтъ чей-нибудь сапогъ, на конникѣ всегда видѣется черенкомъ съ ваксой; человекъ этотъ любитъ говорить: «сидю минуто», «подаю-съ!» Любитъ разсказать проѣзжему, снявъ съ него сапоги, о томъ, что у одного барина украли шубу въ триста цѣлковыхъ, что недавно «у насъ» оставалась генеральша съ двумя дочерьми и очень была благодарна; любитъ онъ также на вопросъ проѣзжаго на счетъ обѣда, вытаскивать изъ боковаго кармана писаную карту кушаній, переминаясь съ ноги на ногу слушать, какъ баринъ перебираетъ эти «бекштеси», «волованъ али мушкадъ», «...скиелью» и проч., и вдругъ сообщать, что ничего этого нѣту, не готовили, потому не требуется, а есть одна солонина; но въ особенности любитъ онъ забраться къ барину въ номеръ, перерыть въ чеме-данахъ, выпить изъ бутылочкѣ съ крѣпкими напитками все, что въ нихъ содержится, и растянуться поперегъ корридора... Все это онъ сдѣлаетъ съ человекѣмъ, непонимающимъ, что такое на подворьѣ буфетъ, номера и проч. «Настоящій» посѣтитель подворья—мелкій уѣздный чиновникъ, проѣзжающій къ Троицъ-Сергію съ женой и ребенкомъ, уѣздный купецъ, захватившій въ городъ, чтобы посоветоваться съ приказнымъ, сельскій священникъ, — чтобы посѣтить консисторію, — всѣ они всегда будутъ довольны подворьемъ; имъ не нужно ни буфета, ни карточки кушаній. Истинный проѣзжающій прямо требуетъ солонину; онъ невзыскателенъ на счетъ грязн номеровъ, чашекъ, тарелокъ, все это ему знакомо у себя, дома; онъ, напротивъ, здѣсь на подворьѣ чувствуетъ себя какъ дома — ему всѣ давно знакомы, всѣ друзья-пріятели; онъ любитъ разспросить, разузнать, зайдти въ кухню, тронуть жирную работницу за жирную спину и спросить:

— Ну, что же, Авдотья, какъ безъ мужа-то? Случно... а?...

Хорошо ему живется здѣсь. Къ нему привыкла прислуга и хозяинъ и знаютъ, какъ угождать ему.

Проѣзжающіе, напоившіе номера и общую комнату Гвоздевскаго подворья въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, — болѣею частію были не «настоящіе» проѣзжающіе, что поставило хозяина и буфетъ и человѣка въ весьма неопредѣленное положеніе, почти равномѣрное тому, которое испытывали и проѣзжіе, укладываемые на голыя доски кроватей; практическій умъ хозяина и «пеленатіе» человѣка выручили ихъ изъ бѣды; видя, что въ подворье наѣхалъ народъ благородный, хозяинъ по-рѣшилъ прежде всего заламывать за всякую бездѣлицу самыя несообразныя дѣны; человѣкъ сообразилъ, что тутъ надо бросить мужицкія привычки и дѣйствовать посредствомъ порцій; припомнилъ онъ также слова: «по ганбургски», «попрожаристѣй», «съ гарниромъ», выпрямился, вскинулъ салфетку на плече и принялся дѣйствовать, такъ что въ короткое время всѣ проѣзжіе единогласно вопіали о какомъ-то будто бы дневномъ грабѣжѣ, происходящемъ здѣсь...

Между тѣмъ къ крыльцу похватывали поминутно новыя тройки и пары; въ корридоръ и номера подворья, набитые биткомъ тиками, чемоданами, людьми, входили какія-то новыя лица, въ черескихъ шапкахъ, въ острогонечныхъ башлыкахъ и громко требовали:

— Лошадей!

— Перевозу нѣту, вашескобродіе! въ миллионный разъ отвѣчалъ мокрый и запотѣвшій староста.

— Какъ нѣтъ перевозу? У меня казенная подорожная... Запрягать...

— Какъ угодно и запрягу, только что нѣту перевозу... Проѣзду нѣту. Ледъ...

— Какъ ледъ? У меня казенная подорожная... Я по казенной надобности.

— Извольте, я запрягу... Только что вода... Какъ угодно.

— Что такое вода, вода? Я по казенной надобности.

И такъ далѣе. Всякія новыя проѣзжающіе вносили своимъ появленіемъ новыя элементы, нѣсколько разнообразнѣеяшую массу бѣсѣду проѣзжаго общества. Общество это, несмотря на фактическія доказательства невозможности ѣхать далѣе, продолжало размышлять на тѣ же вопросы: «Какъ нѣтъ перевозу!» «Что такое ледъ, ледъ?» Появленіе новаго лица, его разпросы, почему нѣтъ проѣзду, и проч. давали нѣкоторое право на продолженіе этихъ тлетворныхъ разговоровъ, но едва новыя проѣзжія подымали человѣка, и приказывали принести себѣ чего нибудь съѣсть, какъ весь интересъ новаго лица исчезалъ въ немъ, потому что и онъ внезапно начиналъ толковать о какомъ-то, будто бы, дне-

номъ грабежѣ, происходящемъ здѣсь, то-есть становяся въ разрядъ обниженныхъ проѣзжающихъ, рѣшившихъ уже этотъ вопросъ.

Быть участникомъ такого времяпровожденія дѣлалось, наконецъ, совершенно невозможнымъ, невыносимымъ; нѣкоторые изъ проѣзжихъ торопились лечь спать; мы съ кучомъ выхлопотали себѣ коморку, гдѣ-то подъ лѣстницей на чердакъ, которая почти загоразивала наше окно, и принялись пить чай. Во время этого занятія шли у насъ разговоры о разныхъ, имѣющихъ болѣе или менѣе практическій интересъ, вещахъ; наконецъ, мы попробовали спать, но въ комнатѣ было жарко, а съ дороги дѣлалось просто душно. Кромѣ того, въ корридорѣ и въ сосѣднихъ номерахъ шла ходьба, безпрестанные разговоры и ходьба, отъ которой въ нашемъ номерѣ шевелилась мебель и на самоварѣ дрожала крышка.

— Ужъ и блохъ, я вамъ доложу!... шепталъ кучецъ, ворочаясь на диванѣ подъ своей мерлушкой... Они свѣжее мясо зачуяли... Ишь! Какъ собаки дерутъ шкуру-то...

Духота, соединенная съ непроницаемою тьмою, была вдвойнѣ невыносима. Я зажегъ свѣчку и сталъ курить.

Въ это время, развинтившаяся ручка двери зашевелилась, и въ комнату высунулась голова... Эта голова принадлежала кондуктору.

— Обезпокойтъ? какъ-то вамъ проговорилъ маленькій человекъ.

— Нѣтъ, мы не спимъ...

Кондукторъ былъ въ коротенькомъ и тѣсномъ казенномъ сюртукѣ, съ свѣтлыми пуговицами; лицо его было усиленно-красно и потно, и страдальческая жила на лбу вылегала еще примѣтнѣе и трогательнѣе. Очевидно, его угостилъ станціонный смотритель. Медленно сѣлъ онъ на стулъ у двери, молча посмотрѣлъ на насъ и проговорилъ:

— Покойно вамъ въ экипажѣ, молодой человекъ?

— Очень покойно...

— Н-ну... покорнѣйше васъ благодарю!... Я — всей душой... Я жизни своей не дорожу для господъ пассажировъ. Ну, что вамъ угодно? Присажитесь услужить...

— Намъ ничего не надо.

— Нѣтъ, сдѣлайте милость, присажитесь; я готовъ въ огонь... Я обязанъ угодить, потому ѣсть мнѣ надо... Такъ ли?... Г. кучецъ!... Почиваетъ онъ?

— Нѣтъ, я не сплю.

— А вы на меня осерчали... за денешу...

— Есть объ чемъ толковать...

— Нѣтъ, г. купецъ, позвольте, что я вамъ объясню... Я имѣю шесть человѣкъ дѣтей; жена, свояченица... Извольте видѣть!... Я долженъ жить, получать свое продовольствіе... Стало быть, я долженъ услуживать, угождать... И я готовъ передъ Богомъ!... Ну, чѣмъ я могу услужить? Г. купецъ! Позвольте вамъ сказать, нечѣмъ мнѣ проѣзжающему угодить, нечѣмъ, нечѣмъ...

— Коли ездилъ его желаетъ оказать услугу, онъ всегда можетъ это, проговорилъ купецъ.

— Ахъ-съ! Господинъ купецъ! Разорваться готовъ... Нѣту мнѣ никакой возможности! Я ужъ думалъ-съ. Да вы извольте ваять: карета. Проѣзжающій самъ садится, самъ выѣзжаетъ, за все платитъ въ конторѣ... Я кондукторъ, смотрю какъ бы не было несчастія... Проѣзжающій этого не ставитъ въ заслугу, онъ за это платитъ... Чѣмъ же я могу угодить? Ради Господа Бога, позвольте васъ спросить?

Купецъ повернулся на диванѣ.

— Нечѣмъ-съ! Нечѣмъ мнѣ старанія выказать. У меня на всемъ свѣтѣ одинъ уголокъ; въ каретѣ — калыя моя. Меня никто не видитъ и не замѣчаетъ. А вы думаете, что кондукторъ сидитъ тамъ, въ калыѣ-то? Кондукторъ въ собачій воротникъ морду свою завернулъ; стало быть, онъ хранитъ? Кондукторъ — ни дня, ни ночи покою не имѣетъ, господинъ купецъ! Кондукторъ-то два раза въ годъ семью видитъ свою, а семья-то растеть — есть о чемъ подумать. Какъ я сына своего старшаго водилъ въ гимназію на экзаменъ — удобно ли вамъ знать, легко это мнѣ было? Позвольте васъ спросить, сколько я не спалъ ночей?

Мы молчали.

— Я можетъ вотъ эдакъ-то, вотъ колотился, когда господа учителя начали его испитывать: «Скалетъ!» «Что такое рыба?» «Что такое корова?» Извольте видѣть! Какъ вамъ, легко ли будетъ, коли ездилъ вы желаете вашему ребенку благополучія и вдругъ ему — «Скалетъ?» Легко вамъ, господинъ купецъ? Особливо коли ездилъ скалетъ-то, чертъ его знаетъ, что такое?... Господинъ купецъ! Что такое корова? позвольте узнать? (Кондукторъ помолчалъ). Ну, можно ребенка объ этомъ спрашивать? Что же можетъ сказать ребенокъ? — Тиружи! больше ничего! А замѣсто того, когда насъ не удостоили на экзаментъ, такъ мы ровно ребята слезами заливались, какъ домой шли...

Разсказчикъ остановился и отеръ рукавомъ глаза.

— А почему мы не знаемъ скалетовъ? Потому, что намъ ѣсть денегъ! Надо купить книжку, книжкарубъ серебромъ. Гдѣ я возьму? Позвольте узнать, ездилъ я изъ жалованья возьму — то вѣдь скалетъ-то я узнаю, ну, за нѣ и семья моя тоже превратится въ

скелеть, потому ёсть нечего... Слѣдственно я долженъ угождать... Кому я долженъ угождать? Проѣзжающимъ господамъ... Господи! Царь небесный! Царица небесная! Нечѣмъ, нечѣмъ мнѣ угодить! Нечѣмъ! И подножен и застѣжки, — все отъ казны; все само собой подставляется подъ ногу и застѣгивается... Что же мнѣ дѣлать? Что же долженъ кондукторъ, бѣдный нищій человѣкъ, дѣлать? Вотъ кондукторъ и начинаетъ трубить въ трубу... Кондукторъ думаетъ — пусть видятъ мое стараніе. Трубить онъ во всю мочь, что есть духу... «Замолчи, оселъ!» кричатъ ему. Кондукторъ прекращаетъ... Онъ думаетъ, авось этимъ угодить проѣзжающимъ, и молчитъ въ своей конурѣ... морду свою въ собачій воротникъ уткнулъ. А какъ да въ воротникѣ-то этому вспомнить онъ, какъ это, напримѣръ, скелеть, да какъ изъ-за коровы человѣкъ въ слезахъ идетъ, и начнетъ онъ соваться къ проѣзжему. «Угодно вамъ депешу? угодно вамъ телеграму?» Господа! Господинъ купецъ, сдѣлайте милость, прикажите услужить бѣдному человѣку!... Господинъ купецъ, угодно я куда прикажете загоню депешу?

— Зачѣмъ она мнѣ?

— Нѣтъ! довольте! Ну, довольте загнать телеграфъ къ вашей супругѣ. Прикажите! Дайте хлѣбъ бѣдному человѣку.

— Ивановъ! пронесло какое-то новое лицо, висювымакъ въ дверь. — Будетъ тебѣ! Пойдемъ!

— Сію минуто!

Взволнованный своими несчастіями кондукторъ, при видѣ появившагося человѣка, притихъ.

— Это я такъ, съ господами. Спокойной ночи, господа!

Онъ всталъ, помялся, что-то хотѣлъ сказать, опять сказалъ: «спокойной ночи» и вышелъ къ товарищу въ какой-то раздумѣ.

Долго еще шумѣли вокругъ насъ, долго дремала самоварная крышка. Наконецъ, все успокоилось...

Сельцо N стояло на крутомъ берегу Оги, обаянное со всѣхъ сторонъ глухимъ лѣсомъ, который видѣлся намъ съ каждаго перекрестка, когда я и какой-то студентъ, на другой день поутру, направлялись къ рѣкѣ. Село было большое, торговое. По сторонамъ улицы видѣлись трактиры, постоянные дворы съ растворенными воротами; у однихъ ворота были нарисованы на заборѣ мужикъ, одной рукой онъ снялъ шляпу, а другой указывалъ на ворота, приглашая проѣзжающихъ пожаловать туда. Беадѣ, я на улицахъ и на постоянныхъ дворахъ, было множество народу. Повсюду ветоши, узелки, возвышавшіеся на крыльцахъ лавокъ, на ступеняхъ кабановъ, выѣстъ съ равнымъ проходящимъ народомъ. Тутъ влотники, богомольцы, мальчи, у которыхъ еще

не сонли съ сапогъ и шапки признаи иѣлу и извести, солдаты съ растегнутыми нагрудниками и съ трубами въ зубахъ. Особенно много было народу у самой рѣки, гдѣ, на вязкомъ и топкомъ берегу, были сложены кучи досокъ и камня, для строющагося черезъ рѣку моста; здѣсь же видѣлись кольца, обмотанными толстыми паронными канатами, который лежалъ тутъ же на берегу, свернутый большими кольцами... Мутныя волны широкой рѣки плескали только у береговъ, подбрасывая какія-то мокрые плиты и почти наполненныя водою лодки. Вся поверхность рѣки была застлана льдинами; едва колеблясь то въ ту, то въ другую сторону, тянулись эти сѣрныя, иногда рыхлыя и синеватыя глыбы безконечною цѣпью, медленно всплывая на острие, окованные желѣзомъ ледорѣзы и разламываясь на нихъ; у самой воды, при началѣ строющагося моста, стоялъ какой-то военный, съ подвязаннымъ воротникомъ и кричалъ на кого-то... Кто-то, очевидно, былъ виноватъ; но кто именно, нельзя было понять, потому что на берегу былъ сильный и рѣзкій вѣтеръ, къ которому присоединялся еще шумъ разрушавшихся на ледорѣзахъ льдинъ. Около военнаго, имѣвшаго здѣсь, повидимому, власть, толпилось нѣсколько провзающихъ благороднаго званія, которые объ чемъ-то очень серьезно разсуждали съ нимъ, озабоченно поглядывая на воду, но что они разсуждали — неизвестно. На этихъ основаніяхъ мы съ товарищемъ ушли отсюда, и отправились бродить по селу.

Въ одномъ изъ переулковъ, недалеко отъ старинной церкви съ массивной, разсѣвшейся оградой, мы увидѣли домикъ съ вѣвской «школа». На крыльцѣ этого домика сидѣлъ худенькій старикъ, въ полушубкѣ, крытомъ синимъ ластикомъ; на сѣдлахъ, бѣлыхъ какъ лунь, волосахъ его былъ надѣтъ картузь съ широкимъ козырькомъ; въ рукахъ у него была палка. Старикъ сидѣлъ задомъ къ солнцу, и видимо хотѣлъ погрѣть свою болную спину. Въ переулкѣ, защищенномъ домами, не было вѣтру, и мы захотѣли здѣсь присѣсть.

— Можно на крыльцѣ у васъ отдохнуть? спросилъ я старика.

Старикъ пристально обвелъ насъ тусклыми глазами, туго поворачивая свою дрожавшую голову, понасмался и ничего не сказалъ. Суровый видъ и угрюмость, которые какии-то насильственно-проведенными чертами лежали на его лицѣ, вовсе не шли къ этимъ тихимъ сѣдинамъ 'его; несмотря на то, что объ насъ отвѣтилъ намъ, мы вошли на крыльцо, сѣли на лавочкѣ и стали курить. Старикъ, кряхтя, повернулъ дрожавшую голову въ сторону, и не глядѣлъ на насъ; суровость и грозность поминутно набѣгали на его, почти дремавшее лицо. Несмотря

на 'его прелонниа лѣта, суровость эта васьма, била похожа на ту лавейскую гордость, которую любить или любилъ выказывать дворянскіе, и другіе вѣрныя рабы барина, любящіе потреблять фразы: «нашъ баринъ», «ми...», «наше имѣніе»... Въ древніа времена, какъ оказалось впоследствии, онъ состоялъ, дѣйствительно, въ важныхъ чинахъ, возможныхъ для раба; когда же надобность въ немъ миновалась, его отправили караулить школу. Про старика забыли, бросали его; но тѣ черты, которыя наложили на его лицо борзые времена и нравы, не могла взглянуть даже старость...

Молча сидѣли мы и курили. Внутри запертой школы гудали чьи-то куры. Старикъ молчалъ, шепталъ что-то; палка постоянно шевелилась въ его худыхъ дрожавшихъ пальцахъ, словно онъ собирался замахнуться ею на кого-нибудь. И дѣйствительно, когда мимо школы прошелъ какой-то мальчикъ, старикъ схватилъ палку, и стуча ею въ полъ крыльца, крикнулъ:

— Я тебѣ дамъ слоны слонять... Буд-да бѣжишь-то пострѣлъ! Вотъ я...

Мальчикъ, смѣясь, глядѣлъ на старика и на насъ, и не спѣша прошелъ мимо; видно было, что угроза эта была знакома ему.

Вслѣдъ за мальчикомъ подошла къ крыльцу курица, и на нее старикъ ополчился:

— Кшъ ш-шельма... Эшь шатаются анаемы, своего дому не знаютъ! Хозяевъ бы за это бить надо... Управы на нихъ нѣту, разбойники.

— Что ворчишь, старикъ! что шумишь! панибратски проговорилъ какой-то человекъ, напоминавшій сельскаго писаря, и вошелъ на крыльцо. — Добраго здоровья, господа! Иду, слышу, старикъ шумить, думаю, кто это старичку вредъ сдѣлалъ? Тебя кто обидѣлъ?...

— А-а... ты куда хвостъ-то дерешь? какъ-то особенно гнѣвно проговорилъ старикъ, быстро повернувъ къ писарю свою сильно дрожавшую голову... Куда тебя тотъ-то несетъ...

— Гуляю.

— Гуляешь?... Да ты что за гуляющій такой?... Э?... Ты къ чему приставленъ? Къ дѣлу приставленъ али къ гуляню?... Э?... Н-нѣтъ управы на вась... Н-нѣту! Кабы при покойникѣ баринѣ, царство ему небесное... т-такъ онъ бы тебя... Т-такъ ужъ онъ бы...

— Что жъ бы онъ миѣ сдѣлалъ?

Старикъ какъ будто задохнулся отъ негодованія; голова его тряслась еще сильнѣе; онъ жадно и гнѣвно смотрѣлъ въ смѣющаеся лицо писаря, и вдругъ произвель:

— А кнутъевъ? а? Чтѣ-бы-и?... А кнутиковъ горячихъ тн-сички двѣ поболь... Э? Любо?... Не х-хочешь?

Писарь тихо улыбался, покачивая ногой.

— За чтѣ жь это кнутъевъ-то? сказалъ онъ.

— Вотъ тѣ и за чтѣ!... За то вотъ, что... ременныхъ бы тебѣ вогли... У него, у барина-то, можетъ, цѣлый полкъ съ кнутыями-то былъ... Завсегда при немъ... Ёдетъ. Мужикъ попадаетъ. Грязь на дворѣ, а у мужиковой лошади хвостъ не подвизанъ. — «Почему хвостъ не подвизанъ?» (Тутъ старикъ помолчалъ). «Кнутъевъ!» Ёдетъ въ сухую погоду, видитъ у мужиковой лошади хвостъ подвизанъ: — «Почему хвостъ подвизанъ?» — Кн-нутъевъ!... Т-эвъ онъ бы тебя... Почему ты шатаешься?...

— Усталъ. Отдыхаю.

— Кнутъевъ! Заспать ему... до смерти его запероть!

— Больно много! сказалъ писарь, переставъ улыбаться.

Старикъ долго еще горячился и выкрикивалъ слова: «задрать», «горячихъ» и проч., замахиваясь и стуча палкой; но мало-помалу онъ успокоился, хотя руки его не переставали снимать палку, и голова все еще тряслась отъ гнѣва.

— Ниче это превращаютъ! сказалъ наконецъ писарь. — Ниче на этотъ счетъ очень сокращено душегубство...

— Хуже! рѣзко и рѣшительно сказалъ старикъ.

— Почему такъ?

— Много хуже!

— Да чѣмъ хуже-то? Хуже, хуже, чѣмъ хуже?

— И-и... и даже много-много хуже... Облюдоло!

— Чего это?

— Облюдоло! Слышишь, ая нѣтъ? Мѣста мало, народу невѣсть сколько... Вотъ прогнивался... Цѣтень, травъ — нѣту... Стася!... Вивало, какіе цѣян-то — нѣту теперче ни одного... Богъ прогнивался... Въ старое время бросилъ палку на голову оселею, въ утру она вся въ травѣ. — Эво какая трава была... Нѣту ничего... Хуже, и совсѣмъ ничего не едятъ.

— Ну, это ты нутое говоришь!

Старикъ опять началъ сердаться.

— Я свое дѣло говорю!... Я, братъ, восьмой десятокъ живу, а не нутое!... Ну, чтѣ же, хорошо это, вдругъ ожидаешь заговоришь онъ: — мать за сына въ темной сидитъ? видано это когда?

— Не дерись! нонче братъ строго.

— И не можетъ мать своего сына сатану учить?...

И опять старикъ пристально уставилъ на писаря гнѣвные глаза.

— Не въ томъ вещь, коротко сказалъ писарь, отъ котораго мы съ любопытствомъ ждали объясненія этого факта, такъ возмущившаго старика: — ты старичокъ синю грѣбешь, много не смнслишь.

— Ды-тъ, родная она ему чать, аѣ нѣтъ? звѣри вы!

— Я говорю, не торопись... Прожилъ ты много, а не все вызналъ. Чутьку тебѣ еще вызнать осталось.

— Тыфу, чтобъ вамъ...

И старикъ болѣе не говорилъ. Писарь обратился исключительно къ намъ.

— Многие не понимаютъ порядковъ-съ!... Такъ вотъ иной шумить-шумить, а что такое? Дѣло точно что было, посадили одну женщину въ темную, ну только это на томъ основаніи, что самовольно она его изуродовала... Нонче этого нельзя. Первымъ долгомъ, въ настоящее время, надо подавать жалобу... Коли, ежели бы она пришла къ господамъ судьямъ, да попросила бы ихъ: «позвольте, молъ, мнѣ солдать казенныхъ, я женщина слабая, не могу сына моего внучить... удержать, напримѣръ, не къ силахъ», ни слова бы ей никто не сказалъ! Надобно первымъ долгомъ доложить, спроситься... А то эва, начала его трепать самовольно... надо спроситься...

— Нѣтъ, кабы баринъ... Он-въ бы тѣ... ворчалъ старикъ.

— Н-ну, нѣтъ, братъ; нонче барину твоему тоже вышла бы какая слѣдуетъ статья... по положенію... самодовольно проговорилъ писарь, закладывая ногу на ногу. — Довольно, братъ!... Нонче, братъ, Европу стараются водворить... а не по свински... Сначала види-во доложи, да усроенъ... а потомъ беѣ! Да и то оглядывайся, какъ бы самого не чесанули... Такъ-то!

Старикъ не отвѣчалъ, но гнѣвно смотрѣлъ въ сторону, ища бѣгавшими глазами какаго нибудь предмета, на который бы можно было ослочиться. Писарь очевидно стоялъ за современность и Европу, и былъ видимо доволенъ.

Не успѣли мы познакомиться съ консервативнымъ и либеральнымъ элементами села N., предъявленными намъ въ лицѣ старика и писаря, какъ намъ пришлось познакомиться съ новою личностію. Съ крыльца довольно частенькаго дома, находившагося противъ школы, спустилась какая-то фигура, безъ шапки, и торопливо стала приближаться къ намъ.

— Наставникъ! сказалъ писарь.

Наставникъ шелъ вѣстѣ съ маленькой дѣвочкой, держа руки въ карманахъ своего костюма. При появленіи его у крыльца писарь почтительно раскланялся, а старикъ, вряхтя и опираясь

на крыльчныя перилы, поднялся съ своего оидѣнья и снялъ шапку.

— Накривайся, накривайся, старикъ! мягкимъ, жирнымъ дискантомъ проговорилъ наставникъ.—Здорово, Андрей Ильичъ! сказалъ онъ писарю и пристально поглядѣлъ на насъ, тѣмъ взглядомъ провинціала, который является у него только при появленіи новаго лица и въ которомъ ясно видно бореніе двухъ вопросовъ: «не ревизоръ ли это новое лицо» и «не покровитель ли оно, не благодѣтель ли». Завидѣвъ этотъ взглядъ, мы тоже поклонились наставнику.

— Кто такіе будете? тихо и осторожно спросилъ онъ, и въ голосъ его ясно слышался вопросъ самому себѣ: «какъ бы не влетѣть...»

— Проѣзжающіе...

— Да-да-да! Полая вода... перевозу нѣтъ... да-да-да... Откуда изволите?

— Изъ Петербурга.

— Да-да-да.

«Какъ бы не влетѣть», еще явственнѣе вылегло на полномъ лицѣ наставника, напоминавшемъ лицо жирной бабы. Да и вообще въ фигурѣ его, тѣлосложеніи и манерахъ было много того, что напоминало «бабу».

— Что же это вы тутъ?... Со старичкомъ?

— Да вотъ, сидимъ, слушаемъ.

— Ветхъ старецъ-то! Ветхъ!

Наставникъ помолчалъ, подержалъ руку на темени, въ которое било солнце.

— Такъ со старичкомъ болѣе? сказалъ онъ. — А у меня въ школѣ-то, признаться, не порядокъ... Такъ я и думаю, не настать-ли школы вы...

— Нѣтъ-съ, мы такъ... гуляли...

— Да... Школа-то у насъ въ порядкѣ, только что средствъ недостаточно... Вы по какому министерству?

— Я учитель.

— По народному просвѣщенію... Очень пріятно. Да не жалуете ли въ горницу... Что же вамъ на вѣтру.

Мы согласились съ удовольствіемъ.

Вмѣстѣ съ нами отправился и писарь.

— Очень пріятно!.. говорилъ наставникъ, идя впереди насъ.— Настя! Скажи-ко матери; пусть тамъ... сказалъ онъ дѣвочкѣ, бывшей съ нимъ.

Та бѣгомъ побѣжала впередъ.

Несмотря на то, что званіе наше, объявленное нами настав-

нику, не могло быть ни вреднымъ ни полезнымъ для него, тѣмъ не менѣе, мысль, что «авось пригодятся» или «пу-ко да чтонибудь...» повидимому, не оставила его. Мнѣ часто приходилось встрѣчать въ глуши это настроеніе и этотъ взоръ, ожидающій или Ивана царевича, который придетъ въ видѣ нищаго къ бѣдному мужику и обогатитъ его; или ревизора, который сначала будетъ поддакивать провинціалу, закусывать у него, да вдругъ и турнетъ въ шею. По всей вѣроятности, только такого рода соображеніями руководствовался наставникъ, приглашая насъ къ себѣ; а онъ видимо былъ изъ числа тѣхъ ожидающихъ, которые боятся ревизора.

Мы вошли въ чистенькую комнату, обставленную самымъ обыкновеннымъ образомъ. Надъ окномъ чиркалъ чижъ; на подоконникахъ стояли какіе-то цѣвты, изъ которыхъ нинѣ сохранились подъ опрокинутыми стаканами, на стѣнѣ—картинки: Серафимъ, Саровскій пустынный, стоащій поды елю на камнѣ; Осипъ Иванычъ Коммисаровъ-Костромской съ надписью: «а нинѣ дворянныя»; на трехугольномъ столѣ въ углу—требникъ, крестный календарь, какіе-то книжки свѣтскаго содержанія, какихъ обыкновенно не встрѣчаешь нигдѣ, напр. «Политическая экономія для служащихъ», «Поученіе въ сырную седмицу господамъ офицерамъ ...сваго пѣхотнаго полка о чревонерадѣннѣи» и проч. Словомъ, обстановка, знакомая всякому русскому, даже и столичному человѣку.

— Прошу пожаловать! сказала наставникъ, ввела насъ въ горницу.—Андрей Ильичъ, сказалъ онъ писарю, который, поглядывая на свои ноги, маялся въ двери:—что же ты? Сію минуту-съ! На минуточку! прибавилъ наставникъ, спихнулъ кошку со стула и удалился въ сосѣднюю комнату. Рядомъ съ писаремъ сѣлъ на стулѣ сынъ наставника, мальчикъ лѣтъ 12-ти; востроумъ его—скрутку, жилетъ и даже манишка напоминали разодѣвшагося лакея. Разговоры между имъ и писаремъ происходили шопетомъ:

— Ты что за шанку дагъ? спрашивалъ мальчикъ.

— Рубъ!

— Хочешь я за гривенникъ куплю... Не вѣришь?.. Давай объ закладъ!.. Ну?...

— Ну теба!...

— Нѣтъ! Давай объ чемъ?

— Что это вы изволите? ласково спросилъ онъ, подходя къ моему товарищу, который перелистывалъ какую-то книгу. — Календарь любопытствуете? хе-хе... Вреть!... Весьма фальшиво показывается.

— Не утрафишь на всёхъ-то! сказалъ писарь.

— И то пожалуй... Кому казъ. И то справедливо... День на день не приходить.

Отвѣчать было нечего. Наставникъ вынулъ платокъ, табакерку, медленно принялся раскрывать ее, похлопывая пальцемъ по крышкѣ и смотря въ верхъ почему-то со вздохомъ, говоритъ:

— Не приходится день въ день.

Тема, предложенная на всеобщее обсужденіе, была весьма не плодотворная. Наставникъ тотчасъ же понялъ это, и такъ-какъ онъ былъ «на всякъ часъ готовъ»—то и перенесъ сужденіе свое на другой предметъ.

— Такъ со старичкомъ болѣе? необыкновенно ласково обратился онъ къ намъ.

— Да-съ!.. поспѣли...

— Ветхъ! Ветхъ деньми старецъ...

— Серчаеть на новыя порядки, сказалъ писарь.

— Серчаеть?.. хе-хе... Ну, да вѣдь и года его... Да вѣдь и я въ самомъ дѣлѣ, порядки порядки, а казъ угодно... тяжело-ватые порядки... Это дѣйствительно, надо правду сказать, что... тово они... порядки-то...

— Строгое время стоять! сказалъ писарь.

— То-то и есть, другъ, время-то строгое-то!.. Время-то, братецъ ты мой, не любезное!.. Все не такъ; не въ ладъ... Вонъ же попоминану времени-то, ужъ чтò такое курица? а я долженъ же семью мамзайми держать; да замоль-то куня, — да человѣка найми... Все изъ кармана! Вотъ то-то! Курица курица,—а тоже, поди-ко, подумай...

Наставникъ энергически расправилъ платокъ, такъ же энергически скинулъ его и тронулъ имъ носъ съ одной и съ другой стороны...

— Итъ, въ прежнее время престѣя было, продолжалъ онъ.— Дешвѣе было... Принимаешь-же былъ народъ... Нонча, братъ, стали къ тебѣ на дворъ забѣгать динденегъ,—ти ему и голову свернуть не успѣешь,—а ужъ за нимъ сто человѣкъ бѣгутъ... Да къ мировому неугодно-ли прогуляться.

— Какъ же это чужому динденегу голову свернуть? спросилъ мой товарищъ.

— Да я почему знаю, чей онъ? Онъ на моемъ дворѣ или итъ?.. Коли ты птацу держишь—гляди за ней... И мой забѣгать — и моему свернуть голову.

Сожалѣніе о золотомъ времени взаимнаго свертыванія головъ, не представляло для меня надлежащаго ужаса, на томъ основаніи,

что мнѣ приходилось слышать вещи болѣе эффектныя и до того невѣроятныя, что ихъ никто не повѣритъ. На этихъ основаніяхъ я не считъ нужнымъ входить въ разговоръ, будучи вполне увѣренъ, что наставникъ предъявитъ кое-что еще, нѣсколько по-крупнѣе изъ своей нравственной философіи.

— Н-да! прованесь писарь, качнувъ головою: — въ конѣшнее время дѣйствительно, что куряца дороже человѣка.

— Д-доррожа! Много!.. Да что такое человѣкъ? Ну, что такое я, напримѣръ? Жилъ-жилъ,—народилъ дѣтей... Умри—оставить нечего!.. Передъ Богомъ!.. Можетъ быть, тамъ что-нибудь и есть—ну, да что это? пустяки!.. А вѣдь обязанности-то изволите видѣть какія. Вотъ у меня двѣ дочери... Обязанъ я ихъ пристроить?.. Теперь сынъ,—сертучишко, сапожишка, шапочку, надобно ему?.. Такъ или нѣтъ-съ?

Мы сказали, что такъ.

— То-то и оно-съ!.. Н-нѣтъ, какъ можно!.. А вы вотъ, господа, научите насъ простыхъ людей, какъ тутъ быть... Мы вамъ спасибо скажемъ.

Научить ми не могли и отказались. Наставникъ засмѣялся и сматчился.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ: — вотъ вы изъ Петербурга, все авось что-нибудь посоветуете... Хочу я, признаться, о воспособленіи попросить. Комитетъ, изволите видѣть, учрежденъ подъ предсѣдательствомъ генеральши Громикаловой... И назначаютъ, милостивые государи, вспомошествованія или воспособленія учащимъ, въ видѣ единовременной выдачи. Какъ вы посоветуете?..

— Прошеніе подать надобно, сказалъ писарь.

— То-то прошеніе ли? обратился наставникъ къ намъ недоумѣвая.

— Должно быть.

— Гм... Да. Прошеніе... Ну, а въ томъ случаѣ, ежели рвеніе мое не будетъ уважено воспособленіемъ, могу ли я, безъ опасности, помощника попросить? Дескать, десять лѣтъ состою на должности, но силъ моихъ нѣту...

— А много у васъ учениковъ? спросилъ мой товарищъ.

— Да это учениковъ-то найдемъ какънибудь... Не Богъ-вѣсть... Это мы какънибудь... Я веду рѣчь къ тому, что неизвѣстно ли вамъ, не слышали ли какъ-нибудь въ столицѣ-то, какое количество учащихся потребно дабы выдано было воспособленіе... Или бы на помощника?

— Нѣтъ, не слышали.

— Гм! Были слухи, бытто бы комплектъ двѣсти учащихся. Ну,

предположимъ, я до пятисотъ младенцевъ обозначу, могу ли я въ то время претендовать безъ опасности? Даже, предположимъ, я и до шестисотъ обозначу младенцевъ?

— Зачѣмъ вамъ помощника-то? Вѣдь учениковъ не Богъ-вѣсть? сказалъ мой товарищъ.

— Не въ томъ!... Помощника не помощника, а все бы я охотѣе натъдесять-то дѣлковыхъ въ карманъ положилъ... Годится!... Вотъ расчетъ въ чемъ... Такъ какъ же, господа, насчетъ воспособленіевъ-то? Не присовѣтуете?

Мы ничего не могли присовѣтовать.

— Не знаете? Гм...

— Первымъ долгомъ прошеніе! повторилъ писарь.

Наставникъ пытливо поглядѣлъ на него съ боку, придерживая рукою подбородокъ.

— Прошеніе? повторилъ онъ. — Ну, предположимъ, и прошеніе. Превосходно, а ну-ко, да придерутся? Вѣдь новѣшній народъ-то лукавъ и преогорчавааъ.

— Придраться могутъ. Время строгое! сказалъ писарь.

— Вотъ то-то вотъ! Ну-ко, да памяять шею-то... Прошеніе, что такое? Подать можно; отчего не подать. А ну-ко, да вдѣлится?... То-то братъ!... Мнѣ и самому частенько-таки въ голову забредаетъ—семь, молъ, куда нибудь прошеніе... попрошу... авось... Иной разъ даже и очень тебя буровить: «подай! подай!» Ну, боюсь! Время лютое. Кажется, и ничего бы, а боишься... Кажется, и резоны есть, и законныя основанія, а подумаешь... и не ловко... Возьмемъ, напримѣръ, хоть бы школу эту... Первое дѣло — староста дровъ жалбеть, слѣдовательно, есть предлогъ не пойти. Резонное дѣло. Второй пунктъ — училище есть дѣло благотворенія—хочу иду, хочу нѣтъ. Можно, стало быть, и совсѣмъ не утруждаться. Кажется, чего бы лучше? Какіе еще могутъ быть резоны? Хорошо. Вотъ и думаю я: семь я помощника попрошу?... Селеніе многочисленное, и слѣдовательно, всѣ права я имѣю на помощника. И главнѣе имѣю въ расчетѣ-то, что деньгами выдаютъ на помощника. Ну, и затѣешь прозвищу... все дѣлковыхъ тридцать, думаю себѣ; и затѣешь терманку... черничокъ, да вдругъ какъ влетитъ въ голову-то «придерутся», и садеши! Что будешь дѣлать! Времена тяжкія! Все не въ ладъ.

Наставникъ со вздохомъ обвелъ насъ грустнымъ взоромъ, тревожно потеръ ладовами колѣна и присовокупилъ:

— А что это вы говорите, прошеніе, то дѣйствительно: иное время не знаешь, куда дѣться, такъ тебя и суетъ: «подай ко
Т. СLXXIX. — Отд. I. 6

владѣй, подай въ земство, подай совѣту». Такъ тебѣ ровно что по головѣ молотить, да приговариваетъ, потому, есть резонны. Н-ну робота! Кажется, и не съ чего, а пугаюсь.. Время не то!

И наставникъ глубоко задумался.

Все это онъ говорилъ необыкновенно вѣжливымъ дистантомъ, достаточно смягченнымъ въ глубинѣ жирнаго и короткаго гортла. При помощи этого умилительнаго голоса и обворожительныхъ манеръ, напоминавшихъ, какъ уже сказано, «бабу», наставникъ предъявилъ публикѣ еще нѣсколько подобнаго рода сужденій, отъ которыхъ «свѣжій человекъ» легко могъ бы задумать о самоубійствѣ, еслибы принялъ въ расчетъ, что сужденія эти высказываются при постороннихъ, въ которыхъ, быть можетъ, скрываются ревизоры. Что же, стало-быть, хранится въ тайникахъ души этого наставника? какого свойства тѣ соображенія, которыя высказываются въ семьѣ съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей?... Наслушавшись такихъ соображеній, мы взялись-было за шапки, какъ наставникъ торопливо подбѣжалъ къ окну, завидѣвъ кого-то на улицѣ, и почти съ благоговѣйнымъ испугомъ произнесъ:

— Иванъ Абрамычъ! управляющій... нашей барни... генеральши...

Писарь кашлянулъ и выпрямился, выказавъ попытку къ бѣгству, но наставникъ сказалъ ему:

— Куда ты?... ничего!..

— Разбойникъ первой степени! шепнулъ онъ намъ, торопливо оправляясь, и превративъ свое испуганное и, за минуту, грустное лицо въ умиленную улыбку, поспѣшилъ къ дверямъ, чтобы встрѣтить «разбойника».

Управляющій былъ человекъ лѣтъ сорока-пяти и обладалъ манерами, въ которыхъ выдѣлалась какая-то умышленная увѣсисистость, желаніе вести себя погенеральски, то-есть многозначительно наклонять голову, снисходительно благодарить за предложенную попроску и въ то же время внушать собесѣднику страхъ. Завидѣвъ чужихъ людей, управляющій вопросительно взглянулъ на наставника, который тотчасъ же весьма кротко произнесъ: «изъ Петербурга», кашлянулъ и взглянулъ вверхъ. Осанка и манеры управляющаго достаточно свидѣтельствовали о его пониманіи свѣта и людей; поэтому читателю будетъ ясно, что фраза «изъ Петербурга», подвергнутая вліанію этого пониманія, заставила управляющаго показать себя передъ нами въ полномъ блескѣ, во весь ростъ. Вслѣдствіе этого и были предъявлены публикѣ нижеслѣдующія слова и мысли.

Послѣ нѣсколькихъ внятныхъ фразъ о здоровьѣ супруги, и дѣтокъ, о половодѣѣ, разговоръ перешелъ на настоящее время; управляющій поднялъ высоко голову, и поглядывая заискивающими глазами на слушателей, какъ это дѣлають профессора, довольно мелодическимъ голосомъ пропнесь:

— По моему разумѣнію, я такъ полагаю, старинные порядки надоть шваркнуть объ уголь. Слѣдовательно, въ дребезги! Не такъ ли?

Управляющій посмотрѣлъ на слушателей, сидѣвшихъ справа и потомъ на сидѣвшихъ слѣва.

— Не такъ ли? прибавилъ онъ.

Всѣ изъявили полное согласіе.

— Объ уг-голь! закрывая глаза и встряхивая головою, сказалъ наставникъ.

— На томъ основаніи, продолжалъ управляющій: — что повсюду пошелъ новый духъ и форматъ. Для того, намъ требуется, чтобы все, какъ бы сказать, вывернуть противъ прежняго. Будемъ говорить такъ: я погноядъ двѣсти пудовъ сѣна, предположимъ. Зная науку, я не долженъ этого опасаться, потому, въ то же время я получаю удобреніе. Справедливо ли?

— Да ужъ... Это дѣйствительно что... вполне соглашался, пробормоталъ наставникъ.

— Слѣдовательно, я долженъ вводить новый порядокъ, фасонъ... Телеги у меня будутъ ѣздить въ поле съ флагами... Далѣе: устрояется деревянная башня для обзора; имѣемъ намѣреніе, съ теченіемъ времени, провести телеграфъ съ башни на колокольню и въ контору, дабы давать взаимные сигналы. Равно и для набатовъ. Еще-съ: теперь, даже, сію минуту, поспѣвають моего изобрѣтенія грабли съ паровымъ ераномъ... Извольте видѣть?

— Истинно хорошо! сказалъ наставникъ въ умилевіи. — До чего дивно, такъ это даже и... и... Водочки не угодно ли?

— Благодарю. Слѣдовательно, мы уже не можемъ оставаться при старыхъ порядкахъ; тѣмъ болѣе, что я съ работника моего могу стрбовать самую послѣднюю каплю; ибо, коли ежели да при реформахъ... такъ вѣдь я его, шельму...

Но тутъ управляющій остановился; профессорское выраженіе его лица, умягченное притомъ сознаніемъ собственнаго достоинства, вдругъ, почти мгновенно, измѣнилось самымъ неожиданнымъ образомъ: скулы лица какъ-то перекосились и слово «шельма» едва пролѣзло между сжатыми зубами. У оратора на

мгновеніе захватило дыханіе; онъ медленно опустился на диванъ и алчными глазами смотрѣлъ на насъ и на наставника.

Въ комнатѣ настала минута оцѣпененія. И наставникъ, и писарь, и мы нѣкоторое время какъ-то туго смотрѣли по разнымъ угламъ, испытывая надъ собою что-то весьма неопредѣленное и очень тягостное.

Управляющій молча курилъ сигару, довольный каталепсіей слушателей, произведенной его рѣчами.

— Какъ вы полагаете, обратился онъ къ наставнику: — какого бы цвѣта флаги?

— Да ужъ зеленые, я думаю.

— Да такъ ли?... Ловко ли будетъ?

— Превосходно, то-есть ужъ... И къ тому же, казна предпочтаетъ.

— Казна? Гм...

Поговоривъ еще минутъ пять въ этомъ родѣ, управляющій величественно поднялся съ дивана, почтительно раскланялся съ молчавшимъ обществомъ и удалился. Мы собрались тоже уходить, ожидая возвращенія наставника, который почти на цпочеахъ провожалъ своего гостя, бормоча необыкновенно заискивающимъ голосомъ: «приступочекъ... лѣсенка... ножку! Будьте здоровы! Дай Богъ вамъ!»

— Злодѣи! разбойникъ! какимъ-то зловѣщимъ шопотомъ заговорилъ наставникъ, торопливо возвращаясь въ горницу и оглядываясь на дверь. — Разорвалъ, всѣхъ разорвалъ! и бариню-то оплетаетъ! и ее по міру пустить... Этакого злодѣя, этакого змія...

Наставникъ съ волненія ходилъ по горницѣ.

— Что же вы баринѣ не скажете? спросилъ мой товарищъ.

— Сохрани васъ царица небесная! З-защити васъ Богъ!... Что вы? Да онъ меня и со всей семьей-то въ гробъ вгонить... Что вы это!... Какъ это можно... Этакого пгемона, этакого душегуба...

— Вамъ же хуже!

— Мнѣ? Я его другимъ манеромъ свергну... Онъ мнѣ зла много сдѣлалъ... много! Ну, и я ему пораждѣю... Я напрямикъ не пойду, а мы набросаемъ терминку-письмецо въ Тифлисъ генеральшѣ Палиловой... она нашей баринѣ родня; а она тайными путями дастъ знать въ Пермь къ родной сестрѣ нашей-то владѣтельницы, а та ужъ ей... Такъ оно какъ будто бы и неизвѣстно мнѣ... Ужъ я ему... А напрямкомъ, нѣтъ: онъ злодѣи, зло-

дѣй, а все пригодится... У меня семейство... Маѣ слѣдуетъ не ко вреду его поступать, но къ пользѣ.

Наставникъ до того увлекся планами сверженія управляющаго въ пользу собственнаго семейства, что не удерживалъ насъ, когда мы окончательно собрались уходить.

— Куда же вы-съ? спросилъ онъ какъ-то вяло, и въ глазахъ его видѣлась посторонняя мысль. — Ну, счастливаго пути... Дай Богъ вамъ!... Поѣдете обратно, милости прошу!... присту-вочегъ... Ваня! проводи господъ отъ собакъ.

Франтовитый мальчикъ лѣниво пошелъ рядомъ съ нами.

— Вы въ семинаріи учитесь? спросилъ мой товарищъ.

— Да.

— Что же у васъ, какъ теперь тамъ?

— Обмѣнено. Чтò же можетъ быть тутъ интереснаго?

— Очень много. Напримѣръ, чѣмъ вы занимаетесь?

— Чтò же можетъ быть тутъ интереснаго? Обмѣнено...

Вы эту палку гдѣ купили?

— Въ Петербургѣ.

— Много ли дали?

— Полтора цѣлковыхъ.

— Э-ахъ вы! укоризненно сказалъ мальчикъ. — А еще изъ Петербурга. Хотите, я вамъ такую палку за гривенникъ куплю? Угодно вамъ? Вы не вѣрите... Не угодно ли объ закладъ. Съ васъ двадцать копеекъ. Угодно?

— Нѣтъ, зачѣмъ же.

— Ну, хорошо. Если я вамъ такую палку куплю за гривенникъ, вы свою мнѣ отдадите?

— У меня вѣдь есть палка. Зачѣмъ же мнѣ?

— Да вы передали. Я ихъ — всѣхъ лавочниковъ знаю.

Копейки и гривенники сыпались изъ дѣтскихъ устъ довольно долгое время, но мы уже не слушали этого пріятнаго лепета и не замѣтили, какъ проводникъ нашъ отсталъ.

На крыльцѣ школы по прежнему сидѣлъ старикъ и замахи-вался палкой на какую-то деревенскую бабу, которая съ ребенкомъ на рукахъ тихо шла мимо него. Баба была неряшливая, грязная; грубый холстъ ея востюма и тряпки, въ которыхъ былъ завернуть ребенокъ, были до того грязны, что казались вымазанными сажей. Баба даже не улыбнулась на угрозу старика; по лицу ея видно было, что она едва-ли и слышала ту угрозу — она тихо и задумчиво шла босыми ногами по сырой тропинкѣ, утѣшая ребенка и на голосъ: «выростишь великѣ, будешь въ золотѣ ходить» — тихо пѣла пѣсню:

Дурень, дурень мой кисель
Дурень, чорень — на хорень...

— Ба-ба!

Я поставила кисель
На вчерашней на водѣ...
Какъ вчерашняя вода
Ненакрытая была:
Тараманы налезали
Сверчки ножки полоскали...
Накрывала полотномъ
Паневеночкой худой...
Паневеночка худая
Подъ ребеночкомъ лежала,
Ровно три года гнила ..

— О, да спи, пропасти на тебя нѣтъ!.. раздраженно закричала она, перешвыривая ребенка съ одной руки на другую.

Баба долго шла за нами и долго пѣла эту пѣсню, въ которой воспѣвалась доброкачественность отечественнаго киселя; единственное существо, рассказывала пѣсня, которое, не задумываясь, принялось за эту пищу—была «косорылая» свинья; но и та, отвѣдавъ киселя, отправилась «гулять, свое рыло замывать...» Далѣе рассказывалось, что «она рыла не вымыла, только воду возмутила». Свойства киселя произвели глубокое негодование даже въ рыбахъ...

Одна рыбка удаля
Въ Тулу просьбу подала...

Въ Тулѣ первымъ долгомъ задаютъ ей вопросъ: «За что ее бить? за что колотить?» и пѣсня оканчивается.

Вольше намъ незачѣмъ было ходить по селу. Мы случайно познакомились со всѣми партіями общества села N. Кромѣ весьма живучей партіи тухлаго киселя, видѣли мы ретроградъ, одиноко умирающихъ въ одинокомъ уголкѣ, съ сожалѣніями о ременныхъ кнутяхъ покойника барина; видѣли болѣе молодыхъ представителей этого направленія, имѣющихъ виды «на воспособленіе» своимъ попыткамъ къ безотвѣтному захвату чужихъ куръ, ожидающихъ даже признательности отъ поклонниковъ тухлаго киселя. Видѣли либераловъ, рекомендующихъ сначала спроситься, а потомъ ужъ оторвать голову чужой курицы. Видѣли даже крошечныхъ подростковъ, которые, произрастающая подъ охраною всѣхъ вышеизложенныхъ направленій и взглядовъ, далеко превосходятъ своихъ учителей, ибо чуть не съ дѣтскаго возраста знаютъ ужъ, гдѣ можно купить хорошую палку...

Больше намъ нечего было видѣть, и мы пошли домой...

Между проѣзжающими, собравшимися на Гвоздевскомъ подворьѣ, было замѣтно сильное уныніе, даже нѣкоторое отвращеніе другъ къ другу. Тотъ человѣкъ, который называется «попутчикъ», — хорошъ, даже незамѣнимъ никакимъ другомъ, если сходишься съ нимъ на минутку, на полчаса, за чайнымъ столомъ на одинокой почтовой станціи; дорога, берущая проѣзжаго человѣка подъ свою защиту, помѣщающая его между тѣми безобразіями, отъ которыхъ бѣжить человѣкъ, и тѣми, къ которымъ онъ стремится, властительно освобождаетъ его душу отъ этихъ безобразій; обставляетъ его далекими полями, глубокими снѣгами, лѣсами, и густитъ въ сердцахъ его все, что уцѣлѣло въ немъ своего, дорогого, все что осталось въ немъ послѣ расплаты съ тѣмъ, отъ чего бѣжить онъ... Ни съ кѣмъ изъ соотечественниковъ моихъ — ни съ мужикомъ, ни съ купцомъ, ни съ чиновникомъ — нельзя ближе сойтись, ближе узнать его и большею частію полюбить его, какъ въ дорогѣ. Попутчикъ теряетъ всю свою прелесть, какъ только, доѣхавъ до мѣста, разставешься съ нимъ и на другой день увидишь его идущимъ съ портфелемъ въ палату или сидящимъ въ лабазѣ. Не узнаешь его въ эти минуты, и не хочется какъ-то узнать его. Пріятныя отношенія попутчиковъ коротки и скоропроходящи, на томъ основаніи, что «за расплатою», у нихъ остается очень немного, — мелочь, которая пріятно расходуется на первомъ постояломъ дворѣ за самоваромъ, и потомъ уже ничего не остается; остается, правда, возможность предъавлять тѣ мысли и сужденія, какія предъавилъ намъ управляющій, наставникъ, старикъ и проч. Но не всякому охота дѣлиться этими мыслями, особенно въ дорогѣ.

Поэтому-то на Гвоздевскомъ подворьѣ и царствовало всеобщее уныніе. Общество, собравшееся здѣсь, хотъ и могло выражаться нѣсколько грамотнѣе наставниковъ и управляющихъ, но будучи еще такъ недавно связано пріятными отношеніями попутчиковъ, не хотѣло портить этихъ отношеній заявленіями, собственными откровенности простыхъ необразованныхъ людей; все же, что было *своею* — все это было переговорено нѣсколько разъ и надобно. Интересы общества снова было-направилась къ разрѣшенію вопросовъ: «Почему нѣтъ перевозу?» — «Такъ нѣтъ перевозу-то?», но и это опротивѣло. Настало какое-то отвращеніе другъ къ другу, апатія, которая какъ эпидемія охватила, виѣсть съ проѣзжающими, и коренныхъ обывателей подворья староста уже не дрожалъ передъ проѣзжимъ, громко кричавшимъ, что у него казенная подорожная; онъ развалился въ корридорѣ

на полу и спать, отрывисто и небрежно отвѣчая съ просонокъ; «Нѣтъ проѣзду; больше ничего». «Человѣкъ», выказавшій вчера столько энергій, дремалъ стоя у буфета и обглаживая какую-то кость, несмотря на то, что изъ разныхъ пунктовъ раздаются возгласы: «Когда же это наконецъ? Человѣкъ!.. Чтѣ же это такое?..»

— «Подождешь!» говорилъ онъ, обглодавъ кость, и легъ на конникъ спать. Точно такъ же поступала и другая прислуга, старавшаяся болѣе забраться на печку и отдохнуть, нежели угождать...

Духъ корыстолюбія, овладѣвшій вчера хозяиномъ Гводевскаго подворья, теперь исчезъ подъ вліаніемъ довольства и всеобщей апатіи. Пожилой хозяинъ съ румянными щеками вслѣдствіе пріятельской выпивки, сдѣлалъ въ своихъ походахъ, съ нѣсколькими пріятелями, и приготовлялся слушать соловья, котораго только что принесъ какой-то черный и худой человѣкъ.

— Ну-ка! Ваня! говорилъ хозяинъ:— тронь вилочкой-то.

Ваня дергалъ вилкой объ столовый ножикъ...

Соловей копошился внутри кѣтки... Слушатели сперва безмолвствовали.

— Ну-ся... еще!.. задохнувшись шепталъ хозяинъ.

— Господинъ хозяинъ! кричалъ проѣзжающій, вбѣгая: — сдѣлайте одолженіе... Что это такое?.. Никого не дозовешься...

— Будьте покойны!.. Пожалуйте въ горницу... Сію минуту пришлемъ...

— Пожалуйста; что это... Это чортъ знаетъ...

— Не позволяйте беспокоиться... Пожалуйте... Ваня! тронь!..

— Принесло лѣшаго!.. говорили слушатели... Совсѣмъ-было соловей-то задумался... Чтѣбъ ему...

— Ваня! тронь... Шерману тронь... разздорь...

Раздаются пискивные звуки маленькой шарманки.

— Вилочкой! Илья... возьми вилку-то...

— Это чортъ знаетъ чтѣ такое! влѣтаетъ новый проѣзжій.

— Будьте покойны!.. пришлемъ..

Итакъ далѣе. Апатія всѣхъ ко всѣмъ увеличилась по мѣрѣ приближенія къ вечеру, до того, что никто не хотѣлъ ни идти, ни звать, ни услуживать, ни сердиться... Всѣ осовѣли и легли спать... Но и спать никто не могъ и не хотѣлъ...

Наконецъ, на слѣдующій день, рано утромъ, по корридору подворья шелъ какой-то человѣкъ и громко говорилъ:

— Господа! пожалуйте! Перевозъ отарить! Рѣва очистилась!..

Началась возня и суматоха. Всѣ проѣзжающіе, давая другъ друга, бросались съ мѣшками и чемоданами изъ своихъ нумеровъ; на дворѣ звенѣли бубенцы и звякали колокольцы подъ дугами, вскидываемыми на лошадей.

Погода была пасмурная. Мелкій дождь моросилъ не переставая. Поверхность рѣки очистилась, но на срединѣ ея все еще видѣлась узенькая, словно пѣна, полоска мелкихъ льдинъ. На берегу была грязь, достаточно взмѣшенная лошадьми, колесами и людьми. Народъ толпами валилъ съ берега въ большія лодки, въ которыхъ начальство распорядилось перевозить проѣзжихъ.

— Осторожнѣй, господа! Сдѣляйте милость, не вдругъ!.. кричалъ кто-то съ берега, но его не слушали.

Шумъ и гамъ были значительны.

— Отваливай!.. Съ Богомъ! послышалось наконецъ.

Одинъ изъ гребцовъ, натуживаясь, отпихнулся отъ берега; лодка наша какъ будто осѣла къ низу и пошла.

Весла работали неутомимо; проѣзжающіе большею частію стояли и молча смотрѣли на воду... Дно лодки было завалено тряпками, чемоданами, шляпными футлярами, зонтиками. По всѣмъ этимъ предметамъ, весьма нетвердыми ногами, похаживала какой-то мастеровой и звалъ какого-то Сенью...

— Сень! шепталъ онъ, проваливаясь между чемоданами.

— Ты, братъ, поосторожнѣй! говорили ему.

— Будте покойны. Сень...

— Оставь! Не угомонился!.. сказалъ ему трезвый мастеровой, должно быть Сень:—ты шатаешься изъ угла въ уголъ.

— Чтѣ скажу-то! Другъ! Милчигъ! Послушко-сь, чтѣ скажу-то?

— Ну?

— Сватался!.. Чуешь? Эшь и дѣвица, братъ ты мой!.. Но не дѣвица, а-но ангелъ!.. Не пошла!.. Братъ! Слышь, ай нѣтъ?..

— Слышу.

— Ну, не пошла: потому черезъ сапоги... Тонокъ опоекъ попался... Больше ничего!.. Московскій!.. Пон-нимаешь?.. Сватался,—аккурать въ вращенье... Мррозъ!.. Чулокъ тонкій, сапогъ тонкій... Покѣда дошолъ — окоченѣлъ. Н-ну, и грѣлся... Больше ничего!

— Ну?..

— Ну, по кабакамъ грѣлся-то... И догрѣлся, покѣта ровно ногѣно... Понимаешь?.. Тыкъ она ахнула... невѣста-то!.. Какже! Влагороднѣйшая дѣвица, потому ни руками, ни ногами своего владѣнія не имѣлъ... Больше ничего!..

Мастеровой помолчалъ, смотря вопросительно въ глаза товарища, и, покачиваясь на вакомъ-то чемоданѣ, проговорилъ:

— Он-ни, сапожп-то и приахтительные вышли... и-ну жидки!.. Товаръ попался шаферскій — московскій. Не пошла! Кабы мнѣ вытяжнова зацѣпить!..

Въ это время нога его соскочила съ чемодана и онъ грузно шлепнулся.

— Послушайте, что же это ваконецъ? сердце проговорило нѣсколько голосовъ.—Вѣдь это чортъ знаетъ что такое... Вѣдь этакъ можно перевернуть лодку...

— Будте спокойны!... слышалось изъ глубины чемодановъ, гдѣ ворочался мастеровой...

— Лѣжи! сказалъ ему Сеня:—не шевелись!...

— Пам-милуйте...

— Лѣжи, говорю!...

— Никто не смотритъ!... обиженио говорилъ какой-то господинъ въ клеенчатомъ картузѣ, съ испитымъ, хотя и не старымъ лицомъ... Ни одинъ шагъ вашъ не обезпеченъ такъ, чтобы вы могли быть покойны за свою жизнь...

— Дѣйствительно! отвѣчали ему.—Богъ знаетъ, что такое!... Вѣдь онъ насъ могъ всѣхъ опрокинуть...

— И кромѣ того, самъ народъ положительно лишонъ какого-нибудь пониманія... Не говорю о вѣжливости... Тутъ, какъ хочешь, невольно предпочтешь сторониться отъ всего русскаго...

Отвѣта на это не послѣдовало. Молодой человѣкъ въ клеенчатомъ картузѣ былъ слегка взволнованъ.

— Я объѣхалъ всю Европу, сказалъ онъ, не обращаясь собственно ни къ кому: — и рѣшительно не припомню ни одного столкновенія, даже съ грубою массою, которое бы не оставило во мнѣ болѣе или менѣе пріятное впечатлѣніе... Однако, вдругъ обрывая рѣчь, быстро проговорилъ онъ: — посмотрите, на томъ берегу только двѣ кареты... А насъ, пассажировъ, на шесть дилижансовъ...

— Какъ-нибудь, тамъ... навѣрное, сказалъ-было кто-то, но тотчасъ же прибавилъ:—кондукторъ! Послушайте,—куда же насъ дѣнуть? тамъ двѣ кареты...

— Должна быть депеша! робко произнесъ кондукторъ, находившійся здѣсь же.—Мы даемъ телеграмму... телеграфируемъ...

— Должно быть, тамъ депеша! заговорили въ толпѣ. Клеенчатый картузъ пристально смотрѣлъ на ничтожное количество дилижансовъ, видѣвшихся на берегу.

— Потому мы желаемъ угодить проѣзжающимъ! шепталъ кондукторъ... Намъ тоже хлѣбъ надо...

По мѣрѣ приближенія къ полоскѣ льда, танувшейся по срединѣ рѣки, и обазавшейся довольно широкою, гребцы дружнѣе работали веслами, лодка неслась и съ шумомъ, на всемъ ходу, перервала эту цѣпь льдинъ, карапавшихъ ее бока.

— Слава Богу! сказали всѣ.

Скоро мы были на берегу. Дешевы никакой не оказалось. Дилижансовъ было только два, — а съ той стороны перевезти не было возможности. Какой-то приващигъ отъ конторы почтовыхъ каретъ ходилъ съ бумагой и карандашемъ въ рукѣ, говорилъ— «будьте покойны», подходилъ къ каретамъ, опять говорилъ «не извольте беспокоиться»... и опять шелъ куда-то. Очевидно, онъ отыскивалъ смыслъ въ собственныхъ своихъ поступкахъ; но такъ-какъ усадить тридцать-шесть человѣвъ въ двѣ кареты было невозможно, то весьма ясно было видно, что смысла въ своихъ поступкахъ отыскать ему трудно, даже невозможно. Не желая долге оставаться въ области безтолковщины, и имѣя въ виду тотъ резонъ, что мы, то-есть купецъ, я и другіе пассажиры нашего дилижанса ждемъ перевоза почти два дня, т.-е. болѣе другихъ дилижансовъ и пассажировъ, пріѣхавшихъ послѣ насъ,—мы заняли свои мѣста въ первомъ попавшемся дилижансѣ, и ожидая ямщика, слушали, какая идетъ перепалка изъ-за мѣстъ между тридцатью остальными пассажирами.

Вдругъ съ боку нашей кареты появилась фигура въ клеенчатой шапкѣ, объѣхавшая Европу. Господинъ этотъ посмотрѣлъ сначала на меня, потомъ на купца и говорилъ:

— Г. купецъ, я бы васъ попросилъ уступить мнѣ мѣсто.

— Самимъ требуется...

— Что же это наконецъ? Требуется! Я деньги заплатилъ за внутреннее мѣсто, должны же дать мнѣ хоть наружное-то...

— Мы тоже не задаромъ ѣдемъ.... Ты иди къ своему мѣсту...

— Я съ тобой вѣжливо говорю...

— Ды-ть и мы тебѣ отвѣчаемъ вѣжливо! Кто ты такой — я не знаю... Говорю, деньги заплачены... Ищи своего мѣста... Я на своемъ сиду...

— Я уступилъ дамѣ! понимаешь ли ты, невѣжа! Слышишь или нѣтъ! Женщинѣ уступилъ, свинья ты этакая.

— Понимаемъ, — да ты немного ори-то!... Я не поглажу, что ты баринъ-то... мы деньги...

— Кондукторъ! Кондукторъ! завопилъ баринъ.—Г-нъ Кондукторъ!...

— «Скандалъ!» подумалъ я, и почувствовалъ, что даже такое ничтожное дѣло, какъ наша дорожная остановка, — окончено достойнымъ образомъ. Это совершенно успокоило меня, и я уже не слушалъ или не вслушивался въ дальнѣйшій ходъ исторiи; но дорогой, когда мы снова выѣхали на шоссе, среди прiятной дремоты, въ головѣ моей иногда шевелилась мысль, что должно быть за границей лучше... какъ объ этомъ говорилъ влеченчатый картузь.

Глава Успенскiй.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ *

1816—1820.

3. Испанія и ея колоніи. Португалія и Бразилія.

Конституція 1812 года. Характеръ короля Фердинанда. Отмѣна конституціи (4-го мая 1814). Камариля. Восстаніе въ Испаніи въ теченіе втораго десятилѣтія XIX вѣка. Революція начинается восстаніемъ Ріего (1-го января 1820). Побѣда либераловъ въ Мадридѣ и во всей Испаніи. Провозглашается конституція 1812. Продажа церковныхъ имуществъ; владичество радикаловъ. Фердинандъ взываетъ къ Франціи о помощи. Веронскій конгрессъ (1822, октябрь). Вопросъ о вмѣшательствѣ Франціи рѣшенъ. Кортесы удаляются въ Андалузію. Герцогъ Ангумекскій покоряетъ Испанію. Торжество реакціи. Донъ-Карлосъ и авостольческая партія. Отмѣна салыческаго закона о престолонаслѣдіи. Марія-Христіана и королева Изабелла. Освобожденіе американскихъ колоній Испаніи. Португалія подъ властію лорда Бересфорда. Революція въ Португаліи и Бразиліи. Король Іоаннъ присягаетъ конституціи. Реакціонныя стремленія королевы Карлотты и Донъ-Мигуэля. Отпаденіе Бразиліи отъ Португаліи. Королева Марія да-Глорія. Тиранинъ Мигуэля. Борьба праверженцевъ конституціи съ Донъ-Мигуэлемъ. Торжество Донъ-Педро. Возстановленіе конституціи.

Испанцы со славою выдержали борьбу съ Наполеономъ. Но, свергнувъ чужеземное иго, они не хотѣли подчиниться старому, туземному гнету: силы народа и сознаніе собственнаго значенія возросли въ долгіе годы тяжелой, но героической борьбы; люди, нещадившіе своей жизни для защиты своей родины, считали себя вправе принять участіе въ управленіи страной. Такихъ людей было много, но все же они составляли меньшинство съ сравненіемъ съ массаши, которыя были вѣрны преданіямъ старины.

Впрочемъ, еще во время борьбы съ французами, именно въ 1812 году, образованному меньшинству удалось выработать в

* См. «Отеч. Зап.» 1868, № 5.

провести въ жизнь націи конституціонное государственное устройство. Кортесы, собравшись, по приглашенію центральной юнты, въ Кадиксъ, обнародовали (18 марта 1812 года) конституцію, которая, какъ мы видѣли, нашла себѣ сочувствіе въ Неаполѣ и Пиемонтѣ. Считаемо не лишнимъ передать сущность этой знаменитой конституціи въ краткихъ словахъ.

1) Дворянство удерживаетъ всѣ свои титулы, но терять привилегіи, какъ напримѣръ, право суда, соединенное прежде съ обладаніемъ крупною поземельною собственностію.

2) Католичество признается государственною религіей, но инквизиція прекращаетъ свое существованіе; число монастырей уменьшается; часть церковныхъ имуществъ поступаетъ, какъ собственность націи, въ распоряженіе государства; десятина въ пользу духовенства отменяется.

3) Парламентъ (по испански *кортесы*) долженъ собираться ежегодно и не раздѣляться на верхнюю и нижнюю палаты, а составлять одну камеру представителей народа.

4) Гласность парламентскихъ преній и свобода печати должны быть неприкосновенны.

5) Монархическая власть остается, но ограничивается парламентомъ, котораго король не имѣетъ права ни распустить, ни отсрочить. Безъ согласія парламента не можетъ состояться ни одно королевское рѣшеніе по вопросу внѣшней политикѣ. Кортесы опредѣляютъ, сколько войскъ должно содержать государство, какіе взимать налоги. Кортесы же имѣютъ право вѣтовать и издавать законы. Троекратное рѣшеніе кортесовъ имѣетъ силу закона.

6) Кортесы наблюдаютъ за сохраненіемъ этой конституціи и имѣютъ право предавать министровъ суду за ея нарушеніе.

7) Въ теченіе восьми лѣтъ конституція должна оставаться безъ всякихъ измѣненій.

Такое-то государственное устройство существовало въ Испаніи въ то время, когда изъ французскаго плѣна возвратился на родину король Фердинандъ. Фердинандъ VII былъ человѣкъ весьма ненадежный. Чуждый всякихъ высшихъ человѣческихъ интересовъ, недовѣрчивый ко всѣмъ, сколько нибудь сильнымъ людямъ, трусливый до раболѣпія предъ личностями, отъ которыхъ сколько нибудь зависѣлъ, жестокій до безчувственности тамъ, гдѣ не было ему сопротивленія, этотъ король принадлежалъ къ самому низшему сорту Бурбоновъ. Въ мартѣ 1814 г., онъ, послѣ долгаго отсутствія, увидѣлъ родную землю. Имѣя причины не сѣшать въ Мадридъ, король остановился въ Валенсіи и здѣсь издавъ рядъ указовъ въ реакціонномъ духѣ.

Манифестомъ 4-го мая 1814 года король объявилъ конституцію 1812 года отмѣненною, парламентъ распущеннымъ и общалъ, взаи́мъ того, возстановить старинную конституцію, а также хранить безопасность личности и собственности гражданъ и свободу печати. Несмотря, однако, на всѣ эти обѣщанія, генераль Эгіа, прибывшій въ Мадридъ ночью 10-го мая, арестовалъ всѣхъ членовъ регентства, четверыхъ министровъ, многихъ членовъ парламента и другихъ, пользовавшихся хорошою извѣстностію людей, числомъ около семидесяти. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ были осуждены на продолжительное тюремное заключеніе, нѣкоторые же — на изгнаніе. Одинъ вѣриальный журналъ, «Atalaya» требовалъ «висѣльцы безъ допроса и суда для всѣхъ либераловъ». Народъ оставался, повидимому, равнодушнымъ ко всѣмъ новымъ распоряженіямъ короля, мало того: встрѣтилъ его съ восторгомъ въ Аранжуэцѣ, а при въѣздѣ короля въ Мадридъ толпа отпрягла королевскихъ лошадей и повезла на себѣ Фердинандову коляску.

Король, несмотря на свое обѣщаніе, не думалъ о созваніи старинныхъ кортесовъ, которые своею уступчивостію и работѣи́емъ превзошли бы палаты господъ и прелатовъ въ сѣверной Германіи. Онъ былъ въ рукахъ придворныхъ, большею частію, совершенно невѣжественныхъ, которые въ соединеніи съ нѣкоторыми дамами, составили такъ-называемую «камарилью», правительными льстецовъ и прислужниковъ. Изъ этой-то атмосферы исходило тѣ реставраціонные эдикты, которыми вводилась строжайшая цензура и узаконивалось освобожденіе дворянства и духовенства отъ налоговъ. Немедленно возстановленъ былъ королемъ іезуитскій орденъ, введена вновь инквизиція съ ея пытками, возвращены церкви проданныя церковныя имущества безъ вознагражденія лицамъ, купившимъ ихъ. Преслѣдованіе подозрительныхъ людей продолжалось. Такіе люди, какъ Кальво де-Розасъ, принадлежавшій къ самымъ мужественнымъ защитникамъ Сарагоссы, многіе генералы, выказавшіе, во времена войнъ за освобожденіе, чудеса храбрости, были заключены въ тюрьму. Всякій, кто принадлежалъ къ конституціонной партіи и къ «жозефиносамъ», то-есть приверженцамъ короля Іосифа Бонапарте, ни на минуту не былъ увѣренъ въ собственной безопасности, между тѣмъ какъ работѣи́ные, «Serviles» торжествовали. Шесть лѣтъ продолжалось такое владычество произвола, и въ эти шесть лѣтъ упало земледѣліе, обѣднѣла промышленность, и казна оскудѣла до такой степени, что нищенство, воровство и грабежъ сдѣлались весьма распространенными ремеслами: небогатые офицеры просили милостыни, а въ портовомъ городѣ

Феррогъ два моряка умерли съ голоду. И въ это самое время правительство снаряжало экспедиціи съ цѣлю вновь поработить отпавшія отъ Испаніи южно-американскія колоніи. Но та самая Испанія, которая въ XVI столѣтіи владѣствовала надъ морями, теперь не имѣла уже флота и должна была обратиться къ императору Александру съ просьбою — продать ей два обветшавшихъ корабля. Уже одно жалкое финансовое положеніе страны, долгъ которой увеличился въ пять лѣтъ на два миллиарда реаловъ, должно было, по отзыву англійскаго посланника, непременно вызвать революцію. Но при всемъ этомъ, правительство продолжало держаться системы устрашенія и не переставало заключать въ тюрьму и казнить людей подозрительныхъ. Уже въ 1816 г. въ Испаніи было болѣе 50,000 человекъ, заключенныхъ въ тюрьмы за политическіе проступки.

Люди, много послужившіе отечеству въ 1812 г., не могли равнодушно переносить бѣдственное положеніе и униженіе Испаніи. Ихъ недовольство выразилось въ теченіе шести лѣтъ (1814 — 1819) девятью возстаніями, которыя, не имѣя между собою связи, легко были подавлены. Такъ въ 1814 году въ Пампелонѣ поднялъ знамя возстанія знаменитый предводитель гверилласовъ, Мана, но долженъ былъ бѣжать во Францію. Въ слѣдующемъ году Діацъ Порлье, въ обильной монахами Галиціи, сталъ призывать народъ къ свободѣ, но долженъ былъ заплатить за свою смѣлость на висѣлицѣ. Въ 1817 году, генераль Ласи возсталъ противъ правительства въ Каталоніи, но былъ схваченъ, отправленъ на островъ Маіорку и тамъ разстрѣлянъ. Полковникъ Видалъ, въ концѣ 1818 года, составилъ заговоръ въ Валенсіи, но попался въ руки Эліо, который велѣлъ его вмѣстѣ съ 12 соумышленниками предать казни; одна заподозрѣнная въ заговорѣ женщина, только что разрѣшившаяся отъ бремени, была запытана до смерти.

Но возстанія, подобно головамъ Медузы, несмотря на пытки, аресты и казни, поднимались снова, благодаря усиліямъ масоновъ. Благопріятною для новаго возмущенія мѣстностію казался Кадиксъ. Здѣсь давно уже собранъ былъ экспедиціонный корпусъ, назначенный къ отправленію въ Буэносъ-Айресъ. Общее недовольство американскими экспедиціями и моровая язва, свирѣпствовавшая въ назначенномъ къ отплытію войскѣ, давали заговорщикамъ поводъ начать возстаніе. Графъ Абисбаль, начавшій роль то слуги правительства, то заговорщика, наконецъ прервалъ всѣ связи съ заговорщиками и арестовалъ своихъ собственныхъ офицеровъ. Тѣмъ скорѣе хотѣло правительство отпра-

вить подалше ненадежныя войска. Послѣдовало высочайшее повелѣніе. Солдаты, убѣжденные въ невозможности поработить американскія колоніи, считали себя обреченными на вѣрную смерть, а имъ очень не хотѣлось умирать безъ всякой пользы.

Начальникъ батальона, которому прежде другихъ надежало отплыть въ Америку, Рафаэль Ріего, въ 8 часовъ утра новаго (1820) года, провозгласилъ въ присутствіи солдатъ конституцію 1812 года, быстро напалъ на новаго начальника, графа Кальдерона, захватилъ всю его главную квартиру и съ четырьмя батальонами направился къ Кадиксу. Благодаря недостатку энергіи у полковника Квируги, нечаянное нападеніе инсургентовъ на Кадиксъ было безуспѣшно. Дальнѣйшія попытки овладѣть Кадиксомъ также не удалось, благодаря осмотрительности коменданта Фрейре, и нетерпѣливый Ріего рѣшился съ 1,500 человекъ поднять Андалузію. Преслѣдуемый королевскимъ генераломъ О'Доннелемъ, равнодушно встрѣчаемый народомъ, онъ долженъ былъ бѣжать въ Сьерра-Морену, гдѣ небольшою отрядъ его приверженцевъ разбредся окончательно. Въ Кадиксѣ дѣло инсургентовъ казалось совершенно потераннымъ. Постыдное вѣроломство генерала Фрейре, который обѣщаль жителямъ этого города конституцію 1812 года, но потомъ выпустилъ на обрадованную этимъ обѣщаніемъ толпу свое войско, положило конецъ надежамъ приверженцевъ конституціи, и притомъ въ ту самую минуту, когда въ Мадридѣ дѣло либераловъ совершенно удалось.

При извѣстіи о возстаніи Ріего, генераль Мина воротился изъ Франціи, прибылъ въ Новару и былъ съ восторгомъ принять войсками. Королевскіе генералы нигдѣ не могли рассчитывать на вѣрность своихъ войскъ. Графъ Абисбаль, въ Оканнѣ, отстоящей на три часа пути отъ Аранжуэца, призвалъ батальонъ своего брата къ борьбѣ за конституцію и сталъ во главѣ возмущившихся солдатъ. Какъ скоро возстаніе подошло такъ близко къ Мадриду, правительство потеряло всякое присутствіе духа. Народъ сильно волновался. Фердинандъ готовъ былъ уже на уступки и (6-го марта) обѣщаль созвать парламентъ по старому обычаю; но всѣ знали, что онъ то же самое обѣщаль 4-го мая 1814 года и не сдержалъ своего слова. Тронъ Фердинанда былъ въ опасности; чтобы спасти его, было необходимо исполнѣ уступить народнымъ требованіямъ. И вотъ, 7-го сентября, король объявляетъ свою рѣшимость присягнуть конституціи 1812 года, и уже 9-го числа того же мѣсяца, въ присутствіи городского совѣта и ворвавшихся во дворецъ вождей народнаго движенія, даетъ эту присягу. Королю такъ мало довѣряли, что сочли необходимымъ, для наблюденія за его дѣйствіями, учредить ювту,

впредь до открытія парламента. Эта юнта немедленно разогнала всю камарилью, выпустила на волю всѣхъ политическихъ арестантовъ, возстановила свободу печати, заставила войско присягнуть конституціи, и такимъ образомъ взяла въ свои руки почти всю государственную власть. 12-го марта праздновалось возстановленіе конституціи; процессіямъ, иллюминаціямъ, боямъ бивовъ, казалось, конца не будетъ.

Немедленно, всѣ высшія правительственныя, всѣ министерскія мѣста заняты были приверженцами конституціи, частію людьми, только что освободившимися отъ тюремнаго заключенія или воротившимися изъ ссылки. 9 іюля король открылъ парламентъ и во второй разъ присягнулъ конституціи.

Въ странѣ, гдѣ образованіе коснулось лишь высшихъ слоевъ общества, гдѣ народъ до такой степени какъ въ Испаніи привыкъ ходить на помочахъ, задача парламента была трудна въ высшей степени. Всего затруднительнѣе было ввести порядокъ и экономію въ финансы. Чтобы сколько нибудь улучшить финансовое хозяйство должно было прибѣгнуть къ продажѣ церковныхъ имуществъ, а потому скоро многіе монастыри были упразднены, многіе монашескіе ордена уничтожены; орденъ іезуитовъ долженъ былъ прекратить свою открытую дѣятельность въ Испаніи, имущество упраздненныхъ монастырей объявлено было достояніемъ народнымъ, подлежащимъ продажѣ. Это возбудило недовольство духовныхъ лицъ, особенно епископовъ. Самъ папа, въ особомъ письмѣ къ королю, защищалъ дѣло іезуитовъ и духовенства; король протестовалъ противъ продажи церковныхъ имуществъ; но кортесы не уважили ни папскаго ходатайства, ни королевскаго протеста. Мало того, Фердинандъ долженъ былъ удалиться отъ себя своего духовника, заявить парламенту, что назначеніе мадридскимъ комендантомъ Карвахала было однимъ лишь недоразумѣніемъ и возвратиться изъ Эскуріала въ Мадридъ. На этотъ разъ, пріемъ, оказанный Фердинанду столичнымъ населеніемъ, былъ холоденъ, даже враждебенъ. Съ балкона своего дворца король могъ видѣть, какъ нѣкоторые изъ толпы брали на руки сына разстрѣляннаго Ласи и слышать, какъ многіе кричали: «да здравствуетъ мститель за смерть отца!» Король, который находился въ положеніи Людовика XVI, возвращавшагося въ послѣдній разъ изъ Версаля въ Парижъ, пылалъ гнѣвомъ на своихъ оскорбителей и обращалъ взоры свои за предѣлы Испаніи. «Армія вѣри», предводимая священникомъ Мерино, не была на столько сильна, чтобы защитить короля; не помогло ему и учрежденіе временнаго правительства, «регентства на время Фердинандова плѣна»; истреблена была и королевская

стража, рѣшившаяся, 6 іюля, смѣлымъ и неожиданнымъ ударомъ доставить «плѣнному» королю прежнюю власть. Не задолго предъ седьмымъ іюлемъ, Фердинанду съ великимъ трудомъ удалось уговорить краснорѣчиваго вождя умѣренныхъ (moderados), Мартинеса дела-Розу, стать во главѣ министерства; но послѣ неудавшагося восстанїя стражи, король долженъ былъ утвердить министерство крайнихъ (exaltados); зачинщика же всего восстанїя, Ріего, пригласить въ свой дворецъ и сыграть съ нимъ комедїю примиренїя. Вскорѣ затѣмъ, въ Валенсіи присужденъ былъ къ смертной казни генераль Діего, единственная кровавая жертва, избранная революціей. Противъ восстанїя на пиренейской границѣ, поддерживаемаго армією вѣры и регентствомъ, во главѣ котораго сталъ маркизь Матафлорида, приняты были энергическія мѣры. Искусный генераль Мина, назначенный главнымъ начальникомъ конституціонной арміи, пошелъ съ нею въ Каталонїю, гдѣ весьма строго обошелся съ приверженцами короля, взялъ вѣрность Ургель, въ которой заперся было регентъ, и прогналъ все регентство совсѣмъ его приверженцами, за французскую границу. Тагъ обманула короля послѣдняя слабая надежда на вѣрныхъ подданныхъ. Оставалось ждать отвѣта на письмо, отправленное къ французскому королю 22 іюля (1822).

Но французскій король Людовикъ и его министръ Виллель не думали спѣшить исполненїемъ просьбы Фердинанда. Конечно, распространенїе либеральныхъ идей въ такой недалекой отъ Франціи странѣ казалось весьма опаснымъ; борьба за законную власть, и притомъ за власть короля изъ дома Бурбоновъ, совершенно соотвѣтствовала видамъ тогдашняго французскаго правительства; но на войну нужны были деньги, а казна истощилась. Притомъ же, подавляя революцію въ Испанїи, можно было перенести ее во Францію. Вѣрность солдатъ была сомнительна; исходъ борьбы невѣренъ—вѣдь умѣли же испанцы геройски бороться съ Наполеономъ,—вотъ почему Виллель счелъ за лучшее ждать, пока вулканъ спокойно, самъ собою выгоритъ. Роялисты во Франціи не были довольны такимъ рѣшенїемъ и говорили, что для Бурбоновъ нѣтъ ничего выгоднѣе войны, что война поможетъ имъ привязать къ себѣ войско и покажетъ, какія блистательныя побѣды и безъ Наполеона могутъ одерживать сны Франціи.

Въ такомъ положенїи находились испанскїя дѣла, когда, въ половинѣ октября 1822 года, собрался въ Веронѣ конгрессъ, на составленїе котораго государя рѣшились еще въ 1821 году въ Лайбахѣ, и дѣлю котораго было псмитать дѣйствительность мѣръ, уже принятыхъ противъ революціи и, въ случаѣ нужды, принять новыя мѣры. Императоры русскій и австрійскій, король

пруссій, герцогъ Велингтонъ, французскій министръ Монморанси присутствовали на этомъ конгрессѣ. Короли неаполитанскій и сардинскій, множество другихъ государей и дипломатовъ составляли многочисленный и блестящій дворъ вокругъ монарховъ и государственныхъ людей великихъ державъ. Въ перемежку съ продолжительными празднествами, въ Веронѣ происходили совѣщанія о различныхъ политическихъ вопросахъ, и между прочимъ, о дѣлахъ Испаніи.

Совершенно вопреки инструкціямъ французскаго правительства, нежелавшаго безъ толку рѣшиться на войну съ Испаніей, Монморанси, настроенный Меттернихомъ въ Вѣнѣ; тотчасъ же по открытіи конгресса, сталъ на путь насильственныхъ мѣръ противъ Испаніи, и нашелъ себѣ сочувствіе въ представителяхъ великихъ державъ, кромѣ одной Англіи. Герцогъ Велингтонъ возвысилъ голосъ свой въ пользу политическаго самоопредѣленія Испаніи, и объявилъ, что его правительство никогда не согласится на вооруженное вмѣшательство во внутренніи дѣла Испаніи. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Каннингъ грозилъ даже признать независимость южно-американскихъ государствъ (прежнихъ испанскихъ колоній), но его представленія не были уважены конгрессомъ.

Замѣтившій Матвѣя Монморанси, на веронскомъ конгрессѣ, Шатобриана, такъ же, какъ и его предшественника, не оправдалъ ожиданій Виллеля. Вмѣсто того, чтобы склонять государей великихъ державъ къ миролюбивому рѣшенію, этотъ постъ-министръ въ своихъ конфиденціальныхъ разговорахъ съ ними раздувалъ пламя войны и ненависти противъ испанской революціи.

Рѣшеніемъ послать испанскому правительству грозную ноту, закончились работы веронскаго конгресса. Англійскій уполномоченный отказался подписать протоколъ этого рѣшенія и оставилъ Верону раньше прочихъ дипломатовъ, чтобы помѣшать въ Парижѣ исполненію намѣреній трехъ великихъ державъ; но было уже поздно. Вскорѣ по прибытіи Велингтона, въ Парижѣ получено извѣстіе, что три сѣверныя великія державы уже отправили въ Мадридъ грозныя ноты, которыя должны были имѣть слѣдствіемъ отозваніе ихъ посланниковъ изъ Мадрида.

Война была неизбежна, и отправленіе въ Мадридъ французской ноты было одною лишь формальностію. Уже 28-го января 1823 года, Людовикъ въ своей тронной рѣчи заявилъ, что «100,000 французовъ, подъ начальствомъ принца королевскаго дома, готовы защитить испанскій тронъ потомка Генриха IV, спасти Испанію отъ погибели и примирить ее съ Европою».

Великая опасность предстояла испанскому народу. Съ просьбою о помощи обратились кортесы къ Англіи, съ примирительными предложеніями къ Франціи. И то и другое было напрасно: французское правительство зашло уже слишкомъ далеко; Англія же не хотѣла пѣ-за Испаніи отваживаться на войну съ цѣлымъ матеркомъ Европы. Оставленные всѣми европейскими державами, даже прежними своими защитниками, стѣсненные безнадежнымъ финансовымъ положеніемъ страны, кортесы рѣшились вести съ французами гверильясскую войну, точно такъ же, какъ во времена Наполеона, оставить Мадридъ и перебраться въ Севилью. Несмотря на все свое сопротивленіе, несмотря на ревматизмъ, засвидѣтельствованный королевскими лейбъ-медиками, Фердинандъ долженъ былъ вмѣстѣ съ кортесами выѣхать изъ Мадрида (20-го марта).

7-го апрѣля 1823 г., герцогъ Ангулемскій съ 95,000 войскомъ, въ числѣ котораго было 21,000 конницы, перешелъ пограничную рѣку Бидасоа. Въ странѣ, бѣдной, дешьгами, онъ не щадилъ французскаго золота, привлекалъ на свою сторону предводителей и солдатъ подарками, населеніе же страны добросовѣстною уплатой за съѣстные припасы. Генерала Молитора послалъ онъ противъ Балестеро, который долженъ былъ защищать Аррагонію, но не умѣлъ защитить ее. Сарагосса, такъ славно боровшаяся съ Наполеоновыми солдатами, 26-го апрѣля сдалась Молитору. Генералъ Монсей долженъ былъ прогнать Мину изъ Каталоніи; самъ же герцогъ Ангулемскій направился къ Мадриду.

Обѣ дороги къ столицѣ были заняты, по отступленіи Балестероса, двумя корпусами генераловъ Абисбала и Морильо, имѣвшихъ у себя около 40,000 человекъ. Абисбаль, уже нѣсколько разъ измѣнявшій своимъ подлiticalскимъ сообщникамъ, и на этотъ разъ, подкупленный звонкою монетою, перешелъ на сторону абсолютизма. Его измѣна совершенно разрушила силы приверженцевъ конституціи. Морильо отступилъ передъ французами въ Астурію и Галицію, а корпусъ Абисбала, заставившій своего генерала отказаться отъ командованія, потянулся къ Севильѣ.

Герцогъ Ангулемскій, простоявъ три недѣли въ Витторіи, безостановочно подвигался къ Мадриду. Въ свитѣ его находилась временная юнта, которую онъ облекъ правительственною властію на все время «королевскаго плѣна». Отъ 20 до 30,000 убѣжавшихъ во Францію абсолютистовъ, болѣею частію солдатъ «арміи вѣры», присоединились къ французскимъ корпусамъ.

Какъ ни строго герцогъ поддерживалъ дисциплину въ своихъ войскахъ, приверженцы безусловной монархической власти, при

появленіи французскихъ войскъ, предавались грубымъ насиліемъ противъ личности и собственности людей, преданныхъ конституціи. Но больше всѣхъ другихъ городовъ роялистическій и католическій фанатизмъ угрожалъ Мадриду. И дѣйствительно, реакція выказала здѣсь крайнюю нетерпимость. Временная правительственная юнта, вступившая во всѣ права короля, немедленно призвала всѣхъ министровъ, которыхъ имѣлъ Фердинандъ до начала революціи, отменила всѣ распоряженія и законы, изданные съ начала 1820 года, признала недѣйствительнымъ заемъ, заключенный конституціоннымъ правительствомъ. Должностныя лица, поставленныя парламентомъ, объявлены лишеными права занимать какія бы то ни было должности. Но всѣ эти мѣры превзошелъ декретъ правительственной юнты, согласно которому генераль Завиясъ, солдаты и національные гвардейцы, отражавшіе (26-го мая) нападеніе французовъ на столицу, объявлены пэмѣнниками и матежниками и преданы военному суду.

На пути изъ Мадрида въ Андалузю, французы встрѣтили весьма мало сопротивленія. 21-го іюня они достигли Севильи, откуда кортесы, послѣ долгихъ и бесплодныхъ совѣщаній, перешли, вмѣстѣ съ королевемъ, въ Кадиксъ. 23-го іюня французы были уже у Кадикса и обложили его съ суши и съ моря. Положеніе защитниковъ конституціи стало безвыходно: денегъ нѣтъ, войска мало; кромѣ Каталоніи и Кадикса, все въ рукахъ французовъ; ихъ сторону держитъ ббольшая часть всего испанскаго населенія. Какъ ни мужественно отстаивали Кадиксъ защитники конституціи (къ которымъ, чтобъ загладить все прошлое, присоединился знакомый уже намъ принцъ Карль-Альбертъ Кариньянскій), кортесы должны были уступить и дать королю свободу. Но, предъ отправленіемъ своимъ во французскій лагерь, король подписалъ заявленіе о томъ, что онъ, по своей доброй волѣ, и за ручательствомъ честнаго своего слова, объявляетъ всеобщую амнистію, свободную конституцію и признаніе государственныхъ долговъ.

Послѣ Кадикса должны были сдаться на капитуляцію и другія укрѣпленныя мѣста. Самое сильное сопротивленіе французамъ оказано было въ Каталоніи, благодаря мужеству генерала Мини. Цѣлыхъ два мѣсяца велъ здѣсь этотъ генераль гверильясскую войну съ двадцатидесятитысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ французовъ и испанскихъ роялистовъ; наконецъ, тяжело раненый, заперся онъ въ Барселонѣ, отбивался здѣсь отъ французовъ цѣлыхъ четыре мѣсяца, и только 1-го ноября заключилъ съ генераломъ Монсемъ договоръ, которымъ сохранены были честь, свобода и собственность жителей Барселонны и войска,

находившагося подъ начальствомъ Минн. Затѣмъ, генераль удалился въ Англію, гдѣ, подобно ему, нашли убѣжище многіе другіе генералы и члены испанскаго парламента.

Трудно было ждать великодушія отъ торжествовавшихъ побѣдителей. Большинство дворянства и духовенства, значительная часть простаго народа соединились, чтобы заключить въ тюрьму и возвести на эшафотъ тысячи приверженцевъ конституціи, «негросовъ», какъ ихъ называли. Въ Мадридѣ, Сарагоссѣ и Севильѣ, въ глазахъ французовъ, множество народа ограблено и заключено въ тюрьму. Ріего, подавшій сигналъ къ возстанію, былъ одною изъ первыхъ жертвъ. Взятый въ плѣнъ, обремененный цѣпами, онъ брошенъ былъ въ ужасную тюрьму и, полу-мертвый, преданъ казни.

Первый, подписанный Фердинандомъ декретъ, возвѣщалъ испанцамъ, что всѣ постановленія конституціоннаго правительства, какъ - то: упраздненіе монастырей, уничтоженіе инквизиціи и іезуитскаго ордена, продажа церковныхъ имуществъ, считаются недействительными, всѣ же дѣйствія временной реакціонной юнты — справедливыми и законными. Даже герцогъ Ангулемскій нашелъ этотъ декретъ несправедливымъ, высказалъ, по поводу его, королю свое неудовольствіе и поспѣшилъ за Пиренеи, чтобы совершить, 2-го декабря, свое торжественное вшествіе въ Парижъ. Французскія войска остались въ Испаніи, и пять лѣтъ содержались на ея счетъ.

Дорого обошелся этотъ славный походъ французскому народу; двѣсти милліоновъ франковъ было на него затрачено; но Франція ничего не выиграла. Всѣ совѣты Людовика королю испанскому оставлены были безъ вниманія, и Шатобрианъ, надевавшійся дать Испаніи конституцію, которая соотвѣтствовала бы потребностямъ народа, уже отказывался отъ всякой солидарности съ глупостію и фанатизмомъ короля, который присягнувъ на вѣрность конституціи, чтобы измѣнить ей, который все королевство свое былъ способенъ сжечь, какъ сигару.

Немедленно по возвращеніи своемъ въ Мадридъ, король Фердинандъ назначилъ духовника своего, Виктора Санца, первымъ министромъ, приказалъ казнить 112 человекъ, какъ заговорщиковъ (несмотря на данное въ Кадисѣ обѣщаніе амнистіи), и цѣлымъ рядомъ жестокихъ декретовъ привелъ въ трепетъ всѣхъ, нежелающихъ служить его абсолютизму. Всего этого, впрочемъ, не было достаточно для «апостолической» партіи, которая спасеніе Испаніи видѣла въ полномъ господствѣ церкви, монашества и инквизиціи. Общество «Ангела смерти» распространяло сочиненіе о необходимости возвести на престолъ инфанта Донъ-

Карлоса. Въ Каталоніи происходили безпорядки; толпы народа, возбуждаемыя «апостолическою» партіей, нерѣдко возставали противъ правительства во имя Донъ-Карлоса, монаховъ и святой инквизиціи. Только строгими, кровавыми мѣрами король могъ подавлять эти возстанія.

На Донъ-Карлоса, королевскаго брата, апостолическая партія, весьма сильная въ то время, возлагала всѣ свои надежды. Король былъ бездѣтенъ, и Донъ-Карлосъ могъ считать себя наследникомъ престола. Но въ 1829 году умерла третья супруга короля Фердинанда, и въ томъ же году онъ женился на Христинѣ, дочери неаполитанскаго короля Франциска. Въ угоду молодой женѣ, Фердинандъ отмѣнилъ существовавшій съ 1713 года законъ, ограничивавшій право женщинъ на престолонаслѣдіе, и возстановилъ кастилійскій законъ, по которому дочери и внучки, при рѣшеніи вопроса о наследованіи престола, предпочитаютъ братьямъ и племянникамъ короля.

Скоро представился случай практически примѣнить это новое постановленіе. Въ 1830 году у короля родилась дочь Изабелла, и она-то въ 1833 году, по смерти Фердинанда VII, назначена была наследницей королевской власти, подъ опекою матери. Волей-неволей, вдовствующая королева должна была принять сторону либераловъ, такъ-какъ противная имъ партія не признавала новаго закона о престолонаслѣдіи и держалась Донъ-Карлоса. Легко можно было предвидѣть, что приверженцы принца не уступятъ безъ борьбы друзьямъ Христины, и что возгорится новая междоусобная война между «карлистами» и «христиносами», представителями двухъ совершенно противоположныхъ началъ.

Остается сказать еще объ одномъ замѣчательномъ событіи, совпадающемъ со временемъ царствованія Фердинанда: объ отпаденіи американскихъ колоній Испаніи отъ своей метрополіи. Въ этимъ колоніямъ принадлежали замѣчательнѣйшія по своимъ естественнымъ богатствамъ страны: Мексика, центральная Америка и цѣлый рядъ обширныхъ и прекрасныхъ областей въ Южной Америкѣ, всего около 250,000 квадратныхъ миль съ 17-ти миллионами жителей. Въ теченіе трехъ вѣковъ прикованныя къ Испаніи, эти колоніи и въ девятнадцатомъ столѣтіи управлялись почти такъ же, какъ и во времена Филиппа втораго и герцога Альбы. Іезуиты и инквизиція безгранично властвовали надъ школами и церковью; торговля, которая могла бы въ этихъ необъятныхъ природою странахъ достигнуть высочайшей степени развитія, была стѣснена уже тѣмъ, что только испанскіе товары могли быть привозимы въ нихъ, и только испанцамъ

должны были онѣ продавать свои товары. Государственныя и церковныя должности предоставляемы были только тѣмъ испанцамъ, которые родились въ метрополіи; креолы же, а тѣмъ болѣе люди смѣшанной крови, составлявшіе большинство населенія, не удостоивались этого права. Вице-короли, которыхъ испанское правительство отправляло въ Америку, генераль-капитаны со всею жадною толпою крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, позволяли себѣ всевозможныя насилія и угнетенія, напоминавшія собою подвиги римскихъ проконсуловъ. Требованіе Наполеона признать верховную власть брата его Юсіфа, не было исполнено въ испанскихъ колоніяхъ. Всюду составлялись конты, правившія именемъ Фердинанда. Такимъ путемъ заатлантическія провинціи Испанія убѣдились въ возможности, законности и необходимости самоуправленія. Поработить ихъ вновь казалось дѣломъ совершенно невозможнымъ. Испанія должна была или дать своимъ колоніямъ равноправность съ метрополіею, или ежеминутно быть готовою къ отпаденію ихъ. Ни либеральныя кортесы 1812 года, ни возвращенный испанскому трону Фердинандъ VII, не уважили справедливыхъ требованій американцевъ, и колоніи окончательно освободились.

Въ Мексикѣ, гдѣ уже въ 1810 году священникъ Гидальго и другіе вожди собирали подъ свои знамена многочисленныя толпы мясургентовъ, въ 1821 году Итурбиде, потомокъ древней императорской мексиканской фамиліи, провозгласилъ независимость страны, и такъ-какъ Фердинандъ не хотѣлъ принять императорской короны, то самъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Августина I. Республиканское возстаніе низвергло его съ престола и генераль Санта-Анна провозгласилъ въ Вера-Круцѣ республику. Итурбиде долженъ былъ бѣжать въ Европу, но, по возвращеніи на родину въ 1824 году, былъ разстрѣлянъ.

Въ 1821 году выработала себѣ самостоятельность и Гватемала. Освобожденіе южно-американскихъ колоній, въ которыхъ еще съ 1810 года происходили восстанія, тѣсно связано съ именемъ богатаго креола Боливара, долгое время жившаго въ Европѣ и получившаго основательное образованіе. Послѣ продолжительной войны, въ которой счастье нерѣдко измѣняло южно-американцамъ, совершилось (1819) соединеніе Венесуэлы и Гранады. Въ 1822 году къ нимъ присоединился Эквадоръ. Въ Буэносъ-Айресѣ уже въ 1810 году былъ прогнанъ вице-король и основана Аргентинская республика. Почти въ то же время принялъ республиканское устройство Парагуай (находившійся такъ долго въ полнѣйшей зависимости отъ іезуитовъ) и Уругуай. Всего долѣе боролась за свою независимость Перуанская колонія, гдѣ, несме-

тра на помощь аргентинскаго генерала Санъ-Мартина и чилійскаго адмирала Кохрена, лишь въ 1824 году, благодаря дѣятельному вмѣшательству Боливара, народъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ испанцами (при Алуко) и провозгласилъ республику. Этимъ и закончилось отпаденіе американскихъ колоній отъ метрополіи.

Три великія державы, поставившія себѣ задачей преслѣдованіе и подавленіе всесвѣтной революціи, не имѣли желанія возстановить владычество Испаніи по ту сторону океана. Безъ содѣйствія Англіи это было бы и невозможно. Англія же извлекала изъ независимости испанскихъ колоній значительныя выгоды для своей торговли, а потому заявила, что будетъ вслѣдствіи препятствовать вмѣшательству другихъ державъ въ дѣла новыхъ заатлантическихъ государствъ. Франція охотно образовала бы въ Америкѣ нѣсколько бурбонскихъ королевствъ, какъ въ наши дни основала, впрочемъ ненадолго, вассальную имперію, но исполненіе этого плана нашло бы себѣ сильное препятствіе въ зависти и соперничествѣ другихъ державъ. Чтобы сохранить монархическій принципъ и избѣжать скандала, священный союзъ предлагалъ Англіи большія выгоды, если она приметъ на себя трудъ усмиренія испанскихъ колоній; но 1-го января 1825 года, по инициативѣ Каннинга, англійское министерство провозгласило независимость освободившихся отъ Испаніи американскихъ республикъ.

Священный союзъ былъ вознагражденъ за эту неудачу успѣхами въ другихъ государствахъ.

Въ Португаліи, такъ же какъ и въ Испаніи, либеральныя стремленія вели упорную борьбу съ абсолютизмомъ. Въ 1807 году, когда наполеоновскій маршалъ Жюно занялъ страну, королевская португальская фамилія отплыла въ Бразилію. Послѣ паденія Наполеона, въ Португаліи довольно долго имѣлъ весьма сильное вліяніе на государственныя дѣла англійскій генералъ, лордъ Бересфордъ, прославившійся въ пиренейской войнѣ. Какъ главнокомандующій португальской арміи, Бересфордъ приобрѣлъ незавидную извѣстность. Военный бюджетъ поглощалъ при немъ двѣ трети государственныхъ доходовъ, и изъ офицерскихъ мѣстъ цѣлая треть занята была англичанами. Все это, а также гордость и властолюбіе генерала возбудило противъ него негодованіе народа. Еще въ XVIII столѣтіи Англія привыкла считать своимъ достоинствомъ, но крайней-мѣрѣ въ торговомъ отношеніи, эту страну, обидѣвшую, благодаря вліянію іезуитовъ; но всю тяжесть чужеземнаго владычества португальцы почувствовали во

время военной диктатуры Бересфорда. Къ этому присоединились еще династическія распри.

По смерти королевы Маріи, въ 1816 году, на престолъ Португаліи и Бразиліи вступилъ сынъ ея Іоаннъ VI. Вся королевская семья продолжала проживать въ Бразиліи, но народъ желалъ, чтобы она воротилась въ Лиссабонъ. Король, настроиваемый своими придворными, медлилъ и даже приглашалъ изъ Португаліи въ Бразилію знатнѣйшихъ дворянъ и купцовъ, наиѣреваясь на португальскія деньги предпринять завоеваніе Уругвая. Всѣ эти обстоятельства были причиной заговора (1817 г.), стоившаго жизни мужественному генералу Фрейре и 11 его приверженцамъ. Вслѣдствіе этого ненависть къ генералу Бересфорду усилилась, и въ то время, какъ революціонное пламя, охватившее Испанію, готово было вспыхнуть и въ Португаліи, англійскій генералъ рѣшился отплыть въ Бразилію, чтобы лично переговорить съ королемъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять противъ революціи. Черезъ четыре мѣсяца по его отплытіи, 24 августа 1820 года, возсталъ противъ правительства городъ Оporto и образовалъ временную верховную инту, которая должна была править государствомъ до созванія кортесовъ. Движеніе скоро охватило всю Португалію, которая, такъ же какъ и Испанія, была подготовлена къ перевороту обществомъ свободныхъ каменщиковъ или масоновъ. Примѣру Оporto послѣдовалъ Лиссабонъ, гдѣ, правившее вмѣсто короля, регентство должно было сложить съ себя власть, и созваны были кортесы, для того, чтобы испанскую конституцію примѣнить къ потребностямъ португальскаго народа. Характеристическою чертою португальскихъ общественныхъ отношеній можетъ служить то обстоятельство, что пятую часть собранія кортесовъ составило духовенство, президентомъ же всего собранія избранъ былъ архіепископъ Багін. Между тѣмъ лордъ Бересфордъ возвратился изъ Бразиліи въ Европу. Прибывъ въ лиссабонскую гавань, онъ хотѣлъ высадиться на берегъ, но инта рѣшительно запретила ему это. Бересфордъ долженъ былъ удалиться въ Англію, куда вмѣстѣ съ нимъ отпущены были англійскіе офицеры, служившіе въ португальской арміи.

Добродушный король Іоаннъ легко помирился съ совершившимся фактомъ и обѣщалъ воротиться въ Португалію, если рѣшенія кортесовъ совпадаютъ съ его собственными интересами. Отъѣздъ короля былъ ускоренъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Бразиліи замѣтны были слѣды португальскаго движенія. И въ Ріо-Жанейро образовалась инта; на вѣрность португальской конституціи, еще не составленной окончательно, дана присяга, и

король, убѣждаемый сыномъ своимъ Донъ-Педро и войскомъ, долженъ былъ отправиться въ Лиссабонъ, оставивъ сына своего, того же Донъ-Педро, вице-королемъ Бразиліи.

3-го іюля 1821 года Іоаннъ прибылъ въ Португалію. Еще прежде высадки своей на берегъ, онъ долженъ былъ подписать конституцію, въ демократическомъ духѣ, еще не совершенно оконченную. Когда же конституція эта была вполнѣ готова, то король (1-го октября 1822) присягнулъ на вѣрность ей, принудилъ къ тому же младшаго сына своего Мигуэла и потребовалъ такой же присяги отъ Педро. Но со стороны супруги своей, сестры испанскаго короля, онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе. Королева Карлотта рѣшилась, во что бы то ни стало, погубить дѣло конституціи, находившее себѣ уже недоброжелателей въ средѣ духовенства и въ низшихъ классахъ народа. Домъ королеви былъ сборнымъ мѣстомъ реакціонеровъ, или, какъ ихъ здѣсь называли, «низкопоклонныхъ»; сынъ же ея, Донъ-Мигуэль, во всемъ на нее похожій, былъ самымъ послушнымъ ея орудіемъ. Вслѣдствіе отказа принять присягу конституціи, королева должна была удалиться изъ страны, но — по болѣзни, дѣйствительной или мнимой — помѣщена въ увеселительномъ замкѣ Ромальао, гдѣ и жила подъ строгимъ надзоромъ.

Но планы своихъ королева не оставила, и французское вмѣшательство въ дѣла Испаніи подавало ей надежду осуществить эти планы. Въ маѣ 1823 года, Донъ-Мигуэль привлекъ на свою сторону большую часть лиссабонскаго гарнизона, и принудилъ парламентъ разойтись. Конституція была отменена, королева Карлотта возвратилась въ Лиссабонъ и Донъ-Мигуэль назначенъ главнокомандующимъ арміи. Но такъ-какъ Іоаннъ не могъ, ради жены, измѣнить своимъ убѣжденіямъ, и приблизилъ къ себѣ людей, непринадлежавшихъ къ ея партіи, какъ, напримѣръ, графовъ Пальмеллу и Субсерру и маркиза Луле, то, въ наказаніе ему, маркизъ Луле былъ убитъ въ передней комнатѣ королевскаго дворца. Когда оказалось, что этого предостереженія было недостаточно, то недоброжелателями короля составленъ былъ планъ его умерщвленія и возведенія на престолъ Дона-Мигуэла. Этотъ послѣдній, 30 апрѣля 1824 года, сталъ во главѣ войска, взялъ въ плѣнъ своего отца и принудилъ его назначить на министерскія должности реакціонеровъ. Англійскій посланникъ и его товарищи, точно такъ же, какъ и нѣкоторые военныя лица, протестовали противъ этого насилія. Король успѣлъ уплыть изъ Лиссабона на одномъ англійскомъ кораблѣ и сообщалъ своимъ подданнымъ о всѣхъ возняхъ Дона-Мигуэла и Карлотты. Неразумный сынъ, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ просить у отца

прощенья и сосланъ въ Вѣну. Карлотта согласилась болѣзненнымъ припадкомъ, но все же подчинена была правительственному надзору.

Вскорѣ затѣмъ были установлены правильныя отношенія между Португаліей и Бразиліей. Торговныя интересы Англій и выгоды бразилійцевъ требовали отдѣленія колоніи отъ метрополи. При посредствѣ Англій, между Португаліей и Бразиліей былъ (15-го ноября 1825) заключенъ договоръ, которымъ король Іоаннъ признавалъ независимость Бразиліи, а сына своего Дона-Педро ея императоромъ; но титулъ императорскій онъ удерживалъ за собою до своей смерти. Тайною статьею этого договора было постановлено, чтобы никогда верховная власть надъ обѣими странами не соединялась въ одномъ лицѣ.

Смерть Іоанна, послѣдовавшая 10 марта 1826, вызвала новыя затрудненія. Король ничего не постановилъ относительно престолонаслѣдія, но назначилъ дочь свою, инфанту Изабеллу, правительницей. Она применила къ конституціонной партіи и призвала Педро королемъ Португаліи, между тѣмъ, какъ реакціонеры старались предоставить престолъ Дону-Мигуэлю. Но Педро, который на основаніи тайной статьи договора, не могъ владѣть Португаліей, объявилъ королевою дочь свою Марію да-Глоріа, далъ Португаліи либеральную конституцію, призналъ брата своего Мигуэля регентомъ или, собственно говоря, намістникомъ, съ обязанностию править страной, на основаніи конституціи. Новая конституція была провозглашена въ Лиссабонѣ, и даже Донъ-Мигуэль, находившійся еще въ Вѣнѣ, присягнулъ ей. Въ то же время, поддерживаемые испанскою апостолическою шпотою, возстали старинные борцы за реакцію Амаранте и Абрантесъ, но потерпѣли рѣшительное пораженіе. Англійскій министръ Каннингъ, къ которому обратилось стѣсненное португальское правительство за помощью, настоялъ на томъ, чтобы англійскій кабинетъ отправилъ въ Португалію 10 линейныхъ кораблей и угрозами принудилъ испанскихъ реакціонеровъ отказаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ сосѣдней страны.

Дорого заплатился Донъ-Педро за свою недалковидность и за довѣріе къ брату. Этотъ невѣжественный и коварный принцъ нашелъ себѣ покровительство у Меттерниха, который укрѣпилъ въ немъ рѣшимость, несмотря на присягу, испровергнуть конституцію и сдѣлаться самодержавнымъ государемъ Португаліи. Въ Мигуэль австрійскій канцлеръ нашелъ «самыя благородныя чувствованія» и увѣрялъ, что полученныя въ Вѣнѣ наставленія подѣйствовали на юнаго принца какъ нельзя лучше. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Лиссабонъ, Донъ-Мигуэль съѣзжалъ на богомолье

въ Марицелль, чтобы укрѣпить себя на совершеніе задуманнаго дѣла. Полный сознанія собственнаго достоинства, принцъ мечталъ уже о томъ, какъ потребуетъ онъ всѣхъ либераловъ на строгій свой судъ. Прибывъ, 22-го февраля 1828 года, въ Лиссабонъ, Мигуэль немедленно далъ, въ присутствіи кортесовъ, присягу на вѣрность конституціи и на подданство ихъ величествамъ Донъ-Педро и Маріи, но такъ, что никто изъ присутствовавшихъ ничего не разслышалъ въ этой присягѣ. Мать овладѣла имъ окончательно. Говорятъ, что угрозой разгласить неприятную для Мигуэля тайну его рожденія (отъ одного изъ любимцевъ королевы), Карлотта могла склонить этого принца на всякое дурное дѣло: впрочемъ, едва-ли ей нужно было прибѣгать къ угрозамъ. Всѣ приверженцы конституціи были отставлены отъ государственныхъ должностей, все министерство составлено изъ «низкопоклонныхъ»; кортесы распущены, друзья Донъ-Педро объявлены франмасонами, создано старинное собраніе государственныхъ чиновъ, и оно-то провозгласило Донъ-Мигуэля португальскимъ королемъ. Военное возстаніе, начавшееся въ Оporto и распространившееся по всей Португаліи, не удалось вслѣдствіе того, что у инсургентовъ не было искуснаго вождя. Когда возстаніе было подавлено, инсургенты спѣшили спастись бѣгствомъ въ Англію; кто не успѣлъ бѣжать, подвергся самому безжалостному суду. Въ теченіе одного мѣсяца арестовано было около 16,000 человѣкъ, и почти всѣ они принадлежали къ высшимъ классамъ общества. Имущество арестованныхъ и бѣжавшихъ было конфисковано. Когда въ тюрьмахъ уже не оставалось мѣста для новыхъ арестантовъ, Мигуэля спросили: «Что дѣлать?» а онъ въ отвѣтъ: «казнить, казнить смертію; остальныхъ же сослать въ Африку. Еще нужны въ тюрьмахъ мѣста для многихъ преступниковъ». Тюрьмы же эти, полныя грязи и насѣкомыхъ, способны были убить самое вѣрное здоровье. Король Мигуэль наслаждался зрѣлищемъ этихъ мѣстъ заключенія, а нерѣдко и зрѣлищемъ казней. Онъ не щадилъ и родныхъ своихъ. Рассказываютъ, что одинъ разъ онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ правительницу Изабеллу, которая продолжала еще имѣть переписку съ Донъ-Педро, но не попалъ въ сестру, а ранилъ другую личность.

Дону-Мигуэлю не нравилось присутствіе въ Португаліи англійскихъ войскъ, и онъ настаивалъ на ихъ удаленіи. Не Каннингъ стоялъ тогда во главѣ министерства, а герцогъ Веллингтонъ, не считавшій нужнымъ уважить просьбу находившихся въ Португаліи англійскихъ торговцевъ, которые желали, чтобы англійскія войска постояли въ Португаліи подольше. Когда, передъ отплытіемъ въ Англію, генералъ Клантонъ пригласилъ Донъ-

Мигуэля на смотръ войскъ, то король сказалъ ему на прощаньи: «вы и солдаты ваши можете убраться къ чорту». Донъ-Педро, не находя себѣ поддержки въ Бразилїи и вынужденный быть зрителемъ всей этой узурпаціи, въ іюлѣ 1828 года отправилъ дочь свою, вѣную королеву Марїю, въ Европу. Въ Гибралтарѣ, провожавшій ее маркизъ Барбасена узналъ о вступленіи на престолъ Дона-Мигуэля и повезъ ее уже не въ Вѣну, какъ было условлено, а въ Англію. Здѣсь приняли ее какъ королеву, но не приняли ея послѣвъ. Когда генералъ Сальданья, отправлявшійся въ Англію, хотѣлъ войти въ гавань острова Терсейры (одного изъ Асорскихъ острововъ), то стоявшій тамъ англійскій капитанъ отогналъ его прочь пушечными выстрѣлами — поступокъ, котораго не одобрила Европа и за который Велингтонъ названъ былъ прислужникомъ Мигуэля. Впрочемъ, другіе бѣглецы нашли себѣ убѣжище на Терсейрѣ, гдѣ собралось 3,000 человекъ подъ начальствомъ генерала Виллафлора. Терсейра сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ педристовъ и операционнымъ базисомъ нападеній ихъ на похитителя престола. Въ 1831 году уже всѣ Асорскіе острова были заняты ими.

Королева Марїа возвратилась въ 1829 году въ Бразилїю. Тамъ Донъ-Педро разошелся съ либеральною партїей, отказался отъ короны въ пользу пятилѣтняго сына своего, Педро II, и отплылъ съ супругою и дочерью въ Европу. Здѣсь посѣтилъ онъ Парижъ и Лондонъ, и въ обѣихъ столицахъ принятъ былъ очень хорошо: ибо Мигуэль своимъ позорнымъ обращеніемъ съ французскими и англійскими подданными истощилъ все терпѣніе и всю снисходительность обѣихъ правительствъ, хотя Мигуэль «вовсе еще не былъ такъ дурень», по выраженію прусской государственной газеты. Дону-Педро помогли заключить заемъ и сварядить флотъ. Съ 12,000 десантнаго войска флотъ, вышедшій изъ Терсейры, вступилъ въ гавань Опорто (7-го іюля 1832 г.), и Донъ-Педро овладѣлъ городомъ. Напрасны были всѣ старанія Мигуэля отнять у брата этотъ важный пунктъ.

Но Донъ-Педро не нашелъ въ странѣ той поддержки, которою ждалъ; исходъ борьбы былъ еще сомнителенъ. Въ это-то время поступилъ къ нему на службу англійскій капитанъ Чарльзъ Непиръ. Этотъ искусный морякъ, вмѣстѣ съ генераломъ Виллафлоромъ, предпринялъ экспедицію на югъ Португалїи, въ Альгарвию, разбилъ флотъ Мигуэля, призвалъ народъ къ оружію. За тѣмъ оба вождя двинулись къ Лиссабону, обложили его (Непиръ съ моря, Виллафлоръ съ суши), принудили Мигуэлево войско къ отступленію, и уже 24-го іюля 1833 года вошли въ столицу при громкихъ вѣскахъ народа, который уже отворилъ

турьмы и провозгласилъ донну Марію да-Глоріа королевой. Нападеніе мигуэлиста Бурмона было отражено. Самъ же Мигуэль укрѣпился въ Сантаремѣ, къ сѣверу отъ Лиссабона, но когда между Англіей, Франціей, Испаніей и Дономъ-Педро образовался четверной союзъ противъ Донъ-Мигуэля и испанскаго претендента Донъ-Карлоса, то испанскій генераль Родиль вступилъ въ Португалію и разбилъ бывшаго португальскаго короля при Томарѣ. По договору 18-го мая 1834 г., Донъ-Мигуэль отказался отъ португальской короны, обѣщаль тотчасъ же оставить страну и никогда въ нее не возвращаться. Но прибывъ въ Италію, онъ протестовалъ противъ этого договора, за что и лишился положеннаго ему ежегоднаго жалованья (375,000 франковъ).

Донъ-Педро, вѣрный своему обѣщанію, возстановилъ конституцію, открылъ 15-го августа 1834 г. парламентъ, и былъ назначенъ, до совершеннолѣтія дочери, правителемъ государства. Всѣ монашескіе ордена прекратили свое официальное существованіе; монастыри упразднены, ихъ имущества объявлены собственностію государства; конфискованныя имущества возвращены прежнимъ владѣльцамъ; отставленныя Мигуэлемъ должностныя лица возвратились къ своимъ обязанностямъ. Но Донъ-Педро скоро умеръ, и въ томъ же, 1834 году, 24-го сентября, донна Марія объявлена была совершеннолѣтнею. Отъ втораго ея супружества съ принцемъ Кобургскимъ родился нынѣ царствующій король Людвигъ.

4. Великобританія и Ирландія.

Преимущество Англіи предъ континентальными государствами. Темныя стороны англійской жизни. Безправность большинства. Пауперизмъ. Необходимость парламентской реформы. Лордъ Кесльри. Манчестерская кровавая баня. Жестокости реакціи. Заговоръ Тистальвуда. Самоубійство Кесльри. Дѣятельность Каннинга и ранняя его смерть. Веллингтонъ. Рѣшеніе ирландскаго и католическаго вопроса. «Великій агитаторъ».

Ни одна страна не представляла священному союзу такихъ неблагоприятныхъ условій для вмѣшательства, какъ Англія. Здѣсь не чувствовалось надобности спасать династію; ибо англійскій государь весьма спокойно сидѣлъ на своемъ тронѣ. Не было надобности ниспровергать конституцію: въ теченіе многихъ столѣтій англійскій народъ такъ сжился съ своимъ государственнымъ устройствомъ и съ своимъ парламентомъ, что никакому политическому Геркулесу и не удалось бы это ниспроверженіе. Не было надобности подавлять какую бы то ни было революцію: чувство законности было слишкомъ развито во всѣхъ классахъ общества; средства, которыми можно было достигнуть мирнымъ путемъ новыхъ вольностей, и придать этой аристократической рес-

публикѣ, посвященной лишь для монархіи, все болѣе и болѣе демократическій характеръ,—были слишкомъ просты и многочисленны, чтобы народу пришло на мысль вступить на неустойчивый и опасный путь революцій.

Безъ всякихъ потрясеній, съ сравнительно небольшими потерями вышла Англія изъ двадцатилѣтней борьбы съ Наполеономъ; какъ прежде, такъ и теперь на знамени Вильгельма Оранскаго красовалась надпись: «протестантская религія и вольность Англіи». Парламентъ продолжалъ имѣть прежнюю силу, печать была свободна, и могущество англичанъ на морѣ, по истребленіи всѣхъ другихъ большихъ флотовъ, достигло небывалой степени. Вредъ, который причинила Англіи континентальная система Наполеона, былъ вознагражденъ завоеваніемъ французскихъ колоній. Занятіе Гаверы и Хельгоlanda обезпечили за Англіей владѣтельство на Нѣмецкомъ морѣ; Гибралтаръ, Мальта и Ионическіе острова обезпечивали ей господство на Средиземномъ морѣ.

Но все же и Англія много потеряла во время войнъ. Государственный долгъ ея возросъ до 814 мил. фунтовъ стерлинговъ*, а ежегодные государственные расходы — до 114 мил. (1815 г.). Слѣдствіемъ всего этого было необыкновенное возвышеніе налоговъ, которые къ тому же распредѣлялись такимъ образомъ, что средніе и низшіе классы народонаселенія платили всего болѣе. А и безъ того имъ приходилось платить очень много, такъ какъ самый необходимый для существованія предметъ, хлѣбъ, чрезвычайно поднялся въ цѣнѣ, благодаря жестокосердію и корыстолюбію поземельныхъ собственниковъ, т.-е. аристократовъ. Ибо, имѣя перевѣсъ въ парламентѣ, они успѣли провести законъ, по которому привозъ хлѣба изъ чужихъ краевъ былъ запрещенъ, или, правильнѣе, затрудненъ такими пошлинами, при которыхъ этотъ заграничный хлѣбъ могъ соперничать съ англійскимъ только въ случаѣ сильнаго неурожая или голода. Вслѣдствіе такихъ искусственныхъ мѣръ, цѣна квартера пшеницы рѣдко падала ниже 80 шиллинговъ, между тѣмъ какъ съ 1849 года, при свободѣ хлѣбной торговли, она рѣдко поднимается выше 50-ти шиллинговъ. Благодаря этимъ, такъ-называемымъ, хлѣбнымъ законамъ, отношенія между богатыми и бѣдными сдѣлались еще болѣе ненормальными; какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности бѣдность и зависимость рабочихъ классовъ отъ собственниковъ обнаруживались все болѣе и болѣе. Почти вся по-

* Все нарощеніе долга государственнаго во время войны съ Наполеономъ 601.500,343 фунтовъ стерлинговъ.

земельная собственность попрежнему была въ рукахъ немногихъ семействъ, которые отдавали свои огромныя помѣстья въ аренду небольшимъ участкамъ; людямъ же недостаточнымъ оставалось лишь наниматься въ поденщики или въ фабричныя работники. Несмотря на умноженіе обширныхъ фабрикъ, постепенно вытѣснявшихъ мелкія мастерскія, требованіе на работія руки не увеличивалось, а часто уменьшалось, заработная плата не возвышалась, ибо какъ въ фабричной, такъ, отчасти, и въ земледѣльческой промышленности, машины вытѣсняли работниковъ, особенно взрослыхъ, и замѣняли ихъ женщинами и дѣтьми. Тяжело было положеніе большинства англійскаго народа: люди свободные, но немѣстные ни знаніемъ предковъ, ни капитала, находились въ положеніи едва ли лучшемъ, чѣмъ римскіе плебей въ первые времена республики.

Положеніе Англій того времени болѣе выяснится, если мы обратимъ вниманіе на организацію ея парламента. Изъ двухъ палатъ англійскаго парламента, верхняя безусловно была достояніемъ высшей аристократіи; даже и въ нижней палатѣ аристократія имѣла преобладающее вліяніе. Такое ненормальное явленіе происходило вслѣдствіе слѣдующихъ причинъ: 1) тогда существовалъ еще избирательный законъ, по которому, въ уваженіе къ историческому преданію и праву, старинныя, но малолюдныя селенія (гнилыя мѣстечки), имѣвшія какую-нибудь дюжну избирателей, обладали правомъ посылать депутата въ палату общинъ, между тѣмъ, какъ фабричныя города съ населеніемъ во сто тысячъ человѣкъ вовсе не имѣли въ ней представителей; 2) тогда существовалъ еще весьма высокій цензъ, ограничивавшій число избирателей и превышавшій средства огромнаго большинства населенія; 3) тогда существовалъ еще безстыдный обычай подкупа, которымъ «благородные» пользовались для того, чтобы привлекать на свою сторону избирателей «гнилыхъ мѣстечекъ». По всѣмъ этимъ причинамъ громкія жалобы на несправедливость «хлѣбныхъ законовъ» и на чрезмѣрно высокіе налоги были безплодны: народъ могъ жаловаться только самой аристократіи, которая владычествовала въ парламентѣ и здѣсь издавала законы. До тѣхъ поръ, пока такая организація парламента оставалась безъ всякихъ измѣненій, нечего было и думать о какомъ-либо существенномъ улучшеніи въ быту народа. Правда, въ палатѣ общинъ всегда находилась цѣлая фаланга почтенныхъ мужей оппозиціи, но ихъ основныя принципы были одинаковы съ принципами большинства палаты и министерства, и спорила оппозиція съ правительствомъ не столько о расширеніи избирательныхъ правъ и тому подобныхъ вопросахъ, сколько о преобладаніи въ

парламентъ, а правительство называлой пеговорки: *les loi de la, que je n'y mérite.*

Но отъ этого народъ выигривать не много. Требованіе парламентской реформы, общей и притомъ тайной подачи голосовъ на выборахъ, уничтоженія бесполезныхъ, но хорошо оплачиваемыхъ должностей (синекуръ), дѣдалось все громче и настоятельнѣе. Парламентъ долженъ былъ удовлетворить этия требованія народа, въ противномъ случаѣ могла вспыхнуть революція, которая точно также насильственнымъ уничтожила бы привилегіи дворянства, какъ французскій переворотъ 1789 года. Къ счастью, англійская аристократія была на столько образована, такъ понимала значенія времени, что въ средѣ ея всегда могли найтись личности, способныя вывести государство изъ затруднительнаго положенія.

Во главѣ министерства съ 1812 года стоялъ лордъ Ливерпуль, человекъ весьма почитенный, но не особенно даровитый. Душою кабинета былъ при намъ министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кесльри, желавшій провести, на сколько это было возможно, реакціонную систему Меттерниха въ Англій. Надменный, властолюбивый, онъ до такой степени былъ непопуляренъ, что день погребенія его былъ для народа торжественнымъ праздникомъ. Въ принципъ-регентъ, который давно уже правилъ государствомъ вмѣсто душевно больного своего отца, Георга III, Кесльри находилъ полное сочувствіе своимъ совѣтамъ и предложеніямъ; тотъ же, съ своей стороны, видѣлъ въ немъ самое послушное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Такъ-какъ принципъ-регентъ, подобно современнымъ ему континентальнымъ государямъ, былъ большой охотникъ до военныхъ смотровъ и маневровъ, то, въ угоду ему, въ Англій въ мирное время содержалось болѣе ста тысячъ войска, которое, въ случаѣ нужды, конечно, могло оказать услуги и противъ народныхъ возстаній. Ни въ этой, ни въ какой-либо другой отрасли государственнаго хозяйства не было дѣлаемо сбереженій, и налоги достигли весьма высокой и стѣснительной для народа цифры. Когда же, вслѣдствіе всего этого, въ 1815 и 1816 годахъ востоя торговля, недостатокъ работы и дороговизна достигли страшныхъ размѣровъ, недовольство правительствомъ проникло въ самыя низшія классы народа. Всюду собирались митинги, народъ толпами сходился слушать рѣчи Гойта и Коббета, толковавшихъ и о дурномъ правительствѣ и о парламентской реформѣ. Не было недостатка въ возстаніяхъ, убійствахъ; нерѣдко правительство должно было дѣйствовать противъ толпы восною силой. Раздраженіе народныхъ массъ дошло до такой степени, что 28-го января 1817 года толпа за-

бросала грязь и замесами карету воспринявшего, но открыти парламента, принца-регента и проводила его криками: «не надо принца-регента! долой министровъ!»

Вѣсто того, чтобм признать существующія злоупотребленія и несовершенство въ государственномъ устройствѣ и, по возможности, устранять ихъ, министерство прибѣгло къ мѣрамъ крайней строгости и на дѣлнй годъ приостановило дѣйствіе закона о личной неприкосновенности (*Habeas corpus act*), закона, составляющаго краеугольный камень гражданской свободы Англїи. Немедленно задержано было множество подозрительныхъ личностей и безъ всякаго суда заключено въ тюрьму; ограничена свобода сборницъ и стѣснена свобода печати. Оппозиціоннымъ насателямъ заткнули, по выраженію Коббета, если не шею, то, по крайней мѣрѣ, руки. Но волненіе не утихало. Въ Манчестерѣ, 16-го августа 1819 года, собралась сходка въ 80,000 человекъ, несмотря на то, что правительство запретило подобныя многочисленныя сборища. Съ развѣвающимися знаменами выступали одна за другою толпы народа, и на знаменахъ можно было прочесть: «отидѣна хлѣбныхъ законовъ! свобода и братство!» «равное для всѣхъ представительство — или смерть!» Даже женщины участвовали въ демонстраціи и, сгруппировавшись около шелковаго знамени, заявляли требованіе реформы. Но только что привѣтствуемый громкими криками: «ура!» началъ Гонтъ говорить къ народу, въ толпу ворвались, съ саблями на-голд, гусары и произвели всеобщее «sauve qui peut». Многіе изъ народа были убиты, сотни людей тяжело ранены; Гонтъ былъ отведенъ подъ стражу, но скоро правительство вынуждено было выпустить его на поруки. Эта манчестерская кровавая баня вызвала общее негодованіе противъ министровъ, но они не уклонились отъ избраннаго пути. Министерство успѣло провести въ парламентѣ шесть реакціонныхъ биллей, которыми праву сборницъ и свободѣ печати нанесенъ былъ такой же ударъ, какой обрушился на нѣмецкіе университеты и нѣмецкую печать вслѣдствіе карлсбадскихъ совѣщаній.

Неудивительно поэтому, что, при всеобщемъ народномъ возбужденіи, люди крайне либеральныя не останавливались предъ самыми смѣлыми рѣшеніями. Старинный революціонеръ Артуръ Тистльвудъ организовалъ заговоръ и, какъ новый Катилина, вознамѣрился убить всѣхъ министровъ, зачекъ казармы и провозгласить временное правительство. Но замыселъ былъ открытъ; самъ зачинщикъ съ четырьмя соумышленниками повѣшенъ, остальные же участники въ заговорѣ сосланы.

29-го января 1829 г. скончался слабоумный король Георгъ III, и на престолъ вступилъ принцъ-регентъ, подъ именемъ Георга IV. Въ молодости этотъ принцъ, весьма даровитый и притомъ хорошо, классически, образованный, велъ самую безпутную жизнь; предавался игрѣ, пьянствовалъ, велъ дружбу съ женщинами самой сомнительной нравственности, и еще 23-лѣтнимъ юношей,

занился (разумеется, тайно) на каталчкѣ, но скоро понуждае ее, чтобы вступить (1795 г.) въ бракъ съ Каролиной, принцессой Брауншвейгской. Но уже въ слѣдующемъ, 1796 году, когда королева родила ему дочь Шарлотту, принцъ написалъ Каролинѣ вѣжливо-холодное письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы она оставила его домъ, и притомъ навсегда. Съ 1796 по 1814 годъ королева жила въ Англіи, но потому, не будучи въ силахъ сносить обиды и оскорбленія, постоянно ей наносимыя, удалилась на континентъ. Правительство послало слѣдить за ней цѣлую комиссію и чрезъ подкушенныхъ слугъ узнало невѣроятныя и неправдоподобныя вещи.

По смерти Георга III, королева Каролина, къ великому неудовольствію своего супруга, возвратилась въ Лондонъ. Уже 5-го іюля король обвинилъ ее предъ верхней палатой и требовалъ, чтобы, за свою невѣрность мужу, Каролина была разведена съ нимъ, лишена титула королевы и навсегда оставила Англію. Процессъ, во время котораго самые краснорѣчивые адвокаты говорили въ защиту королевы, раскрылъ передъ публикой безконечный рядъ такихъ скандальныхъ исторій о королевѣ, а главнымъ образомъ, о самомъ королѣ, какія выслушать могли только люди, съ далеко не слабыми нервами. И несмотря на то, ни одно имя въ Англіи не было популярнѣе имени королевы: такъ глубоко презиралъ народъ Георга IV. У Блюхера, когда онъ въ 1814 году гостилъ въ Лондонѣ, не было столько посѣтителей, сколько теперь у королевы; адресамъ, всевозможнымъ заявленіямъ сочувствія «страдалца», не было конца. Каково же было торжество народа, когда 2-го ноября 1820 г., послѣ третьяго чтенія, была противъ королевы принятъ былъ большинствомъ только девяти голосовъ, такъ что лордъ Ливерпуль не осмѣлился предложить его палатѣ общинъ и взять его назадъ.

Но всѣ эти неудачи не смутили Георга. 16-го іюля 1821 г. онъ короновался со всею средневѣковою пышностію. Королева отогнана была отъ самыхъ дверей вестминстерскаго аббатства и вскорѣ (7-го августа) умерла, вслѣдствіе сильныхъ нравственныхъ потрясеній. Король не хотѣлъ оставить умершую въ покоѣ. Въ день, когда отпѣвалось тѣло ея, безконечная вереница лицъ, желавшихъ почтить усопшую, имѣла столкновение съ королевскою конною гвардіей; но несмотря на сопротивление послѣдней, процессія прошла чрезъ Сити подъ предводительствомъ лорда-мера.

Только что король оправился отъ этого удара, какъ лордъ Кесльри лишилъ себя жизни (12-го августа 1822 г.). Человѣкъ, который, идя ружа объ руку съ Георгомъ IV, желалъ ввести Меттернихову систему управленія (на сколько было это возможно) въ Англіи и готовъ былъ вызвать въ этой странѣ революцію, перерѣзалъ себя, въ припадкѣ сумасшествія, перочиннымъ ножомъ, шейную артерію. Это событіе, сдѣлавшееся поворотнымъ пунктомъ въ англійской политикѣ, обрадовало народъ въ высшей степени, и нивого нельзя было разувѣрять, что не сумасшествіе,

а фюръ пробудившея совѣты власныи лодъ въ рѣку министру.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ Каннингъ, какъ ни сердился на него король, какъ ни мало сочувствовалъ новому своему товарищу большинство кабинета. Но благодаря своему характеру и талантамъ, особенно же краснорѣчю, Каннингъ единственно высоко стоялъ надъ всѣми знаменитостями, чтобы неже было обойти его въ этомъ случаѣ. Внѣшнія и внутреннія отношенія Англіи были такъ запутаны, что на труднѣе вѣсть министра иностранныхъ дѣлъ нельзя было найти человѣка болѣе способнаго и достойнаго. Программа его была проста: величіе и свобода Англіи; отрѣшеніе отъ священнаго союза, который вездѣ, гдѣ ни обнаруживалъ свое вліяніе, введялъ тѣготы для народовъ государственныя и общественныя отношенія. Англія, низшедшая во времена Косльри до степени префектуры священнаго союза, должна была, по волеярвію Каннинга, стать въ независимое положеніе, быть верховою державою въ Европѣ, и, опираясь на либеральныя элементы въ составѣ другихъ народностей, противопоставить священному союзу свои громадныя морскія силы и свое богатство. Каннингъ былъ врагъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла какой либо страны. Онъ былъ убѣжденъ, что каждый народъ имѣетъ право устроить свои внутреннія отношенія по своему сердцу и по своему крайнему разумнію. Но при существовавшихъ тогда въ Европѣ политическихъ отношеніяхъ, онъ не всегда могъ удерживаться отъ вмѣшательства: угнетенія, которыя испытывали въ то время греки, не могли не вызвать въ немъ сочувствія къ угнетеннымъ. Каннингъ старался вслѣски содѣйствовать правому дѣлу освобожденія грековъ; онъ не дожидъ до наваринской побѣды, но приготовилъ ее. То же чувство справедливости, соединенное съ желаніемъ содѣйствовать матеріальнымъ меркантильнымъ интересамъ страны, побудило его отправить (1826 г.) вспомогательный корпусъ въ Португалію, на защиту народа отъ тиранніи узурпатора.

И во внутреннемъ управленіи, которое не составляло прямой задачи Каннинга, повѣяло при немъ новымъ, свѣжимъ духомъ. Обременительныя хлѣбныя законы были, по его предложенію, измѣнены къ лучшему; относительно невольничества въ англійскихъ колоніяхъ было постановлено, что негры въ умственномъ и нравственномъ отношеніи созрѣли для свободы и что торговля неграми должна считаться такимъ же преступленіемъ, какъ морскою разбой и наказываться смертію.

При рѣшеніи вопроса, который, послѣ парламентской реформы, былъ самымъ жгучимъ въ теченіе третьяго десятилѣтія нашего вѣка и, въ случаѣ справедливаго рѣшенія, долженъ былъ повести за собой и самую парламентскую реформу, Каннингъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе дворянства и духовенства: исполненіе задушевныхъ своихъ желаній онъ долженъ былъ предоставить

арестъ, променявъ, Мы говоримъ объ освобожденїи католиковъ и о равенствѣ Ирландцевъ съ Великобританцами.

Не суждено было Каннингу совершить все, имъ задуманное. Въ апрѣлѣ 1827 года, по смерти Даверпуа, онъ назначенъ былъ первымъ министромъ, составилъ министерство на своемъ выбору; 6-го іюля подписалъ договоръ, давшій рѣшительное направление дѣлу освобожденїя Греція, но не дожилъ до окончанїя этого дѣла; 8-го августа 1827 года Каннингъ, въ великому огорченію народа, скончался.

За кратковременною переходною царю слѣдовала строгаго торійское министерство Веллингтона, веровавшееся наваринской побѣдѣ и равнодушное къ страданїямъ Португалїи подлѣ малочестиваго Дона-Мигуэла. Но даже этотъ смелѣннѣе герцога долженъ былъ дѣйствовать по справедливости въ вопросѣ о католикахъ и сколько нибудь вникнуть въ положенїе Ирландїи. Въ теченїе многихъ столѣтїй Ирландїя была надобной надверней Британїи и считывала всѣ бѣдствїя завоеванной страны. Еще въ высшей степени, чѣмъ въ Англіи, были неормальны здѣсь общественныя отношенїя. Вся земля сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ протестантскихъ англійскихъ фамилїй; арендаторами же или поденщиками этихъ владѣльцевъ были почти всѣ остальные туземныя жители-католики. Богатые имущества и права католическаго духовенства перешли, по волѣ Англіи, въ руки англїканской церкви, чуждой большинству ирландцевъ. Такимъ образомъ ирландецъ долженъ былъ платить десятину духовенству чуждаго ему вѣронисовѣданїя и кромѣ того содержать свою, католическую церковь. Это и другїя подобныя неормальныя явленїя, тѣсно связанныя съ различїемъ расы, не могли быть устранены до тѣхъ поръ, пока существовалъ законъ, исключавшїй всѣхъ католиковъ изъ парламента. Не имѣя ни малѣйшей возможности заявить свое бѣдственное положенїе и улучшить его законнымъ путемъ, не имѣя представителей, которые бы отстаивали въ англійскомъ парламентѣ интересы разоренной, голодной, въ теченїе столѣтїи вѣковъ обижасмой и угнетаемой страны, ирландцы дѣйствовали незаконными путями. Въ Ирландїи возникали тайныя общества, вспыхивали пожары, совершались убїйства. Для всѣхъ сколько-нибудь мыслящихъ людей было ясно, что англїйское общество и правительство должны были вникнуть въ положенїе Ирландїи и найти средства загладить многорѣковую несправедливость свою въ этой несчастной странѣ. Ограничиваться одними строгими мѣрами противъ незаконныхъ проявленїй мелочевства народнаго, значило искоренять слѣдствїе, а не причину зла.

Первымъ шагомъ въ рѣшенїи ирландскаго и католическаго вопроса было отиѣненїе введеннаго еще при Карлѣ II закона, такъ-называемаго, *testact'a*. Законъ этотъ требовалъ отъ каждаго, кто вступаетъ на какую-либо государственную должность, присяги въ томъ, что догмать о пресуществленїи хлѣба и вина

240

въ тѣло и кровь въ таинствѣ Евхаристіи онъ занимаетъ согласно ученію англиканской церкви. Законъ этотъ, цѣлѣмъ котора столѣтія считавшіеся справедливымъ, въ 1828 году оказался насиліемъ противъ совѣсти человека, и потому отиженъ.

Движеніе въ пользу эманципаціи католиковъ уже началось, когда ирландскій адвокатъ Оконнель, прославившійся своимъ краснорѣчіемъ и своею горячею преданностію народному дѣлу, сталъ во главѣ этого движенія, покрывъ страну сѣтью католическихъ обществъ. Желая практически рѣшить ирландскій вопросъ, онъ успѣлъ настоять на томъ, чтобы его предпочли на выборахъ протестантскому кандидату Финдзеральду и выбрали въ члены нижней палаты, куда, по закону, онъ не имѣлъ доступа, какъ католикъ. Это происходило въ графствѣ Кларъ, 5-го іюля 1828 года. Радости, испытанной ирландцами въ это время, соотвѣтствовало уваженіе, которое внушалъ въ Англій Оконнель своею нравственною силою и своими успѣхами. Веллингтонъ видѣлъ, что необходимо или уступить движенію, или начать съ ирландцами междоусобную войну. Какъ хорошій полководецъ, онъ предпочелъ уступить.

13-го апрѣля 1829 года, былъ, предложенный Веллингтономъ и принятый въ обѣихъ палатахъ, былъ подписанъ королемъ, протавившимся дѣлу освобожденія католиковъ до послѣдней крайности. Католики получили право занимать всякую должность, за исключеніемъ немощныхъ высшихъ государственныхъ постовъ, и имѣть доступъ въ обѣ палаты парламента.

Могучій трибунъ народный, великій агитаторъ, какъ его называли англичане, теперь могъ уже лично высказывать угнетателямъ Ирландіи жалобы на ея бѣдственную участь. Немедленно по вступленіи своемъ въ нижнюю палату, Оконнель выступилъ съ радикальнымъ предложеніемъ общей и тайной подачи голосовъ и уже толковалъ, что для Ирландіи необходимо имѣть свой особенный парламентъ и свое собственное законодательство, словомъ, находится въ такихъ же отношеніяхъ къ Великобританіи, въ какихъ желала быть Сицилія къ Неаполю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англій и Ирландіи поднялись новые вопросы и требованія, и главнымъ образомъ требованіе парламентской реформы. Благодаря эманципаціи католиковъ, общественное мнѣніе убѣдилось въ необходимости измѣнить, въ пользу диссидентовъ, прежнюю систему выборовъ. Но этого было недостаточно: слѣдовало измѣнить ее и въ социальномъ отношеніи. Ни король, ни парламентъ не высказывались въ пользу подобныхъ преобразованій. Но мы увидимъ, какъ совершатся важныя событія, вслѣдствіе которыхъ новая личность выступитъ на политическое поприще и положить начало парламентской реформѣ.

В. Покровский.

Г Д Ъ Л У Ч Ш Е ?

РОМАНЪ.

Часть первая.

ВЪ ПРОВИНЦІИ.

IX.

ПРИЗНАНІЕ ЛИЗАВЕТЫ ЕЛИЗАРОВНЫ.

Со времени отъѣзда Ульянова и Горюнова, Пелагея Прохорова съ каждымъ днемъ все больше и больше сближалась съ Лизаветой Елизаровной. Пока еще былъ здѣсь дядя, она могла гордиться имъ, человѣкомъ понавшимъ въ уставщики, значить имѣющимъ кое-какое значеніе на промыслахъ; но теперь, когда дядя исчезъ, она очутилась совершенно одна съ братьями. Но что ей братья? Братья хотятъ жить сами для себя и отъ нихъ не жди помощи. Вонъ даже когда дядя подарилъ ей пять рублей, Григорій сталъ укорять ее въ томъ, что ее больше любить, и деньги слѣдовало бы дать не ей, а имъ. Чтобы отвязаться отъ братьевъ, она отдала эти деньги Григорью, который ей за это и спасибо не сказалъ. Отдала она деньги и стала горевать, ругая себя глупою. «Вѣдь мнѣ съ этими деньгами можно бы было дойти до города!», думала она на первыхъ порахъ. Но какъ она пойдетъ въ городъ одна, не зная дороги? Еще нападутъ на нее, ограбятъ и Богъ-знаетъ что сдѣлаютъ съ ней. Другое дѣло, еслибы она была пожилая женщина. Но и не это еще удерживало ее въ селѣ: она дожидалась вѣстія отъ Коровяева. Уйдя она изъ села,—и не узнаетъ ничего о Коровяевѣ, о которомъ она думала теперь больше прежняго, зная что онъ любитъ ее и не хочетъ жениться на ней зря.

Сознавая, что она здѣсь чужая, она рада была поговорить съ

кѣмъ нибудь отъ души. Но говорить было не съ кѣмъ, кромѣ Лизаветы Елизаровны. Лизавета Елизаровна тоже рада была своей сосѣдкѣ и старалась раскрыть передъ ней свои тайны, надѣясь на то, что она ее не выдастъ, потому что Пелагея Прохоровна не имѣетъ знакомства съ другими женщинами и вообще женщина молчаливая. И онѣ скоро сошлись, понравились другъ другу и стали пріятельницами. Хотя Пелагея Прохоровна и много страннаго находила въ поведеніи своей подруги, но приходила къ въ тому заключенію, что здѣшняя жизнь не похожа на заводскую въ томъ отношеніи, что тамъ дѣвушки до выхода замужъ большею частію живутъ дома, и если знакомятся съ парнями, то въ церкви, на гуляньяхъ и на вечерахъ,—здѣсь же онѣ рано становятся съ мужчинами и парнями на промислахъ. По промышленнымъ понятіямъ ничего не было страннаго въ томъ, если пары заходили слишкомъ далеко и дѣвушка дѣлалась беременною, потому что скоро послѣ беременности она выходила замужъ. Но Лизавета Елизаровна не говорила о своей беременности. Однакоже, Пелагея Прохоровна стала замѣчать, что Лизавета Елизаровна дуется на одного парня, который любезничаетъ съ черноволоксей невысокой дѣвицей и носитъ за ней соль, и при этомъ парень старается оказывать большія ласки Григорію Прехорычу, который отъ парня получаетъ насмѣшки и угрозы. Ясно казалось Пелагеѣ Прохоровнѣ, что или парень разобидѣлъ кѣмъ-нибудь Лизавету Елизаровну, или Лизавета Елизаровна разобидѣла парня. Пелагеѣ Прохоровнѣ ее своей ответной женщинамъ любознательностию хотѣлось разспросить свою подругу объ этомъ, но было неловко начинать прямо, и она только намекала на парня, но та или сердилась, или отмалчивалась.

Дѣло въ томъ, что Лизавета Елизаровна была гордая дѣвушка. Она требовала, чтобы тетя, который любитъ ее, исполняла малѣйшіе ея капризы: напр., уронить она съ лѣстницы платокъ, Ванька Зубаревъ долженъ сходить за нимъ; нужны ей къ празднику сережки—Ванька Зубаревъ долженъ купить ихъ, хотя бы и въ десять коп. Ванька Зубаревъ хороводился съ нею полтора года и цѣлый годъ угождалъ ей безпрекословно. Сперва, конечно, ломается, погрываетъ, но все-таки исполняетъ приказы Лизаветы Елизаровны. Никто такъ не могъ угодить Лизаветѣ Елизаровнѣ, какъ онъ, и за то какъ было хорошо и весело съ нимъ, особенно лѣтомъ! Хета Зубаревы и жили въ Демьяновѣ, только Иванъ Демьяничъ работалъ на Моргуновскихъ промислахъ, потому что на нихъ было больше требованія на рабочихъ и плату давали больше цѣныхъ на десять копеекъ противъ Притыкинскихъ промисловъ. У него была своя

лодка, въ которой онъ каждый лѣтній день перевозилъ два раза рѣчку Улю и въ которой носилъ работы китая и Елизавету Елизаровну. Отецъ любилъ Зубаревъ Ивану Уманову, и та любила что мать только можетъ любить шестнадцатилѣтняго промышленнаго дѣвушка, дочь бѣдныхъ родителей. Бывало, сидятъ они ночью въ лодкѣ обнявшись, а лодка плавать сама пошла по теченію, и далеко такъ ушливуть они; случались дороженьки нѣтъ домой версть нѣтъ за пятнадцать, и тогда Зубаревъ или маломысля на воевать, или шелъ бичевой, а Елизавета Елизаровна прятала на кормѣ воевать, подсмѣиваясь надъ волюбленнымъ. Случалось возвращаться нѣтъ и въ грозу, и тогда Елизавета Елизаровна, сидя на берегу съ Зубаревымъ подъ опрокинутой лодкой, отъ страха молла въхъ угодниковъ, калась въ грѣхалъ и калась, что она въ послѣдній разъ плаваетъ съ Зубаревымъ. На промыслахъ, конечно, всѣ знали про связь Елизаветы Елизаровны съ Иваномъ Зубаревымъ и не обращали вниманія на нихъ, потому что у каждаго или у каждой были любовницы или любовники; мать тоже знала, что Зубаревъ ухаживаетъ за ея дочерью, и думая по себѣ, что онъ на ней женится, не очень бранила ее за преднія возвращенія домой; отецъ же, живя на кардонѣ, конечно, ничего не зналъ, а если и замѣчалъ отсутствіе дочери, то удовлетворялся какимъ-нибудь отвѣтомъ своей жены. Все шло хорошо около года, а вотомъ Елизавета Елизаровна стала замѣчать, что Иванъ Зубаревъ сталъ холоднѣе съ нею, меньше исполняетъ ея прихоти и напризы. И случилось это съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ они были въ чащѣ лѣса, гдѣ провели всю ночь въ полномъ блаженствѣ. Правда, послѣ этого Елизавета Елизаровна сильно привязалась къ Ивану Зубареву и въ первое время нѣтъ гордой дѣвушки сдѣлалась до того кроткой, что дозволяла прирививать на нее Зубареву, исполняла его приказанія, но потомъ замѣтила, что Зубаревъ не только взял надъ ней верхъ, но и обращеніе его съ нею стало уже не то: точно она ему надоѣла. И вотъ стала она замѣчать, что Зубаревъ рѣже показывается на промыслахъ, а если и придетъ, такъ дожидается, чтобы она его нѣтъ милости попросила поносить соль. Наконецъ, онъ ее весьма оскорбилъ: съестъ два мѣшка соли и ушелъ, а немного погодя сталъ носить соль за другую дѣвуку.

У Елизаветы Елизаровны, какъ она увидала это, чуть мѣшокъ съ солью не свалился съ плечъ и она сама не помнитъ, какъ она доносила до вечера соль, получила расчетъ и пришла домой раньше обыкновеннаго, такъ что мать ея, не носившая въ этотъ день соли по нездоровью, удивилась и спросила:

— Али Зубаревъ не былъ?

Но Лизавета Елизаровна ничего не сказала. Она никакъ не могла понять поведенія Ивана Зубарева. Этотъ человекъ такъ любилъ ее, такъ много обѣщалъ ей впереди хорошаго, обѣщавши послѣ рождества жениться на ней, и какъ прошелъ Екатерининъ день, вдругъ вынидываетъ съ нею такую штуку. Это что набуду да значить. Хотѣлось ей переговорить съ Зубаревымъ, но онъ цѣлую недѣлю не явился на принскъ, а на другой недѣлѣ на всѣхъ промыслахъ не было работи для женщинъ. На третьей недѣлѣ, объ этомъ парѣ замѣтила Лизаветѣ Елизаровнѣ Пелагея Прохорова. Тогда Лизавета Елизаровна думала, что Зубаревъ подойдетъ къ ней, возьметъ ее мѣшокъ, но онъ, какъ будто самъ хотѣлъ, чтобы Лизавета Елизаровна поклонилась ему. Когда Григорій Прохоричъ понесъ за нее соль, хотѣлось Лизаветѣ Елизаровнѣ поговорить съ нимъ, высказать ему, что она беременна — но не время было, а вызвать Зубарева въ другое мѣсто во время рабочее неприлично, потому что такихъ примѣровъ еще не бывало на промыслахъ.

Григорій Прохоричъ видалъ дѣвушекъ и покрасивѣе Лизаветы Елизаровны; онъ уже два раза былъ влюбленъ, и въ послѣдній разъ даже хотѣлъ жениться на любовницѣ прикащика, у котораго онъ былъ лакеемъ; но вмѣсто женитьбы угодилъ въ острогъ по обвиненію его въ кражѣ вещей, а его невѣста задалась не отъ любви къ нему, а не желая болѣе переносить каторжную жизнь. Острогъ его не испортилъ, такъ-какъ онъ изъ него скоро былъ выпущенъ по просьбѣ прикащика, вмѣшлаго обвиненіе прощать всѣхъ своихъ враговъ въ свои шинны, но научилъ смотрѣть на жизнь болѣе практически, чѣмъ прежде. Еще бывши въ острогѣ, онъ поваялся не увлекаться *дѣлками*, не слушать ихнихъ любезностей, но встрѣтившись съ Лизаветой Елизаровной, онъ не могъ устоять. Она съ перваго же дня огорошила его, задѣвъ его самолюбіе пустякомъ — неумѣніемъ расколоть сучковатое полѣно. Столкнувшись на промыслахъ съ женщинами, онъ, какъ молодой человекъ, не могъ не вглядываться въ нихъ и не вслушиваться въ ихъ слова. Какъ онъ ни крѣпился, ни заключалъ по своему, что всѣ эти бабы и дѣвки отчаянныя, но кровь въ немъ волновалась и ему нравилось употреблять въ дѣло щипки. Не зная никакихъ отношеній между дѣвицею Ульяновой и парнемъ, погрозившимся обломать ему ноги, онъ думалъ, что Лизавета Елизаровна легко ему достанется. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. Еще въ воскресенье передъ отъѣздомъ дяди, онъ очень развѣтрался съ Лизаветой Елизаровной, и когда она вышла зачѣмъ-то въ сѣни, то

догнать ее, обнял, но получилъ за это такую пощечину, что ему долго было совѣстно показаться на глаза передъ Лизаветой Елизаровной, да и она сама, завидя его во дворѣ, отворачивалась отъ него и уходила скорѣе домой.

Наступило рождество, и прошло весьма скучно въ обоихъ семействахъ. Лизавета Елизаровна очень рѣдко заходила въ Горюхины, и то въ такое время, когда Григорья Прохорича не было дома, а Пелагея Прохоровна, узнавшая, что братъ ея сдѣлалъ глупость, и не настаивала на томъ, чтобы она ходила при братѣ. Прошли и святки скучно. Прежде, бывало, у Ульяновича передъ крещеньемъ всегда вечерка устраивается, а нынче нѣтъ. Прежде отбоя нѣтъ отъ дѣвицъ: приходи ради Христа на вечерку, — нынче только развѣ на улицѣ попадетса Лизаветѣ Елизаровнѣ дѣвушка и спросить: а што это ты не была на вечеркѣ? И тутъ же прибавляла: а Ваньку Зубаревского не видела? Братъ, впрочемъ, ходилъ на вечерки, ходилъ и плясалъ на вечеркахъ и Григорій Прохоричъ, только къ нему не благоволила ни одна дѣвица, такъ-какъ у каждой былъ свой кавалеръ, и каждый изъ этихъ кавалеровъ старался разругать дѣвицу Ульянову для того, чтобы выжить изъ компаніи Гришку Горюнова какъ пришлеца. Не весело было Григорью Прохоричу на этихъ вечеркахъ, чужой онъ былъ на нихъ, непріятно ему было слышать, какъ конфузятъ и обзываютъ дѣвицу Ульянову, говоря даже про нее, что потому-де у нихъ въ домѣ, въ *придмѣ* (въ новой половинѣ, гдѣ жилъ Григорій Прохоричъ) нѣтъ вечерки, что Лизка брюхата и любовникъ ее бросилъ, потому что она горда не кстатн и съ порокомъ, но обо всемъ слышанномъ тамъ онъ ничего не говорилъ сестрѣ.

Въ крещенскій сочельникъ обѣ женщины гадали въ новой половинѣ. Пришелъ Григорій Прохоричъ, гаданье прекратили.

— Погадайте на меня, сказалъ онъ, подойди къ гадальщицамъ.

— Не стоишь, сказала Лизавета Елизаровна.

— Тебя што ли просать! Палагеюшка, погадай!

— Какой ты сегодня ласковнй сдѣлался!... Гадай самъ, сказала Пелагея Прохоровна, отдавая поварешку брату и обратилась къ Лизаветѣ Елизаровнѣ: — пойдѣмъ къ тебѣ.

— И я съ вами.

— Очень нужно, сказала Лизавета Елизаровна.

— Важна ужъ што-то больно стала не кстатн!... Послушала бы ты, што говорить-то про тебя!

— Ну, дакъ што? Языкъ-то вѣдь безъ костей.

Подруги подошли къ двери.

— Ниче мнѣ, сказывать нте-ли здѣсь!

Подруга замозотала и ушла.

Григорій Прохорычъ бросилъ позарешку подъ лавку, потушилъ лучину и легъ на печь. Брата дома не было: онъ со Степаномъ Ульяновичемъ еще не приходилъ изъ села. Спать ему не хотѣлось и онъ сталъ думать, можетъ быть, въ тишиный разъ о томъ, какъ бы ему хорошо было найдти гдѣнибудь мѣсто и потомъ жениться... жениться на Лизѣ. Чѣмъ больше думалъ онъ о дѣвицѣ Ульяновой, тѣмъ больше она ему нравилась. Нравилась ему въ ней ея гордость, ея рѣчи, трудъ, и онъ ставилъ ее выше первыхъ двухъ своихъ любовницъ, изъ которыхъ первая ничего не умѣла дѣлать, а только хныкала; вторая, живя у прикащика, сдѣлалась барышней и едва-ли бы перенесла съ нею тяжелую жизнь. А на Лизѣ жениться хорошо: она будетъ работать и онъ тоже, да и дома строить не нужно. Тутъ мысли его приняли другой оборотъ: онъ находилъ себя ничтожнымъ человѣкомъ въ сравненіи съ Лизаветой Елизаровной; халаганско у него худой, починить его нечѣмъ да и не стоитъ: станетъ затягивать петку — такъ рвется; полушубка нѣтъ; сапоги обертались, подошвы на нихъ отпадываютъ; новые кунитъ не на что, потому что сестрини деньги онъ издержалъ по пустякамъ. Вотъ сегодня у одного сапожника убралъ шило и драгтву вынорсилъ, завтра надо будетъ починить какънибудь. Опять кожи нѣтъ. Кабы было гѣто, можно бы гдѣнибудь найдти въ гравн или въ назьму кусокъ кожи...

Вдругъ онъ услыхалъ стукъ по стѣнѣ къ хозяевамъ. Сталъ слушать. Еще застучали, и кажется сестра произнесла его имя.

— Не пойду! Самъ хотѣлъ — обругали. А теперь не пойду. Не смѣйся горохъ, не лучше бобовъ! проговорилъ самъ съ собой Григорій Прохорычъ.

Его такъ и порывало ийти къ хозяевамъ, но и не хотѣлось ему уступить. «Брюхо толще, такъ губа тоньше», сказалъ самъ себѣ Григорій Прохорычъ и рѣшилъ не ийти, хотя бы они тамъ веѣ кулаки объ стѣну отбили. Однако онъ не утерпѣлъ, слѣзъ съ печки, и подошедши къ стѣнѣ, наставилъ лѣвое ухо, чтобы услыхать оттуда чтонибудь, но стѣна была бревенчатая; онъ слышалъ, что кто-то говорилъ и вдругъ захохотали, сперва Ульянова дѣвица, потомъ его сестра.

— Это онѣ надо мной смѣются.

Опять смѣхъ.

— А чортъ съ ними!... Нечего мнѣ тамъ дѣлать...

И Григорій Прохорычъ легъ на печь, но лежать было скучно,

хотѣлось идти; онъ взялъ и на себя и на Лизавету Елизаровну и на сестру.

Пришла сестра.

— Ты што же не пришелъ? спросила она брата.

— Очень нужно.

— Ну, брюхо толще, тамъ губа тоньше.

— Послушай Палагея, што это она надо мной издѣвается?

— Кто?

— Кто?! Лиза!

— Да и какъ не издѣваться надъ дуракомъ. Зачѣмъ ты ее въ сѣняхъ-то обхватывъ?

Григорій Прохоричъ замолчалъ. Теперь ему стало понятно, что сестра его стала пріятельницей Лизаветы Елизаровны.

— А што, Палагея, какъ ты думаешь, пойдеть она за меня? спросилъ вдругъ брата сестру, когда та уже стала вставать.

— Выдумывай.

— Нѣтъ, въ самъ-дѣлъ!

— Спи-ко лучше. Скоро утро.

— Палагея... сказалъ братъ, немного погодя, обвиняя сляпую сестру, которая отъ этого пробудилась и съ испугомъ вскрикнула.

— Сестрица... Посватай ты за меня Лизу...

— А штобъ тѣ околѣть! Какъ испугалъ, дѣвши!

— Посватаешь?

— Ну! Убирайся.

Григорью Прохоричу было легко носѣ этого. Утромъ братъ и сестра молчали: братъ стыдился сестры, сестра что-то обдумывала. Григорій Прохоричъ усѣлся за сапогъ около окна, повертѣлъ его: починить безъ кожи нельзя: мать ни верти, а нужна заплатка.

— Поговорить? сказалъ вдругъ дрожащимъ голосомъ братъ сестрѣ. Щеки его покраснѣли.

— И што ты это выдумалъ, братъ! Какая она тебѣ ровни?

— А тебѣ што за ровни?

— Я другое дѣло... Говори самъ... Это твое дѣло.

— Какъ я буду говорить, коли она такая фря...

Послѣ обѣда Палагея Прохоровна завзала къ себѣ Лизавету Елизаровну. Лизаветѣ Елизаровнѣ, вѣроятно, уже было извѣстно о намѣреніи Григорія Прохорича, потому что она поклонилась ему веловко, щеки покраснѣли болѣе обыкновеннаго и голосъ ее былъ неровный.

Стали играть въ карты. Всѣ молчали. Каждый хотѣлъ что-то начать, но что-то удерживало.

Наконецъ первая начала Лизавета Елизаровна.

— Какіе ниче женихи-то молчаливыя... проговорила она, сдавая карты, какъ бы про себя.

Григорій Прохоричъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и не зналъ, что ему дѣлать: сидѣть или бѣжать?

Минуть пять никто не промолвилъ слова.

— Женишокъ? Што же ты молчишь? сказала вдругъ Лизавета Елизаровна.

— Я... сказалъ Григорій Прохоричъ, вздрогнувъ.

Объ женщины захотали.

— Хорошо же ты будешь муженекъ, нечего сказать... Однако, Григорій Прохоричъ, позвольте васъ спросить: какіе вы имѣете на меня види? сказала уже серьезно Лизавета Елизаровна.

— Лизавета Елизаровна...

— Убирайся!!

И Лизавета Елизаровна, бросивъ карты, ушла отъ Пелагеи Прохоровны.

— Поди къ ней, пока матери нѣтъ дома, сказала сестра брату.

Братъ послушался сестры.

Когда онъ пришелъ къ Ульяновымъ, Лизавета Елизаровна, сиди у плець, плакала и казалось не замѣтила вошедшаго Горюнова, который остановился въ дверяхъ и не смѣлъ тронуться дальше.

— Лиза! сказалъ онъ.

Лизавета Елизаровна вздрогнула.

— Зачѣмъ ты пришелъ? крикнула она.

— Лизавета Елизаровна... Я люблю тебя...

Лизавета Елизаровна захотала.

Григорій Прохоричъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и поцаловалъ. Она не сопротивлялась, но плакала.

— Голубчикъ Гриша! Ты мнѣ нравишься... Но...

— Лизанька!... говорилъ Горюновъ, прижимая Лизавету Елизаровну.

— Гриша!... Я не хочу тебя обманывать... говорила рыдая Лизавета Елизаровна.

— У! Дура! Ее цалуютъ, а она плачетъ! Лиза, не смѣй плавать! говорилъ шута Григорій Прохоричъ, утирая слезы съ глазъ и щекъ Лизаветы Прохоровны.

Лизавета Елизаровна боролась сама съ собой, наконецъ встала и сказала:

— Подумалъ ли ты о томъ, што про меня говорятъ на промслахъ и на вечеркахъ?

— Што?

— Ты вѣришь тому, што говорятъ про меня?

— Нѣтъ.

— Такъ я тебѣ скажу: што про меня говорятъ—вѣрно... Я говорю тебѣ потому, чтобы ты зналъ и послѣ не казлся, што я обманула тебя... Одна голова не бѣдна!... Я себя съ ребенкомъ прокормлю какъ-нибудь, за то меня никто не укорить.

Григорій Прохорычъ стоялъ, какъ оплеванный. Онъ не зналъ, шутить съ нимъ Лизавета Елизаровна или говорить правду.

— Али ты не вѣришь моимъ словамъ? Поди спроси свою-то сестру, мнѣ отъ нее нечего таить, да я тебя я не боюсь. Подумай-ко лучше о томъ, хорошо ли жениться на дѣвушкѣ съ наглостью?... Хорошо ли получить въ приданое ребенка?

Григорій Прохорычъ стоялъ пораженный, не зная, что сказать.

Лизавета Елизаровна сѣла за пальцы, нагнулась и закрыла лицо руками. Съ четверть часа она сидѣла въ такомъ положеніи, и когда открыла лицо, то увидала, что Григорій Прохорычъ все еще стоялъ, разглядывая свою фуражку.

— Не вѣришь? спросила Лизавета Елизаровна.

— Обманула ты меня... Тяжко ты меня обманула! сказалъ онъ со вздохомъ.

— Я тебя не завлекала; ты добровольно носилъ за меня соль.

Григорій Прохорычъ вышелъ. Пришедши домой, онъ швырнулъ въ уголъ фуражку и сказалъ сестрѣ:

— И тебѣ не стыдно?... Будто я патилѣтній ребенокъ, чтобы меня такъ дурачить. Свинья!

— Што, вѣрно губа-то не дура!

— Молчи! Убью!

— Дуракъ!... Только вы мужчины и хороши. Припомни-ко, не лебезилъ ли ты около Горбуновой...

— У-у!! Змѣ-я!... проговорилъ со злостію Григорій Прохорычъ, и отыскавъ фуражку вышелъ изъ избы.

Х.

Промысловый судъ.

Григорія Прохорыча ужасно разобидѣло то обстоятельство, что онъ влюбился въ такую дѣвушку, которая уже беременна. «Двухъ дѣвогъ я любилъ, и такой штуки со мной не случалось... Хорошо еще, что она сама сказала»... думалъ онъ. Онъ теперь цѣлыми сутки терся на промыслахъ и терпѣливо сносилъ насмѣшки молодыхъ рабочихъ, которые смѣялись надъ тѣмъ, что пришедецъ Гришва Горюновъ хочетъ жениться на бывшей любовницѣ

Ваньки Зубарева, и когда уж его выводили изъ терпѣнія, онъ кричалъ, что они напрасно чешутъ языка, потому что онъ не дуракъ и даже не живетъ въ Ульяновскомъ домѣ. Рабочіе, видя, что Горюновъ живетъ безвыходно на промыслахъ, даже на рынокъ не ходитъ, а покупаетъ хлѣбъ у торговцевъ, привозящихъ хлѣбъ на промысла, удивлялись его терпѣнію и въ то же время говорили, что Горюнова вѣроятно отщелкала Лизка Ульянова. Словомъ, Горюнову казалось, что рабочіе всячески старались разбѣсить его. Все шло въ такомъ порядкѣ цѣлую недѣлю до тѣхъ поръ, пока не открылось на варницахъ солёношеніе. Къ этому времени рѣдкій холостой рабочій не зналъ о пороги Лизаветы Ульяновой, а знали всё объ этомъ отъ Марьи Оглоблиной.

Явились на промысла женщины, по обыкновенію явились и мужчины для того, чтобы или пошалить, или самимъ попасть въ работу съ женщинами. Всѣ голосили о семействѣ Ульяновыхъ, и теперь было меньше спора о томъ, чтобы мужчины не работали съ женщинами, потому что каждой хотѣлось узнать дѣло во всей подробности и выслушать мнѣніе мужчинъ и за тѣмъ поругать мужчинъ за нанесенное женскому полу оскорбленіе.

Говоры шли разные по этому дѣлу.

— Я давно замѣчала, што Лиза беременна, да молчала,—потому не мое дѣло.

— Потому, молъ, сама беременна...

— Сука дакъ сука и есть!!...

— Неправду што ли говорю! Скрывать-то, матушка, нечего. Ты знаешь пословицу: отецъ да мать не знаютъ, а весь міръ знаетъ. Вотъ што! А вотъ это надо разсудить, што Лизка теперь?

— Не видать ее. Поди не явится.

— Стыдно.

— Ну, она не такая!

— Слышала? заводской Гришка за нее сватался?

— Слышала, да што-то онъ, говорятъ, все здѣсь живетъ. Должно быть, какъ узналъ въ чемъ дѣло, то и на попятный.

— Смотрите, бабы и дѣвки, заводскаго Гривку Горюнова въ компанью не принимать.

— Тебѣ не надо, не примай.

— Отсохъ бы у тѣ языкъ-то. Говорятъ, Гришка этотъ Зубаревскому примѣру послѣдовалъ.

— Сама первая, смотри, не бросься ему на шею.

— Слава-Богу, еще въ разсудкѣ.

— Васъ слушать надо уши зажавши. Правду говорить пословица: «двѣ бабы — рынокъ, а три — какъ ярмонка».

— Извѣстно: «много голку, да мало толку!»

— Не суй перста въ ротъ, пожалуй, откусишь. А вы вотъ што скажите, умныя головы: дѣло ли это обмануть дѣвку?

— Штò жь такое? Мы примѣръ съ баръ беремъ. Коли бара обманываютъ, намъ и подавно можно.

— Не слушайте его, дурака. Отъ него никогда не дождемся добраго слова.

— Зачѣмъ не дождаться. Кричать-то только не для чего: извѣстно, немного попѣто, да на вѣгъ надѣто.

— Хорошо. Теперь ты скажи: не обидно ли дѣвкѣ, если ее обманываютъ?

— А какъ же мужья-то умираютъ?

— Што съ дуракомъ и говорить!... Осель такъ осель и есть. Ты бы то подумалъ: штò бы ты сказалъ, еслибы твоя дочь родила?

— Я бы ее въ зашей!

— То-то и есть, чужое страхомъ огорожено; въ чужихъ рукахъ ломоть великъ... Охъ вы! Ну, не мужское ли это дѣло пристать за бабъ? Вѣдь вы съ начальствомъ-то хорождаетесь, а не бабы.

— Поди сунься, такъ двадцать-пять и запроситъ.

Пришла Лизавета Елизаровна съ Пелагеей Прохоровной. Всѣ, какъ увидали ее, смолкли.

— Што-то не видать тебя давно, Елизаровна? Съ новой подругой спозналась, насъ и знать не хочешь? Али замужъ скоро выходишь? кричали ближнія женщины.

— Это ужь мое дѣло. Лучше дома сидѣть, чѣмъ слушать выкомурны.

— То-то ты женишка-то новаго и подсылала подслушивать...

— Какого женишка?

— А Гришку-то.

— Съ чего вы взяли, што онъ мнѣ женихъ? И не стыдно вамъ говорить-то!... По себѣ, видно, судите...

— Хотѣла, видно, обмануть молодца, да не на таковского напала.

— Хотъ бы не ты говорила, Офимья!... Не тебя ли стыдили въ прошломъ годѣ... Я молчу. И какое вамъ дѣло, бабы, до меня? Экая важность, што я беременна! Будто ужь дѣвкѣ и родить нельзя! Будто и за вами нѣтъ грѣховъ... Я знаю, штò дѣлаю.

*

— Безстыдница такъ безстыдница и есть! Ты бы мужинь-то постыдилась.

— Нечего мнѣ ихъ бояться. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ же на мнѣ жениться, недалеко, какъ въ вращенье въ ногахъ у меня валялся, а какъ я сказала ему, што я... ну, онъ и драго.

Женщины молчали.

— Это не заводской ли Гришка? спросилъ мужчина.

— Ну, хоть бы и онъ, такъ вамъ-то што?

— Славно онъ нарѣзался.

Женщины вооружились противъ мужинь; мужини доказывали, что никому не охота жениться на беременной и стояли больше за свою братью. Теперь всѣ были вооружены противъ Ивана Зубарева. Всѣ грозилась, какъ только онъ покажется на промыслахъ, свернуть ему голову; но Лизавета Елизаровна упростила не дѣлать ему никакого вреда, потому что не стоитъ изъ-за него быть въ отвѣтѣ, а лучше связать ему, чтобы онъ не смѣлъ больше показываться на промыслахъ; приневоливать же его жениться на ней не надо, потому что онъ ей теперь противенъ.

Тѣмъ разговоры и кончились. Начали носить соль и объ утреннемъ разговорѣ никто не заводилъ рѣчи, даже не говорили и о томъ, что Горюновъ, при входѣ женщинъ въ варницу, ушелъ, не поклонившись ни сестрѣ, ни Лизаветѣ Елизаровнѣ. Хотя же сестра и спросила Панфила, куда ушелъ братъ, но онъ ничего не могъ сказать положительнаго. Григорій Прохорычъ ушелъ въ другія варницы. Онъ далъ себѣ слово всячески стараться избѣгать встрѣчи съ Лизаветой Елизаровной, которую онъ любилъ, обнималъ и которая такъ жестоко оскорбила его.

Въ полдень показался на промыслахъ Иванъ Зубаревъ. Онъ нерѣшительно шелъ къ варницѣ, то и дѣло оглядываясь и озираясь по сторонамъ, какъ будто боялся, чтобы его не зашибли откуда нибудь полѣвомъ. Онъ дошелъ благополучно до варницы, вошелъ въ нее, постоялъ немного и подошелъ къ одной дѣвицѣ, за которую онъ въ послѣднее время носилъ соль.

Та обругала его, упрекнула Ульяновой.

— Не хочешь ли ты и со мной такую же штуку сдѣлать, какъ съ ней? сказала она и ушла.

— Глядите, бабы, Зубаревъ! начала Лизавета Елизаровна: — стоитъ какъ оплеванный! На него никто и вниманія не обращаетъ, а онъ стоитъ... Спросите, чево ему надо еще?

Бабы заголосили, парни приняли угрожающій видъ.

— Лучше уходи добромъ въ свое село. Намъ ты теперь, послѣ твоихъ пакостей, не товарищъ, сказала одна дѣвица.

Парни окружили Зубарева.

— Не троньте его!... Я больше васъ имѣю право бить его, да не хочу рукъ марать объ этукую гадину... Посмотримъ, удастся ли ему еще надуть такую дуру, какъ я, проговорила Лизавета Елизаровна.

— Посмотримъ: кто возьметъ тебя замужъ! крикнулъ Зубаревъ.

Всѣ заголосили, парни начали бить Зубарева, но Лизавета Елизаровна уняла ихъ. Зубаревъ ушелъ освищенный и обруганный.

— Теперь ужъ онъ и близко не подойдетъ къ нашимъ промысламъ, говорили женщины, довольныя своею храбростью.

— Ну, и нашимъ на Демьяновскомъ не совѣтъ ловко будетъ теперь, проговорили парни.

О Зубаревѣ можно сказать не много. Онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей. Сперва онъ увлекся и полюбилъ дѣвушку искренно. Но когда онъ замѣтилъ, что она беременна, онъ ужаснулся своего поступка, думая, что его заставятъ жениться на Ульяновой, а отецъ выгнать его изъ дома. Онъ очень хорошо зналъ правила промысловыхъ обычаевъ, что давшій обѣщаніе дѣвушкѣ жениться на ней, долженъ былъ исполнить его, если она беременна отъ него. Отговорки не принимались. Лизавету Елизаровну онъ зналъ хорошо, но ему было неловко сказать ей, что ему не нравится ея беременность, и онъ сталъ думать, нельзя ли какъ-нибудь выпутаться изъ этого дѣла. Объяснилъ онъ это дѣло своей замужней сестрѣ, сказавъ ей, что его невѣста беременна, но, можетъ быть, и не отъ него. Та посоветовала ему ходить порѣже на моргуновскіе промысла, ревновать невѣсту къ кому-нибудь. И по ея совѣту дѣйствовалъ Зубаревъ. Послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, онъ замѣтилъ, что за Лизавету Елизаровну носить соль другой мужчина, и этого было достаточно ему, чтобы заподозрить ее въ невѣрности. Онъ не взялся помогать Лизаветѣ Елизаровнѣ, и даже не поговорилъ съ ней. Но онъ любилъ ее, ему жалко было ее, ему хотѣлось поговорить съ ней; но гордость и подозрѣніе, что она, дѣйствительно, можетъ быть, промѣняла его на заводскаго парня, удерживала его, да онъ и радовался, что на мѣсто его подвернулся другой парень. Въ этотъ день онъ шелъ на Моргуновскіе промысла за тѣмъ, чтобы сказать Лизаветѣ Елизаровнѣ, что онъ давно слѣдилъ за ней, и узналъ, что она вѣтренная, и поэтому онъ съ ней не хочетъ быть больше знакомъ.

XI.

МАТЕРИНЪ ОМНЪ.

Послѣ этого событія случилось то, что домъ Ульяновичъ перешелъ во владѣніе припасаго Онуфріева, который до той поры не имѣлъ своего дома. Его нельзя было никакъ уговорить, чтобы онъ пообождалъ немного въѣзжать въ домъ. Онъ пачего не хотѣлъ слушать и очень скоро перетащился со своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены, сестры и патырхъ дѣтей, въ старую половину, т.-е. въ ту, гдѣ жили Ульяновы, потому что она была помѣстительнѣе новой, такъ-какъ въ ней была изба и комната. Новую половину онъ отдалъ въ распоряженіе Ульяновичъ съ платою ему въ мѣсяцъ пятнадцать коп. и съ тѣмъ, чтобы Ульяновы таскали на семейство Онуфріевыхъ воду. И такъ Ульяновы помѣстились въ новой половинѣ съ Пелагеей Прохоровной и ея братомъ Павфиломъ.

Теперь все хозяйство осталось на рукахъ Лизаветы Елизаровны, которая никакъ не хотѣла, чтобы Палагея Прохоровна считала себя хозяйкою. Степанида Власовна теперь совсѣмъ перемѣнилась. Раньше она была строгою хозяйкою, требовала чтобы у нее все было исправно, чисто, все лежало на своемъ мѣстѣ; прежде рано истопивалась печь, рано выпекались хлѣбы и остальное время было занято или пряжею, или вязаньемъ, или тканьемъ. Теперь же, считая себя болѣе прежняго обиженною и оскорбленною, она и въ дочери, и въ сыновьяхъ, и въ маленькой дѣвочкѣ подозрѣвала враговъ. Вставала она рано, будила всѣхъ рано и начинала ворчать, что ее всѣ обидѣли, ни отъ кого ей нѣтъ почету, никто ее не хочетъ слушать.

— Да кто тебя, мамонька, не слушаетъ? Всѣ мы тебя любимъ, скажетъ Лизавета Елизаровна.

— Это и видно. Я што говорила: не топи печь — дровъ нѣтъ...

— Это ужъ не твое дѣло. Не ты заботишься о дровахъ-то.

— Ну, вотъ! Я стала теперь не хозяйка въ своемъ домѣ?... То, бишь, выгнали... И начинала она разводить исторію о томъ, какъ она, по милости злыхъ людей и неповиновенія дѣтей, дошла до такой бѣдности.

Выидеть Лизавета Елизаровна въ коровѣ. Корова тощая, ѣсть хочетъ, а сѣна нѣтъ, купить неначто, украсть совѣстно, потому что и такъ уже сколько дней пробавлялись чужимъ сѣномъ. Просто мука съ одной этой коровой!... Кабы она молока

не давала—Господь бы съ ней... И ночь-то спокойно не заснешь; проснешься, корова на умъ: «какъ бы ее прокормить сегодня, какъ бы украсть гдѣ сѣна»... Думаетъ, думаетъ Лизавета Елизаровна и полѣзетъ на поломанную телегу къ сосѣднему сараю, засунетъ въ щелку руку, пошарить—пошарить,—труха одна. И хорошо еще, что никого сегодня нѣтъ тамъ во дворѣ, а то ей не одинъ разъ уже приводилось слышать: «и какой это чортъ сѣно воруетъ? Сколько было сѣна — одна труха только теперь. Ужъ поймаю же я кого-нибудь изъ Ульяновыхъ, штобъ у нихъ отсохли руки!»...

— Мамонья! Ужъ продать бы што ли корову-то! Нечего ей ѣсть-то.

— Ну, вотъ! все я виновата во всемъ... Нѣтъ ужъ, поколѣю я, а корову не продамъ.

Дѣлать нечего, пойдетъ Лизавета Елизаровна къ сосѣдямъ, кои подобрѣе, кои прежде побирались у Ульяновыхъ. И чего-чего только она ни выслушаетъ отъ нихъ? Отъ однихъ словъ убѣжалъ бы человекъ... Но не поколѣвать же коровѣ изъ-за людскихъ неприятностей: «пусть говорятъ, что хотятъ, пусть конфузятъ и страмать насъ какъ хочуть—все снесу, только бы дали сѣна»... За то какъ рада, съ какимъ восторгомъ несетъ домой Лизавета Елизаровна охапку сѣна, точно она несетъ несмѣтныя сокровища... За то во всемъ околodge про нее стали говорить: ни у кого нѣтъ такого безстыдства, какъ у Лизви Ульяновой. Извѣстно, отпѣтая... Вѣдь знаетъ, что у насъ не горы золота, а лѣзетъ. И только ужъ по человѣчеству жалко и животинку: потому, чѣмъ бѣдная коровенка виновата, что ее морятъ голодомъ»...

А Степавида Власовна не понимала всего этого. И много-много было такихъ недостатковъ, черезъ которые почти на каждомъ шагу приводилось получать Лизаветѣ Елизаровнѣ неприятности. Мать же, если и сидѣла иногда цѣлый день дома за пряжей или тканьемъ, то отъ нея житья не было: все ворчить и говорить вздоръ, а уйти некуда; да и когда мать дома, нужно больше хлѣба; мать требуетъ щей, а если Лизавета Елизаровна говоритъ ей, что у нихъ семья большая, дай бы Богъ чтобы на всѣхъ до лѣта картофеля да свеклы хватило, такъ она начинаетъ укорять ее женихомъ.

— Небось брюхо нажила, а женишку поблажку дала!.. Нѣтъ, мы не такъ прежде дѣлывали.

— Хоть бы ты этого-то не говорила, мать! взѣвѣтся Лизавета Елизаровна.

— Какъ я тебя начну щепать! Ты развѣ не моя дочь? Не я

тебя вспоила, вскормила, на ноги поставила? Ну, дура же я была, што не швырнула съ полатей тебя... Только бросить, мерзенько бы стало.

— Мамонька! Да чѣмъ же я виновата?

— А! Теперь дакъ чѣмъ виновата. Нѣтъ, матушка, коли вататься любишь, люби и саночки возить... Изволь теперь кормить меня.

«Мать права», подумаетъ Лизавета Елизаровна. «Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ она виновата, што я беременна? Какая мать въ состояніи уберечь свою дочь на промислахъ?». Вотъ теперь я знаю, што отъ такого баловства можно нажить горе на всю жизнь, а тогда я и вѣрить этому не хотѣла, потому что молода еще очень была... Если мать и ругала меня, я думала, она зла мнѣ желаетъ. А все же и она виновата: отчего бы матери лаской да съ любовью не научить дѣвчонку какъ дѣйствовать, если парень умасливаетъ дѣвку? Отчего не сказать: бойся, молъ, мила дочка, парней и до тѣхъ поръ какъ парень не женится на тебѣ, не спи съ нимъ... Чѣмъ виновата мать, что у насъ такая бѣдность? Вѣдь знаетъ она, што ни я, ни Степанъ не сидимъ безъ дѣла, и все-таки нашихъ денегъ не хватаетъ на недѣлю. Чѣмъ и отецъ виноватъ былъ, если у него доходовъ не стало... И зачѣмъ она всю вину теперь на меня сваливаетъ, зачѣмъ сама объ своихъ дѣтяхъ не заботится?..

Семейство отдохало, когда Степаниды Власовны не было дома. Но и въ это время у Лизаветы Елизаровны щемпло сердце. «Лучше бы она не ходила, меньше бы говорили про насъ». И дѣйствительно, Степанида Власовна ходила не за дѣломъ, не для работы, а такъ, Богъ-знаетъ зачѣмъ. На нее нашла апатія; дѣлать ей ничего не хотѣлось; при видѣ знакомыхъ она горячилась, подозрѣвая ихъ въ отравленіи ея, мужа ея и ея семейства... На улицѣ, въ домахъ, куда ее принимали изъ жалости, она не могла найти себѣ покоя. Дома ей было душно; ея семейство давило ее. И вотъ она стала попивать водку, и такъ крѣпко, что на нее уже нечего было надѣяться.

Панфилъ жилъ очень дружно съ Степаномъ. Хотя же они и ссорились часто, потому что во многомъ не сходились другъ съ другомъ, и дрались частенько изъ-за того, что который-нибудь изъ нихъ воровалъ у друга кусокъ хлѣба, надѣвалъ ботинки или фуражку, но если не было дома одного, другой скучалъ.

Степанъ работалъ на вороту, т.-е. погонялъ лошадей, и за это получалъ платы за день десять коп. Случалось, что онъ отъ устатка сваливался и сладко засыпалъ, но за это его колотили безъ пощады, не считая еще его за человѣка. Такая работа, впрочемъ, не всегда бывала, да и она мальчику очень надоѣдала, и поэтому онъ съ охотою шелъ въ варницы, и если тамъ за броску дровъ въ печь, за складку дровъ въ полѣнницу или очистку снѣга откуда-нибудь на промыслахъ ничего не давали, то онъ все-таки днемъ не шелъ домой, потому что ему дома бывало скучно, онъ отвыкалъ уже мало по малу отъ дома и считалъ себя большимъ человѣкомъ, почему и не любилъ чтобы его дома ругали. Поэтому часто случалось, что или Степанъ прибѣжить къ Панфилу покурить табачку, погрѣться, или Панфилъ къ Степану убѣжить отъ рабочихъ, которые за что-нибудь хотѣли бить его, или просто повалявать со скуки. А у Панфила новостей или разсказовъ было больше, потому что онъ терся съ людьми, а Степанъ только около лошадей.

Разъ Панфилъ приходитъ къ Степану, который, отъ нечего дѣлать, изощрялся попасть хворостиной въ глаза которой-нибудь изъ пяти лошадей. Увидя Панфила, Степанъ бросилъ хворостинку и подошелъ къ нему. Лошади стали.

— Слышишь, Степанъ, што мужики говорятъ: мы напрасно деньги-то отдаемъ дома.

— А имъ што за дѣло?

— Вы, говорятъ, дураки, ужъ не маленькіе теперь. Сколько, говорятъ, вы не принесите, все возьмутъ, а вамъ ничего не отдадутъ. Не надо, говорятъ, отдавать деньги. Лучше, говорятъ, на сапоги копить.

— Дурены! какъ не отдать-то?

— А ты возьми и не отдай—не дали, молъ... Я дакъ не отдамъ, потому сестра сама большая. Сама замужемъ была, и я ей больше не помощникъ. Вонъ Гриша тоже не живетъ съ нами. А мы, Степанъ, на квартиру пойдемъ.

Степанъ ничего не сказалъ. Онъ задумался. Слова Панфила его точно ошпарили; онъ вытараща глаза смотрѣлъ на метелку, и долго простоялъ въ такомъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока не вывела его изъ оцѣпенѣнія одна лошадь, начавшая чихать. Панфила уже не было въ насосѣ.

Степанъ былъ совсѣмъ сбитъ съ толку своимъ пріятелемъ. Находясь постоянно среди рабочихъ и считая себя тоже рабочимъ, только еще небольшимъ, онъ понималъ все, что творилось вокругъ него; но онъ былъ въ такомъ возрастѣ,

тѣ, въ которомъ легко подчпняются вліанію товарищей и взрослыхъ. Свое ничтожество передъ взрослыми онъ сознавалъ изъ того, что онъ не имѣлъ такой силы, какъ взрослые; взрослый легко могъ стиснуть ему руку такъ, что онъ чувствовалъ сильнѣйшую боль; на многія слова онъ не могъ ничего отвѣчать; не могъ многого сдѣлать такъ, какъ дѣлаютъ взрослые; взрослые ругали его мальчишкою, не позволяли ему дотрогиваться до такихъ вещей, до которыхъ ему не слѣдовало дотрогиваться, умѣряли его любопытство, толкали его оттуда, гдѣ ему, по его лѣтамъ, быть не слѣдовало, теребили за уши, если онъ забирался въ кабакъ и тянулъ изъ рюмки водку. Поэтому отстраняемый всюду, даже въ церкви, на задній планъ, онъ всячески старался добиться того, отъ чего его отстраняли, и старался во всемъ подражать взрослымъ для того, чтобы его не считали мальчишкою. Вообще ему, промышленному мальчику, приходилось переносить много, и надо удивляться живучести его природы.

Въ отцѣ Степанъ видѣлъ домохозяйна, главу, но онъ его насколько не боялся, потому что его не боялась мать, которая, какъ онъ понималъ, держала отца въ ежовыхъ рукавицахъ. Отъ рабочихъ онъ слышалъ, что его отецъ *мояра курица*, которую мать его можетъ загнать куда угодно. Кромѣ этого, онъ слышалъ отъ брата, что онъ незаконный сынъ, что отецъ его другой, и поэтому онъ не имѣлъ особенной любви къ отцу, относясь къ нему какъ къ хозяину. Мать была для него не то: онъ ее всегда видѣлъ дома, мать одѣвала его, давала ѣсть, кричала на него и колотила его, когда онъ ее не слушался. Степанъ не боялся постороннихъ людей, которые его бранили и били; а мать скажетъ слово—онъ боится, чтобы она его не ударила, а станетъ огрызаться, ему же достанется. Изъ ея разговоровъ онъ понималъ, что мать если работаетъ на промыслахъ, прядетъ куделю, ходитъ куда нибудь, то все это она дѣлаетъ для дѣтей. Но видя, какъ рабочіе обращаются съ пожилыми женщинами на промыслахъ, онъ все-таки сознавалъ, что женщина не мужчина, ея власть надъ нимъ неидетъ дальше ея дома, и что поэтому мать его только въ своемъ семействѣ имѣетъ верхъ надъ дѣтьми, но на промыслахъ существо довольно слабое, ничѣмъ не рознящаяся отъ другихъ женщинъ, съ которыми кто хочетъ тотъ и завгрываетъ, которыхъ кто хочетъ тотъ и обругаетъ. Все-таки онъ свою мать уважалъ, и если кто при немъ говорилъ про нее нехорошо, или ругалъ ее, онъ заступался за нее, что очень смѣшило молодыхъ рабочихъ. И сосѣди говорили, что у Ульяновыхъ изъ дѣтей только одинъ Степка покорный, который совсѣхъ ногъ бѣжитъ туда, куда пошлетъ его мать, и относили это къ тому, что онъ былъ лю-

бимецъ Степаниды Власовны. Знакомые Степаниды Власовны говорили, что Степанъ походить лицомъ и манерами на нее. И дѣйствительно, Степанъ, вымывшись въ банѣ и приварядившись, казался очень красивымъ мальчикомъ. Въ характерѣ его было много женственности и онъ былъ мальчикъ, какъ говорили дѣвушки, *завидующий*. Но однакъ, несмотря на то, что зависть свою онъ проявлялъ передъ всѣми родными и любилъ поѣсть сладкаго, онъ каждую копейку отдавалъ матери, и если покупалъ пряникъ, то не зналъ что ему соврать матери, которая знала, сколько Степанъ получаетъ заработка. Такъ было до отъѣзда отца. При прощаніи, въ его голову врѣзались непонятныя слова родителей и сестры; онъ замѣтилъ, что въ семействѣ что-то отъ него скрываютъ. Онъ долго думалъ объ этой сценѣ и ничего не могъ выдумать, а пришелъ только къ тому заключенію, что его отецъ человекъ нехорошій, сестра тоже нехорошая, потому что она что-то сдѣлала нехорошее, коли плакала. Но отчего, спрашивается, ушелъ отецъ? Отчего онъ его не взялъ съ собой, если на золотныхъ хорошо? Отчего отецъ плакалъ и всѣ плакали, когда прощались съ нимъ?.. Ужь не обидѣлъ ли кто его отца? Думалъ Степанъ и старался подслушать, что про него говорятъ рабочіе. Изъ этихъ подслушаній онъ узналъ, что его мать ругаютъ всѣ мужчины за то, что она сама не умѣла беречь денги, когда отецъ имѣлъ большіе доходы; что не тратъ она денги на угощенія своихъ любовниковъ, Елвваръ Матвенчъ не свѣдѣлъ бы понапрасно три года въ лѣсу безъ дѣла, а могъ бы заняться торговлей; что отъ такой сварливой жены поневодѣ побѣжишь куда нибудь. И много-много Степанъ слышалъ отъ рабочихъ. Горько ему было, плакалъ онъ, что обижаютъ его мать, и при первомъ же случаѣ хотѣлъ пожаловаться ей, но въ первые дни мать была очень сердита, къ ней нельзя было и подступиться, ругала его, гнала вонъ, говоря, что теперь ей и самой нечего жрать, не только что еще кормить такую ораву.

— А, мамонька, мои денги... сказалъ Степанъ, думая что онъ этимъ угодитъ матери.

— Ты што меня корашь своими-то денгами? Ахъ ты, мерзавецъ! Онъ только што въ работу поступилъ, а ужъ началъ укорять меня, што я на его денги жаву.

Долго ругалась мать, и даже побила Степана въ этотъ день. Степана это разобидѣло. Ему думалось, что матери не жалко его. Она не понимаетъ того, какъ ему тяжело на работѣ.

Мать день ото дня становилась сердитѣе; если сынъ отдавалъ ей денги, она ругала его, зачѣмъ онъ мало принесъ, что онъ вѣроятно сошелся съ мошенниками, которые обвращаютъ

его. Станетъ возражать Степанъ, мать такъ крикнетъ на него, что онъ вздрогнетъ и не найдетъ, что сказать.

Крѣпко сталъ Степанъ подумывать о томъ, какъ бы угодить матери. Прежде мать по головѣ его гладила, когда отдавалъ онъ ей недѣльный заработокъ; кормила его до сыта; если что ела сладкое, то сама не попребуетъ, а дастъ ему; теперь бьетъ за то, что онъ мало носитъ денегъ, хотя онъ теперь цѣлыми двумя копейками получаетъ больше прежняго, сладкаго ничего нѣтъ, да и хлѣбъ даже покупаютъ съ рынка. Прежде мать заботилась: нѣтъ ли на халатишѣ дыры, цѣлы ли у него ботинки; теперь все разваливается, мать не спрашиваетъ, а поди-ко сунься къ ней, когда она все ворчитъ. Хорошо еще, что сестра кое-какъ заштопаетъ. О Лизаветѣ Елизаровнѣ онъ тоже былъ дурнаго мнѣнія, но она въ послѣднее время стала ему больше нравиться, потому что она съ нимъ разговаривала, играла съ нимъ въ карты, спрашивала его, кормила и заштопывала дыры на халатишѣ и на ботинкахъ; когда сестры и Палагея Прохоровны не было дома, туда хоть не показывайся: ни корни оглоданной не найдешь нигдѣ. Кромѣ этого ему нравилось, то, что она отказалась быть женою Григорія Прохорыча, котораго онъ терпѣть не могъ за его хвастовство и надменность.

Степану мало приводилось работать съ рабочими. Онъ больше находился въ насосѣ около лошадей одинъ или съ какимъ нибудь рабочимъ, который больше молчалъ. Въ такомъ уединеніи у него много было времени думать, къ тому же онъ не былъ охотникомъ гнѣть одинъ пѣсни. И онъ думалъ много. Но главною его думою ежедневно было о томъ, что будетъ изъ него, когда онъ сдѣлается богачемъ и какимъ образомъ ему достигъ до того, чтобы сдѣлаться богатымъ человѣкомъ? Все это онъ развивалъ на разные лады; каждый новый предметъ давалъ ему тему для новыхъ думъ. Лѣтомъ онъ думалъ, что найдеть деньги подъ лодкой, въ которой онъ или кто нибудь перевозилъ состоятельнаго человѣка черезъ рѣку; на эти деньги онъ завелъ бы нѣсколько лодокъ, на которыхъ его семейство стало бы перевозить веслами людей черезъ рѣку дешевле, чѣмъ берутъ на перевозѣ, и такимъ образомъ нажилъ бы много денегъ и изъ нихъ половину бралъ бы себѣ, а половину отдавалъ матери и т. д. Зимой онъ думалъ: хорошо бы заработать деньги на лошадь, которую бы можно было запечь въ воротъ, и тогда онъ сталъ бы получать платы по четвертаку въ день, по праздникамъ бы сталъ на этой лошади возить дрова на варницы и мало-по-малу разжился бы и т. д. И чѣмъ больше казалась ему невыносимъ

мою брань, тѣмъ больше онъ проводилъ время въ думахъ о богатствѣ и даже мало спалъ по ночамъ. А тутъ еще новое горе: промысловая Варька, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, съ которой онъ съ трехлѣтнаго возраста игралъ вмѣстѣ, стала ему нравится болѣе прежнего. Варьку онъ сталъ почему-то бояться, и при мысли о ней по всему тѣлу чувствуется что-то пріятное: такъ вотъ и хочется видѣть ее, сидѣть съ ней и смотрѣть на нее. Ужь онъ ее разъ обнялъ въ чуланѣ, да она его такъ оттолкнула, что онъ лѣвнй локоть сильно ушибъ объ косякъ. А какъ разъ обнялъ, да получилъ тоѣчокъ, захотѣлось и въ другой разъ, только она сказала:

— Не стойшь! Подари мнѣ платокъ съ картинкой, такъ я тебѣ позволю обнимать меня часто. Тогда и я тебѣ варежки подарю.

Задумался Степанъ крѣпко надъ словами своего пріятеля. «Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, если я не стану отдавать денегъ матери или сестрѣ, я накоплю денегъ. Куплю себѣ ботинки, Варькѣ платокъ; Варька мнѣ подаритъ варежки и чулки». Но какъ это сдѣлать? Чтѣ сказать матери, куда деньги спрятать?

По окончаніи работы онъ зашелъ за Горюновымъ въ варницю, тотъ уже спалъ. Ульяновъ разбудилъ его.

— Не пойду. Гришка вонъ тоже не ходитъ, и я не пойду. Не ходи и ты, коли хочешь быть мнѣ товарищемъ, сказалъ Степанъ Панфилу.

Въ первый разъ пришлось Степану ночевать въ варницѣ. Случалось ему спать и въ шалашѣ у отца, и въ лѣсу, и на берегу рѣки, за то онъ спалъ тамъ въ виду матери или съ разрѣшеніемъ ея; теперь же ему пришлось покидать мать и сестру по своему капризу. Но отстать отъ Панфила ему не хотѣлось, рабочіе говорили: гдѣ Степкѣ спать въ варницѣ, онъ ни на шагъ не можетъ отойти отъ матери и спать на перинѣ. Степанъ легъ къ Панфилу, но долго ворочался съ боку на бокъ, и еслибы не ночь, то давно убѣжалъ бы домой.

На другой день ему было очень скучно объ матери и онъ боялся теперь показаться ей. Чѣмъ больше онъ думалъ о своемъ поступкѣ, тѣмъ больше находилъ себя неправымъ, потому что никто, кромѣ матери, такъ не любилъ его раньше. А если теперь она не любитъ, то, можетъ быть, это недолго будетъ продолжаться. Вечеромъ Степанъ направился домой, но Панфилъ попался ему на встрѣчу. Онъ несъ на веревочкѣ двухъ налимовъ.

— Степка! Иди уху хлебать!.. Славная будетъ уха съ лукомъ, съ перцемъ... Славно будетъ! Гуляй, Степка!

У Степки слыни тежи отъ желанія похлебать ухи; ему слышался запахъ рибьаго навара. Онъ уже съ Покрова не ѣдалъ рыбы. Тогда мать некла пирогъ съ сигами, а объ налимахъ онъ только слыхалъ, что они хороши. И онъ пошелъ за Степаномъ.

Панфилъ Горюновъ сирывалъ сегодня свое вступленіе въ товарищество рабочихъ. Хотя рабочіе и не считали его за большаго рабочаго, но такъ-какъ онъ работалъ наравнѣ съ ними то же, что и они, то они и негнушались съ нимъ водить компанію, обѣдать вмѣстѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже *замѣлись* имъ, т.-е. просили его, въ случаѣ отсутствія товарища, замѣнить того, за что онъ, кромѣ спасибо, ничего не получалъ пока. Товарищество состояло въ томъ, чтобы работать вмѣстѣ, въ случаѣ утайки кѣмъ-нибудь какой-нибудь промысловой вещи всѣмъ молчать, хотя бы при этой утайкѣ не было произведено между товарищами ниваго дѣлажа, не выдавать товарища, если онъ почему-нибудь ушелъ изъ варницы съ полъ-дня или съ полъ-ночи, а требовать чтобы ему была положена плата какъ и всѣмъ за полное число урочнаго времени. Товарищество составляли большею частью друзья, и поэтому въ компанію къ нимъ попасть было нелегко. Панфилъ же попалъ потому, что онъ былъ мальчишкѣ бойкій, *вострый* на словахъ, умѣлъ угождать всѣмъ, раза два уже обругалъ зрителя и тотъ ничего не сдѣлалъ за это мальчишкѣ, потому что не нашелъ, что возразить на его рѣзкія замѣчанія. Особенно же рабочимъ нравилось то въ Горюновѣ, что онъ отказался жить съ сестрой и стало быть будетъ имѣть деньги, которыми легко можно будетъ имъ позанимствоваться отъ него. Рыбу же Панфилъ досталъ довольно снѣло. Напротивъ амбара, недалеко отъ берега, онъ замѣтилъ утромъ какого-то мужчину, вытаскивающаго изъ маленькой проруби палку, потомъ какую-то плетушку. Это его заняло. Онъ подошелъ къ нему и узналъ, что мужчина становитъ морды и снасти, которыми ловить рыбу. Вотъ вечеромъ Панфилъ и пошелъ ловить рыбу. Морду онъ не могъ поднять, а бичевка съ верхковыми крючками была такъ велика, что онъ ее едва на четверть вытащилъ изъ дыры и могъ только снять съ крючковъ двухъ налимовъ. И тутъ съ нимъ чуть не случилась бѣда: одинъ крючокъ зацѣпилъ за халатъ, его стало тянуть въ дырѣ, ладно, что онъ ножикъ взялъ съ собой и обрѣзалъ бичевку и потомъ схватилъ бичевку съ налимами, пустился бѣгомъ къ варницамъ, потому что услыхалъ недалеко отъ себя крикъ рыболова, который хотѣлъ его побить. На промыслахъ онъ былъ въ безопасности, потому что туда рыболовъ идти побоялся бы.

Уху хвалили всѣ, несмотря на то, что къ ней не доставало

водки. Степанъ ѣлъ съ жадностію, и послѣ ужина у него прошла охота идти домой.

Такъ прошло до субботы. Въ субботу ребята задумались: гдѣ имъ выпариться и гдѣ провести воскресенье. Утромъ Панфиль высказалъ это затрудненіе товарищамъ. Тѣ тоже призадумались.

— Въ банѣ выпариться безпремѣнно надо и рубаху надо тоже попарить, да вымыть надо... У насъ-то нѣту бань, сами паримся гдѣ попало, а вамъ ребятнишкамъ и подавно негдѣ... Мы пожалуй съ собой возьмемъ, только вуды послѣ бани вамъ дѣваться? Вѣдь не все же на промыслахъ быть? Вѣдь бываетъ же и свиньѣ праздники.

Такъ рабочіе вопросъ о томъ: гдѣ провести ребятамъ праздники, ничѣмъ не рѣшили.

Въ субботу была работа и женщинамъ на промыслахъ. Какъ водится, тамъ были Лизавета Елизаровна съ матерью и Целагея Прохоровна. Степанида Власовна поработала немного и пошла розыскивать сына.

— Варвары! Въ добрую землю видно вошелъ! кричала она на Степана.

Степанъ молчалъ.

— Съ этакихъ лѣтъ отъ дому сталъ лыгать (бѣгать). Гдѣ ты былъ?

— Здѣсь!

— Врешь! Не повѣрю!

— Я, мамонька, не пойду больше домой. Мнѣ и здѣсь хорошо.

Мать разразилась ругательствомъ, но на нее прикрикнулъ рабочій.

— Што кричишь-то! Только парня-то отъ дѣла отнимаешь. И такъ уже чуть не всѣ жилы изъ него вытянула, проговорилъ онъ вслухъ и оттолкнулъ ее отъ носа.

Степанида Власовна пошла жаловаться на рабочихъ смотрителю, что они совсѣмъ развратили Степу, и просила его заступиться за нее, то-есть отодрать его хорошенько сейчасъ же при ней, какъ это было прежде.

— Не могу. На то есть полиція.

Степанида Власовна заплакала и повлонила смотрителю въ ноги, прося его выдать ей заработокъ за Степана.

— Ты, матушка, сама въ состояніи робить! Отъ тебя и теперь разить водкой.

И смотритель вытолкалъ отъ себя Степаниду Власовну.

Степанида Власовна не унялась, а пошла въ полицейскому на-

чальству, которое отказалось наказать розгами ея сына, но дало ей бумагу, чтобы заработную плату сына ея Степана выдавали ей.

Смотритель позвалъ къ себѣ Степана и объявилъ ему о продѣлкѣ его матери. Степанъ стоялъ блѣдный, молчалъ.

— Не ты первый... Эти пьяныя бабы меня совсѣмъ сбили съ толку, и я не знаю, какъ помочь тебѣ... Если я всѣмъ стану помогать, самому придется голодомъ сидѣть! А супротивъ полиціи я ничего не могу сдѣлать, потому наши порядки съ ея порядками не сходятся.

Вечеромъ Степанида Власовна получила за Степана деньги за всю недѣлю, такъ-какъ Степанъ работалъ всю недѣлю на одномъ мѣстѣ. Рабочіе ее стыдили; уговаривала ее и Лизавета Елизаровна не брать деньги, если Степанъ не хочетъ ихъ отдавать имъ для хозяйства; плакалъ Степанъ, — ничто не помогло. Степанида Власовна ушла съ деньгами.

— А вѣдь, ребята, съ ней ничего не сдѣлаешь. Она мать! говорили рабочіе.

— Да парню-то отъ этого не легче!... Надо бы его пристроить куда-нибудь.

— Кто станетъ даромъ кормить?... Слушай, Степка... Твоя мать беретъ за тебя деньги, значить, полиція думаетъ, што она живетъ на твой счетъ и семью кормить... а всѣмъ теперь, послѣ Елизара, извѣстно, што кормитесь вы Лизкой. И дуракъ ты будешь, если не станешь требовать свое... Ступай домой хозяиномъ. Знать, молъ, не хочу; давай мнѣ мое; одѣвай, обувай меня, проговорилъ одинъ рабочій.

— Хоть бы кормила, и то ладно, замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

Настроенный такимъ образомъ рабочими, Степанъ пошелъ домой съ сестрою, Панфиломъ и Пелагеею Прохоровною, которая говорила, что хорошо онъ дѣлаетъ, что не живетъ дома, потому что ее и такъ корятъ Степанида Власовна угломъ. И еслибы она, Пелагея Прохоровна, имѣла больше заработка, то ушла бы на другую квартиру, да и теперь живетъ только потому, что ей веселѣе съ Лизаветой Елизаровной.

Степаниды Власовны дома не было. Она пришла уже въ то время, когда всѣ выпаридись въ банѣ, и пришла пьяная, но впрочемъ недолго и, свалившись на полъ, скоро заснула. Лизавета Елизаровна пощупала карманъ въ сарафанѣ Степаниды Власовны, ничто не брякало.

— Какъ есть всѣ уходила! сказала она съ горестью.

Вскорѣ легли спать всѣ обитатели этой квартиры, и черезъ полчаса, какъ погасили лучину, въ избѣ настала тишина, пре-

риваемая храпомъ Степаниды Власовны. Не спали только Пелагея Прохоровна и Степанъ, но оба они, занятые своими мыслями, думали, что спать всѣ.

Вдругъ Пелагея Прохоровна, спавшая на кровати рядомъ съ Лизаветой Елизаровной, услышала, что кто-то слѣзъ съ печки и подошелъ къ Степанидѣ Власовнѣ. Немного погодя что-то стукнуло подъ лавкой. Пелагея Прохоровна задрожала, встала и легонько подошла къ столу, на которомъ она ушупала спички. Она чиркнула спичкой, спичка зажглась и въ этотъ моментъ она увидѣла Степана, подымавшаго руки вверхъ съ топоромъ. Въ тотъ моментъ, какъ освѣтило избу, топоръ выпалъ у Степана назадъ его и попалъ на голую ногу Пелагеи Прохоровны, но къ счастью не остріемъ, а обухомъ.

Пелагея Прохоровна схватила за руки Степана.

— Што ты дѣлаешь, разбойникъ! крикнула она въ испугѣ.

— Ничего... Пусти... боролся Степанъ.

— Лиза! Помогни мнѣ.

— Што такое? проговорила въ испугѣ Лизавета Елизаровна.

— Братчикъ-то твой...

Лизавета Елизаровна вскочила, зажгла огня на лучину и увидела: Пелагея Прохоровна борется съ Степаномъ, который старался вырвать свои руки изъ рукъ Мокроносовой, а ртомъ старался достать или локоть, или плечо ея, чтобы укусить.

Увидя топоръ, Лизавета Елизаровна крикнула и съ ней сдѣлалось дурно.

Въ это время проснулся Панфилъ и открыла глаза Степанида Власовна.

Степанъ вырвался и выбѣжалъ изъ избы.

Пелагея Прохоровна подняла топоръ.

Степанида Власовна присѣла, оглядѣлась, потомъ выбѣжала на дворъ и закричала:

— Караулъ!.. рѣжутъ!..

На ея крикъ сбѣжались хозяева, и узнавъ отъ нее, въ чемъ дѣло, хотѣли идти спать, потому что на нее не стоило обращать вниманія, но вышла Пелагея Прохоровна и стала звать хозяйку на помощь Лизаветѣ Елизаровнѣ, которой съ испугу сдѣлалось дурно.

Хозяинъ, узнавъ о покушеніи на жизнь матери Степаномъ, никакъ не хотѣлъ превратить это дѣло, и какъ его ни украшивали Мокроносова, Горюновъ и Лизавета Елизаровна не разглашать о немъ, онъ, для своей безопасности, созвалъ двухъ сосѣдей въ квартиру своихъ жильцовъ и утромъ заявилъ полиціи.

Лизвета Елизаровна къ утру выкинула мертвого ребенка. Къ утру же розыскали Степана и посадили въ полицію, гдѣ онъ сказалъ, что хотѣлъ убить мать за то, что она отняла у него заработокъ.

XII.

Голодные дни.

Степанида Власовна два дня ходила по селу, какъ онаглѣлая. На нервныхъ порахъ ей такъ и казалось, что весь свѣтъ вооружился противъ нея. Ужъ если ея родной сынъ, ея любимецъ, поднялъ на нее руку, что можно ждать ей отъ чужихъ? Она не хотѣла себѣ вѣрить, что она сама своими глазами видѣла сына! Но его держала за руки ея жиличка, Пелагея Прохоровна; дочь ея выкинула отъ испуга; сынъ въ глаза сознался ей въ преступленіи. Много слезъ пролила Степанида Власовна наединѣ и при людяхъ, жалуясь на то, что она самая несчастная въ селѣ женщина. Поступокъ Оглоблиной въ сраненіи съ поступкомъ ея сына, по заключенію Степаниды Власовны, былъ капля въ морѣ: Оглоблиной она могла сдѣлать вредъ, могла ее срамить какъ ей хотѣлось, но сынъ... сынъ, котораго она любила, на котораго возлагала большія надежды, ея родной сынъ поднялъ на нее руку... Слыханное-ли дѣло въ селѣ? Она никакъ не могла понять, что за причина, что сынъ поднялъ на нее руку? Что бы онъ выигралъ, убивъ мать свою? Ужъ ему острога не миновать, какъ онъ ни скрывайся. Развѣ ему жизнь надобна въ селѣ? «Я не держала; иди хоть на всѣ четыре стороны; я бы держать не стала... Отчего бы ему не сказать мнѣ: я, молъ, не хочу отдавать тебѣ деньги, и я бы ничего... Стала бы собирать Христа-ради и прокормила бы какъ нибудь ребятшекъ...» Такъ говорила Степанида Власовна всѣмъ спрашивавшимъ ее съ удивленіемъ объ сынѣ, стараясь услышать отъ нихъ сочувствіе, жалость въ ней, всѣми обиженной. Но они говорили одно: сама, матушка, виновата; ты сама довела до того сына, што онъ поднялъ на тебя руку. Отчего наши дѣти не поднимаютъ на насъ рукъ? А вѣдь и наше-то житье не барское!

Теперь Степанида Власовна уже не ругалась дома, гдѣ она проводила большую часть времени, потому что ей тяжело было показываться въ селѣ, гдѣ она какъ будто чувствовала себя оплеванной. Напротивъ, она старалась держать себя дома хорошею хозяйкою, доброю матерью. Она теперь уже не бранила и дочь за то, что та выкинула младенца, а заботилась о томъ,

чтобы та выздоровѣла, сообщала ей результаты своихъ походовъ на счетъ продажи коровы, на счетъ слуховъ про Оглоблину, которая, какъ она узнала отъ прѣзжающихъ на рынокъ изъ деревень вѣстьянъ, торгуетъ въ городѣ калачами, приниками и орѣхами; сдѣлалась ласкова и съ Пелагеей Прохоровной, которая спасла ее отъ смерти. Все это удивляло молодыхъ женщинъ, и онѣ не знали, къ чему отнести такую переимѣну въ Степанидѣ Власовнѣ.

Недостатки Ульяновыхъ увеличились еще болѣе. Это Степанида Власовна видѣла и особенно ощущала при наступленіи Пасхи. И она рассказывалась теперь въ томъ, что послѣ отъѣзда мужа тратила понапрасно время на нанесеніе оскорбленій Оглоблиной, пропивала почти половину заработка Степана. Хоть бы польза была изъ этого, думала она. Хотя Оглоблиной и нѣтъ теперь въ селѣ, но ей-то отъ этого нелегче. У нея нѣтъ своего дома, неначто купить даже льну, для того, чтобы изъ него извлечь какую нибудь выгоду, и стало быть неначто купить хлѣба. А теперь еще Никита и Марья захворали, нужно звать лекарку, ей нужно платить... Сбирать Христа-ради совѣстно, потому что у нея есть взрослая дочь, которая одна въ состояніи своими заработками прокормить цѣлое семейство. Но и дочь расквoralась. Иныя женщины такъ на третій день послѣ родовъ въ силахъ работать, а Лизавета Елизаровна вотъ уже цѣлый мѣсяцъ съ кровати не встаетъ, худѣетъ, ничего не ѣстъ. Ходила Степанида Власовна даже къ доктору посоветоваться на счетъ болѣзни дочери, да докторъ ее не принялъ. Ходила Степанида Власовна и къ начальству разному, проси его выпустить Степана, потому что она прощаетъ его поступокъ и не желаетъ, чтобы его судили, надъ ней посмѣялись и сказали ей, что теперь она надъ сыномъ не имѣетъ уже никакой власти, потому что онъ находится въ рукахъ правосудія.

Походить-походить Степанида Власовна по селу, поищеть во многаяхъ домахъ работы, нигдѣ нечего ей дѣлать. Куда ни придетъ—вездѣ удивляются, что она ищетъ работы, тогда какъ иную женщину не скоро заманишь на работу въ какой-нибудь домъ, потому что женщины любятъ только носить соль, отчего, вѣроятно, въ богатыхъ семействахъ и выработалась поговорка: «тяжела на подъемъ какъ солоноска». Да и что ей работать на домахъ? Богатыя семейства имѣютъ прислугу большею частію изъ двушекъ, которыхъ держатъ изъ-за хлѣба; бѣдныя дѣлаютъ все сами. Въ одномъ мѣстѣ ее, впрочемъ, заставили вынуть полъ, хозяйка послѣ обѣда шаль потеряла, Степаниду Власовну свели въ полицію. Шаль нашлась, и Степаниду Вла-

совну выпустили. Въ другомъ мѣстѣ заставили бѣлье стирать, да увидала хозяйка, что Степанида Власовна не умѣетъ стирать бѣлье, прогнала ее, не заплативъ за потраченное время ни копейки. Придетъ она домой усталая, задумается. Дѣти стонуть, дочь лежитъ исхудалая.

— Господи помилуй! Господи помилуй! шепчетъ съ отчаяніемъ Степанида Власовна и посмотритъ на дочь.

«Неужели она помереть?» спрашиваетъ сама себя Ульянова.

Возьметъ прялку, на прялкѣ замотанъ ключекъ кудели, и положитъ назадъ прялку.

И только одна Пелагея Прохоровна спасала эту семью отъ голодной смерти.

Пелагеѣ Прохоровнѣ давно опротивѣла здѣшняя жизнь. Не разъ приставали къ ней мужчины съ любезностями, не одинъ уже дѣлалъ ей предложенія «скоротать съ нимъ жизнь». Ото всѣхъ она отдѣлывалась или молчаніемъ или рѣзкими возраженіями, за что ее и стали всѣ звать гордячкой; а такъ-какъ она ни съ кѣмъ компаніи не вела, то преимущественно женщины стали считать ее женщиною злою, старающеюся только о своей пользѣ, и смѣялись надъ тѣмъ, какъ она цѣлый день носила соль одна; если же отъ устатка она прислонялась къ стѣнѣ или садилась, ей говорили, что она лѣзнится, что если она своимъ усердіемъ хочетъ выслужиться передъ зрителемъ и получить какънибудь больше денегъ, то не должна присѣдаться и прислоняться къ стѣнѣ. Мало этого, про нее стали говорить, что она мѣтитъ попасть въ любовницы приващика, который постоянно на нее заглядывается и одинъ разъ даже передалъ ей лишній гривенникъ по тому поводу, какъ онъ самъ сказалъ при возвращеніи этого гривенника Пелагею Прохоровною ему, что ему угодно сдѣлать ей презентъ. Наконецъ женщины стали отталкивать Пелагею Прохоровну отъ дверей варницы для того, чтобы она не попала въ солоноски. Но Пелагея Прохоровна, къ удивленію женщинъ, все-таки попадала въ солоноски, но за то ей приводилось много выслушивать отъ нихъ и брани и насмѣшекъ. Все это тяжело было переносить Пелагеѣ Прохоровнѣ; она проклинала тотъ день, въ который согласилась идти съ дядей изъ города, и давно ушла бы изъ села обратно въ городъ, еслибы не было холодно. Кромѣ холода ее удерживало то, что Короваевъ хотѣлъ извѣстить ее о своемъ житьѣ въ М... заводѣ, и она дождалась чуть не каждый день вѣсти объ немъ, да и Григорій Прохорычъ, ушедшій туда же черезъ двѣ недѣли послѣ признанія Лизаветы Елизаровны, хотѣлъ написать ей подробно о тамошнемъ житьѣ, и если найдетъ Короваева, то и объ немъ. Но

ни Короваевъ, ни братъ ничего ей не писали; ни объ нихъ, ни объ дядѣ не было никакого извѣстія, точно они въ воду канули.

— Всѣ они обманщики: они только о себѣ заботятся. Ишь куда завели меня! Это они нарочно завели меня сюда, чтобы я имъ не мѣшала, чтобы избавиться отъ лишняго человѣка. Такъ погодите же! Дождусь я лѣта, и сама пойду искать себѣ счастья. Ужъ не поклонюсь я вамъ! Мой дѣдушко тоже никому не кланялся, самъ въ люди вышелъ: съ нашимъ господиномъ въ Петербургѣ жилъ, и еслибы не набѣдокурилъ тамъ, не это бы было съ нами. Будете вы помогать, чтобы я потомъ по вашей дудкѣ пѣсни пѣла, да ужъ поздно. А што Короваевъ злой человѣкъ, это изъ того видно, што онъ и дядю моего сюда затащилъ и разошелся съ нимъ на другой же день. Ужъ еслибы онъ захотѣлъ жениться на мнѣ, могъ бы съ кѣмъ нибудь грамотку послать: «хорошо ли, худо ли ему».

Такъ думала Пелагея Прохоровна, и твердо рѣшила лѣтомъ невремѣнно идти опять въ тотъ же городъ, въ которомъ она жила раньше. «Говорять, городовъ много на свѣтѣ, только въ разныхъ мѣстахъ разные порядки. А въ этомъ городѣ порядки мнѣ знакомы; у меня есть тамъ знакомые и я скоро попаду на мѣсто, и Лизаветѣ можно тамъ скорѣе найдти мѣсто. Ну, а если не понравится тамъ, накоплю денегъ и дальше пойду: не все же и тамъ злые люди живутъ».

На заработанные деньги Пелагея Прохоровна сперва покупала муку, крупы и мяса; но трудно было сводить концы съ концами, то-есть рассчитать такъ, чтобы денегъ достало до работы; и потому она стала отгазывать себѣ въ мѣсяцъ и рубль тянула на полторы недѣли; Степанида Власовна, получивъ деньги, съ своей стороны старалась что нибудь состряпать, сварить, но Пелагея Прохоровна удерживала ее, говоря:

— Мы, Степанида Власовна, не померли же и съ рѣдьями да хлѣба. А безъ горохова-то кисели проживемъ.

— Полно-ко толковать-то! Мнѣ развѣ не обидно, што ты насъ кормишь!

— А ты не трать деньги на кисели да на ватрушки, — глядишь, дня три и впереди.

Степанида Власовна такъ и не пекла и ничего не варила. Только тогда и варились щи, когда Панфиля приносилъ самъ мяса.

Панфиля двумя жилъ на промыслахъ, зарабатывая отъ десяти до двадцати коп. На хлѣбъ у него выходила половина этой суммы, а если ему удавалось украть рыбы, то его угощали и хлѣбомъ. Въ двѣ недѣли онъ могъ наконецъ отъесть немного де-

деньгъ, которыя и ушли на покупку большихъ старыхъ сапоговъ, ховяныя которыхъ уже не нуждался въ нихъ, такъ-какъ получивши порядочный заработокъ, купилъ себѣ другіе; но и эту обнову нужно было починить, и Панфиль опять конилъ цѣлую недѣлю деньги на починку сапоговъ, а остатокъ употребилъ на угощеніе своей сестры въ воскресенье. Рабочіе удивлялись терпѣнію молодого Горюнова, называя его желѣзнымъ человѣкомъ, старались выпросить у него денегъ, приглашали его пить по вечерамъ въ трактирахъ чай, но Горюновъ денегъ не давалъ никому съ той коры, какъ его обманули двое рабочихъ: они обѣщали отдать ему долгъ при полученіи расчета, но тогда къ нимъ явились другіе кредиторы, которымъ они были должны давно, и не пять и не десять коп. Впрочемъ, Панфиль не отказывался отъ посѣщенія харчевень; ему, напротивъ, нравилось бывать тамъ, гдѣ происходили оживленные споры, ссоры, а иногда и драки. Тамъ онъ садился въ уголъ и изъ угла вслушивался въ разговоры рабочихъ, которые ставили послѣднюю копейку ребромъ, хвастаясь тѣмъ, что у нихъ, благодаря Бога, руки здоровы и они впередъ могутъ заработать и больше этого. Ему нравилось слѣдить за хозяйномъ харчевни или хозяйкой или подручнымъ, какъ тѣ наливали неполныя рюмки водки, присчитывали на носѣтителей деньги. Его удивляло то, что эти семейные рабочіе почти все свободное время проводятъ въ питейныхъ домахъ, носѣщая непременно одинъ какой-нибудь кабакъ или одну харчевню, пропиваютъ иногда свои халаты, сапоги, жалуются въ то же время на обманъ начальства и на судьбу, обременившую ихъ большими семействами, отъ котораго дома нѣтъ никакого покоя. Въ этихъ заведеніяхъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ еще то, что сельскіе уроженцы хвастались передъ пришлыми своею удалью, смышленностью и какимъ-то благородствомъ; они ненавидѣли пришлыхъ за то, что тѣ отнимаютъ у нихъ заработокъ, и дашь только въ кабакѣ или въ харчевнѣ сойдутся пришлые съ коренными, быть дракѣ, которая впрочемъ закончивается тѣмъ, что одна сторона нибудь стерпѣно угощаетъ другую. Мало этого; Горюновъ замѣтилъ, что и коренные не живутъ въ ладахъ. Не говоря уже о томъ, что въ кабакахъ происходятъ драки между рабочими разныхъ варницъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ, — и въ домахъ на именинахъ или въ праздники, когда рабочіе идутъ въ гости въ ту часть села или въ то село, гдѣ прадедушка сидѣлъ на первомъ престолѣ, и тамъ дѣло безъ драки не окончивается, хотя и начинается дружбою. Поэтому немудрено, что Панфила, неугоднаго никому ничѣмъ, а вурлакаго табаку

на чужой счет и не пречъ выпить на чужой счет пива, браги или водки, крѣпко недолюбливали рабочіе, и когда дѣло доходило до ссоры и драки, его востеянно выгоняли. Панфилъ ничего не могъ поддѣлать съ пьяными; защитниковъ за него не было даже изъ среды тѣхъ, съ которыми онъ работалъ вмѣстѣ, потому что въ компаніи всѣмъ хотѣлось разбѣсить заводскаго выродка, который стихи сочиняетъ, то-есть думаетъ; но на другой день, когда рабочіе являлись на работы съ большими головами, онъ все накипѣвшее въ немъ за ночь зло старался вымѣстить на нихъ.

— Што, пьяная рожа! Болить голова-то. Опохмѣляться хошь! И Панфилъ показывалъ рабочему пятакъ.

Рабочій впивался глазами въ монету и чесалъ голову.

— Што, небось, пропишь всѣ деньги! Ишь женины башмаки надѣлъ...

— Молчи!... Убью!! У! штобъ тѣ околѣты! ругался рабочій, и видался на Горюнова; но тотъ убѣгалъ.

Немного погода Горюновъ опять дразнилъ рабочаго:

— Хошь опохмѣлиться?

Рабочій молчитъ.

— Трещить голова-то? И Горюновъ приготовлялся бѣжать, слѣдя за движеніемъ членовъ его врага.

— Послушай...

— А ты возьми да скушай! И Горюновъ отвертывался или бѣжалъ, смотря по тому, замахивался ли на него врагъ, или бросался къ нему.

Случалось, Панфилъ покупалъ водки косушку, разбавляя ее водой и насыпая въ посуду для крѣпости немного махорки. Въ этомъ случаѣ онъ показывалъ склянку.

— Видишь?

Рабочій подходилъ къ Горюнову и хотѣлъ вырвать склянку, но тотъ отвертывался.

— Вода! говорилъ рабочій, не вѣря мальчишкѣ.

— Понюхай!

— Да дай въ руки...

— Нѣтъ, ты изъ моихъ рукъ понюхай.

Рабочій нюхалъ.

— Доволенъ ли?

— Панфилъ Прохоричъ!... А... Дай... чуточку! И рабочій начиналъ плевать.

— А! Тутъ дакъ Панфилъ Прохоричъ!... А вчера кто меня вытолкалъ?

— Не буду. Пьянъ былъ... Все тебѣ отдамъ, — дай испить.

Но Горюнову было невыгодно отдать склянку одному рабочему. Онъ начиналъ травить двухъ или трехъ рабочихъ, и отдавъ имъ склянку, получалъ за нее хлѣба, котораго и доставало ему дня на два, на три.

Деньги онъ хранилъ въ извѣстномъ только ему одному мѣстѣ, потому что при себѣ ихъ имѣть было опасно, такъ-какъ рабочіе въ вечеру всегда приставали къ нему, а ночью нерѣдко онъ просыпался отъ производившихся къмъ нибудь обысковъ въ его одеждѣ.

Въ субботу онъ забиралъ остатокъ денегъ, бралъ одно или два толстыхъ полѣна, которыя обвязывалъ веревкой и несъ на плечѣ до квартиры Пелагеи Прохоровны. И если онъ шелъ рано, то заходилъ на рынокъ и покупалъ муки и мяса. Приходу его всѣ были рады не потому, что онъ былъ рѣдкій гость, но съ его приходомъ появлялись щи, и воскресенье проводилось весело. Если же и въ воскресные дни случались работы въ варницахъ, то Горюновъ не пропускалъ и этихъ дней, и тогда отдавалъ деньги сестрѣ на кушанье, и шелъ на работу, надѣясь получить за нее вдвое больше, чѣмъ въ будни.

Первые дни Пасхи Пелагея Прохоровна и Григорій Прохорычъ провели вмѣстѣ. Какъ у всѣхъ православныхъ, и у нихъ былъ сыръ и состряпанъ куличъ на заработанныя деньги Степаниды Власовны, Горюнова и Мокроносовой. Лизавета Елизаровна начала поправляться, такъ что могла ходить по избѣ, и подумывала послѣ Пасхи выйдти на промысла, но она все-таки была слаба.

На третій день Пасхи нашимъ пріятельницамъ опять-таки нечего было ѣсть. Всѣ, кромѣ Лизаветы Елизаровны, пошли искать работы, но на промыслахъ работы не было, потому что начальство только что раскучивалось. Рѣшено было общимъ совѣтомъ, во что бы то ни стало, продать корову, которая еле двигала ногами, но за нее давали мало, потому что время было такое, что ни у кого не было денегъ. Кое-какъ продали ее за пять рублей. Но когда появилось столько денегъ, Степанида Власовна, первымъ долгомъ, отправилась въ кабакъ ихватила водки, до которой она уже давно не дотрогивалась, а выпивши водки пошла на рынокъ и купила двѣ пары ботанокъ—себѣ и Лизаветѣ Прохоровнѣ и опять сириснула эту обнову, такъ что домой пришла пьяная и принесла всего только два рубля.

Пелагея Прохоровна высказала ей свое неудовольствіе.

— Будто ты никогда не имѣла большихъ денегъ? Никитка помираетъ, а ты пьешь. Не сама ли ты жалѣла, што мы напрасно купили поросенка?... А тутъ какъ добралась до воды и напилась.

— Виновата... Мои деньги, потому и выпила.

— Придется, вѣрно, мнѣ уйдти отъ васъ.

— И съ Богомъ, матушка. Хоть сейчасъ. Эдакое вѣдь со-
кровище!

И Степанида Власовна долго ворчала, высказывая то, что она сама себѣ укащикъ и очень будетъ рада, если Пелагея Прохорова уйдетъ отъ нее; что вся эта бѣдность происходитъ отъ нее, такъ-какъ раньше съ Ульяновыми еще не случалось такой напасти. Но утромъ Степанида Власовна стала извиняться передъ Пелагеей Прохоровной, прося ея забыть все то, что она наговорила пьяная, и даже отдала всѣ деньги на храненіе Пелагеѣ Прохоровѣ.

Трудно было Пелагеѣ Прохоровнѣ придержать деньги. Степанидѣ Власовнѣ было скучно, и она къ вечеру же стала просить у нее десять коп. на куделю. Кудели не купила, а пришла домой выпивши, а такъ-какъ она не была пьяна, то ей было совѣстно передъ Пелагеей Прохоровной и она молча легла спать. На другой день она выпросила тридцать коп. на ленъ, сказавъ, что она куделю забыла у какой-то женщины. Панфилъ вызвался сестрѣ — слѣдить за Ульяновой, и часа черезъ два вернувшись домой, сказалъ, что Степанида Власовна дѣйствительно заходила въ одну лавку, но оттуда вышла безъ льна, и потомъ, купивъ два валача, отправилась въ харчевню. Домой она пришла на другой день, немного выпивши, и подавая Пелагеѣ Прохоровнѣ и Лизаветѣ Елизаровнѣ крендельки, сказала:

— А льну-то я опять не купила: попалась мнѣ Безукладникова и говорить: мнѣ богата стала, нѣтъ штобы должно отдать. Ну, я взяла и отдала.

Обѣ женщины промолчали и молили Бога, чтобы скорѣе прошли праздники.

Сосѣди тоже узнали, что у Ульяновой появились деньги, и отъ нихъ отбою не было: одна пресила гривну, другая крупы чашку, третья сѣна и т. д. Тѣ, которые пришли раньше другихъ, получили немного денегъ, а отъ другихъ стали заперать двери, потому что денегъ на шестой день Пасхи осталось только двѣ копейки.

На восьмой день умеръ Никита.

XIII.

Письмо и вѣсти съ присковъ.

Смерть Никиты опечалила все семейство. Всѣ бѣгали по селу, какъ урорѣды: Степанида Власовна хлопотала о томъ, чтобы схоронить его даромъ. Но куда она ни приходила, — всѣ отъ гробовщика до могильщика отказывались оказать какую-нибудь помощь безъ денегъ, ссылаясь на свою бѣдность и на то, что теперь мретъ мало народа. Другое дѣло, еслибы мальчишка померъ весной, когда больше мретъ взрослыхъ, тогда можно было бы отъ обрѣзковъ сколотить гробъ для мальчишки и за однимъ уже отпѣть даромъ и по пути вырыть для него яму. Пелагея Прохорова ходила къ начальству, прося его о пособіи, но оно свазало, что мальчишка ничѣмъ не займилъ себя такимъ, чтобы на похороны его можно было ассигновать отъ управленій какую-нибудь сумму; къ тому же мальчишка не важная особа; другое дѣло, еслибы онъ былъ сынъ какого-нибудь смотрителя или хоть писаря, тогда можно бы выдать родителямъ пособие. Успѣшнѣе были хлопоты Панфила Прохорыча. Хотя онъ былъ и не очень краснорѣчивъ, но все-таки сумѣлъ убѣдить рабочихъ въ томъ, что Ульяновой нечѣмъ хоронить сына. Рабочіе поворчали, поворчали и все-таки отъ помощи не отказались: одинъ сколотилъ изъ старыхъ досокъ гробъ, другой вызвался ему выкопать могилу, при чемъ безъ драки съ кладбищенскимъ сторожемъ дѣло не обошлось, а на похороны пожертвовали кто сколько могъ: кто копейку, кто грошъ.

Схоронили Никиту. Въ квартирѣ точно не доставать кого стало. Давно уже въ ней никто не хохоталъ громко, а теперь и разговаривали не громко: всѣхъ словно что-то давило.

— Что это, какъ долго нѣтъ нынче работы? Ахъ, какъ бы я рада была, еслибы только поскорѣе открылась для бабъ работа. Я бы и ледь колоть пошла на рѣкѣ, говорила Лизавета Елизаровна.

— А я все думаю: куда бы мнѣ пристроить Марью. Ужъ я давно хожу по селу, никому не надо. Ужъ я бы даромъ отдала, говорила Степанида Власовна.

— Конечно, нужно отдать даромъ, только я бы не совѣтовала тебѣ отдавать, потому я и Лизавета пойдемъ въ городъ.

— Куда, въ городъ?

— Ужъ это мое дѣло. Въ городѣ гораздо будетъ лучше, по-

тому что тамъ, по крайней мѣрѣ, будемъ сыты и квартира будетъ теплая.

— Въ самомъ дѣлѣ!... И отчего это ты мнѣ раньше не сказала? А далеко?

Пелагея Прохоровна сказала и объяснила, почему она дожидается лѣта.

— Я бы давно ушла, только подумай: могу ли я, ободранная и босая, идти... А лѣтомъ мы туда всегда найдемъ попутчиковъ... Однихъ богомольцевъ сколько ходить по большой дорогѣ, только бы выйдти на нее.

— Такъ и я съ вами пойду. Только, какъ съ Марьей-то?

— Надо весны дожидаться. Вотъ, какъ будутъ грузить коломенни, тогда мы накопимъ деньги. Только ты, мамоньга, ради Христа, не пей.

— Вотъ-тѣ Христось! провалиться мнѣ, чтобы я стала пить.

— А Машу мы тамъ можемъ легко пристроить. Тамъ она можетъ мастерству обучиться.

— Дай-бы, ты, Господи!

И всѣ стали ждать тепла; даже Маша надоѣдала всѣмъ, спрашивая: а скоро ли мы пойдемъ далеко-далеко?...

Панфиль одобрялъ эти намѣренія и разсказалъ сестрѣ, что онъ въ городъ ни за что не пойдетъ и что онъ уже надумалъ идти въ М. заводъ, и только дожидается лѣта, когда онъ можетъ даромъ доплыть дотуда съ барками.

Пелагея Прохоровна задумалась.

Панфиль Прохоричъ не говорилъ ей раньше о своемъ намѣреніи идти туда же, куда ушелъ Коровяевъ и Григорій Прохоричъ. Она думала, что М. заводъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ ей извѣстныхъ заводоѡ, и хотя нерѣдко ей приводилось слышать похвалы о М. заводѣ, куда будто бы со всѣхъ сторонъ стекаются рабочіе, потому что тамъ производится какіе-то свѣшныя постройки, но Пелагея Прохоровна замѣчала, что тѣ, которые говорили объ этомъ, не трогались съ мѣста, а жили попрежнему въ селѣ, и ей казалось, что эти люди говорить объ этомъ для того, чтобы соблазнить молодежь и проститыхъ людей. Пелагея Прохоровна любила Панфила за то, что онъ не грубилъ ей и всегда старался ей чѣмъ-нибудь угодить; въ городѣ онъ навѣщалъ ее чаще Григорія и иногда приносилъ даже лакомства. Здѣсь, кромѣ его, у нея не было родни, и съ нимъ ей было все-таки веселѣе, такъ-какъ они другъ друга понимали, другъ другу сочувствовали. Вдругъ ей пришла въ голову

мысль, не получилъ ли братъ письма отъ М... Стала она отъ него выпытывать объ этомъ, но тотъ боился, что онъ идти туда уже давно задумалъ, запрашивался идти даже съ Григоріемъ, но Григорій его не взялъ. Онъ говорилъ, что Короваевъ не спроста ушелъ туда, и если ничего не пойдетъ ей, такъ можетъ быть потому, что копить деньги.

— А мы, Палагея, пойдемъ туда вмѣстѣ.

— Нѣтъ; ужъ я туда не пойду. Лучше ужъ здѣсь остаться, чѣмъ туда идти: здѣсь, по крайней мѣрѣ, для бабъ работа есть, а въ заводѣ, подумай, какая можетъ быть бабамъ работа?

— А если Короваевъ женится на тебѣ?

— Што мнѣ на шею ему вѣшаться? Ужъ пожалуста, не говори мнѣ про него.

Такъ, братъ и сестра и не стали говорить больше ни о Короваевѣ, ни о походѣ въ разныя мѣста, но оба все-таки думали о М. заводѣ.

. Стала Пелагея Прохорова ворожить въ карты на трефового короля. Все выпадаютъ дороги, да печаль на сердцѣ, а письма нѣтъ...

Наконецъ прошелъ ледъ; вода на обѣихъ рѣкахъ прибывала по часамъ и заливала бережныя сельскія улицы такъ, что въ нихъ плавали въ лодкахъ. Широко разлились рѣки, по цѣлымъ днямъ дулъ холодный вѣтеръ и бурлила вода. Погода стояла сырая; вездѣ было грязно, мрачно; за то на бережникахъ происходила дѣятельная работа. Тамъ съ утра до вечера грузили въ коноводки соль, скрѣпляли бревна въ плоты, на плоты складывали дрова, причаливали другіе плоты съ дровами или съ камнемъ, преимущественно точильнымъ. Въ это время только одни богатые люди, сидя на балконахъ своихъ домовъ, любовались широкимъ разливомъ рѣкъ и дѣятельностію людей на пристаняхъ, рабочій же классъ старался какъ можно болѣе заработать денегъ, рѣдко останавливался, чтобы выправить свои члены изъ согнутаго положенія, часто бѣгалъ къ водѣ, чтобы напиться и находилъ закусывая. За то вечеромъ многіе изъ рабочихъ мужчинъ и женщинъ садились на бережныя и затыгивали свои грустные пѣсни.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Пелагея Прохорова сидѣла съ Лизаветой Елизаровной и ея матерью отдѣльно отъ другихъ рабочихъ. Всѣ три женщины, уперши руками головы, смотрѣли на волны, высоке поднимающіяся и съ шумомъ разбивающіяся

объ набережныя. Онѣ уже въ досталь наговорились о томъ, какъ имъ лучше сдѣлать на счетъ житя. Ульяновы уговари-вали теперь Пелагею Прохоровну остаться съ ними до осени, потому что лѣтомъ на промыслахъ больше работы, чѣмъ зимою, и Пелагея Прохоровна не знала, что ей дѣлать, потому что она получала заработка по тридцати коп. въ день. Но несмотря на этотъ заработокъ, у всѣхъ было тяжело на душѣ, всѣмъ чего-то хотѣлось, но чего—онѣ не могли себѣ объяснить. Имъ хорошо казалось сидѣть здѣсь, хотя вѣтеръ и дулъ прямо въ лицо. Недалеко отъ нихъ рабочіе мужчины и женщины голосовъ въ двѣсти поютъ — тянутъ промысловую пѣсню, словъ которой вдали почти невозможно понять. Сердце надрывается отъ этой пѣсни, хочется другой жизни; въ этомъ плескѣ волнъ какъ будто слышится отзывъ, что лучшая жизнь есть. Не гдѣ она?

— Нѣтъ, ужъ я пойду въ городъ, подумала Пелагея Прохоровна, и ей такъ сдѣлалось горько, что изъ глазъ завапали горячія слезы, но она постаралась поскорѣе вытереть ихъ.

— Палагея! Гляди, што-то бабы и мужичны въ кучу собрались, сказала ей Лизавета Елизаровна, тронувъ ее за плечо.

Никто не пѣлъ. Рабочіе столпились въ одну кучу и галдили. Приятельницы подошли туда.

— Ишь ловокъ! Пѣсни наши, говорятъ, нравятся... Спой ты ему веселую?! галдили рабочіе.

— Небось даромъ хочеть? кричали женщины.

Скоро мужчины и женщины разошлись, разсуждая о томъ, какъ управляющій егорьевскими промыслами подошелъ къ рабочимъ и сталъ просить ихъ спѣть веселую пѣсню и тѣмъ нарушилъ ихній покой, потому что они пѣли отъ души. А пѣть на заказъ никому не хотѣлось даромъ, да и что за пѣнье на заказъ, когда на душѣ невесело.

Дома Ульяновы застали Панфила Прохорыча съ какимъ-то пожилымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ за столомъ въ ситцевой рубахѣ и молча куривимъ изъ трубки махорку.

Гость наклонился впередимъ и сказалъ:

— Елизаръ Матвѣичъ приказалъ кланяться.

Начались распрашиванья.

Оказалось, что мужчина пришелъ сюда нарочно изъ удойинскихъ прѣсковъ, на которыхъ работали Ульяновъ и Горюновъ. Ульяновы очень обрадовались ему. Обрадовалась и Пелагея Прохоровна.

— А дядю нашего выдаешь? спросила она.

— Какъ не видать. Вмѣстѣ робили, только онъ ногѣ все больше особо отъ Ульянова.

— Хорошо ли тамъ? спрашивали гостя.

— Ничего, жить можно. Только гдѣш! Съ одной стороны кержакн, съ другой гдѣш да горы, да звѣри... Всягъ себѣ хозяинъ, потому хотъ и есть начальство, только ми на него и вниманія не обращаемъ.

— Такъ ты неужели нарочно пришелъ? спросила Степанида Власовна, совсѣмъ растерявшись и утирая глаза. Она уже успѣла поблагодарить Бога, что мужъ ея здоровъ и ему тамъ можно жить.

— Далъ слово, такъ надо исполнить. Итагъ кромѣ почтай двѣсти верстъ далъ.

Хозяйка не знала, съ чего и начать разспрашивать гостя, да и ее предупреждали остальные, которые то и дѣло спрашивали его то объ Ульяновѣ, то о Горюновѣ. Гость отвѣчалъ отрывочно. Изъ словъ его хозяева узнали, что на прискахъ хорошо и Ульянову и Горюнову, потому что они служатъ казаками, но Горюнову лучше, такъ-какъ онъ кержакъ и друженъ больше съ кержаками (то-есть раскольниками).

— А што хозяйка, угости-ко меня водочкой, да нѣтъ ли у тѣ жаренова мочалва?

Степанида Власовна начала плавать на свою жизнь и разсказывать о томъ, какъ, по милости Машки Оглоблиной, у нее отняли домъ, но не спросила его: не видать ли Оглоблиной на прискахъ.

— Неужели у васъ ни у кого нѣту денегъ? А я вамъ грамотку привезъ отъ Ульянова.

Степанида Власовна вскрикнула отъ радости.

Гость не торопясь вытащилъ изъ-за голенища что-то завернутое въ тряпицу, не торопясь развязалъ тряпицу, развернулъ засаленую бумагу и подаль хозяйкѣ.

Дрожащими руками взяла Степанида Власовна письмо, перекрестилась и стала вертѣть его въ рукахъ.

— Што небось рада! Небось еще не такъ обрадуешься, какъ деньги получишь.

— Што ты... Деньги?

— Дя. Ульяновъ велѣлъ дать тебѣ пять цѣлковыхъ и росписку ему представить. Умѣеть ли вто грамотъ-то?

— Да ми не церковному... сказали Пелагея Прохоровна и Панфилъ Прохоричъ.

— Ну, а я только цифры и умѣю писать. Подейте къ грамотѣишъ.

Немного погода всѣ вышли во дворъ, сѣли въ лодку и под-

шли къ одной карчевнѣ, въ которой хозяйнѣ, по отсутствію гостей, уже ложился спать.

Черезъ четверть часа, хозяйнѣ, надѣвши огромные очки въ ивѣдной оправѣ, прочитала слѣдующее:

«Дражайшей моей супругѣ и сожительницѣ, Степанидѣ Власовнѣ свидѣтельствую мое нижайшее почтеніе, съ пожеланіемъ добраго здравія и въ дѣлахъ хорошаго успѣха. Навпаче же здравія тѣлеснаго и душевнаго. Дочери моей Лизаветѣ Елизаровнѣ посылаю мое родительское благословеніе на вѣки нерушимое, каковое посылаю Степану, Нивитѣ и Маріи и всѣмъ по поклону. Съ сей вѣрной оказіей посылаю вамъ денегъ пять рублей. Прошу ихъ беречь и на меня не расчитывать, потому мы всё подъ Богомъ ходимъ, а навпаче на прінскахъ того и бойся штобы черемись, али татаринъ, али какой бѣглый ваторжнникъ не укуошилъ тебя. Нижайшее мое почтеніе и поклонъ Палагеѣ Прохоровнѣ и братцу ея родному Григорію Прохоровичу. При сей вѣрной оказіи Терентіа Иваныча здѣсь нѣтъ, а хотѣлъ написать. Живите хорошенько. Больше всего уважайте на Бога. О себѣ скажу, што мы съ Терентіемъ Иванычемъ ссоримся рѣдко и довѣренный намъ благоволитъ. Хорошо бы Степку имѣть при себѣ, да далеко. Отъ сего письма остаюся живъ и здоровъ.

«Ульяновъ».

Слушая это письмо, Степанида Власовна плакала, прочіе смотрѣли на лицо читающаго. Когда хозяйнѣ кончилъ чтеніе и свернулъ бумагу, Степанида Власовна попросила его повторить, но хозяйнѣ отказался отъ повторенія, потому что его интересовала прінсковая жизнь, и онъ, наливъ принесшему письмо стаканъ водки, сталъ его спрашивать о прінскахъ.

Степанида Власовна взяла у хозяина полштофъ водки и кусокъ семги въ домъ. Она хотѣла угостить дома, да и самой ей хотѣлось выпить, въ карчевнѣ же никто не хотѣлъ оставаться, потому что отъ нее до квартиры нужно было плыть въ лодкѣ, которую между тѣмъ могли украсть.

За водкой гость разговорился съ хозяйкой и, между прочимъ, высказалъ, какъ ближе идти на прінскъ, потому что Степанида Власовна, узнавшая, что на прінскахъ очень мало бабъ, изъявила желаніе идти на прінскъ, и это желаніе гость одобрилъ. Панфилъ Прохорычъ сидѣлъ недалеко отъ нихъ молча; его всема занимали слова гостя, который рисовалъ прінсковую жизнь съ хорошей стороны и ему захотѣлось во что бы то стало идти туда скорѣе.

Гость вынулъ изъ-за пазухи рубашки бумажникъ, завернутый въ тряпку, и вынулъ изъ него пачку ассигнацій.

Степанида Власовна ахнула, увидя столько денегъ.

— Это, тетка, не мои деньги: тутъ козлець много. Видишь ли, я сбываю кружку и получаю деньги. Только вы смотрите — молчокъ! Потому тутъ и ваши главы вибуютъ часть.

Панфила Прохорыча трясло при видѣ такой кучи денегъ.

Гость вынулъ пятирублевую бумажку и подалъ ее хозяйкѣ.

— Дай мнѣ бумажку! сказалъ диво Панфиль Прохорычъ.

— Да стоншь ли ты еще бумажки-то? проговорилъ смѣясь гость.

— Право, дай. Дядя заплатитъ.

— Да тебѣ на што?

— Я на привскі пойдю.

— А медвѣдѣй не боишься?

— Чего бояться? Видалъ.

Но гость не далъ денегъ Панфилу, а завязалъ ихъ крѣпко и спряталъ опять на груди, подъ рубашкой.

Всю ночь Панфиль не могъ уснуть. Ему хотѣлось украсть у гостя бумажникъ, но гость хотя и крѣпко спалъ, а при каждомъ прикосновеніи руки Панфила переворачивался на другой бокъ и сжималъ на груди которую нибудь руку.

Рано утромъ гость распрощался съ хозяевами.

— Дядя! Возьми меня, упрасивалъ гостя Панфиль.

— Воровать не умѣешь. Ты думаешь, што я не чувствовалъ, какъ ты ночью около меня шарился. Ну, да што объ этомъ говорить.

И гость ушелъ.

Хозяйка очень радовалась неожиданной получкѣ денегъ, и когда она явилась на промисла, тамъ уже всѣ знали о полученіи ею денегъ и приставали съ разспросами о мужѣ.

Панфиль не пошелъ на промисла. Онъ цѣлый день ходилъ по рынку и въ харчевни, надѣясь найти привсковаго рабочаго и уговорить того взять его съ собой. Къ вечеру онъ увидалъ его выходящимъ изъ одного полукаменнаго дома.

— Дядя! Возьми.

— Куда я тебя возьму?

— Я тебя поблагодарю послѣ.

— Што мнѣ твоя благодарность! Взять я тебя не могу съ собой, а коли хощь, дорогу могу указать. Согласенъ?

— Я и одинъ пойдю.

— Ну, ладно, коли у тѣ есть такая охота. Пойдемъ.

Рабочій зашелъ въ питейный, рассказалъ Панфилу, какъ идти до такого-то города, изъ этого города до такого-то села, а въ

сагѣ всякій знаетъ дорогу на удоинскій пріисы, потому что рабочіе закупаютъ въ немъ провнзію.

— Есть ли у тебя деньги-то?

— Немного.

— Ну, я тебѣ дамъ, пожалуй, пять рублей подъ расписку.

Горюновъ поблагодарилъ.

Содержатель кабака написалъ расписку за Горюнова и подписался за него.

Рабочій угостилъ водкой хозяина, и Горюнова, разговаривая о чемъ-то шепотомъ съ хозяиномъ.

Выпивши водки и посидѣвши съ четверть часа съ рабочимъ, Горюновъ болталъ безъ умолку, ругалъ здѣшнюю жизнь, благодарилъ рабочаго за то, что онъ указалъ ему дорогу на золотые, и хотѣлъ угостить его, но тотъ поставилъ ему еще косушку, вышелъ ненадолго на улицу и потомъ уже не явился.

Горюновъ раскутился. Къ вечеру стали появляться рабочіе; онъ хотѣлъ угостить ихъ водкой, но хозяинъ давалъ пятирублевой его бумажкѣ дѣну только рубль, доказывая, что эта бумажка фальшивая. Горюнова вытолкали изъ кабака — до того онъ сдѣлался назойливъ.

Утромъ онъ объявилъ сестрѣ, что идетъ къ дядѣ; сестра посмѣялась надъ нимъ, думая, что онъ шутитъ. Горюновъ обругалъ сестру и пошелъ покупать сапоги. Купивши сапоги, онъ пошелъ купить платокъ сестрѣ; но въ лавку вошелъ хозяинъ кожвеннаго товара и крикнулъ на него:

— Ты гдѣ это научился фальшивыя бумажки стряпать?

Горюновъ поблѣднѣлъ, но не обернулся.

— Тебѣ говорить?

— Въ чемъ дѣло? спросилъ хозяинъ лавки.

— Да вотъ я ему продалъ сапоги за два рубля. Онъ и даетъ пятирублевую. Я со слѣпа-то не разглядѣлъ, передалъ племянницѣ, та и дала ему сдачи, а какъ ушелъ онъ, я и сталъ разглядывать, и сравнилъ со своей бумажкой. Смотри! И онъ показалъ бумажку лавочнику.

— Сс!... Фальшивая и есть! проговорилъ лавочникъ.

— Самъ накопилъ фальшивыхъ... началъ-было Панфилъ, но его ударилъ въ спину хозяинъ лавки, такъ что онъ выскочилъ на улицу и пустился бѣжать.

— Держите! Ловите! кричали оба лавочника.

Горюнова остановили; около него собралась куча народа. Продавшій сапоги рассказалъ въ чемъ дѣло съ прикрасами.

— Не давалъ я ему фальшивой бумажки.

— Ахъ ты пѣсь!... А сапоговъ ты тоже не покупалъ?

— Я на другіе...

— А откуда ты взялъ такую бумажку?

Толпа между тѣмъ росла.

— Э! Да это тотъ и есть, што вчера у Евстигнѣева Борнса въ кабакѣ былъ! Онъ и есть. Ведите его въ полицію! За это я отвѣчаю! Я у него вчера видѣлъ фальшивую пятирублевку.

Горюнова стали бить и отравили въ полицію.

XIV.

Осторожная жизнь.

Горюновъ рѣшительно ничего не понималъ, попавши въ полицію. Ругательства, остроты сыпались на него со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ никакъ не могъ обдумать, что ему сказать, зная, что онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Стали его допрашивать; явилось много свидѣтелей, которые показывали на него различно. На первыхъ порахъ, Горюновъ хотѣлъ отдѣлаться одними словами: «ничего не знаю! Сапоговъ не покупалъ». Словомъ, Горюновъ одурѣлъ совсѣмъ, ему не давали одуматься, и только подъ розгами заставили его сказать, что бумажку онъ получилъ отъ рабочаго съ удойкинскихъ приисковъ при сидѣльцѣ. Этимъ сознаниемъ и закончили первые допросы и не тревожили его больше двухъ недѣль. Хотя онъ и былъ посаженъ въ секретную, но въ этой комнатѣ вмѣстѣ съ нимъ заключалось нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которыхъ некуда уже было посадить. Большинство его товарищей состояло изъ мелкихъ воровъ, представленныхъ сюда сельскими состоятельными людьми, изъ бродягъ и лицъ непомнящихъ родства, — такихъ людей, которымъ или нечего было ѣсть или которые искали себѣ различными способами лучшей, свободной жизни. Онъ съ перваго же дня не могъ ни въ чемъ сойтись съ ними, не могъ отличить изъ нихъ ни одного человѣка, съ которымъ бы можно было поговорить; но насмѣшки ихъ надъ нимъ, издѣванья надъ его простотою заставили его огрызаться съ ними, ругаться и даже драться. Короче сказать, ни Горюновъ не понималъ своихъ товарищей, ни они не понимали Горюнова.

Скука была невыносимая Павфилу, среди этихъ товарищей. Онъ проклиналъ свою жизнь, дядю за то, что тотъ уговорилъ

его придти сюда, плакалъ; но все-таки, не считая себя виноватымъ, думалъ, что не долго проживетъ въ этомъ адѣ, и всачески старался избѣгать товарищества, лежа то подъ лавкой, то сидя въ углу съ закрытыми ладонями лицомъ. Много ему привелось увидать тутъ различныхъ сценъ, много такого, чего онъ не видалъ до сихъ поръ, но ему некуда было дѣваться, да и его часто сталкивали съ мѣста, и онъ очень обрадовался, когда его вывели на свѣжій воздухъ.

— Панфилушко! Што ты надѣлалъ? спрашивала сестра, увидавшая его выходящимъ подъ стражею изъ полиціи.

— Начего не знаю, отвѣчалъ братъ.

— Правда ли, говорятъ, ты убилъ того рабочаго, который былъ у насъ?

— Врутъ.

Тѣмъ и кончилось свиданіе и разговоры брата съ сестрой, потому что Горюнова торопили къ слѣдователю. Черезъ двѣ недѣли ему, однако, удалось ночью убѣжать изъ полиціи. Зашелъ онъ къ сестрѣ, но Целагея Прохоровна, какъ сказала Лизавета Елизаровна, уже ушла въ городъ. Панфилъ вышелъ изъ воротъ бывшаго ульяновскаго дома и задумался: куда ему идти теперь? Ни въ селѣ, ни на промыслахъ ему нельзя показаться, — тамъ его схватятъ. Оставалось одно: наняться на плоты, и онъ пошелъ туда; но плоты хотѣли пустить черезъ день, а днемъ его увидалъ одинъ промысловый рабочій и его свели обратно въ полицію. Началось новое слѣдствіе о побѣгѣ Панфила, и продолжилось съ мѣсяць, въ теченіе котораго онъ уже сталъ привыкать къ этой жизни. По окончаніи слѣдствія, его повели съ другими арестантами въ городъ, но дорогой онъ захворалъ, и только черезъ нѣкотора мѣсяца пришедши въ чувство, узналъ, что находится въ тюремномъ лазаретѣ.

Жизнь въ лазаретѣ ему казалась лучше полицейской, потому что онъ лежалъ на отдѣльной койкѣ, могъ ходить по комнатамъ, сидѣть не мѣшая другимъ, насмѣхаться надъ солдатами, караулившими у дверей больныхъ арестантовъ. Въ извѣстное время ему приносили ѣсть и лекарство. Сперва его пугали труднобольные, скоро-умирающіе арестанты, за которыми уже не было никакого надзора, и которыхъ ничѣмъ не лечили; пугали операціи, докторъ, производившій эти операціи; но потомъ онъ привыкъ и скоро отличалъ фельдшера отъ лекаря, находя, что

въ фельдшерѣ больше силы, чѣмъ въ лекарѣ, потому что фельдшеръ можетъ выписать больнаго въ тюрьму, куда идти никому не хотѣлось. Въ палатѣ были всякіе больные, судимые и судящіеся за разныя преступленія, которые часто мѣнялись новыми, такъ что Горюновъ ежедневно боялся, чтобы и его не выписали. Но въ палатѣ были такіе больные, которые лежали въ ней по годамъ. Одни изъ нихъ, дѣйствительно, были больны, другіе выписывались въ тюрьму только дня на три, и являлись въ палату со свѣжими новостями. Эти люди находились съ фельдшерами въ дружественныхъ отношеніяхъ. А такъ-какъ они почти жили постоянно въ палатѣ, то считали себя чѣмъ-то въ родѣ дядекъ, безъ умолку говорили, насмѣхаясь надъ различными болями, которыя имъ привелось испытать. Ихъ любили больные за шутки, заискивали ихъ расположенія на томъ основаніи, что они иногда держали передъ докторомъ чернильницу. Вотъ къ этимъ-то людямъ и старался поддѣлаться Горюновъ. Несмотря на то, что они казались ему смѣшными и черевчуръ хвастливыми, онъ старался угодить второму набудь въ стариковъ тѣмъ, что подавалъ кружку съ водой. Онъ думалъ, что эти больные большею частію состоятельныя раскольники, обвиняемые въ дѣланіи фальшивыхъ серебряныхъ вещей, жившіе доселѣ въ скитахъ и отправлявшіе обряды по своему тайно отъ начальства, и что они могутъ много хорошаго сдѣлать для него. Однако, какъ онъ ни ухаживалъ за ними, сколько ни просилъ ихъ о себѣ, они, какъ онъ замѣчалъ, заботились болѣе всего о себѣ, вели себя заносчиво, а къ нему относились какъ къ ничтожному псу. Это, наконецъ, стало злить Панфила. И какова же была его радость,

гда начальникъ лазарета велѣлъ двухъ изъ нихъ непремѣнно выписать изъ лазарета и больше не принимать, такъ-какъ онъ замѣтилъ ихъ уже давно здоровыми. И какъ же зли были эти люди на все и на всѣхъ, надѣвая арестантскія одежды и подставляя ноги для того, чтобы на нихъ надѣли кандалы!... Но послѣ нихъ вскорѣ всѣ стали чувствовать какую-то пустоту, чего-то какъ будто не доставало. И все это произошло отъ того, что какъ бы надменны ни были старики-лазаретники, при нихъ было какъ-то весело: они умѣли разсказывать разныя анекдоты, развлекали больныхъ смѣшными сценами, остротами и т. п. Скучно сдѣлалось и Панфилу: больныхъ много; больные разговаривать не любятъ, выздоравливающіе разговариваютъ или играютъ въ карты, Богъ-вѣсть какимъ образомъ попавшія въ лазаретъ; подойдетъ онъ къ нимъ, они его называютъ щенкомъ и гонятъ прочь. Хорошо еще, что сестра, жившая въ это время ужъ въ городѣ, навѣщала его по воскреснымъ днямъ. Она при-

несла ему сдобныя кушанья, тайкомъ унесенныя отъ барыни, у которой она жила, рассказывала о своихъ господахъ или о томъ, что она уже теперь живетъ на другомъ мѣстѣ, и хотя всѣ эти рассказы и городскія новости сообщались въ теченіе четверти часа, и потомъ въ продолженіе получаса, братъ и сестра молчали, все-таки Панфилъ былъ въ тысячу разъ веселѣе при сестрѣ, чѣмъ безъ нея. Но вотъ не пришла сестра въ праздникъ, не пришла и въ воскресенье. Справился онъ объ этомъ, сказали: больно она ужъ смазливая; начальство не приказываетъ пущать. Какъ ни обидно было слышать это брату, но дѣлать было нечего, — сестра ужъ больше не показывалась въ лазаретѣ.

На третій день послѣ этого событія, къ Панфилу подошелъ пожилой больной. Съ этимъ больнымъ Горюновъ никогда не вступалъ въ разговоры, потому что онъ и самъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Это былъ высокій, худощавый мужчина, съ рыжими курчавыми волосами. Глаза его постоянно принимали серьезный видъ, лицо съ небритыми волосами — постоянно, когда онъ сидѣлъ задумчиво, передергивалось множествомъ складокъ. Къ этому надо еще прибавить то, что онъ свои желтыя щеки постоянно утиралъ грязнымъ платкомъ, что даже удивляло докторовъ, которые не находили ничего на его лицѣ, но и на всемъ тѣлѣ пота. Онъ говорилъ басомъ, глухо.

— Ты за что сидишь? спросилъ онъ Горюнова.

Горюновъ молчалъ. Отъ этого вопроса его покорило. Въ самомъ дѣлѣ, за что онъ сидитъ? Горюновъ сознавалъ, что онъ взялъ за фальшивую бумажку и за побѣгъ изъ полиціи, но кому какое дѣло до этого?

Этотъ больной разозлилъ его, и онъ закрылъ глаза.

— Што закрываешь глаза-то! Не съѣмъ, проговорилъ задумчивый больной. Въ палатѣ сдѣлалось тихо.

— Фальшивыя бумажки дѣлаешь, сказалъ кто-то.

— Эдакой мальчишка! Ха-ха!

— Съ измалѣтства въ механику пустился! слышалось съ разныхъ косякъ въ перемежку съ хохотомъ.

Серьезный больной присѣлъ на кровать Горюнова. Тотъ не противился этому.

— Нѣтъ, однако?... Ты вѣдь Горюновъ?... Про Горюновыхъ я слышалъ, говорилъ неотвязчивый больной.

Панфилъ со страхомъ глядѣлъ на него: таковой у него былъ суровый видъ въ это время.

— Ты кто? спросилъ неловко Панфилъ неотвѣчиваго человѣка.

— Слыхалъ про Никитинскаго письмоводителя Гусева?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ это я... А за што я сижу, про это я знаю. И мнѣ не удастся меня словить! Не запугаютъ... Нѣ-ѣтъ!!.. Трехъ управляющихъ первыхъ плутовъ провелъ... Нѣтъ!! И лицо Гусева сдѣлалось очень страшно, на щекахъ выступили багровныя пятна.

— Хочешь, я научу тебя писать? спросилъ вдругъ Гусевъ Панфила.

Но Панфилъ не отвѣчалъ. Гусевъ что-то пробурлилъ и ушелъ отъ него недовольный. Больные стали издѣваться надъ нимъ.

Съ часъ послѣ этого пролежалъ Горюновъ, сердясь съ начала на Гусева за то, что онъ, можетъ быть, съ худымъ намѣреишемъ выпрашивалъ про его дѣло, но потомъ, какъ обыкновенно бываетъ съ молодыми людьми, повпнутыми и презираемыми даже тѣми, преступленія коихъ, можетъ быть, тяжелѣе его, онъ сталъ сожалѣть, что такъ грубо оттолкнулъ человѣка, который его, неопытнаго въ дѣлахъ, можетъ быть, хотѣлъ научить. Ему теперь самому хотѣлось поговорить съ Гусевымъ, но какъ заговорить съ нимъ послѣ такого грубаго обращенія? Чтò скажутъ больные? «Снюхалса!» сваятуть, и станутъ насильно выпроваживать его изъ лазарета.

Весь этотъ вечеръ Панфилъ провелъ мучительно, думая какъ бы ему поговорить съ Гусевымъ. Да и чтò это за человѣкъ такой? Кромѣ того, чтò говорили объ немъ больные, онъ ничего объ немъ не зналъ. Да и больные говорили объ немъ разное, потому что онъ уже давно находится въ больницѣ. А коли давно, значить онъ боится попасть въ острогъ, оттуда, какъ говорятъ больные, одна дорога: или въ каторгу или на поселеніе. Одни изъ арестантовъ гоферили, что это бывшій писецъ Никитинской заводской конторы, и что онъ находился въ бѣгахъ изъ острога нѣсколько лѣтъ, жилъ по фальшивому паспорту и самъ дѣлалъ фальшивые паспорта. Другіе говорили, что онъ обокралъ заводскую контору и составилъ фальшивую росписку подъ руку приващива и т. п. Однимъ словомъ, общее мнѣніе больныхъ состояло въ томъ, что Гусевъ хорошій мастеръ дѣлать фальшивые билеты.

Между тѣмъ, дѣло Гусева было очень простое и вмѣстѣ съ тѣмъ нешуточное. Онъ считался при главной заводской конторѣ писцомъ. По знанію заводскаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ, онъ давно бы могъ получить должность столоначальника, но никакъ не

могъ угодить начальству, которое на должности столоначальниковъ опредѣляло или за большія деньги или свою родню. У Гусева было большое семейство; извлекать доходы онъ ни изъ чего не имѣлъ возможности, потому что сидѣлъ въ такомъ столѣ, гдѣ никакимъ образомъ не могъ получать ихъ. Вотъ онъ и выдумалъ давать рабочимъ напорты. Вланки и печать достать ему было плевое дѣло, оставалось только сдѣлать подпись; и это не трудно, тѣмъ болѣе, что на подписи мало обращаютъ вниманія. Онъ занялся этимъ ремесломъ, и даже возбуждалъ со стороны товарищей удивленіе тѣмъ, что скоро обшилъ свой домъ тесомъ, завелъ лошадь, и приобрѣлъ еще одну десятину покоса. Это, конечно, дошло и до начальства, которое стало допытываться до настоящей причины. И вдругъ получается въ главной конторѣ бумага отъ заводскаго исправника; при бумагѣ приложенъ билетъ отыскиваемого уже полгода рабочаго. Исправникъ проситъ донести ему, давала ли контора билетъ рабочему, и если давала, то почему она доносила ему раньше, что этотъ рабочій находится въ бѣгахъ? Въ конторѣ забѣгали, стали справляться, сличать почерки рукъ и рѣшили, что это дѣло Гусева, но по случаю иманія управляющаго его такъ и замаяли. Гусевъ съ этихъ поръ сталъ еще осторожнѣе, но товарищи то и дѣло корили его тѣмъ, что онъ постоянно выдаетъ фальшивые билеты и этимъ самымъ наживаетъ много денегъ. Гусеву не давали покоя, Гусева старались согнуть въ бараній рогъ; онъ все сносилъ терпѣливо, но, наконецъ, dokonали его таки. Гусевъ часто ходилъ на почту за получениемъ писемъ и посылокъ на имя конторы и управляющаго; денежные же письма всегда получалъ, казначей. Разъ какъ-то управляющій приходитъ въ контору и спрашиваетъ: а кто получалъ въ такое-то время изъ почтовой конторы на имя мое посылку? Казначей справился и сказалъ, что посылку получалъ Гусевъ. Гусевъ струсилъ, сказавъ, что онъ не помнитъ, получалъ или нѣтъ такую посылку. Справился въ почтовой конторѣ—посылку получилъ, по довѣренности управляющаго, Гусевъ. Но Гусевъ призналъ почеркъ руки и росписку въ книгѣ за казначейскій. А такъ-какъ въ заводѣ всѣ писцы и должностные люди, учившіеся писать по одному почерку отъ одного учителя, за небольшими исключениями, писали почти однимъ почеркомъ, то и заключили, что Гусевъ довѣренность на повѣсткѣ сдѣлалъ фальшивую и посылку укралъ. Его стали судить, не принимая никакихъ оправданій, тѣмъ болѣе, что какъ началось объ немъ дѣло, главный контора Никитинскаго завода представила заводскому исправнику два фальшивыхъ билета, выданныхъ Гусевымъ двумъ рабочимъ.

Во весь вечеръ Гусевъ не подходилъ къ Горюнову, да и онъ все лежалъ, переворачиваясь часто съ боку на бокъ. Горюновъ часто смотрѣлъ на него. Онъ нѣсколько разъ нагнѣвался подойти къ нему, но самолюбіе удерживало его и вечеромъ и ночью, въ продолженіе которой въ арестантской палатѣ горѣла лампа. Утромъ, однако, онъ не могъ преодолѣть себя и, подъ предлогомъ наняться воды, подошелъ къ нему; Гусевъ лежалъ на спинѣ, заложивши обѣ руки подъ голову. Панфилъ робко взялъ кружку, открылъ—воды не было.

— Ты говоришь... Ты писать учишь... началъ нервнѣтельно Панфилъ.

Гусевъ молчалъ; смотритъ сердито на Панфила.

— А можно?

— Што можно? Научиться? пробурлилъ Гусевъ.

— Ну? Научи.

— То-то... Завалился ужъ вы больно... Предлагають, такъ чванитесь.

— А для чего учиться-то?

— Дуракъ! Ты што показывалъ-то? Помнишь ли ты, что ты показывалъ на допросахъ! Подписывалъ?

Горюновъ плохо понялъ его слова и стоялъ вытаращивши на него глаза.

— Вотъ то-то и есть. Вѣдь ты не подписывалъ?

— Нѣтъ.

— Ну. А тамъ, можетъ, такіе крики вписаны, што тебя, можетъ, въ убійствѣ обвиняють. Дуракъ!

Панфилъ Прохорычъ улыбнулся безсознательно.

— Чему смѣешься? Дѣло говорю. Што ты показывалъ, помнишь ли?

Горюновъ не зналъ, что сказать. Онъ дѣйствительно не помнилъ, что показывалъ. Ему только хорошо памятли были наказанія. Онъ все-таки не понималъ, къ чему это Гусевъ хочетъ учить его писать, и какая отъ этого можетъ быть ему польза.

Весь этотъ день прошелъ въ совѣтахъ Гусева о томъ, какъ онъ, Панфилъ, можетъ много выиграть отъ обученія письму. Онъ на допросѣ можетъ сказать, что его даже и не спрашивали прежде, а только постоянно наказывали. А что онъ былъ наказываемъ, такъ доказательствомъ этому служить то, что онъ вскорѣ по прибытіи въ городъ попалъ въ лазаретъ. Показаній онъ никакихъ не подписывалъ. Нѣсколько больныхъ, слышавшихъ совѣты Гусева, одобряли это.

Но какъ учиться писать? Не только у Гусева, но и во всей

палатѣ не было ни куска бумаги, ни карандаша. Такъ прошло мучительно два дня, въ которые Гусевъ училъ Панфила писать его фамилію и имя углемъ на столѣ. Панфиль почти всѣ углы подержалъ изъ нечист, чернѣясь на столахъ и стѣнахъ, и на третій день удивилъ докторовъ тѣмъ, что подъ его подушкой найдено было нѣсколько углей, а столъ его весь исчерченъ. Когда Панфиль объяснилъ, что онъ учится писать, то докторъ улыбнулся. Панфиль сталъ просить у доктора бумаги и карандашъ; докторъ сказалъ, чтобы онъ обратился за этими вещами къ начальству и обѣщался поговорить объ этомъ кому слѣдуетъ. О Панфиль, и въ особенности его занятіяхъ, заговорили всѣ въ палатѣ и нѣкоторые даже приставали къ фельдшерамъ, чтобы тѣ принесли бумаги; но они грубо отговаривались отъ этого тѣмъ, что докторъ еще *не прописалъ* для мальчишки такихъ вещей, а если не прописалъ, то и думать объ этомъ ему нечего, а нужно лежать спокойнѣе до тѣхъ поръ, пока его не выпишутъ въ тюремный замокъ. Однако, къ вечеру одинъ изъ служителей досталъ гдѣ-то два листа сѣрой бумаги и карандашъ, что больнымъ стоило не дешево, такъ-какъ они всѣ гроши свои вложили для того, чтобы имъ выучиться писать. Когда была принесена бумага и карандашъ, охотниковъ учиться писать выискалось такъ много, что между ними чуть не произошла драка: подняли такой гвалтъ, что часовой, слѣдившій за больными съвозъ окошечко изъ корридора, принужденъ былъ позвать начальство, а то послало солдатъ. Къ счастью, это событіе кончилось ничѣмъ, потому что при входѣ въ палату солдатъ, больные затихли и успѣли припрятать бумагу и карандашъ, а потомъ хотя нѣкоторые изъ нихъ и принялись учиться писать, но это занятіе скоро надоѣло имъ, и они, пославъ его къ чертямъ, скоро забыли о немъ и съ кладнокровіемъ смотрѣли на Панфила, вводящаго карандашемъ на бумагѣ разныя *криволиніи*. Панфиль усердно занимался новымъ для него дѣломъ. Правда, онъ еще въ заводѣ учился писать и читать, но занимался шутя, отъ нечего дѣлать; потомъ, пробывши все лѣто на рудникѣ, а зиму на промыслахъ, онъ забылъ почти все. Поэтому неудивительно, что въ одну недѣлю исчертивъ два листа бумаги, онъ уже могъ разбирать печатное. И какова же была его досада, когда на другую же недѣлю ученія, его выписали изъ лазарета... Онъ плакалъ, молилъ фельдшеровъ и служителей оставить его еще на недѣлку—ничто не помогло. Пришлось разстаться съ Гусевымъ, который училъ его говорить на допросѣ слѣдующее: фальшивый билетъ далъ ему рабочій съ присковъ при хозяинѣ кабака Борисѣ Евстигнѣевѣ, который самъ и подписался на рос-

писавъ; объ этомъ рабочемъ знаютъ Ульяновы, которые подучили отъ него тоже пять рублей. Изъ полиціи онъ не бѣгалъ, а ушелъ потому, что двери были не заперты на томъ основаніи, что его хотѣли выпустить изъ полиціи на свободу въ тотъ же день, но не выпустили потому, что у него не было денегъ, которые просить за это квартальный. Что онъ никогда не подписывалъ никакихъ показаній, хотя и умѣлъ писать. На прощанье Гусевъ далъ ему бумагу, на которой было написано черновое прошеніе.

Въ огромной каморѣ со сводами, находящейся во второмъ этажѣ, съ двумя небольшими окнами, выходящими наружу къ полямъ, съ крѣпкими рѣшетками, сдѣланы были нары, какъ у двухъ стѣнъ, направо и налево, такъ и посерединѣ каморы. Въ этой каморѣ помѣщался тридцать-одинъ арестантъ, большинство которыхъ состояло изъ воровъ, бѣглыхъ и непомнящихъ родства; были тутъ и обвиняемые въ убійствахъ, но только двое и попали они сюда, потому что въ другихъ каморахъ для нихъ уже не было мѣста. Всѣ они еще судились.

Утро. Въ каморѣ темно, сыро, душно. Хотя и полагались для арестантскихъ каморъ ночники, но они исправно уносились въ шесть часовъ вечера, тотчасъ послѣ переключки. Въ окнахъ форточекъ не имѣлось, вѣроятно, потому что начальство считало роскошью для арестантовъ чистый воздухъ. Впрочемъ, нѣкоторые арестанты имѣли свои свѣчи, и хотя строго запрещалось куреніе табаку не только въ каморахъ но и на дворѣ, однако, арестанты свободно курили, вѣроятно, потому, что само начальство курило въ каморахъ.

Въ каморѣ тихо. Только изрѣдка кто-нибудь пробурлить что-то; изрѣдка кто-нибудь простонетъ или кашлянетъ разъ, два, три охрипло, за нимъ послѣдуетъ кашель фистулой, потомъ кашель сухой, свистящій, и вдругъ камора огласится смѣсью разныхъ кашлей, ворчаніемъ и плевыми людей, бранчаніемъ цѣпей, и немного погодя все это смолкнетъ и опять или послышится кашель или бранчанье цѣпей, или храпъ кого-нибудь... За то въ корридорѣ, за дверью, не умолкають шаги часоваго и изрѣдка слышатся какіе-то возгласы.

Лунный свѣтъ глянулъ сквозь оконныя стекла, и тускло освѣтилъ камору: въ ней образовались двѣ широкія косыя полосы съ темными черточками. Эти полосы, ложась отъ оконъ до печи

и двери, тускло освѣщали только одинъ уголъ каморы: онѣ освѣщали нѣсколько головъ и кандалы, на которыхъ только блестяли заклепки; остальное было все мрачно. Но и этотъ свѣтъ вдругъ исчезъ за густыми громадными тучами. Онѣ никого какъ будто не разбудили.

Но вотъ слышится: кто-то какъ будто скребетъ и скребетъ, то скоро, то сильно, то тихо, и вдругъ перестанетъ. Вдругъ что-то какъ будто треснуло, посыпалось и опять настала гробовая тишина.

Опять кто-то скребетъ.

— Какой тутъ дьяволъ?! слышится чей-то голосъ въ углубленіи каморы, почти въ самомъ углу.

Въ каморѣ тихо. Немного псегодя слышится скрипъ наръ, зѣвки, царапанье кожи.

Панфилъ лежитъ подъ нарами. Онѣ только третьи сутки какъ прибылъ сюда изъ лазарета, и въ это время не успѣлъ еще обзавестись своей *квартирой* въ каморѣ. Положеніе его въ тюрьмѣ весьма безпокойно; вопервыхъ, онѣ не находилъ себя ни въ чемъ виновнымъ; вовторыхъ, ему было досадно, что онѣ, убѣжавши изъ полиціи, не сѣлъ въ любую лодку и не уплылъ по теченію рѣки. Но куда бы онѣ уплылъ? У него не было ни денегъ, ни хлѣба! Безъ паспорта его никто бы нигде не принялъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ жители не особенно жалуютъ бѣглецъ, боясь, чтобы они ихъ не обокрали и предпочитая получить за поимку бѣглеца платы отъ казны три рубля. «И за что такая напасть мнѣ? Ну, хоть бы я укралъ что!» думалъ Панфилъ.

Общество тюремныхъ товарищей по каморѣ пугало его, потому что онѣ почти ни въ одномъ человѣкѣ не встрѣтилъ сожалѣнія къ себѣ; всѣ они ругались по острожному, называли другъ друга ворами, корили другъ друга всѣмъ; у нихъ, казалось, не было уже ни стыда ни совѣсти; они говорили такія вещи, отъ которыхъ морозъ по кожѣ Панфила подиралъ. Ложь, обманъ, нахальство, грубость царили во всей каморѣ; ни съ кѣмъ нельзя было посоветоваться, поговорить отъ души, потому что никто никому не только не сочувствовалъ, а ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда когонибудь изъ товарищей, сидящихъ рядомъ и хлебающихъ прокислыя щи изъ одного ушата, поведутъ на эшафотъ и будутъ наказывать плетью. Это была любимая тема для заключенныхъ, вѣроятно, потому, что каждый думая, что и ему не миновать тяжелаго наказанія, приготавливалъ себя къ нему и тѣмъ самымъ угѣшалъ себя нѣсколько. Панфилъ считалъ это общество за адъ, ненавидѣлъ всѣхъ, и его языкъ не поворачивался говорить

съ кѣмъ-нибудь. Кромѣ этого, онъ видѣлъ, какъ грубо обращались съ его товарищами даже солдаты; какъ эти заключенные всячески старались выслужиться передъ солдатами для того, чтобы выйти во дворъ, получить лишній кусокъ хлѣба... Панфила, непривыкшему къ такому обществу и неспорченному еще, до того казалось оно противнымъ, что онъ проклиналъ свою жизнь, грязя рукавъ своей грязной рубахи, пропитанной всякою гадостью. Ему хотѣлось даже разбить голову объ стѣну, хотѣлось повѣситься. Будь одинъ, онъ что-нибудь придумалъ бы и лучше, но при теперешнемъ положеніи онъ лучше этого ничего не могъ выдумать, и только не приводилъ своихъ мыслей въ исполненіе потому, что повѣситься—не начто, бить свою голову объ стѣну—больно; попробовалъ онъ руками давить шею—боли не вынесъ...

А кандалы на ногахъ брячгать; ноги словно разбухли, отяжелѣли... Даже въ каморѣ онъ не нашелъ себѣ порядочнаго мѣста: на нарахъ и такъ тѣсно, да и ими владѣютъ люди — нине уже годъ, а нине и больше. Можетъ быть, они и уступать ему мѣсто, но за деньги, а денегъ у него нѣтъ ни гроша. У него уже третій день какъ болитъ желудокъ и онъ никакъ не можетъ хлѣбать провислыхъ щей; сухія корки ржанаго солдатскаго хлѣба опротивѣли ему... Одно его немного утѣшало въ это время—это то, что вчера ему писарь перенисалъ прошеніе и сегодня онъ надѣялся подать его страпчому.

Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то надъ нимъ не то шепчетъ, не то сопитъ... И слышитъ онъ вдругъ слова: Богородица дѣво радуйся, благодатная Марія Осподъ съ тобою... Милосердія дворя... обрадованная дѣва Матерь Божія раба своего защиты и помилуй...

Стало тихо... Вдругъ кто-то зарыдалъ надъ нимъ... Рыдаетъ кто-то и долго, долго, тяжело рыдаетъ, точно вся внутренность его хочеть перевернуться.

Слушалъ, слушалъ Панфиль. Грустно-тяжело ему сдѣлалось, сердце сдавило, горло точно кто обхватилъ ему... Выползъ онъ кое-какъ изъ подъ наръ, всталъ на колѣни, заплакалъ, зарыдалъ... Ничего онъ не чувствуетъ, ничего не слышитъ; стоитъ онъ понуривши голову, а слезы, жгучія слезы такъ и льются изъ глазъ.

— Осподи! Осподи Іисусе Христе!! вопить Панфиль, и ничего больше не можетъ произнести отъ неудержимыхъ слезъ. Сердце давить, голова отяжелѣла, глаза не могутъ глядѣть въ темноту.

— Кто это сопитъ? крикнулъ кто-то вблизи Панфила.

Панфилъ вздрогнулъ, и рыданія его еще больше усилились. Онъ положилъ голову на полъ и плакалъ хуже прежнего.

— Нивакъ, мальченко плачетъ.

— Не трошь! Молитву творить.

— Господи спаси помилуй.

— Мальченко! А мальченко! Што воешь-то? Али поможешь горю?

— Вотъ ты, собака, никогда врестомъ образины не перекрестишь.

— Самъ хорошь, сволочь! говорили съ разныхъ сторонъ арестованные.

— И какъ вамъ, братцы, не стыдно! Али у васъ совѣсти ни на грошь нету-ка? И изъ-за чего вы это крикъ-то подняли, безстыжіе люди, прости Господи, говорилъ кто-то далеко отъ Панфила.

— Молчи!

— Гдѣ у васъ, у мерзавцевъ, Богъ-то? Еретники вы проклятые!

Въ каморѣ настала тишина. Въ это время Панфилъ уже не плакалъ, а усердно молился, прося Бога и Богородицу избавить его отъ великой напасти. Ему было теперь легче.

Раздался продолжительный звонокъ по корридору. Арестанты уже разговаривали. Разговоры вертѣлись около острожной жизни и воспоминаній прошлаго, и все это приправилось хохотомъ, остротами, руганью со всѣхъ сторонъ, такъ что говорили почти всѣ разомъ. Теперь уже Панфилу молитва не шла на умъ. Онъ стоялъ около наръ. Ему хотѣлось заговорить съ тѣмъ, который молился, но тотъ лежалъ неподвижно.

— Дядюшка! сказалъ онъ, дернувъ что-то попавшееся ему въ руку.

— Ахъ ты собака! Што ты теребишь, аспидъ!

— Пусти посидѣть.

— Есть васъ всякихъ. Пошелъ!!

Панфилъ удивился: этотъ человекъ молился недавно, и вдругъ теперь даже слова не хочеть сказать какъ слѣдуетъ.

Осердился Панфилъ и крикнулъ:

— Съѣлъ я у тѣ мѣсто-то! Чортъ!

— Што чертыхаешься-то, щенокъ! Давно ли молился-то?

— А ты-то. Кто давѣ быкомъ-то реваѣлъ?

Арестантъ замолчалъ и подвинулъ ноги. Панфилъ сѣлъ. Разговоры арестантовъ нисколько не интересовали его; онъ понималъ, что они все врутъ, бахвалятся. Ему хотѣлось бы призна-

зять имъ, чтобы не кричали такъ... Ему потомъ завидно стало, что они такъ рѣвисты, скоро находятъ остроты и онъ думалъ: «куда нашимъ мастеровнимъ противъ нихъ! Сто словъ на одно слово скажутъ, закидаютъ словами. И бабы наши въ подметку имъ не годятся, пужды нѣтъ что рѣвисты и куда какъ горласты»... Наконецъ ему надоѣло слушать, голодь мучить, хочется пить.

— Ахъ убѣгчи бы! шепчетъ онъ и сжимаетъ кулаки.

— Чево! спрашиваетъ его арестантъ, лежащій около него на нарѣ.

— Убѣчь!

— Хо-хо! Молодь, братъ.

— А ты бѣгалъ?

— Извѣстно... Дѣло привычное. На шафотѣ пробовалъ, опять буду пробовать и опять утеку въ лѣса.

— Ты изъ лѣсу?

— Ну да.

На этомъ разговоръ и окончился.

Загремѣлъ замокъ. Отворили дверь. Паръ хлынулъ въ камору и скоро наполнилъ ее до того, что огонь на свѣчкѣ мелькалъ тускло.

— На ноги!! крикнулъ унтеръ-офицеръ.

Арестанты заговорили. Послышались шлепки; унтеръ билъ по щекамъ арестантовъ обѣими ладонями.

— Руки отобьешь! кричатъ арестанты и хохочутъ.

— Равняйся!! кричитъ унтеръ.

Арестанты ругаются, половина изъ нихъ равняется, то-есть подходитъ на середину каморы и становится передъ унтеромъ.

— А вы? а вы? а васъ! Розогъ!! кричитъ унтеръ на остальныхъ.

Два человѣка нейдутъ съ мѣстъ. Унтеръ записываетъ ихъ и начинаетъ переключку. Вѣ.

За унтеромъ запирается дверь; опять гремитъ замокъ. Арестанты ругаются.

— Уступи ты мнѣ мѣстечко... Вдвоемъ будетъ же... проситъ Панфилъ того арестанта, который утромъ молился.

— Што дашь?

— Да што дать-то?

— Ну, и убирайся.

Идетъ Панфилъ въ другимъ, его гонять прочь. Небуда ему пріютяться. Свѣтаеть.

Опять гремитъ замокъ. Входятъ двое солдатъ съ ружьями,

унтеръ и еще двое солдатъ безъ ружей, палачь въ красной ситцевой рубашкѣ и плисовых шароварахъ и смотритель. Арестанты встаютъ на ноги.

— Которые? кричатъ унтеру смотритель.

Унтеръ вызываетъ двухъ арестантозъ.

— Раздѣть!

— Ваше благородіе... Я... ноги отеки.

— Ра-а-здѣть!! Я вамъ покажу! Эй ты мальчишко! мальчишко?! крикнулъ вдругъ смотритель на Панфила, который, сидя на нарахъ, сморгнулъ съ разинутымъ ртомъ на смотрителя, котораго онъ видѣлъ еще въ первый разъ, такъ-какъ онъ являлся въ каморы только въ экстренныхъ случаяхъ.

Всѣ оглянулись на Панфила.

— Взять! кричитъ смотритель.

Одинъ изъ солдатъ подошелъ къ Панфилу и потащилъ его къ смотрителю; Панфилъ сталъ барахтаться.

— Въ секретную! кричалъ смотритель. — Ты што? шельма! разбойникъ! кричалъ смотритель.

— Розогъ! крикнулъ вдругъ неустово смотритель.

Явилось четыре солдата съ охапками розогъ. Началась секція. Наказывали двоихъ арестантовъ и Панфила. Смотритель былъ недоволенъ тѣмъ, что ихъ наказывали концами розогъ, онъ то и дѣло кричалъ:

— Комлемъ! Крѣпче! Я вамъ!

Кое-какъ Панфилъ сталъ съ полу. Онъ не понималъ, за что его наказали.

Арестанты хохочутъ.

— Молодецъ, мальченко... стерпѣлъ! Вынесетъ и плети...

Панфилъ заплакалъ; надъ нимъ еще пуще стали смѣяться. Въ каморѣ дѣлается свѣтлѣе. Яснѣе и яснѣе обрисовываются лица арестантовъ, блѣдныя, исхудалыя съ различными выраженіями, съ бритыми затылками, съ черными отъ грязи холщевыми рубахами. Большинство арестантовъ копошилось на нарахъ, меньшинство или ходило или сидѣло въ различныхъ позахъ.

Опять отворили дверь. Вошли два часовыхъ, унтеръ и писарь.

— Безукладниковъ! Соловьевъ! Кузьминъ! Возьми! кричалъ писарь, обращаясь при послѣднемъ словѣ къ солдатамъ.

— Одѣвайся! На работу! кричалъ унтеръ, и потомъ, обратясь къ писарю, сказалъ: — трехъ мало съ этой каморы. Вонъ этого мальчишку еще надо.

— Мальчишко? Чей?

— Горюновъ, сказалъ нетромя Панфилъ.

— Пошелъ на работу.

Панфилъ чувствовалъ сильную боль, но не протестовалъ противъ такого распоряженія, потому что ему очень хотѣлось выйти на свѣжій воздухъ, увидать людей. И онъ скоро вышелъ на дворъ въ сѣромъ арестантскомъ полушубкѣ, покрывавшемъ его ноги ниже колѣнъ, съ чернымъ клеймомъ на спинѣ, въ круглой сѣрой арестантской шапкѣ, тоже съ клеймомъ на вершукѣ, и худенькихъ сапогахъ, тѣхъ самыхъ, въ которыхъ онъ былъ привезенъ изъ завода въ городъ. Тяжелые кандалы еще болѣе усаливали его страданія, онъ шелъ кое-какъ, но солдатъ, шедшій зади его, толкалъ его кулакомъ въ спину.

Скоро они вышли за острожную ограду.

Хотя въ тюремномъ замкѣ и было много такихъ арестантовъ, которые уже были присуждены къ тюремному заключенію и употреблялись на городскія работы, но смотритель находилъ для себя выгоднымъ назначать въ работы еще неприсужденныхъ къ тюремному заключенію рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ, и назначалъ преимущественно обвиняемыхъ въ кражахъ — впервыхъ, потому, что эти арестанты не бѣгали, а вторыхъ, онъ деньги, которыя платили имъ за работы по закону, получалъ себѣ. Впрочемъ, арестанты рады были тому, что они цѣлый день пробудутъ вѣскольбо на свободѣ, не въ острогѣ, и увидать свободныхъ людей, которые дадутъ имъ хоть копейку денегъ. Такъ и Панфилъ, несмотря на то, что онъ былъ измученъ, дышалъ на улицѣ свободнѣе. И какъ ему хотѣлось не ворочаться больше въ тюрьму! Только, встрѣчая людей, ему стыдно было смотрѣть имъ въ глаза; когда товарищи его протягивали руки, прося Христа-ради подать несчастнымъ, ему совѣстно было протянуть свою руку. Но когда онъ, проходя мимо рынка, увидалъ, что товарищи его купили себѣ по копеечному калачу, у него пропалъ стыдъ и онъ сдѣлался назойливъ. Но благодѣтелей было мало.

Работа была не очень трудная: арестанты пилили дрова и могли свободно разговаривать съ крестьяниномъ, расказывавшимъ полѣнья. Для нихъ незамѣтно прошло время до обѣда, они работали охотно и, казалось, совсѣмъ забыли про тюрьму, только солдаты съ ружьями, кандалы и арестантскіе полушубки напоминали имъ, что они опять вернуться туда, а обращеніе съ ними ковайской прислуги, которая удѣляла имъ изъ жалости заплеснѣвшія корни хлѣба и обглоданныя кости, приводило къ тому тяжелому сознанію, что они преступники. Здѣсь не было тѣхъ

ругательствѣ, какія происходили съ утра до ночи въ тюрьмѣ, а всѣ они больше молчали, вздыхали тяжело, обдумывая прошлое и настоящее и содрогаясь о будущемъ, которое имъ рисовалось въ довольно неказистомъ видѣ. Даже солдаты были не такъ грубы съ ними и отъ скуки помогали имъ пилить дрова.

День приближался замѣтно къ концу, нужно было опять идти въ тюрьму: арестанты сдѣлались ожесточеннѣе и молчаливѣе. Одинъ только Горюновъ надобдалъ солдатамъ тѣмъ, что ему хочется достать бумаги и карандашъ. Въ домѣ у хованна, у котораго работали арестанты, ни того ни другаго не оказалось. Однако, Панфилъ, выходя изъ кухни, успѣлъ стащить съ полки, находившейся въ небольшихъ сѣняхъ, булку, и сдѣлалъ это такъ ловко, что солдатъ не замѣтилъ. А сдѣлалъ это онъ безсознательно: увидалъ булку, сдернулъ ее и спряталъ. И только дорогой на него напалъ такой страхъ, что онъ не зналъ, что ему сдѣлать съ кражей и куда ее дѣвать. Что скажутъ арестанты, которымъ онъ говорилъ, что онъ самъ не знаетъ, за что сидитъ? Ему нѣсколько разъ хотѣлось бросить булку, но голодъ бралъ свое, и онъ крѣпче прижималъ булку, такъ что на него обратилъ вниманіе солдатъ.

— Што ты ежишься, собака? крикнулъ солдатъ на Панфила.

— Ничего, отвѣчалъ тотъ.

— Стой-кось?!

Солдаты остановились, всѣ окружили Панфила и вдругъ всѣ захохотали.

— Ахъ воръ! Ахъ мошенникъ! говорили они, и во всю дорогу заставляли разсказывать Горюнова о кражѣ. Но въ тюремномъ коридорѣ солдаты отняли у него булку, говоря, что они берутъ ее за труды.

Нечего и говорить о томъ, что о Панфилѣ вся камера рассуждала, какъ объ молодцѣ, который въ такихъ дѣлахъ далеко уйдетъ впередъ. Теперь ужъ ему дано было названіе булочный воръ, и этимъ именемъ его всѣ называли вмѣсто фамиліи.

Ни на другой, ни на третій день Панфила не посылали на работу. Камера отворялась только въ извѣстное время, да развѣ какого-нибудь арестанта вывести изъ нее для отобранія въ судъ допросовъ или ввести этого арестанта послѣ допроса. Скука была страшная; арестанты повторяли ежедневно все одно и то же и ругались все злѣе и злѣе. Малѣйшее происшествіе въ острогѣ, узнанное кагъ-нибудь случайно, малѣйшее событіе, переданное арестантами, требовавшимися въ судъ, и можетъ быть невѣрное—изобрѣтенное самими же арестантами, все это оживляло камеру,

двигало мозги каждого. Говорили всё, каждый старался отличиться передъ другими остротами, шутками, каждый старался доказать, опровергнуть и переспорить ругательствами. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ Панфилъ ходилъ на работу, въ камеру приходилъ прокуроръ и Панфилъ подалъ ему прошеніе. Арестанты говорили, что за эту жалобу достанется Панфилу, но онъ надѣялся, что дѣло его, можетъ быть, кончится скоро, потому что сестра его, въ это время, жила у судейскаго засѣдателя. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ недѣлю онъ былъ выпущенъ, обокралъ сестру и исчезъ неизвестно куда. Пелагея Прохоровна очутилась безъ денегъ и къ тому же, по неудовольствію съ хозяевами, лишилась мѣста...

ЖЕНСКИЙ ВОПРОСЪ.

I.

Передъ толпою, на грязной панели,
Плакалъ младенецъ грудной.
Глазки ребенка толпѣ говорили:
«Всѣмъ я здѣсь въ мирѣ чужой».

Отъ сочетанья *Свободы* съ *Прогрессомъ*
Это дитя родилось.
Нѣжное, робкое было созданье,
Именемъ — *Женскій Вопросъ*.

Мать умерла у ребенка; *Прогрессъ* же,
Двигая массы идей,
Бросилъ малютку: что будетъ, то будетъ!
Свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

II.

Кто-то младенца подниметь, возьметъ?
Вотъ собирается праздный народъ...

Передъ малюткой старуха сѣдая
Остановилась, печально вздыхая.

Кто-то кричить ей: «возьми-ка съ собой»!
— Ну его! можетъ антихристъ какой!

Крестится дряблой рукой старушонка
И, ковыляя, спѣшитъ отъ ребенка.

Мимо проходить чиновникъ бѣднякъ,
Тащитъ подъ мышкою кипу бумагъ.

Худенькій, блѣдненькій, съ виду мизерный,
Шляпа измята, мундиришка скверный.

Кто-то кричать ему: «парня возьми!»
— Гдѣ намъ бѣднягамъ возиться съ дѣтьми,

Сами мы голодны, босы и наги;
Денегъ не выжмешь изъ писчей бумаги.—

Мимо проходить какой-то купчина:
«Видишь младенца? возьми вмѣсто сына!»

— Ну его въ праху! мнѣ бездна хлопотъ;
Пусть его лучше другой кто возьметъ. —

Мимо проносится дама въ коляскѣ...
Вставивъ лорнетъ въ свои томные глаза,

Смотритъ на мальчюка: — «взять или нѣтъ?» —
Думаетъ дама, — «осудить ли свѣтъ?»

Дернули лошади, пыль закружила —
Дама исчезла за облакомъ пыли.

Мимо идутъ доктора медицины.
Кто-то кричать неотвязно имъ въ спины:

«Мальчика взяли бѣ; горланить съ утра, —
Сжалитесь надъ нимъ, господа доктора!»

— Нѣтъ, не возьмемъ. Мы вѣдь люди науки;
Онъ же навѣрное свяжетъ намъ руки.

— Мальчюку слѣдуетъ морфію дать,
Пусть онъ уснетъ; ему вредно кричать. —

Долго еще пролежалъ такъ малюта.
Кто-и пройдетъ, отбоярится шуткой...

Но публициста вдругъ случай нанесъ —
Иль-то и поднять былъ женскій вопросъ.

Скоро по улицѣ шумно разбрелся
Тѣсно толпившійся людъ.

Мальчигъ свезенъ былъ самимъ публицистомъ
Въ литературный пріютъ.

III.

У литераторовъ нѣжный ребенокъ
Освободился отъ тѣсныхъ пеленокъ;

Сталъ развиваться, но ростомъ былъ малъ
И, какъ цвѣточекъ, блѣднѣлъ, увидалъ...

Спалъ онъ сначала у нихъ на рукахъ,
А какъ подросъ — въ типографскихъ станкахъ;

Въ съ аппетитомъ одну лишь бумагу,
Пилъ же чернила, какъ вкусную брагу.

Мальчишка въ баню частенько ходилъ,
Гдѣ его стригли, чесали и мыли.

Онъ возвращался оттуда больной,
Въ кровь изцарапанный чьей-то рукой...

Такъ провело свои первые годы
Это дитя злополучной свободы.

IV.

Въ холодѣ сѣвера южный цвѣтокъ
Быстро измаялся, высохъ, поблекъ,

Жажда простора его доканала.
— Душно мнѣ! воздуху, воздуху мало! —

Мальчикъ кричалъ передъ смертью своей,
Тихо кончаясь въ объятьяхъ друзей.

Скоро друзья о малюткѣ забыли
И — не видать никого на могилѣ!

Ольга Лепко.

ДВА ЖЕНСКІЕ ХАРАКТЕРА.

(LES DEUX FILLES DE M. Plichon, par André Léo).

Вилльямъ де-Монсальванъ Жильберу Валансену.

Ройанъ. 8-ю июля 1846 г.

Если тебя нѣтъ въ Парижѣ, я погибъ. Это непостижимо: я написалъ три письма, одно за другимъ, этому безсовѣстному мошеннику Фраберу, и хоть бы слово въ отвѣтъ! А я сижу безъ копѣйки и кромѣ того честию обязанъ сдѣлать немедленныя, необходимыя уплаты. Посуди самъ: я даю балъ. Но балъ какъ слѣдуетъ: жирандоли, цвѣты въ залѣ и почти полный оркестръ большаго бордоссаго театра. Ничего подобнаго отъ роду не видано въ этихъ мѣстахъ, мой милый; всѣ головы кружатся и о балѣ толкуютъ уже цѣлую недѣлю. Балъ назначенъ въ понедѣльникъ. Это будетъ мнѣ стоить больше четырехъ тысячъ франковъ, а у меня въ кассѣ всего на всего пятьдесятъ!

Еслибы у меня хватило денегъ на поѣздку въ Парижъ, я поспѣвалъ бы туда еще вчера. Иногда мнѣ приходитъ на мысль отправиться къ какому-нибудь банкиру въ Бордо и потребовать у него кошелекъ или жизнь; но если надежда меня не обманываетъ, ты явишься моимъ спасителемъ въ этомъ дѣлѣ. Твое послѣднее письмо я получилъ по крайней мѣрѣ три недѣли тому назадъ; ты совсѣмъ забылъ меня.

Пиши мнѣ скорѣе и скорѣе денегъ! Ты понимаешь мое положеніе. Я здѣсь герой, парижскій левъ, *графъ!* Надо слышать, какъ эти мѣщане произносятъ слово графъ! Всѣ женскіе глаза на меня обращены — и въ томъ числѣ глаза самыя прелестныя, и самыя милыя, Жильберъ — и всѣ мужчины сохнутъ отъ ревности. Коротче сказать, я не могъ бы вынести глупаго и смѣш-

наго положенія несостоятельнаго должника, когда всѣ счеты посплуты на меня дождемъ на другой день бала. Ты конечно угадываешь, что меня тутъ заботить не одна бессмысленная толпа всѣхъ этихъ купальщицковъ, но что главное тутъ одна особа, въ глазахъ которой я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы уронить себя.

Иди сейчасъ же къ Деляжу и, не медя ни минуты, вышли мнѣ четыре тысячи франковъ. Потомъ разузнай пожалуйста, чтó дѣлается съ Фраберомъ.

Жильберъ Вильяму.

Парижъ. 10-ю іюля 1846 г.

Я выслалъ тебѣ, мой милѣйшій, требуемую сумму, взятую у Деляжа. Надѣюсь, что ты получишь ее во время. Я повидался съ Фраберомъ, но Деляжъ очень неспокоенъ на его счетъ. Онъ говоритъ, что это плутъ, что ты напрасно довѣряешься ему, что со времени твоего отъѣзда онъ зажилъ на большую ногу и что, наконецъ, ты очень хорошо сдѣлаешь, если возьмешь у него назадъ свою довѣренность. Я тоже могу тебѣ сказать, что фязіономія этого человѣка ввсегда мнѣ не нравилась. Нѣсколько дней тому назадъ онъ вдругъ явился къ Деляжу съ тѣмъ, чтобы получить принадлежащія тебѣ суммы, но Деляжъ отказалъ ему подъ различными предлогами, и совѣтуетъ тебѣ непременно свести счеты съ этимъ Фраберомъ. «Я знаю безпечность Вильяма, сказалъ онъ мнѣ, я знаю, что онъ беретъ не считая продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; это вѣрный способъ раззориться очень скоро, особенно когда имѣешь дѣло съ такимъ по вѣреннымъ, какого онъ себя выбралъ».

Деляжъ правъ, мой милый, ты всегда былъ черезчуръ безпеченъ въ денежныхъ дѣлахъ и черезчуръ великодушенъ. Я, конечно, не могу этого осуждать, однако, тебѣ надо подумать о себѣ. Перестань давать балы, повѣрь мнѣ; брось даже свою пастишескую идиллію, если она еще далека до развязки; коли ты настоящій умница, то брось даже и въ томъ случаѣ, если развязка не далека, и пріѣзжай устроить свои дѣла; Деляжъ тебѣ поможетъ.

Ты упрекаешь меня, несчастный, за то, что я три недѣли не писалъ тебѣ — ты не далъ мнѣ адреса, я не зналъ чтó съ тобой и куда ты дѣвался! И чтó ты тамъ дѣлаешь, въ этомъ крошечномъ приморскомъ мѣстечкѣ?

«Твой Жильберъ».

Вильямъ Жильверу.

12-го іюля.

Пора было! Я сохранялъ героическое спокойствіе, но я приближался къ одному изъ тѣхъ положеній, изъ которыхъ два выхода: или какая-нибудь гениальная выдумка, или отчаянная рѣшимость Ватала. Представь себѣ, Жильберъ—я это тебѣ рассказываю для того, чтобы дать тебѣ понять, какъ я тебѣ обязанъ и признателенъ—вчера былъ балъ. Музыканты, кандитеры, садовники, обойщики бѣгаютъ, шумятъ, суетятся, сталкиваются, со всѣхъ сторонъ раздается мое имя, ко мнѣ обращается безконечное число требованій, болѣе или менѣе смиренныхъ.

Я позволяю всѣмъ имъ собраться около себя и роняю холоднымъ и небрежнымъ тономъ слѣдующія слова: «Господа, моего управляющаго здѣсь нѣтъ; я не имѣю привычки лично заниматься подобными вещами. Завтра вы составите ваши счета, какъ можно яснѣе и точнѣе и представите ихъ мнѣ. Сегодня вечеромъ я занятъ устройствомъ праздника и моимъ туалетомъ». Они удаляются отступая и низко кланаясь.

Откуда ты взялъ, что мнѣ нужно непременно богатство? Я никогда не пользовался имъ собственно для себя. У меня есть свои фантазии, это правда, но онѣ могутъ практиковаться на самыхъ простѣйшихъ предметахъ. Я до смерти утомясь Парижемъ и безпутною жизнью, которую хотѣлъ видѣть, хотѣлъ узвать, точно какъ же какъ я хотѣлъ смотрѣть музеумы, дворцы и чердаки. Ты знаешь, что въ этой жизни я былъ зрителемъ и что она не можетъ имѣть для меня прелести и заманчивости. Я не того ищу; я иногда чувствую такую душевную пустоту, что хоть умирай, ложись.

Твои совѣты и совѣты Делажо очень хороши, но я ими не воспользуюсь; я хочу побыть здѣсь еще нѣкоторое время.

Не можете ли вы съ Делажемъ безъ меня устроить эти дѣла? На то, что мнѣ останется, я куплю себѣ усадьбу въ деревнѣ, заведу библіотеку и стану заниматься земледѣліемъ. Быть можетъ, я стану писать; мнѣ часто приходила эта охота.

Въ концѣ концовъ дѣлайте что хотите, я не оставлю Роюана...

У меня теперь передъ глазами самый прелестный типъ истинной чистоты и наивнаго невѣдѣнія. Представь себѣ дѣвушку девятнадцати лѣтъ, немного пониже средняго роста, необычайной бѣлизны, съ золотистыми волосами, съ розовыми щеками и голубыми глазами; у нея есть своего рода кокетство, но хитрять она не умѣетъ и ее предпочтеніе мнѣ, которое она воображаетъ скрыть, извѣстно всему Роюану.

Самое странное то, что родители Бланшъ, вмѣсто того, чтобы тревожиться моиими уходами, кажется, находятъ все это очень милымъ. Что это, увѣренность въ дочери? Довѣріе ко мнѣ? Во мнѣ они не ошибаются, если это такъ, потому что я боготворю и чту ея чистосердечіе. Но они вѣдь не знаютъ меня. Быть можетъ, они смотрятъ на меня, какъ на партію. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы меня спросить о моихъ намѣреніяхъ. Къ счастью или къ несчастію, они меня этимъ не смущаютъ. Хотя меня убей, я не знаю самъ, какую бы будущность я себѣ пожелаю, еслибы даже благодѣтельная фея отдала въ мое распоряженіе свой магическій жезлъ. Прощай.

Жильверъ Вилльямъ.

15-го іюля.

Любезный другъ, мы наконецъ розыскали Фрабера; но онъ оказался самымъ отчаяннымъ плутомъ. Я только что возвращаюсь отъ Делая, гдѣ мы его продержали больше двухъ часовъ въ надеждѣ чего-нибудь отъ него добиться. Но мы не добились ничего, кромѣ мошенническихъ счетовъ, безсовѣстныхъ увѣреній и увертокъ. И при этомъ что за возмутительная наглость! Къ несчастію, Делая говоритъ, что тутъ ничего нельзя сдѣлать; ты далъ ему полную довѣренность и судиться съ нимъ было бы совершенно безполезно. Никто кромѣ тебя не можетъ провѣрить его отчеты, а я очень хорошо знаю, что ты никогда провѣрять ихъ не станешь. Онъ велъ дѣла искусно и поймать его трудно.

Послѣ я передамъ тебѣ всѣ подробности, а теперь я только скажу тебѣ, милый Вилльямъ, что ты уже не можешь считать себя богатымъ человѣкомъ и что тебѣ надо будетъ подумать о средствахъ существованія.

Я тебя жду. Пріѣзжай скорѣе.

Вилльямъ Жильверу.

Сенъ-Палъ. 24-го іюля.

Мой другъ, человѣкъ предволагаетъ, а привычка располагаетъ. Ты знаешь, что я охотно сталъ бы носить рабочиью блузу, но я не могу обойтись безъ тонкаго и чистаго бѣлья. Послѣ недѣльнаго пребыванія въ этой деревнѣ, гдѣ народонаселеніе, даже женское, увы! лишено совершенно артистическаго чувства, я очутился въ бѣльѣ буланнаго цвѣта, въ бѣльѣ, измятомъ и испятнанномъ до такой степени, что ужасъ подобнаго положенія

пересилилъ всякую осторожность; я поспѣшилъ въ Ройаль и купилъ тамъ новыя рубашки. Возвращаясь въ Сентъ-Пале, я съ радостью совершалъ ослѣпительной бѣлѣны манжетту, окаймлившую мою руку; вдругъ ужасная мысль медленула у меня въ головѣ и поразила меня какъ громомъ: завтра эта самая ослѣпительная манжетта будетъ предана въ руки красильщицъ Сентъ-Пале и я долженъ буду положить на рубашки весь остатокъ моего состоянія. Восстану, мнѣ вѣзти изъ праха, и всегда бивать игрункою обстоятельствъ; потеря состоянія меня измѣнила, и въ первый разъ въ жизни экономическое соображеніе разрушило мои планы. Навода невозможнымъ жить въ Сентъ-Пале, я сѣлъ при дорогѣ и сталъ разрѣшать задачу: куда же я отправлюсь?

Этотъ вопросъ такъ меня поглотилъ, что тѣнь отъ тамарида, подлѣ котораго я сидѣлъ, утонула во мглѣ вечера, и обративъ глаза на море, я увидѣлъ его точно въ огнѣ. Поелѣшавшійся въ сторонѣ шумъ заставилъ меня обернуться, и я неслыхо различилъ, между небесными облаками и облаками земли, быстро приближающуюся коляску, которая остановилась около меня.

Г. Менсальванъ! вскричалъ женскій голосъ. Это оны! Что вы тутъ дѣлаете?

Въ коляскѣ сидѣло семейство Плишонъ, то-есть отецъ Вланишь, ее тѣтка и она сама. Г. Плишонъ сначала встрѣтилъ меня довольно чинно, Вланишь отвернулась, желая скрыть ярій румянецъ, а тѣтка, бросивъ на нее взглядъ, попросила меня сѣсть въ коляску.

Я колебался; тогда Вланишь на меня взглянула, и взглядъ ее былъ таковъ, что я вприпрыжку въ коляску. Я, не надѣявшійся никогда ее болѣе видѣть, я былъ подлѣ нея! Она все продолжала глядѣть въ другую сторону.

— Вы убѣжали изъ Ройяна? спросилъ меня г. Плишонъ.

Я отвѣчалъ, что неожиданное дѣло потребовало моего немедленнаго присутствія въ Парижѣ.

— Такъ что вы не успѣли ни съ кѣмъ проститься? замѣтила тѣтка тономъ ласковаго упрека.

— Да, сударыня, отвѣтилъ я такъ грустно и таинственно, что это должно было родить тысячу драматическихъ предположеній въ головѣ этой романтической особы.

Надобно тебѣ сказать, что тѣтенкѣ Клотильдѣ не больше тридцати лѣтъ; съ перваго взгляда она кажется жеманною и съ претензіями, потому что говоритъ черезчуръ длинныя и сентиментальныя фразы, но я думаю она гораздо искреннѣе, чѣмъ можно судить по ее наружности, и считаю ее такою же доброю,

какой она представляется. Она черезчуръ часто водмываетъ и заводитъ глаза къ небу, чтѣ не гармонируетъ вовсе съ ея нѣсколько кругленькою фигурою, но у ней нѣтъ недостатка въ привлекательности, ни въ умѣ, и судя по всему, она обожаетъ свою племянницу.

Моя поѣздка въ Парижъ дала г. Плишону поводъ сказать длиннѣйшую рѣчь о прежнемъ неудобствѣ путешествій и о быстротѣ путешествій въ настоящее время. Все это время я смотрѣлъ на Бланшъ; глаза ея были потуплены и розовыя ноздри нѣсколько раздувались. Сердце у ней, должно быть, сильно билось и мнѣ казалось иногда, что я слышу его бѣшеніе. Я больше не думалъ о томъ, чтобы бѣжать отъ нея, бросить ее. Какъ она была прелестна въ своемъ гнѣвѣ! Ея лицо представляло смѣсь печали и досады, которая показывала, что эта женщина еще дѣтя.

— Да, во времена моего дѣдушки, продолжалъ г. Плишонъ:— когда собирались ѣхать въ Парижъ, то писали духовное завѣщаніе передъ отправленіемъ въ дорогу, между тѣмъ какъ теперь...

— Путешествіе все-таки очень долгое! вскричалъ я, увлеченный желаніемъ утѣшить Бланшъ.—Что значить проѣхать двѣнадцать льѣ въ часъ, когда вамъ хочется въ одинъ мигъ перелетѣть все пространство?

Я видѣлъ, что тѣтка Клотильда украдкою толкнула подъ локоть племянницу, и что племянница слегка покраснѣла. Черезъ минуту на меня бросили взглядъ, потому она удостоила заговорить со мной, но съ нѣкоторою грустью.

Вечерняя свѣжесть становилась чувствительнѣе, и мадемуазель Клотильда заставила Бланшъ лучше закутаться въ шаль.

— Она хворала эти послѣдніе дни, прибавила она, глядя на меня, и очевидно желая мнѣ выставить на видъ всю великость моей вины.

Эта милая тѣтушка видимо покровительствуетъ нашей любви. Все это меня и очаровываетъ и выводитъ изъ терпѣнія въ одно и то же время, и я поддаюсь увлекающему меня очарованію, и негодую на себя, и досаую на другихъ. Иногда я себѣ говорю: тѣмъ хуже для нихъ! но вслѣдъ за тѣмъ я чувствую угрызненіе совѣсти...

Сегодня вечеромъ, на балѣ, она жаловалась на духоту и безвременно подходила къ открытымъ окнамъ. У нея не было обычной живости; я никогда не видалъ ее такою трогательною. Я взглядомъ умолилъ добрую Клотильду пойдти съ нами въ садъ. Мы съ Бланшъ скоро ушли впередъ и очутились въ глубинѣ

аллон. Мы молчали. Сначала это молчаніе насъ смущало, но вскорѣ мы нашли въ немъ невыразимую прелесть: никакими словами невозможно было бы лучше выразить «я тебя люблю».

Вдругъ недалеко послышался голосъ тѣтушки Клотильды; она звала Бланшъ, но очень тихо, какъ зоветъ снисходительная мать, которой жалко разстроить игру дорогаго ей ребенка. Я не могъ удержать восклицанія: уже! и я прижалъ руку Бланшъ къ своей груди, и увлекъ ее изъ сада на берегъ. Она не противилась, хотя говорила:—надо идти, тѣтушка зоветъ.

— Счастье длится такъ недолго! отвѣчалъ я ей.—Удержимъ его еще хоть на минуту!

— Вы не вѣрите въ счастье? спросила она съ удивленіемъ, и въ ея взглядѣ, обращенномъ на меня, выразалось столько чистой вѣры, что у меня сердце задрожало, и я вскрикнулъ:

— О, да! Я вѣрю!

И я повторилъ эти слова, прижимая мои губы къ ея губамъ.

Она не просила у меня другихъ обѣщаній или вѣтъ, милая дѣвушка! Я стижусь самаго себя и я въ восторгѣ, я вѣбшенъ и очарованъ, однимъ словомъ я самъ не свой. Я совершенно изумленъ тѣмъ, что чувствую себя еще такимъ молодымъ, начинаю радоваться этимъ живымъ волненіямъ, стараюсь ухватиться за нихъ, и вдругъ опять являютя сомнѣнія, осаждаютъ меня, и я перестаю вѣрить.

Всевозможные планы перевертываются у меня въ головѣ. То я обираюсь ѣхать въ Америку, то думаю жениться. Чѣмъ долѣе длится эта нерѣшительность и недоумѣніе, тѣмъ моя роль сомнительнѣе. Правда, надо сказать и то, что я не могу ни на что и рѣшиться, потому что прежде всего для этого надобны деньги. Если я совершенно, въ конецъ разоренъ, тогда будь Бланшъ богата или бѣдна, все равно я не могу на ней жениться. Скоро ли ты наконецъ скажешь мнѣ, что именно у меня остался? Отвѣчай пожалуйста съ первой почтой.

Жильверъ Вилльямъ.

26-го іюля.

Быть можетъ, ты дѣлаешь величайшее безуміе, но твое последнее письмо все-таки нѣсколько успокоило меня, мой дорогой Вилльямъ. Само собою разумѣется, что влюбленнымъ быть все-таки лучше чѣмъ быть въ отчаяніи. У тебя остается не много меньше 30,000 франковъ.

Поговоримъ пожалуйста серьезно, милнй другъ. Теперь весь твой капиталъ не стоитъ прежняго годоваго дохода; ты совсѣмъ

не умѣешь экономничать, и потому необходимо не теряя времени искать какихъ-нибудь средствъ къ жизни.

Тебѣ надо разбогатѣть, Вилльямъ. Но ты ничего не смыслишь въ спекуляціяхъ, ты презираешь торговлю — значить, эти два пути въ счетъ не идутъ; ты бы могъ, пожалуй, съ твоими именомъ и связями, получить жѣсто гдѣ-нибудь по административной или по дипломатической части, но я опасаясь, что и это тебѣ не подойдетъ.

Самое для тебя лучшее, это женитьба на какой-нибудь богатой дѣвушкѣ.

Я, признаюсь, не понимаю, что тебя тутъ можетъ стѣснять. Это вовсе не обманъ, это вошло въ наши нравы. Женщина, не имѣющая сама по себѣ никакой общественной силы и никакой общественной дѣятельности, приносящая съ собою только расходы и обремененіе, должна приносить и приданое, чтобы сколько нибудь облегчить эти заботы и расходы. Что касается до того, бѣденъ или богатъ женихъ, то пусть родители невѣсты объ этомъ наводятъ сами справки, это ихъ дѣло, а женихъ вовсе не обязанъ наивно признаваться ниъ, раззорился онъ или нѣтъ. Я знаю, что ты вспыхнешь негодованіемъ, прочитавъ эти слова. Однако, мой милнй, ты долженъ былъ давно понять, что мы не можемъ играть въ открытую при нашемъ положеніи общества и что невозможно быть частосердечнымъ и откровеннымъ, когда всѣ притворяются и лукавятъ. Видь ты, я полагаю, не захочешь развиртать изъ себя донъ-Кихота-Ламанчскаго?

Узнай поскорѣе, какое приданое за Бланшъ. Если она безпріданница, то во имя вашего общаго благополучія вамъ необходимо разстаться. Она заплачетъ немножко, и потомъ возродится для другой любви. Дай только мнѣ адресъ ея отца и я скоро буду знать, въ какомъ положеніи его дѣла. Мы найдемъ для тебя великолѣпную партію въ Парижѣ. Обдумай все хорошенько, умоляю тебя, милнй Вилльямъ.

Вилльямъ Жильверу.

28-го іюля.

Твое письмо еще живѣе заставило меня почувствовать невольность моего положенія, и я рѣшился, ни минути не медля, узнать, точно ли Бланшъ богатая невѣста и могутъ ли меня заподозрить въ корыстныхъ видахъ. Я подстерегъ въ кафѣ одного стараго судью, большаго сплетника, и вступилъ съ нимъ въ разговоры. Вѣроятно онъ тотчасъ же смекнулъ, чего мнѣ надо и

съ удовольствіемъ удовлетворилъ мое любопытство. Онъ сообщилъ мнѣ, что г. Плишонъ былъ когда-то адвокатомъ въ Пуатье, и нажилъ прекрасное состояніе; у него трое дѣтей, но говорить, что старшая дочь не пойдетъ за мужъ. Если послѣднее справедливо, то болѣе полумилліона франковъ достанется на долю Бланшъ младшей дочери и ея брата.

250,000 франковъ въ отдаленномъ и сомнительномъ еще будущемъ, потому что мадемуазель Эдитъ можетъ видѣти замужъ, если ей придетъ охота, конечно, тебя не ослѣпить, но здѣсь это считается громаднымъ состояніемъ. Я становлюсь, значить, не въ положеніе молодаго человѣка, очарованнаго прелестною дѣвушкою, а въ положеніе презрѣннаго нищаго. Я рѣшился. Я собрался въ дорогу и хотѣлъ взять мѣсто въ длижансѣ, который отсюда отходитъ въ пять часовъ утра. Только на этотъ разъ, я не хотѣлъ уѣхать не простившись съ Бланшъ; я не хотѣлъ быть грубымъ и жестокимъ, я не хотѣлъ слишкомъ возмутить эту молодую душу и наполнить ее отчаяніемъ. Словесное объясненіе было чрезчуръ опасно. Я ей написалъ. Не объясняя ей причину моего отъѣзда, а простался съ нею навсегда. Я писалъ съ отчаяніемъ въ душѣ; когда пришлось отказываться отъ Бланшъ, у меня пропало всякое колебаніе и я сейчасъ же съ радостью женился бы на ней, еслибы это было возможно.

Я встрѣчаюсь съ ней всякій вечеръ или въ воксалѣ или въ саду, или гдѣ-нибудь у знакомыхъ. Я отправился; я былъ несчастнъ, смущенъ, я не смѣлъ подойти къ Бланшъ и слѣдилъ за нею только глазами; она ходила по террасѣ съ тѣткою и сестрою, а я велъ разговоры съ госпожею Плишонъ, сидѣвшею у открытаго окна гостиной. Госпожа Плишонъ отличная женщина и чрезвычайно мнѣ по нраву и по сердцу. Не знаю, какимъ образомъ разговоръ перешелъ на подозрительность. Я сталъ говорить съ такимъ глупымъ жаромъ, что госпожа Плишонъ, останавливая на моемъ лицѣ свои умные черные глаза, спросила: чтѣ съ вами? Я отвѣтилъ ей очень неопредѣленно и пошелъ къ Бланшъ. Она сидѣла на скамьѣ и притворялась, что меня не видитъ. Услыхавъ мои шаги, она вскрикнула, обращаясь къ тѣткѣ и сестрѣ:

— Не хотите ли походить?

Она вставала съ мѣста, когда я очутился передъ нею.

— А! это вы! сказала она беззаботнымъ тономъ.

Я ей не отвѣчалъ и предложилъ руку. Мы пошли; тѣтка и сестра послѣдовали за нами.

Бланшъ щебетала какъ птичка; я едва отвѣчалъ ей. Я слышалъ, что тѣтка Клотильда прошептала сзади меня:

— Нашъ влюбленный загрустилъ сегодня.

На это мадемуазель Эдитъ ничего не отвѣтила сначала: это ея обычная манера вести разговоры. Однако, ей случается иногда говорить несравненно умныя и удачныя вещи; черезъ минуту она связала тѣтъѣ:

— Мы ихъ стѣсняемъ.

Онѣ отстали отъ насъ.

— Вы не всегда бываете любезны, промолвила моя прелестная спутница съ видомъ недовольной королевы.

— Я, какъ и всякій другой, моя дорогая Бланшъ, отвѣтилъ а:—когда страдаю, то перестаю смѣяться.

— Вы страдаете? вскрикнула она, и обхватила обѣими руками мою руку, и обернула ко мнѣ свое милое, омрачившееся и встревоженное личико.

— Вильямъ! О! чтѣ съ вами?

Мы были одни. Я отвѣтилъ ей поцалуемъ на всѣ ея разспросы. Она не поняла бы моихъ сомнѣній, она стала бы плакать, стала бы упрекать меня, быть можетъ она бы даже прибѣгла къ помощи своихъ домашнихъ, меня бы уговорили, и все это вышло бы очень малодушно и низко. Я ее отвелъ къ остальному обществу и во все продолженіе вечера мы уже не оставались съ нею наединѣ. Она уѣхала домой въ одиннадцать часовъ и, прощаясь съ нею, я передалъ ей приготовленное письмо, потому, самъ не зная зачѣмъ и почему, я бросилъ любимую мною дѣвушку, обратившюся ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ и любовію, я пришелъ домой и бросился въ постель въ ожиданіи отъѣзда.

Мною овладѣло то горестное волненіе, которое заставляетъ насъ терять сознаніе времени. Когда я услышалъ стукъ у дверей, я вообразилъ, что уже пять часовъ утра и что меня пришли будить. Я тотчасъ же всталъ и отворилъ дверь, но вмѣсто носильщика, которому я собирался отдать чемоданъ, я съ изумленіемъ увидалъ передъ собою мадемуазель Клотильду.

Я сейчасъ же угадалъ, чтѣ случилось: Бланшъ выдала себя отчаяніемъ. Я скорѣе бы поналъ визитъ отца или брата Бланшъ въ подобномъ случаѣ, но визитъ тѣтки, среди ночи, повазался мнѣ очень страннымъ.

Во всякомъ случаѣ, вмѣшательство какого бы то ни было посторонняго лица въ мои частныя дѣла было мнѣ невыносимо, и потому я сухо выразилъ мадемуазель Клотильдѣ мое изумленіе. Я не знаю, говорилъ ли я тебѣ, что, несмотря на принятое

ею на себя званіе старой дѣвушки, мадемуазель Клотильда молодая женщина и очень пріятная особа. Ея присутствіе въ моей комнатѣ, среди ночи, было, значить, очень романтично и она этого не забывала. У нея былъ трагическій видъ, и она заговорила съ героическою рѣшимостью:

— Мое присутствіе въ такое время у васъ въ комнатѣ должно бы удивить васъ, еслибы совѣсть ваша не подсказала вамъ, какая причина привела меня сюда.

Въ то же время она вошла и почти упала въ кресло. Я взглянулъ на часы; былъ первый часъ.

— Г. Вилльямъ, вскрикнула мадемуазель Клотильда:—я считала васъ честнымъ, хорошимъ человекомъ, и никогда, о, никогда! я не думала, что вы способны на такую жестокою и черную измѣну!

Подобное вступленіе окончательно раздражило меня, и я сказалъ, взявъ ее за руку:

— Я не смѣлъ надѣяться, что когда нибудь внушю вамъ такое живое участіе. Даже оскорбленія, провозносимыя прелестными устами, имѣютъ цѣну. Вы въ моей комнатѣ, среди ночи, и это доказательство такого особаго участія, что...

Я покраснѣлъ, видя что она краснѣетъ. Она побѣдила однако свою боязнь и огорченіе, и вырывая свою руку, продолжала съ истиннымъ достоинствомъ:

— Вы чувствуете сами, что я не заслуживаю подобныхъ оскорбленій. Вы обманули довѣріе нашего семейства, вы переполнили отчаяніемъ молодую душу, стремившуюся любить и вѣрить. Я считаю себя виноватою, потому что по глупой неосмотрительности я потворствовала вашимъ свиданіямъ и разговорамъ. Я пришла спросить у васъ объясненія, чтобы понять причины такого страннаго и неблагоприятнаго поведенія.

Тѣтка Клотильда обладаетъ нѣкоторымъ ораторскимъ талантомъ, но она ужъ чересчуръ заносится и, слушая ее, критическое чувство у меня пересилило душевное волненіе. Однако, она была такъ права, что я пересталъ шутить и издѣваться. Я стоялъ передъ нею, исполненный печали и смущенія, и не зналъ, чтѣ ей отвѣчать.

— Я не намѣренъ, сказалъ я наконецъ:—оправдываться. Быть можетъ, однако, я не такъ виноватъ, какъ вы полагаете. Быть можетъ, я не менѣе другихъ достоинъ состраданія...

— Конечно, милостивый государь, не моя племянница заговорила первая о любви?

— Это дѣло этикета, сударыня. Чтѣ до того, кто заговорилъ первый, если я зналъ, что она уже любитъ меня?

— Но почему вы ее разлюбили? Вѣдь Бланшъ ангель! Она не заслуживаетъ пренебреженія! Неужели всѣ мужчины безъ исключенія могутъ играть самымъ благороднымъ, самымъ чистымъ чувствомъ! (Она подняла глаза къ небу). Увы! жестокая опитность, купленная дорогою цѣною, должна бы меня сдѣлать подозрительною, но вѣрить такъ отчаянно, а сомнѣваться такъ ужасно! Вы казались мнѣ, сударь, такимъ благороднымъ, такимъ искреннимъ и честнымъ!

Я поклонился.

— Я согласенъ съ вами, мадемуазель, я не долженъ былъ поддаваться очарованію, зная что я не могу имѣть надежды жениться на Бланшъ. Но тогда я не зналъ... Однимъ словомъ, ошибка сдѣлана, — ее надо теперь поправить, и я рѣшился уѣхать.

Она вскрикнула:

— Такъ это будетъ жертва? Такъ вы ее любите? Ахъ! я не сомнѣвалась въ этомъ, я надѣялась... Скажите мнѣ все, умоляю васъ. Я достойна этого довѣрія! Вы довѣрите ваши печали сердцу, которое перенесло жестокія испытанія!...

Она протянула мнѣ руку; я слегка пожалъ ее.

— Позвольте мнѣ, сударыня, умолчать обо всемъ, что тутъ до меня касается.

— А! вы безжалостны! Но подумайте объ этомъ бѣдномъ ребѣнкѣ! Я ее оставила умирающею въ объятіяхъ матери. Она въ отчаяніи! Она призываетъ смерть! Она васъ любитъ! Вы ее первая любовь! Она положила въ эту любовь всю свою душу, всю вѣру, все! Если вы ее покинете, вся жизнь ее будетъ разбита! А! какъ я горько себя упрекаю!

— Я въ отчаяніи, сказалъ я съ такимъ видомъ, который давалъ ей понять, что толковать дальше будетъ бесполезно.

— Нѣтъ, вы не въ отчаяніи! вскричала она:—нѣтъ, это неправда! О, гнѣвайтесь, сколько угодно, я вамъ не вѣрю! Нѣтъ, вы не въ отчаяніи; вы не любите; истинная любовь не отступаетъ при встрѣчѣ съ препятствіями, а борется съ ними! Что вамъ за дѣло до того, если вы разбили душу молодой дѣвушки, погубили ее во мнѣніи общества, подвергли ее жизнь опасности!...

— Сударыня, точно ли я такъ виноватъ? Мы знакомы съ нею всего нѣсколько недѣль и...

— Развѣ въ восемнадцать лѣтъ сомнѣваются? Въ эти годы любовь (увы! я это знаю очень хорошо!) поражаетъ какъ громъ небесный, является какъ откровеніе... А! моя бѣдная Бланшъ!

Мое бѣдное дитя! Такая добрая, такая чистая, исполненная такихъ надеждъ на будущее!

Мадемуазель Клотильда разразилась рыданіями и закрыла себѣ лицо руками. Сердце у меня мучительно сжалось.

— Еслибы я могъ думать, вѣрить, пробормоталъ я:—что она сумѣетъ любить...

— Вы не думаете? Не вѣрите? вскричала мадемуазель Клотильда вставая.—Вы не вѣрите? Да почему же, Господи, вы не вѣрите? Не женщины утомляются любовью, сударь. А! если вы сомнѣваетесь въ этомъ ребѣнкѣ, у котораго вы отняли душу, если у васъ нѣтъ другихъ причинъ, я васъ оставляю, вы недостойны ея. Скажите, это только васъ смущаетъ?

— Нѣтъ, не одно это.

— Такъ скажите, что же! Пойдите, быть можетъ, я угадаю. Вѣдь вы конечно не женаты?

Я, улыбаясь, сдѣлалъ отрицательный знакъ.

— Хорошо. Вы тоже ничѣмъ не обезпечены?

Я пожалъ плечами.

— Такъ это дворянская гордость васъ удерживаетъ, да?

— Во все у меня нѣтъ этой дворянской гордости.

— Но что же такое? Просто женитьба васъ пугаетъ?

— Нѣсколько дней тому назадъ она меня пугала. Но теперь меня только терзаетъ сожалѣніе, что я не могу жепиться. Я люблю Бланшъ.

Ты угадываешь, что я уже не могъ послѣ всего этого отдѣлаться отъ тѣтушки Клотильды, и что наконецъ настоящая причина была найдена. Тѣтушка Клотильда разразилась восклицаніями:

— Какъ! Это-то? И вы можете ставить рядомъ благороднѣйшія, возвышеннѣйшія стремленія и потребности души съ презрѣнными заботами о матеріальномъ существованіи? Развѣ душа питается деньгами? и т. д.

Потомъ она сказала, что у Бланшъ прекрасное приданое и что она рада будетъ поправить несправедливость судьбы въ отношеніи меня.

— Никакой несправедливости судьбы нѣтъ, мадемуазель: я раззорился.

— Потому что вы великодушны! я увѣрева потому! Благородный молодой человѣкъ!

Я не могъ удержаться отъ нетерпѣливаго движенія.

— О, мадемуазель, не уничтожайте меня подобными словами, прошу васъ. Я просто раззорился потому, что я человѣкъ безпорядочный, беззаботный, лѣнивый и расточительный. Я теперь

въ первый разъ жалѣю о томъ, что такъ глупо велъ себя. Не принимайте меня за героя, ради Бога, иначе мнѣ придется краснѣть отъ стыда.

Этотъ отвѣтъ охладилъ немножко ея энтузіазмъ.

— Какъ бы то ни было, сказала она:—я увѣрена, что у васъ не было никакихъ постыдныхъ увлеченій. Ваше безкорнстіе и деликатность служатъ мнѣ въ томъ порукою.

— Вы видите теперь, что я былъ правъ. Вы одобряете...

— Нѣтъ! я уважаю ваше безкорнстіе и деликатность, но я съ вами несогласна... Презрѣнный металлъ...

— Однако, возразилъ я, снова выведенный изъ терпѣнія «презрѣннымъ металломъ»:—еслибы я согласился, то ничто не ограждаетъ меня отъ подозрѣній въ...

— Вы насъ не знаете, милостивый государь. Быть можетъ, родители Бланшъ и желали бы богатства для дочери, но прежде всего они ищутъ для нея счастья. Сестра моя женщина съ самыми возвышенными чувствами. Что касается до моего шурина... во первыхъ, онъ не знаетъ, что случилось сегодня ввечеру, и если завтра что нибудь замѣтитъ, то можно все свернуть на нездоровье, и онъ повѣритъ; вторыхъ, Бланшъ дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ, своими ласками. Конечно, онъ не можетъ равняться съ сестрой по чувствамъ, но онъ очень добрый человѣкъ, увѣряю васъ. Довѣрьтесь мнѣ. Я люблю Бланшъ, какъ родную дочь; я для себя самой уже не жду ничего отъ жизни, и перенесла на нее всю мою любовь.

Она говорила довѣрчиво и съ грустью, и кажется совсѣмъ забыла, который часъ и гдѣ она находится. Она уже въ третій или въ четвертый разъ намекала на какія-то свои прошедшія печали и разочарованія и во всякое другое время я бы выслушалъ ея признанія, но начинало свѣтать, и ей пора было идти домой.

— Дорогая мадемуазель Клотильда, сказала я, указывая ей на часовую стрѣлку, означавшую уже три часа:— вы показали великимъ приходомъ ко мнѣ такое мужество и самоотверженіе, на которое способны очень немногія женщины. Мнѣ невыносима мысль, что вы можете сдѣлаться жертвою вашей преданности. Скоро начнетъ свѣтать, а вамъ надо проходить домой черезъ самую людную улицу. Вамъ надо спѣшить домой.

— Съ условіемъ, сказала она, вставая:—что вы обѣщаете мнѣ не уѣзжать, и что я могу передать Бланшъ ваше обѣщаніе увидаться съ нею. Скажите: да или нѣтъ, безъ этого я не выйду изъ этой комнаты!

Она въ самомъ дѣлѣ снова сѣла въ кресло и повидимому собралась просидѣть въ немъ хоть цѣлую ночь.

Я никогда не уступаю насильственнымъ мѣрамъ, и въ первую минуту я хотѣлъ броситься на постель и отлечься, подобно тѣтушкѣ, рѣшительностью и твердостью. Однако, эта мысль мелькнула у меня только на мгновеніе.

— Я завтра увижусь съ мадемуазель Бланшъ, сказалъ я.

— Наслу-то! вскричала тѣтушка Клотильда.— Вы ее увидите, и всякая жертва покажется вамъ тогда очень легка!

Опять она была тысячу разъ права. Я самъ еще не могу опомниться и сообразить, какъ это такъ сдѣлалось, что я жевусь, но я очень счастливъ, а это самое главное.

Видльямъ.

Видльямъ Жильберу.

31 во іюля.

Я болтавъ, какъ влюбленный, милый Жильберъ, то-есть съ нею я молчаливъ; я на нее глажу, я ее слушаю, или мечтаю возлѣ нея, но едва остаюсь одинъ, меня одолеваетъ непобѣдимая потребность говорить съ тобой о ней.

Она такъ наивно-восторженна въ своей любви, что трогаетъ меня до глубины души. Сегодня утромъ, устремляя на меня свои влажные, сіяющіе глаза, она мнѣ сказала: «я бы умерла!» Неужели она ошибается? Нѣтъ, ея увѣренность исходитъ изъ болѣе глубокаго источника, чѣмъ опытность. Когда я увидалъ ее на другой день послѣ моего объясненія съ тѣтушкой Клотильдой, она была похожа на майскій вѣжный цвѣтокъ, только что выдержавшій грозу; когда я показался, она вся просіяла. Вчера, благодаря Клотильдѣ, мы остались наединѣ. Я не буду тебѣ передавать нашихъ разговоровъ, но послѣднія безпокойства, послѣднія возраженія холоднаго разсудка навсегда разсѣялись.

Я имѣлъ длинный разговоръ съ ея матерью. Она была взволнована, ласкова, встревожена.

— Я боюсь, что сестра моя тутъ слишкомъ увлеклась, сказала она. — Я желала бы, чтобы вы сами рѣшили, безъ всякаго посторонняго вліянія. Клотильда была права, увѣряя васъ, что богатство тутъ мало значитъ, но она не должна была говорить вамъ объ отчаяніи Бланшъ. Вы знали, что вы любима, и этого было довольно. Я не хотѣла бы ни за что на свѣтѣ (и Бланшъ тоже), чтобы одно состраданіе или долгъ...

— Вы хотите, чтобы дочь ваша была любима, отвѣтилъ я.— Она любима, клянусь вамъ. Еслибы я не былъ увѣренъ въ сча-

сти, еслибы я не вѣрилъ въ серьёзность ея чувства, я уѣхалъ бы, несмотря ни на свое, ни на ея отчаяніе.

— Такъ значить, сказала она съ наивнымъ удивленіемъ: — вы смотрите на женитьбу какъ на вещь серьёзную?

— Да, отвѣчалъ я съ волненіемъ. — Для меня женитьба это— любовь.

Госпожа Плишонъ взяла меня за обѣ руки.

— О, я очень счастлива, что вы такъ говорите; я вамъ вѣрю, сказала она. — Я всегда думала, что вы очень искренни, что вы не похожи на другихъ мужчинъ, и меня не беспокоило ваше вниманіе къ Бланшъ и ея расположеніе къ вамъ. Когда я нашла ваше прощальное письмо, я сейчасъ же подумала: тутъ что-нибудь скрывается; быть можетъ, ему самому не легче, чѣмъ намъ. Тогда Клотильда рѣшилась, а сначала...

— Она считала меня за чудовище, не правда ли?

Госпожа Плишонъ улыбнулась.

— Если вы въ самомъ дѣлѣ ставите любовь выше всего на свѣтѣ, сказала она: — то Бланшъ будетъ счастлива. Мы, женщины, просимъ только одного, чтобы насъ любили. О насъ нельзя судить по женщинамъ большаго свѣта: тѣ, говорить, кокетки, вѣтрены, непостоянны, а мы, выпадетъ ли намъ счастье, выпадетъ ли несчастье, мы остаемся вѣрны своимъ обязанностямъ... Конечно, есть исключенія, но они рѣдки. И однако наши мужья не занимаются нами. Когда пройдетъ медовый мѣсяцъ, они считаютъ, что этого съ насъ достаточно, и принимаются за свои дѣла, возобновляютъ сношенія съ старыми пріятелями, слѣдятъ за политическими или мѣстными сплетнями, начинаютъ снова вести отупляющую уличную жизнь. Мы остаемся одиѣ съ дѣтьми. Подобная жизнь очень печальна и тяжела!

Я поцаловалъ руку этой милой, доброй женщины, и увѣрилъ ее, что Бланшъ всегда будетъ моимъ другомъ и участникомъ во всѣхъ радостяхъ и огорченіяхъ моей жизни.

— Мой мужъ согласится, сказала она: — но надо подождать нѣсколько дней, надо приготовить его. Онъ не станетъ требовать, чтобы вы были непременно богаты, но онъ потребуетъ (я я думаю, онъ будетъ въ этомъ правъ), чтобы вы позаботились прислать себѣ какое-нибудь занятіе. За Бланшъ пятьдесятъ тысячъ франковъ приданого. Этого мало на то, чтобы жить безбѣдно и воспитывать дѣтей.

— Я уже думалъ объ этомъ, сказалъ я. — При заключеніи свадебнаго контракта будетъ сказано, что она выходитъ за меня замужъ, сохраняя всѣ права на свое приданое. Я женюсь только тогда, когда получу какое-нибудь мѣсто.

— О! какъ вы горды! замѣтила она. — И какъ вы великодушны тоже! Вы теперь не будете вѣдь мотать, да?

— Развѣ вы меня считаете за эгоиста? спросилъ я.

Она вмѣсто отвѣта сжала мою руку.

Я, кажется, еще не говорилъ тебѣ о сестрѣ Бланшъ, мадемуазель Эдитъ и о братѣ ихъ Антенорѣ. Антенору двадцать-одинъ годъ, онъ вышелъ немного поздненько изъ училища, и скоро отправляется въ Парижъ, гдѣ онъ будетъ, какъ увѣряетъ, изучать право. Въ настоящую минуту предметъ его изученія я; онъ старается подражать моимъ манерамъ, моею одеждѣ съ такою рабскою точностію, что иногда меня это приводитъ въ смущеніе. Недалежь, очень тщеславенъ, фанфаронъ, не злой малый—вотъ портретъ моего будущаго шурина.

Мадемуазель Эдитъ двадцать-четыре года. Она высокаго роста, чрезвычайно бѣла; глаза и волосы у нея черные. Во всей ея особѣ столько сухости, и она такая молчаливая, что производитъ почти непріятное впечатлѣніе. Она произноситъ только односложныя слова, и точно чужая въ своей семьѣ; семья тоже относится къ ней безъ особой горячности. Она проводитъ бѣольшую часть дня въ своей комнатѣ, никогда не показывается на балахъ, и, кажется, только одно плаваніе доставляетъ ей удовольствіе. Плавать она отлично. Я ее увидалъ въ первый разъ въ морѣ, въ двухъ стахъ саженьхъ отъ берега. Я былъ одинъ и шелъ домой, когда плескъ воды заставилъ меня обернуться. Я увидалъ это блѣдное лицо и длинныя черныя косы; я принялъ ее за Амфитриду, потому что всѣ здѣшнія купальщицы носятъ ужасныя чепцы изъ клеенки. Для довершенія сходства, божество бросило на меня холодный взглядъ, и вдругъ погрузившись въ волны, исчезла у меня изъ глазъ. Но я долженъ прибавить, что она снова появилась на нѣсколько сажень подальше. Съ этого дня я отличалъ ее всегда отъ всѣхъ другихъ купальщицъ. Она сложена великолѣпно и купальный костюмъ обрисовываетъ изящныя формы ея тѣла, но въ обыкновенномъ платьѣ она уже не та, и даже кажется слишкомъ громадною въ сравненіи съ другими тоненькими женщинами. Она, очевидно, не затягивается въ корсетъ. Одно это тебѣ показываетъ, какъ она мало заботится о томъ, замѣтить ее или нѣтъ. Отъ гордости это? Или по безпечности? Или она принадлежитъ къ числу тѣхъ чудачекъ, которыя ничего не дѣлаютъ полудски, а все по своему? Когда о ней заходитъ рѣчь между ея домашними, то говорятъ или съ неудовольствіемъ, или очень сдержанно. Вчера мы поѣхали кататься.

— Кажется, мы не сказали Эдить, что ѣдемъ, замѣтила Клотильда.

— О, она бы все равно съ нами не поѣхала, отвѣчала равнодушно Бланшъ.

— Все-таки слѣдовало предупредить ее, дитя мое, произнесъ кроткій голосъ госпожи Плишонъ.

— Ва! она отъ этого вниманія не сдѣлалась бы ничуть милѣе и любезнѣе, проворчалъ отецъ недовольнымъ голосомъ.

Кромѣ того, госпожа Плишонъ, говоря о Бланшъ, сказала мнѣ разъ: «У нея самый уживчивый и кроткій характеръ. Она отроду насъ ничѣмъ не огорчила, она вовсе не похожа на старшую сестру!» Что же эта Эдить, домашній бѣсъ, что ли? И почему это она не хочетъ выходить замужъ? Быть можетъ, въ ея жизни есть что-нибудь такое, что не такъ удобно рассказывать, какъ печали тѣтушки Клотильды? А, впрочемъ, мнѣ-то какое до этого дѣло?

Вильямъ Жильверу.

9-го августа.

Вчера въ вечеру Клотильда взяла меня съ таинственнымъ видомъ подъ руку и увела въ аллею.

— Ну! сказала она: — мы съ сестрою подготовили все; вы завтра можете сдѣлать предложеніе.

— Я могу быть увѣренъ въ благопріятномъ отвѣтѣ?

— Конечно... мы не сомнѣваемся. Надо вамъ сказать, что нѣсколько дней тому назадъ господинъ Плишонъ собралъ справку о васъ черезъ своего парижскаго нотариуса. Вчера онъ получилъ отъ него письмо, и письмо это очень въ вашу пользу.

— Ва!

— Да. Прекрасное имя, большія связи, громадное состояніе, молодость бурная, безумная, но ни чѣмъ не запятанная. Въ концѣ-концовъ великоблнная партія во всѣхъ отношеніяхъ.

— Вы теперь видите, на сколько можно довѣрять поставщикамъ вѣрныхъ свѣдѣній!

Тѣтушка Клотильда призадумалась.

— Послушайте, сказала она, глядя мнѣ прямо въ лицо: — это правда, вы точно разорились?

Я не могъ удержаться отъ рѣзкаго движенія и покраснѣлъ отъ досады.

— Я не играю комедіи, мадемуазель, отвѣтилъ я очень сухо.

— Послушайте, продолжала она, смущаясь: — вы, можетъ быть, хотѣли испытать...

— Такъ, какъ испытываютъ въ романахъ? Я не употребляю подобныхъ ухищреній. Кромѣ того, попробуйте припомнить то, что я не могъ предвидѣть вашего прихода, не могъ предвидѣть, что меня стануť удерживать, я собирался уѣзжать. Сказать по правдѣ, я на вашемъ мѣстѣ предпочелъ бы разорившагося челоуѣка тому, кто придумываетъ подобныя средства.

— Полноте, не сердитесь! Не мнѣ одной пришло это въ голову: Бланшъ то же подумала.

— Тѣмъ хуже; она, стало быть, обрадовалась бы, еслибы...

— Э! вовсе нѣтъ. А только такъ ей пришла такая мысль. Когда шуринъ прочелъ намъ это письмо, сестра сказала: «господинъ Лебрень ошибается насчетъ состоянія: графъ де-Монсальванъ разорился; онъ самъ мнѣ это сказалъ». — Разорился! вскричалъ господинъ Плишонъ и очень огорчился. Тогда сестра сказала ему, что главный виновникъ вашего разоренія былъ повѣренный, и она обратила вниманіе мужа на вашу деликатность и откровенность. Вышелъ длинный споръ, господинъ Плишонъ не сдавался; тогда Бланшъ рыдая бросилась къ его ногамъ.

— Ну, вотъ еще эта! закричалъ онъ и ушелъ, хлопнувъ дверями. Бланшъ тоже сдѣлалось дурно.

— Я знала очень хорошо, что господинъ Плишонъ не замедлитъ возвратиться. И точно, онъ черезъ нѣсколько времени возвратился, и увидя дочь въ слезахъ, опять вспылилъ; потомъ взялъ ее за руки и сталъ журить; потомъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Тогда я сказала ему, что ваше имя и ваши связи стоили всякаго богатства и что вамъ очень легко получить превосходное мѣсто. Это произвело на него сильное впечатлѣніе. «Ну, тогда, это дѣло другое, вскричалъ онъ: — тогда это дѣло другое!» Теперь онъ сомнѣвается только въ вашемъ благоразуміи; онъ боится, что вы не въ состояніи будете отвыкнуть отъ мотовства и тоже...

Клотильда остановилась и поглядѣла на меня очень лукаво, потомъ опять продолжала серьезнымъ тономъ:

— Г. Плишонъ не понимаетъ, какую власть имѣетъ истинная любовь; я смотрю на такую любовь, какъ на обновленіе всего существа... Развѣ въ объятіяхъ такого ангела, какъ Бланшъ, вамъ могутъ показаться заманчивы порочныя увлеченія...

— Порочныя увлеченія? Кто же меня въ нихъ обвиняетъ? вскрикнулъ я.

— Боже великій! вы, мой другъ, вѣроятно грѣшили не больше другихъ, и теперь вы очищены, обновлены...

— Въ чемъ меня обвиняютъ? повторилъ я настоятельно.

— Но вы увезли эту актрису, знаете... ваша бурная молодость...

— Я никогда не ухаживал ни за какой актрисой, и если мою молодость поверхностные люди величают бурною, то никто не может сказать, что моя молодость запятнана чѣмъ-нибудь безчестнымъ.

— О! господинъ Лебрѣнъ отдаетъ полную справедливость вашимъ высокимъ, нравственнымъ качествамъ.

Я расхохотался.

— Въ самоѣ дѣлѣ? Что же онъ еще сообщаетъ обо мнѣ?

— Право, я не должна бы вамъ этого пересказывать... господинъ Лебрѣнъ опасается, что у васъ есть долги, и совѣтуетъ быть осторожнымъ при заключеніи свадебнаго контракта.

— Повторимъ вкратцѣ все, сказалъ я: — огромное состояніе, большія связи, бурная молодость, порочныя увлеченія, высокія нравственныя качества, не довѣрять этому человѣку при заключеніи свадебнаго контракта. И во всемъ этомъ сборѣ разнородныхъ словъ, ни одного слова правды. Я понимаю, что г. Плишону желательно узнать меня ближе, прежде чѣмъ онъ рѣшится отдать за меня дочь, но я не позволю меня судить на основаніи подобныхъ свѣдѣній.

— Что жъ, вы станете съ нимъ ссориться? Что же дѣлать родителямъ? какъ имъ быть? Вѣдь только женуха можно принимать у себя каждый день.

— Такъ что обязательство предшествуетъ знакомству! Это, по вашему, логично?

— Господи Боже мой! конечно, вѣтъ; но что же дѣлать? Надо сообразаться съ обычаями.

— Разумѣется! Тѣмъ болѣе, что тутъ не рискуютъ ничѣмъ, кромѣ счастья своей жизни. Но принятые обычаи стоятъ того.

Когда мы спорили такимъ образомъ, господинъ и госпожа Плишонъ съ Вланшъ присоединились къ намъ. — Дамы очень скоро устроили такъ, что мы очутились наединѣ съ господиномъ Плишономъ.

Господинъ Плишонъ человѣкъ пятидесяти лѣтъ, средняго роста, свѣдй, румяный, начинающій тучнѣть; у него открытое лицо, голубые глаза на выкатѣ, круглый носъ, умѣренный ротъ, бакенбарды съ просѣдою, круглый подбородокъ, крѣпкое тѣлосложеніе. Особныя примѣты: пристрастіе къ общимъ мѣстамъ и избитымъ мыслямъ, поклоненіе классикамъ, вѣра въ Вольтера и любовь къ Беранже.

Старый извѣстный галлъ, рубака-французъ, республиканецъ 89 года, мѣщанинъ времени Лун-Филиппа, — тысячу противорѣ-

чій уживаются въ немъ, вѣсколько не стѣсняя другъ друга. У него нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни въ воображеніи; но его образованіе педантическое, сухое, узкое, и умъ свой онъ употребляетъ на пустяки, на остроты, на двусмысленныя шутки. Несмотря на эти недостатки, въ этомъ человѣкѣ столько добродушія, искренности, отцовской нѣжности, что меня ничто въ немъ не возмущаетъ и не отталкиваетъ. Бланшъ, кажется, очень его любитъ, а онъ въ ней просто души не чааетъ.

Я съ достаточною самоувѣренностію сдѣлалъ предложеніе.

Онъ выслушалъ меня и отвѣтилъ съ волненіемъ, которое старался побѣдить:

— Милостивый государь, вы мнѣ дѣлаете честь вашимъ предложеніемъ. Вы мнѣ очень нравитесь, у васъ прекрасное имя, вы честный человѣкъ, и это главное. Однако, и этого еще недостаточно для полнаго наслажденія жизнію. Я лаю за Бланшъ въ приданое 50,000 франковъ, значить, доходу будетъ съ этого капитала 2,500 франковъ въ годъ, а этимъ нельзя содержать семью. У васъ нѣтъ никакой должности; имѣете вы какое-нибудь состояніе?

Я признался, что у меня ничего нѣтъ, и сообщилъ ему свое рѣшеніе искать мѣста.

— Это хорошо, очень хорошо, сказалъ онъ мнѣ: — и по моему, даже лучше, если вы сами себѣ будете зарабатывать деньги, вмѣсто того, чтобы жить празднымъ богачемъ. Человѣку необходимо занятіе; праздность никуда не годится; и потомъ человѣкъ, занимающій какое-нибудь постоянное мѣсто, гораздо больше занимается женою, — нѣтъ времени думать о другихъ женщинахъ. — Но, положимъ, вы получите мѣсто, даже мѣсто въ 8 или 10,000 франковъ, вы все-таки еще не будете Крезомъ; а увѣрены вы, что въ васъ не проснется прежнее? Говорять, что люди расточительные не могутъ исправиться.

Я улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Ге? Ну, что жъ? Вы сами не знаете?

— Я думаю, что знаю, сказалъ я ему: — но мнѣ непріятно давать слово въ томъ, въ чемъ во мнѣ имѣютъ нѣкоторое право сомнѣваться.

— Боже мой! я готовъ вамъ вѣрить, я ничего лучше не желаю. Я ненавижу не самихъ дворянъ, а ихъ предрасудки. У васъ ихъ нѣтъ, и потому я съ удовольствіемъ приму васъ въ мою семью. Но видите, я отецъ...

— Я не только желаю, чтобы ваша дочь оставалась полною распорядительницею своего приданого, но я даже требую, чтобы это было въ условіи контракта.

— Въ самомъ дѣлѣ? всеричалъ онъ съ глубокимъ удовольствіемъ. — Вы этого хотите? Честное слово?

Я ему далъ честное слово. Онъ не могъ опомниться отъ удивленія.

— Васъ это не оскорбляетъ? Вѣдь мужчина, глава семейства, власть, авторитетъ...

— Да зачѣмъ же я буду желать власти надъ тѣмъ, что мнѣ не принадлежитъ? Мы можемъ устроить наши дѣла сообща съ женою.

Онъ еще возражалъ для формы, но пріянялъ очень поспѣшно это условіе.

— Дочь моя васъ любитъ, сказалъ онъ: — а я поставилъ себѣ за правило, не употреблять во зло отцовской власти. Я не буду препятствовать склонности Бланшъ. Я только боюсь, нѣтъ ли у васъ долговъ.

Когда я его увѣрилъ, что долговъ у меня нѣтъ, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько отеческихъ увѣщаній на счетъ моей холостой жизни.

— Впрочемъ, сказалъ онъ съ снисходительною улыбкою: — я въ свое время и самъ не отличался благоразуміемъ, и понимаю подобныя вещи. Но разъ, какъ человѣкъ женатъ, онъ долженъ покончить съ разгуломъ. Къ сожалѣнію, вы еще молоды и можно опасаться, что для васъ еще не потеряли прелести всѣ эти заманчивыя безумства.

Мнѣ было противно его слушать. Всѣ почти того мнѣнія, что беззутная молодѣжь служить ручательствомъ добродѣтельной и степенной жизни въ зрѣломъ возрастѣ, и что преснищеніе и усталость единственныя средства противъ беззутства; я сказалъ господину Шлишону съ нѣкоторою живостью, что я очень счастливъ тѣмъ, что я чувствую себя молодымъ, полнымъ силъ и вѣры.

— Полнымъ вѣры? подхватилъ онъ съ безпокойствомъ. — Неужели вы, по обычаю всѣхъ дворянъ, во все вѣрите, и всему поклоняетесь?

— Во все нѣтъ. Я вотъ, напримѣръ, вѣрю въ любовь.

— А! то-есть у васъ разныя иллюзіи. Хорошо, хорошо, будьте влюблены сколько угодно — лишь бы это не слишкомъ скоро прошло.

— А! вы допускаете, значить, только крайности? сказалъ я.

— Я крайности! всеричнулъ онъ съ негодованіемъ. — Совершенно напротивъ! Крайности! Крайнія мнѣнія, крайнія партіи, я всего этого берегу съ какою огнемъ. На свѣтѣ нѣтъ ничего положительнаго, и потому мудрость состоитъ именно въ томъ, чтобы ничѣмъ не восторгаться, а держаться золотой середины.

— Однако, вы тогда только вѣрите въ мое благоразуміе, когда вы полагаете, что я утомился безуміемъ; а вы бонтесь, что я перестану любить жену, потому что очень влюбленъ къ невѣсту.

— О, безъ сомнѣнія, только и встрѣчаешь, что противорѣчія на каждомъ шагу. Дѣйствіе и противодѣйствіе — въ этомъ вся исторія человѣчества. Впередъ бросаются для того только, чтобы вслѣдъ затѣмъ отступить назадъ; отступаютъ для того, чтобы перепрыгнуть подалеже: одно излишество ведетъ за собою другое. Во всемъ два противоположные элемента: добро и зло, тепло и холодъ, движеніе и застои; не такъ ли?

— Но это вовсе не борьба, какъ вы полагаете, сказалъ я ему: — а непрестанное вліяніе притивоположностей, что и составляетъ жизнь. Жизнь не незаконная свалка, но божественный аккордъ.

Онъ этого совершенно не понялъ и пустился въ философію по поводу персидской и еврейской теодицеи, то-есть онъ проговорилъ маѣ отрывки изъ Вольтера, Дюкюз и Монтескьё. Я предоставилъ ему полную свободу говорить, и онъ наконецъ ушелъ, совершенно очарованный и мною и нашимъ разговоромъ. Я не могъ сказать этого о себѣ; онъ разстроилъ мнѣ нервы, и я поспѣшилъ къ Бланшъ, чтобы забыть близъ нея всѣ эти неприятныя впечатлѣнія.

Вилльямъ Жильверу.

5-го августа.

Ну, любезный другъ, я ѣду къ Плишонамъ въ Фужере. Бланшъ, какъ всегда, побѣдила отца. Я даже ѣду виѣстѣ съ ними, хотя прежде и рѣшено было, что я отправлюсь одинъ. Въ концѣ концовъ, я вижу, что у нихъ есть своя манера дѣйствовать, когда ихъ стѣсняеть какой-нибудь общепринятый обычай. Сначала они очень недовольные преклоняются передъ нимъ, потомъ начинаютъ кружиться, ища гдѣ-нибудь пролома и выхода; при маленькой изобрѣтательности препятствія устраняются. Это іезуитскій способъ дѣйствія; я на него, впрочемъ, не жалуюсь, и пользуюсь имъ въ настоящемъ случаѣ безъ всякихъ угрызений совѣсти.

Довѣренность родителей имѣеть, однако, границы. Меня связали милліонами пустыхъ обѣщаній и завалили милліонами безсмысленныхъ предосторожностей. Я долженъ буду представляться другомъ Антенора; мнѣ запрещено будетъ въ Фужере цаловать руку Бланшъ въ присутствіи постороннихъ, или обращать на нее исключительное вниманіе и т. д. и т. д. Конечно, таковой порядокъ вещей продержится первые дни, потомъ

мало по малу всё эти эпитиміи будутъ съ меня сняты. Адресуй теперь письма въ Фужере, около Вивонъ, въ департаментъ Вьенны.

Вильямъ Жильверу.

8-го августа.

Я уже два дня нахожусь въ Фужере, мой милый Жильберъ.

Здѣсь въ первый разъ мы сошлись во вкусахъ съ мадемуазель Эдитъ. Вчера Бланшъ показала мнѣ весь домъ и завела меня въ комнату сестры, напередъ удостовѣрившись, что сестры тамъ нѣтъ.

Комната Эдитъ обтянута темными шпалерами, на которыхъ изображенъ лѣсъ, гдѣ пасутся олени. На каменной мраморной доскѣ нѣтъ ничего, кромѣ книгъ; зеркало вдѣлано очень высоко и въ него крайне неудобно смотрѣться. Стулья плетеные, съ рѣзными спинками; потомъ два кресла, шкафъ изъ рѣзнаго орѣха, большое бюро, заваленное книгами и бумагами, и наконецъ, единственная повомодная мебель, кровать палисандроваго дерева подъ бѣлыми кисейными занавѣсками. Такія же занавѣски и на окнахъ. Все это вмѣстѣ вмѣтеть въ себѣ что-то грустное и граціозное, и при видѣ этой комнаты мною овладѣло волненіе, котораго я не съумѣю ни понять, ни опредѣлить. Я точно когда-то во снѣ, въ мечтахъ, жилъ въ подобной комнатѣ.

Мнѣ хотѣлось пересмотрѣть заглавія нѣкоторыхъ книгъ, но моя прелестная путеводительница не позволила мнѣ этого сдѣлать и увела меня изъ комнаты.

— Такъ вы очень боитесь сестры? сказалъ я.

— Но... немножко.

— Почему?

— У нея такой странный характеръ! Она совсѣмъ не похожа на всѣхъ другихъ людей.

— Отчего же это? Что у нея, горе какое, что ли?

Въ эту минуту Бланшъ покрасѣла, но я не знаю отъ моего ли вопроса, или оттого, что я ее обнялъ. Она отворила дверь, я похитилъ у нея подалуй, и нѣсколько минутъ мы говорили, сами не зная что.

Комната Бланшъ не похожа на эту. Ея комната бѣлая съ розовымъ, въ ней безчисленное множество ненужныхъ бездѣлушекъ, которыя она мнѣ показала всё до одной, между тѣмъ, какъ я любовался на ея тонкіе пальчики и на бѣленькую шейку.

Обработка земель господина Плисона поручено арендатору, живущему неподалеку на фермѣ. Мнѣ случилось проходить черезъ дворъ этой фермы; съ одной стороны все мѣсто занимала навозная вуча, съ другой стороны большая лужа заплесневѣлой

воды. Небольшое пространство свободной земли занято курами, утками и толпою дѣтей. Самой старшей изъ нихъ около десяти лѣтъ. Когда я спросилъ у нея, сколько ей лѣтъ, она мнѣ отвѣтила:—я не знаю; маленькому годъ и четыре мѣсяца.

Этого «маленькаго» толстаго ребенка, очень выпачканнаго, она держала на рукахъ и совершенно клонилась подъ его тяжестью.

— Развѣ «маленькій» еще не ходитъ? спросилъ я.

— О, ходитъ, сударь! Только онъ не хочетъ.

— Поставь его на землю, Мадлюшъ, сказалъ господинъ Плишонъ, который былъ тутъ же.

— О! онъ станетъ кричать.

— Пусть кричитъ. Ты сдѣлаешься кривобокою, если будешь таскать такого толстака.

Но Мадлюшъ поглядѣла на насъ искоса и еще крѣпче прижала къ себѣ ребенка.

— Гдѣ же мать этихъ дѣтей? спросилъ я.

— Она работаетъ въ полѣ, отвѣтилъ господинъ Плишонъ.

— Такъ женщины тоже работаютъ въ полѣ, какъ и мужчины?

— Да, только онѣ не пашутъ.

— А кто же остается съ дѣтьми дома?

— Только первый ребенокъ удерживаетъ мать дома, а младшихъ дѣтей воспитываютъ старшіе. Вотъ посмотрите на этихъ двухъ: ихъ настоящая мать Мадлюшъ.

Я спросилъ господина Плишона, какъ можно жить среди мѣзмовъ этой навозной гучи.

— Э! вскричалъ онъ:—втолкуйте-ка подите это мужикамъ! Навозная гуча, это ихъ сокровище и они скорѣе согласятся помѣстить ее у себя дома, чѣмъ удалить отъ дверей.

И онъ пошелъ ратовать противъ глупости и упрямства деревенскихъ людей. Это очень хорошо, но мнѣ кажется, что онъ не слишкомъ принимаетъ къ сердцу подобный порядокъ вещей. Будь я хозяиномъ этой фермы, я бы ее иначе устроилъ.

Кажется, у меня по сосѣдству есть соперникъ Просперъ Кулино, сынъ мельника; этотъ молодой человекъ окончилъ курсъ наукъ и будетъ со временемъ, благодаря заработкамъ своего отца, владѣльцемъ двухсотъ тысячъ франковъ и даже болѣе. Къ счастью, Бланшъ не лѣстится на богатство; надо сказать и то, что мѣщанскіе предрасудки не дозволяютъ подобныхъ неравныхъ браковъ, и мой будущій тесть, осыпая меня похвалами за то, что я не имѣю дворянскихъ предрасудковъ, лѣлѣетъ свои собственные мѣщанскіе съ величайшею любовью. Въ самый день нашего приѣзда, въ то время, какъ мы взбирались на гору, мы замѣтили высокаго малаго, въ сѣрой блузѣ, который, быстро

поклонившись намъ, исчезъ за деревьями. Бланшъ отвернулась съ презрительной мвною, а г. и г-жа Плишонъ и тѣтушка Клотильда улубулись очень лукаво.

— Онъ, должно быть, хотѣлъ увѣряться, точно ли мы пріѣхали, сказала Клотильда.—Бѣдный!

— Какое несчастье его постигло? спросилъ я.

Они заставили немного просить себя, видимо желая возбудить мое любопытство, и наконецъ, объявили мнѣ, что Просперъ Кулино несчастный обожатель моей прелестной невѣсты.

— Конечно, онъ никогда не осмѣливался дѣлать формальнаго предложенія, сказалъ г. Плишонъ: — но его намѣренія очень ясны, и еслибы ему одно одобрительное слово...

Я тогда спросилъ:

— Что же онъ, такого застѣнчиваго и робкаго характера?

— А! вскрикнула Бланшъ: — напротивъ! Я нахожу, что онъ черезчуръ дерзокъ, и что эта дерзость доходитъ до наглости!

Я удивился живости, съ которою произнесены были эти слова. Г-жа Плишонъ пояснила:

— Онъ очень хорошій и способный молодой человѣкъ. Все его несчастье въ томъ, что онъ сынъ мельника.

Я не могъ воздержаться отъ улыбки, глядя на Бланшъ. Я вижу, что мнѣ придется проповѣдывать этой дорогой плебейгѣ права личнаго достоинства.

На счетъ Проспера Кулино начали потомъ отпускать остроты и шуточки, которыя мнѣ очень не понравились. Я не выношу насмѣшекъ надъ истиннымъ чувствомъ, особенно если насмѣхаются тѣ, на которыхъ чувство это обращено. Со всей своей покорной чувствительностью, Клотильда очень тщеславная женщина, и она испортила бы мнѣ Бланшъ, еслибы зло могло вкорениться въ такомъ чистомъ и прелестномъ существѣ.

Вильямъ Жильевру

20-го августа.

Я тебѣ пишу, потому что ты не пишешь. Вотъ уже скоро двѣ недѣли, какъ я здѣсь. Что же, дѣло мое не подвигается? Герцогъ д'Еллеренъ окаменѣлъ въ Германіи? Не написать ли мнѣ къ нему? Нѣтъ, лучше повидаться съ нимъ самому и лично попросить о мѣстѣ.

Кстати, когда я сказалъ, что герцогъ мнѣ родня, почему Бланшъ покраснѣла? И почему вслѣдъ за тѣмъ ея лицо просіяло? А! мѣщанскіе предразсудки! Если они чѣмъ отличаются отъ предразсудковъ дворянства, такъ это тѣмъ, что они еще глупѣе. Мнѣ

это очень не нравятся. Тщеславие въ такомъ чистомъ ребенкѣ! Это вина тѣтушки Клотильды, и я легко это уничтожу.

Насъ почти не оставляютъ воедино, и это мѣшаетъ всякому серьезному разговору. Я хотѣлъ бы ее разспросить о многомъ, провиннуть въ ея мысли, высказать ей, что я думаю, во что я вѣрю. Въ присутствіи третьяго лица, хотя бы наилучшаго друга, подобныя разговоры невозможны.

Когда я гляжу на нее, когда встрѣчаю ея ангельскій взглядъ, мнѣ кажется, что она все знаетъ и все понимаетъ.

Но я ее мало знаю! а я хотѣлъ бы знать ее вполне.

Вилльямъ Жильверу.

21-ю августа.

Сегодня я всталъ до свѣту и отправился гулять. Я прошелъ болѣе двухъ лѣ и осмотрѣлъ окрестности. Берега Клена, то скалистые, то покрытые лѣсомъ, очень живописны, но роскошь сельской природы не подѣляетъ нищеты и убожеству жителей. Дома ихъ похожи на скотные дворы, и ослѣпительный блескъ и свѣжесть листьевъ кажется горькою насмѣшкою рядомъ съ грязными лохмотьями, такъ-называемаго, царя природы. Еслибы еще одна только вишня бѣдность; что меня особенно возмущаетъ, это нравственное и умственное униженіе, выражающееся на всѣхъ лицахъ. Ничего возвышающаго, благороднаго, мужественнаго, ни единого проблеска! Черты грубы, иногда отвратительны; видишь не человека, а животное. Они низко вамъ кланяются при встрѣчѣ, или съ удивленно-глупымъ видомъ слѣдятъ за вами глазами, когда вы проходите мимо. Между красивыми, бодрыми жеребятами, выбѣгающими на дорожку, и маленькими, грязными и глупыми пастухомъ, выборъ не представляетъ затрудненій, но это печально и унижительно. Скажу тебѣ потихоньку, не желая противорѣчить официальному величанію французскаго народа: мнѣ кажется, эти мужики несравненно болѣе похожи на рабовъ, чѣмъ на гражданъ.

Когда я возвращался съ прогулки, я встрѣтилъ бѣдную женщину; она шла, согнувшись подъ связкою травы, съ серпомъ въ рукѣ; она поглядѣла на меня съ любопытствомъ, мы сказали другъ другу здравствуйте, и я спросилъ, куда она идетъ. Она возвращалась съ сосѣдняго поля и несла траву своей козѣ; вчера она дѣлала то же; то же будетъ она дѣлать завтра, и въ ея поблекшемъ лицѣ я ничего больше не прочиталъ. Скошенная трава, которую она несла, граціозно свѣшивала полуувядшіе стебельки, но она сама представляла только грубость, безобразіе,

искаженіе всего человѣческаго. Я попробовалъ заставить ее говорить; весь ее разговоръ былъ одною длинною жалобю: трудная жизнь, лихой мужъ, неблагодарныя дѣти; кромѣ того, все въ этомъ году не уродилось: хлѣбъ, конопля, овощи. Только коза да куры приносили кое-какой доходъ, но очень малый; и вотъ съ курами еще теперь бѣда: богатые люди (она бросила на меня искоса взглядъ) разводять виноградъ — куда жъ дѣвать теперь курь? Бѣдные люди могутъ изъ кожи лѣзть, имъ все-таки нѣтъ ни въ чемъ удачи...

Я далъ ей денегъ, и моя щедрость удивила ее; въ ее тусклыхъ глазахъ блеснулъ лучъ радости.

Возвращаясь черезъ рошу, я началъ рвать розовый горешекъ для букета Бланшъ, когда вдругъ увидалъ ее самое въ нѣсколькихъ шагахъ. Она шла по аллеѣ, бросая вокругъ себя взгляды, какъ будто кого высматривала. Я вдругъ очутился передъ нею. Она вскрикнула и бросилась въ мои объятія. Я прижалъ ее съ восторгомъ къ груди.

— О, это нехорошо! Вы меня испугали!

Ея лицо горѣло отъ волненія, глаза были влажны и взглядъ, обращенный на меня, выражалъ робкую нѣжность.

Я посадилъ ее на скамейку, и сѣлъ самъ у ея ногъ.

— О, если насъ увидать! пробормотала она, заливая румянцемъ и смущенная.

Женщины никогда этого не забываютъ. Никогда любовь не заставляетъ ихъ совершенно отрѣшиться отъ свѣта, даже въ томъ случаѣ, если онѣ идутъ наперекоръ его законамъ и велѣніямъ, и всегда свѣтъ этотъ становится между ними и ихъ любовникомъ. Отдаются ли онѣ когданибудь вполне? Меня почти оскорбили слова Бланшъ, и я былъ неправъ; она въ этомъ не виновата; ее такъ воспитали; съ того часу, какъ она существуетъ, всякій ее шагъ, всякое ее движеніе были, такъ сказать, отданы подъ присмотръ не только Господу Богу, но и каждому сосѣду.

— Вѣдь я вашъ женихъ, сказалъ я.

— Еще нѣтъ.

— Еще нѣтъ! вскричалъ я.—Что же мы такое въ отношеніи другъ къ другу? Чужіе?

— Но... я хочу сказать, что еще свѣтъ этого не знаетъ...

— Э? что намъ за дѣло до свѣта, сказалъ я почти съ гнѣвомъ.—Знаетъ ли онъ, что мы любимъ другъ друга, нѣтъ ли, мы-то это знаемъ. А! не будемъ забывать этого во имя свѣта! Она была очень изумлена и очень смущена тономъ моего голоса. Я въ самомъ дѣлѣ былъ въ ту минуту очень глупъ. Я

негодовалъ на нее, зачѣмъ она не въ такомъ возвышенномъ настроеніи, какъ я. Это вѣчная ссора всего человѣчества и въ сущности единственная. Мы всѣ неравно настроены, и диссонансы, которыя приводятъ насъ въ отчаяніе, зависятъ только отъ времени нѣсколькихъ часовъ или нѣсколькихъ вѣбовъ! Но любовь — вѣдь это гармонія! Ба! я требую всегда абсолютнаго, я чудакъ! А прелесть противоположностей?

Когда я у нея спросилъ: вы меня искали? она отвѣтила мнѣ почти наивно:

— Нѣтъ. Я вышла немного погулять. Я думала, что вы сошлѣмъ въ другой сторонѣ роши.

Я взялъ се за руки и пристально поглядѣлъ ей въ глаза съ упрекомъ; она очень покраснѣла.

— Отчего вы боитесь меня обрадовать? спросилъ я.—Развѣ вы мнѣ не сказали, что меня любите? Надо говорить объ этомъ всегда, при всякомъ случаѣ. Въ этомъ наше счастье и въ этомъ должна быть наша гордость.

Я былъ сильно взволнованъ, одушевленъ и началъ высказывать ей мысли, пришедшія мнѣ въ голову въ это утро, по поводу видѣнной нищеты и безсмыслія. Я говорилъ, что если есть на свѣтѣ мѣста, гдѣ можно сдѣлать много хорошаго и полезнаго, такъ это именно здѣсь, къ этой деревнѣ, гдѣ и земля и умъ человѣческой одинаково запущены и безплодны. Въ Парижѣ всегда были и будутъ люди умнѣе и ученѣе меня, но здѣсь бѣдный народъ ничего не имѣетъ, кромѣ календаря. Улучшить ихъ бытъ, сдѣлать изъ нихъ людей, гражданъ, вѣдь это значитъ создать цѣлый новый міръ...

Я остановился, видя, что Бланшъ слушаетъ меня съ удивленіемъ, почти горестнымъ.

— И какъ же это вы думаете устроить все это? спросила она съ насмѣшливою улыбкою.

Эти слова охладили мой энтузіазмъ.

— Конечно, сказалъ я, немного смущенный:—мои средства не соответствуютъ подобнымъ мечтамъ. Я высказалъ вамъ мысль, какъ она у меня явилась; это не планъ, а только стремленіе. А впрочемъ, еслибы я вмѣсто того, чтобы гоняться за мѣстомъ, употребилъ это время на изученіе сельскаго хозяйства, купилъ бы землю около Фужере, сдѣлался бы фермеромъ вашего отца, а бы вѣдь могъ... не осуществлять эти мечтанія—для этого мало цѣлой жизни одного человѣка, но положить начало ихъ осуществленію.

— Это было бы очень мало! вскрикнула она съ такою силь-

нею досадою, которую даже не могла скрыть, и которая меня удивила.

Я ей рассказала тоже встрѣчу свою съ бѣдной женщиной и все, что она говорила мнѣ о своей нищетѣ.

— О! сказала Бланшъ:—это, должно быть, Шолеттъ. Да, она очень бѣдна; но не надо вѣрить всему тому, что эти люди рассказываютъ, Вильямъ. Они всегда, вѣчно жалуются.

— Да чѣмъ же они могутъ похвалиться? вскричалъ я.—Есть у нихъ какія-нибудь радости? Укажите хотя на одну!

— Я почти не знаю этихъ людей. Мама иногда подаетъ имъ милостыню, и говорила, что они не заслуживаютъ даже того, чтобы ими занимались.

Спокойствіе и беззаботность этого очаровательнаго ребенка, живущаго въ роскоши посреди несчастныхъ нищакъ, стала мнѣ сердце. Я замолчалъ, но мною овладѣла непобѣдимая грусть. Она хотѣла перевести разговоръ въ тонъ нашей обычной сладкой любовной болтовни, но я едва могъ ей отвѣчать.

Она взяла меня за руку. При этомъ пожатіи, при ея нѣжномъ взглядѣ, я забылъ все. Она меня любитъ! Она можетъ ошибаться, у нея могутъ быть предрассудки, дорогое дитя, — кто же не ошибается? Но она такъ добра! и потому, она такъ милода! Мало ко малу, современемъ, мы поймемъ другъ друга.

Ее позвали. Она не хотѣла возвращаться домой вмѣстѣ со мною, и мы явились предъ лицо родителей съ разныхъ сторонъ, но г-жа Плишонъ поглядѣла на насъ съ безпокойствомъ. Бланшъ грустна и недовольна, или сдержана весь вечеръ, а не могу разобрать. Или ее бранили? это было бы пошло и отвратительно.

Вильямъ Жильберу.

23-го августа.

Грусть и недовольство Бланшъ продолжались цѣлыхъ два дня и, наконецъ, я узналъ ихъ причину. Я спрашивалъ ее нѣсколько разъ, но она отвѣчала мнѣ: такъ, ничего; я былъ недоволенъ, потому что я не вѣрилъ ея словамъ. Другіе тоже замѣчали неремѣну въ ея расположеніи духа.

— Уже успѣли повздорить? спросилъ г. Плишонъ.

Я видѣлъ, что г-жа Плишонъ и Клотильда дѣлали разспросы Бланшъ.

Наконецъ, Бланшъ повѣрила свое огорченіе тѣткѣ, и уже отъ тѣтки я узналъ, въ чемъ дѣло. Со времени нашего разговора въ роцѣ, она боится моей наклонности къ деревенской жизни; она

была бы въ отчаяніи, еслибы ей пришлось отказаться отъ Париза.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ я немного насмѣшливо.—Какъ же Бланшъ могла думать, что я рѣшусь привести ее въ отчаяніе! Однако, я не могу положительно, навѣрно обѣщать, что мы поселимся въ Парижъ; очень возможно, что тамъ мнѣ не дадутъ мѣста, а дадутъ гдѣ-нибудь...

— А! это было бы великимъ огорченіемъ для Бланшъ! сказала Клотильда.

— Очень обширно, должно быть, сердце, которое вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ любви, столько разныхъ разностей, могущихъ перегрузить въ великое огорченіе! отвѣтилъ я.

— Ну, вы не придирайтесь! Бланшъ васъ обожаетъ, и потому всякое невниманіе съ вашей стороны ей очень чувствительно. Въ восемнадцать лѣтъ всякая дѣвушка мечтаетъ объ удовольствіяхъ. И потомъ, называться графиней де-Монсальванъ что-нибудь да значить. Вы, конечно, представите Бланшъ вашими родными и введете ее въ ихъ общество?

— Я давнымъ давно не бываю въ обществахъ, пробормоталъ я.

— Какой вы странный человѣкъ! вскрикнула Клотильда.

24-ю августа.

Мы объяснились и долго говорили. Она спросила у меня съ наивнымъ удивленіемъ, какъ могу я предпочитать деревню городу?

— Въ деревнѣ живутъ настоящею жизнью, отвѣтилъ я; она удивилась еще больше.—Милое дитя мое, вы принимаете городскую суету, шумъ, гвалтъ за кипучую жизнь и дѣятельность? Мы поселимся въ городѣ, потому что вы этого желаете, но только здѣсь, моя Бланшъ, человѣкъ чувствуетъ, что онъ живетъ, только здѣсь онъ безъ помѣхи любитъ.

Послѣдній аргументъ подѣйствовалъ на нее сильнѣе всего предъидущаго. Она обратила на меня свои прелестные глаза и сказала со вздохомъ:

— Если вы только здѣсь, въ деревнѣ, можете быть счастливы...

— Только здѣсь! вскрикнулъ я.—Да развѣ я люблю ту или другую мѣстность? Я тебя люблю!

— Вильямъ! пролепетала она, краснѣя.

— Бланшъ, будьте моею, вполне, нераздѣльно моею, и я буду счастливъ вездѣ, гдѣ хотите.

Она смущалась и пугалась все больше и больше, и хотѣла встать; я видѣлъ, что она меня не понимаетъ.

— Мое доброе дитя, сказалъ я ей:—отдайтесь мнѣ всею душою, вѣрьте мнѣ, не бойтесь меня. Чтобы отъ меня не была скрыта

ни один ваша мысль, ни одно ваше чувство; сожалѣнія, удовольствія, подозрѣнія—все повѣряйте мнѣ; зовите меня когда вамъ понадобится опоры; не думайте, не радуйтесь, не горюйте безъ меня и я буду счастливымъ человекомъ.

Она отвѣтила улыбаясь, но видимо сильно взволнованная:

— Вы хотите такъ вполне завладѣть мною, Вильямъ?

— Да, отвѣчалъ я:—взамѣнъ я отдамъ вамъ всего себя. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ понимать себя, я только и мечтаю, только и искаю и жажду встрѣтить существо, которое безраздѣльно отдалось бы мнѣ.

Я такъ живо чувствовалъ это, что слезы мои потекли на руки Бланшъ. Милая дѣвушка была этимъ тронута; на ея прелестныхъ глазахъ тоже выступили слезы. Она взяла меня за голову и прижала губы къ моему лбу.

— О, Вильямъ! какъ вы добры! И какъ я люблю васъ!

Я сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, но уже не испугалъ этимъ. Мы теперь вѣримъ беззавѣтно другъ другу.

Вильямъ Жильверу.

25-го августа,

Вчера, въ воскресенье, дамы явились къ завтраку расфранченныя въ пухъ и прахъ. Самъ г. Плишонъ былъ гладко выбритъ. Я сталъ шутить съ ними на счетъ соблюденія воскресныхъ церемоній.

— Мы ходимъ къ обѣднѣ каждое воскресенье, сказала Клотильда.—На прошлой недѣлѣ мы потому только не пошли, что чувствовали себя очень утомленными послѣ дороги и наши чемоданы не были еще распакованы.

— Мнѣ кажется, эта послѣдняя причина вполне способна перевѣсить всякое предписаніе обычая.

— Вы смѣтаетесь, но въ этомъ смѣхѣ упрекъ, сказала г-жа Плишонъ. — Вильямъ, вы добрый католикъ?

— Еслибы я былъ добрымъ католикомъ, вы бы это уже знали.

— Какъ же это? спросила Бланшъ.

— Я никогда не могъ понять, какъ можно вѣровать въ половину. Какъ! Адскія мученія съ одной стороны, тряпки съ другой, и вы колеблетесь? И вы, въ виду смерти, повисшей надъ вашей головою, влечите среди бездѣлушекъ, суеты, земной скверны, эту мимолетную жизнь, за которую должна наступить вѣчность!

Бланшъ воскликнула:

— Какой вы мастеръ проповѣдывать, Вильямъ!

Въ то же время взглядъ Эдиты остановился на мнѣ и удивилъ меня: въ первый разъ въ немъ выразались одобреніе и сочувствіе.

— Вы правы, мой милый, сказалъ г. Плишонъ:—надо смѣяться и жить пока живется.

— Въ добрый часъ! отвѣчалъ я.—Но по моему никогда не должно смѣяться надъ тѣмъ, что было искренно и велико.

— Слава Богу! вскрикнула Клотильда.—Вы въ тысячу разъ разсудительнѣе г. Плишона. Христіанство должны чтить даже тѣ, которые въ него не вѣрятъ. А вы не пойдете съ нами въ церковь, Вилльямъ?

— Нѣтъ, мадемуазель. Я отдаю послѣдній долгъ всякому восторженному усопшему, но я не хочу впасть въ ошибку, въ которую впадаютъ въ наше время очень многие: я не хочу противорѣчить правиламъ общественной гигиены... съ живымъ человѣкомъ.

Мой милый, Эдиты улыбнулась! Я былъ такъ пораженъ этимъ торжествомъ, что не слыхалъ восклицаній Клотильды; не зная, что ей отвѣтить, я спросилъ:

— Вы идете въ Вивоннъ?

— А! вы переимѣняете разговоръ. Что жъ, не будемъ продолжать спора; мы нѣкогда тутъ не сойдемся. Тѣ, кто имѣютъ нужду въ утѣшеніи, Вилльямъ (она вздохнула), понимаютъ лучше необходимость и благодѣтельное дѣйствіе религіи... Нѣтъ, мы не въ Вивоннъ идемъ, а въ Сансене, въ сосѣдную деревню.

— Вы хотите ослѣпить бѣдныхъ мужиковъ вашими нарядами.

— Что жъ дѣлать, иногда надо невозможно принарядиться! Блестяшіе туалеты придають еще болѣе торжественности богослуженію, внушаютъ народу...

— Вы хотите внушить народу набожность нарядами? сказалъ я, смѣясь.

— Вилльямъ, вы востунствуете!

— Конечно, сказала Бланшъ:—цвѣты, фиміамъ, музыка, освѣщеніе, все это внушаетъ...

— Отрѣшеніе отъ земли? Презрѣніе къ земнымъ благамъ?

Г. Плишонъ началъ смѣяться и объявилъ, что со времени Вольтера чистый разумъ проникъ всюду, и что слѣдственно одни плуты и дураки могутъ быть ханжами...

— Леавдръ! вскричала Клотильда съ достоинствомъ.

— Я не говорю о женщинахъ, возразилъ г. Плишонъ.

— Религія необходима народу и женщинамъ, объявилъ Антеноръ торжественно, владея себѣ на тарелку половину куропатки.

— Вамъ, быть можетъ, она понадобится больше, чѣмъ кому либо, сказала г-жа Плишонъ.

Но отецъ и смѣхъ въ одинъ голосъ принялись ратовать противъ низкаго шарлатанства аббатовъ, противъ слѣднаго легковѣрія, противъ возмутительныхъ предрасудковъ, и разбили въ прахъ всѣ религіи, которыя когда либо существовали на свѣтѣ.

— Ужь ѣхать ли намъ къ обѣднѣ? сказала смѣясь г-жа-Плишонъ.— Не знаю, согласишься ли ты насъ проводить?

Однако, она позвонила и велѣла заложить лошадей.

— Жана нѣтъ дома, такъ поневолѣ придется мнѣ васъ провожать, отвѣтала г. Плишонъ, пожимая плечами.

Я видѣлъ, что тѣтушка Клотильда недовольна, и что Бланшъ надулась. Я хотѣлъ прервать наступившее тягостное молчаніе, и бѣсъ меня дернулъ вмѣшаться сюда мадемуазель Эдитъ. Она была не раздражена; на ней былъ широкій утренній капотъ; я спросилъ: развѣ вы тоже не ѣдете въ церковь? Она, вмѣсто всякаго отвѣта, бросила на меня холодный взглядъ, но Клотильда язвительнымъ тономъ замѣтила, что тутъ, какъ во всемъ остальномъ, Эдитъ не поступала, какъ всѣ.

Презрительная улыбка мелькнула на губахъ Эдитъ.

— Въ важныхъ и серьезныхъ вещахъ безразсудно поступать какъ *естъ*, проговорила она своимъ чистымъ, звучнымъ голосомъ.

— Вы, стало быть, по недостатку убѣжденія, не слѣдуетъ примѣру вашихъ родныхъ, мадемуазель? спросилъ я.

— Напротивъ, по убѣжденію, отвѣтила она, обращая на меня свои большіе черные глаза, показавшіеся мнѣ въ эту минуту неизмѣримо глубокими.

— По какой бы тамъ причинѣ ни было, сказалъ ей отецъ:— но это нехорошо. Ты не права. Безвѣріе не идетъ къ женщинѣ, неспрѣтно въ ней, и хотя для декорума...

— Я думаю, что мнѣ все доступно, отвѣтила Эдитъ съ выраженіемъ гордости.— Что касается до *декорума*, то по моему, не ему управлять совѣстью.

— Тутъ дѣло не въ совѣсти, строго сказалъ отецъ:— вѣрь чему хочешь, думай что хочешь, но есть вещи, которыя должно уважать и чтить.

— А что же должно уважать и чтить, папѣ? Не то ли, что вы сами только что топтали ногами?

Захваченный врасплохъ въ непослѣдовательности и противорѣчій съ самимъ собою, г. Плишонъ покраснѣлъ съ досады.

— Вы видите, мой милый, вы видите! сказала Клотильда.— Вотъ плоды вашихъ разглагольствованій!

Это замѣчаніе омончательно его разсердило.

— Плоды! плоды! повторилъ онъ съ гнѣвомъ.— Я наконецъ имѣю же право говорить въ моемъ семействѣ, что мнѣ угодно!

Я не виновата, если здѣсь есть взбалмошные характеры и шальная голова!

Я посмотрѣла на Эдиту; она была блѣднѣе обыкновеннаго и встала.

— Куда вы идете? закричалъ г. Плишонъ громовымъ голосомъ; онъ былъ красенъ отъ гнѣва.

— Ахъ, Боже мой! оставь ее! сказала мать.

— Вы видите, я уйду, отвѣтила Эдита съ уничтожающимъ спокойствіемъ.

— Останьтесь, я приказываю вамъ!

— Я не могу остаться, возразила она; ея голосъ былъ твердъ и кротокъ.

— Повторяю вамъ, останьтесь! закричалъ отецъ съ бѣшенствомъ.

— Я уйду, чтобы не нарушить въ отношеніи къ вамъ должнаго почтенія, сказала Эдита и ушла.

Взбѣшенный г. Плишонъ, забывъ всякое достоинство, побѣждалъ за нею; женѣ удалось его остановить. Наступившій затѣмъ разговоръ былъ самый щекотливый. Г-нъ и г-жа Плишонъ сваливали другъ на друга дурной характеръ дочери, и другъ друга упрекали; Клотильда распылилась въ сожалѣніяхъ и грустныхъ воспоминаніяхъ; Антеноръ объявлялъ, что ни за что на свѣтѣ не женился бы на подобной женщинѣ; даже Бланшъ, къ моему великому огорченію, присоединила свой нѣжный голосъ къ этому хору осужденій и проклятій. Потомъ она сѣла къ отцу на колѣни, осипала его ласками, улажила милыми словами, и онъ успокоился.

Послѣ ихъ отъѣзда я гулялъ по саду; проходя мимо загороди, отдѣляющей садъ отъ меня, и вдругъ увидалъ Эдиту. Она бросала превосходные абрикосы деревенскимъ дѣтямъ. Я подошелъ къ ней и выразилъ ей сожалѣніе о томъ, что своею неловкостью подалъ поводъ къ непріятному разговору между ею и отцомъ. Признаюсь, я думалъ, она отвѣтитъ мнѣ ласковѣе и сердечнѣе, но она отвѣтила холоднымъ взглядомъ и слѣдующими надменными словами:

— Вамъ не въ чемъ извиняться, милостивый государь, я требую уваженія къ своимъ правамъ, а не пощады.

Она поклонилась мнѣ и повернула въ другую аллею.

Какое странное существо! И какъ согласить съ этимъ живымъ словомъ, съ этой загородной гордостью, съ этимъ сіяющимъ взглядомъ сухую, черствую душу? А между тѣмъ она ведетъ жизнь особнякомъ: всегда одна, или, что еще хуже, чуждая всему, что ее окружаетъ. Это упорное молчаніе и замкнутость,

эта постоянная, непрерывная борьба со всеми ей близкими, уморил бы всякого, у кого есть доля доброты и чувства. Взглядъ, который она бросала на отца, выходя изъ комнаты, былъ ужасенъ; она его не любитъ и презираетъ. А эти абрикосы, что она бросала деревенскимъ дѣтямъ, что это: капризъ или другое?

Вильямъ Жильверу.

27-го августа.

Сегодня поутру г. Плишонъ, Клотильда, Бланшъ и я были въ саду. Проходя мимо грушеваго дерева, я увидаль великолѣпную зеленую гусеницу. Я ее тотчасъ поднялъ и сталъ показывать дамамъ, но онѣ съ ужасомъ отступили назадъ.

— Гусеница! гусеница! кричала Клотильда.

— Вильямъ! бросьте это! воскликнула Бланшъ тѣмъ повелительнымъ тономъ, который принимаютъ въ виду смертной опасности.

Я очень удивлялся, однако, не желая перечить Бланшъ, я сорвалъ широкій листъ съ дерева и положилъ на него гусеницу.

— Почему вамъ такъ противно это насѣкомое? Мнѣ оно нравится несравненно больше той бабочки, которая изъ него выйдетъ, и которою вы будете восхищаться по примѣру поэтовъ.

— Но посмотрите, какъ оно ползетъ! вскрикнула Клотильда.

Бланшъ, желая мнѣ угодить, осторожно приблизилась; ея шея была вытянута, руки выставлены щитомъ впередъ, глаза у нея расширились и ноздри раздулись, — она представляла очень милое олицетвореніе побѣжденнаго испуга, хотя правду говоря, пугаться было нечего.

— Да, сказала она:—хорошенькая гусеница, но вы не носите ее домой, Вильямъ; положите ее лучше на то мѣсто, гдѣ наши; бѣдняжка, можетъ, ползла за кормомъ своимъ дѣточкамъ!

Я не въ силахъ былъ сдержатъ досаду, и сбвирнулъ гусеницу въ траву. Я взялъ Бланшъ подъ руку, и объяснилъ ей законъ превращенія насѣкомыхъ и значеніе личинокъ.

— А! сказала она такимъ тономъ, какъ будто ей это было рѣшительно все равно.

Клотильда выказала больше любознательности и стала увѣрять, что она очень любитъ естественную исторію. Я предложилъ давать ей и Бланшъ уроки.

— Ба! сказалъ г. Плишонъ:—вы будете давать послѣ сватъбы.

— Но, Леандръ, въ моемъ присутствіи, мнѣ кажется, Вильямъ могъ бы давать уроки Бланшъ.

— Полноте пожалуйста! Все это только предлогъ для того, чтобы поближе подѣсьтъ другъ къ другу!

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, возразилъ я.—Я хочу давать уроки серьезно, и былъ бы очень огорченъ, еслибы ихъ приняли иначе.

Бланшъ улыбалась. Я снова сталъ наставлять, и старался нѣтъ втолковать, почему я дорожу этими уроками. Недостатокъ образованія глубоко меня огорчаетъ въ Бланшъ. Она провела четыре года въ «Sacré-Coeur», два года тому назадъ возвратилась домой и съ тѣхъ поръ, кажется, не открыла ни одной книги, кромѣ моднаго журнала и молитвенника. Именно это невѣжество и восхищаетъ ея вольтерянца-папеньку.

— Нѣтъ ничего отвратительнѣе ученой женщины-педаггик! вскрикнулъ онъ.

— Я вамъ отвѣчу на это: нѣтъ ничего привлекательнѣе образованной женщины, сказалъ я.

Я напрасно старался его убѣдить; онъ уперся на своемъ. Мнѣ это сдѣлалось наконецъ невыносимо; опасаясь, что не выдержу и скажу ему какую нибудь дерзость, я остановился, дѣлая видъ, что разсматриваю бѣжавшаго по дорожкѣ жука. Они ушли довольно далеко впередъ, но скоро Клотильда возвратилась.

— Чего хочетъ женщина, того хочетъ самъ Богъ, шепнула она мнѣ на ухо.—Въ этомъ случаѣ и г. Плишонъ богъ. Поглядите на эту картину!

Обративъ глаза, куда она мнѣ указывала, я увидѣлъ отца и дочь въ объятіяхъ другъ друга. Она то врадчиво заглядывала ему въ глаза, то принимала сердитый видъ, то нѣжно къ нему прижималась; онъ уже сдался, но желая чтобы его еще попросили, старался притвориться непоколебимымъ.

Я много разъ видалъ подобную игру. Бланшъ была на это мастераца. Она брала то смѣлостью, то врадчивостью; приказывала, молила, ублажала лестью, растрогивала ласками, потомъ вдругъ одерживала побѣду какою нибудь остроумною выходкою, которая заставляла его смѣяться цѣлый день.

Я видалъ это много разъ, и всегда меня это коробило, но я никогда не обращалъ на это серьезнаго вниманія, никогда въ это не вникалъ; теперь меня это глубоко возмутило.

Вильямъ Жильверу.

31-го августа.

Сегодня нашъ урокъ шелъ отлично. Моя милая ученица была такъ внимательна, что, казалось, позабыла о женихѣ. Клотильда

намъ мѣшать; очень много она говоритъ. Она между прочимъ требовала, чтобы я вынулъ анатомію.

Теперь г-жа Плишонъ и Клотильда очень заняты заготовленіемъ вареній и насъ часто оставляютъ однихъ. Я не думаю во все о томъ, какъ бы похитить лишній помяу; я стараюсь установить между нами серьезную нравственную близость. Бланшъ послушно принимаетъ всѣ мои мысли. Она черезчуръ ужъ перборна въ этомъ!

Вильямъ Жильверу.

1-ю сентября.

Мы свѣди за урокомъ естественной исторіи подъ тѣнью фиговаго дерева, когда Клотильдѣ подали письмо. Она тотчасъ же подѣлилась съ нами пріятною новостью: одинъ ихъ родственникъ, парижскій житель, ѣдетъ въ Фужере для поправленія здоровья, разстроеннаго чрезмѣрными трудами. Онъ увѣдомляетъ тоже, что душа его утомилась, и что онъ жаждетъ обновиться между избранными друзьями. Родственника этого зовутъ Маргъ Форжд; онъ пробудетъ здѣсь мѣсяцъ.

Сегодня кромѣ того случилось чудо: Эдитъ заговорила со мною. Когда мы выходили изъ-за стола, она ко мнѣ подошла.

— У васъ есть естественная исторія Мильна-Эдвардса? Позвольте вы мнѣ брать ее на то время, когда у васъ нѣтъ уроковъ?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я ей.—Вы уже учились естественной исторіи?

— Нѣтъ.

— Вамъ будетъ трудно безъ учителя. Не угодно ли вамъ присоединиться въ нашимъ урокамъ?

— Я васъ стѣсню, сказала она.

Но Клотильда и Бланшъ, нѣсколько проницая, стали ее тоже приглашать, и она, съ своимъ обычнымъ холоднымъ и надменнымъ видомъ, приняла приглашеніе. Теперь у меня три ученицы и я себя спрашиваю, какъ это случилось, что я самъ ввелъ новое лицо въ наше общество, лицо несравненно болѣе стѣснительное, чѣмъ Клотильда. Эта странная Эдитъ внушаетъ мнѣ такое любопытство, что я не подумалъ, что дѣлаю. Наши уроки были полны поэзіи; Эдитъ, я почти увѣренъ, заморозитъ все своею ледяною холодностью.

Мы всѣ сходимся вмѣстѣ только за обѣдомъ; Эдитъ помѣщается противъ меня и я часто глажу на эту живую загадку. Она провозноситъ только самыя необходимыя слова; когда разговоръ заходитъ о чемъ нибудь серьезномъ, въ ея глазахъ какъ

будто блеснетъ огонь, но лицо неподвижно, точно мраморное. Я напрасно пытался прочесть что нибудь на этомъ мраморѣ. Когда она замѣчаетъ мой пристальный взглядъ, губы ея сжимаются, темныя брови слегка хмурятся; и она становится непроницаемѣе прежняго.

И однако, несмотря на все это, мнѣ кажется — я вамъ не знаю почему — мнѣ кажется, что во всѣхъ спорахъ, которые мнѣ случалось вести, Эдитъ была на моей сторонѣ, хотя и не выразила этого ни единымъ словомъ.

Завтра я увижу, ошибся я въ этомъ или нѣтъ!

Вильямъ Жильверу.

2-го сентября.

Сначала урокъ шелъ вяло, принужденно, но подѣ конецъ чудесно. Видно, что Эдитъ искренно хочетъ учиться. Она съ такою быстротою схватываетъ общія данныя, что я спросилъ:

— Вы уже прежде кое-что знали?

— Нѣтъ, отвѣчала она. — Развѣ вы не знаете, какъ учить въ пансіонахъ? Въ Пуатъе пансіонъ не лучше, а можетъ еще хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

— А! вы были въ пансіонѣ?

— Только годъ.

— Только годъ, — почему же?

— Я прежде поступленія туда много читала и знала немного больше тамошнихъ наставниковъ.

Она сказала это съ такою простотою, которая исключала всякое тщеславіе. Она вовсе не такая сухая, какъ я думалъ.

Родственникъ пріѣхалъ. Онъ лѣтъ сорока, довольно большаго роста, смуглый, худой, нѣсколько сутуловатый; лицо у него скорѣе хитрое, чѣмъ умное; одѣвается тщательно и шеголовато и имѣетъ претензію на утонченныя манеры. Его пріѣздъ произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Г. Плишонъ разспрашиваетъ его очень почтительно и отвѣчаетъ ему очень смиренно; дамы съ нимъ чрезвычайно предупредительны. Что касается до г. Феррэдъ, то онъ находитъ все это законнымъ и вчера цѣлый вечеръ, развалившись въ креслѣ, онъ повѣствоваль намъ о себѣ, о своихъ связяхъ, о своей политической дѣятельности, своемъ безпористіи, своихъ талантахъ и проч. и проч.

— Вы парижанинъ, милостивый государь? спросилъ онъ, окидывая меня не очень доброжелательнымъ взглядомъ.

— Да, милостивый государь.

— А!

— Другъ Антенора, пояснилъ ему г. Плишонъ.

— А!

Кузень Маркъ плохо вѣрилъ дружбѣ къ Антенору. Я взглянулъ на Клотильду, а она отвѣтила мнѣ разными улыбками и многозначительными минами. Кузень Маркъ это замѣтилъ, и это ему повидимому сильно не понравилось.

Всѣ такъ уже привыкли къ отчужденію Эдитъ, что ее не позвали въ гостиную встрѣчать г. Форжѣ. Она увидалась съ нимъ только за обѣдомъ и обошлась очень холодно. Она даже ушла изъ-за стола, не дожидаясь десерта. Въ честь пріѣзжаго гостя обѣдъ былъ очень длиненъ и число блюдъ безконечно. Г. Форжѣ ни мало не былъ удивленъ поведеніемъ Эдитъ; онъ, кажется, хорошо знаетъ всѣ ихъ семейныя дѣла, но въ присутствіи Эдитъ онъ становится смприѣе.

Вилльямъ Жильверу.

4-го сентября.

Сегодня, послѣ завтрака, я хотѣлъ начать, по обыкновенію, урокъ, но Клотильда и Бланшъ переглянулись и замаялись. Шель дождь, въ садъ было идти невозможно, надо посидѣть съ кузеномъ Маркомъ... Урокъ былъ отложенъ на завтра.

Это меня очень раздражило. Стоило бросать урокъ для того, чтобы слушать рассказы этого хвастуна!

Эдитъ ожидала конца пренія съ нѣскольکو насмѣшливымъ видомъ.

— Я не могу взять книгу? сказала она.

— Займемся урокомъ вмѣстѣ, если хотите, отвѣтилъ я, сильно раздосадованный.

Она насмѣшливо улыбнулась, поблагодарила меня, но не приняла предложенія.

Бланшъ видѣла очень хорошо мое неудовольствіе, но осталась при своемъ желаніи отправиться въ гостиную.

Этотъ Просперъ Кулиндъ, сынъ мельника, этотъ молодой человѣкъ, влюбленный въ Бланшъ, являлся съ визитомъ. Кто-то увидалъ, какъ онъ подходилъ къ дому, и сказалъ, что онъ идетъ. Бланшъ въ то время стояла у камина, слушала рассказы г. Форжѣ. Она торопливо обернулась къ зеркалу, поправила волосы, поправила ленточку, потомъ снова стала опять противъ двери съ видомъ кротости и непорочности, который она, какъ я теперь вижу, можетъ на себя принимать, когда ей угодно. Напрасно я говорю себѣ, что всѣхъ ихъ дрессируютъ съ дѣтства, что всѣ женщины болѣе или менѣе кокетки и всегда болѣе или менѣе

визируютъ — у меня точно отравленная стрѣла засѣла въ сердцѣ.

Вильямъ Жильберу.

9-го сентября.

Во время уроковъ у насъ иногда завязываются оживленные разговоры. Я не могу тебѣ передать, какъ поражаетъ меня иногда выраженіе лица Эдитъ. О чемъ она думаетъ? Она никогда этого не говоритъ.

Форжé рассказываетъ намъ, потирая руки, разные парижскія сплетни: о безстыдныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, устроенныхъ въ ущербъ народному благосостоянію, о возмутительныхъ биржевыхъ маневрахъ, о подкупѣ того или другаго должностнаго лица, и все это приправляетъ острымъ словцомъ. Острому словцу смѣются, потомъ восклицаютъ: это безчестно! Но смѣялись, и г. Форжé начинаетъ проповѣдывать житейскую мудрость:

— Я согласенъ съ вами, въ этомъ мало высокога и прекраснаго, но это принято. Всѣ честные люди сначала кричатъ съ непривычки: это безчестно; потомъ, видя, что дѣлать добычу безъ нихъ, начинаютъ рассуждать такъ: въ концѣ концовъ если уже нельзя этого поправить, то лучше пусть пожвится честный человѣкъ, чѣмъ плутъ, лучше значить я, чѣмъ мой сосѣдъ. Съ волками жить, надо по волчьи вить. Сдѣлавшись богатымъ человекомъ, можно дать богатству самое благородное употребленіе.

Я началъ возражать противъ этихъ доводовъ, и въ моихъ возраженіяхъ, быть можетъ, высказалось болѣе негодованія, чѣмъ учтивости. Онъ съ отеческимъ видомъ сталъ увѣрять, что съ такими правилами я никогда не сдѣлаю карьеры.

Этотъ человѣкъ меня ненавидитъ и я его терпѣть не могу. Онъ просто развращаетъ всю семью. Сердце у всѣхъ доброе, но умъ слабый и необработанный, а по моему чуткая совѣсть и твердыя убѣжденія несомнѣны съ слабымъ умомъ.

Въ этой мѣщанской средѣ, гдѣ богатство поставляется главною цѣлью и лучшимъ благомъ жизни, рассказы г. Форжé возбуждаютъ тысячи желаній и мечтаній. Разбогатѣть въ одинъ часъ, по одному слову, провознесенному на биржѣ, или по акціямъ, о которыхъ говорилъ съ восхищеніемъ Форжé, потомъ поселиться въ Парижѣ, быть приглашенной въ большой свѣтъ, въ Тюльрийскій дворецъ, носить брилліанты, восхитительные наряды, быть окруженной толпою поклонниковъ, занять первое мѣсто, прослыть первою красавицею въ этомъ земномъ раю...

— О, все это васъ не занимаетъ? сказала она мнѣ съ горечью и опустила тотчасъ же свои длинныя рѣсницы.

Мы будем выѣзжать въ свѣтъ, это рѣшено.

Бланшъ вротка, граціозна, жива и исполнена чувства. Ея уму не достаесть только силы и возвышенности. Но эти преимущества въ женщинахъ часто подавляются возмутительной сухостью, и отсутствіемъ всякой граціи, всякой прелести, всякой доброты и мнготости. Моя Бланшъ со всѣми своими ребяческими недостатками, несравненно лучше холодной и надменной Эдитъ. Лишь бы она меня любила всею душою, лишь бы любила всегда, и я долженъ буду чувствовать себя счастливымъ.

Вилльямъ Жильверу.

11-го сентября.

Уже два дня идетъ дождь, но розсказни Форждъ и вообще всѣ разговоры такъ мнѣ опротивѣли, что я ушелъ изъ дому и скрылся въ лѣсу. Дождевыя капли барабанили по листьямъ, какъ по зонтику, и орошали меня тонкой водяной пылью. Было очень хорошо; этотъ дождь освѣжилъ землю послѣ долгой жары и все точно помолодѣло кругомъ.

Вдругъ меня заставилъ обернуться шумъ раздвигаемыхъ вѣтвей и я очутился лицомъ къ лицу съ Эдитъ. Она шла по лѣсу, приподнявъ платье до колѣвъ; на головѣ у нея была накинута черная вуаль. Увида меня, она остановилась; я былъ очень удивленъ.

— Вы здѣсь, въ лѣсу, мадемуазель! сказалъ я:— въ такую непогоду?

Гармоническія ноты ея смѣха раскатились по лѣсу. Я въ первый разъ слышалъ, какъ Эдитъ смѣется.

— А вы тоже здѣсь? сказала она.

— Это правда... я очень люблю гулять.

— И я люблю гулять, отвѣтила она съ такимъ одушевленіемъ, котораго я никогда въ ней не видалъ и даже не подозревалъ.

Глаза ея сіяли, и обыкновенно блѣдныя щеки были оживлены нѣжнымъ румянцемъ.

— Чего же вы такъ удивились, встрѣтивъ меня въ лѣсу? продолжала она:—развѣ вы одни имѣете право гулять по лѣсамъ въ дождливые дни?

— Нѣтъ... Я очень радъ, что вкусы наши сходятся.

— Но главное, очень этимъ удивлены? сказала она:— вы полагали, я увѣрена, что между нами не можетъ быть ничего общаго? Что между нами антипатія?

— Антипатія! О, нѣтъ! но признаюсь...

— Что?

Я колебался.

— Признавайтесь же.

— Вы не нуждаетесь ни въ чьей привязанности, ни въ чьей дружбѣ; это чувствуется и леденить...

Она вздрогнула, бросила на меня странный взглядъ, отъ котораго смалось у меня сердце, и, не отвѣчая ни слова, скрылась за деревьями.

Какая дивная натура! Я очень жалѣлъ, что обратилъ ее такъ скоро въ бѣгство; она, противъ обыкновенія, казалось, расположена была говорить, и ея веселость, ея живость поразили меня и ослѣпили, какъ видѣнїе.

Вильямъ Жильверу.

13-ю сентября.

Вчера, поутру, я пошелъ за книгою въ библиотечку. Подходя къ дверямъ, я услышалъ смѣхъ и восклицанія; я узналъ голоса Бланшъ и Клотильды; дверь распахнулась, выбѣжала Клотильда, за нею въ догонку Бланшъ; я поймалъ Клотильду.

— Ловите, Вильямъ! сказала она: — я къ вамъ и бѣжала. Прочтите это!

Она подала мнѣ бумажку; Бланшъ было-бросилась отнимать, но я поднялъ бумажку высоко, и она никакъ не могла ее достать. Я схватилъ лѣвою рукою обѣ ея ручки и посмотрѣлъ, чтѣ написано. Бумажка была исчерчена подписью: Бланшъ де-Монсальванъ.

Первымъ моимъ движеніемъ было осматривать поцалуями Бланшъ, но меня въ ту же минуту поразили тщательность почерка и щеголевато введенныя буквы. Она написала это не въ минуту увлеченія; нѣтъ, она примѣривала эту подпись, какъ новое платье и, дѣлая это, меньше всего думала обо мнѣ. Я возвратилъ ей бумажку улыбаясь, но нѣсколько принужденно.

Въ эту минуту вошелъ г. Плишонъ, и такъ же, какъ я, объяснилъ это дѣло. Онъ сказалъ Бланшъ:

— О, тщеславная дѣвочка! Вильямъ, если вѣрить слухамъ, не придастъ такой важности графскому достоинству.

Потомъ онъ спросилъ у меня, правда ли, что я хотѣлъ жениться на гризетѣ. Я не могу тебѣ выразить, какой пристыженный и страдающій видъ былъ у нихъ, когда они узнали, что я точно имѣлъ это намѣреніе. Напрасно я доказывалъ имъ,

что она была умна и привлекательна, напрасно я напоминалъ о братствѣ и равенствѣ, я, очевидно, упалъ въ ихъ глазахъ.

Слухи о моемъ намѣреніи жениться на гриветтѣ, вѣроятно, сообщили имъ Форжэ, но расположенію ко мнѣ откопавшій этотъ фактъ, вѣроятно, черезъ какого-нибудь своего пріятеля, полицейскаго сыщика.

Сейчасъ я получилъ новое письмо. Завтра я выѣзжаю. Да, надо дѣйствовать, надо выдти изъ этого неопредѣленнаго и ложнаго положенія. Вчера я былъ въ ихъ глазахъ чужакомъ, не имѣющимъ никакого значенія, не могущимъ предложить своей невѣстѣ никакого вѣрнаго и надежнаго будущаго; сегодня твое письмо ихъ привело въ восторгъ, они сами себя не помнятъ отъ радости и смотрятъ на меня, какъ на завидную партію. Впередъ! идемъ завоевывать выгодное мѣсто!

Вилльямъ Жильберу.

Парижъ. 9-го ноября.

Очень радъ, что тебѣ хорошо живется на Гювѣ, мой милый Жильберъ. Я все въ Парижѣ, хлопочу о мѣстѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ, я получилъ письмо отъ Эдитъ; посылалъ тебѣ съ него копію. Ты знакомишь съ однимъ изъ главныхъ нашихъ надателей, напиши ему, пожалуйста; можетъ быть, тебѣ посчастливится больше, чѣмъ мнѣ.

Письмо Эдитъ.

«Могу ли я обратиться къ вамъ съ просьбою объ услугѣ, милостивый государь? Я думаю, что могу, и меня бы очень удивило, еслибы я ошиблась. Вы были близкимъ человекомъ въ моемъ семействѣ, и могли понять, что мои мысли и вкусы совершенно во всемъ противоположны мыслямъ и вкусамъ моихъ домашнихъ, и что, въ избѣжаніе безпрестанныхъ ссоръ, остается одно средство: держаться въ сторонѣ и молчать. Вы поймете тоже, что подобную жизнь нельзя выносить очень долго. Однако, сила обстоятельствъ, или лучше сказать, неразумность нашихъ обычаевъ, принуждаетъ меня оставаться въ семействѣ и внѣ семейства, не представляеть мнѣ никакого средства существованія, никакого будущаго. Замужъ я не хочу выходить.

«Мнѣ двадцать-четыре года; я твердо рѣшилась умереть или жить, но такъ задыхаться, какъ до сихъ поръ я задыхалась, не хочу.

«Есть одно средство быть независимой: работать. Къ несчастію, общество отказываетъ въ работѣ женщинамъ моего званія.

Я не могу сдѣлаться работницей; мнѣ нуженъ досугъ для умственныхъ занятій, и кромѣ того, я не привыкла къ лишеніямъ. Поэтому, я должна себѣ искать подходящей умственной работы. Я знаю нѣмецкій языкъ и англійскій, я хотѣла заняться переводами. Но хорошіе англійскіе и нѣмецкіе писатели всѣ давно переведены, или переводятся, и мнѣ пришло въ голову, попробовать переводить, напримѣръ, съ датскаго. Датскіе и шведскіе писатели у насъ совершенно неизвѣстны. Будьте такъ добры, пришлите мнѣ двѣ грамматики, шведскую и датскую, и два лексикона. Мнѣ тоже надо выбрать нѣсколько сочиненій на этихъ языкахъ; прошу васъ, выберите. Главное, мнѣ надо отыскать издателя, который бы пожелалъ этихъ переводовъ, и завазалъ ихъ мнѣ.

«Я безъ всякаго права даю вамъ эти порученія, милостивый государь. Я должна васъ предупредить, что мои родители будутъ всѣми силами удерживать меня при себѣ и мѣшать мнѣ видѣти на свободу; имъ было бы гораздо легче перенести, еслибъ я умерла здѣсь отъ нравственной нищеты, чѣмъ знать, что я въ двадцать пять лѣтъ устроила свою жизнь по своему вкусу. Обдумайте, прошу васъ, и потрудитесь мнѣ отвѣтить».

Что ты скажешь объ этомъ письмѣ? Оно написано очень рѣзко. И, однако, мнѣ нравится эта гордость и смѣлость, и я горжусь довѣріемъ этой странной дѣвушки.

Отчего она не хочетъ выходить замужъ? Безъ сомнѣнія, по гордости. Будь она любящая и преданная, она была бы еще лучше. Но совершенства на землѣ нѣтъ. Я ее уважаю отъ души, несмотря на это, и желалъ бы служить ей, какъ братъ.

Я ей это написалъ въ моемъ отвѣтѣ. Я послалъ ей грамматики и лексиконы, и кромѣ того, сочиненія Эленшлегера. Но съ издателями бѣда. Я видѣлъ четырехъ, и все безъ малѣйшаго успѣха. Ты знаешь съ однимъ издательемъ; напиши ему, и постарайся получить поскорѣе отвѣтъ. Я бы очень хотѣлъ исполнить желаніе Эдиты.

Бланшъ Вилльяму,

Фужере, 14-ю ноября.

Знаете ли вы, милостивый государь, что уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали? Въ Парижѣ время, конечно, такъ не тянется, какъ здѣсь; но я нахожу, что оставлять невѣсту на два мѣсяца непозволительно, ужасно. Правда, вы мнѣ пишете милыя и любезныя письма, но отправивъ ихъ, вы идете гулять, вы посѣщаете прежнихъ друзей, вы пользуетесь всѣми удовольствіями, между тѣмъ, какъ я сижу одна въ этомъ огромномъ, скучномъ, деревенскомъ домѣ, не имѣя никакого

развлеченія, кромѣ того, что подразню папашу, поговорю съ тѣтенкой Клотильдой о васъ, и послушаю кузена Марка, который мнѣ надобѣль. Я не скажу этого при тѣтенкѣ Клотильдѣ, потому что ей все кажется хорошо, что дѣлаетъ или говорить кузень Маркъ. Кузень Маркъ говорить ей гораздо больше любезностей, чѣмъ мнѣ, и если вы не переѣхали мнѣнія, то найдете, что онъ тутъ несправедливъ; но очень возможно, что вы переѣхали уже мнѣніе, потому что все возможно въ Парижѣ, увѣряетъ кузень Маркъ. Знаете, тѣтенка Клотильда сказала ему, что вы меня любите, а не ее, и кузень Маркъ, кажется, былъ этимъ чрезвычайно доволенъ, и съ тѣхъ поръ сталъ относиться о васъ гораздо благосклоннѣе. Это наводитъ меня на кое-какія подозрѣнія; гмъ! что вы скажете? Я, однако, никогда не думала, чтобы тѣтенка Клотильда, при своей привязанности къ намъ... И въ ея лѣта! Это будетъ до крайности смѣшно!

Вы сердитесь, что я не отвѣчаю вамъ на всѣ ваши вопросы, и спрашиваете меня все объ одномъ и томъ же: люблю ли я васъ? Позвольте вамъ сказать, милостивый государь, что папѣ запретилъ мнѣ писать вамъ черезчуръ много нѣжностей, и кромѣ того, я не совсѣмъ довольна вами. Мнѣ кажется, вы очень мало заботитесь о томъ, что вы называете своимъ счастіемъ. Вы гораздо больше заняты вашими идеями, чѣмъ дѣломъ; вамъ противно, говорите вы, кланяться! Увѣряете, что любите меня такъ сильно, а ничего для меня не хотите дѣлать. Если дѣла пойдутъ такимъ образомъ, я, право, не знаю, когда намъ возможно будетъ перевѣчаться; а между тѣмъ, ваше долгое пребываніе у насъ въ Фужере возбудило толки; стали поозрѣвать, и г-жи Мартенъ не разъ дѣлали мнѣ намеки. Разумѣется, я ни въ чемъ не призналась имъ, потому что въ этомъ положеніи дѣлъ я не могу ни въ чемъ признаваться. Получайте скорѣе хорошее, выгодное мѣсто, и я отомщу тогда за всѣ шутки и насмѣшки, которыми меня изъ-за васъ осыпаютъ. Я вамъ всего не говорю, но бываютъ минуты, когда мнѣ очень грустно и тяжело, повѣрьте. Иные утверждаютъ, что вы никогда не сдѣлаете карьеры, никогда не выйдете въ люди, слышите, Вильямъ? Что вы изъ тѣхъ апатическихъ и мечтательныхъ характеровъ, которымъ ничто не удается, потому что они не хотятъ ни въ чемъ принудить себя, не берутъ на себя никогда ни малѣйшаго труда серьезно приняться за дѣло. Я хочу убѣдить себя, что они ошибаются, и что мой Вильямъ — ну! слово написано, и папа не увидитъ его! что мой Вильямъ любитъ меня, и что эта любовь даетъ ему силы побѣдить препятствія, которыя насъ разлучаютъ.

Вамъ надо возвратиться сюда, милостивный государь. Чувствуется потребность васъ видѣть. Конечно, если васъ задержать что-нибудь по дѣлу о мѣстѣ, такъ останьтесь въ Парижѣ. Я вамъ напишу, когда надо будетъ выѣхать; я теперь еще сама не знаю, когда именно. А! у васъ есть секретъ, но я вамъ его пока не открою. Я вамъ скажу только вотъ что: если герцоги нигуда не годятся, я придумала другое средство устроить наши дѣла. Когда пріѣдете, то узнаете тогда о чемъ рѣчь. Если васъ хлопоты о мѣстѣ не задержатъ и если вы не боитесь соскучиться, то выѣзжайте немедленно, впрочемъ, не прежде, чѣмъ купите мнѣ голубое шелковое платье, полосками или кѣтками. Чтобы матерія не была дороже шестидесяти франковъ; я и то насилу убѣдила папѣ, что дешевле невозможно купить ничего сколько-нибудь порядочнаго. Выбирайте легкую матерію. Я полагаюсь на вашъ вкусъ — я знаю, что онъ у васъ хорошій — и уже напередъ радуюсь на свое хорошенькое платьице. Еслибы нельзя было купить дешевле семидесяти или восьмидесяти франковъ, мы выдержимъ вспышку отцовскаго гнѣва, и я все беру на себя. Папа, знаете, все плачется, что обстоятельства его плохи, и, вѣзется, нинѣшній годъ, въ самомъ дѣлѣ, очень дуренъ. Только и слышишь о нуждахъ бѣдняковъ, и говорятъ даже, что есть люди, которые умираютъ отъ голоду; это ужасно. Мы только и видимъ, что нищихъ; ихъ приходатъ по двадцати въ день, и имъ принуждены часто отказывать.

Я слышу ружейный выстрѣлъ: это папѣ застрѣлялъ курицу; я думаю, что по его милости скоро ни одной не останется въ Фужере. Пока онъ поглощенъ этимъ великимъ подвигомъ, я запечатаю это письмо и никто не увидитъ, какъ я его отдамъ почтальову. Поэтому, мой Вилльямъ, я осмѣливаюсь васъ обнять очень крѣпко и нѣжно. Да, я васъ очень люблю. Ваша маленькая Бланшъ любитъ васъ немножко, много, страстно. Возвращайтесь скорѣе. О, какъ я буду счастлива васъ видѣть! Когда пріѣдете, дайте знать въ Фужере; за вами пришлютъ лошадей. Подъѣзжая къ дому, вы выйдете изъ экипажа и пойдете по тропинкѣ; я буду васъ ждать у большаго пруда, подъ плакучей ивой, но... но вы обѣщаете мнѣ не цаловать меня черезчуръ крѣпко... До скорого свиданія, мой Вилльямъ. Я тебя люблю.

Эдитъ Вилльяму.

14-го ноября.

Милый братъ, не присылайте мнѣ больше книгъ; мнѣ теперь на долго станетъ романа Эленшлегера, который я начну переводить.

Надо бы по настоящему прочитатъ нѣсколько его произведе- ній, чтобы лучше схватить главныя черты писателя, но нынѣш- ній годъ такое бѣдствіе кругомъ, что прежде всего надо чѣмъ можешь помогать бѣднымъ людямъ. У меня почти вышла всѣ мои карманныя деньги, а зима долга. Думали вы когда-нибудь, Вилльямъ, какъ это странно, что голодные работники являются просить себѣ хлѣба отъ избытка праздныхъ людей. Я по при- вычкѣ долго смотрѣла на это равнодушно, но съ тѣхъ поръ, какъ я начала глубже вдумываться, это обстоятельство не даетъ мнѣ покою и я вижу въ немъ явленіе самое необъяснимое съ точки зрѣнія справедливости и разумности.

Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ вы спрашиваете меня о мо- емъ образѣ жизни и о моемъ характерѣ. Я уважаю васъ такъ, какъ никогда никого не уважала изъ знакомыхъ мнѣ людей, но время откровенности еще не наступило и его не надо торопить. Если вы женитесь на Вланшъ, и если наши отношенія будутъ продолжаться, я думаю, что мы еще больше и серьезнѣе сбли- зимся. Чтò бы ни случилось, я уже никогда не буду смотрѣть на васъ, какъ на чужаго мнѣ человѣка.

Я не охотно вмѣшиваюсь въ нѣкоторыя дѣла, и однако я все- таки скажу вамъ, что вы хорошо сдѣлаете, если поскорѣе сюда прїѣдете. Г. Форжé вредитъ вамъ здѣсь. Затѣмъ онъ такъ долго остается въ Фужере? Я не знаю ровно ничего. Онъ ѣздилъ въ Паражъ, потомъ возвратился и по прежнему поселился у насъ.

Жму вамъ руку.

Эдитъ.

Вилльямъ Жильверу.

20-ю ноября.

Я нашелъ въ Фужере много переменъ. Г-жа Плишонъ одна не измѣнилась въ отношеніи ко мнѣ; я приобрѣлъ довѣріе Эдитъ, но Клотильда очень ко мнѣ охладѣла, а г. Плишонъ рѣшитель- но сдѣлался непріятель. Превжней уступчивости и снисходитель- ности не осталось слѣда; ихъ замѣнило что-то похожее на зло- бу, которую онъ не въ силахъ скрыть и которая обнаруживает- ся въ тонѣ его голоса, въ его манерѣ, а иногда въ пошлыхъ придирахахъ и плоскихъ шуточкахъ. Онъ точно сердится на ме- ня за то, что принялъ меня въ зятя. Еслибы дѣло касалось только г. Плишона, я бы давно возвратилъ ему его согласіе, но по моему тутъ дѣло касается только меня и Вланшъ.

Вланшъ все то же дитя; нѣжное, кроткое, наивное даже въ свои хитростяхъ, но страстнаго поклоненія любимому существу

въ ней уже нѣтъ, какъ, правду говоря, нѣтъ давно и во мнѣ. Она знаетъ теперь мои недостатки, и по своему права; но къ несчастію, эти недостатки составляютъ самыя существенныя черты моего характера и я не могу тутъ ничего сдѣлать. Она ставитъ мнѣ въ вину безпечность, несоблюденіе установившихся общественнымъ законовъ, наивную смѣлость и искренность, и даже мои мечты и стремленія. Теперь она читаетъ мнѣ наставленія, вмѣсто того чтобы меня обожать, и этотъ видъ превосходства, этотъ тонъ мудрой совѣтницы, которые къ ней чрезвычайно идутъ, не могутъ все-таки ни на волосъ измѣнить меня.

Въ мое отсутствіе она ни разу не дотронулась до книги. Наша естественная исторія такъ бы и осталась раскрыта на той же страницѣ, еслибы не взяла ее Эдитъ.

Я привезъ изъ Париза три книги: Маленькую Фадеттъ, Пиччиолу и Прогрессъ человѣческаго ума Кондорсе. Романы были прочтены, но Кондорсе еще не былъ ни разу открытъ и, быть можетъ, никогда открытъ не будетъ.

Какъ уродуетъ нашихъ дѣвушекъ теперешне воспитаніе! Вездѣ принято считать молодую дѣвушку за что-то безгрѣшное, непорочное, занимающее то мѣсто между людьми, которое лавія занимаетъ между цвѣтами. Молодая дѣвушка! о! это произносится съ восторженнымъ видомъ; дѣлаютъ ротъ сердечкомъ и поднимаютъ глаза къ небу. Въ особенности виверы очень падки на божественность. Имъ непремѣнно нужна святость въ ихъ дочеряхъ и женахъ,—ничѣмъ другимъ они не могутъ удовлетвориться. Я только послѣ этого не постигаю, какимъ образомъ эти ангелы могутъ жить въ такой постоянной заботѣ о томъ, что должно и что не должно, и какъ могутъ у нихъ рождаться безпрестанно такія подозрѣнія, которыя оскорбляютъ честнаго, порядочнаго человѣка? Никакого довѣрія, никакого увлеченія, ничего возвышающаго въ чувствѣ.

По моему, въ истинной невинности прежде всего есть благородная довѣрчивость. Она можетъ знать, что зло существуетъ, но безпрестанно объ этомъ забываетъ. Умъ тогда не пресмыкается въ грязи... О, мой идеалъ!..

21-го ноября.

Г. Формбъ вращивъ, любезень, лстивъ, онъ видимо старается меня задобрить и подкрѣпить. Безъ сомнѣнія, онъ боится, что я стану въ свою очередь вредить ему во мнѣніи Клотильды, и я охотно бы это сдѣлалъ, еслибы могъ. Но они оба стонутъ отъ меня и скрываются.

Г. Форжб признался наконецъ, что онъ разорвалъ всё сношеніа съ извѣстнымъ спекуляторомъ Гарганомъ; онъ не могъ иначе объяснить свое долгое пребываніе въ Фужере, и кромѣ того онъ вѣроятно боялся, что это узнаютъ черезъ меня; но онъ благоразумно умолчалъ о безчестной спекуляціи, по поводу которой они разорились; онъ приписалъ причину ссоры своему уточненному чувству чести, которое не позволило ему колебаться между совѣстью и денежными выгодами. Клотильда смотритъ на него, какъ на жертву долга. Его выдумкамъ придаетъ нѣкоторое вѣроятіе то обстоятельство, что онъ всегда прикидывался демократомъ. Онъ напечаталъ нѣсколько брошюрочекъ, въ которыхъ куритъ фиміамъ поочередно народу, алгарю и трону, и съ великимъ трескомъ и шумомъ морочитъ публику проектами невозможныхъ реформъ.

Вся личность этого человѣка внушаетъ мнѣ самое глубочайшее отвращеніе: пронзливый и гибкій умъ, отсутствие всякой совѣсти, мертвое сердце, если только оно когда-нибудь было живымъ. Всѣ способности его ума обращены на служеніе матеріальнымъ благамъ, и онъ не понимаетъ даже, что въ жизни можно имѣть иную цѣль. Онъ желаетъ свободы, но смотря на свободу, какъ и на все остальное, съ индивидуальной точки зрѣнія, онъ изъ нея дѣлаетъ эгонистическое, противообщественное, наглое своеволіе. Честь, любовь къ родинѣ, въ нихъ высококъ и справедливомъ смыслѣ, онъ считаетъ за ребячество; онъ осуждаетъ и порицаетъ народъ, требующій свободы, если господство, подъ которое этотъ народъ подпалъ, кротко и милостиво; онъ находитъ, что участь раба, когда съ нимъ хорошо обращаются и когда его хорошо кормить, очень завидна. Особенно сильно въ немъ развита терпимость. Причина этого очень проста: ничѣмъ онъ не брезгаетъ.

Эти стремленія какъ нельзя лучше согласуются съ его страстью къ парадоксамъ; онъ старается казаться человѣкомъ снисходительнымъ и врагомъ предрасудковъ, и любя удивлять васъ своими фокусами, онъ пытается устраивать, и дѣйствительно устраиваетъ, всевозможные компромиссы, выставивъ на видъ обратную сторону каждаго дѣла. Отрицая то, чему я поклоняюсь, и чтѣ я чту, онъ раздражаетъ меня и заставляетъ страдать. Никогда я не чувствовалъ въ такой степени разницы между однимъ и другимъ человѣкомъ, какъ теперь, когда вижу около себя подобнаго ближняго.

Но я долженъ согласиться, что судьба въ нему несправедлива, какъ онъ увѣряетъ, и что онъ по настоящему, долженъ бы занимать самое высокое мѣсто, и быть однимъ изъ корифеевъ

теперешней системы. На мѣстѣ правительства, я бы изъ него сдѣлалъ себѣ публициста; онъ удивительно выполнялъ бы свою роль, потому что его изворотливость и красноречіе неистощимы, и у него изумительный талантъ извлекать выгоды изъ чужихъ пороковъ и погрѣшностей; ему не трудно сбѣть съ толку людей и помудрѣе наивнаго семейства Плинионовъ. Это вполнѣ обозначенный характеръ настоящей эпохи.

Печальная эпоха! Гнусные характеры! И вотъ наступаетъ народный голодъ вслѣдствіе ихъ барышничества и грабительства. Надо видѣть этотъ голодъ здѣсь, въ деревнѣ; тутъ онъ не прачется. Бѣдняку нечего дѣлать дома, гдѣ не осталось ни зерна хлѣба; голодъ гонитъ его къ дверямъ богатыхъ владѣльцевъ, гдѣ хранятся вучи хлѣба въ ожиданіи еще большей дороговизны, дороговизны, которая послужитъ ему, бѣдняку, почти смертнымъ приговоромъ. Въ деревнѣ уже не работаютъ, потому что самая безустанная работа не можетъ дать насущнаго хлѣба, да нельзя и работать съ пустымъ желудкомъ. Встрѣчаешь только голодныхъ, которые въ одиночку, или небольшими отрядами, идутъ по дорогѣ. Всѣ они очень печальны, скромны, чисто одѣты и ведутъ себя просто и съ достоинствомъ. Женщины на ходу прядутъ; дѣти не играютъ и не смѣются; очень молчаливы. Я замѣтилъ, что встрѣчая васъ на дорогѣ, они не просятъ милостыни; они идутъ прямо къ чьему-нибудь дому; имъ надобно только кусокъ хлѣба, а не деньги. Многія лица очень блѣдны, особенно лица матерей, а зима только что начинается. Я даю по пяти су каждому, кого встрѣчаю, это только полфунта хлѣба, но они изумлены подобной щедростью.

Видя такое огромное число нуждающихся, богатые сокращаютъ свои подаванія. Правда, всякій нищій, приходившій въ Фужере, получалъ около фунта хлѣба, теперь даютъ только су, что составляетъ всего десятую долю фунта по теперешней цѣнѣ, и все-таки на милостыню выходитъ теперь несравненно больше. Клотильда тоже даетъ по су. Прими въ соображеніе, что на равстояніи цѣлаго лѣа нѣтъ другаго помѣщичьяго дома, кромѣ Фужере, что мужики самые богатые ничего не подають, и вообрази себѣ положеніе этихъ несчастныхъ!

Недавно я встрѣтилъ женщину, которая несла на рукахъ своихъ дѣтей, одного лѣтъ четырехъ, другаго лѣтъ шести. Она возвращалась, исколесивши нѣсколько лѣа за подаваніемъ, была очень изнурена и очень блѣдна, и на каждомъ шагу клонилась подъ своею ношею. Я отдалъ ей все, что у меня было, и помогъ ей нести дѣтей.

Когда кругомъ видишь такую нищету, то невольно выходишь

нъ себя, услыхавъ разсказъ о биржѣ и разныхъ безчестныхъ спекуляціяхъ, и я бѣгу изъ дому, не желая попусту болтать о томъ, чего они не хотятъ понимать. Можно ли повѣрить, что при всеобщемъ народномъ бѣдствіи есть люди, спокойно рассчитывающіе каждую копейку, и постоянно заботящіеся только о томъ, какъ бы сохранить въ цѣлости капиталъ. Но въ этомъ религія мѣщанства, а всякая религія требуетъ жертвъ.

Они не хотятъ ничего видѣть. Они систематически отвертываются отъ всякихъ статистическихъ свѣдѣній, отъ всякаго расчета и соображенія, которое ясно показываетъ, что рядомъ съ ихъ благопріобрѣтеніями, умираютъ съ голоду женщины, мужчины и дѣти. Они возлагаютъ какія-то надежды на провидѣніе, которому предоставляютъ заботиться о бѣднякахъ. Сколько разъ мнѣ случалось слышать: «конечно, намъ непонятно, какъ можно жить въ такой бѣдѣ, но эти люди совсѣмъ не то, что мы, и очень хорошо обходятся безъ того, что для насъ рѣшительно необходимо».

Однако, какъ ни велика сила привычки, предрасудковъ, ослѣпленія, безпокойнаго, неотвязнаго, роковаго вопроса часто представляется среди нашихъ разговоровъ и придаетъ имъ печальный оттѣнокъ. Господинъ Форжб, не давая никому ни копейки, произноситъ сантиментальныя фразы и излагаетъ свою теорію уничтоженія народной нищеты. Клятвадѣ это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что господа Форжб необходимы для блага народа. Эта достойная тѣтушка съ своей стороны слылетъ нанчувствительнѣйшими восклицаніями, но малепьзая конечно, которую она подаетъ, удовлетворяетъ ее вполне, и она думаетъ, что дѣлаетъ все, что можетъ, и работы ихъ въ гостиной такъ же спокойно продолжаются, и такъ же свободно продолжается ихъ болтовня, и такъ же свѣжи и красивы ихъ туалеты. Надо проникнуть въ это святилище, чтобы понять, на какое огромное разстояніе отъ общественныхъ бѣдствій и всякихъ серьезныхъ вопросовъ могутъ перенести модный журналъ или гинжурное вишивашье. Вида, что Бланшъ по обыкновенію спокойна и улыбается, я часто готовъ упрекать ее за эту безпечность; но когда я подумаю о всѣхъ влияніяхъ, которыя будутъ тануть ее умъ въ противоположную сторону, я вѣрнѣе: я не осмѣливаюсь сдѣлать эту попытку, слишкомъ рѣшительную, быть можетъ... для меня.

Вилльямъ Жильберу.

22-ю ноября.

Я имѣлъ длинный разговоръ съ Бланшъ. Господи! къ чему мы пришли! Теперь я знаю, зачѣмъ меня вызвали изъ Парижа.

Оъ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я слышу очень часто о предстоящемъ освященіи капеллы въ Санксене, гдѣ хранятся очень драгоцѣнныя моща. Самъ епископъ почитъ своимъ присутствіемъ священную церемонію, и такъ-какъ монастырь очень бѣденъ, и имѣть по близости на одного мѣщанскаго дома, равнаго по удобству дому Плишоновъ, то имъ выпала честь принимать его высокопреподобіе у себя. Высокопреподобіе прибудетъ только черезъ недѣлю, но приготовленія въ приѣму уже начались; только этииъ и заняты, только объ этомъ и толкуютъ. За завтракомъ я шутя сказалъ господину Плишону о его теперешней уступчивости церкви; онъ отвѣчалъ мнѣ недовольнымъ тономъ, что надо брать вещи, какъ онѣ есть; что духовенство установленная власть; что его вліяніе и значеніе, если они держались въ благоразумныхъ границахъ, почтенны и необходимы, потому что народъ не можетъ существовать безъ религіи; что, наконецъ, всю жизнь только и дѣлать, что критиковать существующіе порядки, ни къ чему не ведеть.

— Епископъ, сказалъ онъ:—человѣкъ очень вліятельный—всѣ они люди вліятельные — и кромѣ того, его братъ въ числѣ нашихъ депутатовъ и отлично принятъ при дворѣ.

День былъ солнечный и теплый; послѣ завтрака я предложилъ пойдти въ садъ, и подалъ руку Бланшъ. Къ моему великому удивленію, за нами никто не отправился слѣдомъ и насъ не удерживали; мы пошли въ садъ вдвоемъ.

— Я надѣюсь, сударь, сказала мнѣ Бланшъ:—что вы не станете вольнодумствовать при монсиньорѣ епископѣ?

— Развѣ я далъ поводъ заподозрить меня въ незнаніи приличій? отвѣтилъ я.

— О, нѣтъ! но вы такой невѣрующій! Это очень дурно.

— Нельзя сказать, чтобы я былъ невѣрующій, Бланшъ.

— Да, да!..

— Вы настоящій ребенокъ! Вы вѣдь очень хорошо знаете, что я вѣрю въ любовь, сказалъ я, цѣлуя ее; мы тогда вошли въ рошу и повернули въ боковую аллею.

Она покраснѣла, побранила меня, но ни на минуту не упустила изъ виду главнаго предмета разговора.

— Не въ томъ дѣло, сударь; я говорю о вашихъ мысляхъ на счетъ религіи, и вы напрасно...

Я уже упрекалъ тебя въ томъ, что увлекся подалуами, и упускаю случай поговорить съ нею серьезно. Я остановился и сказалъ:

— Бланшъ, намъ необходимо серьезно поговорить.

Я старался какъ можно проще и яснѣе показать ей, какншъ

образомъ католицизмъ, гдѣ только могъ, вредилъ развитію чело-
вѣчества, порождая повсемѣстно бѣдность, забитость и тупо-
уміе, но ей такъ непривычна малѣйшая умственная работа, что
мысли ея тотчасъ спутались и разбѣжались, какъ только она
стала вслушиваться въ мои слова. Все, что я говорилъ, только
привело ее въ замѣшательство; она сказала, что люди неспра-
ведливы къ священникамъ, что она знала очень добрыхъ и хо-
рошихъ, что эти добрые не должны отвѣчать за дурные по-
ступки другихъ, злыхъ, и что господинъ Катайонъ въ особен-
ности...

— Э! какое дѣло до отдѣльныхъ личностей! вскрикнулъ я съ
досадою.

— Конечно, дѣло касается личностей; и ваша личность тутъ
заинтересована больше, чѣмъ вы воображаете. Надо непременно,
я непремѣнно хочу, чтобы вы были любезны, очень любезны на
этомъ обѣдѣ.

— Я могу на немъ не присутствовать.

— Не присутствовать, Вильямъ! вскрикнула она, устремляя
на меня свои прелестные глаза, расширившіеся отъ изумленія.—
Еслибы вы это сдѣлали... я бы перестала вѣрить, что вы меня
любите.

— Какъ! наша любовь въ связи съ обѣдомъ епископу? А!..
шутите!

— Мы хотимъ доставить вамъ протекцію епископа, милости-
вый государь, для того, чтобы вы могли получать мѣсто!

Я въ свою очередь широко раскрылъ глаза.

— А! вскричалъ я послѣ первой минуты глубокаго удивленія:—
въ Фужере составляютъ такіе разговоры?

— Ну чтожъ? что тутъ дурнаго?

— Дурнаго только то, мое милое дитя, что вы совершенно
меня не понимаете! Это тяжело, очень тяжело!

Говоря это, я выпустилъ ее руку, и прислонился въ дереву.

Вланшъ немного обезпокоилась, и подошла ко мнѣ.

— Что съ вами, Вильямъ? О! вы странный челоуѣкъ! На-
когда нельзя угадать, что вамъ понравится, и что васъ огор-
чить. Вѣдь это доказательство расположенія, если мы заботим-
ся о вашихъ дѣлахъ... о томъ, чтобы устроить нашу свадьбу...

— Я вамъ очень обязанъ, отвѣчалъ я съ горечью.

— Послушайте, Вильямъ, сказала она съ вкрадчивою нѣж-
ностью, сжимая мои руки:—будьте же милѣ! Вы ничего не хо-
тите сдѣлать для меня?

— Дитя мое, отвѣтилъ я:—мое милое дитя, вы сами не пони-
маете, что вы дѣлаете. Вы хотите опозлать челоуѣка, котораго

вы любите, моя бѣдная Бланшъ! Но еслибы я былъ способенъ, въ угоду вамъ, сдѣлать низость, я скоро потерялъ бы способность васъ любить. Подумайте объ этомъ.

— Я васъ совсѣмъ не понимаю, сказала она.

— Э! я вижу это очень хорошо, и это именно меня приводитъ въ отчаяніе. Въ умственномъ отношеніи мы другъ другу чужіе, и, быть можетъ, никогда не сблизимся.

Эти слова ее угодили.

— Я знаю, отвѣтила она:—я не такая ученая, какъ вы, но думаю, что у меня есть кое-какой здравый смыслъ; онъ, къ счастью, предохраняетъ меня отъ странныхъ идей, съ которыми никто не согласенъ, и отъ которыхъ нѣтъ никакого добра.

— Такъ вы совершенно увѣрены, Бланшъ, что вы правы, и что я виноватъ?

— Разумѣется, милостивый государь, отвѣтила она улыбаясь:— Развѣ можетъ быть иначе?

Я взялъ ее за руку, подвелъ ее къ срубленному дереву, лежавшему въ травѣ, посадилъ ее, и самъ сѣлъ около нея.

— Милое дитя, сказалъ я ей, обнимая ее:—я замѣчаю, что мы сдѣлали ошибку; мы полюбили другъ друга, прежде чѣмъ узнали; но у меня много терпѣнія, и я страстно желаю сдѣлать наши отношенія разумнѣе. Вы поможете мнѣ въ этомъ?

Я просилъ ее объ этомъ съ такою страстію, я хватался за эту надежду съ такою силою, что, самъ того не замѣчая, я прижалъ ее къ груди такъ, что она вскрикнула отъ боли. Я бросился къ ея ногамъ, и сталъ просить прощенья. Она была тронута, полна нѣжности, и я подумалъ, что нашелъ ту, которую искалъ и желалъ. Но, когда мы снова возобновили разговоръ, и когда я просилъ ее высказать мнѣ всѣ свои мысли и чувства, она отвѣчала пустыми отговорками. Она не видѣла необходимости, чтобы у насъ были одинаковыя убѣжденія и вѣрованія.

«Можно безъ этого любить другъ друга, потому что такъ заведено на свѣтѣ, что мужчина и женщина разное думаютъ и чувствуютъ. Однако, теперь есть много мужчинъ, которые почитаютъ за честь быть религіозными, и она была бы въ восхищеніи, еслибы я поступилъ по ихъ примѣру, потому что это было бы для меня лучше во всѣхъ отношеніяхъ».

Наконецъ она принялась снова просить меня быть любезнымъ съ его высокопреподобіемъ на обѣдѣ.

Я опять пытался ей растолковать, что если я не буду лукавить и хитрить, то никогда не понравлюсь такому человѣку, и что я не могу, не унижаясь, принять его покровительство.

Видя, что я непоколебимъ, она такъ всплыла, какъ я никогда не ожидалъ; слезы брызнули изъ ея глазъ, и она оттолкнула меня, съ восклицаніемъ, что я ее не люблю.

— Я васъ люблю, сказалъ я: — и очень страдаю, видя ваши слезы.

— Если вы меня любите, то докажите мнѣ это, сказала она, цалуя меня.— Сдѣлайте что нибудь для того, чтобы я скорѣе была вашею. Иначе я буду думать, что мой Вильямъ не дорожить мною. Вы уже не хотите, милостивый государь, быть моимъ мужемъ?

Она старалась раздражить мою страсть обольстительными позами и движеніями, вкрадчивыми, милыми ласками; въ первый разъ она обняла меня, осыпала меня поцалуями съ такою смѣлостью, или съ такою невинностью, которыя мнѣ одинаково трудно было бы себѣ объяснить. У меня закружилась голова, и благоразуміе чуть-чуть не оставило меня, и однако никогда я не чувствовалъ живѣе, какъ необходима душевная близость для полного наслажденія. Я вдругъ сдѣлался холоденъ, какъ камень, всталъ и сказалъ ей:

— Бланшъ, вернемтесь домой.

Я не знаю, какой у меня былъ видъ, когда я ей это говорилъ, но она обнаружила сильное изумленіе и негодованіе, и отказалась идти. Я ее оставилъ въ саду, и ушелъ.

23-ю ноября.

Клотильда уладила нашу первую ссору. Бланшъ была вся въ слезахъ. Бѣдное дитя! Я тоже не удовлетворяю ея желаніямъ. Она хотѣла быть графиней, а я равнодушенъ къ графской коронѣ; она хочетъ блистать въ большомъ свѣтѣ, а я его ненавижу; ей нужна роскошь, а у меня нѣтъ состоянія, и я даже не хочу прилагать никакихъ стараній для того, чтобы разбогатѣть.

Она не подходитъ къ моему идеалу женщины, но она добра, и видя ее въ слезахъ, огорченную и кроткую, я почувствовалъ, что взаимные клятвы и поцалуи, священныя воспоминанія любви, хотя бы и неосмысленной, сами по себѣ составляютъ достаточно крѣпкія узлы.

И потомъ, кто же счастливъ? И какой же бракъ можно въ самомъ дѣлѣ назвать союзомъ? Со всякою другою изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ для насъ воспитываютъ, я испыталъ бы тѣ же разочарованія. Надо однако жениться, или отречься отъ

жизни. Какъ мнѣ жить одному? Все-таки лучше быть бойцемъ, чѣмъ зрителемъ.

А мечты мои... мечты больше не существуютъ.

Вилльямъ Жильверу.

25-го ноября.

«Мой милый, когда мы будемъ перами Франціи, у насъ будутъ аллеи усыпаны пескомъ и грязь выведется совсѣмъ въ Фужерел!»

Такъ отвѣчалъ г. Плишонъ, возвращаясь съ экспедиціи противъ куръ, Марву Форждъ, который началъ подтрунивать надъ плачевнымъ состояніемъ его костюма.

Затѣмъ г. Плишонъ подошелъ къ зеркалу, потянулъ воротничекъ рубашки, принялъ величественный видъ, и гордо откинулъ назадъ голову.

— Ге? Ничего! Не дурно?

— Чтò все это значитъ? спросилъ я.—Давно эту шутку повторяютъ всѣ на разные лады, а я не понимаю ея значенія.

— Когда у меня будетъ голубая коляска... сказала Бланшъ, смѣясь.

— А у меня ложа въ оперѣ, прибавила г-жа Плишонъ.

— А у меня только нѣкоторое улучшеніе въ туалетѣ. Вы плохо обо мнѣ позаботились, кузень Маркъ! сказала Клотильда.

— Вы знаете, что это меня самого приводитъ въ отчаяніе, но это не моя вина.

— Безъ сомнѣнія. Какъ досадно, что намъ не удалось приобрести побольше этихъ акцій! Вилльямъ могъ бы тогда выстроить отель въ Парижѣ...

— А! сказала я:— васъ обогащаютъ копн г. Форждъ?

— Я полагаю, что обогащаютъ, мой милый! Акціи все поднимаются и поднимутся еще на 50 процентовъ. Кто знаетъ, можетъ быть, еще выше!

— Первый дивидендъ скоро будетъ раздаваться... сказалъ г. Форждъ.

— Посмотримъ! посмотримъ! перебилъ г. Плишонъ, потирая руки.

Потомъ онъ потрепалъ по плечу Форждъ, приговаривая:

— А! вотъ, чтò значитъ имѣть довѣраго и знающаго родственника!

— Ахъ! проговорила г-жа Плишонъ:— Богъ вѣсть еще чтò будетъ. На этомъ разворилось много людей.

— Оставь меня въ покоѣ! вскричалъ г. Плишонъ съ нетер-

пѣніемъ.—Еслибы я тебя слушалъ, такъ мы весь вѣкъ остались бы ни съ чѣмъ, а теперь я увѣренъ, что удвою свой капиталъ!

— Помѣстятъ все состояніе въ одно предпріятіе мнѣ кажется неосторожно...

— Смѣлость для успѣха необходима, сударыня, сказала Форжд.— Акціи постоянно возвышаются. Признаюсь вамъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ г. Плишону:—если такъ еще будетъ длиться, то я думаю не лучше ли перепродать эти акціи?

— Это зачѣмъ?

— Чистыя деньги вѣрнѣе.

Г-жа Плишонъ, оставшись со мною наединѣ, призналась, что она очень неспокойна: г. Плишонъ все свое состояніе перевелъ на акціи этихъ копей. И она имѣетъ основаніе бояться, по моему разъ какъ Форждъ замѣшался въ это дѣло.

Вильямъ Жильверу.

26-го ноября.

Нѣсколько часовъ тому назадъ, не найдя Бланшъ въ гостиной, я спросилъ, гдѣ она.

— Она, кажется, въ библиотекѣ, сказала мнѣ г-жа Плишонъ. Съ полчаса тому назадъ я видѣла, какъ она туда шла съ нашимъ философомъ въ рукахъ; все это она дѣлаетъ изъ любви къ вамъ, Вильямъ!

Я пошелъ въ библиотеку; я хотѣлъ ее благодарить, спросить у ней, чтѣ ее заняло, чтѣ поразило въ этой книгѣ, говорить съ ней; сердце у меня билось отъ радости и признательности.

Дверь была отгорена; я тихонько вхожу, хочу подергаться и прижаться губами къ наклоненной головкѣ дорогой чтицы... она лежала въ креслѣ, въ самой прелестной позѣ; голова ея была откинута на спинку, глаза сомнуты; выскользнувшая изъ руки книга лежала на полу. Я наклоняюсь надъ нею: сомнѣнія нѣтъ, она спитъ; дыханье ея правильно, сонъ глубокъ.

И вотъ все дѣйствіе, которое произвелъ на нее мой бѣдный философъ!

Я поднялъ книгу и, какъ ни была очаровательна Бланшъ въ своемъ снѣ, я вышелъ не бросивши на нее взгляда.

Вильямъ Жильверу.

29-го ноября.

Когда сердце усиленно бьется, когда умъ колеблется, малѣйшая случайность производитъ рѣшительное вліяніе. Я совер-

шенно счастливъ. Сегодня по утру Жанъ опаздываетъ къ завтраку и является потомъ до крайности взволнованный. Онъ поднялъ старую Шолеттъ, которая упала съ дерева, стараясь сорвать яблоко, оставшееся послѣ сбора. Бѣдная женщина была безъ чувствъ, ее положили въ постель, но она не приходила въ себя, и только нервическія движенія показывали въ ней признаки жизни. Всѣ начали соболѣзновать объ этомъ печальномъ событіи, и я видѣлъ, что Бланшъ разсказъ Жана поразилъ до глубины души; она оттолкнула отъ себя тарелку, и не хотѣла больше ѣсть. Тѣтенка Клотильда по той же причинѣ отказалась отъ крылышка куропатки. Я взглянулъ на Эдитъ: глаза ея были опущены, лицо безстрастно, какъ всегда, и она продолжала завтракать съ нѣкоторою поспѣшностью.

— Какого чорта она полѣзла на яблоню? вскрикнулъ г. Плишонъ.

— Она была голодна, сударь, отвѣчалъ Жанъ неровнымъ голосомъ.

Никто изъ насъ не промолвилъ слова въ отвѣтъ. Г-жа Плишонъ приказала Жану отнести Шолеттъ хлѣбъ въ два фунта и остатки курицы, недоѣденной за завтракомъ.

Г. Форждъ, упростивъ Бланшъ и Клотильду покушать молочной яичницы, сказалъ чувствительную рѣчь. (Надо замѣтить, что бѣда Шолетты ни мало не испортила ему аппетита).

— О! женщина съ сердцемъ! Чтò можетъ быть нгънительнѣе этого существа, чувствительнаго, сострадательнаго въ бѣдствіямъ ближняго, преданнаго чувству долга, покорнаго, любящаго! существа, которое чуждо тщеславія и не старается соперничать съ мужчинами въ умственномъ отношеніи, боясь потерять въ этой борьбѣ свои лучшія качества, грацію и нѣжность! О! сердце! сердце! чтò можетъ съ нимъ сравняться!

Сердце, женщина съ сердцемъ—это любимый конекъ г. Форждъ, и я часто втихомолку смѣюсь, когда замѣчаю, какой голубинный видъ принимаетъ на себя Клотильда, желая заслужить титулъ женщины съ сердцемъ. Послѣднія слова г. Форждъ, очевидно, были направлены противъ Эдитъ; меня возмущало безстрастіе, выказанное ею при разсказѣ о Шолеттъ, и выходка Форждъ меня не разсердила.

Послѣ завтрака, я поѣхалъ въ Вивоннъ за покупками для г-жи Плишонъ, и возвратился только вечеромъ. Не доѣзжая польльб до Фужере, я встрѣтилъ арендатора г. Плишона, отдавъ ему лошадь и пошелъ пѣшкомъ.

Я видѣлъ яркій свѣтъ, блиставшій въ окнахъ гостиницы въ Фужере; недалеко въ сторонѣ мелькалъ другой огонекъ, слабый

и дрожащій, обозначая у опушен лѣса мѣсто убогой ввбушки; я вспомнилъ бѣдную Шолеттъ. Мнѣ захотѣлось ее провѣдать, и я отправился къ ней по ближайшей дорогѣ черезъ лѣсъ.

Идя по лѣсу, я вдругъ услышалъ шаги. Я прислушался: точно кто-то шелъ рядомъ со мною, но я не могъ видѣть этого человѣка, потому что онъ держался за деревьями. Я вынулъ длинный ножъ, который обыкновенно ношу съ собою, тихонько отпрыгнулъ его, и продолжалъ путь, ожидая что будетъ.

Когда я входилъ въ чашу, на меня вдругъ кинулся человѣкъ и закричалъ глухимъ голосомъ: «кошелевъ или живень, сударь!» но онъ дрожалъ, какъ виноватый, и мнѣ небольшого труда стоило схватить и повалить его. У него было ружье, но онъ и не подумалъ употребить его въ дѣло.

— Вы въ первый разъ вышли на разбой, сказалъ я ему: — вѣрно голодъ васъ выгналъ. Зачѣмъ вы напали на меня, а не попросили просто милостини?

— Мнѣ надобно не два су, проворчалъ онъ глухимъ голосомъ.—Что мнѣ два су?

— У меня есть десять франковъ къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ я ему.

Я выпустилъ его изъ рукъ, и вынулъ изъ кармана десять франковъ. Онъ медленно приподнялся и сталъ на ноги; по его голосу слышно было, что онъ въ страшномъ волненіи.

— А! милостивый государь! сказалъ онъ.—Вы настоящій человѣкъ, и мнѣ очень жаль, что я такъ напалъ на васъ. Я не разбойникъ, вы хорошо это угадали, но бѣдность доводитъ до сверженныхъ вещей. Вотъ уже четыре дня, какъ мы съ дочерью голодаемъ, а идти придверничать и просить подаванія... это... это намъ невозможно!

Я отдалъ ему десять франковъ, и сказалъ, чтобы, въ случаѣ крайности, онъ пришелъ къ хоромы, и спросилъ тамъ г. де-Монсальвана.

— А! такъ вы не г. Форжб?

— Нѣтъ; а вы хотѣли напасть на г. Форжб?

— Да, сударь, на него. Я слышалъ отъ дочери—она иногда ходитъ въ хоромы на поденную работу,—что у этого господина какія-то бумаги, какія-то сокровища, что онъ можетъ обогатить г. Пашона и всякаго, кого захочетъ, и это, видите, закружило мнѣ голову, и я хотѣлъ попытаться, не добуду ли я акцію казую-нибудь для дочери, потому что въ бѣдности, какъ ни будь хорошъ и честень, ни въ чему это не служить...

Я серьезно ему совѣтовалъ сохранить для дочери честное имя, и потомъ простился съ нимъ и отправился къ Шолеттъ.

Ей было лучше; докторъ отвѣчалъ за ея жизнь. Мужъ понлъ ее бузономъ, который прислала г-жа Пашонъ. Онъ расчлпался въ благодарностяхъ, особенно за то, что барышня приходила сама, и дала имъ денегъ, и велѣла послать за докторомъ.

Сердце мое радостно забилось, при вѣсти, что она приходила; мнѣ хотѣлось прижать къ груди и осыпать поцалуями добрую, милую дѣвушку. Ну, да! она не будетъ читать, если ей это скучно, но она будетъ любить меня, и она будетъ любить бѣднхъ и несчастныхъ, не умѣя такъ хорошо говорить о нихъ, какъ Эдитъ, но умѣя лучше ея доставить имъ утѣшеніе и облегчить ихъ участь. А я смѣлъ ихъ сравнивать, втайнѣ мучась тѣмъ, что Блашъ далеко до старшей сестры.

А! если полное пониманіе другъ друга невозможно, я тоже предпочитаю доброе сердце умной головѣ, и люблю теперь свою Блашъ больше, чѣмъ когда-либо любилъ ее.

30-го ноября.

Я совершенно ошеломленъ неожиданнымъ ударомъ. Мы разговаривали съ Блашъ въ столовой; рѣчь у насъ шла о религіи. Теперь, какъ только представляется случай поговорить съ ней серьезно, я его не упускаю. Я вижу очень хорошо, что это ее сердить, ей бы вѣчно голубиное воркованье, да поцалуи.

Она, наконецъ, сказала съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ:

— Псложимъ даже, вы меня убѣдите, что слѣдуетъ отречься отъ католицизма,—что-жъ изъ этого? Накогда я все-таки этого не слѣлаю, потому что въ женщинѣ это считается непозволительнымъ, и я вовсе не желаю обратить на себя общее вниманіе таимъ...

— Мнѣ кажется, сказала я нѣсколько сухо:—что въ серьезныхъ вещахъ...

— Я не знаю, зачѣмъ вы меня мучите, прервала она съ досадою:—по настоящему, я бы должна была сердиться на васъ за это непонятное упрямство касательно его высокопреподобія. Кажется, вы меня больше не любите; я вамъ уже перестала нравиться; я тоже, Вильямъ, считала васъ добрѣе и лучше!

Она съ раздраженіемъ принялась мать бумажныя розы, которыя приготовляла на украшеніе церковныхъ подсвѣчниковъ въ день великой церемоніи.

Я не отвѣчалъ, и молча думалъ, какъ горько это неизмѣримое нравственное разъединеніе между нами; вдругъ мнѣ вспомнился ея приходъ къ Шолеттѣ; я почувствовалъ, что сердце мое начинаетъ таять, что я все прощаю и на все еще надѣюсь. Я взялъ ее за руку и сказалъ:

— Вѣншъ, ходили вы сегодня къ Шолеттѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала она съ изумленіемъ.—О, мы будемъ имѣть о ней новѣстія отъ Жана.

— Вы были вчера очень добры къ ней!

— Ахъ, я не могу слышать, когда рассказываютъ объ ушибахъ, о ранахъ... меня это терзаетъ!

— Но вамъ это не мѣшаетъ посѣщать больныя?

Она снова устремляла на меня съ изумленіемъ свои прелестные глаза.

— Чтò вы хотите сказать?

— Вы не хотите признаться, что вы вчера ходили къ этой бѣдной женщинѣ и дали ей денегъ, чтобы послать за докторомъ?

— Я, Вильямъ? Нѣтъ, увѣряю васъ. Я вчера не выходила цѣлый день изъ дому; я была очень занята; у меня, сударь, ужасно еще много дѣла! Вонарвыхъ, эти цвѣты надо кончить, а потомъ надо позаботиться о туалетѣ: у меня еще ничего не готово. Знаете ли, какъ это несносно, когда нѣтъ горничной? Въ городѣ, я думаю, невозможно безъ горничной обойтись.

Я прошелся раза два-три по комнатамъ и вышелъ. Не она была у Шолетты, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Не могу тебѣ выразить, какъ мнѣ это было больно.

30-го ноября, вечеръ.

Я стороною разспросилъ и узналъ, что Клотильда тоже не ходила къ Шолеттѣ. Значить, ходила Эдитъ.

Сегодня ввечеру отправились ловить раковъ. Вѣншъ была очень весела. Приѣмъ его высокопреподобія, торжественный обѣдъ, все это ее восхищаетъ.

Я счелъ нужнымъ сказать г. Форждъ, что наканунѣ на меня напали въ лѣсу, принявъ меня за него. Я не ожидалъ, что произведу на любезнаго кузена такое сильное впечатлѣніе этимъ извѣстіемъ: онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.

Г. Плишонъ боится ревматизма, и потому, какъ только ночь наступила, онъ уѣхалъ съ дамами домой, а мы еще остались съ г. Форждъ ловить раковъ по вѣрученію хозяйки. Онъ оглядывался во всѣ стороны, за каждымъ кустомъ видѣлъ разбойника и нерѣшался сдѣлать шагъ; я одинъ вытягивалъ съѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было потемнѣе. Онъ, наконецъ, счелъ за лучшее признаться, что трусить и старался оправдать это чувство разными доводами.

Мы возвращались домой по дорогѣ, густо обсаженной кустарникомъ; онъ жался ко мнѣ, самъ подшучивая надъ своимъ страхомъ и этимъ подшучиваньемъ какъ бы старался побѣдить то

отражение, которое, какъ онъ чувствовалъ, мнѣ внушаетъ. Вдругъ мы услышали, что кто-то за нами бѣжитъ. Онъ весь задрожалъ и зашатался.

— Г. де-Монсальванъ, умоляю васъ, защитите меня!

— Чего жъ вы не хотите сами защищаться?

— Я на васъ больше надѣюсь, чѣмъ на себя, отвѣчалъ онъ, прыгавъ за меня.

Въ ту минуту, какъ я его сухо просилъ выпустить меня, опасность явилась передъ нами въ видѣ высокой, стройной женщины въ темномъ платьѣ; это была Эдитъ. Она немножко запыхалась и ввела меня подъ руку.

— Откуда вы? спросилъ я.

— Изъ Маннхейма; я часто гуляю по вечерамъ; я люблю это. Я знала, что вы побѣжали ловить раковъ, и пошла туда, думая васъ встрѣтить, но уже не застала васъ, и побѣжала догонять.

— Вы не боитесь ходить одна?

— Мадмуазель Эдитъ поступаетъ очень неблагоуразумно, вскрикнулъ г. Форжб.—Осторожность...

Я предоставилъ ему разсуждать сколько угодно; я чувствовалъ усиленное бѣненіе сердца Эдитъ, я слышалъ ея усвоенное днканіе. Мнѣ одно за другимъ вспоминались доказательства ея ума, справедливости, доброты, и я не могу тебѣ передать страннаго и глубокаго впечатлѣнія, которое производило на меня открытіе, что она, мраморная, холодная Эдитъ, живетъ живою жизнью.

Она тоже не возражала на разсужденія г. Форжб, и мы начали говорить о звѣздахъ. Я показалъ ей нѣсколько созвѣздій, и съ этого у насъ перешла рѣчь на исторію. Эдитъ широко взглядомъ смотритъ на вещи, и предположенія, которыя она дѣлаетъ, иногда правдоподобны и блистательны, какъ научныя системы. Какое невыразимое наслажденіе обвиниваться мыслями съ такимъ умнымъ существомъ! думалъ я, и когда она мнѣ сказала: «какъ вы счастливы, что знаете астрономію!» я смѣшился предложить ей брать уроки астрономіи. Она согласилась, всякій вечеръ мы будемъ учиться подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ.

— Какъ! съ васъ недовольно еще греческаго и латинскаго языковъ? вскричалъ Форжб:—вамъ еще нужна астрономія?

— Вы знаете эти языки? спросилъ я.

— Да; я училась, чему могла, отвѣтила она просто.

На порогѣ дома, Форжб ободрился, и отвелъ меня въ сторону, сказалъ торжественнымъ тономъ:

— Г. Вильямъ, повліяйтесь, что вы не подшутили надо мной!

— Я не зналъ, что вы трусь, отвѣтилъ я ему: — и къ тому же я вовсе не охотникъ инстинфировать.

— Въ такомъ случаѣ я думаю, что бесполезно объ этомъ рассказывать, не правда ли? Это можетъ напугать дамъ.

— Дамы очень храбры, отвѣтилъ я, входя въ домъ.—Поглядите на мадемуазель Эдитъ.

Вообразивъ, что я намѣренъ все рассказать и представить его въ карикатурномъ видѣ, онъ посиѣвшилъ забѣжать впередъ и самъ рассказалъ о своемъ испугѣ очень остроумно и весело. Этимъ онъ принудилъ меня рассказывать о томъ, что случилось со мною; чтобы отворотить всякое подозрѣнiе, я сказалъ, что напавшiй на меня человекъ, судя по одеждѣ, былъ нездѣшнiй. Дамы разразились восслащиванiями и мнѣ запрещено было выходить изъ дому. Эдитъ бросила на меня безпокойный взглядъ.

— Теперь времена тяжелыя, очень тяжелыя, сказалъ озабоченный Плишонъ.

И онъ сталъ говорить, какiя вездѣ волненiя по поводу дороговизны хлѣба. Странно, что г. Плишонъ и г. Форждъ приписываютъ эти волненiя не ужасной нищетѣ народа, а какимъ-то злоумышленнымъ агитаторамъ, какимъ-то фантастическимъ существамъ, которыя, любя беспорядокъ, какъ сатана любитъ зло, возбуждаютъ и разжигаютъ въ народѣ дурныя страсти. Или голодъ дурная страсть? Я полагаю, г. Форждъ долженъ бы его причислить, даже прежде трусости, къ числу нашихъ инстинктовъ самыхъ законныхъ и самыхъ необходимыхъ!

Но они сами не твердо вѣрятъ въ то, что они говорятъ. Они смутно чувствуютъ, что они тутъ отвѣтственные лица, и что народу невѣжественному и бѣдному некуда обратиться, кромѣ вхъ, хранителей богатства и образованiя. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что этотъ голодъ могъ быть предупрежденъ, или по крайней мѣрѣ облегченъ, но мѣщане думали только о томъ, какъ бы обогатиться насчетъ бѣдныхъ работниковъ, и статистика могла бы въ нынѣшнемъ году расчесть, по скольку убiйствъ приходится среднимъ числомъ на cadaго спекулятора!

Г. Плишонъ нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ взялъ зерновой хлѣбъ въ уплату долга, и до сихъ поръ еще не продалъ его. Жена настоятельно совѣтуетъ ему продать этотъ хлѣбъ, или еще лучше, раздать его въ долгъ тѣмъ, кто вуждается; но онъ всерививается, что онъ не сумасшедшiй, что онъ не можетъ кормить свое семейство и кормить цѣлый край, что никогда ему не возвратятъ долга и т. п. Какого дьявола отъ него требуютъ? Онъ бился какъ рыба объ ледъ для того, чтобы уиптерять свои доходы, и вдругъ презрѣнные негодяи ломаются къ нему въ двери, подъ

тѣмъ предложить, что имъ тоже надо жить! Очень жаль, но онъ тутъ ни въ чемъ не можетъ помочь!

Я никогда не буду любить этого человѣка. Я его, однако, извиняю, на сколько могу. Всѣ мѣщане таковы; они чтутъ канитали, какъ евреи вивотъ завѣта; въ этой вѣрѣ они родились, въ ней и умрутъ. А я-то самъ жертвую по пяти су? Пришла мнѣ тысячу франковъ. Господи! какъ бы я хотѣлъ что-нибудь сдѣлать, что-нибудь полезное, прочное! Но что? Я смотрю изъ окна на эту пустошь, въ ней тысячу невоздѣланныхъ гектаровъ, а народъ умираетъ съ голоду! Но отъ меня требуютъ не полезности, а доходовъ, и Бланшъ не хочетъ жить въ деревнѣ. Я вижу, для меня все кончено; жизнь моя никогда не будетъ серьезною, и вся пройдетъ только въ сожалѣніяхъ да въ пустякахъ.

Вилльямъ Жильверу.

1-ю декабря.

Великій день наступилъ. Солнце только что всходитъ, а я уже слышу громовый голосъ г. Плисона, отдающаго внизу разныя приказанія. Его высокопреподобіе уже наполняетъ собою этотъ домъ: онъ занимаетъ мысли всѣхъ, онъ руководитъ дѣйствіями всѣхъ, и глубоко взволнованные голоса каждую минуту его называютъ, или лучше сказать напоминаютъ его великое значеніе. Только Эдитъ и я остаемся спокойными въ общемъ сматепіи.

2-ю декабря.

И вчерашній день прошелъ, какъ проходитъ всякое земное упоеніе, и уже сегодня утромъ, послѣ довольно холоднаго разговора за прощальнымъ завтракомъ, епископъ уѣхалъ. Какъ бы то ни было, это посѣщеніе Плисонамъ будетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и памятныхъ въ объѣздахъ его высокопреподобія. Вотъ въ чемъ дѣло: вчера позавтракали на скорую руку и раньше обыкновеннаго. Епископа ждали къ десяти часамъ въ монастырь, гдѣ для него былъ устроенъ завтракъ; церемонія освашенія начиналась затѣмъ ровно въ двѣнадцать, а въ третьемъ часу ожидали прибытія его высокопреподобія въ Фужере, и въ пять назначенъ былъ знаменитый обѣдъ, приготовлявшійся цѣлую недѣлю. Г. Плисонъ, съ часами въ рукахъ, не давалъ покою женѣ, и мучилъ весь домъ; его тревога, томленіе и безпокойство были такъ велики, что онъ уже не старался ихъ и скрывать. Особенно его терзала и волновала рыба, выписанная изъ Ла-Рошели, за которую Жанъ поѣхалъ на почту

и не возвращался. Онъ ежеминутно подбѣгалъ къ огню, потомъ отходилъ прочь, пожимая плечами и повторяя :

— Безъ рыбы обѣдъ невозможенъ! Безъ рыбы обѣдъ невозможенъ! Все пропало! все пропало!... Если эти негодяи забыли... я писалъ, однако, что тутъ дѣло не шуточное! Пфа! очень нужно этимъ плутамъ!... А! разбойники кроваты! нивіе мешиники!

Онъ встрѣтилъ мой взглядъ, и нѣсколько пришелъ въ себя.

— Чортъ возьми! этотъ епископъ таки-испортитъ миѣ кровь, Вилльямъ, и я очень охотно послалъ бы ее ко всѣмъ чертамъ! Конечно, я не для него собственно поднимаю всю эту сцену, а для общества...

Эдитъ пришла къ завтраку въ своей ежедневной одеждѣ, и г. Плишонъ сталъ бранить ее за то, что она опоздала къ завтраку.

— Еще нѣтъ одиннадцати часовъ, сказала она, глядя на свои часы. — Сегодня раньше подали завтракъ.

— Очень хорошо! Но сегодня надо вамъ видти изъ вашей апатіи, и одѣться прилично!

— Я думаю, я всегда одѣваюсь прилично, а наряжаться я не буду, потому что не выйду къ обѣду.

— А я вамъ приказываю видти къ обѣду! закричалъ г. Плишонъ; глаза его засверкали гнѣвомъ. — Что вы, непременно хотите, чтобы на вашъ счетъ распространялись самыя оскорбительныя слухи?

— Вы знаете, какъ я глубоко презираю мнѣніе людей, отвѣтила Эдитъ.

Г-жа Плишонъ съ живостью обратилась къ Эдитъ, прося ее уйдти — ея добрые глаза еще выразительнѣе словъ просили — не противорѣчать отцу и видти къ обѣду. Я тоже попросилъ ее объ этомъ. Эдитъ согласилась. Г. Плишонъ успокоился, но бѣдняжка не знала, какую бѣду онъ самъ себѣ устроилъ!

Наконецъ, они уѣхали на освященіе, и возвратились въ четыре часа вмѣстѣ съ епископомъ. Все окрестное мѣщанство собралось въ Фужере, и меня всѣмъ представляли, напирая на мое графское достоинство.

Мы смѣялись съ Эдитъ надъ замѣшательствомъ бѣднаго Жана, который не могъ затвердить названія вина, и не умѣлъ справляться съ бѣлыми перчатками, когда, сопровождаемый всѣмъ обществомъ, вошелъ епископъ. Его глаза устремились на насъ.

— Это моя старшая дочь, ваше высокопреподобіе, сказала г-жа Плишонъ.

Эдитъ слегка поклонилась.

— Вамъ грозить разлука, сказалъ онъ ей, поводя на меня глазами.

За столомъ Эдитъ сидѣла напротивъ епископа, и его глаза часто обращались на это блѣдное лицо, такъ рѣзко отличавшееся отъ всѣхъ другихъ лицъ выраженіемъ чистоты и строгости. Всѣ занялись устрицами, и наступило почти всеобщее молчаніе, когда епископъ вдругъ обратился къ Эдитъ:

— Вы не были на освященіи, мадемуазель; мнѣ сказали, что вы не совѣщъ здоровы?

— Я не была на освященіи, милостивый государь, это правда, но я совершенно здорова, отвѣчала Эдитъ.

«Милостивый государь» вмѣсто «ваше высокопреподобіе», поразилъ его, и заставилъ покраснѣть. Всѣ присутствующіе, наостравшіе уши при каждомъ словѣ есо «высокопреподобія», переглянулись съ ужасомъ и негодованіемъ. Г-жа Плишонъ поблѣдѣла, и дрожащимъ голосомъ предложила предложить его «высокопреподобію» какое-то блюдо; г. Плишонъ побагровѣлъ отъ гнѣва, обратилъ на Эдитъ сверкающіе глаза, и готовъ былъ сдѣлать какой-нибудь глупый скандалъ; я искалъ, какъ и чѣмъ отвлечь общее вниманіе въ другую сторону; я подложилъ ножъ подъ стоявшую около меня бутылку вина, и уронилъ ее на стаканъ г. Камайона; стаканъ разбился въ дребезги, вино полилось въ тарелку, а съ тарелки на колѣни достойнаго прелата. Я вскрикнулъ, я вскочилъ съ мѣста, г. Камайонъ отыргнулъ на десять шаговъ отъ стола. Со всѣхъ сторонъ слышались восклицанія и соболѣзнованія; прибѣжала прислуга, г-жа Плишонъ приказала подостлать салфетку подъ приборъ г. Камайона, а я его оглушалъ своими извиненіями и сѣтованіями на свою неловкость.

Все это взяло не мало времени, и когда порядокъ былъ снова возстановленъ, то уже поздно было дѣлать замѣчаніе Эдитъ.

Разговоръ принялъ другое направленіе. Г. Форждъ искусною рукою провелъ границы между свѣтскою и духовною властями, между церковью и государствомъ, воскуривая первой облака хвалебнаго фиміама. Г. Форждъ умѣетъ быть трогательнымъ; онъ не забылъ при этомъ случаѣ указать на высокохристіанскую покорность, которую религія внушаетъ несчастнымъ страдальцамъ при бѣдствіяхъ теперешняго кризиса. Онъ даже увлекся до такой степени любовью къ фразѣ и къ поражающимъ эффектамъ, что призналъ нѣкоторымъ образомъ всю глубину существующаго зла, рисуя картину голодныхъ людей, умирающихъ безропотно съ глазами, устремленными къ небу.

Этимъ послѣднимъ фактомъ г. Форждъ, кажется, нѣсколько

оскорблялъ чувствительность его высокопреподобія; онъ сказалъ сдержаннымъ и сухимъ тономъ:

— Да, Господь посылаетъ намъ жестокое испытаніе. Да будетъ благословенно имя его!

— Еще нѣсколько трифелей, ваше высокопреподобіе, умоляю васъ! сказалъ г. Плишонъ.

Минута показалась мнѣ благопріятною, и, обращаясь къ г. Камайову, котораго я оспалъ до сихъ поръ любезностями (за исключеніемъ пролитаго на него вина), я сказалъ:

— Г. Форжбъ совершенно правъ; никогда польза католицизма не была такъ осязательно доказана, и я теперь только понимаю всю глубину этого взрѣченія Христа: царство мое не отъ міра сего. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдные люди были бы очень безумны и очень неблагодарны, еслибы вздумали жаловаться на переходящіе мученія голода, когда имъ сулятъ вѣчное райское блаженство; можно пародировать извѣстныя слова Вольтера: еслибы рай уже не былъ устроенъ, то его необходимо было бы выдумать.

Г. Камайонъ съ живостью обернулся ко мнѣ и бросилъ на меня инъвизиторскій взглядъ. Вѣроятно, мое лицо пояснило ему достаточно, что я за птица, потому что онъ счелъ всякія дальнѣйшіе разспросы излишними, и въ отвѣтъ на мои слова, съ любезнымъ видомъ предложилъ мнѣ оливки. Затѣмъ, мы до конца обѣда говорили о Гомерѣ и о Платонѣ. Покровительство его высокопреподобія мнѣ больше не угрожаетъ.

Я нѣсколько разъ старался поймать взглядъ Бланшъ, но она отвертывалась, смотрѣла въ противоположную сторону, и казалась очень раздраженною. Я видѣлъ, что она долго не проститъ мнѣ моей неловкости, обнаруженной въ глазахъ такого избраннаго общества.

Послѣ обѣда я подошелъ къ ней, чтобы объясниться, но она обошла со мной съ такою сухостью, почти съ презрѣніемъ, что я оставилъ ее и пошелъ искать Эдять.

Эдять была уже въ своей комнатѣ. Я послалъ Жана сказать ей, что я ее ожидаю на урокъ.

Она скоро пришла.

— Такъ вы хотите дать мнѣ урокъ сегодня? спросила она съ ласковымъ и смѣющимся видомъ.

— Что жъ можетъ этому помѣшать, милая сестра?

— Я очень рада, отвѣтила она, взявъ меня подъ руку. — Ахъ, Вильямъ! мы съ вами настоящіе отщепенцы!

Мы, смѣясь какъ школьники, отправились на лугъ. Я не умѣю тебѣ передать того впечатлѣнія, которое производитъ на меня веселость Эдять; эта веселость такая рѣдкая, такая заду-

шевная, такъ исключительно принадлежить тому, кому она предназначена, что я не могу ее видѣть безъ глубокой благодарности и особаго сладкаго, сердечнаго замѣра.

Уже совсѣмъ стемнѣло, но небо было усыяно звѣздами.

— Милая сестра, сказала я ей: — дѣйствительность темна, какъ эта уснувшая земля, а мечты и стремленія лучезарны, какъ это звѣздное небо!

Говоря такимъ образомъ, я обняла ее одною рукою, и мы глядѣли на небо, прислонившись другъ къ другу. Мнѣ это приходится теперь на память, но тогда я не замѣтала этого, и Эдитъ, я увѣренъ, тоже не обратила вниманія. Въ ней столько серьезнаго и возвышеннаго, что въ ея присутствіи не приходятъ тѣ мысли, которыя возбуждаются другими женщинами. Въ Эдитѣ вы чувствуете прежде всего существо искреннее и разумное; приближаясь къ ней, вы вступаете въ новый высшій міръ, въ которомъ вѣтъ мѣста униженнымъ и опшляющимъ мелочамъ; съ нею думается такъ же свободно, какъ съ самимъ собою, но только прелести тутъ несравненно больше. Она стала со мной ласкова, но все еще у нея остается немного дикости, и она ничего не говоритъ мнѣ о самой себѣ. Впрочемъ, она сказала мнѣ по поводу пролитаго за обѣдомъ вина:

— Такъ вы неловки, Вильямъ?

— Увы! неловокъ! отвѣтилъ я, улыбаясь.

Ея большіе глаза обратились на меня ласково, и она схватила мою руку.

Вильямъ Жильверу.

4-го декабря.

Фульзскія копи выпустили въ свѣтъ великолѣпную программу, которая общаетъ всякому акціонеру триста процентовъ. Все семейство Плишоновъ въ упоеніи.

Власть совершенно перемѣнилась. Она, какъ отецъ, кажется, сердится на меня, зачѣмъ я не богатъ; она сдѣлалась очень капризна и почти надменна. Она не простила мнѣ разлитаго вина за званымъ обѣдомъ, и когда я ей сказала, что этимъ я хотѣлъ избавить ее сестру отъ неприятной и тяжелой сцены, ея голубые глаза, обыкновенно такіе кроткіе, заблестѣли гнѣвомъ и злобью.

— А! это вы сдѣлали для Эдиты! вскрикнула она. — Я васъ за это благодарить не стану! Вы чересчуръ добры къ ней и чересчуръ жестоки ко мнѣ! Я не знала, что вы такъ преданы моей сестрѣ!

— Я очень уважаю Эдитъ за то, что въ ней нѣтъ тщеславія,

Бланшъ. Я теперь ясно вижу, что тщеславіе почти всегда неравнучно съ сухимъ сердцемъ.

Съ этими словами я ее оставилъ.

Вильямъ Жильверу.

5-ю декабря.

Вотъ уже нѣсколько дней меня неотступно преслѣдуетъ одна мысль...

Я не могу безъ волненія видѣть Бланшъ; я не могу безъ волненія дотронуться до ее руки, не могу равнодушно слышать ее голоса; ее глаза, ее волосы, все ее существо мнѣ дорого и близко. Все это такъ, но когда всѣ эти волненія крови успокоятся, что послѣ?

Что послѣ?

Этотъ вопросъ неотступно меня преслѣдуетъ.

Что послѣ? Послѣ—ничего! Ничего, кромѣ непрестанной борьбы между двумя, другъ другу враждебными натурами!

Она ничего этого не понимаетъ, и хочетъ непремѣнно, чтобы мы наслаждались любовью, какъ это подобаетъ молодому человѣку и молодой дѣвушкѣ, влюбленнымъ другъ въ друга. Медовый мѣсяцъ имѣетъ всегда свою прелесть, но что послѣ будетъ? Что послѣ останется?

7-ю декабря.

Всѣ ужасно жалѣютъ, что у меня нѣтъ акцій Фульвизскихъ копей. Что до меня касается, то я этому очень радъ уже потому, что избавленъ отъ сношеній съ г. Форждъ.

Бланшъ замѣчаетъ мою холодность, и попеременно то кокетничаетъ со мною, то на меня дуется. Нѣсколько часовъ тому назадъ, она подошла ко мнѣ, когда я читалъ въ гостиной,—мы были одни — и положила руку мнѣ на плечо. Оглянувшись, а почти коснулся моимъ лицомъ ее свѣжаго, розоваго личика; она гладѣла на меня съ такимъ ласкающимъ и лукавымъ выраженіемъ, что въ прежнее время я бы осыпалъ ее поцалуями. Теперь, въ настоящее время, я остался совершенно спокоенъ, и когда мы пошли гулять, несмотря на всѣ ее заигрыванья, я былъ только вѣжливъ съ нею и братски ласкалъ.

Вчера получено отъ Мартеновъ извѣщеніе о предполагаемомъ бракѣ ихъ второй дочери съ су-префектомъ округа. Эта новость возбудила живѣйшее волненіе. Су-префектъ, свадебная корзинка, открытый домъ, первенство въ городѣ, все это кружить голову Бланшъ. Мы были въ гостиной, она, г-жа Плишонъ, Клотильда

и я. То и дѣло повторяемая фраза «она выходитъ за су-префекта» прожужжала мнѣ наголоу уши.

— Почему вы прямо не говорите, что она выходитъ за су-префекта? сказала я. — Это было бы гораздо точнѣе, и выражало бы гораздо лучше ту мысль, что для женщины замужество—только средство хорошо пристроиться.

Г-жа Плишонъ и Клотильда начали смѣяться. Вланшъ надулась.

— А мы должны тоже объявить имъ, что Вланшъ невѣста, сказала Клотильда. — Они давно догадались, въ чемъ дѣло, и наше молчаніе можетъ ихъ оскорбить.

— Пожалуй, скажемъ имъ, отвѣтила г-жа Плишонъ.

Но лицо Вланшъ выразило сильную досаду, переходящую въ испугъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! сказала она. — Я не хочу! Еще рано объ этомъ разсказывать!

— Да вѣдь они уже знаютъ!

— Все равно, говорить не надо. О, не надо! Они сейчасъ пристанутъ съ разсирсами...

— Такъ что жъ такое? Мы имъ отвѣтимъ! весело возразила Клотильда.

— Папѣ не хочеть объявлять.

— О! сказала Клотильда, несколько этимъ не смущаясь: — мы имъ доверимъ это по секрету.

— Да, сказала г-жа Плишонъ: — надо будетъ имъ это сказать. Имъ пріятно будетъ наше доверіе. Г-жа Мартенъ повѣряетъ намъ свои домашнія дѣла, и въ правѣ отъ насъ ожидать того же.

Вланшъ не отвѣтила ни слова, но она сидѣла вся красная, усердно вышивала и едва себя сдерживала. Черезъ минуту Клотильда вышла изъ гостиной и она тотчасъ же отправилась за нею.

Дневникъ Вилльама.

Я не знаю, что со мною дѣлается. Или въ жизни есть волненія, которыхъ я не знаю? Или есть такіа радости, съ которыми не могутъ сравниться даже радости любви?

Мы сѣли за столъ, какъ вдругъ входитъ г-жа Плишонъ, очень взволнованная. Она приближается ко мнѣ и целуетъ меня.

— У васъ великодушное сердце, Вилльамъ, мой милый сынъ! говоритъ она мнѣ.

Вѣдная женщина, которой я разъ помогъ донести дѣтей до дому, приходила узнавать обо мнѣ, и подробно разсказала г-жѣ Плишонъ нашу встрѣчу.

Всѣ принялись восхищаться моимъ великодушiемъ и удивляться, что я взялъ на руки этихъ бѣдныхъ грязныхъ ребятшекъ, и несъ ихъ по такимъ ужаснымъ дорогамъ; г. Фордъ съ Клотильдой наговорила столько фразъ по этому поводу, что вывели меня наконецъ изъ терпѣнiя.

— Вамъ особенно кажется великодушнымъ, что я откинулъ на это время свое графское достоинство, и обошелся съ бѣдными по братски; будь на мѣстѣ бѣдной женщины богатая, вы нашли бы тутъ только самую простую и обыкновенную учтивость. Но къ счастью, мы все больше и больше удаляемся отъ того времени, когда милосердiе богатыхъ къ бѣднымъ славилось какъ великiй подвигъ человеколюбiя и давало сюжеты для трогательныхъ картинъ, на которыхъ король или вельможа, устроивъ ротъ сердечкомъ, проникнутый чувствомъ своего собственного превосходства и величiя, снисходительно и благодушно глядѣлъ на простолюдина, стоявшаго передъ нимъ на колѣняхъ. Теперь мы должны знать, что дѣлая какое-нибудь одолженiе этому простолюдину, мы только исполняемъ самый простой, самый положительный, самый полезный для насъ самихъ долгъ.

Я встрѣтилъ взглядъ Эдитъ; она опустила глаза. Она была блѣдая, безстрастна какъ всегда, и однако я видѣлъ, что она взволнована. Послѣ завтрака, я пошелъ за нею слѣдомъ; я до сихъ поръ не знаю, какъ это сдѣлалось; я не сказалъ себѣ, что пойду за нею, а между тѣмъ всходилъ по лѣстницѣ, и скоро догналъ ее. Она услышала мои шаги и обернулась... О! никогда я не видалъ такого сіющаго, счастливаго лица! Она сошла нѣсколько ступенекъ внизъ, обвила руками мою шею, крѣпко прижала мою голову къ своей груди, хотѣла говорить, но зарыдала, и я почувствовалъ что ея слезы льются на мое лицо.

Я не могу выразить, до чего это пограсло меня. Какъ будто новый мiръ открылся передо мною. Съ тѣхъ поръ я хожу въ какомъ-то ошъаненiи; голова у меня кружится, руки и ноги отяжелѣли, а мечты заносятся такъ высоко, что я даже не вижу, куда онѣ летятъ. Я чувствую безпредѣльное счастье, самъ не знаю почему. О, Боже мой! Неужели же дружба сильнѣе любви?

9-го декабря.

Вчера мы гуляли съ Эдитъ, и она разсказала мнѣ свою жизнь. Да, это было вчера. Съ тѣхъ поръ, какъ она отдала мнѣ свою дружбу и довѣрiе, дни такъ полны, что одинъ заключаетъ въ себѣ много прежнихъ пустыхъ дней.

Едва мы прошли нѣсколько шаговъ вмѣстѣ, она подала мнѣ руку на прощанье.

— Но вѣдь вы не домой идете? спросилъ я.

— Нѣтъ, не домой, отвѣтила она, и было-пошла, но тотчасъ же вернулась ко мнѣ и сказала: если вы хотите, Вилльямъ, то пойдемте вмѣстѣ; только это немножео далеко.

— Куда вы идете?

— Провѣдать бѣдную Миньону. Вы знаете, у нея большое горе; она любить Жюстена, а его отецъ слышать не хочетъ о ихъ свадьбѣ.

— А! милая Эдитъ, вы, стало-быть, умѣете сочувствовать и любовнымъ огорченіямъ?

— Какъ же не умѣть!

— Да вы... я, по крайней-мѣрѣ, думаю, что вы ихъ не понимаете.

Она улыбнулась.

— Я имѣю о нихъ нѣкоторое понятіе, Вилльямъ. Я хотѣла любить и не могла. Съ этой минуты я увидала глубокій разладъ между моими мыслями, потребностями и желаніями и тѣмъ, что обыкновенно даютъ намъ люди. И съ этой минуты я сдѣлалась молчалива и холодна на видъ; я въ сущности не холодна, Вилльямъ.

— Я знаю! Я знаю! отвѣтилъ я, сжимая ея руку.

Я страстно желалъ узнать все, и хотя я не смѣлъ просить объ этомъ, она могла видѣть мое желаніе.

— Я никогда никому не рассказывала этого, сказала она: — и я такъ привыкла скрывать всѣ свои чувства, что теперь, высказывая ихъ, я чувствую нѣкоторую боль. Не оскорбайтесь этимъ, Вилльямъ; потребность открыть вамъ всю душу у меня сильнѣе этого нежеланія говорить. Я не могу вамъ выразить, какъ я счастлива нашею близостью и дружбою.

— А меня, Эдитъ, вскричалъ я: — меня вы заставили жить новою жизнью! Милая, любимая сестра, я много мечталъ, много желалъ, и все-таки никогда не могъ себѣ представить такого счастья!

Она посмотрѣла на меня съ нѣжностью и съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, сказала она: — когда отецъ представилъ мнѣ молодого человѣка, за котораго онъ желалъ отдать меня замужъ. Его звали Альфредъ Рошѣйлъ; онъ былъ богатъ, онъ хорошо учился и занимался въ банкирской конторѣ своего отца, жившаго въ Пуатье. Лицо у него было умное и доброе; онъ былъ человѣкъ смысленный и держалъ себя съ тактомъ. Это была, какъ у насъ говорятъ, великогѣпная партія, и мой зотецъ гордился будущимъ затемъ. Г. Альфредъ влюбился

въ меня на одноиъ вечерѣ, гдѣ мы встрѣтились. Я была тогда очень наивна и иногда очень весела. Я говорила все, что мнѣ приходило въ голову, и доврчиво смотрѣла на будущее.

Когда я узнала, что меня хотятъ выдать замужъ, я очень удивилась, и какъ будто испугалась; я сказала это отцу, и просила его погодить съ свадьбою. Онъ надѣялся, что г. Альфредъ меня самъ убѣдитъ, что откладывать не надо; и сначала привлекательность г. Альфреда и его любовь въ самомъ дѣлѣ меня тронули. Передо мной открылся новый мiръ, у меня родились новыя чувства; я думала, что люблю г. Ромбiйла. Однако, я боялась еще дать ему слово, я хотѣла знать...

Эдитъ остановилась въ смущенiи; лицо ея покраснѣло румянцемъ; а у меня сердце было сжато, какъ въ тискахъ.

— Это трудно выразить, продолжала она. — Я любила быть съ нимъ, слушать его, но когда онъ просилъ меня о поцалунѣ или положительномъ общанiи, я инстинктивно отшатывалась отъ него, и чѣмъ настойчивѣе и требовательнѣе онъ становился, тѣмъ сильнѣе дѣлалось это инстинктивное отвращенiе. Я не рассуждала о томъ, что дѣлала его предметомъ изученiя, что ничего съ своей стороны ему не давала и употребляла во зло его чувство ко мнѣ. Я уже послѣ это поняла. Мало-по-малу, разговаривая съ г. Альфредомъ, я узнала, какъ онъ смотритъ на любовь, на бракъ и на значенiе женщины. Несмотря на всю его учтивость и любовь ко мнѣ, я видѣла, что онъ раздѣляетъ убѣжденiя моего отца, котораго въ этомъ отношенiи я считала исключенiемъ. Я ясно видѣла, что г. Альфредъ цѣнитъ во мнѣ только красоту, что до всего остальнаго ему дѣла нѣтъ, кромѣ духа кротости и покорности, которыхъ у меня не было. Я видѣла, какъ онъ глупо самонадѣянъ, легкомысленъ и непослѣдователенъ во всѣхъ серьезныхъ вещахъ, сколько у него ложной гордости и возмутительнаго эгоизма. Его притязанiя сдѣлались для меня невыносимы, и я старалась только о томъ, чтобы отдалить его отъ себя. По поводу *правъ* и *обязанностей* между нами, происходили очень живыя ссоры. Онъ надо мною смѣялся, я отвѣчала ему презрительными сарказмами. Мы уже были въ полномъ разладѣ, когда разъ, въ минуту досады, онъ сказалъ мнѣ, что женщина слѣдуетъ только шить, да рожать дѣтей; я сейчасъ же объявила ему рѣшительный и безвозвратный разрывъ.

Къ сожалѣнiю, мой отецъ уже успѣлъ провозгласить публично о нашей свадьбѣ. Когда г. Ромбiйль пришелъ къ нему съ объясненiемъ, когда я сказала, что ни за что на свѣтѣ не пойду замужъ, его ярости не было границъ; его подозрѣнiя тоже разыгрались.

Онъ обошелся очень душно съ г. Рошбиль. Мнѣ онъ дѣлалъ ужасныя сцены... Вильямъ, я вамъ все скажу. Съ тѣхъ поръ я не уважаю отца, и не люблю его.

Я теперь видѣлъ, чего стоило Эдитъ рассказать мнѣ это; она сдѣлалась чрезвычайно блѣдна, и ее охватила нервная дрожь. Я посадилъ ее на пригорокъ у дороги. Когда дрожь прошла, она нѣсколько разъ глубоко вдохнула и слеза скатилась у ней по щекѣ. Потомъ она встала, взяла меня подъ руку и сдѣлала мнѣ знакъ не говорить.

Я всю ночь преумчался. Я строилъ безумные планы, предавался невозможнымъ мечтамъ. Я всталъ съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать изъ Фужере; я ее увидѣлъ; она мнѣ улыбнулась, и пожатіе ея рукъ, ея ласковый взглядъ, успокоили меня. Теперь мнѣ кажется, что я былъ въ горячечномъ бреду, и что я навсегда выздоровѣлъ отъ него. Какое странное положеніе! Или это сердечная пустота меня такъ волнуетъ? Или у меня, какъ у человѣка, умирающаго съ голоду, галлюцинація? Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ я сильнѣе чувствую, что надо уѣхать отсюда. Но какъ разорвать съ Бланшъ? Какъ уладить это дѣло честно и не оскорбительно для нея?

15-го декабря.

Эдитъ стала совсѣмъ другая. Она ни въ чемъ не измѣнила своихъ привычекъ и по прежнему остается у себя въ комнатѣ; но когда ей случается быть между нами, она не избѣгаетъ разговора; прежній гордый взглядъ смягчился; въ ея голосѣ появились ноты, отъ которыхъ дрожить и замираетъ у меня сердце. Все семейство удивлено этою перемѣною и ищетъ причину. Я одинъ ее знаю: она стала такою потому, что она меня любитъ! Можно съума сойти отъ блаженства и гордости!

Только съ Форжѳ она осталась такъ же холодна, какъ и была. Онъ осмѣлился говорить ей любезные комплименты и получилъ въ отвѣтъ одно презрѣніе.

Она побѣдила враждебное чувство къ отцу. Сегодня по утру онъ былъ нездоровъ и не завтракалъ. Ему принесли декоктъ и поставили его на каминѣ, около котораго мы всѣ сидѣли; декоктъ простывалъ, но никто объ этомъ не думалъ; Эдитъ взяла чашку и подала ее отцу. Онъ былъ очень очень тронутъ ея вниманіемъ. Бланшъ, которой принадлежитъ право маленькихъ ухаживаній и льстивыхъ ласокъ, бросилась и хотѣла взять чашку изъ рукъ сестры, но г. Плишонъ остановилъ свою любимицу нѣсколько сурово.

— Не безпокойся; вѣдь ты сама объ этомъ не вспомнила!

Г-жа Плишонъ смотритъ на Эдитъ съ радостью, и по какому-то инстинкту обращаетъ глаза на меня. Но чтó больше всего меня трогаетъ, это вниманіе Эдиты къ сестрѣ. Сегодня она совѣтовала ей пойти погулять.

— Увѣряю тебя, говорила она: — что ты будешь чувствовать себя очень хорошо послѣ прогулки.

— Да я и такъ не больна, отвѣчала Бланшъ сухимъ тономъ.

— Ты за зиму поблѣднѣла немного.

— О! я вовсе не желаю быть краснощекою, какъ мужичка!

— Тебѣ нечего этого бояться. Ты сбѣлаешься только сбѣлѣе и сильнѣе.

— Женщины не нуждаются въ силѣ, отвѣтила Бланшъ, разваливаясь въ креслѣ.

— Женщины очень нуждаются въ ней, сказала Эдитъ: — если не для себя, то для своихъ дѣтей.

— О! моя милая! вослѣгнула Бланшъ.

И стыдливо закрыла лицо руками.

Я смотрѣлъ на нихъ обѣихъ. Эдитъ поймала мой взглядъ и покраснѣла; она завернулась крѣпче въ шаль, и сказала, уходя:

— Это ваша вина, Вильямъ; вы такъ любите природу и чистый воздухъ, а ее не умѣете заставить полюбить ихъ.

Я не смѣлъ идти за нею; я чувствовалъ, что она этого не желаетъ.

Вильямъ Жильверу.

26-го декабря.

Какъ только получишь это письмо, возьми у Деляжа пять тысячъ франковъ, и вышли ихъ мнѣ немедленно.

Здѣсь случилось очень печальное происшествіе. У г. Плишона хранилось очень много зерноваго хлѣба на чердакѣ дома; онъ не хотѣлъ этимъ хлѣбомъ спекулировать, онъ получалъ этотъ хлѣбъ въ уплату долга, но по гнусному ли расчету, или по безпечности, или вѣрнѣе всего по глупому упрямству, онъ, несмотря на всѣ просьбы жены, не хотѣлъ его продавать. Его стали считать барышникомъ и въ народѣ накопилось противъ него глухое раздраженіе. Съ другой стороны распространился слухъ о томъ богатствѣ, на которое онъ рассчитываетъ, и голодные бѣдняки съ негодованіемъ стали принимать ту ничтожную милостыню, которая подается у дверей его дома. Его враги своими клеветами поддерживали общественное неудовольствіе.

Въ воскресенье вечеромъ въ Фужере прибѣжала голодная толпа; въ ней было десятка два мужчинъ, да дюжина женщинъ и нѣсколько дѣтей, обезумѣвшихъ отъ страданія.

Я возвращался съ прогулки въ ту минуту, когда растерявшіеся слуги стали загроживать садовую дверь. Въ это же время во всемъ домѣ затворяли ставни, всюду воцарялась темнота и я съ трудомъ могъ распознавать всѣ эти блѣдныя лица, искаженныя страхомъ. Эдиты не было въ комнатѣ. Г-жа Плишонъ схватила меня за руки:

— Вилльямъ, мы погибли! Я знаю мужа! Постарайтесь уговорить его... постарайтесь, чтобы онъ уступилъ этотъ хлѣбъ...

— Вилльямъ! закричала Вланишъ, бросаась во мнѣ на шею: — я съума схожу отъ страху!

— Теперь не время съума сходить, милое дитя мое, сказала я, усаживая ее въ кресло. — Намъ всѣмъ необходимо мужество и хладнокровіе.

Клотильда ныла на весь домъ; кузень Маргъ сбѣгался со всѣмъ маленькимъ и притихъ такъ, что его почти не было слышно; онъ помогалъ г-жѣ Плишонъ загроживать дверь со двора, въ которую продолжали ломиться.

Г. Плишонъ въ кухнѣ старался ободрить слугъ энергическими разсужденіями о томъ, что собственность краеугольный камень всего міроваго порядка.

— Вилльямъ, сказалъ онъ мнѣ: — вы возьмите ружье Антенора. Ахъ, вабы Антеноръ-то былъ здѣсь!

Я отвелъ г. Плисона въ сторону и сталъ ему доказывать, что, несмотря на его оружіе и мужество, исходъ борьбы очень сомнителенъ, если принять во вниманіе число нападающихъ. Двери могли наконецъ уступить ихъ напору. Раздраженныя сопротивленіемъ, бѣдники могли дойти до послѣднихъ крайностей. Ярость этихъ людей была возбуждена голодомъ; выдача хлѣба могла ихъ удовлетворить, и этимъ ничтожнымъ пожертвованіемъ можно было предотвратить самыя ужасныя несчастія.

Я никогда не забуду того взгляда, который онъ на меня бросилъ. Было очевидно, что любовь къ собственности можетъ породить такія же неистовства, какія порождалъ въ былое время религіозный фанатизмъ.

— Я до послѣдней капли крови буду защищать свое имущество и свое семейство! отвѣтилъ онъ, наивно ставя на первое мѣсто то, что занимало его всего сильнѣе. — Я никогда не уступлю до уступокъ этимъ разбойникамъ! Коли вы боитесь, я самъ возьму оба ружья!

Я спокойно пожалъ плечами и взялъ ружье Антенора.

— Я буду защищать ваше семейство, сказалъ я ему: — а стрѣлять въ людей, которые просятъ хлѣба, я не буду.

Я оставилъ его и пошелъ посмотрѣть, гдѣ Эдиты. Я издали

услыхалъ ея голосъ; она говорила съ народомъ. Я побѣжалъ къ ней; она стояла на лѣстницѣ втораго этажа у окна, выходящаго во дворъ. Ее слушали и перестали ломиться въ двери. На всѣхъ этихъ лицахъ выразалось больше гора, чѣмъ свирѣпости; у иныхъ былъ совсѣмъ потерянный видъ; иные стояли съ понижшею головою; двое или трое кричали и махали руками.

— Пожалуйста уходите! говорила Эдитъ.—Подумайте, какую вы себѣ бѣду накличете! Я знаю отца: онъ не уступитъ, если ему станете грозить... Уходите! Если вы не уйдете, то будетъ большое несчастье. Подумайте, что завтра же жандармы васъ арестуютъ и вы попадете въ тюрьму... Уходите пожалуйста!

Многіе переглянулись и я слышалъ, какъ они говорили:

— Мадемуазель справедливо разсуждаетъ.

Но одинъ человекъ, съ ввалившимися щеками, съ изсохшимъ тѣломъ, закричалъ:

— Такъ что жъ такое? Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ! Кому перерѣжутъ горло, тотъ терпѣть не будетъ; кто попадетъ въ тюрьму, того накормятъ!

— Да, да! закричали всѣ въ одинъ голосъ.—Умирать такъ умирать!

И со всѣхъ сторонъ раздались вопли и жалобы. Одна женщина, обнаживъ свою грудь, показала, что кожа прилипла у нея къ костямъ; другая кричала:

— Столько у нихъ хлѣба лежитъ, а за воротами люди дохнутъ, какъ собаки! Эіе варвары! Эіе кровоіицы!

Раздались снова крики и проклятія, и противъ отца Эдиты слышались самыя ужасныя угрозы.

Эдитъ побѣжала къ отцу, взяла его за руки и стала умолять его, чтобы онъ успокоилъ этихъ людей, отстаивавшихъ болѣе великое и болѣе священное право, чѣмъ право обладать нѣсколькими мѣшками хлѣба или нѣсколькими монетами.

Г. Плишонъ оттолкнулъ ее, называя ее безумною.

— Папа, сказала Эдитъ: — дайте мнѣ за годъ впередъ мои карманныя деньги и продайте имъ этотъ хлѣбъ по баварной цѣнѣ.

— Ты хочешь, чтобы я тебѣ голову разможилъ! закричалъ онъ съ пѣною у рта: — берегись, у меня ружье заряжено!

На него нашелъ припадокъ сѣшенства, такъ что я спросилъ у г-жи Плишонъ, не лучше ли его обезоружить.

— Нѣтъ, сказала она, содрогаясь отъ ужаса:—подождемъ! Я еще попробую, не удастся ли мнѣ его уговорить.

Дверь уже шаталась подъ ударами. Эдитъ ушла, объявивъ отцу, что она бросится на дуло его ружья, если онъ будетъ стрѣлять въ голодныхъ людей. Въ отвѣтъ на эту угрозу г.

Пляшозъ кинулся къ верхній этажъ; жена его побѣжала за нимъ.

Я не зналъ, куда дѣвалась Эдитъ. Я подошелъ къ окну, отворилъ ставню, увидѣлъ ее на дворѣ, распахнулъ окно и спрыгнулъ во дворъ.

Эдитъ раздавала толпѣ свои деньги, около сотни франковъ, и умоляла ихъ разойтись. Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль.

— Слушайте, сказалъ я: — тамъ на верху лежитъ не больше пятисотъ мѣръ пшеницы; я вамъ обещаю, что черезъ недѣлю я вамъ доставлю пятисотъ пятьдесятъ мѣръ, и вы сами ихъ раздѣлите, какъ сами знаете. Согласны?

Большая часть толпы закричала: да! да!

— Это тотъ господинъ, что по пяти су даетъ! говорили въ полголоса.

— Ну, такъ ступайте жъ вы поскорѣе по домамъ и сидите смирно; вы ужъ и безъ того такъ напумѣли, что чего добраго, въ Бивоннѣ слышно было.

— Жандармы! загудѣла толпа, появивъ мой намеръ.

И бѣлая часть голевъ наввно поворотилась по направленію къ городу, до котораго было по меньшей мѣрѣ три льѣ.

Черезъ пять минутъ на дворѣ никого уже не осталось. Клотильда отворила намъ окно въ нижнемъ этажѣ, и я осмѣлился поднять на рукахъ мою дорогую Эдитъ, дрожавшую отъ радости. Мнѣ она ничего не сказала, но обращаясь къ Бланшъ она проговорила:

— Обними его, это онъ насъ выручилъ!

Бланшъ отвѣтила такимъ тономъ, что только уваженіе къ самому себѣ подавило во мнѣ желаніе дать ей пощечину.

— Да, отвѣтила она: — онъ болѣе дипломатъ, чѣмъ воинъ.

— Моя милая, сказалъ я ей: — если вы любите бретеровъ, такъ я вамъ не гожусь, и если надо стоять на трупахъ, чтобы казаться вамъ героемъ, я согласенъ навлечь на себя ваше презрѣніе.

Повернувшись въ другую сторону, я замѣтилъ возлѣ нея Пресера Кулинд. Услышавъ тревогу, воспламененный опасностями, вторымъ подвергалась его красавица, несчастный обожатель врибжалъ къ ней на помощь и вошелъ въ домъ въ то самое время, когда Эдитъ выходила изъ дому во дворъ къ народу. Пылкія рѣчи молодого человѣка, поставленнаго рядомъ съ своимъ «диломатическимъ» поведеніемъ, должны были значительно повредить мнѣ во мнѣніи Бланшъ. Я бы очень былъ этому радъ.

Пусть Просперъ Кулинд присоединитъ мѣрти любви къ военнымъ лаврамъ!

Г. Плишонъ, повидимому, также очень раздраженъ моею поведеніемъ. Кровь ударила ему въ голову и онъ слегъ въ постель. Онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я унижилъ его честь, вступивъ въ переговоры съ лицами негодами; ему также очень досадно, что я безразсудно растрачиваю остатки моего имущества. Дѣло легко можетъ дойти у насъ до разрыва.

Вильямъ Жильверу.

29-ю декабря.

Нѣтъ, счастье мнѣ не суждено. Участь моя должна свершиться.

Третьяго дня г-жа Плишонъ вошла въ столовую такая грустная, такая убитая, что я тотчасъ подошелъ къ ней и спросилъ, не случилось ли какогонибудь несчастія.

Она дрожащею рукою подала мнѣ письмо.

Изъ этого письма я узналъ, что все дѣло фульвискихъ копей пошло прахомъ.

— Мы раззорились, дѣти мои, сказала бѣдная г-жа Плишонъ, складывая руки съ покорнымъ отчаяніемъ.—Вашъ отецъ положилъ всѣ свои деньги на эти несчастныя акціи. Ихъ такъ расхваливали, прибавила она, обращаясь къ Форжб.—Вы, стало быть, не знали, милостивый государь, что эти люди мошенники?

Форжб, блѣдный какъ полотно, точно убитый громомъ, неподвижно сидѣлъ въ креслѣ.

— Я собирался устроить перепродажу акцій, пробормоталъ онъ.—Такъ скоро! Чтб за негодяй этотъ Робларъ!

Слова *такъ скоро* показывали ясно, что Форжб зналъ преступный характеръ этого торговаго предпріятія. Конечно, онъ хотѣлъ посоветовать г. Плишону развязаться съ акціями, и еслибы онъ успѣлъ сдѣлать это во время, г. Плишонъ обогатился бы въ этой безчестной игрѣ. Но коса нашла на камень. Робларъ опередилъ своего товарища и въ результатѣ для семейства Плишоновъ получило раззореніе.

— Приходится поставить новый скандалъ на счетъ той постыдной системы, которая господствуетъ въ настоящее время, сказалъ я, пристально глядя на Форжб.—У кого совѣсть не чиста, тому не дурило бы отправиться за границу вслѣдъ за Робларомъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня испуганнымъ взглядомъ, какъ будто умоляя меня о помощи и не замѣчая моего презрѣнія.

Эдитъ подошла къ матери и обняла ее.

— Милая мамá, сказала она: — мы будемъ работать.

— Да, ты не станешь унывать, сказала г-жа Плишонъ, прижимая ее къ груди. — Теперь тебѣ узнають цѣну.

Бланшъ упала въ обморокъ и мы стали ее оттирать.

30-го декабря.

Г. Плишонъ еще ничего не знаетъ. Жена его мужественно переноситъ свое несчастіе. Имъ остается еще помѣстье Фужере и домъ въ Пуатье. Клотильда въ отчаяніи; Форжбó уѣхалъ вчера, а сегодня два жандарма явились къ намъ съ приказаніемъ арестовать его.

Эдитъ почти весела. Мы съ нею и съ ея матерью дружелюбно разговариваемъ; Клотильда въ это время вдыхаетъ, а Бланшъ безпрестанно плачетъ и ничего не можетъ ѣсть. Этотъ бѣдный ребѣнокъ не понимаетъ жизни безъ богатства; она неспособна работать. Она раздражается и рыдаетъ, когда мать говоритъ ей:

— Ты бы, Бланшъ, приучалась сама убирать свою комнату. Теперь вѣдь у насъ одна кухарка останется.

Она мнѣ жалка, и въ самомъ дѣлѣ нужно чувствовать къ ней состраданіе, чтобы сколько нибудь относиться къ ней снисходительно; она сердится на меня, видя что я хочу сдержать свое слово и раздать голодающимъ тотъ хлѣбъ, который я имъ обѣщалъ. Ей хотѣлось бы, чтобы этотъ хлѣбъ пошелъ на украшеніе ея свадебной корзинки.

При измѣнившихся обстоятельствахъ г. Плишонъ не могъ требовать, чтобы наша свадьба состоялась немедленно; поэтому я хотѣлъ уѣхать; я тайнѣ надѣялся на благотѣльные послѣдствія нашей разлуки; я надѣялся, что Просперъ, при содѣйствіи своихъ 150,000 франковъ, заслужитъ милостивое расположеніе чувствительной Бланшъ; но сама судьба противъ меня, и мнѣ остается только покоряться ея рѣшеніямъ. Сегодня я получилъ отъ секретаря герцога извѣщеніе, что меня опредѣлили въ министерство народнаго просвѣщенія съ жалованьемъ въ три тысячи франковъ.

Г-жа Плишонъ спросила у меня, какія вѣсти принесъ мнѣ этотъ пакетъ; я подалъ ей письмо.

Она вскрикнула отъ радости.

Бланшъ тоже пришла въ восторгъ.

Всѣ привѣлись мени поздравлять; я востарался улыбнуться и чуть не упалъ въ обморокъ.

Вильямъ Жильверу.

3-го января 1847 г.

Другъ мой, я теперь счастливъ. Расскажу тебѣ все по порядку. Ты не знаешь, въ какомъ я былъ ужасномъ положеніи; я не могъ признаться тебѣ, на какую крайнюю мѣру я хотѣлъ рѣшиться. Жизнь становилась для меня невозможною. Бланшъ была мнѣ невыносима. Любя Эдитъ, я не могъ сдѣлаться мужемъ другой женщины. Я рѣшился въ день свадьбы пустить себѣ пулю въ лобъ. Бланшъ я оставалъ графскій титулъ, и она скоро бы утѣшилась.

Но вышло иначе. Бланшъ сама почувствовала, сама выразила, что между нами нѣтъ никакой сѣрьезной связи, и была причиною нашего разрыва.

День свадьбы былъ уже назначенъ; заготовлялись приглашительные билеты. Бланшъ была очень оживлена тою мыслию, что она поѣдетъ въ Парижъ, будетъ распорядиться домомъ, ѣздить по магазинамъ и особенно вѣзжать въ свѣтъ; отъ этой надежды она нисколько не отказывалась. Ея визитъ къ герцогу д'Еклерену больше всего кружилъ ей голову; герцогиня, конечно, пригласитъ ее на свои вечера, а свадебная корзина дастъ ей возможность появляться на этихъ вечерахъ въ блистательномъ видѣ.

Я не старался разрушать эти воздушные замки; мнѣ до нихъ не было никакого дѣла. Но съ Бланшъ ни о чемъ другомъ не возможно было говорить.

Дошло дѣло до цифръ. Призвали на совѣтъ г-жу Плишонъ и Клотильду; я также долженъ былъ представить свѣдѣнія о парижскихъ цѣнахъ. Я не могъ сказать имъ ничего путнаго, но черезъ Мартеновъ имъ были извѣстны многія подробности, и въ результатѣ самыхъ умѣренныхъ вычисленій получалось все-таки больше четырехъ тысячъ франковъ годоваго расхода, а доходу надъ предстояло имѣть именно только четыре тысячи франковъ. Спрашивалось теперь, какимъ же образомъ меблировать квартиру? •

На покупку мебели Клотильда подарила своей племянницѣ три тысячи франковъ. По смѣтѣ почти вся эта сумма ушла на бѣлье и на серебро. Онѣ, конечно, взяли того и другаго черезчуръ много, но я имъ не мѣшалъ. На мебель не оставалось почти ничего. Бланшъ волновалась, унивала, несла по всѣмъ комнатамъ свою записную книжку и карандашъ, а все ничего не могла придумать.

Всѣ эти грошевыя соображенія надобѣн мнѣ до смерти, и я съ досады сталъ еще увѣличивать замѣшательство Бланшъ. Многя подробности парижской роскоши были ей неизвѣстны; я ее просвѣтлялъ на этоть счетъ; цифра итога выросла отчаяннымъ образомъ; а между тѣмъ все, что она записывала въ книжку, оказывалось необходимымъ. Мы дошли до шести тысячъ франковъ.

Тогда я предложилъ ей начать сначала, и завести все въ мѣнѣ шировакъ размѣрахъ. На бѣлье, на постели, на серебро пошло, при самой умѣренной оцѣнкѣ, 1,800 франковъ. За тѣмъ мы переоблудировали заново болѣе скромнымъ образомъ спальню, столовую и кухню. На салонъ осталось 500 франковъ.

Туда требовались, однако, диванъ, кресла, стулья, все обитое бархатомъ. На другую мебель герцогиня и не садеть. Двойныя занавѣски, гипюровыя и шелковыя, зеркала, вазы, столъ и коверъ, каменный приборъ необходимо нужны.

Результаты получались ужасныя.

За невыносимую скуку этихъ вычисленій, я мстилъ ей то увѣличивая затрудненія, то предлагая радикальныя мѣры, приводившія ее въ отчаяніе. Она бросила на меня убійственный взглядъ, когда я предложилъ ей замѣнить шелковыя занавѣски простыми ситцевыми, а бархатную обивку шерстяною.

— Милое дитя мое, сказала я ей тогда:— всего плачевнѣе выставлять на показъ такую роскошь, которую невозможно поддерживать. Въ Парижѣ мелкій чиновникъ долженъ жить въ четвертомъ этажѣ, въ глухой улицѣ и безъ салона.

Она просто разошалась и даже прикнула на меня:

— Какой вы нослѣ этого графъ! У васъ всѣ мужицкіе вкусы!

— Извините, возразилъ я:— смѣшныя претензіи всего болѣе свойственны именно высочамъ. Васъ, пожалуй, пустать изъ милости въ блестящіе салоны; но вы знайте заранѣе, что небогатая мещанина, желающая блистать въ свѣтѣ, навлекаетъ на себя всевозможныя оскорбленія, и я вмѣню собѣ въ обязанность предохранять васъ отъ подобнаго риску.

Она ничего не отвѣтила, но карандашъ задрожалъ у нея въ рукѣ.

— На чемъ же вы остановились? спросила г-жа Плишонъ, замѣчая приближеніе бури.

Мы стали продолжать. Поставивъ на каминъ двѣ мизерныя вазы, мы принялись за столовыя часы. Чтобы часы вышли сколько-нибудь презентабельны, надо было ассигновать на нихъ, по крайней-мѣрѣ, 150 франковъ; мы поставили эту цифру, и такъ-

какъ спосокъ закончился часами, ми подавали итогъ. Вышло 3,900 франковъ!!! Бланшъ швырнула записную книжку на другой конецъ комнаты.

— Ми все поставили по самой дешевой цѣнѣ, сказала она. — Теперь я отказываюсь!

И она заплакала.

— Отбросимъ часы, сказалъ я тогда.

— Часы отбросить! вскрикнула она, поднимая голову и глядя на меня съ такимъ изумленіемъ, какъ будто я ей сказалъ: завтра конецъ свѣта.—Отбросить часы! повторила она, еще глубже проникаясь ужасомъ.—Вы, кажется, съ ума сходите!

— Я напротивъ того думаю, что подаю вамъ очень разумный совѣтъ, сказалъ я улыбаясь, но настойчиво.

— Ну! закричала она:—такъ я отъ всего отказываюсь! Я не хочу больше ничѣмъ заниматься! Я не хочу выходить замужъ! Вы меня погубите, вы меня уморите!

При этихъ словахъ я чуть не задохнулся отъ радости, но призвавъ на помощь все мое хладнокровіе, я послѣшно заявилъ, что принимаю это рѣшеніе къ свѣдѣнію.

— Я давно замѣтилъ, сказалъ я громко и отчетливо:—что мы не годимся другъ для друга. Мнѣ пріятно видѣть, Бланшъ, что вы сами тоже въ этомъ убѣдились.

— Вильямъ! вскрикнула г-жа Плишовъ. — Вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего серьезнаго!

— Милая маменька, отвѣтилъ я:—я всегда буду вашимъ сыномъ и хочу имъ быть; повторяю вамъ, Бланшъ и я не созданы другъ для друга; наши характеры и вкусы слишкомъ рѣзко расходятся. Ей нуженъ богатый свѣтскій человѣкъ; при своей красотѣ и привлекательности, она, конечно, найдетъ себѣ такого мужа.

— Вы меня никогда не любили! вскрикнула Бланшъ, заливаясь слезами.

— Я васъ любилъ, отвѣтилъ я:—когда не зналъ васъ. Теперь я васъ знаю... вы мнѣ еще дороги, но не такъ, какъ прежде. Впрочемъ, если вы еще желаете нашего брака...

— Никогда! закричала она. — Никогда! я буду слишкомъ несчастлива! Я васъ тоже теперь знаю! При вашей наружной протости, вы самый упрямый изъ людей! Вы меня не любите, а я васъ ненавижу!

Съ этими словами она выбѣжала изъ комнаты, и г-жа Плишовъ быстро вышла за нею.

— Бѣдный Вильямъ! стонала Клотильда.

Я былъ наконецъ свободенъ! Теперь какъ бы ни сердился гос-

женихъ Плишонъ, послѣ словъ Бланшъ ничто не могло заставить меня жениться на ней. Я пошелъ вверху по лѣстницѣ. Я далъ волю своему чувству и упоеніе счастья было мнѣ въ голову. Я постучался въ дверь къ Эдитъ; она открыла и, увидѣвъ меня, ведрогнула.

— Что случилось, Вильямъ?

Я едва видѣлъ ее; какое-то облако застигло мнѣ глаза. Едва она успѣла затворить дверь, я ей сказалъ:

— Ваша сестра объявила мнѣ разрывъ.

Эдитъ тотчасъ конила; не отвѣчая мнѣ, она спустилась на ступль.

— Бланшъ сама разорвала? спросила она измѣнившимся голосомъ.

— Сама! сама! Я свободенъ, Эдитъ!

Я сталъ передъ нею на колѣни, цаловалъ ея платье, плакалъ и кричалъ отъ радости. Я зналъ, что она меня любитъ. Она протанула мнѣ свои дрожавшія руки и прислонилась головою къ моей головѣ.

Эдитъ позвали къ обѣду. Мы сошли внизъ. Бланшъ не показывалась. Господинъ Плишонъ еще ничего не зналъ. Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Но для насъ съ нею все было освѣщено лучами нашего счастья. Порою на меня находило какое-то безуміе и я не могъ себѣ представить, что она будетъ моею...

Послѣ обѣда я сдѣлалъ знакъ г-жѣ Плишонъ, увелъ ее въ бібліотеку и тамъ все ей рассказалъ.

Она бросилась ко мнѣ на шею съ радостнымъ восклицаніемъ:

— Ахъ, милый вы мой сынъ! я ужъ объ этомъ думала! но я считала это невозможнымъ... Въ самомъ дѣлѣ, моя Эдитъ должна быть вашею женою. А Бланшъ, я надѣюсь, найдетъ себѣ другаго мужа ближе къ ней по характеру.

— Мужъ для Бланшъ, сказалъ я:— у васъ подъ руками. Богать и страстно влюбленъ.

— Просперъ? спросила она.— Да, конечно. Но... мельница...

Я пошутилъ надъ ея предрасудками и далъ ей почувствовать, что необходимо сдѣлать кое-какія пожертвованія, чтобы добыть для бѣдной дѣвушки богатаго мужа.

Наконецъ г-жа Плишонъ обязалась все устроить и переговорить съ мужемъ. Скандаль разрыва, всего больше занимавшій г. Плишона, былъ теперь устраненъ тѣмъ, что Эдитъ становилась на мѣсто сестры, и легко можно было убѣдить всѣхъ, что тутъ никогда о Бланшъ не было и рѣчи.

Старанія г-жи Плишонъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; господинъ Плишонъ очень радъ, что Эдитъ выходитъ замужъ; его

только до второй степени безвѣнть мысль о томъ, что могутъ надѣлать вмѣстѣ двѣ такіа шальныя головы.

У сестеръ было объясненіе, и Бланшъ завѣрила Эдитъ, что она несколько обо мнѣ не жалѣеть. Теперь она старается обращаться со мною, какъ съ братомъ, и хочетъ дать почувствовать, что она одна желала разрыва. Мы ей въ этомъ предоставляемъ полную свободу.

Я бросаю бюрократію. Я поселяюсь въ деревнѣ. Постараюсь обработать ту пустошь, на которую я такъ долго смотрѣлъ въ Фудере изъ оконъ моей комнаты. Мы вмѣстѣ съ Эдитъ будемъ трудиться для самихъ себя, для нашихъ дѣтей и для того народа, который голодаетъ по милости безопасности и корыстолюбія здѣшнихъ землевладѣльцевъ.

Мы сейчасъ идемъ гулять вмѣстѣ съ Эдитъ. Настоящее хорошо, будущее еще лучше.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО.

Статья третья.

Мнѣнія о мормонахъ. Джозефъ Смитъ. Бригамъ Юнгъ. Путь въ обѣтованную землю. Измѣнчивость догматовъ и значеніе пророка. Примеченіе низшаго класса и миссіонеры. Освященіе труда. Процвѣтаніе мормоновъ. Освященіе веселья. Театръ. Вооруженныя силы. Многоженство. Положеніе женщины. Расколь. Современная догматика мормоновъ. Ихъ распространеніе. Спиритисты. Дэвисъ. Эпидемическое развитіе спиритизма. Эдмондсъ. Курьезы спиритизма въ Европѣ. Оппозиціонный характеръ спиритизма. Митингъ спиритистовъ. Распространеніе спиритистовъ. Значеніе спиритизма.

Вѣйдъ, котораго намъ приходилось не разъ цитировать, сдѣлавъ очеркъ разнымъ сектамъ Америки, говоритъ: «Есть въ Соединенныхъ Штатахъ еще одна вѣтвь заблужденія или скорѣе дерзкаго зла, о которой мы должны сказать два слова, не имѣя, впрочемъ, намѣренія унижить этимъ сопоставленіемъ религіозныя общины, о которыхъ мы говорили, это—*мормонизмъ*. По видимому, Богъ потому лишь допустилъ это грубое и громадное проявленіе лжи въ ученіи и порчи въ нравахъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, и даже въ XIX вѣкѣ, чтобы выказать врожденную и страшную испорченность человѣческаго сердца, которая всегда и всюду нуждалась лишь въ удобныхъ обстоятельствахъ для своего развитія, и выказывала тогда, чѣмъ она можетъ быть». И Шаффъ, тоже цитированный нами, говоритъ о мормонизмѣ, какъ о «ненормальномъ явленіи», какъ о «демоническомъ обманѣ», какъ о «самомъ колоссальномъ плутовствѣ (shuffling), произведенномъ Америкою», какъ о предметѣ, въ которомъ видать «ядовитое растеніе». Филадельфійская газета «Phil. evening Bulletin» въ 1855 говорила: «Учрежденіе мормоновъ въ Утохѣ, есть постоянный памятникъ униженія для Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки—стыдъ для страны... Еслибы мы были безбожною расою, неимѣющею ни церкви, ни библіи, все-таки мормонизмъ по своему социальному характеру былъ бы жгучимъ стыдомъ для насъ; теперъ онъ чудовищенъ».

Диксонъ говоритъ: «Ничего не можетъ быть легче, какъ свѣяться надъ этими сватыми. Они состоятъ изъ людей самаго низкаго класса, это подонки большихъ городовъ, это грязь большихъ дорогъ, это илгъ рѣчной, это пѣна морская. Ихъ пророкъ былъ Джо Смитъ, а его сказки о золотыхъ скрижаляхъ, объ Уримѣ и Туминѣ, объ египетской мумиѣ, о Споддингскомъ рукописномъ романѣ, о мечѣ Лавана, объ ангельскихъ видѣнiяхъ, о мормонской книгѣ, о бумажныхъ деньгахъ, о духовной женѣ, эти сказки могутъ быть такъ рассказаны человѣкомъ юмористическимъ, что цѣлое общество язычниковъ будетъ поминать со смѣху (122—123)... Менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ они образовали цѣлый народъ, исторгнутый изъ лона христіанской церкви; они завлали территорiю, большую пространствомъ, чѣмъ Испанiя; они выстроили столицу въ пустынѣ, уже теперь болѣе многолюдную, чѣмъ Валлядолидъ; они вооружили и обучили армию болѣе чѣмъ въ двадцать тысячъ человѣкъ; они образовали священство, считающее въ своихъ рядахъ сотни дѣйствующихъ пророковъ, епископовъ, президентовъ, совѣтниковъ и старѣйшинъ; они создали свой собственный законъ, свое богословіе, свою собственную социальную науку, волиѣ враждебные всѣмъ установленнымъ религіямъ и обычаямъ» (119).

Конечно, явленіе, имѣющее такіе размѣры, должно обратить на себя вниманіе мыслителя, если даже признать его съ Бэйрдомъ и Шаффомъ явленіемъ патологическимъ. Интересно прослѣдить связь мормоновъ съ прошедшимъ и ихъ корни въ настоящемъ.

Въ концѣ втораго десятилѣтія нашего вѣка, въ одномъ изъ ревивалей, заразившихъ населеніе штата Нью-Йорка, подвергся между прочимъ зараженію четырнадцатилѣтній мальчикъ Джо (Джозефъ) Смитъ, принадлежавшій къ семьѣ небогатыхъ людей, пробывавшихся разными средствами со всею изворотливостью истинныхъ янки. «Этотъ необразованный мальчикъ началъ дѣйствовать на окружавшихъ его, восторженно возбужденныхъ людей; онъ сталъ утверждать, какъ и многіе другіе, но съ гораздо большей энергіей, что во время физическихъ изступленій ему явились ангелы, что онъ говорилъ съ Богомъ лицомъ къ лицу, что онъ избранъ насадить на землѣ церкви, церкви Америки, этого новаго Ханаана, предназначеннаго съ самаго начала міра быть колыбелью новой вѣры, новой повсемѣстной державы» (138). Затѣмъ въ 1825 году мы находимъ его въ Пенсильваніи, какъ нѣчто въ родѣ ясновидящаго, отыскиващаго золотыя россыпи. Около этого же времени онъ женился, а въ 1830 году появился въ печати сборникъ, носящій названіе «Книга Мормо-

на», положившии начало сектѣ. Онѣ заключаютъ древнюю исторію американскихъ расъ, восходя къ столбовотворенію вавилонскому. Первые поселенци Америки, по словамъ этой книги, были потомки Яреда, истребленные Богомъ за ихъ нечестіе; затѣмъ при царѣ іудейскомъ Седекіи, часть евреевъ изъ племени Манассіи и Ефраима пошли тѣмъ же путемъ подъ предводительствомъ Нефи и раздѣлились на враждующихъ нефитовъ и ламанитовъ, изъ которыхъ первые поселились въ Сѣверной Америкѣ, вторые — въ Южной. Первою книгою Нефи и начинается упомянутый мормонскій сборникъ. Предполагаемый прародитель американцевъ говоритъ о себѣ: «Я Нефи, происходящій изъ хорошей семьи, и довольно знающій въ наукѣ отца моего, я имѣлъ въ своей жизни много горя». Затѣмъ слѣдуетъ писанный библейскимъ слогомъ рядъ книгъ потомства Нефи, и сборникъ кончается книгою Морони, сына Мормона, послѣдняго нефита, отнесеннаго къ V вѣку послѣ нашей эры. Морони говоритъ: «Я, Морони, кончаю лѣтопись моего отца Мормона. Пишу я немного, именно то, что повелѣлъ мнѣ написать отецъ. Послѣ великой битвы при Куморахъ, нефиты, скрывшіеся на югъ, были преслѣдуемы ламанитами до ихъ полнаго истребленія, и мой отецъ былъ тоже убитъ. Я остаюсь одинъ, чтобы писать печальный разсказъ уничтоженія его народа».

Этотъ священный сборникъ, по словамъ Смита, былъ найденъ имъ по высшему откровенію, начертанный на золотыхъ доскахъ особенными знаками, именно измѣненнымъ іероглифическимъ письмомъ. По божественному дару пророчества, ему ниспосланному, онъ, Смитъ, прочелъ это писаніе и сообщаетъ его міру. Искренность автора была засвидѣтельствована одинадцатью лицами. Впоследствии Смита обвинили въ присвоеніи того, что ему не принадлежало, именно въ томъ, что «Книга Мормона» есть сочиненіе въ родѣ историческаго романа, писанное докторомъ Споульдингомъ въ началѣ нашего вѣка и копія съ котораго была снята Ригдономъ, временно товарищемъ, а потомъ противникомъ Смита. Самъ Смитъ вообще былъ на столько недостоинъ довѣрія и на столько необразованъ, что его нельзя было подозревать даже въ сочиненіи подобной книги.

Какъ бы то ни было, нашлись вѣрующіе. Церковь мормоновъ или «святыхъ послѣдняго времени», была организована 1-го іюня 1830 года изъ тридцати человекъ. Въ 1831 году Смитъ переехалъ ее въ Карлсэндъ въ штатѣ Огіо и получалъ даръ пророчества, который потомъ перешелъ и на Ригдона. Ригдонъ сталъ давать первыя догматическія откровенія въ своихъ «Doctrines and Covenants». Отъ всякаго вступающаго требовали вѣри въ

божественный даръ пророчества Смита и вступающихъ крестилн. Общество распространилось и въ немъ, какъ у ирвингянъ, возникли званія: пророковъ, апостоловъ, патриарховъ, евангелистовъ, епископовъ, старшинъ, дьяконовъ, проповѣдниковъ и учителей. Въ нѣсколько мѣсцевъ мормонская община достигла до 1,200 человекъ и стала стремиться къ колонизаціи. Но ея теократическая организація, ея претензіи на владѣніе всею землею въ будущемъ, вызвали немедленно неудовольствія и гоненія. Мормоны основались сначала около мѣстности иныѣшнаго Индепенденса въ Миссури, потому должны были перейти на другую сторону рѣки, гдѣ основали два города. Черезъ четыре года имъ пришлось и здѣсь защищаться отъ нападенія окружающаго населенія, послѣ нѣсколькихъ битвъ уступить силѣ и перейти въ штатъ Иллинойсъ. Здѣсь они основали городъ Науво, гдѣ начали возводить и новый храмъ (1845). Несмотря на возобновлявшіеся расколы, секта быстро распространялась и считала уже своихъ приверженцевъ десятками тысячъ. Благоденствіе мормоновъ возбудило зависть. Начало распространяться въ ихъ средѣ, хотя тайно, ученіе о многоженствѣ. Въ Иллинойсѣ противъ нихъ образовалась сильная партія. Противъ Смита начали тридцать-девятый процессъ за разворованіе типографіи, гдѣ издавалась враждебная ему газета. Временно его съ братомъ заключили въ тюрьму въ Карсагенѣ. Здѣсь 27-го іюня 1844 г. толпа ворвалась въ тюрьму и оба брата были застрѣлены, какъ собаки.

Ничего не могло быть выгоднѣе для мормоновъ. Они терли человека, который былъ пятномъ для ихъ секты, и пріобрѣтали въ немъ святаго мученика. Диксонъ говоритъ (128): «Быть можетъ, самая слабая сторона новой церкви — это жизнь ея пророка, а самая сильная — его смерть. Еслибъ Смитъ прожилъ довольно долго, для того, чтобы исторія его жизни сдѣлалась всеѣмъ извѣстною, то по всей вѣроятности въ народѣ столь насмѣшливомъ, какъ американскій, нашлись бы немногіе, которые сохранили бы въ него вѣру». Убіенство Смита было тѣмъ благопріятнѣе для мормоновъ, что во главѣ секты сталъ теперь весьма умный и энергическій человекъ, Бригамъ Юнгъ. Черезъ шесть недѣль по смерти Смита онъ былъ избранъ пророкомъ и президентомъ мормоновъ. Ригдонъ былъ отлученъ отъ церкви, и Юнгъ почувствовалъ необходимость вывести свой народъ въ мѣстность, гдѣ отдаленіе отъ жилищъ язычниковъ (какъ мормоны называютъ прочія секты) позволило бы придать обществу болѣе своеобразную организацію, а трудности похода позволили бы очистить секту отъ той примѣси чуждыхъ и непо-

горныхъ элементовъ, которые притекли въ нее въ предшествующіе годы. Въ то время, какъ въ Науво достроивали храмъ новой религіи, пионеры, посланные Юнгомъ, уже отыскивали мѣстность, которую онъ, какъ пророкъ, избралъ своему народу. Въ началѣ 1846 г. отрядъ изъ 1,500 человекъ перешелъ черезъ Миссисипи и Миссури, пролагая путь въ обѣтованную землю, обрабатывая и засѣвая поля, чтобъ народъ, при послѣдующемъ движеніи, нашелъ себѣ пропитаніе. Но въ маѣ храмъ былъ устроенъ и празднества его освѣщенія возбудили въ Иллинойсѣ мысль, что мормоны не думаютъ оставлять Науво. Противники ихъ вооружились, и въ сентябрѣ, въ началѣ зимы, населеніе, предводимое своимъ пророкомъ, уступило силѣ враговъ, двинулось въ обѣтованную землю. Не можемъ не привести нѣсколько отрывковъ изъ Диксона, сюда относящихся, тѣмъ болѣе, что они заимствованы частью изъ разсказа очевидцевъ и участниковъ похода.

«Юнгъ объявилъ походъ на западъ; въ каждомъ семействѣ въ Науво стали готовиться къ странствованію; этимъ приготовленіямъ нѣтъ ничего равнаго въ исторіи съ того дня, когда Моисей вывелъ народъ изъ Египта. Святые покинули дѣвкамъ свои веселые дома... Они запрягли своихъ муловъ въ простые сельскіе фургоны; тѣ же, которые были слишкомъ бѣдни, чтобъ купить фургоны и воловъ, устроили себѣ тележки и тачки. Преслѣдуемые своими врагами, святые вышли изъ Науво, пока еще свирѣпствовала зима, перешли Миссисипи по льду и начали свое странствованіе по странѣ, въ которой на протяженіи тысячъ пяти сотъ миль не было ни дорогъ, ни мостовъ, ни селеній, ни гостинницъ, ни колодезевъ, ни полей, ни пастбищъ... Путь, по которому предстояло идти эмигрантамъ, былъ равенъ разстоянію отъ Лондона до Лемберга, и въ шесть разъ дальше чѣмъ изъ Каира въ Іерусалимъ. Путь этотъ лежалъ черезъ луговую степь, населенную только понями, шонами, волками и медвѣдями; его перерывали быстрые потоки и длинныя гряды горныхъ краевъ; а конечная дѣль, въ которой они стремились, спасительная гавань, которую они могли достигъ послѣ столькихъ трудовъ и опасностей—были пустынные берега Мертваго моря, бесплодной долины, орошаемой соленою влагой, пастбище, покрытое соленою корою (127)...

«Когда мормоны были насильно изгнаны изъ-подъ крова, ими самимъ востроеннаго, съ поля, ими самими обработаннаго, дни были коротки и снѣгъ лежалъ на землѣ. Они должны были оставить своимъ вооруженнымъ грознымъ врагамъ все, что у нихъ было: свои дома, храмъ только что отстроенный, поля своихъ

мелких; они взяли съ собою только немного пищи, немного сѣмянъ и картофеля для будущаго посѣва. Дѣти ихъ отмороживали себѣ ноги и руки; старые и молодые страдали отъ голода и жажды. Громадная равнина песку, въ который до ступицы погружались колеса фургоновъ, отдѣляли одинъ скудный ручей отъ другаго. Посреди этой пустыни не было ни одного колодца. Часто миражи издѣвались надъ несчастными, подавая имъ ложную надежду; и даже когда они останавливались у ручьевъ и потоковъ, вода часто была горька на вкусъ и вредна для здоровья. Дни были коротки, погода была холодная, и отсутствіе всякаго убѣжища отъ мороза, кромѣ парусинной крышки фургоновъ, причиняло въ долгія зимнія ночи невообразимыя страданія. Лошади падали отъ изнеможенія и болѣзней. Между коровами и овцами также открылись недуги, такъ что молоко стало рѣдко, а баранину жарили со страхомъ, боясь, что это послѣдняя. Много старыхъ, бѣдныхъ и больныхъ людей приходилось оставлять позади подъ прикрытіемъ сильныхъ молодцевъ, въ помощи которыхъ такъ нуждался караванъ.

«Эта потеря молодыхъ могучихъ силъ не составляла еще всѣхъ несчастій, обрушившихся на эмигрантовъ въ началѣ ихъ похода. Въ ту самую минуту, когда каждая рука была для нихъ дорога, вспыхнула мексиканская война, и правительство, которое никогда не было достаточно сильно, чтобы защитить мормоновъ отъ оскорбленій и обидъ, теперь обратилось къ нимъ же съ просьбою о помощи людьми и оружіемъ. Юнгъ отвѣчалъ на призывъ своей родины какъ истинный патриотъ: пятьсотъ юношей, цѣлѣ отряда эмигрантовъ, получивъ благословеніе своего предводителя, вступили въ ряды американской арміи. Ослабленные удаленіемъ этой живой силы, мормоны переправились чрезъ Миссури на шлюзахъ собственнаго издѣлія и вступили въ великую пустыню, карту которой они заранѣе набросали, по дошедшимъ до нихъ свѣдѣніямъ. Теперь началась самая трудная часть ихъ странствованія: они шли впередъ, сами пролагая себѣ дорогу, строя легкіе мосты, собирая траву и растенія для собственной пищи, сѣя рожи для тѣхъ, которые должны были пройти позже по этой дорогѣ; строя временные навѣсы для ночлега своимъ дѣтямъ; вырывая въ землѣ ямы, чтобы укрыться отъ зимнихъ снѣговъ. Пища у нихъ была скудная, вода дурная, а мясо лоса, антилопы или буйвола, единственное мясо, которое они могли найти въ пустынѣ, отравляло ихъ кровь. Почти всѣ боченки съ водкой, которые они взяли изъ Науво для исправленія дурной воды, были захвачены на дорогѣ правительственными агентами подъ предлогомъ, что ихъ везли къ краснокожимъ, тогда какъ

запрещено было продавать имъ горячительные напитки. Четыре только боченка были спасены, и то самимъ Бригамомъ Юнгомъ. Одинъ изъ старѣйшинъ, который видѣлъ это происшествіе своими глазами и потомъ рассказывалъ мнѣ, говорилъ, что это единственный разъ, когда онъ видѣлъ пророка въ гнѣвѣ. Четыре послѣдніе боченка перевозились на плоту, когда одинъ изъ прavitельственныхъ чиновниковъ схватилъ молотокъ, чтобы выбить дно и разлить такимъ образомъ драгоценную жидкость, необходимую для спасенія жизни столькихъ людей. Увидѣвъ это, Бригамъ выхватилъ пистолетъ, прицѣлился прямо въ лицо чиновнику и воскликнулъ: «стой! если ты только прикаснешься къ боченкамъ, ты мертвый, влянусь Богомъ!» Чиновникъ поспѣшно соскочилъ съ плота на берегъ и болѣе не беспокоилъ эмигрантовъ (128—129).

«Смертность была страшная», говорилъ мнѣ Бригамъ Юнгъ, рассказывая горькую повѣсть своего странствованія. Однако, при всемъ этомъ храбрый, стойкій отрядъ святыхъ мужчинъ и женщинъ шелъ впередъ, не смотря ни на что. Когда имъ становилось очень грустно на сердцѣ, оркестръ музыки начиналъ играть какую-нибудь пѣсню; всѣ подтягивали ее и забывали свое горе. Днемъ они пѣли гимны, ночью плясали вокругъ сторожевыхъ огней. Уныніе, мрачныя мысли, аскетизмъ были строго изгнаны изъ ихъ лагера, изъ ихъ головы. Между немногими сокровищами, унесенными ими изъ Науво, былъ печатный станокъ и газета, печатавшаяся такимъ образомъ на дорогѣ, распространяла добрые совѣты и увѣщанія по всѣмъ закоулкамъ лагера.

«Пройдя песчанья равнины, извѣстныя впоследствии образованному міру подъ названіемъ Небраски и Дакоты, они достигли подошвы первой гряды тѣхъ высокихъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ горъ, которыя обыкновенно группируются подъ однимъ названіемъ Скалистыхъ; чрезъ эти высокія стѣны не было еще въ то время ни одной тропинки и горныя проходы были занесены снѣгами. Безъ слезъ старики не могутъ рассказывать теперь, какъ они взбирались по этимъ горамъ, таща за собою фургоны, отыскивая себѣ пищу, безъ всякой помощи, безъ проводниковъ. Сильные и молодые шли впередъ, пробивая тропинку для стариковъ и женщинъ, отгоняя медвѣдей и волковъ, убивая змѣй и охотясь за лосемъ и дикимъ оленемъ. Наконецъ, когда они достигли вершины горнаго прохода, ихъ глазамъ представились безконечныя, бесплодныя, каменныя равнины, съ пересохшими ложбинами потоковъ, съ обнаженными холмами, съ узкими оврагами, крутыми пропастями и ручьями

горькой воды. День за днемъ, недѣля за недѣлей шли они по этимъ холоднымъ сіеррамъ, по этимъ угрюмымъ долинамъ. Пещера оскудѣвала, дикія животныя встрѣчались рѣже. Утахи и сенеки выказывали вражду, и въ концѣ ихъ путешествія, если они когда-нибудь достигнуть этого конца, ожидала ихъ такая же обнаженная, соленая пустыня!

И все же они не отчаявались отъ враждебнаго вида этой страны. Они не ожидали цвѣтущаго рая; рѣшившись поселиться въ этой новой странѣ, они знали, что въ ней никто не жилъ, потому, что ее считали вполнѣ негодной; они ожидали найти тутъ только миръ и свободу, найти мѣсто, въ которомъ они могли попытаться счастье съ глазу на глазъ съ природою и куда они потомъ могли созывать всѣхъ своихъ братій святыхъ, какъ въ ихъ общее отечество. Наконецъ, спустившись съ вершинъ, съ тревожно бьющимся сердцемъ и трубнымъ звукомъ они вступили въ свою пустынную, но обѣтованную землю; они остановились на этой площадкѣ надъ Иорданомъ, близъ коническаго утеса, на которомъ Бригамъ видѣлъ ангела во снѣ; тутъ они составили планъ новаго города, изслѣдовали всѣ овраги и ручьи до ихъ начала въ горахъ, и черезъ нѣсколько дней отыскали, къ своему удивленію и радости, не только источники свѣжей воды, но и тѣнистыя роцы и зеленые дуга. Ни минуты не было потеряно. Каждый тотчасъ взялся за свое дѣло подъ вліяніемъ практической мудрой теоріи, проповѣдываемой Юнгомъ о святости труда. Дезереть, Страна Пчелы, была объявлена обѣтованной землей и будущимъ отечествомъ святыхъ» (130—132).

Для оцѣнки ученія мормоновъ слѣдуетъ отдѣлать основныя, такъ сказать постоянныя ихъ положенія, отъ временныхъ. Большая часть догматовъ, и между ними тѣ, которые всего болѣе поражаютъ своею странностью, вовсе не имѣютъ того характера неизмѣнности, который составляетъ особенность религиозныхъ догматовъ другихъ сектъ. Если Бригамъ Юнгъ поставилъ многоженство въ число существенныхъ вѣрованій, а Протъ внесъ его даже въ свою еегонію, то крайне сомнительно, чтобы Смитъ былъ практически полигамистомъ; нельзя даже сказать, каковы были его вѣрованія на этотъ счетъ въ послѣднее время, сначала же онъ былъ противникомъ этого ученія. Ничто не мѣшаетъ какому-либо новому мормонскому пророку послѣ Юнга, объявить ученіе о многоженствѣ отмѣненнымъ. Точно также, если Юнгъ, защитникъ рабства негровъ, исключаетъ ихъ однихъ изъ своей церкви, то въ прежнее время статьи Фельта противъ рабства возбуждали волненіе рабовладѣльцевъ, и въ будущемъ весьма возможно на этотъ счетъ новое откровеніе. Еще болѣе это при-

лагается къ метафизическимъ догматамъ. Въ «Книгѣ Мормона» встрѣчаемъ выраженія, въ которыхъ видна вѣра въ Троицу. У Ригдона отвергается бытіе Духа Святаго какъ особой личности. Феррисъ выражался такъ, какъ бы Духъ Святой пребывалъ въ Джо Смитъ. Пратъ печатаетъ о многихъ богахъ, какъ имѣющихъ отдѣльную сферу дѣятельности, но также о *отчномъ Смитѣ*, о божественномъ существѣ, предшествовавшемъ Отцу и Сыну, и о вѣчной связи Бога съ веществомъ. Но Юнгъ говорилъ Диксону, что ученіе Прата не признается безусловно каноническимъ и что Прату угрожало даже изгнаніе изъ церкви мормоновъ. Точно также тѣ догматы, которые приводитъ Диксонъ (ми о нихъ свѣдемъ ниже), какъ входящія *теперь* въ школьное ученіе мормоновъ, могутъ быть видоизмѣнены, отмѣнены и дополнены новыми пророками и потому не могутъ считаться окончательно характеризующими ученіе мормоновъ.

Самый важный, основной и, строго говоря, теоретическій догматъ мормонизма есть непрерывное откровеніе и общеніе съ Богомъ, существующее для вѣрующихъ при посредствѣ пророковъ, хранящихъ наслѣдіе древнихъ пророковъ и апостоловъ. «Новая церковь проповѣдуетъ, что Богъ находится въ личномъ общеніи со святыми, руковода ими теперь, какъ въ прежнія времена и въ будущія, откровеніемъ его святой воли чрезъ избраннаго имъ пророка, руковода ими не только въ великихъ дѣлахъ, въ битвахъ, странствованіяхъ и голодѣ, но и во всѣхъ ихъ сельскихъ и домашнихъ заботахъ, въ посѣвѣ, въ постройкахъ, въ наложеніи печати на жену (156—167). Отсюда крѣпкая организація, проникающая до самыхъ мельчайшихъ подробностей жизни мормоновъ. «Такъ-какъ религія—ихъ жизнь, то каждое ихъ дѣйствіе, каждый поступокъ, общественный или коммерческій, разсматривается ими въ отношеніи того, что они называютъ волею Бога» (156)... Отсюда безусловная власть пророка надъ вѣрующими: «Ни одинъ рабъ на Востокѣ не повинуется такъ слѣпо своему господину, какъ святой — Юнгу, который повелѣваетъ ему идти на проповѣдь страны... Когда Юнгъ съ особенной торжественностью скажетъ: «Я это знаю», то его послѣдователи принимаютъ его голосъ за голосъ Бога. Отъ его словъ ихъ глаза блестятъ, ихъ лица сіяютъ; новая надежда, новое мужество вселяются въ ихъ сердца. Принимая его совѣтъ, его поощреніе за божественнаго, они начинаютъ жизнь какъ бы за ново» (156). Первая и послѣдняя вещь, требуемая отъ мормона, есть *отра*, то-есть безусловная преданность дѣлу церкви, отсутствіе всякаго сомнѣнія въ ея божественномъ учрежденіи и въ ея божественной истинѣ, а потому и рѣшимость дѣйствовать вслѣдствіе на

пользу ея. Въ этой вѣрѣ видать мормонн возможность совершенія чудесъ, въ вѣрѣ въ самого себя лежитъ, по ихъ мнѣнiю, и творческая сила Бога. Въ основномъ же догматѣ непрерывнаго дара пророчества заключается возможность самаго непослѣдовательнаго измѣненiя въ догматахъ, въ правилахъ жизни; возможность внесенiя въ религию всѣхъ прогрессивныхъ началъ, если во главѣ секты стоитъ человекъ съ живымъ пониманiемъ современности; возможность самыхъ отвратительныхъ явленiй, полнѣйшее униженiе человѣческаго достоинства, если званiе пророка попало на недостойную личность. Мормонн представляютъ могущественную и хорошо организованную армию, которая повинуется безусловно силѣ и волѣ *одного* человека и пойдетъ туда, куда онъ ее поведетъ. Пророкъ мормоновъ можетъ въ несравненно значительнѣйшей степени влiять на вѣрующихъ и чрезъ нихъ на человѣчество, чѣмъ римскiе папы въ среднiе вѣва, потому что ихъ все-таки связывала буква писанiя и преданiя отцовъ церкви и, при всей своей непогрѣшимости, они никогда не присвоивали себѣ дара непосредственнаго откровенiя догматовъ и виѣшательства въ частную жизнь во имя общенiя съ божествомъ. Понятно, что это еоократическое устройство, столь несогласное съ демократическимъ строемъ сѣверо-американской республики, одинъ изъ пунктовъ, наиболѣе антипатичныхъ для гражданъ республики. Рядомъ съ самымъ неограниченнымъ проявленiемъ самодержавiя личности въ республикѣ, рядомъ съ требованiемъ отъ личности полнѣйшей самостоятельности подѣ опасенiемъ гибели, мормонизмъ представляетъ такое отрѣшенiе отъ собственной мысли, отъ собственной воли, такое подчиненiе человека человеку, которому примѣры встрѣчаемъ лишь въ монастырскихъ общинахъ.

Можетъ, конечно, показаться страннымъ, что именно въ средѣ сѣверо-американской республики проявилась подобная еоократiя, которая какъ бы противорѣчитъ всему выработанному въ республикѣ образу мыслей; но, въ сущности, подобный строй имѣеть свои законныя начала въ самыхъ основахъ новаго общества.

Люди всегда желали наслаждаться, но для большинства невозможность наслаждаться казалась столь ясною или возможностью столь ограниченою, что самая попытка добыть себѣ болѣе прочное наслажденiе почти всегда устранялась, какъ фантастическая и учителями большинства и его членами. Въ послѣднiе вѣва, съ нѣкоторымъ увеличенiемъ удобствъ жизни, съ ближайшимъ знакомствомъ однихъ классовъ общества съ другими, въ особенности же вслѣдствiе общественныхъ переворотовъ, смѣ-

шавшихъ сословія болѣе чѣмъ когда либо, возможность расширенія наслажденія стала казаться значительнѣе массѣ, а потому въ ней и жажда наслажденій возросла. Либеральныя учрежденія отрывали въ разныхъ государствахъ для личности все болѣе путей добиться благополучія, но нигдѣ это не было сдѣлано такъ широко, какъ въ Америкѣ. Тамъ можно было сказать, что всякій, одаренный физическою и умственною энергіею, могъ ее приложить равнообразнѣйшимъ и наивыгоднѣйшимъ для себя образомъ. Всякій, имѣющій какой либо нравственный или матеріальный капиталъ, могъ получить на него громадныя проценты, лишь бы сознавала значеніе этого капитала и успѣлъ его употребить. Конечно, чѣмъ шире подобная свобода, тѣмъ огромнѣе и конкуренція. При этомъ быстро возвышается всякій, имѣющій преимущество ума, приобрѣтеннаго капитала, физической ловкости, нравственной изворотливости; но столь же неизбежно затирается и гибнетъ тотъ, кто отстаетъ, кто не догадывается въ-время, кто неловче, слабѣе, кто менѣе изворотливъ. А чѣмъ болѣе число достигаетъ цѣли, тѣмъ въ остальныхъ жажда ее достигнуть растетъ, потому что возможность кажется больше, цѣль доступнѣе. Какъ ни широкъ либерализмъ учреждений, все-таки въ конкуренціи, при значительной потерѣ силъ на борьбу, пробивается до нѣсколько обеспеченнаго положенія меньшинство; большинство же остается на пути, жаждущее и недовольное. По самому свойству борьбы отстаютъ наименѣ развитыя личности, слѣдовательно и наименѣ способныя оцѣнить достоинство свободы, дающей возможность пробиться способнѣйшимъ. Эти остальные, при своей возрастающей жаднѣ наслажденій, готовы не цѣнить ни во что ту свободу, которая для нихъ есть лишь свобода быть задавленными во всеобщей борьбѣ, то развитие, которое доставляетъ другимъ болѣшія удобства переиграть и задавить ихъ. Какъ сдѣлать этой массѣ отсталыхъ, слабыхъ, неуверенныхъ, недоразвитыхъ, чтобы добиться того, чего каждый изъ ея членовъ не въ состояніи добиться своими силами? Ей надо сплотиться и дѣйствовать общими силами, но у нея нѣтъ на столько энергіи и пониманія, чтобы самой найти себѣ организацію и способъ общаго дѣйствія. Она ждетъ, чтобы ей предложили организацію, въ которую бы она повѣрала, въ которой бы могла надѣяться найти достиженіе своихъ цѣлей. И вотъ на это ея желаніе рассчитываютъ честолюбцы, готовые сдѣлать бѣдняковъ орудіемъ своихъ личныхъ цѣлей. Политическіе агитаторы призываютъ массу къ политическимъ революціямъ. Исторія человечества привела неизбежно къ подобному положенію дѣлъ. Мы не беремъ на себя обязанности разобрать,

могло ли оно быть иначе, но если бы и могло, все равно, оно иначе не было, слѣдовательно въ настоящую минуту едва-ли кого можно обвинить, что положеніе дѣлъ таково, каково оно есть. Оно только можетъ объяснить то обстоятельство, что именно рядомъ съ самой либеральной организаціей общества въ пользу способѣйшихъ личностей, проявилась деспотическая организація съ новымъ догматомъ, весьма несовершеннымъ, съ новымъ общественнымъ строемъ, требующимъ полнаго подчиненія личностей одному человѣку, и что эта организація нашла многочисленныхъ вѣрующихъ, разрослась до сотенъ тысячъ людей и сдѣлалась силою. Въ замѣнъ старыхъ вѣрованій, въ замѣнъ личной свободы и критики мысли она предлагала бѣднякамъ матеріальное обезпеченіе, *дѣйствительно* вознагражденный трудъ. Мормонскій миссіонеръ говорилъ во Франціи Эрдану *:

«Мы вступили въ періодъ, когда общество не будетъ болѣе дозволить сектаторамъ играть его земною жизнію. Оно теперь получило самообладаніе. Ему нужно счастья: оно пойдетъ лишь за тѣми, кто ему дастъ счастье». Это еще не вполне справедливо, потому что фантастическія надежды не потеряли силы надъ челоуѣчествомъ, и мормонизмъ, наравнѣ съ другими сектами, представляетъ тому разительныя доказательства; но тѣмъ не менѣе справедливо, что люди всегда пойдутъ за сектаторами, вторые обѣщаютъ имъ земное блаженство, какою бы цѣною ни приходилось покупать его. Въ особенности же это справедливо для массъ, а на нихъ-то и дѣйствуетъ мормонизмъ съ помощью своихъ покорныхъ, самоотверженныхъ и повсюду распространенныхъ миссіонеровъ. Приводимъ слова Диксона:

«Способъ, которымъ какою нибудь старшина призывается на миссіонерскій трудъ, имѣетъ въ себѣ что-то первобытное, романтичное въ нашъ грошевый вѣкъ. Говорятъ, что Юнгъ, идя по главной улицѣ, вдругъ увидитъ какого нибудь юнаго молодца, гонимаго стадо, ѣдущаго верхомъ или въ телегѣ, и какая-то пророческая мысль блеснетъ въ его умѣ; онъ подзоветъ къ себѣ молодаго старѣйшину и говоритъ ему, что Господь избралъ его для проповѣди. При этомъ онъ иногда назначаетъ время и мѣсто для этой проповѣди; время бываетъ годъ, три, десять; мѣсто—Ливерпуль, Дамаскъ, Дели, Пекинъ. Испросивъ нѣсколько часовъ на приготовленія, новый проповѣдникъ приводитъ послѣднее въ порядокъ свои дѣла, прощается съ друзьями, целуетъ своихъ женъ и дѣтей и отправляется въ путь на святое дѣло.

«Я говорилъ по крайней-мѣрѣ съ дюжиной такихъ миссіоне-

* *Al. Erdan*: «La France mystique» (1858) I, 290.

рошь, молодыхъ людей, призванныхъ для проповѣди изъ уединенныхъ ранчъ, съ пильныхъ мельницъ, изъ фруктовыхъ садовъ, призванныхъ неожиданно и отправившихся одиноко и безо всего въ самыя отдаленныя части свѣта. Старѣйшина Стенгаузъ былъ посланъ проповѣдывать во Францію и въ Швейцарію, старѣйшина Риттеръ въ Австрію, старѣйшина Нэзбитъ въ Англію, старѣйшина Дьюи въ Индію и на Цейлонъ. Способъ ихъ дѣйствія былъ вездѣ одинъ и тотъ же.

«Безъ денегъ, безъ пищи отправляется миссіонеръ въ путь. Онъ нанимается возницей, сторожемъ или плотникомъ въ какой-нибудь торговый обозъ, идущій къ Миссури или къ морю, какъ случится. Если ему предназначено идти въ Европу, то юный старѣйшина прокладываетъ себѣ дорогу работая какъ умѣетъ до Нью-Йорка, гдѣ онъ нанимается или въ писцы, или въ механики, до тѣхъ поръ, пока накопитъ достаточно денегъ для перѣзда въ Европу; если этотъ способъ неудобенъ для него или для его миссіонерскихъ цѣлей, то онъ нанимается на корабль матросомъ и во время долгаго морскаго пути пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы проповѣдывать своимъ скромнымъ товарищамъ матросамъ о мирномъ убѣжденіи мормоновъ въ горной долинѣ (142—143)... Прибывъ въ Европу безъ гроша, безъ крова, миссіонеръ, если только это возможно, поселяется въ домѣ одного изъ мѣстныхъ святыхъ. Если онъ не можетъ найти такого помѣщенія, то онъ спитъ на улицѣ, на скамьѣ, на ступеняхъ гѣстницы, подъ деревомъ. «Выйдя на берегъ въ Соут-Гамптонѣ, — говорилъ мнѣ старѣйшина Стенгаузъ, рассказывая о своихъ духовныхъ побѣдахъ, — у меня не было ни гроша въ кошелькѣ, я продалъ даже свои сапоги, чтобы купить досокъ для устройства каедрн, съ которой я могъ бы проповѣдывать». Старѣйшина Дьюи, по его собственнымъ словамъ, путешествовалъ съ Солёнаго Озера до Сан-Франциско, изъ Сан-Франциско на Цейлонъ, изъ Цейлона въ Пуну, и во все время этихъ длинныхъ путешествій работалъ, просилъ милостыню, проповѣдывалъ и никогда не унывалъ, никогда не боялся за свою плоть, но всегда и вездѣ надѣялся на покровительство Божіе; онъ работалъ въ средѣ калифорнскихъ рудокоповъ, китайскихъ матросовъ, цингалесскихъ фермеровъ, бомбейскихъ погонщиковъ муловъ, и никогда не нуждался ни въ пищѣ, ни въ кровѣ» (143). Далѣе Диксонъ говоритъ о миссіонерахъ: «Въ самыхъ же несчастныхъ обстоятельствахъ они всегда могутъ получить работу, какъ портяне, плотники или рабочіе въ докахъ. Питаясь коркой хлѣба, проводя ночи въ сараяхъ, они работаютъ и проповѣдуютъ, переходя изъ города въ городъ, ревностно исполняя

свое призваніе; терпѣливые, умѣренные, никому неизвѣстные, не заискивая ни передъ кѣмъ, не возбуждая никакихъ преній, они живутъ жизнью бѣднаго человѣка, истинными друзьями котораго они вѣчно себя заявляютъ. Исполнивъ свой долгъ, миссіонеръ отправляется въ обратный путь, все же проповѣдуя по всей дорогѣ; онъ возвращается со сцены своихъ трудовъ на веселую родину, къ своей цвѣтущей фермѣ, къ дѣятельной мельницѣ, въ счастливую долину Солёнаго Озера (144)...

«Радостная вѣсть, которую люди, подобныя Дьри и Стенгаузу, распространяютъ между матросами, рабочими въ докахъ, простыми земледѣльцами, уличными носильщиками и имъ подобными людьми, дѣйствительно такого рода вѣсть, какову несчастные и недовольные жаждутъ услышать. Они проповѣдуютъ противъ міра и обычаевъ мірскихъ. Они говорятъ, что необходима великая переимѣна, они обѣщаютъ бѣднымъ болѣе счастливое время и болѣе свѣтлое жилище. Они предлагаютъ голоднымъ кусокъ хлѣба, бездомнымъ скитальцамъ — кровъ, обнаженнымъ — одежду, мастеровымъ они обѣщаютъ фабрики, крестьянамъ фермы. Рай, о которомъ они благовѣствуютъ, не находится всецѣло за гробомъ; самая земля, по ихъ мнѣнію, составляетъ часть неба, и такъ-какъ земля и все, что на ней, принадлежитъ Богу, то они объявляютъ, что всё ея сокровища составляютъ истинное наследіе его святыхъ (144)... До людей, которые богато одѣваются, живутъ въ большихъ домахъ и ѣдятъ на серебрѣ, миссіонеру нѣтъ никакого дѣла; его область — отдаленныя закоулки города, а не большія блестящія улицы. Богатые, ученые, высокообразованные имѣютъ свои религіи, свои обряды, которые онъ не можетъ ни измѣнить, ни уничтожить. Они не нуждаются въ немъ, и онъ, въ своей гордости, никогда не заискиваетъ передъ ними (145)... Проходя мимо этихъ любимцевъ міра, какъ людей, къ которымъ онъ не посланъ, святой вращается гораздо въ низшихъ слояхъ общества, отыскивая жертвъ сего міра, о которыхъ кромѣ его никто, по видимому, не заботится. Въ нуждахъ и стремленіяхъ бѣдныхъ онъ находитъ готовое поле для своей проповѣди. Но онъ не хвалитъ нищихъ за то, что они бѣдны, онъ не учитъ, что нищета есть состояніе благодати; напротивъ — онъ проповѣдуетъ, что богатство добро, и обѣщаетъ, подтверждая свои слова тысячами примѣровъ, что святые разбогатѣютъ трудомъ своихъ рукъ и благословіемъ Бога» (145)...

И тѣ, которые приходятъ въ новый Іерусалимъ, въ городъ пчелъ, Дезереть, встрѣчаютъ дѣйствительно то, что имъ нужно:

въ первую же минуту заботливость, матеріальную и нравственную поддержку.

«Особыхъ священнослужителей, получающихъ жалованье, нѣтъ въ новой церкви. Каждый святой — священникъ, и потому ни одному человѣку въ церкви не дозволяется взять ни гроша за служеніе Богу, хотя бы все его время, всѣ его способности, вся его жизнь были поглощены этимъ служеніемъ. Обязанности къ церкви занимаютъ первое мѣсто, потомъ уже идутъ обязанности къ семейству и къ самому себѣ (140)... Вообще, богаты ли они или бѣдны, мормонскіе старѣйшины живутъ тѣмъ, что они работаютъ своими руками, и ничего не берутъ за свое высшее служеніе церкви.

«Ничѣмъ неоплачиваемая служба епископа чрезвычайно разнообразна, ибо мормонскій священникъ не только долженъ заботиться о духовномъ благосостояніи своей паствы, но и объ ея свѣтскихъ интересахъ; онъ долженъ смотрѣть, чтобъ ихъ поля были хорошо обработаны, чтобъ ихъ дома были опрятны, дѣти обучены, скотъ хорошо содержался. Въ прошедшее воскресенье, послѣ службы въ скинии, Бригамъ Юнгъ послалъ за нами, приглашая взойти на возвышенную платформу, гдѣ онъ сидѣлъ съ епископами и присутствовалъ при частномъ совѣщаніи distinguished отцовъ церкви. Трудно сказать, что подумали бы англійскіе епископы, видя такую сцену. Всѣ старики собрались въ кружокъ, и Эдвардъ Гунтеръ, предсѣдательствующій епископъ, спрашивалъ поочередно каждаго о работахъ, производившихся въ его приходѣ, о постройкѣ домовъ, объ осушеніи земли, о разведеніи садовъ; также и о нуждахъ того или другаго изъ прихожанъ. Только что прибылъ большой караванъ эмигрантовъ, и епископамъ надо было доставить шестистамъ новобранцевъ средства выстроить себѣ дома и посадить гряды капусты. Одинъ епископъ объявилъ, что онъ можетъ взять къ себѣ пятерыхъ каменщиковъ, другой — двухъ плотниковъ, третій — одного жестянника, четвертый — семь или восемь батраковъ, и такъ далѣе. Въ нѣсколько минутъ на моихъ глазахъ двѣсти человѣкъ изъ этихъ бѣдныхъ эмигрантовъ получили вѣрный кусокъ хлѣба. «Вотъ одно изъ занятій нашихъ епископовъ», сказалъ мнѣ Юнгъ, съ нѣсколько колкой улыбкой (141)...

«Я отправился съ епископомъ Гунтеромъ, столь же замѣчательнымъ своимъ остроуміемъ, какъ и добрыми дѣлами, посѣтить только что прибывшихъ англійскихъ эмигрантовъ. Ихъ шестьсотъ человѣкъ, родомъ изъ валлійскихъ горъ, изъ среднихъ англійскихъ графствъ; всѣ мужчины, женщины и дѣти чрезвычайно бѣдны, некрасивы, грязны, утомлены, покрыты

силью отъ скорбута и знойныхъ лучей солнца; поэтому я былъ неволью пораженъ отеческими попеченіями епископа, который необыкновенно нѣжно разговаривалъ съ ними и давалъ имъ мудрыя совѣты. Нѣкоторые изъ женщинъ были больны и капризны; онѣ требовали масла, чая и другихъ вещей, которыхъ нельзя было найти за городомъ, гдѣ онѣ помѣщались. Гунтеръ тотчасъ послалъ въ городъ за докторомъ и приказалъ привезти чай и масла изъ общественныхъ кладовыхъ. Никогда я не забуду того благодарнаго выраженія, которыми блеснули глаза нѣкоторыхъ страдальцевъ, чувствовавшихъ, что въ этомъ престѣломъ епископѣ они нашли мудраго и заботливаго друга (146—147)...

«Заботы о бѣдныхъ составляютъ одну изъ святыхъ обязанностей человѣка, по ученію мормоновъ. Первый долгъ епископа— строго наблюдать, чтобы ни одинъ человѣкъ въ его приходѣ, въ его округѣ не нуждался въ пищѣ и въ одеждѣ; когда онъ видитъ, что какое нибудь семейство нуждается, онъ прямо идетъ въ болѣе богатому сосѣду и именемъ Господа спрашиваетъ мѣшокъ муки, голову сахару, ящикъ чаю, бѣлье, кровать; спрашиваетъ смѣло, очень хорошо зная, что его требованіе будетъ немедленно исполнено. Вся земля—Божія и должна быть отдана ему. Старѣйшина Дженнингсъ, богатѣйшій купецъ въ городѣ Солѣнаго Озера, рассказывалъ мнѣ, что онъ часто подвергается подобнымъ контрибуціямъ, въ дурныя времена года, раза два или три въ день. Въ случаѣ надобности епископъ идетъ къ сборщикамъ десятины и получаетъ тамъ помощь, въ которой нуждаются его прихожане, ибо нужды бѣдныхъ стоятъ выше нуждъ церкви; однако, очень рѣдко приходится, не довольствуясь частной благотворительностью, обращаться въ общественной казнѣ, ибо если у святаго есть что нибудь въ домѣ, то онъ долженъ раздѣлить это съ ближнимъ: если у него есть хлѣбъ— онъ долженъ накормить голоднаго; если у него есть одежда— онъ долженъ прикрыть обнаженнаго. Никакое извиненіе не принимается, если онъ не исполняетъ этой великой обязанности» (145—146).

И слова, которыми встрѣчаетъ пророкъ эмигрантовъ, большую часть, какъ разъ въ уровень съ ихъ пониманіемъ. Диксонъ приводитъ слѣдующую рѣчь Бригама Юнга (117):

«Братья и сестры въ Господѣ и Исусѣ Христѣ—сказалъ онъ— вы избраны Богомъ изъ міра и приведены его милосердіемъ въ эту горную долину для вспомоствованія намъ при созданіи его царства. Вы утомились и изнемогли отъ долгаго странствованія; отдохните же день или два, потомъ встаньте, оглянитесь

и рѣшите, какъ вы будете жить. Не терзайте себя относительно вашихъ религіозныхъ обязанностей; вы избраны для этого дѣла, и Богъ будетъ печься о васъ. Ободритесь и не унывайте. Посмотрите на эту долину, въ которую вы призваны изъ міра. Ваша первая обязанность научиться садить капусту, лукъ, томаты и сладкій картофель; потомъ научиться, какъ кормить свиней, строить домъ, разводить садъ, ходить за скотомъ, печь хлѣбъ, однимъ словомъ, ваша первая обязанность — жить. Вторая обязанность научить англійскому языку тѣхъ датчанъ, французовъ и швейцарцевъ, которые его не знаютъ, ибо сей языкъ — языкъ Божій, языкъ книги мормоновъ, языкъ послѣднихъ дней. Вотъ чему вы обязаны научиться прежде всего, остальное же придастся вамъ въ должное время. Да благословитъ васъ Богъ и да будетъ миръ Господа нашего Иисуса Христа со всѣми вами».

Замѣтимъ, что «новая церковь не только принимаетъ въ свое лоно всѣхъ приходящихъ къ ней, но терпитъ всѣхъ иновѣрцевъ, не спрашивая ничего, не подвергая никакимъ испытаніямъ, не требуя никакихъ жертвъ (152)... Обращенный въ мормонство принимаетъ новую истину и присовокупляетъ ее къ тѣмъ истинамъ, которыя онъ исповѣдовалъ прежде» (152).

Люди, вѣчно трудившіеся и съ отвращеніемъ смотрѣвшіе на свой трудъ, вовсе не ищутъ наслажденія въ безусловной лѣни, такъ-какъ бессознательно для нихъ противный имъ трудъ вошелъ имъ въ привычку и другаго рода занятія имъ недоступны. Ихъ наслажденіе — видѣть осязательно плоды своихъ трудовъ; видѣть, что наравнѣ съ ними, такъ же, какъ они, трудятся и высшіе ихъ авторитеты, тѣ, которые занимаютъ вліятельнѣйшія положенія въ обществѣ; видѣть, что ихъ трудъ, бывшій непродуцательнымъ и презрѣннымъ, сталъ почетнымъ и производительнымъ въ новомъ общественномъ строѣ. Но именно это встрѣчаетъ въ Утахѣ бѣднякъ, умѣющій заняться и занимающійся только физическимъ трудомъ. Трудъ, въ особенности же физическій, трудъ для мормона — святня, религіозная обязанность, и это второй основной догматъ ихъ вѣрованія, на которомъ опирается все ихъ могущество: «Лѣнливый, недѣятельный человекъ — писалъ одинъ изъ апостоловъ мормонизма * — не можетъ быть христіаниномъ и участвовать во спасеніи».

«Десятина со всего дохода, часто гораздо больше дается охотно всѣми въ пользу церкви, но первая мысль новобранца, первый совѣтъ старшины, всегда одни и тѣ же, что святой долженъ

* Orson Hyde: «Frontier guardian».

смотреть на трудъ, трудъ физическій и умственный, но преимущественно физическій, какъ на предназначенную жертву, которую, по Божьему изволенію, человѣкъ очиститъ себя отъ грѣха и достигнетъ вѣчнаго покоя. Всю энергію, которую другія секты влагаютъ въ религиозную полемику, мормоны обращаютъ на трудъ. Они не избѣгаютъ словесныхъ разсужденій, они даже очень мѣткі на словахъ и быстро приводятъ надлежащіе тексты, но они предпочитаютъ вести главную свою полемику съ міромъ посредствомъ заступа (118)... Въ новой церкви всякій трудъ считается благороднымъ: воздѣлываніе бесплодной земли, производство хлѣба и масла, фруктовъ и цвѣтовъ, клея и праностей, деревь и травъ, — считается дѣломъ спасительнымъ для души, ибо святые смотрятъ на землю, какъ на пустошь, которую слѣдуетъ трудомъ вскупить и соединить съ будущимъ небомъ (157)... Пророки, президенты, епископы, старѣйшины всѣ имѣютъ свои занятія въ городѣ и за городомъ: продаютъ ленты, выводятъ персики, строятъ мельницы, рубятъ дрова, содержатъ ранчи, пасутъ скоть, водятъ обозы черезъ степь (140)... Въ городѣ, въ которомъ трудъ считается святымъ, самые важные сановники выигрываютъ въ общественномъ мнѣніи, занимаясь какимъ нибудь особымъ ремесломъ или торговлей. Такъ, не одинъ апостолъ пашетъ землю и не одинъ патріархъ правитъ волами въ фургонахъ. Вообще въ церкви этихъ святыхъ нѣтъ ни одного лѣнниваго, ничего не дѣлающаго человѣка (140)... Пчела избрана святыми, какъ эмблема Дезерета, хотя природа почти лишила эту страну такого полезнаго насѣкомаго. Домъ Юнга называется пчелинымъ ульемъ; въ немъ нѣтъ мѣста трутнямъ, ибо всѣ жены пророка обязаны поддерживать себя шитьемъ, обученіемъ грамоты, тканьемъ, окраской пряжи или сушкой фруктовъ. Каждая женщина на Солёномъ Озерѣ имѣетъ свою опредѣленную работу, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, и каждая убѣждена, что трудъ дѣло благородное и святое, жертва достойная человѣка, приносящаго ее, и Бога, принимающаго ее (139)... На долю мужчинъ выпадаетъ болѣе тяжелая работа на поляхъ, въ городахъ и въ оврагахъ, гдѣ они роютъ землю, строятъ плотину на рѣкѣ, рубятъ дубъ и кленъ, пасутъ скоть и ловятъ дивныхъ лошадей. Но оба пола также исполняютъ нѣкоторыя работы и вмѣстѣ, т.-е. каждый по мѣрѣ своихъ силъ. Эта обоюдная работа состоитъ въ постройкѣ домовъ, въ разведеніи садовъ, въ устройствѣ лавокъ и магазиновъ, въ разработкѣ копей; и каждая работа производится съ такой энергіей, съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ, какихъ вы никогда не встрѣтите на западныхъ сѣмонахъ Вазатчскаго князя» (140).

При этомъ религіозномъ значеніи труда и при могущественной организаціи общества становятся понятны чудеса, достигнуты мормонами. Диксонъ сообщаетъ слѣдующія слова Юнга (183):

«Посмотрите вокругъ себя, если вы желаете знать, что мы за народъ. Девятнадцать лѣтъ тому назадъ, эта долина была пустыней, покрытой только тамъ и сямъ дикимъ шалфеемъ и подсолнечниками; мы, явившись сюда издалека, не принесли съ собою ничего, кромѣ мѣшка съ сѣменами и корнями, ничего не привели, кромѣ нѣсколькихъ воловъ и фургоновъ; точно также и народъ, пришедшій сюда послѣ насъ, болѣею частью ткачи и простые работники, не принесли съ собою ничего, ни одного гроша, ни даже умѣнья обращаться съ землей. Посмотрите теперь вокругъ себя съ этого балкона, и вы увидите, что мы сдѣлали».

Вотъ первое впечатлѣніе путешественника при въѣздѣ въ страну, населенную мормонами:

«Мы вспоминаемъ о пустынныхъ равнинахъ, по которымъ мы только-что проѣхали, о нашемъ шестидневномъ путешествіи по горамъ и оврагамъ, и смотримъ съ удовольствіемъ на трудолюбіе, энергію и фанатизмъ людей, которыхъ какія бы то ни было ученія или обѣщанія могли побудить поселиться въ этой уединенной долині, съ цѣлью сдѣлать ее достойнымъ жилищемъ человѣка. Вотъ Кольвилль, городъ въ горахъ, по крайней-мѣрѣ, начатокъ города; онъ стоитъ въ горномъ проходѣ, гдѣ всѣ инженеры объявили, что невозможно жить ни человѣку, ни животному. Небольшія поля ржи идутъ по берегамъ ручья, а на скалахъ горы пасутся волы. Собаки сторожатъ фермы. Свиньи роются въ землѣ; цыплята бѣгаютъ по травѣ; лошади видѣются во дворахъ. Краснощекіе ребятишки, съ голубыми глазами и съ свѣтлыми кудрями, ясно говорящими объ ихъ чисто-англійской крови, играютъ передъ воротами, валяясь на соломѣ. Дѣвочки, девяти и десятилѣтнія, доятъ коровъ; мальчишки, тѣхъ же лѣтъ, выгоняютъ скотъ на пастбище; женщины моютъ бѣлье и стращаютъ кушанье; мужчины копаютъ картофель, собираютъ плоды, рубятъ дрова и пилятъ доски. Каждый человѣкъ дѣятельно занятъ, каждое мѣстечко даетъ доходъ, хотя этотъ оврагъ вчера еще былъ пустыннымъ, каменистымъ угломъ (100)... Тѣ инженеры, которые донесли американскому правительству, что сотни поселенцевъ не найдутъ себѣ пищи въ этихъ долинахъ, не такъ ошибались, какъ полагаютъ теперь люди, видящіе на дѣлѣ успѣхъ Юнга. Даже Бриджеръ, старый вазатскій охотникъ, предлагая тысячу долларовъ за каждое зерно ржи, полученное съ этой земли, не былъ такъ глупъ, какъ оно можетъ казаться

теперь. Всѣ эти критики говорили только о томъ, что можно было ожидать отъ обыкновенныхъ людей, движимыхъ обыкновенными побужденіями, и не подлежить никакому сомнѣнію, что обыкновенные люди погибли бы. Почва до того здѣсь суха, до того бесплодна, что, со всей страстью къ труду, мормонъ можетъ воздѣлать только четыре акра земли, тогда какъ язичникъ на рѣкахъ Миссури и Канзасѣ легко воздѣлываетъ сорокъ акровъ. Удалите страстную силу, движущую мормонами, и чрезъ два года городъ Солёнаго Озера станетъ, такъ же какъ Денверъ, зависѣть отъ Индіаны и Огіо, станетъ точно такъ же нуждаться въ чужомъ кускѣ хлѣба (118)...

«Вскорѣ пустынная долина начала измѣнять свой видъ подъ ихъ искусными руками; горные ручьи отведены по новому направленію; поля обработаны и засѣяны; дома стали вырастать изъ земли; стада овецъ и коровъ паслись на горныхъ скатахъ; соленныя копи и пыльныя мельницы были устроены и пущены въ ходъ; фруктовыя деревья насажены и огороды разведены (132)... Прошелъ годъ, и мормоны не погибли въ своей пустынѣ. Напротивъ, они начали распространяться, благоденствовать и даже наживать деньги. Съ каждымъ годомъ они продолжали все болѣе и болѣе умножаться и богатѣть, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ихъ купцы стали извѣстны въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ, а ихъ городъ сдѣлался однимъ изъ чудесъ свѣта» (133). Читатели могутъ обратиться къ книгѣ Диксона для описанія этого города; оно сдѣлано весьма ловко, хотя далеко неполно. «Юнгъ уже составилъ планъ провести каналъ изъ озера Утахъ въ городъ, чрезъ нижніе отроги вазачскаго кряжа; это предпріятіе будетъ стоить много денегъ, но за то превратитъ въ плодородныя поля огромныя, пустынные, обнаженныя пространства. Если городу Солёнаго Озера дозволить мирно процвѣтать и распространяться, то каналъ этотъ будетъ скоро прорытъ, и окружающая страна, покрытая теперь камнями, пескомъ и дикимъ шалфеемъ, превратится въ сады и виноградники» (104)...

Приведемъ, для заключенія, слова, которыя Диксонъ, по собственному свидѣтельству, сказалъ въ отвѣтъ на сознаніе одного изъ противниковъ мормоновъ, что они «хорошіе фермеры» (199—200):

«Хорошіе — слишкомъ слабый эпитетъ для выраженія тѣхъ чудесъ, которыя они произвели. Въ Иллиноисѣ они превратили болото въ роскошный садъ. Въ Утахѣ они усѣяли пустыню зелеными лугами и богатыми полями маиса и ржи. Чѣмъ гордится всего болѣе Бригамъ Юнгъ? Своимъ гаремомъ, храмомъ, театромъ, своимъ званіемъ и богатствомъ? Онъ, можетъ быть,

гордятся всѣмъ этимъ, но на что онъ болѣе всего наираетъ— это на тотъ фактъ, что онъ собралъ девяносто-три съ половиной бушелей пшеницы съ одного акра земли. Святые разбогатѣли съ быстротой, которая даже въ Америкѣ кажется магической. Начавъ жизнь въ самомъ бѣдственномъ положеніи, набранные изъ самыхъ бѣдныхъ классовъ, лишеныя всего своего имущества и изгнанныя изъ своихъ фермъ, принужденныя употребить миллионъ долларовъ на опасный переходъ по пустынѣ, и наконецъ, поселившіеся на землѣ, съ которой почти бѣжали краснокожіе и бизоны за недостаткомъ пропитанія, они сумѣли прожить, распространить свои владѣнія и увеличить свои богатства. Всѣ горы и долины, окружающія Солѣное Озеро, покрыты веселыми полями пшеницы и ржи. Тутъ выстроены городъ, проведены дороги, возведены мельницы, прорыты каналы, срублены лѣса. Посреди обожженныхъ пустынь устроено громадное депо продовольствія, которое можетъ питать всѣхъ рудокоповъ Монтаны и Невады. Отертыя линія сообщенія между Сень-Луи и Санъ-Франциско».

Но энергія труда, какъ мы уже говорили выше, должна неизбежно поддерживаться веселымъ настроеніемъ духа, и мормонскіе пророки это поняли. «Новая церковь исповѣдуетъ, что истинное поклоненіе Богу есть пользованіе всѣми истинными удовольствіями жизни, которыя Небо доставляетъ человѣку столь же щедро, какъ отецъ дѣтямъ; это истинное поклоненіе не есть дань, собираемая государями земли, не есть жертва, требуемая священниками, но легкая, невинная забава, радость духа и плоти, сознаніе, что долгъ исполненъ и жизнь подкрѣплена, освѣжена» (157)... Общественную сторону мормонской церкви можно назвать веселою, ея обряды праздничными. Мрачность, страхъ, отчаяніе, аскетизмъ, взлелѣянные старыми религіями, совершенно изгнаны изъ Новаго Іерусалима. Никто не боится быть проклятымъ, никто не терзаетъ своей души относительно судьбы, свободной воли, избранія духовенства и преемственной благодати. Мормонъ живетъ въ атмосферѣ твердаго упованія и довѣрія, ибо въ его глазахъ небо окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, — онъ видитъ его и въ блестящемъ солнцѣ, и въ улыбающихся поляхъ, и въ снѣжныхъ вершинахъ горъ. Для него появленіе на землѣ святыхъ было вторымъ пришествіемъ, а основаніе ихъ церкви — началомъ Царства Бога на землѣ. Онъ не ощущаетъ никакой боязни, онъ не заботится о будущемъ. Чтѣ есть, то и будетъ, завтра — какъ сегодня, будущій годъ — какъ прошедшій; небо есть только продолженіе земли, и тамъ будетъ данъ каждому человѣку удѣлъ славы и могущества, со-

размѣрно его повиновенію закону Бога въ настоящей жизни. Земля — говоритъ онъ — рай, созданный для удовольствія (159)... Юнга же можно назвать первосвященникомъ веселья; онъ выстроилъ большой театръ, въ которомъ его дочери играютъ комедіи и дивертисементы, выстроилъ общественную залу въ ратушѣ, въ которой молодежь обоого пола танцуетъ и поетъ; и самъ даетъ примѣръ частнымъ баламъ и вечерамъ, какъ въ домахъ, такъ и на чистомъ воздухѣ. Концерты и оперы даются постоянно въ городѣ Солѣнаго Озера. Онъ отъ всей души поощряетъ пивніи, однимъ словомъ, всё невинныя удовольствія. Воздѣлываніе винограда, уходъ за персиками, приготовленіе кушаній составляютъ важную заботу для святыхъ, такъ что эпископъ въ Новомъ Іерусалимѣ можетъ найти такія рѣдкости, о которыхъ онъ тщетно вздыхалъ бы въ Вашингтонѣ и Нью-Йоркѣ. Обѣдая у апостоловъ, мы всегда удивлялись громадному количеству сластей и фруктовъ, великолѣпному ихъ достоинству и вкусному приготовленію» (160). Въ связи съ этимъ, находимъ значеніе, приданное театру, какъ примѣрному элементу общественнаго развитія. «Театръ имѣетъ въ городѣ мормоновъ цѣль и значеніе гораздо высша, чѣмъ допустили бы это церкви въ Лондонѣ, Парижѣ или Нью-Йоркѣ. Бригамъ Юнгъ — оригиналъ во многихъ отношеніяхъ; онъ первосвященникъ того, что они выдаютъ за новый завѣтъ, за новое откровеніе, и однако, онъ устроилъ въ своемъ городѣ театръ, прежде, чѣмъ вывелъ надъ землею фундаментъ храма (110—111)... Бригамъ Юнгъ, можетъ быть, правъ или неправъ въ своихъ понятіяхъ о пользѣ, которую можетъ принести театръ въ городѣ, гдѣ нѣтъ еще высшихъ учебныхъ заведеній и университетовъ, но онъ рѣшился сдѣлать серьезную попытку; съ этою цѣлью онъ выстроилъ образцовый театръ, и теперь всѣми силами старается воспитать образцовую труппу (111)... Все на сценѣ строго-соотвѣтственно между собою; миръ и порядокъ царствуютъ посреди шутокъ и смѣха. Ни внутри театра, ни вокругъ его, вы не увидите тѣхъ разгульныхъ сценъ, которыя мы привыкли встрѣчать въ лондонскихъ театрахъ; вы не увидите ни развратныхъ женщинъ, ни мелкихъ ворышекъ, ни пьяныхъ, ни нищихъ оборванныхъ дѣтей (112)... Я довольно хорошо знакомъ съ фойе и всѣмъ закулиснымъ міромъ европейскихъ театровъ; но я нигдѣ не видѣлъ, ни въ Италіи, ни въ Австріи такихъ изящныхъ приспособленій для удобства мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ труппѣ, какъ въ театрѣ Солѣнаго Озера. Фойе тутъ просто роскошная гостиная; декораторы имѣютъ отдѣльныя студіа, парикмахеры и костюмеры дѣлаютъ магазины; каждой актрисѣ, ка-

кую бы она маленькую роль ни исполнала, отвелена особенная уборная.

«Юнгъ хорошо понимаетъ, что главная реформа театра должна начаться за сценой, что вы должны возвысить актера, прежде чѣмъ очистить сцену. Съ этой цѣлью онъ не только устроилъ уборныя и отдѣльную ложу для актрисъ, но отдалъ на театръ своихъ собственныхъ дочерей, для примѣра и поощренія всѣмъ другимъ (113)... Въ Нью-Йоркѣ, въ Сенъ-Луи, въ Чикаго, никто не призналъ бы, что театръ — школа добродѣтели, и никакой здравомыслящій трезвый человѣкъ не выбралъ бы для своихъ дочерей ремесла актрисы. Юнгъ ясно понимаетъ, что признавая театръ за школу нравственности, ему предстоитъ бороться съ общественнымъ мнѣнiемъ. Развратъ, словно какое-то ядовитое испаренiе, носится въ атмосферѣ всякаго театра, хотя, конечно, менѣе всего въ американскихъ городахъ. Для устранения этого зла, проиходящаго большею частью отъ дурныхъ преданiй, Бригамъ Юнгъ приноситъ въ жертву какъ-бы часть себя — своихъ дѣтей. Дѣйствительно, это единственныя особы во всемъ городѣ Солѣнаго Озера, которыя могли совершить это дѣло очищенiя современнаго театра. Такимъ образомъ, Алису и Зину можно считать священными дѣвами, вступившими на театральные подмостки для очищенiя ихъ своимъ присутствiемъ отъ пятна древняго, но не присущаго самой природѣ этого учрежденiя» (114).

Но мормоны очень хорошо сознаютъ, что они обружены опасностями, что язычники ихъ ненавидятъ; прошлая исторiя лежитъ тяжелымъ воспоминанiемъ между ними и ихъ сосѣдями. Поэтому, давно уже мормоны перестали быть мирными проповѣдниками. Ихъ крѣпкая организацiя дѣлала ихъ весьма удобнымъ войскомъ, и они незамедлили ею воспользоваться въ этомъ отношенiи. «Каждый святой, въ одно и то же время, и священникъ и солдатъ; каждаго обучаютъ, какъ духовной, такъ и физической борьбѣ. Каждый человѣкъ, достигшiй возможности, имѣетъ мысль въ головѣ, револьверъ за кушакомъ и ружье въ рукахъ. Въ каждомъ домѣ мы находимъ оружье: въ комнатѣ пророка, въ газетной конторѣ, въ домѣ эмигрантовъ, въ банѣ, въ общей столовой, въ обыкновенныхъ спальняхъ (120)... Маршировку можно теперь назвать частью ихъ религiозныхъ обрядовъ, ибо святой такъ же обязанъ участвовать въ парадѣ, какъ и присутствовать въ скнип. Можно безъ всякаго преувеличенiя сказать, что каждый взрослый мужчина въ Дезеретѣ, какъ мормоны называютъ Утаху, одинаково готовъ во всякую минуту отправиться миссионеромъ для проповѣди или солдатомъ на поле битвы. Они хвалятся, и я полагаю, не попусту, что въ пятнад-

цать минутъ они могутъ собрать вокругъ городской ратуши три тысячи ружей, и такое же число револьверовъ. Однажды, вслѣдствіе ложной тревоги, такое громадное количество людей, дѣйствительно, собралось подъ знаменами» (121).

Многоженство, введенное Бригамою Юнгомъ, можетъ быть рассмотрѣно также какъ одно изъ средствъ значительно усилить секту въ возможно-скорѣйшее время. Какъ миссіонеры вербуютъ новыхъ «святыхъ послѣдняго времени», такъ большое число женъ позволяетъ мормонамъ въ весьма скоромъ времени, въ случаѣ борьбы, противопоставить своимъ противникамъ молодое поколѣніе, выросшее въ идеяхъ мормонизма и гораздо болѣе многочисленное, чѣмъ это могло бы быть въ условіи многоженства. Мормонамъ *теперь* всего нужнѣе имѣть, какъ можно скорѣе, какъ можно болѣе солдатъ и работниковъ, слѣдовательно — быстро размножаться. Всѣ свидѣтельства сходятся въ томъ, что, дѣйствительно, они размножаются весьма быстро. Диссонъ пишетъ: «Юнгъ говорилъ намъ, что у него теперь въ живыхъ сорокъ-восемь дѣтей. У Кимбала, быть можетъ, столько же. Вообще, каждый домъ кипитъ дѣтьми; гдѣ вы ни увидите женщину, она всегда кормитъ ребѣнка, и куда вы ни войдете, вамъ всегда покажутъ нѣсколько дѣтей на рукахъ. Эта долина, по истинѣ — земля дѣтей. Имѣть въ домѣ двадцать мальчиковъ и дѣвочекъ — самое обыкновенное дѣло. Одинъ купецъ, у котораго мы вчера обѣдали, не могъ намъ сразу сказать, сколько у него дѣтей; для этого онъ долженъ былъ справиться въ книжкѣ, лежащей у него на конторкѣ; одна изъ его женъ, красивая англичанка, съ вѣчнымъ ребѣнкомъ на рукахъ, съ улыбкой упрека смотрѣла на него, и должна была помочь ему въ счетѣ его многочисленнаго потомства. Надо замѣтить, что этому патриарху тридцать-три года (170—171)... Джоржъ А. Смитъ, двоюродный братъ Джозефа и историкъ мормонской церкви, говоритъ, что на основаніи документовъ, находящихся у него, пятьсотъ епископовъ и старѣйшинъ живутъ въ многоженствѣ въ долинахъ Солнаго Озера; эти пятьсотъ старѣйшинъ имѣютъ, какъ онъ полагаетъ, среднимъ числомъ по три жены каждый, и по пятнадцати дѣтей, такъ что въ четырнадцать лѣтъ вліяніе этого особаго учрежденія распространилось на десять тысячъ человекъ (178)... Эта громадная плодовитость можетъ поддерживаться въ продолженіе ста лѣтъ; конечно, современемъ, она сама собою должна ослабнуть отъ недостатка матеріаловъ; но въ настоящую минуту, фактъ этой плодовитости существуетъ, и онъ вполне заслуживаетъ вниманія государственныхъ людей Новой Америки (171)... «Вы здѣсь найдете полигамистовъ въ

третьемъ поколѣніи — говорилъ мнѣ старѣйшина Стенгаузъ — когда эти мальчики подростутъ и переженятся, тогда вы увидите въ нашей долинѣ настоящую патриархальную жизнь. Въ насъ все еще говорить древній міръ, и мы всегда думаемъ о томъ, что скажутъ о насъ въ шотландскихъ горахъ или средне-англійскихъ графствахъ» (175).

Дѣйствительно, можетъ быть, ни одинъ догматъ не возмущаетъ такъ «язычниковъ» вообще, какъ многоженство, между тѣмъ, теорія его проведена мормонами довольно послѣдовательно и связана систематически со всею ихъ метафизикою. «По ихъ словамъ, Авраамъ представляетъ образецъ идеальнаго человѣка, покينувшаго свой домъ, свой родъ, свою страну изъ любви къ Богу. Сара — образецъ женщины, ибо она называла своего мужа господиномъ, и дала ему въ жены свою служанку Агарь. Все, что дѣлалъ Авраамъ, и они могутъ, и должны дѣлать» (136)... Новая американская церковь ставитъ бракъ на первое мѣсто между обязанностями человѣка на землѣ. «Ни мужчины, ни женщины — говоритъ Юнгъ — не могутъ исполнять волю Бога одни»; то-есть, всѣ люди имѣютъ особую обязанность на землѣ, обязанность доставлять плотскую скинью для безсмертныхъ духовъ, ожидающихъ воплощенія; а это воплощеніе не можетъ быть произведено иначе, какъ соединеніемъ обоихъ половъ бракомъ. Не исполнить этой обязанности, по словамъ Юнга, значитъ не исполнить самаго священнаго долга человѣка; значитъ, сотворить грѣхъ. Неженатый человѣкъ, по убѣжденію мормоновъ, существо несовершенное, — это птица безъ крыльевъ, тѣло безъ души; природа двойственна: чтобы дополнить и усовершенствовать свою организацію, человѣкъ долженъ жениться. «Любовь — говоритъ Юнгъ — есть стремленіе къ высшей степени существованія; и страсти, понятія какъ слѣдуетъ, даютъ пищу нашей духовной жизни» (162)... Старѣйшинамъ, считающимся образцами для народа во всевозможномъ добрѣ, предписывается непременно жениться. Священникъ и старѣйшина должны быть мужемъ; даже въ рядахъ смиреннаго стада молодому человѣку не быть женатымъ считается безчестіемъ и признакомъ, что душа его не совершенно спасена.

«Святые, однако, пошли еще на шагъ далѣе въ этой теоріи, и вмѣсто того, чтобы отказывать своимъ священникамъ въ утѣшеніи женской любви, они поощряютъ ихъ на многоженство; между высшимъ духовенствомъ, пророкомъ, его апостолами и епископами, это многоженство не имѣетъ границъ. Не быть женатымъ на нѣсколькихъ женахъ, значитъ не быть хорошимъ мормономъ (163)... Одинъ энергичный, быстро идущій въ гору ста-

рѣшениа, сказалъ мнѣ вчера: «Я скоро опять женюсь, хочу вознестись въ церкви; а вы видите, что никакой человѣкъ не можетъ отличиться въ нашемъ обществѣ, если онъ не имѣеть громаднаго семейства. Чтобы имѣть здѣсь какуюнибудь силу, надо быть мнѣмъ по крайней-мѣрѣ трехъ жень» (166). Но «на Солѣномъ Озерѣ считается безчестнымъ, если челоуѣкъ беретъ новую жену, не имѣя достаточнаго состоянія содержать хорошо свое семейство, то-есть одѣвать его и кормить» (166).

«Новый догматъ, полученный отъ неба, былъ, однако, объявленъ Юнгомъ личной и исключительною собственностью святыхъ, а не всеобщимъ достоинствомъ. Святой могъ имѣть много жень не по праву, а по благодати, какъ милость. Многоженство было дозволено немдогматъ, а не приказано всѣмъ. Въ глазахъ Юнга это не была привилегія земли, но даръ неба, которыми Богъ благословлялъ вѣкоторыхъ изъ его любимыхъ сыновъ.

Пророкъ повидимому съ самаго начала понялъ, что въ общинѣ, полной юной жизни, юныхъ идей и страстей, его власть назначать число жень старѣйшинамъ и апостоламъ, будетъ для него гораздо важнѣе, чѣмъ даже его власть благословлять землю и отворять врата неба. Подобная сила сдѣлала его господиномъ каждаго дома въ Утахѣ. Никакой папа, никакой калифъ, никакой госеванъ, никогда не имѣли власти удовлетворять сердце, жаждущее красоты и страсти; и когда эта власть перешла въ руки Юнга вслѣдствіе благоприятныхъ для него идей и событий, онъ крѣпко ухватился за нее и придалъ ей характеръ способности, лично принадлежащей ему и его званію. Святой немогъ жениться на одной женщинѣ, не спрашивая позволенія пророка. Эта привилегія составляетъ одно изъ его правъ, какъ челоуѣка, но далѣе этого предѣла онъ не можетъ идти иначе, какъ по особому дозволенію своего духовнаго главы. Для того, чтобы жениться на второй жень, необходимо особенное соизволеніе неба, которое испросить можетъ одинъ только Юнгъ. Если Юнгъ скажетъ да, то бракъ можетъ совершиться; если онъ скажетъ нѣтъ, то никакая апелліація на его рѣшеніе немислима. Въ церкви мормоновъ подигаміа не право челоуѣка, но даръ и милость Бога (177)... Если пророкъ скажетъ старѣйшинѣ: «возьми ее», женщина будетъ вята волей или неволей» (184).

Само собой разумѣется, что этотъ догматъ, имѣющій только временный смыслъ, какъ оружіе обороны противу язычниковъ и наводненія въ скорѣйшее время большаго числа воиновъ за вѣру, долженъ былъ имѣть и имѣеть самыя гибельныя слѣдствія

для самаго общества мормоновъ. Прежде всего онъ обращаетъ половину личностей въ орудія непрерывнаго порожденія дѣтей, слѣдовательно отнимаетъ у женщинъ всякую общественную дѣятельность, унижаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ и глазахъ мужчинъ на ступень прибора для физиологическаго процесса, и въ то самое время, когда весь мыслящій миръ занятъ трудностями рациональнаго рѣшенія женскаго вопроса, отодвигаетъ это рѣшеніе на дѣсколко вѣковъ назадъ. Весьма легко повѣрить словамъ Диксона, въ которыхъ онъ высказываетъ свои личные наблюденія о мормонской общественности и о мормонскихъ женщинахъ:

«Мужчины рѣдко видаютъ другъ друга дома, еще рѣже въ обществѣ женъ. Замкнутость дѣлается закономъ вездѣ, гдѣ царствуетъ полигамія, а этотъ обычай удалить женщинъ отъ всякаго общества, взятый самъ по себѣ, помимо всѣхъ вопросовъ догматическихъ и нравственныхъ, затмѣваетъ ихъ зрѣніе и заглушаетъ ихъ слухъ. Если разговоръ развиваетъ мужчину, то онъ еще болѣе развиваетъ женщину, и мы можемъ сказать, основательно изучивъ много семействъ на Солёномъ Озерѣ, что мормонскія дамы потеряли всякую привычку принимать участіе даже въ такомъ легкомъ разговорѣ, какъ обыкновенный разговоръ въ гостиной или столовой (189)... Дамы вообще одѣваются очень просто, чтобъ не сказать бѣдно; вы никогда не увидите на нихъ яркихъ цвѣтовъ или какихъ нибудь блестящихъ украшеній. Онѣ очень тихи и смиренны въ обращеніи, даже неестественно тихи (189)... Онѣ рѣдко улыбаются, и то какъ-то вяло, безжизненно, и хотя онѣ всѣ англійской дрови, но мы никогда не слышали, чтобъ онѣ смѣялись громкимъ, серебрянымъ хохотомъ нашихъ англійскихъ дѣвушекъ.

«Онѣ знаютъ очень мало и интересуются очень немногимъ. Я полагаю, что всѣ онѣ отлично ходятъ за дѣтьми, и на опытъ знаю, что многія изъ нихъ великодѣшно сушатъ и солить фрукты. Но онѣ обыкновенно чрезвычайно застѣнчивы и молчаливы, словно боятся, что ихъ мнѣніе о солнечномъ закатѣ, горномъ видѣ или другякъ подобныхъ предметахъ покажется ихъ мужьямъ и господамъ опаснымъ съ ихъ стороны вторженіемъ въ неприступную для нихъ область. Пока вы находитесь въ домѣ, женщинъ выводятъ въ гостиную, словно дѣтей у насъ; онѣ входятъ въ комнату на минуту, присѣдаютъ и пожимаютъ руки гостямъ; потомъ быстро исчезаютъ, словно считая себя лишними въ обществѣ. Я никогда не видывалъ подобной застѣнчивости между взрослыми женщинами, кромѣ какъ въ сирійской палаткѣ. Вы не найдете на Солёномъ Озерѣ, даже въ самыхъ бога-

тѣхъ семьяхъ ничего, что бы напоминало свободное и полное достоинства обращеніе англійской леди. Здѣсь ни одна женщина не царить; ни одна женщина своимъ обращеніемъ не доказываетъ, что она госпожа въ своемъ домѣ. Она не всегда сидитъ за столомъ, и когда раздѣляетъ трапезу съ своимъ повелителемъ, то она не помѣщается въ главѣ стола на главномъ мѣстѣ, но на одномъ изъ низшихъ. Вообще ея жизнь не проходитъ въ гостиной и столовой, а посвящена большею частью дѣтской, кухнѣ и кладовой (189—190)... Святые увѣряютъ, что у нихъ женщины стали гораздо больше женами, матерями и хозяйками, чѣмъ у язычниковъ, и что потерявъ нѣсколько во внѣшности и блескѣ, онѣ приобрѣли много въ добродѣтели и приносимой ими пользѣ. Мнѣ же кажется, что самая лучшая женщина значить въ ихъ домахъ немного больше самаго послѣдняго слуги, и никогда не возвышается до степени истиннаго друга и помощника своего мужа» (195).

Не мудрено также, что мужчины смотрятъ на женщинъ презрительно: «Женщины легче спасутся, чѣмъ мужчины — говоритъ Юнгъ — онѣ не довольно умны, чтобы много грѣшить. Мужчины имѣютъ больше знанія и силъ, потому они могутъ скорѣе и вѣрнѣе попасть въ адъ» (195).

Догматъ многоженства произвелъ и внутренній расколъ въ сектѣ. Ричдонъ проповѣдывалъ, что женщины могутъ раздѣлять престолъ святыхъ на небѣ, становясь ихъ духовными женами независимо отъ плотскаго союза, но мало-по-малу по самому своему свойству эта мистическая теорія обратилась въ плотскую полигамію. Бригамъ Юнгъ наконецъ рѣшился придать этой теоріи форму открытаго догмата. Онъ «представилъ бумагу, которая, по его словамъ, была вѣрная копія съ откровенія, полученнаго отъ Бога Джозефомъ въ Науво; въ этомъ откровеніи ему повелѣвалось, по примѣру Авраама, Іакова и Давида, принять въ свое лоно столько жонъ, сколько Богу угодно будетъ даровать ему. Эта бумага не написана почеркомъ Джозефа или Еммы, его жены; Юнгъ объявилъ, что она была написана со словъ пророка, однимъ изъ его учениковъ, прибавляя тотъ любопытный фактъ, что, когда Емма узнала впервые содержаніе этого документа, она схватила его и бросила въ огонь (175)... Никакое ясное доказательство не было еще до сихъ поръ представлено, что Джозефъ дѣйствительно жилъ въ многоженствѣ или диктовалъ бумагу, выдаваемую за откровеніе, полученное имъ отъ Бога. Что онъ не жилъ открыто болѣе, чѣмъ съ одной женщиной, признается всѣми или почти всѣми; на сколько же можно заключить изъ его раннихъ и вполне достовѣрныхъ

сочиненій, онъ былъ явнымъ противникомъ той теоріи, которая послѣ его смерти сдѣлалась основнымъ догматомъ его церкви» (179). Но пропаганда новаго догмата имѣла успѣхъ. «Двѣ тысячи старѣйшинъ собралось тогда въ Новомъ Іерусалимѣ, и послѣ проповѣди Орсона Прата и рѣчи Бригама Юнга, они признали и обнародовали это, такъ-называемое, откровеніе Бога. Это происходило 29-го августа 1852 года» (176)...

Емма, жена Джозефа и его секретарь, раздѣлявшая всѣ его труды и его славу, твердо и хладнокровно отрицаетъ, чтобы ея мужъ имѣлъ какую-нибудь другую жену, кромѣ нея. Она объявляетъ, что вся эта исторія—ложь, и откровеніе — обманъ. Она обличаетъ полигамію, какъ выдумку Юнга и Прата, какъ дѣло дьявола, грозящее уничтожить новую церковь Бога. Вслѣдствіе введенія этой теоріи, она удалась изъ среды святыхъ Утахы и поселилась между немногими отверженцами мормонской церкви, которыхъ она называетъ остаткомъ истинной церкви, въ Науво.

«Четыре сына Джозефа, — Джозефъ, Вильямъ, Александръ и Давидъ, всѣ обличаютъ ученіе о многоженствѣ, какъ выдумку Юнга (180)... Большое число святыхъ оставило церковь вслѣдствіе введенія догмата полигаміи: въ одной Калифорніи, говорятъ, отпало отъ церкви двадцать тысячъ человѣкъ. Многіе изъ этихъ святыхъ — неполигамистовъ живутъ въ Миссури и Иллиноисѣ. Даже между тѣми, которые пламенно придерживаются своей церкви въ городѣ Солёнаго Озера, повидимому, изъ двадцати человѣкъ девятнадцать не питаютъ никакого сочувствія и вѣры въ полигамію. Убѣжденіе, что основатель церкви Джозефъ никогда не жилъ въ многоженствѣ, чрезвычайно распространено повсюду» (178—179).

Какимъ образомъ можно себѣ объяснить появленіе столь унижительною для женщинъ теоріи въ то самое время, когда вопросы о равноправности женщинъ и мужчинъ волнуютъ умы и въ той самой странѣ, гдѣ мормонизмъ проявляется съ наибольшою силою? Какимъ образомъ женщины, и всѣ агитаціи женскихъ союзовъ, весьма вліятельныя въ Америкѣ, могли, и могутъ идти толпами въ Утаху, гдѣ онѣ становятся такъ низко? Едва-ли это можно объяснить себѣ иначе, какъ тѣмъ патологическимъ стремленіемъ къ фантастическому, небывалому, которое такъ давно господствуетъ въ человѣчествѣ и вызываетъ въ немъ самыя странныя явленія. Если женщины оставляли и оставляютъ семьи, чтобы идти въ монастыри, почему имъ не стремиться быть одною изъ семи женъ мормонскаго апостола, когда онѣ могутъ надѣяться раздѣлить этимъ путемъ вѣчный престолъ будущаго бога и царить надъ мірами? Тамъ, гдѣ періодически повторяются

религіозныя епидеміи ревивалей, не особенно странно видѣть женщинъ, стремящихся въ гаремы мормоновъ. Оно, конечно, нераціонально, но въ ряду сектъ, которыя составляютъ предметъ этихъ статей, читатель и не долженъ ожидать примѣровъ разсудительности, а скорѣе разнообразныя проявленія извращенія мысли.

На сколько фантастическій элементъ силевъ у мормонскихъ женщинъ, видно изъ теоріи брака на будущую жизнь и брака съ мертвецами, составляющаго довольно интересное, хотя не имѣющее особаго значенія, явленіе въ ученіи мормоновъ. Диксонъ говоритъ: «Наложеніе печати, связывающее мужчину и женщину, можетъ быть совершенно на время и на всю вѣчность, т.-е. мужчина можетъ взять въ жены женщину только на эту жизнь, какъ мы всѣ дѣлаемъ въ христіанской церкви, или вмѣстѣ и на эту жизнь и на будущую (183)... Мормонскій старѣйшина проповѣдуетъ, что женщина, которая была закрѣплена печатью одному мужу на время, можетъ быть закрѣплена другому на вѣчность. Это закрѣпленіе жены печатью на будущую жизнь должно быть сдѣлано на землѣ, и можетъ быть сдѣлано при жизни ея земнаго мужа; это даетъ женщинѣ въ нѣкоторомъ отношеніи право на выборъ втораго мужа, ибо между святыми женщина пользуется такимъ же правомъ избирать себѣ небснаго жениха, какъ мужчина — земную невѣсту (183 — 184)... Бракъ временный — дѣло земное и долженъ быть заключенъ между живыми мужчиной и живой женщиной, но бракъ вѣчный, будучи дѣломъ небснымъ, можетъ быть заключенъ, говорятъ эти святые, между живыми и мертвыми, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ этотъ союзъ былъ дѣйствительнымъ союзомъ, освященнымъ пророкомъ и совершеннымъ по установленному обряду. Во всякомъ случаѣ, этотъ союзъ долженъ быть настоящимъ бракомъ въ каноническомъ смыслѣ и въ смыслѣ положительнаго закона, а не платонической обрядъ, мистическое сродство душъ. Но тутъ является затрудненіе. Какъ можетъ быть женщина соединена плотски съ человѣкомъ, лежащимъ во гробѣ! Посредствомъ замѣщенія, отвѣтять вамъ святые (185)... Женщина можетъ избирать себѣ жениха для будущей жизни на небѣ, но подобно мужчинѣ, желающему взять вторую жену, она не можетъ выйти замужъ за мертваго человѣка безъ согласія и посредничества Юнга. Положимъ, что какая-нибудь восторженная дѣвушка вздумала бы сдѣлаться одной изъ небсныхъ царицъ умершаго святаго; ей очень легко удовлетворить прихоть своего воображенія, если только эта прихоть будетъ согласоваться съ плотскою прихотью пророка. Юнгъ ея единственный судья, его «да» или «нѣтъ» слу-

жать мѣриломъ ея понятій о добрѣ и злѣ. Посредствомъ религіознаго обряда, онъ можетъ закрѣпить ее печатью умершему человѣку, котораго она избрала въ свои повелители и цари на небѣ; тѣмъ же самымъ образомъ, онъ можетъ назначить одного изъ своихъ старѣйшинъ и апостоловъ исполнять на землѣ должность этого небеснаго супруга; если же ея красота соблазнить его, то онъ можетъ самъ принять на себя исполненіе супружескихъ обязанностей отошедшаго въ вѣчность супруга (185—186)... Съ другой стороны мормоны увѣряютъ, что они имѣютъ такую власть надъ духами, что въ состояніи закрѣпить печатью мертвыхъ живымъ. Старѣйшина Стенгаузъ рассказывалъ мнѣ, что у него есть одна умершая жена, которая была закрѣплена ему печатью послѣ ея смерти (187)... Онъ считаетъ погибшую красавицу одной изъ своихъ дѣйствительныхъ женъ и твердо дѣритъ, что она будетъ царить съ нимъ въ небесахъ» (187).

Замѣтимъ здѣсь, что крещеніе, которое мормоны повторяютъ часто для отпущенія грѣховъ, можетъ также быть совершено въ формѣ замѣщенія мертвыхъ живыми, такъ что мертвому отпускаются грѣхи въ лицѣ живаго, принимающаго за него крещеніе.

Мы считаемъ, что догматы многоженства, духовныхъ женъ, замѣстительныхъ браковъ и крещеній вовсе не составляютъ существеннаго элемента въ религіи мормоновъ, и весьма возможно, что если эта секта просуществоуетъ долѣе, новые пророки, по прекращеніи опасности борьбы, устранять догматы многоженства, какъ скорѣе вредный, чѣмъ полезный, и отодвинуть на второй планъ мистическія загробныя сношенія, которыя не могутъ рано или поздно не вызвать крайняго скептицизма. Точно такъ же приводимъ лишь, какъ временный кодексъ, тѣ странные метафизическіе догматы, которые указываетъ Диксонъ какъ предметъ вѣрученія въ нынѣшнихъ мормонскихъ школахъ:

«1) Богъ — существо въ образѣ и плоти человѣка.

2) Человѣкъ есть часть существа Бога и самъ сдѣлается нѣкогда богомъ.

3) Человѣкъ не созданъ Богомъ, но существовалъ въ вѣчности и будетъ существовать въ вѣчность.

4) Человѣкъ не рожденъ во грѣхѣ и не отвѣчаетъ за грѣхи другихъ людей, а только за свои.

5) Земля есть поселеніе воплощенныхъ духовъ, одно изъ многихъ поселеній въ пространствѣ.

6) Богъ — президентъ бессмертныхъ, господствуетъ надъ четырьмя родами существъ; эти роды суть: 1) боги, т.-е. бессмертныя существа, имѣющія совершеннѣйшую организацію души и тѣла и представляющія вѣчное измѣненіе человѣка,

проведшаго жизнь, строго исполняя всё божественные законы; 2) ангелы — бессмертныя существа, которыя жили на землѣ, не воплѣ исполняя божественные законы; 3) люди — бессмертныя созданія, въ которыхъ живая душа соединена съ тѣломъ; 4) души — бессмертныя существа, ожидающія еще воплощенія.

7) Человѣкъ, будучи одной расы съ богами, дѣлается достойнымъ небеснаго престола посредствомъ брака, ибо его жены и дѣти составляютъ его царство не только на землѣ, но и на небесахъ.

8) Царство Бога снова создано на землѣ; настало время святымъ овладѣть тѣмъ, что имъ пранадежитъ, но овладѣть добродѣтельно, а не насиліемъ, трудомъ, а не оружіемъ» (148).

Исключеніе негровъ изъ мормонизма, потому что негры, какъ говоритъ Диксонъ (151), считаются потомками Каина, или потому, что въ нихъ воплощаются души, послѣдовавшія за Люциферомъ при его возмущеніи *, мы считаемъ тоже временнымъ.

Какъ бы то ни было, мормоны теперь составляютъ значительную силу. Диксонъ очерчиваетъ слѣдующими словами ихъ распространеніе (118 — 119): «Тридцать-шесть лѣтъ тому назадъ, въ Америкѣ было шесть мормоновъ, въ Англій и остальной Европѣ ни одного, а сегодня (1866) двадцать тысячъ святыхъ живутъ въ городѣ Солёнаго озера, четыре тысячи въ Оаденѣ, по столько же въ Прово и Логанѣ; всего во всѣхъ поселеніяхъ, разбросанныхъ въ этихъ долинахъ (этихъ поселеній, организованныхъ и управляемыхъ епископами и старѣйшинами, сто шесть), полтараста тысячъ душъ; въ остальныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ около восьми или десяти тысячъ; въ Англій и ея колоніяхъ около пятнадцати тысячъ, въ остальной Европѣ десять тысячъ, въ Азій и на островахъ Южнаго океана около двадцати тысячъ, и того всѣхъ послѣдователей евангелія Іосифа Смита не менѣе двуксотъ тысячъ человѣкъ. Все это громадное количество людей обращено въ повую вѣру, собрано вокругъ этого храма въ продолженіе тридцати лѣтъ (118—119).

Секта, къ которой мы теперь переходимъ, имѣетъ совсѣмъ иной религіозный и социальный характеръ. Какъ мормоны преимущественно дѣйствуютъ въ низшемъ классѣ общества и набираютъ изъ него своихъ послѣдователей, такъ снпри-

* «Times and Seasons» 616 и слѣд.

тысты * распространяются почти исключительно въ достаточныхъ и, такъ-называемыхъ, образованныхъ слояхъ общества. У мормоновъ существуетъ крѣпкая организація и, съ помощью ея, они создали почти самостоятельное государство, обработали значительный кусокъ земли, и могутъ представить своимъ врагамъ определенное дѣло, ими совершенное, хотя въ самыхъ преувеличенныхъ разчетахъ, они полагаютъ свое число не превосходящимъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Спиритисты считаются милліонами въ одной Америкѣ, а число ихъ въ старомъ свѣтѣ опредѣлить невозможно, но они не образовали никакой организаціи, едва дошли до нѣскольکو значительнаго митинга въ двадцать лѣтъ своего существованія, не дали другаго видимаго результата кромѣ весьма обширной литературы, немнѣющей прочемъ никакого значенія ни для науки, ни для искусства, ни для государственнаго строя, и результатъ ихъ существованія для Америки, какъ и для человѣчества, пока равенъ нулю. Мормоны составляютъ уже теперь политическую силу, о которой приходится говорить въ конгрессѣ, съ которой приходится вести переговоры и чуть-чуть не формальную войну. Спиритисты еще не оказали вліянія ни на одну отрасль администраціи или законодательства штатовъ; это вліяніе еще не проявилось даже на выборахъ; ни одинъ политическій журналъ, ни одна политическая партія не нуждалась въ ихъ содѣйствіи или не опасалась ихъ противодѣйствія. У мормоновъ, подъ слоємъ странныхъ теоретическихкихъ и практическихкихъ догматовъ, можно уже теперь указать практическія живыя начала, составляющія силу секты и служащія определенной цѣлю для ея стремленій. У спиритистовъ трудно видти далѣе догадки о направленіи, которое примутъ всѣ многочисленные галлюцинаціи, и о значеніи ихъ въ исторіи практическаго развитія человѣчества.

Первымъ спиритистомъ Америки считается Эндрео Джексонъ Дэвисъ, родившійся въ 1826 г. въ Блумингъ-гровъ въ штатѣ Нью-Йоркъ. Онъ на столько былъ лишенъ способностей, что не сдѣлалъ ровно никакихъ успѣховъ въ деревенской школѣ и былъ годенъ лишь въ пастухи. Уже здѣсь ему были обычны галлюцинаціи

* Собственно въ Америкѣ и въ большей части Европы приверженцы этого ученія называютъ себя *спиритуалистами*. Лишь тотъ отдѣлъ ихъ, который группируется во Франціи около Алама Кардека, принялъ названіе *спиритистовъ* въ отличіе отъ другой парижской группы, нѣсколько разнающейся въ ученіи, и удержавшей названіе *спиритуалистовъ*. Но мы удержимъ названіе спиритистовъ для всѣхъ отраслей секты, такъ-какъ слово *спиритуализмъ* есть уже установившійся терминъ въ философіи для школъ, допускающихъ дуализмъ тѣла и духа и бессмертіе послѣдняго.

слуха и зрѣнія *. Подъ вліаніемъ ихъ онъ перешелъ и въ Пеннсилы, гдѣ сдѣлался бродячимъ башмачникомъ. Здѣсь видѣнія и голоса, имъ слышанные, усилились. Можетъ быть, подъ вліаніемъ преданія о тюремной проповѣди Анны Ли, Дэвисъ здѣсь получалъ первыя откровенія о сообщеніяхъ міра мертвецовъ съ живыми; наконецъ, портной-магнетизеръ Ливингстонъ открылъ въ Дэвисѣ даръ ясновидѣнія и сталъ его эксплуатировать въ разныхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ Нью-Йоркѣ. Здѣсь девятнадцатилѣтній юноша попалъ въ руки еще болѣе лояныхъ личностей Лайона (Lyon) и Фишбо (Fischbough), и въ 1847 г. появилось первое его сочиненіе: «Начала природы» (The Principles of Nature: her Divine Revelation and a Voice to mankind), положившее начало ученію спиритистовъ и обнимающее на 782 убогихъ страницахъ въ 8° обзоръ всѣхъ нравственныхъ и физическихъ наукъ («космологію, астрологію, геологію, этнологію, археологію, миеологію, теологію, психологію, исторію, метафизику и т. д.»). Кромѣ «возвышенныхъ полетовъ мысли въ области, до сихъ поръ не изслѣдованныя ни однимъ земнымъ существомъ». Здѣсь уже проявилась особенность спиритизма, которая связываетъ его съ современнымъ направленіемъ умовъ, въ отличіе отъ многочисленныхъ сектъ прошлаго времени, имѣвшихъ столь же разнообразныя видѣнія и говорившихъ съ такою же увѣренностію о своихъ откровеніяхъ свыше. Особенность, о которой мы говоримъ, есть оппозиціонное отношеніе къ существующимъ религіямъ и соединеніе матеріалистическихъ началъ современнаго естествознанія съ вѣрованіемъ, порывающимся въ чистомъ дуализмѣ тѣла и духа, унаслѣдованномъ отъ весьма старыхъ воззрѣній. Наша сфера признается Дэвисомъ находящеюся въ испорченномъ состояніи, но прогрессивно развивающеюся, при чемъ прогрессъ составляетъ «вѣчный законъ вещества, ему присущій». «Все представляетъ результатъ прогрессивнаго развитія», начиная съ «самой инертной частицы вещества» до «человѣческаго духа». Въ началѣ безформенное вещество представляло океанъ жидкаго огня, заключавшій въ себѣ возможность будущаго міра. «Въ силу своихъ собственныхъ законовъ» это первобытное вещество развило свѣтъ, теплоту и наконецъ образовало міры, по системѣ туманностей. Слѣдующіе отрывки могутъ дать нѣкоторое понятіе о точкѣ зрѣнія книги, которая, впрочемъ, составленная людьми, очевидно неимѣвшими никакого философскаго образованія, заключаетъ въ себѣ са-

* Первый случай онъ возводитъ къ эпохѣ, когда ему было 3 года и нѣсколько недѣль.

мнѣ дикія непослѣдовательности, а иногда фразы, лишены всякаго смысла*.

«Вещество составляетъ сущность всего въ мірѣ (227). По собственному закону вещество даетъ свой окончательный результатъ, духъ (50). Всѣ окончательно получаемые результаты суть вещество (47). Первоначальная сила движенія заключала въ себѣ существованіе всѣхъ извѣстныхъ силъ. Точно также вещество заключаетъ въ себѣ всѣ специфическія сущности (essences) и свойства для произведенія человѣка (69). Человѣкъ есть высшая и совершеннѣйшая комбинація организованнаго вещества (597). Человѣкъ, духовно, есть совершенство движенія (604). Вселенная проникнута живымъ духомъ (living spirit) для составленія одного цѣлаго—одного огромнаго человѣка (*здесь ясно насмѣдство Сведенборга*). Поэтому существуютъ лишь два принципа: одинъ—тѣло, другой—душа; одинъ божественный положительный духъ (mind), другой—вселенная (universealium). Человѣкъ есть часть этого великаго тѣла божественнаго духа. Онъ—мелкій или мелкій органъ» (463).

Авторъ принимаетъ теорію развитія высшихъ животныхъ изъ низшихъ и развитіе высшихъ расъ человѣка изъ низшихъ. Но и человѣкъ находится лишь на половинѣ своего развитія. Ему остается перейти чрезъ 6 степеней развитія, пока онъ сдѣлается на седьмой «совершеннѣйшимъ смертнымъ». Смерть есть не разрушеніе, но духовное рожденіе, «пробужденіе изъ глубокаго сна». Помощью новаго отравленія авторъ, отвергая всѣ предшествующія ученія, далъ свое богословіе, по его словамъ, «писанное на обширномъ свѣтѣ небесъ, гдѣ каждая звѣзда—слово, и каждое созвѣздіе—изрѣченіе».

Впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ, отравленія, сообщенныя Дэвису, не заключали ничего особеннаго. Не было тамъ ни одной идеи, которую бы нельзя было прослѣдить довольно далеко въ преданія о сообщеніяхъ съ мертвецами или въ современныя обязательныя воззрѣнія естествоиспытателей. Впослѣдствіи, онъ развилъ съ большею полнотою всѣ свои отравленія въ пяти томахъ сочиненія «Великая гармонія», гдѣ находимъ и его путешествія на различныя планеты и разныя частности о мірѣ загробномъ. Но это уже было въ связи съ техническимъ спиритизмомъ, развившимся годъ спустя послѣ изданія книги Дэвиса.

Въ мартѣ 1848 г. дѣвцы Фоксъ вошли въ сношенія съ духами мертвыхъ въ мѣстечкѣ Авадіи, въ штатѣ Нью-Йоркѣ, поселившись въ домѣ, изъ котораго прежнему хозяину Уэксману (Weckman)

* Цитаты по 4-му Нью-Йорскому изданію.

пришлось удалиться вслѣдствіе таинственнаго стука въ стѣнахъ. Мать этихъ дѣвицъ, мистриссъ Фоксъ, приступила немедленно къ распрашиванію духовъ, считая число ударовъ. Стучащій духъ сообщилъ свою исторію. Сосѣди набѣжали въ таинственный домъ, разговаривать съ духомъ. Фоксы переѣхали въ Рочестеръ; духъ послѣдовалъ за ними, призвавъ съ собою еще и другихъ духовъ. Затѣмъ духи хлынули потокомъ въ дома городовъ нью-Йорискаго штата; спиритистическія явленія разлились по сѣвернымъ штатамъ, по Канадѣ, перенеслись въ Европу и распространились по всему образованному міру. Изъ вѣрующихъ мірянъ выдвинулось новое духовенство *медіумовъ*, которое одно могло сообщаться съ міромъ духовъ. Старинныя продѣлки сибирскихъ шамановъ и говорящіе столы индіанскихъ вигвамовъ перешли въ гостинныя цивилизованныхъ народовъ. Хвизикъ докторъ Гэръ (Наре), профессоръ въ пенсильванскомъ университетѣ, придумалъ приборъ для сообщенія съ духами, спиритоскопъ. Потомъ придумавъ извѣстный всѣми психографъ. Потомъ медіумы стали просто писать карандашомъ и перомъ, говорить отъ имени духовъ. Рисунки, портреты, фотографіи мертвыхъ стали дѣломъ совершенно обыкновеннымъ. Наконецъ духи стали сами писать и рисовать на бѣлой бумагѣ. При этомъ не замедлили проявиться и всѣ тѣ факты, которые такъ обычны въ легендарныхъ житіяхъ средневѣковыхъ мистиковъ: люди летали по воздуху; дѣйствіе тяжести уничтожалось въ предметахъ; разные предметы повиновались слову и мысли; люди говорили на неизвѣстныхъ имъ языкахъ, совершали всякія чудеса и т. д.

Все это очень старая исторія, и мы на ней не станемъ останавливаться долго, такъ-какъ это не что-либо чуждое нашему обществу, свойственное лишь Америкѣ. Если спиритисты получили начало въ сѣверныхъ штатахъ, то они весьма быстро распространились и въ старомъ свѣтѣ. Любопытные легко могутъ ознакомиться съ этими видѣніями, сообщениями, откровеніями во всѣхъ нѣсколько значительныхъ городахъ Европы и въ нашемъ отечествѣ. Цѣль этой статьи не можетъ быть полемика противу спиритизма, такъ-какъ тогда, съ равнымъ правомъ, читатель могъ бы искать здѣсь и полемику противу ирвингіанцевъ, сведенборгіанцевъ, шекеровъ, мормоновъ. Мы не споримъ, а указываемъ фактъ. Предохранить отъ спиритизма можетъ не полемика противъ него, а предварительное развитіе мысли, о чемъ скажемъ ниже. Poleмика же противъ зараженныхъ этою эпидеміею совершенно бесплодна, потому что никогда ни одинъ вѣрующій не былъ и не будетъ доступенъ аргументамъ науки. Точки исхода ученаго и вѣрующаго діаметрально противополож-

ны. Какъ только спиритисты или кто другой *поступилъ*, что фактъ, въ немъ или передъ нимъ совершающійся, есть фактъ объективный, несогласный съ законами естествознанія, то онъ уже говорить на языкѣ, отличномъ отъ языка естествоиспытателей, который исходитъ изъ положенія: что не согласно съ законами естествознанія, то есть фактъ субъективный. Для вѣрующаго спиритиста, наука, со своими требованіями, не существуетъ. Убѣждать его нечего въ недостаткѣ критическихъ основаній его откровенія. Но желательно, чтобы современные спиритисты поняли слѣдующее: они стоятъ внѣ всякаго общенія съ человѣческой наукою, внѣ всякаго общенія со всѣми главными актами христіанства.

Изъ начала этой статьи читатель могъ видѣть, что сообщенія съ мертвыми и гаданіе помощью различныхъ движущихся предметовъ, составляютъ весьма старинный прецедентъ спиритизма. Сведенборгіане и шекеры дали спиритизму весь матеріалъ его сообщенія съ міромъ мертвецовъ. Описанія духовнаго міра, какъ мы его встрѣчаемъ у многочисленныхъ медіумовъ, такъ же отражаютъ земныя картины на загробное существованіе, какъ всѣ прошедшія и будущія картины загробнаго міра. Когда красокъ и матеріалу взять неоткуда болѣе, оно иначе и не можетъ быть. Души занимаютъ науками, танцуютъ, поютъ, играютъ въ вистъ и прыгаютъ. Остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльных фактахъ, которыхъ можно набрать миллионы изъ обширной спиритической литературы, но которые довольно однообразны.

Однимъ изъ самыхъ наивныхъ и замѣчательныхъ проповѣдниковъ спиритизма въ Америкѣ — Эдмондсъ, судья въ высшемъ судѣ Нью-Йорка, человѣкъ, пользующійся большимъ уваженіемъ въ обществѣ. Въ своемъ сочиненіи: «Спиритуализмъ», *десятое* изданіе котораго вышло въ 1854—55 годахъ, онъ очень откровенно сообщаетъ какъ исторію своего обращенія въ спиритизмъ, такъ и свои многочисленныя откровенія.

«Въ январѣ 1851 г. — говоритъ онъ — въ первый разъ мое вниманіе обратилось на духовныя сообщенія (spiritual intercourse). Въ это время я удалялся отъ общества и находился въ сильномъ угнетеніи духа. Свободное время я употреблялъ на чтеніе, относящееся къ смерти и къ существованію человѣка послѣ нея. Впродолженіе всей жизни я читалъ и слышалъ такъ много противорѣчивыхъ ученій на этотъ счетъ, что мало зналъ, чему вѣрить. Еслибы и хотѣлъ, то я не могъ бы вѣрить тому, чего не понимаю, и жадно желалъ знать, встрѣтятся ли мы послѣ смерти съ тѣми, которыхъ мы любили, и при какихъ обстоятельствахъ»*.

* «Spiritualism». I, 71.

Конечно, это было самое удобное настроеніе духа, чтобы *воспріять* ученіе о новыхъ магическихъ сообщеніяхъ съ высшимъ міромъ. Тѣмъ не менѣе, онъ отнесся къ этимъ явленіямъ сначала скептически, но скоро перешелъ къ полному вѣрованію и сдѣлался обычнымъ собесѣдникомъ лорда Бэкона, Сведенборга, Генри Клэя и Фенимора Купера. Генри Клэй говорилъ ему: «Братецъ Эдмондъ, ты больше добра сдѣлаешь со своимъ спиритуализмомъ, чѣмъ я когда-либо сдѣлалъ въ политикѣ. Продолжай!» Эдмондъ не смущали факты, которые онъ самъ признаетъ самыми возмутительными для спокойнаго и рациональнаго ума; ни то, что безтѣлесный духъ Бэкона обитаетъ одновременно въ двухъ сферахъ, и въ своей рѣчи употребляетъ американизмы, ни то, что духи пишутъ поеврейски слѣва направо. Онъ совершенно наивно и самоувѣренно рассказываетъ слѣдующія вещи о житьѣ-бытьѣ своей жены на томъ свѣтѣ.

Она помѣщалась на берегу прекраснаго озера, гдѣ постоянно свуютъ большіе и малые пароходы. «Повидимому, она сильно постаралась собрать многія сцены изъ земной обстановки, находящейся въ связи со мною и съ пріятными воспоминаніями; даже ея старое качающееся кресло, въ которомъ она выкормила всѣхъ нашихъ дѣтей и скрытъ котораго они такъ хорошо помнятъ; и ея рабочій столъ, одинъ изъ первыхъ моихъ подарковъ... Она обратила мое вниманіе на мой военный шарфъ; на мои перчатки и шпоры, висѣвшія въ изголовьи ея постели... Пока я разсматривалъ всѣ эти вещи, экипажъ четверкой подѣхалъ къ дверямъ. Это была прекрасная колясочка, сдѣланная легко и со вкусомъ, съ высокими кѣзлами и съ мѣстами позади для двухъ особъ. Она была окрашена желтою краскою и дверцы были украшены моимъ вензелемъ. Упряжь была легка и лошади были превосходныя животныя, чисто-арабской породы, съ длиннымъ стройнымъ туловищемъ, тонкими членами и быстрыми движеніями при каждомъ шагѣ. Хорошо выѣзженныя, бодрыя и хорошо содержанныя, онѣ были разнаго цвѣта, выбранныя болѣе по качеству, чѣмъ для красоты. Президировавшій духъ и моя жена сѣли въ коляску, а я взлѣзъ на козлы и взялъ возжи отъ вучера. Мы понеслись... При быстрой ѣздѣ, я отъ времени до времени оборачивался къ моимъ товарищамъ, чтобы поговорить о красотахъ, меня окружавшихъ, и сидѣвшій съ моею женою, казалось, безпокоился, какъ-бы полагая, что я не достаточно обращаю вниманіе на лошадей. Моя жена успокоила его, и сказала, что она къ этому привыкла, и что онъ можетъ быть увѣренъ: я у себя дома, и знаю, что дѣлаю» *.

* «Spiritualism». II, 184.

Пусть читатель не улыбается дикой фантазій американца, потому что въ Европѣ онъ найдетъ многочисленныя примѣры подобныя фантазій. Чтобы не указывать на многотомную, и какъ уже сказано, весьма однообразную литературу спиритизма, ссылаемся на сочиненіе бернсаго профессора, доктора философіи и медицины, Максимилиана Перти: «Мистическія явленія человѣческой природы» и прибавленіе къ этому сочиненію *. Замѣтимъ, что почтенный профессоръ относится скептически и къ теоріи сообщенія съ мертвецами и къ теоріи демоническаго дѣйствія въ спиритивмѣ (поддержанной ортодоксальными писателями католическими и протестантскими), но допускаетъ въ человѣкѣ особенныя магическія силы, которыя дозволяютъ автору принять за истинныя и объяснить всѣ безобразнѣйшія анекдоты о привидѣніяхъ, стукахъ, движеніи предметовъ, полетѣ людей по воздуху, и вообще о всемъ томъ, что всегда входило въ литературу чудеснаго. Относительно явленій, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, точка зрѣнія Перти нѣсколько похожа на точку зрѣнія рационалистовъ XVIII-го вѣка, допускавшихъ историческую истину разныхъ несообразныхъ разсказовъ, но устранившихъ изъ нихъ все сверхъестественное. И тутъ допускаются лишь естественныя силы, но такія, которыхъ естествознаніе не можетъ изслѣдовать.

Перти посвящаетъ 35 страницъ своего главнаго сочиненія и 39 страницъ прибавленія къ нему «новѣйшимъ формамъ колдовства», и Европа даетъ ему въ этомъ отношеніи гораздо болѣе матеріала, чѣмъ Америка. То мы слышимъ о духѣ, перемѣщенномъ въ лѣвую сторону луны (149); то о пароходѣ на Женевскомъ озерѣ, построенномъ по наставленію самаго Христа медиуму Брѣ (Bret) (406); то о двухъ мюнхенскихъ медиумахъ, Кресцентіи Вольфъ и Маріи Кольгаммеръ, изъ которыхъ первая говоритъ отъ имени архангела Гавріила, вторая же пишетъ отъ имени Сократа, но ошибается относительно эпохи, когда Сократъ жилъ (409). Нѣкто Клингуландъ подымается со стуломъ на воздухъ. Духъ, по желанію присутствующихъ, барабанитъ на окнѣ маршъ фузилеровъ, шумитъ въ печкѣ (413). Духъ Вашингтона ставитъ на столъ скелетъ. Жобаръ хочетъ жениться на томъ свѣтѣ, сожалея, что здѣсь остался холостымъ («Die Real.» 41). Лютеръ не умѣетъ говорить на новомъ нѣмецкомъ языкѣ, а Конрадъ, писатель XII-го вѣка, говоритъ совершенно правильно («Die Real.» 42). Этотъ же Конрадъ сообщаетъ свои

* *Max. Perty*: «Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur» (1261). «Die Realität magischer Kräfte and Wirkungen des Menschen; gegen die Widersacher vertheidigt» (1863).

преступленія, которыя исторически оказываются небывальными, и наивно сообщаетъ на вопросъ о сохранившихся отрывкахъ его произведеній, что они напечатаны въ хрестоматіяхъ (422). Духъ г-жи Гюэ поетъ въ столѣ желаемую арію, подражаетъ звуку пилы, пара и т. д., переворачиваетъ столъ, заставляетъ его плясать, обнимать двумя ножками того или другаго изъ присутствующихъ (414). Духъ Гейне сообщаетъ, что тамъ, гдѣ онъ находится, адски воняетъ (420). Сообщимъ, наконецъ, опыты барона Гюльденстубба изъ Лифляндіи, который, кажется, первый заставилъ духовъ самихъ писать. Онъ съ дѣтства развился на сочиненіяхъ Юнга Штиллинга, друга его матери, изучалъ въ Германіи философію, въ Парижѣ сближался съ ясновидящими и въ Германіи съ Кернеромъ. Сестра его съ дѣтства видѣла и рисовала духовъ. Конечно, она сдѣлалась особенно сильнымъ медиумомъ. Духи объявили, что въ церкви Сентъ-Дени произойдетъ особенная манифестація. Баронъ Гюльденстуббъ, его сестра, баронъ Розенбергъ, графъ Д'Уршъ, баронесса Пальгэ (Pailhès), князь Шаховской явились въ церковь и положили бумажки у нѣкоторыхъ гробницъ. Сначала опытъ не удался, потомъ на бумажкѣ князя Шаховскаго оказалось слово *святой*, написанное карандашомъ, на бумагѣ барона Розенберга неясное изображеніе, на бумагѣ баронессы Пальгэ подпись дорогой ей особы. Первый разъ духи сами писали для Гюльденстубба 17-го августа 1816 г. Съ тѣхъ поръ по 1860 г. произведено было 500 опытовъ, причемъ Рашель написала на бумажкѣ свою фамилію, Мольеръ — стихи:

Vous ne voulez plus de Molière
Qui est toujours dans la volière.

Лаблашъ явился лично въ видѣ тѣни къ барону въ Théâtre Italien (413; «Die Real.» 47). Но мы полагаемъ довольно и предыдущаго, чтобы оцѣнить достоинство всѣхъ этихъ откровеній, волнующихъ милліоны.

Всего важнѣе отрицательное отношеніе спиритизма къ христіанскимъ сектамъ съ самаго начала его появленія. Это направленіе встрѣчаемъ уже въ первомъ сочиненіи Дэвиса, и оно продолжалось въ Америкѣ, какъ оппозиція религіознымъ ревиваламъ, съ которыми представляетъ какъ бы періодическое колебаніе. «Если дѣла идутъ хорошо — пишетъ Перти (391) — то спиритуализмъ расширяется; если наступаетъ кризисъ, то дѣловой міръ обращается къ благочестію, наступаетъ ожидаемый достопочтенными періодъ ревивалей и церкви наполняются. Существуетъ смѣна въ преобладаніи спиритуалистическихъ и ревивалистиче-

свихъ стремленій, но преобладаніе оказывается все болѣе на сторонѣ спиритуалистовъ, которыхъ, при всемъ встрѣчающемся между ними плутовствѣ, не малой мечтательности и не маломъ безуміи, нельзя по крайней-мѣрѣ обвинять въ нетерпимости и исключительности. Вълне галстухи и свіеіе чулки съ ихъ рева-валами тераютъ почву. Въ прессѣ они ведутъ съ спиритуали-стами борьбу съ безграничною злобою».

Въ Европѣ спиритисты не имѣютъ однороднаго направленія въ этомъ отношеніи. Въ кружкахъ вѣрующихъ католиковъ духи говорятъ съ точки зрѣнія католицизма; въ кружкахъ протестант-скихъ съ точки зрѣнія той секты, которой принадлежитъ меди-умъ. Но большинство, именно самая вліятельная партія, откло-няются болѣе или менѣе отъ христіанскаго богословія. Это, ко-нечно, не смущаетъ вѣрущихъ, такъ-какъ у нихъ всегда есть лазейка: лживые духи, нарочно говорящіе вздоръ. Когда же вѣрущіе не находили отвѣта на возраженія скептиковъ? Изъ англійскихъ спиритическихъ журналовъ одинъ «Spiritual magazine» придерживается библии. Точно также женеvскій «Journal de l'ame».

Во Франціи спиритисты школы Аллана Кардека, наиболѣе, кажется, знакомые у насъ въ Россіи, расходятся съ спиритистами школы Пьерара, редактора «Revue Spiritualiste». Алланъ Кардекъ и его приверженцы считаютъ для себя возможнымъ соглашеніе съ католицизмомъ (по крайней-мѣрѣ считали въ 1863 г.), хотя въ сущности проповѣдуютъ совершенную ересь: они не призна-ютъ ни первороднаго грѣха, ни искупленія, ни единосущія Хри-ста съ Богомъ, ни воскресенія плоти при послѣднемъ судѣ (какъ и сведенборгианцы), ни вѣчности мукъ ада; они проповѣдуютъ послѣдовательнаго воплощенія духовъ для совершенствованія и блаженства. Такъ-какъ они едва-ли не единственные изъ всѣхъ спиритовъ догматизировали свое ученіе, то конечно, на нихъ-то именно, несмотря на всѣ ихъ старанія, нападаютъ ортодоксальные проповѣдники въ своихъ сочиненіяхъ и въ про-повѣдяхъ (между прочимъ знаменитый патеръ Феликсъ). Орто-доксальные писатели совершенно послѣдовательно видятъ въ яв-леніяхъ спиритизма дѣйствіе чертей, въ медиумахъ сообщниковъ ада, и причисляютъ спиритизмъ къ черной магіи. Приверженцы Пьерара справедливо возражаютъ ученикамъ Кардека, что бытъ ортодоксальными въ половину нельзя: надо стать или на точку зрѣнія отца Феликса, или на точку зрѣнія Патриса Ларрока.

Журналъ Пьерара открыто объявляетъ себя въ оппозиціи про-тиву первыи, хотя признаетъ молитву къ божеству какъ магиче-ское дѣйствіе, привлекающее добрыхъ духовъ. Пьераръ въ рѣчи, сказанной на банкетѣ 17-го іюня 1862 г., привелъ, въ примѣ-

неніи къ спиритизму, слова Ламенэ: «Рано или поздно выйдетъ изъ хаоса великая религія, которая будетъ лишь фазисомъ вѣчно-единой религіи, столь же древней, какъ человѣчество, столь же неизмѣнной въ своихъ существенныхъ основахъ, какъ самъ Богъ, и она осуществитъ въ человѣчествѣ болѣе обширное объединеніе, чѣмъ то, которое когда либо было извѣстно въ прошедшемъ. Эта религія удовлетворитъ неопредѣленные желанія и предчувствія, движущія и побуждающія человѣчество».

Въ Америкѣ съ самаго начала въ сочиненіяхъ Дэвиса уже проявилось это представленіе спиритистовъ, видящихъ въ своемъ ученіи не особую религію, отражающую всѣ прочія, но завершеніе всѣхъ предыдущихъ, какъ бы служившихъ подготовленіемъ спиритизму. Поэтому въ 5-мъ томѣ своей «Великой Гармоніи» Дэвисъ описалъ спиритистическій пантеонъ, гдѣ встрѣчаемъ рядомъ Брома, Сонхоніатона, Моисея, Эпикура, Иисуса Христа, апостола Павла, Лютера, Сведенборга, Анну Ли, Джона Мэрраля (основателя универсализма), Дженъ Соускотъ и Теодора Пэркера.

Но оппозиціонный характеръ американскаго спиритизма въ отношеніи всѣхъ христіанскихъ исповѣданій всего лучше высказывается въ митингѣ спиритистовъ, собиравшемся въ 1866 г. и рассказъ о которомъ передаетъ Диксонъ (286 и слѣд.).

«Въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ, толпа спиритистовъ держала митингъ въ хорошенькомъ городѣ Провиденсѣ въ Родъ-Айландскомъ штатѣ.

«Сторонники спиритизма стекались сюда со всѣхъ сторонъ, съ востока и съ запада; нѣкоторые изъ нихъ были депутаты отъ различныхъ обществъ и городовъ, слѣдовательно депутаты отъ тысячъ спиритистовъ, оставшихся дома; но болѣею частью это были люди, которые съ презрѣніемъ отвергали всякія правила и самую мысль, что они могли выражать чьи-нибудь идеи, кромѣ своихъ собственныхъ. Восемнадцать штатовъ и территорій имѣли своихъ уполномоченныхъ представителей, больше половины которыхъ были лѣди. Первое собраніе спиритистовъ, достаточно многочисленное, чтобы носить названіе національнаго конвента, происходило два года тому назадъ въ Чикаго; второе годъ тому назадъ въ Филадельфіи; но на эти два собранія, которыя вѣрующіе считали только пробными, депутаты сошлись скорѣе случайно, чѣмъ по выбору. Удобство для членовъ собранія, а не нравственное значеніе, руководило мѣстомъ съѣзда; но когда въ Чикаго была вотирована программа спиритистовъ, а въ Филадельфіи издано было торжественное воззваніе къ народу — заговорили и нравственныя собранія. Третій національ-

ный конвентъ спиритистовъ былъ назначенъ въ Провиденсѣ на томъ основаніи, что этотъ городъ пользуется исключительной славой лагеря еретиковъ и реформаторовъ — убѣжище Рожера Вильямса, пріютъ религіозной терпимости.

«Спокойные наблюдатели со стороны были особенно поражены дивнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ этой толпы восторженныхъ энтузіастовъ. Ихъ глаза, говорить, какъ-то неестественно блестя, ихъ лица были какъ-то неестественно блѣдны. Многіе изъ нихъ накладывали другъ на друга руки. Почти всѣ мужчины имѣли длинные волосы, почти всѣ женщины были коротко обстрижены.

Зала Пратта, въ Широкой улицѣ, была нанята конвентомъ; эта зала очень большая, хотя не слишкомъ велика для той толпы смертныхъ и ангеловъ, которые тѣснились въ ней (286—287)... Въ залѣ Пратта ангелы стояли на порогѣ, духи витали по комнатамъ. Всѣ признавали ихъ присутствіе, всѣ увѣрены были въ ихъ сочувствіи, всѣ искали ихъ совѣта. Десятки разъ ораторы обращались не только къ представителямъ во плоти, но и къ небеснымъ посланцамъ, явившимся въ духѣ (287)... Нѣкоторые изъ депутатовъ выразили притязаніе на то, что они могли творить чудеса; одни были одарены даромъ языковъ, другіе пророческимъ предвидѣніемъ, третьи даромъ леченія болѣзней. Почти всѣ адепты признаютъ за собою власть излечивать болѣзни наложеніемъ рукъ» (297).

Спиритисты «громко объявляютъ свое убѣжденіе, что старая религія истощилась, что церкви, основанныя на древнихъ завѣтахъ, умерли, что люди нуждаются въ новыхъ откровеніяхъ. Они объявляютъ, что странныя явленія, происходящія нынѣ въ сотнѣ американскихъ городовъ, таинственныя знаки, невидимый стукъ, писаніе невѣдомыми руками, вообще всѣ чудеса, обыкновенно совершаемыя въ темныхъ комнатахъ и подъ дамскими столиками, представляютъ хорошій матеріалъ для новой истинной и окончательной вѣры въ невидимый міръ (290)... Л.-К. Джосленъ, одинъ изъ начальниковъ мѣстныхъ спиритическихъ кружковъ, привѣтствовалъ прибытіе гостей въ городъ всеобщаго убѣжища, напирая особенно на то, что всѣ они считались міромъ еретиками и язычниками. «Сегодня—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ смертнымъ слушателямъ — спиритисты Соединенныхъ Штатовъ, великіе еретики и въ качествѣ такихъ еретиковъ, привѣтствуютъ васъ, спиритисты Провиденса, зная, что вы лишь невѣрные въ отношеніи тѣхъ старыхъ ересей, которыя были скорѣе провѣтїемъ, чѣмъ благословеніемъ для всего человѣчества». Эти слова, повидимому, были официальные, точно также,

какъ и послѣдующія, относившіяся къ небесной части слушателей. «Но не на васъ однихъ—сказалъ онъ торжественно—не на васъ однихъ надѣмся мы въ отношеніи совѣта, вдохновенія и небесной гармоніи. Наша конгрегация превосходитъ число видимыхъ ея членовъ. Другіе, кромѣ насъ, стоятъ въ этихъ дверяхъ—тѣ, которые были въ давніе вѣка свѣточами человѣчества, тѣ, которые безстрашно приняли мученически вѣнецъ въ своей земной жизни за преданность истинѣ». Эти достолюбезные люди мудрости и добра прошлыхъ вѣковъ и недавняго времени выкажутъ свое сочувствіе, осчастливятъ своимъ присутствіемъ многочисленнѣйшее на этомъ континентѣ собраніе людей, которые познаютъ ихъ дѣйствительное присутствіе и силу. Мы привѣтствуемъ этихъ небесныхъ представителей точно также какъ васъ». Не безмолвное, почтительное сочувствіе встрѣтило эти слова, но громкія рукоплесканія.

«Джонъ Парпонтъ изъ Вашингтона, старшій проповѣдникъ (нѣкогда ученикъ эльской коллегіи, колѣбеля американскихъ пророковъ), передавалъ свое пресѣдательское мѣсто, которое онъ занималъ въ Филадельфіи, также распространялся о названіи «невѣрный» которымъ клеймили его и его братій по духу. «Я, дѣйствительно невѣрный — воскликнулъ онъ—невѣрный относительно многихъ формъ общепринятой религіи; я невѣрный потому, что не вѣрю во многіе изъ догматовъ, исповѣдуемыхъ большинствомъ христіанъ, даже протестантской церкви». Далѣе онъ прибавилъ, что вмѣсто вѣры въ установленные догматы и преданія онъ вѣрилъ въ прогрессъ, въ свободу и въ духовъ.

«Спустя десять дней послѣ произнесенія этой рѣчи, старикъ Парпонтъ умеръ (287—288).

«Миссъ Сузи Джонсонъ объявила, что она «не стала бы болѣе строить церквей, ибо онѣ уже достаточно угнетали и держали во мракѣ человѣчество».

«Мистеръ Андрю Фоссъ «благодарилъ Бога, что нынѣшній вѣкъ не вѣкъ молитвы, а изслѣдованій».

«Докторъ Г. Чайльдъ сказалъ, что «спиритизмъ перебросилъ мость черезъ бездну, отдѣлявшую лоно Авраама отъ ада богача. Вознесемъ хвалу за каждый ударъ, нанесенный человѣческому закону—закону, который рукою человѣка наваживаетъ людей за творимое ими зло».

«Мистеръ Перри сказалъ: «какъ спиритистъ, я отвергаю, чтобы мы признавали что-либо за святое, и протестую противъ всякой резолюціи, въ которой будетъ стоять слово святой».

«Мистеръ Финни замѣтилъ: «старая вѣра умерла. Мы здѣсь представляемъ новую вѣру, плодъ союза всѣхъ типовъ человѣ-

ческой расы, соединенных по воле Провидѣнія въ космополитической географіи» (294—295).

Но въ практической странѣ, подобной сѣвернымъ штатамъ, странно читать, что этотъ митингъ принялъ окончательно весьма скромныя резолюціи. Онѣ, конечно, показываютъ, что важность вопроса о трудѣ и женскаго вопроса * чувствуется и спиритистами, но все-таки, онѣ довольно ничтожны для громаднхъ силъ, которыми, по ихъ собственнымъ словамъ, расплагаютъ спиритисты.

«При этомъ—говоритъ Диксонъ (295)—были приняты три резолюціи, которыя спиритисты считаютъ чрезвычайно важными. Первая предписывала сопротивляться ученію воскресныхъ школъ и замѣнять ихъ своими собственными, прогрессивными лицеями; вторая относилась до изданія цѣлаго ряда книгъ о спиритизмѣ;

* О значеніи женскаго вопроса въ спиритизмѣ мы скажемъ подъ концемъ статьи; фактическія свѣдѣнія въ этомъ случаѣ нѣсколько противорѣчивы. По словамъ Перти («Die Real.» 29), въ нѣкоторыхъ кружкахъ американскихъ спиритистовъ распространилось ученіе о «духовномъ средствѣ» и о «свободной любви», но въ очень немногихъ. Въ послѣднемъ сочиненіи Диксона: «Spiritual wives» (1868), II, сказано, напротивъ, что это ученіе имѣетъ въ средѣ спиритистовъ самое обширное распространеніе. Въ приведенномъ Диксономъ свидѣтельствѣ Карпентера сказано, что «⁹/₁₀ медіумовъ, мнѣ (Карпентеру) известныхъ, были... или въ разводѣ или жили съ кѣмъ-либо по выборному средству, или искали такого человѣка» (II, 255). Другой свидѣтель, Таулеръ, говоритъ даже: «Хотя нельзя сказать по правдѣ, что всѣ спиритуалисты — приверженцы свободной любви, но можно сказать, что всѣ приверженцы свободной любви, за немногими исключеніями, спиритуалисты» (II, 257). Хотя безспорно Диксонъ могъ имѣть лучшія свѣдѣнія по этому предмету, чѣмъ Перти, но самое преувеличеніе подобныхъ свидѣтельствъ, при чемъ послѣднему противорѣчатъ предшествующія главы въ книгѣ самаго Диксона, заставляетъ отнестись къ выводамъ Диксона нѣсколько скептически, тѣмъ болѣе, что онъ какъ будто и не подвергаетъ эти свидѣтельства критикѣ. Можно согласиться съ Таулеромъ (II, 257), что «ученіе спиритуалистовъ объ индивидуальномъ самодержаніи» имѣетъ нѣкоторую логическую связь съ теоріею свободной любви, но здѣсь скорѣе мы встрѣчаемъ два теченія, совершенно одно отъ другаго независимыя, и оба коренящіяся въ сознаніи личности, что лишь чисто субъективное отношеніе рационально для нея, какъ въ области вѣрованій, такъ и въ области личныхъ привязанностей. По сильному развитію втораго вопроса въ Америкѣ, онъ могъ тамъ обусловить въ известной степени и первый, но малая связь между ними видна изъ трехъ обстоятельствъ: изъ того, что во всѣхъ европейскихъ спиритистическихъ кружкахъ незамѣтно обширнаго вліянія ученія о свободной любви; изъ того, что, по свидѣтельству того же Таулера (II, 257), и американскіе «спиритуалисты старались въ послѣдніе годы снять со своей системы пятно ученія о свободной любви»; наконецъ, что на спиритистскомъ митингѣ, о которомъ сказано въ текстѣ, это ученіе вовсе не является какъ одинъ изъ основныхъ практическихъ догматовъ секты.

третья совѣтовала отказаться избраннымъ отъ табаку и горячительныхъ напитковъ. Предложеніе основать національную спиритическую коллегію было отложено для обсужденія на будущій годъ. Одна изъ прочихъ резолюцій, не имѣвшихъ немедленнаго практическаго примѣненія, показываетъ, какая широкая дѣятельность ожидаетъ спиритистовъ на политической почвѣ, если они достигнутъ громадной численности и единства. Эта резолюція относилась къ вопросамъ о трудѣ и заключалась въ слѣдующемъ:

«Рѣшено, что лишь въ рукахъ честнаго труда находится державный свитръ цивилизаціи, что его права соразмѣряются съ его характеромъ и важностью, и поэтому честный трудъ долженъ быть такъ всецѣло и совершенно вознагражденъ, чтобы доставить работающимъ милліонамъ средства, время и случай для воспитанія, образованія и удовольствія; чтобы равный трудъ, совершаемый мужчиной и женщиной, получалъ бы равное вознагражденіе».

Очевидно, спиритисты гораздо болѣе забавляются толками объ оппозиціи духовенству и разговорами съ духами, чѣмъ практическою стороною жизни, и понятны горячія требованія нѣкоторыхъ молодыхъ спиритистовъ перейти отъ слова къ дѣлу. «Миссъ Сузи Джонсонъ говорила, напримѣръ, что она устала толковать и хотѣла работать. Я готова,—воскликнула юная реформаторша,—я готова работать со всякимъ мужчиной, женщиной или общиной, которые сдѣлаютъ первый практическій шагъ къ выработкѣ основъ высшей нравственности, строжайшей честности, лучшаго управленія и вообще высшаго существованія для всего человѣческаго рода. Я хочу работать, хочу видѣть другихъ готовыми на работу. Я знаю, гораздо легче молиться за спасеніе человѣчества, чѣмъ работать для достиженія лучшей судьбы, и часто вы заслуживаете гораздо болѣе славы молитвой, чѣмъ дѣломъ; но я не къ этому стремлюсь. Я искренно предана молодому поколѣнію» (292—293). «Мистриссъ Сузи Гэтчинсонъ «прямо объявила, что она трудилась въ пользу дѣла спиритизма въ продолженіе восьми лѣтъ, но всегда должна была краснѣть за своихъ товарищей.—Я никогда еще не встрѣчала цѣльнаго, благороднаго спиритиста—говорила она, по словамъ официальнаго отчета,—но я надѣюсь, что здѣсь передо мною есть люди, которые достойны называться мужчинами или женщинами. Я надѣюсь, что вы примете рѣшенія, которыя будутъ дѣйствительно полезны, а не мертвой буйвой, переносящей насъ къ мертвому прошедшему; я надѣюсь, что здѣсь будетъ найдено достаточно мужскихъ и женскихъ силъ, способныхъ работать на человѣче-

ство. Если есть одна душа во всемъ мірѣ, которую конвентъ не допустить въ свое лоно, то я желаю быть также изгнанной изъ этого конвента. Если есть одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который долженъ идти въ адъ, то я желаю идти съ нимъ; если есть дѣло въ этой подземной странѣ, то я готова идти туда и помочь Творцу въ его дѣлѣ» (293).

Едва-ли рѣшенія, принятыя митингомъ, показались ей достаточными, особенно когда подумаемъ о численности спиритистовъ.

Въ 1850 г., по словамъ Перти (390 и слѣд.), было въ союзѣ 30,000 медіумовъ, и въ одной Филадельфій считалось до 300 «магнетическихъ кружковъ». Эдмондъ говоритъ уже въ своемъ «Спиритуализмѣ»: «свѣрующіе въ духовныя сообщенія считаются уже на землѣ милліонами... и предъ глазами міра уже очевиденъ фактъ распространенія новой вѣры, быстрота успѣховъ которой не имѣетъ себѣ равной въ лѣтописяхъ человѣчества». Въ 1856 г. спиритистовъ въ Америкѣ считалось 2½ милліона, въ 1860 г. болѣе 4 милліоновъ. Ту же цифру даетъ Перти и въ прибавленіи 1863 г. (28), но Диксонъ нѣсколько уменьшаетъ, по словамъ одного изъ участниковъ въ митингѣ 1866 г. «Ворренъ Чэсъ, изъ Иллинойса, одинъ изъ мужскихъ вице-президентовъ, объявилъ въ своей рѣчи, что болѣе трехъ милліоновъ американцевъ, мужчинъ и женщинъ, уже приняли участіе въ спиритическомъ движеніи (289)... У нихъ уже существуютъ свои прогрессивные лидеры, свои катехизисы, свои газеты, свои пророки и пророчицы, свои празднества, свои пикини, свои митинги, однимъ словомъ они отличаются организаціей нашихъ самыхъ дѣятельныхъ обществъ. Ихъ численная сила, быть можетъ, слишкомъ преувеличена Ворреномъ Чэсомъ; посторонніе наблюдатели не могутъ сосчитать ихъ, ибо въ переписи спиритисты не поименованы, какъ особая секта; но численность ихъ лицеевъ, частое повтореніе пикиновъ и распространеніе ихъ журналовъ,—факты, которые ясно говорятъ о ихъ громадномъ количествѣ. Мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что десятая часть народонаселенія ново-англійскихъ штатовъ и патнадцатая часть жителей Нью-Йорка, Огіо и Пенсильваніи подвержены вліянію того, что спиритисты называютъ духовнымъ міромъ» (290 — 291). По словамъ Edinburg-Review 1865 г., половина членовъ конгресса и законодательныхъ собраній штатовъ, половина ученыхъ и литераторовъ Америки — спиритисты. Число спиритическихъ газетъ въ штатахъ доходило въ 1860 до 20, изъ которыхъ бостонская «Banner of light» имѣла 30,000 подписчиковъ. Въ Англій въ томъ же году спиритизмъ имѣлъ три журнала, изъ которыхъ Spiritual Magazine продавался въ числѣ

15,000 экземпляровъ. Кромѣ того журналъ Токера (тогда еще живаго) и Star стояли на сторонѣ спиритистовъ. Изъ всѣхъ европейскихъ спиритистовъ дѣйствуетъ всего сильнѣе Аллачъ Кардекъ, и спиритисты его ученія весьма распространены во Франціи и въ другихъ странахъ. Перти (390) упоминаетъ о спиритистахъ въ южной Америкѣ и на Антильскихъ островахъ. Литература, сюда относящаяся, такъ огромна на трехъ главныхъ языкахъ Европы, что тщательное ея изученіе требовало бы весьма немалого труда.

При этихъ громадныхъ силахъ, спиритизмъ имѣетъ въ себѣ начало, отнимающее у него значеніе. Такъ-какъ каждый медиумъ выдаетъ за откровеніе собственныя галлюцинаціи или собственныя выдумки, то, конечно, однообразіе въ ученіи весьма затруднительно, и одному Кардеку во Франціи, бывшей въ послѣднее время къ дисциплинированію мысли, удалось подчинить своимъ догматамъ значительное число медиумовъ и спиритистическихъ кружковъ.

Впрочемъ, стоитъ явиться въ Америкѣ въ средѣ спиритистовъ дѣйствительно умному и энергическому человѣку, который своимъ личнымъ вліяніемъ увлечетъ бы за собою большинство медиумовъ къ данному практическому вопросу, и спиритизмъ можетъ получить разомъ политическое или социальное значеніе, котораго онъ пока не имѣетъ. Диксонъ говоритъ (280): «Общество въ три милліона мужчинъ и женщинъ было бы могущественно въ каждой странѣ; въ республикѣ же, управляемой народнымъ голосомъ, оно должно имѣть громадную власть; поэтому неудивительно, что главы этого движенія хвалятся своей силой, тѣмъ, что они не только могутъ руководить общественнымъ мнѣніемъ Америки относительно вопросовъ мира и войны, догматовъ и практики, но даже относительно болѣе утонченныхъ вопросовъ общественной и нравственной жизни. Нельзя отказать въ открытомъ боѣ такимъ могущественнымъ врагамъ, которые бросаютъ перчатку въ защиту того, что они считаютъ истиной, какъ бы странна ни была ихъ вѣра».

Пока, спиритизмъ является сильнымъ оппозиціоннымъ элементомъ для существующихъ церквей Америки. Недостатокъ высшаго умственнаго образованія въ этой странѣ не позволяетъ этой оппозиціи проявиться въ европейской формѣ рационалистической научной критики. Да эта форма и въ Европѣ доступна еще только меньшинству. Спиритизмъ соединяетъ въ себѣ всѣ оппозиціонныя умы, недостаточно развитые для научной критики, противуполагаетъ историческому законченному откровенію — непрерывное откровеніе, историческимъ пророчествамъ и чудесамъ —

непрерывный даръ пророчества и чудесъ, освященному духовенству—избранное высшими силами духовенство медиумовъ. Онъ соотвѣтствуетъ тому недовольству противу господствующихъ церковныхъ учреждений, которое давно уже существуетъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Онъ соотвѣтствуетъ требованію слитія религіозной и обыденной жизни, противъ раздвоенія которыхъ давно восстаютъ, и которые пытаются слить шекеры, мормоны и спиритисты, подчиняя обыденную жизнь религіознымъ требованіямъ. При этомъ шекеры разъ навсегда установили законъ для управленія жизни, какъ неизмѣнное начало; мормоны концентрировали его въ живой личности пророка; спиритисты создали себѣ сами міръ религіозныхъ руководителей, которые постоянно говорятъ имъ именно тѣ религіозныя теоретическія и практическія положенія, которыя считаютъ истинами тотъ или другой вѣрующій.

Другая слабая сторона спиритистовъ заключается въ общественномъ слоѣ, изъ котораго они вербуются. Это не трудовой классъ работниковъ-бѣдняковъ, которые, за обезпеченіе отъ постоянной нужды, готовы отдать свободу мысли. Это болѣе или менѣе образованный классъ, болѣе или менѣе обезпеченный. Но образованіе уже на столько воспользовалось результатами науки, что отъ нея отречься совсѣмъ не можетъ, слѣдовательно спиритизмъ подвергается постоянной опасности отъ научной критики. Люди болѣе или менѣе обезпеченные имѣютъ каждый свое дѣло и склонны къ индивидуализму. Они могутъ составлять временныя союзы для общей цѣли изъ личностей, заинтересованныхъ въ этой цѣли, но однородное вѣрованіе само по себѣ есть соединительное начало лишь въ гонимомъ исповѣданіи; да еще въ формѣ организованной іерархической церкви, какъ въ католицизмѣ, у мормоновъ и т. п. Спиритистовъ не преслѣдуютъ (вромѣ, какъ слышно, въ Бельгій); по самому равноправію медиумовъ ихъ церковь чужда іерархической организаціи; что же можетъ соединить ихъ? Какое можетъ быть общее дѣло у спиритистовъ вообще, такое дѣло, какъ требуютъ его женскіе ораторы на митингѣ 1866 г.? Вопросъ объ организаціи труда, женскій вопросъ могутъ интересовать однихъ какъ совершенно имъ близкіе, но для другихъ спиритистовъ это вопросы второстепенныя, чуждыя; ихъ трудъ обезпеченъ, или онъ имъ и нуженъ; женскій вопросъ для мужчинъ—вопросъ теоретическій, а вѣроятно и многія спиритисты любятъ, какъ упомянутые люди, «чтобы о нихъ пеллись». Весьма возможно, что къ этимъ вопросамъ, точно также какъ къ другимъ вопросамъ социальнымъ, экономическимъ, педагогическимъ, политическимъ, націо-

нальнымъ, различныя медиумы отнесутся различно, такъ-какъ ихъ интересы не сходны. Слѣдовательно единства въ дѣйствіи ожидать трудно и общаго дѣла долго не предвидится для спиритистовъ. Госпожамъ Сузи Джонсонъ и Сузи Гэтчинсонъ придется искать *дѣла* въ другихъ, чисто-практическихъ союзахъ, въ религіознаго единенія, а спиритисты ограничатся словозверженіемъ, печатаніемъ своихъ откровеній, ни для кого не нужныхъ, и отрицательнымъ значеніемъ оппозиціи противу господствующихъ церквей. Надо замѣтить, что и эта оппозиція совершенно несущественная для спиритизма, а есть лишь знаменіе времени. Ничто не мѣшаетъ медиумамъ издавать совершенно ортодоксальныя пророчества, какъ и дѣлаютъ весьма многіе въ Европѣ. Конечно, возможно, какъ было упомянуто выше, и внезапное соединеніе спиритистовъ въ виду какой нибудь цѣли; оно не предвидится еще, и по самому строю спиритизма, можетъ быть лишь временнымъ; но если оно временно произойдетъ, то дѣйствіе его можетъ быть весьма значительно.

П Ъ С Н Я

ПОРТУГАЛЬСКАГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА.

(Изъ Ленау).

Прости, родимый край! Въ послѣдній разъ поклонъ
Тебѣ я шлю. — Глупецъ лишь малодушно
Цалуегь деспота пята — и только онъ
Его велѣніямъ внимать готовъ послушно!

Ребенкомъ сладко я въ твоихъ объятыхъ спалъ —
Ты далъ мнѣ все, что тѣшить въ дѣтства годы,
Потомъ ты юношѣ возлюбленную далъ
И только мужу дать не могъ свободы...

Въ горахъ, слыша стадо дикое, стрѣлокъ
Ложится быстро на земь, выжидая
Пока стремительно, какъ бѣшеный потокъ,
Опасная промчится мимо стая: —

Такъ падаешь ты ницъ, о родина моя,
При шумномъ твоего владыки приближенъи,
И смирно ждешь, дыханье робко притая,
Пока шаги его замолвнуть въ отдаленьи...

Лети жъ, корабль, какъ тучка по лазури дня,
Въ тѣ страны, гдѣ огонь божественный пылаеть,

О море, море! смой ту пропасть, что меня
Доселѣ отъ свободы отдѣляетъ!

Ты новый свѣтъ, свободный свѣтъ, объ чей
Цвѣтущій берегъ, брызгами сверкая,
Волна тираннiи бьетъ въ немощи своей —
Мое отечество — привѣтствую тебя я!

Ив. Г. М.

когда у нихъ два мѣшка, маленькій съ инструментами—его хозяинъ несетъ, — и большой съ сажей, тотъ, что несетъ Недь Перкъсъ—онъ таки бываетъ порядочно тяжелый—тогда ужъ я знаю, что все благополучно, и мнѣ дадутъ глотокъ изъ бутылки; да оно и встать, какъ постоишь промерзнешь на холодѣ иной разъ около часу.

Въ одномъ отношеніи, однако, мистеръ Бельчеръ обнаруживалъ замѣчательное снисхожденіе къ нѣжному возрасту Сема; онъ находилъ неудобнымъ лишать его сна хоть на минуту дальше того, какъ это было рѣшительно необходимо для его ночныхъ поѣздокъ. Тотчасъ послѣ того, какъ гвѣдая лошадь въѣзжала во дворъ, Сема отпускали на покой.

— Вы идите спать, мой мальчикъ; мы съ мистеромъ Перкъсомъ уберемъ сбрую и лошадку, говаривалъ онъ.

Такъ они и дѣлали, и столько у нихъ при этомъ набиралось работы, что — какъ мы ясно могли слышать черезъ тонкую перегородку, отдѣлявшую конюшню отъ кухни—иногда они были заняты цѣлый часъ или даже больше.

Въ этомъ, впрочемъ, не было ничего страннаго. Лошадь у мистера Бельчера была дорогая, и это было очень естественно, что онъ тратилъ довольно много времени на то, чтобы обтереть ее и доставить ей всевозможныя удобства до своего ухода.

Во всемъ этомъ дѣлѣ всего замѣчательнѣе было вопросъ, куда дѣвалась сажа, привезенная домой съ этихъ «деревенскихъ работъ»?

Послѣ вышеприведеннаго разговора моего съ Паукомъ мы больше не упоминали объ этомъ предметѣ. Онъ не былъ общителенъ и рѣдко говорилъ о чемъ-либо, кромѣ своихъ страданій.

Я, конечно, не принималъ этого дѣла близко къ сердцу, но кое-когда, въ свободныя минуты, я затрогивалъ этотъ предметъ, и меня всякій разъ осаживали совѣтомъ знать свое дѣло и не совать носа туда, гдѣ его могутъ отхватить прочь, прежде чѣмъ я успѣю оглянуться.

Тѣмъ не менѣе таинственный фактъ оставался. По словамъ Сема, которому не было никакой выгоды дѣлать ложное показаніе, сажа съ деревенскихъ работъ клалъ въ тележку Недь Перкъсъ; потомъ ее привозили домой во дворъ, вносили къ конюшню, и послѣ этого ее никто уже больше не видалъ. Конечно, Недь Перкъсъ не жилъ у Бельчера; у него былъ свой собственный домъ на нью-кентской дорогѣ, и такъ-какъ его жилище было довольно далеко отъ Кемберуэля, то Перкъсъ обыкновенно послѣ возвращенія съ этихъ работъ, запрягалъ пони въ легкую тележку и ѣхалъ

въ ней домой, а утромъ привозилъ ее назадъ; но, разумѣется, было нелѣпо предполагать, чтобы Недъ, самъ не державшій заведеніе для чистви трубъ, увозилъ съ собою сажу: на что жъ она ему была нужна?

Въ связи съ этою частью работы находилось такое странное обстоятельство, что оглядываясь на него назадъ, я невольно дивлюсь тому, что оно такъ мало обратило на себя наше вниманіе. Недъ Перксъ не всегда ѣздилъ домой въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, но иногда оставался у мистера Бельчера, и тогда, хотя насъ одолѣвалъ сонъ, и потому мы могли бы пропустить мимо ушей шумъ при запряганіи и выводѣ пони, насъ аккуратно увѣдомляла объ этомъ собака «Паука» Пинчъ. Нарушался ли сонъ собаки особимъ запахомъ этой необыкновенной сажи въ конюшнѣ, или же при ея глубокой антипатіи къ мистеру Перксу ея тонкое обоняніе извѣщало ее о присутствіи этого врага гдѣ-нибудь во дворѣ и приводило ее такимъ образомъ въ безпокойное состояніе — это не совсѣмъ ясно; какъ бы то ни было, маленькая, грязно-бѣлая собака была въ тревогѣ всякій разъ, когда, возвратившись съ деревенской ночной работы, мистеръ Перксъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ тележкѣ на пью-кентскую дорогу, проводилъ остальную часть ночи у Бельчеровъ, и это неудовольствіе выражалось совсѣмъ особеннымъ образомъ. Его визгъ только потому не превращался въ настоящій вой, что его хозяинъ зажималъ ему рукою морду; три раза мы всѣ проснулись отъ ужаснаго шума; Пинчъ вырвался у своего задремавшаго хозяина и сталъ рыть лапами землю возлѣ перегородки, отдѣлавшей кухню отъ конюшни, съ яростію, совершенно-несвойственнымъ его слабой натурѣ.

— Онъ чуетъ крысу, сказалъ Семъ. — Молодецъ-собака! лови ее! Въ конюшнѣ есть крысы, знаете, «Паукъ»? Вотъ онъ на нихъ-то и зарится.

«Паукъ» сползъ съ своихъ мѣшковъ и, ухвативъ Пинча, уложилъ его въ постель, и угрозами, и ласками заставилъ его лежать смирно.

— Это не крысы; крысы не приходятъ кое-когда, ужъ коли онѣ водятся, то всегда бываютъ, замѣтилъ «Паукъ» испуганнымъ шопотомъ. — Пошли мнѣ только Господь vybrаться отсюда; вотъ все, что я могу сказать.

Затѣмъ «Паукъ» заговорилъ снова:

— Что вы, Джимъ, слышали, уѣхалъ Перксъ?

— Онъ еще не уѣхалъ; по крайней-мѣрѣ я еще не слыхалъ, чтобы закладывали пони.

— Я такъ и зналъ! прошенталъ «Паукъ». Такъ оно и есть!

Перкъс не уѣзжалъ, а главное то, что онъ и не уѣдетъ сегодня ночью. Это ужасно лежать здѣсь и знать, что... что Перкъс не уѣхалъ домой, не правда ли, Джимъ?

— Ужасно только потому, что вашъ Пинчъ поднимаетъ такую неистовую возню; кромѣ этого я ничего ужаснаго тутъ не вижу.

— Онъ дрожитъ, Джимъ, точно будто заразился моею болѣзнью и у него ломить всѣ суставы. Бѣдный Пинчъ! Я васъ понялъ, Пинчъ. Джимъ, знаете вы что-нибудь о собакахъ?

— Объ ихъ породѣ?

— Нѣтъ, объ ихъ натурѣ, Джимъ.

— Ну, это и есть ихъ порода — развѣ жъ не такъ?

— Нѣтъ; порода это значитъ насчетъ ихъ шерсти и примѣтъ, Джимъ; а натура, знаете, это то, что внутри ихъ и чѣмъ онѣ чувтъ, понимаете?

Меня одолѣвалъ сонъ, и «Паукъ» становился глубокомысленнымъ; поэтому я просто отвѣчалъ:

— А!

— Онѣ знаютъ больше, чѣмъ мы думаемъ, собаки-то, Джимъ.

— Я знавалъ собаки двѣ; тѣ точно много знали, отвѣтилъ я зѣвая.

— Ну, такъ вотъ что. Какую же вы про нихъ знаете самую умную штуку, Джимъ?

Было очевидно, что «Паукъ» (какъ это часто съ нимъ случалось) страдалъ бессонницей и желалъ, чтобы и я тоже не спалъ для компаніи съ нимъ. «Паукъ» не такой былъ малый, котораго можно было бы настоящимъ образомъ любить, но я увѣренъ, что я чувствовалъ къ нему большую жалость. Поэтому я припомнилъ двѣ-три слышанныя мною исторіи объ умныхъ собакахъ, и рассказалъ ихъ «Пауку» одну за другою.

— Ахъ, иной разъ онѣ еще и не такъ умны бываютъ, Джимъ! отвѣтилъ онъ, когда я истощилъ мой запасъ рассказовъ. — У нихъ есть кое-что — такая сила есть еще гораздо мудренѣе того, чтобы ловить ерсы и таскать вещи съ прилавокъ. Слыхали вы что-нибудь объ акулахъ, Джимъ?

Я не слыхалъ.

— Акулы эти презабавныя твари; коли умираетъ матросъ на кораблѣ, онѣ плывутъ за кораблемъ повуда матросъ совсѣмъ умереть, чтобы онъ имъ достался на ужинъ, когда его бросятъ въ море.

— Ну васъ совсѣмъ! Не хочу слушать такихъ исторій! Я спать хочу. Съ какой стати вы меня пугаете? Я, пожалуй, не прочь поболтать немного о собакахъ, коли вамъ это пріятно, а говорить о мертвецахъ слуга поворный.

— Я вамъ хотѣлъ только показать, о какомъ умѣ въ собакахъ я вамъ толковалъ, замѣтилъ «Паукъ» оправдываюсь. — У собакъ тоже есть, что у акулъ, Джимъ.

— Очень вѣроятно.

— Только собаки этому не радуются, а скорѣе этого боятся; разумѣется, вы сейчасъ скажете, что *они боятся*, если послушаете, какъ онѣ воютъ, чуть только зачуютъ.

— Что зачуютъ?

— Ну, вотъ! зачѣмъ же вы хотите, чтобы я опять это сказалъ? Вотъ что я сейчасъ говорилъ объ акулахъ и...

— Довольно, говорятъ вамъ! Не хочу я больше съ вами разсуждать. Покойной ночи. Я спать хочу.

На слѣдующій день, выйдя вмѣстѣ съ мистеромъ Бельчеромъ, хотя я вовсе не желалъ сору выносить изъ избы, однако когда рѣчь какъ-то зашла объ акулахъ, я, находясь въ свободныхъ отношеніяхъ съ моимъ хозяиномъ, разсказалъ ему ту исторію объ акулахъ, которую я слышалъ отъ «Паука».

Хозяинъ засмѣялся,

— Къ чему это была разсказана такая исторія? О чемъ вы съ «Паукомъ» разговаривали прежде, чѣмъ зашла рѣчь объ акулахъ и мертвыхъ матросахъ, Джимъ?

— О, мы о собакахъ говорили.

И затѣмъ, вовсе не думая, какъ я врежу «Пауку», я пересказалъ мистеру Бельчеру все, что я зналъ о странномъ поведеніи Пинча и о замѣчаніяхъ «Паука» по этому поводу. Мистеръ Перкъсъ былъ тутъ же; они какъ-то странно переглянулись между собою и потомъ послали меня прочь. Въ эту ночь собака «Паука» Пинчъ не возвращалась домой. Къ безутѣшному горю своего хозяина, она совсѣмъ пропала безъ вѣсти.

Я прожилъ недѣлю шесть у мистера Бельчера; вдругъ, однажды, въ субботу ночью, Семъ пришелъ въ кухню съ тѣмъ изумительнымъ извѣстіемъ, что его мать въ этотъ самый день явилась изъ Дорсетшейра по приглашенію мистера Бельчера для совѣщанія объ очень важномъ дѣлѣ, и что въ результатѣ этихъ совѣщаній получилось отмѣненіе заключеннаго контракта; мать Сема приняла отъ хозяина-трубочиста вѣкоторое количество денегъ,

Семъ долженъ былъ въ понедѣльникъ утромъ отправиться домой вмѣстѣ съ матерью.

— Теперь вамъ хорошо будетъ, Джимъ, сказалъ Семъ: — теперь ваше дѣло будетъ ѣздить съ хозяиномъ и Недомъ на эти деревенскія ночныя работы. Теперь я ухожу; мнѣ этотъ секретъ ни на что не нуженъ, такъ я, пожалуй, готовъ разсказать. Всякій разъ, какъ вы будете выѣзжать на гнѣдой лошади, на вашу до-

лю будетъ доставаться по шести несовъ. Впрочемъ, это не секретъ; это что хозяинъ вамъ даетъ всякій разъ, чтобы вы бергли настоящій секретъ.

— Очень хорошо! по мнѣ, пожалуй, отвѣтилъ я, очень обрадованный этою предстоящей переменою въ моемъ положеніи (я всегда завидовалъ Сему по поводу этихъ ночныхъ поѣздокъ). Я привыкъ держать секреты. А очень трудно удержать этотъ секретъ хозяина, Семъ?

— Легче быть ничего не можетъ, прошепталъ Семъ. (Нашъ разговоръ происходилъ въ одномъ углу кухни, такъ что Паукъ не могъ его слышать); хозяинъ вамъ скажетъ.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, будьте добрымъ товарищемъ; я тогда буду держать его прежде, чѣмъ хозяинъ мнѣ его откроетъ.

— А Пауку не скажете?

— Ну, вотъ еще!

— И никому рта не разинете изъ тѣхъ ребятъ, съ кѣмъ вы играете на баржахъ?

— Ужъ вы не бойтесь!

— Ну, такъ это на счетъ той сажи, что они привозятъ по ночамъ въ большой телегъ; еще мы часто объ этомъ разговаривали. Войдемте во дворъ! тутъ, я вижу, старый Паукъ уши наостраляетъ.

Мы вышли.

— Вы какъ думаете, Джимъ, это какая же сажа?

— Какая сажа? Я только одну сажу и знаю, та вся изъ трубъ, я полагаю. А то какъ же?

— Разумѣется, изъ какихъ нибудь трубъ. Приложите ухо поближе, Джимъ! Мы привозимъ домой сажу изъ церковныхъ трубъ.

— Я никогда не зналъ, что въ церквахъ есть каминны, сказалъ я, не слишкомъ пораженный тѣмъ секретомъ, по поводу котораго Семъ поднималъ такую тревогу.

— Разумѣется есть; нужны же трубы, чтобы церковь была теплая—опять же и въ ризницѣ огонь.

— А! такъ вотъ вы объ чемъ хотите говорить. Ну, что жъ изъ этого? Почему жъ не чистить церковную трубу?

— Тс!... Вотъ и я такъ сказалъ, какъ хозяинъ въ первый разъ заговорилъ объ этомъ. Чтобы знать эти вещи, надо знать парламентскіе акты, возразилъ Семъ: — а по этимъ актамъ есть такой резонъ, что не надо чистить церковныя трубы, или, ужъ, коли чистить, такъ непременно тайкомъ. Это противъ законовъ. Я тамъ не знаю навѣрное, какіе законы, а только тутъ религія какъ-то замѣшана. Коли вы на этомъ попадетесь — ваторжная работа! Васъ исказнятъ. Хозяинъ мнѣ такъ сказалъ.

— Исказнать, я знаю; вздернуть въ Ольдъ-Бели. Я это видаць.

— Какое тутъ исказнать; во сто разъ хуже! Вобьютъ острія спицы въ животъ, и будутъ таскать по дорогамъ — эту часть пшени я знаю, но тамъ еще есть много другихъ мукъ. Вотъ почему эту работу надо дѣлать ночью, когда никто не видитъ. Кабы вы знали, какъ они крадутся въ темнотѣ и какъ прячутся, чуть кого-нибудь заслышать, именно тогда, когда берутся за машину и за мѣшокъ, вы бы сейчасъ смелнули, кавая это опасная штука.

— А положимъ, поймаютъ того мальчика, что стережетъ у нихъ лошадь, спросилъ я:—что жъ и *его* тоже будутъ таскать по дорогамъ съ проткнутымъ животомъ?

— Господь съ вами! Его дѣло сторона; это только тогда исказнать, когда поймаютъ на самомъ дѣлѣ. Надо, чтобъ вы попались въ цевеви или на кладбищѣ съ этою сажей. Только тогда могутъ васъ уличить. Иной разъ вы ужъ вычистили трубу и уходите съ сажей, и тутъ, вдругъ, надо бросить все и бѣжать. Три недѣли тому назадъ, съ нами такая штука случилась возлѣ Бернета.

— Ну, это чудной законъ, говоритъ человѣку: идите сюда, сдѣлайте намъ вотъ эту работу, только смотрите, не попадитесь за нею, а то мы вамъ продвинемъ острую спицу въ животъ. Тутъ что-нибудь да не такъ, Семъ.

— Это все такъ, какъ мнѣ хозяинъ свазалъ, больше я ничего не знаю, отвѣтилъ Семъ.—Видите, Джимъ, я тутъ вотъ какъ соображаю. По парламентскому акту эту работу самъ священникъ долженъ дѣлать, а тотъ передаетъ причетняку, а причетникъ сваливаетъ на сторожа, а ужъ сторожъ потихоньку пишетъ къ хозяину: вы, говоритъ, приходите въ такую-то ночь и ключъ будетъ въ церковныхъ дверяхъ, а деньги за работу вы найдете въ ризницѣ на каминѣ. Я не говорю, что оно точъ въ точъ такъ бываетъ, а только оно въ этомъ родѣ, это я знаю. Это то же самое, когда вѣшаютъ, вы слышали, Джимъ? Судья говорить, что лордъ-меръ долженъ повѣсить человѣка, а лорду-меру такая работа не по душѣ, онъ говорить своему помощнику, главному шерифу, чтобъ тотъ за него сдѣлалъ, а тотъ передаетъ своему помощнику, второму шерифу. Ладно, говорить второй шерифъ, я его завтра въ восемь часовъ утра безпремѣнно вздерну. Только онъ этого не дѣлаетъ, а пишетъ преспойкой къ Джеку Кечу (палачу), и тотъ приходитъ, и исполняетъ это, и даетъ кое-что другимъ ребатамъ, чтобъ они ему помогли, а судья все равно, лишь бы дѣло было сдѣлано; и

такъ они всё себѣ устраиваютъ, лишь бы имъ было удобно. Могу сказать, хозяинъ-таки даетъ сторожу кое-что изъ денегъ за чистку, — а беретъ онъ, должно быть, хорошія деньги. И такъ это у нихъ гладко улаживается. А ужъ деньги, разумѣется, *должны* быть хорошія, закончилъ Семъ:—коли взять въ расчетъ, что и дѣло-то опасное, и сажа ничего вамъ въ карманъ не дастъ.

— Это почему же ничего въ карманъ? Вѣдь это такая же сажа, какъ и всякая другая.

— Да ее нельзя ни на какое дѣло употреблять, возразилъ Семъ внушительно.—Это противъ законовъ—самъ хозяинъ мнѣ такъ сказалъ — нельзя продавать сажу изъ церкви; съ него берутъ страшный зарокъ, что онъ не будетъ торговать ею, а возьметъ ее и закопаетъ. Это уже дѣло Неда Перкса; онъ беретъ ее и зарываетъ у себя за домомъ въ саду. Теперь вы все объ этомъ знаете, съ начала до конца. Вотъ этотъ секретъ вы и должны держать, и чтобъ вы не болтали, вы будете получать по шести пенсовъ съ поѣздки.

Все это Семъ рассказалъ мнѣ съ такимъ видомъ, который показывалъ, что онъ вполне вѣритъ въ свой секретъ, сберегавшійся у него такъ долго и неуклонно; а безъ колебаній принялъ его показанія.

Это былъ *настоящій* секретъ! Мнѣ и прежде случалось хранить секреты, но ни одного изъ нихъ не бывало такого величественнаго. Ни одинъ изъ нихъ не былъ даже приблизительно похожъ на этотъ. Тутъ было что-то въ родѣ представленій въ Шордичи.

Когда мы вслѣдъ за тѣмъ пошли спать, я, вслѣдствіе присутствія «Паука», не могъ разспрашивать Сема о какихъ-либо дальнѣйшихъ подробностяхъ; но размышленія объ этомъ дѣлѣ не дали мнѣ заснуть до самаго разсвѣта, и когда я, наконецъ, сомкнулъ глаза, я увидалъ удивительный сонъ. Я у ограды кладбища дождался выѣтъ съ рѣзвою гнѣдою лошадью; вдругъ нѣсколько «исказнителей», въ видѣ призраковъ, забрались въ телегу, присѣли и попрятались въ ней, выжидая покуда хозяинъ и Недъ Перксъ выйдутъ изъ церкви съ ношею священной сажи; а мнѣ они какими-то чарами мѣшали увѣдомить ихъ словами или знаками о грозившей имъ ужасной опасности. Я видѣлъ хозяина, несшаго машину, и Неда, согнувшася подъ безмѣрно-тяжелымъ мѣшкомъ; они шли по тропинкѣ съ кладбища прямо назадъ, и меня жестоко мучила невозможность отойти отъ головы лошади и побѣжать къ нимъ. Они подошли. «Теперь все благополучно, Недъ, сказалъ мистеръ Бельчеръ: теперь, мой

добрый товарищъ, мы можемъ посмѣяться надъ сказзителями и надъ всѣми ихъ дѣлами! Ха-ха! Опустите задокъ, Джимъ, и мы все уложимъ въ одну минуту». И все еще не имѣя возможности извѣстить его объ угрожающей опасности, я опустилъ задокъ, и въ ту же минуту выскочили «сказзители» — ихъ было трое — каждый изъ нихъ былъ вооруженъ острою палкою, острою, какъ игла, толстою и длинною, какъ рогатина; бросившись на насъ съ отвратительными воплями, они проткнули намъ всѣмъ троицъ средню животомъ, и подхвативъ насъ такимъ образомъ себѣ на плечи, скорымъ шагомъ двинулись къ могильнымъ камнямъ.

Какъ ни былъ ужасенъ мой сонъ, онъ, однако, нисколько не подавилъ во мнѣ горячаго желанія сдѣлаться преемникомъ Сема; напротивъ того, я даже думаю, что этотъ сонъ скорѣе усилилъ мое стремленіе и я боялся только того, что въ концѣ концовъ догада Сема можетъ охвататься невѣрною, что мистеръ Бельчеръ на будущее время вздумаетъ обходиться безъ содѣйствія мальчика, присматривающаго за лошадыю, или захочетъ непременно брать съ собою «Паука». «Паукъ» не могъ ходить, но онъ могъ сидѣть прямо на козлахъ и держать возжи, а этого было совершенно достаточно для упомянутаго дѣла. Эта послѣдняя мысль сдѣлала меня несчастнымъ мальчкомъ на весь этотъ день — то было воскресенье. Мнѣ хотѣлось еще поразспросить Сема объ этомъ предметѣ, но онъ на цѣлый день ушелъ куда-то съ матерью. Я забросилъ коварный вопросъ «Пауку»:

— Давлюсь я, кто это будетъ ѣздить по ночамъ въ деревенской телегѣ, когда Семъ уйдетъ?

— Кто! Да, разумѣется, вы. Кому же другому? сказала «Паукъ», повидимому не мало удивленный тѣмъ, что у меня еще остаются по этому дѣлу какія бы то ни было сомнѣнія.

— Я думалъ, что они, можетъ быть, васъ будутъ брать, сказала я.

— Меня! Да на чтожъ я имъ буду годенъ? Я и въ телегу-то не влѣзу, коли меня на рукахъ не поднимутъ. Фу! хорошъ я малый для ночныхъ прогулокъ. Да я бы черезъ недѣлю мертвымъ лежалъ. Ужъ кто бы тамъ ни поѣхалъ, а ужъ я не поѣду, Джимъ; въ этомъ вы можете быть совершенно увѣрены.

Но я не могъ довести себя до этого убѣжденія. Я достаточно хорошо зналъ мистера Бельчера и его помощника, Неда Перкса, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что уваженіе къ здоровью бѣднаго «Паука» никакъ не сможетъ отратить ихъ отъ какихъ бы то ни было задуманныхъ ими дѣловыхъ плановъ. «Паукъ» былъ просто мертвымъ грузомъ, обременявшимъ ихъ фирму.

Ужь не пригнано ли все это дѣло въ тому, чтобы затаскать «Пауза» и окончательно доканать его?

Къ величайшей моей радости, однако, мнѣ не пришлось провести вторую ночь въ танталовскихъ мечтахъ и размышленіяхъ; въ тотъ же вечеръ мистеръ Бельчеръ позвалъ меня въ гостиную, и послѣ непродолжительной дружеской болтовни о разныхъ пустякахъ, приступилъ къ тому предмету, который лежалъ у меня на сердцѣ, и формально объявилъ мнѣ свое намѣреніе брать меня на мѣсто Сема.

Онъ не проникалъ такъ глубоко въ этотъ секретъ, какъ я могъ того желать, и только упоманулъ о деревенской ночной работѣ, какъ объ особенномъ приватномъ занатіи, относительно котораго питають твердую увѣренность, что я буду слышать и видѣть и молчать.

— И вамъ самимъ будетъ выгодно такъ дѣлать, сказалъ мистеръ Бельчеръ.—У всѣхъ хозяевъ, что держатъ учениковъ, Джимми, — а вѣдь вы же, разумѣется, ученикъ, хотя и нѣтъ на счетъ васъ никакихъ бумагъ — у всѣхъ хозяевъ есть свои секреты. У меня есть свои секреты, и въ одинъ такой секретъ я васъ теперь введу, и если вы его будете держать какъ за восковою печатью, вамъ отъ этого не будетъ хуже. Поглядите на Сема; онъ держалъ секретъ и ему отъ этого не хуже, не правда ли? У Сема всегда водились денежки въ карманѣ; онъ знаетъ вкусъ такого кушанья и питья, что другимъ мальчишкамъ, на кого хозяевамъ нельзя полагаться, и понюхать не приходилось. Вы, разумѣется, понимаете, Джимми? Слѣпой лошади что кивнуть, что моргнуть, все равно, ге?

— Все равно, хозяинъ, да еще и лучше, отвѣтилъ я, восхищенный довѣренностію мистера Бельчера, а также добротой и снисхожденіемъ мистриссъ Бельчеръ, находившейся тутъ же и не разъ дававшей мнѣ отвѣдывать своего напитка изъ джина съ водою.

— Съ другой стороны, продолжалъ мистеръ Бельчеръ: — положимъ, что Семъ выдалъ бы мой секретъ. Положимъ, что когда ему были поручены секреты хозяйскаго ремесла, онъ сталъ бы держать ихъ плохо—пошелъ бы болтать о нихъ, понимаете? Вы какъ думаете, я что сдѣлалъ бы съ Семомъ?

При этихъ словахъ его длинное бѣлое лицо такъ грозно нахмурилось, что я не зналъ, какъ отвѣчать ему.

— Я полагаю, вы бы задали ему ужаснаго жару и ловко бы его отдѣляли, отвѣтилъ я.

— Жару! Это точно; такого жару, что хуже его ни одному мальчику не доставалось, отвѣтилъ мистеръ Бельчеръ, влада объ

руки ко мнѣ на плечи, и пристально глядя мнѣ прямо въ лицо.— Еслибы Семъ, когда я довѣрилъ ему секреты моего ремесла, пошелъ шептать да болтать обо мнѣ, я думаю, что я бы его убилъ. Я даже знаю навѣрное, что убилъ бы. Какъ я услышала бы объ этомъ, я бы почувствовала такое ужасное бѣшенство, что первымъ дѣломъ я схватила бы его за поганую глотку и выдавила бы изъ него подлую его жизнь. Вы какъ думаете, сдѣлала бы я это, мистриссъ?

— У меня на этотъ счетъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, съ воодушевленіемъ отвѣтила хозяйка, къ которой былъ обращенъ вопросъ.

Я также не имѣла на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Когда мистеръ Бельчеръ сказалъ: «я схватила бы его за глотку», его руки соскользнули съ моихъ плечъ и такъ стиснули мнѣ горло, что первые суставы его большихъ пальцевъ сошлись и сразу убѣдили меня своимъ пожатіемъ въ томъ, какъ легко мистеръ Бельчеръ могъ бы задушить Сема, еслибы онъ своимъ предательскимъ поведеніемъ заслужилъ такое наказаніе. Выраженіе его глазъ въ то время, когда онъ разыгрывалъ сцену удушешія, было способно навести ужасъ. Я долженъ сознаться, что оно меня испугало, хотя я знала, что мы съ нимъ были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

— Разумѣется, сказалъ онъ:— мнѣ не хотѣлось бы до этого дойти, и я могу сказать, что мнѣ потомъ было бы жаль; но я бы такъ съ нимъ поступилъ, это навѣрное, еслибы онъ меня подвелъ. Но онъ не подводилъ меня, онъ былъ чувствительный, расторопный мальчикъ, вотъ такой, какъ вы, и поэтому онъ получалъ всѣ полупенсы и ни одного тычка. Теперь довольно. Сегодня я васъ еще не введу въ секретъ моего ремесла; на это будетъ время, когда вы сами его увидите, а это будетъ завтра въ ночь—если только *не будетъ свѣтитъ мѣсяцъ*.

Тутъ разговоръ прекратился; и принявъ участіе въ такомъ хорошемъ ужинѣ, какаго еще никогда не выпадало на мою долю, съ тѣхъ поръ, какъ я находился на службѣ у мистера Бельчера, я былъ отпущенъ въ кухню, и мнѣ было внушено на прощанье, чтобы я ни однимъ словомъ не проговорился «Пауку» о нашемъ совѣщаніи.

Не стоитъ описывать здѣсь, какъ я провелъ слѣдующій день. Это былъ рѣшительно самый длинный изъ всѣхъ пережитыхъ мною дней, включая и то достопамятное время, когда, убѣжавъ изъ рабочаго дома, я проводилъ часы дневнаго свѣта подъ темными «сарками» въ ожиданіи Моульди и Рипстона.

Только одна мысль не давала мнѣ покоя — будетъ ли лунный

свѣтъ? Въ послѣднюю ночь было довольно темно, и въ предъидущую ночь мѣсяцъ свѣтилъ ярко. О перемѣнахъ мѣсяца я, разумѣется, не имѣлъ и понятія. Приливы и отливы были мнѣ такъ же хорошо знакомы, какъ любому лодочнику на Темзѣ, но мѣсяцъ и законы, управляющіе этимъ свѣтиломъ, были для меня покрыты такимъ глубокимъ мракомъ, какого я жаждалъ на эту ночь всѣми силами моей души. Мнѣ казалось, что тутъ все случайность. Можетъ быть мѣсяцъ будетъ свѣтить, а можетъ быть и не будетъ; совершенно какъ ему самому вздумается. Такъ-какъ ремесло мистера Бельчера зависѣло отъ мѣсяца, то онъ, разумѣется, звалъ его привычки не хуже всякаго другаго человѣка, и судя по его словамъ, это было дѣло, подверженное случайностямъ.

Я не завтракалъ въ этотъ день — не обѣдалъ. Подъ вечеръ, однако, отрадная надежда подогрѣла мой аппетитъ. Эту надежду подалъ мнѣ «Паукъ» своимъ восклицаніемъ:

— Косточки мои! Косточки мои! воскликнулъ онъ.—Навѣрное будетъ перемѣна погоды; къ ночи дождь пойдетъ, готовъ фартингъ прозакладывать!

И покуда бѣдный малый визжалъ и нылъ, твердо вѣря въ свое предсказаніе, я чувствовалъ дрожь восторга; зная по многократному опыту, какой онъ вѣрный пророкъ, я собрался съ мужествомъ и весело принялся пить чай.

ГЛАВА XXVIII,

въ которой я отправился въ желанную экспедицію. Я подслушиваю любопытный разговоръ о «прыткихъ» и «тихихъ». Я узнаю значеніе этого разговора.

Въ сумерки пошелъ дождь, и къ девяти часамъ — тогда былъ май мѣсяцъ и вечера были длинны — ночь сдѣлалась такъ темна и ненастна, какъ только я могъ того пожелать. Немного позднее приближеніе великаго событія сдѣлалось совершенно несомнѣннымъ, потому что мистриссъ Бельчеръ позвала меня ужинать (читатель можетъ быть увѣренъ, что я держался по близости), точно такъ, какъ она обыкновенно звала Сема передъ отправленіемъ въ ночную экспедицію. Ужинъ былъ обильный и роскошный; онъ состоялъ преимущественно изъ рубцовъ, жареныхъ въ маслѣ, и изъ тертаго картофеля. Присутствовали мистеръ и мистриссъ Бельчеры, Недъ Перкъсъ и я.

Когда покончены были жареные рубцы, мистеръ Бельчеръ,

бывшій, повидимому, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, замѣтилъ:

— Теперь, милая моя, мы только выкуримъ трубочку, да выпьемъ стаканчикъ, и сейчасъ въ путь. Смѣшайте-ка мальчику капельку въ его пропорцію, мистриссъ. Это ему понадобится. Намъ придется проѣхать тридцать миль туда и обратно, а ливень, должно быть, зарядилъ на всю ночь.

Мистриссъ Бельчеръ съ достаточною любезностью смѣшала мнѣ поль-бокала грога, горячаго и крѣваго, и хотя отъ него у меня наворачивались слезы на глазахъ, я мужественно выпилъ его, какъ и слѣдуетъ человѣку, пускающемуся въ такое дьявольски-опасное предпріятіе.

Допивъ свой стаканъ, Недъ Персъ исчезъ на нѣсколько минутъ и потомъ, вернувшись назадъ, сказалъ, что онъ готовъ ѣхать когда угодно будетъ хозяину.

— Я еще положилъ въ телегу два лишнихъ мѣшка, кромѣ длиннаго, сказалъ онъ.— Намъ хорошо будетъ ихъ на себя накиннуть, а то леть, какъ въ ведро.

На дворѣ мы нашли гнѣдую лошадь, уже запряженную, и пустились въ путь.

Мистеръ Бельчеръ и Недъ Персъ, накинувъ себѣ по мѣшку на голову въ видѣ капюшоновъ, усѣлись рядомъ въ телегѣ, а я уютно свернулся въ уголкѣ, прикрывшись попоной, которую обыкновенно набрасывали на лошадь, когда она стояла на мѣстѣ. Кромѣ насъ самихъ, въ телегѣ лежали машина для чистки трубъ и мѣшокъ съ какими-то другими инструментами, о которыхъ Семъ могъ только сказать, что они звякаютъ; лежа на днѣ телеги и держа руку на этомъ мѣшкѣ, я также не могъ составить себѣ объ этихъ инструментахъ никакого болѣе яснаго понятія, хотя я былъ на столько любознательнъ, что старался ощупать ихъ форму сѣвовъ покрывавшую ихъ толстую ткань мѣшка.

Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о той дорогѣ, по которой мы ѣхали, и вслѣдствіе этого романтическая прелесть нашего предпріятія еще болѣе усиливалась. Лежа въ темнотѣ съ таниственно звякавшими инструментами подъ локтемъ, я мчался съ ужасною быстротою на сильной гнѣдой лошади, которой копыта явственно шлепали по грязной дорогѣ; я думалъ о томъ, что противъ нашего предпріятія направлены могущественные парламентскіе акты, что мы навлекаемъ на себя мщеніе ужасныхъ «исказнителей» и что въ случаѣ неуспѣха насъ ждетъ жестокое мученіе острѣхъ палогъ! Говорите послѣ этого о тѣхъ пьесахъ, что ставились на шордичскомъ театрѣ! Случалось ли имъ когда-

нибудь играть такую пьесу? И это была не пьеса, это было *настоящее дѣло!*

Крѣпкій грогъ, которымъ угостила меня мистриссъ Бельчеръ, быть можетъ, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на теченіе моихъ мыслей; но чѣмъ дальше я думалъ о томъ, какъ очаровательно отчаянна наша экспедиція, тѣмъ больше она мнѣ нравилась, пока, наконецъ, я началъ почти желать, чтобы въ то время, когда я буду стеречь телегу, на меня осмѣлился напасть молодой «исказнитель» — приблизительно моихъ лѣтъ и моего роста, и съ неслыханно большою палкою въ рукахъ. Я бы не побѣждалъ, я бы сталъ защищаться. Моульди научилъ меня тремъ четыремъ ухваткамъ боксерскаго искусства и я считалъ возможнымъ поставить ими въ тупикъ моего молодого «исказителя». Ух! кабы только онъ отложилъ въ сторону свою острую палку, я бы схватилъ его за руку и обработалъ бы его такъ, что онъ бы не скоро это забылъ.

Въ то время, какъ я довелъ себя до такого внутренняго воодушевленія, мы навѣрное, при той рыси, какою бѣжала гнѣдая лошадь, проѣхали добрыхъ десять миль; дождь все еще былъ очень силенъ, какъ я могъ заключить изъ рѣзкаго звука дождевыхъ капель, падавшихъ на покрывавшую меня попону.

Мистеръ Бельчеръ поворотилъ къ колодѣ, стоявшей возлѣ до рога, и остановился напоить лошадь.

— Не знаю, какъ вы, Недъ, сказалъ онъ:—но я точно утопная крыса; меня промочило буквально до самой рубашки. Не хлебнуть ли намъ капельку?

— Какъ дальше пройдемъ, такъ еще нужнѣе будетъ хлебнуть, сказалъ мистеръ Перкъсъ; его обыкновенно ворчливый голосъ насколько не смягчился оттого, что его поливало дождемъ на протяжении цѣлыхъ десяти миль.—А то бы я, разумѣется, съ моимъ удовольствіемъ. Жаль, что мы не налили побольше въ бутылку.

— Да вѣдь мы можемъ отпить и опять долить ее здѣсь, замѣтилъ мистеръ Бельчеръ.

— Будетъ ли это безопасно, вы какъ думаете?

— Совершенно безопасно, коли мы пошлемъ Джима; его никто здѣсь не выдалъ. Какъ бы то ни было, надо попробовать; всячески лучше будетъ, чѣмъ схватить скверную простуду, а ее схватить гораздо легче, чѣмъ потомъ съ нею раздѣлаться.

Мистеръ Перкъсъ не имѣлъ возраженія противъ послѣдняго плана; мы проѣхали нѣсколько шаговъ за колоду (стоящую у придорожнаго кабака, котораго ставни, по причинѣ поздняго часа, были полузакрыты); бутылку, взявъ изъ дому, вынули и

сначала мистеръ Бельчеръ, а потомъ Недъ Перкъсъ хлебнули изъ изъ нея по нѣскольку большихъ глотковъ.

— Я полагаю, мы здѣсь не достанемъ такой чудесной водки, замѣтилъ послѣдній джентльменъ, чмокая губами.

— Гдѣ такой достать! Лучше намъ будетъ выпить ее столько, сколько душа приметъ. Много ль въ бутылкѣ осталось, Недъ?

— Не осталось и четверти; оно слышно, какъ тряхнуть.

— Такъ лучше покончимъ. Хватимъ еще по хорошему глотку, а остальное дадимъ мальчику. Въ такую ночь человѣку ведро выпить только что въ пору; и то вреда не будетъ.

Когда Недъ Перкъсъ передалъ мнѣ бутылку, въ ней оставалось болѣе хорошаго глотка, и то была крѣпчайшая водка; но имѣя въ виду возможность повстрѣчаться въ скоромъ времени съ «исказнителемъ», я не задумался плить себѣ въ горло все, что оставалось.

— Видите этотъ кабакъ, Джимъ? Катайте туда и несите пинту лучшей водки. Оставьте попону въ телегѣ, тогда подумаютъ что вы здѣсь по сосѣдству живете.

Я полагаю, что меня дѣйствительно приняли, какъ надѣялся мистеръ Бельчеръ, за мѣстнаго обывателя. У прилавка было нѣсколько запоздавшихъ потребителей и я получилъ мою пинту лучшей водки, не возбудивъ особеннаго вниманія.

— Далекое ли вы считаете до Ромфорда, мистеръ? спросилъ одинъ изъ присутствующихъ, когда я на минуту остановился между прилавкомъ и дверьми, чтобы плотнѣе забить пробку въ бутылку.

— Не далеко, отвѣтилъ трактирщикъ: — три мили, можетъ быть, три съ половиной.

— Это все прямо, мистеръ?

— Какъ есть прямо въ ту сторону.

И съ этими словами трактирщикъ кивнулъ головою по тому направленію, гдѣ находился Ромфордъ. Голова нашей гнѣдой была именно обращена въ эту сторону, такъ что, повидимому, мы вѣхали въ Ромфордъ.

Въ бытляву входила пинта, такъ что мои оба спутника угостили себя очень хорошо—особенно если принять въ соображеніе превосходное качество водки.

Я влѣзъ обратно въ телегу и собирался устроиться поудобнѣе въ моемъ старомъ углу, когда мистеръ Бельчеръ замѣтилъ:

— Пойдите минуточку, мальчикъ; попробуемъ-ка мы пересѣсть. Вы ложитесь подъ сидѣнье, тамъ вамъ будетъ сухо, а мнѣ дайте попону, я ее на плечи навину.

Я покорно исполнилъ его требованіе.

— Жаль, что мы не захватили другого мѣшка, проворчалъ мистеръ Перкъсъ. — Меня насквозь промочило.

— Да вѣдь другой мѣшокъ есть, Недъ?

— Только длинный.

— Ну такъ развѣ же длиннымъ нельзя укрыться отъ дождя такъ же, какъ и короткимъ?

— Укрыться-то можно, да...

— Да что? Вы можетъ боитесь, что тотъ, для кого онъ приготовленъ, простудится? смѣсь замѣтилъ мистеръ Бельчеръ.

— Этого бояться нечего, отвѣтилъ Недъ Перкъсъ и также засмѣялся. — Дайте-ка сюда этотъ мѣшокъ, Джимъ.

Онъ набросилъ себѣ мѣшокъ на плеча, и мы тою же крупною рысью поѣхали дальше.

Можетъ быть, вода развязала языки мистера Бельчера и его помощника, такъ что они стали говорить громче и съ меньшими предосторожностями, чѣмъ при началѣ нашего путешествія; а можетъ быть и то, что лежа возлѣ нихъ съ неприкрытыми ушами, я могъ лучше разслышать ихъ разговоръ; какъ бы то ни было, я знаю только то, что прежде чѣмъ мы подѣхали къ колодѣ, я совсѣмъ не замѣчалъ, чтобы они говорили между собою, а теперь я слышалъ, что у нихъ идетъ оживленная бесѣда. Впрочемъ, стукъ тележныхъ колесъ и копытъ гнѣдой лошади, бѣжавшей крупной рысью, мѣшалъ мнѣ слышать отчетливо ихъ рѣчи. Но изрѣдка, когда попадалась мягкая полоса дороги, мнѣ было легко разбирать каждое слово, хотя понимать смыслъ ихъ бесѣды было довольно трудно, благодаря тому, что эта бесѣда велась на какомъ-то условномъ фигуральномъ нарѣчьи. Вода усилила мое желаніе знать все, чтб было возможно касательно секрета, и я безъ церемоніи наострялъ уши по мѣрѣ моихъ силъ.

— Меньше взять нельзя, замѣтилъ мистеръ Бельчеръ. — Убей меня громъ! Коли у пскуна стоитъ пать жвакъ, такъ у взрослога непремѣнно десятокъ; и то дешевле госпитальной цѣны. Я ему такъ и сказалъ. Вы только посмотрите величину и вѣсъ, я говорю, и какая съ этимъ возня; вѣдь это не то, что ребенокъ; я говорю, вѣдь этого не увезешь въ носовомъ платкѣ.

— Очень хорошо! Ну, а онъ что же?

Чтб онъ на это сказалъ, я не могъ разслышать, потому что въ эту самую минуту мы наѣхали на камни, и голосъ мистера Бельчера затерялся въ шумѣ. Когда мы миновали камни, я услышалъ уже продолженіе его рѣчи.

— ...Это не по моей части, я говорю. Это все очень хорошо, что вы мнѣ рассказываете разницу между «пряткими» и «тихи-

ми», только голова, все-таки голова, и шея, все-таки шея, и я не постыжусь сказать, что у меня духу не хватает это сдѣлать. Чепуха! онъ говоритъ. По моему, это сдѣлать все равно, что отрѣзать лопоть хлѣба, или ногу, либо руку; вѣдь не станете же вы мнѣ говорить, что у васъ чувства нѣжныя моихъ! онъ говоритъ. Какъ дошло дѣло до этого, я на томъ и оборвалъ, и говорю: мнѣ разсуждать не зачѣмъ; субъектъ есть субъектъ, а голова не субъектъ. Отрѣзанныя головы не по моей части, а субъекты по моей, такъ тутъ я въ вашимъ услугамъ, а тамъ—нѣтъ. Чтожъ, я развѣ не правъ былъ, Недъ?

— Со стороны работы вы, разумѣется, правы, а только я бы не задумался, кабы у меня въ рукахъ былъ инструментъ такой острый, отвѣтилъ мистеръ Перкъсъ:—и кабы они поступали честно и добросовѣстно съ человѣкомъ; разумѣется, не трудно понять, сколько тутъ сбереглось бы труда и спокойства. Ну, положимъ, мы имъ угодили—какія-жъ бы вышли послѣдствія? Всю торговлю мы бы перепортили; такъ же легко было бы доставать голову, или какую-нибудь отдѣльную часть, какъ будто это говядина отъ мясника...

— Вотъ и я такъ думаю, Недъ, перебилъ мистеръ Бельчеръ съ воодушевленіемъ.

— А еще того хуже, продолжалъ мистеръ Перкъсъ:—что они станутъ съ нами вести дѣла, точно будто мы, въ самомъ дѣлѣ, простые мясники и держимъ лавки съ вѣсами и съ гириами!

— Да вѣдь онъ всегда былъ большой скрага, вы знаете, замѣтилъ мистеръ Бельчеръ.—Помните, какъ мы только что принялись за это дѣло, когда ему понадобился въ субъекты этотъ балаганный великанъ изъ Бексли, помните, какая съ нимъ была возня, какъ ему надо было подгибать колѣни и...

Полоса камней.

— ...не покрывалъ, коротокъ слишкомъ на цѣлый футъ. Мнѣ дядя разсказывалъ исторію сотню разъ (теперь говорилъ мистеръ Перкъсъ). Такъ они что же сдѣлали? Посадили его на сидѣнье, нахлобучили ему старую шляпу на голову, а въ ротъ всунули короткую трубку. Вдуть они черезъ Brentfordскую заставу, а имъ на встрѣчу...

Опять камни.

— ...лучше его высадить, говоритъ полицменъ, дайте я его возьму въ часть; очень онъ плохъ на видъ, говоритъ, точно сейчасъ умирать собрался. О, это ничего! говоритъ Спифлеръ Уилькинсъ. — У него, обыкновенно, большой цвѣтъ лица, а когда онъ выпьетъ малую толику, его это сейчасъ всего перевернетъ. Ну, не успѣлъ онъ этого сказать, вдругъ пролетает

колесо — они-себѣ въ это время все ѣхали, а голубчикъ-то держался на задкѣ, и фонаремъ свѣтилъ въ телегу — такъ не успѣлъ онъ этого сказать, вдругъ колесо на толчкѣ въ дребезги, а мертвецъ со всего размаху ничкомъ на земь и...

На этотъ разъ не было камней, но проходилъ пастухъ со стадомъ овецъ, и глупый овчаръ съ лаемъ бросился за нами, такъ что голосъ мистера Перкса еще разъ затерялся на вѣскольکو минутъ.

— ...дерзкая штука для Спифлера, каково!

Это замѣчаніе принадлежало мистеру Бельчеру.

— Ну, кому же, какъ не Спифлеру Уиллькинсу и дѣлать дерзкія штуки; онъ, знаете, никогда не принимался за работу прежде, чѣмъ натянется ромомъ чуть не до безумія. Это еще большое счастье полисмену, что Спифлеръ его ударялъ тупымъ концомъ лома, а не остриемъ. Онъ такъ и растянулся на дорогѣ, какъ пласкуша.

— А Спифлеръ, разумѣется, не теряя времени, драла? замѣтилъ мистеръ Бельчеръ.

— Какъ! а мертвеца такъ и бросить среди дороги? Не на того напали. Къ чему же и драться, коли уѣзжать безъ барышей, онъ говоритъ, и сейчасъ велѣлъ своему помощнику сойти съ телеги и втащить мертвеца назадъ. А всего лучше та штука, что господинъ полицейскій, какъ увидалъ, съ какимъ народомъ связался, только прикинулся, будто онъ совсѣмъ безъ чувствъ; Спифлеръ, какъ усадилъ своего мертвеца самымъ удобнымъ образомъ, идетъ посмотрѣть на полисмена. Знаете что, Сони, говоритъ онъ своему помощнику: я, право, думаю, что его этотъ проломъ въ головѣ совсѣмъ покончилъ; что, кабы мы и его захватили? Тогда его друзьямъ не придется тратиться на похороны. Только что онъ это сказалъ, полисменъ какъ крикнетъ, и прочь повалился отъ Спифлера, потомъ вскопчилъ и побѣжалъ такъ, какъ будто за нимъ гнался самъ чертъ.

Въ этой исторіи Неда, которой отрывки, подслушанные мною, приведены выше, нашлось для мистера Бельчера столько забавнаго, что онъ, по крайней-мѣрѣ, дѣлаю минуту спустя, безъ умолку смѣялся, припоминая самые характерные эпизоды.

Я съ своей стороны не находилъ тутъ ничего смѣшнаго. Картина полисмена, который сначала прикинулся мертвымъ, а потомъ вскопчилъ на ноги и бросился бѣжать, была довольно забавна, если взять ее отдѣльно; но какова же была исторія въ цѣломъ? Къ чему тутъ былъ «мертвецъ»? Значило ли у нихъ слово «мертвецъ», мертвый человѣкъ? Оно, повидимому, было такъ, если принять въ расчетъ, что ему «нахлобучили шляпу

Исторія оборвыша.

18

на голову и сунули трубку въ ротъ». Какъ же онъ сюда зашелъ? Какъ онъ попалъ въ телегу мистера Спифлера?

Далѣе, какъ понимать разговоръ, предшествовавшій разсказу о мистерѣ Спифлерѣ? Объ отрѣзываньи головъ? Это, кажется, была не исторія, то былъ недавній и личный опытъ моего хозяина. Когда Недъ Перкъсъ говорилъ, что онъ бы не задумался, еслибы у него былъ въ рукахъ такой острый инструментъ, то намекалъ ли онъ этимъ на то, что готовъ отрѣзать чью нибудь голову? Я не могъ привести все это въ ясность; но я лежалъ подъ сидѣньемъ въ какомъ-то бреду испуга, и потъ каплями выступалъ у меня на лицѣ. Куда же мы теперь ѣхали? Для кого, или для чего же былъ приготовленъ длинный мѣшокъ — тотъ самый, который Недъ Перкъсъ накиннулъ себѣ на плечи — и кто же это не могъ простудиться, если мѣшокъ будетъ мокрымъ? Тутъ не могло быть рѣчи о сажѣ.

Мой хозяинъ и его помощникъ продолжали разговаривать, но мнѣ было уже не до слушанья. Вся моя храбрость слыхла, и мои колѣни стали стучать по дну телеги, когда мнѣ въ голову стало закрадываться подозрѣнiе, что все сказанное мнѣ Семомъ было невѣрно, что очищенiе трубъ въ церквяхъ вовсе не входило въ программу ночныхъ экскурсiй мистера Бельчера, и что «секретъ» былъ просто-на-просто *убійство*.

Сильный дождь все еще продолжался, когда, натянувъ возжи и потихоньку шепнувъ гнѣдой лошади «стой!», мистеръ Бельчеръ остановилъ телегу; потративъ нѣсколько секундъ на осмотръ мѣстности, онъ приказалъ мнѣ вылѣзть, и я, собравъ все свое мужество, повиновался. На мое счастье было темно, хоть глазъ выколи, а то мистеру Бельчеру стоило бы только взглянуть мнѣ въ лицо, и онъ бы сразу угадалъ, что со мною что-то попричилось.

— Ну, я вамъ вотъ тутъ разскажу часть того секрета по ремеслу, о которомъ я вамъ говорилъ, промолвилъ онъ. — Видите тамъ эту церковь?

Я взглянулъ въ темноту по тому направленiю, куда онъ мнѣ указывалъ, и съ трудомъ различилъ туманный очеркъ церковной колокольни, а между колокольнею и нами другiя низкиа сѣроватыя фигуры, которыя могли быть только надгробными памятниками.

— Да, сэръ, отвѣтилъ я: — я вижу церковь.

— Ну, такъ мы пойдемъ туда чистить трубы, прошепталъ онъ. — Мнѣ некогда теперь разсказывать вамъ до тонкости, чтѣ и какъ, а скажу я вамъ только, что трубы чистить въ церквяхъ не такая работа, чтобъ ее дѣлать спокойно у всѣхъ на виду. Вы понимаете?

— Д-д-да, сэръ, отвѣтилъ я съ трепетомъ, потому что въ эту самую минуту я прикоснулся ногою къ мѣшку съ «звякавшими штуками» и у меня въ головѣ промелькнуло замѣчаніе Неда Перкса на счетъ того, что бы онъ сдѣлалъ, еслибы у него былъ въ рукахъ такой острый инструментъ.—Д-д-да, сэръ, я понимаю.

— Что съ вами такое? спросилъ мистеръ Перксъ, кладя руку ко мнѣ на плечо. — Онъ весь дрожитъ, какъ осина.

— Онъ тамъ спалъ подъ сидѣньемъ — вотъ оно что, а теперь только-что проснулся. Правда, Джимъ?

По многимъ причинамъ, я былъ очень благодаренъ хозяину за эту мысль и проворно отвѣтилъ ему, что оно такъ и есть.

— Хлебните вотъ этого, сказалъ онъ. — Это васъ въ одну секунду поправитъ.

И съ этими словами онъ приложилъ бутылку съ водкой къ моимъ губамъ.

Глотокъ водки оживилъ меня удивительно — и, странное дѣло, видъ, надгробныхъ намотниковъ и церковной колокольни также подѣйствовалъ на меня ободряющимъ образомъ. Въ словахъ мистера Бельчера, что онъ идетъ чистить церковныя трубы, оказывалась такимъ образомъ тѣнь правдоподобія.

Спутники мои оба вылѣзли, и проведя лошадь къ группѣ деревьевъ, стоявшихъ насупротивъ калитки, тамъ остановились.

— Ну, вы теперь вылѣзайте, Джимъ, прошепталъ мой хозяинъ:—и стойте-себѣ около лошади, покуда мы пойдемъ покончимъ работу. Мы не долго замѣшкаемъ. Слушайте, вотъ на церковныхъ часахъ бьетъ двѣнадцать; прежде, чѣмъ пробьетъ половина перваго, мы вернемся назадъ, и вамъ перепадетъ кое-какая мелочь на ваши расходы. Вы вѣдь теперь совсѣмъ проснулись? Вы вѣдь теперь совсѣмъ молодцомъ, правда?

— Да, благодарю, сэръ; а теперь совсѣмъ хорошо себя чувствую.

Такъ оно и было: послѣдній глотокъ водки снова поставилъ меня на ноги, и мнѣ было почти стыдно вспомнить о томъ ребяческомъ страхѣ, который напалъ на меня въ телегѣ.

— Вѣдь вамъ не страшно, что тутъ кладбище и все такое?

— О, нѣтъ, сэръ!

И я слегка засмѣялся, чтобы вполне убѣдить его, какъ беззаботно я отношусь къ подобнымъ нелѣпостямъ.

Тогда Недъ вынулъ изъ телеги инструменты, а мистеръ Бельчеръ зажегъ фонарь. Они, однако, не тотчасъ ушли. Они остановились у калитки, и мистеръ Бельчеръ вытащилъ изъ кармана кусокъ бѣлой бумаги, на которой были начерчены какія-то линіи; все это я видѣлъ совершенно ясно при сильномъ свѣтѣ потай-

наго фонаря, направленномъ прямо на бумагу. Они прислонили чертежъ къ одному изъ столбовъ калитки и внимательно стали въ него вглядываться, проводя по линиямъ кончиками пальцевъ, и взглядывая взрѣдка на церковь, причѣмъ они прикрывали руками глаза отъ сильнаго дожда, и старались такимъ образомъ разглядѣть, соотвѣтствуетъ ли дѣйствительность тому, что было нарисовано на листѣ. Они, безъ сомнѣнія, именно за этимъ и смотрѣли. Они изучали планъ церковныхъ трубъ. Выходить, стало быть, на повѣрку, что Семь-то правъ, а я, глупый мальчишка, изъ-за пустяковъ, Богъ-знаетъ какъ перепугался.

— Я полагаю все, какъ слѣдуетъ, сказалъ мистеръ Бельчеръ, свертывая бумагу и закрывая отверстіе потайнаго фонаря. — Я бы только, желалъ, чтобы намъ пришлось работать по ту сторону церкви, а не по эту.

Недѣ сдѣлалъ какое-то возраженіе, но я его не разслышалъ; они вошли въ калитку, отправились по дорожкѣ въ церковь, и почти немедленно исчезли въ темнотѣ.

И вотъ я ждалъ, держа гнѣдую подъ уздцы; дождь лилъ какъ изъ ведра и промачивалъ меня до костей (потому что попонѣ было теперь дамо ея настоящее назначеніе: ею была покрыта нѣжная спина гнѣдой лошади); въ виду у меня были только маленькія сѣроватяя фигуры на кладбищѣ, не ясно обозначившіяся въ ночной темнотѣ, и за всѣмъ этимъ, и выше всего этого, большой сѣрый очеркъ церковной колокольни; слышенъ былъ только безотрадный шумъ дожда по листьямъ надъ моею головою, по доскамъ телеги и по грубой попонѣ, накинутой на спину лошади.

Я, однако, на все это обращалъ мало вниманія; мнѣ случалось въ теченіе моей недолгой жизни бывать въ очень странныхъ положеніяхъ, въ положеніяхъ еще болѣе странныхъ, чѣмъ теперешнія и, повидимому, безнадежныхъ. Невесело было стоять одному въ полночь въ непроглядной тьмѣ возлѣ кладбища; но это должно было продолжаться недолго: они очень скоро вернутся съ сажей и я получу свою шестипенсовую монету, и лошадь во весь духъ побѣжитъ назадъ домой, и я заберусь въ свою теплую постель, и обо всемъ этомъ очень весело будетъ вспоминать.

Я подерѣплялъ себя этими размышленіями, пока на церковныхъ часахъ пробило четверть перваго, и я узналъ такимъ образомъ, что прошло меньше половины того времени, которое назначено было для возвращенія; менѣе половины потому, что послѣ того какъ мистеръ Бельчеръ обратилъ мое вниманіе на

бой часовъ, добрыхъ пять минутъ было потрачено на изученіе плана у калитки.

Я началъ чувствовать безпокойство. Само собою разумѣется, что привидѣнія не существуютъ! Правда, мистриссъ Дилль въ рабочемъ домѣ говорила что-то о воскресеніи мертвыхъ; не понимая значенія этого мудренаго слова, я обратился къ ней съ вопросомъ, и она объяснила мнѣ, что это значить вставаніе изъ гробовъ, что всѣ, и добрые и злые, должны будутъ встать изъ гробовъ; но что она знала объ этомъ? Безъ сомнѣнія, она была старая дура, какъ называла ее добрая мистриссъ Браунгонтерь: тѣмъ не менѣе, я съ большимъ удовольствіемъ поглаживалъ шею гнѣдой лошади, и когда я называлъ ее, по примѣру мистера Бельчера, «доброю лошадкою», то меня въ значительной степени успокаивали простые и естественные звуки ея ржанья и постукиваніе ея копытъ о песчаный и каменистый грунтъ дороги.

На церковныхъ часахъ пробила половина перваго.

— Теперь все покончено, подумалъ я. А вѣдь я, все-таки, выстоялъ недурно; черезъ минуту они вернутся.

И минуту — двѣ, три, четыре минутъ — мои глаза были устремлены на церковную дорожку въ той надеждѣ, что я вотъ-вотъ увижу нашего молодца Неда Перкса, согнувшася подъ бременемъ сажн. Но онъ не приходилъ; никто не приходилъ, ничто не показывалось. У меня начали стучать зубы и меня быстро охватило прежнее чувство робости. Я поглаживалъ лошадь и называлъ ее «доброю лошадкою» и прискивалъ ей другія ласкательныя имена, но она не давала отвѣта и стояла неподвижно, какъ надгробный памятникъ.

«И злые и добрые», говорила мистриссъ Дилль; я полагаю, что злые были «исказнители» и приходили съ заостренными шестами за людьми, попадавшимися по близости ихъ жилищъ.

Порхъ! порхъ! хлопъ! хлопъ! Гу-гу-гу!

То былъ, безъ сомнѣнія, филинъ, но въ эту минуту онъ былъ для меня огромнымъ «исказнителемъ», прокладывавшимъ себѣ дорогу черезъ вѣтки надъ моею головою; я вскрикнулъ отъ ужаса и обхватилъ руками шею гнѣдой лошади; гнѣдая захрапѣла и пошатнулась такъ, что кому-то заскрипѣлъ какимъ-то самымъ зловѣщимъ образомъ.

Я не могъ долѣе выдержать. Неужели мистеръ Бельчеръ и Недъ никогда не придутъ? Я хотѣлъ пройти нѣсколько шаговъ по тропинкѣ и прислушаться, не идутъ ли они. Такъ я и сдѣлалъ, сначала прискавъ на дорогѣ и подложивъ подъ колеса два большіе камня на тотъ случай, еслибы гнѣдой вдумалось тронуться въ путь.

Я не видѣлъ впереди себя и на три ярда, и я былъ принужденъ шарить ногами, чтобы удостовѣряться въ томъ, что я не сбиваюсь съ мощеной дорожки. Пройдя нѣсколько шаговъ, я останавливался и прислушивался; но не слышно было ни одного звука, кромѣ барабанившаго дождя.

Я пробрался немного дальше, имѣя въ виду замѣчаніе мистера Бельчера на счетъ его желанія, чтобы работа была по эту сторону церкви, а не по ту. Я еще не дошелъ до самой церкви. Я пробирался впередъ шагъ за шагомъ, какъ вдругъ нога моя наткнулась на какую-то массу, которая произвела какое-то глухое шуршанье и въ ту же минуту принудила меня остановиться. То не было живое тѣло, потому что я на него наткнулся, она не сдѣлала попытки сойти съ дороги. Тогда я собрался съ духомъ, нагнулся и ощупалъ эту массу; къ моему несказанному изумленію я нашелъ, что эта масса была наша машина для очистки трубъ! По близости стояло дерево и машина лежала такъ, какъ будто она сначала была прислонена къ дереву, а потомъ упала на то мѣсто, гдѣ я ее нашелъ.

Первымъ чувствомъ моимъ было опасеніе, что хозяинъ и Недъ Персъ находятся въ непосредственной близости; что, быть можетъ, Недъ остановился только на минуту отдохнуть, изнемогши подъ тяжелымъ бременемъ сажи; а что меня сейчасъ увидятъ и, по всей вѣроятности, вѣрноп отколотятъ за то, что я бросилъ лошадей и телегу; полный этого страха, я прижунулся и сталъ вслушиваться изо всѣхъ силъ. Однако, я не могъ различить ни одного звука — ни малѣйшаго; но въ то время, какъ я вглядывался въ темноту, тревожно поворачивая голову во всѣ стороны, я вдругъ увидѣлъ возлѣ церкви лучъ свѣта, вырвавшійся изъ потайнаго фонаря. Онъ блеснулъ на одно мгновеніе и вдругъ исчезъ, но я успѣлъ замѣтить, что свѣтъ приближается ко мнѣ; поэтому я безъ шума пробѣжалъ назадъ по дорожкѣ, вынулъ камень изъ-подъ колесъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, занялъ свое мѣсто у головы лошади.

Однако, прошло нѣсколько времени и мое предположеніе о томъ, что свѣтъ предвѣщаетъ возвращеніе мистера Бельчера, ничѣмъ не оправдывалось, такъ что я, наконецъ, началъ надѣяться или бояться (которое изъ этихъ двухъ чувствъ зародилось во мнѣ—это было бы мнѣ невозможно рѣшить при моемъ тогдашнемъ безпредѣльномъ смущеніи), что это была пустая тревога, но вдругъ я замѣтилъ двѣ фигуры, идущія по тропинкѣ и находившіяся отъ меня такъ близко, что я изумился, какимъ образомъ я не увидѣлъ ихъ раньше.

«Я всегда знаю, когда мнѣ посчастливилось, тогда Недъ

Перксъ идетъ согнувшись подъ мѣшкомъ сажн, а хозяинъ несетъ инструменты». Такъ говорилъ Семъ; и если судить по этому признаку, то надо было заключить, что имъ посчастливилось. Небъ сгибался подъ своимъ мѣшкомъ, а мистеръ Бельчеръ несъ инструменты, въ томъ числѣ и машину, которую онъ, очевидно, подналь проходя мимо дерева. Они остановились у калитки и мистеръ Бельчеръ осторожнымъ голосомъ спросилъ:

— Все благополучно, Джимъ?

— Все благополучно, сэръ.

— Никто не проходилъ мимо, никто съ вами не заговаривалъ?

Быль «исказнитель», но строго говоря, онъ ко мнѣ не обращался, кромѣ того, я не расположенъ былъ разговаривать, поэтому я отвѣтилъ коротко, что съ тѣхъ поръ, какъ они ушли, я ни съ кѣмъ не видался и не говорилъ.

— И прекрасно, Джимъ. Опустите задокъ; и какъ только мы уложимъ сажу, такъ сейчасъ промочимъ себѣ горло и живо домой.

Я опустилъ задокъ и спутники мои уложили сажу — большую массу сажн — такую массу, что они были принуждены положить одинъ конецъ мѣшка на крайню телеги, и потомъ влихивать его, напирая всѣми силами. Они на минуту открыли въ это время фонарь и, судя по ихъ наружности, можно было подумать, что они скорѣе занимались дѣланьемъ кирпичей, чѣмъ чисткою трубъ, до такой степени они были выпачканы глиною. Изъ руки были всѣ вымазаны, а также и сапоги по щиколодку; даже концы черной шелковой косынки у Неда Перкса были какъ будто окунуты въ глинистую воду, а мѣшокъ съ сажей былъ изъ конца въ конецъ усѣянъ глинистыми пятнами. Когда устроили какъ слѣдуетъ мѣшокъ съ сажей, тогда появилась бутылка съ водкой и они оба къ ней приложились и мнѣ также дали выпить.

— Пейте смѣло, вреда не будетъ, мой мальчикъ, ласково сказалъ мистеръ Бельчеръ:—и вотъ возьмите себѣ, вы у меня молодецъ — вы славный мальчикъ, особенно коли то взять, что вы это въ первый разъ; по обыкновенію я даю *таннеръ*, но вотъ вамъ *бобъ*.

И онъ далъ мнѣ шиллингъ, а мистеръ Перксъ болѣе дешевымъ образомъ выразилъ свое одобреніе, ласково погладивъ меня по головѣ.

— А какъ мы назадъ поѣдемъ? спросилъ мистеръ Перксъ.— Мальчугу лучше всего сѣсть между нами, я думаю?

— По моему онъ меньше промокнетъ, коли уляжется въ углу, такъ какъ сюда ѣхалъ, возразилъ мистеръ Бельчеръ.

— Я дождя не боюсь, сэръ, отвѣтилъ я:—ужъ больше тепе-

решнаго я не промокну; вреда мнѣ отъ этого никакого не будетъ, сэръ.

Я почему-то чувствовалъ себя полнымъ страннаго ужаса, не уступавшаго даже тому неумѣренному количеству воды, которое меня заставили проглотить съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ дому. Мнѣ не хотѣлось лежать на двѣ телеги.

— Да, да! Только у меня дома уже лежатъ вѣдь одинъ, тому повредило; мнѣ вовсе не желается, чтобы у меня оцутился на рукахъ другой малый съ ревматизмомъ, могу васъ увѣрить! возразилъ мистеръ Бельчеръ.

— Отчего жъ бы ему и въ самомъ дѣлѣ не сѣсть на дно? спросилъ мистеръ Перксъ.

— Свертывайтесь въ клубокъ, Джимъ, рѣшилъ мистеръ Бельчеръ.— Вотъ такъ. Попону мы положимъ къ себѣ на колѣни, такъ что вы однимъ концомъ можете прикрыть себѣ плечи.

И онъ притиснулъ меня внизъ, въ тотъ уголъ телеги, который я занималъ прежде.

— Вы головой не ложитесь на этотъ мѣшокъ съ сажей, замѣтилъ мистеръ Перксъ.— Онъ весь мокрый, такъ вы себѣ уши простудите.

Усѣвшись какъ слѣдуетъ, мистеръ Бельчеръ ударилъ бичомъ гвѣдую и она помчалась, какъ бы радуясь тому, что ей позволяютъ расправить продрогшія ноги.

Странный ужасъ, охватившій меня съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлалъ удивительное открытіе на церковной тропинкѣ, все возрастало. Ясное дѣло, мистеръ Бельчеръ пріѣхалъ въ Ромфордъ не затѣмъ, чтобы чистить церковныя трубы; онъ даже не бралъ съ собою въ церковь машину, онъ только пронесъ ее нѣсколько шаговъ по тропинкѣ и тамъ ее оставилъ. Онъ провезъ ее съ собою въ телегѣ и пронесъ по направленію къ церкви только для того, чтобы прикрыться ею, какъ ширмами. Трубу въ эту ночь не чистили, а между тѣмъ мѣшокъ былъ полонъ.

Чѣмъ онъ былъ полонъ? «Вы не ложитесь на него головою», предостерегъ меня мистеръ Перксъ. Этого бояться было нечего; мнѣ страшно было прикоснуться къ нему— даже поверотить голову въ ту сторону, гдѣ онъ лежалъ. Весь разговоръ хозяина съ мистеромъ Перксомъ объ отрѣзываньи головъ и о балаганномъ великанѣ изъ Бексли, которому надо было «подгибать колѣни», и о мертвецѣ съ короткою трубкою въ зубахъ, пришелъ мнѣ на память съ ужасающею отчетливостью; тутъ же я припомнилъ хладнокровное признаніе Неда Перкса, что для него совершеніе нѣкоторыхъ ужасовъ является исключительно вопросомъ о сподручности «такого остраго инструмента».

Что было въ мѣшкѣ?

Мой страхъ нисколько не уменьшился, но чѣмъ дольше я углублялся въ этотъ предметъ, тѣмъ сильнѣе разгоралось во мнѣ желаніе отдѣлаться отъ ужаснаго недоумѣнія и узнать правду.

Какъ могъ я узнать эту правду?

Я осторожно протянулъ дрожащую ногу и, добравшись ею до запачканнаго мѣшка, ощупалъ его пальцами. Онъ былъ мягкій и уступалъ давленію. Ужь не сажа ли это и въ самомъ дѣлѣ?

Я *долженъ* былъ знать правду во что бы то ни стало, хотя бы даже грозила опасность; мое недоумѣвіе было слишкомъ мучительно. У меня въ карманѣ лежалъ складной ножикъ, и, не останавливаясь на размышленіяхъ о неосторожности таковаго поступка, я потяхоньку вытащилъ его изъ кармана и раскрылъ; затѣмъ, медленно наклонившись къ мѣшку, я вдругъ однимъ ударомъ прорѣзалъ въ немъ большое отверстіе. Это было бы счастье, еслибы я отдернулъ руку такъ же быстро, какъ я протянулъ ее впередъ. Но этого я не сдѣлалъ; и, ужасъ изъ ужасовъ! изъ отверстія вывалилась тяжелою массою на мою руку, еще державшую ножикъ, человѣческая рука, холодная, какъ ледъ, и такая бѣлая, что она блеснула въ темнотѣ, какъ лучъ свѣта!

Какъ громко я крикнулъ, этого я не могу опредѣлить; помнится мнѣ только, что испуганная лошадь отъ этого крика равнулась впередъ; а въ слѣдующее мгновеніе я уже перескочилъ черезъ задокъ телеги, со всего размаха шлепнулся въ грязь, вскочилъ на ноги съ тѣмъ ощущеніемъ, что у меня разбито лицо, но что слава-Богу обѣ ноги у меня здоровы и вполнѣ способны бѣжать, и я побѣжалъ; и побѣжалъ тѣмъ быстрѣе, что услышалъ за собою мужской голосъ и стукъ другихъ ногъ, гнавшихъ за мною.

XXIX,

въ которой происходитъ сцена волею поразительная, чѣмъ все то, что я когда-либо видалъ въ представленіи въ Шордичи.

То былъ голосъ Неда Перкса.

— Воротитесь; слышите! ревѣлъ онъ. — Лопни ваши глаза! Вернетесь ли вы, когда я васъ зову? Я сверну вашу проклятую шею, когда вы мнѣ попадетесь, если вы не перестанете драть горло и не остановитесь!

Какъ я могъ остановиться? Я теперь нисколько не сомнѣвался

въ томъ, что мистеръ Бельчеръ и его сообщники были убійцами; и когда Недъ Перкъсъ сказалъ, что онъ свернетъ мнѣ шею, я совершенно повѣрилъ ему. Я бѣжалъ такъ быстро, что мнѣ трудно было собраться съ духомъ и закричать; но напрягая всѣ мои силы, я все-таки закричалъ: «разбой!» продолжая бѣжать, и спотыкаться, и шлепать по жидкой грязи проселочной дороги.

Я бѣжалъ такъ быстро, что оставилъ мистера Перкса далеко за собою; и вида, что ему нѣтъ шансовъ догнать меня, онъ остановился и свиснулъ, и вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ немедленно хорошо знакомый стукъ копытъ рѣзвонной гнѣдой лошади, мчавшейся по направленію ко мнѣ.

Теперь все было кончено! Моя быстрота не могла сравниться съ быстротою лошади; и такъ, дрожа отъ страха, я заползъ въ узкую канаву, окаймлявшую дорогу, и легъ плашмя на брюхо. Въ канавѣ была вода, такъ что я принужденъ былъ подпираться локтями, чтобы держать лицо надъ водою. Густая трава и лозины росли съ обѣихъ сторонъ, такъ что совершенно нависали надъ канавою, и какъ ни печально было мое положеніе, я съ удовольствіемъ подумалъ, что мнѣ, вѣроятно, удастся укрыться отъ нихъ, даже если они будутъ искать меня.

Когда Недъ Перкъсъ свиснулъ, онъ продолжалъ бѣжать по тому направленію, которое я принялъ, и въ то самое время, когда онъ поравнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я спрятался, мистеръ Бельчеръ подвѣхалъ въ телегѣ.

— Поймали? спросилъ онъ тревожно у Неда, сдерживая лошадь.

— Онъ не могъ далеко убѣжать — провалиться бѣ ему! прорычалъ мистеръ Перкъсъ, захывшійся до того, что едва могъ говорить.— Онъ гдѣ набудь тутъ по близости. И что ему подѣялось? Удивительное дѣло; чего онъ испугался?

— *Надо* поймать его, Недъ! мы *должны* его поймать, или насъ самихъ поймаютъ. Игра раскрыта!

— То-есть какъ же это раскрыта? Кто ее раскрылъ? спросилъ мистеръ Перкъсъ тономъ величайшей тревоги.

— Кто! Да вотъ эта дерзкая каналья! Ловите его, Недъ! Какъ бы то ни было, надо поймать его, а поймаемъ, такъ сдѣлаемъ такъ, чтобъ ужъ онъ и не пикнулъ. Слышите, Недъ? Чего жъ вы тутъ стали, какъ дуракъ? Онъ въ это время на цѣлую милю впередъ убѣжитъ!

— Вамъ хорошо говорить: «чего жъ вы тутъ стали?» когда чловѣкъ совсѣмъ себя ноги оттопталъ, проворчалъ мистеръ Перкъсъ:— да и почему вы знаете, что онъ насъ выдать хочетъ? Съ чего вы это вздумали?

— Подите сами посмотрите, коли мнѣ не вѣрите. Посмотрите сюда!

И я услышалъ, какъ Недъ сталъ на подножку, чтобъ взглянуть въ телегу, и въ это самое время лучъ свѣта свернулъ по водѣ канавы возлѣ самаго моего лица; и я понялъ, что значить мистеръ Вельчеръ открылъ потайной фонарь, чтобы показать Неду, въ чемъ дѣло.

— *Теперь* какъ вамъ кажется? спросилъ мистеръ Вельчеръ.

Недъ Перксъ соскочилъ съ подножки.

— Ну! сказалъ онъ съ ужаснымъ проклятіемъ.—Ваша правда, хозяинъ, надо его поймать!

— Надо ему заткнуть глотку, Недъ. Коли не заткнуть ему глотку, такъ незачѣмъ и ловить его.

— Объ этомъ не беспокойтесь, хозяинъ; я его покончу. Погоняйте лошадь, а я ухвачусь за край телеги и побѣгу сзади. Онъ не могъ уйти далеко; онъ ужъ, должно быть, совсѣмъ безъ ногъ былъ, какъ я остановился, а по этой дорогѣ онъ врядъ ли кого встрѣтитъ въ такую пору.

И къ невыразимому моему облегченію, совѣтъ мистера Перкса былъ исполненъ немедленно, и въ слѣдующую минуту я услышалъ удаляющійся стукъ копытъ гнѣдой лошади.

Но что же мнѣ было дѣлать? Если я побѣгу впередъ, я могу ихъ нагнать; если я побѣгу назадъ къ Лондону, они *меня* скоро нагонятъ.

Въ совершенномъ недоумѣніи я вылѣзъ весь мокрый изъ канавы и взобрался на дорогу, и когда я это дѣлалъ, то къ моему удивленію и испугу вдругъ изъ-за кустовъ вышелъ человекъ, и перешагнувъ черезъ канаву, положилъ руку ко мнѣ на плечи.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ сурово.

У него былъ съ собой фонарь и, обращаясь ко мнѣ, онъ направилъ на меня весь его свѣтъ. При томъ же свѣтѣ я успѣлъ рассмотреть и его фигуру, и какъ ни былъ страненъ мой видъ съ моими черными лохмотьями, пропитанными грязною водою, и съ моимъ лицомъ, разбитымъ въ кровь при прыжкѣ изъ телеги послѣ сдѣланнаго мною ужаснаго открытія, однако я сильно сомнѣваюсь, кто изъ насъ озадался болѣе изумленнымъ при видѣ другаго; мой новый собесѣдникъ былъ одѣтъ въ большой косматый сюртукъ, на немъ была шляпа съ широкими полями, а въ рукахъ у него было ружье.

— Въ чемъ дѣло, мальчикъ? повторилъ онъ, продолжая держать руку у меня на плечѣ, но гораздо болѣе мягкимъ голосомъ, чѣмъ въ первый разъ.—Отчего у васъ лицо въ крови? Какъ вы въ канаву попали? Что, васъ тѣ молодцы въ телегѣ засадили туда?

Голова у меня была такъ набита разными ужасами, что съ перваго взгляда я принялъ этого человѣка съ ружьемъ просто за убійцу, за придорожнаго разбойника, притаившагося здѣсь въ засадѣ, чтобы грабить и стрѣлять людей. Однако одинъ взглядъ на его честное лицо успокоилъ меня.

— Они меня въ бававу не засаживали, сэръ, сказалъ я:—я самъ туда отъ нихъ спрятался, сэръ. Вы меня имъ не выдавайте, сэръ, пожалуйста. Они хотятъ меня покончить, коли поймутъ меня; вы это сами могли слышать, коли были тутъ по близости.

— Что-то въ этомъ родѣ я точно слышалъ, отвѣтилъ лѣсничій—читатель очевидно догадался, что человѣкъ въ косматомъ сюртукѣ и съ ружьемъ былъ именно лѣсничій;—только почему вамъ надо было отъ нихъ бѣжать, вотъ что мнѣ хотѣлось бы знать. Изъ-за чего это они грозятся, что покончатъ васъ?

— Да я ихъ дѣло раскрылъ, сэръ. Я не думалъ это сдѣлать—по крайности, я не думалъ что такъ выйдетъ, когда я это сдѣлалъ, а только я ихъ дѣло раскрылъ, и теперь они за мной гонятся, хотятъ меня покончить, потому что боятся, что я пойду на нихъ пожалуюсь.

— Да какое вы у нихъ дѣло раскрыли? Они что затѣвали? Дичь, что ли, воровали?

— Хуже, сэръ, отвѣтилъ я, и на меня опять напала дрожь, когда передо мною пронеслась снова картина ужасной бѣлой руки. — Они на убійство ѣздили!

— Что такое?

— Убійство, сэръ. Они взяли съ собою въ телегу того человѣка, что убили; онъ завязанъ въ мѣшокъ. Я видѣлъ его руку. Вотъ этимъ-то я ихъ и раскрылъ.

Телега была еще на такомъ близкомъ разстоянн, что при ночной тишинѣ стукъ ея колесъ еще слегка доносился до нашего слуха. Лѣсничій пришелъ въ ужасное волненн, которое на минуту еще усилилось его недоумѣньемъ на счетъ того, что ему дѣлать. Прежде всего ему пришло въ голову бѣжать за телегой; онъ даже пробѣжалъ шаговъ двѣнадцать, прежде чѣмъ сообразилъ бесполезность такого образа дѣйствн.

— Взяли съ собою въ телегу тѣло убитаго человѣка, мальчикъ—вы въ этомъ увѣрены? Вы сами видѣли, говорите?

— Я видѣлъ его руку. Я прорѣзалъ дыру въ мѣшкѣ посмотрѣть, что тамъ было, и рука оттуда вывалилась на мою руку.

— Я боюсь, что оно въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ онъ говорить, сказалъ въ полголоса озадаченный лѣсничій:—тутъ правда слышится, а только чортъ знаетъ что же тутъ дѣлать?

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Коли вы все объ нихъ знаете, такъ вы можете мнѣ сказать, куда они ѣдутъ?

— Въ Лондонъ, сэръ — въ улицу Чизендъ, въ Кемберуэлъ, сэръ — тамъ мистеръ Бельчеръ живетъ, сэръ.

— Какъ вы это узнали? недовѣрчиво спросилъ лѣсничій.— Какъ бы то ни было, а ужъ послѣднее не правда: они ѣдутъ прямо прочь отъ Лондона.

— Да, сэръ, только они воротятся, объяснилъ я:—они только повернули чтобы за мной погнаться, когда я перескочилъ черезъ задовъ телеги. Они навѣрное скоро повернуть назадъ, сэръ. Вы пожалуйста не давайте имъ поймать меня!

— Назадъ воротятся, вотъ какъ? О, это совсѣмъ дѣло другое. Вы то хотите сказать, что когда они увидятъ, что вы отъ нихъ улизнули, тогда они сейчасъ назадъ поворотятъ?

— Безъ всякаго сомнѣнiя, сэръ.

— Коли они только будутъ такъ любезны, что минутъ семь замѣшкуютъ, мы, я думаю, устроимъ имъ встрѣчу, замѣтилъ лѣсничій, восхищенный надеждою захватить двухъ такихъ негодяевъ.

Не выпуская моей руки, онъ опять перескочилъ черезъ канаву, пролѣвъ между кустовъ и мы очутились въ молодой рощицѣ. Тутъ онъ вынулъ изъ кармана маленькiй свистокъ и два раза свиснулъ особеннымъ образомъ; когда онъ повторилъ этотъ сигналъ, ему отвѣтили на нѣкоторомъ разстоянiи такимъ же свисткомъ.

— Томъ забрался туда въ кусты; я думалъ, онъ поближе будетъ, сказалъ лѣсничій, и опять два раза свиснулъ рѣзко и нетерпѣливо, такъ чтобы Томъ въ кустахъ могъ понять, что ему не мѣшаетъ поторопиться.

На послѣднiй свистокъ не получилось отвѣта, и по тому нетерпѣнiю, съ которымъ мой новый прiятель шагалъ взадъ и впередъ, и прислушивался сначала лѣвымъ, потомъ правымъ ухомъ, можно было судить, какъ сильно его волнуетъ та мысль, что люди въ телегѣ могутъ выиграть партiю.

— Я имъ спуска не дамъ, коли даже одинъ буду, пробормоталъ онъ.—Если они не остановятъ лошади, я ей ноги перешибу.

И онъ рѣшительно взялъ ружье на перевѣсъ.

Скоро однако его чуткое ухо уловило звукъ приближающихся по лѣсу шаговъ, и черезъ минуту двѣ большiя собаки выбѣжали на насъ, а за ними скорымъ шагомъ явился и Томъ. Собаки были повидимому расположены обойтись со мной какъ съ «гадиной» и съ этою цѣлью одна изъ нихъ заблагоразсудила забрать себѣ въ

ротъ кусокъ моихъ панталонъ, но сторожь отогналъ ее прочь и она удалилась въ аррьергардъ.

— Ну, сказалъ лѣсничій № 1:—вы теперь расскажите Тому то, что мнѣ говорили—не больше и не меньше—да поскорѣе.

Я повторилъ Тому отъ слова до слова то, что я прежде изложилъ его товарищу.

— Вы увѣрены, что они назадъ вернутся, мальчики? сказалъ Томъ.

— Увѣренъ—развѣ только что есть другая дорога въ Лондонъ, отвѣтилъ я.

— Ну, такъ мы ихъ нагрозимъ, потому другой дороги нѣтъ, сказалъ Томасъ лѣсничій.

— Чу! промолвилъ я.—Вотъ они вѣдется назадъ ѣдутъ!

Уши мои съ особенною чувствостью открыли приближеніе тѣхъ людей, которыхъ я такъ боялся.

— Это телега на вѣрное. Какъ же мы распорядимся?

— Вы держитесь въ тѣни и сейчасъ выскакивайте, какъ только понадобится, а я ихъ остановлю, торопливо отвѣтилъ Томъ.

— А собаки?

— А, чортъ ихъ возьми! Я совсѣмъ о нихъ забылъ! Онѣ подинмутъ кутерьму, если мы ихъ какъ нибудь не пристроимъ. Погодите, вотъ что сдѣлаемъ: за вами тоже не мѣшаетъ присмотрѣть, мальчики; такъ мы разомъ двухъ зайцевъ поймаемъ. Садитесь.

Я сѣлъ.

— Дьяк! Слотъ! стерегите его!

И собаки легли возлѣ меня по обѣ стороны, и въ ихъ глазахъ выразилось такъ ясно: «стронься, коли посмѣешь», что повторять имъ приказаніе было бы совершенно излишнимъ.

Сдѣлать всѣ эти небольшія распоряженія потребовалось гораздо меньше времени—просто вчетверо меньше,—чѣмъ сколько понадобилось на то, чтобы ихъ описать. Тѣмъ не менѣе гнѣдая лошадь успѣла уже сократить вдвое то разстояніе, которое насъ раздѣляло, когда я впервые слышалъ ихъ возвращеніе. Было ясно, что, не имѣя возможности отыскать меня, мой хозяинъ боялся самаго худшаго и гналъ лошадь во весь духъ, чтобы наверстать потерянное время. При какихъ бы то ни было условіяхъ для него было дѣломъ первой важности попасть назадъ въ Лондонъ домой.

Съ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, я могъ неясно различать дорогу сквозь вѣтки кустарниковъ, и я увидѣлъ, что одинъ изъ моихъ пріятелей выдвинулся на средину дороги и тамъ сталъ на одно колѣно, какъ разъ на той полосѣ, по которой должна была

промчатся лошадь. Стукъ копытъ и колесъ слышался такъ близко, что по моимъ соображеніямъ, человѣка, стоявшаго на дорогѣ, непременно должны были раздавить, но вдругъ лучъ свѣта, съ ужасающею внезапностію, озарилъ темную дорогу и вслѣдъ за тѣмъ немедленно раздался грохотъ ружейнаго выстрѣла.

Прежде всего мнѣ пришло въ голову, что мои пріатели, чтобы остановить негодаевъ, сидѣвшихъ въ телегѣ, рѣшились просто ихъ застрѣлить, или, по крайней-мѣрѣ, что они подстрѣлили лошадь, какъ это намѣренъ былъ сдѣлать первый лѣсничій Джо; но такъ-какъ вниманіе собакъ было на мигу отвлечено ружейнымъ выстрѣломъ, то я рѣшился приподнять голову и тогда моимъ взорамъ представилась очень оживленная картина.

Гнѣдая взвилась на дыбы и, совсѣмъ ошеломленная внезапнымъ свѣтомъ и громомъ выстрѣла (мастеръ Томъ именно на это и рассчитывалъ), боролась изо всѣхъ силъ съ однимъ изъ лѣсничихъ, ухватившимъ ее подъ уздцы; другой лѣсничій, съ ружьемъ въ одной рукѣ и съ фонаремъ въ другой, направлялъ свѣтъ фонаря прямо на лица перепуганныхъ трубочистовъ, изъ которыхъ одинъ, кажется Недъ Перкъсъ, махалъ бичомъ, ухвативъ его рукою за тонкій конецъ, и кричалъ, съ акомпанементомъ самыхъ ужасныхъ проклятій, что если человѣкъ, остановившій лошадь, не выпуститъ ее, то онъ, Недъ, разожжетъ ему мозговую коробку. Мастеръ Бельчеръ прикидывался хладнобровнымъ.

— Что это за шутки, ребята? говорилъ онъ, старааясь смѣяться. — Коли вы хотите въ разбойниковъ поиграть, такъ можете найти и задержать кого-нибудь почище насъ, трубочистовъ. Ну, убирайтесь же теперь, куда грѣха не случилось. Пустите лошадь, сэръ, а то она васъ совсѣмъ сомнетъ.

— Именемъ королевы мы васъ арестуемъ! произнесъ лѣсничій Томъ тономъ, соответствующимъ торжественности случая.

— Арестуете насъ? Вотъ такъ славная штука! Это вы за что же насъ арестуете?

— За убійство. За убіеніе того человѣка, котораго тѣло теперь лежитъ у васъ въ телегѣ, завязанное въ мѣшокъ.

Свѣтъ отъ фонаря Джо все еще былъ устремленъ на лица обонхъ трубочистовъ, и хотя я дрожалъ такъ сильно, что не разнавлегалъ на себя со стороны моихъ четвероногихъ сторожей укоровзненное рычанье, я могъ видѣть, что мистеръ Бельчеръ и Перкъсъ обмѣнялись между собою взглядами, не допускавшими никакихъ двусмысленныхъ толкованій.

— Въ мѣшкѣ, въ мѣшкѣ съ разрѣзомъ, ге? Проклятый! дорога бы я далъ, чтобы онъ мнѣ попался въ эту мигу, прорычалъ Недъ Перкъсъ, заскрипѣвъ зубами.

— Это точно! Въ мѣшкѣ съ разрѣзомъ, и рука мертвеца выснулась изъ разрѣза. — Вылѣзайте, либо очищайте намъ мѣсто, такъ мы повеземъ васъ въ Ильфордъ; тамъ для васъ найдутъ помѣщеніе, а, Томъ?

— Да вы сначала загляните въ телегу, Джо, чтобы дѣло узнать навѣрное, замѣтилъ Томъ, все еще державшій подъ уздичъ лошадь, которая сравнительно вела себя въ это время спокойно.

Повинуясь внушенію своего товарища, Джо направился къ задней части телеги, и, перегнувшись надъ нею, освѣтилъ ее фонаремъ, причемъ онъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ найти дѣла въ томъ положеніи, какъ я ихъ ему описалъ; но ему некогда было сообщить товарищу то, что онъ увидѣлъ. Покуда телега колыхалась изъ стороны въ сторону и мистеръ Бельчеръ велъ съ однимъ изъ лѣсничихъ вышеприведенную краткую бесѣду, мистеръ Перксъ потихоньку вытаскивалъ изъ мѣшка съ «звѣдавшими инструментами» длинную толстую желѣзную палку и, когда лѣсничій Джо наклонился, Недъ поднялъ эту палку и направилъ въ голову Джо такой ударъ, который, по всей вѣроятности, раздробилъ бы ему черепъ, еслибы товарищъ не предостерегъ его во время восклицаніемъ: «берегись, Джо!» Теперь этотъ ударъ откололъ только большую щепку отъ верхней доски задка.

— Бѣгите, Бельчеръ! Все пропало! закричалъ Недъ Перксъ, и съ свойственнымъ ему проворствомъ, быстрый, какъ мысль, онъ въ одинъ прыжокъ перескочилъ черезъ край телеги. Мистеръ Бельчеръ, хотя и не отличался проворствомъ, однако, не хотѣлъ отказываться отъ всякой попытки бѣжать; онъ очень торопливо выбрался изъ телеги, но голова его въ эту минуту очутилась подъ ружьемъ Тома, все еще державшаго лошадь, и жестокій ударъ прикладомъ уложилъ его безъ движенія посреди дороги.

Недъ Перксъ оказался счастливецъ. Выскакивая изъ телеги, онъ не выпустилъ изъ рукъ желѣзную палку и, увидѣвъ прямо передъ собою проломъ въ изгороди, онъ перескочилъ черезъ узкую канаву и бросился туда; наклонивъ голову, онъ быстро помчался прямо въ ту сторону, гдѣ я лежалъ подъ стражемъ; я, право, думаю, что онъ наткнулся бы на меня, еслибы крикъ ужаса, вырвавшійся изъ моей груди, не заставилъ его отвинуться назадъ.

Его злобная радость, когда онъ увидѣлъ меня, на минуту вышибла у него изъ головы все, кромѣ свирѣпой ненависти къ моей особѣ. Кажется, онъ совсѣмъ не замѣтилъ собакъ; онъ видѣлъ только *меня*. Онъ не сказалъ ни слова; только все лицо его исказилось и онъ обѣими руками замахнулся желѣзною палкой. Но Дьюгъ и Слотъ были исправныя собаки и твердо знали,

что значить приназаніе ховина, «стерегите его». Онѣ вскочили на свои длинныя ноги, когда палка взлетѣла вверхъ, и прежде чѣмъ она успѣла опуститься, онѣ уже вцѣпились въ моего врага и повалили его лицомъ на землю такъ же легко, какъ вы могли бы повалить стебель подсолнечника.

ГЛАВА XXX,

ВЪ КОТОРОЙ ОДНА ОСТОЖНАЯ ПТИЦА УЛЕТАЕТЪ, А ДРУГУЮ САЖАЮТЪ ВЪ НАДЕЖНУЮ КЛѢТКУ. Я УВѢГАНЪ ОТЪ ЗАКОНА И ЕГО СЛУЖИТЕЛЕЙ, ЧТОБЫ ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ ДУРНЫХЪ ПОСЛѢДСТВІЙ «ЧИРИКАНЬЯ».

Пока собаки крѣпко держали мистера Перкса, одна за шейную космыку, а другая за правую руку повыше локтя, Джозефъ лѣсничій съ быстротою, усугубленною вѣроятно тѣмъ размышленіемъ, что разбойникъ, лежавшій на землѣ, безъ зазрѣнія совѣсти хотѣлъ размовжить ему голову, вытащилъ изъ кармана своего сюртука пару ручныхъ колодокъ и, скрутивъ мистеру Перксу руки за спину, сковалъ ихъ накрѣпко. Пока онъ это дѣлалъ, онъ замѣтилъ конецъ толстой веревки, высунувшейся изъ кармана куртки мистера Перкса; эту веревку онъ захватилъ, не спрашиваясь позволенія, и ею связалъ ноги мистера Перкса повыше щиколотки; и такъ-какъ не было больше возможности чтобы этотъ джентльменъ поднялся на ноги и убѣжалъ, Джозефъ приказалъ собакамъ отпустить его, и пошелъ на дорогу посмотреть, какъ дѣйствуетъ его товарищъ. Считаю почти излишнимъ упоминать, что я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Мистеръ Бельчеръ все еще лежалъ въ грязи съ той самой минуты, какъ на него обрушился ударъ, и Томъ лѣсничій, обвязавъ возжи гнѣдой вокругъ дерева, изслѣдовалъ содержаніе телеги при свѣтѣ потайнаго фонаря, принадлежавшаго самому мистеру Бельчеру.

— Мой готовъ! воскликнулъ Джозефъ, быстро подбѣгая къ телегѣ. — Какъ дѣла, Томъ? Умеръ онъ? Нѣтъ признаковъ жизни въ бѣдномъ маломъ?

— Миѣ кажется, что нѣтъ, отвѣтилъ Томасъ, и въ тонѣ его выразилось конечно больше досады, чѣмъ состраданія. — Онъ совсѣмъ какъ слѣдуетъ умеръ — умеръ съ недѣлю тому назадъ, я вотъ какъ скажу.

— Какъ! убить недѣлю тому назадъ? воскликнулъ Джозефъ съ выраженіемъ крайняго ужаса. — Можетъ ли это быть! Боже мой! Что за злодѣи!

— Злодѣи конечно, за это я поручусь, но не убійди, Джо; но крайней-мѣрѣ тутъ убійства не было.

— А что же? спросилъ Джозефъ съ изумленіемъ, становясь въ то же время на подножку, чтобы взглянуть на это таинственное явленіе.

— Похищеніе трупа — вотъ и все; судите сами.

— Да вѣдь мальчикъ сказалъ, что тутъ было убійство. Вы зачѣмъ же сказали, что тутъ убійство, мальчикъ? обратился ко мнѣ Джозефъ съ упрекомъ.

— Да я думалъ, что оно такъ было, отвѣтилъ я, начиная рассказываться, зачѣмъ я въ это дѣло вмѣшался. — Развѣ жъ бы онъ позволилъ себя въ мѣшокъ положить, кабы они его сначала не убили? Такъ вѣдь, мистеръ? Развѣ жъ они не сдѣлали ничего худаго, мистеръ?

— Худаго довольно, чтобы и въ Ботани-Бей попасть, отвѣтилъ мистеръ Томасъ: — они туда и попадутъ; это такъ же вѣрно, какъ дважды два—четыре. Ну, я очень радъ, что не такъ дурно вышло, какъ мы думали (таково могло быть его заключеніе послѣ хладнокровнаго размысленія, но въ то время, когда онъ говорилъ, мнѣ кажется, онъ врядъ ли былъ доволенъ). Смотрите сюда, Джо, они въ этомъ люди бывалые, продолжалъ онъ, раскрывая мѣшокъ съ тѣми звякавшими инструментами, о которыхъ я упоминалъ вамъ:—вотъ тутъ буравы, ломы, веревки и всѣ принадлежности. Ей-Богу! Вотъ будетъ суматоха завтра утромъ! Пособите-ка, Джо; мы уложимъ негодяевъ на дно телеги вмѣстѣ съ тою дичью, что они ловили, и поѣдемъ сейчасъ въ Ильфордъ.

— Надѣли колодки на другаго молодца? спросилъ Джо, сходя съ подножки и подразумѣвая мистера Бельчера.

— Ему въ голову попала такая колодка, что онъ теперь съ нею не разбѣжится, усмѣхнулся мистеръ Томасъ. — А все-таки, Джо, пожалуй надѣньте; оно лучше будетъ это дѣло обдѣлать во всей чистотѣ.

Джо обошелъ кругомъ на ту сторону телеги, гдѣ съ полминуты тому назадъ, одинъ изъ негодяевъ лежалъ безъ чувствъ и въ крови; дойдя до того мѣста, онъ вскрикнулъ отъ изумленія:

— Да онъ ушелъ! Провалнсь я сквозь землю, коли не ушелъ!

Это была правда. Кровотеченіе вмѣстѣ съ оживляющимъ дѣйствіемъ холоднаго дождя привели мистера Бельчера въ чувство; по всей вѣроятности, у него былъ свѣжъ въ памяти случай съ полицменомъ, о которомъ упоминалъ мистеръ Перкъсъ въ связи съ забавною исторіею Спифлера Уилькинса; онъ уползъ прочь, и былъ таковъ.

Первымъ опасеніемъ лѣсничыхъ было то, что мистеръ Бель-

черъ, воспользовавшись случаемъ, освободилъ своего товарища, и что они оба убрался вмѣстѣ; но сдѣлавъ такое предположеніе, они придали моему хозяину такое великодушіе, какого въ немъ никогда не бывало; ихъ скоро разубѣдили оставленные имъ слѣды ногъ и кровавыя пятна. Эти слѣды и пятна вели къ невысокой стѣнѣ, окаймлявшей дорогу справа, и составлявшей границу обширнаго парка. Было ясно, что мистеръ Бельчеръ, быстро и безъ шума, какъ настоящій трубочистъ, добрался до этой стѣны, перелѣзъ черезъ нее, и въ это время былъ, по всей вѣроятности, такъ далеко, какъ только могли унести его двѣ минуты отчаяннаго бѣга. Онъ ушелъ не съ пустыми руками. Ружье Томаса было прислонено къ телегѣ, откуда Томасъ лазилъ смотрѣть на «субитаго человѣка», и это ружье исчезло вмѣстѣ съ «воскресшимъ». Поэтому, быть можетъ, лѣсничіе и рѣшили, что лучше будетъ позаботиться о молодцѣ, оставшемся въ ихъ рукахъ, чѣмъ гнаться за бѣглецомъ. Томасово ружье было двуствольное, и послѣ выстрѣла, потраченнаго на пуганіе гнѣдой, одинъ стволъ оставался еще заряженнымъ; а заряженное ружье въ рукахъ отчаяннаго человѣка такая штука, отъ которой лучше держаться подальше.

— Врядъ ли онъ его совсѣмъ возьметъ, размышлялъ Томасъ: — онъ его броситъ, какъ переберется на ту сторону парка и выйдетъ на большую дорогу. Ружье-то я скоро ворочу — тамъ имя на прикладѣ — да и его самого поймутъ, какъ мы напустимъ на него сыщиковъ.

Они переняли черезъ дорогу, и за изгородью нашли мистера Перкса на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его остановили; легкая перемѣна, происшедшая въ его положеніи, конечно, не была для него выгодна; вѣрному Слому вздумалось поставить свои тяжелыя переднія лапы на затылокъ мистера Перкса, и носъ этого несчастнаго вдавился въ сырую землю такъ глубоко, что ему стала грозить опасность задохнуться. Кривнуть онъ не могъ, и, чтобы дать знать о своемъ бѣдственномъ положеніи, онъ только махалъ пальцами своихъ скованныхъ рукъ; но это онъ дѣлалъ съ такою энергіею, которая побудила лѣсничихъ поторопиться его освобожденіемъ.

— Берите его за ноги, Томъ, а я возьму за плечи, сказали Джо. — Вы несите фонарь, мальчикъ, идите впередъ.

— Что вы хотите со мной дѣлать? застоналъ мистеръ Перксъ, воображая себѣ, по всей вѣроятности, что съ нимъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ невзгодъ, собираются поступить очень круто — что, быть можетъ, его, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, возьмутъ и бросятъ куда-нибудь въ ближайшій прудъ.

— Ничего ми съ вами не хотимъ дѣлать, молодчикъ, отвѣтилъ Томасъ. — Только свеземъ васъ въ тюрьму. Тамъ вы найдете такого человѣка, что я сдѣлаеть съ вами кое-что, могу васъ увѣрить.

— Повѣситъ меня не могутъ, даже если и уличать, ужъ это вѣрно, съ философскимъ спокойствіемъ промолвилъ мистеръ Перкъсъ.

— Ваше счастье, замѣтилъ Джозефъ: — вы бы меня убили, кабы могли, это вы сами знаете.

— Кое-кою я бы точно убилъ, кабы могъ, ужъ это безъ промаха, лопни мои глаза. Я бы ему въ дребезги разнесъ его проклятую голову, кабы тутъ эти чортовы собаки не подвернулись. Я вотъ объ этой канальѣ говорю.

Съ этими словами онъ вдругъ поднялъ голову, и увидавъ, что я иду впереди съ фонаремъ, онъ подогнулъ колѣни, и лягнулъ своими связанными ногами въ мою сторону; онъ зашибъ бы меня, не знаю въ какой степени больно, еслибы Джозефъ, угадавъ его намѣреніе, и желая его предупредить, не уронилъ безъ церемоніи на землю плечи мистера Перкса.

— Вы этой штуки больше не дѣлайте, молодець, замѣтилъ Джозефъ, хладнокровно подхватывая снова свой конецъ мистера Перкса: — видите, васъ можно доставить въ телегу на два манера — можно нести, и можно волочить; вы сами знаете, какъ легче.

— Волочите меня хоть къ чорту, коли хотите, только бы мнѣ закатить ему хорошаго тычка, заревѣлъ дикимъ голосомъ мистеръ Перкъсъ.

Однако онъ, не предпринимая дальнѣйшихъ нападеній на меня, далъ донести себя до телеги, и уложить возлѣ задка. Когда онъ увидѣлъ, что люди собираются въ путь, и что, кромѣ трупъ въ мѣшки, никто не помѣщается вмѣстѣ съ нимъ въ задней части телеги, онъ снова заговорилъ:

— Гдѣ жъ мой товарищъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Гдѣ бы и вамъ хотѣлось быть, могу поручиться, отвѣтилъ Джо, съ простительною, но неосторожною насмѣшливостью: — онъ счастливѣе васъ — онъ удралъ.

— Удралъ, в ружье мое унесъ, подхватилъ столь же неосмотрительный Томъ.

Но, если они надѣялись прибавить зависть къ тѣмъ мукамъ, которыя уже испытывалъ мистеръ Перкъсъ, то усилія ихъ пропали даромъ. Недѣ былъ дальновидный негодай. Онъ не въ первый разъ попадался въ тиски, и онъ зналъ хорошо, какъ важно имѣть на свободѣ надежнаго товарища.

— На чисто отдѣлался, вы говорите? спросилъ онъ съ жаромъ.

— Этого я не говорю; отвѣтилъ Томъ: — онъ скоро радъ будетъ куда-нибудь приклониться своею больною головою, и тогда его накроютъ навѣрное. Подсадите мальчика, Джо; пускай онъ сядетъ по срединѣ, между нами.

— Съ вашего позволенія, сэръ, нельзя ли мнѣ будетъ бѣгать рядомъ съ телегой? спросилъ я. — Я отъ васъ не отстану, коли вы не очень быстро поѣдете.

Я, естественнымъ образомъ, боялся садиться такъ близко около разбойника, выразившаго въ отношеніи ко мнѣ столь враждебныя чувства.

— Пшт! вамъ тутъ нечего бояться, возразилъ мистеръ Джо-зефъ, вваливая меня въ телегу: — очень ужъ онъ будетъ ловокъ, коли ему удастся пошевелить пальцемъ и обидѣть васъ или кого другаго, прежде чѣмъ мы его развяжемъ.

Онъ ударилъ кнутомъ по лошади, и мы отправились въ Ильфордъ, находившійся отъ насъ на разстояніи двухъ миль.

Мы уѣхали не далеко, когда Джозефу пришлось убѣдиться, что Недъ Перкъсъ, дѣйствительно, очень ловокъ. Не высвободивъ ни одного изъ своихъ членовъ, и не сдѣлавъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшей попытки, онъ нашелъ возможность затронуть меня, если не вещественнымъ, то духовнымъ образомъ.

— Джимъ! крикнулъ онъ.

— Не отвѣчайте ему, сказалъ лѣсничій Томъ.

— Джимъ, вы слышали, что они сказали? Хозяинъ ушелъ, и ружье съ собой захватилъ. Много ли вы начирикали, и много ли промолчали, этого я не знаю. Больше—вы—не—чирикайте.

Заключительныя слова въ рѣчи мистера Перкса были произнесены медленно и съ разстановкою, съ расчетомъ на то, чтобы они произвели какъ можно болѣе сильное впечатлѣніе.

— Не надсаживайтесь попусту, глупый вы человѣкъ, засмѣялся мистеръ Томъ, поворачиваясь назадъ къ живому человѣку, лежавшему рядомъ съ мертвецомъ: — онъ будетъ говорить, что захочетъ, и скажетъ всю правду.

— Джимъ! настаивалъ мистеръ Перкъсъ.

— Садитесь сюда впередъ, и держитесь поближе къ краю, мальчикъ, посоветовалъ лѣсничій Джозефъ: — вамъ тогда, быть можетъ, не слышно будетъ, что онъ станетъ говорить.

Я съ удовольствіемъ послѣдовалъ этому совѣту; мнѣ было пріятно хоть немного удалиться отъ человѣка, выразившаго согласіе, чтобы его впролочили къ антиподамъ, лишь бы только ему удалось захватить мнѣ хорошій тычокъ; я сѣлъ къ са-

нимъ оглоблямъ, поставивъ ноги на подножку, и ухватившись обѣими руками за передній край телеги.

— Джимъ! ревѣлъ мой супостатъ, такъ громко, что я бы слышалъ его, еслибы даже находился по ту сторону дороги:— вы знаете, что вамъ говорилъ хозяинъ; вы знаете, что онъ вамъ обѣщалъ, коли вы когда-нибудь проболтаетесь насчетъ его работъ. Онъ такъ и сдѣлаетъ, вы это помните. Коли вы только ротъ разинуть посмѣете, коли вы еще слово промолвите — тутъ онъ сейчасъ на васъ и налетитъ — это вѣрно. Можеть, и недѣля пройдетъ, и другая пройдетъ, и ужъ вы будете думать, что это все вранье было. Вы увидите. Когда вы будете думать, что все благополучно сошло съ рукъ, тутъ-то и страдется бѣда, тутъ-то онъ на васъ и нагрянетъ. Вы не думайте, что законъ васъ защититъ; законъ за всѣмъ не усмотритъ, а хозяину минутное дѣло поступить такъ, какъ онъ сказалъ. Вы сами знаете, и онъ это сдѣлаетъ. Будете вы лежать въ постелѣ за сто миль отсюда и дверь будетъ заперта на замокъ, и труба будетъ закрыта желѣзными рѣшотками, и вдругъ вы проснетесь и увидите, что онъ подходитъ къ вамъ въ темнотѣ, чтобы сдѣлать такъ, какъ онъ сказалъ. Такъ вы, голубчикъ, поостерегитесь.

Трудно было не принять къ сердцу данное такимъ образомъ предостереженіе.

Услышавъ, къ чему клонятся рѣчи мистера Перкса, оба лѣсничіе громко заговорили и застучали ногами по дну телеги, чтобы я не слышалъ словъ Неда; но я слышалъ каждое слово, и на меня напалъ такой ужасъ, что я чуть не сорвался съ своего сидѣнья и не полетѣлъ головой впередъ подъ колеса.

Моимъ покровителямъ хорошо было говорить: «вы его не слушайте, мальчавъ; вы будете въ совершенной безопасности, если только скажете все по правдѣ, когда васъ приведутъ къ судѣ. Онъ только старается васъ запутать, чтобы вы наговорили дѣлной коробъ вранья и, покрывая его, сами попали въ бѣду». Имъ легко было такъ говорить, и даже вѣрить тому, что они говорили; но они не знали мистера Бельчера — они не знали, что онъ «какъ сказалъ, такъ и сдѣлаетъ», и не знали, какой у него былъ видъ, когда онъ это говорилъ.

Мое знакомство съ закономъ до настоящей минуты ничего не говорило мнѣ о его покровительственной силѣ, но съ противоположной стороны я зналъ законъ весьма достаточно.

Мои пріатели лѣсничіе, безъ сомнѣнія, не хотѣли ввести меня въ бѣду, но они въ своемъ невѣдѣніи смотрѣли на меня какъ на мальчишка, который никогда не нарушалъ закона и не возставалъ его противъ себя.

Мой юный ум находилъ несообразнымъ, чтобы по случаю печальнаго открытія, сдѣланнаго мною на счетъ беззаконнаго ремесла мистера Бельчера, законъ вдругъ поворотился ко мнѣ съ полными дружелюбіемъ, и чтобы его ужасныя орудія — полицейскіе стали нарочно оказывать мнѣ услуги, чтобы они своими поступками сгласили мнѣ касательно мистера Бельчера и его шпеціи: «подите сюда, спрячьтесь за меня, мой мальчикъ; онъ вамъ вреда не сдѣластъ; коли онъ только попробуетъ привести въ исполненіе свою угрозу, я возьму палку и отдѣлаю его въ одну минуту». Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобы базарный сторожъ при встрѣчѣ со мною привѣтливо пожалъ мнѣ руку, и спросилъ какъ я поживаю. Если даже допустить предположеніе, что законъ дѣйствительно пожеласть защищать меня отъ моего врага, то все-таки оказывается совершенно вѣрнымъ то мнѣніе Неда Перкса, что законъ за всѣмъ не усмотритъ; а какъ мало времени требуется на то, чтобы задушить мальчика, это мистеръ Бельчеръ показалъ мнѣ очень наглядно во время нашего достопамятнаго разговора. Кромѣ того, я въ это же самое время началъ понимать до нѣкоторой степени настоящее значеніе того беззаконія, въ которомъ провинился мой хозяинъ, и выѣсть съ этимъ пониманіемъ явилось оясненіе, что я, чего добраго, слыхкомъ поторопился.

Воровать трупы съ кладбища — это конечно очень противно и ужасно (тѣмъ болѣе ужасно, что я, въ глубокомъ моемъ невѣжествѣ, могъ допускать для труповъ, украденныхъ мистеромъ Бельчеромъ, только одно назначеніе — людодѣйство), но если смотрѣть на это со стороны преступности, съ той стороны, съ какою смотреть на убійство и разбой, то оно не могло казаться моему неразвитому пониманію дѣломъ особенно предосудительнымъ.

Завѣсивъ такимъ образомъ эти различныя соображенія — съ одной стороны мысль о грозной мести мистера Бельчера, а съ другой стороны сомнительное повровительство законъ — я къ тому времени, какъ мы доѣхали до Ильфордской тюрьмы, началъ сильно жалѣть о томъ, что заварилъ талую кашу, и твердо рѣшился воспользоваться совѣтомъ Неда Перкса, то-есть «чирикать» какъ можно меньше, когда меня пововутъ къ судѣ для отбيرانія показаній.

И это рѣшеніе я удержалъ по крайней-мѣрѣ во всю остальную часть ночи. Признаюсь, то было очень тяжелое испытаніе. Когда прошла первая большая тревога въ полиціи — когда разбудили сторожа и несчастный трутъ въ мѣшкѣ отвезли въ приходскій домъ усопшихъ, когда Недъ Перксъ (ему разнавали ноги,

чтобы онъ могъ идти) съ своими свозанными руками и сверѣвшимъ запяточными лицомъ въ куртѣ, изорванный зубами собакъ, появился передъ инспекторомъ, когда фактъ его преступленія былъ дознанъ и засвидѣтельствованъ законнымъ порядкомъ, и его отвели въ коморку, въ задней части полицейскаго дома—когда все это кончилось, я очутился въ полицейскомъ приѣмномъ покоѣ, передъ полицейскимъ огнемъ и съ дюжиною полицменовъ, считая въ томъ числѣ самаго суроваго инспектора; всѣ они собрались около меня, всѣ такіе пріятные и разговорчивые, и стали задавать мнѣ вопросы, и угощать меня кофеемъ, и дали мнѣ надѣть сухое платье, и прилѣпили мнѣ на лобъ кусокъ пластыря (перепрыгнувъ черезъ задокъ телеги, я сдѣлалъ себѣ на лбу большую ссадину); тутъ дѣйствительно повзалося, что законъ ко мнѣ дружелюбенъ, и что я могу на него положиться во всѣхъ отношеніяхъ.

Но знаменательныя слова Неда Перкса: «вы не думайте, что законъ васъ покроетъ; закону невозможно за всѣмъ усмотрѣть» предождали звучать въ моихъ ушахъ, и я, въ своихъ разговорахъ, соблюдалъ такую сдержанность, которою подтверждалось свидѣтельство лѣсничихъ, что во все время поѣздки арестантъ всѣми силами старался запугать меня. Всего необходимѣе было имъ знать, гдѣ жили трубочисты (на телегѣ имени не было). Джозэфъ лѣсничій объявилъ, что я сказалъ ему адресъ, но что этотъ адресъ совершенно ускользнулъ изъ его памяти; поэтому мои отговорки, будто я не знаю, ни въ чему не вели. Я сказалъ, что я забылъ; на это законъ, бывшій до тѣхъ поръ пріятливымъ и веселымъ, вдругъ сдѣлался угрюмымъ и надумалъ, а представитель закона, инспекторъ, строго замѣтилъ мнѣ, что если я не разину ротъ въ эту ночь, то меня заставить заговорить на другой день утромъ—что ужъ это вѣрно.

Я этому не повѣрилъ; но, увы! случилось именно такъ, какъ предсказалъ инспекторъ. Джентльмены на скамьѣ, къ которымъ привели мистера Перкса на другой день утромъ рано, были совсѣмъ другаго сорта, чѣмъ тѣ, которые закидывали мнѣ разные вопросы въ полицейскомъ домѣ. Очевидно, судьи были извѣщены о настоящемъ положеніи дѣла и одинъ изъ нихъ съ грознымъ видомъ, сѣдой, въ зеленыхъ очкахъ, сдѣлалъ на меня такой натискъ, котому мальчикъ рѣшительно неспособенъ былъ сопротивляться. Я предвидѣлъ свою погибель съ той минуты, какъ онъ началъ тормозить меня по поводу присяги.

— Смотрите на меня, мальчикъ! восликинулъ онъ, ударивъ рукою по столу такъ громко, что у меня захватило дыханіе.

Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ несомнѣнно «судей-

скій коршунъ», о которомъ я часто слыжалъ, но котораго я до сихъ поръ никогда не видѣлъ. Тутъ онъ сидѣлъ со львомъ и единорогомъ надъ головою, съ черной линейкой въ рукѣ и смотрѣлъ на меня зелеными глазами, а двадцать полицменовъ съ обнаженными головами, покорно ожидали, готовые повиноваться малѣйшему его знаку.

— Не смотрите на арестанта, сэръ, сказалъ зеленоглазый рѣзко, потому что Недъ Перкъсъ на скамьѣ подсудимыхъ канцлинулъ, и въ то же мгновеніе повернулъ голову въ его сторону: — смотрите на меня, сэръ! Смотрите постоянно сюда!

— Знаете вы, чтó значитъ давать присягу, сэръ?

Я зналъ. Въ нашихъ разговорахъ о законѣ и его дѣйствіяхъ, Моульди, питавшій особенное пристрастіе къ этому предмету, подробно разъяснилъ мнѣ это дѣло.

— Это значитъ цаловать книгу, сэръ, и сулить себѣ, что кое-что съ вами случится, коли станете говорить вранье, отвѣтилъ я.

Глаза у меня были прикованы къ уставленнымъ на меня зеленымъ очкамъ такъ, что у меня навернулись слезы, какъ будто бы я смотрѣлъ на солнце.

— Коли будете говорить ложь — да. А скажите, знаете ли вы чтó съ вами случится, если вы тутъ, въ судѣ, дадите присягу говорить правду, а затѣмъ попробуйте обмануть судъ ложными показаніями.

— Огонь и сѣра, сэръ, такъ, по крайней-мѣрѣ, я слышалъ, отвѣтилъ я.

Воспользовавшись тѣмъ, что зеленныя очки на минуту опустелись, когда ихъ обладатель сталъ сморкаться, я далъ отдыхъ своимъ глазамъ, моргнувши нѣсколько разъ подъ рядъ, и это доставило мнѣ невыразимое облегченіе.

— Огонь и сѣра на томъ свѣтѣ, конечно, отвѣтилъ судейскій коршунъ, направляя на меня зеленныя очки еще грознѣе прежняго, если только это было возможно. — Но это не избавляетъ васъ отъ отвѣтственности за этотъ поступокъ въ здѣшнемъ мірѣ, сэръ. Если вы подѣ присягою говорите ложь, здѣсь въ судѣ, сэръ, это нарушеніе вѣтвы; а нарушеніе вѣтвы есть преступленіе, которое, обыкновенно, наказывается многолѣтнею ссылкой за моря. Проведите его къ присягѣ, экзекуторъ; а вы, подсудимый, не смотрите на свидѣтеля пока его допрашиваютъ.

Какъ могъ я не «чиривать» при подобныхъ условіяхъ? Онъ былъ такой бѣдовый джентльменъ, что, чуть только я начиналъ говорить о какой-нибудь части разбираемаго дѣла, онъ уже какъ будто узналъ все, и предлагалъ такіе вопросы, на которые я,

при всемъ моемъ нежеланіи говорить, долженъ былъ отвѣчать ему самымъ обстоятельнымъ разсказомъ всѣхъ мельчайшихъ подробностей.

То обстоятельство, что я не могъ видѣть лица Неда Перкса, безъ сомнѣнія, въ значительной степени успокоивало меня; однако, по временамъ, касаясь тѣхъ подробностей, которыя я находилъ щекотливыми, я взглядывалъ на его руки, остававшіяся по прежнему свованными у него за спиною; я видѣлъ, что онъ то стискивалъ кулаки, то шевелелъ пальцами, стараясь этими движеніями сколько нибудь замѣнить тѣ биванія и подмигиванія, съ которыми онъ обращался бы ко мнѣ, еслибы я могъ видѣть его лицо.

Я принужденъ былъ сказать все, что я зналъ: какъ я ушелъ изъ дому, какъ мистриссъ Уиншипъ отрекомендовала меня мистеру Вельчеру, какой разговоръ былъ у меня съ Слемомъ, на счетъ чистки церковныхъ трубъ, какія рѣчи мистера Вельчера и Неда я подслушалъ лежа въ телегѣ — словомъ, все, до той самой минуты, когда перепуганный появленіемъ бѣлой руки, я выпрыгнулъ вонъ изъ телеги.

Когда лѣсничіе, Томасъ и Джозефъ, сдѣлали свои показанія, то получился тотъ результатъ, что дальнѣйшее производство дѣла было отложено на недѣлю, чтобы полиція успѣла захватить мистера Вельчера, и чтобы такимъ образомъ, оба преступника могли появиться вмѣстѣ на скамьѣ подсудимыхъ.

— Мальчика всего лучше будетъ отправить домой къ родителямъ; и кто возьметъ его, тотъ пускай понастоятельнѣе внушить его отцу, что его черезъ недѣлю необходимо представить сюда, замѣтилъ джентльменъ въ зеленыхъ очкахъ.

Суду пришлось заняться другими дѣлами, и когда съ нами покончили, я вышелъ на улицу вслѣдъ за нѣкоторыми полицейскими и за обоими лѣсничими.

Эти люди нѣсколько времени поговорили между собою, и потомъ завернули въ ближайшую таверну, и я, едва сознавая, что я дѣлаю, пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Однако, мое смущеніе не отъ того, что мистера Перкса снова отвели въ тюрьму, и также не отъ ослѣпительнаго блеска зеленыхъ очковъ; меня совсѣмъ ошеломили собственно послѣднія слова ихъ обладателя: «мальчика всего лучше будетъ отправить домой къ родителямъ!» Этимъ, въ самомъ дѣлѣ, завершалась погребель, которую я навлекъ на себя своимъ глупымъ вѣщательствомъ въ дѣла, совершенно до меня не касавшіяся. «Лучше отправить домой!» Лучше, чтобы я явился къ отцу съ полисменомъ, который увѣдомитъ его о моихъ сношеніяхъ съ гробо-

вспателями, и, всего хуже, скажетъ ему, что меня рекомендовала мнѣ невинная мистриссъ Уинкшвиъ! Да тутъ весь проулокъ не въ силахъ будетъ удержатъ его, чтобы онъ не убилъ эту добрую старуху и меня самого, когда до него дойдутъ такіа извѣстія; и все это послѣ той доброты, которую она обнаружила въ отношеніи ко мнѣ. Этого не должно бытъ. Такуу ужасную катастрофу надо предотвратить какъ-нибудь — какъ бы то ни было — хоть бы даже пришлось идти наперекоръ ужасному судейскому коршуну и его приказаніямъ, и хотя бы пришлось принять такіа экстренныя мѣры, которыя отняли бы у полицейскихъ всякую возможность отвести меня назадъ въ проулокъ Фрайангленъ.

Мнѣ необходимо было ускользнуть отъ моихъ теперешнихъ сторожей, выбратъся изъ Ильфорда и укрытъся гдѣ-нибудь въ моихъ прежнихъ Вестминстерскихъ трущобахъ. Я говорю о моихъ сторожахъ, но на самомъ дѣлѣ казалось, что меня никто не сторожилъ. Я попробовалъ выдти изъ той комнаты, гдѣ полицейскіе и лѣсничіе пили пиво, вышелъ въ контору таверны, на дворъ за строениями, на улицу — и нашелъ, что я могу прогуливаться такимъ образомъ безъ провожатаго и безъ помѣхи. Дѣйствительно, казалось, что я воленъ идти, куда хочу; но зная коварство полиціи и ихъ извѣстную замашку, прикидываться особенно равнодушными къ тому предмету, за которыми они, на самомъ дѣлѣ, слѣдятъ всего внимательнѣе, я обуздаль свое желаніе уйти, и рѣшилъ воротитъся назадъ, и посидѣть нѣсколько времени въ распивочной, слушая въ оба.

Мнѣ не долго пришлось ждать; въ самомъ дѣлѣ, оба полицмена, повѣдающему, говорили обо мнѣ, покуда меня не было въ комнатѣ.

— О, вотъ онъ! замѣтилъ одинъ изъ нихъ, когда я вошелъ. — Вы бы поближе къ намъ держались, молодой джентльменъ, а то на васъ сейчасъ налетитъ тотъ молодецъ съ ружьемъ.

Это, должно быть, была шутка; другой полицменъ и лѣсничіе засмѣялись.

— А рады вы будете домой попасть, и отъ всякой опасности отдѣлаться, мой мальчикъ? спросилъ одинъ изъ полицейскихъ.

Выразить нежеланіе идти домой, значило бы, очевидно, побудить полицію, чтобы она съ особенною заботливостію препроводила меня на мѣсто.

— Я чрезвычайно буду радъ; мнѣ бы хотѣлось ужъ тамъ на мѣстѣ быть, отвѣтилъ я. — Ужъ теперь я ни подъ какимъ видомъ больше не убѣгу.

— Вы дорогу домой знаете отсюда?

— Отлично знаю, сэръ, отвѣтилъ я съ жаромъ. — Съ вашего позволенія могу я сейчасъ пойти?

— Вы не пойдете до тѣхъ норъ, покуда я не отдѣлаюсь и не поведу васъ, отвѣтилъ полицменъ. — Это будетъ часа въ четыре, когда кончится заходъ солнца. А здѣсь сидѣть вы не обязаны. Вы знаете, вы вѣдь не арестантъ, вы свидѣтель. Вы можете пойти въ полицію тамъ посидѣть; можете прогуляться; только не ходите далеко.

Я едва могъ воздержаться отъ выраженія моего восторга при этихъ словахъ полицейскаго. Я не арестантъ, я свидѣтель, я воленъ прогуляться!

— Благодарю, сэръ, отвѣтилъ я, и безопасно вышелъ изъ расписочной, не прибавивъ больше ни слова и оставивъ полицію въ невѣдѣніи на счетъ того, которымъ изъ предоставленныхъ мнѣ правъ я намеренъ былъ воспользоваться.

Тщательно воздерживаясь отъ всѣхъ признаковъ торопливости, я пошелъ внизъ по Ильфордской дорогѣ, которая, какъ вѣроятно извѣстно читателю, составляетъ продолженіе главной дороги на востокъ отъ Лондона, той дороги, которая проходитъ черезъ Бау и Стратфордъ. Надо припомнить, что положивъ мѣшокъ съ сажей въ телегу на ромфордскомъ кладбищѣ, мистеръ Бельчеръ подарилъ мнѣ шиллингъ; эту монету я тщательно переложилъ изъ кармана моихъ мокрыхъ локмотьевъ въ карманъ сухаго и удобнаго платья, даннаго мнѣ въ полицейскомъ домѣ. Я немедленно рѣшилъ, что на этотъ шиллингъ добуду себѣ мѣсто въ первой попавшейся телегѣ, которая будетъ ѣхать въ Лондонъ. Счастливый случай избавилъ меня отъ этого безразсуднаго расхода. Чуть только на поворотѣ дороги домъ суда скрылся у меня изъ глазъ, меня сталъ догонять экипажъ, запряженный парой лошадей, съ очень удобными запятками, не утѣванными гвоздями. Такого благопріятнаго случая не слѣдовало упускать, и въ полминуты я очутился возлѣ одной изъ заднихъ рессоръ и помчался съ быстротою десяти миль въ часъ.

ГЛАВА XXXI,

въ которой я вступаю на новый и опасный путь, и оказываюсь обладателемъ огромнаго богатства.

Я проѣхалъ черезъ большой и малый Ильфордъ, черезъ Бау и Стратфордъ до Майль-Эндъ-Роода, и даже тутъ моя поѣздка преждевременно прекратилась только благодаря коварному поведенію какого-то мальчишка, приблизительно моихъ лѣтъ; желая

чтобы его даромъ подвезли и видя съ досадою, что ему не осталось мѣста на запяткахъ, онъ обратился въ кучеру съ энергическимъ и настойчивымъ требованіемъ, чтобы меня отсюда согнали; кучеръ, завязавшій интересный разговоръ съ лакеемъ, сидѣвшимъ съ нимъ радомъ, по всей вѣроятности вовсе не былъ благодаренъ негодяю за этотъ перерывъ, но однако онъ былъ принужденъ послушаться его и поступить по его указанію. Для бѣглеца это было рискованное дѣло, но я думаю, что я не отказалъ бы себѣ въ удовольствіи надавать тумановъ этому мальчику, даже еслибы самъ ужасный судейскій коршунъ въ зеленыхъ очкахъ появился на дорогѣ.

Было еще рано (я живо управился съ моимъ завистливымъ юнымъ пріителемъ), и часа въ два я былъ уже около Уайтъ-Чепела. Только увидѣвъ на стѣнѣ надпись Уайтъ-Чепель-Роодъ, я узналъ гдѣ я нахожусь, и это открытіе доставило мнѣ большое удовольствіе. Я лично совсѣмъ не зналъ этой части столицы, но во время моихъ походовъ въ темныхъ «Аркахъ», я познакомился съ нѣсколькими мальчиками, пришедшими изъ Уайтъ-Чепела, и всѣ они единогласно называли эту часть города самымъ глухимъ захолустьемъ, какое только можно себѣ представить.

Глухое мѣсто, гдѣ по сосѣдству много перепутанныхъ дворовъ и извилистыхъ проулковъ — мнѣ именно этого и надо было въ моемъ теперешнемъ положеніи; первымъ и величайшимъ моимъ желаніемъ было укрыться на нѣсколько времени, покуда не загложнетъ несчастное дѣло о похищеніи труповъ; и тогда...

Рано было думать о томъ, что будетъ *тогда*; надо было позаботиться о себѣ *теперь*.

Черезъ часъ или около того, ильфордскій полицменъ начнетъ обо мнѣ беспокоиться, и начнутся поиски, отъ которыхъ по возможности слѣдуетъ увертываться.

Я повернулъ въ Кэтлеръ-Стратъ, прошелъ черезъ дюжину самыхъ узкихъ и грязныхъ проходовъ, какіе я только могъ найти, и наконецъ пріютился въ восхитительно-тихой сѣѣстной лавочкѣ, гдѣ я истратилъ на пищу четыре пенса изъ своего шиллинга.

Хозяинъ лавки пускалъ ночевать и давалъ постели по четыре пенса, какъ я это узналъ, наведя справки; поэтому съ его позволенія я присѣлъ въ углу до вечера, и потомъ получивъ на ужинъ пенсовую порцію супу, я отправился наверхъ и устроился на ночь.

Я былъ достаточно утомленъ, чтобы заснуть немедленно, и я осмѣливаюсь думать, что я бы такъ и сдѣлалъ, еслибы мой

духъ былъ такъ же утомленъ, какъ мое тѣло, или еслибы я вѣдѣлъ передъ собою только одно затрудненіе, какъ бы ни было оно значительно. Но меня сдѣлала въ настоящую минуту дѣлая сѣть затрудненій. Миѣ трудно было самому повѣрить въ дѣйствительность того ужаснаго положенія, которое досталось на мою долю. Сдѣлавъ надъ собою ужасное усиліе, я такъ сказать, заперъ дверь моей души передъ толпою моихъ тревогъ, и чтобы лучше рассмотреть ихъ, я сталъ впускать ихъ къ себѣ по одиночкѣ; и тогда ихъ оказалось такъ много, что онѣ совершенно ошеломили и озадачили меня. Всего досаднѣе было то, что эти затрудненія составляли послѣдствія моихъ «побѣговъ». Прежде всего я убѣжалъ изъ телеги и считъ себя счастливымъ; я убѣжалъ отъ мистера Перкса, когда онъ бѣшено гнался за мною съ намѣреніемъ меня убить; тутъ, безъ сомнѣнія, было чему радоваться; я убѣжалъ отъ Ильфордской полиціи самымъ необыкновенно счастливымъ образомъ; и однако къ чему же привели меня всѣ эти удачи? Мое положеніе сдѣлалось во сто разъ хуже прежняго. Мой отецъ опять нападетъ на мой слѣдъ; мистриссъ Уинкшишъ, единственный настоящій другъ мой во всемъ мірѣ, должна по дѣломъ разсердиться на меня за то, что я ее предалъ; мистеръ Бельчеръ былъ на свободѣ и жаждалъ поймать меня, чтобы угостить такъ, какъ онъ говорилъ; и законъ, единственное убѣжище для мальчишка, котораго весь свѣтъ кровожадно преслѣдуетъ, законъ былъ также возстановленъ противъ меня, и безъ сомнѣнія долженъ былъ внушить своимъ агентамъ, чтобы они насильно схватили меня, гдѣ только встрѣтятъ. Ну, при такихъ обстоятельствахъ что же лучше всего было дѣлать? Что *можно* было дѣлать? Ничего, рѣшительно ничего! Надо было только прятаться, и выжидать, и смотрѣть.

Съ этою мыслию я заснулъ, и съ этою мыслию я проснулся на другой день утромъ, сошелъ внизъ въ лавочку и истратилъ на завтракъ оставшіеся у меня три пенса.

Безъ всякой другой мысли въ головѣ, я цѣлый день слонялся по улицамъ, выбирая самыя мизерныя и темныя закоулки и со страхомъ и трепетомъ избѣгая встрѣчи съ полиціей.

Это положеніе долго не могло продолжаться. Мой старый врагъ голодъ подъ вечеръ напомнилъ миѣ, что я не обѣдалъ и что миѣ по всей вѣроятности не придется ужинать.

— Это смѣшно говорить, что надо выжидать и высматривать; вы должны что-нибудь дѣлать! говорилъ голодъ.

— Какъ! какъ же я могу двинуться съ мѣста, такъ чтобы не вспортить еще больше моего положенія?

— А развѣ жъ можно его еще больше испортить?

— Я право не знаю, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ его можно больше испортить.

Какъ бы то ни было, мнѣ это надоѣло. Ужъ и того довольно, что всякій разъ какъ за уголь завертываешь, боишься какъ бы не схватилъ тебя полицменъ, а то еще голоднымъ ходить все время! Кабы я былъ поближе къ базару, не сталъ бы я голодать ни подъ какимъ видомъ. И чего я церемонюсь? Всѣ противъ меня.

Это значило просто, что я былъ готовъ поправлять мои обстоятельства въ ущербъ кому то ни было и какимъ угодно способомъ. Кабы я зналъ, какъ таскать изъ кармановъ, то, я боюсь, никакія соображенія о громадности этого преступления не помѣшали бы мнѣ взяться за это дѣло.

Но я не зналъ какъ приступить; это предиріатіе было для меня черезчуръ страшно. Воровать фрукты съ Ковентъ-Гарденскихъ лотковъ, было не трудно, куда торговецъ не смотрѣлъ на васъ, или не могъ васъ догнать, если бы васъ по несчастію замѣтили прежде вы успѣли бы уйдти; но одна мысль о томъ, чтобы подойти къ джентльмену или леди, запустить руку къ нимъ въ карманъ, вынуть оттуда добычу и убраться съ нею— о! кто на это рѣшается, тотъ, конечно, долженъ быть гораздо смѣлѣе меня. Разумѣется, я зналъ, что это дѣлается; пока я жилъ ходя «сарнами», мнѣ даже показывали такихъ мальчиковъ, которые добывали себѣ хлѣбъ, воруя изъ кармановъ; но я видавъ также всякихъ заклинателей и людей, умѣвшихъ кувыряться черезъ голову, и глотать складные ножи, и первое было для меня такою же непостижимою тайною, какъ и второе. Отглядывая въ сторону вопросъ о нравственности, я скажу, что еслибы мнѣ были предложены на выборъ двѣ задачи: перекувырнуться какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, или украсть изъ кармана, то я, конечно, выбралъ бы первую, какъ болѣе легкую.

И размышляя, болѣе чѣмъ когда-либо въ жизни о томъ, какая это ужасная работа воровать изъ кармановъ, я вышелъ изъ глухихъ закоулковъ и скоро очутился въ Эльдгетъ, гдѣ лавки были всѣ освѣщены и веселы, и гдѣ тротуары были загромождены людьми, носившими въ карманахъ много денегъ.

Возлѣ Фенчъртъ-Стрита находилась лавка колоніальныхъ товаровъ. Это была очень роскошная лавка; тутъ были зеркала, нѣя окна, и большая выставка иностранныхъ плодовъ, чаевъ и пряностей, п бавки съ пикудами и консервами; кромѣ того тутъ были всевозможныя китайскія фигуры, фарфоровыя и деревянныя, какихъ я никогда не видывалъ; онѣ казались странны-

ми большей части прохожихъ; почти никто не проходилъ мимо не бросивъ на нихъ взгляда, а иные останавливались посмотреть поближе, такъ что вокругъ окна стояла постоянно небольшая толпа. Я взглянулъ на эти фигуры, и такъ-какъ мнѣ некуда было торопиться, то я захотѣлъ переждать, покуда народъ разоидется и дастъ мнѣ возможность посмотреть поближе.

Какъ разъ напротивъ окна лавки, у края тротуара находилса фонарный столбъ и я, остановившись, прислонился къ нему. Въ числѣ народа, собравшагоса около лавки, была старая леди, которую нельзя было не замѣтить, потому что она была очень толста и занимала больше мѣста, чѣмъ кто-либо другой. Ей хотѣлось что-то видѣть въ нижней части окна, и для этого она нагнулась и вытянула шею впередъ.

Не спуская глазъ съ толстой леди и дивясь тому, чего она такъ долго смотритъ, я увидѣлъ мальчика чуть-чуть побольше меня ростомъ, нагнувшасго на нее очень близко и подражавшаго всѣмъ ея движеніямъ. Этотъ мальчикъ былъ одѣтъ не очень хорошо, и я подумалъ, что онъ собирается подшутить надъ толстою леди, толкнуть ее головою въ окно, или сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ. Я такъ думалъ, покуда мнѣ не пришлось взглянуть ему въ лицо, и тогда я увидалъ, что какал бы ни была у него дѣла (а что у него была дѣла, неотносящаяся къ выставкѣ колониальныхъ товаровъ, этого я, какъ достаточно опытный мальчикъ, не могъ не увидать съ разу), дѣло, во всякомъ случаѣ, шло для него не на шутку. Тутъ я сталъ приглядываться внимательнѣе, чѣмъ когда-либо, и увидалъ, что онъ дѣлаетъ такое дѣло, отъ котораго у меня захватило дыханіе, и я принужденъ былъ держаться за фонарный столбъ, какъ будто бы его рискъ былъ моимъ собственнымъ рискомъ. Онъ опустилъ руку вдоль по ея шелковому платью, потомъ принялъ руку прочь, и въ эту минуту струя газоваго свѣта, упавшая на его руку, освѣтила кошелекъ и кучу бѣлыхъ монетъ, поблескивавшихъ съвозъ шелковыя петли. Затѣмъ онъ ускользнулъ въ толпу и никто не обратилъ на него вниманія, а старуха, налюбовавшись вдоволь, пошла въ другую сторону, улыбаясь и кивая головою, при мысли о смѣшномъ мандаринѣ въ окнѣ; такимъ образомъ все дѣло въ общемъ итогѣ получило до нѣкоторой степени характеръ шутки.

Но что за шутка для мальчика! Этотъ прелестный шелковый кошелекъ, со всей этой массой денегъ! Я продалъ сапоги и чулки за шиллингъ и за кусокъ хлѣба въ два пенса; а тутъ, въ этомъ кошелкѣ, я готовъ побиться объ закладъ, было по

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ.

II *.

ВЪ ГОРАХЪ.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ, горы становятся рѣшительно подавляющимъ элементомъ швейцарской жизни. Куда бы ни обратили теперь свои взгляды, на всемъ протяженіи отъ Шафгаузена и до Тичино, или — въ другомъ направленіи — отъ Нешателя до Форарльберга, — всюду вы замѣчаете дѣятельное переселеніе народовъ, совершающееся, такъ сказать, въ обратномъ историческомъ порядкѣ, т.-е. не съ горъ въ долины, — какъ это обыкновенно водится въ исторіи человѣчества, — а съ долинъ въ горы, на болѣе или менѣе значительную высоту, отъ двухъ съ половиною и до четырнадцати тысячъ футовъ включительно, смотря по характеру, побужденіямъ и денежнымъ средствамъ переселяющихся.

До начала осени это великое переселеніе удерживаетъ международный характеръ; съ точки зрѣнія самихъ швейцарцевъ, горы теперь-то и начинаютъ становиться поприщемъ весьма усиленной экономической дѣятельности. Личная инициатива оказывается несостоятельною, чтобы стричь и донести это многочисленное международное стадо, съ путеводителями Бедекера и Конта, съ длинными альпійскими палками, съ жаждою живописныхъ мѣстностей и благорастворенія воздуха... Отдельные союзы возобновляются съ новою силой, или даже создаются вновь, бюргерами нѣмецкихъ кантоновъ, которыхъ сама природа нарочито устроила для успѣшнѣйшаго прокормленія и обирания международныхъ туристовъ въ горахъ Швейцаріи въ жаркую лѣтнюю пору.

Мѣстомъ отдохновенія для швейцарской буржуазіи горы эти станутъ нераньше конца августа, или начала сентября. До тѣхъ поръ, какъ бы ни свирѣпѣла 30-ти градусная жара, — страдальца швейцарца удержитса во всей силѣ. Республиканскіе бур-

* См. «Отчетъ Зан.» 1868, № 5.
Т. CLXXIX. — Отд. II.

геры, члены отельныхъ союзовъ, усиленно и въѣхотѣ янда будутъ пожинать англійскіе фунги стерлинговъ и вошедшіе въ международную силу наполеондоры съ яноплеменныхъ пришельцевъ. Съ нихъ же, по крохамъ и по крупичамъ, собереть хлѣбъ свой насущный отупѣлый отъ тяжкаго бремени жизни и туристскихъ сундуковъ и чемодановъ, возносимыхъ имъ на 6000' вышины горы Валата или Риги, — бѣдный горный туземецъ, составляющій несомнѣнно особую разновидность человѣческаго рода, нѣчто въ родѣ «выючнаго человѣка».

Эти многолюдные и многоязычные караваны тошихъ и длинноногихъ англичавъ (между которыми омажета, можетъ быть, одинъ сэръ Тиндаль, собирающійся вновь провисѣть часа три гдѣ-нибудь надъ пропастью на собственныхъ своихъ пальцахъ и съ учено-спеціальною цѣлю), — восторженныхъ нѣмцевъ обоого пола, — дорожно красивыхъ бельгійцевъ, — французовъ, нетеряющихъ парижскаго вида и парнимахерскаго мировоззрѣнія даже на высотѣ 14.000 футовъ надъ уровнемъ моря, — нашихъ соотечественниковъ (между которыми не омажета, вѣроятно, ни одного Тиндала), и пр. Вся эта разноплеменная веревяца, — говорю я, — несущая съ собою червонды и хлѣбъ насущный союзнымъ бургерамъ, подвержена, какъ и всякій урожай, тысячъ разнородныхъ случайностей, и политическаго, и климатическаго свойства. А потому немудрено, что альпійскіе жители, — старъ я малъ, — часто съ сердечнымъ замираемъ слѣдятъ за пароходами и паровозами, подвозящими имъ грузы живаго товара; слѣдятъ за погодою и за политическими событіями, подъ подавляющимъ вліяніемъ одной преобладающей мысли, одного тяжкаго сомнѣнія: «а какъ-то уродитъ намъ Господь это лѣто англичанъ?» — Въ этомъ ключъ въ разгадкѣ политическихъ убѣжденій швейцарцевъ; и не только горныхъ альпійскихъ, на плечахъ которыхъ лежитъ непосредственно тяжелое дѣло стрижки и доенія разноплеменнаго стада, — а также швейцарцевъ юрскихъ и жоратскихъ (*Жората* — называется цѣпь холмовъ, связующая Юру съ Альпами), — швейцарцевъ низменныхъ мѣстностей и городскихъ; ибо *каждый за естль и ест за одною* (въ переводѣ на языкъ нѣмецкій, французскій и итальянскій) составляетъ собою девизъ цѣлой федерации и каждаго отдѣльнаго члена; и въ дѣлѣ эксплуатации иностранцевъ, девизъ этотъ не остается пустою фразою: на этотъ счетъ самая полная солидарность существуетъ между кореннымъ горцемъ, и городскимъ буржуа, — купцемъ или промышленникомъ, повидимому, неизмѣющимъ никакой живой связи съ тою совокупностью сторонъ швейцарскаго народнаго хозяйства и быта, которую здѣсь называютъ общимъ именемъ «*Alpensvesen*». Во избѣжаніе иностранныхъ терминовъ, а бы очень охотно перевелъ это «*Alpensvesen*» словами «горное хозяйство»; но бѣда въ томъ, что у насъ привыкли съ горнымъ хозяйствомъ связывать мысль объ экстрактивной промышленности; а ова-то всего менѣе играетъ роль въ швейцарскомъ «*Alpensvesen*».

Горы и города Швейцаріи тѣсно солидарны между собою въ томъ отношеніи, что экономическая жизнь и тѣхъ и другихъ поддерживается исключительно иностранцами. Въ маленькихъ, непромышленныхъ городахъ, исключительно существующихъ, какъ необходимое подспорье для горъ, — продающихъ по дорогой цѣнѣ «прощальный стаканъ вина» фешіонебельнымъ смѣльчакамъ, отправляющимся взбираться на когда-то недосыгаемыя вершины, — въ такихъ городахъ, говорю я, въ родѣ, напримѣръ, Люцерна, торгующихъ исключительно всякою дрянью, покупаемою иностранцами «на память», условія эксплуатаціи тѣ же, что и въ горяхъ. Здѣсь зимою читаютъ «Mathieu de la Drome» въ нѣмецкомъ переводѣ, и вообще вѣрятъ во всякія предвѣщанія жарваго и сухаго лѣта, чтобы заранѣе хоть нѣсколько успокоить себя насчетъ будущаго хорошаго урожая иностранцевъ.

Но не менѣе ихъ завязать отъ подобнаго урожая жители промышленныхъ и рабочихъ центровъ; точно такими же побужденіями руководятся въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ собственно городскіе швейцарцы, все равно, засѣдаютъ ли они въ законодательныхъ и административныхъ совѣтахъ, или же болѣе безобидно даютъ исходъ накипѣвшему опасенію и негодованію, зарождающимся надеждамъ, за бутылкою пива въ кафе или brasserie. Понять политическія убѣжденія швейцарца, его симпатіи въ ту или другую сторону, очень трудно, пока стремишься видѣть въ немъ суроваго хранителя республиканскихъ принциповъ съ каковыми бы то ни было отѣнками. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, повидимому, должно бы возбуждать къ себѣ живѣйшее сочувствіе этихъ свободолюбцевъ съ разрѣшенія Вѣнскаго Конгресса; но это наше освобожденіе вѣхаетъ очень существенно въ карманъ женеvскимъ часовщикамъ и ювелирамъ: они, какъ извѣстно, занимаются выдѣлкою дорогихъ экземпляровъ своего искусства, предоставляя дешевое производство своимъ соперникамъ въ юрскихъ горахъ Нешательскаго кантона; такимъ образомъ женеvскія произведенія давно уже не рассчитывали на сбытъ въ Западной Европѣ, а шли въ Россію и Америку — страны, гдѣ, какъ извѣстно, утонченный вкусъ и любовь къ изящному имѣли себѣ весьма существенную подкладку въ рабовладѣльчествѣ... Такимъ образомъ указъ 19-го февраля 1861 г. вызываетъ кризисъ въ женеvскомъ часовомъ производствѣ; американская война разорлетъ Женеву болѣе, чѣмъ рабовладѣльческіе штаты... А согласитесь: нужно далеко простирать филантропическій пылъ, чтобы прощать себѣ, судьбѣ и человечеству потерю нѣсколькихъ десятковъ тысячъ франковъ годоваго дохода за освобожденіе нѣсколькихъ милліоновъ черныхъ или бѣлыхъ невольниковъ. Своя рубашка къ тѣлу (да и къ сердцу) ближе, чѣмъ чужіе люди, да еще, можетъ быть, и не имѣющіе своей рубашки.

Добавляя къ соображеніямъ, подобнымъ этому, страхъ нѣкоторыхъ кантоновъ передъ грозящею имъ возможностью очутиться

въ одно прекрасное утро вѣрноподанными французскаго или будущаго нѣмецкаго императора, вы будете имѣть весьма надежный ключъ къ уясненію себѣ политическихъ воззрѣній каждаго толковаго швейцарца. Само собою разумѣется, что воззрѣнія эти должны быть крайне разнообразны, такъ какъ разнообразіе обуславливающее ихъ экономическое положеніе кантоновъ.

Общее вѣдѣніе кантонамъ швейцарское миролюбіе въ дѣлѣ вѣдѣній политики объясняется тѣмъ же самымъ побужденіемъ: изъ-за чего бы ни возникали войны на нашемъ политическомъ горизонтѣ, каковъ бы ни былъ исходъ этихъ войнъ, обязательно-нейтральная Швейцарія непременно будетъ отъ нихъ въ убыткѣ, потому что она лишается ими сбыточнаго мѣста для своихъ товаровъ и произведеній...

Впрочемъ, не затѣмъ же завелъ я васъ въ Альпійскія горы, чтобы говорить о политическихъ мнѣніяхъ швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что попавшій въ швейцарскія горы иностранный туристъ неминуемо подвергнется нещадной эксплуатаціи со стороны бюргеровъ отельнаго союза. Въ порывѣ справедливаго негодованія, онъ легко упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что необходимость избирать поприщемъ своей промышленной дѣятельности иностранцевъ наложена на Швейцарію самою ихъ природою, весьма скудно надѣлившей эту страну всѣми естественными благами, но за то весьма щедро надѣлившею ее бюргеровъ спекулятивною способностью и предприимчивостью именно въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ эти качества оказываются необходимыми, чтобы получать отъ 150 до 200 процентовъ въ годъ на капиталецъ въ двѣ или три тысячи франковъ. Безъ придачи такого капиталца швейцарецъ ничего не въ состояніи придумать для себя, кромѣ лакейской должности гдѣ-нибудь за границею, которая, рано или поздно, приведетъ-таки его въ обладанію желаннымъ капиталцемъ; и тогда новый *Hôtel et Pension Belle-Vue* возникнетъ неминуемо на какой-нибудь, досадѣ голой и необитаемой, альпійской скалѣ...

Справедливо негодующій туристъ легко можетъ не замѣтить и того, что мѣстные жители, безъ прибавки необходимаго капиталца въ 2 или 3,000 франковъ, подвергаются отъ своихъ же соотечественниковъ съ этою существенною прибавкою эксплуатаціи, несравненно худшей, нежели какой бы то ни было пришелецъ иностранецъ. Въ горахъ и эта, такъ сказать отечественная, эксплуатація проявляется съ непосредственностью и первобытною, свойственными горной природѣ вообще. Носильщикъ, втаскивающий на собственныхъ своихъ плечахъ вашъ багажъ на крутыя и часто крайне высокія горы, вовсе не получить за свой тяжелый трудъ назначаемую по тарифу плату. Хорошо, если онъ получитъ одну пятую ея часть; но едва-ли не чаще случаи, когда онъ вовсе никакой ея части не получитъ, ибо онъ есть собственность отельнаго бюргера, счастливаго об-

капитала въ 2 или 3,000 фр., можетъ быть уже успѣвшимъ, съ помощію ассоціаций или личною своею инициативою (если капиталецъ былъ нѣсколько больше) довести его до цифръ весьма уважительныхъ размѣровъ.

Если всю всей массы горнаго швейцарскаго народонаселенія исключить нѣсколько патентованныхъ проводящихъ по горамъ и ледникамъ, составляющихъ собой родъ туземной аристократіи, то участь носильщиковъ, составляющихъ собственность хозяевъ отелей, является намъ общимъ удѣломъ альпійскихъ жителей. Тяжелая доля эта кладетъ свою неизгладимую печать на самую наружность этихъ несчастныхъ: правда, крѣпизмъ съ зобомъ составляетъ характеристическую особенность жителей одной только Ронской долины; крѣпизмъ безъ зоба, неофициально признаваемый, можно считать поголовнымъ въ средѣ горныхъ альпійцевъ. Причина столь печальнаго явленія ясна сама собою: стоитъ только вспомнить, что почти треть (т.-е. именно 31 процентъ) всей швейцарской территоріи рѣшительно неудобна въ воздѣлыванію, и что этотъ важный недостатокъ не возмущается здѣсь никакими другими естественными источниками обогащенія. Такимъ образомъ, производительность страны необходимо должна имѣть характеръ часто спекулятивный. И дѣйствительно, кромѣ непосредственной эксплуатаціи въ горахъ посредствомъ содержателей отелей и пансіоновъ, швейцарская промышленность поддерживается главнымъ образомъ такими производствами, которыхъ матеріалъ привозится издалека (какъ напримѣръ хлопчатая бумага, отчасти ленъ и шелкъ), и воздѣлывается въ Швейцаріи только потому, что трудъ, при здѣшнемъ безземеліи, обходится антрепренеру дешевле, нежели во Франціи, или въ Англіи. Только благодаря этому послѣднему обстоятельству, швейцарскіе продукты (вообще очень низкаго достоинства) и могутъ еще находить себѣ сбытъ на рынкахъ стараго и новаго свѣта. Стало быть, эксплуатація немущаго имущимъ является здѣсь, на первый взглядъ, необходимымъ условіемъ экономическаго существованія страны. Отнимите у швейцарскаго фабриканта дешева, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чуть что не даровая, рабочія руки, и онъ будетъ поставленъ въ необходимость совершенно отказатьсѣ отъ производства, потому что, и при настоящихъ условіяхъ, ему нужны громадные усилія ума, воли и бережливости, чтобы выдерживать конкуренцію Англіи и Германіи и кое-какъ сводить концы съ концами, прокармливая очень умеренно себя и свое семейство.

Скудость природныхъ источниковъ въ обогащенію и непропорціональность ихъ съ фатально возрастающими цифрами народонаселенія, томительно сознается здѣсь всѣми. Швейцарія есть самая мальтузіанская страна въ свѣтѣ. Община и государство, филантропы и сами бургеры, направляютъ всѣ свои усилія на то, чтобы остановить возрастаніе народонаселенія. Центральная власть нѣсколько разъ даже бывала вынуждена

сдерживать излишній мальтузианскій пылъ нѣкоторыхъ общинъ; вообще она, какъ менѣе заинтересованная въ дѣлѣ, позволяетъ себѣ иногда щегольнуть либеральными принципами, къ великому неудовольствію нѣкоторыхъ общинъ: такъ напримѣръ, федеральное правительство запретило союзнымъ гражданамъ служить наемниками въ иностранныхъ войскахъ. Впрочемъ, подобныя мѣры рѣдки; вообще же эмиграціи всякаго рода поощряются всѣми предрѣшавшими властями, какъ федеральными, такъ и кантональными и общинными. Точныхъ статистическихъ данныхъ на счетъ эмиграціи швейцарцевъ собрать невозможно; суда по цифрамъ, которыя даютъ Легуа и Фостъ въ послѣднемъ изданіи своей статистики Швейцаріи («La Suisse, 1867»), нѣкоторые нѣмецкіе кантоны теряютъ черезъ эмиграцію половину ежегодной прибыли ихъ народонаселенія. Позаваніе это скорѣе уменьшено, чѣмъ преувеличено. Небезынтересенъ можетъ быть для читателя слѣдующій расчетъ, хотя онъ и относится къ 1850—59 годамъ: 4,437 эмигрантовъ, выбывшихъ въ это время, вывели съ собою деньгами и имуществомъ 3.127,570 франковъ; слѣдовательно по 705 фр. на человѣка. Изъ нихъ вернулось обратно на родину только 549, и они привезли съ собою 2.686,988 франковъ, т.-е. около 4.900 фр. на человѣка. Цифры, которыя даетъ Бромуэль въ своей «History of immigration to the United States», не имѣютъ теперь никакого значенія, во первыхъ, потому что устарѣли; во вторыхъ потому, что и первоначальная ихъ точность весьма сомнительна. Французскіе кантоны Швейцаріи, поставляющіе на старый и новый свѣтъ нянекъ и гувернантокъ въ очень значительномъ количествѣ, даютъ однако же наименьшій процентъ эмиграціи. Всего болѣе выпадаетъ на долю Шафгаузена,ерна, Солотура и Арговіа. Эмиграція оказываютъ Швейцаріи двоякую услугу: во первыхъ, онѣ уносятъ за границу извѣстнѣйшій избытокъ ея народонаселенія; во вторыхъ, черезъ посредство эмигрантовъ и многочисленныхъ своихъ коми-вожатеровъ, швейцарскіе фабричные получаютъ возможность узнавать основательнѣе вкусы и потребности жителей различныхъ странъ; а послѣднее для нихъ очень важно, потому что, только благодаря своей приноровленности къ мѣстнымъ вкусамъ и потребностямъ, швейцарскіе продукты на многихъ рынкахъ могутъ устоять противъ англійской конкуренціи.

Швейцарскій мальтузианизмъ не удовлетворяется однако же эмиграціями. Здѣшнія общины, на которыя федеральнымъ правительствомъ возложена обязанность содержанія немущихъ своихъ членовъ, стремятся рядомъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ постановленій, остановить возрастаніе своего народонаселенія *in ipso fonte*, помѣшать своему человечеству размножаться, или по крайней мѣрѣ; сдѣлать изъ брака привиллегію людей достаточныхъ. Во первыхъ, всѣ вступающіе въ бракъ, безъ различія имущества и состоянія, въ значительномъ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ, должны вносить извѣстную сумму въ

общинную кассу, что скорѣе имѣетъ видъ штрафа, нежели страхованія, такъ-какъ соразмѣрять вносимую плату съ вѣроятностью обѣдненія, представляемою брачующимися, нѣтъ никакой возможности. Кромя того, во всѣхъ почти нѣмецкихъ кантонахъ запрещается вступать въ бракъ не только тѣмъ, кто когда-либо получалъ пособіе отъ общины, но даже ихъ дѣтямъ, если они не получили откуда-либо наслѣдства, или другимъ путемъ не приобрѣли имущества, которое бы обезпечивало ихъ существованіе. Многія общины поступаютъ еще радикальнѣе, т.-е. онѣ просто отказываютъ въ разрѣшеніи на бракъ кому вздумаютъ, подъ весьма эластичнымъ предлогомъ *возможности* обѣдненія или недостаточности нравственнаго образа жизни. Кантонъ Анненцель (собственно Аусерроденсия его общины) не дозволяетъ вступать въ бракъ лицамъ, состоящимъ въ плотскомъ или духовномъ родствѣ между собою; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ маленькой общинѣ трудно найти двухъ человѣкъ, которыхъ, при нѣкоторомъ желаніи, нельзя бы было породнить между собою; а между тѣмъ, бракъ съ лицами другой общины обставленъ новыми трудностями.

Этимъ и тому подобнымъ мѣрами, напримѣръ, Люцернскій кантонъ достигъ того, что въ немъ на 1,000 человѣкъ совершается ежегодно всего 4 брака. Правда, наибольшій процентъ незаконнорожденныхъ выпадаетъ тоже на этотъ кантонъ; но въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что число рожденій отъ брака въ Швейцаріи весьма незначительно. сравнительно съ другими странами Европы, а именно всего 5¹/₂ процентовъ, тогда какъ во Франціи 7¹/₂, въ Бельгіи и Пруссіи 7¹/₂, въ Англии 6¹/₂, въ Швеціи 9, въ Германіи 12 (Вюртембергъ), 18 (Баденъ) и даже 20 (Баварія).

Едва-ли можно приписать сравнительно ничтожный процентъ незаконныхъ рожденій въ Швейцаріи драконовскимъ постановленіямъ, существующимъ на этотъ счетъ въ большинствѣ швейцарскихъ общинъ. Почти всюду виновные наказываются денежными пенями, а въ случаѣ бѣдности, заключеніемъ въ рабочемъ домѣ, болѣе или менѣе продолжительнымъ. Тяжесть карательныхъ мѣръ всегда болѣе обрушивается на женщину, нежели на ея любовника. Такъ напримѣръ, въ Бернскомъ кантонѣ незаконно родившую привязываютъ къ позорному столбу; въ нѣкоторыхъ кантонахъ еще недавно тѣлесныя наказанія были дѣломъ обыкновеннымъ въ подобныхъ случаяхъ.

Такъ или иначе, максимумъ швейцарскихъ браковъ, падающій на долю кантона Гларусъ, не превышаетъ 11-ти на 1,000 человѣкъ. Среднимъ же числомъ въ Швейцаріи производится 1 бракъ на 147 человѣкъ. Во Франціи, которая не блистаетъ своими матримоніальными склонностями, 1 на 134, такъ что Швейцарія отстала даже и отъ Франціи. Нечего и говорить, что Германія со своимъ классическимъ пристрастіемъ къ «*gemüthliches Familien-Leben*», стоитъ значительно выше Швейцаріи

(1 на 123 на югѣ, а на сѣверѣ даже 1 бракъ на 118 челов.). Въ дѣлѣ незаконныхъ рожденій умѣренность Швейцаріи оказывается только чопорно-правственная Голландія, и то всего на полъ-процента. Всѣхъ нравственныхъ въ Европѣ оказывается въ этомъ отношеніи Ломбардія (3 процента).

Какими мѣрами Швейцарія дошла до такого уважительнаго обузданія въ этомъ отношеніи своего народонаселенія — рѣшать съ точностью я не берусь; но замѣчу, что мальтузіанскіе принципы съ давнихъ поръ стали здѣсь основой буржуазной нравственности; общественное мнѣніе нещадно караетъ ихъ непризнаніе, и женившійся безъ обезпеченныхъ средствъ къ существованію не найдетъ снисхожденія ни въ комъ. Буржуазія (и особливо женевская) съ рѣдкимъ смиреніемъ и съ явнымъ ущербомъ для здоровья будущихъ поколѣній, несетъ крестъ, возложенный на нее скудностью почвенныхъ и климатическихъ условій ея родины. Пролетаріямъ, вообще гораздо легкомысленнѣе относящимся къ вопросамъ будущаго, основы мальтузіанской нравственности предписываются насильно общественнымъ мнѣніемъ и общиннымъ законодательствомъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь вскользь о мѣрахъ, посредствомъ которыхъ швейцарская буржуазія нѣсколько облегчаетъ себѣ тяжелое бремя воздержанности и мальтузіанскаго благонравія. Мѣры эти должны бы быть довольно разнообразны, но говорить о нихъ гораздо удобнѣе въ специальныхъ трактатахъ общественно-гигиеническаго свойства, нежели въ журнальной статьѣ. Скажу вскользь объ одной изъ нихъ, которая особенно правилась въ Женевѣ, и которая броситъ нѣкоторый свѣтъ на вышеприведенныя статистическія цифры...

Не знаю, замѣтилъ ли читатель, что процентъ незаконныхъ рожденій оказывается сравнительно весьма значительнымъ въ сосѣднихъ съ Швейцаріею германскихъ странахъ, какъ-то: въ Баваріи (21 $\frac{1}{6}$), въ Вюртембергѣ (12 $\frac{1}{2}$), въ Баденѣ (18). Должно замѣтить, что эти страны, вмѣстѣ съ Савойею, поставляютъ прислугу женскаго пола на всѣ буржуазныя и аристократическія семьи Швейцаріи, и что въ контрактахъ, заключаемыхъ съ служанками, предусмотрительно женевцы помѣщаютъ Klausу «*compromission*» по отношенію къ самому ли хозяину, или же къ взрослымъ его сыновьямъ. Недавній случай въ Женевѣ, дошедшій до гласности, показалъ, что, хотя законъ и не преслѣдуетъ за неисполненіе этой Klausу, то, по крайней-мѣрѣ, онъ не считаетъ настаиваніе на ея исполненіи со стороны хозяина достаточнымъ поводомъ для уничтоженія контракта. Дѣло состояло въ томъ, что какая-то наивная баварка, по плохому знанію французскаго языка и женевскихъ обычаевъ, приняла слово «*compromission*» за «услужливость» въ общемъ смыслѣ. Когда она отказалась отъ исполненія всѣхъ требуемыхъ отъ нея услугъ, то хозяинъ, вальдъштетскій пасторъ, благодушно отпустилъ ее съ условною фразою въ аттестатѣ: «*pour renseignements s'adresser à moi*» («за

сиротами обращаться ко мѣѣ). Потребовала-было жѣнѣ поискать себѣ другаго мѣста и, проученная (но дурно) перемѣннымъ опитомъ, обращалась преимущественно въ почтенныя семейные дома. Однакоже, съ пасторскими аттестатами нигдѣ не принимаютъ. Тогда она пошла къ прежнему своему хозяину требовать перемѣны выданнаго ей свидѣтельства. При отказѣ съ его стороны, она наговорила ему вещей уже вовсе некомплезантныхъ; вслѣдствіе чего и была потребована пасторомъ къ мировому судѣѣ, который осудилъ ее за незаконный разрѣзъ заключеннаго съ пасторомъ условія.

Тутъ же встаетъ разсказать о довольно оригинальномъ швейцарскомъ обычаѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, какъ иногда новѣйшая галльскіанская нравственность сходится съ нравственностью древне-бургундскою.

Обычай этотъ, называемый «*Liecht geh*» въ альпійскихъ нѣмецкихъ кантонахъ, — «*alberdzi*» въ кантонѣ Во, служитъ для сельскихъ жителей Швейцаріи замѣною ключа — «*comprévision*» жемевскихъ контрактовъ со служанками. Обычай этотъ сохранился еще здѣсь со времени бургундскихъ. Какъ только швейцарскій юноша достигъ возмужалости, онъ получаетъ право войти въ ассоціацію нарней своей комунѣ, известную подъ именемъ «*Nachtbuben*». Право это продается ему однакоже за небольшую денежную плату, или же за новыюку, устроенную на его счетъ въ пользу будущиѣхъ его сотоварищей. Дѣло «*Nachtbuben*» заключается въ томъ, чтобы охранять по ночамъ дѣвушекъ своей деревни отъ покушеній юношей изъ другихъ общинъ. Если таковой вногородний ловеласъ попадетсѣ въ руки «нахтбубовъ», то долженъ выдержать съ ними булачный бой, который очень часто кончается смертью прищельца, или весьма солиднымъ уаѣьемъ. Сами же нахтбубы пробараются ночью въ комнаты къ любой изъ дѣвушекъ своей деревни, и такимъ образомъ, заводятъ съ ними связь, продолжающуюся съ вѣдома родителей и всего общества, безъ малѣйшихъ препятствій до тѣѣхъ норъ, пока дѣвушка не ставеть беременна. Въ случаѣ бесплодности, подобная связь можетъ продолжаться цѣлыя годы; дѣвушка можетъ мѣнять своихъ нахтбубеновъ, и обратно; ни община, ни общественное мнѣніе, не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Но, въ случаѣ беременности, швейцарская нравственность обязываетъ дѣвушину выйти замужъ за своего соблазнителя. И горе ей, если его нѣтъ на лицо, или же, если онъ отказется отъ вступленія съ нею въ бракъ. Въ послѣднемъ случаѣ, правда, и мужчина несетъ отвѣтственность передъ закономъ; но для него все дѣло ограничивается денежною цѣною не свыше 20 франковъ, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ еще и запрещеніемъ въ нѣкоторое время посѣщать общественныя сборища и гулянья. Для дѣвушки, дѣло обыкновенно кончается позоромъ на всю жизнь, а мѣстами, позорнымъ столбомъ, или даже публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Очень жаль, что швейцарскія статистики скромно умалчивают о цифрах дѣтубійства; хотя, конечно, подобныя цифры относятся только къ открытымъ случаямъ преступленія, а пропущенныя мальтузианскими идеями швейцарскіе прокуроры едва ли станутъ рьяными ихъ преслѣдователями; однако же, сопоставленіе цифръ дѣтубійства съ остальными, отчасти уже привѣденными здѣсь мною, было бы необходимо для пополненія картины.

Достигаетъ ли Швейцарія вышеописанными жѣрами желанной цѣли? Если рѣчь идетъ только объ обузданіи возрастанія народонаселенія, то оно достигается несомнѣнно. По официальнымъ статистическимъ даннымъ, швейцарское народонаселеніе возрастаетъ ежегодно на 0,61 процента; слѣдовательно, быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе многихъ другихъ странъ Европы, какъ-то Португалія, Італія, Ганновера, Бельгія, Испанія, Баварія, Франція и Австрія. Такимъ образомъ, Швейцарія оставляетъ за собою почти исключительно одніи только католическія страны съ ихъ монашествомъ обоеихъ половъ, и безбрачіемъ духовенства. Кроме того, каждая изъ помнутыхъ странъ (особливо же Франція и Австрія, имѣющія самый ничтожный процентъ возрастанія народонаселенія) обладаютъ болѣе или менѣе многочисленными войсками, что не можетъ не оказывать очень сильнаго, сдерживающаго вліянія на возрастаніе народонаселенія. Но и вообще эти статистическія данныя на счетъ возрастанія швейцарскаго народонаселенія не рисуютъ дѣла въ настоящемъ его свѣтѣ; потому что здѣсь, особливо за послѣдніе годы, весьма сильнѣе влияют иностранцевъ. Еще болѣе можно замѣтить, что всѣ данныя, мало-мальски касающіяся нравственной статистики Швейцаріи, заслуживаютъ довѣрія только въ весьма слабой степени, ибо они подвергаются, до своего опубликованія, довольно тщательной и сознательной передѣлкѣ. Собираются же они въ большинствѣ случаевъ крайне безпорядочно.

Какъ неомѣченный статистикомъ результатъ мальтузианской нравственности, слѣдуетъ помануть здѣсь физиологическое вырожденіе швейцарской расы, калѣчество, рахитизмъ и бретинизмъ, встрѣчаемые здѣсь въ уасающихъ размѣрахъ.

Однако же швейцарцы добиваются уменьшенія своего народонаселенія не какъ цѣли, а только какъ средства, чтобы избѣгнуть нищенства, пролетаріата. На сколько помогаетъ имъ ихъ мальтузианство въ достиженіи этой главнѣйшей цѣли — это иной вопросъ.

Конечно, сравнительно съ другими странами западной и средней Европы, Швейцарія не можетъ быть названа страной пролетаріата. Въ большинствѣ кантоновъ (во всѣхъ безъ исключенія альпійскихъ и частью въ юрскихъ) сохранилось до сихъ поръ общинное владѣніе нѣкоторыми угодьями, преимущественно лѣсами, лугами и пастбищами. Въ Бернскомъ кантонѣ есть общины, въ которыхъ право гражданства равняется синекурѣ

съ получениемъ нѣсколькихъ тысячъ франковъ годового дохода. Въ Юрской части кантона Во граждане самой бѣдной коммуны почти обезпечены въ своихъ первѣйшихъ потребностяхъ доходами съ общинныхъ имуществъ. Такое довольство встрѣчается вообще въ гѣсныхъ кантонахъ, такъ-какъ большинство швейцарскихъ гѣсовъ еще не перешло въ личное владѣніе, хотя объ этомъ усилленно хлопочутъ политико-экономисты федеральнаго совѣта. Въ этомъ же кантонѣ Во, и въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстахъ Фрибургскаго кантона, нѣкоторые общины владѣютъ горными пастбищами, наемъ которыхъ приносятъ имъ вѣрочные доходы. Вообще, въ этомъ отношеніи Юра оказывается гораздо благосклоннѣе къ своимъ сынамъ, нежели суровые Альпы.

Однако, въ большинствѣ случаевъ, въ общинномъ владѣніи состоятъ здѣсь только объѣды личной собственности, не приносяще никому никакого дохода, а всего менѣе тѣмъ изъ свихъ общинныхъ владѣльцевъ, которые всего болѣе въ немъ нуждаются. Таковы альпійскія общественныя пастбища, хотя виновата въ этомъ вовсе не суровая альпійская ихъ природа. Въ пользованіи ими большинство швейцарскихъ общинъ держится слѣдующаго широкаго принципа: *«кто сколько можетъ прокормить скота зимою на свой собственный счетъ, столько же можетъ снать съ лѣтомъ на общинныя пастбища»*. Такимъ образомъ, богатъ, содержащій пѣлое стадо, бевплатно прокармливаетъ его пѣлое лѣто на общественный счетъ; а между тѣмъ, бѣднякъ, имѣющій всего одну козу, считается наравнѣ съ нимъ владѣтелемъ этого угоды. Въ другихъ случаяхъ, общинное пастбище дѣлится на участки, называемые «Kuhrecht», потому что участокъ равняется такому количеству, которое необходимо для прокармливанія одной коровы. Право пользованія однимъ или нѣсколькими такими участками, то-есть, точнѣе говоря, право посмать на пастбище одну или нѣсколько коровъ, предается членами общины иногда и совершенно постороннимъ лицамъ. Кто приобрѣлъ одно «Kuhrecht», тотъ можетъ, вмѣсто коровы, посмать на пастбище двѣ, три или даже четыре штуки мелкаго рогатаго скота. Прокормленіе двухгодовалой лошади равняется двумъ «Kuhrechten»; свыше этого возраста лошадь уже считается за три коровы. Такой видъ общиннаго пользованія альпійскими пастбищами нѣсколько рациональнѣе предмудраго. Правда, и при немъ богатъ пасетъ пѣлое стадо на общественномъ «альпѣ» (это мѣстное названіе вообще для горныхъ пастбищъ), тогда какъ бѣднякъ, неимѣющій стада, или неимѣющій возможности приобрести себѣ «Kuhrechte», вовсе не пользуется этимъ угодемъ; но за то, по крайней-мѣрѣ, выручаемый съ продажи «Kuhrechte» деньги идутъ въ общественную казну.

Болѣе рациональный видъ общиннаго альпійскаго хозяйства, состоящій въ томъ, чтобы сама община содержала стада и зимою и лѣтомъ на общій счетъ, чтобы также на общинномъ основаніи производилась выдѣлка и продажа масла и сыру—есть

каждым годомъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Правда, и теперь вы еще часто встрѣтите (особливо на юрскихъ пастбищахъ) таль-названнаго общиннаго стада; но стада эти состоятъ изъ скота, принадлежащаго частнымъ владѣльцамъ; и только на лѣтнее время онѣ сообщаются на общественныхъ пастбищахъ (въ размѣрѣ принадлежащихъ имъ владѣльцамъ «Kuhrechte») и поды надворомъ одного пастуха, нанятаго сообще владѣльцами, или же назначеннаго отъ общины.

Общественная видѣлка сыра признана во всѣхъ отношеніяхъ болѣе выгодною; а потому владѣльцы стада поручаютъ это дѣло одному какому-либо общиннику, за извѣстную задѣльную плату (впрочемъ рѣдко), или же за извѣстную долю продукта. Въ теченіе лѣта владѣльцы стада нѣсколько разъ являются на пастбища присутствовать при доеніи своихъ коровъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ посѣщеній составляется росписаніе млекообильности каждой коровы; и за тѣмъ осенью добытый продуктъ, или вырученныя изъ его продажи деньги, дѣлятся между владѣльцами стада, не только пропорціонально числу коровъ, принадлежащихъ каждому, но пропорціонально также млекообильности этихъ коровъ. Очевидно, что выгодно для общины только такое хозяйство, при которомъ она владѣетъ своими собственными стадами; но это встрѣчается очень рѣдко, и едва-ли не исключительно въ Pays d'en Haut, т.-е. въ горной части богатаго кантона Во. Въ альпійскихъ кантонахъ общинное владѣніе служитъ только подспорьемъ владѣнію личному, и тѣмъ сильнѣйшимъ подспорьемъ, чѣмъ крупнѣе собственникъ,—чѣмъ, слѣдовательно онъ менѣе нуждается въ немъ.

Слѣдуетъ сознаться, что швейцарскія общины не мастера въ дѣлѣ хозяйства. Онѣ получаютъ порядочные доходы тамъ, гдѣ имъ предоставляется только трудъ собирать ихъ, т.-е. гдѣ, напримеръ, пастбища могутъ быть отдаваемы въ наемъ за хорошую цѣну, или гдѣ много общественнаго лѣсу; да и тотъ онѣ только продаютъ на срубку. Такимъ образомъ общины, прежде ядро надѣленныя природою, теперь обѣднѣли. Альпійскія общины, имѣющія иногда достаточный матеріалъ, чтобы съ прибылью вести свое собственное хозяйство, однакоже не ведутъ его, а отдаютъ инициативу въ частныя руки, съ очевиднымъ ущербомъ для себя.

Само собою разумѣется, что въ странѣ мальтузианской и буржуазной, назови Швейцарія, общинное владѣніе имѣетъ много противниковъ, и въ ихъ числѣ много вліятельныхъ лицъ. Главный аргументъ этихъ противниковъ составляетъ плохое лѣсное хозяйство Швейцаріи, въ силу котораго,—говорятъ,—странѣ грозитъ опасность остаться вовсе безъ лѣсу, если владѣніи имъ не будутъ отняты у общинъ и переданы въ частныя руки. На сколько справедливны подобныя сѣтованія и опасенія—судить не берусь. Замѣчу только, что отнять у швейцарскихъ общинъ лѣса дѣло нелегкое; а для скупки ихъ въ частное владѣніе по-

требовались бы слишкомъ значительныя капиталы. Самый лучший исходъ этого дѣла, — какъ для общины, такъ и для цѣлой Швейцаріи, — будетъ если сами общины возьмутся за умъ.

Кромѣ дѣсовъ, въ общинномъ пользованіи здѣсь остаются только луга и пастбища, лежація на значительныхъ высотахъ и совершенно неподдающіяся межеванію. Обладаніе дѣсами составляетъ природную привилегію очень немногихъ кантоновъ; что же касается общинныхъ луговъ и пастбищъ, то роль ихъ въ общей экономіи Швейцаріи уже указана. Такимъ образомъ положительныя мѣры въ избѣжанію пролетаріата и нищенства въ Швейцаріи принято гораздо менѣе, нежели мѣры отрицательныя, т.-е. направленные къ тому, чтобы уменьшать народеніе новыхъ безземельныхъ бобылей.

Должно сознаться, что во всемъ этомъ дѣлѣ примѣшивается здѣсь препорядочная доля лицемерія и ханжества.

При этомъ я вспоминаю объ одномъ благотворительномъ обществѣ, которое прошлою зимою въ Женевѣ объявило всѣмъ нуждающимся и немущимъ швейцарцамъ, находящимся въ Женевѣ, чтобы они являлись въ комитетъ этого общества, который «заботится о ихъ участи». Комитетъ просто передавалъ ихъ полиціи для препровожденія ихъ на мѣсто жительства, гдѣ собственныя ихъ общины должны по закону кормить ихъ и содержать. Общины, ассигнуя очень ничтожныя суммы на содержаніе своихъ бѣдныхъ, обыкновенно пускаютъ ихъ по подряду, т.-е. отдають на пансіонъ тому изъ бюргеровъ, который согласится держать ихъ за болѣе дешевую цѣну. Содержаніе это таково, что бѣдняки бѣгутъ подальше отъ своихъ общинъ, въ чужіе кантоны, гдѣ никто не обязанъ печься о ихъ пропитаніи. А между тѣмъ швейцарецъ не подастъ гроша нищему, на томъ основаніи, что — какъ членъ общины — онъ уже платитъ извѣстную сумму на содержаніе своихъ бѣдныхъ.

Точно также лицемерны и нецѣлесообразны и всѣ ея grand отношенія Швейцаріи къ немущимъ своимъ гражданамъ. Можетъ быть, либеральный федеральный совѣтъ (послѣ переворота сороковыхъ годовъ) имѣлъ въ виду искренно уничтоженіе пролетаріата, когда онъ предписалъ, чтобы «леймазловы», т.-е. люди, не имѣвшіе здѣсь ни кола, ни двора и ведшіе ночевую жизнь, приписывались непременно къ общинамъ и вступали во всѣ права и прерогативы швейцарскихъ гражданъ. Но только мѣра эта желаннаго дѣйствія не имѣла: общины, дѣйствительно обладающія какинъ-либо имуществомъ, тотчасъ же ввели у себя различіе между «Genossbürgerschaft», т.-е. гражданствомъ, связаннымъ съ обладаніемъ общинныхъ угодій, и просто политическимъ гражданствомъ. Различіе это не существуетъ только въ такихъ кантонахъ, гдѣ общины не пользуются никакими доходами; хотя въ принципѣ и удерживается еще, что всѣ швейцарскіе граждане, за исключеніемъ весьма немногихъ, вновь приписанныхъ, пользуются хоть какинъ-нибудь имуществомъ. Луч-

меньше опроверженіемъ этого предположенія служитъ уже то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ (напр. въ Женевскомъ, Солотурнскомъ) общины принимаютъ новизъ гражданъ полюбовно, со взносомъ какихъ-нибудь 50-ти франковъ. Очевидно, что доля общинныхъ доходовъ, которую будетъ пользоваться новый бюргеръ, отнюдь не можетъ превышать 5 процентовъ въ годъ съ этой умѣренной суммы. Впрочемъ, на сколько мнѣ извѣстно, доля эта положительно равняется нулю, и выплачиваемая за право гражданства сумма есть небо-лѣе какъ *taxe d'admission*, плата за патентъ и за издержки лега-лизаціи.

Ошибочно было бы думать, что нынѣшній швейцарскій про-летаріатъ образовался изъ бывшихъ гейматлововъ. Раздробленіе поземельной собственности здѣсь очень велико. Изъ всѣхъ кан-тоновъ только два (Женева и Во) имѣютъ кадастръ; однако Фран-сини, авторъ «*Matériaux statistiques de la Suisse*», приводитъ подробныя цифры касательно швейцарскаго землевладѣнія. Циф-ры эти относятся къ пятидесятымъ годамъ, или даже къ соро-ковымъ; но позднѣйшія статистики заимствуютъ ихъ у Франси-ни, за исключеніемъ Адольфа Франца («*Handbuch der Statistik*» 1863), который приводитъ ихъ въ исправленномъ видѣ. По этимъ послѣднимъ показаніямъ явствуетъ, что поземельныхъ собственниковъ въ Швейцаріи числится (круглымъ числомъ) 465,500; это даетъ довольно утѣшительный результатъ 1 соб-ственника на 5½ человекъ. Средняя величина поземельной соб-ственности считается отъ 14 до 6-ти гектаровъ. Большое скоп-леніе поземельной собственности встрѣчается рѣдко, и швей-царцы гордятся демократичностью своихъ экономическихъ отно-шеній. Впрочемъ, все это ровно ничего не доказываетъ: въ Швей-царіи трудно опредѣлять стоимость поземельнаго участка его протяженіемъ. По берегу Женевского озера, въ кантонѣ Во, въ мѣстностяхъ Clos du Rocher и Иворнъ, производящихъ лучшія швейцарскія вина, цѣна одной десятины доходить до басно-словной цифры 100,000 фр., и притомъ все же доходъ съ такой десятины долженъ быть рассчитанъ, по крайней-мѣрѣ, на 5 процентовъ. Счастливый обладатель двухъ-трехъ такихъ деся-тинъ, при общемъ раздробленіи собственности въ Швейцаріи, по праву долженъ считаться олигархомъ.

Что же касается демократическаго довольства, которымъ гор-дится Швейцарія, называющая себя страной *счастливаго сред-няго уровня*, — то оно встрѣчается въ кантонѣ Во, благодаря богатству тамошнихъ общинъ. Въ Бернскомъ кантонѣ оно бо-лѣе основано на личномъ землевладѣніи. Бернскіе достаточные крестьяне — собственники составляютъ чрезвычайно замкнутый кругъ, свою особую деревенскую аристократію, гордую и чо-порную не хуже всякой другой. Браки въ этой средѣ, по свидѣ-тельству Бертиша (*Shweizerkunde*) и бернскаго романиста, Іере-мин Готхельфа, почитаемаго за большаго знатока своей народ-

нести, совершаются подъ вліаніемъ такихъ же дипломатическихъ побужденій, какъ браки королеванныхъ особъ, потому что бернскіе достаточные крестьяне весьма строго соблюдаютъ чистоту в богатствѣ рода. Изъ этихъ же побужденій, они обыкновенно не дробятъ свой собственности между наследниками, а вручаютъ ее одному любимому сыну или родственнику, который черезъ то становится главою семьи и обязуется содержать ее другихъ ненадѣленныхъ членовъ.

Кромѣ двухъ названныхъ кантоновъ, достаточные крестьяне-собственники встрѣчаются только какъ исключеніе; да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ источникомъ ихъ достаточности служатъ не собственно земледѣліе, а какая либо побочная отрасль хозяйства, винодѣліе, шелководство (въ Люцернѣ или Цюрихѣ), скотоводство и пр., ведущіяся на спекулятивномъ основаніи. Во всѣхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ кантонахъ, крестьяне-собственники такъ мало обезпечены своимъ поземельнымъ надѣломъ, что всѣ они должны искать себѣ занятій на фабрикахъ. Впрочемъ, такъ-какъ преобладающій видъ мануфактурной промышленности составляетъ здѣсь хлопчатобумажное производство, то большинство крестьянъ-фабричныхъ работаютъ у себя на дому, имѣя свои станки, или же получая ихъ отъ антрепренера. Это имѣетъ свои громадныя преимущества, которыя легко оцѣнить каждый, мало-мальски знакомый съ фабричнымъ дѣломъ и видѣвшій хотя однажды его пагубное вліаніе на рабочій людъ. Однакоже, швейцарскіе фабриканты не прочь бы замѣнить этихъ поселенцевъ-работниковъ людьми вовсе безземельными и бездомными, которые несравненно болѣе чувствуютъ свою зависимость отъ доброй воли хозяина. Тѣмъ не менѣе описанный порядокъ производствъ удержится по всей вѣроятности еще долго, такъ-какъ имѣетъ съ прочими своими удобствами онъ представляетъ также и возможность дешевой задѣльной платы, потому что жизнь въ деревняхъ обходится дешевле, чѣмъ въ городахъ; а дешевая задѣльная плата есть условіе *sine qua non* швейцарскаго производства. За совершенствомъ продукта они не гонятся, понимая очень хорошо, что имъ не перещеголять Францію въ дѣлѣ вкуса, Англію въ дѣлѣ оконченности и тщательности выдѣлки. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ богатѣйшихъ фабрикантовъ Гларисскаго кантона:

«Что касается машинъ, то въ нихъ съ каждымъ годомъ совершаются улучшенія несомнѣнной важности; но мы ими пользоваться не можемъ, потому что мы не имѣемъ средства мѣнять и передѣлывать наши станки и машины. Ткацкій или бумагопрядильный станокъ обходится англійскому фабриканту въ 400 или 500 франковъ; мы же должны платить за него отъ 900 до 1,200 франковъ. Гдѣ англійскому фабриканту достаточно четыре или пять человекъ, тамъ мы должны употреблять отъ девяти до 10-ти работниковъ. Доставка сырья на фабрику обходится намъ отъ шести до-10 процентовъ; въ Англіи она обходится втрое

дешевле... Единственное наше преимущество противъ Англїи заключается въ томъ, что нашъ работникъ работаетъ большее число часовъ въ день и получаетъ за это меньшую плату; а также мы съ большимъ тактомъ ведемъ свои торговые обороты». (*Reports of Her Majesty's secretaries of Embasys 1864* i.).

Это мнѣніе человѣка компетентнаго кажется мнѣ интереснымъ не потому только, что оно вполне справедливо, включая даже и похвалу, съ которою гларисскій фабрикантъ отзывается о своемъ сословіи. Оно очень краснорѣчиво рисуетъ положеніе швейцарскаго рабочаго: положеніе это оказывается хуже, даже чѣмъ въ Англїи; а это говорить само за себя. Ясно также, что швейцарскіе фабриканты не могутъ искренно желать улучшенія этого положенія. Они хлопочутъ о мѣрахъ въ пресѣченію народненія новыхъ пролетаріевъ только потому, что твердо увѣрены въ томъ, что и при стѣснительныхъ мѣрахъ всякаго рода, пролетаріатъ не уничтожится въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ имъ нуженъ. Избытокъ же его, и съ ихъ точки зрѣнія, не можетъ быть желательнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что мнѣніе, высказанное на этотъ счетъ гларисскимъ фабрикантомъ (господиномъ Уенни), есть виѣсть съ тѣмъ мнѣніе громаднаго большинства его собратій; а слѣдовательно въ Швейцарїи оно дѣлаетъ законъ, потому что швейцарское законодательство есть апогеозъ буржуазнаго самоуправленія. Кто хочетъ изучать западно-европейское мѣщанство во всемъ блескѣ его величія, во всей полнотѣ его проявленія, для того Швейцарїя есть истый кладъ. Прибавьте къ тому же, что проявленія эти здѣсь при всей своей полнотѣ отличаются первобытною, свойственною вообще міру горъ, простотою и немногосложностью, естественно вытекающею изъ раздробленности здѣшней территорїи, изъ немногообъемлемости здѣшнихъ интересовъ.

Толковать о швейцарскомъ государственномъ и кантональномъ устройствѣ, здѣсь едва-ли было бы умѣстно. Официальною своею стороною оно извѣстно болѣе или менѣе всѣмъ и каждому. Но знакомство болѣе интимное съ общественнымъ строемъ этой страны, должно бы быть весьма назидательно. Эти микроскопическія горныя республики, каковы болѣею частью швейцарскіе кантоны, республики Сан-Марино въ Италїи, или пиренейская Андорра, поражающія насъ на первый взглядъ чисто виѣшнею, нѣсколько балетною своею оригинальностью, для изслѣдователя явленій общественности должны бы представлять такой же интересъ, какой въ глазахъ натуралиста имѣютъ микроскопическіе организмы, въ которыхъ многосложные жизненные акты совершаются съ простотою и незапутанностью, весьма удобною для наблюденій. Къ сожалѣнію, такое интимное знакомство съ внутреннимъ строемъ швейцарской общественной жизни почти недоступно для иностранцевъ. Въ ревнивомъ своемъ

патріотизмъ и дѣлами общины и частные люди туго держатся мудраго правила: «сору изъ избы не выносить».

Швейцарія есть страна по преимуществу общиннаго самоуправления; это ни для кого не ново. Но проявляется это общинное самоуправленіе здѣсь съ равнообразіемъ, почти неуловимымъ до того, что часто двѣ сосѣднія деревни не представляютъ и тѣни сходства между собою, именно въ наиболѣе существенныхъ чертахъ своего общиннаго строя. Отъ французскихъ централизаціонныхъ стремленій женеvскихъ радикаловъ и до необузданной патріархальности граубинденскихъ и нѣкоторыхъ валлійскихъ общинъ, вы здѣсь найдете всевозможные оттѣнки, ступени и переходы. Въ то время какъ въ Бернѣ представительство (разумѣется *de facto*, а не *de jure*) сосредоточивается въ рукахъ кровной и денежной аристократіи (объ онѣ здѣсь обыкновенно совпадаютъ), на берегахъ Фарвальдштетскаго озера, въ Оберъ и Унтервальденъ, въ Швицъ и въ Ури, собирается еще первобытная «Landsgemeinde», т.-е. поголовное народное собраніе, съ простотою и патріархальностью парламентскихъ формъ, достойною временъ бургундцевъ и алеманновъ. Тутъ, казалось бы, и радоваться демократическому либерализму; а выходитъ наоборотъ: женеvскій диктаторъ порою проводить мѣру, несомнѣнно вносящую въ улучшенію быта рабочихъ классовъ; бернскій патрицій иногда ратуетъ за справедливую раскладку общинныхъ повинностей; а демократическая «Landsgemeinde» предписываетъ отколотить палками типографщика, повиннаго въ напечатаніи памфлета какого-нибудь, или высѣчь публично розгами соблазненную «нахтбубами» дѣвушку. Вообще, политическія понятія и *pia desideria*, сложившіяся въ странахъ, гдѣ свобода политическихъ формъ имѣетъ въ свою пользу всю прелесть запретнаго плода, оказываются въ Швейцаріи на каждомъ шагѣ несостоятельными. Слова либерализмъ и консерватизмъ, въ общеевропейскомъ ихъ значеніи, не имѣютъ смысла въ примѣненіи своемъ къ Швейцаріи. Слишкомъ часто либерализмъ отождествляется здѣсь съ католическимъ клерикализмомъ, и почти постоянно онъ враждебенъ общинному самоуправленію.

Швейцарцы очень любятъ говорить и писать о своей родинѣ, такъ что въ книгахъ, имѣющихъ дѣлю ознакомить читающую публику съ дѣлами федераціи, недостатка нѣтъ. Къ сожалѣнію, книги эти ограничиваются болѣе или менѣе официальною статистикою края, услужливо предупреждая своихъ читателей, что всѣ ихъ статистическія данныя не заслуживаютъ никакого довѣрія, по указаннымъ уже выше причинамъ. Нѣкоторые авторы (напримѣръ Берлепшъ въ своемъ весьма уважительномъ сборникѣ «Schweizerkunde») пускаются и на общія характеристики страны и народа, гласящія, что «der Schweiz ist vorzichtig mehr als grossmüthig» (швейцарецъ болѣе предусмотрителенъ, чѣмъ великодушенъ); и это совершенная истина; но тѣмъ дѣло и кончается. Лучшія изъ подобныхъ произведеній безспорно могутъ служить

иностранцу въ качествѣ путеводителя; но дать ему то интимное и основательное знакомство со швейцарскимъ общественнымъ бытомъ, которое одно только и представляетъ существенный интересъ, они не могутъ. Писанные законы и конституціи, въ странѣ, гдѣ обычай неписанный въ сущности все же оказывается полновластнымъ деспотомъ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было остаются мертвою буквою. При здѣшней раздробленности, общественное мнѣніе весьма мало нуждается въ официальныхъ органахъ и проявленіяхъ, для того, чтобы придавать своимъ приговорамъ неотразимую исполнительную силу. Въ общихъ чертахъ нетрудно установить однако же слѣдующія основныя положенія: общинное устройство Швейцаріи есть продуктъ существенныхъ бытовыхъ условій страны; въ нихъ проявляется, со всею своею безцеремонною шероховатостью, трудная жизнь чловѣка среди неблагоприятныхъ естественныхъ условій, мало стѣсняемая какими бы то ни было принципами и высшими соображеніями. Нелегкая задача сглаживанія нѣкоторыхъ изъ этихъ шероховатостей, сочетанія ихъ съ требованіями политической благонамѣренности и официального либерализма, возлагается почти исключительно на общее союзное управление. Кантонъ является въ этомъ смыслѣ посредникомъ между союзомъ и общиною, раздѣляя весьма естественно стремленія общинъ къ безцеремонному пользованію рѣшительно всѣми ресурсами; и съ другой стороны, стремленія федеральнаго правительства не ударить лицомъ въ грязь передъ иностранными державами и народами, — не уронить своей репутаціи свободолубія и гуманности. Выражаясь языкомъ покойной трансцендентальной философіи, можно сказать, что общинное устройство приноворяется къ стремленію «быть»; тогда какъ федеральному правленію предоставлено удовлетвореніе стремленій «казаться». — Однѣмъ интенсивности обоихъ этихъ стремленій мы находимъ въ общемъ швейцарскомъ бюджетѣ: союзному управленію предоставлены исключительно только доходы съ почты, телеграфовъ, таможенъ, съ продажи пороху, табаку, соли и пистоневъ. Такимъ образомъ швейцарцы, очевидно, не раздѣляютъ пагубнаго воззрѣнія философовъ-субъективистовъ о тождественности понятій «быть» и «казаться»; ибо на первое они удѣляютъ значительно большую часть своихъ общественныхъ сборовъ. По практическому мировоззрѣнію здѣшнихъ бюргеровъ, «быть» значить «имѣть», а не «казаться»:

Gaudeant bene panti.

Э. Д.

21 (9) іюня 1868 г.

КРИТИКА.

ПРОТИВОПОЛОЖНАЯ КРАЙНОСТЬ.

(Сочиненія Марко-Вовчка. Томъ I, Рассказы изъ украинскаго быта. Изданіе И. Пашина. Слб. 1867 г.)

I.

Въ статьѣ «Живая струя», если читатель припомнитъ (См. «Отеч. Зап.» № 4-й), я представлялъ краткія характеристики вѣсколькихъ нашихъ народныхъ писателей (гг. Успенскаго, А. Слѣпцова, Рѣшетникова, Левитова, Якушкина и Островскаго). Я старался обратить вниманіе читателей на то, что всѣ эти писатели въ своихъ произведеніяхъ держатся индуктивнаго метода: они ограничиваются созерцаніемъ конкретныхъ фактовъ жизни; если дѣлаютъ какія-нибудь обобщенія, то единственно на основаніи наблюдаемыхъ фактовъ, и метода своего держатся съ такою непоколебимою строгостью, что готовы бывать скорѣе составить самое невѣрное и одностороннее понятіе о народѣ, лишь бы оно опиралось на факты, чѣмъ а priori допустить существованіе въ жизни народа такихъ элементовъ, какихъ имъ не удалось подмѣтить въ дѣйствительности. Теперь намъ приходится имѣть дѣло съ писателемъ совершенно противоположнаго свойства. Г-жа Марко-Вовчекъ не имѣетъ ничего общаго со всѣми выше-приведенными писателями; между ними и ей лежитъ пропасть, и не явилось еще до сихъ поръ такого таланта, который переброешь бы черезъ эту пропасть мостъ. Существенный характеръ произведеній г-жи Марко-Вовчекъ составляетъ крайняя дедукція. Въ то время, какъ большинство нашихъ народныхъ писателей страдаетъ конкретностью фактовъ, дагеротипностью, отсутствіемъ обобщеній, г-жа Марко-Вовчекъ, напротивъ того, начинаетъ съ самыхъ широкихъ обобщеній: въ основаніи каждой повѣсти своей она ставитъ непременно какою-нибудь крупный вопросъ, или нашей общественной жизни, или же общечеловѣческаго значенія. Въ каждой повѣсти она старается выставить передъ нами общіе типы и изобразить не двѣ, три сценки изъ жизни своихъ героевъ, а представить всю судьбу ихъ, и въ ихъ судьбѣ напомнить намъ о такой же долѣ многихъ подобныхъ имъ личностей. Но фактовъ живыхъ, осязательныхъ, которыми писательница могла бы съ несомнѣнною ясностію и полнотою подтвердить свои дедукціи, у г-жи Марко-Вовчекъ запасъ небогатый и, какъ мы увиди чмъ ниже, крайне односторонній; этимъ объясняются

всѣ недостатки произведеній Марко-Вовча. Вслѣдствіе этого происходитъ, что писательница, избирая какой-нибудь широкій сюжетъ, способный послужить для большаго романа или пяти-актной драмы, ограничивается небольшимъ очеркомъ, вместо передачу этого сюжета, представляя такимъ образомъ сразу дѣльныхъ произведеній краткія программы ихъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ очерчиваются общими, отвлеченными чертами. Бѣдность фактовъ необходимо влечетъ за собою съ одной стороны недостатокъ пластичности, подробностей, съ другой— частую повторяемость однихъ и тѣхъ же красокъ, чѣмъ въ особенности страдаютъ въ произведеніяхъ г-жи Марко-Вовча молодые казаки и казачки съ ихъ любовными похождениями. Но что всего важнѣе, писательница, за немнѣишемъ подъ руками живыхъ фактовъ, принуждена бываетъ иногда придумывать собственные, или вносить въ жизнь народа такіе элементы, которые присущи совершенно иной жизни и въ народной средѣ немислимы. Все это мы увидимъ наглядно изъ анализа самыхъ видныхъ и лучшихъ произведеній, изъ числа составляющихъ первый томъ новаго изданія сочиненій Марко-Вовча. Я постараюсь обратить вниманіе читателей на тѣ произведенія, въ которыхъ рѣзче всего выставляются существенныя свойства таланта Марко-Вовча, а ватѣмъ читатель самъ уже можетъ примѣнить мой анализъ ко всѣмъ прочимъ произведеніямъ, если конечно онъ найдетъ этотъ анализъ справедливымъ и основательнымъ.

II.

Прежде всего я займусь анализомъ той категоріи произведеній г-жи Марко-Вовча, которыя не идутъ далѣе буколическихъ сценъ любви и дружбы прелестныхъ казаковъ и прелестнѣйшихъ казачекъ. Произведенія эти самыя слабыя и по своему содержанію, и по своему выполненію; я ставлю ихъ впередъ, чтобы пройти скорѣй это бесплодное поле и отдохнуть съ читателемъ на тѣхъ произведеніяхъ талантливой писательницы, которыя собственно и составляютъ главное значеніе ея въ нашей литературѣ.

Прототипомъ этихъ рассказовъ мы можемъ считать «Три доли», болѣе развитый во всѣхъ своихъ частностяхъ, и болѣе крупный, чѣмъ всѣ другіе въ этомъ родѣ. Рассказъ этотъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ по величинѣ, занимаетъ 100 страницъ въ книгѣ, и на этихъ 100 страницахъ рассказывается, какъ три прекрасныя дѣвушки полюбили одного негоднаго парня— ну, и конечно, всѣ трое были очень несчастны въ своей любви. Такимъ образомъ вамъ представляется 100 страницъ любовнаго вѣтья, изъ котораго въ конецъ-концовъ вы выносите одно заключеніе, что мало ли какихъ дуръ не бываетъ на свѣтѣ. Еще можно было бы кое-какъ помириться со всѣмъ этимъ, еслибы любовь, составляющая исключительное содержаніе всего сказа, была представлена вѣрно в съ ея психологическими законамъ

и съ условіями быта, въ средѣ котораго она проявляется въ разсказѣ. Не въ томъ-то и дѣло, что весь разсказъ построенъ на ложныхъ основаніяхъ: писательница внесла въ жизнь, представляемую ею, столько элементовъ совершенно иного быта, что разсказъ вышелъ вопиюще клеветой и на любовь, и на людей, представленныхъ въ разсказѣ. Героемъ разсказа является казакъ Чайченко; это дряблѣй и безхарактерный человѣкъ, котораго ничего не стоитъ водить за носъ хитрой и бойкой сельской красавицѣ, кокеткѣ Терничихѣ. Увлечши Чайченко, Терничиха выходитъ замужъ за другаго, который побогаче.

«Тогда мой Яковъ весь умъ потерялъ—разсказываетъ мать его—хворалъ, исхудалъ, едва живъ, а она тѣшится. Всѣ люди стали на него головами качать... Я надумалась, все продала, да оттуда въ Любчики и перебралась отъ нея. И Богъ мнѣ помогъ... Яковъ поправился, какъ будто сталъ повсему забывать ее, на вечерницы сталъ ходить. — Когда-то онъ былъ у меня первый между паробами, такъ и сіялъ. Тутъ ему ваша дочка по нраву пришлась»... Это была Катря, дочка казака Павла Булаха. Въ то же время въ Якова влюбились еще двѣ дѣвушки изъ того же села, сосѣдка Катри Маруса и родственница ее Хима, устами которой писательница передаетъ разсказъ свой. Сначала все идетъ ничего,—Катря и Яковъ любятъ, Маруса ноетъ и вянеть, а Хима проглатываетъ свою любовь и расѣвается отъ нея. Какъ вдругъ мужъ Терничихи умираетъ; оставшись вдовою, она снова увлекаетъ въ свои сѣти Якова, и снова выходитъ замужъ не за него, а за богатаго шиняра. Катря, узнавши о изменѣннѣ милаго, въ отчаяніи идетъ въ монастырь, а Маруса выходитъ за Якова замужъ, несмотря на то, что тотъ ее не любить. Личность Маруси представлена довольно вѣрно. Дѣйствительно, много можно найти такихъ жемчужинъ у насъ тихихъ, нѣжныхъ, которыя, разъ предавшись любимому человѣку, готовы прощать ему все и любить его, хотя бы милый толкалъ ихъ отъ себя и вслѣдствіи наругался надъ ними. Что же касается Катри, героини разсказа, на которой сосредоточивается главный интересъ его, то эта личность развита крайне невѣрно, съ начала до конца. Въ лицѣ Катри представлена дѣвушка сильная, независимая, гордая. Такія личности вырабатываются или отрицательнымъ путемъ, то-есть годами тяжелой борьбы съ обружащими ихъ людьми, или же положительнымъ, то-есть трудовою энергіею.—Въ средѣ свободнаго труда такія личности попадаютъ на каждомъ шагу, и весь міръ будетъ наполненъ ими, когда люди всѣ будутъ существовать трудами рукъ своихъ. Главный элементъ въ характерѣ этихъ людей—сознаніе своего собственнаго достоинства, не доходящее до тщеславія и не падающее до самоуниженія. Это сознаніе есть или торжество побѣды послѣ дѣльныхъ годовъ борьбы, или гордость труженика, смотрящаго на себя, какъ на полезнаго члена общества или семьи. Такіе люди умѣютъ любить сильно и постоянно, но они не въ состо-

ни выносить пассивно несчастную или безотвѣтную любовь. Отъ внѣшнихъ препятствій любовь ихъ разгорается еще сильнѣе, и можетъ дойти до неистовства. Внутреннія же причины, каковы, напримѣръ, безотвѣтность въ любви, разочарованіе, невѣра, дѣйствуютъ на нихъ любовь совершенно парализующимъ образомъ. Правда, случается часто, что первый порывъ разочарованія въ этихъ людяхъ бываетъ столь силенъ, что доводитъ ихъ или до убійства, или до самоубійства; они могутъ броситься въ воду, утопиться, но разъ они пережили опасный кризисъ,—выздоровленіе ихъ идетъ быстро и вѣрно. Въ этомъ отношеніи любовь для нихъ то же, что тифъ.—Говорятъ, что сильные люди съ большимъ трудомъ переносятъ первый періодъ этой болѣзни, чѣмъ слабые, но прошелъ благополучно кризисъ—и тогда болѣе надежды на выздоровленіе человѣка; имѣющаго много органическихъ силъ, чѣмъ человѣка слабосильнаго. То же можно сказать и о любви: человѣкъ, разслабленный праздною жизнью, съ воображеніемъ, назкальтивированнымъ болѣзненной мечтательностью, человѣкъ, который по дѣльнымъ дѣямъ можетъ сидѣть, сложа ручки, у окошечка и все думать, да думать, да развивать въ головѣ одинъ предметъ, человѣкъ, наконецъ, у котораго въ жизни нѣтъ ни борьбы, ни труда и у котораго въ счастливой любви сосредоточивается все чувство его достоинства—такой человѣкъ очевидно долженъ быть окончательно подавленъ несчастною любовью. Онъ не повѣсится, не утопится, для этого надо имѣть много душевныхъ силъ, да и это очень накладно, но впасть въ мистицизмъ и пойти въ монастырь—это очень естественный исходъ для такого человѣка: это эффектно и жалостно, тутъ и порисоваться можно своими несчастіями, и другихъ заставить ахать и соболѣзновать о себѣ. Такова ли была Катря? У нея слишкомъ много крови въ жилахъ, чтобы предаваться какой-либо мечтательности, созерцательности, мистицизму. Катря была красавица. Она любила наряжаться: «увидеть, бывало, гдѣ гостей полна хата—всѣ умолкнуть, на нее взглянуть; и она словно маковъ цвѣтъ! Она и улыбнется всѣмъ, и застыдится... А какая веселая, живая была! Родни у насъ довольно: тотъ женится, та замужъ идетъ,—межъ своими не навеселишься. Одѣвается она, бывало, на сватьбу, или на вечеринки—такъ все въ рукахъ ея и кипитъ,—въ мигъ готова. Церетяется поясомъ—тоненькая, тоненькая! И куда-бъ она ни пошла, никто ее не перепляшетъ, никто не перепоеетъ ее соловьиного голоса. А весной? Настанетъ весення пора,—съ кровель закапаетъ вода, побѣгутъ ручейки съ горъ, стаетъ свѣтъ въ садикахъ, вломаетъ ледъ на рѣкѣ, солнышко грѣетъ изъ-за темныхъ тучекъ, вѣтерокъ теньшій да какой-то дремливый пахнетъ,—дышешь, не надышешься; Катря первая зацѣла веснянку, идетъ по селу, поетъ и выкликаетъ подругъ на улицу; и все ея слушаются; да кто бы и не послушался Катри? всякій готовъ ея волю исполнить. Богъ есть, есть что-то такое въ этихъ

жалкимъ, отнимать людей. Съ подругами она, бывало, сколько разъ на день и раскохочется и рассердится на нихъ, и снова обнимется».

Вы видите, какова была Катря, видите, сколько въ ней закатовъ было для чувства собственнаго достоинства: богатство молодыхъ силъ, красота, всеобщая любовь къ ней, и родныхъ, и друзей, и всего села; наконецъ она была и труженица, дѣло не валилось изъ рукъ ея, а кипѣло; она была полезнымъ членомъ своей среды, и если она не вполне ясно это сознавала, то не могла не чувствовать. Независимость ея была такъ сильна, что ей ничего не стоило бороться съ деспотизмомъ отца; она вышла бы замужъ наперекоръ ему и ей ничего не стоило уломать его. Но вдругъ она узнала, что Чайченко ее не любитъ, а предпочитаетъ ей другую женщину, которая ей въ подметки не годится. Что могла сдѣлать такая натура, какъ Катря—она могла въ восторгъ оскорбленной любви надѣлать какихъ нибудь глупостей, но разъ она перенесла этотъ кризисъ, въ ней необходимо должна была проявиться реакція. Чувство собственнаго достоинства было въ ней развито слишкомъ сильно, а молодая любовь къ жизни, со всѣхъ сторонъ улыбавшейся ей, была слишкомъ обаятельна, чтобы такая ничтожность, какъ Чайченко, могла долго занимать Катрю. По естественной реакціи, любовь должна была обратиться въ ненависть, въ презрѣніе; Катря устыдилась бы своей любви, чувство собственнаго достоинства должно было бы показать ей всю унизительность такой страсти, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы — жизнь Катря расцвѣла бы еще пышнѣе и роскошнѣе. Валяните вокругъ себя безпристрастными глазами, вы увидите, что въ жизни на каждомъ шагу происходятъ такія благодѣтельныя реакціи, и только наши писатели этого не видятъ; вѣрнее романтическимъ традиціямъ, они привыкли изъ любви дѣлать какія-то невозможно-гигантскія страсти и невѣроятныя страданія. Заставивши Катрю пассивно жить и стонать, по крайней-мѣрѣ, на 50 страницахъ и потомъ идти вдругъ ни съ того, ни съ сего, въ монастырь, писательница вѣстко живой, гордой красавицы-казачки, представила какую-то плаксивую, экзальтированную, нервную барышню, одну изъ тѣхъ, которыя любятъ обыкновенно какого нибудь негодяя и воображаютъ, что онъ дѣло сдѣлалъ, исполнили все свое назначеніе въ жизни, словно родились во второй разъ, что имъ теперь только и остается, что любить неизмѣнно по гробъ или идти въ монастырь. Ужъ одно то, что родные Катри, видя ея несчастіе, совершались объ этомъ не менѣе ея, было достаточно, чтобы Катря улыбнулась среди слезъ. Заставивши вмѣстѣ съ Катрєю стонать и охать всѣхъ окружающихъ ее людей, писательница придала всему разсказу плаксивый, кислый, сентиментальный колоритъ; вы видите здѣсь скорѣе какихъ-то нѣжныхъ бугорчическихъ пастушковъ, чѣмъ дѣйствительно простыхъ тружениковъ, которые обыкновенно не только что свои любовныя страданія сопро-

воздають разными ироническими шуточками, но идут на мученіе и на смерть съ прибаутками. Къ числу такихъ же пастушескихъ, неслосладныхъ идиллій можно отнести «Сонъ», «Чары», «Пройди-Свѣтъ». Всѣ эти очерки представляютъ одну вышнюю художественность, всѣ они совершенно безсодержательны или, правильнѣе сказать, все содержаніе ихъ заключается въ сентиментальныхъ, любовныхъ охахъ, да вздохахъ.

V.

Совершенно въ иномъ родѣ представляются рассказы: «Павло Чернокрыль» и «Не подь пару». Содержаніе этихъ рассказовъ тоже исключительно посвящено любви, но здѣсь вы видите уже не рядъ безсодержательныхъ любовныхъ спеноевъ, написанныхъ въ духѣ чистаго искусства для искусства; здѣсь проведенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и роковыхъ вопросовъ нашей жизни. Мы займемся анализомъ болѣе полнаго разработаннаго разсказа «Павло Чернокрыль», и то, что мы скажемъ о немъ, будетъ вполнѣ примѣнительно и ко второму разсказу того же содержания.

Павло Чернокрыль былъ человекъ степенный, и ходилъ все будто угрюмый, а сердцемъ былъ вылогъ несказанно. Немного рѣчивый, а ужъ если когда разговорится, то каждое слово идетъ огнемъ и пламенемъ. Изъ себя былъ смуглый и очень хорошъ. А она (жена его Галя), молоденькая, пригожа и мила, съ ясными очами, съ веселымъ сердцемъ, около него такъ и вьется ручною пташкою. И такая живая, неутомимая. До свѣта, до восхода солнца, она уже проснулась, уже за дѣломъ, работаетъ и поетъ, бывало и сосѣдей поразбудить своимъ голоскомъ. Слышшь, бывало, на разсвѣтѣ:

Я встану раненько,
Умоюсь бѣленько.

Слушаешь, а тутъ и солнышко всходитъ. Случалось, что Павло мраченъ сидеть; случалось, что и словомъ горькимъ ее задѣнетъ, а она все терпѣлива, все ясна и весела; онъ въ чемъ нибудь ошибется, онъ неправъ — она себя обвинить; онъ ее обидеть, онъ оскорбитъ — она у него прощенья просить.

— Ты у меня не жена, бывало говорить ей Павло: — ты у меня доброе дитя. Ты этого горя, ты этой бѣды людской не знаешь, не разбираешь...

— А тебѣ тяжело очень? спросить она, да близенько сидеть около него, глядить въ глаза ему ужъ такъ-то люблю, льнетъ ужъ такъ-то ласково!

— Мнѣ тяжело! Доля лхая, люди недобрые, убожество горькое... Мнѣ тяжело!

— А еслибы я съ тобою вмѣстѣ сокрушалась?

— Нѣтъ, моя асочка, живи себѣ веселюю. Я какъ гляжу на тебя, то и самъ веселѣе стану. Тебѣ, видишь, все смѣхи, да

утѣхи на свѣтѣ, оно в лучше. А еслибы еще и ты затосковала, бѣдная тогда голова моя! Также одному тужить, да горевать, а еще тяжче будетъ, когда и ты затужишь, а мнѣ не подѣ силу тебя развеселить, не въ могути тебя успокоить... Пусть Богъ сохранить! живи, моя ясочка, веселою!

— Ну, хорошо! отвѣчаетъ она, усмѣхалась.

И жили они такъ уже три года послѣ свадьбы... Уже съ первой страници вы видите, какой необъятный разладъ существуетъ въ этомъ семействѣ среди всѣхъ нѣжныхъ объятій и поцалуевъ. Слабая, нѣжная, безответная Галя, веселенькая, ласковая, вѣчно смѣющаяся, легко мирящаяся съ жизнью воплѣ этого мрачнаго, желчнаго, ожесточеннаго холерика, представляется вамъ какинѣ-то маленькимъ котеночкомъ, вздумавшимъ подружиться со львомъ и ужиться въ одной съ нимъ влѣтѣ. Какъ могъ произойти такой неровный бракъ? По всей вѣроятности такъ же, какъ и всегда они происходятъ: сошлись люди, потому что понравились карія очи, сошлись потому еще, что ему нужна была работница, а ей мужественная опора въ беззащитномъ сиротствѣ; наконецъ, оба они видѣли другъ въ другѣ хорошихъ людей. Сошлись они, и не подозрѣвая, какая пропасть лежитъ между ними. но жизнь не замедлила открытъ передъ ними эту пропасть невѣдомо отъ нихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны желанія. Р. ботая на панскомъ дворѣ, Павло встрѣтился съ господскою дѣвушкою Варварою. Она была завезена господами издалека и горько сокрушалась по своей родинѣ. Наслушавшись ея слезъ и жалобъ, Павло, вернувшись домой, увидѣлъ веселое, смѣющееся личико Галя, и легкій смѣхъ жены, легкомысленное отношеніе ея къ жизни должны были показаться ему вдвое пошлѣе и мельче...

Павло сѣлъ около стола и склонилъ голову на руки.

— Вотъ и ужинъ нашъ, промолвила Галя, садясь рядомъ съ нимъ.

— Занятой? сказалъ Павло, отрѣзывая ломоть.

— Отдадимъ, мое сердце, отдадимъ новиною. Нынѣшній годъ урожайный будетъ. Погляди-ка на всходы въ полѣ: ржи такія, что ужъ не пролѣзеть—густыя-прегустыя!

— Ты у меня и прошлаго года пророчила такъ точно счастливые урожаи. Ты куда ни глянешь, все у тебя верба золотая растетъ!

— Люди надѣются...

— О, надежды людскія! У кого это ты хлѣба заняла?

— У Никиты, у Румяя.

— Долго должно быть ломался, не давалъ?

— О, гдѣ тамъ! Ни крошки не ломался! Сейчасъ, сейчасъ-таки, какъ сказала, далъ съ охотою отъ души. Это добрый чоловікъ, Румай.

— Охъ, добрые люди! добрые люди! промолвилъ Павло.

Галя тихонько его обняла и тихонько къ нему прильнула. За-

вела она рѣчь — не отвѣчаетъ, усмѣхнулась — не глядитъ, прильнула — не обнялаъ.

— Скажи мнѣ словечко, мое сердце, просить его.

— У меня нѣтъ веселыхъ словъ, нѣтъ сладкихъ словъ, не взыщи, а тебѣ горькихъ не надо, не годится!

Когда потомъ на другой день Павло снова встрѣтился съ Варварою и услышалъ ея слезы и жалобы:

«Сердце повернулось у Павло — повернулось сердце, но будто не отъ сожалѣнія, а будто съ радости. Какъ-то сладко, отрадно ему было видѣть эти слезы, не думалъ онъ ихъ останавливать, не хотѣлъ промолвить слова. Стоялъ, глядѣлъ, вотъ точно онъ нашелъ то, чего искалъ, чего ему надо было, нашелъ, да и оставившись; и любитъся, и радуется — нашелъ! чуетъ всѣмъ существомъ своимъ: нашелъ!»

При такихъ условіяхъ, весьма естественно, между Павлою и Варварою образовалась связь, основанная единственно на томъ, что оба они грустили одною грустью и понимали другъ друга въ этой грусти. Связь эта разрослась вскорѣ во всеувлекающую страсть. А Галя жила припѣваючи, ласкалась попрежнему къ мужу и не подозрѣвала, какою помѣхою стала она для двухъ любящихся людей. Какъ вдругъ ей случилось захворать чѣмъ-то въ родѣ тифа. Для Павло и Варвары настала пора золотыхъ надеждъ; Галя совсѣмъ была при кончинѣ, и они мечтали уже, что скоро ничто не помѣшаетъ имъ соединиться навѣки. Но какъ нарочно на зло, Галя вдругъ выздоровѣла. Тогда въ сердцѣ Павло загорѣлась такая лютая, неизмѣримая ненависть къ своей женѣ, что онъ рѣшился на убійство, чтобы отдѣлаться отъ Гали. Уже прежде бродила у него эта мысль; когда Галя была больна, онъ говорилъ Варварѣ:

— Варка! какъ само все устроивается... Я думалъ... Я замыслилъ... Я думалъ, на все пойду! а вотъ мнѣ теперь вольный путь, незаказанная дорога!

Когда эта незаказанная дорога снова закрылась, мысль о убійствѣ Гали снова всплыла наверхъ, а Варвара подстрекнула еще Павло: «Вотъ я теперь около тебя, милый, ненаглядный; я около тебя, а мнѣ кажется, что я около своего лютаго врага... Я когданибудь возненавижу тебя... Смерти буду тебѣ желать... Да убей ты ее, пускай умираетъ! Я за что погибаю? вѣдь это хуже смерти? Я счастлива буду съ тобою, убей ее!»

Сказать такія слова Павлу — значило бросить искру въ порошокъ. Затѣмъ послѣдовала такая сцена:

Поздно вечеромъ вернулся Павло домой. Галя его ждала, сидѣла, шила.

— Какъ ты поздно пришелъ! промолвила она.—Я уже думала, думала ожидаючи.

Все тотъ же ласковый голосокъ и все тѣ же любящіе тихіе глаза! Сердце у него какъ-то мстительно встрепенулось, какъ при видѣ самаго перваго, самаго лютаго врага.

— Зачѣмъ было ожидать меня? проговорилъ онъ съ гнѣвомъ. — Отчего не спала?

— Мнѣ и не дремалось! вотъ сидѣла, шила. Да какъ же мнѣ было не дожидать тебя, милый?

Спросила: заходилъ ли куда нибудь — не сказалъ; предложила ужинать — не захотѣлъ.

Ходилъ по хатѣ, словно чего искалъ. Потомъ сѣлъ къ столу. Вѣднй сидѣлъ, какъ мертвецъ, а глаза горѣли. Пристально глядѣлъ на Галю.

— Что ты такъ въ меня всматриваешься? спросила она робко и ласково.

Онъ всталъ, точно испугался, чтобы она не подошла къ нему близко.

— Что ты шьешь? спросилъ.

— А это тебѣ рубашка.

— Хорошо. Сшей ее скорѣе.

— О, я поспѣшу! Я примусь! отвѣтила, улыбаясь.

Онъ опять сталъ по хатѣ ходить. Все ходить, ходить, ходить.

— А что это ты все ходишь?

— Болить у меня голова!

— Охъ бѣда какаа! Не подать ли тебѣ холодной воды?

— На что! Само пройдетъ! Переболить да и конецъ! Вѣдь ты же говорила, что всякое лихо, всякое зло перейдетъ, минется — говорила ты или нѣтъ?

— Какъ же не говорила, — говорила.

— И все еще ты на добро уповаешь? Все ты еще добра дожидаетъ на бѣломъ свѣтѣ?

— Дожидаю, милый.

— А какъ еще погорче станетъ! Пстой! Пстой.... Я не хочу про твою упованья, да надежды, да ожиданья слушать! А ты вотъ мнѣ отвѣчай, я тебя спрашиваю: что какъ все, тѣмъ дальше, хуже, да хуже, горче да горче?

— Что съ тобою, милый? Зачѣмъ ты такъ меня спрашиваешь?

— Ты мнѣ отвѣчай! Что какъ хуже, горче будетъ?

— Буду терпѣть, говоритъ она, глядя ему въ поблѣднѣвшее, омраченное лицо съ тревогою и съ любовью.

— Будешь терпѣть? вымолвилъ съ горечью. Ты скажи, тебѣ можетъ казаться, что сладко терпѣть, а? легко? На голову хорошо дѣйствуетъ? Или что такое? что?

— Тяжело терпѣть, да я съ тобою забываю, что оно тяжело. И не чую той тяготы, ей богу, не чую!

— Спасибо! воскликнулъ, спасибо!

— Что съ тобой, Павло? спросила она, и въ голосъ ея зазвучало, какъ она желала бы приласкаться къ нему, какъ желала бы усноковтъ его.

— Ничего! шей, шей знай! А тебѣ никогда не желалось лучшей доли? Никогда не хотѣлось житья повеселѣе? А? Галю?

— Я, другъ мой милый, никогда не думала, не гадала о томъ.

Какое мнѣ житье, какая доля иная, если не съ тобою, не при тебѣ? Мое житье стало быть лучшее, моя доля самая желанная.

— Тагъ ты и не желаешь ничего на свѣтѣ? Вдоволь всякаго добра у тебя имѣется? До сита? Ничего не хочешь, ничего не желаешь?

— Еслибъ ты поспокойнѣй, повеселѣй стала.... Я этого ждала бы, милый мой.

— Ты лучше пожелай мнѣ смерти! лучше мнѣ смерть возвѣсти, сердобольная ты моя подруга!

— Сохрани боже! Сохрани боже! вскринула она въ тревогѣ и печали. — Что это ты такое сказалъ? Какъ можно!

— А развѣ умирать не хорошо! Тебѣ должно быть не хочется умирать?

— Я не хочу умирать! промолвила она.

— Отчего не хочешь?

— Какъ ты чудно спрашиваешь, Павло! Тебя покинуть! И свѣтъ божій хорошъ, и я молода еще. Да какъ тебя покинуть? Когда я лежала больная да объ этомъ подумала — Господи милостивый! Какъ жалко стало! Я не хочу тебя видать! я не хочу умирать!

— А если умрешь!

— Я уже здорова теперь.... я молода... я буду молить Бога, чтобы мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ съ тобою!

— Спасибо! Спасибо! глухо проговорилъ онъ въ отвѣтъ. Самъ все по хатѣ ходитъ, все что-то ищетъ, заглядываетъ по всѣмъ угламъ.

— Чего ты ищешь? спрашиваетъ Галя.

— Ничего! Шей мою рубашку — шей ее поскорѣе.

— Да я шью, шью.... Зачѣмъ тебѣ тагъ понадобилась эта рубашка?

— Обнови захотѣлось.

Она оглянулась на него съ улыбкою, да какъ глянула, выпустила шитье изъ рукъ: такой онъ сталъ у нея за плечами! Точно съ того свѣта выходяецъ.

Она вскочила, вскринула:

— Что съ тобою?

— Что со мною? Ничего! отвѣтилъ, придерживавши ее сильною рукою на мѣстѣ. — Шей!

— Ужъ вѣрно поздно теперь очень....

— Нѣтъ, еще не поздно.

А самъ глядитъ ей въ лицо, въ глаза.... Какіе тихіе, любящіе ея глаза.

Галя начала опять шить.

Изъ-подъ лавки поблескивалъ топоръ. Павло взялъ его на ходу.

Опять онъ остановился передъ Галей, опять на нее пристально смотреть. Она подняла отъ шитья голову, взглянула на него съ тою же ласковостью, усмѣхнулась тою же нѣжною улыбкою.

Онъ весь задрожалъ. Сталъ опять ходить, не выпуская изъ рукъ топора, пряча его отъ нея.

— Шей! шей! говорить Гагѣ.

— Я шью, милый!

Зашелъ онъ сзади, да изъ за плечей какъ ударилъ ее по головѣ тпорщикомъ, только блеснуло желѣзо; а она и не вскрикнула, вздохнула только и скатилась съ лавки, какъ сидѣла, съ своимъ шитьемъ въ поблѣднѣвшихъ рукахъ.

Павло ее поднялъ и положилъ на лавкѣ и самъ сѣлъ около.

Удачно скрывши убійство, Павло женился на Барварѣ, но они не могли уже найти счастья въ жизни, переступивши къ нему черезъ трупъ невинной женщины. Барвара, подстрекнувшая Павла къ убійству, первая упала духомъ и совсѣмъ растерялась, какъ только услышала отъ Павла о его поступкѣ. Вся жизнь ея обратилась въ одинъ непрерывный ужасъ: она боялась людей, боялась одиночества; каждый шорохъ приводилъ ее въ смятеніе. Хозяйство вели они спуста рукава:

«И на диво было всякому, кто ни смотрѣлъ, какъ во всей усадьбѣ ихъ, на всемъ хозяйствѣ ихъ, легко запустѣнье: и на этой новой хатѣ, давно неблѣвеной, неприбранной, на этотъ огородъ не засѣянный, не вскопанный; на тотъ садикъ запущенный — на все! Всего бы тутъ было въ волю для тихаго, любаго житя, а человекъ самъ пренебрегъ, самъ отъ всего отвернулся.... Приперты ворота, да и стоятъ такъ цѣлый день приперты; разъ отворятся — будутъ стоять настезъ и день и ночь. Около гумна разсыпано жито, овесъ; разбросано нѣсколько сноповъ не то смолоченныхъ, не то забыто, брошено... Если что и дѣлается, то видно, что дѣлается все не для своего удовольствія, не заботливо, не для себя, а такъ, по привычкѣ — лишь бы заняться привычнымъ дѣломъ».

Барвара начала ходить часто на господскій дворъ, стараясь тамъ въ буйномъ весельѣ и пьянствѣ размыкать тревогу. Павло весь ушелъ въ себя и жилъ со своими мрачными думами. Онъ посѣдѣлъ и опустилсѣ. «Страшное житѣе началось для Варки: некуда пойти разогнать тоску, нечѣмъ утушить этого жгучаго недуга. А онъ, на котораго она надѣялась, на котораго полага-лась, онъ сталъ тихій, смиренный, плохой такой, какъ безпомощный, сиротливый ребенокъ. Напрасно она его упрекала, напрасно издѣ-валась надъ нимъ, ссорилась съ нимъ, напрасно: онъ слушалъ и отвѣчалъ, точно эта рѣчь шла не о немъ, а о комъ-то неизвѣ-стномъ, незнакомомъ, что все равно ему такъ ли, иначе ли судя-ть, такъ ли, иначе ли на дѣлѣ оно есть

— Зачѣмъ же ты убивалъ ее, если ты такъ пропадаешь? Если ты такъ убиваешься по ней! крикнула Варка.

Онъ весь задрожалъ и залился слезами. Плакалъ очень, пла-калъ, какъ молодая дѣвочка. Варка испугалась этихъ слезъ боль-ше всего на свѣтѣ — сердце у нея упало, гнѣвъ весь исчезъ, ужасъ ее охватилъ. Не понимая хорошенько, что дѣлаетъ, вину-лась она къ дверямъ, затворила двери; бросилась ему слезы оти-рать, уговариваетъ, умоляетъ не плакать.

Онъ все плакалъ, долго не могъ перестать, до утомленія. Съ тѣхъ поръ Варва ходила, какъ человекъ, что всѣ дороги и пути потерялъ, что уже некуда идти да и самъ не ищетъ — полно».

Наконецъ, такая жизнь сдѣлалась невыносимою долге. Павло рѣшился открыться міру въ своемъ преступленіи. Тогда Варвару перевезла въ другое дальнее село, а Павла рѣшились объявить сумасшедшимъ во избѣжаніе всякихъ сношеній съ прежними судами. Павло недолго пожилъ; его загрызла тоска, а Варвара «забыла лихо, забыла всѣ страхи и тревоги, красуется на вечерахъ, собирается за мужъ»....

Таково содержаніе повѣсти въ ея существенныхъ чертахъ. Повѣсть эта самымъ осязательнымъ образомъ обнаруживаетъ дедуктивность творчества писательницы и въ то же время бѣдность индуктивнаго знанія народной жизни. Писательница положила въ основаніе повѣсти такое общечеловѣческое явленіе, какое можно встрѣтить на каждомъ шагу во всѣхъ слояхъ общества, но въ то же время у нея не хватило красокъ и матеріаловъ, чтобы придать этому явленію такую внѣшнюю форму, въ которой является оно обыкновенно въ быту простаго народа. Отрѣшившись отъ того дикаго предразсудка, что будто простой и неразвитой человекъ не можетъ имѣть тѣхъ тонкихъ и деликатныхъ чувствъ, какія имѣетъ образованный, писательница впала въ другую крайность: она заставила простыхъ и неразвитыхъ людей такъ тонко анализировать свои чувства и страданія и такъ ясно формулировать ихъ, какъ не всегда удается и образованнымъ людямъ. Правда, основанія разныхъ психическихъ явленій общи, какъ въ средѣ образованныхъ людей, такъ и въ средѣ самыхъ необразованныхъ; если холерикъ сойдется съ сангвиничкой, то между ними можетъ быть такой же разладъ, будутъ ли они ходить въ шелкахъ да бархатахъ или сердца ихъ будутъ биться подъ простыми сермягами; въ сбояхъ случаяхъ могутъ развиваться тѣ же самыя страсти, тѣ же самыя страданія, но иначе будутъ они сознаваться и формулироваться въ одномъ случаѣ, иначе въ другомъ. Если это не такъ, то тогда какое же значеніе имѣетъ развитіе, или тогда слѣдуетъ согласиться съ славянофилами, что народъ если не развитѣ насъ, то и не уступитъ намъ въ глубокомъ пониманіи своихъ чувствъ и страданій. Мы, вслѣдствіе нашего развитія, конечно, припишемъ нашъ семейный разладъ или несходству темпераментовъ, или разницѣ въ убѣжденіяхъ; въ простомъ быту не существуетъ понятія ни о темпераментахъ, ни объ убѣжденіяхъ; люди страдаютъ вслѣдствіе несходства въ темпераментахъ также, какъ и мы, но и сами не могутъ отдать себѣ отчета, что за причина ихъ страданій. Казалось бы, напримѣръ, отчего не жить согласно мужу и женѣ: и онъ хорошій человекъ, и она женщина добрая; а между тѣмъ вдругъ ни съ того ни съ сего они дѣлаются противны другъ для друга... Подумайте, какое глубокое знаніе психологій нужно, чтобы объяснить себѣ такое

загадочное явленіе... Какъ же объяснить его особенною народъ? А такъ, какъ объяснить онъ себѣ всѣ явленія, причины которыхъ онъ не понимаетъ: не вида естественной причины, онъ взваливаетъ вину на какую нибудь сверхъестественную, и оттуда возникаютъ повѣрія о такъ-называемыхъ испорченныхъ сватбахъ, лихихъ привораживаніяхъ, чарахъ и т. п. Вѣдствіе подобныхъ объясненій страданія людей дѣлаются еще тяжеле, невыносимѣе, безвыходнѣе, трагедія дѣлается еще трагичнѣе: очевидно, что приписывать свои страданія естественнымъ причинамъ, съ которыми можно такъ или иначе справиться и отстранить ихъ, гораздо утѣшительнѣе, чѣмъ объяснить ихъ неумолимымъ фатумомъ какого-нибудь дьявольскаго навожденія. Къ страданіямъ, в безъ того иногда тяжелымъ, присоединяется здѣсь суевѣрный ужасъ и грызущее отчаяніе человѣка, считающаго себя неисправимо испорченнымъ злыми чарами. Въ этомъ отношеніи въ разсказѣ «Три доли» писательница болѣе вѣрно и живо представила намъ міросозерпаніе народа, заставивши не только окружающихъ Якова людей, но и самаго Якова вѣрить, что его околдовала Терничиха. Дѣйствительно, явленіе чарующей силы кокетства принадлежить къ числу такихъ загадочныхъ фактовъ жизни, для объясненія которыхъ необходимо глубокое знаніе психологіи, и нѣтъ ничего мудренаго, что неразвитой человѣкъ въ кокеткѣ видитъ чарующую вѣдму, привораживающую колдунью. Все это совершенно примѣнительно и къ разбираемой нами повѣсти. Въ основаніе ея положено психологическое явленіе, вѣрное до своихъ послѣднихъ частностей; но въ то же время это такое загадочное явленіе для простаго человѣка, что врядъ ли обошлось бы тутъ дѣло безъ чертъ. Писательница же вмѣсто того, чтобы изобразить въ нѣсколькихъ живыхъ сценахъ семейный разладъ между Павломъ и Галею подъ условіемъ того міросозерпанія, которое свойственно народной средѣ, представила намъ людей, которые анализируютъ свои чувства и отношенія другъ къ другу не хуже образованныхъ людей, вступаютъ между собой въ отвлеченныя пренія о томъ, слѣдуетъ ли мириться съ жизнью или не слѣдуетъ; этого мало: дѣло доходитъ до такихъ тонкостей, что Варвара спрашиваетъ вдругъ Павла:

— И скоро ты за нее посватался?

— Черезъ полгода.

— *Было время на обсужденіе, было время на размышленіе! Помода знали другъ друга!* Видите, до чего тутъ доходить дѣло: до предварительнаго изученія характера невесты, прежде, чѣмъ женишься на ней. Такая идея и въ средѣ образованныхъ людей рѣдко кому приходитъ въ голову по той причинѣ, что для образованія этой идеи нужно, чтобы въ головѣ возникла предварительная идея о томъ, какое вліяніе можетъ имѣть на семейную жизнь сходство или несходство характеровъ, а для образованія этой предварительной идеи, нуженъ рядъ другихъ идей, которыя ведутъ къ ней, однимъ словомъ необходимо цѣлое образованіе,

безъ котораго человѣку и въ голову не придетъ, что такое значить характеръ, изученіе характера, наблюденіе разныхъ психическихъ оттѣнковъ, которые могутъ повести за собою счастье или несчастье семейной жизни. Неразвитой человѣкъ въ выборѣ жены руководствуется болѣе простыми и общими требованиями, чѣмъ мы. Намъ можетъ, напримѣръ, заставить задуматься такой фактъ, если наша невѣста съ остервененіемъ накинется на свою собачонку и начнетъ немилосердно истязать ее. Мы сейчас же подумаемъ, что, вѣроятно, въ этой женщинѣ развита жестокость, что она и съ дѣтьми нашими, пожалуй, будетъ обращаться такъ же. Простой человѣкъ не обратитъ, конечно, и вниманія на такой фактъ: онъ все-таки женится на подобной женщинѣ, если будетъ видѣть въ ней молодую, красивую дѣвушку, которая ему нравится, къ тому же усердную работницу. И даже потомъ, если жена, сама по себѣ хорошая, можетъ быть, женщина, сдѣлается вдругъ ни съ того, ни съ сего противна мужу, ему и въ голову не придетъ пѣнять на себя, зачѣмъ онъ заразѣе, когда она была еще невѣстою, не подмѣтилъ въ ней какихъ-либо тонкихъ психическихъ чертъ, несимпатичныхъ ему; и другому никому не придетъ въ голову пѣнять на него за это; а вина вся обрушится на какого-нибудь лихаго человѣка, который переѣхалъ свадьбу, или на разлучницу, отворожившую мужа отъ жены.

Но, несмотря на всѣ эти недостатки, повѣсть все-таки производитъ сильное впечатлѣніе, потому что въ основаніе ея положенъ мотивъ, представляющій довольно широкое обобщеніе; въ дѣйствительности на каждомъ шагѣ вы можете встрѣтить неравные браки въ томъ отношеніи, что натура сильная, глубокая соединяется случайно съ натурою слабою и мелкою; несчастья, происходящія отъ подобныхъ браковъ, неисчислимы и уголовныя преступленія въ родѣ убійства Павломъ жены своей Гали—случай, весьма нерѣдкіе въ жизни. Главное же достоинство повѣсти заключается въ томъ, что трагическое событіе, изображенное въ ней, является передъ нами въ тѣхъ его сокровенныхъ пружинахъ, которыя совершенно соотвѣтствуютъ глубинѣ современнаго анализа жизни. До сихъ поръ въ исторіи трагедіи ставили обыкновенно одну противъ другой двѣ фазы развитія ея, соотвѣтствующія двумъ фазамъ развитія человѣчества. Противъ древней трагедіи ставили трагедію новую, представителемъ которой считается Шекспиръ. Дѣйствительно, древняя трагедія представляется во многомъ діаметрально-противоположною шекспировской. Древняя трагедія страданія и гибель людей, среди ихъ постоянного стремленія къ счастью — объясняла причинами, лежащими внѣ человѣческой природы: человѣкъ самъ по себѣ былъ бы счастливъ и не было бы въ его жизни бѣдствій, говорила древняя трагедія, еслибы боги, располагающіе по своей прихоти судьбою людей, не наслали на нихъ разныхъ несчастій и страданій часто изъ простой зависти къ ихъ счастью. Шекспировская трагедія, на-

противъ того, причины счастья или несчастія видѣла въ самой человеческой природѣ: человекъ самъ себя врагъ, говорила она; онъ самъ своею злою волею наводитъ разныя бѣдствія и страданія и на себя и на другихъ. Такимъ образомъ древняя трагедія была трагедія судьбы; шекспировская драма, возникшая на почвѣ дуализма, есть трагедія свободной воли человека. Но и эта шекспировская трагедія не можетъ уже назваться вполнѣ новою; она тоже начинаетъ отживать свой вѣкъ, подобно древней трагедіи. Современный анализъ жизни начинаетъ искать причины человеческихъ бѣдствій уже не внутри человеческой природы, а подобно древнимъ, внѣ ея. Хотя этотъ новый анализъ жизни и не успѣлъ еще создать такихъ великихъ произведеній, каковы были греческія трагедіи или шекспировскія, но тѣмъ не менѣе въ воздухѣ начинаютъ носиться совершенно иные требованія отъ трагедіи, и еслибы теперь явился трагическій писатель, онъ не могъ бы строить своихъ трагедій ни на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ строилъ ихъ Шекспиръ, ни на основаніяхъ греческой трагедіи. Подобно древнимъ, мы ищемъ причину нашихъ страданій и бѣдствій внѣ человеческой природы; только у насъ этими причинами являются уже не завистливые боги и не злая судьба — мойра, а тѣ обстоятельства, которые гнетутъ человека, искажаютъ его человеческую природу и отравляютъ жизнь его, подвергая его нерѣдко преждевременной гибели. Возьмите вы анализъ всѣхъ современныхъ поэтическихъ произведеній, и вездѣ вы увидите эту идею, составляющую сущность современнаго намъ развитія. То же самое мы видимъ и въ разбираемой нами повѣсти. Основаніемъ повѣсти служитъ такое общечеловѣческое явленіе, которое во всѣ времена могло послужить богатымъ сюжетомъ трагедій. Этими предметомъ могли равно заинтересоваться и Софокль и Шекспиръ и современный намъ поэтъ, но каждый по своему объяснилъ бы его. Человекъ сильный, здоровый, чувствующій глубокую потребность любви и способный любить постоянно и горячо, женится на дѣвушкѣ кроткой, нѣжной, любящей; казалось, тутъ собраны всѣ элементы для семейнаго счастья... Что могло бы помѣшать взаимному наслажденію этихъ людей другъ другомъ и жизни?... И вдругъ, что же: безъ всякой, повидимому, причины эти люди начинаютъ быть холодны другъ къ другу, семейный рай ихъ обращается въ адъ, они не могутъ смотрѣть другъ на друга безъ отвращенія, не знаютъ, какъ избавиться другъ отъ друга, но выходу нѣтъ изъ этого ада, и вотъ пламенный любовникъ обращается въ безпощаднаго убійцу, рѣшающагося поднять руку на женщину невинную и совершенно беззащитную... Что за причина такого страннаго загадочнаго явленія?... Неужели такова судьба человека — вѣчно искать счастья и въ этомъ счастьи открывать неожиданную, страшную гибель для себя? «Это злая мойра подшучиваетъ такъ надъ людьми», скавалъ бы намъ Софокль. «Нѣтъ, возразилъ бы Шекспиръ, тутъ не мойра; вся бѣда здѣсь въ злой волѣ человека, въ

той ненасытности желаній, при которой человѣку мало дѣлага міра; горе тому несчастному, который не съумѣетъ во время обуздать своихъ ненасытныхъ желаній и дать имъ полную свободу...» Совершенно не такъ смотритъ на это явленіе современный намъ поэтъ: въ лицѣ Павла онъ видитъ человѣка, подавленнаго дѣлнымъ рядомъ такихъ обстоятельствъ, которыя прямо и неуклонно ведутъ его къ страшному преступленію. Развѣ этотъ самый Павло потребовалъ бы отъ Гали, чтобы она такъ же мрачно смотрѣла на жизнь, какъ онъ, еслибы у него не было основанія смотрѣть на жизнь мрачно, еслибы онъ не былъ ослобленъ и ожесточенъ съ другой стороны, развѣ Павло женился бы на Галѣ, еслибы онъ былъ развитъ на столько, что могъ бы заранѣе тонкимъ анализомъ психическихъ качествъ Гали предусмотрѣть, что съ этой женщиной онъ не уживется? а съ третьей стороны, развѣ этотъ Павло рѣшился бы занести руку на Галию, еслибы жизнь наша успѣла уже выработать какой-нибудь законный и справедливый выходъ изъ положенія Павла? Сколько напрасныхъ, никому неуживыхъ страданій выносятъ люди изъ-за разныхъ несовершенствъ ихъ быта, и сколько трагедій предупреждается каждымъ ничтожнымъ усовершенствованіемъ жизни?

IV.

Въ народѣ ходитъ много разсказовъ объ удалихъ молодцахъ-разбойникахъ, о Ермакѣ Тимошеевичѣ, Стенькѣ Разинѣ, Кузьмѣ Рощинѣ, Тришкѣ Сибирякѣ и проч. Народъ смотритъ на эти личности, какъ на лихихъ удалцовъ, богатырей, которымъ покорялись не только земныя, но и сверхъестественныя силы, которые были грозны и безопады для однихъ, и въ то же время милостивы и великодушны для другихъ. Этой сторонѣ жизни народа писательница посвятила два разсказа: «Иванъ Кармелюкъ» и «Сказку о девяти братьяхъ разбойникахъ и десятой сестрицѣ Галѣ».

О первомъ разсказѣ я скажу только нѣсколько словъ, потому что, несмотря на нѣкоторыя хорошія частности, въ цѣломъ онъ не удался писательницѣ; со вторымъ я подробнѣе познакомлю читателей, потому что этотъ разсказъ можно назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній г-жи Марко-Вовчка.^k

Разсказъ «Иванъ Кармелюкъ» мы можемъ раздѣлять на двѣ рѣзкія половины: Иванъ Кармелюкъ дома, и Иванъ Кармелюкъ на разбоѣ. Въ первой половинѣ разсказа писательница изобразила передъ нами такого человѣка, изъ котораго никакъ образомъ не могъ выйти «Иванъ Кармелюкъ» второй части, то-есть удалой разбойникъ. Случилось это, по всей вѣроятности, вотъ какимъ образомъ. Писательница слышала множество разсказовъ о подвигахъ удалыхъ разбойниковъ; разсказы эти произвели на нее свое впечатлѣніе, и она задалась мыслию, откуда берутся, и какъ создаются подобныя личности? И вотъ она начала

дедуктивнымъ путемъ придумывать картину дѣтства и юности Ивана Кармелюва. Удамой разбойникъ, конечно, должна бытъ личность необыкновенная, исключительная, титаническая. Какъ же она должна проявлять себя въ дѣтствѣ? О, для этого у насъ готовы уже рутинные приемы въ литературѣ: гениальная личность должна, конечно, не походить на всѣхъ окружающихъ людей, въ дѣтствѣ она должна чуждаться игръ и товарищей, потомъ начать задумываться надъ такими предметами, о которыхъ другіе не задумываются — вотъ и готова гениальная личность; затѣмъ что хотите изъ нея дѣлайте — хотите тяпъ-ляпъ — вотъ вамъ гениальный поэтъ, тяпъ-ляпъ — вотъ вамъ разбойникъ.

А между тѣмъ, вѣдь существуютъ же причины, по которымъ одна необыкновенная личность, выходящая изъ народа, дѣлается поэтомъ, другая основателемъ какой-нибудь секты или новаго ученія, третья — разбойникомъ. Вслѣдствіе какихъ данныхъ Ломоносовъ не пошелъ по дорогѣ Пугачева, а Пугачевъ не пошелъ по дорогѣ Ломоносова? А вѣдь оба они равно вышли изъ народа и были личностями необыкновенными. Причины, которыя наталкиваютъ человѣка на тотъ или другой путь, конечно, разнообразны, но не до такой степени, чтобы изъ цѣлой массы фактовъ нельзя было извлечь такихъ общихъ чертъ, по которымъ мы могли бы съ приблизительною точностью судить, по какой дорогѣ скорѣе всего пойдетъ тотъ или другой человѣкъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что пзъ народа во всѣ времена, во всѣхъ странахъ постоянно выходили два опредѣленные типа необыкновенныхъ людей, и между этими двумя типами мы видимъ рѣзкую разницу: съ одной стороны передъ нами встаетъ типъ грознаго, мрачнаго мстителя, незнающаго пощады, исполненнаго непримиримую ненавистью и ни о чемъ болѣе не думающаго, какъ объ уничтоженіи того, что онъ ненавидитъ. Съ другой стороны намъ представляется тихій, вроткій мыслитель, исполненный мира и любви ко всѣмъ людямъ безъ исключенія и который предлагаетъ людямъ какое-нибудь новое ученіе, увѣряя, что если люди примутъ это ученіе, то у нихъ разомъ прекратится всякая вражда между собою, всѣ они будутъ счастливы и добры. Иногда оба эти типа соединяются въ одной личности: реформаторъ является террористомъ или наоборотъ, но это случается рѣдко. Возьмите вы біографіи большинства основателей сектъ, и вы увидите, что всѣ они во многомъ похожи другъ на друга: почти всѣ они родятся обыкновенно въ семействахъ небогатомъ, но ненуждающемся; дѣтство проводятъ спокойно; ничто не ожесточаетъ ихъ; напротивъ того, все возбуждаетъ въ нихъ наблюдательность и у нихъ много свободнаго времени спокойно обдумывать предметы, представляющіеся ихъ наблюденіямъ. Такіе люди дѣйствительно въ дѣтствѣ являются часто задумчивыми мечтателями, удаляющимися отъ дѣтскихъ игръ и шалостей. Если такіе люди видятъ вокругъ себя много всякаго рода людскихъ страданій, у нихъ являются необходимые вопросы, почему жизнь устроена

тавъ, что люди страдаютъ, неужели нельзя ее иначе устроить, чтобы всѣ были счастливы. Плодомъ подобныхъ размышленийъ является кака-нибудь сета или новое ученіе, и случается, что это новое ученіе создается человѣкомъ уже подъ старость, послѣ размышленийъ цѣлой жизни. Въ созданіи такого ученія играетъ большую роль чувство состраданія къ несчастнымъ ближнихъ; но какъ бы ни раздували моралисты наши это чувство, оно всегда будетъ рѣзко отличаться отъ чувства личнаго страданія. Изъ человѣка, который самъ нисколько не страдаетъ, а только изучается страданіями другихъ, непременно долженъ развиться иной человѣкъ, чѣмъ изъ человѣка, который самъ страдаетъ. Очень можетъ быть, что первый будетъ нравственно выше послѣдняго, потому что страданія личныя неминуемо дѣйствуютъ на человѣка разлагающимъ образомъ; очень можетъ быть, что и въ умственномъ отношеніи страдающій человѣкъ уступитъ сострадающему: страданія, устремляя умъ человѣка на одинъ предметъ, мѣшаютъ ширинѣ и многосторонности умственного кругозора. Но для насъ здѣсь важно не то, которые люди лучше, которые хуже, а важно коренное различіе между тѣми и другими людьми, вслѣдствіе различія обстоятельствъ ихъ жизни. И вотъ вамъ происхождение другаго типа людей, выходящихъ изъ народа: въ дѣтствѣ эти люди бываютъ отчаянные шалуны, головорѣзы, отличные товарищи, впереди во всѣхъ играхъ и шалостяхъ, въ то же время они никакъ не могутъ ужиться со старшими: изъ училищъ ихъ выгоняютъ, изъ родительскаго дома они и сами иногда бѣгутъ. Вслѣдствіе этого съ самаго дѣтства они до нѣкоторой степени ожесточаются; дальнѣйшая жизнь, полная обыкновенно самыхъ разнообразныхъ тревоженій и скитаній, еще больше ожесточаетъ ихъ и можетъ, конечно, образовать изъ нихъ такія личности, каковы были Разинъ или Пугачевъ. Посмотрите, въ какихъ мрачныхъ чертахъ рисуется передъ нами личность Разина въ исторической монографіи г. Н. Костомарова:

«Это былъ человѣкъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія, предприимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой дѣятельности. Своенравный, столько же непостоянный въ своихъ движеніяхъ, сколько упорный въ предпріятомъ разѣ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишения; нѣкогда ходившій на богомолье въ отдаленный Соловецкій монастырь, впоследствии непочитавшій имени Христа и святыхъ его. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось въ грубыхъ чертахъ лица его, правильнаго и слегка рябватаго; въ его взглядѣ было что-то повелительное; толпа чувствовала въ немъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы, противъ которой невозможно было устоять, и называла его колдуномъ. Въ его душѣ дѣйствительно была кака-то страшная, мистическая тьма. Жестокій и кровожадный, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самого

себя; чужія страданія забавляли его, свои собственныя онъ презиралъ. Онъ былъ ненавистникъ всего, что стояло выше его. Законъ, общество, церковь — все, что связываетъ личные побужденія человѣка, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало состраданія. Честь и великодушіе были ему незнакомы. Таковъ былъ этотъ борецъ воляницы, въ полной мѣрѣ извергъ рода человѣческаго, вызывающаго подобныя личности неудачнымъ складомъ своего общества.

Всѣ наши удалыцы-разбойники болѣе или менѣе подходятъ къ этому типу. Посмотрите теперь, каковъ былъ Кармелюкъ. Онъ былъ красавчикъ и маменькинъ сыночекъ: мать никогда не могла взглянуть на него безъ улыбки и безъ подалуя. У него было всею въ волю: и хата теплая, и мать старушка добрая, и жена красавица. Истинную правду говорили про него добрые люди, что «совершенно онъ счастливый человѣкъ, чего бы еще надобно ему? Всѣмъ его Богъ надѣлялъ и утѣшилъ — совсѣмъ счастливый! Избаловался отъ своего счастья и вотъ дурить, себя томить, да людей удивляетъ». Одного только не понимали добрые люди, что надѣленный всѣмъ, этотъ человѣкъ былъ надѣленъ, между прочимъ, сильнымъ умомъ, способнымъ къ глубокому анализу, и сострадательнымъ сердцемъ къ несчастнымъ ближнимъ. При такихъ качествахъ онъ могъ сдѣлаться основателемъ новой раскольничьей секты, а при большемъ развитіи, пожалуй, создалъ бы какую-нибудь политико-экономическую теорію. Но въ немъ вы не видите никакихъ такихъ элементовъ, изъ которыхъ могъ бы сложиться удамой разбойникъ. Правда, онъ могъ бы попасть въ разбойничью шайку, уже сформировавшуюся, но не ему принадлежить инициатива такого явленія.

Вотъ этимъ и отличается сказка о «девати братьяхъ», что въ ней то же самое явленіе жизни, такъ неудачно развитое въ рассказѣ Иванъ Кармелюкъ, посажено на свою истинную почву; писательница не опустила въ цѣломъ рядѣ сценъ, въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ обрисовать такую жизнь, которая прямо и неуклонно должна была повести братьевъ прямо въ темный лѣсъ и пещеры днѣпровскія. Влѣзь Кіева на Подолѣ, жила вдова съ десятью дѣтьми, и жила она въ самой ужасной нищетѣ, прокармливая кое-какъ семейство свое поденной работой. Вотъ какъ проводили дѣтство свое эти дѣти: «И вѣрно вслѣдъ, кто мимо ѣхалъ и видѣлъ хатку, думалъ: что за маленькая хатка стоитъ, какъ она въ землю вошла и покривилась, какъ окошечко покосилось и какъ крыша убралась въ зеленый и сѣрый мохъ! И не огорожена хатка, и безъ сѣней, и безъ коморы, и ни садика, ни огорожника около, только старая, тихая груша съ сломанною вершиною. И сколько дѣтей вокругъ! А если бы кто свернулъ съ дороги и вошелъ въ хатку, такъ увидалъ бы, что какъ ни мала хатка и сколько въ ней ни живетъ душъ, совсѣмъ она пуста. Ничего тамъ не было, кромѣ лавки, да узкой полочки, гдѣ стояла миска съ ложками. Печь растрескалась и осѣла; на

запечкѣ опробинутый горшокъ, два колотка въ стѣнѣ, на которыхъ ничего не висѣло, столъ съ щелью во всю длину посерединѣ, на которомъ ничего не стояло; въ углу образъ съ стершимся ликомъ, обвитый сухими и свѣжими цвѣтами — вотъ и все. А еслибы кто спросилъ дѣтей: гдѣ же ваши рубашонки? гдѣ ваша одежда? Дѣти бы показали тому, что рубашки сушатся на берегу, а другой одежды нѣтъ у нихъ никакой. А зимой? а въ холодъ, въ морозы? Зима, холодъ, морозы? О, это не хорошее время! Только оно начинается подходить, мать пуще плачетъ и все повторяетъ: какъ-то мы перебудемъ, какъ-то мы перебудемъ! И скучно всегда перебивать: холодно, надо сидѣть на печи, поджавши ноги, а если выбѣжишь на лугъ и потанцуешь по снѣгу, такъ скоро, какъ обожженный, бросаешься въ хату, на печь, опять сидѣть поджавши ноги. Игра въ догучную надѣдается, и только еще одну Галя немножко смѣшить, а всѣхъ сердить; знаемая сказка объ Ивѣнѣ никого не трогаетъ; только Галя немножко. День такой коротенькій, быстро вечеръ наступаетъ и въ хаткѣ дѣлается темно. И сидятъ они въ темнотѣ на печи, ждутъ мать съ поденщины и молчатъ; только Галя иногда оробѣетъ и шопотомъ спрашиваетъ: «что если волкъ придетъ?» «Не придетъ», отвѣчаютъ ей всѣ. «А что если бука придетъ?» шепчетъ опять Галя. Всѣ ближе другъ къ другу придвигаются и говорятъ Галѣ: «О трусиха!» а меньшой братъ ее за руки. «А какъ придетъ волкъ?» опять-таки пристаётъ Галя, и всѣ ею недовольны кромѣ меньшаго—меньшой ее потихоньку успокоиваетъ. И Галя успокоивается и иногда пѣсенку запоетъ про журавля, что «длинноногий журавль на мельницу ѣздилъ и диковинку видѣлъ», и меньшой братъ чувствуетъ, какъ длинноногий журавль ѣздитъ и диковинку видѣлъ, потому что Галя подъ пѣнье треплетъ брата обѣими рученками по лицу. Пѣсенка какъ-то незамѣтно обрывается; длинноногий журавль остается на дорогѣ и Галя засыпаетъ у меньшаго брата на рукахъ. Случно-случно! холодно-холодно! темно-темно! въ покосившееся окошечко видѣтъ лугъ подъ бѣлымъ снѣгомъ. Бѣлый снѣгъ то заблеститъ, то потеряетъ блескъ—это значитъ мѣсяцъ ныряетъ въ облакахъ. Что-то дальше будетъ: заблеститъ ли бѣлый снѣгъ еще ярче при мѣсяцѣ и звѣздахъ или повалитъ снѣгъ свѣжій, матерь разыграется, забьетъ покосившееся окошечко, занесетъ дорожку, задержитъ мать дольше? А что мать принесетъ имъ?

Отдала мать старшаго сына въ наймиты къ портному. Но служба и ученіе сына имѣли вотъ какой результатъ: зима шла къ концу, во холода еще стояли сильнѣе и братья съ Галей сидѣли на печи, поджавши ноги. Дѣло было къ вечеру. Вдругъ шаги, и мимо окошечка мелькнуло что-то.

«— Мама! вскрикнула Галя.

«— Нѣтъ, это не мама, отвѣчали братья.

«— О! прошептала Галя, глазки у ней вдвое увеличились, а бровки вдвое выше поднялись.

«— Не бойся, Галя, проговорилъ меньшей, и всѣ выглядывали съ печя, вытянувши шеи: Дверь отворилась и вошелъ старшій братъ.

Господи! какой крикъ раздакъ при его видѣ! Какъ къ нему бросились! Какъ за него ухватились! Какъ не знали, что сказать и о чемъ спрашивать! Быстрая, неожиданная радость такъ захватила ихъ, что въ головѣ кружилось, въ глазахъ прыгало все кругомъ, всѣ обступили, всѣ схватили старшаго брата и больше чувствовали, что онъ тутъ съ ними, чѣмъ видѣли его; ихъ не поразило вдругъ, что старшій братъ смертно блѣденъ, что волосы у него спутаны и всклокочены, что воротъ рубахи разорванъ, словно кто-нибудь силой схватилъ и разорвалъ, что лицо старшаго брата какъ-то искажено, и что онъ не промолвилъ ни слова обнимающисъ съ ними, только тяжело дышалъ. И Галя первая вскрикнула:

«— О, какой ты сталъ бѣлый! О, какой ты сталъ наймитъ! Такой точно, какъ я видѣла, по дорогѣ хозяйсенхъ воловъ гналъ, такой точно! такой самшй!

И Галя живыми глазами всѣхъ спрашивала, правда ли ей?

Правда-правда. Сдѣлался старшій братъ бѣлый, какъ свѣтъ и истый наймитъ... Но отчего воротъ рубахиц разорванъ, отчего волосы всклокочены, отчего лицо такъ искажилось, отчего едва дышетъ онъ трудно и тяжело? Быстрая радость быстро куда-то дѣлась, всѣ глаза устремились на старшаго брата и смотрѣли пристально и безпокойно, и видѣли его ясно.

«— Сядь, сядь, братикъ милый. Ты уморился, милый! лепетала Галя, дергая тихонько старшаго брата за руку, а нѣжные глаза съ тревогой спрашивали, что такое неладно, и что дѣлать?

Старшій братъ сѣлъ на лавкѣ, а всѣ другіе радомъ. Галя стала около него и, глядя на всѣхъ, въ тревогѣ забыла, какъ босыми ножкамъ холодно стоять. Старшій братъ все молчалъ и глядѣлъ въ землю. Средній братъ его спросилъ:

«— Какъ это ты пришелъ къ намъ?

«— Хозяинъ меня прогналъ, отвѣтилъ старшій братъ.

Долго някто ничего не говорилъ.

Галя спрятала личико къ старшему брату въ колѣни.

«— Онъ тебя билъ? спросилъ опять средній братъ.

«— Онъ меня давно билъ, съ перваго дня, отвѣчалъ старшій братъ.

«— Отчего-жъ ты не ушелъ давно отъ него? живо и пылко промолвилъ меньшей братъ.

«— Ты бы ушелъ, чуть слышно лепетала Галя, не поднимаячи головы съ братниныхъ колѣнъ: — тебѣ бы надо было къ намъ скорѣй прибѣжать. Любшй, любшй, любшй братикъ!

«— Я хотѣлъ еще перетерпѣть, хотѣлъ еще служить, отвѣтилъ старшій братъ...»

Однажды лѣтомъ, желая погѣшать своихъ дѣтей, повела ихъ мать на ярмарку.

«Наконецъ они добрались до самой площади на другомъ концѣ города, гдѣ стояла армарка. Тутъ-то Галя ужъ просто зажмурилась на время; да и братья не знали куда скорѣй глядѣть, и даже старшій сразу былъ пораженъ. Тутъ ворохи сладкихъ медовыхъ пряниковъ, груди орѣховъ, сушаныхъ грушъ, бубликовъ связи, кучи сладенъ... Вотъ-вотъ чоботы съ красною оторочкою, такіе самыя, какъ надо! Вотъ глиняная свистулька, которой давно-давно хотѣлось! Вотъ смушевая шапка, лучше этой и искать нечего! Вотъ сивая шапка еще лучше черной.

«— Мама, мама! лепетала Галя: — купи мнѣ, охъ купи поскорѣй вотъ этотъ большой пряникъ! Охъ, я хочу этого пряника! Охъ, мама, купи мнѣ вотъ эту косыночку, охъ вотъ эту, эту пестренку, славную! Или вотъ эту красненькую, охъ красненькую! Вошь то намисто мнѣ, охъ намисто мнѣ!

И маленький Галинъ пальчикъ показывалъ туда и сюда, куда восхищенные глазки только обращались, и все больше Галя охала и громче просила, и не слыхала, какъ мать тихонько ей «не на что, Галя, не на что купить, дѣтя мое милое!»

Меньшой сынъ тоже сталъ просить: — мама, купи мнѣ шапку! и старшіе сыновья тоже просить: — мама, чоботы купи! Мама, святку купи! кто краснаго пояса просить, кто пояса пестраго хочеть; одинъ показываетъ на сласти, другой таяеть туда, гдѣ дѣлая кучка дѣтей обступила продавщицу дудокъ, гдѣ сама продавщица, важная женщина, въ зеленомъ шитомъ очипкѣ, играетъ съ важностью на дудкѣ, а ужъ мальчики всѣ такъ надули щеки, какъ пузыри, и откуда слышенъ свистъ на всѣ разныя тоны и глоса.

«— Не могу! не могу! не могу! прошептала вдова каждому сыну потихоньку. — Не на что, дѣти! Нѣту...

Сыновья смолкли и вдругъ остановились и поглядѣли на мать и на старшаго брата потомъ. У матери лицо подергивалось и дрожавшія уста все шептали нить: «Не могу, дѣточки! Не на что!» Старшій братъ стоялъ и глядѣлъ въ землю по своей привычкѣ, точно какъ тогда, когда прогнанный воротился отъ хозяина: такъ же лицо побѣлѣло, такъ точно губы сжались.

Сыновья больше ни о чемъ не просили и какъ стали, такъ и стояли, глядя молча по сторонамъ...

Всѣ они долго стояли между движущеюся толпою, шумящею и пестрою, стояли и смотрѣли. Смотрѣли братья пристально, и словно впервой видѣли людскіе наряды и доволства, и словно впервой почували на себѣ худыя рубашонки; словно впервой видѣли они людскую бойкость, безпечность и веселье, и словно впервой распознавали свою заботу и убожество. А мать глядѣла на нихъ. Она съ ними то заговаривала, то безъ словъ глядела по головѣ рукой, то посылала ближе подойти полюбоваться, то показывала одно, то другое.

«— Мама! сказалъ старшій сынъ:—пойдемъ домой. И всѣ стали

просить ее — мама, пойдешь домой. Галя только крѣпче, да крѣпче принуждала свои мальчиш.

«— Домой? домой? повторила вдова: — уже домой хотите? Не погулять ли вамъ еще по ярмаркѣ, мои голубчики? Чего же такъ рано домой, мои коханнны? Вы еще всей ярмарки не видали...

«— Мы домой хотимъ, мама! сказали въ одинъ голосъ сыновья.

«— Домой? Ну, пойдѣте домой, мои втащии! вымолвила вдова и едва вымолвила: — ну, домой пойдѣте, мои дѣточки! Галичка, дай ручку. Можеть, понести тебя, моя дочка? Галя протянула ручки, и когда была на рукахъ у матери, такъ обхватила ее за шею крѣпко и спрятала личико у нея на плечѣ. И всѣ они пошли домой.

Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ дѣтства, немудрено, что когда сдѣлались взрослые, братья стали безыкойны и недовольны. Мать убивалася, ихъ приголубивая, да жалѣя; Галя падала (?), разелекая ихъ, да жалея, а нужда, да убожество придавливали все тяжелѣй, да тѣснѣй, да ярче. Ходили всѣ братья, искали себѣ работы и за малую плату. И ворочались они домой изъ этихъ поисковъ, все печальнѣй, да драчнѣй.

Какъ вдругъ и счастье посѣтило: нашлась служба вдругъ двумъ братьямъ, старшему и среднему. Оба они пошли въ наймиты. Старшій братъ пошелъ служить къ молодому, заняточному козанину-огороднику, а средній братъ служить пошелъ у вдовца, у стараго хлѣбопашца: оба брата недалеко запропастились: тутъ же-таки подъ городомъ нанемались они.

Но опять-таки недолго послужили они. Средній братъ вду-малъ влюбиться въ дочь хозяйина.

Перемучившись дня, не проспавши ночи, одинъ разъ наймитъ дождался встрѣчи съ своей госпожею любимею и признался, сказалъ ей всю истинную правду. Какъ же она удивилась, какъ она свое личико хорошенькое отвернула! Какъ услышала его слова неласково, какъ обидно отвѣтила. «Не затрогивай меня никогда больше, наймитъ, промолвила.—Развѣ я тебѣ равна? Если хочешь у насъ служить, такъ веди себя, какъ добрый слуга. Не говори, не заговаривай со мною». А онъ-таки затронулъ, а онъ-таки заговорилъ, да и долженъ былъ навѣки проститься; потерялъ мѣсто свое и воротился домой къ матери, въ хатку на лугу. Такой онъ воротился, словно въ цѣту прибитый.

Со старшимъ братомъ произошла исторія болѣе обыкновенная и прозаическая:

«Одинъ разъ наймитъ или хорошо не счелъ, когда бралъ, или дорогой какъ потерялъ, только хозяйнъ не досчитался своего счету и подыалъ бурю; назвалъ я воромъ, и пройди-свѣтомъ, и голышемъ; а хозяйка себѣ подсказываетъ, да подкрививаетъ, да пищать, да верещить.

«— Я больше у васъ выслужилъ: — возьмите изъ моихъ заработанныхъ, да и не бранитесь больше, говорить наймитъ.

«— Иди вонъ и не показывайся никогда, возить его хозяинъ.

«— Чтобъ и духу мнѣ твоего не слыкала! врать хозяйка.

«— Заплатите мнѣ, говорить наймитъ.

«— Заплатить? Да я тебѣ, веру, щербатой кофѣиш не дамъ! Иди вонъ! прочь! никуда хозяинъ.

«— Я на васъ суда буду искать! промовалъ наймитъ.

«— Суда на меня! Ты? вскрикнулъ хозяинъ и захохоталъ отъ великой потѣхи.

«— Смотрите! воскликнула хозяйка, и хозяйинъ хохотъ распался маленькѣ и веселымъ звукомъ.

Наймитъ пошелъ отъ нихъ, да и самъ засмѣялся, надѣваясь надъ самимъ собою, что собрался было хозяинъ засудить.

Всѣ эти обстоятельства, сложившіяся вмѣстѣ, должны были привести раньше или позже къ своему исходу, наконецъ и привели:

«Опять всѣ вмѣстѣ собрался ждать терза, да надѣяться не имѣя. Неспокойны, врачны ходили братья всѣ; всѣхъ врачнѣй старшій былъ, всѣхъ грустнѣе средній. Мать ихъ развлекать не бралася, Галя ужъ ихъ не трогала, а у меньшаго брата тагъ сердце жалостью просто исходило.

Разъ вечеромъ старшій братъ говоритъ всѣмъ братьямъ:

«— Житѣ наше горькое и убогое; что вы думаете дѣлать? Я присягаю дремучему лѣсу. Будете ли вы, братья, товарищами?

И всѣ братья согласились и сказали: — хероню!

«— А мать? А Галя? спохватился меньшой.

«— Да развѣ мы много помогаемъ имъ? сказалъ старшій. Братья-товарищи не отступайте!

Всѣ отвѣтили: — не отступимъ!

Вопли они въ хатку. Мать и Галя ужъ спали.

Мать сейчасъ проснулась, услышала и промовила: — гдѣ вы, дѣточки, замѣшгались?

И Галя проснулась, почувавши, что ее крѣпко обняли: то меньшой братъ ее обнялъ: «Что?» спросила Галя. Сердце забилося у нея, почувало, что-то есть. Но меньшой братъ ничего не отвѣтилъ и отошелъ.

Старшій братъ сказалъ тогда: — мама, идемъ мы счастья искать; будь здорова, да насъ не поджидай! Прощай, сестра!

Съ этимъ словомъ пошелъ онъ, а за нимъ всѣ братья вслѣдъ.

Вдова только всплеснула руками и упала въ горѣ и въ ужасѣ. Галя вскочила, догнала, уцѣпилася было за меньшаго брата, не пускала и рыдала, но и любимый братъ вырвался отъ нея и убѣжалъ за другими, и только издали она еще услышала его голь: «Прощай, Галя, прощай!»

Всѣ ушли. Ушли и не возвращаются.

Затѣмъ слѣдуютъ сцены ожиданія матери своихъ дѣтей и наконецъ смерти ея; эти сцены полны высокаго, потрясающаго трагизма. Сграшное впечатлѣніе производятъ эта убогая старушка, которая дни, мѣсяцы, годы, все прислушивается къ каждому шороху, ожидая, что воротятся ея малыя.

«— Галя! говорила опять вдова:—саниншиъ, шумить?»

«— Это Дѣбрь шумить.

«— Нѣтъ, нѣтъ, Галя: слушай!

«— Деревья шелестятъ, мама!

«— Все Дѣбрь шумить! все деревья шелестятъ! промолвить вдова и вздохнетъ и прошепчетъ:—Боже мой! И немного погодя, вдова опять начинаетъ: — Галя! Галичка! выйди, взгляди, послушай!

И Галя выходитъ, глядитъ и слушаетъ. Не слышно ничего, не видно никого — только Дѣбрь шумить, да деревья шелестятъ».

Наконецъ старушка слегла.

«Большая лежала тихо, безмолвно, все почти съ закрытыми глазами и было похоже, будто она отдыхала отъ тяжелой-тяжкой усталости и работы.

Разъ она спросила:—Галя! что это, Дѣбрь шумить?

«— Нѣтъ, мама, Дѣбрь не шумить: зима, и онъ подо-льдомъ.

«— Галя, деревья шелестятъ?

«— Нѣтъ, мама, зима, деревья въ нееѣ.

Тогда зима была бѣлая, лютая, крѣпкая зима.

Долго лежала больная, не открывая глазъ и не молвя слова. И все блѣдѣла, и все слабѣла. И чуть слышно опять спросила:

«— Галя, Дѣбрь вѣдь не шумить? Я не слышу... Шумить или нѣтъ?

«— Нѣтъ, мама.

«— Такъ деревья шелестятъ?

«— Нѣтъ, мама.

Вдова поднялась, словно исполнилась силъ:

«— Галя, я слышу, я слышу! Отворяй двери скорѣѣ! Встрѣчай скорѣѣ!—И потерявши вдругъ всѣ послѣднія силы, вдова упала и закрыла глаза. Галя пришла къ ней и звала ее; но она не откликнулась и глаза ея на вѣкъ закрылись. Добрые люди кое-какъ помогли Галѣ похоронить мать, и стала жить Галя одна-одиношенька въ своей хаткѣ».

Еслибы писательница повончила этимъ свой рассказъ или придумала для него другой, болѣе естественный конецъ, тогда это было бы одно изъ лучшихъ произведеній нашей литературы.—Но все дѣло испорчено тѣмъ, что писательница прѣшла на живую нитку къ этому глубоко обдуманному и прочувствованному рассказу самый негнѣшый и мелодраматическій ковецъ. Далѣе идетъ цѣлый рядъ случайностей, ни на чемъ не основанныхъ: нужно же было, чтобы въ окошку Галя подошла незнакомый казакъ, влюбился въ нее, женился на ней, повезъ ее на родину, заблудился дорогою, попалъ нечаянно къ дѣбрьскимъ пещерамъ, гдѣ срывались братья, они напали на молодыхъ, казакъ убилъ и ували въ женѣ его сестру свою Галю, которая въ отчаяніи сошла съ ума и утопилась въ Дѣбрь... Тутъ все случайно, натынуто, эффектно и мелодраматично. Глубокій ана-

лизъ, положенный въ основаніе разсказа, сводится, пошимо воли писательницы, на самую узенькую и пошленькую мораль въ родѣ того, что если ты Петинья имать задумаешь, то можешь пальчикъ обрѣзать своей сестрицѣ Аннушкѣ. Читатель поставленъ въ рѣшительное недоумѣніе и у него невольно поднимаются въ головѣ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: ну, а что было бы, еслибы прокомій казакъ не остановился бы у окошечка Гали? что было бы, еслибы молодые не заблудились, а спокойно вѣрѣжали, куда имъ было нужно? Нѣтъ, обходиться съ произведеніями подобнаго рода, какъ сказа о «девяти братьяхъ», такъ небрежно—непозволительно и тѣмъ болѣе непозволительно, что такихъ произведеній немного въ нашей литературѣ.

V.

Въ то время, какъ разсказы Марко-Вовчка изъ народнаго быта обнаруживаютъ отсутствіе всесторонняго и точнаго знанія жизни народа и вслѣдствіе этого невѣдливость, бѣдность пластичности и подробностей; совершенно въ иномъ видѣ представляются картины и очерки той жизни, которая естественно болѣе знакома писательницѣ, т.-е. жизни помѣщиковъ и горожанъ. Прочтите «Иститутку», «Глухой городокъ», «Тюлевую бабу», вы увидите, какою пластичностью отличаются въ этихъ разсказахъ образы и типы, которые рисуетъ передъ вами писательница во всей ихъ глубинѣ и вѣрности жизни. Васъ поразитъ въ то же время мѣткій юморъ, направленный на такіа стороны жизни, которыа достойны всеобщаго осмѣянія.

Мы займемся разборомъ разсказа «Тюлевая баба», какъ лучшаго въ этомъ родѣ какъ по своему юмору, какъ и вообще по выдержанности и богатству содержанія. Въ разсказѣ этомъ изображена жизнь малороссійскаго захолустья во всей ея мелочности и отсутствіи всякихъ интересовъ, превышающихъ интересъ до приторности жирнаго и до объяденія сытнаго обѣда. Героиней разсказа является Анна Федоровна Журбовская, все содержаніе, вся цѣль жизни которой состояли въ томъ, чтобы удивлять людей своими обѣдами.

«Анна Федоровна Журбовская была отличная хозяйка. Просто, она чудеса показывала. Напримѣръ, она дѣлала одинъ кремъ полосатый, разноцвѣтный, всѣмъ на зависть и на удивленье. Какъ ужъ ни хотѣли прочія хозяйки дойти до этого крема — никто не дошелъ. Вѣрьте, не вѣрьте, а одна барыня (и богатая барыня) хотѣла сына женить на дочери Анны Федоровны, чтобъ только вывѣдать тайну. Да Анна Федоровна всегда съ этими вещами на сторожѣ, а барыня была нетерпѣлива, поспѣшила, проговорила. Анна Федоровна дочери не отдала и секрета не открыла. Ни у кого такихъ не бывало обѣдовъ, ни у кого такихъ именинныхъ пироговъ, какъ у Анны Федоровны. Кто не помнитъ, когда дочери исполнилось 18 лѣтъ, праздновали рожденіе и испекли

пирогъ.... Какъ подали этотъ пирогъ, такъ нѣзворно даже несугадись. Одинъ гость (любитель, знатогъ) всгаль и сказаль, сложнши на груди руки; «что же это вы такое съ нами дѣлаете, Анна Федоровна? Гляжу, несуть на блюдь..... я думаль, это генеральскаго сына несуть».

Но самое-то главное дѣло рукъ Анны Федоровны — это были бабы.... Еслибы кто зналь, какія это были бабы!

Читатель можетъ подумать, что приписывая Аннѣ Федоровнѣ единственную цѣль жизни въ печеніи пироговъ и бабъ, писательница хотеть этимъ показать только, что это была апатичная женщина, которая не имѣла никакого живаго интереса. Нѣтъ, это была женщина живая, страстная, энергическая, и тѣмъ ужаснѣе открывающаяся передъ нами пошлость, что для этой женщины печеніе хорошихъ бабъ дѣйствительно было важнымъ дѣломъ жизни, въ которое она вкладывала всю свою горячую энергію. Племянникъ ея женился на сосѣдней помѣщицѣ, Глафирѣ Ивановнѣ Турченковой. Анна Федоровна услышала, что эта барыня умѣетъ печь бабы гораздо лучше ея и что въ особенности она славится тюлевою бабою, которую можно назвать восьмимъ чудомъ свѣта, потому что никто не можетъ съ нею сравняться въ печеніи подобной бабы.

Когда Анна Федоровна услышала это, она сдѣлалась сама не своя въ задумчивости и тревогѣ.

«Въ этотъ день она ошибалась ключами, ни слова не вымолвила объ Алексѣѣ Петровичѣ, ни о его невѣстѣ, ни о сватбѣ и вчучку свою приласкала какъ-то разсѣянно.

«Когда молодые прѣехали къ ней съ визитомъ, Анна Федоровна окончательно растерялась: Гдѣ ея всегдашняя обходительность? Гдѣ ея участливость? Хотя она говорила молодой ласковныя слова, но во взглядѣ у нея была только тревога, въ лицѣ печаль, голосъ не ровный».

Когда наступилъ великій постъ, пришла пора печь бабы (къ святой недѣлѣ), и вступать въ состязаніе съ Глафирой Ивановной, Анна Федоровна пустилась на всѣ хитрости, чтобы одолѣть соперницу: она заранѣе скупила въ городѣ всю хорошую муку и потомъ распродавала ее всѣмъ желающимъ кромѣ своей племянницы. Но Глафира Ивановна перехитрила ее; она выпсала муку изъ деревни своей матери и ея бабы удались, несмотря на всѣ ухищренія Анны Федоровны.

Описаніе приготовления хозяйками бабъ — это эпопея своего рода. Читая эту эпопею, вы приходите постоянно въ недоумѣніе; вы видите, что весь городъ пришелъ въ волненіе, и вамъ кажется, что люди рѣшаютъ какой-то важный общественный вопросъ или по крайней мѣрѣ готовятся къ рыцарскому турниру.

«Хорошія хозяйки еще на масляницѣ покупають муку и сушать — надо, чтобы мука была суха и легка. Съ одною этою мукою сколько заботъ и беспокойствъ; а въ этотъ годъ было просто несчастіе: два главныя купца въ городѣ, евреи, закрыли

лавин: одинъ торговль, а у другого дѣлъ умерь; а по ихъ закону, если кто въ домѣ умереть, такъ торговать нельзя прежде положеннаго срока послѣ смерти. У другихъ евреевъ мука была не хороша; всё ждали, пока отпереть лавку Мошкѣ.

Какое волнение было! Какое нетерпѣнье! По разныи дорогамъ ѣхали въ городъ разныи коляски, брички, петичанки, пролетки; у всѣхъ хозяевъ лошади были измучены, сами хозяева исхудали.

«Анна Федоровна переселилась въ городъ. Она туда переѣхала еще на масляницѣ, наняла себѣ домикъ недалеко отъ базара; ходила въ церковь, молилась Богу, въ гостяхъ не бывала, а только часто видалась съ своимъ кумомъ. Кумъ ея былъ городничинъ въ городѣ».

Нынѣшнѣ, наступила роковая минута состязанія... Весь городъ принялъ участіе въ немъ. Вотъ приѣхала Анна Федоровна къ Глафирѣ Ивановнѣ — и произошла сцена по истинѣ трагическая.

«Анна Федоровна вошла и сѣла. Глаза ея обратились тотчасъ же на столъ, она увидѣла *толстую бабу*.... Глафира Ивановна начала весело говорить о праздникѣ. Какой хорошій праздникъ въ этомъ году, какъ тепло и сухо; Анна Федоровна ни слова ей не отвѣчала и глядѣла на бабу. Глафира Ивановна стала поднимать; она поднесла Аннѣ Федоровнѣ лоптикъ толстой бабы. Анна Федоровна дрожащей рукой взяла тарелку и долго передъ собой держала, пока попробовала лоптикъ. Потомъ она пережѣнилась въ лицѣ. Глафира Ивановна взяла у нея изъ рукъ пустую тарелку и спросила: «какъ вамъ правится, тетенька?» Но Анна Федоровна не отвѣтила и сидѣла, какъ деревянная, уставивъ глаза въ землю. Жалко было видѣть ее. У Глафиры Ивановны сердце было отходчивое; къ тому же она свое доказала, она побѣдила; ей стало жалко Анну Федоровну; она взглянула на мужа, — у мужа были слезы на глазахъ и онъ глядѣлъ на нее точно упрасивалъ.....

Глафира Ивановна подошла къ Аннѣ Федоровнѣ поближе и сказала ей ласково: «тетенька, успокойтесь!»

За женою бросился въ 18тѣхъ Алексѣй Петровичъ, схватилъ ее за руку:

«— Тетенька, вамъ сажимъ жалко...»

«— Нечего жалѣть! вдругъ проговорила Анна Федоровна. Я ни о чемъ не жалѣю!»

«Она вырвала свою руку у Алексѣя Петровича, встала и быстро вышла на крыльцо, съ крыльца крикнула своему кучеру подавать коляску и приказала ѣхать въ городъ».

Послѣ того Анна Федоровна и Глафира Ивановна сдѣлались на вѣчно заклятыми врагами. Но писательницѣ не ограничивается тѣмъ, что наводитъ на читателя тяжелую, мучительную грусть этою трагическою сценою. Она хочетъ до конца исчерпать всю бездну пошлости, рѣшается приподнять завѣсу ея и показать за нею явленія, повстинѣ трагическія, являющіяся правыми слѣдствіемъ этой пошлости. Потерпѣвши поражение, Анна Федоровна

побѣжала прямо въ городъ къ городничему, куму своему, жаловаться на мучнаго торговца, еврея Мошку, предполагая, что этотъ Мошка навѣрное утаилъ часть хорошей муки отъ нея и продалъ ее Глафирѣ Ивановнѣ. Городничій почелъ излишнимъ слушать объясненіе Анны Федоровн.

«— Да не надо и рассказывать, прервалъ онъ, я и такъ знаю, что всё они негодни.

Мошка былъ немедленно взятъ въ полицію.

«Мошку повели. Мошка хотѣлъ что-то говорить, городничій велѣлъ десятскимъ закрыть ему ротъ...

«Только вывели Мошку на крыльцо, къ нему бросилась молодая, больная на видъ, женщина, жена его. Десятскіе ее отстранили и повели Мошку дальше; она, пошатываясь, но быстро, пошла за ними слѣдомъ; слезы у нея лились въ три ручья, она стонала и ломала руки.

«Городничій кривнулъ изъ окна Михайлѣ, чтобы ее прогнать. Михайло ее прогналъ».

Затѣмъ случилось слѣдующее:

«На другой день послѣ того, какъ посадили Мошку въ полицію, слегла его жена (она была всегда хвора и больная). Черезъ два дня у нея родился преждевременно ребѣнокъ, а еще черезъ четыре дня и ребѣнка и мать скоронили. Мошкинъ домъ опустѣлъ, окна заколотили досками, на двери наложили печати.

Съ тѣхъ поръ, какъ взяли Мошку, евреи стали ходить толпою. Правда, это была робкая толпа: завидя десятскаго, разбѣгалась, но черезъ минуту собиралась опять; потомъ толпа перестала пугаться десятскаго, а потомъ пришла утромъ на площадь и стала передъ окнами городническаго дома. На каждомъ лицѣ было томленіе и страхъ; казалось, каждый готовъ убѣжать, а не бѣжалъ никто. Жалко было ихъ трусости, и можно было подивиться ихъ твердости. Городничій отворилъ окно, и закричалъ изъ окна: «какъ они смѣли придти, и зачѣмъ?» Голоса изъ толпы спросили: «за что Мошка сидитъ въ полицію?» Другіе голоса стали рассказывать исторію о мукѣ, и спрашивали: «гдѣ тутъ Мошкина вина?» Нѣкоторые голоса сказали, что Богъ видитъ неправду, и за неправду наказываетъ...

Городничій вышелъ изъ себя, разбилъ стекла въ оконной рамѣ, и приказалъ разогнать евреевъ. Евреевъ гнали, но евреи жалобно кричали и не шли. Одинъ молодой еврей выбѣжалъ изъ толпы къ самому окну и, обливаясь слезами, закричалъ, что всё они пойдутъ просить защиты къ самому губернатору. Къ вечеру, однако, толпу разогнали. Но городничій простить этого не могъ. Гласно Мошку обвинить было не за что: городничій принялся за розыскъ, отыскалъ какую-то контрабанду, захватилъ австрійскіе чай; тутъ попался и Мошка, и много другихъ евреевъ. Дѣло потянулось, и долго тянулось. Черезъ годъ только выпустили виноватыхъ. Кому было на что завести торговлю, тѣ при-

идишь опять за нее; а кому не на что было—тѣ жили на свѣтѣ, какъ Богъ велѣлъ, и свои обрѣтливости помогала.

Моща ушелъ изъ города, и съ тѣхъ поръ о немъ не было никакихъ вѣстей».

VI.

Я полагаю, что разобранныхъ мною рассказовъ совершенно достаточно, чтобы судить по нимъ о характерѣ пронаведшей писательницы. Во всѣхъ этихъ рассказахъ, кромѣ послѣдняго, читатель видитъ одно: писательница постоянно задается весьма широкимъ и драматическимъ сюжетомъ: то она предпринимаетъ изобразить передъ нами судьбу трехъ русскихъ женщинъ, то подымаетъ вопросъ о неровныхъ бразахъ, то, наконецъ, берется за такія колоссальныя типы, какъ Иванъ Кармелюкъ. Въ рассказахъ изъ крѣпостнаго быта сюжеты тоже по большей части широкіе и драматическіе. Но знанія народной жизни у писательницы мало для того, чтобы облечь свои сюжеты въ живые, осязательныя и вѣрные дѣйствительности образы; отсюда и происходятъ, какъ мы видѣли, такіе промахи, что писательница посылаетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего въ монастырь героиню, которая по своему типу скорѣй всего могла бы, ужъ если погибать, то совершенно инымъ, противоположнымъ путемъ; то вдругъ герои начинаютъ вести самыя отвлеченныя разговоры о томъ, слѣдуетъ ли имъ мириться съ жизнью и пр. Бѣдность матеріаловъ особенно ясно обнаруживается, когда вы начнете слыхать и сравнивать между собою различныя повѣсти; вы увидите тогда, что писательница употребляетъ однѣ и тѣ же красны для самыхъ противоположныхъ образовъ. Прочтите подъ рядъ «Три доли» и «Ивана Кармелюка», — вы увидите, что для характеристики дряблага казака Чайченко и грознаго Ивана Кармелюка — употреблены однѣ и тѣ же черты: какъ тутъ, такъ и тамъ рисуется передъ вами одинъ и тотъ же молодой, статный, красивый съ нѣжною душою казакъ, на котораго красныя дѣвцы не посмотрятъ и матушка не налюбуется. А съ другой стороны, чѣмъ существенно отличается жена Чернокрыла отъ жены Кармелюка? Развѣ тѣмъ только, что жена Кармелюка плакала, когда была наймичкою и умѣла разжалобить нѣжное сердце удалаго разбойника. Но та же наймичка сейчасъ же утерла глаза и перестала плавать, какъ только сдѣлалась женою Кармелюка, и что же въ ней послѣ того было такого особеннаго, вслѣдствіе чего Кармелюкъ могъ удовлетвориться своею женою въ то время, какъ Чернокрылъ не могъ? Писательницѣ удалось подѣлать нѣсколько свѣтлыхъ, радужныхъ, мягкихъ красокъ народной жизни въ богатомъ краѣ, гдѣ легко было этимъ краскамъ развиваться, и народъ представляется въ произведеніяхъ г. Марко-Вовчекъ исключительно въ этихъ радужныхъ краскахъ: это какаа-то толпа страждущихъ, непорочныхъ ангеловъ, причемъ писательница совершенно опускаетъ изъ виду, что если жизнь, вполне обезпе-

ченая отъ всякаго труда, праздная и пустая, разстѣваетъ природу человека, то не менѣе того разстѣваетъ ее и жизнь, полная каторжнаго труда, лишеній и униженій всякаго рода. Потому тамъ, гдѣ писательница изображаетъ совершенно правильную, нормальную жизнь казаковъ, жизнь свободнаго труда, тамъ она стоитъ на твердой почвѣ; но когда она начинаетъ описывать жизнь, полную лишеній и всякаго рода униженій, на примѣръ, крѣпостныхъ дворовыхъ, тамъ вы начинаете недоумѣвать: какъ люди эти могли нравственно не испортиться и сохраниться при такихъ обстоятельствахъ. Недостаткомъ этимъ страдаетъ въ особенности большая часть рассказовъ изъ крѣпостнаго быта. Его можно замѣтить даже въ лучшемъ произведеніи г. Марка-Вовчева: «Сказкѣ о девяти братьяхъ». Какъ ни ужасна жизнь, изображенная въ ней, въ дѣйствительности, она навѣрное при такихъ обстоятельствахъ еще ужаснѣе; писательница передала въ этомъ рассказѣ много живыхъ чертъ, но опустила одну важную: люди, живущіе въ страшной нищетѣ, въ тѣсномъ помѣщеніи холодной избушки, въ числѣ 11 человекъ, — какъ бы они не любили другъ друга, навѣрное можно сказать, будутъ постоянно грызться между собою и отравлять и безъ того несносную жизнь; это естественный, необходимый, физиологическій фактъ, безъ котораго такая жизнь не можетъ обойтись: въ этому приводитъ съ одной стороны нервное раздраженіе, возбуждаемое холодомъ и голодомъ, а съ другой — необходимость дѣлить малое между многими. Подобные факты въ жизни народа остались незамѣченными писательницею.

Но выставляя на видъ всѣ эти недостатки писательницы, я вовсе не желаю этимъ показать, чтобъ она не имѣла значенія въ литературѣ нашей. Недостатки писательницы зависятъ не отъ свойства ея таланта—это недостатокъ вѣка нашего: она наслѣдовала ихъ отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ, которые обладали ими еще въ большей степени, чѣмъ она. Что-жь дѣлать, если мы до сихъ поръ жили замкнутою, исключительною жизнью, если насъ въ нашемъ дѣтствѣ старались всячески замуровать въ этой жизни, строго на строго запрещая намъ вступать въ разговоры съ такъ называемымъ подлымъ народомъ и гоня насъ изъ кухни, если мы тайкомъ туда забирались. Нѣтъ ничего удивительнаго, что жизнь, въ средѣ которой мы постоянно толчемся, гораздо глубже нами усвоена, чѣмъ жизнь, чуждая намъ, о которой мы знаемъ только по наслышкѣ. Это видно особенно ясно на такихъ произведеніяхъ, какъ «Глухой городокъ», «Институтка», «Тюлевая баба»—въ этихъ произведеніяхъ вы увидите гораздо болѣе подробностей, истинны, глубины, чѣмъ во всѣхъ прочихъ рассказахъ: они рисуютъ жизнь, въ средѣ которой живетъ сама писательница и которая потому болѣе извѣстна ей. Но не будемъ взваливать на одну писательницу всю вину вѣка ея. Не будемъ взыскательны въ томъ, чего недостаетъ писательницѣ, а будемъ пользоваться тѣмъ, что она

намъ даетъ. Истинное достоинство и значеніе ея въ литературѣ нашей, отличающее ее отъ многихъ другихъ нашихъ писателей народнаго быта, заключается въ томъ, что она останавливается не на какихъ нибудь ничтожныхъ, повседневныхъ, комическихъ сценахъ, а на сюжетахъ, достойныхъ вниманія художника по серьезному драматическому и общенародному значенію ихъ. — Путемъ чистой дедукціи она начертала передъ нами рядъ широкихъ плановъ, побазавши, какія явленія въ жизни народа должны быть избираемы предметами художественнаго воспроизведенія. — Эти планы могутъ служить прекраснымъ урокомъ для тѣхъ изъ нашихъ писателей, которые въ народномъ бытѣ не могутъ постичь ничего далѣе пышной сцены возлѣ кабака. Каждый здравомыслящій человекъ пойметъ, какіе сюжеты могутъ болѣе заинтересовать и заставить призадуматься читателя: вѣчное ли изображеніе становаго, лупящаго по щекамъ тупоумнаго мужика, кланяющагося ему за это въ ноги, или выставленіе личностей въ родѣ Кармелюка и Чернокрыла съ ихъ безплодными страданіями и безысходною трагическою борьбою. — Конечно, одною дедукціею съ такими сюжетами справиться невозможно: для исполненія ихъ необходимо тщательное индуктивное изученіе быта народа во всѣхъ его многообразныхъ проявленіяхъ. Вотъ потому я сказалъ я въ началѣ статьи, что не звилось еще писателя, который перебросилъ бы мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую произведенія г. Марка-Вовчка отъ произведеній прочихъ нашихъ писателей народнаго быта.

А. Славичевскій.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

Исторія цивилизаціи Германіи. I. Шерра. *Переводъ съ третьяго изданія* А. Невѣдомскаго и Д. Писарева. *Первая половина.* Изд. Ковалевскаго. 1868 г.

Личность I. Шерра, какъ ученаго и писателя, принадлежитъ къ разряду трудолюбивыхъ пчелъ науки, усердно собирающихъ знанія въ продолженіе всей своей жизни, но не обладающихъ творческими силами на столько, чтобы извлечь изъ этихъ знаній какіе-либо оригинальные выводы, которые пролили бы новый свѣтъ на ихъ науку. За недостаткомъ творческой способности обобщенія, труженники подобнаго рода останавливаются съ особенною любовью на созерцаніи и разработкѣ конкретныхъ фактовъ. Къ величайшему сожалѣнію, очень часто они дѣлаются ненавистными тормозами всякаго движенія мысли: иногда это происходитъ вслѣдствіе узкаго, близорукаго скептицизма, съ которымъ они глядятъ на каждый смѣлый шагъ въ ихъ наукѣ, перенося свое личное безсиліе на всѣхъ другихъ дѣятелей мысли; иногда съ тупоумнымъ упорствомъ они защищаютъ какую-ни-

будь старую, заплесневѣлую теорію, подгрѣпляя ее цѣлою массою всевозможныхъ фактовъ, которыми набита ихъ ученая голова. Но случаются и между ними люди честные и добросовѣстные, которымъ посредственность нисколько не мѣшаетъ сочувствовать всему живому и свѣтлому. Созерцая свои фактики, люди эти нисколько не мѣшаютъ великимъ творческимъ умамъ производить свои открытія и сами они готовы преклониться передъ этими открытіями и пользоваться ими по мѣрѣ силъ своихъ. Правда, случается порою, что гениальная мысль какого-нибудь глубокаго мыслителя получаетъ очень узенькій и пошленькій смыслъ въ узкой головѣ ученаго крота, но когда кроты не пускаются ни въ какия высшія разсужденія, а довольствуются скромною разработкою мелкихъ фактовъ науки, они являются далеко небезполезными труженниками. Въ каждой наукѣ есть много черной работы, требующей не мало силъ: прежде чѣмъ фактъ можетъ быть подведенъ подъ какой-нибудь выводъ, онъ долженъ быть раскопанъ, очищенъ, разработанъ и представленъ творческому уму въ его чистомъ, несомнѣнномъ видѣ. Вотъ для такой-то работы ученые кроты необходимы: они приготавливаютъ для творческихъ умовъ тотъ положительный матеріалъ, безъ котораго послѣдніе вѣчно парили бы подъ облаками, отыскивая путемъ отвлеченнаго мышленія сущности сущностей. Въ средѣ трудолюбивыхъ пчелъ науки личность Шерра можно причислить въ послѣдней категоріи пчелъ добродушно-либеральныхъ. Когда почтенный германскій ученый пускается въ разныя глубокомысленныя разсужденія, вы ясно видите, что онъ совершенно не на своемъ, что называется, полѣ и поэтою выдѣлываетъ удивительные умственные зигзаги. Такъ, напримѣръ, на первыхъ же страницахъ вы находите, что почтенный германскій ученый желаетъ вооружиться современною идеею о вліяніи природы на цивилизацію:

«Та мысль, — говоритъ онъ, — что природа страны обваруживаетъ сильное вліяніе на бытъ, характеръ и нравы людей, составляетъ общепризнанную истину. Устройство земной поверхности является одною изъ самыхъ значительныхъ и неизмѣнныхъ причинъ историческаго развитія націи; одинъ геологъ имѣлъ полное право сказать, что множество ворней человѣческой и государственной жизни спускается глубоко въ нѣдра земли».

Но читая далѣе, вы видите, какое неизмѣримое различіе въ пониманіи этой идеи у І. Шерра, или у такого мыслителя, какъ Бовль. Бовль, говоря о вліяніи природы на цивилизацію того или другаго народа, съ мудростью чисто реального положительнаго ученаго, не дерзаетъ идти далѣе непосредственнаго слѣдствія данной причины. Онъ говоритъ, что такое-то свойство природы, на такомъ-то основаніи способствовало развитію цивилизаціи, а такое-то препятствовало, но нигдѣ вы не увидите, чтобы Бовль исключительно на основаніи характера поверхности страны, судилъ объ общихъ психическихъ чертахъ какой-либо

современной намъ народности. Онъ очень хорошо понимаетъ, что вліяніе природы страны не обусловливаетъ вполнѣ характера народности; послѣдній слагается изъ суммы самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ причинъ: сюда входятъ и характеръ страны и вліяніе сосѣдей на народъ, и его племенное происхождение и многіе другіе факторы, которыхъ не перечислишь. Почтенный же германскій ученый принялъ идею вліянія природы въ самомъ узкомъ и исключительномъ видѣ: онъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ отъ природы Германіи прямо къ современному характеру нѣмецкой народности и вмѣсто основательныхъ ученыхъ выводовъ, по необходимости представилъ рядъ метафорическихъ натяжекъ, прибѣгая курьёзныя сравненія германскихъ ландшафтовъ съ разными психическими чертами нѣмцевъ.

«Природу Германіи,—говоритъ Шерръ,—относительно устройства поверхности, характера ландшафтовъ и атмосферическихъ условій назвали не безъ основанія *шероховатого*. Въ наружности нѣмецкаго народа есть *также что-то шероховатое, уловатое*».

Предоставляемъ читателямъ самимъ судить о научномъ достоинствѣ такихъ чисто художественныхъ аналогій, тѣмъ болѣе, что подобныя сравненія не совсѣмъ чужды читателямъ, встрѣчавшимъ неоднократно и въ нашей литературѣ подобныя же заключенія о характерѣ русской народности. Кому только незнакомо пресловутое сравненіе широты русской природы съ широтою степей Россіи! Задавшись цѣлю опредѣлить на нѣсколькихъ страничкахъ психическія черты характера такой сложной собирательной единицы, какъ нѣмецкая народность, Шерръ по необходимости долженъ былъ впасть въ общія мѣста, приписывая нѣмецкому народу такія свойства, которыя общи всѣмъ людямъ, живущимъ на землѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Шерръ подмѣтилъ это свойство и у нѣмцевъ. «Какъ трогательна нѣмецкая преданность, но за то, какъ легко она превращается въ подобострастіе! восклицаетъ добродушно наивный ученый: добродѣтель свободнаго самоопредѣленія (?) имѣетъ также свою обратную сторону — упорное зачерствленіе головы и сердца и ту «политику единицы», которая изъ собственнаго я дѣлаетъ центръ вселенной, и сводится, наконецъ, къ самому низкому своекорыстію. Нѣмецкая семейственность, какъ она достойна похвалы въ своей чистотѣ и искренности. Какъ она любезна даже тогда, когда за предѣлами собственнаго дома, въ трактирѣ, старается удовлетворить потребности въ семейной жизни добродушнымъ бражничаньемъ!»

— Читатель, развѣ тебѣ незнакомы подобныя мотивы опредѣленія какой угодно народности. Развѣ передъ тобой не восклицали точно также относительно россійской семейственности: русская семейственность, какъ она достойна похвалы въ своей чистотѣ и искренности!... Какъ она любезна! и т. д. А развѣ тебѣ не говорили относительно русскаго человѣка буквально того же, что

Шерръ говорить о нѣмцахъ: «большую часть нѣмецъ (или все равно русскій) серьёзенъ, часто скрытенъ, нерѣдко расположенъ къ тоскѣ и угрюмости. И въ то же время, какъ онъ можетъ быть откровененъ, общителенъ, смѣлъ, веселъ, радостенъ. Свою способность разумно наслаждаться природою, нѣмецъ (русскій) дѣлитъ со всѣми отпрысками германской (славянской) семьи народовъ, но только онъ одинъ знаетъ вполнѣ, что значитъ наслаждаться «женщиной, виномъ и пѣсней».

Последнее опредѣленіе относительно умѣнья нѣмцевъ наслаждаться женщинами, виномъ и пѣсней можно было бы назвать верхомъ проницательности германскаго ученаго, умѣйшаго подмѣтить въ нѣмецкомъ народѣ такіа особенности, которыхъ, конечно, нигдѣ болѣе не найти на земномъ шарѣ, какъ только у нѣмцевъ, но верхомъ совершенства слѣдуетъ считать другое опредѣленіе, и мы рекомендуемъ его нашимъ опредѣлителямъ русской народности, которые не додумались еще до такихъ хитростей: «въ нѣмецкомъ народѣ,—говоритъ Шерръ,—поражаетъ недостатокъ одного преимущества, которымъ обладаютъ французы и еще болѣе итальянцы,—недостатокъ истиннаго красота и художческаго чутія формы. Этотъ недостатокъ, мѣшающій живому дѣйствию поэтическихъ и художественныхъ произведеній на массы, обнаружилъ свое вредное вліяніе даже въ области нѣмецкой политикѣ. *Только народъ, лишенный чутія формы, можетъ и можетъ переносить отравительно уродливыя политическія комбинаціи, подобныя священной римской имперіи нѣмецкой націи и Германскаго союза.*

Это представляетъ верхъ чисто-германскаго глубокомыслія. Это крайняя точка, до которой могъ только додуматься Шерръ. Вліяніе художественнаго чутія формы народа на его политическій бытъ,—здѣсь вы найдете дѣлю бездну философій. Однако же не Богъ-вѣсть какъ помогло въ политическомъ отношеніи французамъ или итальянцамъ ихъ художественное чутіе, въ которомъ эти народности, по мнѣнію Шерра, превосходятъ нѣмцевъ.

Таковъ Шерръ вездѣ, гдѣ только онъ пускается въ какіе-либо оригинальные выводы. Къ счастью, онъ рѣдко позволяетъ себѣ это; въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивается установленными уже научными взглядами и это во многихъ случаяхъ выручаетъ его отъ какихъ либо опрометчивыхъ и недѣльныхъ заключеній, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окрашиваетъ своего рода либеральнымъ цвѣтомъ. Такъ онъ, каждый разъ, когда замѣтитъ какое-нибудь черное пятно на средневѣковыхъ нравахъ, не преминетъ съ укоромъ покачать головою на романтиковъ, которымъ средневѣковая жизнь представлялась исключительно въ свѣтлыхъ краскахъ; сѣтуетъ онъ и на Гогенштауфеновъ за то, что они вѣсто того, чтобы дѣлаться нѣмецкими самодержцами, гнались за призракомъ римско-императорской міровой монархіи, и на кулачное право, подорвавшее окончательно единство германской націи, и на Лютера, за то, что онъ, придерживаясь

мертвой буквы, всталъ противъ крестьянъ и остановилъ общественное движеніе народа. Во всемъ этомъ вы видите справедливое благомысліе свободолубиваго ученаго, но вы и тѣмъ во всемъ этомъ не найдете чего-либо новаго, чтѣ принадлежало бы Шерру, чтѣ остановило бы ваше вниманіе и разъяснило бы вамъ запутанные вопросы о странномъ политическомъ устройствѣ страны и вообще о всемъ ходѣ нѣмецкой цивилизаціи.

Но вы погодите дѣлать какіе-либо рѣшительные приговоры о книгѣ на томъ только основаніи, что въ ней вы найдете нѣсколько выше указанныхъ нами нелѣпостей, и не встрѣтите въ то же время никакихъ положительныхъ и ясныхъ отвѣтовъ на тѣ вопросы, съ которыми вы, можетъ быть, приступите къ чтенію книги. Правда, вы имѣете основаніе приступить къ чтенію книги съ такими вопросами, руководствуясь громкимъ заглавіемъ книги: «Исторія цивилизаціи Германіи». Конечно, отъ какой-же книги ожидать разъясненія разныхъ вопросовъ о германской народности, какъ не отъ «исторіи ея цивилизаціи». Но если вы не найдете отвѣтовъ на ваши вопросы въ книгѣ, то виновата въ этомъ не книга собственно, а заглавіе ея, которое введетъ васъ въ заблужденіе, и въ этомъ отношеніи виновать не авторъ книги. Авторъ книги и не думалъ писать исторію цивилизаціи Германіи; онъ скромно озаглавилъ свою книгу «Исторія литературы, культуры и нравовъ Германіи», а переводчики перевели: исторія цивилизаціи. Между словами *культура* и *цивилизация* небольшое повидимому различіе; мы часто въ разговорномъ языкѣ смѣшиваемъ эти два слова; а между тѣмъ, различіе существуетъ и отъ прибавленія къ этимъ словамъ слова «исторія» оно возрастаетъ въ значительной степени.—Подъ словомъ «культура» подразумѣвается совокупность всѣхъ сторонъ быта народа: его религіи языка, литературы, нравовъ, обычаевъ, занятій, жилищъ до мельчайшихъ подробностей; цивилизація же есть состояніе его умственного и общественного развитія. — Вашъ образъ жизни, ваши привычки, ваше общественное положеніе, связи, квартира, платье, книги—все это будетъ составлять вашу культуру; а въ вашемъ умственномъ развитіи, въ вашемъ нравственномъ характерѣ, въ вашихъ стремленіяхъ будетъ заключаться ваша цивилизація. Конечно, заключеніе о цивилизаціи народа есть выводъ, который мы дѣлаемъ на основаніи культуры его; но тѣмъ не менѣе есть существенное различіе между фактами и выводомъ изъ нихъ.—Такимъ образомъ, между исторіею культуры и цивилизаціи такое же существенное различіе, какъ между описательными естественными науками (ботаникою, зоологіею, минералогіею) и умозрительными (физиологіею, химіею, біологіею). — Отъ историка цивилизаціи мы вправѣ требовать, чтобы онъ разработалъ намъ ходъ умственного и общественного развитія народа, чтобы онъ раскрылъ намъ причины, способствовавшія или служившія препятствіемъ для этого развитія; между тѣмъ, какъ историкъ культуры можетъ довольствоваться описаніемъ частно-

стей, нравовъ и быта страны. Цѣль его—разработка фактовъ народнаго быта въ ту или другую эпоху, и для насъ совершенно достаточно, если историкъ культуры воскреситъ передъ нами эпоху во всей полнотѣ жизни ея, нисколько не заботясь объяснить намъ, изъ какихъ причинъ возникли тѣ или другія явленія этой жизни. Такая разработка фактовъ на первый взглядъ можетъ показаться служеніемъ наукъ ради науки, но между тѣмъ, она во всѣхъ отрасляхъ знанія представляетъ необходимый и единственно прочный фундаментъ, на которомъ строятся всѣ великія идеи и полезныя открытія.—Какъ безъ знанія описательныхъ естественныхъ наукъ невозможно изученіе биологін, такъ безъ изученія культуры невозможно основательное изученіе цивилизаціи народа.

Если мы начнемъ разсматривать книгу Шерра, какъ исторію германской культуры, въ такомъ случаѣ взглядъ нашъ на эту книгу долженъ совершенно измѣниться. Мы должны будемъ перестать требовать отъ книги разрѣшенія такихъ вопросовъ, на которые Шерръ имѣлъ полное право не давать намъ никакихъ отвѣтовъ, составляя исторію германской культуры. Въ такомъ случаѣ разные общіе взгляды и очерки политическаго развитія страны являются ни чѣмъ инымъ, какъ аксессуарами, необходимыми для связи и осмысленія картинъ культуры той или другой эпохи. Съ этой точки зрѣнія книга Шерра заслуживаетъ большаго уваженія и читатель можетъ прочесть ее не безъ интереса и не безъ пользы для обогащенія своихъ знаній. Въ области исторіи культуры Шерръ, какъ созерцатель и разработчикъ конкретныхъ фактовъ, находится въ своей сферѣ: онъ обладаетъ большимъ свѣдѣніями по исторіи литературы, архитектуры, права, археологін, нумизматики и прочимъ наукамъ, входящимъ въ составъ исторіи культуры страны. Имѣя цѣлью популярное, общедоступное изложеніе фактовъ науки, Шерръ представляетъ мѣстами довольно живыя характеристики, тамъ, гдѣ только онъ не вдается въ сухой перечень фактовъ, какъ это онъ дѣлаетъ, напримѣръ, съ германской мнѳологіей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ книгѣ характеристика эпохи рыцарства. Рыцарство представляется вамъ здѣсь далеко не въ томъ идеальномъ свѣтѣ, въ какомъ вы привыкли видѣть его въ произведеніяхъ романтической школы: вы видите, какая необузданная распущенность, варварское самодурство, чопорная галантерейность, искусственность и аффектація, доведенныя до абсурда, сврывались подъ маскою разныхъ идеальныхъ рыцарскихъ чувствъ и стремленій. Очерки рыцарскихъ нравовъ проливаютъ вамъ новый свѣтъ на романъ Сервантеса: вы видите, что Сервантесъ не выдумалъ своего Донъ-Кихота и дурачества послѣдняго не есть только карикатура ради осмѣянія падающаго рыцарства. Въ дѣйствительности рыцари продѣлывали и не такія еще нелѣпости, и подвиги Донъ-Кихота являются передъ вами

блѣднѣю тѣнью сравнительно съ дѣйствительными подвигами Ульриха фонъ-Лихтенштейна (см. стр. 119).

Рядомъ съ очерками рыцарскихъ нравовъ, мы можемъ поставить характеристику средневѣковыхъ предрассудковъ и тѣхъ вродатыхъ неистовствъ, которыя вель за собою религіозный фанатизмъ, въ особенности обрушившійся на несчастныхъ евреевъ (см. 7, стр. 162). Затѣмъ самыми полными по богатству фактовъ характеристиками представляются очерки германской литературы, а самыми блѣдными — очерки торговли и промышленности, на что Шерръ, конечно, обратилъ бы главное вниманіе, если бы онъ писалъ исторію германской цивилизаціи. Въ заключеніе намъ представляется вопросъ, полезенъ ли переводъ такой книги, какъ Исторія культуры Шерра, и на основаніи всего вышесказаннаго мы можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно: не только полезенъ, но и необходимъ. Тѣ недѣлности, о которыхъ мы распространились въ началѣ рецензіи, нисколько не мѣшаютъ быть книгѣ очень полезною въ своемъ родѣ: недѣлности эти проскальзываютъ незамѣтно, когда вы читаете богатые фактами характеристики Шерра; къ тому же онъ слишкомъ наивны и смѣшны, чтобы быть вредными. Если книга Шерра и не дастъ вамъ такихъ богатыхъ и плодотворныхъ выводовъ, какъ сочиненія Бокля или Милля, за то она обогатитъ васъ свѣдѣніями, необходимыми для каждаго образованнаго челоука, — и здѣсь встаетъ мы скажемъ нѣсколько словъ о необходимости перевода такихъ книгъ, которыя представляютъ богатый запасъ знаній всякаго рода. Къ величайшему сожалѣнію, при всемъ богатствѣ нашей переводной литературы, создавшейся въ послѣдніе 10 лѣтъ, мы имѣемъ мало такихъ книгъ, которыя, неограничиваясь взглядами и послѣдними выводами наукъ, представляли бы въ то же время и тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ сложились эти взгляды. Не надо забывать того, что взгляды Бокля, Милля, Льюиса, Дрепера и пр. сложились на основаніи огромнаго запаса свѣдѣній, которыя собрали въ свою жизнь эти люди. Для того, чтобы взгляды эти прочно укоренились въ нашей головѣ, необходимо, чтобы мы обладали хотя 10-ю долею этихъ свѣдѣній. Намъ же приходится переходить къ чтенію великихъ мыслителей прямо послѣ тощихъ и жалкихъ учебниковъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ всѣ наши знанія на свамыхъ разныхъ училищъ. Вслѣдствіе крайняго недостатка фактическихъ свѣдѣній, намъ приходится принимать взгляды великихъ мыслителей большей частью на вѣру, за неимѣніемъ силъ укоренить эти взгляды въ своей головѣ на какихъ-либо прочныхъ основаніяхъ. Вслѣдствіе таковаго принятія всевозможныхъ взглядовъ на вѣру мы приходимъ та шаткость мнѣній и убѣжденій, которая составляетъ застарѣлую болѣзнь нашего общества. Если вы убѣждены, что земля обращается вокругъ солнца, то очевидно, такое убѣжденіе коренится въ васъ не на томъ только основаніи, что великій Коперникъ такъ думалъ, а на томъ, что въ вашей головѣ

существуетъ нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ это убѣжденіе; а еслибы этихъ фактовъ вы не знали, то ничего не стоило бы завтра же переубѣдить васъ и увѣрить, что земля стоитъ, а солнце движется. Такимъ же точно образомъ нѣтъ ничего легче какъ увѣрить васъ, что природа не имѣетъ никакого вліянія на цивилизацію, что роды и виды всегда существовали въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ, въ какомъ мы видимъ ихъ теперь, что чело-вѣкъ въ дикомъ состояніи былъ гораздо и счастливѣе, и совершеннѣе, чѣмъ въ цивилизованномъ; какую угодно теорію можно цѣлкомъ вложить въ вашу голову, и вы будете носиться съ нею пока кто-нибудь другой не вложитъ вамъ теоріи совершенно противоположной, и какое право будете вы имѣть принимать одну теорію и отвергать другую, если въ головѣ вашей не имѣется никакихъ фактовъ, на основаніи которыхъ вы могли бы увѣрить объ теоріи? Вотъ въ этомъ-то отношеніи, рядомъ съ сочненіями, знакомящими нашу публику съ послѣдними выводами науки и цивилизаціи Запада, необходимъ переводъ и такихъ книгъ, которыя заключали бы въ себѣ элементарныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знаній, и въ этомъ отношеніи книга Шерра заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны нашей публики.

Нравственная философія Ральфа Уальда Эмерсона въ 2-хъ частяхъ. *Переводъ съ англійскаго Елизаветы Ладыженской.* Спб. 1868 г.

Америка представляетъ во многомъ радикальную противоположность Европы, и въ особенности эта противоположность проявляется въ томъ отношеніи умственного прогресса къ гражданскому, какое мы замѣчаемъ въ обѣихъ странахъ свѣта. Въ Европѣ умственный прогрессъ далеко опередилъ прогрессъ жизни, и на каждомъ шагу мы видимъ; что люди рѣшительно не знаютъ, что имъ дѣлать со своими свѣтлыми и новыми убѣжденіями, потому что дѣйствительность и практика жизни идутъ совершенно въ разладъ съ этими убѣжденіями и прогрессисты принуждены бывать на каждомъ шагу дѣлать уступки и идти по старымъ и рутиннымъ дорожкамъ или совсѣмъ отказываться отъ жизни. Въ Америкѣ же мы видимъ рядъ явленій совершенно противоположныхъ: гражданскій прогрессъ на каждомъ шагу опережаетъ тамъ умственный, и тѣ же самые свободные граждане новаго свѣта, дѣятельные, смѣлые, предприимчивые, отважно бросающіеся на всякое нововведеніе, въ то же самое время самими жалкимъ образомъ путаются въ разныхъ теологическихъ умствованіяхъ, до сихъ поръ еще преклоняются передъ такими мыслителями Европы, которые давно уже въ послѣдней почтуютъ въ пыли библіотекъ, и очень часто исповѣдуютъ такіа ученія, которыя радикально противорѣчатъ всей ихъ прогрессивной жизни. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ Ральфъ Уальдъ Эмерсонъ, который пользуется почетною извѣстностью въ Америкѣ и какъ гражданинъ, и какъ септаторъ (онъ принадлежитъ къ

сектъ рационалистическихъ унитаріевъ), и какъ педагогъ (его знаменитое сочиненіе *The School and the Scolmaster*). Но вотъ является онъ передъ нами, какъ философъ и вы видите передъ собою, въ какое противорѣчіе становится Эмерсонъ какъ гражданинъ новаго свѣта и практической мыслитель, и тотъ же Эмерсонъ, какъ философъ и сектантъ.

Возросшая на теологической почвѣ американскаго сектаторства, крайняго идеализма, ударившагося въ неоплатонизмъ съ его вѣрою въ экстазъ, какъ источникъ непосредственнаго знанія, и опирающаяся на филистерскій принципъ безграничнаго развитія индивидуализма, философія Эмерсона представляетъ крайнюю точку того бесплоднаго резонерства, въ которому только и можетъ привести подобная система міросозерцанія.

Читая книгу, вы очень часто натываетесь въ ней на такія мысли, желанія и сѣтованія автора, которымъ вы не можете не сочувствовать, которыя составляютъ предметъ завѣтныхъ стремленій для каждаго мыслящаго человѣка. Въ одномъ мѣстѣ, на примѣръ, Эмерсонъ, высказывая прамодушіе, откровенность, смѣлость въ приговорахъ и сужденіяхъ дѣтей, сѣтуетъ, что взрослые люди, напротивъ того, постоянно — на сторожѣ, затанавливаются, подлаживаются, лгутъ и обезличиваются, часто единственно изъ малодушной трусости. Въ другомъ мѣстѣ, исчисляя разныя свойства героявма, онъ поставляетъ на первый планъ, что герой идетъ своею дорогою, презирая мелкіе расчеты ложнаго благоразумія, и не унываетъ, если станеть въ разладъ со всѣмъ человѣчествомъ; въ третьемъ мѣстѣ онъ сѣтуетъ, что очень часто молодые герои дѣлаются очень пошленькими людьми, едва только получаютъ тепленькое мѣстечко: «мы сами владели, — говоритъ онъ, — необыкновенно даровитыхъ молодыхъ людей, или мы слышали о нихъ, и что же? они никогда не достигали зрѣлости, и роль ихъ, при нынѣшнемъ складѣ общества, отнюдь не была необыкновенна. Бывало, лишь только они заговорятъ о книгахъ, о жизни, о религій, — ихъ видъ, ихъ осанка, ихъ рѣчи заставляли насъ дивиться ихъ превосходству, такъ справедливо казалось ихъ отвращеніе къ порядку вещей, всемірно существующему, и такъ походила ихъ голова на голову юнаго гиганта, имѣющаго власть и посольство все взмѣнить на лучшее. Но съ полученіемъ должности, съ началомъ карьеры, гиганты понижаются до уровня обыкновенныхъ людей. Бывало, имъ служило, ихъ окружало чарами стремленіе къ тому идеалу, въ сравненіи съ которымъ *дѣйствительность* вается такою пошлою. Но заеснѣвшій свѣтъ отплачиваетъ за это; онъ кладеть свое влеймо на ихъ грудь, лишь только они спустятъ ноги съ своего огненнаго рысака. Не нашли они притомъ ни образцовъ, ни сотоварищей и пали духомъ!» Все это справедливо и, конечно, такъ долженъ размышлять гражданинъ новаго свѣта, но одной этой справедливости мало. Истинный нравственный философъ, выставляя свои требованія, долженъ показать тотъ путь, какимъ

человѣчество можетъ удовлетворить имъ. Люди лгутъ, затанваются, обезличиваются, ложное благоразуміе и трусость передъ мнѣніемъ свѣта мѣшаютъ имъ быть истинными героями, молодые люди опешляютъ, едва сдѣлають карьеру, — но какъ же достигнуть, чтобы этого не было, чтобы всѣ люди сдѣлались истинными героями, смѣлыми, неуклонными и прямодушными, какъ дѣти? Вотъ въ этомъ-то и заключается вся несостоятельность философіи Эмерсона, что указывая на раны, она съ высокоуміемъ смотритъ на такія средства, которыя одни только могутъ уврачевать эти раны, и предлагаетъ свои собственныя совѣты больному въ родѣ того, что если ты хромаешь, то перестань хромать и иди прямо, и ты не будешь хромать. Казалось, въ чемъ же должно было бы исцѣлить врачевства отъ разныхъ нравственныхъ болѣзней общества, какъ не въ томъ прогрессивномъ процессѣ, который, раздѣляя людей на разныя враждебныя партіи, въ концѣ-концовъ все-таки представляется единственнымъ пока путемъ ко всеобщему миру, благосостоянію и совершенству, — какимъ способомъ могутъ быть выработаны изъ людей герои и счастливыя, какъ не путемъ мелочной повидному борьбы изъ-за насущнаго хлѣба и даже изъ-за такихъ микроскопическихъ житейскихъ дразгъ, какъ, напримеръ, вопросы о томъ, имѣетъ ли право кто нибудь располагать моею фізіономіею и требовать, чтобы я брилъ бороду или носилъ ее, имѣю ли я право сидѣть, когда возлѣ меня сидитъ другой человѣкъ и пр. Эмерсонъ же смотритъ на всѣ эти вопросы жизни, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ истинное счастье и нравственность людей, какъ на мелочную суету. Правда, какъ гражданинъ новаго свѣта, онъ признаетъ ихъ необходимыми принадлежностями жизни, отъ которыхъ не спрячешься, но во всякомъ случаѣ не въ нихъ видитъ онъ спасеніе, а въ самоуглубленіи человѣка внутрь себя, въ личномъ самовоспитаніи, а главнымъ образомъ въ томъ свободномъ вдохновеніи, наитіи, экстазѣ, которые онъ считаетъ истинными источниками непосредственнаго знанія, блаженства и всевозможныхъ добродѣтелей. При такой точкѣ зрѣнія, единственнымъ рычагами для приобрѣтенія всѣхъ совершенствъ Эмерсонъ считаетъ волю и вдохновеніе, при условіи которыхъ человѣку стоитъ захотѣть и вдохновиться и онъ сдѣлается тотчасъ же героемъ, какъ бы онъ ни былъ пороченъ и низокъ; ему стоитъ только углубиться въ себя, и въ своей душѣ онъ найдетъ неизсякаемое блаженство, хотя бы онъ былъ покрытъ рубищами и язвами, найдетъ неограниченную свободу, хотя бы онъ былъ самый угнетенный рабъ. Вотъ вся незасмысловатая сущность этой философіи, которая логически ведетъ къ отчужденію отъ всѣхъ живыхъ вопросовъ жизни, къ умственному и нравственному застою и черствому равнодушію къ всѣмъ страданіямъ челоѣчества, на томъ основаніи, что люди сами глупы, страдаютъ изъ-за каенкъ нибудь мелочей, что стоитъ имъ только углубиться въ себя, и они будутъ

наслаждаться своими душевными совроищами и будутъ счастливы. Эмерсонъ самъ наивно признается, что онъ случаетъ и смотритъ на часы, когда сидитъ на совѣщаніи филантроповъ, и забываетъ въ восторгѣ о часахъ, какъ только встрѣтится съ доброю душою, «мало смыслящею въ партіяхъ и въ лицахъ, и что такое Куба, что въ Каролинѣ» и какъ только добрая душа начнетъ убѣждать философа, что онъ свободенъ не только отъ условій мѣста и времени, но и отъ самаго тѣла. Въ другомъ мѣстѣ Эмерсонъ говоритъ, что «вліаніе характера на собственную судьбу человѣка сохраняетъ всю свою силу, сохраняеть ее непремѣнно, подь какимъ бы то ни было правленіемъ, начиная отъ Турціи до Новой Англіи, и исторія честно исповѣдуетъ, что подь былыми деспотами Египта, индивидуумъ пользовался всею свободою, доступною ево тогдашней образованности».

Считая самоуглубленіе и экстазъ истинными источниками непосредственнаго знанія, Эмерсонъ пренебрегаетъ повидимому приобрѣтеніемъ обыкновенныхъ знаній, составляющихъ необходимую основу всякаго мышленія, мало-мальски трезваго. Это видно по крайней-мѣрѣ изъ его свѣдѣній въ химіи, въ которыхъ онъ недалеко ушелъ отъ іонійскихъ философовъ древности. Такъ, напримѣръ, на 167 стр. первой части онъ говоритъ: «по изслѣдованіямъ химіи всякое вещество низшаго разряда относится въ высшему отрицательно; всякое же вещество высшаго разряда своимъ электричествомъ производитъ положительное дѣйствіе на разряды веществъ низшихъ. *Вода разлагаетъ дерево, соль, камень; воздухъ растворяетъ воду; электрическій огонь проникаетъ воздухъ*; но разумъ въ своемъ неугасимомъ горнѣ разлагаетъ и огонь, и тяготѣвіе, и законы, и системы, и самыя неуволимыя и неизвѣданныя отношенія во всемъ мірозданіи».

Нѣтъ ничего мудренаго, что при такомъ отсутствіи элементарныхъ свѣдѣній, опираясь на одно вдохновеніе наитія, Эмерсонъ въ своемъ экстазѣ провѣщаетъ иногда такіе глаголы:

«Любовь — огонь вѣчный. Сперва, случайная искра вспыхнувъ въ одномъ сердцѣ, заронится въ другое и истлѣетъ потихоньку въ его уютномъ уголкѣ; потомъ этотъ огонь разгорается, онъ блеститъ, онъ сіяетъ на безчисленное множество мужчинъ и женщинъ, отогрѣваетъ ихъ душу и весь свѣтъ, всю природу озаряетъ своимъ великодушнымъ пламенемъ».

Или: «Другъ? это не такой-то человѣкъ, сухой, чинный; это поэзія, только что излившаяся изъ лона божества, поэзія свѣжая, какъ ея источникъ, вольная, какъ сама муза; это гимнъ, ода, эпопея». А еще лучше: «будемъ вѣрять въ Бога, а не въ имена, мѣста и лица. Будемъ свѣтомѣрами, этимъ раздражительнымъ золотымъ листкомъ, чующимъ измѣненія и скопленіе тончайшаго электрическаго тока. Тогда и мы различимъ, во сколько и гдѣ проявляется истинный огонь, несмотря на тысячеобразныя разлчія ризъ, въ которыя онъ облачается».

Встрѣчая на каждой страницѣ въ книгѣ подобныя галлюцинаціи или замѣчанія въ родѣ того, что геронимъ есть добрая осанка души, а аристократъ есть демократъ снѣдливый, ушедшій въ сѣмя, вы начинаете чувствовать, читая книгу, что у васъ трещитъ голова и вы ждете каждую минуту, что почтенный философъ разразится неожиданнымъ извѣстіемъ, что «у алжирскаго дѣя вскочила на носу шишка.»

Но верхъ прелести представляетъ переводчица Эмерсона, г-жа Ладженская, которая упрощиваетъ насъ въ своемъ предисловіи, чтобы мы не считали свободнаго отъ условій времени, мѣста и своего тѣла философа ни мистикомъ, ни проповѣдникомъ, ни философомъ, а видѣли въ немъ *человѣка во всей силѣ слова, человѣка самаго натуральнаго*. Увлеченіе переводчицы Эмерсономъ доходить до того, что она чуть не молится на своего философа. «Понять ихъ (то-есть истины Эмерсона) — говорить она — признаюсь, мнѣ стоило много труда и времени. Истины Эмерсона до того истинны, что поминутно пристыжая нашу недогадливость и несмысліе, онѣ потрясаютъ насъ, будто учащенными электрическими ударами. Г-жѣ Ладженской мало было перевести Эмерсона; боясь, чтобы читатели какъ-нибудь не пропустили лучшихъ мѣстъ книги, она наполнила извлеченіями изъ нея 80 страницъ предисловія, въ которомъ она приводитъ самыя, что ни на есть темнѣйшія и мистическія выдержки изъ текста, желая, вѣроятно, чтобы читатели были сугубо потрясены электрическими ударами, которыми потрясается переводчица. Но и этого еще недостаточно для г-жи Ладженской: желая вслѣдствіи задобрить читателей въ пользу Эмерсона, она особенно ставить на видъ, что чуть не вся Америка поклоняется этому свѣтлу, и что Америка обязана ему большимъ улучшеніемъ образа мыслей и нравовъ. «При появленіи его опытовъ—говоритъ она—приверженцы провозгласили его *пророкомъ времени лучшихъ* и сожалѣли, что его вліяніе не распространилось мгновенно. Онъ слишкомъ выше своихъ согражданъ, своего времени и не можетъ быть понятъ тотчасъ и вполне: однако, мысли его прорѣзываютъ глубокой слѣдъ, и кругъ его почитателей расширяется съ каждымъ годомъ. Вліяніе его въ будущемъ несомнѣнно. Съ тѣхъ поръ, какъ это было произнесено, вы найдете творенія американскаго мудреца въ рукахъ людей всѣхъ возрастовъ и половъ, почти въ каждомъ домѣ Бостона, Нью-Йорка, Филадельфіи и, кромѣ городовъ, даже въ отдаленныхъ полудикихъ хижинахъ поселенцевъ Новаго Свѣта».

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что унитаріане, распространенные по разнымъ штатамъ, чтятъ одного изъ лучшихъ представителей своей секты; ничего нѣтъ удивительнаго, что и въ Европѣ Эмерсонъ пользуется долей извѣстности, какъ философъ, во всякомъ случаѣ оригинальный, представившій послѣднее крайнее развитіе теоріи индивидуализма, составляющей главную основу сѣверо-американской жизни. Но какое же значеніе можетъ

имѣть эта философія у насъ? Г-жа Ладыженская надѣется, что она не даромъ приняла подобострастную роль *привратницы* (по ея фигуральному выраженію) и *отворила дверь на нашу родную високому посетителю* и что *высокій посетитель проникнетъ во многія мѣста, во многія ублаженія, во многія сердца*. Чьи же это будутъ сердца? Развѣ какихъ-нибудь заплесневѣлыхъ старичковъ и старушекъ, для которыхъ, какъ для мистическаго станціоннаго зрителя въ романѣ Гирса, прошли годы и встали времена. Если г-жа Ладыженская имѣла въ виду подобнаго рода читателей, для которыхъ книга чѣмъ темнѣе, тѣмъ поучительнѣе, въ такомъ случаѣ, чтобы ужь ей взять, да хватить 50-й томъ сочиненій Сведенборга, о которомъ Эмерсонъ говорить, что это какой-то метозавръ и мастодонтъ науки, котораго не измѣрять цѣлыми коллегіями обыкновенныхъ ученыхъ, отъ исполнскаго появленія котораго взовьются всѣ мантии университета и 50 томовъ котораго могутъ составить цѣлую бібліотеку для твердо-мыслящаго и уединеннаго ученаго. Въ самомъ дѣлѣ, если взять въ расчетъ, что книги читаются не съ особенною быстротою людьми, для которыхъ прошли годы и настали времена, то можно положительно сказать, что 50 томовъ метозавра и мастодонта науки нелюбо хватило бы на всю жизнь станціонному зрителю, но навѣрное онъ и половины бы не прочиталъ, оставивши своимъ дѣтямъ и внукамъ дочитывать остальное. Какую неисчерпаемую сокровищницу мудрости могла бы доставить г. Ладыженская своимъ единомышленникамъ! Не шута мы бы совѣтовали ей немедленно же принять на себя снова скромную должность «привратницы для метозавра и мастодонта».

Утро. Литературный и политическій сборникъ, издаваемый М. Погодинымъ. Москва. 1868.

Старѣйшій изъ московскихъ мыслителей, величаемый чуть ли не всю Россією по имени и изотчеству — маститый Михаилъ Петровичъ Погодинъ издаетъ уже не первый сборникъ, подъ приведеннымъ нами заглавіемъ. Первая книжка «Утра» появилась еще въ 1859 году, и представляла собою безпрятательное собраніе статей (плохихъ) въ стихахъ и прозѣ. *Черезъ семь лѣтъ* послѣ этого (въ 1866 году) появилось второе «Утро», въ которомъ Михаилъ Петровичъ съ извѣстнымъ всему міру своимъ лаонизмомъ заявлялъ, что свой сборникъ онъ хочетъ превратить въ журналъ, но заявлялъ не какъ окончательное рѣшеніе, а только въ видѣ предположенія: «можетъ быть, образуется журналъ, буду ли издавать его самъ или передамъ кому другому». Для этого онъ счелъ нужнымъ написать даже программу предполагаемаго журнала, въ которой объяснилъ свой образъ мыслей и направленіе въ политическомъ, гражданскомъ и религіозномъ отношеніи. Программу эту Михаилъ Петровичъ помѣстивъ со свойственною ему оригинальностью не въ началѣ книги, а записавъ ее въ середину сборника между статьями... Журналъ

однако не состоялся, потому ли что осуществленію его помѣшали усиленные труды и занятія Михаила Петровича по редакціи его увеселительной газетки «Русскій», потому ли что въ своей программѣ онъ промахнулся на славянскомъ вопросѣ — не знаетъ, но только въ новомъ выпускѣ «Утра» нѣтъ и помину объ обѣщаніи издателя, и на обложкѣ въ типографіи даже забыли выставить цифру 3 (такая забывчивость — обыкновенная принадлежность всѣхъ изданій М. П. Погодина), чтобы публика видѣла, что настоящее «Утро» не новый сборникъ, а только новый выпускъ изданія, начавшаго свое существованіе уже девять лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, впрочемъ, это произведено и съ умысломъ Михаиломъ Петровичемъ, такъ-какъ онъ вѣроятно желалъ бы забыть тѣ строки, въ которыхъ онъ во второмъ выпускѣ своего сборника, чуть не нагануфъ пріѣзда нашихъ славянскихъ братьевъ, отрицался и отчуровывался отъ всякаго съ ними общенія, и огуломъ обвинялъ ихъ въ отсутствіи всякаго сочувствія, или, какъ онъ выражался, приверженности къ Россіи. Мы думаемъ, что въ настоящую минуту, послѣ всего происшедшаго у насъ за послѣднее время по части общенія съ славянами, припомнить эти слова Погодина будетъ дѣломъ не лишнимъ. Вотъ что онъ тогда говорилъ: «въ молодые и средніе годы свои я мечталъ и твердилъ много о славянахъ — и сочувствовали мнѣ многіе передовые люди, корифеи въ племенахъ славянскихъ и, казалось намъ, много могло быть сдѣлано Россіей *во время оно* на пользу всѣхъ славянскихъ племенъ; но *время оно давно прошло*, потому ли *посему ли* ничего не было сдѣлано, или было сдѣлано мало и то по большей части частными людьми. Новыя поколѣнія въ славянскихъ племенахъ думаютъ, по крайней-мѣрѣ въ настоящую минуту (а минута-то эта была только за годъ до московской этнографической выставки) не такъ, какъ думали старики, почти всѣ сошедшіе съ поприща; приверженность къ Россіи, казая-нибудь, остается только въ массахъ (какъ хорошо это только!). Поэтому, *отлавая съ стороны всякія мечтанія*, я думаю, что *связь съ славянами намъ должно ограничивать пока доставленіемъ русскихъ книгъ въ славянскія библиотеки и пособій извѣстнѣмъ ученымъ для изданія какихъ-либо важнѣйшихъ для славянства трудовъ историческихъ и филологическихъ*».

Впрочемъ, выписанный нами промахъ Михаила Петровича былъ во второмъ «Утрѣ» не единственнымъ. Тамъ же были помѣщены и другія статьи, отъ солидарности съ которыми въ настоящую минуту Михаилъ Петровичъ, по нашему мнѣнію, былъ бы, вѣроятно, не прочь отказаться. Такъ; между прочимъ, въ статьѣ покойнаго Михаила Дмитріева «О народности и національности въ искусствѣ» К. С. Аксаковъ обвинялся въ *отсутствіи оживаю чувства національности*, стремленіе къ народности признавалось стремленіемъ *одностороннимъ*, проповѣдывалась мысль, что литература *не для народа* и т. д.

Но, при всѣхъ таковыхъ промахахъ, второе «Утро», если только помнить это еще читатели, представляло весьма интересное явление, если не по достоинству и серьезности своихъ статей, то по крайней своей своеобразности. Тамъ было помѣщено начало поэмы гр. Соллогуба «Нигилистъ», названной самимъ авторомъ «старческой работою»; тамъ было знаменитое заявленіе самаго Михаила Петровича о томъ, что онъ «*помышлялся* на мысли о построеніи желѣзныхъ дорогъ государственнымъ кредитомъ», въ доказательство чего онъ приводилъ свои безалаберныя письма къ какому-то NN, котораго онъ величалъ В. В. Т., къ Прудону, къ Кобдену, къ «высокому гранду изъ нашихъ соотечественниковъ» и т. д. Тамъ между большими статьями находились различные историческіе документы, разные невозможные стихи (въ родѣ мальчижа въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, которымъ оказывался то Ломоносовъ, то вся Россія), переводы ломбардскихъ хроникъ, письма изъ-за границы, отрывки изъ частной переписки, некрологи, библиографическіе листки, проповѣдь къ молодымъ людямъ, окончившимъ корпусное ученіе, уже упомянутая нами переписка М. П. съ разными лицами, и наконецъ, мнѣнія и замѣчанія г. Погодина, когда онъ былъ гласнымъ въ московской думѣ, съ замѣчаніями на эти мнѣнія другаго лица и вторичнымъ отвѣтомъ г. Погодина на эти замѣчанія. Все это въ сборникѣ было свалено въ кучу, безъ всякой системы, напечатано на сѣрой и разнокалиберной бумагѣ, различными истертными шрифтами (печатался сборникъ въ *пяти* типографіяхъ), съ безчисленными опечатками и перепутанной нумераціей страницъ. Мало того, одна и та же статья («о дѣтствѣ Карамзина») напечатана была въ двухъ мѣстахъ книги: самая статья въ началѣ ея, а примѣчанія къ ней ни къ селу, ни къ городу въ серединѣ, между другими статьями; программа журнала, какъ мы уже сказали, тоже въ серединѣ книги, и тамъ же, между статьями, находились объявленія и библиографическія извѣстія... Однимъ словомъ, второе «Утро» представляло собою такое увеселительное олицетвореніе «сапоговъ въ смятку», что невольно приводило читателя въ самое добродушно-веселое настроеніе духа. Негодовать на возможность появленія въ русской печати такихъ сборниковъ, или лучше сказать сбродниковъ, въ которыхъ, не говоря уже о внутреннемъ содержаніи, Михаилъ Петровичъ какъ бы глумился надъ самыми основными условіями типографскаго и издательскаго дѣла — не могло придти на мысль самому жолчному читателю. Такъ все это было дѣтски-смѣшно, наивно — нелѣпо, московски — простодушно, безалаберно — безцеремонно...

Новое или третье «Утро» несравненно безцвѣтнѣе. Хотя образъ «сапоговъ въ смятку» и въ немъ такъ сказать не утраченъ, хотя въ типографскомъ смыслѣ и этотъ выпускъ не блистаетъ особою отчетливостью, и шрифты довольно подержаны и разнокалиберны, а нумерація страницъ (въ «Запискахъ Штелина») —

тоже перепутана, хотя бумага, сѣрая вообще, также представляетъ различные оттѣнки, хотя внутреннее содержаніе тоже довольно хаотично, но по сравненію со вторымъ выпускомъ «Утра» въ книгѣ вышедшемъ чего-то не достаетъ. Мы долго недоумѣвали, чего бы это именно не доставало, и при томъ такого существеннаго, каковое могло бы развеселить духъ, ибо, срывать не ставемъ, третій выпускъ веселаго настроенія духа не производить, а нагоняетъ расположение томное, такое именно, какое можетъ произвести созерцаніе дурно подымающагося хлѣба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества, послѣ неурожайнаго года. Оказалось, по долгомъ размысленіи, что въ настоящемъ сборникѣ не достаетъ статей самаго Михаила Петровича. Ихъ въ этомъ выпускѣ всего на все — двѣ: III, IV и V дѣйствія изъ трагедіи «Петръ Великій», первое и второе дѣйствія которой напечатаны всего только девять лѣтъ назадъ (именно въ 1-мъ выпускѣ «Утра») и замѣта «Объ открытіи записокъ Штелина», которая напечатана въ этомъ же выпускѣ, хотя, какъ всѣмъ извѣстно, уже были недавно напечатаны въ «Чтеніяхъ Историческаго Общества». Почему г. Погодинъ почелъ необходимымъ, черезъ самый краткій промежутокъ времени, перепечатать ихъ вторично въ своемъ сборникѣ, составляетъ тайну, разрѣшеніе которой заключается въ своеобразныхъ особенностяхъ логики этого мыслителя, и которую слѣдовательно мы ни понять, ни объяснить не беремъ. Кромѣ этого, г. Погодинъ помѣстилъ въ настоящемъ выпускѣ своего сборника только: «Одиннадцать записокъ Пушкина въ М. П. Погодину. 1830 г.», найденныя послѣднимъ, по его выраженію, «въ портфель своей корреспонденціи», но всѣ эти одиннадцать записокъ ровно ничего не прибавляютъ къ характеристикѣ покойнаго поэта, и весьма удобно могли бы не быть напечатанными, оставаться «въ портфель своей корреспонденціи» Михаила Петровича. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ въ 1830 году нуждался въ деньгахъ, а М. П. обѣщался ему таковыя занять, но какъ видно, затянулъ дѣло въ долгой аячакъ, и Пушкинъ коротенькими записками справлялся, скоро ли онъ получитъ обѣщанное? Какъ человекъ общительный, чуть не въ каждой запискѣ, Пушкинъ изъ обиховенной вѣжливости, спрашивалъ г. Погодина объ его трагедіи, которую послѣдній въ то время писалъ. «Я писалъ тогда трагедію «Петръ I», говоритъ М. П., не объясняя однако же, не та же ли это самая трагедія «Петръ Великій», которой первыя два дѣйствія украшала девять лѣтъ тому назадъ первый выпускъ «Утра», а три послѣднихъ появились только въ настоящую минуту на свѣтъ.

Хотя вся вѣроятность на сторонѣ того, что это и есть та самая трагедія, ибо въ концѣ ея выставленъ 1831 годъ, по при неистощимой производительности М. П. (онъ самъ, какъ извѣстно, заявлялъ не давно, что онъ написалъ дѣлме вози литературныхъ

произведений) и особенностях его логики, онъ могъ одновременно писать и двѣ трагедіи на одинъ сюжетъ.

«Остроуміе Пушкина, замѣчаетъ Михаилъ Петровичъ, замѣтно и въ этихъ легучихъ доскуткахъ», но мы, признаемся, не видимъ въ нихъ ровно никакого остроумія, и даже просто не понимаемъ, что находятъ г. Погодинъ остроумнаго, напимѣрь, въ слѣдующихъ изъ напечатанныхъ имъ записокъ.

«Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ» (записки пятая).

Или:

«Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму. А. П.» (десятая).

Или въ запискѣ седьмой, написанной очевидно въ отвѣтъ на отказъ г. Погодина достать заразъ всю сумму: «если ужъ часть, то большую ради Бога. А. П.»

Чтобы печатать и обнародовать *такіе документы*, нужно быть М. П. Погодинымъ, который относительно выбора статей остался вѣрнымъ себѣ и въ настоящемъ выпускѣ «Утра». Такъ, въ числѣ статей, принадлежащихъ его собственному перу, мы встрѣчаемъ переводъ политической брошюры одного русскаго графа, о ближайшихъ судьбахъ Германіи, написанную ея авторомъ въ 1859 году по-французски. Въ брошюрѣ этой находятся предсказанія о ходѣ вопроса германскаго объединенія, которое, по мнѣнію ея автора, должно было совершиться съ помощью одного нравственнаго вліанія Пруссіи на сосѣднія государства, путемъ единства стремленій, которыя рано или поздно должны были родиться во всѣхъ небольшихъ германскихъ государствахъ. Въ настоящую минуту, послѣ событій, происходившихъ въ Германіи, читать эти неисполнившіяся предсказанія нѣсколько забавно, но М. П. и тутъ нашелся. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ мѣсту статьи, о которомъ мы говоримъ, онъ выражается такъ: «Авторъ предполагалъ путь естественный, національный и постепенный. Графъ Бисмаркъ сдѣлалъ нѣсколько *примѣжковъ*, и подѣ Садовою разсѣвъ гордіевы узлы, развязывать которыхъ было столь затруднительно». Но хотя эти гордіевы узлы уже развязаны, М. П. не счелъ несвоевременнымъ поднести ихъ снова публикѣ на размышленіе, да еще переведенные на такой языкъ, въ которомъ, напимѣрь, французскаго императора называютъ *Лудовикомъ-Наполеономъ*. Такъ, между другими статьями сборника мы встрѣчаемся со словомъ Василія Дроздова (впослѣдствіи митрополита Филарета), сказаннымъ въ Троицкой Лаврѣ въ день торжества освобожденія этой лавры отъ нашествія враговъ 12-го января 1806 года. Едва-ли такой статьѣ мѣсто въ литературномъ и политическомъ сборникѣ. Мысли, высказанныя въ то время почтеннымъ авторомъ (напимѣрь, что есть мужество безъ вѣры?—слѣжное неистовство, кипящее фараоновымъ жаромъ и его угашающее въ пучинѣ отчаянія), конечно весьма

мало утратили въ наши дни въ смыслѣ духовно-витійственномъ, но вѣдь свѣтскій сборникъ не монастырскій амвонъ, и лица, которыя захотѣли бы изучать духовно-литературную дѣятельность покойнаго Филарета, разумѣется, не стануть для этого обращаться къ «Утру» г. Погодина. Еще болѣе странно встрѣтится въ современномъ литературномъ сборникѣ съ «взглядомъ на міроузданіе,» двумя думами пресловутаго Магницкаго, изъ которыхъ первая была уже напечатана въ «Москвитиннѣ» въ 1843 году. Вторая была доставлена г. Погодину, вмѣстѣ съ первой, но Михаилъ Петровичъ почему-то держалъ ее подъ спудомъ 25 лѣтъ, а теперь, ради ея, не затруднился перепечатать и первую. Въ думахъ этихъ, написанныхъ напыщеннымъ языкомъ, писатель встрѣтится и съ «пламенными строками тверди небесной» и съ «отдѣліонами миль кубическихъ», составляющихъ «обширность» сферы, въ которой вращаются всѣ планеты нашей системы, и съ «звѣздною бездонностью» и со всѣмъ существующимъ во вселенной «отъ серафима до инфузорія», не встрѣтится только ни съ чѣмъ, что могло бы заинтересовать его развитую мысль. Но оказывается, что и въ наши дни существуютъ охотники до превыспреннаго мистическаго витійства, ибо въ этомъ же сборникѣ помѣщена аллегорическая статья «Позднѣйшіе годы», подписанная 1859 годомъ, въ которой неизвѣстный авторъ, скрывшій свое имя подъ буквою Л., какъ по характеру своего витійства, такъ по «бездонности» своей мысли, является какимъ-то новымъ Магницкимъ, шеголяющимъ особенно необычайно образными опредѣленіями. Моря г-нъ Л. называетъ «беззлатными божьими путями», гласность—Гуттенбергомъ 2-мъ и т. д., и т. д.

Впрочемъ, не однѣ только перечисленные вами статьи «Сборника» замѣчательны своею странностью. Всѣхъ статей въ немъ 18, и развѣ только однѣ записки Штелина, еслибы онѣ не были уже напечатаны прежде, могли бы представить серьезный интересъ для читателя. Въ числѣ этихъ статей, чуть не половина въ одну или двѣ странички (по большей части историческіе документы, не представляющіе никакого научнаго интереса) и между ними особенно характерна «Замѣтка о селѣ Знаменскомъ», знаменитаго нашего библиографа М. Н. Лонгинова. Дѣло въ томъ, что въ этомъ селѣ, Карамзинъ часто бывалъ у своихъ друзей Плещеевыхъ. На основаніи этого, М. Н. Лонгиновъ догадывается всей русской читающей публикѣ, что село это находится Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, 1-го мирового участка, Злашской волости, на рѣкѣ Кутымѣ, впадающей въ рѣку Нугръ, втекающую въ Оку близъ границы Болховскаго и Бѣлевскаго уѣзда. Кромѣ того, онъ объясняетъ, что въ селѣ этомъ 155 душъ крестьянъ, временно-обязанныхъ Розѣ Ривальдиновнѣ Плещеевой (родомъ польскѣ), второй женѣ арзамасца Александра Алексѣевича Плещеева, котораго два внука отъ перваго брака (съ графиней Чернышевой), Александръ и Григорій Петровичи,

живутъ и нынѣ въ Болховскомъ уѣздѣ, въ наследственномъ имѣнии «Чернь», что старшій домъ сгорѣлъ, а Роза Ривальдиновна живетъ въ другомъ, новомъ, выстроенномъ уже позднѣе. Не правда ли, какъ все это интересно, важно для изученія исторiи русской литературы и поучительно? О, еслибы русская литература обогатилась когда-нибудь подобными описанiями всѣхъ селъ, деревень, мѣстечекъ, которыя посѣщали во время своей жизни когда-нибудь Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ и т. под., какъ хорошо изучили бы мы на пользу нашего развитiя, на какiе участки раздѣлены наши уѣзды, и гдѣ живутъ на Руси — различныя Розы Ривальдиновны, Евстагiеи Евстигненичи, Перепетун Петровны или Марыи Егоровны. Жаль только, что въ этой замѣткѣ, почтенный Михаилъ Николаевичъ забылъ упомянуть, для библіографической полноты, женаты ли Александръ и Григорiй Петровичи Плещеевы, и въ которыхъ годахъ сгорѣлъ старшій домъ Розы Ривальдиновны и построенъ новшій...

Все, о чемъ мы уже упомянули, какъ видитъ читатель, весьма интересно и замѣчательно; но какъ мы уже замѣтили, главнѣйшiй интересъ «Сборника» сосредоточивается на статьяхъ Михаила Петровича, почему мы и считаемъ необходимымъ, для того, чтобы читатель имѣлъ о третьемъ «Утрѣ» полное понятiе, на нихъ нѣсколько приостановиться.

Записки Штелина, какъ мы уже сказали, снабжены примѣчаними г. Погодина (Объ открытiи Записокъ Штелина — изъ моихъ записокъ). Въ этихъ замѣчанiяхъ, Михаилъ Петровичъ посвящаетъ публикѣ въ тайну своихъ историческихъ открытiй, по... особенность отношенiй Михаила Петровича къ старымъ рукописямъ и историческимъ документамъ до того замѣчательна, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствiи привести объ этомъ собственныя его слова:

«Драгоцѣнныя Записки Штелина, которыя читатели прочли выше, принадлежали къ моему древнехрамплушу. Предложу здѣсь отрывокъ изъ своихъ записокъ, къ нимъ относящiйся.

«Въ тридцатыхъ годахъ, Федоръ Ивановичъ Отгъ, первый директоръ ремесленнаго московскаго училища, потомокъ Штелина по женской линiи, познакомься со мной чрезъ моего брата, служившаго подъ его начальствомъ, сказалъ мнѣ однажды въ разговорѣ, что у него есть два сундука бумагъ, оставшихся послѣ Штелина. «Примѣчательнаго въ нихъ ничего нѣтъ, и не можетъ быть, потому что Штелинъ, какъ извѣстно по преданiю въ его родѣ, всѣ важныя свои бумаги сжегъ по копчавъ своего воспитанника, императора Петра III, и при вступленiи на престолъ императрицы Екатерины; но тамъ есть много «лубочныхъ картинъ его времени и первыхъ оттисковъ портретовъ, гравированныхъ въ академiи художествъ, выходившейся подъ его начальствомъ. Хотите взять себѣ этотъ *хламъ*? А вы мнѣ дадите за него соборачiе новыхъ русскихъ книгъ, которыя я назвачу».

«Очень радъ, отвѣчалъ я ему. Сундуки были ко мнѣ присланы; книги, по назначенію, были доставлены въ г. Отту.

«Я, по словамъ его (то-есть повѣривъ домашнему преданію, которое могло быть и невѣрнымъ, нашъ знаменитый историкъ, не потрудился посвятить даже какого-нибудь получаса на разборъ бумагъ), отобралъ изъ сундуковъ, вмѣстѣ съ Д. А. Ровинскимъ, любочныя картины и портреты (?), украсилъ ими свои собранія, и велѣлъ поставить сундуки подъ лѣстницу.

«Простоявъ они тамъ спокойно (!) лѣтъ десять или больше. Академія, услышавъ отъ г. Куника, что у меня находятся бумаги штетлинновскія, отвелась ко мнѣ съ просьбою, справиться, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь относящагося до ея исторіи, такъ-какъ Штелинь состоялъ ея членомъ.

«Я попросилъ тогда Д. А. Ровинскаго поискать между бумагами, ему извѣстными, академическихъ документовъ, что тотъ и исполнилъ; отобранные имъ документы я тотчасъ (вѣроятно, даже не прочитавъ) отправилъ въ академію. Вмѣстѣ съ нами Д. А. принесъ мнѣ нѣсколько найденныхъ тамъ автографовъ императора Петра III. Одинъ изъ нихъ былъ великой важности. Я рѣшился представить его государю императору (Николаю Павловичу)» и т. д.

Несмотря даже на такое открытіе, М. П. даже и тогда не рѣшился еще просмотрѣть бумаги, «лежавшія у него лѣтъ 15-тъ въ своихъ гробахъ подъ лѣстницею», и только «въ 1853 году, Д. А. Ровинскій, у котораго оставались сундуки (послѣ извѣстной продажи древнекрапяльца г. Погодина въ казну), взглянувши въ нихъ почему-то опять, сдѣлалъ еще открытіе — нашелъ тетради записокъ Штелина о Петрѣ III и нѣкоторыя другія лоскутки». «Я обрадовался—говорить г. Погодинъ—этому, въ полномъ смыслѣ, историческому открытію, которое доставляетъ драгоценныя для исторіи несчастнаго принца данныя», — и радость его становится весьма понятною, послѣ всѣхъ усилій, какія употреблялъ онъ для такого открытія. «Читатели видятъ, что я не сижу безъ дѣла», говоритъ г. Погодинъ въ этихъ же запискахъ, и мы не можемъ не прибавить отъ себя, что читатели увидели даже и то, какъ г. Погодинъ дѣлаетъ свое дѣло.

Что касается до трагедіи г. Погодина «Петръ-Великій», начало которой напечатано было имъ девять лѣтъ тому назадъ, а конецъ является въ печати только теперь, то по всей вѣроятности, рукопись ея, въ то время, когда М. Петр. отобралъ изъ штетлинскихъ сундуковъ, «вмѣстѣ съ Д. А. Ровинскимъ, любочныя картины», попала случайно въ эти сундуки, и тоже лѣтъ пятнадцать пролежала гдѣ-нибудь подъ лѣстницею, такъ-какъ М. П., несмотря на все множество своихъ дѣлъ, вѣроятно, съ 1831 года, могъ бы удосужиться и напечатать ее. Тридцать лѣтъ—довольно значительный промежутокъ времени, даже и по отношенію къ литературному долгоденствію самого Михаила Петровича. Но, оказывается, что со времени ея написанія, Михаилу Петро-

вчу пѣкогда было ее даже и просмотрѣть, такъ-какъ иначе онъ, вѣроятно, выправилъ бы въ ней хоть неправильности въ стихосложеніи. А неправильности эти таковы, что буквально, на каждыя десять строкъ попадетъ такой стихъ, въ которомъ нѣтъ ровно никакого размѣра, или даже такой, что на тошакъ, пожалуй, и не выговоришь. Вотъ нѣсколько примѣровъ на удачу:

Да жалуется. А, что князь Александръ?
 Эхма! о чемъ толкуете вы, господа!
 Теперь и онъ у васъ въ рукахъ. Какъ же!
 Хотѣлъ моей онъ смерти. Нѣтъ! прежде
 И подвиги пошли бы подъ ноги,
 Засѣяно, — не первой, не второй я бился!
 Брѣ! земля, братъ, подъ ногами задрожала и т. д.

Представьте притомъ, что подобныя строки, соединены, напри-
 мѣръ, хотя такъ

Не сердись
 Петръ Алексѣевичъ. Вашу братью меньше бѣ
 Конечно, можете быть, бранили, еслибъ
 Побольше знали васъ.

А такимъ языкомъ написана вся погодинская трагедія. Петръ-
 Великій въ ней выражается, напримѣръ, такъ:

Вотъ дьяволъ навязался мнѣ на шею!
 Онъ слова одного мнѣ не умѣетъ
 Сказать порядочно. Все оборветъ.
 Ну, еслибъ я такой же... былъ бы чорту
 Баранъ. Характерецъ!...

Или:

Мнѣ надо было взять, во чтобъ не стало
Хоть уголъ бы на берегу Балтійскомъ,
 Чтобъ положить здѣсь камень просвѣщенный
Краеугольный камень русскаго участка
 Въ дѣлахъ всѣхъ политическихъ Европы.
 Я десять лѣтъ боролся съ братомъ Карломъ
 Въ Лифляндіи, Саксоніи и Польшѣ,
 Эстляндіи, Архангельскѣ, Украинѣ.
Тутъ ни до матери, ни до отца,
И ни до сына было, — я лишь шуваль
 Къ ночи, взорвѣній, голова цѣла ли.
 Чуть промигнулъ бы, такъ прощай и войско,
 И царство, и Россія, да и всѣ вы.
 Ты, напримѣръ, развинулъ ротъ подъ Нарвой,
 И не умѣлъ сберечь одной своей
 Лишь умной головы и т. д.

Такъ написана вся трагедія, содержаніе которой составляетъ
 судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ и заговоръ Кикина. До какой
 степени высоко-художественности она доходитъ, какъ смѣли и

оригинальны творческіе приемы Михаила Петровича, читатели могут видѣть хотя по слѣдующему отрывку. (конецъ четвертаго дѣйствія), составляющему самое патетическое мѣсто въ трагедіи. Петръ является въ большой, темный подвалъ дома Кикина, *передняя часть котораго остлѣнена ножами, а уголь заваленъ штофами и бутылками*, въ то самое время, когда заговорщики рѣшаютъ его убить, Эварлаковъ принимаетъ благословенный на это ножъ, *махаетъ имъ въ неистовствѣ* и произнося:

Такъ что жъ, пора?

Бѣжить къ двери, всѣ за нимъ. Петръ, видѣ себя отъ гнѣва, *стремительно къ нему на встрѣчу, вырываетъ ножъ и толкаетъ его въ грудь*, говоря:

Пора, да не тебѣ,
А нѣ, разбойникъ! Вотъ я васъ. Что вы
Затѣяли?

Кикинъ топаетъ ногой и произноситъ:

Тѣфу, чертъ возьми!
Пропало все.

Заговорщики теряются, просятъ прошенія и, вѣроятно, ободренные тѣмъ, что Петръ случайно произноситъ стихъ, въ которомъ, несмотря на всю его неуклюжесть, соблюденъ, по крайней мѣрѣ, размѣръ:

Нѣтъ, нѣтъ. Я долго ужъ терпѣлъ. Довольно.

начинаютъ на него *напирать*, но... пусть говорятъ самъ Михаилъ Петровичъ:

Петръ (*замыкаетъ изъ ободренія, отступаетъ тихо, безпрестанно поглядывая на дверь*).

Я разсмотрю, кто больше виноватъ
Его меньше.

Допухнѣтъ (*почти напирая*).

Нѣтъ, прости теперь, дай слово!

Петръ (*приближаясь болѣе и болѣе къ двери*).

Я не могу теперь, не зная братцы...

Эварлаковъ.

Такъ вотъ узнай.

(Бросается изъ заднихъ рядовъ (?) на Петра, который приблизился почти къ двери, но въ эту минуту она открывается и гвардейскій капитанъ ведетъ (выводитъ?) за собою роту преображенскихъ солдатъ. Петръ увидѣвъ его, бѣжитъ по шее (кого?)

Проклятый опоздалъ
Они было меня совсѣмъ убьютъ!

(Все это происходит въ одно мгновеніе. Заговорщики, увидѣвъ солдатъ, отступаютъ съ знаками величайшаго отчаянія. А *Петръ идетъ впередъ*).

ПЕТРЪ.

Ага разбойники! Вотъ я прощу васъ.

Вотъ дамъ честное слово. Ну, ажите ихъ: (не выдержавъ
така разгѣра!)

(*Солдаты влзнутъ имъ руки назадъ. Плачъ и вопль*).

(*Входитъ к. Меньшиковъ съ двумя офицерами*).

Е. МЕНЬШИКОВЪ.

Пожаръ у Троицы потухъ, а этотъ

Тагъ разгорѣлся, что помочь *нельзя ужь*.

ПЕТРЪ (*указывая на заговорщиковъ*).

Ну такъ и быть. За те вотъ здѣсь погасло.

(*Указывая на Алексея, лежащаго въ обморокѣ*).

Возьми его... и содержи покрѣпче.

(*Командуетъ такъ, чтобъ солдаты окружили заговорщиковъ*).

Маршъ — въ крѣпость!

(*Взводъ отправляется*).

(*Петръ съ удивленнымъ Меньшиковымъ идетъ назадъ, потирая себѣ лобъ*).

Слава Богу! отдохнуть я!

Совершенно такія же слова приходится произнести и читателю, когда ему удастся одолѣть таковую трагедію до конца. Вѣроятно, и самъ Михайль Петровичъ сознавалъ, что произведеніе его не дешево будетъ доставаться читателямъ. Этимъ объясняется, почему онъ, напечатавъ первый и второй акты въ 1859 году, только теперь помѣстилъ въ «Утрѣ» окончаніе своего произведенія. Очевидно, для читателей, по прочтеніи первыхъ двухъ дѣйствій, необходимо былъ девятилѣтній отдых!

Неотъемлемое право женщинъ. *Взглядъ на современную бытъ женщинъ. Сочиненіе Луизы Отто. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ. 1868 года.*

Авторъ этой брошюры—извѣстная Луиза-Отто Петерсъ, сдѣлавшая въ Германіи весьма многое для облегченія участи женщинъ въ экономическомъ отношеніи. Практическая ея дѣятельность по женскому вопросу заслуживаетъ всякаго уваженія. Вопросъ этотъ, замершій въ Германіи со времени реакціи, послѣдовавшей за 1848 годомъ, когда въ Гамбургѣ была закрыта даже не задолго до того основанная высшая школа для женщинъ, а оставались терпимыми однѣ только женскія учительскія семинаріи, когда самыя дѣтскія сады нѣсколько разъ были закрываемы правительствомъ и испытывали всевозможныя преслѣдованія со стороны клерикаловъ, до шестидесятихъ годовъ почти ни одна практическая попытка по женскому вопросу не удавалась. Только

съ этого времени женскій вопросъ, правда, въ измѣненномъ и сжуженномъ видѣ, началъ снова пробиваться въ печати. Благодаря энергической дѣятельности извѣстнаго его сторонника, А. Корна, редактора лейпцигской «Всеобщей женской Газеты». Возбужденная этими статьями Луиза-Отто Петерсъ, когда въ Дрезденѣ во время министерства Оберлендера составила комиссія для изслѣдованія новѣйшихъ основаній для рациональной организаціи труда, подала въ эту комиссію «адресъ дѣвушки», въ которомъ, въ напыщенныхъ, правда, выраженіяхъ, напомнима комиссіи, что ей слѣдуетъ обратить при этомъ вниманіе и на тѣ печальныя условія, въ какихъ по отношенію къ труду находятся женщины. Рѣшившись энергически непремѣнно достигнуть на практикѣ хотя какихъ нибудь результатовъ, она вошла въ сношеніе съ рабочими, хотя и тутъ въ весьма фразыстомъ къ нимъ обращеніи не обошлась безъ напыщенности выраженной. «Если всѣ забудутъ бѣдныхъ рабочихъ — говорила она имъ — то я ихъ не забуду». Между тѣмъ, вмѣсто ожиданнаго ею противодѣйствія, она повсюду встрѣтила сочувствіе и поддержку для осуществленія своихъ плановъ. Мысль о необходимости переворота въ экономическомъ положеніи женщины носилась въ воздухѣ; и благодаря этому, Луизѣ-Отто удалось, при содѣйствіи дѣвицы Августы Шмидтъ, одной изъ лейпцигскихъ учительницъ, и нѣсколькихъ другихъ дамъ, основать въ Лейпцигѣ въ 1865 году первое въ Германіи «женское образовательное собраніе», въ которомъ каждая двѣ недѣли происходила вечерніе бесѣды, посвященныя образованію бѣдныхъ работницъ и помогавшія болѣе тѣснымъ сношеніямъ нуждающихся въ работѣ между собою. На этихъ вечерахъ женщины читали лекціи по самымъ разнообразнымъ отраслямъ науки, происходила литературныя чтенія, преподавалась музыка и ибнѣе. При этомъ же собраніи въ скоромъ времени была открыта и женская воскресная школа, въ которой преподавались элементарныя науки, французскій языкъ и сверхъ того посѣдательницы обучали разнымъ рукодѣльямъ, по болѣеи части безплатно. Первый успѣхъ ободрилъ учредительницъ, и такъ-какъ въ уставѣ «Образовательнаго собранія» находился параграфъ, которымъ учредительницы предоставляли себѣ право открыть въ случаѣ надобности общую конференцію женщинъ-пѣомовъ изъ различныхъ германскихъ государствъ, то въ половинѣ октября того же 1865 года собраніе приступило къ созванію такой конференціи. Участницъ на эту конференцію съѣхалось множество со всѣхъ концовъ Германіи; явилось и нѣсколько мужчинъ, спеціалистовъ по женскому вопросу, какъ наиримѣръ, профессоръ Эггартъ, Гейрихъ и т. д. Въ этомъ собраніи было между прочимъ объявлено по предложенію Эггарта, что «съ этихъ поръ женщина должна смотрѣть на работу, которая есть главное основаніе новаго общества, не только какъ на прямую свою обязанность, но и какъ на почеть, почему собраніе, признавъ за женщинами право на трудъ, счи-

тасть необходимымъ удалить всё, могущія встрѣтиться для достиженія этой цѣли препятствія». Время произнесенія этихъ словъ должно считаться для Германіи эпохой въ исторіи женскаго вопроса. Съ него начинается его твердое вступленіе на практическую и экономическую почву. Конференція, о которой мы говорили, основала между прочимъ свой литературный органъ, газету «Новые Пути», издательницей которой стала Луиза-Отто вмѣстѣ съ Августой Шмидтъ, а редакторомъ нѣкто Мюльфельдтъ.

Луиза-Отто писала по женскому вопросу много и прежде основанія «Новыхъ Путей», но, какъ писательница, она далеко не такъ замѣчательна, какъ по своей практической дѣятельности. Взгляды ея на женскій вопросъ отличаются узкостью, глубина возрѣвій на этотъ вопросъ послѣдователей Лассала (напримѣръ о томъ, что раздѣленіе труда на мужской и женскій — неправильно, и поднятіе послѣдняго въ ущербъ первому до общей правильной организаціи труда вообще, едва-ли приведетъ къ чему либо существенному) ей недоступна, знанія ея въ политическихъ и соціальныхъ наукахъ весьма бѣдны (въ настоящемъ ея сочиненіи, напримѣръ, направленномъ противъ сторонниковъ Лассала, попадаются между прочимъ такіе взгляды: «каждый мужчина можетъ *всегда и вездѣ* найти себѣ работу, *лишь бы только захотѣлъ*, только лѣнныя, легкомысленные, высокоумѣрные и порочные остаются безъ работы, но *за то* ихъ участь постыдна и жалка). Самое изложеніе ея смутно, туманно и фразисто, аргументація мало доказательна и насквозь пропитана сантиментализмомъ и риторичностью. Поэтому произведенія ея для того, чтобы они могли быть полезными для русскихъ читателейницъ и вообще для женскаго вопроса въ Россіи, слѣдуетъ не переводить, а перекладывать, выкидывать все неведущее къ дѣлу, всё неудачныя риторическія украшенія, все цвѣтисто-сантиментальное пустословіе и дополнять всё ея ложныя мнѣнія объясненіями и примѣчаніями.

Русская переводчица разбираемой нами книги, скрывшая изъ скромности свое имя, ничего этого не слѣдала. Переводъ ея — образецъ идеальной безграмотности. Приведемъ для доказательства первыя страницы брошюры, прочитавъ которыя самый снисходительный читатель едва-ли рѣшится не бросить книгу и прочесть ее до конца.

«Приваніе женщины! сколько прекрасныхъ картинъ рисуется нашему воображенію при звукѣ этихъ словъ!

Передъ вами тотчасъ же является невѣста въ *блосстасномъ* платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ изъ миртъ (1), съ развѣвающимся вуалемъ на изящно причесанныхъ волосахъ, подъ руку съ женихомъ, окруженная подругами, благословляемая *двойною парой родителей*, она идождь свадебнаго торжества. Все вниманіе обращено только на нее, всё спѣшать заявить ей свои поздравленія

она царца праздника, эти цвѣты, гирлянды, пѣсни, все это относится *только къ ней*. Женихъ, какъ водится, одѣтъ въ черное, въ *непотѣчскій цвѣтъ*, дѣлается незамѣтнымъ и занимаетъ второстепенное мѣсто, все же вниманіе, всё доказательство привязанности и *удивленій* (1), *обращаемыхъ на невесту*, не говорить ли жениху, какое *сокровище* приобрѣтается имъ.

Ничѣмъ не уступаетъ первой картинѣ слѣдующая: когда жена въ простомъ, но изящномъ нарядѣ хлопочетъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ. Все (1) что только окружаетъ ее, все ново и *последней* моды, только что вышло изъ фабрикъ или рукъ ремесленниковъ. И не только комнаты убраны *искусною рукою любви*, но даже кухня не уступаетъ (чему?) своей *миловидностью* и опрятностью. На простой деревянной посудѣ еще нельзя замѣтить даже и патлуша, жестяная даже блеститъ, плита и самоваръ такъ чисты, какъ будто сама и дымъ къ нимъ не прикасались. Какъ бываетъ пріятно хозяйкѣ, когда *послѣ постояннаго перехода отъ одной вещи къ другой*, она знаетъ, что когда все будетъ готово къ обѣду, многолюбимый ею мужъ прій(н)детъ и найдетъ его такимъ, какого онъ не ѣдалъ ни въ одной изъ лучшихъ гостинницъ. Вотъ мужъ возвратился домой отъ своихъ занятій, сядя вмѣстѣ съ ней за столомъ, который она сама накрыла; онъ цалуеетъ ей руку, ту, которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ обожглась, можетъ быть, по его же милости; ѣсть онъ съ аппетитомъ, все находить вкуснымъ. Кончилась обѣда, и мужъ въ *объятіяхъ* (курсивъ въ подлинникѣ) жены, отдыхаетъ часикъ отъ занятій и неприятностей, не долженствующихъ проникнуть въ этотъ уголокъ любви. Какъ щедро вознаграждена въ это время жена, въ какомъ розовомъ свѣтѣ представляется ей тогда ея положеніе! Что въ сравненіи съ этими упительными минутами, ея бывшія дѣвическія удовольствія и т. д. и т. д.»

Неправда-ли, что вся эта тирада нѣсколько пошла? Пошла она, конечно, и въ оригиналѣ, но всякій догадливый читатель легко смекнетъ, что самый букетъ пошлости принадлежитъ переводу. Читая эти *картины*, такъ и видишь передъ собою всей русской публикѣ извѣстную Олимпиаду Самсоновну изъ «Своихъ людей» Островскаго, мечтающую о кавалерахъ-мужчинахъ, изъ которыхъ нѣкоторые сами не знаютъ какъ блеснуть очаровательнѣе... обороты фразъ, манера изложенія—все здѣсь ее напоминаетъ до того, что такъ и вѣжется, что переводчица этой книги и есть сама Олимпиада Самсоновна...

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ОБЪ УБИТОЧНОСТИ ВОЙНЪ.

(LEROY BEAULIEU, LES GUERRES CONTEMPORAINES, 1868. Revue Nationale, février.)

Статистика военных потерь, за ближайшій къ намъ періодъ времени, далеко еще не вполне разработана. Число убитыхъ, раненныхъ и больныхъ хотя и публикуется, но официальные документы, въ которыхъ содержатся эти цифры, нередко противорѣчатъ другъ другу и страдаютъ крайнею неполнотою. Только крымская война, насколько участвовали въ ней западныя державы, шлезвигская и особенно американская (1862—65) изслѣдованы довольно тщательно. Официальныя донесенія о крымской войнѣ, доставленныя англійскому парламенту, замѣчательная книга доктора Шеню, различные мемуары, составляющіе описаніе возстанія южныхъ штатовъ (*Medical and surgical history of rebellion*), недавно изданное изслѣдованіе доктора Лѣффлера о шлезвигской кампаніи, представляютъ собою труды, отличающіеся научною строгостью. Къ сожалѣнію, документы относительно другихъ войнъ не представляютъ ни той глубины, ни той вѣрности. Свѣдѣнія о потеряхъ русскихъ въ крымскую кампанію до сихъ поръ еще не вполне обнаружены.

Что касается до матеріальныхъ, денежныхъ потерь, то и ихъ трудно привести въ совершенную извѣстность. Чтобы узнать, какую массу произведеній народнаго труда поглотила та или другая война, высчитываютъ обыкновенно военный бюджетъ ратующихъ и заинтересованныхъ въ войнѣ государствъ и сравниваютъ его съ бюджетомъ тѣхъ же государствъ въ мирное время, обращаютъ вниманіе на возвышеніе налоговъ, на увеличеніе государственнаго долга, добровольныя и принудительныя пожертвованія частныхъ лицъ, на опустошеніе полей и разореніе селеній, на гибель военныхъ и торговыхъ кораблей. Но многое ускользаетъ отъ статистическаго изслѣдованія: вмѣстѣ съ прямыми, положительными потерями, слѣдовало бы обращать вниманіе на потери косвенныя, заключающіяся въ застоѣ промышленной и торговой дѣятельности воюющихъ и заинтересованныхъ въ войнѣ народовъ, въ утратѣ богатыхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, способныхъ на самую плодотворную дѣятельность.

Леруа Вольѣ въ статьѣ своей «*Les guerres contemporaines*» пытается рѣшить вопросъ: чего стоили цивилизованнымъ народамъ стараго и новаго свѣта замѣчательнѣйшія воины, начатки

и оконченныя въ послѣдніе 15-ть лѣтъ (1853—1867). Результаты, къ которымъ приходитъ этотъ статистикъ, далеко не утѣшительны: оказывается, что войны крымская, итальянская (1859), американская (1862—1865), шлезвигская, германская (1866) и отдаленныя военныя экспедиціи французовъ поглотили сумму капиталовъ въ 48.000,000,000 франковъ и стоили жизни болѣе, чѣмъ 1.700,000 человекъ. И эти громадныя цифры — говоритъ тотъ же авторъ — гораздо ниже дѣйствительности! Трудъ Леруа Болѣе касается лишь нѣкоторыхъ прямыхъ потерь, причиненныхъ войнами; но и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ, не лишены интереса. Попробуемъ передать въ краткихъ словахъ содержаніе статьи Болѣе, написанной для французской публики, столь высоко цѣнящей военную славу, но еще не вполне узнавшей, во что она обходится народамъ, написанной и для правительства, которое, по чувству ложнаго стыда или по другой какой-либо причинѣ, такъ склонно скрывать или, по крайней-мѣрѣ, уменьшать жертвы, принесенныя имъ безжалостному Марсу.

Крымская кампанія.

Потери союзниковъ. Французская армія должна была бороться съ тремя врагами: холерой, цынгой и непріятельскимъ огнемъ. Въ сентябрѣ 1854 года, еще не впадъ непріятеля, она потеряла уже 8,084 человекъ, болѣею частію отъ холеры (Шеню, 622). Впродолженіе всей кампаніи, болѣзни похитили у Франціи вчетверо болѣе солдатъ, чѣмъ огонь русскихъ. Вотъ точныя цифры потерь французской арміи, по доктору Шеню:

	Больные.	Умерше.
Въ больницы и походные госпитали поступило съ 1-го апрѣля по 20-е сентября.	18,073	8,084
Въ походные госпитали въ Крыму и Турціи, вѣ Константинополѣ, поступило	221,225	29,025
Въ константинопольскіе госпитали поступило	162,029	27,281
Убито непріателемъ или пропало безъ вѣста		10,240
Умерло вѣ госпиталей		4,342
Вступило во флотскіе госпитали . . .	34,817	846
Умерло во Франціи до 31-го декабря 1857, вслѣдствіе ранъ, полученныхъ во время войны		15,025
Прочіе		702
	<hr/>	<hr/>
	436,144	95,615

И такъ изъ 309,268 человекъ, отправленныхъ на Востокъ, погубило 95,615; число же случаевъ заболѣванія почти въ пол-

тора раза превышает число солдатъ. Только 25,000 умерло отъ ранъ или погибло на полѣ сраженія; конечно, это счастливыя, въ сравненіи съ семьюдесятью тысячами жертвъ холеры, тифа, гнилаго больничнаго воздуха, погибшихъ большею частию не выдавъ поля сраженія, угасшихъ томительною смертію, не утѣшая себя даже воспоминаніями о какихъ-либо собственныхъ славныхъ подвигахъ. Нельзя думать также, что 214,000 солдатъ, оставшіеся въ живыхъ и возвратившіеся на родину, возвратились такими же здоровыми, какими оставили ее. Нельзя думать, чтобы эти 30,000 еще не умершихъ отъ ранъ, эти 10,000 больныхъ холерою, вышедшіе изъ турецкихъ госпиталей, всѣ эти больные, истощенные скорбутомъ, диссентеріей и множествомъ другихъ болѣзней, принесли странѣ своей тѣ силы, которыя разъ навсегда были ими утрачены. Изъ 214,000 человѣкъ, проведенныхъ столько времени въ госпиталяхъ и потомъ воротившихся во Францію, по крайней-мѣрѣ, четверть, а можетъ быть и цѣлая половина навсегда остались съ слабымъ и ненадежнымъ здоровьемемъ.

Потери англійской арміи менѣе значительны. Изъ 97,864 человѣкъ, отправленныхъ въ Крымъ, погибло у англичанъ всего 22,182 человѣка; причиной тому было улучшение во вторую половину кампаніи санитарной части и войсковой администраціи. Но болѣзни сильно свирѣпствовали и въ англійской арміи:

Больныхъ горячкою, лихорадкою и другими болѣзнями было	144,410	
Умерло въ госпиталяхъ		16,298
Убито на полѣ сраженія		2,756
Ранено	18,283	
Умерло на морѣ		1,282
Всего	162,693	22,182

Изъ 12,000 войска, отправленнаго въ Крымъ сардинскимъ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ:

убито неприятелемъ	12
умерло отъ ранъ	16
умерло отъ различныхъ болѣзней въ Крыму	1,720
умерло въ босфорскихъ госпиталяхъ	446

Всего . 2,144

Это составляетъ 10%, несмотря на то, что сардинцы не принимали дѣятельнаго участія въ осады.

Потери турокъ могутъ быть опредѣлены лишь приблизительно. Докторъ Шеню полагаетъ, что число турокъ, убитыхъ подъ Севастополемъ, на Дунаѣ и въ Валахіи, простирается до 10,000, число же погибшихъ отъ болѣзней до 25,000.

Потери русскихъ не приведены еще въ совершенную извѣст-

ность. Докторъ Шеню, и за нимъ Леруа Больё, полагаютъ, что въ Крыму и на Дунайъ убито русскихъ 30,000, отъ болѣзней же и ранъ умерло не менѣе шестисотъ тысячъ. Первая цифра, бесспорно, больше дѣйствительной, вторая, вѣроятно, меньше ея.

Въ защиту этой громадной цифры смертности отъ болѣзней, Леруа Больё говоритъ слѣдующее: «Число это, на первый разъ, кажется преувеличеннымъ, но по нѣкоторомъ размышленіи, мы найдемъ, что оно опирается на весьма законныхъ наведеніяхъ. Прежде всего слѣдуетъ взять въ расчетъ значительные рекрутскіе наборы, сдѣланные во время войны: въ теченіе двухъ лѣтъ набрано было въ рекруты пять процентовъ всего податнаго мужскаго населенія, что должно составить громадную цифру, болѣе милліона. Слѣдуетъ припомнить, что болѣшая часть этихъ рекрутовъ, чтобы достигнуть Севастополя, должны были пройти по тысячѣ, даже по двѣ тысячи и болѣе верстъ по мѣстностямъ, въ которыхъ дороги рѣдки и населеніе бѣдно. Слѣдуетъ, наконецъ, припомнить громадныя потери русскихъ въ прежнія войны. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, баронъ Мольтке, въ своей монографіи о войнѣ Россіи съ Турціей въ 1828—29 говоритъ:—Въ десять мѣсяцевъ, съ мая 1828 года по февраль 1829, русская армія, состоявшая изъ 100,000 человѣкъ, насчитывала въ госпиталяхъ и походныхъ лазаретахъ 210,108 случаевъ заболѣванія, то-есть по два случая на человѣка, между тѣмъ, какъ французская армія въ Крыму въ теченіе двухъ лѣтъ насчитывала только 150 случаевъ заболѣванія на 100 человѣкъ. Мольтке прибавляетъ, что во время одной лишь кампаніи 1828 года, русскіе потеряли половину всей своей дѣйствующей арміи. Въ маѣ 1829 года каждую недѣлю въ госпитали вступало по 1,000 человѣкъ; въ іюлѣ въ госпиталяхъ помѣщалось уже сорокъ тысячъ человѣкъ, то-есть почти половина всей арміи; въ пять мѣсяцевъ, съ марта по іюль 1829, умерло отъ болѣзней 28,746; въ слѣдующіе мѣсяцы смертность усилилась, и Мольтке опредѣляетъ потерю русскихъ въ продолженіе этой короткой кампаніи въ 60,000, между тѣмъ, какъ вся отправленная на Дунай армія не превышала 100,000. Только 15,000 человѣкъ могли перейти обратно Прутъ. За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о потеряхъ русскихъ въ крымскую кампанію, мы считали своею обязанностію привести эти цифры, заимствованныя изъ весьма ученаго и замѣчательнаго труда: цифры эти послужатъ намъ для сравненія и оправдаютъ выводъ, сдѣланный докторомъ Шеню. Подобныя громадныя потери весьма обыкновенны для русскихъ войскъ: въ польскую кампанію 1831 года, въ венгерскую войну 1848 года онѣ были, сравнительно, не меньше. Кавказская армія, говорятъ, теряетъ (теряла?) по 20,000 человѣкъ въ годъ, и полагаютъ, что съ того времени, какъ началась борьба русскихъ съ кавказскими горами, Россія потеряла около 500,000 человѣкъ (Quarterly Review, March 1854). Если вѣрять барону Гавстаузену, восторженному поклоннику

Россіи, то въ прежнія времена половина рекрутъ умирала отъ утомленія, болѣзней и тоски, а теперь отъ этихъ же причинъ умираетъ третья часть ихъ. Всѣ эти данныя достаточны для того, чтобы оправдать выводъ доктора Шеню, полагающаго, что крымская война унесла 650,000 русскихъ».

Дѣйствительно, усилія Россіи были громадны: въ теченіе двухъ только лѣтъ (1854—1855) объявлено было четыре рекрутскихъ набора; въ 1854 году сначала взято было по 9 человѣкъ съ тысячи душъ, потомъ по десяти, въ 1855 году объявленъ былъ общій рекрутскій наборъ во всей Россіи, по 10 человѣкъ съ тысячи, и въ томъ же году собрано было ополченіе, для котораго взято по 23 человѣка съ тысячи. Хотя первые два набора были частные, все же каждый изъ нихъ далъ не менѣе 100,000 человѣкъ; общій же наборъ далъ не менѣе 200,000, ополченіе еще болѣе этой цифры. Многіе ли изъ новобранцевъ возвратились на родину, неизвѣстно, но вѣрно то, что тифъ свѣршился, какъ въ южной, такъ и въ западной арміи необыкновенно сильно.

Вотъ что говорить, на основаніи официальныхъ данныхъ, о потеряхъ Россіи въ крымскую кампанію г. Обручевъ въ прекрасной статьѣ своей «Изнашка крымской войны».

Имѣя въ виду, что климатъ древней Дакии (Молдавіи и Валахіи) вредно дѣйствуетъ на войска, въ ней расположенныя, русское правительство, чтобы не повторилась исторія 1828—29 годовъ, приняло важныя мѣры предосторожности: улучшило содержаніе солдатъ, запасло для нихъ лекарства, увеличило штатъ лекарей. Цѣль была отчасти достигнута, ибо смертность въ дѣйствующей арміи въ 1853 году оказалась менѣе значительною, чѣмъ въ 1828—29. Къ 1-му ноября 1853 года въ двухсоттысячной арміи, находившейся подъ начальствомъ князя Горчакова, больныхъ и раненныхъ:

Въ госпиталяхъ и лазаретахъ при войскахъ состояло	7,778
Съ 1 ноября 1853 по 1 ноября 1854 года	
вновь прибыло	262,378
выздоровѣло	159,324
передано въ другіе госпитали	79,711
умерло	15,706
состоить	15,415

Цифра больныхъ относительно двухсоттысячной арміи вышла довольно значительная; но это, воисервыхъ, потому, что лжорядки перажали часто однихъ и тѣхъ же людей нѣсколько разъ, во вторыхъ потому, что одни и тѣ же больные, переходя изъ одной ливніи госпиталей въ другую, вездѣ были отлѣаемы, какъ вновь прибывшіе, и увеличивали собою общій итогъ поступившихъ во всѣмъ госпиталямъ. За то смертность по справедливости можно считать умеренною. Она была бы еще менѣе значительною, еслибы больныхъ можно было удержатъ до выздоровленія въ

тѣхъ госпиталяхъ, куда они первоначально прибыли. Но внезапное отступление русской арміи изъ Дунайскихъ Княжествъ заставило вывести большую часть госпиталей изъ прежнихъ районовъ, больныхъ пришлось перевозить на весьма большія пространства, иногда за 600 верстъ: вотъ причина, почему, несмотря на то, что съ отступленіемъ за Дунай число заболѣвшихъ уменьшилось, смертность увеличилась. Изъ наличнаго числа людей заболѣвало:

въ юлѣ	1 изъ 11,	въ августѣ	1 изъ 12
въ сентябрѣ	1 » 21,	въ октябрѣ	1 » 34

Изъ наличнаго числа больныхъ умирало:

въ юлѣ	1 изъ $26\frac{4}{5}$,	въ августѣ	1 изъ $20\frac{2}{5}$.
въ сентябрѣ	1 » $12\frac{1}{4}$,	въ октябрѣ	1 » $9\frac{6}{7}$.

Только съ прибытіемъ госпиталей на мѣсто, смертность начала уменьшаться.

Край, гдѣ все было устроено для борьбы съ неблагоприятнымъ климатомъ, русскія войска должны были оставить, чтобы вступить въ страну, лишенную необходимыхъ пособій для призрѣнія больныхъ, гдѣ все нужно было создавать заново. Губерніи Херсонская, Таврическая и Екатеринославская заселены очень рѣдко. Здѣсь на 3,700 квадратныхъ миляхъ живетъ всего два съ половиною милліона народа, слѣдовательно, на квадратную милю приходится среднимъ числомъ не болѣе 650 человекъ; война же съ четырьмя державами заставила Россію содержать въ этомъ краю войско въ 250,000 человекъ и до 50,000 больныхъ. Ни помѣщеніе, ни продовольствіе и снаряженіе арміи не могли быть удовлетворены мѣстными средствами: необходимы были подвозы продовольствія изъ далекихъ мѣстъ, но подвозы эти затруднились дурными въ высшей степени дорогами.

Кромѣ этихъ двухъ причинъ, т.-е. недостатка собственныхъ средствъ страны и затруднительности доставки въ нее жизненныхъ припасовъ, были еще многія другія причины значительной смертности въ войскахъ. Самый ходъ войны, сопровождавшійся быстрымъ приливомъ въ госпитали раненныхъ, требовавшихъ особаго ухода, долженъ былъ затруднить положеніе арміи, особенно когда число раненныхъ возрасло до двухъ тысячъ человекъ въ сутки. Трудно было въ подобную печальную пору создать разомъ необходимое для раненныхъ и больныхъ число хирурговъ, врачей, аптекарей, фельдшеровъ, служителей, найти имъ помѣщеніе, одежду, кровати, матрасы, посуду, организовать все это хозяйство и учредить правильный надзоръ за нимъ. Быстрый приливъ раненныхъ долженъ былъ содѣйствовать увеличенію потерь.

Много повредила также русской арміи недобросовѣстность многихъ служебныхъ лицъ, находившихся въ ближайшемъ соприсношеніи съ ранеными. Если бы все, что отпускало арміи государство и жертвовало щедрою рукою народъ, доходило по назначенію, то навѣрное тысячи людей были бы сбережены отечествомъ.

ству. Къ сожалѣнію, при быстротѣ, съ какою должны были фор-мироваться госпитали и этапные пункты, невозможно было подвергать ихъ ежеминутному строгому контролю: и вотъ нашлись люди, которые въ минуту общественныхъ бѣдствій думали больше о собственныхъ интересахъ, чѣмъ о страданіяхъ больныхъ солдатъ и объ интересахъ отечества. Послѣ всего сказаннаго неудивительны слѣдующія цифры: до 1-го ноября 1854 года состояло во всѣхъ крымскихъ госпиталяхъ 10,860 челов., въ томъ числѣ раненныхъ и контуженныхъ было 4,856: вновь прибыло 500,564, въ томъ числѣ раненныхъ и контуженныхъ 191,772.

въ томъ числѣ раненныхъ
и контуженныхъ:

Передано въ другіе гос- питали	273,791	135,485
отчислено въ южн. армію	3,749	979
умерло	48,268	14,671
состоитъ	29,594	8,671

Несмотря на громадность общей цифры 500,000 больныхъ, она несколько не поражаетъ насъ: напротивъ, если отнять отъ нея всѣхъ раненныхъ, то остатокъ въ 300,000 человекъ можно считать весьма умѣреннымъ, особенно принявъ въ соображеніе, что войска, прибывшія въ Крымъ, были изнурены продолжительными переходами, и должны были нести въ Севастополѣ тяжелыя работы; наконецъ самый климатъ полуострова не лишенъ своихъ особенныхъ лихорадокъ. По отзыву французскаго доктора Бодена, капуста и свѣжая говядина предохраняли, сколько могли, русскую армію отъ скорбута. Но многіе жизненные припасы не поступали по назначенію: тысячи пудовъ сухарей гнили при перевозкѣ отъ одного магазина къ другому, въ ожиданіи, чтобы ихъ хоть гдѣ-нибудь приняли. Провіантское вѣдомство, неизвѣстно почему, добровольнымъ приношеніямъ народа предпочитало запасы, заготовленные сполна на счетъ казны.

По вышеприведенной таблицѣ, число раненныхъ въ Крыму простиралось до 200,000, число умершихъ до 68,000. Но эти цифры менѣе дѣйствительныхъ. Число больныхъ и раненныхъ, не лечившихся въ крымскихъ госпиталяхъ, а вывезенныхъ изъ Крыма, составляетъ, какъ видно изъ таблицы, болѣе половины всего числа поступившихъ въ госпитали, а именно 273,791 изъ 500,564. Судьба этихъ вывезенныхъ не приведена въ извѣстность: среди громадной перевозки трудно было соблюсти правильную отчетность. Повозки, переполненные ранеными и больными, двигались иногда сотни верстъ, прежде чѣмъ находили въ какомъ-нибудь госпиталѣ свободное мѣсто для ихъ принятія. Зачастую въ голой степи непогода заставляла эти караваны несчастныхъ; лошади и воли, измученные дурной дорогой, останавливались какъ вкопанные, а вблизи ни жилья, гдѣ бы можно было укрыть больныхъ, ни дровъ, чтобы ихъ обогрѣть, ни пищи, чтобы подкрѣпить ихъ силы. До

стала далеко; лекарю же съ нѣсколькими стѣлками министру и хирургическимъ ножемъ спасать больныхъ было невозможно. Больные должны были, такимъ образомъ, часто пропадать безъ вѣсти, не попадая ни въ одинъ изъ госпитальныхъ отчетовъ: въ одномъ госпиталѣ они были исключены выбывшими, въ другомъ— не были приняты прибывшими, и цифра ихъ исчезала изъ медицинской статистики.

Въ южной арміи, за отбытіемъ части ея въ Крымъ, оставалось 100,000 человекъ. Изъ нихъ къ 1 ноября 1854 г. состояло 3,803, въ госпиталяхъ 13,856, всего 17,159 человекъ. Съ 1-го ноября 1854 г. по 1-е ноября 1855 года

вновь прибыло	211,411
выздоровѣло	154,216
умерло	42,410
переведено въ другіе госпитали	17,899
состоятъ	14,045

Всего значительнѣе смертность отъ болѣзней была въ арміи, расположенной въ Лятвѣ, Польшѣ и Волынской губ. и состоявшей изъ 130—150,000 человекъ. Къ 1 ноября 1854 г. больныхъ холерою, тифомъ, лихорадкой и другими болѣзнями было 22,144. Съ 1-го ноября 1854 по 1 ноября 1855 г.

вновь прибыло	265,853
выздоровѣло	227,651
выведено	5,290
умерло	40,725
состоятъ	14,331

Если изъ общаго числа больныхъ исключить всѣхъ захворавшихъ перемежающеюся лихорадкой и побывавшихъ въ госпиталѣ нѣсколько разъ, то все же больныхъ окажется 200,000, другими словами: вся армія перехворала*. Если же изъ общей цифры умершихъ исключить 8,300, значащихся въ отчетѣ не принадлежащими къ арміи, то за тѣмъ сдѣлаемъ прибавку въ 4,000 на убыль изъ оставшихся еще больными, на выписавшихся изъ госпиталей чахоточныхъ, отправленныхъ на родину, то итогъ

* Замѣчательно распределение больныхъ. Съ 1 ноября 1854 по 1 ноября 1855 года въ арміи, расположенной въ Лятвѣ, Польшѣ и въ Волынской губерніи, захворало:

Перемежающеся лихорадкой	59,406	умерло изъ нихъ	186
Тифозною горячкою	87,452	»	»
Холерой	28,474	»	»
Водяной	12,898	»	»
Поносомъ	16,221	»	»
Изыурительною лихорадкой	4,120	»	»
Чахоткой	6,451	»	»
	<u>159,967</u>		<u>86,986</u>

смертности представится намъ въ видѣ огромной цифры 36,400 человѣкъ.

И такъ русская армія въ крымскую кампанію потеряла убитыми и умершими отъ ранъ и болѣзней, около 148,000 человѣкъ, а именно:

дѣйствующая армія подъ командою кн. Горчакова . . .	15,706
крымская армія	48,268
южная	42,410
западная	36,400
Всего	142,784

Случаевъ же заболѣванія въ ней было болѣе милліона двухсотъ тысячъ. Если къ рѣшенію вопроса о числѣ жертвъ войны приложить методъ доктора Шеню, который, не довольствуясь вычисленіемъ умершихъ во время кампаніи, слѣдитъ за больными и ранеными нѣсколько времени послѣ нея, и вычисляетъ умершихъ отъ ранъ и болѣзней по возвращеніи на родину, то, конечно, получится цифра умершихъ русскихъ гораздо бѣльшая, чѣмъ приведенная нами выше (142,784); но для такого изслѣдованія еще нѣтъ достаточнаго количества официальныхъ данныхъ. Статистика русскихъ военныхъ потерь въ крымскую кампанію—еще въ будущемъ.

И такъ всѣ потери людьми, по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ, простираются до слѣдующихъ цифръ:

	УБИТО:	УМЕРЛО ОТЪ РАНЪ И ВО- ЛЪЗНИЙ:	ВСЕГО ПО- ГИБЛО:
французская армія (1854—56)	10,240	85,375	95,615
англійская » (1854—56)	2,755	19,427	22,182
пьемонтская » (1855—56)	12	2,182	2,194
турецкая » (1855—56)	10,000	25,000	35,000
русская » по д-ру Шеню и Л. Вольѣ (1855—56).	80,000	600,000 (?)	680,000
	83,000	781,934	784,991

Перейдемъ теперь къ матеріальнымъ денежнымъ потерямъ союзниковъ и русскихъ.

Англія старалась покрыть военныя издержки возвышеніемъ налоговъ, не прибѣгая къ займамъ; но не успѣла въ этомъ, и должна была занять не менѣе 41 мил. фунтовъ стерлинг. Государственные же расходы Англіи за все время крымской войны увеличились въ слѣдующей прогрессіи:

	гражданское управ- леніе:	военное управ- леніе:	морское управленіе:
1853	7.044,322	9.685,079	6.640,596
1854	7.638,650	12.397,273	12.182,769
1855	8.435,832	29.377,349	19.014,708
1856	8.392,622	25.049,825	16.013,995
1857	9.839,325	15.107,249	10.390,000

Если принять бюджетъ 1853 года за нормальный (а онъ даже выше прежнихъ бюджетовъ), то окажется, что англійское правительство, благодаря войнѣ, издержало лишнихъ 74.230,468 фунт. стерлинг. или 1.855.761,700 фр.*.

Воинный бюджетъ Франціи на 1854 г. разсчитанъ былъ въ 308.386,046 фр., морской—въ 116.476,001 фр.—цифры, которыя можно считать нормальными. На самомъ же дѣлѣ истрчено въ 1854 году на войско 567.245,687 фр., на флотъ—175.088,126 фр., кромѣ того чрезвычайныхъ расходовъ было въ этомъ году 2.797,301 фр.

	на войско:	на флотъ:	чрезвычайные расходи:
1855 издержано	865.607,477	212.677,474	68.821,804
1856 „	693.153,176	220.163,567	5.555,146
1857 „	410.919,408	188.962,467	4.862,431

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что восточная война обошлась Франціи деньгами болѣе чѣмъ, въ 1,660 мил. франк. **. Всѣ эти издержки не могли быть покрыты займами; правительство должно было прибѣгнуть къ увеличенію налоговъ на спиртные напитки, на пассажирскія мѣста и перевозку тяжестей по желѣзнымъ дорогамъ, на землю (вторая военная десятинна, une seconde décime de guerre), налоговъ, которые долго и послѣ войны тяготѣли, а отчасти и теперь тяготѣютъ надъ народомъ. Самое великое зло, причиняемое войнами, то, что онѣ надолго разстроиваютъ хозяйство народовъ и государствъ.

Лучшимъ доказательствомъ этой истины можетъ служить, между прочимъ, Пьемонтъ. Въ окончательномъ отчетѣ за финансовый 1856 г. значатся слѣдующіе расходы на восточную войну:

по военному министерству	44.948,524
„ морскому „	7.959,062

Всего . . 52.907,568 фр.

И такъ, это небольшое государство, кромѣ своихъ обыкновенныхъ издержекъ на войско, употребило на военныя надобности около 53.000,000, и должно было сдѣлать два займа: одинъ въ 2 мил. фунт. стерл., другой въ 30 мил. фр.

Издержки Турціи не приведены въ извѣстность. Впрочемъ, Пужадъ полагаетъ, что это государство истратило не менѣе 400 мил. фр. (по Кольбу, 740 мил. фр.).

Объ издержкахъ Россіи въ крымскую кампанію можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Отвержденный долгъ Россіи въ началѣ

* На военное вѣдомство издержано было въ 4 года (1854—57) 81.981,696 фунт. ст., на морское — 64.241,462, всего 146.173,158 ф. ст. Если бы не было войны, то на армію издержано было бы 88.740,816 ф. ст. на флотъ около 28.000,000 фунтовъ.

** По Кольбу, 1,722 мил.

1858 года простирался до 336.219,412 руб. серебр.; въ 1857 г. онъ достигъ уже 522 мил. руб. сер. Кромѣ того, кредитныхъ билетовъ до 1853 г. было въ обращеніи около 300 мил. р. с.; въ 1856 году ихъ было уже на 689 мил. руб. сер., въ 1857 г. болѣе 735 мил. р. И такъ, благодаря войнѣ, количество бумажныхъ денегъ увеличилось на 435 мил.; весь же процентный и безпроцентный долгъ на 620 слишкомъ мил. руб.

Кромѣ того, во время войны извлечена была часть металлическаго фонда, предназначеннаго на обезпеченіе кредитныхъ билетовъ (всего извлечено 46½ мил. руб. сер.), и реализована ссуда, выданная Россіей въ 1847 г. французскому правительству, всего 50 мил. фр. Далѣе: правительство нашлось вынужденнымъ употребить на военныя издержки множество вкладовъ, въѣренныхъ различнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, какъ, напримѣръ, Воспитательному Дому. Необходимымъ также оказалось увеличить налоги, напримѣръ, на соль, табакъ и многіе другіе предметы, увеличить и натуральныя повинности. Кромѣ всего этого слѣдуетъ взять въ расчетъ пожертвованія духовенства (святѣйшій синодъ пожертвовалъ, по словамъ Леруа Больё, въ началѣ 1854 г. около 80 мил. фр. или 20 мил. руб. сер.), дворянства и другихъ сословій. Всѣ эти добровольныя приношенія отдѣльныхъ лицъ и сословій оцѣниваются въ 360 мил. фр.

Принявъ въ расчетъ все вышесказанное, можно смѣло положить, что матеріальныя потери русскихъ въ крымскую войну простирались до 4.000.000,000 франк. или до миллиарда рублей серебромъ.

Не только ратовавшія, но и нейтральныя державы должны были увеличить свои бюджеты. Нейтральная Австрія на приготовленія къ войнѣ истратила въ 3 года не менѣе 137.129,000 флориновъ или 343 мил. фр. Пруссія съ тою же цѣлью сдѣлала заемъ въ 30 мил. талеровъ или 112½ мил. франк. (правда, не всѣ эти деньги истрачены были ею на военныя приготовленія). Издержки всѣхъ нейтральныхъ государствъ можно опредѣлить въ 500 мил. франковъ.

Но все сказанное еще не даетъ полнаго и вѣрнаго понятія о дѣйствительныхъ потеряхъ, причиненныхъ крымскою войной. Необходимо обратить вниманіе на застой промышленности и торговли, на беспорядокъ, внесенный войною во всѣ экономическія отношенія народовъ, на пониженіе задѣльной платы, вслѣдствіе прекращенія многихъ работъ. Всѣ эти печальныя явленія, все это уменьшеніе благосостоянія народовъ составляетъ жертву, можетъ быть, несравненно болѣе значительную, чѣмъ прямые расходы государствъ на содержаніе войска въ военное время.

Во время крымской кампаніи всего болѣе пострадали экономическіе интересы Россіи. Никогда, со времени «континентальной системы», русская торговля и промышленность не испытывали на себѣ до такой степени весь вредъ, причиняемый войною. Блѣвада всѣхъ приморскихъ портовъ не позволяла ни привозить въ

Россію, ни вывозить изъ нея товары моремъ; русскіе торговые корабли не могли удалиться отъ защищавшихъ ихъ крѣпостей и гнили стоя на якорѣ. Съ марта 1854 года, ни разу русскій торговый флотъ не показывался ни въ британскихъ, ни во французскихъ портахъ; тѣ же корабли, которые должны были зазимовать на чужбинѣ, были проданы, чтобы непріятель не захватилъ ихъ на возвратномъ пути (Blackwood Magazin 1 avril 1854). Торговые корабли, схваченные союзниками въ Балтійскомъ и Черномъ, даже въ Азовскомъ морѣ, гдѣ суда эти считали себя защищенными флотомъ, были разрушены. Трудно опредѣлить цѣнность этихъ судовъ и ихъ грузовъ; трудно опредѣлить также, на сколько уменьшилась цѣнность тѣхъ кораблей, которые во все время войны оставались въ бездѣйствіи и гнили въ гаваняхъ, не давая никакой прибыли съ затраченнаго на нихъ капитала. Даже нейтральныя торговыя суда не имѣли, во время войны, права входить въ русскіе порты, ни выходить изъ нихъ, если были нагружены русскими товарами. Въ Ригѣ, въ Одессѣ совершенно прекратилась обширная торговля льномъ, пенькой, маслянистыми сѣменами и хлѣбомъ. Правда, многіе изъ этихъ товаровъ могли идти за границу другимъ путемъ; но совершить длинное сухопутное странствіе изъ Одессы въ Марсель или изъ Риги въ Лондонъ не всѣ товары были въ состояніи, особенно же такіе громоздкіе, какъ хлѣбъ, ленъ, пенька. Во всякомъ случаѣ дороговизна провоза ложилась тяжелымъ бременемъ на русской промышленности. Вывозъ изъ Россіи въ Англію, ежегодно составлявшій цѣнность въ 90 мил. руб. сер., совершенно прекратился, и вся вѣшняя торговля была парализирована. Доказательствомъ могутъ служить слѣдующія цифры, взятія изъ Статистическаго Временника Россійской имперіи 1866 года:

	ОТПУЩЕНО ТОВА- РОВЪ:	ПРИВЕЗЕНО ТОВА- РОВЪ:	СОБРАНО ТАМОЖЕН- НЫХЪ ПОШЛИНЪ:
въ 1847 . . .	136.997,591	74.016,101	30.651,337
» 1852 . . .	100.050,760	83.118,372	31.102,759
» 1853 . . .	137.406,637	89.231,205	26.951,560
» 1854 . . .	53.521,635	54.425,194	19.539,288
» 1855 . . .	27.524,534	56.173,434	16.672,755
» 1856 . . .	146.771,894	104.995,425	27.419,959

Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что 1853 и 1854 были урожайные годы, между тѣмъ, какъ Европа чувствовала въ это время недостатокъ въ хлѣбѣ; слѣдовательно, въ 1854 и 1855 годахъ можно было ждать отпуска весьма значительнаго и товаровъ могло бы быть продано на 270 мил. руб. вмѣсто 80 мил. Не говоримъ уже о 30 мил. таможенныхъ пошлинъ, которые не были собраны въ 1853—56 годахъ.

Но всего этого мало; благодаря частымъ наборамъ и сбору ополченія, у всѣхъ отраслей народнаго труда (особенно же у земледѣлія) отнято было гораздо болѣе полумилліона сильныхъ

рабочихъ рукъ. Полагая, что каждый работникъ своимъ трудомъ можетъ создать цѣнность въ 150 руб. сер. въ годъ, получимъ 75 мил. руб. сер., отнятыхъ у народнаго богатства.

Кто можетъ, наконецъ, вычислить ту потерю, на денежномъ и вексельномъ курсѣ, которую начала испытывать Россія уже въ 1853 году, тотчасъ по объявленіи войны? При одномъ извѣстіи объ объявленіи войны между западными державами и Россіей, курсъ на Парижъ упалъ въ Петербургѣ съ 4 фр. на 3 фр. 08 сантим., а въ послѣдствіи падалъ и ниже. Кто можетъ вычислить потери Россіи отъ разстройства всей экономической дѣятельности народа, отъ частныхъ банкротствъ, представляющихъ собою неизбежное слѣдствіе войны?

Конечно, и западныя державы дорого заплатили за свое желаніе повредить Россіи и унижить ее. Торговля и промышленность во всей Европѣ замедлилась; курсъ упалъ; производительность Франціи и особенно Англій уменьшилась, вслѣдствіе уменьшенія вывоза изъ Россіи многихъ сырыхъ продуктовъ: шерсти, льна, пеньки, желѣза. Столь выгодный для Англій молдо-валахскій рынокъ былъ надолго закрытъ для нея; торговля съ Турціею уменьшилась. Кромѣ того, при слудномъ урожаѣ, Англія и Франція нуждались въ хлѣбѣ, котораго Россія въ два года легко могла бы вывезти въ эти страны до двадцати милліоновъ четвертей. Но весь почти русскій хлѣбъ, предназначенный къ вывозу, былъ запертъ въ Одессѣ: союзныя войска, чтобы вредить русскимъ, заставляли голодать своихъ собственныхъ соотечественниковъ. Правда, торійскіе журналы заявляли, что заплативъ нѣсколькими шиллингами за гектолитръ дороже, можно закупить много хлѣба въ Америкѣ; но нѣсколькихъ шиллинговъ надбавки на гектолитръ пшеницы достаточно, чтобы заставить голодать многія сотни тысячъ работниковъ и многія тысячи ихъ оставить совершенно безъ работы. Мы не имѣемъ подъ руками данныхъ объ увеличеніи цѣны хлѣба въ Англій въ 1855 г., но въ 1854 году кварталъ пшеницы стоилъ семьдесятъ два съ половиной шиллинга, между тѣмъ какъ въ 1853 г. — только 53 шил., въ 1852—40 шил. Не ясно ли, что, желая вредить Россіи, союзники вредили и себѣ?

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что восточная или крымская война 1853—56 г. стоила участвовавшимъ въ ней государствамъ гораздо болѣе 8.000.000,000 франковъ, не считая косвенныхъ потерь. Косвенныя же потери опредѣлить трудно, хотя было бы до нѣкоторой степени возможно при лучшемъ состояніи статистики.

Итальянская война (1859 года.)

Относительно итальянской кампаніи нѣтъ такихъ прекрасныхъ статистическихъ трудовъ, какими обладаетъ литература крымской войны. Въ ожиданіи выхода въ свѣтъ новой книги доктора Шеню,

нужно довольствоваться лишь официальными отчетами, составленными на скорую руку и часто противорѣчащими другъ другу*.

По официальнымъ даннымъ, на полѣ сраженія пало французовъ, австрійцевъ и сардинцевъ 8,084 человекъ; ранено же, умерло отъ болѣзней и пропало безъ вѣсти около 55,000 человекъ.

Какъ и во время крымской кампаніи, въ 1859 году гораздо больше солдатъ погибло отъ болѣзней, чѣмъ отъ непріятельскаго огня. «На всемъ пути нашемъ—говоритъ одинъ французскій докторъ—мы сѣмъ людей по госпиталямъ»**. Число французовъ, умершихъ на полѣ битвы и въ походныхъ лазаретахъ, генеральное статистическое бюро опредѣляетъ въ 5,782; число же умершихъ въ госпиталяхъ Италіи въ 4,360, число самоубійцъ — въ 31, итого 10,173 чел. Если къ этой цифрѣ французовъ, погибшихъ въ Италіи, присоединимъ тѣхъ, кои умерли скоро по окончаніи кампаніи во французскихъ госпиталяхъ отъ ранъ и болѣзней, схваченныхъ во время экспедиціи, и тѣхъ, кои умерли отъ сихъ же причинъ въ госпиталяхъ, то цифра прямихъ потерь французской арміи окажется не менѣе 15,000.

Объ австрійской и итальянской арміяхъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; но, судя по тому, что австрійцы были хуже вооружены, что побѣда была не на ихъ сторонѣ, что болѣзни въ австрійскомъ войскѣ свирѣпствовали сильнѣе, недостатокъ въ гигиеническихъ удобствахъ и състныхъ припасахъ былъ ощутительнѣе, чѣмъ во французскомъ, что послѣ сольферинской битвы веронскіе госпитали были переполнены тифозными и другими болѣзнями, что въ итальянской арміи, по наблюденію доктора Казаласа (Cazalas), смертность была значительнѣе, чѣмъ во французской: судя по всему этому, можно положить, что потери австрійцевъ и итальянцевъ простиралась, по крайней-мѣрѣ, до 35,000. И такъ въ итальянскую кампанію безвозвратно погибло около 50,000 человекъ.

Перейдемъ къ денежнымъ потерямъ. Франція издержала на военное и морское вѣдомство въ 1859 году 867 мил. франковъ, что составитъ разницу въ сравненіи съ издержками ея на тѣ же вѣдомства въ мирное время въ 375½ мил. франковъ.

Отъ Австріи война потребовала еще болѣе значительныхъ жертвъ. Въ самый день перехода чрезъ Тичино, вѣнская газета объявила австрійскимъ народамъ, что вѣнскій банкъ уже не обязывается обмѣнивать свои билеты на звонкую монету и что би-

* До какой степени противорѣчатъ иногда другъ другу официальныя цифры, можно судить по слѣдующему примѣру: при Маджентѣ число убитыхъ и раненыхъ нѣкоторыми официальными документами опредѣлилось въ 3,223 человекъ; впоследствии же оказалось ихъ 4,585; убитыхъ и раненыхъ при Сольферино французамъ показано было 8,530, по кождавшимъ же документамъ оказалось, что убито и ранено 11,670 солдатъ и 720 офицеровъ.

** Болѣзни свирѣпствовали въ войскѣ не столько во время самыхъ военныхъ дѣйствій, сколько во время ваятія Ломбардіи и обратнаго похода.

летн эти имѣютъ курсъ принудительный. Въ благодарность за такую снисходительность правительства, банкъ далъ ему займы 134 мил. флориновъ (номинально 200 мил.).

Невозможность прибѣгнуть къ новымъ займамъ побудила правительство возвысить налоги. Венгрія, до 1859 г. освобожденная отъ налога на вино и мясо, должна съ 1859 года платить и этотъ налогъ. Во всей Австрійской имперіи, вино, говядина, пиво, словомъ всѣ предметы, служащіе для пропитанія, обложены новыми пошлинами, такъ что эти необходимые предметы стали уплачивать правительству до 20 процентовъ съ своей цѣнности. Но слѣдуетъ еще замѣтить, что въ странахъ небогатыхъ, гдѣ ббольшая часть народнаго дохода тратится на пропитаніе, такіе налоги несравненно обременительнѣе, чѣмъ въ странахъ, пользующихся высокимъ благосостояніемъ, гдѣ у каждаго отдѣльнаго лица остается много средствъ для удовлетворенія потребностей духовныхъ. Всего тягостнѣе для народовъ Австріи былъ налогъ на соль, падающій, какъ извѣстно, главнымъ образомъ на бѣднѣйшіе классы народонаселенія. Налогъ на соль, значительно увеличенный въ 1850 году, былъ возвышенъ еще декретомъ 7-го мая 1859 г.; съ этого времени бѣднѣйшіе жители Австріи принуждены были уплачивать за потребленіе соли уже не 33, а 85 мил. флориновъ.

Декретомъ 7-го мая увеличены были въ общей сложности на 40 процентовъ пошлины съ купли и продажи, съ отдачи въ наемъ, полученія наслѣдствъ и проч. И все это въ моментъ, когда я безъ того вслѣдствіи гражданскія и экономическія сдѣлки были затруднены, благодаря застою торговли, благодаря колебанію и пониженію курса денежныхъ знаковъ.

Декретомъ 13-го мая возвышены были прямые налоги «на все время чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ войною». Поzemельный налогъ, который отнималъ уже отъ 12 до 16 процентовъ средняго поземельнаго дохода, былъ увеличенъ на одну шестую. То же самое произошло съ налогомъ на наймы (Zinssteuer). Налогъ на дома въ селеніяхъ (такъ-называемый Clausensteuer) былъ увеличенъ на половину; промысловый налогъ, таготвющій надъ фабрикантами, ремесленниками, торговцами, артистами, и подать съ дохода были увеличены на одну пятую. Такія-то матеріальныя лишенія должно было вынести населеніе Австріи для поддержанія чести Габсбурговъ.

Но всего этого мало. Гораздо болѣе чѣмъ отъ увеличенія налоговъ, Австрія пострадала отъ пониженія цѣнности бумажныхъ денегъ. Паденіе цѣнности бумажекъ подчиняется закону, напоминающему законъ паденія тѣлъ по наклонной плоскости. Бумажныя деньги въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ долго держались во время междоусобной войны на 80 — 75%; гораздо скорѣе курсъ ихъ понизился до 50%; наконецъ еще скорѣе онъ упалъ съ 50 до 33 на 100. Еслибы южные штаты Сѣверной Америки могли хоть одинъ годъ продолжать войну, то зеленыя

бумажки навѣрное скоро упали бы до 16 процентовъ, т.-е. отдавались бы за одну шестую часть своей номинальной цѣнности.

Австрія въ 1859 году была не въ лучшемъ положеніи. Ей нужна была звонкая монета, и вотъ изобрѣтается рядъ хитрыхъ мѣръ для того, чтобы сосредоточить въ рукахъ правительства все золото и серебро, вращавшіеся въ имперіи. Правительство, производившее свои уплаты внутри страны бумажными деньгами, потребовало, указомъ 29-го апрѣля, чтобы таможенные пошлины уплачиваемы были звонкою монетою. Торговецъ, который теряетъ на курсѣ, при покупкѣ товара за границей отъ 30 до 50 процентовъ, долженъ былъ еще съ великимъ трудомъ и убытками добывать звонкую монету на уплату таможенныхъ пошлинъ. Подобныя финансовыя мѣры должны были довести государство до банкротства. Поневолю нужно было спѣшить заключеніемъ мира.

Даже по заключеніи виллафранкскаго мира, банкъ не имѣлъ возможности произвести всѣ нужныя уплаты звонкою монетою. Обладая фондомъ всего въ 79 милліоновъ, онъ выпустилъ уже билетовъ на 453 мил. флориновъ. Прибавки къ налогамъ (какъ мы видѣли, весьма обременительныя) были удержаны и на 1860 годъ. Военный бюджетъ, возвысившійся въ годъ войны до 292 мил. флориновъ (480 м. фр.), въ 1860 году простирался еще до 174 м. флор., и только въ 1861 г. приблизился къ своей нормальной цифрѣ.

Если за нормальную цифру военнаго бюджета въ мирное время принять 106 мил. флориновъ, то окажется, что Австрія издержала въ 1859 и 1860 годахъ собственно на итальянскую кампанію 254 мил. флор. — 650 мил. франк. Кромѣ того она на долго разстроила свои финансы, что доказывается постоянными дефицитами, гораздо болѣе значительными послѣ 1859—60 г., чѣмъ до этихъ лѣтъ.

Италія потерѣла отъ войны также не мало. Бюджетъ Сардиніи на 1859 годъ, рассчитанный на мирное время, представляетъ уже дефицитъ въ 12 мил. франк., война увеличила этотъ дефицитъ. Еще прежде начатія военныхъ дѣйствій, правительство заключило заемъ въ 50 мил. лиръ. Въ тотъ самый день, когда вѣнская газета заявила о принудительномъ курсѣ бумажныхъ денегъ (29-го апр. 1859 г.), туринское правительство освободило національный банкъ отъ обязанности производить уплаты по билетамъ этого банка, и такимъ образомъ дало этимъ послѣднимъ принудительный курсъ. За это банкъ далъ правительству взаимн 30 мил. лиръ по 2 процента. Позднѣе та же привилегія дана была генуэзскому банку за 5 мил. Но въ Пьемонтѣ, какъ и въ Австріи, эта финансовая мѣра была лишь началомъ бѣды: необходимо было увеличить налоги, и они увеличены были королевскимъ декретомъ на 10 процентовъ. Несмотря на все это, въ бюджетѣ 1859 г. обнаружился дефицитъ въ 104.399,956 франк. Всѣ же издержки на войну, не считая обыкновенныхъ расходовъ военнаго вѣдомства, простираются до 255 мил. франковъ.

Много издержали на приготовленіи къ войнѣ нейтральныя державы. Пруссія уполномочила министра финансовъ поднять на 25 проц. подоходную подать, налогъ на поможь, на рубку деревьевъ и классную подать. Закономъ 21-го мая правительство уполномочено было дѣлать всѣ чрезвычайныя расходы, какіе потребуются вслѣдствіе ожиданія войны. На основаніи этого закона, правительство и заключило заемъ въ 112¹/₂ мил. франк., которые впрочемъ не всѣ истрачены были на приготовленіи къ войнѣ.

Въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ военный бюджетъ увеличился противъ обыкновеннаго на	9.109,980 франк.
» Гессенъ-Дармштадтѣ	8.560,000 »
» Курфюршество Гессенѣ	6.900,000 »
» Вюртембергѣ	14.980,000 »
» Ганноверѣ	11.500,000 »
» Саксоніи	21.137,718 »
» Баваріи	80.000,000 »

Всего . 152.000,000 франк.

Если къ этой послѣдней цифрѣ присоединить расходы Пруссіи и тѣхъ германскихъ государствъ, о которыхъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, то получимъ не менѣе 220 мил. франковъ. И такъ:

Франція издержала	375 ¹ / ₂ мил. франк.
Пьемонтъ	255 » »
Австрія	650 » »
Мелкія германскія государства и Пруссія	220 » »

Всего . 1,500 мил. франк.

Американская междоусобная война (1862—65 г.).

Ни въ одну изъ войнъ новѣйшаго времени не погибло столько народа, какъ въ американскую. Въ четыре года Сѣверъ призвалъ къ оружію 2.656,000 человекъ. Эта масса людей встрѣтила энергичное сопротивленіе въ миллионѣ южанъ. Чтобы побѣдить южанъ, войско Сѣверныхъ Штатовъ должно было стереть съ лица земли бблшую часть этого миллиона людей.

Въ первый годъ войны, судя по донесеніямъ, доставлявшимся болѣе чѣмъ отъ половины полковъ, число раненыхъ огнестрѣльными оружіемъ простиралось до 17,496; во второй годъ войны (до 30-го іюня 1863 г.), судя по ежемѣсячнымъ отчетамъ, случаевъ получения ранъ было 55,974; въ третій и четвертый годы, списки раненыхъ, составленные на самомъ мѣстѣ битвъ, закладываютъ въ себѣ 114,000 имень. Но всѣ эти отчеты и списки далеко неполны, и необходимо принять, что число раненыхъ сѣверянъ превосходитъ 221,000, не считая 95,000 убитыхъ.

Для сравненія ужасовъ американской войны съ крымскою приведемъ слѣдующія цифры особенно важныхъ членоврежденій.

	Случаевъ разлома бедренной кости.	Случаевъ разсече- нія плечевой кости.
Во французской арміи (1854—5)	459	42
Въ английской » (1854—5)	194	16
» сѣверо-американской арміи (1862—5)	5,000	575

Но за то отъ болѣзней, благодаря заботливости американцевъ о своихъ защитникахъ, погибло гораздо менѣе, чѣмъ у западныхъ союзниковъ въ крымскую кампанію: въ первый годъ войны изъ 290,986 человекъ погибло отъ болѣзней всего 14,183, во второй — изъ 644,508 всего 42,010; продолженіе всей войны умерло отъ болѣзней 184,000. Присоединивъ къ этому числу 97,000 убитыхъ, получимъ 281,000 смертныхъ случаевъ.

Потери Южныхъ Штатовъ несравненно значительнѣе. Въ сожалѣнію, о нихъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Извѣстно лишь, что изъ 1.074,000 ополченія южанъ убито и изувѣчено 680,000, или 63 процен. Если сравнить эту цифру съ населеніемъ южныхъ штатовъ, то она составитъ 10 проц. всѣхъ жителей и 20 проц. всего мужскаго населенія. Такъ-какъ ббльшую часть ($\frac{2}{5}$) изувѣченныхъ можно считать совершенно погибшими для производительнаго труда, то всю потерю южныхъ штатовъ людьми можно опредѣлить въ 520,000.

Финансовыя потери американцевъ весьма значительны. Руссильонъ утверждаетъ, что Сѣверъ истратилъ на войну 14.000,000,000 франк., но эта цифра меньше дѣйствительной, ибо онъ взялъ въ расчетъ не всю ту сумму, на которую увеличился военный и морской бюджетъ Штатовъ въ 1862—5 годахъ. До 1860 г. ежегодныя издержки на эти два вѣдомства не превышали 25 мил. долларовъ, въ 1860 — 61 финансовомъ году онѣ достигли 35 милліоновъ.

Въ 1861—62	437
» 1862—63	662
» 1863—64	776
» 1864—65	1,153
» 1865—66	327

Если предположить, что нормальный расходъ на военное и морское вѣдомства составляетъ 35 мил. долларовъ, то окажется, что правительство передержало въ пять лѣтъ 3.180.000,000 дол., или 17.000.000,000 франковъ. Но къ этой суммѣ слѣдуетъ присоединить добровольныя пожертвованія, которыя къ марту 1864 года составляли уже 1.144.000,000 франк., и жертвы санитарнаго общества — 120.000,000, то получимъ 18.264.000,000.

Изъ этой суммы нечего вычитать; напротивъ, къ ней слѣдуетъ еще прибавить издержки отдѣльныхъ штатовъ, графствъ и дистриктовъ на уплату премій волонтерамъ и на вооруженіе ихъ. Премій были очень значительны и достигали 2,000 дол. (10,700 франк.); половина же ихъ была уплачена не центральнымъ управленіемъ, а штатами, графствами и дистриктами.

Русские утверждают, что правительство выдержало на жалование армии до 1-го июля 1865 года 5.145.000,195 франк., по 1,938 на каждого волонтера. Съ большою достоверностію можно предположить, что отдѣльные штаты выдали имъ такую же сумму. Присоединивъ эти 5,145 мил. къ выше найденнымъ 18,264, получимъ 23,409 мил. франк.

Въ Южныхъ Штатахъ истреблены во время войны почти всѣ оборотные и постоянные капиталы; много капиталовъ, затраченныхъ на промышленность, погубло и въ Сѣверныхъ Штатахъ.

Не говоря о разореніи прекраснѣйшихъ странъ, бывшихъ главнымъ театромъ войны — Виргиніи, Тенесси, Миссури, не говоря о 8.000,000 рабочихъ, отнятыхъ у земледѣлія, промышленности и другихъ отраслей народнаго труда, не говоря объ опустошенныхъ нивахъ, объ оставленныхъ, за недостаткомъ рукъ, плантаціяхъ и о покинутыхъ, за недостаткомъ безопасности, фабрикахъ, не говоря о соженіи громаднѣйшихъ запасовъ хлопка, которыхъ тщетно ждала Европа, не говоря обо всемъ этомъ: во что оцѣнить гибель богатѣйшаго торговаго флота Сѣверо-Американскихъ Штатовъ? Прекрасны суда съ своимъ богатѣйшимъ грузомъ сдѣлались добычею корсаровъ Юга, которые, не допуская эти суда къ роднымъ портамъ, сожигали ихъ въ открытомъ морѣ. Сѣверные штаты должны были продавать за дешевую цѣну корабли свои англичанамъ, и такимъ образомъ денационализировать свой флотъ. Прежде они продавали Англій судамъ по сорокъ въ годъ, въ 1862 году продала 135, въ 1863 г.—338; о 1864—65 г. нѣтъ свѣдѣній, но извѣстно, что эти годы были самые разорительные для торговли союза. Въ 1860 г. двѣ трети транспорта перевозилось въ Америку и изъ Америки на собственныхъ корабляхъ Штатовъ; въ 1863 году—только одна треть (*Revue des deux Mondes*, 1864, 1 juillet). Но это было еще начало бѣдствій.

Отъ междоусобной американской войны пострадала и Европа: хлопчатобумажная промышленность Англій и другихъ государствъ подверглась кризису, о силѣ котораго можно судить по тому, что около миллиона рабочихъ въ Европѣ занято этою отраслью труда. Благодаря смутамъ въ Америкѣ, уже въ августѣ 1861 года, число часовъ работы на ланкаширскихъ фабрикахъ было уменьшено, плата понизилась, и множество народа осталось безъ работы. Чтобы судить о количествѣ работниковъ, поневолѣ оставившихъ фабрики, достаточно привести слѣдующія цифры: до 1860 года, Европа потребляла до 100,000 тюковъ хлопка въ недѣлю; во время же кризиса только 7,000 тюковъ въ недѣлю. Въ 1863 году, ввозъ хлопка въ Англійю по цѣнности (3 милліона фунт. стерл.) превзошелъ ввозъ его въ 1861 г.; но по количеству былъ вдвое его меньше. Необходимо было выписывать дорогій хлопокъ изъ Индіи и Египта, и приплачивать за него много звонкой монеты. Вслѣдствіе этого, учетный процентъ англійскаго банка поднялся съ 3-хъ (въ началѣ 1863 г.) до 8°/о

(въ концѣ того же года). 1863-й годъ былъ особенно тяжелъ для рабочихъ, занятыхъ, обыкновенно, на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ. По меньшей мѣрѣ, 100,000 человекъ остались совершенно безъ работы; число же тѣхъ, плата которымъ уменьшилась, благодаря кризису, навѣрное втрое, даже вчетверо больше. Ясно, что и смертность въ этой массѣ народа должна была увеличиться и число проступковъ. Таковы бѣдствія, причиненныя войной за 8,000 верстъ отъ театра военныхъ дѣйствій.

Можно было бы привести еще рядъ цифръ, и все еще не исчерпать воли, причиненныхъ междоусобною войною: а между тѣмъ, на выкупъ всѣхъ невольниковъ въ Южныхъ Штатахъ, по тысячѣ франковъ за душу, считая женъ и дѣтей, потребовалось бы всего 4.000.000,00Q франковъ.

Шлезвигская война (1864 г.).

1-го февраля 1864 г., союзная армія перешла Эйдеръ въ числѣ 60,000 человекъ; одну треть ея составляли австрійцы, а двѣ трети — пруссаки. Австрійскій корпусъ не былъ увеличиваемъ во все время кампаніи, прусскій же увеличенъ до 63,000. Потери пруссаковъ были слѣдующія:

убитые въ сраженіяхъ и умершіе отъ ранъ	738 человекъ
умершіе отъ болѣзней и разныхъ случайностей	310 »
В с е г о	1,048 »

Итакъ, въ прусской арміи смертность составляла 1,6% всей дѣйствующей арміи. Число убитыхъ и раненыхъ распределяется слѣдующимъ образомъ:

	ранено	убито
при Миссунде	206	59
» Дюпелъ	1,780	550
» Альзенъ	354	104

Благодаря филантропической дѣятельности «общества вспоможенія больнымъ и раненымъ», смертность отъ болѣзней была незначительна: заболѣло въ арміи 26,717, умерло только 310 человекъ.

У датчанъ, отъ огнестрѣльнаго оружія, погибло 1,500 ч., заболѣло 31,575, умерло отъ болѣзней 756.

Денежныя потери труднѣе вычислить, ибо европейскія правительства не привыкли къ такой строгой и гласной отчетности, какъ правительство Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Известно, что Австрія и Пруссія вознаградили себя, конечно, не вполне, контрибуціею; долгъ же Даніи, простирившійся передъ войною до 100.217.573 риксдалеровъ, къ 31-го марта возросъ до 132.110,802 риксд. Если присоединить къ этому еще военную контрибуцію и долгъ отнятыхъ у Даніи герцогствъ, принятый этииъ государствомъ на себя, то получимъ не менѣе 180.000,000 франковъ.

Германская война (1866 г.).

Въ прусской арміи ранено 16,177 ч., убито 4,450, умерло отъ тифа и другихъ болѣзней 6,427 чел., всего погибло 10,877. Но эти цифры еще неполны.

Австрійская армія состояла изъ 646,636 человекъ, изъ которыхъ 407,223 были на театрѣ войны. По официальнымъ даннымъ, потери австрійцевъ въ августѣ 1866 г. были слѣдующія: убито 10,994 ч., ранено 29,304 ч., всего вышло изъ строя 43,743 человекъ. Но цифры эти далеки отъ дѣйствительныхъ: число убитыхъ навѣрное слѣдуетъ увеличить вдвое; изъ 29,304 раненыхъ, которые оставались еще въ живыхъ въ августѣ 1866 г., по крайней-мѣрѣ, тысячъ пять умерли отъ ранъ вскорѣ по окончаніи войны: мы видѣли, что докторъ Шеню насчиталъ 15,000 французовъ, умершихъ отъ ранъ по возвращеніи изъ Крима на родину.

О числѣ больныхъ и умершихъ отъ болѣзней, нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Если пруссаковъ погибло отъ болѣзней не менѣе 6,000 чел., то австрійцы навѣрное потеряли гораздо болѣе: войско австрійское было такъ же утомлено; порядка же въ немъ было меньше, чѣмъ у пруссаковъ. Притомъ же, глубокая деморализація австрійской арміи способствовала развитію въ ней эпидемій. Въ ожиданіи болѣе полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, можно положить потерю австрійцевъ въ 20—25,000 ч.

О числѣ убитыхъ и раненыхъ саксонцевъ, баварцевъ и ганноверцевъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; но можно положить, что всѣ второстепенныя германскія государства потеряли во время кампаніи 1866 года 3,000 человекъ.

Итальянцевъ, при Кустоцѣ, убито 951 чел., ранено 2,909 ч., взято въ плѣнъ 4,252 чел.; при Лиссѣ убито 743 чел., ранено 155 человекъ. Но въ этотъ расчетъ не вошли потери волонтеровъ, навѣрное довольно значительныя. Если присоединить ихъ, то окажется, что отъ непріятельскаго огня погибло итальянцевъ не менѣе 3,000 человекъ. Отъ болѣзней, несмотря на непродолжительность кампаніи, столько же.

И такъ: пруссаковъ погибло	11,000
австрійцевъ "	20—25,000
нѣмцевъ мелкихъ нѣмецк. государствъ	3—4,000
итальянцевъ	6,000

В с е г о 40—50,000

Финансовыя потери. Уже въ первыхъ числахъ мая 1866 г., австрійское правительство стало выпускать на военныя надобности билеты въ 1—5 флоринновъ, и выпустило ихъ на сумму въ 150.000,000 флор. Закономъ 7-го іюля, министерство уполномочено было открыть заемъ въ 200.000,000 флор. Можетъ быть,

не вся эта занятая сумма истрачена была непосредственно на войну; но все же, кампанія 1866 г. поглотила не менѣе 600.000,000 франковъ, не считая контрибуціи въ пользу Пруссіи.

Пруссія истратила на войну 400.000,000 франковъ, изъ которыхъ половина возвращена ей въ видѣ контрибуціи. Для покрытія военныхъ издержекъ, Пруссія должна была ввести обременительный налогъ на движимыя имущества и заключить два обременительные займа: одинъ въ 250, другой, принудительный, въ 350 мил. франковъ.

Второстепенныя германскія государства: Ганиверъ, Гессенъ, Вюртембергъ и Саксонія издержали не менѣе 250 мил.

Итакъ, сумма всѣхъ денежныхъ потерь простирается до 1,650 мил. франк. Но какъ въ прежнія войны, такъ и въ эту, непосредственныя денежныя потери незначительны въ сравненіи съ лишеніями, которымъ подвергаются воюющіе народы отъ чрезмѣрнаго накопленія бумажныхъ денегъ, отъ принудительныхъ займовъ и несправедливыхъ налоговъ. Австрія, только что оправившаяся отъ денежнаго кризиса, только что отмѣнившая въ 1858 году принудительный курсъ, снова возвратилась къ нему въ 1859 г. Въ 1866 г. она уплатила значительную часть своихъ обязательствъ банку и готова уже вновь отмѣнить принудительный курсъ, какъ снова обременяется бумажными деньгами, увеличиваетъ налоги и усиливаетъ свое экономическое разстройство.

Пруссія, столь цвѣтущая и сильная, обѣдѣла въ теченіе шести недѣль. Съ самаго начала мая 20,000 работниковъ въ Берлинѣ оставалось безъ работы; по объявленіи же войны, ремесленники, профессора, банкиры, земледѣльцы, торговцы были отвлечены отъ своихъ занятій. Объявивъ войну, правительство установило всеобщій прогулъ, длившійся два мѣсяца. Множество мастерскихъ и школъ было закрыто; множество торговцевъ и промышленниковъ обанкротилось. Число банкротствъ въ Берлинѣ доходило до 25 въ день; прежде столько бывало въ недѣлю.

Небольшія германскія государства Германіи пострадали также не мало. Всѣ работы, предпріятыя для общественной пользы, прекратились или замедлились. Заемъ, только что заключенный Ваденомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, употребленъ на военныя издержки (такъ же, какъ въ 1859 г.). Всѣ мелкія государства, дѣлавшія прежде долги съ производительною цѣлію, стали заключать теперь займы для непродуманнаго употребленія—на войну.

И ко всему этому раззореніе селеній, произвольныя контрибуціи, содержаніе чуждыхъ войскъ; ко всему этому раззореніе Богеміи, въ которой столько времени стояло и сражалось до 600,000 солдатъ!

Ударъ, нанесенный Германіи войною 1866 года, отдался во всей Европѣ. Военная горячка заразила Европу: всюду заговорили о новыхъ ружьяхъ, о чудовищныхъ орудіяхъ, о пушкахъ-великанахъ, о пушкахъ-карликахъ, объ увеличеніи армій; всюду

набираются вновь рекруты, заключаются новые займы, вводятся новые налоги. Государства, помнящія прежде объ уменьшеніи своихъ армій, хлопотуть уже объ увеличеніи ихъ. Военный бюджетъ европейскихъ государствъ увеличивается.

Итакъ, увеличеніе бюджета воевавшихъ государствъ на 1,650 милліоновъ франковъ; 45,000 убитыхъ; раззореніе Австріи и Италіи — вотъ чего стоила германская война 1866 года.

Даже и послѣ войны промышленность и торговля, даже нейтральныхъ государствъ, долго чувствовали и чувствуютъ на себѣ ея вліяніе: капиталы прячутся въ банкъ, вмѣсто того, чтобы оплодотворять производство: это потому, что даже удаляясь, война оставляетъ свой приврасть, который долго еще пугаетъ народы и заставляетъ ихъ опасаться новыхъ бѣдъ.

ДАЛЕКИЯ ЭКСПЕДИЦІИ ФРАНЦУЗОВЪ.

О смертности въ европейскихъ войскахъ во время китайской, кохинхинской и санъ-домингской экспедицій французовъ нѣтъ свѣдѣній. Но мы можемъ составить хотя приблизительное понятіе объ этой смертности, если примемъ въ расчетъ, что 1) европейцы въ этихъ экспедиціяхъ подвергаются дѣйствию весьма вреднаго для нихъ климата и часто подвергаются желтой лихорадкѣ, тифу, болотной лихорадкѣ; 2) что они должны вести борьбу съ партизанскими отрядами туземцевъ и дѣлать постоянныя форсированныя марши; 3) что сопротивленіе, оказанное европейцамъ въ Кохинхинѣ и особенно въ Мехикѣ, было весьма упорно, и что наконецъ 4) европейцы въ этихъ дальнихъ экспедиціяхъ чувствовали всегда недостатокъ въ средствахъ для доставленія себѣ нужныхъ жизненныхъ припасовъ и особенно гигиеническихъ удобствъ.

Что касается до денежныхъ потерь, то о нихъ мы можемъ составить себѣ болѣе точное представленіе.

Мексиканская и кохинхинская экспедиціи, по официальнымъ свѣдѣніямъ, стоили 301 мил. франк., но Беррье утверждаетъ, что одна мексиканская экспедиція обошлась въ 600 милліоновъ.

Китайская, кохинхинская и ливанская войны обошлись Франціи по крайней мѣрѣ въ 300 мил.; всѣ же отдаленныя экспедиціи стоили одной Франціи не менѣе миллиарда.

Итакъ войны, начатыя и оконченныя въ послѣдніе 15 лѣтъ, стоили слѣдующихъ жертвъ: а) людьми:

Крымская война.	784,991	человѣкъ.
Итальянская.	45,000	»
Шлезвигская	3,500	»
Германская, 1866	45,000	»
Американская	800,000	»
Отдаленныя экспедиціи французовъ	65,000	»

Всего . 1.742,592 человекъ.

б) деньгами:

Крымская кампанія	8.500,000,000	франковъ.
Американская	35.000,000,000	»
Итальянская	1.500,000,000	»
Шлезвигская	180,000,000	»
Германская, 1866	1.650,000,000	»
Далекія экспед. француз.	1.000,000,000	»

Всего, около . 47.830,000,000 франковъ.

Но въ этотъ расчетъ не вошли потери испанцевъ въ ихъ далекихъ экспедиціяхъ, потери южно-американскихъ республикъ въ ихъ кровопролитныхъ войнахъ между собою, потери Мексики въ борьбѣ съ французами, потери русскихъ и поляковъ во время усмирения послѣдняго польскаго возстанія, утраты русскихъ и кавказскихъ горцевъ въ послѣднее время борьбы на Кавказѣ, и наконецъ жертвы русскихъ для завоеваній съ Средней Азіи. Но и приведенныя здѣсь цифры поразительны. Какую массу добра можно было бы совершить трудомъ этихъ сотенъ тысячъ людей, при содѣйствіи громаднаго капитала въ 48 миллиардовъ, представляющаго собою стоимость столькихъ милліоновъ дней труда. Какое было бы великое благо для человѣчества, еслибы люди, вмѣсто того, чтобы вести междоусобныя войны (а рѣшительно всякая война есть—если только ничто человѣческое не чуждо человѣку—междоусобная), соединились для единственно полезнаго войны противъ бѣдности и невѣжества.

В. Покровский.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Нѣчто о радикализмѣ. — Дѣтнія извѣстія о голодѣ. — Приходъ и расходъ. — Отвѣтъ санктпетербургскаго оберъ-полиціймейстера на запросы о возрастающей дороговизнѣ. — Г-жа Вельшева, г. Рени и отецъ Кирилъ. — Архангельскія коимбельи и мѣстный публицистъ. — Отечественная заботливость и частная предприимчивость. — Мнѣнія и соображенія владимірскаго епархіальнаго начальства о пользѣ централизаціи. — Выборы благочиннаго.

Въ каждомъ устроенномъ и даже неустроенномъ обществѣ во всякое время существуетъ нѣсколько разныхъ, такъ-называемыхъ, нравственныхъ, соціальныхъ, политическихъ и другихъ ученій, или доктринъ. Всѣ эти ученія имѣютъ своихъ послѣдователей и всѣ, какъ извѣстно, стремятся къ одной общей цѣли—ко благу человѣчества; только средства, предлагаемыя каждымъ, бываютъ различны и даже иногда враждебны другъ другу. По различію этихъ средствъ различаются и самыя ученія. Притомъ всегда выходитъ такъ, что одно какое-нибудь ученіе, въ извѣстное время, считается господствующимъ и всѣми мѣрами поощряется и распространяется, другое—если не поощряется, то и не преслѣдуется, и третье, наконецъ, всячески преслѣдуется и искореняется. Каждая изъ этихъ трехъ категорій отличается своимъ

характеристическими свойствами. Тагъ, напримѣръ, отличительная особенность нѣкоторыхъ ученій состоитъ въ томъ, что они рано или поздно вытѣсняють всѣ прочія и обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что изъ гонимыхъ превращаются въ господствующія. Процессъ созрѣванія идей и вытѣсненіе однихъ ученій другими есть фактъ, неизмѣнно повторяющійся въ исторіи и поражающій своимъ непреклоннымъ однообразіемъ.

Время, переживаемое нами въ настоящую минуту, составляетъ одинъ изъ эпизодовъ этой вѣковѣчной борьбы. Въ настоящую минуту, повидимому, наступаетъ именно то время, когда господствующій строй понятій уже начинаетъ мало-по-малу сдаваться и уступаетъ мѣсто другому, еще слабому, еще мало распространенному, но уже успѣвшему завоевать себѣ право существованія и имѣющему передъ собою будущность. Отличительный признакъ этого новаго направленія состоитъ въ томъ, что оно ужъ слишкомъ дальновидно и въ то же время беспощадно-последовательно. Въ этихъ двухъ свойствахъ лежитъ залогъ неоспоримаго торжества его въ дальномъ будущемъ, въ нихъ его сила и громадное преимущество передъ прочими; эти же свойства служатъ постояннымъ источникомъ всевозможныхъ неприяностей, которымъ подвергаются его послѣдователи. Въ заголовкѣ новаго ученія стоятъ, между прочимъ, такого рода тезисы: «Прежде всего не обманывайте самихъ себя. Счастье само собою не приходитъ: нужно его создать. Оно должно состоять въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми, а этому надо учиться. Зло необходимо уничтожать въ корнѣ. Когда отыскана ближайшая, частная причина зла, слѣдуетъ искать причину этой причины и т. д. до тѣхъ поръ, пока не отыщется отдаленная общая и, слѣдовательно, главная причина». Эти положенія ни для кого никогда не составляли секрета и, повидимому, даже не должны были бы встрѣтить возраженій, но, къ удивленію, вышло совсѣмъ напротивъ. Это, впрочемъ, объясняется очень просто. Людямъ вообще не нравятся разсужденія, имѣющія свойство безпрестанно тревожить мысль и колебать увѣренность ихъ въ томъ, что все дѣлается какъ слѣдуетъ и притомъ само собою, и притомъ именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ нужно, то-есть что все идетъ къ лучшему. Этого *лучшаго* всѣ до единого ждуть и желаютъ; но никто не хочетъ подумать о томъ, что для наилучшихъ цѣлей требуются и наилучшія средства. Напротивъ, большинство убѣждено, что наилучшія цѣли достигаются наилучшими средствами. Какъ ни нелѣпо кажется такое убѣжденіе, тѣмъ не менѣе оно существуетъ и даже очень распространено въ нашемъ обществѣ. Логика жизни на всякомъ шагѣ, самымъ нагляднымъ образомъ смѣется и ругается надъ нимъ, но большинство этого не видитъ, не замѣчаетъ, не хочетъ замѣчать. Не хочетъ замѣчать, во первыхъ, потому, что это несприятно, а во вторыхъ, потому, что всякое положеніе, всякое дѣло, всякій фактъ, самую жизнь, наконецъ, можно натагивать, ната-

гивать, можно очень долго натягивать. А время идетъ между тѣмъ, все идетъ. Извѣстно, что человѣка, занятаго натягиваніемъ, ничѣмъ нельзя такъ обидѣть, какъ сказать ему, что онъ натягиваетъ; а господа пропагандисты всѣхъ новыхъ ученій обыкновенно съ этого начинали, мало того, они ставили себѣ въ священнѣйшую обязанность, какъ можно чаще напоминая своимъ согражданамъ о томъ, что это занятіе вредно и что неизбежнымъ слѣдствіемъ всякаго неумѣреннаго натягиванія рано или поздно бываетъ разрывъ. «Сколько ни натягивайте — говорили они — сколько ни громоздите заблужденій одно на другое, все-таки рано или поздно должно же прійти такое время, когда всѣ ваши натяжки перелопаются, заблужденія обнаружатся и по этому случаю произойдетъ великій скандалъ...»

Понятно, что люди, посвятившіе себя подобнымъ напоминаніямъ, не должны были рассчитывать на распростертія объятія. Да они и не рассчитывали: они знали всегда, что большинство убѣждается только собственнымъ опытомъ и чувствуетъ непреодолимое отвращеніе ко всякому правильно построенному силлогизму. Они это знали. Кромѣ того, они знали еще, что всему бываетъ конецъ. А большинство этого не знало, оно было увѣрено, что конца не будетъ никогда. И вдругъ пришелъ конецъ!...

Страшное народное бѣдствіе, такъ неожиданно для большинства постигшее наше отечество, является самымъ убѣдительнымъ, самымъ неотразимымъ аргументомъ противъ теоріи натяжекъ.

Еще въ концѣ прошлаго года, когда газеты такъ усердно зывали о помощи и со всѣхъ сторонъ щедро сипались мѣдные гроши въ пользу голодающихъ, еще въ то время самые благо-разумные люди недоувѣрчиво смотрѣли на эти приношенія и говорили, что изъ этого ничего не выйдетъ. Оно такъ и вышло: теперь только оказалось, что добровольныхъ приношеній не хватило не только на обсеменение полей, но даже на прокормленіе народа.

Изъ сѣверныхъ и остзейскихъ губерній постоянно получаютъ жалобы на то, что хлѣба нѣтъ, что ѣдятъ мякину, мохъ, древесную кору, пухнуть и умираютъ отъ голоднаго тифа; во многихъ, даже и въ южныхъ губерніяхъ овими посохли, травы погорѣли, яровые не всходили, потому что сѣмена были дрянныя, лежалыя, или слишкомъ поздно посеяны. Кромѣ того, стали обнаруживаться разныя злоупотребленія: оказывается, напримѣръ, что сѣмена, назначенныя къ отсылкѣ въ сѣверныя губерніи *еще съ января*, лежали въ Москвѣ *до іюля* на дождѣ и сгнили въ ожиданіи отправки.

Разсужденія и споры о томъ, какъ слѣдуетъ выдавать пособия—заимообразно, или безвозмездно, на долгіе, или на короткіе сроки—не привели рѣшительно ни къ чему, и такъ и остались одними разсужденіями. Мѣры, принятныя земствомъ, для продовольствія голодающихъ и обсемененія ихъ полей—большую частью при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительными нуж-

дами народа, совершенно измѣнили свой характеръ: оказалось, что съ голодными никакихъ сдѣлокъ и условій заключать невозможно, или лучше сказать, голодные идутъ на всевозможныя сдѣлки и соглашаются на какія угодно условія. Заимообразно, или безвозмездно, на долгій, или на короткій срокъ — имъ рѣшительно все-равно, дали бы только хлѣба. Продажа по пониженнымъ цѣнамъ вовсе не состоялась и наконецъ, просто, превратилась въ раздачу милостини, потому что «голодь въ еѣ-которыхъ мѣстностяхъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что хлѣбъ и по самой дешевой цѣнѣ не находится покупателей: у истощеннаго народа нѣтъ ни силъ для работы, нѣтъ имущества для продажи, чтобы на вырученныя деньги купить хлѣба для умирающей семьи. Въ Новгородской губерніи, напримѣръ, «бывали случаи, что во время продажи хлѣба, заготовленнаго земскими управами, крестьяне привозили на себѣ въ дровняхъ дѣтей въ городъ и грозили бросить ихъ въ прорубь, если не получатъ безденежно хлѣба, потому что у нихъ лошади и скотъ проданы были на прокормленіе, а отойти отъ семьи на заработокъ и бросить ее на голодную смерть не было никакой возможности». Къ прежнимъ бѣдствіямъ голода съ наступленіемъ лѣта присоединились новыя: голодный тифъ, падежъ скота, пожары и печальный рядъ разочарованій, относительно будущаго урожая. Надежда на посланный хлѣбъ съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, остается одна *самая послѣдняя* надежда, соломенная, за которую еще можно ухватиться, надежда на собственные силы, на заработки. Но каковы эти заработки, можно судить по слѣдующему письму изъ Бѣлозерскаго уѣзда.

«Виды на урожай хотя съ весны и были здѣсь хорошіе, но теперешняя засуха можетъ перевернуть все дѣло. Яровныя озими идутъ очень худо, и если не будетъ дождей, дѣло будетъ худое—будетъ опять сильная нужда.

«О размѣрѣ ея, въ настоящее время, въ сѣверной полосѣ Россіи можно судить по тому, что въ Бѣлозерскѣ на путинныя заработки собираются цѣлыя толпы народа; а вѣдь эта работа, своего рода, почти каторга. Путинныя тануть лямкой суда отъ Бѣлозерска до Вытегры. Разстояніе здѣсь около 170 верстъ; но идти его, по случаю сквернаго устройства шлюзовъ, не менѣе 14 дней, а въ караванѣ не менѣе 25 дней. Путинный, прежде чѣмъ найдетъ работу, долженъ прожить въ Бѣлозерскѣ отъ 5 до 7 дней, платя по 16 к. въ сутки за содержаніе, итого отъ 80 к. до 1 р., а за тѣмъ онъ рядится за 2 р. на всю путину; вычитъ проѣденныя 80 к., да на обратную дорогу 50 к., выйдеть, что путинный за тяжелую работу на протяженіи 170 верстъ получитъ всего 70 к. сер.. т.-е. менѣе $\frac{1}{2}$ коп. за версту, или около 5 коп. въ сутки».

«Въ маѣ мѣсяцѣ черезъ г. Зѣньковъ проходили толпы народа изъ Суражскаго и Мглинскаго уѣздовъ Черниговской губерніи на заработки въ *стеть*, по ихъ выраженію, въ Новороссію,

особенно въ Азовскому морю. Продовольствуясь подавніемъ, они жаловались, что неурожай гонать ихъ отъ родины, гдѣ малыя дѣти *пообсыпались* (т.-е. поумирали), а старыя не выдержали дурнаго хлѣба съ разной соломой, маиной и древесной корой—и сложили свои кости отъ голода. Про снабженіе же ихъ хлѣбомъ отъ земства говорили, что по волостнымъ правленіямъ завелось такіе порядки, что кто давалъ только взятку писарямъ да старшинамъ, тотъ только и получалъ хлѣбъ въ осуду, а бѣдный «хоть ложись, да умирай!»

«По случаю этихъ продѣлокъ «завелось, по жалобамъ народа, превеликое дѣло и пошло на судъ до высокихъ судовъ».

Но даже и на эти заработки немногіе имѣли возможность уйти, остальные сидѣли дома и все еще чего-то ждали. Наконецъ поднялись цѣлыя селенія и пошли, самовольно, безъ письменныхъ видовъ, пошли куда-то очертя голову искать хлѣба.

«Съ конца апрѣля по конецъ мая ежедневно таялись партіи переселенцевъ изъ Полтавской и Черниговской губерній, отъ 50 до 100 человекъ, въ видѣ обозовъ, нагруженныхъ незавиднымъ домашнимъ скарбомъ и дѣтьми, на Кубань, за Кубань и въ Ставропольскую губернію. Замѣтно было, по рассказамъ ихъ, что они шли съ полной вѣрой на лучшую будущность въ новыхъ мѣстахъ, обещающихъ имъ лучшую или же въ достаточномъ количествѣ—отъ 10 до 15 дес. на ревизскую душу—землю, которая дастъ имъ болѣе хлѣба».

Изъ Архангельской губерніи тоже было-тронулись, но ихъ вернули и водворили на мѣсто жительства.

Такимъ образомъ видно, что бѣдствіе, постигшее Россію, состоитъ главнымъ образомъ не въ томъ, что огромная масса людей голодаетъ, а въ томъ, что этой массѣ *нельзя помочь*; нѣтъ людей, нѣтъ средствъ, нѣтъ возможности привести въ исполненіе эту помощь, хоть бы даже она и была готова. Но она даже и не готова. 1,600,000, собранные въ полгода, это капля въ морѣ, даже въ сравненіи съ тѣми суммами, которыя раздавало правительство въ прежніе голодные года. Притомъ вопросъ главнымъ образомъ не въ деньгахъ. Какъ деньгамъ не быть! Вопросъ о голодѣ — это вопросъ, колеблющій и вызывающій къ отвѣту всѣ не только экономическія, но и нравственныя стороны народной жизни, а потому относится къ нему съ легкой филантропической точки зрѣнія, это значить не понимать его громаднаго соціальнаго значенія. Отсюда слѣдуетъ, что до тѣхъ поръ, пока вопросъ о голодѣ не будетъ прямо поставленъ на радикальную почву, до тѣхъ поръ его не только рѣшить, но даже и понять какъ слѣдуетъ невозможно.

Первая слабая попытка правильной постановки этого вопроса была сдѣлана недавно, а именно, въ послѣднемъ засѣданіи С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія, однимъ изъ уѣздныхъ гласныхъ, г. П. Къ сожалѣнію, эта попытка такъ и осталась копыткою и нашла поддержку только въ одномъ лицѣ; осталь-

ние же члены собранія, какъ видно, не вдумались въ сказанное и потому отнеслись въ нему холодно. Заявленіе г. П. состоялось въ слѣдующемъ:

Напомнивъ о бѣдствіяхъ неурожаа, постигшаго Петербургскую губернію, онъ указалъ, что эти бѣдствія должны невыгодно отразиться на платежныя средства населенія. «Я опасюсь, сказалъ онъ, что наши средства окажутся несоразмѣрными съ нашими обязанностями. Поэтому намъ необходимо знать эти средства. На насъ налагаются обязательныя повинности; кромѣ того мы сами предпринимаемъ различныя расходы, даемъ жалованье управѣ, но, быть можетъ, платить будетъ не изъ чего. Чтобы знать, чѣмъ мы располагаемъ и соразмѣрять наши расходы со средствами, намъ нужно разрѣшить вопросъ о томъ, могутъ ли источники земскаго налога выносить всѣ лежащія на нихъ сборы. Я предполагаю, что они не могутъ выносить платежей, обусловленныхъ нашими громадными смѣтами, размѣръ которыхъ все увеличивается. Вотъ почему я предложилъ бы собранію поручить губернской управѣ, чтобы она, по сношенію съ управами уѣздовъ, представила, на основаніи собранныхъ данныхъ, свои соображенія о томъ, соотвѣтствуютъ ли платежныя средства населенія Петербургской губерніи лежащимъ на немъ расходамъ».

Предложеніе это, однако, не было поддержано собраніемъ. Тѣ изъ гг. гласныхъ, которые ему возражали, видѣли въ немъ желаніе собрать какія-то статистическія свѣдѣнія, для чего, по ихъ мнѣнію, необходимо было бы учредить особую комиссію и израсходовать много денегъ. При этомъ гласные Гдовскаго уѣзда Ш. и О. высказали, что ничто не указываетъ на такое мрачное положеніе дѣлъ, какое представляетъ себѣ П. Баронъ Ф. съ своей стороны замѣтилъ, что въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя считаетъ нужнымъ собрать г. П., нѣтъ необходимости, такъ-какъ у земскаго собранія будетъ смѣта, изъ которой оно увидитъ «приходъ и расходъ». Когда П. замѣтилъ, что изъ смѣты никакого прихода видѣть нельзя, то баронъ Ф. возразилъ, что, вѣроятно, П. недостаточно знакомъ съ составленіемъ смѣты. На это П. разъяснилъ, что въ смѣту вносятся только всчисленныя повинности и ничего болѣе, затѣмъ къ смѣтѣ прилагается раскладка, т.-е. разверстаніе повинностей между плательщиками. Еслибъ, сказалъ онъ барону Ф., въ земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ расходъ производился по приходу, то съ вашимъ мнѣніемъ можно было бы согласиться, но, къ сожалѣнію, у насъ доходъ назначается по расходу. Поэтому изъ смѣты нельзя заключать ничего; тамъ есть только весенняя повинность, но нѣтъ указанія на то, можетъ ли она быть исполнена.

Такъ-какъ предложеніе П. не было никѣмъ поддержано, то онъ хотѣлъ взять его назадъ, не пуская на баллотировку, но графъ возразилъ на это, что онъ искренно сочувствуетъ этому предложенію. Тѣмъ дѣло и кончилось: предложеніе, не встрѣтивъ сочувствія въ собраніи, было отклонено и вопросъ о собраніи свѣ-

дѣвій болѣе не возобновлялся. Но изъ этого еще, однако, не слѣдуетъ заключить, что предложеніе, въ самомъ дѣлѣ, не заслужило ничего лучшаго. Напротивъ, неблагоприятный исходъ этого дѣла былъ, какъ видно, слѣдствіемъ недоразумѣнія, возникшаго въ собраніи, и виною этого былъ предлагавшій вопросъ. Вина его состоитъ въ томъ, что онъ недостаточно развилъ свою мысль и не показалъ собранію, въ чемъ именно состоитъ возможность сдѣланнаго имъ предложенія; а это необходимо было сдѣлать, потому что само собраніе, по не привычкѣ ли обобщать вопросы, или вслѣдствіе какой-то щепетильности, отнеслось къ мысли г. П. слишкомъ узко и односторонне; оно не рѣшилось посмотреть на дѣло прямо и откровенно, такъ, какъ предлагалъ г. П., и отделило его предложеніе. Это тѣмъ болѣе странно потому, что въ томъ же засѣданіи, только въ другой, болѣе уклончивой формѣ, шли разсужденія о томъ, какъ слѣдуетъ поступить для того, чтобы помочь бѣдствующему населенію Петербургской губерніи, и все собраніе единогласно пришло къ тому заключенію, что необходимо употребить на засѣвъ полей *естъ наличныя средства продовольствія* и даже, въ случаѣ недостатка, просить помощи изъ общаго продовольственнаго капитала. Другаго выхода не нашли, да и негдѣ его искать—его нѣтъ. Безвыходность положенія, въ которомъ очутилось петербургское земство, ни для кого не тайна: громадные недомки, продажа скота на ихъ пополненіе и прямое слѣдствіе ея—истощеніе почвы и неурожай—все это тянется постоянно и вопросъ вовсе не въ этомъ; вопросъ въ томъ: представляетъ ли этотъ порядокъ явленіе временное и случайное, или корень его лежитъ глубже. Вотъ что слѣдовало рѣшить прежде всего, и предложеніе г. П. было направлено именно къ этой цѣли; но собраніе, какъ видно, не рѣшилось стать на такую щекотливую почву и во время уклонилось.

С.-петербургская городская дума еще раньше и почти по тому же самому поводу поступила гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе. Разбирая вопросъ о вздорожаніи жизненныхъ продуктовъ въ столицѣ, она прямо сослалась на выводы, къ которымъ пришла коммиссія, учрежденная съ цѣлью отысканія причинъ настоящаго бѣдствія. Такъ же прямо и откровенно поступилъ петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, объявивъ печатно свой взглядъ на этотъ же самый предметъ. Во всѣхъ петербургскихъ газетахъ недавно появилось слѣдующее заявленіе:

«Къ полицейскому начальству поступаютъ заявленія о возрастающей дороговизнѣ на жизненные припасы въ столицѣ; между тѣмъ, причины подобнаго явленія вовсе не зависятъ ни отъ ослабленія полицейскаго надзора за правильными способами торговли и промысла, ни отъ злоупотребленій лицъ или обществъ, производящихъ торговлю и промыслы. Причины настоящей дороговизны настолько многочисленны и сложны, что полиція въ этомъ случаѣ никакаго содѣйствія оказать не можетъ. Цѣны на

предметы главнаго потребленія зависятъ отъ экономическихъ условій цѣлой страны, для которой Петербургъ всегда имѣлъ преимущественное значеніе потребителя, но не производителя и, стало быть, всегда находился въ зависимости отъ внутреннихъ рынковъ имперіи. Цѣна на мясо зависитъ отъ рынковъ южныхъ степныхъ губерній; цѣна на хлѣбъ устанавливается на волжскихъ пристаяхъ. Тамъ возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ произошло вслѣдствіе уменьшенія количества посѣва и числа запасекъ, и приняло крупныя размѣры въ послѣдніе годы отъ неурожаевъ. Эти неурожай одновременно имѣли вліяніе, при уменьшеніи хлѣбныхъ запасовъ, на ослабленіе скотоводства, а потому внутри Россіи, въ одно время съ хлѣбомъ, поднялась цѣна и на мясо. Само собою разумѣется, что отъ возвышенія цѣнъ на первые и главныя продукты потребленія послѣдовательно увеличилась дороговизна и прѣчихъ жизненныхъ припасовъ. Дороговизна же овощей зависѣла отъ плохихъ урожаевъ прошлаго лѣта, въ особенности на картофель, уродившійся весьма дурнаго качества, и на капусту, почти совсѣмъ сгнившую на корню. Возвышеніе цѣнъ на мясо въ первые теплые дни нынѣшней весны произошло отъ прекращенія подвоза изъ Москвы замороженнаго мяса тамъ битой скотины.

«Вслѣдствіе такихъ и другихъ причинъ, Петербургъ долженъ былъ понести на себѣ ту же тяжесть дороговизны, которую испытываетъ бѣольшая часть Россіи, и почувствовалъ ее въ болѣе мѣрѣ, по причинѣ своей удаленности отъ хлѣбородныхъ и степныхъ мѣстностей Россіи. Настоящее время есть именно то, когда всѣ основныя причины востымѣли свои послѣдствія, неблагоприятныя для бѣдныхъ классовъ столичнаго населенія. Устраненія причины дороговизны надо ожидать въ то время, когда экономическія условія цѣлой страны придуть въ болѣе правильное и нормальное положеніе и, разумѣется, прежде всего въ Петербурга и внутри государства».

Отзывъ петербургскаго оберъ-полицеймейстера, отвѣчая на частный вопросъ о дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, нисколько не уклоняясь отъ прямого отвѣта, съ первыхъ же словъ отсылаетъ вопрошающихъ къ общимъ причинамъ этого явленія, и этимъ самымъ сразу отвѣчаетъ, не только на заданный вопросъ, но и на всѣ могущія возникнуть на этотъ счетъ вопросы и недоразумѣнія. Кромѣ того, этимъ заявленіемъ очень вѣрно обрисовывается одна любопытная черта нашихъ нравовъ, а именно: привычка обращаться со всякими дразгами къ начальству и исключительно отъ него ожидать разрѣшенія всевозможныхъ вопросовъ.

Впрочемъ, нужно сознаться, что эта привычка имѣетъ тоже свои причины, свой *raison d'être*. Исторія г-жи Вельшевой какъ нельзя лучше доказываетъ, что можетъ сдѣлать частная предприимчивость въ томъ случаѣ, когда начальство находитъ ее излишнею или несвоевременною. Какъ разъ въ то самое время,

когда въ Петербургѣ пошло дѣло на откровенность, когда здѣсь не стѣсняясь разсуждаютъ о голодѣ и даже занимаются изображеніемъ всѣхъ ужасовъ его самыми яркими красками, въ то же время изъ того самаго мѣста, гдѣ происходятъ эти ужасы, слышатся усиленные увѣренія въ томъ, что ужасовъ никакихъ нѣтъ, что голодающихъ не находится, и даже самое слово «голодающіе» неупотребительно и вмѣсто него говорятъ: *лица, необезпеченное положеніе котораго заслуживаетъ сочувственной поддержки*; тунеядцы изъ крестьянскаго сословія, неодобрительное поведеніе которыхъ не заслуживаетъ похвалы, попадаютъ точно, но голодающихъ нѣтъ. Мало того, даже людямъ, которые гдѣ-то отсылають голодныхъ и кормятъ ихъ — дѣлають всевозможныя неприятели, такъ-какъ эти люди, прокармливая тунеядцевъ, этимъ самымъ бросаютъ невыгодную тѣнь на попечительность начальства, которое, конечно, сдумало бы удовлетворить нуждамъ мѣстнаго населенія и безъ посторонней помощи, ежели бы эти нужды дѣйствительно существовали. Но дѣло въ томъ, что онѣ и не существуютъ, нуждъ никакихъ нѣтъ. Все это сплетни и выдумки г-жи Вельяшевой, англійскаго консула Рени и настоятеля Пертоминской обители, о. Кирилла. Это все они сочинили для того, чтобы прославиться своими благодѣяніями и бросить невыгодную тѣнь на начальство...

Исторія была такого рода. Еще въ началѣ весны, когда населеніе Архангельской губерніи уже было доведено голодомъ до послѣдней крайности, а мѣры, принятыя для удовлетворенія голодающихъ, оказались недостаточными, въ г. Пинегѣ жена мирового посредника Вельяшева, при содѣйствіи высочайше учрежденной комиссіи, ввѣрившей ей распоряженію 4,000 рублей, устроила два пріюта для безпомощныхъ и кормила голодныхъ даровыми обѣдами; кромѣ того, желающимъ трудиться доставляла работу, покупала имъ матеріаль, завела больницу съ даровымъ леченіемъ; выдавала крестьянамъ, мѣщанамъ, и даже солдатамъ пособія на пропитаніе безвозвратно; кромѣ того, дѣлала ссуды на обработку полей, на покупку лошадей и т. д.; наконецъ закупила крестьянскія издѣлія, съ цѣлью продать ихъ по болѣе высокой цѣнѣ противъ той, которую они согласились бы взять по нуждѣ. Кромѣ того, на счетъ предпріятія г-жи Вельяшевой въ приходскомъ училищѣ содержалось нѣсколько учениковъ, которые обучались разнымъ ремесламъ.

Такая широкая дѣятельность, и притомъ въ самую критическую минуту, когда она была наиболѣе полезна, должна была бы, по видимому, вызвать сочувствіе и одобреніе; но, сверхъ всякаго ожиданія, вышло наоборотъ: дѣятельность г-жи Вельяшевой встрѣтила самое упорное противодѣйствіе со стороны губернской администраціи; наконецъ, по «распоряженію пинежскаго начальства 26-го апрѣля, по независимымъ обстоятельствамъ, дальнѣйшее доставленіе работъ прекращено и помѣщенія для больныхъ и безпріютныхъ закрыты. Больнымъ было предложено разойтись,

и нѣкоторые изъ нихъ, которые не пожелали идти въ деревню, были отправлены съ десатскими; другимъ же дозволено было остаться въ городѣ, но съ тѣмъ непрѣмѣннымъ условіемъ, чтобы разиѣстались по разнымъ квартирамъ, гдѣ въ настоящее время продолжаетъ пользоваться прежде лучшей ихъ медикъ и гдѣ оказывается имъ поддержка со стороны предпріятія. Но такъ какъ съ превращеніемъ доставленія работъ и съ закрытіемъ пріютовъ уничтожилась одна изъ существенныхъ частей предпріятія даровыхъ обѣдовъ, при открытіи которыхъ было поставлено цѣлью столько же доставленіе труда, сколько и пищи нуждающимся, то и было сочтено необходимымъ закрыть и самне обѣды, ограничивъ благотворительную дѣятельность тѣмъ, менѣе сложными формами, внезапное прекращеніе которыхъ не могло бы повлечь за собой напрасной траты денегъ, имѣющихъ исключительнымъ назначеніемъ лишь вспомошествованіе нуждающимся. Однимъ словомъ, предпріятіе г-жи Вельяшевой уничтожено со всѣми его послѣдствіями; плодотворная мысль, положенная въ основаніе дѣла и обѣщавшая многое въ будущемъ, вырвана съ корнемъ и все дѣло низведено на степень обыкновеннаго безплоднаго подаванія милостыни. Впрочемъ, дѣло этимъ не кончилось. Въ какомъ положеніи оно находится въ настоящую минуту, лучше всего можно судить по письму г-жи Вельяшевой, напечатанному во всѣхъ петербургскихъ газетахъ.

«Пинега, 14-го іюня. Со времени открытія мною въ г. Пинегѣ даровыхъ обѣдовъ для голодающихъ, о которыхъ было достаточно извѣстно изъ печатаемыхъ мною отчетовъ въ столичныхъ вѣдомостяхъ, въ послѣднее время, между прочимъ, упоминалось о противодѣйствіяхъ, которыми встрѣтила ихъ здѣшняя администрація. Съ своей стороны я не считала до сихъ поръ необходимымъ упомянуть объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве (хотя оно, къ несчастію, вполнѣ справедливо), ожидая, что немѣющее уважительныхъ причинъ нерасположеніе, какъ уѣздной такъ и губернской администрація, исчезнетъ само собою, въ виду возрастающаго сочувствія общества къ завѣдуемому мною благотворительному дѣлу, и по мѣрѣ того, какъ сама администрація уяснитъ себѣ необходимость и важность всякой искренно поданной помощи бѣдствующему народу въ настоящемъ тяжеломъ году. Предположенія мои, къ несчастію, не оправдались, и въ настоящее время, несмотря на сочувствіе народа и множество доказательствъ, которыя я имѣю въ рукахъ, но которыми администраціею дано неблаговидное значеніе, — наконецъ, несмотря на одобреніе, высказанное моею дѣятельности со стороны ея императорскаго величества государыни императрицы, его императорскаго высочества великаго князя Алексія Александровича и высочайше учрежденной комиссіи, ввѣрившей мнѣ въ разное время 4,000 руб., противодѣйствіе это въ настоящее время усиливается болѣе и болѣе (вопреки всякому вѣроятію), усиливаетъ въ достиженіи своихъ цѣлей и проявляется

такими ясными, осозательными для всѣхъ фактами, что молчать о нихъ я не считаю болѣе возможнымъ, такъ-какъ надѣяться на то, что оно утихнетъ, даже нельзя и, кромѣ того, оно является такъ осозательно, что, по всей вѣроятности, послужитъ предметомъ многихъ частныхъ сообщеній. Поэтому, въ интересѣ правды и предостереженія другихъ, которые пожелали бы продолжать мое дѣло, я нахожусь вынужденной заявить, что, помимо всѣхъ неприятностей, личныхъ оскорбленій и различныхъ происковъ, которыми стали меня преслѣдовать вскорѣ послѣ открытія даровыхъ обѣдовъ и вслѣдствіе неожиданно проявившагося стремленія отрицать фактъ голоданія и бѣдствій народныхъ отъ неурожая, я въ настоящее время доведена до того, что не могу ручаться за самую продолжительность принятаго мною дѣла. Изъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ мнѣ въ веденіи дѣла, одни высланы изъ Пинеги въ разные уѣзды губерніи, а другіе, въ виду печальныхъ примѣровъ, основательно могутъ опасаться той же участи; даже мужъ мой (мировой посредникъ Пинежскаго уѣзда) переведенъ въ дальнѣйшій корельскій участокъ (бывшаго Кольскаго уѣзда), что равняется удаленію его изъ Архангельской губерніи, такъ-какъ заранѣе было извѣстно, что ѣхать туда онъ не можетъ.

«Наконецъ, всѣ мои дѣйствія по части благотворительнаго дѣла подвергаются перетолкованію и имъ противодѣйствуютъ всевозможными средствами. Выборныя изъ крестьянъ лица, охотно оказывавшія мнѣ свое содѣйствіе въ собраніи необходимыхъ подробныхъ свѣдѣній для болѣе точнаго ознакомленія съ матеріальнымъ положеніемъ крестьянъ и для болѣе справедливаго распредѣленія пособій, въ настоящее время, въ виду воспрещеній и отобраній данныхъ мною программъ, одни вовсе не доставляютъ ихъ, другіе же, собирая секретно, доставляютъ настолько неполными, что я совершенно затруднена въ сознательномъ образѣ дѣйствій. Привожу 2 письма, полученные мною по этому дѣлу:

1) Милостивая государыня О. А.! Посылая вамъ при семъ списки о крестьянахъ N волости; нуждающихся въ продовольствіи, прошу васъ списки никому изъ начальствующихъ не показывать, такъ-какъ я получилъ по этому дѣлу строжайшее воспрещеніе. Старшина NN.

2) Милостивая государыня О. А.! При семъ прилагаю списки, о которыхъ просили вы, только съ исключеніемъ нѣкоторыхъ графъ; долгомъ считаю пояснить, что, за отобраніемъ г. исправникомъ письма вашего, а полныхъ свѣдѣній доставить не могу, тѣмъ болѣе, что боюсь, дабы не подвергнуться какому-либо строгому взысканію. Старшина NN.

«Все это не можетъ не возбудить опасенія въ лицахъ, которые хотѣли бы содѣйствовать моимъ трудамъ, такъ что только немногія изъ нихъ, болѣе смѣлыя и болѣе вѣрующія въ торжество праваго дѣла, рѣшились бы на это рискованное содѣйствіе.

Считаю себя обманною оставаться въ Пинегѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ извѣренныя имѣ жертвователями и комиссіей суммы не будутъ употреблены по назначенію, я, въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, нахожусь вынужденною публично заявить о томъ, что, несмотря на все мое желаніе, не могу долге продолжать дѣло и принимать пожертвованія; почему и прекращаю подписку.

«Хотя сознаніе пользы сдѣланнаго, сочувствіе общества къ моему предпріятію и благодарность тѣхъ, кто ими пользовался, послужить для меня лично утѣшеіемъ, далеко превышающимъ всѣ соединенныя съ ними неприятыи и оскорбленія, но не могу не пожелать, чтобы лица, которыя когда-либо будутъ трудиться послѣ меня въ интересахъ того дѣла, были бы счастливыѣ меня, что этого требуютъ интересы бѣднаго народа столько же, сколько и интересы общественной самодѣятельности въ пользу послѣдняго.

*Завѣдывающая частнымъ благотворительнымъ предпріятіемъ
въ г. Пинегѣ,
О. Вельяшева.*

Интересно, что въ то же время и по тому же поводу, тамъ же, въ Архангельской же губерніи, одной участи съ г-жею Вельяшевою подверглись еще два лица: англійскій консулъ г. Рени и настоятель Пертомвинской пустыни, о. Кириллъ, съ тою только разницею, что у нихъ ничего не закрыли. Да оно и странно было бы. У г. Рени, впрочемъ, нечего было закрывать, потому что онъ распорядился очень просто: собралъ 12 тысячъ, и тутъ же роздалъ ихъ кому было нужно; но за это поплатился тѣмъ, что архангельскія губернскія вѣдомости его обругали и ославили на всю Россію; что же касается о. Кирилла, который тоже самовольно кормилъ голодныхъ и имѣлъ неосторожность описывать случаи голодной смерти, то ему досталось побольше, но монастырь все-таки не закрыли. И это еще слава Богу!

Что за странное дѣло однако! Какъ объяснить такое ревностное преслѣдованіе частной предпримчивости со стороны губернской администраціи? Положимъ, что г-жа Вельяшева въ качествѣ женщины и притомъ жени мирового посредника могла еще быть заподозрена въ томъ, что у ней дѣло ведется не просто; что она кормить голодныхъ съ какими-нибудь тайными и злонамѣренными цѣлями; притомъ же и предпріятіе ея *что-то ужъ очень хорошо пошло* и вдругъ приняло ужъ слишкомъ широкіе размѣры. Положимъ такъ. Англійскій консулъ въ свою очередь тоже могъ навлечь неудовольствіе уже потому самому, что онъ англійскій консулъ и кормить русскихъ. Это все понятно; но о. Кириллъ-то чѣмъ же заслужилъ такое гоненіе—это совсѣмъ непонятно. Впрочемъ, за разъясненіемъ этого дѣла лучше всего прежде обратиться къ мѣстнымъ губернскимъ вѣдомостямъ, которыя въ послѣднее время занимались преимущественно разработкою этого вопроса и которыя, въ качествѣ офици-

ціального органа мѣстной администраціи, дѣло это должно быть короче извѣстно.

Изъ заявленій этого почтеннаго органа оказывается, что нѣкоторые злонамеренные люди (т.-е. г-жа Вельяшева, г. Рени и о. Кирилл) съ непонятною дѣлью еще въ концѣ прошлаго года распустили слухи, что будто хозяйство земледѣльческаго сословія Архангельской губерніи находится не въ удовлетворительномъ положеніи и тѣмъ навлекли на заслуженныя нареканія на отеческую попечительность мѣстой администраціи и поселили въ публикѣ ложное недоувѣріе къ заботливости начальства о нуждахъ вѣреннаго ему края, между тѣмъ какъ неусыпною бдительностію и примѣрнымъ рвеніемъ его сіятельства не только всѣ нужды края удовлетворяются своевременно, но даже, благодаря материнской и нѣжной заботливости ея сіятельства, приняты благодѣтельные мѣры для устраниенія самыхъ причинъ бѣдности. Словомъ сказать, Архангельская губернія находится въ такомъ блестящемъ положеніи, что лучше ничего и желать нельзя.

Затѣмъ почтенный органъ принимается ругать г-на Рени и о. Кирилла, обвиняетъ ихъ въ распусканіи ложныхъ извѣстій о голодѣ, утверждаетъ, что голодъ выдумали они; что же касается закрытія предпріятія г-жи Вельяшевой, то видно, что объ этомъ никогда никакого распоряженія не было. Наконецъ, недавно въ томъ же органѣ было объявлено о необыкновенно важномъ событіи, совершившемся въ городѣ Архангельскѣ, событіи, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ подвиги г-жи Вельяшевой, г. Рени и о. Кирилла, взятыхъ вмѣстѣ. Но такъ-какъ важность событія можетъ значительно пострадать отъ передачи простыми словами, то пусть желающіе прочтуть описаніе его въ подлинникѣ. Вотъ оно:

«Подъ вліяніемъ убѣжденія и чувства теплой заботливости объ интересахъ лицъ, необезпеченное положеніе которыхъ заслуживаетъ сочувственной поддержки,—княгиня Е. В. Гагарина, предсѣдательница общества, нашла полезнымъ, на время навигаціи, когда является множество средствъ къ заработкамъ даже для женскихъ рукъ, устроить двѣ *колыбели*, то-есть дома, въ которые матери грудныхъ и вообще маленькихъ — до пятилѣтняго возраста — дѣтей, могли бы, на время рабочихъ часовъ, отдавать своихъ малютокъ во избѣжаніе понятнаго стѣсненія, къ какому ведетъ уходъ за ребенкомъ при спѣшномъ и тяжеломъ физическомъ трудѣ, большею частію имѣющемъ мѣсто на берегу рѣки, и вообще на открытомъ воздухѣ. Здоровье дѣтей и возможность матерямъ выработать гораздо болѣе прежняго — вотъ два главныя результата, неминуемо вытекающіе изъ осуществленія проекта ея сіятельства. Колыбели предполагается устроить—одну въ Соломбалѣ, другую въ городѣ, въ мѣстахъ, близкихъ къ центру работъ. Кромѣ того, сочувствуя проекту, попечитель дома бѣдныхъ, А. А. Ивановъ, заявилъ о возмож-

ности принять на содержание въ домъ бѣдныхъ еще десять малютокъ.

«Для права отдачи ребенка въ колыбельню признается необходимымъ надлежащее удостовѣреніе въ томъ, что предъявительница принадлежитъ къ городскому сословію здѣшней губерніи, такъ-какъ много женщинъ на лѣто прибываетъ въ Архангельскъ для работъ изъ другихъ мѣстностей, напримѣръ, изъ Устюга; также удостовѣреніе, что она занимается работами, свойственными собственно навигаціонному времени, потому что эти работы препятствуютъ должному, со стороны самихъ матерей, уходу за малолѣтними.»

«Гуманное и экономическое значеніе проекта ея сіятельства вѣроятно оцѣнить каждый, кто не настолько эгонистиченъ, чтобы смотрѣть равнодушно на поднятіе уровня благосостоянія рабочаго класса и чтобы не питать глубокой признательности къ лицамъ, трудящимся для прекрасной сказанной цѣли.»

Такъ вотъ въ чемъ состояло событіе, о которомъ протрубили почтенный органъ архангельской губернской администраціи! «Проектъ ея сіятельства» говорить самъ за себя такъ краснорѣчиво, что и не требуетъ разбора; да врядъ-ли это и возможно: такіа деликатныя вещицы не выносятъ прикосновенія и очень похожи на пирожное, извѣстное подъ названіемъ «испанскіе вѣтры»; притомъ же такого рода «проекты» совсѣмъ не переводимы на обыкновенный языкъ; для того, чтобы писать такъ, какъ пишетъ редакторъ архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей, для этого необходимо предварительно перо обмакнуть въ розовое масло, бумагу вымазать медомъ и засыпать фіалками. Но чтобы не мараться, лучше это дѣло оставить совсѣмъ, и разсуждать хоть о частной предпримчивости, напримѣръ, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ гораздо грубѣе и слѣдовательно доступнѣе. Впрочемъ, съ другой стороны, я это тоже предметъ такого рода, который отдѣльно разбирать почти невозможно. Съ понятіемъ о частной предпримчивости всегда бываетъ тѣсно связано другое понятіе, а именно: понятіе объ отеческой заботливости. Эти два предмета до такой степени тѣсно связаны въ нашемъ воображеніи, что разсуждать объ одномъ и не касаться другаго, нѣтъ нивакой возможности. И причина этой связи, повидимому, зависитъ не отъ нашего воображенія, напротивъ, надо полагать, что она есть только слѣдствіе того, что мы выносимъ изъ ежедневныхъ наблюденій. Отечественная заботливость или такъ-называемая регламентація, какъ извѣстно, вещь самая обыкновенная у всѣхъ народовъ, которые, подобно намъ, живутъ и беззаботно процвѣтаютъ въ святомъ невѣдѣніи собственныхъ нуждъ, а всѣ попеченія возлагаютъ на правительство. У такихъ народовъ всякая попытка частныхъ лицъ начать какое-нибудь самостоятельное дѣло обыкновенно если не встрѣчаетъ сопротивленія со стороны властей, то во всякомъ случаѣ возбуждаетъ недовѣріе, значительно затрудняется разнаго рода

формальностями и подчиняется приличному надзору. Конечно, стѣсненіе, которое испытываютъ въ подобныхъ случаяхъ частныя лица, совершенно понятно: но и причина, вызывающая это стѣсненіе, такъ же понятна: общество до сихъ поръ не выказало, или не могло выказать на столько самостоятельности, чтобы внушить къ себѣ должное довѣріе и уваженіе. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, что регламентація необходима; вѣтъ, она только неизбежна до тѣхъ поръ, пока общество такъ или иначе не предъявитъ очевидныхъ доказательствъ, что оно дѣйствительно можетъ обходиться безъ посторонней помощи. А такихъ доказательствъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ было представлено не много, да и то дѣло ограничивалось большею частію одинокими попытками, которыя такъ и погибали за недостаткомъ поддержки.

Недавно почти всѣ газеты перепечатавали другъ у друга два довольно курьезные случаи, которые выставляются какъ образцы неумѣренной отеческой заботливости о предприимчивости частныхъ лицъ. Первый случай былъ въ Землѣ Войскаго Донскаго и состоитъ въ томъ, что одинъ обыватель *только черезъ десять лѣтъ* получилъ разрѣшеніе открыть школу на собственные средства; второй случай былъ въ Москвѣ. Одна московская обывательница, г-жа М., возмѣла человѣколюбивую мысль устроить тоже на собственные средства и не требуя отъ правительства ни прямаго, ни косвеннаго пособія, лечебницу въ Москвѣ; наконецъ получила разрѣшеніе не только открыть, но даже и закрыть свою лечебницу когда угодно, но при этомъ у нея потребовали удостовѣреніе въ томъ, что она имѣетъ достаточно средствъ на содержаніе своей лечебницы. Г-жа М. дѣйствительно имѣетъ средства, но въ этомъ требованіи видитъ бесполезное и нескромное любопытство и не намѣрена удовлетворить его. Къ этому извѣстію газеты прибавляютъ еще, что будто бы г-жа М. говорить: «Надоѣло мнѣ клясться за право тратить собственныя деньги, да еще на пользу человѣчества; а будутъ приставать, брошу все и уѣду въ Швейцарію, гдѣ черезъ три дня по приѣздѣ открою богадѣльню».

Говорить ли дѣйствительно г-жа М. то, что ей приписываютъ газеты, за это, конечно, поручиться трудно, но если говорить, то это напрасно, потому что разсуждаетъ она неосновательно. Вопервыхъ, клясться за благо человѣчества вовсе не обидно и нисколько не унижительно, а напротивъ того, даже очень похвально, и вовторыхъ, кого она хочетъ напугать тѣмъ, что уѣдетъ въ Швейцарію?

За то теперь московскимъ жителямъ представляется прекрасный случай слѣдить за борьбою г-жи М. съ неумѣренной регламентаціею. Кто кого побѣдитъ? Кто уступитъ? Согласится ли наконецъ г-жа М. удовлетворить нескромному любопытству неумѣренной регламентаціи и покажетъ ей свои средства, или останется непреклонною и уѣдетъ въ Швейцарію — вотъ въ чемъ

вопросъ. Впрочемъ, надо надѣяться, что г-жа М. въ Швейцарію не уѣдетъ.

Регламентация сама по себѣ еще вещь довольно сносная, но въ ней есть одно непріятное свойство, а именно то, что она, въ случаѣ надобности и даже иногда безъ всякой надобности, изъ умѣренной необыкновенно легко превращается въ неумѣренную; умѣрять ее тѣми средствами, которыми располагаетъ г-жа М., разумѣется невозможно. Въ этомъ случаѣ простое собраніе и опубликованіе фактовъ, въ которыхъ эта неумѣренность особенно ярко выступаетъ наружу, несравненно лучше и вѣрнѣе достигаютъ цѣли. Сопоставленіе нѣсколькихъ, хотя бы даже и мелкихъ случаевъ гораздо рельефнѣе выставляетъ на видъ тѣ уклоненія, которымъ подвергается власть, переходя изъ рукъ въ руки и, по мѣрѣ надобности, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Регламентация не есть еще самая власть, это только одна изъ формъ приложенія власти; способъ же приложенія ея исполнѣ зависитъ отъ лица, въ рукахъ котораго власть находится въ данномъ случаѣ; а такъ-какъ это лицо можетъ увеличивать или сокращать размѣры своей власти какъ ему угодно, то легко можетъ выйти, что въ одномъ случаѣ будетъ изобиліе власти, а въ другомъ недостатокъ ея, и наконецъ, въ третьемъ случаѣ, власть можетъ быть употреблена на такое дѣло, гдѣ ея вовсе и не требуется. Примѣрами, относящимися къ послѣднему случаю, въ послѣднее время изобилуютъ газеты; нѣкоторыя редакціи даже съ какою-то особенною любовью составляютъ изъ нихъ прелюбопытныя коллекціи. По этой части отличается духовная администрація, переживающая въ настоящую минуту кризисъ и поэтому ежеминутно теряющая равновѣсіе и выпадающая въ крайность.

Извѣстно, что по случаю совершающихся всюду реформъ, всѣ болѣе или менѣе вліятельныя лица необыкновенно озабочены составленіемъ различныхъ проектовъ и сочиненіемъ такъ-называемыхъ «мнѣній». Для нѣкоторыхъ, непривыкшихъ къ такому занятію, эти «мнѣнія» суцая каторга. Многіе вѣкъ свой прожили на службѣ и обходились безъ этого, а теперь вдругъ наступило такое время, что какъ хочешь, хоть роди да подавай свое мнѣніе. Вотъ и принялись писать. И вдругъ напала страсть къ писанію. Отъ другихъ этого вовсе нѣкто и не требуетъ, а они все-таки пишутъ и печатаютъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ различныя соображенія и распоряженія по своей части. Къ несчастью, это полезное для службы занятіе многихъ до добра не доводитъ. Нѣкоторые администраторы пишутъ такія соображенія, что лучше бы они ихъ не писали. Такъ, на примѣръ, во владимірскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ обнародовано одно распоряженіе или, вѣрнѣе, соображеніе, изъ котораго видно, что, по мнѣнію мѣстнаго архіепископа, «обязанность охранять неприкосновенность правъ святой церкви и строгій порядокъ, при совершеніи таинствъ и обрядовъ лежитъ на *уздой помл-*

чим (кто бы это могъ подумать!), а также вести общую статистику уѣзда, въ которую входить вѣдомости о церквахъ и монастыряхъ, о рождающихся, вступающихъ въ бракъ и умирающихъ; но исполненіе указанныхъ обязанностей и собраніе означенныхъ свѣдѣній, безъ одного посредствующаго съ духовной стороны лица, безъ центральной такъ сказать духовной власти въ уѣздѣ, довольно затруднительно». По прочтеніи этихъ строкъ всякій подумаетъ, что почтенный архіепископъ заботится собственно объ уѣздной полиціи и желаетъ высказать свои соображенія о томъ, какъ облегчить ей затруднительное исполненіе ея обязанностей; но далѣе оказывается, что о полиціи упомянуто только по поводу другихъ соображеній. Далѣе видно, что «въ свою очередь и для внутреннего порядка духовной администраціи, недостатокъ средоточія власти въ уѣздныхъ городахъ не можетъ быть признанъ благотворнымъ; нѣтъ лица, обязаннаго и уполномоченнаго слѣдить за благоповеденіемъ привѣжающаго въ уѣздный городъ духовенства, которое и въ глазахъ протоіерея ведетъ себя какъ совершенно ему не подчиненное; мѣстные благочинные, вдали отъ епархіальнаго начальства, также остаются безъ ближайшаго надзора за ихъ дѣйствіями и безъ надлежащаго руководства, вслѣдствіе чего не рѣдкость — и доносы на благочинныхъ, особенно могущіе затруднять консисторію и вредить самому духовенству сужающемуся».

И затѣмъ слѣдуетъ резолюція: «По всѣмъ симъ практическимъ соображеніямъ весьма полезно, для блага управленія, поставить штатныхъ протоіереевъ градскихъ уѣздныхъ соборовъ начальниками уѣзднаго духовенства, наименовавъ ихъ старшими благочинными». («Влад. Епарх. Вѣд.» № 1. 1868).

Такимъ образомъ видно, что заботы архіепископа о ввѣренной ему епархіи направлены на изысканіе мѣръ, съ помощію которыхъ можно было бы удобнѣе слѣдить за «благоповеденіемъ» священнослужителей, и для этого онъ пока ничего лучше не могъ придумать, какъ назначить надъ обыкновенными благочинными *еще другихъ старшихъ благочинныхъ*. Что жъ, и это хорошо! А если и эта мѣра не поможетъ, тогда надъ этими старшими можно будетъ назначить *еще самихъ старшихъ благочинныхъ*, а потомъ *старѣйшихъ благочиннѣйшихъ* и т. д.

О томъ, какъ производится выборы въ простыя благочинныя, можно судить по слѣдующему описанію саратовскихъ выборовъ.

«Первый выборъ, не очень удачный, былъ подъ предсѣдательствомъ о. духовника въ его приходской церкви. Среди церкви, на столѣ, покрытомъ какой-то тряпкой, рядомъ стояли избирательныя урны, двѣ картонки, въ которыхъ до сихъ поръ сохранились отъ пыли старыя шляпки дочери духовника. Туда ввали пары, т.-е. грецкіе орѣхи, которымъ назначено было на сей разъ играть роль избирательныхъ шаровъ. Такъ-какъ это былъ первый опытъ выборовъ, то отъ незнакомства съ дѣломъ у большей части причетниковъ, довольно, впрочемъ, подкутившихъ,

дрожили руки. Они не знали, куда власть шары, и отецъ предсѣдатель нашептывалъ каждому «направо», чтобы выбрать благочиннаго, какого ему хотѣлось. Черезъ нѣсколько времени о. благочинный былъ уволенъ отъ должности по неблагонадежности, о чемъ и напечатано было въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Тотъ же духовникъ, вопреки распоряженію епархіальнаго начальства, предложилъ выбрать опять того самаго благочиннаго, удаленнаго по неблагонадежности. Къ стыду выбравшихъ, преосвященный, разумѣется, не утвердилъ акта, а велѣлъ принять должность благочиннаго старшему кандидату. Служба и этого была непродолжительна. 8-го февраля текущаго года съѣхались выбрать благочиннаго по истеченіи трехлѣтія. При этомъ выборѣ 8-го февраля состоялся неслышанный казусъ, совершенный казимъ-то причетникомъ. На этотъ разъ избирательными урнами были не картонны, а два неуклюжихъ ящика, назртые избитой парчей. Зато, вмѣсто шаровъ и орѣховъ, орудіемъ избранія служили сырыя картофелины. Ихъ также вложи, какъ орѣхи, и точно также о. духовникъ предлагалъ кого нужно выбрать, да совѣтъ его уже не имѣлъ прежняго успѣха. А отъ этого немудрено, что онъ, оскорбленный невниманіемъ духовенства, просмотрѣлъ, какъ одинъ изъ причетниковъ, недовольный вѣроятно избираемымъ, опуская картофель то въ тотъ ящикъ, то въ другой, чтобы не быть замѣченнымъ, забралъ изъ праваго ящика неизвѣстное число чужихъ картофелинъ, и наполнилъ ими «ящикъ лѣвый».

335720

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

1868

№ 8 АВГУСТЪ

Дмитрий Маркович

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

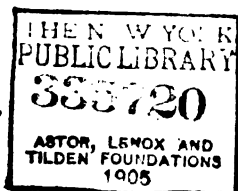
Въ типографіи А. А. Краевского (Литейная, № 38)

- I. — ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ. (Изъ былыхъ вре-
ментъ). Стих. В. С. Б. 321
- ✓ II. — СѢВЕРО - АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО
(Статья четвертая и послѣдняя) 324
- ✓ III. — ГДѢ ЛУЧШЕ? Романъ. Окончаніе 1-й части. О.
М. Рѣшетникова 355
- IV. — РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ ПРО-
ШЛАГО ВѢКА И ПУГАЧЕВЪ. I—VII. Д. Л. Мор-
довцова 419
- V. — ФИНКСЪ. Поэма Дмитрія Минаева 486
- ✓ VI. — СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.
Ричардо Кастельвеккіо. Переводъ съ итальянскаго
Н. С. Курочкина. 499
- VII. — РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯ-
ТИДЕСЯТИЛѢТІЯ. Періодъ первый. 1816—1830.
Греція и Турція. Фрація во времена реставраціи.
В. Н. Покровскаго 571
- ✓ VIII. — ЖИЗНЬ ИЛИ СОНЪ? Разсказъ О. Ромера. . . 615
- IX. — КРИТЯНКА ВЪ МОРЕѢ. Стих. Ив. Гольцъ-Мил-
лера 561
- X. — КЪ МОЕЙ МАТЕРИ. (Изъ Гейне). Стих. П. И.
Вейнберга 663
- ✓ XI. — ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОР-
ВЫША. Романъ Джемса Гринвуда (продолже-
ніе) 305—352

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

- XII. — КРИТИКА. — РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ «ФИЛОСО-
ФІИ ПРИРОДЫ» ГЕГЕЛЯ 117
- XIII. — ИСТОЧНИКИ НАРОДНАГО СУЕВѢРІЯ . . . 129
- XIV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Гражданскій бракъ, *Н. И. Чер-
млакскаго*. — Новыя сочиненія *Г. П. Дамлевскаго*,
(А. Скарвонскаго, автора «Бѣглицъ въ Малорос-

(См. страницу 3-ю).

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ.

(ИЗЪ БЫЛЫХЪ ВРЕМЕНЪ).

Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, безъ соблюденія трехъ единствъ, такъ-какъ происходитъ въ разное время, въ разныхъ комнатахъ и подъ вліяніемъ различныхъ страстей и побужденій.

ЛИЦА.

Поэтъ. — Редакторъ. — Цензоръ.

ДѢЙСТВІЕ I. ПРИРОДА.

Комната поэта.

Поэтъ (*пишетъ и читаетъ*).

Пришла весна. Увы! Любовь
Не манитъ въ тихія дубравы.
Нѣтъ! негодующая кровь
Зоветь меня на бой кровавый.

Кабанетъ редактора.

РЕДАКТОРЪ (*поправляетъ написанное поэтомъ и читаетъ*).

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятій
И я бы, кажется, готовъ
Расцаловать всѣхъ меньшихъ братій.

Кабинетъ цензора.

Цензоръ (*поправляетъ написанное поэтомъ и направленное редакторомъ и читаетъ*).

Пришла весна. Но не любовь
 Меня влечетъ подъ сѣнь дубравы,
 Не плоть, а духъ! Я вижу вновь
 Творца во всемъ величьи славы. *(Подписываетъ:
 «одобрено цензурою»).*

ДѢЙСТВІЕ II. ВИНО.

Поэтъ.

Люблю вино. Въ немъ не топлю
 Подобно слабенькимъ натурамъ
 Скорбь гражданина — а коплю
 Вражду къ провлатимъ самодурамъ!

Редакторъ (*поправляетъ*).

Люблю вино. Я въ немъ топлю
 Свои гражданскія стремленья
 И видитъ Богъ, какъ я терплю
 И какъ тяжелъ мой крестъ терпѣнья!

Цензоръ (*поправляетъ*).

Люблю вино. Но какъ люблю?
 Какъ сладкій медъ, какъ скромный танецъ.
 Пью рюмку въ день — и не терплю
 Косматыхъ выгилстовъ-выяницъ!

ДѢЙСТВІЕ III. ЛЮБОВЬ.

Поэтъ.

Люблю тебя. Любовь одна
 Даетъ мнѣ бодрость, духъ и силу,
 Чтобъ чашу зла испивъ до дна,
 Непобѣжденнымъ лечь въ могилу.

Редакторъ (*поправляетъ*).

Люблю тебя. Любовь къ тебѣ
 Ведетъ такъ сладко до могилы

Въ неровной роковой борьбѣ
Мои погубленныя силы.

ЦЕНЗОРЪ (*поправляетъ*).

Люблю тебя. И не скорбя,
Подобно господамъ писакамъ,
Обязанъ вѣкъ любить тебя,
Соединясь законнымъ бракомъ. (*подписываетъ*)

Занавѣсъ падаетъ. Въ печати появляется стихотвореніе «Природа, вино и любовь», подъ которымъ красуется имя Поэта. Въ журналахъ выходятъ рецензии, въ которыхъ говорится о вдохновеніи, непосредственномъ творчествѣ, смѣлости мысли, оригинальности оборотовъ рѣчи и выраженій, художественной чистоты и гражданскихъ стремленій автора.

В. К.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО.

Статья четвертая и последняя.

Традиція форть и новше элементы. Вражда къ наукѣ. Вліяніе системи обученія. Французскіе мистики. Непрочность современной цивилизаціи. Частныя и эвиденческія явленія мистики. Выводы для исторіи вѣрованій. Средства борьбы противъ мормонизма и спиритизма. Женскій вопросъ въ сѣверо-американскихъ сектахъ.

Мы ограничиваемся сказаннымъ о сектахъ Сѣверной Америки и постараемся теперь указать нѣкоторые общіе результаты, получаемые изъ предыдущаго.

Прежде всего бросается въ глаза подтвержденіе положенія, высказаннаго нами въ первой статьѣ. Всѣ самыя странныя форменныя особенности новыхъ сектъ коренятся въ прошедшемъ, именно въ прошедшемъ Европы, слѣдовательно, какъ идеи, не могутъ быть приписаны сѣверо-американскому обществу. Свою организацію съ пророками, апостолами, старшинами и т. д., при безусловномъ правѣ высшихъ духовныхъ званій (пророковъ у мормоновъ, апостоловъ у ирвингіанъ) передавать откровенію, мормоны унаслѣдовали отъ ирвингіанъ, только въ пользу организаціи, они концентрировали эту власть въ одномъ лицѣ. Духовный міръ Сведенборга даже со всѣми частностями перенесенія земной обстановки въ духовное будущее, отразился у шэеровъ и спиритистовъ, только здѣсь, на оборотъ противу предыдущаго, теченіе идеи было не отъ демократизма къ монархизму, а отъ монархизма къ демократизму. Сведенборгъ *однимъ* имѣлъ видѣнія: сведенборгіанцы ихъ не имѣли. Шэеры имѣютъ видѣнія, но не произвольно. Спиритисты свели вопросы на опредѣленную технику. Они обладаютъ способами вызывать откровеніе при посредствѣ извѣстныхъ имъ манипуляцій. Они ставятъ вопросы и получаютъ отвѣты. Ирвингіане и сведенборгіане одинаково передали новымъ сектамъ Америки свое представленіе, что они образуютъ церковь, въ которую, съ извѣстными условіями, можетъ вступить каждый, такъ что прежнія церкви со-

ставляютъ для новихъ не столько ереси, какъ *нечеловѣкъ* отроченіи. Стоитъ прибавить къ прежнимъ догматамъ еще новыя, не отрекаясь ни отъ чего существеннаго, и можно сдѣлаться членомъ новихъ сектъ. Но въ сущности, это дополненіе равно полному отроченію, потому что Бригамъ Юнгъ даетъ ежедневныя отроченія, не обращая вниманія ни на христіанскіе авторитеты (хотя и говорить: Библия короля Якова — моя библия), ни даже на первоначальныя письменныя преданія мормонизма. Спиритисты Америки прямо провозглашаютъ отрицаніе всѣхъ прежнихъ вѣрованій, хотя Дэвисъ и вноситъ въ свой патентъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ учителей минувшаго. Являясь наследіемъ минувшаго въ своихъ самыхъ ярыхъ частностяхъ (и мы могли бы прослѣдить подобную филиацію во многихъ подробностяхъ), новыя секты въ то же время становятся завершеніемъ и отрицаніемъ предшествующей исторіи религіозной мысли. Сохраняя преданіе очень древней, чуть не до-исторической старинныя въ своихъ формахъ, секты эти живутъ именно тѣмъ, что въ свое содержаніе внесли требованія новаго времени и пытаются устранивъ возмутительную и повсемѣстную двойственность стараго міра между религіозною и общиною жизнью инымъ путемъ, чѣмъ пытались это сдѣлать до нихъ. Необходимость труда, желаніе веселья и земнаго наслажденія, свобода личной мысли противу существующей духовной организаціи и установленнаго догматовъ, присутствовали всегда въ человѣчествѣ, но удовлетворялись прежними ученіями неохотно, какъ бы нѣчто запретное, не надлежащее. Въ сущности, прежнее время ставило своимъ идеаломъ существованіе, гдѣ труда бы не было, а было бы лишь созерцаніе; существованіе, въ которомъ именно это созерцаніе доставляло бы блаженство, а никакого веселья и земныхъ наслажденій и не требовалось бы, существованіе, гдѣ единая, всеобщая и неоспоримая истина до того ясно представлялась бы людямъ, что они не нуждались бы ни въ какой работѣ собственной мысли, ни въ какомъ сомнѣніи и *особенномъ* убѣжденіи. Само собою разумѣется, что при этомъ, необходимѣйшій трудъ былъ неизбежно проклятіемъ, земная радость — служеніемъ началу лжи, свобода мысли — наученіемъ сатаны. Правда, проявленія труда, веселья и мысли *допускались*, но съ религіозной точки зрѣнія ихъ игнорировали или прямо осуждали.

Новая попытка заключалась въ томъ, что трудъ становится *самъ по себѣ* священной и вкладъ въ религіозное настроеніе у шэверовъ и мормоновъ. Веселье было догматомъ этихъ сектъ, такъ-какъ онѣ не отрицали минувшаго, не стремились къ страданію будущему, но жили въ самомъ царствѣ блаженства; у шэ-

веровъ это было крайне не полно и смѣшивалось съ древнею аскетическою заваскою, но у мормоновъ идея была доведена до полного ея развитія. Если въ обѣихъ этихъ сектахъ свобода мысли исчезала предъ безусловною вѣрою въ пророчества и преданія, то спиритисты выдвигали именно эту сторону человѣческихъ требованій; ничто не связываетъ медиума въ его откровеніяхъ, какъ ничто не связываетъ пророка мормоновъ; но и общее отношеніе спиритистовъ къ остальнымъ сектамъ заключается въ правѣ свободной мысли на отрицаніе всѣхъ авторитетовъ.

По своей малочисленности, обусловленной самими теоретическими и практическими основами секты, шекеры не могутъ имѣть особеннаго значенія для мыслителя и особеннаго вліянія на исторію человѣчества, но нельзя того же сказать о мормонахъ и спиритистахъ. Первые, въ какіе нибудь тридцать-шесть лѣтъ, досрели до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, и организація ихъ такъ сильна, привлекательность ихъ строя для низшихъ классовъ такъ велика, что нельзя смотрѣть безъ нѣкотораго опасенія на эту растущую силу, постоянно вооруженную, хранящую въ себѣ зародышъ фанатизма, который двигалъ поклонниками Магомета, и прямо заявляющую свои притязанія на владѣніе землею. Если Бригамъ Юнгъ, еще не очень старый (род. 1810 г.), проживетъ долго и будетъ имѣть довольно искуснаго намѣстника, то ничто не мѣшаетъ мормонамъ лѣтъ черезъ 20 сдѣлаться столь значительною силою, что борьба съ ними можетъ представить серьезныя опасности для современныхъ государствъ. Распространеніе спиритизма представляетъ тоже опасность, и немаловажную, хотя совершенно иного рода. Государственному строю, экономическимъ интересамъ и общественнымъ сословнымъ отношеніямъ спиритизмъ, пока, не угрожаетъ, а мы здѣсь устраняемъ разсужденіе о возможности намѣненія его положенія въ будущемъ. Но уже теперь онъ представляетъ огромную опасность въ отношеніи пониженія уровня общественной мысли. Наука не вошла въ плоть и кровь большинства учащихся, но, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ ея авторитету на столько существуетъ, что образованные люди, вообще говоря, принимаютъ ея выводы за бесспорныя истины и приобѣгаютъ, въ случаѣ нужды, преимущественно къ пособію тѣхъ, которые слынутъ за ученыхъ специалистовъ. Съ XVII вѣка *примечки* цивилизаціи преимущественно проникаются уваженіемъ къ авторитету науки и образованность признаетъ въ наукѣ свой officialный идеалъ, хотя немногіе стремятся къ нему серьезно, а въ критикѣ свое естественное требованіе, хотя еще меньшее число понимаетъ и проводитъ въ жизнь это требованіе. Но спиритизмъ именно вреденъ тѣмъ,

что онъ извращаетъ привычки, мысли класса, считающаго себя образованнымъ, отрицаетъ самыя первыя требованія критики, замѣняя критику безусловнымъ довѣріемъ, и видѣляетъ еще разъ людей науки, по всему строю ихъ мысли, изъ того общественнаго меньшинства, которое все-таки останется надолго неизбежнымъ посредникомъ между самостоятельными дѣятелями въ области мысли и большинствомъ, не имѣющимъ досуга на какое нибудь образованіе.

Прямо заявленное пренебреженіе наукъ есть фактъ, поражающій насъ во всѣхъ сектахъ Америки, у шекеровъ, у мормоновъ, у спиритистовъ, даже въ теоріяхъ женскаго преобладанія Элизы Фаренгемъ. У шекеровъ этотъ фактъ объясняется аскетическими стремленіями. У мормоновъ онъ имѣетъ свою основу въ томъ обстоятельстве, что мормонизмъ обращается именно къ тому классу людей, который не имѣлъ возможности воспользоваться пропагандою науки. Но спиритисты враждебны наукѣ по самымъ приѣмамъ своего культа (гаданіе помощью медиумовъ), принадлежа въ сущности, по своему составу, именно къ тому классу, который, болѣе всѣхъ другихъ, воспользовался изслѣдованіями науки, да и теперь въ практической жизни постоянно опирается на эти изслѣдованія. Въ этой общности признака совершенно различныхъ сектъ едва-ли можно видѣть только случайное совпаденіе нѣсколькихъ, другъ отъ друга независимыхъ стремленій, именно въ одномъ пунктѣ. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ этомъ печальномъ совпаденіи главныхъ новыхъ сектъ Сѣверной Америки мы находимъ лишь слѣдствіе той привычки мысли, которая должна была неизбежно возникнуть въ американскомъ обществѣ вслѣдствіе существующей системы американскаго обученія.

Эта система можетъ быть формулирована такъ: возможно-широкая образованность безъ строгой науки. Система эта подкупаетъ своими широкими размахами, своимъ отсутствіемъ рутинны, своею практичностью. Въ возможно короткое время возможно большее число гражданъ республики получаютъ образованіе, совершенно недоступное большинству жителей стараго свѣта. При наилучшихъ гигиеническихъ условіяхъ, мысль мальчиковъ и дѣвочекъ Сѣверной Америки вооружается довольно цѣлесообразно для практической борьбы въ вопросахъ жизни, въ странѣ, гдѣ эта борьба ведется каждымъ собственными силами, безо всякой посторонней помощи. Выводы науки концентрированы въ хорошіе учебники. Достоинство учебниковъ позволяетъ призвать къ обученію большее число способныхъ лицъ, чѣмъ можно бы это сдѣлать при какихъ бы то ни было иныхъ об-

стоятельствахъ. Всѣ народы могутъ справедливо позавидовать этой системѣ школъ и средствамъ, на нихъ обращеннымъ. Легко во имя ея порицать европейскую систему, гдѣ первоначальное образованіе, сколько нибудь заслуживающее этого названія, доступно лишь весьма небольшому меньшинству; гдѣ обязательными народными школами представляютъ нищенскую обстановку, отсутствіе всякихъ гигиеническихъ удобствъ, учителей, подавленныхъ общественными условіями, и оставляютъ ученикамъ скорѣе отвращеніе къ обученію, чѣмъ уваженіе къ нему; гдѣ, наконецъ, наибольшая часть бюджета общественнаго обученія идетъ на высшія учебныя заведенія, служащія разсадникомъ замѣчательныхъ ученыхъ, но такихъ, что значительная часть ихъ работъ остается совершенно недоступною никому, кромѣ ихъ же товарищей, и многія изъ этихъ работъ чужды и всякаго жизненнаго примѣненія. Легко указать, на сколько подобная система, развивая роскошь въ области мысли, пренебрегаетъ необходимыми, ослабляетъ государства, суживая въ нихъ образованный классъ, раздѣляетъ науку отъ жизни, классъ знающихъ отъ класса работающихъ, вноситъ въ науку рутину, въ жизнь—предрасудки, и лишаетъ цивилизацію прочности.

Но американская система страдаетъ неполнотою. Образованность безъ строгой науки существовать не можетъ, такъ-какъ только наука доставляетъ крѣпость и устойчивость образованности. Образованный человѣкъ поневолѣ принимаетъ безъ критики рядъ положеній, добытыхъ наукою на основаніи точныхъ изслѣдованій, и потому, по отношенію къ его самознанію, эти положенія ничѣмъ не отличаются отъ догматическихъ вѣрованій, переданныхъ ему религіею, и отъ предрасудковъ, обусловливаемыхъ общественными обычаями и приличіями. Но основная разница этихъ трехъ группъ мнѣній заключается въ томъ, что лишь первая группа поставлена въ условія непрерывной возможности критики. Образованный человѣкъ знаетъ, что научныя положенія, недоступныя его провѣркѣ, приняты были учеными специалистами не на основаніи фантазіи или авторитета, но на основаніи самаго точнаго изслѣдованія, образцы котораго, для наипомѣнѣе сложныхъ случаевъ, ему знакомы. Онъ знаетъ, что ученые, вообще говоря, независимы одинъ отъ другаго, зорко слѣдятъ за ошибками товарищей, и весьма рады, когда могутъ опровергнуть точность доказательства собрата. Въ случаѣ сомнѣній относительно истинности какого либо положенія, образованный человѣкъ знаетъ, что можетъ найти въ кругу общества специалиста, знакомаго съ методами критики по данной специальности, и, если положеніе уже очень заинтересовало его,

образованнаго человѣка, то онъ имѣетъ возможность въ сочиненіяхъ специалистовъ и на ихъ лекціяхъ ознакомиться со всею системою доказательствъ, на основаніи которыхъ приняли это положеніе ученые, его допустившіе. Никто не имѣаетъ подобной критикѣ; напротивъ, все ей способствуетъ: и соревнованіе ученыхъ, и учрежденіе высшихъ ученыхъ обществъ, и каведры по специальнымъ отраслямъ. На основаніи этой *возможной* критики, образованный человѣкъ имѣетъ полное право сдѣлать въ области своихъ мнѣній два отдѣла: положенія, подвергаемыя постоянно всесторонней повѣркѣ, слѣдовательно критически установленныя, *научныя*; и положенія, подвергавшіяся когда-то чьей-то критикѣ, но съ тѣхъ поръ передаваемыя безъ контроля и принимаемыя по рутинѣ. Чѣмъ живѣе образованный человѣкъ сознаетъ разницу этихъ двухъ областей, чѣмъ строже ихъ различаетъ, тѣмъ образованность его прочнѣе и научнѣе, тѣмъ менѣе вѣроятности, чтобы, подъ вліяніемъ случайностей, онъ вдругъ заподозрилъ науку въ неосновательности, отъ медика обратился къ знахарю, отъ специалиста къ шарлатану, отъ ученаго къ магу. Но живость этого сознанія и строгость различенія областей науки и не-науки зависятъ въ малой степени отъ личнаго развитія человѣка, такъ-какъ мы уже выше сказали, что, по отношенію къ его самосознанію, эти области различны очень мало. Защитники величійшихъ вѣрованій и самыхъ бессмысленныхъ обычаевъ защищаютъ ихъ и пропагандируютъ свои мнѣнія съ неменьшею энергіею, какъ и проповѣдники науки, а всего чаще съ большею. Если общество въ своемъ строѣ не приметъ всевозможныхъ предосторожностей противъ смѣшенія понятій въ личностяхъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что большинство готово будетъ принять вѣру въ привидѣнія и въ необходимость раскланиваться опредѣленнымъ образомъ за болѣе неоспоримую истину, чѣмъ распределеніе планетъ, законы развитія клѣточекъ въ организамахъ или статистическія данныя. Эти предосторожности могутъ заключаться лишь въ предоставленіи научной критикѣ возможно-большаго числа центровъ, при возвышеніи общественнаго и качественнаго ихъ значенія, да еще въ строгомъ различеніи научной области отъ ненаучной во всѣхъ образовательныхъ заведеніяхъ, въ особенности же тамъ, гдѣ молодые люди получаютъ высшее образованіе. Университеты, въ строго-ученомъ значеніи этого слова, ученія общества и конгрессы, наконецъ специально-ученая литература, представляютъ крупное основаніе, позволяющее общественной образованности не терять яснаго сознанія относительно различія научной области отъ ненаучной, и связи съ точнымъ знаніемъ. Эти учрежде-

нія получаютъ лишь тогда характеръ ненужной общественной роскоши, когда подъ ними нѣтъ подкладки широкой народной образованности; тогда, естественнымъ путемъ, ученые уединяются болѣе и болѣе въ свои кабинеты, теряютъ сознаніе жизненныхъ требованій науки, забываютъ различіе живыхъ ея вопросовъ отъ вопросовъ ученой забавы и готовы поставить открытіе мельчайшаго новаго соединенія рядомъ съ открытіемъ спектральнаго анализа, возстановленіе стиха Пиндара рядомъ съ Прологоменами Вольфа. Опираась на широкую народную образованность, наука никогда такою не сдѣлается. Съ одной стороны, ученые не будутъ такъ уединяться отъ общества, потому что разница ихъ *общаго* развитія отъ развитія большинства можетъ быть крайне незначительна. Съ другой же стороны, самыя мелочныя ихъ изслѣдованія, въ этомъ случаѣ, становятся полезными, какъ образцы *метода* изслѣдованія. Чѣмъ значительнѣе по своему ученому достоинству и чѣмъ многочисленнѣе ученые центры, тѣмъ значительнѣе научная подготовка педагоговъ въ школахъ чисто образовательныхъ, тѣмъ больше людей, знакомыхъ съ строгостью и съ извѣстностью научныхъ выводовъ; тѣмъ шире разливъ уваженія къ наукѣ и привычѣе для общества различіе ея области отъ областей ненаучныхъ. Съ ослабленіемъ этихъ центровъ, явленія получаютъ обратное теченіе. Людей, усвоившихъ научные методы, становится все меньше. Педагогическій классъ черпается изъ личностей, ихъ вовсе не усвоившихъ и неспособныхъ распространить около себя уваженіе къ наукѣ. Повѣрка сомнительныхъ мнѣній для образованнаго человѣка становится затруднительнѣе. Онъ видитъ около себя все менѣе и менѣе специалистовъ. Общество теряетъ уваженіе къ наукѣ, такъ-какъ различіе между особенностями научнаго мышленія отъ ненаучнаго для него все сглаживается. Но пропаганда вѣрованій и обычаевъ не прекращается никогда. Напротивъ, чѣмъ общество живѣе, и чѣмъ ему меньше доставляютъ здоровой пищи изъ области науки, тѣмъ съ болѣею жадностью оно бросается на одуряющія яства мистиковъ. Въ этомъ случаѣ, даже обширное распространеніе образованности не помогаетъ, такъ-какъ, при недостаткѣ критики, образованные люди, именно на основаніи своей образованности, считаютъ себя компетентными судьями явленій и методовъ ихъ ученія, и поддаются тѣмъ скорѣе увлеченію изъ излишней довѣрчивости къ себѣ. Все это прилагается къ существующей системѣ американскаго образованія. Въ ней, какъ мы видѣли въ первой статьѣ, отсутствуютъ серьезныя центры для высшаго научнаго обученія. Оттого широкое распространеніе образованности не предохранило амери-

канскаго общества отъ неуваженія къ наукѣ, отъ потери яснаго сознанія различія между научнымъ и ненаучнымъ способомъ мышленія. Какъ только подобное явленіе совершилось, то естественнымъ путемъ пропаганда мистики разнаго рода не встрѣтала себѣ препятствія, особенно когда эта мистика опыняла населеніе потрясающими представленіями или связывала свое ученіе съ живыми практическими вопросами. Проповѣдники ревивалей, хилиасты, мормоны, спиритисты начали свое развѣдающее дѣйствіе на человѣческую мысль. Отсутствіе сектаторскаго преподаванія въ общихъ школахъ здѣсь ни при чемъ, такъ-какъ высшее образованіе находится въ рукахъ прежнихъ сектъ и онѣ имѣютъ полную возможность отстаивать себя въ средѣ образованнаго общества. Но дѣло въ томъ, что ихъ несостоятельность предъ лицомъ новаго міра давно уже высказалась въ неизгладимой раздвоенности между религіозною и обычною жизнію общества, а потому онѣ отстаютъ общество отъ наплыва новыхъ мистиковъ не въ состояніи. Подвергая послѣдовательной полемикѣ откровеніе мормоновъ, можно совершенно тѣми же аргументами и на тѣхъ же основаніяхъ полемизировать противу многого чего другаго, остающагося неприкосновеннымъ основаніемъ старыхъ сектъ.

Впрочемъ, читатель совершенно бы ошибся, еслибы подумалъ, что, въ виду этихъ неудобствъ, по нашему мнѣнію, европейская система обученія имѣетъ, несмотря на свои недостатки, преимущество предъ американскою по общественному знанію. Нѣтъ; несмотря на свою неполноту, американская система стоитъ выше. Она неполна, но прочная система народнаго образованія даетъ Америкѣ возможность когда угодно создать въ своей средѣ самое развитое и точное научное обученіе, какъ лишь конгрессъ найдетъ его необходимымъ. Конечно, сначала въ дѣльнѣхъ профессорахъ будетъ оказываться недостатокъ, но чрезъ полѣтка разница между персоналомъ американской и европейской науки совершенно исчезнетъ, а жизненная связь между наукою и обществомъ въ Америкѣ произойдетъ сама собою. Въ Европѣ нужны вѣка усилій правительствъ и общества, вмѣстѣ съ значительными политическими реформами, чтобы большинство населенія стало на ту ступень образованности, на которой можетъ исчезнуть естественное развѣдиненіе между учеными и обществомъ, чтобы роскошное зданіе европейской науки оперлось на прочное развитіе массъ. Къ тому же недостатокъ европейской системы обученія въ разсматриваемомъ нами случаѣ не уравнивается даже тѣмъ, что бы она совершенно устраняла въ обществѣ мистическія увлеченія. Это доказывается удобствомъ, съ которымъ мормоны вербуютъ

приверженцевъ своему ученію въ старомъ свѣтѣ, и быстрымъ развитіемъ спиритистической эпидеміи по Европѣ.

Но обратимся къ болѣе специальному случаю. Возьмемъ одну страну Европы, и ту самую, которая, по мнѣнію самыхъ компетентныхъ наблюдателей, наименѣе склонна къ религіозно-мистицистскимъ увлеченіямъ, именно Францію.

«Въ отношеніи ума — говорить Р—нъ* — Франція — страна существенно аристократическая. Она, по своему положенію, соединяетъ въ себѣ противоположности: общую пошлость, которая ниже посредственности, и рядомъ съ этою пошlostью умственную аристократію, можетъ быть, несравнимою ни съ какою другою. Нигдѣ вы не встрѣтите одновременно столько остроумія, и такъ мало склонности къ предметамъ либеральнаго изученія... Франція почти лишена инициативы въ области религіи... Франція — самая ортодоксальная страна въ мірѣ, потому что это страна — самая равнодушная къ религіи. Ереси тамъ дѣлать нечего... Въ религіи, какъ во всемъ другомъ, Франція желаетъ всеобщаго, не заботясь о тонкостяхъ и отличіяхъ. Она не любитъ маленькыхъ сектъ, à parte, религіи, — часовень и кружковъ, столь нравящихся англійской расѣ, именно по ея глубокому благочестію. Религіозный споръ кажется во Франціи недостаткомъ вкуса: тамъ не понимаютъ раздѣленія изъ-за такихъ вопросовъ... Вотъ почему, послѣ каждой попытки нарушить ея равнодушіе, Франція тяжелѣе прежняго впадаетъ въ католицизмъ, или въ невѣріе. Эта страна безусловна во всемъ: ей нужны ясно поставленныя тезисы, дающіе возможность риторическихъ изліяній и удовлетвореніе вкуса въ декламации. Мудрецы видятъ кое-что лучшее и желаютъ кое-чего лучшаго; но мудрецы не принадлежатъ своей странѣ.»

Но обратитесь послѣ этихъ словъ къ книгѣ, относящейся специально къ Франціи тѣхъ же самыхъ годовъ, когда издавалось сочиненіе, изъ котораго мы привели предшествующую цитату. Обратитесь къ «La France mystique» остроумнаго Эрдана, и передъ вами развернется длинный рядъ французскихъ мистиковъ, частью представителей чужеземныхъ идей, частью произведеній самой почвы Франціи. Не говоря о сведенборгіанцахъ, магнетизерахъ, спиритахъ, о моравскихъ братьяхъ, врингיאнахъ и мормонахъ, мы имѣемъ достаточное число чисто-французскихъ религіозныхъ фантазеровъ. Ковссенъ, Шатель, Вентура, Шено, Мадроль въ области религіи, еще другіе въ области философіи, или, точнѣе, теозофіи, наконецъ

* «Etudes d'histoire religieuse», 396—398.

польскіе мессіанисты представляютъ рядъ явленій, принадлежащихъ въ сферѣ мистики и которымъ, для болѣе широкаго проявленія, недоставало лишь той свободы личностей и той привычки пренебрегать мнѣніями окружающаго общества, которыя развиваются въ высокой степени въ Америкѣ. Франція, по сознанию самихъ французовъ — страна, весьма-мало склонная къ мистицизму, дала ему весьма-значительный контингентъ, и всѣ эти мистическія секты заглохли лишь по той причинѣ, по которой гдохнуть во Франціи всѣ индивидуальныя стремленія, нарушающія гармонію проявленія централизаціи и однообразія, столь любимыхъ такъ-называемою *великою націею*.

Слѣдовательно, Европѣ вообще нечего и въ этомъ отношеніи гордиться передъ Америкю: всѣ нравственныя болѣзни Новаго Свѣта присутствуютъ и въ старомъ, но въ болѣе скрытомъ состояніи, чѣмъ въ Америкѣ, слѣдовательно какъ болѣе опасные элементы. Европа не имѣетъ возможности измѣрить въ своей средѣ качественнаго значенія и количественнаго распространенія этихъ патологическихъ началъ. Въ Америкѣ они высказываются явно; оцѣнить ихъ тамъ легко какъ по качеству, такъ и по количеству; слѣдовательно и борьба съ ними въ обществѣ можетъ быть ведена на болѣе рациональныхъ основаніяхъ. Американскія секты представляютъ Европѣ картину того, что кроется и въ ея нѣдрахъ, но мало замѣтнаго для самаго европейскаго общества и, съ этой точки зрѣнія, изученіе американскихъ сектъ представляетъ для европейскаго общества весьма важный практическій интересъ.

Какъ первый общій результатъ этого можно принять, что цивилизація нашего времени далеко не такъ прочна въ своихъ основаніяхъ, какъ она кажется съ перваго взгляда и какъ утверждаютъ многіе ея хвалители. Ея отличительный характеръ въ томъ видѣ, какъ она устанавливается съ XVII-го вѣка — преобладаніе научнаго мышленія надъ фантастическимъ и рутинернымъ во всѣхъ сферахъ мысли и жизни.

Великіе ученые и мыслители XVII-го столѣтія положили основныи этому міросозерцанію; весь XVII-й вѣкъ прошелъ въ непрестанной борьбѣ за право распространить научную критику на разныя области мысли и жизни и въ попыткахъ популяризаціи. Но XVII-й и XVIII-й вѣка принимали въ соображеніе въ своихъ построеніяхъ лишь одинъ элементъ, какъ основу науки, элементъ естествознанія. Эта неполнота дала поводъ развиться въ началѣ XIX-го вѣка могущественному и блестящему періоду реакціи, когда научное мышленіе пыталось заимѣнить или по крайней мѣрѣ дополнить пріемами мысли, преи-

мущественно заимствованными изъ области художественнаго творчества, незамѣтно возвращаясь при этомъ къ давно пережитой точкѣ зрѣнія. Впрочемъ, этотъ періодъ реакціи господствовалъ надъ мыслию челоуѣчества недолго, и его результатомъ было новое обогащеніе науки. Со второй трети нашего вѣка она въ своихъ построеніяхъ беретъ въ соображеніе какъ основу, не только элементъ естествознанія, но и элементъ историческаго развитія. Кроме того, обязанность теоретической и практической связи науки съ жизнью становится все яснѣе и эту обязанность стараются выполнить путемъ широкой популяризаціи научныхъ свѣдѣній и возможно широкаго распространенія удобствъ жизни вслѣдствіе техническихъ улучшеній. Это, конечно, самый лучший путь для приданія современной цивилизаціи прочности. Но сдѣлано еще слишкомъ мало. Огромное большинство бѣднаго населенія Европы не пользуется выгодами научнаго способа мышленія ни въ отношеніи замѣтнаго увеличенія удобствъ жизни, ни въ отношеніи расширенія своего мышленія. Популяризація науки до него касается въ самой малой степени, но наслажденія, доставляемыя результатами науки образованному и достаточному классу, слишкомъ очевидны для бѣднаго. Мормоны предлагаютъ бѣдному населенію міра именно это единство и эту организацію, а въ награду—владечество міромъ. Конечно, они еще слишкомъ слабы, чтобы начать дѣйствительную борьбу во имя своихъ принциповъ, но ихъ распространеніе и крѣпкая организація образованнаго ими центра должны бы заставить мыслителей и руководителей народныхъ судебъ обратить болѣе вниманіе на ту опасность, которая можетъ грозить современной цивилизаціи міра.

Но и въ достаточномъ классѣ, связанномъ всѣми своими матеріальными и умственными интересами съ прочностью современной цивилизаціи, она пустила весьма непрочные корни. Ни аксіома неизмѣнности законовъ природы, ни исторія непрерывныхъ заблужденій челоуѣчества, ни критическое разграниченіе вопросовъ, доступныхъ наукѣ, отъ вопросовъ ей недоступныхъ, не предохранили образованнаго класса отъ спиритистической эпидеміи, коснувшейся даже столь сильныхъ умовъ, какъ Робертъ Оуэнъ. Схватившись за самый грубый элементъ научнаго метода, спиритисты выставили на видъ свои *наблюденія*, свои *опыты*, забывая, какими многосторонними предосторожностями естествоиспытатель долженъ окружить свой опытъ, чтобы этотъ опытъ имѣлъ какую-нибудь доказательность. Они забываютъ и то, какъ далекъ и затруднителенъ научный путь отъ субъективнаго ощущенія при наблюденіи до объективнаго результата, получаемаго изъ наблюденій. Стоило только появиться мысли о *новомъ способѣ*

колдовства, и въ умахъ миллионныя образованнаго меньшинства всея традиціи научной цивилизаціи разлетѣлись въ прахъ. Бэконъ и Декартъ, Ньютонъ и Гэрвей, Лавуазье и Кювье, Вольтеръ, Лессингъ и Кантъ не предохранили своихъ соотечественниковъ отъ желанія возобновить колдовство шамановъ, древнихъ некромантовъ, средневѣковныхъ мистиковъ. При первомъ поводѣ отъ науки, со всею ея остремленною критикою, отвергнувшись съ такою же ослотою, какъ въ предыдущіе періоды переходили отъ алхиміи въ кабаль, отъ папской мессы въ проповѣди Кальвина. Наука для большинства образованнаго общества нашего времени все еще не иное что, какъ одинъ изъ видовъ *спиритизма*, различающійся лишь по содержанію своихъ догматовъ отъ вѣрованій послѣдователей Якова Беме, хиліастовъ или ясновидящихъ. Подобное состояніе указываетъ на весьма малую прочность научнаго міросозерцанія въ образованномъ классѣ и на плохой педагогическій строй современной науки. Если своевременно мыслители и руководители общественныхъ силъ не примутъ мѣръ противъ подобнаго недостатка, то весьма можетъ представиться въ будущемъ случай, что современная цивилизація, подрываемая недовольствомъ класса, еще не пользующагася ея выгодами, не встрѣтивъ опоры и въ значительной части того класса, который ими пользуется, разлетится въ прахъ, какъ разлетались въ прахъ многія цивилизаціи прошлаго времени.

Потрясенія, грозящія опасностью человѣчеству въ этомъ отношеніи, проявляются постоянно въ формѣ личныхъ мистическихъ увлеченій и эпидемическихъ разливовъ мистики. Тѣ и другіе представляютъ довольно важные предметы исследования для внимательныхъ наблюдателей. Когда невѣрующіе въ новую мистику говорятъ о самообольщеніяхъ, о галлюцинаціяхъ, о временномъ помѣшательствѣ, то защитники мистическихъ явленій съ торжествомъ указываютъ имъ, что эти галлюцинанты и помѣшанные наилучшимъ образомъ отправляютъ свои обязанности по службѣ, занимаются торговлею, разбираютъ дѣла въ судахъ, произносятъ рѣчи предъ общественными собраніями, ведутъ политическія дѣла, и во всѣхъ этихъ сферахъ, ихъ дѣятельность не только не менѣе разумна, тѣмъ дѣятельность личностей, незараженныхъ мистическими эпидеміями, а весьма часто гораздо разумнѣе. Но едва ли въ комъ такъ ясно высказалась возможность подобнаго раздвоенія, какъ въ Сведенборгѣ, и едва ли болѣе широкимъ вѣрующимъ въ спиритистическія сообщенія усомнится относительно шведскаго яльмината, что на послѣднемъ судѣ 1757 г., въ духовномъ мірѣ и на соборныхъ совѣщаніяхъ ангеловъ, онъ присутствовалъ лишь въ галлюцинаціи такого же рода, въ какой средне-

вѣковне гонимы летали на оргіи шабаша. Между тѣмъ, Сведенборгъ былъ замѣчательнымъ ученымъ, а участіе его на сеймахъ, о которыхъ говорено выше, можетъ доказать, на сколько умъ его оставался ясенъ въ сферахъ, неприкосновенныхъ къ области его галлюцинацій. Новыя изслѣдованія доктора Лелю и другія, имъ вызванныя, даютъ мѣсто предположенію, не лишнему основательности, что весьма не малое число руководителей человѣческой мысли, величайшихъ героевъ челоуѣчества, страдало частнымъ нескисескимъ расстройствомъ. Поэтому, съ одной стороны, патологія духа приходится расширить свои изслѣдованія далеко за предѣлы психіатрическихъ клиникъ, и обратить вниманіе на признаки временнаго и частнаго патологическаго состоянія мысли въ личностяхъ, до сихъ поръ не подлежавшихъ вѣденію психіатровъ. Съ другой стороны, теперь *ни одно* некорректное явленіе въ мысли личностей не можетъ à priori считаться здоровымъ, какъ бы ни была разумна отправка мысли личности *во смятъ* прочихъ сферахъ. Точно такъ же, какъ временное и частное явно-патологическое состояніе мысли не дозволяетъ вовсе заключить объ общей неспособности личности въ общественной дѣятельности. Самые замѣчательные умы, какъ самые спокойные изслѣдователи, могутъ на нѣкоторомъ пунктѣ впасть въ самыя печальныя извращенія ощущеній и представленій. Въ этомъ случаѣ, они тѣмъ скорѣе, и тѣмъ послѣдовательнѣе будутъ извлекать самыя желѣныя результаты изъ извращенныхъ ощущеній и представленій, чѣмъ полнѣе сознаютъ себя здравомыслящими во всей остальной своей дѣятельности. Ихъ можетъ предохранить отъ вѣри въ свои заблужденія лишь твердо укоренившаяся мысль, что въ самомъ здравомыслящемъ челоуѣкѣ *могутъ* произойти патологическія явленія мысли. Но еще очень немногіе, подобно Николаю, окруженные видѣніями, послыдаютъ за медикомъ.

Эпидемическое развитіе мистики заставляеть, ковидному, патологію духа расширить свои изслѣдованія и въ области поварныхъ болѣзней. Гезеръ въ своей замѣчательной «Исторія поварныхъ болѣзней» говоритъ: «Въ средніе вѣка встрѣчались также и болѣзненныя отправления духовной жизни, и притомъ въ такой степени, въ какой они уже не повторялись впоследствии, въ періоды большаго развитія цивилизаціи». Но едва-ли ученый историкъ медицины волилъ правъ въ своемъ отзывѣ, ограничивая эти явленія лишь средними вѣками. Уже Карусъ въ своей брошюрѣ о духовныхъ эпидеміяхъ ** расширилъ эту область, введя

* Русскій переводъ В. Манассина въ приложеніи къ «Архиву суд.бной медицины» 1866 г. стр. 186.

** C. G. Carus: «Ueber Geistesepidemien der Menschheit» (1852).

въ нее мономанію вѣры въ колдуній (Monomanie des Hexenglaubens), при чемъ говоритъ (51): «Оно кажется страннымъ, когда мы обратимъ вниманіе на замѣчательную послѣдовательность ряда отдѣльныхъ духовныхъ эпидемій въ исторіи человѣчества, совершенно такъ, какъ это бываетъ для инфуэнцы, истребительнаго распространенія холеры, оспенныхъ эпидемій. За безумными процессіями бичующихся слѣдуетъ неистовая пляска, затѣмъ являются конвульсіонарія и таронтизмъ; точно также съ мономаніей вѣры въ колдуній, именно въ эпоху, когда она почти прекратилась, то-есть въ началѣ XVIII-го вѣка, связана, впрочемъ мѣстная, эпидемія вампиризма въ Венгріи и Сербіи». Можетъ быть, правильнѣе было бы связать эпидемію вѣры въ колдуній съ послѣдовавшими затѣмъ ревивалами методистовъ, съ глоссололіею ирвингійцевъ, съ эпидеміею вызыванія духовъ и мартинизма въ концѣ XVIII-го вѣка и съ эпидеміею медіумовъ въ наше время. «Есть страсти — говоритъ Соусей (Southey) въ жизни Уэслея — которыя заразительнѣе чумы, и даже боязнь не такъ заразительна, какъ фанатизмъ. Новѣйшая патологія, вѣроятно, обратитъ свое вниманіе на эти гибельныя явленія въ области мысли, и сочтетъ своею обязанностію бороться противъ нихъ, какъ она борется противу тифознаго, холернаго или чумнаго зараженія. Въ наблюденіи визионеровъ въ средѣ шекеровъ, на засѣданіяхъ медіумовъ психіатры могутъ найти драгоцѣнный матеріалъ для своей науки, точно также какъ при наблюденіи ревивалей. Особенности личностей на митингѣ спиритистовъ и у шекеровъ, о которыхъ говоритъ Диксонъ, показываютъ, какъ сильно и физическое дѣйствіе духовныхъ эпидемій. Конечно, обращеніе къ источникамъ подобныхъ эпидемій должно быть самымъ важнымъ вопросомъ для мыслящихъ психіатровъ.

Историческія вслѣдованія нашего времени имѣютъ также, въ сѣняхъ зараждающихся и разбивающихся на нашихъ глазахъ, весьма удобныя аналогіи для уясненія явленій, совершавшихся въ отдаленные періоды, лежащіе за предѣлами историческихъ свѣдѣтельствъ. На нашихъ глазахъ, среди совершенно исторической обстановки, являются пророки, не отличающіеся ни умственными, ни нравственными качествами. Критика подвергаетъ сомнѣнію ихъ откровенія; насмѣшки и гоненія встрѣчаютъ ихъ; они сами вредятъ всего больше себѣ; ихъ иногда уличаютъ въ обманъ; и все-таки ихъ проповѣдь находитъ тысячи вѣрующихъ, новыя вѣрованія распространяются съ неимоверною быстротою, лишь бы они захватили въ свою область какіе либо элементы жизненныхъ современныхъ требованій. Если нынѣшняя цивилизація при средствахъ, которыхъ человѣчество никогда не имѣло

въ своихъ рукахъ, оказывается безсильною противъ развитія въ-
рованій, ошибочность которыхъ нельзя не замѣтить всякому не-
зараженному человѣку, то на сколько подобная борьба противу
эпидемическихъ заблужденій могла бытъ затруднительна въ ми-
нувшемъ? Дѣло не въ физической борьбѣ. Конечно, современный
государственный строй дозволяетъ легче истребить сектаторовъ,
чѣмъ въ средніе вѣка истребили катаровъ; и римскіе импера-
торы нѣкогда не обладали такою организаціею полиціи, кака
существуетъ въ наше время. Но современная цивилизація едва-
ли допустить кровавое избіеніе мормоновъ съ тою беззащитно-
стью, которая руководила католицизмомъ папъ, инквизиторовъ
и испанскихъ королей; частная же гибель личностей только уси-
ливаетъ секты; но выше мы говорили о борьбѣ въ области
мысли, а распространеніе спиритизма достаточно убѣждаетъ въ
трудностяхъ этой борьбы. Вообще исторія върованій можетъ по-
черпать много удачныхъ объясненій изъ наблюденій современ-
наго сектаторства и его генезиса. Постоянная склонность боль-
шинства къ фантастическому, легкость зарожденія и распростра-
ненія духовныхъ эпидемій, когда онѣ отвѣчаютъ какой либо че-
ловѣческой потребности, способность сектъ распространяться
именно когда ихъ преслѣдуютъ, не обращая вовсе вниманія на
критическія возраженія, наконецъ, постоянно повторяющееся со-
единеніе даже въ весьма замѣчательныхъ личностяхъ уродливыхъ
галлюцинацій съ весьма здравыми взглядами на вещи — все это
элементы объясненія, доставляемые прямымъ опытомъ и весьма
годные для научнаго возсозданія подобныхъ же явленій прошлаго
времени.

Перехода отъ теоретическихъ соображеній къ практическимъ,
намъ остается упомянуть о тѣхъ средствахъ, которыя имѣетъ
общество для борьбы съ указанными выше патологическими явле-
ніями, средствахъ, которыя слѣдуютъ, впрочемъ, сами собою изъ
предыдущихъ соображеній.

Мормонизмъ и спиритизмъ представляютъ серьезную опасность,
но самое сильное противоядіе въ этомъ случаѣ заключается въ нихъ
самыхъ. Многоженство для мормонизма есть, конечно, элементъ вре-
менный, которымъ теперь мормонизмъ долженъ дорожить для быс-
траго увеличенія своей наличной военной силы, но который можетъ
и долженъ исчезнуть впоследствии. Тѣмъ не менѣе, этотъ прак-
тический догматъ до такой степени слился со всѣмъ строемъ мормони-
зма, что надолго будетъ изъ него невывѣдливъ, а исторія позавизвала
слишкомъ часто, что догматы совершенно временнаго свойства
обуславливали секту до такой степени, что она связывала съ
ними свое существованіе въ періодъ, когда эти догматы уже

териали всякій извѣстный смыслъ. Если это будетъ и съ догматомъ многоженства у мормоновъ, то едва-ли онъ не станетъ губительнѣйшимъ, развѣдывающимъ началомъ въ ихъ средѣ. Съ одной стороны женскій вопросъ въ Америкѣ можетъ подвигнуться на столько къ своему рациональному рѣшенію, и самое развитіе женщинъ можетъ принять на столько реальный характеръ, что фантастическіе престолы мужей-боговъ въ будущемъ сдѣлаются уже недостаточною приманкою для женщинъ, чтобы прѣмѣнять выгодное положеніе леди въ другихъ сектахъ Америки на униженное положеніе шестой или седьмой жены мормонскаго апостола, вѣчно обремененной ребенкомъ. Съ другой стороны, когда два поколѣнія женщинъ вырастутъ на Солѣнномъ озерѣ въ ихъ новыхъ гаремахъ, то умственное и нравственное развитіе женщинъ среди мормоновъ должно на столько понизиться, что онѣ станутъ губительно дѣйствовать на растущее поколѣніе, ослабляя его физически и нравственно, а слѣдовательно и уменьшая его шансы въ борьбѣ съ «язычниками». Если мормоны не откажутся въ время отъ многоженства, перейдя къ равноправности половъ, то можно предсказать, что многоженство погубитъ ихъ.

Несравненно существеннѣе для строя мормонизма то безусловное господство, которое находится въ рукахъ пророка. На этомъ держится вся организація мормонизма, а въ этой организаціи его главная сила. Но эта организація, какъ и всякое общественное устройство, основанное на началахъ деспотизма, страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что дѣйствія всей машины зависятъ отъ случайности, отъ жизни лица, стоящаго во главѣ организаціи. Смерть Бригама Юнга можетъ совершенно измѣнить положеніе мормонизма, и безъ того трудное. Догматическіе споры могутъ получить преобладаніе и внести въ секту новые расколы. Личное неблагоразуміе пророка можетъ бросить секту слишкомъ рано въ завоевательную борьбу, которая повела бы къ уничтоженію политическаго значенія мормонизма. Безграничная власть пророка можетъ его легко склонить къ злоупотребленіямъ, которыя вызовутъ критику, а съ нею и полное разрушеніе организаціи секты. При своемъ высокомъ положеніи, пророки мормоновъ должны обладать обширными практическими умомъ и тактомъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а еще болѣе сдержанностью въ пользованіи властью, ничѣмъ не ограниченной. Но гдѣ же исторія представляла вѣскольво длинный рядъ неограниченныхъ влстителей, которые бы обладали подобными достоинствами?

Спиритизму грозитъ отсутствіе пракческаго знанія. Если уже теперь раздаются въ его средѣ голоса, требующіе дѣла, обви-

являющіе спиритистовъ въ безплодной забавѣ разговорами съ духами, то совершенно естественнымъ путемъ эти оповещенные голоса должны сдѣлаться многочисленнѣе и горячѣе, особенно въ такой дѣловой странѣ, какъ Сѣверная Америка. Если спиритизмъ долго пребудетъ на своей нынѣшней точкѣ зрѣнія, то къ нему все яснѣе выступить на свѣтъ та же двойственность, которая возмущаетъ сектаторовъ въ старыхъ ученіяхъ: между практическими знаніями, занятіями, жизнью спиритистовъ и ихъ культомъ, заклинаніемъ мертвецовъ, не будетъ ничего общаго. Тогда наступитъ охлажденіе, отпаденіе самыхъ искреннихъ, самыхъ энергичныхъ личностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и миллионы спиритистовъ потеряютъ всякое общественное значеніе; изъ оппозиціи, имѣющей смыслъ, спиритизмъ обратится въ то, чѣмъ онъ уже теперь является въ нѣкоторыхъ кружкахъ,—въ забаву пустоголовыхъ рентьеровъ и рентьерокъ, незнающихъ куда дѣвать время, да въ шарлатанство эксплуататоровъ мелкаго свойства. Чтобы выйти изъ нынѣшняго положенія, спиритизму придется *создать* себѣ дѣло, воспринять въ себя одинъ изъ живыхъ вопросовъ современности. Но исторія показываетъ, что всякой многочисленной сектѣ, именно вслѣдствіе ея многочисленности, крайне трудно совершить существенное измѣненіе своего характера. Уже теперь спиритисты что-то очень гордятся своею многочисленностью, хотя эта многочисленность до сихъ поръ не послужила имъ ровно ни къ чему, а всего скорѣе способна создать въ нихъ средѣ нѣсколько группъ медіумовъ, взаимно объявляющихъ другъ друга лже-медіумами.

Если предшущія основанія служатъ къ ослабленію мормоновъ и спиритистовъ въ отдѣльности, то общее ихъ недовѣріе къ наукѣ отнимаетъ у нихъ содѣйствіе самой здоровой части общества. Подчинить свою мысль безусловному вѣрѣченію пророка, или принять за дѣйствительныя явленія разговоры медіумовъ съ великими людьми минувшаго, невообразимо поглупѣвшими послѣ смерти, едва-ли можетъ и на минуту человѣкъ, усвоившій методы науки и ея критическіе приемы. Слѣдовательно усиленіе мормоновъ и спиритистовъ подобными личностями невозможно. Но оппозиція послѣднихъ, даже при ихъ малочисленности во всемъ цивилизованномъ мірѣ, имѣетъ большое значеніе, которое, въ глазахъ весьма многихъ колеблющихся, отнимаетъ много вліянія у новыхъ сектъ. Надо надѣяться, что оппозиція ученаго міра будетъ достаточна, вслѣдствіе его двухсотлѣтняго авторитета, чтобы отстоять научную традицію новой цивилизаціи.

Въ наукѣ заключается и самое сильное оружіе, которое обще-

ство можетъ противопоставить разливу мистическихъ сектъ. Расширяя общее образованіе, связывая его съ строго-научнымъ высшимъ обученіемъ, наконецъ, популяризируя научную вѣртку въ родѣ общепонятныхъ сочиненій и публичныхъ лекцій, общество будетъ бороться самымъ дѣйствительнымъ образомъ противу проповѣди пророчества мормоновъ и колдовства спиритистовъ. Конечно, это будетъ борьба въ области теоріи. Для полнаго успѣха, необходимо, чтобы она шла и въ жизни, удовлетворяя той естественной потребности, которая привлекаетъ массы въ новыя секты, и отнимая у сектаторовъ то живое основаніе, которое имъ придаетъ ихъ главную силу. Мы видѣли, что для мормоновъ это основаніе заключалось въ томъ, что еще большинство населенія въ цивилизованныхъ странахъ несетъ лишь тагость цивилизаціи, но не ощущаетъ ея выгоды. Лишь дѣлая эти выгоды возможно болѣе ощутительными для большинства, цивилизованное меньшинство можетъ оградить себя отъ опасности появленія сектъ, которыя, обѣщая удовлетворить желанію бѣдняковъ наслаждаться, организовали бы изъ нихъ силу, враждебную современной цивилизаціи. Должно сознаться, что въ этомъ отношеніи сдѣлано еще крайне мало. Налоги для бѣдныхъ и рабочіе дома оказались вовсе несостоятельными. Ассоціаціи рабочихъ обѣщаютъ нѣсколько болѣе; но чтобы имѣть какое-либо дѣйствительное значеніе, онѣ бы должны получить несравненно болѣе широкіе размѣры, чѣмъ онѣ имѣютъ до сихъ поръ. Главнымъ пособіемъ остается все-таки частная благотворительность. Что касается до живаго основанія существующаго для спиритистовъ, то, какъ мы видѣли, оно заключается въ оппозиціи сектамъ, которыя не могли побѣдить двойственности между ученіемъ и практической жизнью. Это основаніе могло бы быть отнято у спиритистовъ, какъ и у другихъ оппозиціонныхъ сектъ, когда бы упомянутая двойственность исчезла. Но какъ это сдѣлать? Жизнь теоретическая и практическая приняла, повидимому, уже столь опредѣленные формы, что ожидать ея приравненія къ ученіямъ, какъ это ожидали впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и до конца XVI вѣка, по меньшей мѣрѣ смѣло. Остается ожидать, что ученіе приравняется къ потребностямъ жизни.

Расширеніе знанія, усвоеніе методовъ научной критики, свобода мысли и совѣсти, улучшеніе быта низшаго класса, устраненіе двойственности между ученіемъ и практической жизнью,— все это современные требованія, вызывающія издавна заботы мыслителей и государственныхъ людей. Эти же требованія вызываютъ и будутъ вызывать появленіе сектъ, стремящихся имъ удовлетворить въ частности съ бѣльшимъ или меньшимъ искусствомъ.

Впрочемъ, въ наше время, эти обширныя требованія еще усложняются новыми вопросами, все болѣе выступающими впередъ въ своихъ трехъ фазахъ: экономическомъ, политическомъ и семейномъ. Это—женскій вопросъ.

Ми до него едва коснулись, да и вовсе не имѣемъ въ виду посвятить ему много мѣста, но послѣдняя появившаяся книга Диксона * заставляетъ насъ все-таки удѣлить ему нѣсколько страницъ. Въ этихъ статьяхъ ми пытались показать, что европейцу такъ же мало приходится смотрѣть съ пренебреженіемъ на странныя явленія сѣверо-американскаго сектаторства, какъ больному, котораго шарлатаны-медики предохраняли въ нѣкоторой степени отъ *макоосмы* проявленій болѣзни, приходится сожалѣть о человѣкѣ, зараженномъ тѣмъ же страданіемъ, но преимущественно въ формѣ прыщей, вышннихъ болячекъ и т. п. Всѣ наглыѣшшія фантазіи американскихъ сектъ коренятся издавна въ старомъ мѣрѣ, откуда онѣ принесены въ новый, и старинный мѣрѣ болѣе систематически стремятся привить официальную заразу истины изъ растущимъ повольтіямъ, чѣмъ новый, то-есть именно ту заразу, которая даетъ начало всѣмъ упомянутымъ нелѣпнымъ фантазіямъ. Всѣ практическія требованія, которыя придали живенность сильнѣйшимъ новымъ сектамъ Америки, волнуютъ умы стараго міра и требуютъ отъ него рѣшенія столь же неотступно, какъ въ Америкѣ, но только въ Америкѣ этотъ новый живой элементъ, вслѣдствіе удобнѣйшихъ политическихъ условій, могъ подвергнуться разностороннему

* *W. H. Dixon: «Spiritual wives»* (1868). Я получилъ эту книгу, когда статья о «Сѣверо-американскомъ сектаторствѣ» была уже кончена и отправлена въ редакцію. Прочтеніе втораго тома книги Диксона, относящагося въ Америкѣ, побудило меня измѣнить лишь одно прилѣчаніе («Отгч. Зап. 1868, № 7, отд. I, стр. 818») и прибавить этотъ конецъ, преимущественно потому, что авторъ отчета о новой книгѣ Диксона въ № 4 «Отгч. Зап.» (полученномъ мною также слишкомъ поздно) какъ бы предполагалъ, что я дополню его интересней обзоръ въ томъ, что касается Америки. Но цѣль моихъ статей совсѣмъ иная. Какъ ни интересны біографическія факты жизни Мэри Крэггинъ, Мэри Ливкольтъ или Луисини Эмиревель, но мнѣ на нихъ останавливаться было бы столь же невозможно, какъ выписывать весьма интересныя данныя о личности Бриггса Юнга, Фредерика или Нойеса изъ «Новой Америки». Поэтому мнѣ жаль, что мой товарищъ по журналу не беретъ на себя обязанности ознакомить публику и съ этимъ отдѣломъ новой книги Диксона. Женскій вопросъ не можетъ еще дать начала новой сектѣ съ политическимъ и социальнымъ вліаніемъ. Его задача въ этомъ отношеніи принадлежитъ будущему, и потому я не считаю себя въ правѣ поставить секты перфекционистовъ, приверженцевъ свободной любви и т. д. рядомъ съ могучею организаціей нормоновъ или съ эпидеміею спиритистовъ. Но женскій вопросъ оказываетъ свое вліаніе на всѣ существующія секты, и данныя, представляемыя въ этомъ отношеніи новою книгою Диксона, заставляютъ меня прибавить эти страницы.

обсужденію, показать свою силу, свое жизненное значеніе и свою практическую важность. Если европеец закрываетъ глаза на важность практическихъ вопросовъ, вызывающихъ въ Америкѣ болѣе или менѣе странна попытку, то онъ этимъ не отклоняется отъ себя нисколько необходимости рѣшить эти вопросы и для себя, подвергаясь всѣмъ практическимъ неудобствамъ этого рѣшенія, если оно будетъ сдѣлано не во время, не вполнѣ или не полно. Добровольное закрытіе глазъ въ этомъ отношеніи будетъ имѣть лишь то вѣроятное слѣдствіе, что ошибки, неудобства и страданія при рѣшеніи «проклятыхъ» вопросовъ будутъ расти прогрессивно для каждаго новаго поколѣнія. Какъ европейцу полезно изучить фантастическія болячки Америки, потому что это симптомы болѣзни Европы, такъ ему полезно изучить и практическіе элементы американскихъ сектъ, потому что это проявленіе требованій, присутствующихъ съ неменьшею силою и въ Европѣ.

Женскій вопросъ принадлежитъ къ одному изъ самыхъ гучныхъ и затруднительныхъ вопросовъ для настоящаго времени. Мы объ немъ говорили выше, но теперь приходится вернуться къ нему, рассматривая его какъ элементъ, входящій въ строй американскихъ сектъ. Мы говорили, что рациональнаго рѣшенія женскаго вопроса можно ожидать, повидимому, въ трехъ послѣдательныхъ фазисахъ. Прежде всего женщины въ значительномъ числѣ должны получить ту самостоятельность въ экономическомъ отношеніи и въ сферѣ знанія, которая дозволяетъ отстаивать свои права. Затѣмъ, какъ общественная сила, онѣ могутъ приобрести политическое вліаніе и измѣнить свое положеніе юридически, путемъ законодательныхъ реформъ. Но изъ юридическихъ вопросовъ для женщинъ едва-ли не послѣднимъ можетъ быть рѣшенъ вопросъ о бракѣ, семьѣ, дѣтяхъ и о правѣ свободнаго выбора. Этотъ послѣдній вопросъ, какъ не только юридическій, но нравственный и, въ особенности, культурный, требуетъ для своего рациональнаго рѣшенія, чтобы женщины въ большинствѣ *привычки* смотрѣли на себя, а мужчины *привычки* смотрѣли на нихъ, совершенно иначе, чѣмъ до сихъ поръ, именно какъ на экономически, политически и юридически самостоятельную силу. Извѣстно, что всего упорнѣе держатся въ обществѣ привычки, и потому именно мы полагаемъ, что вопросъ о половыхъ и семейныхъ отношеніяхъ долженъ всего долѣе ожидать для себя правильнаго рѣшенія.

Между тѣмъ этотъ вопросъ становится теперь на самое видное мѣсто, да и въ исторіи женщинъ играетъ главную роль. Оно весьма понятно, потому что для всѣхъ другихъ элементовъ

женскаго вопроса раздѣленіе половъ и ихъ особенности представляютъ лишь одно изъ условій, всѣ же другія условія устраняютъ совершенно половое различіе, беря въ соображеніе лишь общечеловѣческія свойства. Половая особенность женщины можетъ, конечно, имѣть вліяніе на ея значеніе какъ экономической силы, какъ политическаго дѣятеля, какъ юридическаго лица, но все-таки для всѣхъ этихъ областей самое важное — доказать, что понятіе о *человѣкѣ вообще*, какъ познающемъ, нравственно-отвѣтственномъ предъ собою и предъ другими, способномъ поставить себѣ цѣль и отыскивать для нея средства, приложимо вполнѣ къ женщинѣ. Въ области любви, брачныхъ отношеній и семьи, особенность половъ выступаетъ на первый планъ. Любашіе относятся другъ къ другу не просто какъ человѣкъ къ человѣку, а какъ два лица *различнаго* пола. Именно здѣсь общечеловѣческая привязанность соединяется съ однимъ изъ сильнѣйшихъ животныхъ влеченій, и влеченіе, имѣющее свой спеціальнй мотивъ, свою спеціальную цѣль, служитъ началомъ процессу, исходъ котораго не имѣетъ ничего общаго съ первоначальнымъ мотивомъ. Два лица равнаго пола сближаются, потому что чувствуютъ нравственную или умственную симпатію, физиологическое предпочтеніе. Цѣль сближенія — доставить себѣ и любимой особѣ нравственное, умственное или чувственное наслажденіе. И мотивъ и цѣль совершенно личны, не имѣютъ никакого общественнаго значенія, ни до кого не касаются, по самой природѣ вещей, кромѣ сближающихся особъ. Но исходъ процесса есть ребѣнокъ, и его существованіе есть фактъ, относящійся прямо до общества, къ которому они принадлежатъ. Ребѣнокъ — возможный гражданинъ этого общества. Его питаніе, воспитаніе и направленіе не могутъ быть индифферентны для общества. И вотъ общество, вступаясь за свои интересы, прежде всего не можетъ найти простѣйшаго исхода, какъ заставить старшее поколѣніе кормить и воспитать младшее. Но собственность, сила и экономическое превосходство въ рукахъ мужчины; *онъ* гражданинъ; слѣдовательно преимущественно *онъ* долженъ кормить дѣтей и заботиться о развитіи ихъ сообразно требованіямъ отъ гражданина. Для этого, повидимому, справедливо, чтобы онъ заботился о *своихъ* дѣтяхъ. Но не онъ рождаетъ ихъ. Отсюда требованіе обезпеченія юридическаго, религіознаго, нравственнаго, что существа, предоставленнаго его заботѣ, суть *его* дѣти. Нравственное требованіе единожудія, религіозное и юридическое освященіе брака являются въ пособіе этому обезпеченію. Законъ, общественное мнѣніе, говорятъ мужикъ и женщины: когда вы связаны бракомъ, составляйте экономиче-

скую единицу, хотя бы вы считали одинъ другого мошенниками; составляйте нравственную единицу, хотя бы вы ненавидѣли или презирали одинъ другого. Обществу нѣтъ дѣла, что васъ соединяетъ или раздѣляетъ: для него важно, чтобы ребенокъ, рождающійся отъ женщины, имѣлъ законнаго, религіею освященнаго и общественнымъ мнѣніемъ признаннаго воспитателя.

Законъ, для котораго влеченія не существуютъ, утилитарный взглядъ на первобытной его точкѣ, когда они не берутся въ соображеніе, наконецъ всѣ тѣ возвращенія, въ которыхъ личность, съ самими присущими ей особенностями, считается лишь служебнымъ элементомъ для какой-либо идеи, неизбежно подчиняли всѣ требованія личнаго полового сближенія соображеніямъ о результатѣ этого процесса, и юридическій элементъ полового союза сталъ преобладающимъ. Въ этомъ союзѣ видѣли преимущественно не естественнѣйшую связь двухъ самостоятельныхъ личностей, а источникъ нарожденія дѣтей.

Всѣ невыгоды этихъ возвращеній обратились преимущественно на женщинъ. Онѣ, какъ экономически зависима, не имѣли возможности отстаивать своихъ правъ, и, кромѣ того, *онѣ* рождали дѣтей, слѣдовательно опредѣлить, кому кормить ребенка, казалось невозможнымъ, не опредѣлявъ, кому *принадлежитъ* женщина. Но поведеніе мужа на это вліяніе не имѣло. Оттого крайне рѣдки случаи законнаго многомузія. Оттого многоженство и конкубинатъ были часто освящены религіею и закономъ для мужчинъ. Оттого даже тамъ, гдѣ религія и законъ были одинаково или почти одинаково строги для женщины и для мужчины, общественное мнѣніе становило ему въ меньшій проступокъ *явное* нарушеніе брачной связи, чѣмъ женщинѣ. Ей дозволялось лишь лицемеріе.

Но былъ одинъ мотивъ, который въ большинствѣ человѣчества господствовалъ надъ юридическимъ, такъ что самъ законъ явно всмалъ въ немъ опоры. Это былъ мотивъ религіи. Естественное стремленіе къ свободному выбору нашло исходъ именно здѣсь. Во имя религіознаго мотива люди могли сближаться независимо отъ пола, и *религіозную единицу* могли образовать личности, независимо отъ семьи, опредѣлявшей юридически фізіологическое, экономическое и нравственное сближеніе. Это, конечно, могло быть лишь тогда, когда религія сама сдѣлалась не элементомъ семьи, рода, націи, но элементомъ столь широкаго и абстрактнаго единства, что, въ сущности, обратилась въ дѣло чисто личное, именно въ новомъ христіанскомъ мірѣ. Право субъективнаго выбора товарищей въ дѣлѣ религіи было первымъ правомъ свободнаго выбора для женщины. Раба семьи,

раба нумъ, вещь закона, она была свободна, какъ вѣрующая, могла идти молиться съ тѣмъ или другимъ подданнымъ, могла помогать въ Коринѣ или Римѣ тому или другому проповѣднику, могла сама выступить пророцѣей. Сближеніе половъ можетъ очень ограничиться нравственнымъ сближеніемъ, при которомъ физиологическій мотивъ остается невывсказаннымъ или даже несозваннымъ; но этотъ путь *иногда* велъ отъ мистическаго сближенія къ чувственному, что доказано многочисленными соитіями какъ прежняго, такъ и новаго времени. Мистическій выборъ былъ религіознымъ правомъ, но мистическая любовь обращалась иногда въ чувственную, а отсюда рождался вопросъ о правѣ чувственнаго выбора внѣ семьи и брака на основаніи религіозной близости. Отсюда и та теорія *духовнаго брака*, которую Диссонъ слѣдитъ въ Германіи, Англии и Америкѣ.

Однако, протестъ противъ юридическаго взгляда на половой союзъ шелъ не только съ точки зрѣнія религіозной. Послѣдняя обуславливала физиологическую и нравственную связь религіозною. Но были критики, дававшіе личнымъ влеченіямъ болѣе или менѣе опредѣляющее значеніе внѣ всякаго внѣшняго мотива. Какъ юридическая точка зрѣнія имѣла въ виду въ половомъ союзѣ *только* дѣтей, изъ него происходящихъ, такъ критики видѣли въ виду *только* взаимное влеченіе, сближающее лица разнаго пола. Тамъ, говорили они, гдѣ, къ взаимному физиологическому влеченію присоединяется нравственное, существуютъ *все* условія человѣчнаго союза; онъ исполнѣнъ законенъ, потому что онъ есть свободный договоръ, исполняемый безъ принужденія; онъ освященъ природою (или ея Творцомъ), такъ-какъ она (или ея Творецъ) создаетъ физиологическія или нравственныя симпатіи; онъ не подлежитъ общественному суду, какъ дѣло личное для двухъ соединяющихся. Какъ только физиологическаго и нравственнаго влеченія между личностями нѣтъ, то ихъ союзъ вреденъ для нихъ, вреденъ для общества, противоестественъ и преступенъ. Это теорія *свободной любви*, которой также Диссонъ посвятилъ нѣсколько главъ. Тутъ рожденіе дѣтей, результатъ полового сближенія, былъ признаваемъ второстепеннымъ пунктомъ, такъ-какъ сближеніе личностей — есть элементъ нравственный, рожденіе же дѣтей — физиологическій: первое должно обуславливать общественный строй и его законы; второе должно быть взято лишь въ соображеніе при частныхъ узаконеніяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Само собою разумѣется, что теоретики свободной любви должны были рѣшить одинъ изъ двухъ вопросовъ: какое измѣненіе ввести въ современный строй общества съ его началами семейной связи, частной собственности,

семейнаго воспитанія и т. д., чтобы теорія свободной любви была осуществима? Какъ построить общество на началахъ, между которыми свободная любовь занимала бы одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ? Всѣ тѣ, которые остановились на первомъ вопросѣ, в которыхъ можно назвать *реформаторами* семьи и брака, не пошли далѣе теоріи развода, какъ уже было сказано выше, и, большею частью, признали осуществленіе теоріи свободной любви невозможнымъ. Люди, которые, сознавъ невозможность рѣшить первый вопросъ, обратились ко второму, *революціонеры* семьи и брака, вступили неизбежно въ рядъ социалистическихъ мыслителей, и Диксонъ связываетъ проявленія этого ученія въ Америкѣ съ именами Роберта Оуэна и Фурье, или съ позитивизмомъ, проповѣдуемымъ на «Берлинскихъ высотахъ» или въ «Новыхъ временахъ».

Но всѣ эти проявленія или исчезли, не оставивъ слѣдовъ, или едва существуютъ, какъ организованныя общества. Нѣкъ пишетъ слѣдующее *: «Всѣ научныя ассоціаціи терпятъ крушеніе, но релігіозный социализмъ процвѣтаетъ, какъ бы Провидѣніе ему улыбалось». Здѣсь онъ подразумѣваетъ шекеровъ, мормоновъ и библейскихъ коммунистовъ, то-есть собственную общину. Но отношеніе этихъ сектъ къ женскому вопросу весьма различно.

Шекеры разрѣшили его такъ, какъ онъ уже давно разрѣшенъ въ монастыряхъ: оба полюса полового союза устранены зарѣзъ. Производеніе дѣтей не имѣетъ мѣста и всѣ затрудненія семьи исчезаютъ съ ея основой. Половое влеченіе не имѣетъ мѣста, и слѣдовательно о свободной любви говорить нечего. Мужчины и женщины существуютъ для шекеровъ уже не какъ мужчинамъ и женщины, а какъ *безтолпе*. Какъ бы ни смотрѣли на это рѣшеніе, оно имѣетъ то неудобство, что обрекаетъ общество на немедленную смерть, если распространимъ это общество на все человѣчество.

Для мормоновъ женщина есть лишь орудіе. Имъ надо размножаться и имѣть дѣтей, какъ можно болѣе дѣтей въ самое короткое время. Понятно, что другаго психода кромѣ многоженства быть не можетъ, а при многоженствѣ свободный выборъ воли отрицается. Женщина можетъ выбирать небеснаго жениха, но пророкъ назначаетъ ей земнаго мужа и, сама она, униженная гаремною жизнью, отсутствіемъ участія въ общественной жизни, не сознаетъ за собою права на свободный выборъ, считаетъ себя преступницею, если нарушаетъ союзъ, внѣ духовнаго брака. Мы уже говорили о вліяніи этого способа рѣшенія на мормоновъ, и на опасности, имъ грозяція именно отъ него. При бо-

* «Spir. wives». II, 184.

лѣ тѣсной связи Утахн съ прочею територіею республики, едва-ли это новѣршіе можетъ удержаться.

Оба эти пріема въ отношеніи женскаго вопроса даже не заслуживаютъ названія приблизительно-раціональнаго рѣшенія. Но не таково значеніе теоріи перфекціонистовъ, какъ тѣхъ, которые возникли въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка въ средѣ методизма, такъ и библейскихъ коммунистовъ отца Нойеса, проповѣдующаго «сложный бракъ».

Эго движеніе началось вслѣдъ за ревнвалими 1832 г. въ Нью-Йоркскомъ штатѣ и въ Массачузетѣ, и здѣсь, совершенно согласно тому, что было сказано выше, начало свободнаго выбора духовнаго товарища опиралось на элементъ религіозный, который сначала былъ чуждъ всему чувственному, потомъ сталъ освященіемъ чувственнаго союза. Люцина Эмфревилъ (Umpfreville) столь же строго смотрѣла на цѣловныя отношенія, какъ и шекеры, но здѣсь важно было то обстоятельство, что во имя духовнаго средства, она проповѣдывала право выбора *одного* человека, какъ духовнаго мужа, а не вступленіе въ общину безразличныхъ товарищей. Адамъ искалъ свою Эву, по выраженію Нойеса, Эва — своего Адама. Мужчины и женщины избирали другъ друга для тѣсной духовной дружбы, устраняя всякую мысль о чувственности, и переносили на этотъ духовный свободный союзъ всю стыдливость, съ которою плотская любовь охраняетъ отъ любопытства чужихъ самую интимную человѣческую связь. Вскорѣ распространился терминъ *духовнаго брака*, разрушающаго связи законнаго союза, чтобы образовать новый, чуждый чувственности, но опирающийся только на свободно признанное средство личностей. Въ Массачузетѣ, подъ вліаніемъ страстной натурн Мэри Линкольнъ, духовное сближеніе уже близко подошло къ чувственному. «Въ обращеніи — говорить Нойесь* — принята была свобода, повидному невинная, и конечно приятная, но которая ни въ сейчасъ показала опасною». Затѣмъ проявились частію случайныя взрывы чувственности, частію разрушенія семей для новыхъ выборныхъ союзовъ, въ выгоднѣйшихъ же случаяхъ просто бракъ по внутреннему выбору. Но послѣднее оставалось случайностью, а начало свободнаго выбора, какъ только оно переходило изъ области *духовнаго средства* въ область *плотскаго союза*, немедленно сталкивалось со всѣмъ привычнымъ общественнымъ строемъ. Послѣдній требовалъ, чтобы ребѣнокъ *принадлежалъ* отцу, слѣдовательно чтобы жена *принадлежала* мужу, и чтобы эта принадлежность была обусловлена привычнымъ

* «Spir. wives». II, 37.

законнымъ порядкомъ. Когда, на далевомъ западѣ, Мидъ (Mead) вступилъ въ духовно-плотской бракъ съ женою свитатера съ согласіемъ ея мужа и брата, и когда родился отъ этого союза ребенокъ, то возмущенные свитатеры подвергли трехъ мужчинъ наказанію дегтемъ и перьями, а Мидъ былъ посаженъ судьей въ тюрьму. Провести эту теорію, во всѣхъ практическихъ ея слѣдствіяхъ, съ религіозной точки зрѣнія, въ прежнее общество, съ его юридическими формами и привычной культурой, было такъ же невозможно, какъ и сдѣлать это путемъ рациональныхъ реформъ. Кто держался идеи свободнаго выбора, для того неизбежно было прийти къ революціоннымъ воиствамъ и на этомъ пути.

Но эту точку зрѣнія сталъ Нобесъ уже въ 1837 г., когда онъ писалъ письмо, извѣстное подъ названіемъ: «The battle-axe letter», потому что оно было напечатано въ журналѣ «Боевой топоръ» (The battle-axe). Здѣсь онъ писалъ: «Свадебный пиръ агица есть празднество, гдѣ всякое блюдо свободно для всякаго гостя. Исключительность, ревность, ссоры, не имѣютъ здѣсь мѣста по той же причинѣ, по которой гости на пирѣ не могутъ требовать блюда *исключительно* имъ принадлежащаго и спорить съ другими за это право. Въ священнои обществѣ не болѣе причины стѣснять закономъ положенія сношенія, какъ стѣснять имѣнью и питье, и столь же мало причины стыдиться одного, какъ и другаго... Гости свадебнаго пира могутъ имѣть каждый свое любимое блюдо, блюдо ими самимъ себѣ добытое, и это безъ ревности, требующей исключительности». Конечно, подобное ученіе должно было вызвать возмущеніе со всѣхъ сторонъ, и обвиненія въ развратѣ посыпались на его проповѣдника. Надо отдать справедливость Нобесу, что онъ употребилъ все свое личное вліяніе, чтобы предотвратить проявленія чувственности, разжигаемыя религіозною восторженностью, тамъ гдѣ они не имѣли рационально-общественнаго, связующаго основанія. Чувствуя опасность въ обществѣ женскихъ бримфильдскихъ фанатиковъ, онъ бѣжалъ отъ нихъ ночью. Онъ явился разумнымъ примирителемъ и совѣтникомъ въ исторіи Мэри Крэггинъ, весьма интересной по патологическому дѣйствию религіознаго элемента въ вопросѣ о свободномъ выборѣ. Изъ всего разсказа видно, что, на основаніи самаго свободнаго выбора, лучшаго союза какъ Джоржъ и Мэри Крэггинъ, даже придумать трудно. Между тѣмъ, подѣ вліяніемъ влюбленнаго проповѣдника, ревниваго и страстнаго, этотъ союзъ совсѣмъ было-разрушился. Конечно, въ этомъ нельзя видѣть вліяніе ученія свободной любви и духовнаго брака,

* «Spir. wives». II, 55 и слѣд.

потому что анекдотическая хроника жизни духовниковъ въ католическихъ представляетъ совершенно подобныя примѣры, лишь съ прибавкою неизбежнаго лицемерія. До 1846 г. Нейесъ воспитывалъ своихъ учениковъ въ «поддержаніи и критическомъ привычкахъ», стараясь «очистить поле», на которомъ онъ дѣйствовалъ, «отъ легкомысленной чувственности (libertinism)». Въ 1846 г. онъ основалъ свою общину на берегахъ Онеидскаго ручья, но началъ «сложнаго браня»; Диксонъ, въ первомъ своемъ сочиненіи, сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о ней.

Можно было ожидать, что начало свободнаго выбора, изъ котораго вышло это движеніе, будетъ совершенно послѣдовательно проведено адѣсь, тѣмъ болѣе, что Нейеса ничто не стѣсняетъ. Община имѣла средства существованія, а въ теоріи перфекціонистъ не дѣлаетъ ни малѣйшей уступки существующему порядку вещей. По словамъ Диксона (331): «онъ отвергаетъ законъ божій точно такъ же, какъ и законы человѣческіе; онъ единолично отрицаетъ всѣ гражданскіе законы, всѣ государственныя статуты, всѣ соборныя постановленія, десять заповѣдей, нагорную проповѣдь, молитву Господню, всѣ старія правила, всѣ старія обязательства, принятія на себя вольно и неволью, отъ зарокъ трезвости до супружескихъ обѣтовъ. Онъ не признаетъ ничего, что напоминало бы ему о старомъ человѣкѣ, о старомъ гражданѣ. Онъ отрицаетъ церковь, отрекается отъ всѣхъ своихъ обязательствъ, презираетъ судей и полицію. Покинувшись Богу, онъ отрицаетъ всѣ предохранительныя условія жизни, изобрѣтенныя человѣкомъ». Дѣйствительно, при устройствѣ Онеидской общины, «братья не постановили никакихъ правилъ, не избрали никакихъ начальниковъ. Каждый мужчина долженъ быть закономъ для себя, каждая женщина для себя; что же касается до начальниковъ, то братья объявили, что природа и образованіе дѣлаютъ людей начальниками другъ надъ другомъ, поставляя ихъ на тавія мѣста, для которыхъ они рождены и подготовлены; другими словами, они говорили, что Богъ самъ управляетъ ими съ помощью отца Нейеса, видимаго намъ и царя. Все достоинствіе и доходы братьевъ были отдаваемы Христу; и они пользовались только тѣмъ, которые соединились съ нимъ духовно. Жены и дочери святыхъ должны были быть столь же общими, какъ хлѣбъ и рыба» (343).

Но въ сущности свободный выборъ совсѣмъ исчезъ въ Онеидской общинѣ, и самая интимная связь двухъ личностей, дѣло совершенно частное и только до нихъ касающееся, сдѣлалось дѣломъ общественнымъ. Это произошло во имя принципа *символіи*, который оказался необходимымъ Нейесу для устройства

общины. Объ этомъ принципѣ Диксонъ говоритъ (333), что симпатіа играетъ у онеидскихъ коммунистовъ роль общественнаго мнѣнія въ остальномъ мірѣ. Симпатіа направляетъ индивидуальную волю и миритъ естественные порывы съ повиновениемъ, свободу съ вдохновеніемъ.

Такимъ образомъ братъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, но все, что онъ дѣлаетъ, должно быть въ строгой симпатіи съ общимъ желаніемъ. Если общее мнѣіе противъ него, то онъ, значить, поступаетъ дурно, то-есть онъ совращается съ пути благодати, и единственное для него средство спасенія возвратиться вспять и дѣлать то, что согласно съ общимъ желаніемъ. Семья всегда мудрѣе отдѣльнаго ея члена.

«Человѣкъ, желающій чего нибудь для себя, напримѣръ, новой нилпы, праздника или милостивой улыбки какой нибудь молодой сестры, долженъ посоветоваться со старѣйшими. Онъ долженъ узнать объ этомъ мнѣіе всего братства; и если оно не сочувствуетъ его желанію, то онъ долженъ отказаться отъ него. Въ дѣлахъ важныхъ онъ обязанъ испрашивать совѣта у комитета старѣйшинъ, который въ свою очередь можетъ представить дѣло на обсужденіе всей семьи на одномъ изъ вечернихъ собраний». На Онеидскомъ ручьѣ «теорія управленія безпонейными умами посредствомъ симпатіи или общаго сочувствія изъ идеи выработалась въ дѣлую науку; и главнымъ занятіемъ на вечернихъ собраніяхъ сдѣлалось теперь осуществленіе этого общаго сочувствія путемъ свободной критики» (345).

Слѣдовательно, личное влеченіе изъ свободнаго сдѣлалось болѣе подчиненнымъ, чѣмъ при юридически-семеиномъ строѣ. «Въ общинахъ дѣло любви находится подъ спеціальнымъ наблюденіемъ отцовъ и матерей, другими словами, мудрѣйшихъ и лучшихъ членовъ; объ этомъ вопросѣ часто разсуждаютъ на вечернихъ собраніяхъ, и онъ подвергается общей критикѣ. Отцы и матери руководятся въ своихъ сужденіяхъ нѣкоторыми общими принципами, выработанными и хорошо созванными въ общинахъ» (350). Мало того, что выборъ контролируется, для него употребляется система посредниковъ, и это въ дѣлѣ самомъ интимномъ. По одному изъ принциповъ (351): «мужчинѣ, желающему войти въ сношенія съ женщиной, гораздо лучше прежде личныхъ свиданій обратиться къ посредничеству третьяго лица. Вопервыхъ потому, что дѣло такимъ образомъ подвергается контролю общины, а вовторыхъ потому, что женщина можетъ тогда отказаться отъ сдѣланнаго ей предложенія безъ стыда и затрудненія». Мало того, общество контролируетъ даже силу привязанности; по второму принципу (351): «не желательно, чтобы

два лица были исключительно привязаны другъ къ другу, чтобы они поклонялись другъ другу, какъ идолу». Единственное проявленіе начала свободнаго выбора въ этой теоріи заключается въ томъ, что «ни какое лицо не обязано въ какое бы то ни было время и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ входить въ связь съ тѣмъ, кто ему не нравится. Общныи обязанности охранять всѣхъ своихъ членовъ отъ неприятныхъ отношеній и столкновеній между собой. Каждая женщина вольна отказать каждому мужчине» (351).

Просто говоря, Онеидская семья библейскихъ коммунистовъ, выходя будто бы изъ принципа свободнаго выбора, обратилась въ стадо человѣческихъ самцовъ и самокъ, совокупляемыхъ по соображеніямъ нѣкоторыхъ «мудрѣйшихъ членовъ» для преусиленія общества и почти не обращая вниманія на личныя влеченія.

Поэтому женскій вопросъ совсѣмъ не рѣшенъ на Онеидскомъ ручьѣ такъ же, какъ у мормоновъ и шекеровъ, хотя въ ученіи Нобеса были попытки найти ему рациональное рѣшеніе, но эти попытки подавлены религіознымъ принципомъ подчиненія личности обществу или идеѣ, въ томъ самомъ, что составляетъ совершенно личное дѣло. Онеидскіе коммунисты сильны лишь своимъ уваженіемъ къ труду, доставляющимъ имъ матеріальное благоденствіе. Но въ этомъ отношенія мормоны и шекеры не уступаютъ имъ, а по малочисленности своей перфекционисты не могутъ быть поставлены даже рядомъ съ сектами, о которыхъ мы говорили. Вліяніе ихъ ничтожно, распространеніе крайне мало и медленно, а участія ихъ въ будущемъ развитіи человѣчества ожидать едва-ли можно.

Теорія свободной любви, по словамъ Диссона, въ его новомъ сочиненіи играетъ важную роль среди спиритистовъ. Но здѣсь нужно различать, какъ кажется, два элемента: фактическое проявленіе свободныхъ союзовъ и принципы сектъ. Въ предыдущемъ мы говорили, что принципы сектъ нисколько не связываютъ ее ни съ какимъ живымъ вопросомъ современности, кромѣ общей оппозиціи противъ прежняго церковнаго строя. Индивидуальный родъ пророчества, прямое сношеніе личности съ высшимъ міромъ, конечно, развиваютъ сознаніе безусловныхъ правъ личности во всѣхъ отношеніяхъ точно такъ же, какъ оппозиціонное направленіе противу установленныхъ сектъ влечетъ за собою и оппозиціонныя наклонности противъ другихъ формъ общественнаго строя. Но вотъ и все. Медіумы, какъ духовенство спиритистовъ, имѣютъ столь же безусловное основаніе господства надъ другими личностями вѣрующихъ, какъ и законныя или религіозныя власти въ сектахъ инаго вѣрованія. Что медіумы сво-

боже избираютъ себя товарищей жизни, что весьма понятно, такъ-какъ на нихъ неслѣдуетъ отвѣчать всегда сообразно съ ихъ личными влеченіями. Но столь же естественно, чтобы въ-вѣрующіе подчинились въ своихъ союзахъ руководству медиума, какъ въ патриархальной семьѣ—руководству родителей, у мормоновъ—руководству пророка, на Онеидскомъ ручьѣ—руководству мудрѣйшихъ случившихся. Въ принципѣ спиритизма лежитъ не право свободной любви, а оппозиція семейной связи во имя другой религіозной связи, признаніе законнаго семейнаго союза инакомъ связью сравнительно съ союзомъ, облегчающимъ лицъ, одновременно и совместно входящихъ въ сношенія съ духами. И здѣсь личность не выбираетъ, а подчиняется авторитету, перешествивъ его только изъ привычныхъ законныхъ формъ въ новыя. Фактическое распространеніе свободной любви между американскими спиритистами мы не имѣемъ право отрицать, такъ-какъ Диксонъ могъ имѣть въ этомъ отношеніи хорошія свѣдѣнія, хотя онъ отнесся къ нимъ съ недостаточною критикою. Но это есть, какъ кажется, лишь общее слѣдствіе оппозиціоннаго духа въ спиритизмѣ и частаго сближенія половъ при религіозномъ возбужденіи личностей на спиритическихъ засѣданіяхъ. Стремленіе къ свободному выбору въ любви присуще природѣ человѣка и неизбѣжно проявляется при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при сближеніи лицъ, возбужденныхъ общимъ сильнымъ чувствомъ. Такъ-какъ религіозное возбужденіе есть сильнѣйшее, то оно легко вызываетъ и другія стороны жизни чувства.

Вообще же должно сказать, что религіозный пріемъ для перестройки половыхъ отношеній на началѣ свободнаго выбора заключаетъ въ себѣ существенное противорѣчіе, и потому исторически могъ служить лишь для отрицанія безусловнаго господства закономъ установленныхъ формъ надъ личностью, но никакъ не для проведенія принципа личной свободы въ какой бы то ни было области. Личная свобода, чтобы быть рациональнымъ началомъ сближенія личностей, требуетъ возможно свободнаго критическаго отношенія личностей ко всему лишь случайно связанному съ ихъ личностями. Чтобы оцѣнить свое влеченіе, выбрать рационально, мужчина и женщина должны взять въ соображеніе степень своего взаимнаго фізіологическаго, умственнаго и нравственнаго влеченія, устранивъ мотивы эгоистическіе, родовые, національныя, религіозныя, какъ не касающіеся до *личнаго выбора* и неимѣющіе права его обусловить, если они не производятъ сами собою умственнаго и нравственнаго оттождоушенія. Но всякая секта, чѣмъ она энергичнѣе вѣруетъ въ свои догматы, тѣмъ безусловнѣе подчиняетъ всѣ явленія жизни лич-

ностей религиозному мотиву, следовательно *требуемъ* не свободного выбора со стороны личности, не безусловной критики, а подчинения идеѣ, воплощенной въ определенномъ строѣ секты. Нигдѣ это не высказалось такъ ясно, какъ въ исторіи Мэри Крэггинъ, которая готова была предаться безо всякаго личнаго влеченія влюбленному въ нее проповѣднику во имя религиознаго мотива духовнаго брака, мотива совершенно фантастическаго и протгнворѣчившаго ея естественному влеченію къ ея мужу. Секты всегда будутъ требовать подчиненія свободного выбора идеѣ, авторитету главъ секты, и вопросъ о любви и бракѣ ими рѣшенъ никогда не будетъ. Они не могутъ взять одинаково въ соображеніе оба его полюса, независимые одинъ отъ другаго: влеченіе, сближающее личности разнаго пола, и рожденіе дѣтей.

Если Нойсезъ повидимому правъ, говоря, что попытки перестройки общества несравненно лучше до сихъ поръ удавались, когда исходили изъ религіознаго начала, чѣмъ изъ научнаго, то это весьма естественно при современномъ состояніи цивилизаціи, особенно въ Америкѣ. Научный строй мысли, около трехъ вѣковъ тому назадъ установившійся, какъ руководство мысли развитаго меньшинства, въ большинство пріинятъ весьма мало, да и въ *привычки* мысли образованнаго меньшинства достаточно не вошелъ. А въ *жизни* онъ едва замѣтенъ. Между тѣмъ, мистическія привычки, несмотря на свое несогласіе со всіми условіями современнаго строя, пытаются постоянно пропагандою. Весьма понятно, что значительное число силъ можетъ быть концентрировано на упоманутыя попытки въ наше время (да пожалуй и долго еще въ будущемъ) лишь на основаніи привычныхъ культурныхъ и доловъ, привычныхъ жизненныхъ побужденій, строя мысли, доступнаго болѣе или менѣе обширному большинству. Чисто-раціональныя попытки общественныхъ перемѣнъ не могутъ имѣть успѣха, пока общество *не привыкнетъ* мыслить раціонально.

Начало свободного выбора для женщинъ, какъ кажется, лишь тогда можетъ воплотиться въ общественный строй, когда онѣ будутъ имѣть возможность вѣять, какъ политическая сила, на законодательство, относительно воспитанія дѣтей. До тѣхъ поръ всѣ рѣшенія этого вопроса могутъ быть лишь частны и *случайно* удачны, но не раціональны. Это опять приводитъ насъ къ той послѣдовательности фазисовъ въ рѣшеніи женскаго вопроса, о которой было сказано выше, и которую мы считаемъ единственно раціональною. Между тѣмъ, женскій вопросъ поставленъ, вызываетъ работу мысли и порывы чувства. Съ каждымъ днемъ растетъ сознаніе, что его рѣшить необходимо. Обойти его уже нельзя; всѣ будущіе мыслители и сектаторы должны внести въ свою программу то или другое его рѣшеніе; отъ болѣе или менѣе удачнаго его рѣшенія зависитъ успѣхъ построеній мыслителей и проповѣди сектаторовъ въ будущемъ.

Г Д Ъ Л У Ч Ш Е ?

РОМАНЪ.

Часть первая.

ВЪ ПРОВИНЦІИ.

XV.

Удойкинскіе золотыя прииски.

Горюновъ и Ульяновъ очень радовались своему путешествію на прииски; первый предполагалъ забрать какой-нибудь приискъ въ руки, то-есть сначала оглядѣться, расположить рабочихъ къ себѣ, познакомиться съ раскольниками, которые непременно, по его мнѣнію, должны были жить недалеко отъ приисковъ, и потому самому сдѣлаться довѣреннымъ. Ульяновъ радовался тому, что давнишнее желаніе добывать золото исполнится. Онъ не хотѣлъ быть довѣреннымъ; нѣтъ, ему хотѣлось только имѣть золота, продавать его, и въ то же время, жить ни отъ кого независимо. Онъ мечталъ о томъ, чтобы ему дожить свои дни въ полоѣ, чтобы у него была жилая избушка непременно около влѣча, и въ лѣсу водилось бы много птицъ, за которыми, отъ нечего дѣлать, можно было бы охотиться. Хозяйка варила бы ему пиво и брагу, дѣти бы подросли, сыновья поженились, а дочери вышли замужъ и жили бы недалеко отъ него, и каждый большой праздникъ приходили къ нему. Славно бы было Ульянову. Но Горюновъ и Ульяновъ, думая каждый самъ о себѣ, въ то же время, не хотѣли ни работать, ни жить вмѣстѣ, наводя, что если они будутъ жить вмѣстѣ, то никогда не достигнутъ своихъ цѣлей; этого другъ другу они однако—не высказывали. Вообще, какъ Горюновъ и Ульяновъ, такъ и Киричниновъ, рѣдко говорили другъ съ другомъ. Когда они останавливались ночевать (а по ночамъ Киричниновъ боялся ѣхать), то говорили хозяевамъ, что они люди торговые, ѣздили въ городъ, да от-

туда воротились ни съ чѣмъ, потому что ихъ обограла. А дорога была дальняя, тѣмъ болѣе, что они ѣхали по проселкамъ, во многихъ мѣстахъ занесенныхъ снѣгомъ и узкимъ до того, что, сидя въ саняхъ, нужно было постоянно нагибаться, чтобы по лицу не хлестало широкими вѣтвями деревъ. Чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ мѣстность была лѣсистѣе, гористѣе, дороги были хуже и хуже, приходилось раза по три-четыре переѣзжать черезъ узенькія рѣчки съ дутыми берегами; меньше и меньше имъ стало попадаться сѣль и деревень, самыя деревни были очень бѣдны на видъ, да и гористая мѣстность повидному очень мало приносила пользы людямъ. Здѣсь, въ этихъ деревняхъ съ пятью-шестью домами, въ это время жили только старики и старухи, не могущіе ни пройти далеко, ни дома работать. Они уже отработали и доживали свои дни въ нищетѣ, водясь съ внучатами. Молодыхъ людей въ избахъ не было—все они ушли на приски. Здѣсь только и было рѣчи, что о прискахъ, и мѣстный житель не зналъ больше другаго ремесла. Поэтому нашимъ путешественникамъ рѣдко попадались встрѣчные мужички. Эти люди, иди по одному или не больше трехъ, завидя сани, заворачивали съ дороги въ сторону, несмотря на то, что ввязъ во животь въ снѣгу. Если же какой-нибудь человѣкъ, болѣею частію татаринъ, съ дороги не сворачивалъ, то Киричичиковъ брался за ружье и зорко слѣдилъ за движеніями пѣшехода и оглядывался часто до тѣхъ поръ, пока, во его мнѣнію, опасность не миновалась.

— Время теперь самое опасное, говорилъ онъ: — того и бойся, чтобы кто не выскочилъ изъ лѣсу и не ударилъ тебя бастрогомъ (толстой палкой). Теперь самое удобное время бѣгать изъ тѣрѣмъ, али изъ каторги, потому снѣгъ. Мы вотъ ѣдемъ по дорожкѣ, а бѣглый бѣжитъ во полю, али по льду на рѣчкахъ на лежахъ цѣлый день, и если нѣтъ лѣсу, верстъ шестьдесятъ можетъ откатать... Тоже съ присковъ бѣгаютъ такимъ манеромъ. Я въ первый разъ такъ ѣхалъ—не берегся, да какъ папало на меня четыре человѣка, сталъ бояться. И ружье не помогло!

Наконецъ путешественники вѣхали въ холмистую мѣстность, безъ лѣса, съ взрытою во многихъ мѣстахъ землею, съ высокими въ разныхъ мѣстахъ насыпями, въ которыхъ торчали или шесты или просто палки. Кое-гдѣ на ней были разбросаны обгорѣлыя бревна, торчашія пзъ-подъ снѣга, кое-гдѣ лежали въ кучахъ дрова, кое-гдѣ виднѣлись разоренныя постройки съ высокими, полуразвалившимися трубами. Въ одномъ мѣстѣ куты дрова, обсыпанная землею, а недалеко отъ этого навалены въ безпорядкѣ въ большомъ количествѣ угли; въ другомъ сдѣлано подобіе кирпичнаго сарая, на доскахъ котораго въ разныхъ мѣ-

стакъ лежалъ паршина. Это была помянутый прѣсокъ. За нимъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, стали возвытаться столбы съ извѣстными бунзалаи, прѣсая съ обгорѣлыми рѣдкими лѣсомъ, съ наклоненными въ нѣкъ во многихъ мѣстахъ вучными дровамъ; дальше сарага лѣсъ густѣлъ; а дѣла была только кустарники, который, чѣмъ дальше ѣхали путешественники, тѣмъ больше и больше рѣдѣла. Тутъ начиналось Удойкинскіе прѣски. Холми-стая мѣстность казалась какъ будто загорѣннею съ завада и слѣсра высокими грядями горъ, на вершинахъ которыхъ обѣдѣ-лась обѣга, а бола верооли черннхъ лѣсомъ; съ юга и востока пространство засталась лѣсомъ, который, чѣмъ дальше, тѣмъ становился какъ будто бы выше. Издали казалось, что горы какъ будто шли прямыми трехугольникомъ около прѣсковъ, прѣ-граждая дальѣйшій путь, но между тѣмъ, чѣмъ дальше путе-шественники вѣзкали на прѣскъ, тѣмъ больше этотъ уголъ расширялся, сѣрѣла, и принималъ равнообразный видъ. Тутъ же, при подошвѣ горъ, текла быстрая рѣчка Удойка, съ очень холодной лѣтомъ и весной водой. Все пространство болшею частію было изрито, и холмы были прокопаны. Въ этихъ мѣ-стахъ постройки уже были частію сложены, частію заброшены; но по нимъ можно было судить, что онѣ построены недавно. Въ настоящее время у подошвы горы была встроена большая изба съ четырьмя окнами, выходящими на рѣчку Удойку. Изъ этой избы наши путешественники и подѣвкали, такъ-какъ она служила жилищемъ довѣреннаго, въ ней останавливались зем-ская полиція, ревизоръ и другое начальство. Около крыльца съ нѣтъ ступеньками, по которымъ ходили въ избу, стояла паро-вая машина, ничѣмъ непокрытая и безъ всякаго призора. Не-далеко отъ нее, на право у самой рѣчки стоялъ домъ въ три окна съ фигурными ставнями у оконъ. За домомъ вплоть до подошвы горы все пространство было огорожено шетнемъ. Тутъ жилъ мастеровой — Костромцѣвъ, торгующій водкой, пивомъ, хлѣбомъ, калачами. На пскосѣхъ этого дома, черезъ рѣчку Удойку, стояла большая изба для рабочихъ. За нею, въ одной верстѣ, стояло что-то похожее на амбаръ, но съ трубой на крышѣ. Тутъ была баня съ поломъ, въ которой, впрочемъ, жили пре-имущественно женщины, вжелавшія жтъ съ мужчинами въ большой избѣ, и лошади, справлявшія работы на погонахъ, употребляемыхъ для растирки песковъ. За этими постройками, окруженными кавалами съ перекладными на нихъ для ходьбы, въ двухъ мѣстахъ стояли четыре большія избы, сколоченныя изъ досокъ, каждая съ тремя большими окнами, изъ конхъ было два, по бокамъ аршина на два отъ земли, а одно въ серединѣ, сдѣ-

лажное мѣсто въ ровенъ съ землей, и съ желѣзными трубами, въ которыхъ идетъ или динтъ или варъ. Изъ этихъ мѣбушекъ, гдѣ производилась промывка золота, снимался ступа, и въ отъ дѣйстви машиннымъ, и нѣсни нѣсколько мѣбушекъ гонимыхъ. Около каждой мѣбушки, между четырьмя столбами, востругъ каждой столба ходитъ, погоняемыми мальчишками, по четырнадцати лошадей, которые приносятъ свою жодьбу въ движение два каменные круга, аблинные у стѣнъ въ перекладину и приводятъ съ своей стороны въ движение толкунъ, наклоняюща въ мѣбу и нмѣющую видъ молота, медленно, но грозно опускающагося въ середину большой чашки, въ которую сверху сыплютъ изъ тачекъ руду. Около краешъ чашки стоятъ рабочіе съ молотами и граблями или боронами, и первые въ нихъ разбиваютъ маліе куски руды, а вторые стрѣбають размельченную руду въ трубу, откуда она поступаетъ въ вахтертъ, или деревянный ящикъ съ вагрѣтой водою, приводимой въ движение посредствомъ ручнаго колеса. Черезъ дно этого ящика вода пресачивается съ малыми частицами руды въ корита или жолоба, сдѣланные немного наклонно. Осаждающійся на днѣ этого жолоба золотой песокъ, рабочіе подбирають совочками и кладутъ въ небольшія жестяныя кружки съ печатами. Нѣсколько человѣкъ накладываютъ промѣтую землю, въ которой не содержится золота, въ тачки и отвозятъ по доскамъ прочъ.

Домъ дохреннаго или мѣба, какъ его называли по просту, состоялъ изъ прихожей, двухъ чистыхъ комнатъ и кухни. Онъ принадлежалъ владѣльцу прінска, какому-то дворянину, какъ и все прочія постройкы. Баричниковъ былъ встрѣченъ принащивомъ, исполнявшимъ на прінскахъ должность нарядчика, и ревизоромъ-чиновникомъ, обязаннымъ слѣдить за тѣмъ, чтобы золото вымывалось какъ слѣдуетъ и не поступало въ руки рабочихъ.

— Ну, братецъ ты мой, насилу мы дождались тебя! преговарилъ принащивъ.

— Што такъ?

— Да золота очень мало. Вонъ Яковъ Петровичъ придрается: говорить, плохо слѣдишь! А я говорю, чѣмъ бы на птицъ ходить съ ружьемъ, взалъ бы самъ и стоялъ, да смотрѣлъ, какъ и что промываютъ.

— Нѣтъ, Гришка, воруетъ! сказалъ чиновникъ.

Начались укоризны.

— А вотъ, мы посмотримъ. Надо узнать, сколько промито грязи.

— Вѣсили, братецъ ты мой! Изъ ста пудовъ вышло только двѣ доли.

— Ха-ха! да кому ты говоришь?

Между тѣмъ рабочіе подходили со всѣхъ сторонъ къ избу и черезъ часъ ихъ было уже человекъ до пятидесяти. Тутъ были и татары, и башкиры въ сѣрыхъ войлочныхъ зипунахъ, и мѣховыхъ бараньихъ трехугольныхъ шапкахъ, или *мамагалъ*, и черемисы, зыряне и калмыки въ полушубкахъ, зипунахъ и престо въ рубашкахъ, въ разнообразныхъ шапкахъ мѣховыхъ; тутъ были мужчины и безъ шапокъ, а съ завязанными щеками и ушами тринадцати или платкомъ и расколынки въ востреньихъ пивсовыхъ шапочкахъ; тутъ было до десяти женщинъ, изъ которыхъ двухъ можно было сразу назвать татарками по широкимъ шароварамъ, съ повязанными холстомъ головами и въ продранныхъ бараньихъ шубахъ. На большинствѣ надѣты лапти, на меньшинствѣ валенки изъ войлока. На рукахъ у мужчинъ надѣты или кожаныя или большія собачьи и бараньи рукавицы съ вывероченною на верхъ шерстью; у женщинъ шерстяныя варежки. Нѣкоторые держали на плечахъ лопаты; нѣкоторые упирались локтями, какъ пальцами; большинство переминалось, не держа ничего въ рукахъ. Всѣ голосили каждый на своемъ языкѣ и не обращали никакого вниманія на крики и угрозы казаковъ.

— Работать надо! Пушла, руска мужикъ пушла! кричали казаки, грозясь нагайками.

— Нечего гнать русскихъ! Свою братью гони.

— Погонять моя твою будить скоро на большой дорога! Собакъ!

Но повидному казаки только для вида исполняли свою обязанность и кричали по привычкѣ командовать.

Народъ, несмотря на то, что стоялъ въ одной кучѣ, раздѣлялся на нѣсколько небольшихъ кучекъ по націямъ; такъ, татары стояли съ татарами, русскіе съ русскими, рассуждая только между собой; съ другими они только огрызались. У всѣхъ на лицѣ видѣлось нетерпѣніе, ожиданіе чего-то, и только по нѣсколькимъ башкирскимъ лицамъ можно было заключить, что кромѣ башкиръ, всѣмъ не очень-то хорошо здѣсь; лица же башкировъ, кромѣ выраженія суровости, не изображали ни горя, ни радости.

Вышелъ Кирпичниковъ.

— Здоровы, ребята! сказалъ онъ, снявъ шапку.

Кое-кто снялъ шапки, кое-кто произнесъ что-то.

— Прикащикъ говорилъ: вы лѣнитесь.

— Расчетъ подай! Деньги дай!

— Прикащикъ говорить, онъ отдалъ деньги.

— Што онъ отдалъ? Хлѣба нѣтъ. Для того, што-ли, мы пришли сюда?

— Ничто не держать, голубчикъ. Знаю я, откуда ты.

— Деньги подай! Што намъ голодомъ, што-ли, быть?

— Сегодня, братцы, мѣй неделя...

Рабочіе заговорили, признали угрожающій видъ; казаки хвятились за шитовки; Жирничниковъ засуцалъ правую руку за ногу трума.

— За что вымъ платить, когда вы ничего не дѣлали! много ли золота-то безъ меня промилы? Всего только четверть фунта! кричала довѣренныя.

— Врутъ! они воровали!

— По мѣстамъ!

— Деньги не дай! и рабочіе подошли къ избѣ.

— Это видите! вкренуль вдругъ довѣренныя, вытаскивая пистолеть.— Смѣй только это недожен!

— Пралащива втребуй!

— По мѣстамъ! Я сейчасъ буду на прискахъ!

И довѣренныя ушелъ въ избу. Рабочіе разошлись по своимъ кабанъ.

Изба рабочихъ имѣла большія полаты, на которыхъ умѣщалось до двадцати человекъ; подъ ними и около стѣнъ стояли широкія скамейки изъ тонкихъ досокъ.

Въ избѣ было темно, дымно, угарно и сыро; на полу лежала грязь, да и скамейки не отличались особенною чистотою. Придя сюда, рабочіе стали ругаться.

— Отчего ты, татарская образина, молчалъ?

— Моя все сказала. Твой куда дѣлъ языкъ?

— У тебя былъ домъ!

— У тебя лопата. Болелся — собагъ стрѣляты!

— Вамъ бы только ругаться другъ съ дружкой, а до дѣла коснись, вы и ни тягъ, ни лапъ. Уже добро мы, бабы, Христа ради робимъ, и денегъ намъ даютъ меньше ванего, потому уже вседѣ права наши одинаковы. А вы-то, вы-то мужики!... кричала одна женщина.

— Сунься — коли онъ стрѣлять хотѣлъ.

— Не выстрѣлилъ бы, а лиха бѣда одинъ бы осклѣлъ — не важности!

— А если бы въ тебя...

— Не безпокойся! въ тебя скорѣе бы поналъ! Вотъ ужъ некого было бы жалѣть-то!

Рабочіе захохотали.

И здѣсь рабочіе раздѣлялись на партіи... Татары, банкиры и часть русскихъ забрали себѣ полаты, на печи снали казаки и бабы, исправлявшія здѣсь должность кухарокъ на рабочихъ, за что ни рабочіе, ни довѣренныя имъ ничего не платили, такъ какъ онѣ и сами ѣли готовое и имѣли время работать на при-

искахъ, недалеко отъ печи, за-что имъ и выговорена была плата по пятнадцати копеекъ; на скамейкахъ спали остальные, которыхъ не пускали ни на подати, ни на печь. Въ числѣ этихъ были двѣ татарки съ своими мужьями и двумя парнями татарченками, пришедшія сюда недавно, и нѣсколько человѣкъ бѣглыхъ, которыхъ, впрочемъ, никто, кромѣ довереннаго и приказчика, не спрашивалъ, где они такіе, но которыхъ часто приводилось брать мѣсто съ бою; ребята спали на полу, а если было свободно, то и въ большой печѣ.

Эти разнородны постоянно ссорились другъ съ другомъ, смѣялись другъ надъ другомъ, задирали на ссору, высказывая каждый свое умственное и физическое превосходство. Попревать не было конца, потому что каждый считалъ другаго за вора, мошенника и пройдоху, и доказывалъ это тѣмъ, что честный человѣкъ не пойдетъ въ работу на присяги. Но какова ни была жизнь въ избѣ, всѣ сходились въ нее, каждый ложился на приобретенное имъ мѣсто и никто не выдавалъ передъ начальствомъ другаго, если замѣчалъ за нимъ что нибудь. Такъ, если татаринъ зналъ, что русскій клалъ между складокъ лаптей нѣсколько песчанокъ золота, онъ никому не говорилъ объ этомъ, а старался какъ нибудь обмѣнить этотъ лапоть. Если продѣла татарину удавалась и объ ней узнавали рабочіе, то татарина долго гнали русскіе, преслѣдовали за воровство ругательствами вездѣ, и на оборотъ. Но никто не смѣлъ объявлять объ этомъ начальству, опасаясь за свою жизнь, потому что здѣсь судъ былъ коротокъ: ябедникъ на другой же день оказывался убитымъ гдѣ-нибудь во рву.

Двѣ женщины стали доставать изъ печи котлы съ кислыми вадустными щами. Одинъ котелъ принадлежалъ христіанамъ, другой яновѣрцамъ, потому что ни тѣ, ни другіе не хотѣли ѣсть вмѣстѣ, чтобы не опоганить себя.

Начался крикъ, свалка; рабочіе кинулись за чашками, лежащими подъ печкой. Чашки были грязны. Кто не бралъ чашки, развязывалъ узелокъ съ хлѣбомъ.

Въ избѣ сталъ подниматься паръ отъ нѣсколькихъ чашекъ, которыя держали на колѣняхъ рабочіе.

Пришли женщины со своими чашками и ложками. Опять крикъ, свалка; женщины голосятъ лучше мужчинъ, а у одной нищить на рукахъ грудной ребенокъ. Женщинамъ некуда было сѣсть.

— Къ чему ты эту куклу-то съ собой взяла! крикнулъ одинъ рабочій.

Женщина не обратила на него вниманія и ползала за щами, но ей уже не досталось щей.

себѣ право торговать на приискѣ хлѣбомъ, водкой и т. п. Въ городѣ у него была одна куница, а здѣсь съ нимъ жилъ жеманнѣйшій племянникъ, который ему помогать торговать. Въ городѣ онъ не жидилъ, потому что, какъ онъ говорилъ, не любилъ городской жизни и порядковъ, не любилъ и сына, который сталъ совсемъ другимъ человекомъ, отсталъ отъ дѣдовскихъ обычаевъ. Рабочіе любили старика за то, что онъ забавлялъ ихъ рассказами. Особенно онъ любилъ рассказывать о Пугачѣ, который чуть-чуть его не повѣсилъ на колокольнѣ за то, что онъ, бывшій старостой въ единодѣрческой церкви, держалъ вѣноку вѣнзъ головой въ то время, какъ Пугачъ приглядывался къ ней.

Отъ дома Костромнина не было отбою; племянникъ, племянница и онъ самъ то и дѣло высовывали руки изъ окна, спрятывая бумажку. Рабочіе подавали бумажку, на которой былъ записанъ заборъ. Костромнинъ, сосчитавъ долю, писалъ цифру, и объявляли ее въ окно.

Костромнини не пускали къ себѣ въ домъ вечеромъ, потому что при свадлѣ ничего бы имъ не подѣлать съ рабочими. Они уже были научены опытомъ, что рабочіе, при полученіи денегъ, прежде уплаты долговъ старались забрать что-нибудь отъ содержателя лавочки, и очень скоро опрастывали даромъ боченковъ съ водкой.

Народъ между тѣмъ съ ожесточеніемъ толкался передъ окнами, ругая другъ друга, колотя въ спины, не разбирая личностей, потому что каждому хотѣлось просунуть свою руку съ буравомъ въ окно.

— Пива!

— Водки!

— Кумисы! кричатъ рабочіе.

— И што это за порядки такіе—дверь заперта! Што онъ за баринъ! кричатъ недовольные Костромнинимъ.

Мало по малу, рабочіе были удовлетворены. Каждый, отдавая съ запиской долгъ, просилъ отпустить ему на столько-то копеекъ чего-нибудь. Костромнини уничтожали старую записку, получая деньги, и, если денегъ не доставало, говорили:

— Десяти копеекъ недостаетъ.

— Получай!

— Ниши въ долгъ! отвѣчалъ покупатель.

Черезъ часъ каждый мужчина несъ въ взбамъ по разнокалиберному бураву, въ которомъ заключались водка, пиво или кумисъ. Кромѣ буравовъ мужчинамъ несли кто балачъ, кто витушку, кто крендельки, кто кусокъ мяса, кто нѣсколько огурцовъ, кто табакъ. Женщины несли бураки съ пивомъ и брагой. Вся эта толпа шла до забушевъ съ хохотомъ, визгомъ и руганью.

Началась попойка въ мужской кабѣ подѣ свѣтъ салыной свѣтн, еда освѣщающей лебу. Ребята садѣли въ кружѣ у дверей, пощад пиде и ведду въ свѣтъ буракотъ и докуриваа табакъ.

Невозможно описать тотъ гамъ, который происходилъ адѣс. Говерналъ, кричали всѣ, старалась каждый подхватить себя и обругать другаго чѣмъ-нибудь. Теперь адѣсь не было ни надѣ гѣмъ никакого начальства, всаа чувствовала себя свободнымъ человекомъ, не боясь никого. Всѣ ильщце казались веселыми, и тѣмъ, которые казались скучными и которые отказывались принимать участіе въ попойкѣ, заставляли нить силой.

— Ты што сидишь-то? О чемъ ты тѣбу думу задумалъ?

— Лей на мене! Лей въ мене — Костромнѣ отпѣвать!

— Не могу, братца! говорилъ большой.

— Слышите! Вытащитъ его вонъ. Онъ куде заминяетъ!

И большой нешеволѣ долженъ былъ пить.

У довѣреннаго тоже происходилъ пиръ, но онъ сказалъ Горюнову и Ульянову, чтобы отправлялись въ избу къ рабочимъ, такъ-какъ онъ назначаетъ ихъ въ работы наравнѣ съ прочими и выдалъ имъ впередъ по пятидесяти копеекъ.

Когда Горюновъ и Ульяновъ пришли въ избу, въ ней было ужасно накурено махоркой; свѣтъ еда мерцалъ, рабочіе мужчины, женщины и ребята пѣли разныя пѣсни, кричали, наигравали на гармонійвахъ и плясали.

— Штейгорскую!

— Татарскую!

— Кержацкую! кричалъ народъ во все горло.

Вдругъ одинъ запѣлъ:

Во Шадринскомъ во селены
Жауть люди старовѣры,
Съ давнихъ уже лѣтъ...

Всѣ подхватили послѣдній стихъ и продолжали во все горло:

Они наспиря не знаютъ,
Сами требы составляютъ
Во всемъ Шартошѣ. (bis)
Вотъ родятся, умираютъ
И усопшихъ отпѣваютъ
Сами безъ поа. (bis).
Вдругъ яляется причетникъ,
Называется священникъ
Старобрядческой. (bis)
Не спросивъ его письма —
Недовожно вѣтъ уха!
Мривали его (bis)
Не спросивъ его природу,
Лишь-бы былъ долгобородий
Тотъ у нихъ и попь. (bis)

Отвѣлъ йому квартиру,
 Пребогату и не сему...
 Сталъ конь поживать. (bis)
 Ни объ чемъ ихъ конь не думать;
 Во часопѣ у нихъ служить,
 Какъ должно коню. (bis)
 Нго санишка приниматъ;
 Что спроситъ награждать;
 Все ему дають. (bis)
 Еще свидало начальство
 Пре иново постоянство —
 Вманъ пона въ оудъ. (bis)
 Вотъ судитъ пона не можно,
 Посадить-то еге должно
 Въ келью, за замокъ. (bis)
 Попъ по лестовкѣ спасался,
 Оъ кермачками жить ласкался...
 Ты съ нимъ протася! (bis)
 Они всѣ пре то узнали
 И не много толковали
 Прогнали его. (bis)
 Ми теперь тебѣ не други:
 У тебѣ есть новы слуги
 Ходишь за тобой. (bis)
 Комедляты всѣ, при лестахъ,
 Все лавен въ нозументахъ
 Стерегуть тебѣ. (bis)
 За серебряны монети
 Сокуютъ тебѣ бреслети
 На ручки твои. (bis)

Во время этой пѣсни четыре раскольника, съ стриженными напередѣ чубами, вышли на улицу.

— Што братцы? проговорилъ Ульяновъ.

— Всегда такъ!... Огъ пьяныхъ покою нѣтъ. А ничего не сдѣлаешь, потому какъ запретить?... Все же, по крайней-мѣрѣ, свои. А вотъ какъ татары заталамяють — хоть вонъ бѣги.

Шесть человекъ вышли изъ избы и увели Горюнова и Ульянова въ избу.

— Угощай же!... Вы съ довѣренными пріѣхали! кричали со всѣхъ сторонъ.

Отговариваться нельзя было, и Горюновъ съ Ульяновымъ послали двохъ рабочихъ по общему совѣту за водкой и пивомъ.

Началось опять пьянство съ пѣснями и пляской. Горюнова и Ульянова приняли въ товарищи, предоставивъ имъ самимъ выбирать мѣсто въ избѣ для себя. Нѣсколько человекъ уже ложилось спать, женщины одна за другой уходили.

— Татара-то! Татара-то! прокричала одна женщина, восторженно вбѣгая въ избу.

— Штѣ? спросило нѣсколько велезовъ.

— Кобылу довѣреннаго жарать.

Рабочіе вышли изъ избы; недалеко отъ дома горѣлъ большой костеръ и оттуда слышались татарскія пѣсни и мяски.

Рабочіе долго удивлялись надъ продѣлкою татаръ! Каждый изъ пришедшихъ давно уже не ѣдалъ мяса и каждому хотѣлось попробовать кобылятины, несмотря на отвращеніе въ трезвомъ видѣ къ этому кушанью, но обладатели кобылы не давали.

— Мы вамъ не мѣшамъ, вы намъ не мѣшай! говорили магометане, засовывая въ ротъ большіе куски мяса и съ наслажденіемъ чмокая губами.

Русскіе стали приставать; магометане подсиживаются.

— Вы съ нами не хотите знаться и мы не хотимъ съ вами.

— Собака! развѣ мы не дѣлимся съ вами!

— Много вы дѣлитесь! На вы добыли кобылу. Купите?

— Подѣлимъ-тесъ, сказала казакъ.

— Што дадите?

— Водки хотите?

Магометане заговорили между собой. Одни говорили, что водку пить грѣшно, другіе говорили, что они живутъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ водку пить можно: коли русскимъ кобылу ѣсть можно и намъ водку пить можно.

— Давай! кричали татары.

— Садись, бабы, съ нами, лебезили около бабъ башкиры.

Бабы, опьянѣвшія отъ водки и желавшія перекусить горячаго мяса, не противились. Русскіе начали ругаться.

— Што кричать! Къ намъ же пришли кобылу *ашать*! дразнили русскіихъ татары.

— Што взяли!! Небось коровы не утащите! дразнили съ своей стороны женщины, входя въ круговъ иновѣрцевъ.

Появилась водка, начались пляски, пѣсни и долго-долго за полночь раздавались на присягахъ эти отчаянныя пѣсни, уносимыя далеко по направленію вѣтра.

Въ мужскую избу возвратились немногіе.

Горюновъ и Ульяновъ легли на скамейку и долго не могли уснуть. Раскольники, не принимавшіе участія въ оргіяхъ, говорили имъ, что присяги сначала были богаты золотомъ, а теперь съ каждымъ днемъ золота становится меньше, такъ что эти присяги надо бы давно бросить, а начать въ другомъ мѣстѣ. О здѣшней жизни они говорили, что она хороша только по слышанію. «Вы видѣли, говорилъ одинъ изъ нихъ, какъ рабочіе справляютъ полученіе заработка. А все оттого, что рабочимъ платятъ не каждыя сутки, а когда случаются у довѣреннаго

деньги. Получивши деньги, рабочіе не знаютъ, что́ съ ними дѣлать, а отдать ихъ на сбереженіе нѣкому. Вотъ они и планствуютъ, закупа провизію у Костромнина, который ихъ надуваетъ не хуже городскаго торговца, а самое близкое село, отсюда бы можно было получить провизію, находится въ пятидесяти верстахъ. Истративши въ два-три дня деньги, рабочіе берутъ въ долгъ хлѣбъ и водку, мясо же у Костромнина не всегда бываетъ».

— Обожглись, вѣрно, мы, Терентій Ивановичъ, сказали Ульяновъ.

— Посмотримъ, отвѣчалъ Горюновъ, думая о томъ, какъ бы ему понравиться и довѣренному и рабочимъ.

XVI.

Горюновъ дѣйствуетъ заодно съ практическими людьми.

«Нѣтъ, такъ жить нельзя!» думаетъ Горюновъ, лежа утромъ на скамьѣ: «если я все такъ буду только глазами клонать, я и здѣсь ничего не приобрѣту. Въ заводѣ мнѣ нельзя было ничего добиться, потому что тамъ меня всѣ знали, я ничѣмъ себя не могъ заявить передъ начальствомъ. Здѣсь дѣло другое. Здѣсь я могу выиграть... Стану я служить и начальству и рабочимъ...»

И Горюновъ задумалъ сдѣлаться казаконъ сперва, потомъ расположить въ свою пользу рабочіихъ прибаутками, кротостью и простоватостью, ласкать ребятъ для того, чтобы они его любили и сообщали все, что́ они знаютъ о присскахъ. А по его мнѣнію, ребятамъ должны быть больше извѣстны мѣста золотаго песка, такъ-какъ они лѣтомъ шляютъ по лѣсамъ. Не мѣшаетъ также поддѣлаться къ какой-нибудь бабѣ, сойтись хорошенько съ Костромнинимъ, и найти товарница изъ раскольниковъ, которые говорятъ, что эти присски нужно бросить,— стало быть, они знаютъ другія мѣста.

Утромъ Горюновъ отправился къ довѣренному. Довѣренный, пригласивъ и ревизоръ играли въ ступоку, записывая выигрыши и проигрыши на бумагѣ. На другомъ столѣ стояла вода и жареные пельмени.

— Ты што? спросилъ довѣренный окриплымъ голосомъ Горюнова.

— Да навѣдаться пришелъ. Въ избѣ-то нечего дѣлать... А вы не слыхали, что́ съ кобылой?

— Ну? спросилъ въ испугѣ довѣренный.

— Ее съѣли.

— Какъ? довѣренный вскричалъ; остальные захохотали.

— Такъ. Вчера вѣшь извѣсть отъ казаковъ.

— Отчего къ тебѣ не свозила мѣтѣ?

— Я только сегодня узнала.

Начальство перестало играть. Всѣ старались сперва на рынокъ, но тамъ ничего не было; къ конюшнѣ дѣйствительно не свозились кобылы.

Приващивъ и ревизора усердно хохотали надъ Карничниковою, который влился и доказывалъ, что ему за кобылу давали семьдесятъ рублей, да онъ не продалъ ее.

— Что же ты теперь дѣлать ставешь? спрашивали Карничникова его пріятели.

— Да што дѣлать-то ставешь? теперь всѣ пьяны, сегодня остальные деньги пропьютъ. Пойти теперь къ нимъ—на клочки растерзають, потому народъ всякій... Но я имъ покажу, какова кобыла! Я ихъ проморю.

— Смотри, чтобы другую не съѣли.

— Нѣтъ ужъ—дудакъ. Вамъ што... хочешь быть казакомъ и состоять при мѣтѣ? спросилъ вдругъ Карничникова Горюновъ.

— Безъ жалованья...

— Жалованья я тебѣ дамъ шесть цѣлковыхъ въ мѣсяцъ на всемъ на готовомъ. Ну, да кромѣ того, ты будешь пользоваться доходами отъ рабочихъ, такъ-что тебѣ придется получать въ мѣсяцъ рублей двадцать-пять. Только смотри, держи ухо востро... Я знаю, што эти проклятые татаршины и башкиры только видъ дѣлали, что они усердно исполняютъ свою службу, а я думаю, они немало накопили денегъ и золота. А твоя обязанность будетъ состоять въ томъ, что ты одну ведѣлю будешь спать и находиться съ рабочими, а другую у меня... А теперь призови во мѣтѣ дѣвокъ.

Горюновъ стоялъ улыбаясь.

— Што? смѣшно? Поди къ бабамъ въ баню и скажи: довѣрливый, молъ, зоветь... Да потомъ скажи... Ну, да ужъ я самъ скажу.

О первомъ времени должности Горюнова и Ульянова, котораго Карничникова сдѣлалъ тоже казакомъ, говорить много нечего. Башкиры и татары сильно ихъ не влюбили, бунтовали товарищей и даже въ дракѣ вышибли лѣвый глазъ Горюнову, вслѣдствіе чего довѣрливый должень былъ отобрать нагайку и шпотовки отъ татаръ и замѣнить татаръ русскими.

Всѣ русскіе обрадовались тому, что они выжили инородцевъ, а если теперь и остались черемисы, то они были и прежде очень смѣрны. Но больше всѣхъ радовался Терентій Ивановичъ, котораго своею добротою уже начиналъ привлекать къ себѣ

рабочихъ, работая съ ними заодно на промыслахъ и забавляя ихъ какииънибудь смѣшными разсказами. Несмотря на то, что рабочихъ было меньше противъ прежняго на половину, работы все-таки не хватало на всѣхъ, такъ что иногда нѣсколькимъ человѣкамъ вовсе нечего было дѣлать, потому что въ дѣйстви были только двѣ промывальни и раскопка земли производилась въ одномъ мѣстѣ, такъ-какъ въ остальныхъ золота не находили и ихъ бросили. Но и въ этихъ промывальныхъ очень мало промывалось золота. Довѣренный сердился, распекалъ казаковъ за то, что она даромъ получаютъ деньги и дѣйствуютъ съ рабочими заодно. Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить тому, что золота мало. А зима между тѣмъ свирѣпствовала, рабочіе голодали, ежедневно осаждали вѣбу довѣреннаго, прося денегъ. Горюновъ видѣлъ, что дѣло плохо и говорилъ объ этомъ Кирпачникову, но тотъ хотѣлъ взять строгостью, хотя отъ этого дѣло не поправилось: рабочіе, въ томъ числѣ и женщины, разошлись; съ ними ушелъ и Ульяновъ. На принскѣ осталось только двое рабочихъ, Иванишевъ и Анучкинъ и два брата Глузовы, изъ коихъ первые что-то выжидали, а послѣднимъ некуда было дѣваться, потому что ихъ дядя, съ которымъ они пришли на прински, былъ гнѣвъ-то убитъ прошлой осенью. Горюновъ обладалъ ребятъ и помѣстилъ даже жить съ собой въ кухнѣ довѣреннаго, гдѣ онъ уже имѣлъ пріятельницу тридцати-пятилѣтнюю женщину Офимью Голдобину, которая и прежде стряпала здѣсь на начальство.

Довѣренный очень запечалился и не зналъ что ему дѣлать. Чинovníкъ уѣхалъ сдавать золото, уѣхалъ и прикащикъ разсказывать рабочихъ. Но дня черезъ три послѣ ихъ отъѣзда—ночью уѣхалъ и довѣренный съ Иванишевымъ.

Запечалились и остальные, потому что довѣренный забралъ всѣ свои бумаги и всѣ вещи и ничего не сказалъ Горюнову.

— Бросили! экая оказія... горевалъ Горюновъ.

— За то теперь мы поживемъ... Давайте сами промывать золото! сказала неожиданно Офимья.

— Будь ты проклятая чуча. Гдѣ мы его возьмемъ?.. сказалъ Анучкинъ.

— Полно-ко, батюшка... Будто я не знаю, што у тебя на умѣ.

— Ну, коли знаешь, такъ молчи. Однако, гдѣ же это ты нашла такое золото?

— Какъ гдѣ — а вверхъ по рѣчкѣ.

Анучкинъ поблѣднѣлъ.

— Што, небось отгадала... Я, братъ, все знаю, какъ ты оттуда по ночамъ руду носишь мѣшками на промывальни.

Т. СЛХХІХ. — Отд. I.

— Ну ужь молчи, пожалуйста.

— Небось, одинъ хочешь все себѣ забрать.

Хлѣба у нихъ было еще недѣли на двѣ; Костроминны сбегались увѣзжать, но Анучкинъ ихъ отговаривалъ тѣмъ, что надо подождать до лѣта, авось принскъ перейдетъ въ другія руки, и объявилъ, что онъ знаетъ, гдѣ есть руда и руда богатая, только нужно лошадей и телѣги.

На другой день явилось на принскѣ шесть крестьянъ съ шестью телѣгами. На общемъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы золото дѣлеть поровну между Костроминнымъ, Офимьею, Горюновымъ и Анучкинымъ, какъ главными руководителями этого дѣла, съ тѣмъ, что они должны объ этомъ молчать и хранить золото въ секретѣ; остальнымъ назначена была плата при хорошей вымытѣ по пятидесяти коп., а при плохой по двадцати-пяти копейкѣ въ сутки. За работу принялись всѣ: Костроминны, Офимья съ Горюновымъ, Анучкинымъ и Глузовыми. Одни изъ нихъ воепали и возили руду въ пошевняхъ къ ближайшей промывальнѣ. Каждый отдыхалъ не больше двухъ часовъ въ сутки; о пищѣ заботились тоже мало. Руда была дѣйствительно богатая, такъ что въ первые дни намывали золота до десяти золотниковъ, а на второй недѣлѣ въ каждыя сутки получалось не менѣе четверти фунта. На третьей недѣлѣ наши рабочіе захотѣли отдохнуть и раздѣлить между собою безъ спору золото. На долю Терентія Ивановича пришлось четверть фунта. Костроминъ уговорилъ своихъ товарищей свезти золото на храненіе къ своему другу, живущему въ двадцати верстахъ отъ принсково, старцу Якову.

Старецъ Яковъ жилъ въ такомъ мѣстѣ, что лѣтомъ добраться до него могъ только человѣкъ, знающій одну тропинку. Онъ жилъ въ небольшомъ домикѣ съ двумя сыновьями, которые работали на разныхъ принскахъ лѣтомъ, а зимою приходили къ нему. Домъ былъ окруженъ густымъ сосновымъ лѣсомъ; этотъ лѣсъ съ своей стороны былъ окруженъ очень топкимъ болотомъ. Поэтому, къ обиталищу Якова были положены въ одномъ мѣстѣ въ травѣ жердочки, по которымъ могъ ходить только человѣкъ привычный, и не иначе, какъ съ саженой палкой, которою можно было слегка упираться въ дно болота. Веснами, вся эта мѣстность верстъ на пятнадцать ширины заливалась водой и среди ея красовалось вѣскольکو островковъ. Къ этому времени, Яковъ и его сыновья запасались на весь годъ мукою, приплывши ея въ лодкѣ, и въ это же время Яковъ ѣздилъ къ одному богатому городскому купцу, тоже раскольнику, которому и сбывалъ золото. Впрочемъ, Яковъ не постоянно сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ. У него много было дѣла и зимою и лѣтомъ, но зимою его труднѣе

было застать дома, потому что тогда онъ больше всего опасался *облаем*. Дѣломъ онъ зналъ, что до него невозможно добратъся, зимой же на его гнѣздо могли набѣжать бѣглые и разболтать о немъ. Кромѣ же бѣглыхъ, въ эту мѣстность, по его соображенію, попасть было некому, такъ-какъ кругомъ жили раскольники и только развѣ могли зайти сюда еще землемѣры или межевщики, но и отъ нихъ пока Богъ миловалъ. Яковъ былъ извѣстенъ на большомъ пространствѣ; Яковъ держалъ такъ-сказать на помочахъ раскольниковъ; безъ Якова ни одинъ раскольникъ не смѣлъ заявить о какомъ нибудь откритомъ имъ мѣстѣ золотого песку,—въ противномъ случаѣ съ такимъ человѣкомъ разговаривать недолго. Яковъ заботился о томъ, чтобы раскольники были сыты, и если уже имъ было плохо, то онъ разрѣшалъ объявить о такомъ-то мѣстѣ человѣку большому, но ничего несмыслиющему въ присковомъ дѣлѣ, и этого человѣка указывалъ самъ, такъ-какъ онъ имѣлъ отъ своихъ большія свѣдѣнія о всемъ, чтѣ главнѣйшимъ образомъ творится въ государствѣ. Яковъ былъ извѣстенъ и начальству, которому давно хотѣлось словить его; оно подозрѣвало Якова въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ, фальшивыхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, приписывало ему грабежи и убійства, хотя онъ во всемъ этомъ нисколько не былъ виноватъ; полиціи вступали одна съ другою въ полемику изъ-за него, но Яковъ свободно жилъ въ своемъ гнѣздѣ, гостилъ тамъ, гдѣ ему было хорошо, и являлся на прискахъ. Якова любили всѣ тѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, считали его за добрейшаго человѣка и берегли его.

Зимой постоянныхъ дорогъ къ Якову не было проложено, потому что гнѣ, которые знали его, ходили къ нему на лыжахъ, чтобы не оставалось слѣда. Лошади оставлялись на привязи въ лѣсу подъ присмотромъ кого-нибудь, недалеко отъ узенькой дорожки, проложенной дроворубами.

Костромичъ сказалъ Горюнову и Анучкину, что онъ пойдетъ одинъ для переговоровъ съ Яковымъ.

— Хорошо еще, согласится онъ видѣть васъ. Вѣдь въ вашу душу не заѣзешь, говорилъ онъ строго.

— Пожалуй, Дороσει Леонтычъ... Мы понимаемъ... говорилъ Анучинъ.

— Тебя-то возьму, пожалуй, а ты, Терентій, подожди... Ты, пожалуй, дай мнѣ на всякій случай золото-то.

Терентій Иванычъ задумался.

— А если они меня обманутъ?

— Неужели ты думаешь, што мы съ худнымъ намѣреніемъ взяли тебя съ собой?.. Умѣешь ли ты на лыжахъ-те ходить?

— Умѣю.

— Однако, намъ нельзя покинуть лошадей... Тамъ нашъ?

Горюновъ отдалъ золото. Костромивъ и Анучиниъ ушли... Скоро Горюновъ потерялъ ихъ изъ вида, и какъ ни заглядывалъ во всѣ стороны, заходя въ лѣсъ, не могъ отыскать ихъ.

Избушка Ягова была бревенчатая съ двумя окнами, выходящими на югъ и западъ. Въ углу, противъ южнаго окна, была большая печь съ лежанкою. На стѣнахъ между оконъ были оставлены одинъ на другой мѣдныя образа. При входѣ Костромива съ Анучининымъ, Яговъ, высокій, худощавый старикъ съ черными волосами и бородой, въ суконныя и черномъ кафтанѣ, опоясанномъ бичевою, сидя на скамьѣ, разговаривалъ съ двумя раскольниками, ушедшими недавно съ Удойскихъ пріисловъ.

— Изъякли?! сказалъ улыбаясь Яговъ послѣ обычныхъ обрядностей.

— Богъ не безъ милости, проговорилъ Костромивъ.

— Благодареніе Богу. Надежный ли тамъ караульничъ-то?

— Это его знаетъ... Мы съ нимъ работали, такъ онъ намъ нравится... Впрочемъ, я его взялъ для того, чтобы онъ не убѣжалъ и не объявилъ... А вѣдь мы намыли не мало, съ помощію Вожію... Ну, а отсюда онъ не уйдетъ. Тамъ въ бургѣ пиво. Мы его смѣшали съ табакомъ для крѣпости.

— Ну, такъ какъ же ты, Дорошей, думаешь?

— Да вотъ Тарасу Трифоничу Анучиниу теперь очередь.

— Я давно знаю объ этомъ мѣстѣ, и другое у меня есть на примѣтѣ... А дѣло наше такое, того и жди чтобы не наѣхали... Только наврядъ ли и тамъ будетъ много золота, потому довѣренный, извѣстно, въ этомъ дѣлѣ не смыслить. Столбы наставлять, начнутъ рыть канавы, настраютъ небѣ и промывальни тамъ, гдѣ не слѣдуетъ... Неужели я стану указывать!

— А если тебя сдѣлаютъ довѣреннымъ? Полно-ко морочить старшихъ людей! Давно тебѣ, какъ видно, хочется въ начальство попасть, да воли нѣтъ... Охо-хо!.. Замѣчаю я, нѣтъ ниче въ людяхъ той крѣпости, какъ въ прежніе годы; ненадежны стали новѣшніе люди. Отчего прежде объ этомъ краѣ и разговоры не было? Отчего ниче здѣсь уже до сотни пріисловъ разрабатывается?

— Но вѣдь всѣ почти брошены, хоть и въ нихъ есть золото.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, отчего прежде-то объ здѣшнемъ краѣ не было и рѣчи? всѣ считали здѣшнія мѣста за самые негодныя... Оттого, что жадность человѣка такова; ты ему дай щей, онъ захочетъ каша; ты ему рубль, онъ проситъ два... Обычай городскіе стали нравиться, водка стала лучше браги; мало одной жены, по двѣ завели... Поневолѣ жадность явится.

— Пожилъ бы ты въ мірѣ! сказалъ недовольно Анучкинъ.

— Слава Богу, сорокъ лѣтъ выжилъ—это мнѣ не укоръ, да и я не про тебя говорю. Ты бѣглый, тебѣ едва-ли ловко въ городъ-то явиться!

— Я на Дорооея полагаюсь. Пусть онъ будетъ довѣреннымъ.

— Иабави Богъ! Пусть лучше внукъ мой будетъ.

— Дѣлайте какъ знаете. А все бы обождать не мѣшало, потому что теперь многіе изъ господъ поостыли... ха-ха! Смѣшно мнѣ, право, на этихъ людей: слышали они, што есть въ здѣшнемъ краю золото и думаютъ, что его можно лопатами грести. Что-жь? Подождите немного; можетъ, какой-нибудь денежный баринъ и рѣшится довѣрить, Костроминъ, твоему сыну, ну, а ты Тарасъ помогай, да больше о своихъ старайся; дѣлай такъ, шtbody и тебѣ было хорошо, и барину, и намъ.

Скоро гости расстались съ хованномъ, который далъ за золото денегъ и обѣщался извѣстить, когда проиухаетъ про простебатаго, но денежнаго барина.

— Я уже сына своего Никифора пошлю по веснѣ развѣдать, и если онъ узнаетъ, то предложитъ барину такъ: скажетъ, что онъ пошлетъ ему и мужика, который знаетъ мѣсто и довѣреннаго. Ну, разумѣется, объяснитъ все какъ слѣдуетъ, и Тарасу нечего будетъ бояться, потому богатство мнѣе перадровъ: и бѣглаго съ почетомъ принимаютъ, гдѣ нужно.

Съ ними вышли и другіе два раскольника, которые обѣщались хранить въ секретѣ совѣтъ Якова съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ плата производилась больше другихъ и у нихъ не отнимали бы золото.

Костроминъ далъ Терентію Иваничу двадцати-пяти рублевую бумажку. Терентій Иваничъ посмотрѣлъ на свѣтъ бумажку, тщательно оцупалъ ее и новидмому не рѣшался брать.

— Думаетъ, фальшивая! Ошибаешься, другъ. Яковъ этими вещами не занимается,—голову могу положить на отсѣченіе, вотъ што.

— Нѣтъ... мало...

Костроминъ захоталъ. Товарищи торонили Костромина ѣхать.

— Ты знаешь ли толкъ-то въ деньгахъ? спросилъ вдругъ Костроминъ Горюнова.

— Не ты одинъ! началъ Горюновъ, но Костроминъ опять захоталъ.

— Говорилъ бы, слава Богу, што и это дали! Въ своемъ заводѣ тебѣ и во снѣ не приснались бы такіа деньги, говорилъ Анучкинъ, садись въ пошевни, въ которыхъ уже сидѣли остальные. Костроминъ стегнулъ лошадь.

— Дорожеи Леонтьичъ... Подожди меня-то! сказалъ Горюновъ, догоняя лошадь.

— Нѣтъ, мы тебя не возьмемъ! Ты недоволенъ...

— Што дѣлать... я ничего...

— Иди куда хошь, а ты намъ не товарищъ.

— Цѣлый часъ Горюновъ шелъ за пошевнями, упрашивая, чтобы его взяли, говоря, что онъ доволенъ всѣмъ; цѣлый часъ Костроминъ и его товарищи не хотѣли брать его съ собой, совѣтуя ему идти туда, гдѣ лучше и гдѣ больше даютъ денегъ.

Но все-таки посадили его, взявъ съ него клятву, чтобы онъ молчалъ объ этой поѣздкѣ и не выдавалъ ихъ начальству.

Теперь у Горюнова исчезли всѣ мечты о забраніи въ свои руки принска. Онъ ясно понималъ, что попалъ въ ежовня рукавицы и долженъ будетъ работать на тѣхъ же, которыхъ онъ считалъ своими товарищами, и въ рукахъ которыхъ находились прински; эти люди знаютъ принсковое дѣло; въ сбѣгѣ золота не затрудняются, да и по прекращеніи работъ найдутъ поддержку, какъ вотъ и эти двое раскольниковъ, ушедшіе съ принсковъ назадъ тому мѣсяцъ. Они и рабочихъ найдутъ, потому что въ окрестности всѣ жители знаютъ ихъ... А онъ, пришлецъ, мечталъ... «Да, не легко, Тереха, деньги достаются и на золотыхъ принскахъ. Ужъ, кажется, ничего нѣтъ дороже золота, а и тутъ золото ни во что мнѣ поставили. И какъ я надѣялся, што на золотыхъ непремѣнно накоплю большой капиталъ и умру я не въ бѣдности! а дѣло-то выходитъ, што здѣсь еще пожалуй хуже: того и бояся што или убьютъ тебя, или ты поробишь-поробишь, да съ тѣмъ же и уйдешь съ чѣмъ пришель».

Но гдѣ же лучше? спрашивалъ себя Терентій Иванчъ. Чтѣ скажутъ ему его пріятели, родные, когда онъ воротится къ нимъ, и когда ему нечѣмъ будетъ похвастаться... Вѣдь и самъ Терентій Иванчъ выдалъ у бѣглыхъ мастеровыхъ золото, и Короваевъ съ нимъ нерѣдко ѣздилъ въ городъ съ золотомъ. «Не надо было мнѣ отдавать золото Костромину; надо бы мнѣ было спрятать его, а потомъ и я бы привезъ золото въ городъ», подумалъ-было онъ, но потомъ ему представились всѣ опасности, какими подвергаютъ себя на каждомъ шагу рабочіе виѣ принсковъ, имѣя у себя золото, и то, какъ имъ дешево платятъ за него ловкіе люди...

Чтѣ же дѣлать? Неужели идти назадъ? Но куда идти съ этими двадцатью-пятью рублями, которне, можетъ-быть, еще и не деньги, а просто фальшивая бумажка? Да и опять то надо подумать: вѣдь онъ только что началъ жизнь на принскахъ. Люди живутъ

на принсахъ десятки лѣтъ и все-таки не тянетъ ихъ въ другія мѣста... А Костроминъ беретъ его къ себѣ въ компанію...

Всѣ эти размышленія убѣдили его, что ему надо пожить и потерпѣть на принсахъ: «авось, можетъ быть, Богъ и поможетъ ему выйдти изъ бѣдности въ люди».

Костроминъ съ товарищами засталъ на принсахъ земскую полицію, нѣсколько человѣкъ изъ прежнихъ рабочихъ, въ числѣ которыхъ былъ и Ульяновъ, прикащикъ, Иванничева и какого-то пожелого низенькаго человѣка въ енотовомъ тулупѣ. Они бродили около рѣчки и около ископанной недавно Костроминимъ мѣстности. Нѣсколько новыхъ рабочихъ съ крестьянами, работавшими съ Костроминимъ, тесали бревна, копали землю и въ разныхъ мѣстахъ ставили столбы. Какой-то господинъ въ легкомъ пальто что-то чертилъ на бумагѣ.

— Выдалъ, подлець!... Ахъ разбойникъ! говорили Анучкинъ и Костроминъ, услыжавъ отъ одного новаго рабочаго, что сюда прѣхалъ открывать новый принсъ самъ главный довѣренный, и что Кирпичниковъ уже не прѣдетъ, такъ-какъ Иваннишевъ на него насаждалъ много нехорошаго главному довѣренному.

Костроминъ и Анучкинъ очень сердились на Иванничева за то, что онъ, не спросивъ ихъ, продалъ *телку*; теперь оказалось, что и Костроминъ и Анучкинъ оба знали объ этой телкѣ, каждый рассчитывалъ на нее, считая ее неистощимымъ богатствомъ, которое они берегли много лѣтъ и къ которому приступили только потому, что имъ нечего было ѣсть. Про это-то мѣсто они и говорили Якову. И вдругъ ихъ же товарищъ, свой человѣкъ, передалъ это мѣсто въ руки того же барина, которому указалъ Удойкинскій принсъ Костроминъ...

По отъѣздѣ полиціи главный довѣренный выдалъ всѣмъ рабочимъ не въ счетъ жалованья десять рублей для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ, и приказалъ имъ начать работы на новомъ мѣстѣ.

Костроминъ съ товарищами махнули на все рукой и остались на принсѣ.

Съ вечера началось пьянство на всемъ принсѣ, только Костроминъ съ товарищами, въ томъ числѣ и Терентій Иванчъ, принятый въ ихъ компанію, долго вели между собою бесѣду, заключавшуюся въ томъ, чтобы Костромину попрежнему заниматься съ семействомъ торговлей, а прочимъ работать, но такъ-какъ и этотъ довѣренный назначаетъ плату поденно, то если кто-нибудь изъ нихъ узнаетъ, гдѣ находится богатое мѣсто, стараться скрыть его и копать въ другомъ мѣстѣ.

XX.

КАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА.

Было еще очень свѣтло, когда Пелагея Прохоровна вышла съ узелкомъ на улицу. Солнце уже сѣло, и надъ сѣверо-западной частью города на небѣ отливались золотистыя, фіолетовыя и розовыя гради горы. Нѣсколько городскихъ барышень, стоя у городского пруда въ одиночку, упершись въ чугунную рѣшетку, задумчиво смотрѣли на отражающіеся въ тучахъ лучи солнца — и мечтали. Вечеръ былъ тихій, прохладный; нить, поднятая днемъ съ улицъ, постепенно садилась на строенія и на землю. Бѣды было не слышно; служащій народъ — чиновники, послѣ дневныхъ занятій, большею частію холостые и семейные безъ женъ и дѣтей, вышли къ пруду и на бульваръ, а нѣкоторые изъ нихъ садилась на пароходъ и плыли къ дачѣ, отъ которой слышалась музыка и часть которой была освѣщена фонарями. Очень немногіе шли въ соборъ посмотреть, не свадьба ли тамъ, потому что у собора стояло два извозчика. Нельзя сказать, чтобы народъ этотъ былъ веселъ; на всѣхъ лицахъ замѣтно было или уныніе или тоска или зависть.

Пелагея Прохоровна робко шла до пруда. Ее нѣсколько не удивила гуляющая публика, напротивъ, она занята была своимъ положеніемъ, чувствовала, что теперь она свободна, но что-то такое тяготило ее, въ головѣ ея какъ будто пусто стало. Она шла, сама не зная куда.

На пруду въ это время плылъ пароходъ очень медленно. На пароходѣ пѣсenniки орали уже полупьянными голосами «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». За пароходомъ плыла лодка, въ которой вѣли нѣсколько человекъ приказныхъ изъ соборныхъ пѣвчихъ «Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту». Впереди парохода и рядомъ съ ними плыло тоже нѣсколько лодокъ съ любителями духовныхъ и свѣтскихъ пѣсенъ, которые старались подтянуть пѣвчимъ со всѣмъ усердіемъ.

Все это издалека привлекало сюда праздный народъ въ родѣ чиновниковъ, дѣвицъ съ шляпками и безъ шляпокъ; сюда шли подмастерья, окончившіе со своею работою, какъ и другіе любители прележеній. Народу было много. Народъ толкался, хохоталъ, острлялъ насчетъ другихъ, особенно насчетъ молодыхъ незнакомыхъ женщинъ. Кончилась пѣсня, сотни голосовъ закричала: «форалъ еще!» и начались ругательства, крики. Пелагея Прохоровна пошла прочь, не обращая вниманія на любезности халатниковъ, предлагавшихъ ей вѣрнуться съ нею. Она шла за-

думавшись. Вдругъ она увидала на тротуарѣ сидящую женщину, которая держала на колѣняхъ ребѣнка.

— А! это ты! сказала женщина, узнавъ Пелагею Прохоровну.

Пелагея Прохоровна была очень удивлена тѣмъ, что эту женщину она гдѣ-то видѣла, лицо ей довольно хорошо было памятно, но гдѣ она видела ее, кто она такая, она никакъ не могла припомнить.

— Ахъ не узнала? Богата вѣрно стала нынче. И женщина такъ поглядѣла на узелокъ Пелагеи Прохоровны, что та стала сама не своя. И голосъ знакомый, рѣзкій, и улыбка, отъ которой ее когда-то коробило, знакомая ей.

Вдругъ она вскрикнула:

— Катерина Васильевна!

— То-то... Ты куда идешь?

— На гуляньѣ была...

— Счастливая! и Катерина Васильевна тяжело вздохнула, потомъ сказала:

— Ты безъ мѣста? Иди ко мнѣ ночевать!

— Покорно благодарю.

— Полно-ко дурить! Иди... Ахъ ты прокляенный. Смущалъ ты меня... говорила она, тормоша ребѣнка, который ежился и охриплымъ голосомъ кричалъ и часто валилъ.

— Царица небесная! проговорила женщина съ отчаяніемъ.

Пелагеѣ Прохоровнѣ жалко стало прежней Катьки, которая навадѣ тому полтора года часто была прогоняема отъ разныхъ господъ за воровство и дурное поведеніе, ссора между кухарками за самую отчаянную дѣвку, неимѣвшую ни стыда, ни совѣсти. И каково же было удивленіе всѣхъ прачекъ и кухарокъ, когда она объявила, что выходитъ замужъ скоро за мастера, и даже назначила день свадьбы. Сначала думали, что это такъ, мало ли, что можетъ наболтать бѣшеная Катька, но черезъ недѣлю всѣ вухарки и прачки узнали, что въ церкви уже было два оглашенія о свадьбѣ Катерины, и Катька стала называться съ тѣхъ поръ Катериной Васильевной, ею стали больше прежнего интересоваться, заискивать ея расположенія для того, чтобы узнать ея жениха, о которомъ ходили разные слухи. Одни говорили, что онъ въ городѣ первый *раммшикъ*, то-есть отчаянный воръ и головорѣвъ; другіе, что онъ для того только и женится на Катеринѣ, чтобы жить на ея счетъ, такъ-какъ она работающая баба. Какъ бы то ни было, а Катерина Васильевна вышла замужъ и свадьбу ея имѣли удовольствіе видѣть около десяти прачекъ и вухарокъ, и эти смотряны пришлись имъ не по сердцу, потому что Катерина Васильевна ихъ вдосталь удивила: женихъ

ея былъ высокій, здоровый красавецъ и главное молодъ, такъ что на взглядъ ему было не больше двадцати лѣтъ.

Съ этихъ поръ въ тѣхъ порядкахъ, или частяхъ города, откуда собрались на прудъ прачки и бухарки, никто уже не видалъ Катерины Васильевны, точно она уѣхала куда нибудь. Поэтому и не мудрено, что Пелагея Прохоровна, не принимавшая и прежде явнаго участія въ сужденіяхъ объ ней, мало была знакома съ нею и не любила ее, какъ женщину бойкую и болтливую.

Теперь же, встрѣтившись съ нею на улицѣ ночью, видя ее плачущею и проклинающею ребенка, она рѣшительно не понимала, что такое случилось съ этою бойкою женщиною.

— Горе мое! горе мое!... стонала Катерина Васильевна. Но слезъ уже теперь у нея не было, только лицо ея кодергивалось. Пелагея Прохоровна при лунномъ свѣтѣ замѣтила, что лицо ея кожа да кости,—а прежде казал она была здоровая!

— Катерина Васильевна! Дай мнѣ ребенка-то: простудышь... Вѣтрено.

— Пусть колѣеть.

— Какъ тебѣ не стыдно. Бога-то ты не боишься!

— Што мнѣ съ нимъ, совсѣмъ раззорилась. Хоть-бы собака была въ домѣ-то!... Хоть-бы старуха казал... Голубушка, почувуй ты у меня эту ночьку: ничего я не могу сдѣлать съ ребенкомъ-то.

Пелагея Прохоровна молча согласилась. Катерина Васильевна жила рядомъ съ нею и тоже молчала. Ребенокъ хрипѣлъ. Пелагея Прохоровна думала о настоящемъ положеніи этой женщины, но заговорить ей было неловко. Ей самой ясно припоминалась ея первая жизнь въ городѣ, и очень хотѣлось помочь Катеринѣ Васильевнѣ, которая уже тѣмъ несчастіе ея, что имѣеть на рукахъ ребенка.

Катерина Васильевна жила совсѣмъ въ противоположной части города и почти въ трехъ верстахъ отъ пруда. Домъ Хорохорова былъ низенькій, деревянный, съ тремя окнами на улицу. Онъ еще издали обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что внутренность его казалась провалившейся, и что если онъ еще не развалился весь въ разныя стороны, такъ оттого только, что по угламъ бревна были частію скрѣплены желѣзными толстыми полосами и частію упирались въ столбы. Всякій, кто шелъ мимо этого ветхаго дома, съ заколоченными двумя окнами, съ прогнившею крышею, на которой тамъ и сямъ росла трава, безъ тротуара, а съ засоренной канавкой, всякій улыбался и говорилъ: а должно быть, домъ-то старѣе заплотовъ! Да это отчасти и оправдывалось тѣмъ, что ворота запирались хорошо и доски на заплотѣ были еще довольно крѣпки и даже на верху заплота

были вбиты гвозди такъ, что домъ походилъ на развалившееся укрѣпленіе, въ которое гораздо легче войти не черезъ заплоть, а только стоитъ дернуть за доску. крыши, какъ крыша и распылится. Во дворѣ было еще хуже; заднія постройки и крылечко у дома провалились. Огородъ только отчасти огороживался и поэтому сосѣди рады были случаю выстять въ него свою скотину. Только одна баня, съ крышей на ней и маленькимъ окошечкомъ, была крѣпче обиталища хозяевъ. Въ огородѣ хотя и были посажены овощи, но грады всѣ перетоптаны и изъ нихъ все позыдергано. Кромѣ этого, полицейское начальство давно уже дѣлало распоряженіе о томъ, чтобы этотъ домъ съ задними его постройками, въ видахъ искорененія безобразія, былъ сломанъ, но этотъ приказъ не былъ исполняемъ не только новыми его хозяевами Хорохоровыми, но и прежними. Впрочемъ, и сосѣдямъ не нравилась этотъ домъ, и они постоянно говорили, что въ немъ уже нѣсколько лѣтъ живутъ или бѣгле, или мошенники, и поэтому трое сосѣдей зорко слѣдили за нимъ.

Пелагея Прохорова удивилась, увидавъ, что несмотря на то, что въ кухнѣ полъ кривой и половицы шатаются, всадѣ было очень чисто, свѣтло и гладко привѣтливо. Такъ что, судя по убранству кухни, можно было подумать, что хозяйка не такъ бѣдна, какъ она говорить. Столъ хотя и простой работы, но окрашенный, стѣны облесены Сенатскими Вѣдомостями, кровать занавѣшена и за занавѣской виситъ мужской халатъ, исковерканная проволока отъ кринолина, зимній женскій шугайчикъ и еще что-то въ родѣ тулупа; въ переднемъ углу два образа съ посеребренными оладами, передъ ними въ бумажномъ плетенномъ кошелькѣ висятъ два позолоченныхъ пасхальныхъ янца; по обѣ стороны этихъ образовъ и подъ ними стѣна изукрашена картинами духовнаго содержанія.

Въ кухнѣ не было жарко, какъ бываетъ въ другихъ кухняхъ, въ которыхъ топятъ печи, жарить и пекуть; просыпающіеся мухи жужжали, но какъ видно и ихъ было немного. Пелагею Прохоровну еще болѣе прежняго удивило отсутствіе не только мужчины въ кухнѣ, но даже и лѣтней мужской одежды. Однако, она не рѣшалась спросить хозяйку объ этомъ предметѣ, да и хозяйка указывала ребенка, напѣвая усыпляющія пѣсенки. Хозяйка прилегла на кровать и проговорила:

— Одно къ одному такъ и идетъ: вотъ корова теперь перестала доить и изволь ее дожидаться — скоро ли она отелится. Опять тоже и кормить ее надо, а корма-то имѣй не приведи Богъ, какъ дороги! Купишь сѣна пудъ, глядишь на другой день ужъ и нѣтъ, потому заплотовъ нѣтъ. Николай-то Иваничъ

такъ и купивъ мѣсто безъ заплатовъ, Соеѣди все и таскають... А своего повеса нѣтъ, потому мѣщанамъ не даютъ покосовъ.

Обѣ молчали нѣсколько минутъ.

— Гдѣ же у тѣ мужъ-то? спросала вдругъ Пелагея Прохорова и почувствовала, что она нехорошо сдѣлала.

— Въ острогѣ.

— Што ты?

— Оказія вышла... Не шуточнее дѣло! И совсѣмъ не виновать, а все своя ослѣпленность дурацкая. Вишь ты, онъ больно любилъ рыбу ловить и лѣтомъ часто уходилъ рыбачить или сюда на прудъ или куда-нибудь на озеро. И лодку свою имѣлъ и припараты рыболовныя имѣлъ всякіе, только теперь я ихъ всѣ распродала почти задаромъ. Тамъ тутъ снова лѣтомъ, почитай въ то время, какъ машину носить, онъ и отправился съ однимъ своимъ пріятелемъ верстъ за семь отъ города... Черезъ двои сутки пріѣзжаютъ они — Николай Иванычъ и пріятель, оба подпивши; рыбы было порядочно. Раздѣлили они рыбу межъ-собою; я сварила уху, пріятель сходилъ за водкой, выпили всѣ и я тоже. Только я и спрашиваю, а што молъ Подкорытову много вы отдали! Пріятель и говорить: нашъ, говорить, Иванъ сталъ болванъ, потому, говорить, што какъ только ми утромъ пробудились, его и слѣдъ пропалъ. А онъ, говорить, съ вечера былъ хороше пьянъ. — Мужъ говорить: мы искали-искали его и слѣдовъ нѣтъ. Знать, говорить, ушелъ въ село; тамъ есть дѣвчичи, съ которыми онъ знакомъ. Ну ми тогда посмѣялись, — тѣмъ дѣло и кончилось. Только на третій день послѣ этого и приходитъ къ намъ работникъ Подкорытова и спрашиваетъ про Ивана. Ну, знамо, не искать же намъ его. Сказываетъ, послали и въ село, да и тамъ не нашли. Вотъ и привязались въ моему мужу и его пріятелю: — куда дѣвали Ваньку Подкорытова? А потомъ, вдругъ и объявили мастерки, што они нашли его убитымъ въ кустахъ. Повезли нашихъ молодцовъ туда, они съ бухты-барахты и покажи то мѣсто, гдѣ они ночевали въ послѣдній разъ, а а отъ этого мѣста на разстояніи какой-нибудь полверсты темла въ озеро рѣчка, въ ней и нашли Подкорытова. Ужъ тамъ, говорятъ, онъ изуродованъ, не приведи Богъ! Кто-то такъ хватилъ его по головѣ, что голова на двѣ половины разсѣчена... Мой мужъ и пріятель говорили, что они въ этомъ дѣлѣ ни капельки неучастны и што никакого крику не слыхали, потому што спали крѣпко, а што крѣпко Подкорытова укусонили мастерки, потому они до него давно добрались: разъ, — онъ обсчитывалъ ихъ деньгами за камни, другой, — они давно хотѣли задать ему мятку за своихъ бабъ и дѣвокъ. Но какъ они

ни отирались, а ихъ все-таки посадили въ острогъ, потому што придрались въ мужнину топору и еге халату: въ крови, — такъ значить и человѣка убили. Ми хеть и говорили, што около этого времени мужъ теленка кололъ въ халатѣ, а топоромъ отрубалъ голову, кою я сварила на студень. А што топоръ былъ невнимтъ, такъ потому, што не было въ немъ больше надобности. Нѣтъ, не повѣрили! И вотъ ужъ годъ скоро кончится, какъ онъ сидитъ... Сказывали мнѣ на прошлой недѣлѣ, што въ судѣ чиновникъ рѣшенье писать и што хочетъ обонкъ въ каторгу... Я испугалась.. Охъ, мать Пресвятая Богородица! знаю я, што мой мужъ нетолько убить не въ состояніи, а даже и поколотить человѣка. Онъ ежели курицу заколетъ, такъ ни за что ѣсть не станеть; даже и теленка не ѣлъ, я ужъ обманомъ кормила его... Бѣгала я и къ секретарю — нельзя, говорить. Я прошу: вы бы слѣдствіе тамъ въ селѣ произвели, можетъ, кто изъ тамошнихъ убили. Онъ меня прогналъ и сказалъ: курицу лица не учать. Бѣгала къ судѣ—никакъ не могла застать дома, а наконецъ, и гнать стали отъ дома. Сколько однихъ прошеньевъ носила страпчому — не принимаетъ... А народъ тамъ въ селѣ-охъ! такой злой и изъ воды сухой выйдетъ; поэтому вѣрно и побоялись питать ихъ. А онъ, мой голубчикъ... спичка спичкой сталъ!... Въ воскресенье была у него—кашляетъ безпрестанно, кровью харкаетъ... Просился въ лазаретъ — не пускатъ: для убійцъ тамъ, сказывають, нѣтъ мѣстовъ.

Катерина Васильевна замолчала, но она не плакала, а сидѣла уперевъ лѣвою ладонью щеку и качала головой; лицо ее немножко подергивало. Пелагея Прохорова сидѣла блѣдная и смотрѣла въ уголъ. Ей жалко было очень Катерину Васильевну, которая была, по ея мнѣнію, въ тысячу разъ несчастнѣе ея. Вотъ она, бойкая-то женщина... О, Владчица!...

— Катерина Васильевна! сказала шепотомъ Пелагея Прохорова, потому что у нее въ роту было сухо.

Та нетолько не отвѣчала, но даже и не поглядѣла на нее. Она повторила. Та промичала.

— Ты бы заснула! Успокойся маленько, пока ребенокъ-то спитъ.

— Не хочется мнѣ спать-то... Свѣтло ужъ.

Между тою и другою женщинами было много разницы. Хозяйка была хотя и высокая, но по народному выраженію худая, какъ спичка. Она, казалось, нисколько не заботилась о своемъ нарядѣ: платьишко во многихъ мѣстахъ продралось, недоли заскорбли отъ грязи, рукава оборваны, руки, лицо и шея давно немыты и тольбу, если чѣмъ она можетъ кому-нибудь понравиться, такъ это развѣ правильнымъ очертаніемъ блѣднаго лица,

которое, несмотря на отпечаток на немъ горя, все-таки еще было красиво. Но за то это была жена обвиненнаго въ убійствѣ, жена будущаго каторжника, жена ошозореннаго и немилостиваго никакнхъ правъ и преимуществъ человѣческихъ въ жизни... Пелагея Прохорова теперь уже не могла сравниться съ прежнею девятнадцатилѣтнею заводскою красавицею, какою она пришла въ городъ въ первый разъ, и какою ее встрѣчала въ первое время Катерина Васильевна. Она была двадцати-двухлѣтняя женщина съ загрубѣвшимъ и покрасивѣвшимъ отъ работы лицомъ, съ твердыми здоровыми руками. Она пополнила, въ глазахъ ея выразалось болѣе осмысленности, губы ея, казалось, мало складывались для улыбокъ. Ея ситцевое платье теперь не сидѣло на ней, какъ прежде, мѣшикомъ, и къ ней уже не шель сарафанъ, который она уже два года, какъ перешла на юбку, и который надѣтъ ей теперь казалось стыдно. Правда, ея пепельные волосы какъ будто немножко пожелтѣли и порѣдѣли, за то всякій городской рабочій могъ сразу сказать про нее: вотъ баба, такъ баба! Только бы ей купчихой сдѣлаться, разжирѣла бы на отличку.

Ребенокъ началъ пинать въ люлькѣ. Катерина Васильевна взяла его на руки и стала качать, сказавъ, что у нея самой молоко высохло. «Я ужъ четыре раза носила ее въ люди. Въ первый разъ отдала на вскормленье нищей и денегъ ей дала рубль серебромъ впередъ за мѣсяцъ. Только прихожу какъ-то къ заутренѣ, гляжу на паперти, чей-то ребенокъ плачетъ, я поглядѣла — мой. Жалко мнѣ стало. Взяла я его и пошла въ церковь, а нищая-то, коей я дала ребенка, стоитъ въ углу между дверью и стѣной и дремлетъ. Я ее ткнула, она разинула ротъ, изо рта, какъ отъ лаханки, такъ и разнѣтъ винищемъ. Стала молокомъ кормить — покою нѣтъ. Да и сама посуда, што за работа съ ребенкомъ? У меня нѣтъ здѣсь родни, а у мужа и подавно. Пригласила-было одну чулошницу къ себѣ жить; такъ она весь день рыскаетъ по городу, а ночью и не добудинься. Взяла дѣвчонку, та платье утащила. А жильца куда пустишь? Тамъ вонъ есть комната, да кто въ нее поидеть, потому, потолокъ провалился. А какъ Николай-то Иванчъ покупалъ его еще до свадьбы, такъ и не думалъ, што случится этакая оказія. Хорошо еще, што насъ самихъ не задавило, мы въ тѣ поры ходили за малиной. А вѣдь семьдесятъ-пять рублей отдалъ. Я и то ужъ продаю его — какъ на смѣхъ даютъ не больше десяти рублей. Рабочій народъ въ этомъ краю не живетъ. Такъ и ума не приложу, што дѣлать теперь... Кабы не ребенокъ, я бы знала, што мнѣ дѣлать. Сегодня вотъ весь день рыскала: всѣхъ докто-

ровъ здѣшнихъ обѣгала — ни одного дома не застала... И какая я прежде была спокойная! А какъ вышла замужъ — и не то стало. Разъ, у мужа не всегда была работа, а если была, то онъ деньги забиралъ впередъ — а попробуйко, каково брюхатой бабѣ бѣлье стирать или полъ мыть? Вотъ отъ этого, должно быть, я перваго-то ребенка и выгинула мертваго. А все же и весело было съ мужемъ: онъ такой смиренный, и никогда супротивъ меня не шелъ, и трудился мнѣ, надо правду сказать, другъ для дружки. И каково мнѣ было терпѣть поворъ-то, какъ его посадили въ острогъ: какъ я сказала объ этомъ господамъ, на которыхъ я работала, они и сказали: ну, матушка, теперь мы тебя увольняемъ отъ работы! можешь на другихъ, потому, ты жена такого-то... И молоко перестали брать, говорятъ: можетъ быть, въ молоко-то находится кровь... И чего-чего только я не перетерпѣла!... Да не уступлю имъ! Буду терпѣть, а по міру не пойду. Здѣсь не будетъ житься, въ другой городъ пойду.

— Катерина Васильевна, знаешь ли что? Я сама хочу робить: стирать и гладить я умѣю; полъ мыть — плевое дѣло, сказала дрожащимъ голосомъ Пелагея Прохоровна.

— Ты? спросила хозяйка, и съ удивленіемъ посмотрѣла на гостью.

— Я затѣмъ сюда и пришла въ городъ, да безъ толку. Сама знаешь, сперва я ничего не-понимала погородски, и денегъ у меня не было... И она рассказала про жизнь на промислахъ.

— Трудное дѣло... А много ли у тѣ капитала-то?

— Да тринадцать рублей. А кабы братъ не укралъ, было бы много.

— На эти деньги можно... Корову можно рублей за восемь купить; ну, сѣна хоть на два рубля.

— Такъ ты пусти меня къ себѣ, проговорила робко Пелагея Прохоровна.

— Ловко ли это будетъ?... Мѣста намъ хватить, только какъ на счетъ коровы-то? гдѣ ты ее держать будешь?... Сосѣдки не пустятъ: это дьяволы, а не люди.

— Ничего, какъ-нибудь.

— Нѣтъ, не какъ-нибудь, а это заговядва: всѣ сосѣдки смотрятъ на меня, какъ на пугалу какую... Однако?

— Али ты боишься меня, Катерина Васильевна? Голосъ ея дрожалъ...

XXI.

Женскій трудъ.

Часовъ черезъ пять послѣ этого разговора, корова Катерины Васильевны отелилась, Пелагеѣ Прохоровнѣ не спалось; она думала

е томъ, какииъ образомъ ей найдти работу, и пришла только къ тому предположенію, что хорошо бы ей продавать хоть ягоди. У веровы не было сѣна. Мокроносова визвалаась купить его, и утромъ пошла на рынокъ, но дорогой, недалеко отъ дома Хорекоровыхъ, встрѣтила дѣвочку лѣтъ восьми: эта дѣвушка шла тоже въ середину города изъ самой крайней улицы, и несла три маленькія наберушки съ земляничкой.

— Почему ягоди? спросила она дѣвочку.

Та сказала. Сравнительно съ заводскими, эти ягоди оказались слишкомъ дороги, но она рѣшилась купить ихъ. Дѣвочка уступила на цѣна десять копеекъ, и даже была въ восторгѣ.

Она повернула на главную улицу. И какъ ей стыдно было крикнуть въ первый разъ: ягодъ не надо ли! Ягодъ купите! Однако, кричать нужно... Крикнула разъ — покраснѣла, крикнула въ другой — голось дрянной... Но на улицѣ нити не поцунать ягодъ: стала она заходить во дворы — собали кидаются на нее; но за то тутъ купили одну корзинку очень выгодно для Праксовы Ивановны, такъ что она цѣна десять копеекъ нашла отъ той наберушки. Кухарки она не замѣтила, и поэтому она спокойнымъ голосомъ спросила купившую у нее ягоди, когда та стала отдавать ей деньги:

— Не надо ли вамъ, барыня, прачку?

— Да вотъ я не знаю... У меня стираетъ Авдотья, а ей велѣла придти вчера вечеромъ, а она и по сихъ поръ мнѣ глазъ не показывала... А ты, поди, вовсе не умѣешь стирать-то?

— Што вы, барыня, я давно этимъ ремесломъ занимаюсь. И щокъ Пелагея Прохоровна покраснѣла.

— На кого же ты стираешь?

— Я-то?... Да у меня много... одинъ бухгалтеръ, другой — въ правленіи служить.

— Што же, мало што ли стирки-то теперь?

— Да видишь ли: я корову купила; всѣ деньги истратила.

— Замужемъ или нѣтъ?

— Какъ же, замужемъ, за Курносовымъ... Плохое наше житье.

— Ну, ладно, я подумаю; приходи вечеромъ. Если не придетъ Авдотья, такъ ужъ дѣлать нечего.

Пелагея Прохоровна вышла съ сѣльнымъ біеніемъ сердца, голова ея отяжелѣла. «Што я такое наврала?» думала Пелагея Прохоровна, выйдя за ворота. Она сама не понимала: какииъ образомъ она могла соврать? Она вдова, и на попринце прачки вышла въ первый разъ. А ужъ если она соврала, то значить, нужно теперь врать и врать, а это нехорошо. А если узнать?

Однако, дѣло сдѣлано; Мокроносову выручили ягоди. Она

замѣтила домъ и пошла дальше, думая о томъ, какъ сказать, если спросить: «а какъ зовутъ того или другаго, на которыхъ она стираетъ?» Надо такъ сдѣлать, чтобы имена не забывались. «Экая я дура! Вотъ теперь и хлопочна».

Продала она и остальные ягоды и нашла работы еще въ одномъ домѣ: вымыть полы сегодня же. Она занялась и боялась, чтобы ее не спросили: кто она такая? Однако, избѣжать этого было невозможно, и здѣсь она уже не врала, а говорила правду. Когда, послѣ господскаго обѣда, которымъ ее, впрочемъ, не угостили, она стала собираться домой, то хозяйка пригласила ее стирать бѣлье на слѣдующей же недѣлѣ, и работы предвидѣлось на цѣлне три дня.

Пелагея Прохоровна была очень весела. Она, кажется, не была такъ весела даже и въ первый день свадьбы.

Она радовалась тому, что она нашла работу, будетъ получать деньги, и будетъ жить самостоятельно, никому не подчиняясь, никого не боясь. Когда она пришла на рынокъ, то въ первый разъ, какъ она живетъ въ городѣ, она заходила во множество лавокъ; заглядывалась на дорогія, красивыя вещи, смотрѣла ситецъ, и до того надоѣла купцамъ и приващивамъ, что ее почти изъ каждой лавки выгоняли насмѣшками. Теперь ей больше прежняго хотѣлось угодить Катеринѣ Васильевнѣ, и она купила ей платокъ на голову съ картинками, осьмушку чаю, и полфунта сахару, и даже едва не забыла купить сѣна коровѣ. Катерина Васильевна не очень раздѣляла радость своей жилички, говоря, что это начало еще ничего не можетъ обѣщать хорошаго въ будущемъ, и по ея мнѣнію, не больше не меньше, какъ одно раззореніе. Но Пелагея Прохоровна подумала, что Катерина Васильевна завидуетъ потому, что она не только не получила работы, но помощникъ аптекаря не отдалъ ей денегъ за то, что она будто бы потеряла одну хорошую манишку. Подарокъ она спрятала до болѣе удобнаго времени, потому что Катерина Васильевна весь этотъ день была сердитая. Когда же Пелагея Прохоровна сосчитала свои деньги, то ихъ оказалось только девять рублей съ копейками. Это очень встревожило ее, и она сказала Катеринѣ Васильевнѣ:

— Сколько я денегъ-то истратила! И куда? кажется, ничего такого не покупила.

— И остальные проживешь.

— Нѣтъ, ужъ я теперь беречь буду.

— Сколько я тебѣ должна?

— Полно-ко, Катерина Васильевна. Неужели у меня нѣтъ креста на вороту... Я вовсе не къ тому говорю, чтобы...

Въ острогѣ объявили Васильевнѣ, что ее мужъ еще въ понедѣльникъ умеръ и похороненъ, какъ собака, въ острожномъ мѣстѣ. Это извѣстіе такъ ошеломило бѣдную женщину, что она не могла устоять на ногахъ, сѣла на лавку, и долго диво глядѣла на одно мѣсто, такъ что ее вывели изъ острога солдаты. Пелагея Прохоровна, держа на рукахъ ребенка Катерины Васильевны, вслѣдствіи старалась утѣшить ее, но не могла.

Съ полчася онѣ шли молча. Катерина Васильевна высказывала вѣроятно, какъ-бы про себя: «какія, въ самомъ дѣлѣ, въ жизни бѣды бываютъ». Ну, развѣ, думала она, встрѣтивъ въ первый разъ Николая Ивановича на похоронахъ у своей пріятельницы Евдокимовой, думала ли она, что такой красивый молодой человѣкъ, къ которому товарищи и грубые мастеровые обращаются съ уваженіемъ, потому что онъ грамотный, черезъ годъ будетъ обвиненъ въ убійствѣ, умретъ и будетъ похороненъ какъ собака?... И вдругъ все какъ будто исчезло. Для кого она теперь будетъ стараться? Съ кѣмъ и для кого будетъ работать? Теперь пусто; сердце не бьется радостно, а обливается кровью... И зачѣмъ такое несчастіе приключилось именно съ нею, а не съ другимъ человѣкомъ, который бы имѣлъ порядочный домъ, порядочное хозяйство, родню, которая бы хотя помогла ей съ ребенкомъ водиться?»

Пелагея Прохоровна брала дешевле другихъ и у нея работы было больше. Мало по малу она приобрѣла уже нѣсколько домовъ и могла предоставить часть работы своей подругѣ Катеринѣ Васильевнѣ.

Но и стирка бѣлья было дѣло не совсѣмъ легкое и выгодное для нашихъ женщинъ. Неудобство состояло главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ не имѣли возможности брать бѣлье на домъ, потому что иной день имъ обѣимъ не приводилось бывать дома и бѣлье могли урвать, да слабы и обѣ онѣ были дома, то и тутъ угладѣть невозможно безъ того, чтобы не караулить его постоянно которойнибудь изъ нихъ. Поэтому онѣ и стирали у небогатыхъ семействъ въ ихъ квартирахъ. На третій мѣсяцъ, несмотря на то, что онѣ стали брать дороже, работы у обѣихъ женщинъ было такъ много, что онѣ сходились только по вечерамъ, а иногда даже и ночевали въ людяхъ. Только воскресные дни онѣ бывали дома. И несмотря на такой усиленный трудъ, средства обѣихъ женщинъ увеличивались очень мало, такъ что къ концу августа у Пелагеи Прохоровны было кантаду только семнадцать руб., а у Катерины Васильевны только двѣнадцать; правда, рубля по три еще было не получено каждою съ разныхъ господъ, но онѣ и не надѣялись получить долгъ, такъ-какъ нѣкоторые лица уже выѣхали изъ города.

Обѣ женщины жили дружно; обѣдять имъ приводилось вмѣстѣ только по воскреснымъ днямъ, и онѣ расходовали деньги съобща. Но все-таки, несмотря на дружбу, обѣ онѣ высказывали мысль, что хорошо бы было какънибудь избрать другой родъ труда, на-примѣръ завести еще корову. Но завести корову хотѣлось каждой и обѣ не соглашались купить корову съобща.

Отъ этого произошло, что Катерина Васильевна стала поговаривать, что она хозяйка и ей никто не можетъ препятствовать дѣлать то, чтѣ она хочетъ. Такъ мысль о коровѣ и вошлась опять ничѣмъ.

Между тѣмъ въ старой улицѣ, гдѣ жили наши работницы, на нихъ стали смотрѣть какъ на нѣчто особенное. Эта улица была населена мелкимъ чиновнымъ людомъ и мѣщанскимъ сословіемъ. Люди эти жили тѣмъ, что занимались какимънибудь ремесломъ дома, или отдавали комнаты служащему въ отсутственныхъ мѣстахъ люду. Имъ не нравилось, что на ихъ улицѣ живутъ двѣ какія-то женщины, которыя бываютъ дома только по вечерамъ и по воскресеньямъ. Особенно не нравилось имъ женамъ, что при встрѣчѣ съ ними Мовроносова и Хорохорова не только не разговаривали имъ, но даже и не глядѣли на нихъ. Онѣ знали, чтѣмъ занимаются эти женщины, но никакъ не смѣли простить имъ этого неуваженія, а особенно того что даже въ воскресенье и въ будничные хорошіе вечера, когда обитатели отъ мала до велика выспали на улицу посплетничать и отвести душу разговорами, нашихъ работницъ не было видно на улицѣ. Все это ихъ злило, и онѣ всячески старались изловить ихъ въ чемънибудь.

Разъ Пелагея Прохорова шла домой вечеромъ. У многихъ домовъ сидѣли женщины. Посреди дороги мальчуганы играли въ городки. Пелагея Прохорова глядѣла впередъ и слышала, какъ про нее говорили, но она не повернула головы.

— Поломойка! окликнуть ее женскій голосъ, но она и не поглядѣла въ ту сторону, откуда ее спрашивали, и прибавила шагу.

— Извѣстно, самая послѣдняя женщина. Тварь!—А какого она поведенія! крикнули справа и слѣва.

Это разозлило Мовроносому и она остановилась.

— Што, небось неправду говорить? Сколько у тебя любовниковъ-то?

— Отсохли бы у васъ у всѣхъ языки-то, крикнула Пелагея Прохорова, плонула и пошла.

— Какъ!! што!! Василь Иванычъ! слышалось изъ разныхъ мѣстъ.

Въ Пелагею Прохоровну кинули мячикъ, она забросила его за

чей-то дворъ. Это разозлило еще больше праздный народъ, къ ней подбѣжали женщины и стали ее ругать. Никакихъ оправданій никто не принималъ.

— Въ полицію ея! Бейте ея! она гуляла.

Это оскорбленіе до слезъ промало Мокривосову, однако ее не побѣди, потому что всѣ остались и тѣмъ довольны, что оскорбили беззащитную женщину. Но дерзости стали повторяться больше и больше, и наконецъ дошли даже до того, что въ одну ночь нѣсколько мѣстныхъ писцовъ стали стучаться въ ворота хорохоровскаго дома, и не получивши никакого отвѣта, разбили стекло въ кухонномъ окнѣ. Улица отъ этой шалости пришла въ ярость: утромъ рано нѣсколько человѣкъ пришло въ кухню Катерины Васильевны и стали гнать ее изъ дому, а такъ-какъ она доказывала свои права кучкою крѣпостію, то три человѣка стали разламывать крышу съ дома, разломали трубу и стали выбрасывать ее вещи на улицу.

Такое самоуправство сосѣдей поставило нашихъ работниковъ въ такое положеніе, что онѣ рѣшительно не знали, что дѣлать. Но это недоразумѣніе кончилось тѣмъ, что пришелъ квартальный надсмотратель и повелъ ихъ въ часть, какъ того требовали всѣ близкіе сосѣди Катерины Васильевны, велѣлъ прекратить разборку дома, снести обратно вещи, но не доходя до части, освободилъ ихъ отъ ареста за пять рублей. У части Пелагея Прохорова распростлилась съ Катериной Васильевной.

Нанявши у одной мѣщанинѣ комнату съ кухней за рубль серебромъ въ мѣсяцъ, Пелагея Прохорова пустила на квартиру за полтинникъ женатаго писца, и по прежнему стала заниматься старшой бѣльи. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого она встрѣтила на рѣчкѣ Катерины Васильевну.

— Ну, какъ живешь, Катерина Васильевна? спросила она свою подругу.

— По твоему: домъ продала за двадцать рублей. Наняла квартиру: двѣ комнаты съ кухней и прихожей. Въ кухнѣ-то бѣлье стираю, а комнаты отдаю холостымъ приказнымъ.

— Холостымъ, говоришь?

— Такъ што такое? Я имъ и стрижаю. Дрова только дороги и квартира студеная... По пяти рублей съ нихъ получаю. Одна мебель пятнадцать рублей стоила. Смышико со мной теперь.

— Отчего мы прежде съ тобой не подумали такъ жить?

— Я думала, да проку не видно... Не знаю, что дальше будетъ? А корову не купила?

— Сѣно нынѣ дорогое, съ коровой возни много.

Кончился мѣсяцъ, писецъ съ женой съѣхали. Осталась Пела-

гя Прохоровна одна во всей квартирѣ. Квартиру никто не смотритъ. Однако, платить за нее надо — заплатила, купила дровъ. Правда, она дома бывала рѣдко и поэтому могла сбереечь деньги отъ пищи, которою ее угощали господа, все-таки одной ночевать въ квартирѣ ей было скучно. Опять стали появляться въ головѣ мысли, что не худо бы было имѣть свой домъ. Припоминались ей слова Коровяева, его прощанье съ ней. «Гдѣ-то онъ теперь? Поди, женился!» И она старалась перебирать въ своей памяти всѣхъ мужчинъ, которые заигрывали съ ней. Но ни одинъ изъ нихъ не нравился ей такъ, какъ нравился Коровяевъ. Она старалась не думать объ немъ, ей хотѣлось забыть его, но и при работѣ и лежа дома она раздумывалась о своей настоящей жизни, въ которой чего-то не доставало. «Нѣту у меня здѣсь родни, нѣтъ ни кола ни двора, и работаю я только для того, чтобы мнѣ жить для самое себя... Поглядишь на бабенку, все же ей есть съ кѣмъ отъ души поговорить. А я одна, и любовника я не хочу имѣть...»

Такъ думала часто Пелагея Прохоровна за работой и безъ работы.

Наконецъ, зимой она впустила къ себѣ чиновника за рубль. Чиновникъ прожилъ у ней тихо недѣлю, и когда она уходила изъ дому, то онъ бралъ ключъ съ собой. Потомъ чиновникъ изъявилъ согласіе, чтобы она готовила ему кушанье. Пелагея Прохоровна согласилась за пять рублей въ мѣсяцъ и стала стирать бѣлье на дому на холостыхъ чиновниковъ того присутственнаго мѣста, въ которомъ служилъ ее жилецъ. Въ первый мѣсяцъ, за всѣми расходами она выручила два рубля и нашла, что жильца съ пищею держать выгодно, потому что, готова на чиновника, а она будетъ сыта.

Между тѣмъ ее беспокоило въпрямь, что-то подѣлываетъ ее дѣда и гдѣ-то братья. Ей хотѣлось съѣздить въ заводъ, показаться въ немъ не прежней Мокромосовой, а теперешней городской Пелагеей Прохоровной, но у нея не было большихъ денегъ, а съ этою поѣздкою она потеряетъ прежнихъ господъ, на которыхъ стирала теперь, должна будетъ лишиться квартиры и съ тѣмъ вмѣстѣ самостоятельной жизни, хотя и тяжелой.

И она ограничилась тѣмъ, что послала въ Терентьевскій заводъ письмо къ одной своей подругѣ, которая недавно прѣѣзжала въ городъ хлопотать о домѣ, доставшемся ей по духовной отъ мужа, но отвѣта не получала.

Разъ, идя домой подъ вечеръ съ взятымъ отъ одной чиновницы грязнымъ бѣльемъ, она неровнялась съ обозомъ, передніе вези котораго уже заходили въ постоялый дворъ. Обозъ былъ

большой и загородилъ дорогу. Пелагея Прохоровна стала оглядывать обозъ и около одного воза увидела лицо, которое ей было знакомо. Обозъ остановился, Пелагея Прохоровна подошла къ извозчику. Это былъ Панфила Прохоричъ.

Пелагея Прохоровна ему очень обрадовалась.

— Да вѣдь ты на присѣк хотѣлъ идти? спросила сестра брата.

— Мало што я хотѣлъ... Я было и пошелъ, да настращали: говорить, на какой присѣк понадежь. Если присѣк хорошій и платять ладно, если кѣтъ—другъ другу обирадывають. А вотъ я теперь въ извозчики нанался... И это не нравится, потому все въ дорогѣ ходимъ... Думаю на желѣзную дорогу идти работать, говорить тамъ очень-очень хорошо, потому работы много... Вотъ если бы я видалъ деньги, хорошо бы было. Говорять, тамъ много прикащиковъ и каждый помногу наживають.

— И ты этому вѣрнись?

— Ей-богу! Еслибы я накопилъ десять рублей, непременно ушелъ бы туда. Вотъ и Коровая съ Гринкой ушли на той недѣлѣ туда.

— Што ты! И Коровая?

— Врать што-ли я стану? Возы двинулись.

— Да ты врешь!! Гдѣ ты Коровая-то видѣлъ?

— Въ городѣ въ Привамсѣ. Мы съ обозами на пристань вѣхали, а онъ съ Гринкой и съ Лизкой Ульяновой...

— Нѣтъ?!

— Ей-богу... Лизка Ульянова съ матерью и ребятами шла. И другіе тоже каіе-то съ ними... Куда? спрашиваю. На желѣзную дорогу, говорятъ, далеко. А Коровая и говоритъ: а Пелагею Прохоровну видѣлъ?

— Нѣтъ?

— Видѣлъ, говорю. Онъ и говоритъ: замужемъ ноги она? Нѣтъ, говорю, въ суфаракъ у засѣдателя ивѣсть...

Въ это время воза были все во дворѣ. Панфила крикнули и онъ ушелъ въ домъ.

XXII.

Переселеніи Пелагеи Прохоровны.

Сообщеніемъ Панфиломъ новости очень поразили Пелагею Прохоровну. Она никогда не думала, чтобы Коровая ушла изъ М. завода, чтобы Лизавета Елизаровна, привыкшая къ промышленной жизни, и мать ея могли устрѣиться въ незнакомныя имъ мѣстности съ восторженными мучками. Ей не вѣрилось, чтобы это было такъ, что они ушли. А если они ушли, то тутъ есть какая ни-

будь причина. Но какая? Правда, она видала людей, натягивающихъ телеграфную проволоку, слышала, что гдѣ-то строить желѣзную дорогу въ Заводскѣ, а въ одно время только и было разговоровъ, что о постройкѣ отъ города желѣзной дороги, вслѣдствіе чего на рынкѣ по воскресеньямъ не одна сотня бродила мастеровыхъ, думая что ихъ будутъ уже нанимать на желѣзную дорогу; но того, чтобы кто нибудь изъ знакомыхъ уходилъ далеко для работы на желѣзной дорогѣ, чтобы кто нибудь хвастался хорошимъ заработкомъ, она не слышала. Да и что такое желѣзная дорога?... Все это маляки смущаютъ рабочихъ. Но теперь Панфилъ совсѣмъ ее сблизъ съ толку.

«Этотъ парнишко, какъ посидѣлъ въ острогѣ, совсѣмъ испортился», думала она, стараясь не вѣрять ему.

«А если они въ самомъ дѣлѣ ушли?» спрашивала она себя, и ей дѣлалось обидно.

«Я вмѣстѣ съ нимъ шла... Я помогала Лязкѣ... и вдругъ ушли одни. Охъ, ахъ люди! Они только о себѣ заботятся... Тутъ непременно штуки какія нибудь... Вѣрно, Лязка сманила мать въ заводъ, потому-де Григорій почувствуется и женится на ней, али въ любовники къ себѣ возьметъ ее!»

Немного погодя, она думала иначе.

«Нѣтъ, Григорій Прохоричъ не такой... Какъ помоложе-то онъ былъ, ну, тогда, пожалуй бы, Лязка ему сѣла на шею и поѣхала бы. Ужъ коли онъ на прикащикской любовницѣ хотѣлъ жениться! Ну, а какъ посидѣлъ въ-за этой голубушки въ острогѣ, опытиѣ сталъ... На Лязкѣ ужъ онъ не женится... Эдакая, подумаешь ты, безстыжая! человѣкъ ее ненавидитъ, а она за нимъ... А Короваевъ-то? Короваевъ-то?»

Но про Короваева она не знала, что и подумать, потому что этотъ хитрый, по ея мнѣнію, человѣкъ ничѣмъ не связанъ съ ней. Ей хорошо помнятся его слова: «у меня ничего нѣтъ, кромѣ долота и пилы. Я иду, говорилъ онъ, добывать себѣ капиталы. Если, говорилъ, ты не выйдешь замужъ, я, говорилъ, буду свататься за тебя».

«Вотъ онъ женишокъ-то любезный!... Онъ поди теперь по-смѣивается: жди, молъ...» говорила чуть не громко Пелагея Прохорова.

На другой день она нарочно сходила на постоялый дворъ, но не въ тотъ, въ которомъ остановился ея братъ, а въ другой. Тутъ она узнала отъ ямщиковъ, что дѣйствительно изъ М. завода многіе идутъ на желѣзную дорогу, потому что въ М. теперь работы стало меньше противъ прежняго.

— Какъ начали фабрики-то строить, народу навалило въ М.

изо всѣхъ заводовъ и деревень! Работа была всѣмъ, платили хорошо; а теперь работы стало меньше, и то парни больше сами трудныя работы справляютъ — около огня, али около машинъ; пожилые не выносятъ — хвораютъ, ну и плата, значитъ, стала небольшая. Вотъ кто спелелъ немного деньжонковъ, заплатилъ за годъ оброки и пошелъ на желѣзную дорогу. Тамъ, говорятъ, и по полтора цалковыхъ за сутки платятъ. Это выходитъ въ мѣсяцъ сорокъ-пять цалковыхъ... говорилъ Пелагеѣ Прохоровнѣ одинъ ямщикъ.

— Но вотъ ты ийдешь же туда.

— Эхъ, дѣвоха! Ты думаешь, хорошее наше житье-то? Кабы не привычка съ измалѣтства къ этому дѣлу, удержалъ бы кто меня на одномъ мѣстѣ? Ни! И такъ все грозятъ, што и у насъ такую дорогу построить. Ну, и урываешь: чуть излишекъ какой будетъ, надо бы къ дому, али откупить землю, возьмешь, да и купишь еще лошадь... А ты не туда ли хохь?

— Нѣтъ.

— То-то. Вы въ городахъ-то какъ поживете, такъ васъ и рукой не достанешь. Хотъ и ѣсть нечего, а въ городѣ лучше нравится жить.

— Какое житье!

— То-то. Поди, предметъ есть?

Теперь ужъ Пелагея Прохоровна не сомнѣвалась въ томъ, что Короваевъ ушелъ на желѣзную дорогу. Ей припомнилось обѣщаніе Короваева написать ей въ село черезъ мѣсяцъ. «Значить, и тамъ нехорошо. Поэтому онъ и не извѣщалъ меня, и не хотѣлъ, чтобы я шла туда».

Она не обвиняла Короваева; напротивъ, онъ былъ правъ. И въ самомъ дѣлѣ, что за жизнь, когда и одному-то ѣсть нечего, а тутъ еще будутъ дѣти... Прежде вонъ въ заводахъ на дѣтей провіантъ давали, а теперь нетолько не даютъ провіанту, а берутъ и покосы и дома; теперь за все плати деньги, а плати за трудъ едва достаетъ, чтобы покупать муку, которая съ каждымъ мѣсяцемъ вездѣ дорожаетъ. На рынкѣ только и разговоръ, что богатые люди скупили муку, что въ такомъ-то мѣстѣ неурожай, а отъ этого и мясо и прочее стало дорого. Поневоля будешь искать мѣста гдѣ лучше. Вотъ она теперь и квартиру свою имѣетъ, а едва сводитъ приходъ съ расходомъ. Хорошо еще, что у нее чиновникъ живетъ нетребовательный: самъ сапоги себѣ чистить, самъ въ лавочку за табаксмъ и калачаму ходить, и ничего не говоритъ, если она подаетъ ему вчерашній подогрѣтый щи. Въ скоромные дни и она сыта отъ этого чиновника, потому что онъ за *хлбъ* платитъ въ мѣсяцъ пять рублей,

а вотъ въ постъ — не знаешь что и варить: чиновникъ просить уху изъ окуней или ершей, жаркое тоже изъ рыбы, а рыба дорога, фунта едва на обѣдъ достанетъ. Не станешь же кормить его гороховицей, али картофельной похлебкой... Хотя же она и получаетъ деньги за стирку бѣлья и за мытье половъ, такъ мало ли и расходовъ по хозяйству? то дровъ надо купить, то мыла, то синьки, то крахмалу, свѣчь; горшокъ какой-нибудь разобьется, надо новый завести и т. п. И вся жизнь только въ томъ и заключается, что съ четырехъ часовъ утра до девяти вечера работаетъ, такъ что въ иной день и сидѣть-то рѣдко приводится, и хотъ бы спокой былъ, а то все думаешь о томъ, какъ бы тебя похвалили, а не обругали, какъ бы все было цѣло... Вѣдь это рѣдкость, чтобы барыня при отдачѣ денегъ не обругала. Отъ сосѣдей тоже неприятности; немногіе вѣрятъ, что она не имѣетъ любовника, и распускаютъ разные толки. Всѣ эти толки, съ разными прикрасами, передавала ей хозяйка дома, къ которой каждый вечеръ приходилъ отставной вахтеръ, значительное лицо въ приемной одного высшаго въ этомъ городѣ присутственнаго мѣста. Такъ ужъ сложилась городская жизнь, что о бѣдной, рабочей женщинѣ не вѣрили, чтобы она могла жить самостоятельно и не обращая вниманія на любезности жильца. И вотъ, Пелагеѣ Прохоровнѣ городъ сталъ казаться противнымъ со всѣми его обывателями.

Но куда уйти? Вотъ вопросъ, который заставлялъ ее крѣпко раздумываться, потому что всѣ тѣ, у которыхъ она спрашивала о томъ, гдѣ строится желѣзная дорога, не знали объ этомъ, а говорили, что гдѣ-то далеко. Даже ея милецъ, извѣдая читающій газеты, говорилъ, что по желѣзнымъ дорогамъ у насъ уже ѣздятъ и строятся другія, только онъ не обратилъ вниманія на мѣстность, потому что дороги строятся не въ нашей губерніи. Стройся дорога въ нашей губерніи, меня никто не удержалъ бы въ вращеніи, потому я человекъ трезвый, имѣю три чина и мнѣ тамъ дали бы хорошую должность. А далеко ѣхать не стоитъ, потому что и въ тѣхъ губерніяхъ много такихъ чиновниковъ, какъ я. Кабы близко!... думала Пелагея Прохоровна... Чѣмъ больше она думала, тѣмъ больше ей противна казалась теперешняя работа, тѣмъ сильнѣе хотѣлось уйти изъ этого города. Только куда уйти? Кромѣ этого ее затруднило то: лучше ли тамъ? Вѣдь Короваевъ не бывалъ тамъ, а если онъ шелъ въ М. заводъ, то потому, что ему этотъ заводъ хвалили... «Что будетъ, то и будь, а здѣсь я не останусь. Если здѣсь не знаютъ дороги на желѣзную дорогу, пойду въ Прикамскъ. Вѣдь ходятъ же бабы на Богомолье и въ Кіевъ и въ

Брусалинъ, а сперва тоже не знаютъ дороги. А чѣмъ я-то хуже ихъ? Онѣ ходятъ, потому што имъ ходить нравится и ханжи погакають имъ, а я иду на работу. Што мнѣ, въ самомъ-то дѣлѣ, на одномъ мѣстѣ жить? Будто я чѣмъ связана здѣсь!...»

И она объявила жильцу, что идетъ на магъскую дорогу работать.

Это очень удивило жильца и онъ сказалъ:

— Полно-но, Палагея Прохоровна, умомъ-то мутить. Пословица говорится: на одномъ мѣстѣ камень обростаетъ. Ну, куда ты пойдешь и зачѣмъ? Чего еще тебѣ здѣсь мало?

— То-то вы мужчины и не понимаете, што нашему брату трудно деньги достаются.

— Ну, матушка... Што жъ дѣлать: черезъ силу и вонь не скачешь.

Жилецъ сталъ отговаривать ее. Катерина Васильевна пугала ее, говори: какъ она пойдетъ одна такую даль. Но она твердо рѣшилась идти и ее останавливало только безденежье. На лицо у нея было денегъ около рубля; несуда, коритко и т. п. принадлежности для бѣлья стоили ей три рубля; два платья стоили на худой конецъ рублей десять, ну и другія вещи можно распродать, какъ-то: платокъ шерстяной, булавенный ею къ швахъ, теплый шугайчикъ, можетъ дадутъ рубля три. Кромѣ этого ей должны были двѣ барини за стирку и за мытье половъ и четыре прачки, котормъ она давала по мелочамъ дня на два на три, и онѣ не отдѣвали денегъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Пошла она къ баринямъ, тѣ просили подождать до полученіи пенсін; прачки, узнавъ что она хочетъ идти въ Пригаскъ, не сказали когда онѣ могутъ отдать долгъ. Прошелъ мѣсяцъ. Впродолженіе его Палагея Прохоровна работала нво всей силе, но за работу получила денегъ даже меньше прежняго; изъ словъ тѣхъ, на котормъ она работала, въ родѣ танкъ: скоро ты богаче насъ будешь, она поняла, что ей не хотять платить потому, что не дѣются отдѣваться отъ нее ничѣмъ, такъ-какъ она хочетъ идти. За вещи давали тоже почти десятую часть, зная, что она очень нуждается въ деньгахъ.

Это еще болѣе раздесадовало Палагею Прохоровну. Въ свободное воскресенье она сама стала продавать на толгучѣ платья, платокъ и шугайчикъ и только къ вечеру продала ихъ за пять рублей. Въ понедѣльникъ она получила ивъоторме долги и у нея составилось капиталу семь рублей.

Распростившись съ чиновникомъ, съ хозяйкой и сосѣдками, она пошла на постоялый дворъ. Тамъ она узнала, что на ле-

лѣзную дорогу идти гораздо вероче и гораздо дешевле не черезъ Прикамскъ, а на городъ Полярковъ, откуда она за рубль можетъ уплыть на пароходѣ до Нижняго.

Тамъ и сдѣлала Пелагея Прохорова, отправившись за колтунникъ до Пояркова съ обозами.

Въ Поярковѣ она увидѣла людей, выговаривающихъ уже иначе; людей развитыхъ на столько, на сколько жизнь на большей рѣкѣ и постоянныя столкновенія съ людьми изъ разныхъ мѣстъ, могутъ развить ихъ умственную дѣятельность, людей здоровыхъ, сильныхъ, красивыхъ, людей преимущественно претармивавшихъ свои семейства работою на пристаняхъ,—словомъ людей, знающихъ болѣе Пелагеи Прохоровны.

Дѣло въ томъ, что городъ находился на такомъ мѣстѣ при рѣкѣ, гдѣ было удобно какъ по глубинѣ рѣки, такъ и отлогому берегу приставать пароходамъ, судамъ, баркамъ, плотамъ, грузить въ нихъ и выгружать изъ нихъ товары на берегъ, на которомъ постоянно на нѣсколько сотъ саженъ были накоплены товары, накрытые цыновками, а дрова тлелись и на нѣсколько верстъ. Здѣсь постоянно, даже и по ночамъ, когда приставали къ городу для нагрузки дровъ пассажирскіе пароходы, работъ было много и для мужчинъ и для женщинъ, но такъ-какъ городъ былъ небольшой и татарскій, и татары занимались больше садоводствомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ, то рабочихъ рукъ все-таки было немного, такъ что не рѣдко было увидать на пристани работающихъ стариковъ и мальчиковъ отъ четырнадцатилѣтняго возраста. Пелагеѣ Прохоровнѣ нравилось оживленіе на пристани, оживленіе въ ближайшихъ къ рѣкѣ улицахъ. Здѣсь она не видѣла той вражды, происходящей на промыслахъ между мужчинами и женщинами, напротивъ здѣсь мужчины и женщины работали вмѣстѣ, свободно обращался другъ съ другомъ и какъ-стались одинъ передъ другимъ, кто больше получилъ денегъ. Но и здѣсь она не замѣтила особеннаго довольства. Недостатки были у всѣхъ, и она относилась это къ тому, что здѣсь вездѣ пили чай, вездѣ обѣдъ состоялъ изъ щей и каши, у рѣдкихъ не имѣлось скота, а главное всѣ жаловались на болѣшіе оброки и другія высканія. Съ перваго же дня по прибытіи въ городъ она стала работать на пристани, а такъ-какъ она была здѣсь лицо новое, то ее стали разспрашивать, и всѣ хвалили ее за то, что она пошла сюда. Ей приводилось носить товары или дрова на носилкахъ вдвоемъ и она носила съ женщинами, изъ которыхъ одна и приняла ее на квартиру. У этой женщины она не

замѣтила нищеты: все у ней было хорошо, дѣти ея не ходили оборванные, она пила чай; съ мужемъ, работающимъ тоже на пристани, она не ссорилась. Отъ нихъ она узнала, гдѣ стронется желѣзная дорога, только они не совѣтовали ей идти туда, потому что тамъ рабочихъ очень много и что женщинамъ приходится только копать и возить землю, за что платятъ мало. Лучше будетъ для нее, если она пойдетъ въ Москву.

— Въ самомъ дѣлѣ, шгд мнѣ дѣлать на желѣзной дорогѣ? думала Пелагея Прохоровна. — Здѣшняя жизнь ей казалась лучше заводской, и она думала, что чѣмъ дальше она пойдетъ, тѣмъ больше она увидитъ новаго, хорошаго и останется тамъ, гдѣ ей лучше понравится, ее тонуло дальше и она спросила:

— А далеко Москва?

Ей сказали.

Вручивши на пристани три рубля, Пелагея Прохоровна отправилась на баркѣ до Костромы. О путешествіи Пелагея Прохоровна говорить нечего. Чѣмъ дольше она плыла, тѣмъ ближе подвигалась къ Москвѣ, тѣмъ больше она видѣла хорошаго: города были красивые, люди говорили свисома, не глядя такъ робко, какъ въ Заводскѣ, гдѣ она жила въ кухаркахъ, рѣже она стала встрѣчать лапотниковъ, да и по берегамъ рѣки попадались хорошія пашни. Здѣсь никто не бранилъ ее за то, что она пошла искать мѣсто гдѣ лучше, напротивъ ее хвалили за это, хотя и говорили, что Богъ знаетъ гдѣ лучше... Многіе вонъ все больше въ Петербургъ идутъ, и какъ зайдетъ человѣкъ туда, такъ и живетъ тамъ, говорили ей въ заключеніе.

Въ Ярославлѣ она увидала нѣсколькихъ мужиковъ и одѣтыхъ подеревенски женщинъ. Любопытно ей стало, потому что у каждаго человѣка былъ узелокъ, сундучокъ или сума, и она спросила одну изъ женщинъ, куда они ѣдутъ.

— Въ Питеръ, матушка. А ты?

— На желѣзную дорогу.

— Ой, голубушка... Оттоль идешь.

— Худо тамъ?

— Съ голоду померешь. Такой жизни никому не пожелаешь.

— А я въ Москву тоже думаю.

— Въ Москву заводитъ тоску! сказалъ одинъ мужчина, захохотавъ.

Пелагея Прохоровна не знала, что ей дѣлать, куда идти. Въ Нижнемъ она пробыла четыре дня, но здѣсь она большею частію садѣла на баркѣ, потому что отъ нея на берегъ нужно было плыть въ лодкѣ. Въ Нижнемъ въ это время была ярмарка, Волга была почти на половину запружена судами и пароходами, по

подгорью кипѣлъ народъ; отовсюду и съ берега и съ рѣки слышался говоръ, возгласы, шумъ, трескъ и свисты пароходовъ. Ее, робкую женщину, все это поражало; на все она смотрѣла съ удивленіемъ, обо всемъ разспрашивала... Впрочемъ, она разъ сходила съ судорабочими на ярмарку, но, воротясь оттуда, ничего не могла сообразить. Она видѣла только огромную толкучку всякихъ людей, смѣсь всевозможныхъ товаровъ, она была оглушена неописуемымъ говоромъ и трескомъ; она ходила тамъ какъ угорѣлая, и когда вернулась на судно, у нея долго болѣла голова... Господи, думала она, сколько тутъ народу! И откуда только народъ этотъ взялся... Хорошо-то какъ здѣсь. Но тутъ она не осталась. Гдѣ ужъ мнѣ тутъ жить! Вотъ купила я булку — десять коп. заплатила; за вишенъе дала двадцать коп... Въ платкѣ у меня была завязана рублевая бумажка, платокъ я положила въ карманъ — вытащили... Здѣсь только на берегъ выйди — непременно чего нибудь купишь... Нѣтъ, Вотъ съ нимъ и съ большимъ городомъ. За Нижнимъ она видѣла много народу только на пристаняхъ большихъ городовъ, гдѣ рабочикъ было все меньше и меньше на берегахъ; больше и больше ей приводилось видѣть бурлаковъ, тлущихъ вверху суда, вездѣ только и было разговору, что о большихъ обробахъ, о плохихъ урожаахъ, строгихъ господахъ, недодачахъ жалованья и платы за трудъ, обманахъ прикащиковъ, живущихъ насчетъ рабочихъ людей... Чѣмъ дальше она плыла, тѣмъ больше она видѣла фабрикъ, съ дымящимися высокими трубами, винокуренныхъ заводовъ, и тѣмъ больше слышала жалобъ на худое житье и видѣла людей, куда-то идущихъ съ котомками на плечахъ... И кого она ни спроситъ: куда идетъ этотъ народъ? Ей отвѣчали: туда, гдѣ лучше! На заработки. Но гдѣ такое мѣсто, ей не могли отвѣтить, а только говорили, что они идутъ въ Петербургъ.

Но отчего же ей совѣтовали въ Полярковѣ идти въ Москву, а здѣсь народъ съ пренебреженіемъ отзывается объ Москвѣ, идетъ въ Петербургъ?

— А што, разъ не хорошо въ Москвѣ? спросила она одного мужчину, хваставшагося на постояломъ дворѣ тѣмъ, что супротивъ такого города какъ Петербургъ нигдѣ нѣтъ такихъ городовъ и ему Питеръ извѣстенъ и вдоль и впоперекъ.

— Москва-то? Што Москва? дрянъ, окромя святыхъ угодниковъ... Супротивъ Питера далеко не доросла... старался объяснить мужчина.

— Да вѣдь она столица?

— Объ этомъ кто спорить!... Москва большая деревня —

вотъ што! сказала мужнина, довольный тѣмъ, что онъ объяснилъ-таки, почему Москва хуже Петербурга.

— Вовсе не то ты толкуешь: — въ Питерѣ завсегда работу достанешь, а въ Москвѣ не то, сказала другой мужнина.

— Ну, вѣтъ: Москва приторна... Тамъ живешь какъ будто не на своемъ мѣстѣ, въ Питерѣ хочется, а какъ поживешь въ Питерѣ, не заманишь тебя въ Москву и валачомъ московскимъ, такъ разѣ, когда домой пойдешь, зайдешь въ святимъ угодишкамъ помолиться.

— Хорошо-ли тамъ-то? пристава Пелагея Прохорова.

— Бамамъ тамъ хорошо, говорили мужчины.

Женщинъ, живавшихъ въ Петербургѣ, здѣсь не видно было. Туда шли женщины на заработки въ первый разъ съ мужьями, или дѣвцами, говоря, что у нихъ тамъ, въ Петербургѣ, живутъ родные.

И Пелагея Прохорова рѣшилась плыть до Твери, откуда, какъ ей говорили, до Петербурга идетъ желѣзная дорога.

Въ Твери она въ первый разъ увидала и желѣзную дорогу и поѣзды, третеклассные вагоны, которые были наполнены большою частію простымъ народомъ. Здѣсь она увидала и прѣзжающихъ изъ Петербурга. Стала она разспрашивать женщинъ о житьѣ въ Петербургѣ, но одиѣ изъ нихъ хвалили петербургскую жизнь, другія вѣтъ. Она замѣтила, что даже и тѣ, которые ругали Петербургъ, все-таки ѣхали домой не надолго.

Должно быть тамъ хорошо, думала она. Ужъ много я шла, сама не зная куда, а теперь вонъ сколько народу-то ѣдетъ, и кого ни спросишь: ты куда? Онъ говоритъ: куда! Знаме въ Питерѣ!

И Пелагея Прохорова, взявши билетъ, сѣла въ вагонъ третьяго класса.

Скоро поѣздъ пошелъ, и еще скорѣе она познакомилась съ своими сосѣдами.

XXIII.

Счастье Горюнову уливается.

Вся зама прошла на приискахъ въ постройкахъ на новенькѣмъ приискѣ, который былъ названъ Ново-Удѣйкинскимъ. Золото въ это время не промывалось, потому что приходилось много времени употреблять на копаніе канавъ, которыя проводили къ новымъ постройкамъ, устроеннымъ по совѣту Костромина и другихъ рабочихъ. Денегъ у главнаго довѣреннаго было не много, рабочимъ онъ выдавалъ по малости, такъ что имъ едва доста-

вале въ теченіе недѣли на хлѣбъ. Рабочіе ругались, но сознавали, что, пожалуй, довѣренному не изъ-за чего платить много денегъ, не получивши золота, да и Вогъ знаетъ, будетъ ли еще много золота на новомъ мѣстѣ. Поэтому старіе рабочіе уходили на другіе пріиски, новыхъ прибывало мало, а изъ оставшихся большинство хворало и нѣтъ не оказывалось никакой медицинской помощи. Весной, вода залила почти все пространство какъ на старомъ, такъ и на новомъ пріискахъ, и съ ней было много хлопотъ, но все-таки золота промывалось гораздо больше, чѣмъ на старомъ пріискѣ, и поэтому на новомъ пріискѣ было до шестидесяти мужчинъ и до двадцати женщинъ. Но у довѣреннаго все-таки не было денегъ и онъ давалъ Костромину росписку за роспиской въ должныхъ ему деньгахъ, потому что Костроминъ снабжалъ всѣхъ рабочихъ хлѣбомъ, капустой, солью и другими овощами. Хотя же полпуда золота и было отправлено въ горное правленіе, но оттуда денегъ не выдали.

А тутъ разнеслась по пріиску вѣсть, что старецъ Яковъ померъ; дѣти увезли его въ село, разломали избу и сами скрылись неизвѣстно куда. Костроминъ съѣзжалъ туда удостовѣриться, и вернулся больной; черезъ три дня и онъ померъ. Запечалились на пріискахъ всѣ рабочіе, потому что Костроминна они любили, онъ многихъ выручалъ изъ бѣды, давалъ за круинныя золота деньги, такъ что нѣкоторымъ рабочимъ незачѣмъ было уходить въ другія мѣста для продажи его. Кромѣ этого рабочимъ не нравился другой Костроминъ Степанъ и его жена Анисья, которые постоянно присчитывали на рабочихъ деньги; всѣ думали, что теперь хоть живой ложись въ землю. Особенно всѣ почувствовали, какъ нехорошо жить безъ хорошаго человѣка на пріискахъ тогда, когда Костроминны увезли хоронить старика въ село, запреть домъ. Два дня еще прошло ладно, на третій ни у кого не было хлѣба, даже изъ дома довѣреннаго по нѣскольку разъ посылали къ дому Костроминна узнать, пріѣхали ли торгоши; нѣкоторые рабочіе такъ даже и сидѣли у дома Костроминна, думая, что если пріѣдутъ Степанъ или жена его, то они напередъ отпустятъ довѣренному; но Костроминны не явились. Терпѣніе рабочихъ и довѣреннаго истощилось, почему первые выломали двери въ домъ Костроминна, но въ домъ не нашли ни куска хлѣба, а забрали всю водку, пиво и брагу; довѣренный послалъ въ село Горюнова за покупкой муки и другой провизіи, о чемъ его просалъ самъ Горюновъ, думая двадцать-пять руб., полученные имъ отъ Костроминна, употребить въ дѣло.

Горюновъ, пріѣхавъ въ село, первымъ дѣломъ купилъ за десять рублей лошадей и за три крестьянскую телегу, потомъ уже

закупилъ муки, крупы, соли и мяса. Едва онъ вѣхалъ на пріиски, какъ его окружали рабочіе, требуя муки. Никкія увѣщанія Горюнова не принимались, и онъ долженъ былъ дать имъ цѣлый мѣшокъ муки, доказывая, что мука принадлежитъ ему.

По окончаніи дневныхъ работъ, когда одни изъ рабочихъ сидѣли на горѣ и пѣснями старались немного развлечь себя, а другіе сидѣли подъ горой, рассуждая о принсковой жизни въ Сибири и на Уралѣ, о жизни каторжныхъ и о прежнихъ хорошихъ временахъ, когда торговать золотомъ было не въ примѣръ лучше теперешняго, Горюновъ подошелъ къ нимъ, и поговоривъ немного о бывшемъ его заводскомъ начальствѣ, началъ :

— А што-то Степано Костроминъ не ѣдетъ.

— А што?

— Должно быть, нашелъ добрую землю. Ужъ не продастъ ли онъ какое-нибудь мѣсто.

Рабочіе загалдели. Увидавши волненіе внизу, рабочіе, сидѣвшіе на горѣ, спустились внизъ и подошли къ этимъ.

— Да ты это откуда узналъ? спрашивали пришедшіе Горюнова.

— Я только предволагаю, потому сами рассудите, сколько они съ насъ брали за все.

— Брали дѣйствительно дорого.

— А можно бы и безъ нихъ обойтись, сказалъ Горюновъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Вотъ обошлись же и безъ нихъ, не померли, а муку я покупалъ на половину дешевле, чѣмъ они намъ продавали.

— Ты къ чему это, Тереха, рѣчь-то ведешь? спросилъ вдругъ Анучкинъ, не принимавшій доселѣ участія въ разговорахъ.

— Къ тому, што и самимъ можно покупать муку. Стоитъ только человѣка надежнаго выбрать.

— Не думаешь ли ты, што ты одинъ надежный человѣкъ? говорилъ Анучкинъ.

— Я только къ слову сказалъ... я говорю выбрать...

— То-то... Не хочешь... ли ты, кривая собака, костроминское мѣсто завять?

— Можетъ быть, тебѣ угодно, потому ты и спрашиваешь.

— А позволъ-во тебя спросить: откуда ты деньги взялъ? На какія ты деньги муку купилъ?

— Про то я знаю... Можетъ, у тебя есть деньги, да ты небось не купилъ муки... Братцы! обратился Горюновъ къ рабочимъ, съ недоумѣніемъ смотрящимъ то на Анучкина, то на Горюнова:—хорошо ли я сдѣлалъ, што муку привезъ?

— Кто объ этомъ спорить!

— Ну, а вотъ ему хочется, чтобы мы съ голоду мерли.

Одни изъ рабочихъ захотѣли, другіе стали ругать Анучкина. Анучкинъ пошелъ. Горюновъ пошелъ за нимъ.

— Послушай, Тарасъ Трифоничъ, изъ-за чего ты на меня зубы-то грызешь? спросилъ Горюновъ Анучкина:—насчетъ этого у насъ уговору не было... Вѣдь ты не захотѣлъ же почему-то купить муки, а теперь, какъ другой купилъ, ты и завидуешь... Послушай, Тарасъ Трифоничъ. Я давно насчетъ этого думалъ, и думалъ именно заняться торговлей съ тобой. А што я не объявилъ объ этомъ раньше тебѣ, такъ не зналъ, какъ это понравится рабочимъ. Хочешь вмѣстѣ торговать?

Анучкинъ не соглашался, но къ утру, когда на привскахъ всѣ спали, уѣхалъ на Горюновской лошади.

— Вору! Посмотримъ, какъ онъ намъ шары свои покажетъ, говорили утромъ рабочіе про Анучкина, узнавши объ его продѣлкѣ.

— Богъ съ тобой, Горюновъ! е я ли тебя взялъ съ собой на привски, а ты другому предоставляешь барыши, говорили Ульяновъ.

— Елизаръ Матвеечъ! Я ли не другъ тебѣ...

— Такъ друзья не дѣлаютъ: ты отъ меня все особо, все особо...

— А кто виноватъ? Не ты ли больше всѣхъ ходишь въ лѣсъ стрѣлать птиць... Кто велѣлъ тебѣ зимой отсюда уходить? Самъ ты не хочешь со мной япшаться. Насильно милому не быть.

Скоро послѣ этого пріѣхалъ Анучкинъ. Анучкина обругали, но онъ сказалъ: меня просилъ Горюновъ съѣздить, я и съѣздить.

— Такъ, Тарасъ Трифоничъ, нельзя, началъ Горюновъ.

— Почему? По моему удобію попеременно ѣздить, чтобы другъ другу незавидно было.

Такъ и стали Горюновъ съ Анучкинымъ торговать, переселившись въ домъ Костромина съ Офимьей и Глумовыми, изъ которыхъ Офимья готовила кушанье даже на довѣреннаго и пекла хлѣбы на рабочихъ, а послѣдніе въ отсутствіе Горюнова и Анучкина продавали рабочимъ табакъ, водку и калачи. Теперь вечера рабочіе стали проводить въ домѣ Костромина.

Явился приващникъ въ сопровожденіи солдатъ — значило, что онъ везъ деньги,—и Костроминны.

Костроминныхъ не пускали въ ихъ домъ, они доказывали право на владѣніе домомъ условіями и росписками, и хотя потомъ

пустили ихъ, но никто не сталъ у нихъ покупать ничего. Довѣренный рассчиталъ рабочихъ, рабочіе не стали платить долговъ Костромину и дали Горюнову денегъ на закупку съѣстныхъ припасовъ и воды. Горюновъ побоялся ѣхать въ село, передалъ деньги Анучкину; Анучкинъ командировалъ Ульянова, не сказавъ объ этомъ Горюнову. Ночью Костромини уѣхали со всѣмъ имуществомъ съ пріиска и зажгли свой домъ. Анучкинъ поѣхалъ за ними слѣдомъ и къ утру наѣхалъ на мертвое тѣло: Ульяновъ лежалъ поперегъ дороги съ прострѣленной головой. Денегъ при немъ не оказалось.

Объ этомъ происшествіи объявлять не стали, а изъ среди раскольниковъ рабочихъ нашелся одинъ погъ, который и отпѣлъ Ульянова по своему. Всѣ здоровые рабочіе сопровождали до могилы Ульянова, изрѣдка перекидываясь словами, но никто такъ не былъ печаленъ, какъ Горюновъ, который всю вину въ смерти Ульянова сваливалъ на себя и на Анучкина.

И такъ теперь Горюновъ и Анучкинъ сдѣлались маркитантами. Дѣла ихъ шли хорошо тогда, когда были на пріискахъ деньги, и худо тогда, когда на пріискахъ не было денегъ. Но за то теперь на пріискахъ уже было меньше больныхъ, потому что оба торговца брали съ рабочихъ небольшіе проценты на свой затраченный капиталъ, на пріискахъ больше и больше стало расходиться воды, больше появилось гармонійкъ и балалаекъ, но было уже меньше такнхъ оргій, которыя происходили при Костроминѣ, потому что большинство здоровыхъ рабочихъ все свободное время проводило въ лавочкѣ.

Прошла зима, въ теченіе которой золота добывалось мало и начальство часто уѣзжало недѣли на три въ пріисковъ. Весной довѣренный запылъ.

Разъ, во время отсутствія Анучкина, прибѣгаетъ Николай Глумовъ и говоритъ Терентію Иванчу, что онъ, перейдя гору Троскурицу, въ пяти верстахъ вверхъ по рѣкѣ—отъ построекъ Ново-Удойинскаго пріиска, нашелъ самородку. Самородка вѣсила четверть фунта. Горюновъ тотчасъ же предложилъ за нее мальчику десять рублей. Тотъ отдалъ и даже вызвался показывать ему мѣсто, которое имъ замѣчено, тѣмъ, что онъ воткнулъ въ гору палку.

Съ горы, съ того мѣста, въ которомъ Николай Глумовъ воткнулъ палку, представлялся великолѣпный видъ: на нѣскольکو верстъ подъ горой волнами росъ лѣсъ; кое-гдѣ казалось, какъ будто сдѣлана просѣка, но между тѣмъ оттуда выходила зигза-

тами рѣченка, начало и конецъ которой терлись въ лѣсахъ; кое-гдѣ видѣлось большое озеро, какъ будто отлого положенное разбитое стекло на зеленѣющую массу лѣса; справа и слѣва возвышались точно луковицы горы или съ чернымъ лѣсомъ или съ бѣлою или глинистою почвою. Здѣсь царилъ тишина, прерываемая только чирканьемъ птичекъ, карканьемъ воронъ и щebetаньемъ сорокъ. — Въ полуторѣ верстѣ отъ горы Николая Глузовъ указалъ на небольшой холмъ, поросшій невысокими соснами, который былъ окруженъ кустарникомъ березы, рѣдкимъ до того, что къ нему свободно проходили солнце и около котораго съ одной стороны журчалъ узенькій источникъ. Здѣсь въ кварцевыхъ породахъ Горюновъ увидалъ золотоносныя россыпи, которыя чуть-чуть были видны для глазъ и танулись по луку саженъ на двѣсти.

Горюновъ запримѣтилъ мѣсто и пошелъ на югъ по теченію источника, но источникъ вдался вправо, мѣстность была холмистая; между холмами не было воды; ему пришлось проходить черезъ густой лѣсъ, потомъ наткнуться на аршинную змѣю, на болото, на рѣчку и только къ вечеру на другой день онъ вышелъ съ Глузовымъ на Старо-Удойкинскій пріискъ.

Анучкинъ былъ дома и подозрительно смотрѣлъ на Горюнова, разспрашивая гдѣ онъ былъ такъ долго, но Горюновъ говорилъ, что онъ искалъ свою лошадь.

Довѣренный между тѣмъ пьянствовалъ, такъ что всѣми дѣлами заправлялъ прикащикъ съ ревизоромъ. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ Горюновъ нашелъ *тему*, прикащикъ, оставивъ Анучкина при довѣренномъ для того, чтобы если довѣренному понадобится вода, то Анучкинъ подавалъ бы ему ее, ушелъ съ ревизоромъ на охоту.

Анучкинъ рѣдко приходилъ къ Горюнову, а когда вечеромъ Горюновъ пришелъ навѣдать его, то нашелъ его запершимся въ комнату. Сквозь замочную скважину Горюновъ увидалъ, что Анучкинъ что-то дѣлаетъ наклонившись къ полу.

— Вижу, все вижу, — безсовѣстный. Вотъ тѣ и товарищъ! проговорилъ Горюновъ.

Анучкинъ вздрогнулъ, подошелъ къ двери и тоже взглянулъ въ замочную скважину, но такъ-какъ въ нее глядѣлъ Горюновъ, то онъ увидалъ только черный зрачокъ.

— Отпирай! шепнулъ Горюновъ.

— Не донесешь?

— Провалиться!

Анучкинъ отперъ дверь.

Довѣренный лежалъ на спинѣ съ посинѣвшимъ опухшимъ ли-

цомъ и открытыми глазами, на которые уже были положены мѣдныя гривны. Онъ умеръ. Въ комнатѣ было душно, жарко; но Анучинъ работалъ усердно: онъ уже до половины разобралъ вещи въ чемоданѣ, принадлежащемъ довѣренному, и только на двѣ его увидалъ кожаную сумку, наполненную золотомъ.

Анучинъ раздѣлялъ золото пополамъ съ Горюновымъ, разсыпавъ его въ плитки; затѣмъ сумку положилъ на мѣсто, сплалъ вещи, заперъ чемоданъ и положилъ ключи подъ подушку довѣреннаго. Затѣмъ они вышли изъ избы, чтобы спрятать золото.

— Ну, Терентій Ивановичъ, молчокъ!

— Ты только молчи. Не удрать ли намъ теперь.

— А въ лавкѣ кто?

— Возьмемъ съ собой Кольку Глумова.

— Это на какой предметъ?

Горюновъ спохватился.

— Ты, братъ, не коли. Я за Колькой давно слѣжу... Знаю, братъ, куда онъ ходитъ въ лѣсъ-то.

— Куда?

— А за пять да за шесть верстъ... Однако, Горюновъ, намъ надо рѣшиться съ тобой: намъ съ тобой обоимъ послѣ этого не ужитья на присягѣ. Мы и раньше ссорились другъ съ другомъ. Намъ надо разойтись: или тебѣ или мнѣ вонъ отсюда. Ты думаешь, я безъ цѣли допустилъ тебя ограбить довѣреннаго? Да еслибы я тебя понималъ такъ, што ты человекъ нерассудительный, я бы тебя у дверей же убилъ бы и забралъ бы все золото себѣ. А я знаю, што ты человекъ добрый, и поэтому тебѣ вездѣ будетъ хорошо, особенно теперь, вакъ ты сбудешь золото... Ты человекъ неопороченный, а я бѣглый, мнѣ только и можно жить, что здѣсь... Ужъ ты предоставь мнѣ умереть въ снокоѣ.

Горюновъ молчалъ. Онъ думалъ, что Анучинъ правъ.

— Съ деньгами ты вездѣ можешь заняться чѣмъ угодно, а покажись я—меня схватятъ и посадятъ въ острогъ. Правду ли я говорю?

— Я не буду мѣшать тебѣ, Тарасъ Трифоничъ. Я уѣду.

Анучинъ крѣпко пожалъ ему руку, утеръ навернувшіяся на глазахъ слезы и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Спасибо, Терентій Ивановичъ... По гробъ не забуду тебя... Ей-Богу! И они разошлись.

Пришедши домой, оба они ни слова не говорили никому о смерти довѣреннаго и не возобновляли разговора относительно дѣла и находящейся руды въ известномъ имъ обоимъ мѣстѣ.

Горюновъ соболѣзновалъ о томъ, что сдѣлалъ оплошность. И къ чему ему было говорить объ отъѣздѣ съ Колькой Глуховымъ съ принсковъ? Ему бы надо молчать и выжидать удобнаго времени, котомъ ѣхать въ городъ, продать золото, записаться въ купцы, какъ и сдѣлали самостоятельные мастеравине Терентьевскаго завода, еще находясь въ крѣпостномъ состояніи, для того, чтобы онъ, въ случаѣ рѣшенія по справедливости дѣла объ ихъ наверхахъ, могъ избѣгнуть тѣлеснаго наказанія. Горюновъ не могъ теперь имѣть принсва, потому что онъ считался мастеравнымъ; но только стоило записаться въ купцы... «Эдакой я дуракъ! И отчего это я не сообразилъ сегодня. А вѣдь я думалъ раньше объ этомъ. Все это отъ радости произошло: шутка-ли найти самородку...» Но обѣщаніе уже было дано Анучкину; Анучкинъ еще въ прошломъ году говорилъ, что онъ знаетъ богатое мѣсто, и если это мѣсто у него украдутъ, то ему не для чего больше и жить.

«Нѣтъ, не туда ты попалъ, Терехъ! Здѣсь народъ сборный; надо много вали, штеби што нибудь забрать въ руки... Тутъ надо десятки лѣтъ жить, штеби потомъ считать своимъ каменъ-нибудъ мѣсто... Не даромъ сколько здѣсь живетъ народу, которымъ кромѣ принсковъ некуда дѣваться...

— Вотъ она и принсковая жизнь. Пришолъ я съ двумя глазами, а уйду съ однимъ. А уйти надо, пока дѣтъ. Богъ съ нимъ и съ золотомъ...

Въ это время на принскахъ только и было разговоровъ, что о строящихся желѣзныхъ дорогахъ, о чемъ постоянно сообщали вновь прибѣгающіе бѣгле. Жизнь на желѣзныхъ дорогахъ они хвалили, но говорили, что пробраться туда очень трудно, потому что нужно пройти напромынно тѣ губерніи, черезъ котора рѣдко кому удается пройти благополучно.

Горюновъ сообразилъ, что тамъ ему будетъ лучше именно потому, что тамъ онъ будетъ находиться вблизи большихъ городовъ, такъ обыскивать и творить расправу, какъ на принскахъ, тамъ едва-ли можно, да и онъ продастъ золото и будетъ хлопотать, чтобы его сдѣлали каменъ нибудъ приващикомъ или надсмотрщикомъ, которые, какъ говорили бѣгле, получаютъ тамъ большое жалованье.

И такъ Горюновъ рѣшилъ идти на желѣзную дорогу.

Въ домѣ довѣреннаго безъ сцены не обошлось. Когда пришли утромъ съ охоты приващикъ съ ревизоромъ, Анучкинъ сказалъ имъ, что довѣренный ночью, выпивая изъ стакана воду, поперхнулся, съ нимъ сдѣлались корчи, такъ что Анучкинъ держалъ его за ноги, но скоро довѣренный захрипѣлъ и померъ; оба пріятели очень обрадовались. Проговорили: туда и дорога,

а приващикъ, заперевъ дверь, сказалъ Алучкину, чтобы онъ объявилъ о смерти дозѣреннаго рабочицъ и съѣздилъ въ село за становой приставомъ. Алучкинъ сталъ смотрѣть въ замочную скважину. Приващикъ досталъ изъ-подъ подушки ключи, отперъ чемоданъ и съ чиновникомъ сталъ выбрасывать изъ него вещи.

— Тутъ, проклятая... дѣла! говорилъ съ яростию и радостію приващикъ; и поднявъ сумку, вдругъ неблѣднѣлъ, разинулъ ротъ, не то отъ испугу, не то отъ удивленія, и ничего не могъ выговорить.

Чиновникъ, сидя, какъ и приващикъ, на крамчатъ, улыбнулся и спросилъ:

— Пусто? и взялъ сумку.

— Полюбуйся-ко! проговорилъ приващикъ.

— Чего и говорить... мерзавецъ! И чиновникъ швырнулъ сумку въ приващика.

— «Ну, слава Богу! Теперь они подерутся; надо скорѣе ето-слать Горюнова... А то послѣ они омонятся и будутъ оба недозрѣвать меня», подумалъ Алучкинъ и объявилъ Горюнову, чтобы онъ ѣхалъ какъ можно скорѣе въ горный городъ и взялъ съ собою Глумовыхъ.

— А ихъ зачѣмъ?

— Они знаютъ толку.

Ребята безпрекословно согласились ѣхать въ село за закупной провизіи, какъ имъ объявилъ Горюновъ.

Черезъ пять дней Терентій Иваничъ былъ въ городѣ. Первымъ дѣломъ онъ отправился къ одному богатому купцу раскельнику, но управляющій сказалъ, что купецъ умеръ, а всѣми его дѣлами заправляетъ его братъ, который имѣетъ нѣсколько пріисковъ въ разныхъ мѣстахъ и принимаетъ золото отъ бѣглыхъ людей изъ другихъ пріисковъ черезъ посредство управляющаго, потому что ему самому неловко разговаривать или рѣдаться съ мужиками.

— За самородку я тебѣ дамъ тридцать рублей; золота тиветъ два съ половиною фунта... Хочешь получить по полтора ста рублей за фунтъ? сказалъ управляющій, отдавая свертокъ Горюнову.

— Вы меньше казенной цѣны даете. На казенныхъ пріискахъ управители платятъ по два съ половиною за золотникъ.

— Берешь или нѣтъ?

— Да хоть пятьсотъ рублей дайте.

— Ни копейки. Двѣсти рублей сейчасъ, двѣсти черезъ шесть мѣсяцевъ, когда получатся деньги изъ петербургскаго монетнаго двора. Согласенъ?

— Если росписочку дадите.

— Ничего я тебѣ не дамъ. Ты знаешь ли, мнѣ только стоитъ позвонить и позвать служителя... и тебя сейчасъ же арестуютъ. Понимаешь?

— Кабы вы понимали, какъ не легко достается золото. Нельзя ли хоть черезъ мѣсяцъ, потому не мое золото.

Управляющій подумалъ и сказалъ:

— Если хочешь получить триста рублей сейчасъ, приходи за остальными черезъ полгода.

Горюновъ согласился.

Получивши деньги, Горюновъ записался въ городскіе мѣщане и сталъ розыскивать свою родню, но нигдѣ ни о комъ изъ его родни не знали и онъ уѣхалъ въ М. заводъ. Узнавши тамъ, что Короваевъ съ Григорьемъ Горюновымъ и какою-то молодой женщиною ушли на желѣзную дорогу, Терентій Иванычъ поплылъ на пароходѣ въ Нижній, радуясь, что Пелагея Прохорова вышла-таки замужъ за Короваева.

XXIV.

На желѣзной дорогѣ.

По приѣздѣ въ Нагорскъ Терентій Иванычъ съ Глузовыми долго искалъ главное управленіе желѣзной дороги, отъ котораго, какъ онъ узналъ на пароходѣ, зависитъ опредѣленіе должностныхъ лицъ. Отыскавши правленіе, Горюновъ не скоро добился въ немъ толку, отъ кого зависитъ опредѣленіе. Дальше хорошо обставленной и хорошо мебелированной приемной, въ которой сторожа были отставные рослые унтеръ-офицеры съ медалями, его не пускали, да и въ приемной онъ не могъ добиться никакого толка прежде чѣмъ не подарилъ сторожей, занимавшихся приготовленіемъ для членовъ чая и снимавшихъ и надѣвавшихъ на членовъ верхнія одежды. Сначала сторожа гнали его, но потомъ, когда онъ подарилъ ихъ, сказали, что едва-ли правленіе можетъ что сдѣлать для него, такъ-какъ оно опредѣляетъ и увольняетъ только главныхъ лицъ, ведетъ дѣла съ конторами, и обѣщали похлопотать за него передъ однимъ снисходительнымъ членомъ. Но сколько ни приходилъ Горюновъ въ приемную, онъ только и видѣлъ, какъ служащіе съ важностію приходили и уходили мимо него, презрительно смотря на его смѣшную фигуру. Наконецъ-таки сторожа выхлопотали ему аудіенцію съ однимъ членомъ на гѣстинцѣ.

— Мы не принимаемъ... сказалъ важно членъ и сталъ спускаться.

— Ваше бі-е, я могу залогъ внести.

— Безъ рекомендаціи мы не принимаемъ.

— Я в-в-іе...

— Что ты меня останавливаешь, скотина!

Горюновъ опять прибѣгнувъ къ помощи сторожей, но тѣ посоветовали ему лучше обратиться въ какую-нибудь контору, подчиненную правленію, но успѣха не обѣщали, потому что теперь уже всѣ должности были заняты.

Проѣхавши Нагорскъ, Горюновъ увидалъ другую жизнь. До этого города онъ видѣлъ жизнь береговую, людей занятыхъ преимущественно славомъ по рѣкамъ товаровъ, дѣса, металловъ и камней; эти товары и люди давали средства къ существованію городамъ, селамъ, деревнямъ; тамъ люди или жили постоянно въ однихъ мѣстахъ, или все лѣто находились на рѣкахъ; здѣсь же, напротивъ, несмотря на то, что ему попадались много фабрикъ, онъ проходилъ хорошіе луга, превосходныя пашни; народъ, большею частію въ лаптахъ, куда-то шелъ и ѣхалъ, то съ котомками, то съ каменемъ, товарами, и народъ этотъ торопился; на всѣхъ лицахъ видѣлось какое-то нетерпѣніе; пѣшеходы говорили мало, и если говорили, то часто вздыхали, какъ будто въ словахъ ихъ заключалась и надежда и сомнѣніе.

— Куда вы? спрашивалъ Горюновъ.

— На желѣзную дорогу.

— А товары?

— Кон на желѣзную дорогу: имъ пѣшеходамъ-то осталось не больше ста верстъ, а тамъ они скоро въ Москву попадутъ, а кон въ другіе края.

Встрѣчные, большею частію въ телегахъ, отвѣчали, что они тоже съ желѣзной дороги и ѣдутъ за провизіей или за камнемъ или за кирпичами.

Наконецъ не стало ѣхать по дорогѣ товаровъ. Толпы народа больше и больше прибывали изъ разныхъ мѣстъ или на дорогу, идущую къ желѣзной; больше и больше стало ѣхать по тому же направленію телегъ съ камнемъ, кирпичомъ, такъ что часто ихъ шло до пятидесяти телегъ; больше и больше везли туда бревенъ. Больше и больше по дорогѣ попадало нищихъ, которые или шли на встрѣчу Горюнову, или садѣли кучками около дороги... Пашни казались заброшенными; въ деревняхъ видѣлись только дѣти, глухія, слѣпые и больные старые люди да тощія скоты, меньше и меньше становилось по дорогѣ дѣсу, и тамъ, гдѣ было поле, земля была ископана на нѣсколько футовъ внутрь. А дороги не видать.

— Гдѣ же дорога?

— А во! Направо-то видишь песокъ, какъ града сдѣлана! указывая на насыпь, говорили Горюнову шедшіе на желѣзную дорогу.

Насыпь была ровна; она то была выше дороги, по которой шель Горюновъ, то ниже ея; но на насыпи суетился народъ, къ ней подвозили песокъ, недалеко отъ нее на площади складывали камни, кривить; въ разныхъ мѣстахъ копали землю, разбивали крупные камни, кое-гдѣ распилывали бревна, что-то тесали. По одной сторонѣ насыпи бѣжали телеграфные столбы. Кругомъ было мрачно; отъ рабочихъ слышались громкія восклицанія, да стучь топоромъ тамъ и сямъ оглушала мѣстность. На разстояніи шести-семи верстъ около опушки лѣса, или около насыпи сдѣланы были небольшія избушки изъ досокъ или балаганы, служащія помѣщеніемъ рабочихъ въ ночное время и мѣстомъ для склада товаровъ, пилъ, лопатъ и другихъ вещей, принадлежащихъ строителямъ желѣзной дороги. Дорога шла параллельно желѣзной дороги между рѣдкамъ лѣсомъ и полями, на которыхъ только была кое-какъ вспахана земля. Пересѣвши насыпь, дорога шла по ровному мѣсту, около дороги. На этой сторонѣ лѣсъ былъ вырубленъ саженъ на десять отъ края уступа и отсюда дорога казалась какъ бы вырѣзанною между холмами. Далѣе дорога заворотила вправо, и версты полторы шла лѣсомъ, а потомъ вошла опять въ виду насыпи, которая отсюда казалась высокою стѣною.

— Прежде здѣсь никакой дороги не было, а теперь гляди какую проложили дорогу, и дорога-то эта выходитъ короче тракторовой, только по ней не велятъ ѣздить съ товарами, аи проезжающимъ, потому эта дорога компанейская, объясняя Горюнову пѣшеходы.

Здѣсь уже меньше ѣхало телегъ съ принадлежностями дороги, за то попадались на встрѣчу телеги, наполненныя большими мужичками и женщинами.

— Господи помилуй! Ни одного дня не пройдетъ безъ того, чтобы не попадались хворые.

— Куда же ихъ везутъ?

— Куда? Извѣстно куда! Вывезутъ на большую дорогу, и иди отсюда приколъ. Хорошо, если село свое или деревня близко, а то такъ и вопреку иной человекъ на доретъ. У компанейскъ денегъ много, только не станутъ же они съ хворыми возиться, когда, говорятъ, они подрядились дорогу къ срегу сдѣлать... Коимъ въ слѣдъ человекъ — робъ и отдыха нѣту, а воли поминать — домой его. Разъ было привязались къ уразнигалю, онъ

и говорить: у насъ-де люди не умираютъ, а коли они умерли за чертой—дѣло не наше, а Божье.

Товарищи Горюнова были крестьяне недалнихъ губерній. Всѣ они жаловались на большія подати.

— Поневоѣ пойдешь въ тяжелую работу. Прошлѣе лѣто мы всей семьей ходили... Только еслибы не тяжелая работа, да не болѣзнь, ничего бы. И такъ всѣ новинности ухватили, а зиму дома промазались кое-какъ.

Мало по малу мѣстность по обѣимъ сторонамъ насши дѣлалась оживленнѣе. По одной или по обѣ стороны насши лежали на нѣсколько верстъ длинны перекладныя для полотна; на насши укладывали перекладныя, засыпая пескомъ полотно; во бокамъ насши кое-гдѣ убавали щебнемъ. Дальше на полотнѣ лежали рельсы, а еще дальше рельсы уже укладывали на полотно, въ промежуткахъ рѣчеѣ уже окончивалась кладка фундамента и приступали къ кладкѣ устоевъ для мостовъ; черезъ одну рѣку, шириною въ шестьдесятъ сажень, береговые устои были уже готовы, и одинъ рѣчной гранитный бигъ былъ выведенъ на половину; окрашенныя металлическія части въ этому мосту лежали на полотнѣ. На протяженіи по крайней мѣрѣ тридцати верстъ, какъ на полотнѣ, такъ и около него работало много народа, преимущественно мужчинъ; женщинъ же было очень не много. Работа шла разнообразная: кто дѣйствовалъ лопатой, кто молотомъ, кто киркой, кто топоромъ, кто ломомъ... Здѣсь никто не сидѣлъ безъ дѣла, а если и курилъ трубку, то старался сократить это удовольствіе или работалъ держа трубку во рту. По полотну и около насши ходили мастера и приказчики, большаю частію нѣмцы или чухонцы въ курткахъ или пальто, или въ черныхъ рубахахъ, опоясанныхъ ремнемъ, и черныхъ засаленныхъ брюкахъ, въ длинныхъ сапогахъ, застегнутыхъ выше колѣнъ ремнями, и въ фуражкахъ на подобіе крышекъ съ длинными козырьками и съ пуговками на верхушкахъ ихъ. Они, покуривая трубки или сигары, понукали народъ работать скорѣе, распоразались тѣмъ, какъ и что нужно сдѣлать, куда, что и какъ приложить. Вблизи двухъ деревень, между которыми проложена дорога, около дороги построено нѣсколько балагановъ: въ однихъ хранились инструменты, въ другихъ помѣщались рабочіе. За этими балаганами стояли цѣлыя подѣвниці киркача, а противъ него былъ устроенъ большой бассейнъ, строили каменное водоемное и водозачальное зданіе и производили каменную кладку зданій. Всюду между этими постройками валялись коробки съ гайками, крючками и молотками, рельсы, перекладныя, мужскіе сапоги, полушубки, лопаты и другіе ин-

струменты. Кое-гдѣ около дороги догорали щепки... Народу вездѣ было такъ много, что его трудно было сосчитать. Работа, что называется, кинѣла; здѣсь не слышалось пѣсенъ и веселыхъ говоровъ, но за то воздухъ оглашался стукомъ чугуна, стала, какъ на какой-нибудь большой фабригѣ.

— Ну, Тереха, здѣсь много не разживеешься. Народу-то, народу-то!!.. Недаромъ столько его валить сюда, думаль про себя Горюновъ, удаляясь.

Но никто такъ не удивлялся, какъ Николай и Петръ Глузовы.

— Славно здѣсь, Терентій Ивановичъ. Только ребятъ здѣсь что-то не видать.

«Гдѣ-то мои?» думаль Горюновъ, и подошедши къ одной кучкѣ рабочихъ, обтесывающихъ камни, спросилъ:

— Не знаете ли, братцы, Коровьева или Горюнова?

— Такихъ не слышали... Какой губерніи?

Горюновъ сказалъ.

— Такихъ не знаемъ. Здѣсь много всякихъ.

— Кто же у васъ въ работу принимаетъ?

— А вонъ чухна, што съ цыгаркой ходить.

— А русскихъ развѣ нѣтъ?

— Русскихъ-то? Русские только подрядами занимаются: муку, кирпичъ да другіе матеріалы поставляютъ и отъ себя прикащики нанимаютъ, только компанеамъ-то нѣмцы лучше нравятся. Прежде, бывало, были русскіе, да прогнали ихъ, потому они нить стали да крѣпко поворовывали. Ну, а эти хоть и воруютъ, все же люди свои, а если и пьютъ, такъ на ногахъ крѣпки. Теперь вонъ погляди, кто мости дѣлаетъ? Чухны да нѣмцы!.. И платить имъ цалковыхъ по три и по пяти въ сутки.

— Есть же у васъ кто-нибудь главный-то?

— Какъ нѣту. Онъ вонъ въ деревнѣ живетъ; поди теперь съ инженерами въ карты дуются.

Горюновъ изъ этихъ разговоровъ пеналъ, что ему тутъ не сдѣлаться прикащикомъ. Онъ видѣлъ, что прикащики распоряжаются даже надъ тѣмъ, что и откуда взять, и сворать съ мастерами; онъ же въ постройкѣ желѣзной дороги ничего не смыслилъ. Поэтому онъ затруднился въ томъ, что ему выбрать для занятія. Не обидно ли будетъ ему, промывавшему золото, дѣлать то, что ему прикажутъ? Онъ соглашался работать вблизи деревни; но боялся, чтобы его не послали туда, гдѣ только что начинаютъ облаживать полотно дороги.

Горюновъ подошелъ къ прикащику и изъявилъ желаніе работать.

— Что можешь? спросилъ его прикащикъ.

- Да все, что угодно.
- Такъ нельзя... Ты долженъ знать одинъ ремесло, — каменщикъ, плотникъ, товаръ, али машинясть... Э! не годишься!
- Почему?
- Мы съ однимъ глазомъ не принимаемъ.
- Такъ возьми ребятъ.
- Сили у нихъ нѣтъ. Можете дыри сверлить? Вонъ какъ тотъ сверлитъ.
- Мы на горныхъ заводахъ робили, сказалъ Горюновъ.
- Ну, а здѣсь не заводъ, а желѣзная дорога.

Однако, приказникъ принялъ Горюнова и Глузовыхъ, заставивъ ихъ сверлить дыри въ рельсахъ.

Сперва Глузовымъ эта работа нравилась: имъ приходилось сидѣть на горбинѣ около рельсовой полосы и двигать къ себѣ обѣими руками рѣзецъ. Они работали попеременно: сперва сидѣлъ Николай, а Петръ стоялъ передъ нимъ, подливая масло въ рѣзецъ, потомъ сядилса Петръ, но къ вечеру они устали, и когда увидалъ ихъ приказникъ сидящими безъ дѣла, то погрозила прогнать. Горюнову досталась тоже нетрудная работа: разбить рельсовую полосу къ вечеру, когда ее хотѣли прогнать на полотно; но сколько ни усердствовалъ Горюновъ, удара молотомъ въ долото, онъ только до половины разбилъ полосу, и приказникъ, отобравъ отъ Горюнова марку, велѣлъ ему уходить прочь.

Все-таки Горюновъ съ Глузовыми проработалъ на рельсахъ недѣлю. Въ воскресенье онъ захотѣлъ отдохнуть, но увидалъ, что на желѣзной дорогѣ праздниковъ нѣтъ, напротивъ, даже по почтамъ стали работать, зажегши фонари. За сутки давали платы рубль серебра.

Все рабочіе умѣщались въ нѣсколькихъ балаганахъ, сложенныхъ на скорую руку изъ досокъ; въ этихъ балаганахъ пекли для нихъ хлѣбъ и варили щи, да въ нихъ лежали и больные. Все остальное время рабочіе находились на работѣ. Каждый рабочій, получившій утромъ марку съ номеромъ, долженъ былъ носить эту марку при себѣ, и потомъ вечеромъ или на другой день утромъ предъявлять ее приказнику для отчета въ его записной книжкѣ; если какойнибудь рабочій не въ состояніи былъ работать, приказникъ отбиралъ отъ него марку, и если были у него деньги, рассчитывалъ его, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко. Колоколовъ на желѣзной дорогѣ не было, но каждая смена или остановка работы, время обѣда и ужина, конецъ обѣда и ужина пзвѣщались свистами приказниковъ. Къ обѣду и ужину приказники подносили рабочимъ по чаркѣ водки, и рабочіе ѣли

подъ открытымъ небомъ тамъ же, гдѣ они работали, несмотря и на дождь. Работа не прекращалась на рельсахъ ни днемъ, ни ночью, ни въ дождь, ни въ громъ, только въ градъ и грозу рабочіе уходили въ балаганы, потому что бывали случаи, что нѣсколькихъ рабочихъ убилъ при работахъ олово желѣза. Въ дождь приващники надѣвали кожаныя пальто, а рабочіе свои зипуны или полушубки вверхъ шерстью. Когда не было дождя, рабочіе спали на открытомъ воздухѣ, на сухихъ мѣстахъ: усталые, взмученные в голодае, они скоро засыпали. Кормили всѣхъ скверными щами, потому что мясо привозили изъ города и хлѣбъ былъ недопеченный... Отъ этого рѣдкій рабочий былъ въ состояніи проработать къ ряду два мѣсяца, забирался въ балагавъ, и если ему становилось легче, онъ опять шелъ на работу; а если ему становилось хуже, его отвозили въ компанейскихъ телегахъ на трактовую или проселочную дороги, въ села или деревни, смотря по тому, что было ближе къ желѣзной дорогѣ. Это дѣлалось и потому еще, что въ городахъ большихъ съ желѣзной дороги будто бы не принимали, такъ-какъ тамъ или вовсе не существовало больницъ, или въ больницахъ помѣщались только городскіе обыватели. Больше всѣхъ доставалось рабочимъ, устроивавшимъ мосты. Имъ хотя платили и больше, но рѣдкіе изъ нихъ могли въ ненастное время проработать мѣсяць или три недѣли, не захворавъ потомъ.

Но какъ ни тяжела была работа, адѣсь каждый надѣялся на получение хорошей платы, и это удерживало рабочихъ на желѣзной дорогѣ. Хотя же они однажды и требовали отъ управляющаго улучшенія пищи, но онъ имъ сказалъ: не хотите компанейскихъ хлѣбцовъ, можете сами печь хлѣбъ и варить щи, и велѣлъ прекратить кормъ рабочихъ. И всѣ рабочіе остались безъ хлѣба и безъ щей, потому что сельскимъ деревенскимъ жителямъ строго было приказано не продавать ничего на желѣзную дорогу, подъ опасеніемъ взисканія большого штрафа, также никто не смѣлъ и съ дорогъ подвозить провизію къ желѣзной дорогѣ. Пришлось обратиться къ компанейской пищѣ, за которую вычитали по пятнадцати копейекъ въ сутки съ человѣка, не ставя, впрочемъ, разбавленную водой воду въ счетъ. Если же кто хотѣлъ выпить болѣе двухъ чарокъ въ сутки, тотъ платилъ по четыре копейки за чарку. Однако, несмотря на разнаго строгостн, рабочіе напивались въ селахъ и деревняхъ на ночь и покупали тамъ табакъ. Чтобы превратить такое самовольство, приващники стали хлопотать о томъ, чтобы имъ было дозволено вычитывать изъ платы рабочихъ каждое путешествіе въ село и деревню, но управляющій разрѣшалъ приказникамъ заниматься тер-

говоря въ селахъ. Сельскіи жители было трудно конкурировать съ богатыми людьми, которые вслѣдствіи старались разорить своихъ противниковъ какимъ нибудь образомъ. Отъ этого и вышло то, что въ селахъ дѣли на все, кромѣ водки, поднялись очень высоко, и рабочіе, получавшіе деньги отъ прикащиковъ, половину или двѣ трети ихъ отдавали имъ же.

Прошилъ Горюновъ на желѣзной дорогѣ мѣсяць, а своихъ не ровнялъ. Онъ такъ и думалъ, что Короваевъ непременно ушелъ куда нибудь, и подумывалъ махнуть въ Петербургъ понатать счастья. О Петербургѣ и здѣсь ходили хорошія вѣсти... Но его удерживало то, что такова-то числа назначена была отъ станціи проба на протяженіи пятнадцати верстѣ: хотѣли пустить локомотивъ съ пятнадцатью вагонами, наполненными рельсами. Этого дня ждали съ нетерпѣніемъ; большинство рабочихъ хотѣло удостовѣриться въ полезности ихъ труда, и сомнѣвалось, чтобы поѣздъ могъ пройти по рельсамъ не свалившимся въ оврагъ, такъ-какъ рельсы были положены въ одномъ мѣстѣ на поларшина отъ края, а полотно было устроено на три сажени выше отъ земли.

Наконецъ насталъ и этотъ день. Прикащики и мастера бѣгали какъ угорѣлые съ ранняго утра, смотря направо, отъ куда долженъ былъ идти поѣздъ; всѣ инструменты были убраны съ рельсовъ и полотна, тормозы были нѣсколько разъ испробованы и приведены въ порядокъ, рабочихъ гнали съ полотна. Но къ вечеру ихъ извѣстили, что у двухъ вагоновъ лопнули два колеса и поѣздъ придетъ завтра. Вечеромъ, впрочемъ, показался вдаль локомотивъ, свиснулъ и медленно прошелъ одинъ по рельсамъ. На третій день онъ привезъ двадцать вагоновъ-ящиковъ съ рельсами, отцѣпилъ вагоны и ушелъ обратно по другому пути.

— Каково преть-то! Въ каждомъ ящикѣ чать пудовъ двѣсти будетъ... Штука.

— И не упалъ!

— Знатоно, значить, устроили.

Съ этого дня началось движеніе между двумя станціями, изъ конхъ на одной постройки уже приводились къ концу, а на другой еще только что оканчивали кладку фундамента. Локомотивъ по два раза въ сутки привозилъ сперва вагоны-ящики съ пескомъ, на которыхъ уже сидѣли съ лопатами по два человѣка, и выбрасавъ изъ ящика песокъ, отправлялись назадъ, потомъ камень и другія принадлежности для желѣзной дороги. Теперь

работа шла еще сильнѣе прежняго и, какъ говорится, приводилась уже *на бѣло*.

Горюновъ уже хотѣлъ видѣти совсѣмъ, да захворалъ Николай Глузовъ, котораго ни за что не захотѣлъ покинуть братъ. На другой день захворалъ не только братъ, но и Горюновъ и человекъ пятьдесятъ рабочихъ, отъ нихъ горячка распространилась и въ другіе балаганы, а время было дождливое, осеннее, дулъ рѣзкій вѣтеръ. Приказчики струхнули, донесли управляющему, который распорядился построить на скорую руку большой балаганъ вблизи села. Пока отстроили балаганъ, рабочіе умирали десятками въ старикъ, сырыхъ и угарныхъ балаганахъ на полу и въ грязи. Начальство вызвало нѣсколькихъ фельдшеровъ съ однимъ уѣзднымъ лекаремъ, которые, надо правду сказать, больнымъ рабочимъ не принесли ровно никакой пользы, потому что при нихъ не было лекарствъ и они могли только пустить кое-кому кровь. Между тѣмъ, управленіе желѣзной дороги хвасталось публично, что у него около станцій устроены больницы на нѣсколько кроватей и больные пользуются всѣми медицинскими средствами на счетъ управленія. Избу состроили скоро, но въ ней еще больше стало умирать. Однако, несмотря на то, что больные не умѣщались въ избахъ, валялись тамъ и самъ десятками, въ рабочихъ недостатка не было; они то и дѣло замѣнялись другими, и большею частью уже такими, которые давно работали на дорогѣ, перенесли болѣзни и такъ-сказать обтерпѣлись и которыхъ привозили въ ящикахъ уже по желѣзной дорогѣ изъ другихъ промежуточныхъ станцій, гдѣ рабочихъ уже требовалось немного.

Горюновъ выздоровѣлъ, то-есть онъ могъ едва-едва бродить, а на желѣзной дорогѣ тѣ, которые были въ состояніи немного ходить, уходили въ села или въ деревни, гдѣ и поправлялись. Такъ и Горюновъ ушелъ въ село одинъ. Глузовы померли еще въ старомъ балаганѣ. Къ этому горю прибавилось еще другое: во время его безпамятства у него украли платокъ съ деньгами, который онъ постоянно носилъ за рубахой на груди. Въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ поправился совсѣмъ. Въ это время дорога въ томъ мѣстѣ, гдѣ работалъ въ первое время Горюновъ, была уже окончена совсѣмъ, на дорогѣ рабочихъ уже не было, а рабочіе были только у ставщи, красиваго каменнаго зданія съ фигурчатыми окнами и стѣнами.

— И чортъ же меня сунулъ сюда, прости Господи! ворчалъ Горюновъ. — Купилъ бы я на роданѣ домъ, устроилъ бы постоянный дворъ... Нѣтъ! Жадность поганая! Денегъ больше захотѣлось имѣть... Што я теперь? Нищій... Ужъ лучше бы было по-

мереть, какъ ребятки глумовскіе померли. Вѣднне ребятшки! А какъ я васъ любилъ-то вѣдь. И Горюновъ утиралъ слезы съ глазъ.

Горюновъ не зналъ, что́ ему дѣлать? Работать на дорогѣ въ эдакій морозъ ему не хотѣлось. Раньше у него была по крайней-мѣрѣ надежда, что онъ къ ииѣющиса у него деньгамъ накопить еще хоть рублей пятьдесятъ или семьдесятъ и потомъ поѣдетъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ, по его мнѣнію, съ деньгами онъ могъ бы чѣмъ нибудь завѣяться. Но теперь, что́ онъ за человѣкъ безъ денегъ? Теперь у него и охоты не было работать. Но надо же что нибудъ дѣлать. И онъ пошелъ къ станціи, тамъ рабочіе додѣлывали платформу. Горюновъ поздоровался съ ними, тѣ молча кивнули головами и сдѣлали между собой нелестное на его счетъ замѣчаніе, состоящее въ томъ, что этотъ кривой человѣкъ вѣроятно накопилъ порядочно денегъ, что безъ работы шляется. Недалеко отъ нихъ двое рабочихъ въ полшубкахъ стругали балку.

— Богъ на помочь! сказалъ Горюновъ.

Оба рабочіе, держа стругъ въ рукахъ, стали глядѣть на Горюнова.

— Кажись... Ахъ вы христовые! преговорилъ внѣ себя отъ радости Терентій Иванычъ, и по заскорузлomu его лицу пробѣжали двѣ слезинки.

Рабочіе были Короваевъ и Григорій Прохорычъ.

Радость всѣхъ трехъ была неонисанная, но они пожали только другъ другу руки. Послѣ разспросовъ, какъ живетса, Горюновъ усѣлся около нихъ на доски и сталъ накладывать трубку табакомъ.

— Ну, и гдѣ же, Влась Васильичъ, твоя молодуха? спросилъ Горюновъ Короваева робко, боясь услышать непріятное о своей племянницѣ.

— Какая? спросилъ въ свою очередь Горюнова съ удивленіемъ Короваевъ.

— Какъ?... Мнѣ сказали въ М. заводѣ, што ты ушелъ съ Палагеей...

Короваевъ улыбнулся и сказалъ:

— Я самъ объ ней хотѣлъ спросить у тебя... Гдѣ она?

— Оказія!... Какъ же это?

— Это вонъ Григорій шелъ съ Лизаветой, а я съ ними для компаніи, сказалъ Короваевъ.

— Я сестру оставилъ въ селѣ... Потомъ я встрѣтился съ Лизаветой въ Привамскѣ: она кладъ тамъ таскала... Ну, она сказала, што Палагея ушла въ городъ Заводскъ, вскорѣ, какъ

Панфила стали судить за фальшивую бумажку... Панфила потомъ выпустили... Я его видѣлъ и звалъ сюда. Хотѣлъ идти, говорить Григорій Прохорычъ.

Запечалились земляки. Но горю не можешь. Разказовъ было такъ много у каждаго, что они до вечера проговорили сидя вѣстѣ.

Короваевъ говорилъ, что въ М. заводѣ онъ никакъ не могъ заниматься столярною работою, потому что ему не на кого было работать, и онъ работалъ на литейномъ заводѣ. Но работа у огня разслабила его силы такъ, что онъ пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ въ больницѣ. Жизнь въ М. заводѣ ему не нравилась по дороговизнѣ и потому, что онъ тамъ начиналъ порядочно попивать, не желая отстать отъ товарищей, да и работа была такая, что выпить хотѣлось. Поэтому, онъ никакъ не могъ скопить много денегъ. Подумывалъ онъ и выписать туда Целагею Прохоровну, которая могла бы выпить корову и продавать въ городѣ молоко, чѣмъ даже прокармливаютъ себя инны тамошнія женщины, но для этого нужно было непремѣнно имѣть свой домъ, огородъ, покосъ, да и онъ не зналъ, понравится ли Целагеѣ Прохоровнѣ такое занятіе. «Тамошнія женщины — говорилъ Короваевъ — съизмалѣтства привыкли ходить въ городъ, отстоящій отъ завода въ трехъ верстахъ, по два и по три раза въ день, во всякую погоду. Онѣ женщины бойкія, и у нихъ не пропадетъ ни одна копейка. А Целагеѣ Прохоровнѣ ко всему этому нужно бы было привыкать». А тутъ чуть-было его не женили: стала за нимъ очень ухаживать сестра хозяйки, у которой онъ жилъ на квартирѣ, и дошло даже до того, что самовольно стала распорядиться его деньгами. Вотъ, поэтому, Короваевъ и рѣшился идти на желѣзную дорогу.

Григорій Прохорычъ говорилъ, что ему тоже не нравилось жить въ М. заводѣ, потому что тамъ много было всякаго народа, и каждый человѣкъ то и дѣло, что хвастался умѣньемъ взяться за все; въ сущности же дѣлались всѣ, надѣясь на другихъ. Кромѣ этого, въ М. такъ было много воровъ, что по ночамъ было опасно ходить отъ города въ заводъ. Тамошнія дѣвицы ему не нравились, потому что предпочитали калатнигамъ сюртучниковъ, наряжались по-городски, и вообще, на его взглядъ, не могли бы ужиться съ однимъ мужемъ, тѣмъ болѣе, что онѣ сами зарабатывали себѣ пищу, одежду, отъ городовъ и коровъ. Хотя же онъ и сердился на Лизавету Ульяновну, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидалъ ее на пристани, его тянуло поговорить съ ней, такъ-какъ до нее тамъ пріятельницъ не было, а она ему была знакомая. Мало-по-малу они сошлись, но общались

другъ другу жениться, накопивъ капиталъ на желѣзной дорогѣ, куда пошла съ ними и Степанида Власовна съ дѣтьми. Но Степанида Власовна испугалась далекаго путешествія и осталась съ дѣтьми въ Подрговѣ.

Вечеромъ всѣ земляки ушли въ теплую избу. Изба здѣсь была свѣтла, пространна и имѣла большую русскую печь. Эта была образцовая изба, которую компанен показывали начальству путей сообщенія, увѣряя его, что здѣсь помѣщается большинство рабочихъ, которыхъ привозятъ сюда на машинѣ. Въ избѣ было нѣсколько женщинъ, и въ томъ числѣ Лизавета Елизаровна. Она была говорливѣе всѣхъ, и по голосу ее далеко было слышно. Она тоже обрадовалась Терентію Иванычу; но извѣстіе о смерти отца ее недолго печалило: ей уже много приводилось видѣть, какъ здоровые люди умирали скоро.

— Я, дядя, хочу въ Петербургъ. — Хвалать тамошнее житье-то. Лизка мнѣ покою не даетъ...

— Да какъ! Што это за жизнь?... Здѣсь съ голоду помрешь, и околѣешь какъ собака... Да я и одна найду туда дорогу, говорила Лизавета Елизаровна, лежа съ Григорьемъ, около котораго лежали Короваевъ и Терентій Иванычъ.

— А есть ли деньги-то, Гришка? спросилъ дядя племянника.

— Мы съ Лизкой ужъ накопили тридцать рублей.

— Да и я тоже думаю, связалъ Короваевъ.

— У меня были деньги, да урвали ихъ. Вѣдь пятьсотъ рублей было! привралъ Горюновъ.

— Ну, мы дадимъ, послѣ сочтемся.

— Не хотѣлось бы мнѣ такъ-ту, ребята...

— Полно-ко, Терентій Иванычъ!... Я вонъ тоже на Гришкины деньги ѣхала сюда, сказала Лизавета Елизаровна.

— То ты... Нѣтъ, я лучше поработаю.

И земляки остались; но прожили до апрѣля мѣсяца, потому что сперва захворалъ Григорій Прохорычъ, потомъ Лизавета Елизаровна выкинула мертваго младенца, котораго и зарыли въ землю, какъ вещь негодную, на что прикащики не обращали вниманія.

Въ апрѣлѣ, земляки пріѣхали въ Питеръ попробовать: не лучше ли житье въ столицѣ?

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ ПРОШЛАГО ВѢКА

И
ПУГАЧЕВЪ.

I.

Чѣмъ болѣе вникаемъ мы въ мельчайшія подробности событія, глубоко поколебавшаго спокойствіе Россіи во второй половинѣ прошлаго вѣка и извѣстнаго подъ именемъ Пугачевщины, тѣмъ непоколебимѣе становится убѣжденіе наше въ томъ, что событіе это вызвано было не какою-либо интригою, не махинаціею отдѣльныхъ личностей, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей, не явленіемъ, наконецъ, Пугачева, а единственно лишь неотвратимостью закона историческаго возмездія. Что законъ историческаго возмездія, какъ и законъ исторической преемственности существуетъ — это неоспоримо. Какъ въ жизни отдѣльныхъ личностей, за отступленіе отъ непреложныхъ законовъ человѣческой правды и добра, за измѣну, какова бы ни была эта измѣна — измѣна ли своему призванію, своему слову, своему чувству, самому себѣ, — рано ли, поздно ли, личности эти навязываются и клеймятся, если не общественнымъ презрѣніемъ и отчужденіемъ, то внутреннимъ самопаденіемъ, такъ и въ коллективной жизни государствъ за политическія и общественно-гражданскія преступленія предковъ исторія навязываетъ потомству, передавая какъ бы по наслѣдству политическіе долги отцовъ на отвѣтственность дѣтей. Это также несомнѣнно, какъ и то, что въ физической природѣ существуетъ наслѣдственность и преемственность видовъ, формъ, качествъ, какъ хорошихъ, такъ и порочныхъ, передаваемыхъ видовыми родичами своимъ видовымъ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. И чѣмъ крупнѣе политическія и гражданскія ошибки предковъ, чѣмъ болѣе ихъ безтактность шла въ разрѣзъ съ настоятельными требованіями правды и

добра, съ общими симпатіями челоувѣчества и законами челоувѣческой чести, тѣмъ болѣе тяжести ложится на нравственную отвѣтственность послѣдующихъ поколѣній, и тѣмъ сомнительнѣе и медленнѣе вочеловѣченіе такихъ людей и такого народа, потому что исторія, какъ и нравственные законы, ничего не прощаетъ, никогда не забываетъ долговъ и нравственныхъ промаховъ кого бы то ни было, и никого не милуетъ. Жизнь и развитіе, какъ всего челоувѣчества, такъ и отдѣльныхъ личностей, подчиняются своимъ неизмѣннымъ законамъ, и жестоко караютъ всѣхъ нарушителей этихъ законовъ, караютъ до тѣхъ поръ, пока не возстановится нарушенное равновѣсіе. Историческая кара, какъ и кара нравственная, до того жестока, что часто бываетъ похожа на кару людскую, и такимъ образомъ, переходитъ въ месть.

— Богу угодно было наказать Россію черезъ мое оказанство, говорить Пугачевъ на первомъ допросѣ, когда, закованный въ колодку, самозванецъ сидѣлъ уже передъ членами секретной слѣдственной комиссіи, въ Яицѣхъ.

Пугачевъ, конечно, по своему понималъ эту кару, которую мы называемъ историческимъ возмездіемъ; но въ словахъ его уже слышится невольное сознаніе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ какъ орудіе исторической мести, что еще болѣе проглядываетъ въ разговорѣ его съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, въ Симбирскѣ, куда Суворовъ привезъ въ деревянной клеткѣ своего страшнаго плѣнника.

— Какъ ты смѣлъ, воръ, назваться государемъ? спросилъ его Панинъ.

— Я не воронъ, а вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ, дерзко отвѣчалъ самозванецъ.

Въ этихъ словахъ предсказывалась еще горшая кара Россіи за ея историческія ошибки. Местъ должна была послѣдовать уже за Пугачевымъ, хотя, къ счастью, предсказанію самозванца не суждено было сбыться... Историческая ошибка Россіи, самая капиталная, была поправлена 19-го февраля 1861 года, почти черезъ сто лѣтъ послѣ предсказанія самозванца о новой карѣ, которая должна постигнуть Россію.

Въ особой монографіи, напечатанной нами въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866-й годъ, подъ заглавіемъ «Пугачевщина», мы высказали убѣжденіе, выработавшееся въ насъ ближайшимъ изученіемъ этой знаменательной эпохи, преимущественно по неизданнымъ документамъ, что Пугачевщина была не послѣдствіемъ яицкихъ смутъ и появленія самозванца и не продуктомъ какой-либо интригующей политической партіи, а естественнымъ продуктомъ

всей Россіи и плодомъ ненормальнаго состоянія всего государственнаго строя. Для этого, самой исторіи смутнаго времени мы предпослали, въ видѣ введенія, по возможности обстоятельное изображеніе тогдашняго состоянія Россіи, состоянія, которое неизбѣжно должно было кончиться той или другой насильственной и весьма опасной встряской всего государственнаго организма нашего отечества. Эта встряска и была — Пугачевщина, которую мы начертали вкратцѣ, избѣгая общезвѣстныхъ подробностей, напечатанныхъ уже у Пушкина, Щербальскаго и въ особнхъ статьяхъ и наданіяхъ, и упоминая только о томъ, что могли мы извлечь изъ имѣющихся у насъ и никому неизвѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. Мы давали, такимъ образомъ, читателю, въ краткомъ конспектѣ, только то *новое*, что успѣла, въ послѣднее время, приобрѣсти историческая наука изъ знаменательной эпохи екатерининскихъ самозванцевъ, изъ коихъ Пугачевъ былъ не первымъ и не послѣднимъ (Степанъ Малый, Кремневъ, Богомоловъ, Ханинъ и друг.). Богатыя подробности мы отлагали до полнаго историческаго труда, который обнялъ бы собою весь циклъ самозванцевъ Петровъ Третьихъ и особенно же Пугачева.

Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ «Пугачевскій полковникъ Ивановъ», мы взяли только одинъ эпизодъ изъ богатой событіями и драматизмомъ эпохи, взяли одну только личность изъ множества такъ-называемыхъ пугачевскихъ генераловъ и полковниковъ, и разработали этотъ эпизодъ съ тѣми подробностями, какія представляють намъ, находящіяся у насъ подъ руками, документы изъ эпохи екатерининскихъ самозванцевъ.

На основаніи подобныхъ же ненаданныхъ документовъ, мы намѣрены теперь представить, вопервыхъ, что дѣлалось въ остальной Россіи, и особенно въ мѣстностяхъ, которымъ грозилъ ужасный пожаръ, вспыхнувшій на Янгѣ и въ окрестностяхъ Оренбурга, въ то время, когда самозванецъ уже успѣлъ покорить подъ свою власть нѣсколько генераль-губернаторствъ; какія принимались въ этихъ мѣстностяхъ мѣры къ отвращенію грозившей нашему отечеству опасности, въ какомъ беззащитномъ положеніи находилось оно; вовторныхъ, какія были послѣднія и самыя страшныя вспышки этого пожара передъ его прекращеніемъ и, втретьихъ, что послужило гибелью самозванцу и всему его дѣлу. Этихъ, самыхъ, впрочемъ, важныхъ сторонъ предмета, не разработывали ни Пушкинъ, ни Щербальскій, безъ сомнѣнія, потому, что они не располагали тѣми матеріалами, которые намъ посчастливилось добыть. Мы рѣшились въ провинціальнхъ архивахъ городовъ, по которымъ прошла эта страшная гроза. Мы видѣли бумага, которыя хватали своими окрова-

вленными руками «сами служители сатанина внука Емельки», и бросали их въ воду и въ огонь, и которые спаслись какимъ-то чудомъ, разнесенны вѣтромъ или припрятанны какимъ-либо усерднымъ подканцеляристомъ въ темномъ углу архива. Мы читали эти самыя бумаги, писанныя подъ вліяніемъ непреодолимаго ужаса, дрожащими отъ волненія руками, измѣтны гдѣ нибудь за паузой у нарочнаго, проносившаго эти бумаги сивозъ толпу волнующихся массъ. Мы видѣли помѣтки на этихъ бумагахъ, дѣланныя въ торопяхъ, съ обозначеніемъ часа, въ который получались страшныя вѣсти одна за другою. Мы ознакомились даже съ почеркомъ всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда лицъ, генераловъ, полковниковъ, комендантовъ, воеводъ и губернаторовъ: смѣлнй и спѣшнй почеркъ Суворова, бойкій почеркъ Михельсона, караули самага Пугачева, старческія руки генераль-губернаторовъ фонъ-Брандта, фонъ-Рейнсдорна, почеркъ храбраго Бошняка, напоминающій собою почеркъ какого-нибудь безграмотнаго лавочника, почерки Цыплетева, воронежскаго губернатора Шетнева, знаменитаго графа Захара Чернышева, князя Багратиона, генерала Мансурова, почеркъ генерала Дюпрерадовича — почеркъ несмѣлнй, женскій, почеркъ всѣхъ донскихъ атамановъ, полковниковъ, походныхъ старшинъ, изъ которыхъ каждый что-либо сдѣлалъ, чѣмъ-либо отличился—все это живьемъ встаетъ передъ вами и краснорѣчиво говорить о пережитыхъ этими людьми ужасахъ. Мы можемъ узнать любой почеркъ канцеляристовъ того времени, и скажемъ, изъ какой канцеляріи, воеводской, комендантской или провинціальной вышла та или другая бумага. Почеркъ Михельсона приучилъ насъ видѣсь въ бумагѣ извѣстіе о побѣдѣ, почеркъ Цыплетева говорить о его неутомимой дѣятельности. Все это цѣлкомъ переносить васъ въ ту эпоху, и вы сами чувствуете эту лихорадочную дрожь, какую должны были испытывать люди, писавшіе въ то время, когда изъ оконъ канцеляріи видно было кругомъ зарево пожаровъ, дымъ отъ двигающихся и бѣгущихъ массъ. Тутъ и смертныя приговоры, и расчеты о томъ, сколько употреблено денегъ на покупку веревокъ для связыванія рукъ плѣнныхъ пугачевцевъ, и отчетности въ израсходованныхъ пуляхъ и порохѣ во время стычекъ съ шайками самозванца.

Тутъ и подлинныя показанія преступниковъ, показанія, исполненныя драматическаго лаконизма, перечерченныя и исправленныя подъ диктовку самихъ преступниковъ, сообщниковъ самозванца. Тутъ и ихъ подписи, ихъ почеркъ. Есть бумаги, писанныя на измѣтомъ клочкѣ, спѣшно, тихонько, гдѣ-нибудь въ углу или за кустомъ, какъ, напримѣръ, извѣстіе донскихъ старшинъ объ

измѣнѣ казаковъ, извѣстіе, писанное въ торопяхъ, въ ужасѣ, тайкомъ отъ казаковъ, которые могли заставить старшинъ записаньемъ и погубить ихъ всѣхъ.

Вотъ чѣмъ дороги матеріалы, которыми мы располагаемъ. Это — живые свидѣтели прошлаго, которые пережили и то страшное время, и тѣхъ страшныхъ людей, и тѣхъ главныхъ дѣятелей, которыхъ не должна забывать исторія. Какая-нибудь бумага, писанная на походѣ, въ палаткѣ, подъ открытымъ небомъ, говорить больше, чѣмъ цѣлые трактаты о томъ времени.

Но обратимся къ самымъ событіямъ.

18-го сентября 1773 года, Пугачевъ, съ тремястами человекъ лицинхъ казаковъ и киргизовъ, въ первый разъ показался подъ стѣнами Яндкаго городка. Это былъ первый день, въ который его бѣлое, съ раскольниковымъ крестомъ знамя выставлено было, какъ знакъ притязанія самозванца на русскій престолъ.

20-го сентября самозванецъ взялъ Илецкій городокъ, повѣсилъ атамана и, пропировавъ тамъ три дня, пошелъ дальше.

24-го сентября онъ взялъ уже Разсыпную крѣпость, повѣсилъ коменданта, майора Веловскаго, нѣсколько офицеровъ и священника, и пошелъ дальше.

27-го сентября онъ уже бралъ Нижне-Озерную крѣпость. Крѣпость была взята. Комендантъ, майоръ Харловъ, раненный въ глазъ копьемъ такъ, что глазъ висѣлъ на щекѣ, былъ повѣшенъ. Съ нимъ были повѣшены офицеры Фигнеръ и Кабалеровъ, писарь и татаринъ Биббай. Вскочивъ на лѣстницу, приставленную къ висѣлицѣ, магометанинъ Биббай перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю.

27-го же сентября Пугачевъ взялъ Татищеву крѣпость. Защитниковъ крѣпости казнилъ жестокою казнью: съ толстаго коменданта Елагина содралъ кожу и саломъ его бунтовщики мазали свои раны; Вилкову отрубили голову; вдову Веловскаго, повѣшеннаго за три дня передъ этимъ въ Разсыпной крѣпости, удавили. Хорошенькую дочь Елагина, бывшую замужемъ за Харловымъ, котораго наканунѣ повѣсили въ Озерной крѣпости, самозванецъ взялъ къ себѣ въ наложницы. Всѣхъ офицеровъ повѣсилъ. Солдаты и башкирцевъ разстрѣлялъ картечью.

У самозванца было уже болѣе 3,000 войска и сильная артиллерія.

29-го сентября онъ взялъ Чернорѣчинскую крѣпость. Коменданта, капитана Нечаева, повѣсилъ. Повѣсилъ и другаго офицера, который хотѣлъ бѣжать.

— Отъ великаго государя бѣгать не зачѣмъ, замѣтилъ онъ, вѣшая несчастнаго.

1-го октября онъ взялъ Сакмарскій городокъ.

5-го октября онъ уже расположился съ своими войсками подъ Оренбургомъ. Предмѣстье было взято. На паперта церква поставлена была батарея.

8-го октября ограбленъ былъ Мѣнковой дворъ.

12-го октября Пугачевъ разбилъ высланныя противъ него изъ Оренбурга войска. Силы его росли съ каждымъ днемъ: къ нему стекались со всѣхъ сторонъ бунтующіе крестьяне, татары, калмыки, башкиры, солдаты и казаки. Къ декабрю армія его уже состояла изъ 120,000 человекъ, при ста орудіяхъ, четырехъ гаубицахъ и множествѣ военныхъ снарядовъ.

Что же въ это время дѣлалось въ остальной Россіи и преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда могли рано или поздно нахлынуть эти страшныя силы?

Вотъ что отвѣчаютъ намъ на этотъ предметъ документы того времени, еще неизвѣстные исторіи. По самой сущности возникшихъ событій все вниманіе администраціи надо было сосредоточить на нѣкоторыхъ пунктахъ, наиболѣе опасныхъ, въ случаѣ успѣховъ самозванца. О томъ, что онъ можетъ дойти до такой дерзости, чтобы направить свои толпы на столицы, въ то время и думали и не думали. По крайней-мѣрѣ въ первое время никто не думалъ, чтобы начавшееся обыкновеннымъ образомъ дѣло приняло такіе страшныя размѣры. Послѣ, конечно, когда Пугачевъ доказалъ, на что можетъ подвинуть избытокъ силъ, которыя онъ въ себѣ разомъ почувствовалъ, стали уже бояться за дѣлность обѣихъ столицъ, западала уже въ иные головы и такого рода боязнь — уцѣлѣть ли Россія, устоятъ ли государство, которому тысячелѣтнее существованіе выработало извѣстный общественный строй, извѣстную форму, извѣстные законы; западала въ иные головы и другая мысль — не замѣнитса ли государство Екатерины II, Петра I, царей Алексѣя Михайловича, Ивана Грознаго и др., державою казацко-вѣчеваго строя, державою съ демократическо-охловратическимъ характеромъ. Все это передумалось, когда самозванецъ сталъ властвовать въ половинѣ Россіи, чеканить свою монету, лить пушки на государственныхъ заводахъ; но въ началѣ, когда на самозванца смотрѣли, какъ на страшнаго разбойника, ставшаго въ головѣ движенія яццкихъ казаковъ и бунтующихъ крестьянъ, башкировъ, калмыковъ и татаръ, опасались только за тѣ пункты, въ которыхъ самозванецъ могъ прійти въ соприкосновеніе съ силами, ему болѣе или менѣе родственными, и съ элементами, тождественными съ тѣми, изъ коихъ состояла его нестройная толпа. Надо было подумать о пунктахъ соприкосновенія съ Дономъ. Пункты эти — военная царичинская линія, проведенная между Волгою и Дономъ, импе-

во тамъ, гдѣ Волга близко подходитъ въ Дону, на томъ перешейкѣ, который служилъ соединеніемъ средняго повожья съ степями, лежащими между нижнею Волгою и Дономъ и, въ то время, служившими притономъ для кочевавшихъ на югѣ Россіи полудикихъ народовъ. Главная защита въ этихъ мѣстностяхъ сосредоточивалась въ Царицынѣ, крѣпостью котораго начальствовалъ полковникъ Цыплетевъ. Надо было подумать о томъ, чью сторону приметъ Донъ, въ случаѣ, еслибы самозванецъ, хотя бы и пораженный на сѣверѣ, вздумалъ пробраться на югъ — на Кубань ли, какъ онъ обѣщалъ это раскольникамъ на Иргизахъ и яцкиимъ казакамъ, подговаривая ихъ идти на рѣку Лабу — на Донъ ли, чтобы увлечь донцовъ, подобно яцкиимъ казакамъ, вслѣдъ за своимъ знаменемъ. Во всякомъ случаѣ, надо было помѣшать ему пробраться на югъ; а единственный путь туда лежалъ черезъ царицынскую линію и собственно мимо Царицына.

Царицынъ вообще игралъ важную роль въ исторіи самозванцевъ прошлаго вѣка. Съ Царицынымъ связаны кратковременныя походы предшественниковъ Пугачева, самозванца Богомолова и его лжеанцлера Долотина. Въ Царицынѣ онъ сохранился подъ карауломъ; въ Царицынѣ вспыхнуло возмущеніе во имя этого лжеимператора, возмущеніе, дорого стоившее царицынскому коменданту Цыплетеву, который былъ раненъ въ свалкѣ, завязавшейся между преемженцами самозванца и мѣстной воинской командой ¹. Въ Царицынѣ же былъ и преемникъ Пугачева, самозванецъ Ханинъ, о которомъ, какъ и о Богомоловѣ, мы говорили особо, когда нашли документы, свидѣтельствовавшіе объ этихъ двухъ самозванцахъ, неизвѣстныхъ исторіи ². Царицынъ же, наконецъ, былъ тѣмъ роковымъ мѣстомъ, гдѣ померкла счастливая звѣзда Пугачева.

На эту-то мѣстность мы и перенесемъ наше вниманіе.

Первыя вѣсти о Пугачевѣ дошли до Царицына 25-го октября, то-есть въ то время, когда Пугачевъ взялъ уже около десяти городовъ и крѣпостей. Вѣсти эти дошли до Царицына отъ казанскаго губернатора фонъ-Брандта. Для того, чтобы достигнуть до Царицына, вѣсти эти должны были странствовать изъ города въ городъ, изъ канцеляріи въ канцелярію, пока, наконецъ, посланный изъ Дмитріевска (нынѣшній Камышинъ) конный казакъ Колпаковъ, какъ нарочный, не вручилъ Цыплетеву отъ дмитріевскаго коменданта полковника Каспера Мелгина ³ многознамена-

¹ Самозванецъ Богомоловъ («Парусь», 1859 г. № 1).

² Самозванецъ Ханинъ («Русскій Вѣстникъ» 1860 г. кн. 6).

³ Этотъ Касперъ Мелгинъ былъ казненъ Пугачевымъ при взятіи имъ Камышина, о чемъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

тельный пакетъ, на которомъ написано было: *по секрету*. Въ Дмитріевскъ попали эти тревожныя извѣстія изъ Саратова, въ Саратовъ изъ Петровска, въ Петровскъ изъ пензенской провинціальной канцеляріи, въ пензенскую провинціальную канцелярію изъ сызранской воеводской, туда изъ симбирской провинціальной, въ Симбирскъ изъ Казани и т. д. На все это было нужно время, потому что пакеты посылались съ нарочными: отъ Пензы до Царицына, такимъ образомъ, первое извѣстіе о Пугачевѣ шло пятнадцать дней. Извѣстіе это было самого неопредѣленнаго свойства. Въ немъ говорилось только, что отъ оренбургскаго губернатора фонъ-Рейнсдорпа сообщено въ Казань «о взятѣ осторожности отъ собравшейся изъ янцкихъ казаковъ злодѣйской толпы»; вслѣдъ за тѣмъ отъ него сообщалось, что «опасность отъ сихъ злодѣевъ не умалется, а прибавляется даже до того, что около Оренбурга взяли уже четыре крѣпости, и, въ самой близости къ Оренбургу находясь, вдутъ на оной съ немалою артиллеріею и многими силами, и что посланныя отъ господина оренбургскаго губернатора команды, сдѣлались неисполнителями его предписанія». Тутъ же объяснялась и причина бунта — явленіе Пугачева. Для Цыплетева, усмиравшаго самозванца Богомолова, подобное явленіе было уже не новостью, хотя онъ по опыту зналъ, что съ самозванцами шутить небезопасно.

Вотъ чтó узнали изъ привезеннаго казакомъ Колпаковимъ секретнаго пакета: «Матерія всего возмущенія состоитъ въ томъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ называлъ себя ложно бывшимъ Третьимъ Петромъ императоромъ и тѣмъ сдѣлался начальникомъ показанной злодѣйской толпы, и намѣревается идти по помѣщичьимъ жителямъ, преклоняя крестьянъ въ свою волю обнадеживаніемъ дать волю».

Въ такомъ-то неопредѣленномъ образѣ дошла до Царицына вѣсть о той личности, которая была какимъ-то роковымъ явленіемъ для Россіи и которая такъ дорого обошлась для нея. Но изъ всего того, чтó сообщалось о принятыхъ вездѣ предосторожностяхъ противъ явленія, котораго грозный образъ еще не успѣлъ вполне обрисоваться, нельзя было не видѣть, что привралъ и при самомъ появленіи своемъ побазался слишкомъ страшнымъ, слишкомъ злодѣйскимъ, чтобы не бояться его. По всему позволѣю принимались мѣры, конечно, жалкія, сообразныя со средствами, какими располагала страна; но видно было, что на карту ставилось все, чтó находилось въ рукахъ мѣстной администраціи. Всѣ мѣстныя войска были поставлены подъ ружье. Но этихъ мѣстныхъ войскъ генераль-майоръ Миллеръ, «главный надъ поселенными изъ отставныхъ командиръ», едва

могъ набрать до 500 человекъ, и надо замѣтить, что такіа ничтожныя оборонительныя силы должны были расположиться въ самыхъ важныхъ пунктахъ, черезъ которые должны были пройти бунтовщики, въ случаѣ еслибы ихъ принудили отступить отъ Оренбурга къ поволжью. Пункты эти — рѣка Черемшанъ и собственно городъ Ставрополь и Кочунскій фельдшанцъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ поволжью, нашлись еще болѣе жалкія средства, это — гарнизонныя команды, которыхъ въ нѣмъ городѣ насчитывалось не болѣе десяти-двадцати человекъ, да и то были такіе жалкіе, съ такими жалкими командирами, что генералъ Бибиковъ имѣлъ полное право третировать ихъ названіемъ «негодницы», или называлъ ихъ «скардами и срамцами», которые сидятъ по своимъ мѣстамъ, «какъ турки», никуда носа не смѣютъ показать, и «только что рапорты страшные присылають»*. Всѣмъ этимъ защитникамъ страны предписывалось, чтобы они «имѣли непрестаннымъ окомъ наблюденіе и развѣдываніе впереди своихъ городовъ и уѣздовъ отъ оренбургской и ашской сторонъ, а особливо по тому тракту, по которому помянутымъ злодѣямъ можно будетъ пробираться на Донъ, чрезъ нарочныхъ, къ тому поставленныхъ, для чего въ пристойныхъ мѣстахъ я мааки учинить надлежитъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ вѣнялось въ обязанность «всѣми силами дѣлать злодѣямъ супротивленіе и отъ ихъ злодѣйствъ должную оборону, равно же и о разбитіи и о совершенномъ ихъ истребленіи старатся всевозможно». Но что могли сдѣлать эти жалкіе защитники, когда, какъ мы видѣли, силы Пугачева постоянно, съ каждымъ днемъ возрастали отъ 300 до 3,000, потомъ до 10,000 и до 100,000 человекъ? Объ этихъ странныхъ силахъ не знали защитники, а только догадывались, и потому заблаговременно приняты были мѣры, чтобы казенныя суммы свезены были, по возможности, въ безопасныя мѣста. А гдѣ было найти эти безопасныя мѣста? Симбирскъ считался безопаснѣе въ сравненіи съ Сызранью, Саратовъ въ сравненіи съ Петровскомъ, Царицынъ въ сравненіи съ Дубовкою. Но мы впоследствии увидимъ, на сколько безопасными оказались эти мѣста.

Изъ полученнаго такимъ образомъ въ Царицынѣ перваго извѣстія о Пугачевѣ, не могли не замѣтить, что казанскимъ губернаторомъ и всѣми властями приволжскихъ городовъ овладѣло сильное безпокойство. Въ этомъ безпокойствѣ сдѣланы были такіа распоряженія:

- 1) «Всего паче имѣть осторожность при рѣкѣ Волгѣ, чтобы

* Письма Бибикова помѣщены у Пушкина.

показанных злодѣевъ не переуступить чрезъ оную и тутъ имъ сдѣлать сильное препятствіе.

2) «Наблюдать осторожно иргизскія селенія, чтобъ предъоказанные злодѣи не расположили и не усилили свои тамъ дистанціи.

3) «Всѣхъ помѣщиковъ собрать и сдѣлать съ ними совѣтъ, чтобъ они сами и людей своихъ, кто сколько можетъ вооружа, въ потребномъ случаѣ, какъ имъ будетъ повѣщено для защищенія себя и все общество, къ настоящему дѣлу были готовы.

4) «Какъ скоро появятся предъоказанныхъ злодѣевъ толпы, такъ и расположиться симъ вооруженнымъ людямъ по рѣкѣ Волгѣ въ пристойныхъ мѣстахъ и не только въ сопротивленіи противъ ихъ, но и о настоящемъ ихъ истребленіи стараться всевозможно, не щадя своего живота!»

Но кого могли вооружить помѣщики? «Людей своихъ», на которыхъ имъ указывали, они могли считать такими же союзниками, какъ и самого Пугачева. Наблюденіе за иргизскими селеніями также поручить было некому: вездѣ или казаки, прямые союзники самозванца, или крестьяне, которые уже провѣдали, что таинственная личность, которую называютъ Пугачевымъ и которая называетъ себя царемъ, сулитъ имъ волю со всею прелестью безначальнаго и безпомѣщичьяго распоряженія землею, лугами и дѣсами, пастбищами, рѣками и озерами. Въ распоряженіи мѣстныхъ властей находилось, однимъ словомъ, нѣсколько инвалидныхъ солдатъ, которые и должны были содержать караулы «въ пристойныхъ мѣстахъ». Этимъ-то инвалидамъ вѣдѣно было въ обязанность, «чтобъ они никого, кромѣ прохожихъ и проѣзжихъ изъ жительства въ жительства людей, а паче всего въ казачьемъ платьѣ подъ видомъ казаковъ отнюдь не пропускали, а ловили бѣ оныхъ». Но кого могли поймать дряхле инвалиды, которые за то только и держались на службѣ, что могли сидѣть въ переднихъ воеводскихъ канцеляріяхъ и принимать и развозить пакеты, да иногда ѣздить за водой и сѣномъ для своихъ начальниковъ. А между тѣмъ, они должны были «всачески стараться намѣренный ими злодѣями трактъ пресѣкать и ко искорененію ихъ всевозможные свои способы употреблять».

Въ ближайшемъ къ Царицыну городѣ, въ Дмитріевскѣ, приняты были слѣдующія мѣры: «для опасенія отъ таковыхъ злодѣевъ, какъ городъ Дмитріевскъ состоитъ, за маломѣніемъ воинской команды въ опасности, къ защищенію со всѣхъ сторонъ нарядить изъ дмитріевскихъ обывателей съ оружіемъ: отъ купечества 60, отъ бобылей 120, отъ малороссіянъ 30, а всего

210 человекъ, коиъ и велѣтъ при опредѣленныхъ для караула мѣстахъ всегда быть безотлучнымъ, и прочимъ всѣмъ жителямъ егда провѣдано будетъ, то всѣмъ со оружіемъ собраться въ городъ и обще съ воинскою командою отпоръ чинить. Сверхъ же сего, находящемуся за Волгою въ дмитріевской малороссійской Николаевской слободѣ, дмитріевской командированной роты, порутчику Волкову дать ордеръ, дабы и онъ для принятія таковой же предосторожности всѣмъ жительствоющимъ во означенной Николаевской слободѣ малороссіянамъ и другаго званія людямъ подтвердилъ накрѣпко, и потому онъ бы учредилъ, гдѣ надлежитъ, пристойные караулы и излишние вѣзды въ слободу заперъ, а поставилъ бы отъ степи, отъ верхней и нижней стороны, тожъ отъ Волги, достаточные караулы, при коиъ самому во всегдшнемъ наблюденіи безотлучно быть».

Вотъ все, что 25-го октября царицынскія власти узнали изъ полученнаго ими пакета о Пугачевѣ и принятыхъ противъ него предосторожностяхъ. Всѣ распоряженія клонились къ тому, чтобы не допустить самозванца перебраться на южную сторону Волги и соединиться съ донскими казаками, на которыхъ, какъ видно, не большую возлагали надежду, какъ и на яицкихъ. Къ этому взгляду на вѣрноподданнческія чувства донскаго войска подало поводъ, во первыхъ, то, что Пугачевъ самъ былъ служилый донской казакъ; во вторыхъ, имѣна яицкаго войска; въ третьихъ, бывшій уже подобнаго рода примѣръ, что донскіе казаки подъ предводительствомъ Некрасова вышли изъ подданства Россіи и перешли на сторону турокъ, и въ четвертыхъ то, что казаки вообще отличались непокойнымъ характеромъ и склонностью къ бунтамъ. Изъ донскихъ казаковъ былъ не только Игнатій Некрасовъ, но и Стенька Разинъ, а равно и большая часть его соумышленниковъ происходили изъ донскихъ казаковъ. Неудивительно, что съ перваго раза правительство взглянуло на все это движеніе, какъ на казацкое своеволие, которое могло принять широкіе размѣры, лишь сообразно той степени участія, какое донскіе казаки могли принять въ яицкомъ бунтѣ. Но къ этому примѣшивалось и другаго рода опасеніе: съ движеніемъ казацкихъ элементовъ связывалось упоминаніе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. А это уже были такія двѣ силы, совокупное дѣйствіе которыхъ могло разстроить на долго весь государственный организмъ Россіи. Казацкій бунтъ былъ самъ по себѣ страшенъ, но въ соединеніи съ бунтомъ крестьянскимъ онъ становился такимъ призракомъ, который заставлялъ трепетать все, что только стояло за выработавшійся въ Россіи государственный порядокъ. Притомъ же это былъ не

простой бунтъ: въ головѣ взволнованнаго казачества стояла личность, которая называла себя императоромъ. Россія уже испытала, что такое самозванцы: еще въ началѣ XVII вѣка она пережила такую смутную эпоху мнимыхъ царей, что мнимый царь, да еще въ головѣ казацкаго движенія, не могъ не смутить правительство. Но при всемъ томъ, въ самомъ началѣ появленія Пугачева, опасность не представлялась такою страшною, какою она оказалась впоследствии. Оттого всѣ опасенія правительства и мѣстныхъ властей сосредоточивались главнымъ образомъ на томъ, чтобы бунтовщики не вошли въ соприкосновеніе съ родственными имъ элементами въ государствѣ. Однимъ словомъ, на первое время надо было подумать о томъ, чтобы Пугачевъ не вышелъ изъ той мѣстности, гдѣ онъ появился и гдѣ надѣялись его уничтожить.

II.

Три дня потомъ въ Царицынѣ ничего не знали о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла самозванца. Царицынскія власти могли предполагать, что дѣло успѣла прекратить въ самомъ началѣ. Но 28 октября получены вдругъ новыя, нерадостныя вѣсти. Вѣсти эти пришли въ Царицынъ уже не съ сѣвера, не съ мѣста дѣйствій Пугачева, а съ самаго крайняго военнаго пункта на югѣ Россіи. Воронежскій губернаторъ, генераль-поручикъ Шетневъ, получивъ отъ казанскаго губернатора извѣстіе о первыхъ дѣйствіяхъ Пугачева и понимая всю опасность, какая могла угрожать Россіи въ случаѣ успѣховъ самозванца, извѣщалъ объ этомъ оберъ-коменданта крѣпости святаго Дмитрія (Ростовъ на Дону), генераль-майора Потапова. Крѣпость св. Дмитрія также считалась важнымъ стратегическимъ пунктомъ въ тогдашней Россіи: крѣпость эта была у рубежа нашихъ владѣній на югѣ и была ближайшимъ отъ Турціи укрѣпленіемъ. Съ Турціею въ то время Россія вела упорную войну, и потому надо было обезопасить наши владѣнія съ юга. Еслибы Донъ принялъ сторону самозванца, то у насъ оставалась еще крѣпость Св. Дмитрія, въ самомъ крайнемъ углу владѣній войска Донскаго.

Шетневъ извѣщалъ Потапова, что, по извѣстіямъ отъ фонъ-Брандта и фонъ-Рейнсдорпа, «въ жилищахъ ипцикихъ казаковъ бѣглый изъ Казани донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, назвавъ себя ложно Третьимъ Петромъ, бывшимъ императоромъ, и тѣмъ ложнымъ злодѣйскимъ возмущеніемъ единомышленныхъ себѣ собралъ изъ тѣхъ казаковъ великую толпу, чрезъ которую около Оренбурга и нѣкоторыя крѣпости, атаковавъ, уже взялъ, и набравъ не

малую артиллерію, идти на Оренбургъ, а далѣе, какъ слышно, намѣреніе его есть идти на казанскую губернію помѣщичьими жителями и крестьянъ склонить на свою сторону обольщеніемъ дачею имъ воли». вмѣстѣ съ тѣмъ Шетневъ сообщалъ дальнѣйшія свѣдѣнія по этому дѣлу. Онъ писалъ, что «помянутый злодѣй имѣлся въ Казани въ содержаніи подъ карауломъ, по присылкѣ изъ сибирской провинціальной канцеляріи, а во оную отъ малыковскихъ * дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ, по доносу на него вѣдомства Малыковской волости, Мечетной слободы, крестьянина Семена Филипова въ говореніи ему, Филипову, самимъ имъ, Пугачевымъ (ѣхавъ изъ яицкаго городка), такихъ словъ, что будто онъ, Пугачевъ, въ бытность его въ томъ городѣ, подговаривалъ всѣхъ яицкаго войска казаковъ, чтобъ онѣ и съ семействы ихъ, взявъ отъ него жалованья на каждаго казака по двадцати рублей, изъ Россіи бѣжали въ турецкую область, на рѣку Лабу, объявляя, яко бы у него на границѣ оставлено до двухъ сотъ тысячъ рублей денегъ да на семьдесятъ тысячъ рублей товару, изъ которыхъ-де онъ то яицкое войско и коштовать обѣщался». Сообщалось также, что противъ этого оговора Пугачевъ на допросѣ показывалъ, что «всѣ сіи слова, будучи на Яикѣ, казаку Денису Пьянову, у котораго онъ квартиру имѣлъ, говорилъ смѣючись, пьяной, а умыслу къ измѣнѣ никакого не имѣлъ и ни отъ кого къ тому подговариваемъ не былъ». Когда казанскій губернаторъ представилъ обо всемъ этомъ въ сенатъ и ждалъ разрѣшенія своихъ сомнѣній, Пугачевъ бѣжалъ изъ-подъ караула. Дальнѣйшія обстоятельства и результатъ его побѣга извѣстны всѣмъ, какъ изъ Пушкина, такъ и изъ напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ москов. общества» подлинныхъ допросовъ Пугачеву.

Извѣщая обо всемъ этомъ Потапова, фонъ-Брандтъ прибавлялъ, что «не столько онъ ожидаетъ злодѣйскаго его приходу къ Казанѣ, сколько думаетъ, не будетъ ли онъ черезъ сибирскую и пензенскую провинціи, а потомъ и черезъ уѣзды воронежской губерніи пробираться на Донъ», а потому и требовалъ, «для всякаго непредвидимаго случая, какъ къ оборонѣ отъ разграбленія жителей вѣрноподданной Шетневу губерніи, такъ и ко искорененію помянутаго злодѣя съ его толпою взять надлежащую осторожность». Потаповъ съ своей стороны писалъ объ этомъ Цыплетеву, воображая, что Пугачева очень легко поймать («учинить поискъ и поимку онаго злодѣя чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше»). Повидному никто не догадывался, что въ злодѣѣ, котораго такъ легко думали поймать, кроется страшная

* Городъ Вольскъ, до образованія нынѣшней Саратовской губерніи, назывался Малыковомъ. Это было дворцовое село.

сила. Всѣ говорили о поимѣ, о «разрушеніи партій», точно рѣчь шла о какомъ нибудь атаманѣ понизовой вольницы. Оберъ-комендантъ предписывалъ простому коменданту взять предосторожность не только «отъ входу» злодѣя въ земли, подвѣдомственныя Цыплетеву, но и донскія станицы, чинить о немъ «прилежныя развѣдыванія» и «обрата всѣ силы и возможности, стараться его и съ сообщниками поймать и захватить». Потаповъ рекомендовалъ Цыплетеву брать для себя вспомошествованіе отъ всѣхъ мѣстъ и начальниковъ; въ случаѣ же крайней опасности—обращаться за поддержаніемъ къ самому Потапову и къ «деташементному командиру» полковнику Бринку, который командовалъ регулярными войсками на Дону.

Все это, надо замѣтить, сообщалось подъ строжайшимъ секретомъ какъ государственная тайна, о которой должны были вѣдать только люди, посвященные въ нее и несшіе на себѣ отвѣтственность за все, что могло произойти. Тайна пряталась по канцеляріямъ, и губернаторы, коменданты и воеводы находились въ полной увѣренности, что тайна, довѣренная одной только бумагѣ, не перейдетъ на базары и торжки. Между тѣмъ она уже ходила изъ села въ село, и шла она по селамъ, деревнямъ и городамъ скороѣ, чѣмъ свакали нарочные на заморенныхъ лошадяхъ съ секретными пакетами, передававшими эту государственную тайну отъ коменданта къ комендату. Когда нарочные являлись въ городъ, тамъ уже народъ перешептывался о «явленномъ дарѣ», а въ кабакахъ уже секретничали мужики о томъ, что скоро будетъ «воля», что отменяются рекрутскіе наборы, что подати и подушныя сбавятся, что понизится пошлина на соль, а, можетъ быть, и безденежно будутъ раздавать народу хлѣбъ и соль и всѣ царскія милости.

Едва только въ Царицынѣ успѣли распечатать два секретные пакета, одинъ отъ дмитріевскаго коменданта полковника Каспера Меллина, привезенный нарочнымъ Колпаковымъ, другой отъ оберъ-коменданта вѣрности св. Дмитрія на Дону, какъ на базарѣ уже взята была личность, которая съ увѣренностью говорила, что «проявился государь Петръ Ѳеодоровичъ, и въ скорости къ Царицыну прибудетъ». Къ удивленію, это была женщина, которая уже не первый разъ замѣчена была въ болтливости о предметахъ политическаго свойства и уже пострадала за свою любовь къ политикѣ. Однимъ словомъ, на базарѣ арестована была солдатская жена Авдотья Васильева, которая обвинялась въ «непристойныхъ» толкованіяхъ «о проявившемся яко бы государѣ». Это была та самая Авдотья Яковлевна Васильева, жена заправа Васильева, которая пострадала за свое пристрастіе къ

политикѣ во время бывшаго въ Царицынѣ, въ 1772 году, бунта, произведеннаго именемъ самозванца Богомолова. Авдотья Васильева, какъ можно видѣть изъ нашей статьи о Богомоловѣ, обвинялась тогда въ томъ, что «непристойные плодила разговоры» о самозванцѣ. Съ прочими наказанными тогда по дѣлу о Богомоловѣ подверглась и Авдотья оригинальной казни. Она подлежала «жесточкому кнутомъ наказанію» за свои сплетни о политикѣ; но, какъ сказано въ сентенціи суда, «уважая ея императорскаго величества высочайшее ко всѣмъ матернее милосердіе, отъ того избавя, а во унятіе и въ подлежащій всѣмъ страхъ, дабы перестали непристойные плодить разговоры и со всѣмъ предали оное вкоренившееся зло забвенію», велѣно было: «учинить ей (Авдотѣ Васильевой) публичное, съ барабаннымъ боемъ, жестокое плетымъ наказаніе, и сверхъ того, подрѣзавъ платье, яко нетерпимую въ обществѣ, чрезъ профосовъ выгнать за-городъ метлами» *. Эта-то охотница до политики, Авдотья Васильева, попалась и теперь.

Авдотью Васильеву обвиняли въ томъ, что она, будучи на базарѣ, проговаривала:

— Въ прошедшемъ году наказана я плетымъ неправедно, и въ томъ отвѣтъ будутъ держать за меня предъ Богомъ и государемъ.

На это одинъ пахотный солдатъ замѣтилъ ей:

— Тебя судили за твою провинность — за бездѣльство.

— Не за бездѣльство, а по опасности.

— Опасности отъ тебя никакой не видать, замѣтилъ ей солдатъ, потому какъ ты женщина, и непристойныхъ рѣчей тебѣ бѣ не говорить.

На это Васильева возразила:

— О государѣ говорили всѣ, а не я одна.

Потомъ прибавила:

— Истязали жъ меня срамнымъ образомъ за говореніе яко-бы непристойныхъ рѣчей про государя: а нынѣ государь вторично идетъ къ Царицну съ войскомъ.

— Должно ты говоришь, яко бы это государь: проявился не государь, а бѣглый аяцкой казакъ Емельянъ Пугачевъ.

Васильева стояла на своемъ.

— Не повѣрю я тѣмъ словамъ: и тогда тако-жъ говоришь, что-де онъ не государь, и за то ему наказаніе учинено, и что онъ-де сосланъ въ Сибирь — и то неправда.

— Подлинно сосланъ.

* Самозванецъ Богомоловъ («Парусь», № 1).

На этомъ разговорѣ ихъ взяли и посадили подъ караулъ.

— Уличаютъ тебя въ говореньи пустыхъ рѣчей, яко бы говорила ты, что проявился государь Петръ Ѳеодоровичъ... Говорила-ль? спрашивалъ ее караульный офицеръ.

— Говорила, отвѣчала та.

— А то ты говорила съ глупости?

— Не съ глупости, а отъ истинной правды.

— За ту ли правду тебя съчено публично? спросилъ офицеръ.

— Съчено, отвѣчала та: потерпѣла жъ я то истязаніе безвинно.

— Врешь ты, дура баба! закричалъ на нее офицеръ: вина твоя была большая.

— Вину мою самъ государь разбереть, а васъ я не слушаю.

За таковыя продерзостныя рѣчи офицеръ ударилъ ее по лицу и велѣлъ замолчать.

Что было потомъ съ этой женщиной, мы не нашли въ имѣющихся у насъ дѣлахъ; но, безъ сомнѣнія, во второй разъ она уже не избавилась отъ вкута, если не умерла гдѣ-нибудь въ сиромъ арестантскомъ подвалѣ, куда въ то время нерѣдко сажали преступниковъ.

Это было въ концѣ октября. Государственная тайна была, такимъ образомъ, уже не тайною: объ ней говорили на базарахъ, и хотя за говоренье о Пугачевѣ брали подъ арестъ, однако молва о немъ не умолкала. Народное нетерпѣніе и ожиданіе воли предупреждало всѣ распоряженія правительства.

29-го октября въ Царицынѣ полученъ былъ наконецъ указъ военной коллегіи, подписанный графомъ Захаромъ Чернышевымъ. Видно было, что и Петербургъ взглянулъ съ безпокойствомъ на появленіе самозванца, и военная коллегія, подобно мѣстнымъ поволжскимъ начальникамъ, обратила вниманіе на Царицынъ, какъ на таковой пунктъ, мимо котораго самозванецъ не могъ пройти, еслибы дѣйствительно имѣлъ намѣреніе провезти въ Турцію яичное войско и всѣхъ применившихъ къ его знамени. Въ указѣ говорилось о Пугачевѣ, какъ о самой свѣжей новости. Да и неудивительно: вѣсть о самозванцѣ зашла въ Петербургъ только 14-го октября, когда Пугачевъ осаждалъ уже Оренбургъ, а въ тылу своей нестройной толпы имѣлъ уже до десяти взятыхъ крѣпостей, городовъ и форпостовъ. «Вчерашняго числа — говорилось въ указѣ * — получены здѣсь рапорты отъ казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ, что содержа-

* Этого указа нѣтъ ни у Пушкина, ни у Щербальскаго, ни въ другихъ доселѣ изданныхъ документахъ о Пугачевщинѣ.

нѣйся въ Казани и бѣжавшій оттуда изъ-подъ караула раскольникъ донской казаки Емельянъ Пугачевъ, появивъ въ жилищахъ яицкихъ казаковъ и дерзнувъ наименовать себя императоромъ Петромъ третьимъ, обольстилъ немалое число простаго тамошняго народа всякими лжевымышленными обѣщаніями, и собравъ толпу оного, сдѣлалъ (какъ пишутъ) не только возмущеніе, но причиняетъ смертныя убійства и раззореніе селеній».

Правительство, какъ видно, взглянуло въ первый разъ на Пугачева, какъ на раскольника. Хотя самъ онъ и не сознавался въ принадлежности къ старой вѣрѣ, но, какъ увидимъ впослѣдствіи, расколъ и раскольники играли не малую роль, какъ въ самомъ бунтѣ, такъ и въ характерѣ самихъ дѣйствій самозванца. Вообще, значеніе раскольниковъ въ пугачевскомъ движеніи до сихъ поръ не уяснено и не опредѣлена степень и дѣйствительность старообрядческаго вліянія на созданіе самаго плана, который положенъ въ основу пугачевщины.

Но вообще о степени вліянія раскольниковъ на пугачевскую смуту мы скажемъ въ свое время.

«И хотя — говорилось далѣе въ указѣ военной коллегіи — сверхъ возможнѣйше-принятыхъ обѣими тѣми господами губернаторами мѣръ, къ пресѣченію злодѣйскихъ замысловъ оного раскольника Пугачева, посланъ и отсюда по высочайшему имянному ея императорскаго величества указу, генераль-маіоръ Каръ, съ тѣмъ, чтобъ стараться, какъ самого означеннаго злодѣя, такъ и матежническую его шайку переловить; но, какъ на случай злодѣйскаго ево, Пугачева, уклоненія къ переходу чрезъ Волгу, нужны къ отвращенію того и съ вашей стороны учинены бытъ надлежащіа распоряженія, то симъ коллегія и предписываетъ, дабы употребленіемъ, какъ находящейся въ Царицынѣ легкой полевой команды, такъ и возможнѣйшаго числа людей изъ гарнизонныхъ баталіоновъ приняли вы такіа мѣры, и въ верхъ по Волгѣ взяли предосторожности, чтобъ, въ случаѣ приближенія туда речоннаго Пугачева, встрѣта оного вооруженно, какъ ево самого, такъ и злодѣйскую бродячую съ нимъ толпу переловить и переходу его за Волгу всемѣрно воспрепятствовать, въ случаѣ жъ требованія кѣмъ-либо помощи, оную подавать; а о содѣйствованіи вамъ въ томъ и о равномѣрномъ принятіи мѣръ посланъ отъ военной коллегіи указъ и къ астраханскому господину оберъ-коменданту генераль-маіору Левину».

Мы уже говорили, что царицынская вѣрность господствовала надъ всею мѣстностью, которая служила гранью нашихъ владѣній на югъ, и за которою уже начинались степи, находившіяся во владѣніи народовъ, враждебныхъ Россіи и дружественныхъ

съ Турцією, бывшею тогда въ войнѣ съ нами *. Она служила ключемъ къ царичинской военной линіи. Она же служила главнымъ сторожевымъ пунктомъ для наблюденія за движеніями калмыковъ и киргизъ-кайсаковъ, изъ которыхъ послѣдніе часто дѣлали набѣги на русскія владѣнія, перебрались на правый берегъ Волги, угоняли стада, брали въ плѣнъ жителей, и производили вообще не малая опустошенія. Для всего этого нужны были большія силы и крайняя напряженность наблюденія за всѣмъ, что происходитъ въ этой мѣстности. Между тѣмъ, военныя силы, которыми располагала эта крѣпость, были весьма ограниченны. Въ ея распоряженіи находилась легкая полевая команда. Полевныя команды, составомъ своимъ не могли даже сравниться съ нынѣшними губернскими баталіонами. Въ полевой командѣ находилось только 500 человекъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Самая крѣпость располагала значительными военными силами. Кромѣ того, въ Царичинѣ находилось болѣе 900 плѣнныхъ турокъ, — а это была огромная цифра для такого маленькаго города, какъ Царичинъ. Мѣстные власти были, такимъ образомъ, въ довольно щекотливомъ положеніи: опасность грозила со всѣхъ сторонъ; надо было, дѣйствительно, смотрѣть за всѣмъ «недреманнымъ окомъ»; впереди вставали еще болѣе грозныя опасности, — а людей было мало, да и этихъ нужно было употребить на развѣзды и развѣдыванья. Въ случаѣ какой-либо близкой опасности — отъ пугачевцовъ ли, или отъ киргизъ-кайсаковъ — турки могли взбунтоваться, и тогда городъ и крѣпость очутились бы въ безвыходномъ положеніи. Объ этомъ надо было подумать спѣшно, не теряя времени, и царичинскій комендантъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ врага, который могъ придти оттуда, откуда его и ожидать не могли **.

* Здѣшнее мѣсто (писалъ Цыплетевъ въ военную коллегію) и безъ сего (то-есть кромѣ опасности со стороны Пугачева) состоитъ разнымъ частямъ опасности подвержено, вопервыхъ, съ кубанской стороны и отъ разныхъ народовъ, прилежащихъ къ Кубани, слонныхъ Турку, а потомъ отъ переходу изъ-за Яика на внутреннюю къ Волгѣ степь въ великихъ силахъ киргизъ-кайсаковъ, которые переходъ имѣли на стѣ семьдесятъ верстахъ, заставляютъ думать, какъ въ прежнихъ годахъ они касались и до Волги, чиня свои наваденія на российскіхъ людей.

** Цыплетевъ, говоря о внѣшнихъ опасностяхъ, грозившихъ всей мѣстности, прибавлялъ: «да и внутренней здѣшній городъ содержитъ у себя непріятельскихъ людей, то-есть турецкихъ подданныхъ, болѣе девяти сотъ человекъ: въ намѣстіе внѣшняго непріятеля съ которой бы ни было стороны они гораздо опасными кажутся, такъ что занимать будутъ почти у всего гарнизона руки на предостереженіе отъ нихъ. По каковой колеблемости, вида со всѣхъ

Только къ половинѣ декабря, Цыплетевъ могъ сдѣлать слѣдующія распоряженія къ встрѣчѣ врага:

1) Легкой полевой командѣ и одной ротѣ царицынскаго батальона («не обнажая, впрочемъ, крѣпости», какъ выражался Цыплетевъ), а равно царицынскимъ казакамъ быть готовымъ при первомъ востребованіи («къ выступленію быть во всякой ежечасной готовой исправности»).

2) Отъ войсковой канцеляріи донскаго войска потребовалъ пятитысячную команду, чтобъ она была готова по первому его востребованію, и просилъ войсковую канцелярію дать командѣ повелѣніе о подчиненности царицынскому коменданту. Ближайшіе къ Царицынской линіи донскіе казаки, находясь при своихъ домахъ, должны были исполнять приказанія Цыплетева во всякое время. Кроме того, двѣ пятисотныя команды, подъ начальствомъ своихъ полковниковъ, должны были расположиться на Дону. Имъ же ввѣрялась и защита своихъ границъ со стороны Кубани.

3) Въ волжскомъ войскѣ, главнымъ городомъ котораго былъ посадь Дубовка, по луговой сторонѣ Волги, начиная отъ Камышина до Царицына, противъ важдога городка учрежденъ былъ особый форпостъ, съ достаточною командою, а въ Ахтубинскомъ городѣ, или въ Ахтубинскомъ шелковомъ заводѣ, находящемся нѣсколько выше Царицына, устроена была застава. Форпостныя команды должны были дѣлать частыя развѣзды отъ форпоста къ форпосту, и «смотрѣть не только появившихся людей, но и отъ янцкой стороны не обаяжутся ли подвѣзды»: всякаго сомнительнаго челоуѣка должны были останавливать, и объ оказавшемся давать знать по начальству.

4) Подобнымъ же форпостамъ, учрежденнымъ отъ Царицына внизъ по Волгѣ до самаго Чернаго Яра, велѣно было дѣлать подобныя же развѣзды.

5) Царицынской артиллеріи быть въ готовности («ко всякому нечаянному движенію»), на походныхъ лафетахъ, со всѣми снарядами и со всею конскою упряжью.

6) Отъ Астраханской губернской канцеляріи Цыплетевъ требо-

сторонъ угѣсенные обстоятельства, за долгъ стелъ къ пользѣ государственной, по моему предумотренію, при такой малости, силъ которыхъ ни на одно дѣйствіе дестаать, по обширности линіи, не можетъ, сдѣлать нижесказанное распоряженіе». Объ этомъ распоряженіи мы скажемъ ниже.

...«для безопаснаго случая, изъ оныхъ ближнихъ къ линіи донскихъ станицъ нарядилъ дѣста челоуѣвъ, которые, слушая моего повелѣнія, къ тому изготовились; но донское войско, съ своей стороны, также сооружая предосторожность, при двухъ полковникахъ по пяти-сотъ челоуѣвъ, всего тысячу, поставилъ нарочно на Дону, въ станицахъ, оныхъ подъ мое послушаніе проручило, ввѣри мнѣ и охраненіе съ кубанской стороны своихъ границъ».

валъ, чтобы изъ кочующихъ близъ Царицына казмыъ «Дербетева владѣнія» наряжено было до двухъ тысячъ человекъ, но съ тѣмъ, «чтобъ оные не знали матеріи сего нечаяннаго замѣшательства, а единственно, яко бы для нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ», и чтобъ они, не трогаясь изъ своихъ кочевьевъ, были въ полной готовности и ждали приказаній.

7) Всѣ эти войска поручить начальству одного лица, такъ, чтобы, въ случаѣ опасности, они могли быть сосредоточены и выступили въ походъ по первому требованію.

8) «А какъ въ такое нужное время и отъ обывателей была бы помощь», то наряжены въ команду и самые обыватели Царицына и купечество, которые должны были поставить до 300 человекъ; эти наряженные «по мѣстамъ въ крѣпости расписаны», а съ тѣмъ вмѣстѣ должны были имѣть ружья и порохъ.

«И такъ — заключалъ Цыплетевъ свое донесеніе военной коллегіи — по сему учрежденію на всякое время изъ вышесказанныхъ опасностей на здѣшнія границы съ которой стороны ни оказалось бы устремленіе, то старатца буду, какъ сынъ отечества, дѣлать скорое отраженіе, собирая тѣ силы послѣднѣйшимъ образомъ, не трогая ихъ до случая въ своихъ мѣстахъ, по неизвѣстности, съ которой стороны что послѣдовать можетъ, ибо всякое мѣсто теперь краемъ состоятъ къ неприятелю».

Изъ этихъ распоряженій видно, что Цыплетевъ вполне понималъ всю опасность положенія, въ которое поставлена была Россія бунтомъ яицкихъ казаковъ и появленіемъ Пугачева. Онъ справедливо могъ сказать, что «что теперь всякое мѣсто краемъ состоятъ къ неприятелю». Только высшія правительственныя лица, повидимому, не понимали того, что понималъ простой комендантъ малонзвѣстной крѣпости. Правительственныя лица небрежно относились къ грозному явленію и апатически принимали необходима мѣры.

Но не одна заводская сторона требовала устройства заставъ и форпостовъ. Прилегающая къ Царицыну мѣстность открыта была со всѣхъ сторонъ. Выше Царицына находились земли волжскаго войска; положеніе ихъ военныхъ силъ было не совсѣмъ надежно, да и въ другихъ отношеніяхъ, какъ оказалось впоследствии, онѣ были также ненадежны. Надо было позаботиться объ устройствѣ форпостовъ и на нагорной сторонѣ Волги, и Цыплетевъ устроилъ эти форпосты. Главная застава была на рѣкѣ Пичугѣ. Форпосты находились въ Тошиловомъ буеракѣ, на рѣкѣ Верхней Мечетной при самомъ ея устьѣ у Волги. Офицерамъ и командамъ, поставленнымъ на форпостахъ, даны были особыя инструкціи, въ которыхъ, между прочимъ, велѣно было: «имѣть

денно и ночью часовыхъ и наискрѣпчайше смотрѣть, какъ по сей рѣчкѣ (Пичугѣ), такъ и по прочимъ вблизи лежащимъ жителямъ, чтобъ никакихъ пришлыхъ людей, а особливо безпачпортныхъ и бродягъ не было; а если оные окажутся, таковыхъ, бравъ подъ караулъ, представлять въ комендантскую канцелярію». Затѣмъ въ инструкціи добавлялось: «а какъ вамъ, будучи при оной заставѣ, поступать и какихъ людей присматривать, о томъ при сей дается вамъ печатной экземпляръ^{*}, по коему наскрѣпо подтверждается всякое чинить и непремѣнное исполненіе, а особливо проѣзжающимъ купцамъ, идущимъ обозамъ, крестьянамъ съ запасами или за собственными нуждами никакой остановки не дѣлать, но свободно пропускать всѣхъ порядочныхъ людей».

Принимая всѣ эти мѣры, мѣстные власти не знали, что противъ такого врага, какъ Пугачевъ, всѣхъ подобныхъ мѣръ было слишкомъ недостаточно. Противъ самозванца могли дѣйствовать только войска, правильно организованна и притомъ тысячная армія, а всѣ эти форпосты, всѣ заставы, разѣзды годились только на то, чтобъ ловить бѣглыхъ, чтобъ не пропускать къ Пугачеву тѣхъ охотниковъ, которые пробрались къ нему со всѣхъ концовъ Россіи, особенно когда прошли слухи, что онъ бьетъ правительственныя войска на каждомъ шагу, и что въ арміи его живется весело, вина пьется много, всякаго добра грабится въ волю. Въ его войскахъ, около его палатокъ, пиры шли за пирами, между тѣмъ какъ во всей остальной Россіи, пировали только тѣ, противъ которыхъ мнимый царь велъ свои страшныя толпы.

Но посмотримъ, что дѣлалъ Пугачевъ, когда противъ него за тысячи верстъ принимались такія жалкія мѣры, о какихъ мы сейчасъ сказали.

III.

Мы оставили самозванца подъ Оренбургомъ, когда онъ, сдѣлавъ приступъ къ этому городу, занялъ предмѣстье и потомъ, послѣ пораженія высланныхъ противъ него изъ Оренбурга войскъ, отшелъ на зимнія квартиры въ Берду, намѣреваясь вести правильную осаду города.

— Не стану тратить людей, а выморю городъ моромъ, говорилъ онъ, приказывая убрать пушки съ батарей и отправляя всю артиллерію въ лагерь.

Но передъ выходомъ въ Берду, онъ велѣлъ сдѣлать приступъ

^{*} Это печатный экземпляръ сенатскаго указа отъ 13 декабря 1778 года. Этотъ указъ есть и у Пушкина. Ист. Пуг. бунта, ч. II, стр. 5—9.

къ городу. Канонада была страшная; однако, городъ удѣлѣлъ. Одна пушка встачена была даже на колокольню церкви въ предмѣстїи, и оттуда громилъ городъ.

7-го ноября самозванецъ разбилъ посланнаго противъ него главнокомандующаго войсками генерала Кара. Это былъ страшный ударъ для государства. Довѣріе народа къ правительству было поколеблено въ самомъ основанїи.

14-го ноября былъ разбитъ Чернышевъ. Весь его отрядъ взятъ въ плѣнъ. Въ этотъ же день разбиты были: оренбургскій оберкомандантъ Валенштернъ и маіоръ Варнстедъ.

Къ концу ноября пугачевскіе генералы Чика, Хлопуша, Тарновъ и другіе завладѣли всею окрестною мѣстностью, побрали бѣдшую часть крѣпостей, поставили на ноги все тамошнее населеніе. Они владѣли краемъ, въ полномъ смыслѣ слова.

Правительство начало сознать весь ужасъ своего положенїя. Въ Оренбургѣ уже чувствовали голодъ. Правительство не имѣло надежнаго человѣка, на котораго можно было бы положиться. Только въ декабрѣ выборъ палъ на опальнаго сановника А. И. Библикова.

Въ декабрѣ же рѣшились прибѣгнуть къ мѣрѣ, которая оказалась совершенно бесполезною. Именнымъ указомъ повелѣно публиковать по имперїи, что «тому, кто извѣстнаго злодѣя Пугачева живаго приведетъ, тотчасъ изъ казны выдано будетъ вознагражденіе — тысяча рублей*». Въ этой публикаціи описывались примѣты самозванца: «оной Пугачевъ ростомъ двухъ аршинъ четырехъ вершковъ съ половиною, отъ роду имѣть не съ большимъ сорокъ лѣтъ, примѣтами—волосы на головѣ темнорусые, усъ и борода черные, съ сѣдиною, отъ золотухи на лѣвомъ виску шрамъ, да отъ золотухи жъ, ниже правой и лѣвой титекъ, двѣ ямки».

Эти-то «двѣ ямки ниже правой и лѣвой титекъ» и были тѣ знаменитыя «царскіе знаки», которые играли такую важную роль не только въ исторїи Пугачева, но и въ исторїи другихъ самозванцевъ. Когда Пугачевъ еще никому не отрывалъ о своемъ мнимомъ царственномъ происхожденїи и, послѣ побѣга изъ казанскаго острога, жилъ на уметѣ у Еремкиной Курицы, на Узеньяхъ, онъ разъ былъ съ своимъ хозяиномъ въ банѣ. Замѣтивъ шрамы на груди у самозванца, Еремкина Курица спросилъ:

— Чтò это у тебя на груди?

— Это знаки государевы, отвѣчалъ Пугачевъ.

* Послѣ увидимъ, что, по мѣрѣ возрастанїи могущества самозванца, цѣль на его голову поднималась.

— Что ты говоришь? Какіе государевы?

— Я самъ государь Петръ Ѳедоровичъ, сказалъ на это Пугачевъ изумленному хозяину.

Объ этихъ знакахъ было не мало толковъ между приверженцами самозванца. Когда въ первый разъ пріѣхали на Уметъ янцкіе казаки посмотрѣть «явленнаго царя», одинъ изъ нихъ просилъ самозванца:

— Покажи-тко намъ царскіе знаки, чтобъ было намъ чему вѣрить, и не прогнѣвайся, что я васъ о семъ просилъ.

Пугачевъ, взявъ ножикъ и разрѣзавъ до пупа воротъ у рубашки, показывалъ свои раны.

— Отчего эти знаки? спрашивали его.

Самозванецъ отвѣчалъ:

— Когда въ Петербургѣ противъ меня возмутился, такъ это гвардейцы кололи штывами.

Подобные же знаки были и у предшественника Пугачева, у самозванца Богомолова. Когда онъ сидѣлъ въ Царицынѣ подъ арестомъ, къ нему сходились вѣровавшіе въ его царское происхожденіе и просили его показать имъ «царскіе знаки». Богомоловъ дѣлалъ то же, что и Пугачевъ, и народъ вѣрилъ, что золотушные шрамы на груди — это-то и есть знаки царственнаго происхожденія.

Чего же нельзя было сдѣлать съ подобнымъ народомъ?..

Эти публикаціи пріятъ Пугачева разнесены были по всей Россіи. Самозванецъ пересталъ быть государственною тайною и съ тѣхъ поръ бумаги о немъ уже не подписывались: *по секрету*.

Выше мы говорили, что между прочими мѣрами, принятыми въ Царицынѣ на случай отраженія врага, отъ царицынскаго коменданта было потребовано, чтобъ изъ Дербетевыхъ улусовъ нарядить двѣ тысячи калмыковъ, которые, находясь при своихъ вибиткахъ, могли собраться въ походъ по первому требованію. Но астраханскій губернаторъ призналъ эту мѣру неудобною и предписывалъ «сихъ калмыгъ въ зимнее время, соображаясь съ ихъ житіемъ и обыкновеніемъ, безъ всякой нужды употребленіемъ въ службу не отягощать и тѣмъ напраснаго изнуренія имъ не дѣлать, кромѣ самой необходимой надобности, ибо они во всякое время, а особливо въ зимнее, стоятъ на одномъ мѣстѣ, отлучась отъ домовъ своихъ, ни мало неспособны». Вслѣдствіе этого Кречетниковъ велѣлъ оставить калмыковъ въ покоѣ, но при всемъ томъ разрѣшилъ содержать въ нарядѣ только половинное число, но съ тѣмъ, чтобы они находились въ своихъ улусахъ и кочевали зимнею кочевкою въ ближайшихъ отъ Царицына мѣстахъ, чтобы, въ случаѣ надобности, этими калмыками

можно было воспользоваться не только для отраженія Пугачева, но и для отраженія кубанцевъ.

Послѣдующія обстоятельства доважутъ, что на калмыковъ нечего было рассчитывать: калмыки первые дрогнули, когда завязалась съ Пугачевымъ битва при Пролейкѣ, и при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ разсыпались, оставивъ на жертву донскихъ казаковъ и легкую полевую команду съ ея начальникомъ фонъ-Децемъ, который и поплатился жизнью за трусость калмыцкаго войска.

Какъ бы то ни было, но калмыцкому комиссару Везелеву, находившемуся въ Дербетевыхъ улусахъ въ качествѣ представителя русскаго правительства, дано было знать, чтобы калмыки, до времени, оставлены были въ покоѣ.

Между тѣмъ въ войскахъ оказывался положительный недостатокъ. Русскіе солдаты, а съ ними и русскіе полководцы дрались въ это время съ турками, и потому не могли подать помощи своему отечеству, которое колебалось въ основаніи Пугачевымъ и такими личностями, какъ его генералы съ рваными поздравьями или колодниками, бѣжавшіе изъ остроговъ, Хлопуша, Чива, татаринъ Идорья и другіе. Въ Россіи не было въ это время ни Румянцева, ни Суворова, которые находились за тысячи верстъ отъ театра дѣйствій Пугачева; а остававшіеся въ Россіи генералы и полковники — Каръ, Фрейманъ, Голицынъ, Чернышевъ, Корфъ и другіе, были разбиваемы Пугачевымъ, обращаемы въ бѣгство; иныхъ онъ вѣшалъ, съ другихъ кожу сдиравъ. Приходилось брать войска изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ и стягивать ихъ къ Оренбургу. Гренадеры Кара были въ плѣну; правительственная артиллерія почти вся уже была перетащена въ Берду. Оставалась только гарнизонная «негодница»; но и этой было мало. Пришлось стягивать со всей Россіи легкія полевныя команды. Царицынская легкая полевая команда, съ командиромъ фонъ-Децемъ, взята была Кречетниковымъ для прикрытія Самары. Самъ Кречетниковъ изъ Астрахани ускзалъ въ Саратовъ, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій, а впереди себя послалъ Днца. Приходилось выписывать войска... изъ Бѣлоруссіи! И дѣйствительно, въ декабрѣ вытребованы были изъ Бѣлоруссіи двѣ легкія полевныя команды, которыя, черезъ Саратовъ, потянулись на смѣну команды Днца, а этотъ послѣдній долженъ былъ воротиться назадъ, въ Царицынъ. Бѣлорусскія полевныя команды отправлены были къ Фрейману, а за ними черезъ Саратовъ прослѣдовали и два гусарскіе эскадрона.

А тамъ, гдѣ былъ Пугачевъ, шли каждый день пиры, рѣзня и вѣшанье попавшихся въ плѣнъ. Отдѣльные отряды, подъ

предводительствомъ генераловъ-самозванцевъ, рыскали по всѣмъ направленіямъ: на заводахъ лились пушки, чеканились монеты; въ церквахъ упоминалось, на эктенихъ, имя Петра Федоровича. Въ лагерь шло каждодневное артиллерійское ученіе. За Пугачевымъ и его генералами слѣдовали удачи; неудачи же шли по пятамъ правительственныхъ войскъ. Можно было, дѣйствительно, потерять голову — весь государственный строй былъ опрокинуть вверхъ ногами шайкой каторжниковъ, за знаменемъ которыхъ шло все то, что составляло ядро населенія въ государствѣ. Иностранцы уже въ то время винили Россію, что она сама своей безпечностью навлекла на себя это страшное бѣдствіе*.

Въ это время, въ декабрь, когда опасность казалась уже слишкомъ страшною и неотвратимою, правительство издало тотъ знаменитый манифестъ (23-го декабря), который начинался словами: «Къ крайнему оскорбленію и сожалѣнію нашему» и т. д. Въ этомъ манифестѣ государыня обращается къ здравому смыслу русскаго народа и изображаетъ тотъ ужасъ, въ который смута повергла Россію. Она напоминаетъ страшное время первыхъ самозванцевъ; указываетъ на подобнаго же предателя отечества, на Гришку Отрепьева, говоря, что одно воспоминавіе объ этихъ плачевныхъ временахъ приводитъ каждаго въ содроганіе.

Манифестъ этотъ изданъ при назначеніи Бибикова командующимъ войсками, посланными противъ самозванца**. Но распространявшееся повсюду пламя должно было прекратиться только тогда, когда не стало бы болѣе горючихъ матеріаловъ. А матеріалы эти прибывали день ото дня и огонь все больше и больше разгорался. Правительство куда ни обращалось, вездѣ находило недостатки, упущенія. Надо было подумать о приведеніи въ оборонительное положеніе всѣхъ крѣпостей, точно на Россію шли всѣ народы Европы. Тамъ не было войскъ; тамъ не хватало пушекъ; въ третьемъ мѣстѣ ружья не годились. Въ волжскомъ войскѣ, которое велѣно было поставить на военную ногу, не оказалось не одного заряда пороху. Пушки не имѣли фитилей, и надо было,

* «Was in diesem Reiche die Rebellionen so leicht macht ist auf der andern Seite die Sorglosigkeit, die in den Provinzen herrscht. Der Güterbesitzer glaubt alles gethan zu haben, wenn er die auf seinen Theil fallenden Rekruten abgeliefert hat, und er verlässt sich übrigens blas auf die Veranstaltungen, die die Krone zu seiner Sicherheit trifft. Bei plötzlichen Empörungen wird er also, wenn die Armee im Felde und weit entfernt stehet, immer ein Opfer Seiner Sorglosigkeit werden. Nie könnte es die Regierung verargen, wenn der Landadel sich unter einander vereinigte und auf seine Vertheidigung bedacht wäre» — такъ говоритъ одинъ современникъ-иностранецъ, бывшій въ Россіи во время пугачевского бунта.

** Онъ напечатанъ у Пушкина, ч. II, стр. 17—19.

какъ о порохѣ и свинцѣ, такъ и фитиляхъ просить царицынскаго коменданта. Гдѣ были пушки и снаряды боевые, тамъ не оказывалось канонировъ; гдѣ были канониры, тамъ не оказывалось ядеръ и картечи. Все это надо было выписывать изъ Сибири или брать изъ другихъ скудныхъ складовъ, тогда какъ всѣ литейные заводы уже были въ рукахъ самозванца и онъ отливалъ пушки для своей и безъ того богатой артиллеріи.

Бунтовщики нагло издѣвались надъ правительствомъ, надъ всѣмъ государственнымъ строемъ и надъ саяовниками имперіи. У нихъ были свои столицы: деревня Каргале называлась Петербургомъ, Берда — Москвою. Даже свой Кіевъ создали себѣ пугачевцы: Самарскій городокъ переименованъ ими въ Кіевъ. Какъ самозванецъ Богомоловъ выдавалъ за своего государственнаго секретаря казака Долотина, такъ и у Пугачева былъ свой фельдмаршалъ и графъ Чернышевъ — это Чика, графъ Панинъ — это Овчинниковъ, графъ Воронцовъ — это Шигаевъ и т. д.

Между тѣмъ изъ разныхъ ордеровъ, промеморій и рапортовъ нельзя не видѣть, что какъ ни отчаянно было положеніе Россіи, потерявшіеся отъ страха губернаторы, командиры и воеводы все еще старались какъ бы маскировать безвыходность положенія страны и отъ самихъ себя скрывать ту страшную пропасть, въ которую они падали. Прибывшій въ Казань Бибииковъ не засталъ тамъ губернатора, старика Брандта. Онъ бѣжалъ въ Козмодемьянскъ. Ободренный пріѣздомъ Бибиикова и скорымъ приходомъ войска, онъ воротился. Бибииковъ, въ частномъ письмѣ къ фонъ-Визину, говорить, что «бѣдный старикъ, губернаторъ Брандтъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается», что обстоятельства изъ рукъ вонъ плохи, а между тѣмъ этотъ же старикъ, Брандтъ, въ ордерахъ своихъ пишетъ не то: онъ все еще на что-то надѣется. Вотъ какъ онъ описываетъ положеніе дѣлъ, въ какомъ засталъ ихъ Бибииковъ: Пугачевъ съ своею разбойническою шайкою стоитъ подъ Оренбургомъ въ Бердѣ, и сколько ни дѣлалъ нападенія на крѣпость, всегда былъ отбиваемъ съ урономъ; гордъ Уфа, «по генеральному возмущенію башкирцовъ», содержится ими въ осадѣ; по самарской линіи тревога дошла до самой Самары; этотъ городъ былъ взятъ бунтовщиками на праздникъ рождества Христова; 28-го числа пришла изъ Бѣлороссіи легкая полевая команда, разбила бунтовщиковъ и выгнала изъ города «съ великимъ урономъ», захвачено до двухсотъ пугачевцевъ; къ концу декабря въ этотъ городъ прибыли еще три легкія полевныя команды и два эскадрона гусаръ; по оренбургской линіи, вверхъ яцкой крѣпости, стоитъ съ своимъ командами генераль-поручикъ Декалонгъ; а на новой московской дорогѣ,

въ Бугульминской слободѣ, въ Ключевскомъ фельдшанцѣ и въ Черемшанской крѣпости съ вновь пришедшими войсками расположился генераль-майоръ Фрейманъ. «Нынѣ же (привавляетъ онъ), по особливому имманному ея императорскаго величества всевысочайшему указу, къ командованію всіми наряженными войсками прибылъ сюда господинъ генераль-аншефъ, лейбъ-гвардіи премьеръ-майоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ Александръ Ильичъ Вибиковъ, да господа генераль-маіоры князь Голицинъ и Мансуровъ; равно и наряженные полки, второй гренадерской володимерской пѣхотной и вьюмскій гусарскій въ Казань уже пошли, а архангелогородской карабинерной въ скорости прибыть имѣеть. Къ тому же изъ Польши идутъ санктпетербургскій карабинерный и чугуевскій казацкій полкъ. Слѣдовательно — говорить онъ въ заключеніе — теперь со здѣшной стороны, и никакой опасности нѣтъ, и за помощью Божіею ожидать надобно незамедлительнаго пораженія и совершеннаго истребленія всего разбойническаго сборища и ихъ сообщниковъ».

Для officialнаго донесенія, особенно въ то время, оно дѣйствительно было такъ. Кажется, все было сдѣлано, а если къ тому и Богъ поможетъ, то еще лучше будетъ. Но не такъ думалъ Вибиковъ и не такъ было въ самомъ дѣлѣ. Въ письмѣ къ графу Захару Чернышеву, онъ пишетъ, между прочимъ: «Обстоятельства столько дурны, что я довольно того описать не могу... опасностью грозить всеобщее возмущеніе башкиръ, калмыкъ и разныхъ народовъ, обитающихъ въ здѣшнемъ краю, а паче если и приписанные къ заводамъ крестьяне къ нимъ прилѣплятся, къ чему уже въ Пермской провинціи и есть начало. Коммуникація съ Сибирью отъ опасности на волоску, да и самая Сибирь тому жъ подвержена. Всего же болѣе прилѣпленіе черни къ самозванцу и его злодѣйской толпѣ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ къ Чернышеву же: «На гарнизонныя команды ничего считать нельзя, что я уже испытаніемъ знаю. Сія негодница довольнона, что ихъ не трогаютъ, и до первой деревни дошедши, останавливаются, присылаетъ рапорты, что окружены и далѣе идти нельзя. Они ободрили и злодѣевъ, что осмѣлялись въ самые имѣ лѣзть глаза». Въ третьемъ письмѣ онъ говоритъ, что всего страшнѣе «народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе... Внутри и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей. Не очиста саранчу злую, впередъ шагу подастся нельзя». Къ другу своему, фонъ-Визину, онъ пишетъ: «Буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать, что могу. Неужели же проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры, ацкіе казаки,

играють... Да и то бѣда: какъ нарочно все противу насъ — и снѣга, и мятель, и бездорожницы... Или вотъ что писалъ онъ своей женѣ черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ въ Казань: «Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашель прескверны, такъ что и описать буде-бъ хотѣлъ, не могу: вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпускаю; дѣлаю все возможное, и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ своею милостію. Правда, позднеенько хватились. Войсва мои прибывать начали вчера; баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже — помнишь? на петербургскій пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Совсѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ, губернаторъ Брандтъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдасть Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростью перепакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ, я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ молитвахъ, а праведную Евпраксию нерѣдко поминую. Ухъ! дурно».

Въ частномъ письмѣ, писанномъ въ концѣ того же декабря, мы читаемъ: «не чаялъ я впрваться изъ проклятаго мѣста, Богомъ отданнаго во власть злодѣевъ за грѣхи наши. Что я видѣлъ, то и описать не могу и рассказать не умѣю. Вся самарская и оренбургская сторона изъ себя адъ кроишпный изображаетъ, и горе всякому, живущему тамъ. Мертвыхъ тѣлъ, еслибы и хотѣли предавать погребенію, по многочисленности оныхъ, того сдѣлать невозможно. По цѣлымъ мѣсяцамъ на реляхъ мертвецы виснутъ, и снѣгомъ покрыты, что и разобрать не можешь, человѣкъ ли то кажется или комъ снѣгу. По селеніямъ остались только престарѣлые и немощные, а собаки самны ушли со злодѣями. Всѣ города и крѣпости во власти того изверга Пугачева; въ войскахъ непослушаніе оказывается. Пожаръ ширится во всѣ четыре стороны — и къ востоку, и къ западу, къ югу и сѣверу, и единъ Богъ знаетъ, гдѣ предѣлъ ему положенъ».

Изъ дальнихъ заволжскихъ степей нагрянули, наконецъ, и виргинъ-кайсаки на среднее поволжье. Огромная партія ихъ, тысячи въ полторы или болѣе, атаковала разомъ всѣ форпосты,

поставленные за Волгою противъ земель волжскаго войска. Киргизы шли въ рассыпную, такъ что нельзя было ни на одномъ пунктѣ сосредоточить военныя силы для отпора ихъ. Притомъ они налетѣли, какъ саранча, такъ что никто не могъ и предвидѣть этого. На форпостахъ была ничтожная горсть казаковъ, такъ-какъ все волжское войско было или въ походахъ или въ раскомандировкахъ. Въ станицахъ оставались бѣльшею частію или отставныя или малолѣтки, да и у тѣхъ, какъ мы видѣли выше, не было ни свинцу, ни пороху. Форпостныя казаки были захвачены въ распахъ. Лавой обложили киргизы всѣ форпосты, такъ что некому даже было подать въ волжское войско вѣсть о томъ, что дѣлается за Волгою и что, быть можетъ, киргизъ-кайсаки скоро налетятъ и на нагорныя селенія. Удалось пробиться съвозъ тучу саранчи только одному лицу * : это былъ войсковой старшина и депутатъ Осипъ Терсковъ. Засѣвшіе въ форпостахъ казаки отчаянно отстрѣливались; но непріятель былъ слишкомъ многочисленъ и слишкомъ упорно кидался на слабозащищаемыя форпосты. Одинъ форпостъ отстрѣлился, несмотря на свое отчаянное положеніе: нѣсколько киргизъ-кайсаковъ было убито; ранено было и нѣсколько казаковъ, и только одинъ умеръ отъ ранъ. Другой форпостъ не устоялъ: форпостныя взяты въ плѣнъ; а другіе, отстрѣливаясь, отъ нихъ освободились.

Всѣ оставшіеся на лицо въ волжскомъ войскѣ старшины и казаки кинулись на спасеніе своихъ форпостовъ. Имъ удалось отбить одинъ форпостъ. Послѣли они на помощь и другому форпосту — но было уже поздно. Киргизы углубились въ степь.

Другая партія киргизъ-кайсаковъ, въ то же самое время, выше Дубовки, перебравась черезъ Волгу по льду, на нагорную сторону, и рассыпалась по степнымъ хуторамъ волжскаго войска. Защищать этихъ селеній было некому; но, при всемъ томъ, оставшіеся тамъ казаки защищались сколько могли, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Не мало было побито народу; не мало угнано за Волгу и скота **. Гнаться за этими разбойниками по степямъ не было никакой возможности.

Только послѣ этого случая въ волжское войско присланы были пушки, находившіяся въ Царицинѣ.

Въ другихъ мѣстахъ было еще хуже. Тамъ уже не было никакого сопротивленія, потому что сами жители, при видѣ бун-

* «Пробивъ ихъ, едва для подачи войску извѣстія уйтить могъ».

** «Какъ ихъ, кайсагъ, весьма множественно, то-де тамошнихъ многихъ въ плѣнъ побрала, равно лошадей и скотъ угнали, а сколько-де числомъ побито и побрано въ плѣнъ людей и скота угнато, нинѣ въ скорости справиться невозможно».

товщиковъ, бросали свои жилия и шли вслѣдъ за пугачевскими знаменами.

Въ такомъ положеніи находились дѣла при началѣ новаго 1774 года.

IV.

Съ новымъ годомъ начался новыя усилія правительства къ подавленію мятежа. Страшно было общее настроеніе умовъ, особенно въ простомъ народѣ, въ крестьянствѣ. Это настроеніе поддерживалось рассылаемыми вездѣ пугачевскими манифестами или такъ называемыми «воровскими письмами». Въ письмахъ этихъ самозванецъ не скупился на обѣщаніе народу всего, что только могло тѣшить народъ—тутъ была и безначальная воля, и безошпинная, дешевая соль, и уничтоженіе, даже «истребленіе проклятаго рода дворянъ», и земли во владѣніи народа, и свободныя пастбища, и общественное, свободное владѣніе лѣсами, и озера съ рыбными ловлями, и рѣки сытвыя и молочныя съ кисельными берегами. Понятно, что для такого народа, который золотушныя шрамы на груди арестантовъ Богомолова и Пугачева принималъ за какіе-то «государевы знаки», все было возможно — все можно было вбить въ голову, лишь бы это льстиво его тайнымъ, смутнымъ чарніямъ. Эти воровскія письма были страшною приманкою для народа, и правительство справедливо называло ихъ «замѣнчивескимъ ядомъ наполненными листьями». Отъ нихъ нельзя было ни гдѣ и никакъ уберечься. Они подбрасывались вездѣ, передавались всѣмъ, кто желалъ и не желалъ ихъ имѣть, читались по кабакамъ, по торжкамъ, ярмаркамъ и базарамъ. Если народъ не хотѣлъ ихъ принимать, если солдаты стрѣляли въ пугачевцовъ, подѣлжавшихъ къ нимъ съ воровскими письмами, пугачевцы втыкали въ землю палку и въ эту палку ущемляли свои возмутительные манифесты. Воровскія письма какъ-то невѣдомою, «продерзостною рукою» подбрасывались даже во дворецъ государыни, въ Петербургѣ.

Понимая всю опасность для спокойствія государства отъ этихъ воровскихъ писемъ, — этой пугачевской литературы, правительство, въ январѣ, публиковало по народу особое объявленіе, въ которомъ повелѣвалось не вѣрить этимъ, рассылаемымъ бездѣльникомъ и разбойникомъ Пугачевымъ письмамъ, хватать самихъ *подсылщиковъ* съ этими письмами, а самыя письма жечь на площадяхъ черезъ палачей, а гдѣ нѣтъ палачей — черезъ профосовъ *. Само

* ...«Емельянъ Пугачевъ, дерзнувъ принять на себя имя покойнаго императора Петра третьяго, и носклетъ во многія мѣста злодѣйскія свои письма къ

собой разувѣтся, что и эта мѣра могла только послужить въ пользу этому «бездѣльнику и разбойнику», особенно потому, что самая публикація только разжигала любопытство народа: эти письма не вѣрно было не только читать, но даже объявлять о ихъ содержаніи.

«До свѣдѣнія правительствующаго сената дошло — писалось въ страннѣхъ публикаціяхъ, которыя должны были читаться народу въ церквахъ и на площадяхъ*, — что извѣстный въ Оренбургской губерніи оказавшійся разбойникъ и государственный злодѣй Емельянъ Пугачевъ, разсмѣяетъ по разнымъ мѣстамъ свои измѣнническимъ ядомъ наполненные листы; а какъ многими прежними законами повелѣно таковыя воровскія письма жечь публично, то правительствующій сенатъ, слѣдуя симъ законамъ, расудилъ за нужное публиковать и подтвердить чрезъ сіе нарѣшию, что естли отъ объявленнаго измѣнника и злодѣя Пугачева, въ который-либо городъ или селеніе подошлетсѣ кто ни на есть съ воровскимъ письмомъ, или оное гдѣ подкинуто будетъ, чтобъ жители тѣхъ мѣстъ не токмо ни малѣйшей вѣрноту не давали, но паче бы старались самого подсылщива съ письмомъ, есть ли возможность допустить, излови, представить, или же одно подиѣтное письмо, гдѣ кто найдетъ, предъявить безъ всякаго опасенія въ ближнюю городовую канцелярію, а еѣ, получивъ оное, такъ какъ воровское и измѣнническое сочиненіе, не читая въ народѣ, и ниже объявляя о его содержаніи, тотъ часъ на городской площади сжечь чрезъ палача».

Понятно, что церемонія сожженія на площадяхъ подметныхъ писемъ не могла не производить на народъ глубокаго впечатлѣнія, не совсѣмъ благоприятнаго для правительства. Народъ стесался на эти церемоніи, и толкамъ о самозванцѣ, о содержаніи таинственныхъ писемъ, о царѣ, о льготахъ, о дворянахъ — не было конца. Популярности Пугачева, такимъ образомъ, помогало само правительство, потому что сжечь всѣ подметныя письма не было никакой возможности.

Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ правительство не могло не задаваться нѣкоторыми вопросами, нѣсколько безпокойнаго свойства: какъ поступить войско донское въ виду грозящей го-

обольщенію подъ тѣмъ именемъ разными нечѣлыми обѣщаніями простаго народа, и вѣрно всѣ таковыя получаемыи куда либо отъ того бездѣльника и разбойника Пугачева письма на площадяхъ жечь чрезъ палачей и профосовъ».

* Этыхъ публикацій нѣтъ у Пушкина. Мы вообще передаемъ въ настоящей статьѣ только то, чего нѣтъ ни у Пушкина, ни у Щербальскаго, ни въ другихъ, изданныхъ объ этой эпохѣ, матеріалахъ, а къ общезвѣстнымъ фактамъ прибѣгаемъ только изрѣдка, для связи событій.

сударству опасности: останется ли оно вѣрнымъ, или, не примѣру яцкаго, примкнетъ къ самозванцу? Дурячевъ въ словахъ ложныхъ манифестахъ слишкомъ искусно билъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ казачества, которое, въ большинствѣ случаевъ, проникнуто было раскольническимъ духомъ, да и въ самомъ стрѣ дикаго государства, которое создалъ около себя самозванецъ, все было казацкое; приближенные его, мнимые наредворцы, были «атаманы-молодцы» или «старшины»; государственныя дѣла самозванца рѣшались въ казацкомъ кругу: по приговору атамановъ и стариковъ, какъ это отъ старины велось «на славномъ, на тихомъ Дону, на томъ ли Донѣ Ивановичѣ». Судъ и расправа самозванца велась по казацки, по старинному: виновать кто — на рели, измѣнилъ кто — въ куль, да въ воду. Государственный совѣтъ его также рѣшалъ государственныя дѣла въ казацкомъ кругу: коли любо что атаманамъ-молодцамъ, старикамъ и всему славному войску яцкому — такъ быть по сему, а самъ самозванецъ или самозванецъ-атаманъ не могъ ничего сдѣлать противъ воли круга; а не по-сердцу казакамъ распоряженіе атамана, такъ поднимется крикъ: «вѣ любо! къ чорту!» — и петля ея не принималась народною волею и всѣ, сдѣланныя имъ безъ совѣта великаго и славнаго войска распоряженія, кассировались. Все это и для донскихъ казаковъ было свое, родное. Притомъ, въ манифестахъ самозванца постоянно повторяется, что всѣхъ, кто покорится ему, онъ жалуетъ «крестомъ и бородой, рѣкою и землею, трагами и морями, и денежнымъ жалованьемъ и лѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностью». Эти кресты — конечно осьмаконецные, и эти бороды, конечно, раскольничьи, не могли не льстить національному чувству казаковъ, особенно въ 73 году прошлаго вѣка, когда еще оставались между казаками въ живыхъ старики, которыхъ встязали за небритые бороды и за пошевіе неуказнаго платья или родители конхъ были казвены за эти же дороги для всякаго русскаго, а особенно для казака-раскольника, бороды.

Такимъ образомъ правительство не могло не задаваться этими безыконойными вопросами: что-то сдѣлаетъ войско донское? какъ оно отнесется къ посуламъ самозванца, въ которомъ такъ много казацкаго? Яцкіе казаки были родные братья, скорѣе родные дѣти донскихъ казаковъ. Яцкое войско было колоніей, которую выдѣлило изъ себя, въ XV-мъ столѣтіи, войско донское. Чтѣ было любо колонія, то могло быть еще болѣе любо метрополиі, такъ-какъ ни органическая связь между Якомъ и Дономъ не разрывалась, ни раздѣльность жизни того и другаго

войска не имѣла въ нихъ обычаяхъ, въ жизни и общественномъ распорядкѣ того искоконнаго строя, на которомъ выросли и воспитались казаки, какъ яцкіе, такъ и донскіе, а за ними и волжскіе и царичинскіе, и астраханскіе, и саратовскіе. Тѣ же атаманы, старшины, старики, тотъ же порядокъ, тотъ же казачій кругъ, тотъ же казачій дротикъ (шига) — національное казацкое оружіе, та же нагайка, та же борода, тотъ же киверъ, то же двуперстное сложеніе. И къ тому и къ другому казацкому войску правительство относилось грамотами; и то и другое войско набирали себѣ атамановъ, временныхъ президентовъ казацкой республики, съ вѣчнымъ характеромъ.

Атаманомъ донскаго войска былъ въ это время Семень Сулинъ. Онъ замѣнилъ собою атамана Ефремова.

Правительство должно было отнестись и къ войску донскому, чтобъ и оно съ своей стороны приняло участіе въ возстановленіи общественнаго спокойствія. Хотя почти всѣ служилые казаки были въ это время внѣ своей родины, участвуя въ войнѣ съ турками, однако на Дону еще оставалось нѣсколько казаковъ, болѣею частью отставныхъ, а также казацкихъ дѣтей и малолѣтковъ или такъ называемыхъ «выростковъ». Поэтому военная коллегія отнеслась съ грамотою къ войсковой канцеляріи и велѣла, «для усиленія корпуса, наряженнаго къ пресѣченію злодѣйскихъ дѣлъ самозванца Пугачева», командировать къ дѣйствующей противъ самозванца арміи полковника Илью Денисова, на котораго, безъ сомнѣнія, правительство могло положиться, и съ нимъ 500 казаковъ «изъ отставныхъ и выростковъ, которыхъ велѣтъ ему, Денисову, самому выбрать» и, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ «къ слѣдованію и военному дѣйствию», отправить «прямѣйшимъ трактомъ въ Самару», подъ команду генерала Мансурова. На эту пятисотную команду отпущено, для военныхъ дѣйствій, по одному фунту пороху и по два фунта свинцу на каждаго казака. Въ половинѣ февраля Денисовъ долженъ былъ отправиться къ мѣсту военныхъ дѣйствій.

До настоящаго времени, т.-е. до конца марта, Россія ничего болѣе не слыхала, какъ только о пораженіяхъ войскъ императрицы скопищами ея диваго противника, о постоянномъ усиленіи этой странной, все болѣе и болѣе становившейся загадочною, личности, о всѣхъ ужасахъ, какіе производилъ этотъ страшный челоуѣкъ съ своими, еще болѣе страшными, сподвижниками. До конца марта 1774 года по всѣмъ уголкамъ Россіи и въ Европѣ только и ходили вѣсти, что Русское царство погибаетъ, распадается, что половина его уже отпала и сдѣлалась добычею какой-то новой, всеокрушающей дикою силой. О Пугачевѣ заго-

ворилъ Вольтеръ; о его побѣдахъ надъ войсками императрицы писали къ своимъ дворамъ посланники иностранныхъ государей; о Пугачевѣ трубили иностранныя газеты и уже заживо хоронили царствующую въ Россіи династію и выработанные тысячелѣтнимъ существованіемъ Россіи государственные порядки. Русскіе уже сами не надѣялись, чтобъ ожила прежняя Россія, съ прежнимъ правительствомъ, съ прежними законами и учрежденіями, съ прежними порядками и сословіями. Возставали новыя порядки, уничтожались сословія, возникало какое-то новое, хаотическое государство, выславшее свои демократическо-казацкіе порядки, чуть ли не изъ глубины Азіи, съ Урала и Оренбурга.

Но вотъ пронеслась первая радостная вѣсть о томъ, будто счастье вновь обернулось лицомъ въ правительству. Это очастіе какъ бы принесъ съ собою даровитый и неутомимый Бибиговъ. Мы не будемъ говорить о тѣхъ распоряженіяхъ его, о тѣхъ битвахъ съ самозванцемъ, о томъ утомительномъ бѣганьи за пугачевскими толпами правительственныхъ войскъ—все это болѣе или менѣе извѣстно изъ Пушкина, Щербальскаго и нашей «Пугачевщины». Мы намѣрены давать только новыя факты, новыя подробности, которыхъ нельзя найти въ томъ, что вообще печаталось о Пугачевѣ.

Въ концѣ марта, такимъ образомъ, пронеслась по Россіи первая вѣсть, что таинственная личность, слухами о которой полна была Россія и Европа около полугода, ненепобѣдима. Но вѣсть эта была какого-то страннаго, сомнительнаго свойства: слишкомъ неопредѣленны были выраженія, въ которыхъ она передавалась. Это были, повидимому, какія-то общія фразы, которыми хотѣли успокоить Россію. Какъ бы то ни было, но говорили и писали, будто отъ Бибигова получено «вѣрное увѣдомленіе, что извѣстнаго вора и возмутителя Пугачева злодѣйскаго толпы во всѣхъ мѣстахъ прогнаны, да и всѣ злодѣи, съ самимъ начальникомъ ихъ, при Оренбургѣ поисками стѣснены». Но въ этомъ извѣстіи не говорилось ни о какой битвѣ, ни о какомъ-либо пораженіи самозванца. Какъ бы то ни было, но тонъ этого извѣстія было слишкомъ самоувѣренный, чтобы можно было подозрѣвать въ немъ общее мѣсто, тѣмъ болѣе, что далѣе говорится и о послѣдствіяхъ таковаго стѣснительнаго положенія дѣлъ Пугачева. Сообщалось даже, что самозванцу «остаются одинъ способъ—куда либо бѣжать съ своими единомышленниками и вознмѣть въ жительствохъ укрывательство, почему, для предостереженія ихъ въ сомнительныхъ около Саратова мѣстахъ и присмотры восприняты, а равно тожъ самое надобно имѣть и по всѣмъ мѣстамъ по Волгѣ рѣкѣ, дабы сіи злодѣи, будучи отвсю-

ду гонимы, а особливо самъ начальникъ не покушался-бъ искать себѣ способу, явно или тайно, подъ какимъ либо видомъ пробираться чрезъ Волгу рѣку въ противную кубанскую сторону, или же мимо Гурьева городка уйти на судахъ и лодкахъ въ Каспійское море, и тамо искать убѣжища въ Трухменскѣхъ и Персидскѣхъ предѣлахъ и на островахъ, и оттуда дѣлать намъ вредъ своимъ воровствомъ».

Первая, хотя, можетъ быть, сомнительная удача придала бодрости не только полководцу, но и другимъ военачальникамъ, а также комендантамъ отдѣльныхъ крѣпостей и воеводамъ. Они рещиственнѣе стали слѣдить за дѣломъ, поживѣе начали дѣйствовать и распоразаться, зорче начали глядѣть во всѣ стороны, пока новыя громы страшнаго человѣка не загремѣли надъ ихъ головами.

Въ ожиданіи, что, стѣсненный или разбитый у Оренбурга, Пугачевъ ивнется на Кубань или на лодкахъ выбѣжитъ въ Каспійское море, чтобы укриться въ Персію или Трухменію и оттуда, подобно своему предшественнику, Стеньгѣ Разину, снова двинуться на Россію съ разрушительными силами, мѣстныя власти усладили сторожевую линію, отъ Каспійскаго моря вверхъ по Волгѣ, «крѣпость отъ крѣпости», до самаго Саратова. По этой сторожевой линіи, усѣянной форпостами, должны были ходить постоянныя развѣды отъ форпоста къ форпосту и «крайне наблюдать безъ пашпортовъ идущихъ казаковъ», а если и найдется какое подозрительное лицо, то «съ крайнею строгостью и разсмотрѣніемъ» разспрашивать его и узнавать, «не изъ злодѣйской ли толпы посланъ для востоваго разграбленья». Развѣды должны были осматривать этихъ подозрительныхъ людей и, во описаніи примѣтъ Пугачева, доискиваться, не самъ ли онъ укривается бѣгствомъ, и всякаго сомнительнаго брать подъ караулъ. Развѣды должны были развѣдывать и въ глубинѣ заволжскихъ степей, не пройдутъ ли слухи «о какой-либо посланной кучѣ или объ немъ самомъ», и если, дѣйствительно, окажется, что во степямъ ршщутъ пугачевскія партіи или онъ самъ, то должны были «собравшись, силою чаяить на нихъ нападеніе и старатца ихъ разбить».

Для этой цѣли и въ Гурьевъ-городокъ командирована была возвратившаяся изъ-подъ Самары въ Царицынъ легкая полевая команда.

Но не такъ легко было разбить и истребить Пугачева, какъ казалось послѣ первой удачи. Это былъ какой-то исполинскій сируть, у котораго безчисленное множество ногъ, все захватывавшихъ и все къ себѣ притягивавшихъ. На мѣсто отрубленной

ноги выросли десять новыхъ, еще болѣе цѣпки, которыя вшивались во все попадавшееся на пути и улекали съ собою въ самую середину разгорѣвагося пламени. А между тѣмъ, мѣстные власти на время торжествовали: онѣ могли въ свои ердери и промеморіи влючать гордую фразу — «по такому реченныхъ злодѣевъ гоненію и утѣсенію» и т. д.

Пугачевъ скоро докажетъ имъ, каково было это «гоненіе и утѣсеніе»... Какъ бы то ни было, но и ему удалось иснить неудачу подъ Татищевой, гдѣ, полгода назадъ, онъ въ первый разъ испытывалъ полное торжество побѣдителя — отрубилъ голову Вѣлову, содралъ кожу съ Елагна, съ шиваго, и мазалъ его самою рану своихъ буйныхъ сотоварищей, изрубилъ въ куски жену Елагна, взялъ себѣ въ наложницы одолѣвшему Харлову, мужа которой наканунѣ повѣсилъ въ Нижне-Озерной крѣпости, удавилъ вдову Велонскаго, мужа которой, за два дня, повѣсилъ въ крѣпости Разсипной, повѣсилъ остальныхъ офицеровъ, разстрѣлялъ картечью солдатъ и башкирцевъ, вѣзшихъ въ плѣнъ въ той же Татищевой. Подъ этой же Татищевой онъ потерпѣлъ и первую неудачу, но неудачу какъ бы по ошибкѣ того сѣваго стастія, которое до сихъ поръ вседѣ слѣдовало за нимъ и рабски служило ему.

По всей Россіи пронеслась вѣсть, что 22-го марта князь Голицынъ, съ корпусомъ своимъ, извѣстнаго государственнаго вора и бунтовщика, бѣглаго донскаго казака Пугачева, съ толпою, атаковать, разбилъ, и сихъ злодѣевъ побито тутъ болѣе трехъ тысячъ, да въ плѣнъ взято болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ слишкомъ шестьсотъ однихъ воровъ якичкн и илецкнхъ казановъ, пушекъ получено большнхъ тридцать-шесть, съ снарядами, да и самого того изверга Пугачева если не найдется между убитыми, то по крайней мѣрѣ съ самою малѣйшею партией, и не болѣе какъ человѣка въ пятидесяти считать должно убѣгшихъ, потому что вся его злодѣйская толпа, составленная изъ разной сволочи, разбита и небрана, какъ то плѣнные объявляютъ, что онъ все свои силы и артиллерию забралъ изъ Берды на воспренятствованіе входу нашихъ войскъ въ ту Татищеву крѣпость...

Дѣйствительно, пораженіе было полное, какого еще ни разу не испытывалъ Пугачевъ... А между тѣмъ, съ какою новостунтинымъ спокойствіемъ рассказывалъ онъ, впоследствии, на допросѣ, объ этой страшной рѣзні! Повидимому, для него эта рѣзня была дѣломъ шуточнымъ, и, говоря о распоряженіяхъ битвою, онъ говоритъ какъ власть имѣющій: «моя конница», «моя артиллерія», «моя войска». Какое-то странное веданіе, что-

то сильное, смѣлое, проявляется во всѣхъ словахъ этого человѣка...

— А какъ уже невидному и мнѣ надлежало *сеом* батарея откриты (говорилъ Пугачевъ при началѣ дѣйствій подъ Татищевой, когда князь Голицынъ, подходи къ крѣпости, первый открылъ по ней огонь), то и исполнили, и въ такое корпусъ князя Голицына привалъ замѣшательство, что еслибъ вылазка моя, приготовленная какъ прежде, и приказано было въ такомъ случаѣ ударить, то уповаю, что князь Голицынъ приведенъ былъ бы въ великій беспорядокъ. Но толпа *мосей* конницы оробѣла, и изъ воротъ выбить (казаковъ Голицына) никакъ не могла; то хотя и долгое время продолжалась пальба съ обѣихъ сторонъ, но князь Голицынъ сталъ насъ побивать, а я, вида неудачу, и что надежды нѣтъ отбиться, приказалъ Овчинникову (это его графъ Панинъ) какъ можно стоять, самъ же поскакалъ въ Верду...»

Рѣзня была страшная. Но трупъ Пугачева не нашли между убитыми, какъ предполагали по первымъ радостнымъ вѣстямъ объ этой битвѣ. Извѣстіе о пораженіи писалось слишкомъ наспоро, лихорадочно, и только послѣ оглядѣлись, что самозванецъ ускользалъ раньше и опять началъ метаться отъ крѣпости къ крѣпости, покидая пушки и войска при первой неровной битвѣ и опять отбивая ихъ у своихъ враговъ въ гораздо бѣльшемъ противъ прежняго количествѣ. Это была какая-то неутомимая, упругая сила, которая крѣпла отъ наиболѣе тяжелыхъ ударовъ, направленныхъ противъ нея.

Какъ бы то ни было, но ни самозванецъ, ни мнимый графъ Панинъ—Овчинниковъ не отстаили Татищевой крѣпости. Пугачевъ со своими любимцами бѣжалъ въ Верду, гдѣ былъ его лагерь, его столица — Москва.

Татищева крѣпость стоитъ на рѣкѣ Яикѣ. Когда Голицынъ бралъ эту крѣпость, была еще зима (22-го марта). Трупы оставались вокругъ крѣпости и на рѣкѣ неприбранными, потому что труновъ этихъ было болѣе 3,000, а убирать было нѣкому и некогда, потому что мертвыхъ тѣлъ вездѣ валялось множество и около любой деревни торчали изъ-подъ снѣгу или заидившая коса солдата (тогда солдаты носили напудренные косы), или отрубленные ноги, или туловища безъ головъ. Когда весной вскрывалась рѣка Яикъ, то трупы убитыхъ подъ Татищевой плыли внизъ по рѣкѣ, мимо крѣпостей, расположенныхъ на этой рѣкѣ, а жены и матери убитыхъ, какъ говорятъ Пушкинъ, стояли

* Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. рос.. 1858 («Докриси Пугачеву»).

у берега, стараясь узнать мажду ними своихъ мужьевъ и сиротвей. Въ крѣпости Озерной старая казачка каждый день бродила надъ Явкомъ, клякою пригребая къ берегу вынушіе труны и приговаривая: «Не ты ли, мое дѣтище? Не ты ли, мой Стенушка? Не твои ли черны кудри свѣжа вода мостъ?» И вида лицо незнакомое, тихо отталкивала трупу*.

— Прибѣжавъ въ Берду, призвалъ я тотчасъ Максима Шагеева, Андрея Витюшкова, Ивана Творогова, Максима Горшкова и многихъ ближнихъ своихъ старшьянъ, объявилъ имъ свое несчастье, случившееся въ Татищевой крѣпости, и требовалъ отъ нихъ совѣта: куда намъ теперь, противъ ли князя Голицына съ достаточной силою вооружиться, или въ другое мѣсто слѣдовать? Тогда всѣ мнѣ присовѣтывали, чтобъ, обойдя князя Голицына мимо, идти чрезъ Сорочинскую крѣпость въ Янцовой городокъ; а я, на ихъ предложеніе согласившись, тотчасъ приказалъ собираться въ походъ, — говорилъ впоследствии Пугачевъ о своей неудачѣ подъ Татищевой.

И въ самомъ дѣлѣ, въ Бердѣ онъ оставался не долго. Когда въ столицѣ самозванца узнали, что онъ разбитъ, все бросилось бѣжать изъ Берды. Пугачевъ также быстро отступилъ, бросивъ въ Бердѣ всѣ свои припасы, провіантъ, деньги и артиллерію. Съ собой онъ захватилъ только десять пушекъ**. Лагерь самозванца, такимъ образомъ, легко было взять, хотя официальными извѣстіями того времени сообщали, будто Берда взята со всею оставшеюся въ ней толпою. Напротивъ, вся толпа бѣжала, и оренбургскій гарнизонъ, вышедшій изъ крѣпости, захватилъ только скудные остатки.

* Пушкинъ, т. I, стр. 52, 98.

** Пушкинъ говоритъ, что когда Пугачевъ хотѣлъ бѣжать изъ Берды, то Шагеевъ (одинъ изъ его любимцевъ, котораго и называли графомъ Воронцовымъ), вида, что все пропало, и желая услужиться у правительства, задержалъ будто бы Пугачева и Хлопушу и послалъ въ оренбургскому губернатору объ этомъ извѣстіе съ предложеніемъ видать ему самозванца и преса дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами, и что будто бы Флоридъ Рейнсдорфъ не смѣлъ повѣрить своему счастью, и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемій сигналъ. Самъ Пушкинъ уже сомнѣвается въ вѣрности этого извѣстія, переданнаго Рычковымъ въ его лѣтописи (Пушк. I. 92—51). И дѣйствительно, самъ Пугачевъ говорилъ совершенно противное на допросѣ. Видѣть его хотѣлъ не Шагеевъ, а Григорій Бородинъ. На другой день (говоритъ Пугачевъ), пришедъ ко мнѣ старшьянъ, доносили на Григорія Бородина, что онъ ихъ подговаривалъ меня отдать руками въ Оренбургъ, «а чрезъ то-де мы себя лучше сдѣлаемъ, а мы де на сіе его умышленіе не согласились, пришли къ тебѣ донести». Я тотчасъ было-послалъ Бородина взять, привести къ себѣ, но Бородинъ ухажалъ уже отъ насъ въ Оренбургъ, и догнать его не могли». Чтен. Моск. Общ. истор.

Оренбургъ былъ освобожденъ послѣ продолжительной и тяжелой осады. Войска вступили въ этотъ городъ.

Вотъ что писалъ Вавиловъ къ князю М. Н. Волконскому по поводу этого торжества: «принеся должную и покорную благодарность за почтеннѣйшее письмо ваше отъ 10-го марта и за увѣдомленіе объ отправленіи артиллеріи, изъ которой въ Казань уже три пушки прибыли, посвящая васъ, м. г., увѣдомить, что патріотическое ваше желаніе совершилось: я отъ сердца васъ поздравляю, что преодолѣны всѣ трудности. Одержали 22-го марта при крѣпости Татишевой, въ 52-хъ верстахъ отъ Оренбурга, совершенную и полную побѣду надъ самымъ самозванцемъ. Въ 22-й день марта сей злодѣй имѣлъ сонмище свое проклятое въ 9,000 измѣнниковъ, которое въ шести часахъ огня разбито и крѣпость взята, съ 36-ю большими орудіями. На мѣстѣ побито измѣнниковъ около 2,000, положено 3,000 слинкомъ, въ томъ числѣ больше 600 янцехъ воровъ; но послѣднѣйшихъ безпрестанно привозать. Я не считаю солдатъ, взятыхъ имъ съ Чернышевимъ, и гевадеръ, потерянныхъ Каромъ. Невзвѣстно еще, что живъ ли самъ злодѣй или нѣтъ; но если объ живъ остался, то побѣждалъ онъ въ Илецкому городку, ибо отъ Оренбурга путь имъ пресѣченъ. Теперь первое извѣстіе получите, ваше сіятельство, что корнусъ съ провіантомъ и фуражемъ вступилъ въ Оренбургъ, но столь долгомъ и бѣдственнымъ его страданіемъ. Къ счастью, дороги стояли и стоятъ еще изрядныя. Янцехой городъ, но многократномъ покушеніи злодѣя, уцѣлѣлъ. Симоновъ, недавно, въ отсутствіи изверга, сдѣлалъ на измѣнниковъ удачную вылазку и чуть не захватилъ новую злодѣя самозванца жену, на которой онъ женился *. Теперь, узнавъ, не

* Рѣчь идетъ о второй женѣ самозванца, Устинѣ Кузнецовой. У Пушкина объясненіе женитьбы Пугачева на Кузнецовой слишкомъ романтично и невѣрно. Онъ говоритъ, что въ Янцехой городкѣ Пугачевъ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Потомъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать не хотѣли отдать дочери, говоря: «Помилуй, государь! дочь наша не княжна, не королевна — какъ ей быть за тобой? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка государыня еще здравствуетъ?» Но Пугачевъ все-таки женился, назвалъ ее императрицей, назначилъ ей статсъ-дамъ и фрейлинъ изъ янцехихъ казачекъ и велѣлъ на октобръ поминать «государя Петра Федоровича и государыню императрицу Устинью Петровну». Самъ же Пугачевъ разсказывалъ объ этомъ иначе. Во время осады Янцехого городка пришли къ нему вѣзани, все люди престарѣлые, въ томъ числѣ Никита Корганъ, Ерофѣевъ, три брата Толкачовъ и множество другихъ, и говорили:

— Не угодно ли вашему величеству у васъ жениться?

— Если я здѣсь женихъ, то Россія имъ не повѣритъ, что я царь, сказалъ самозванецъ.

будуть затруднять насъ съ толпой достальнаа хлопоты. Жаль только того, что робіе сибирскіе военныя начальники допустили сему злодѣю распространиться, а паче недѣйствіемъ своимъ генералъ Декалонъ и т. д. ».

V.

Послѣ пораженіи Пугачева начались новыя заботы о пониженіи этого удивительнаго человека. Думали, что его легко поймать, но время его погубили еще не наступило. Надо было, чтобы страшное явленіе прошло всѣ фазы развитія. Опять полетѣли въ разныя мѣста прошенія и ордера о томъ, что «злодѣи, по тому ихъ разбитію, могутъ себѣ исхвать убѣжища и укрываться отъ поимки въ разныхъ мѣстахъ», что они «будутъ иногда покушаться уйти чрезъ Волгу рѣку въ кубанскую сторону и мимо Гурьева городка въ Каспійское море, въ заграничныя трухменскіе и персидскіе предѣлы». Опять велѣно было усилить развѣды отъ Каспійскаго моря вдоль всего берега Волги, отъ города въ городу, отъ крѣпости къ крѣпости и отъ форпоста къ форпосту.

Побѣду эту торжествовали слишкомъ радостно. Объ ней велѣно было объявить по всѣмъ городамъ, всѣмъ комендантамъ и начальникамъ войскъ, а особенно калмыцкому предводителю князю Дундукову, чтобы отъ каждаго города отражены были за Волгу, въ степь, сыщики и развѣдчики, которые бы «наискрѣчайше» присматривали, нѣтъ ли кого изъ разбитой пугачевской толпы, не скитаются ли бѣглецы въ степныхъ мѣстахъ, не пробравшись ли они къ морю и къ Волгѣ. Мало того: велѣно было публиковать объ этой побѣдѣ и объ этихъ распоряженіяхъ по всѣмъ церквамъ. Такъ страшенъ былъ этотъ человекъ и такъ

Но казаки возразили:

— Когда мы повѣрили, такъ, конечно, и вся Россія повѣритъ, а за то больше, что мы славные янцкіе казаки.

«Какъ же я расудилъ въ томъ мнѣ сдѣлать удовольствіе, то и приказалъ искать невѣсты. А между тѣмъ и самъ, бывъ въ одно время на дѣвятилѣтѣ, увидѣлъ одну дѣвицу и велѣлъ записать имя; однакожъ, приказавъ Михаилу Толмачову и велѣлъ ему невѣсту присматривать, который много разъ ѣздилъ и объявилъ, что лучше той не нашелъ, которую я самъ видѣлъ, а именно дочь казака Петра Кузнецова. Почему я послалъ Толмачова къ Кузнецову съ тѣмъ спросить: если отдастъ онъ волею дочь свою, такъ и женись, а когда не согласится, такъ силою ее возьму. Толмачовъ по приѣздѣ спрашивалъ мнѣ, что невѣсту видѣлъ, а отца ея не засталъ, только-де очень хороша дѣвица».

Изъ рукописнаго сборника: «Продолженіе времени 1774, 1775, 1776, 1777 годовъ». (Записки Васильева, Опис. рукон. Румянцов. муз., А. Востокова, № 26).

мало надѣялись на успѣхъ, когда такъ откровенно и неумѣренно выражалась радость.

Но радость эта была ненадолго, счастье было такъ переменчиво. Счастье же Пугачева еще не совсѣмъ покинуло своего баловня.

Нѣсколько дней о самозванцѣ ничего не было слышно.

Но вотъ, 8-го апрѣля, около Чернаго Яра, на Волгѣ, находившіяся на Владимірской пристани у грузки или въ караулѣ казаки увидѣли какую-то невѣдомую партію, на коняхъ, отъ которой отдѣлилась четыре человѣка и подѣхали къ караульнымъ казакамъ. Послѣдніе спрашивали неизвѣстныхъ всадниковъ:

— Что за люди? откуда и куда ѣдете?

На это одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

— Мы, яздіе казаки — пятьдесятъ человѣкъ, отпущены мы отъ генерала-поручика Демедема, и ѣдемъ въ дома свои... Переправась черезъ Волгу ниже Царицына, подъ Сарпою, однако, по незнанію дороги, принуждены ѣхать къ Селатренному городку, и тамъ у насъ есть старика, то и насъ на Яикъ довести могутъ.

Потомъ этотъ пріѣзжій началъ просить у нихъ хлѣба. Затѣмъ, стала приближаться вся партія, и черноярскіе казаки замѣтили, что пріѣзжіе — «на добровонныхъ лошадяхъ, вооружены ружьями, пистолетами и шашками, тожь и платьемъ по большей части кайсацкимъ». Затѣмъ, партія эта, сѣвъ въ лодку, переправилась на нагорную сторону Волги и скрылась изъ глазъ черноярскихъ казаковъ.

Черноярскіе казаки тотчасъ донесли объ этомъ обстоятельствѣ черноярскому коменданту Перепечину. Перепечинъ сообщилъ объ этомъ въ Астрахань. Сообщение это надѣлало много тревоги. Не Пугачовъ ли это? А если не онъ самъ, то не изъ его ли партіи эти люди? Перепечинъ послалъ розыскъ, а между тѣмъ, кромѣ Астрахани, далъ объ этомъ знать въ Царицынъ, коменданту Цыплетеву, въ Енотаевскъ — коменданту Петрулину, въ калмыцкое войско — князю Дундукову. Тревога была весьма естественна. «О объявленной партіи не можно заключать, чтобъ она была отпущенною изъ корпуса генераль-поручика Демедема (говорили мѣстныя правительственные власти), а точно признается быть измѣнническою, паче же всего мнится, что въ оной, видя отъ російскихъ войскъ неминуемый случай, и самъ государственный злодѣй Пугачевъ обрѣтается и намѣревается пройти въ кубанскую сторону и вдалѣ къ непріятелю, ибо ежелибъ точно она была изъ корпуса Демедема, въ такомъ случаѣ, съ луговой на нагорную сторону и переправы имѣть слѣда имѣ

не было». При этомъ явилось новое сомнѣніе и новые вопросы: «гдѣ и у кого они, янцїе казаки, для переѣзду своего столь не малую для пятидесяти человѣкъ лодеу взяли и на ней съ лошадьми или безъ оныхъ на нагорную сторону переправились? Буде спѣшились, то сухопутно пошли? а водою — то вверхъ или внизъ рѣки Волги поѣхали, также и лошади, гдѣ ими оставлены?»

Коменданты всполошились. Разъѣзды послакали во всё мѣста отъ комендантовъ, отъ казачьихъ городовъ и станицъ, отъ всѣхъ воинскихъ дистанцій, съ тѣмъ, чтобъ объять всё мѣста и дороги, дабы сія злодѣйская партія вонечно упущена не была. Разъѣздамъ повелѣвалось — и все напрасно — разбить, истребить, переловить эту партію. Сколько разъ это повелѣвалось — а все даромъ. Разъѣзды рыскали вездѣ, дѣлали обыскъ по ватагамъ рыболовнымъ, по степнымъ хуторамъ и «по сдѣланнымъ въ степи и гѣсахъ жильямъ». Дано знать въ Гурьевъ-городокъ, Кандаурову, въ Кызляръ и генералу Демедему.

Но таинственная партія какъ въ воду канула, нигдѣ не нашли ни слѣда, ни вѣстей о ней. Можетъ быть, это были посланные отъ самозванца къ войску донскому для переговоровъ; можетъ быть, партія эта отправлена была имъ къ кубанцамъ или въ Персію для заключенія союза, — только мѣстныя власти ничего не могли донскаться. Тревога, такимъ образомъ, была совершенно напрасная, хотя и доказываетъ, какъ жалки были средства, которыми располагала Россія, и какъ дурно организовано было внутреннее управление краемъ, когда такая огромная партія, какъ 50 всадниковъ, хорошо вооруженныхъ и въ такихъ, бросающихся въ глаза костюмахъ, какъ кайсацкое одѣяніе при прочей казацкой обстановкѣ, могла пропасть безъ вѣсти. Значить, цѣлый полкъ какихъ угодно людей могъ пройти по населеннымъ мѣстамъ имперіи, хотя бы это былъ полкъ турецкихъ анычаръ, и его бы напрасно искали потомъ коменданты и вееводы, посылая разъѣзды по всѣмъ направлениямъ. Неудивительно, что «понизовая вольница» гудала по поволжью цѣлыми шайками, дѣлала пиратскія экскурсіи во самой большой рѣкѣ имперіи, грабила города, караваны судовъ (какъ Брагинъ, Шагала, Заметаевъ, Беркутъ и др.), и правительство безсилно было умротоворить край, пока само теченіе историческихъ дѣлъ не замѣнило старое, безобразное пораженіе новыи, болѣе человѣчнаго свойства.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, хотя и исчезла безъ слѣда таинственная партія, надѣлавшая столько шуму по всему поволжью, но вѣрно то, что Пугачева въ этой партіи не было. А о-то и думали найти въ ней. Самозванецъ, между тѣмъ,

метался въ это время изъ стороны въ сторону, преслѣдуемый Голицынымъ. Въ другихъ мѣстахъ шла лихорадочная гонка за любимцами Пугачева — за Чикюю, Шагаевымъ, Падуровымъ, Почитайнымъ, Овчинниковымъ, Чумаковымъ и проч. Бунтовщики выбивались изъ однихъ мѣстъ и захватывали другія. Правительственныя войска давили мятежниковъ со всѣхъ сторонъ, но сила ихъ все еще была несокрушима, какъ ни гениальны были распоряженія Бибикова. Этотъ человекъ работалъ неутомимо; да и неудивительно, это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ головъ того безпутнато времени. Другъ фонъ-Визина, покровитель молодого поэта Державина, Бибиковъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и серьезно-направленныхъ генераловъ и офицеровъ вѣка Елизаветы. Онъ повелъ дѣло такъ хорошо, что, не застигни его смерть въ самомъ разгарѣ его дѣятельности и въ самую цвѣтущую пору его жизненной дѣятельности (Бибиковъ умеръ на 45-мъ году), дѣло Пугачева было бы скоро проиграно. Но, успѣвъ однако надломить нѣсколько самоувѣренность самозванца нѣсколькими крупными поражениями, успѣвъ доказать, что и эта дикая, и повидямому, неотразимая сила можетъ быть сломлена, сдѣлавъ, наконецъ, главнѣйшія распоряженія къ дальнѣйшей борьбѣ съ страшнымъ врагомъ, Бибиковъ умеръ въ Бугульжѣ, 9-го апрѣля, отъ горячки. Говорили, будто его отравили польскіе конфедераты, находившіеся въ плѣну въ Казани, изъ коихъ нѣкоторые (какъ Пулавскій) поступили на службу къ Пугачеву.

При всемъ томъ, плоды ума и дѣятельности Бибикова были замѣчательны, но только плоды эти пожиналъ уже, до первой крупной неудачи, другой полководецъ, менѣе даровитый.

Вотъ какія радостныя вѣсти разсмѣлъ по Россіи князь Щербатовъ, вскорѣ послѣ того, какъ умирающій Бибиковъ сдалъ ему начальство надъ войсками: «Злодѣи, по послѣднему и недавнему извѣстію, находятъ теперь въ Башкиріи, перебѣгая изъ одного мѣста въ другое, и послѣднее было Вознесенскіе казенные заводы его убѣжищемъ. Но стережется онъ отъ всѣхъ сторонъ воинскими командами, дабы ни къ сторонѣ Янку пробраться не могъ, ниже вскочить внутрь Башкиріи. Уфимская же провинція почти вся приведена въ законное ея императорскому величеству повиновеніе, произведеннымъ съ особенною удачею поражениемъ на главную толпу, городъ Уфу утѣснявшую, которой и самъ начальникъ, столь извѣстной всей провинціи, названный графъ Чернышевъ^{*}, захваченъ. Санктпетербургскаго карабинернаго

* Названный графъ Чернышевъ — это Чапа.

полку подполковникъ Михельсонъ, отправленный для сего съ доташементомъ, производя сіе, стремительно сдѣлалъ поиски и въ окрестности Уфы, и многія злодѣйскія собранія сокрушивъ, ослѣдѣвъ и всюю ихъ артиллерію, и теперь непрестанно съ неизменною къ нему изъ многихъ и отдаленныхъ селеній являются; лучшіе же башкирскіе старшины, обратясь отъ злодѣйствъ и сообщества съ злодѣемъ Пугачевымъ, въ заслуженіе своихъ преступленій, обязались ему, подполковнику, не только вездѣ злодѣйскія сборища истреблять, но и самаго злодѣя, обольстившаго ихъ, изловить стараться».

Дѣйствительно, распоряженія Бибикова и побѣда князя Голицына подъ Татищевой круто поворотили ходъ дѣлъ, до того времена столь безнадежный. Бѣжавъ изъ Верды съ небольшою толпою и съ 10 пушками, Пугачевъ думалъ ударить на Сорочинскую крѣпость; но на дорогѣ они наткнулись на лжнниковъ князя Голицына и, боясь опять столкнуться съ этимъ, страшнымъ уже для самозванца, противникомъ, бросились опять назадъ, прибѣжали въ Каргалу, освободили содержавшихся тамъ, въ погребахъ, плѣнныхъ татаръ, которые тамошними татарами засажены подъ караулъ во время отсутствія Пугачева, за то, что служили въ его войскѣ. Освобожденные самозванцемъ, татары успѣли произвести въ Каргалѣ рѣзню: мста за свою обиду, они, съ дозволенія самозванца, перекололи тѣхъ татаръ, которые ихъ сажали въ погреба, а дома ихъ выжгли. Изъ Каргалы, самозванецъ бросился къ Сакмарѣ, оставивъ въ Каргалѣ, «на заставѣ», сотника Мясникова съ пятьюстами казаковъ. Въ Сакмарѣ онъ остановился на роздыхъ, поквартирно. Сакмарскій атаманъ съ своимъ отрядомъ бѣжалъ въ Оренбургъ, и хотя пугачевцы за нимъ погнались, но догнать не могли. За то схватили на дорогѣ отца этого атамана, который прежде служилъ Пугачеву: самозванецъ велѣлъ повѣсить его «за измѣну». Въ Сакмарѣ самозванецъ ночевалъ двѣ ночи; но мысль о князѣ Голицынѣ не покидала его. Онъ даже какъ-то писалъ этому князю, напоминая ему о вѣрной службѣ русскимъ императорамъ, отца его и дѣда. Называя себя императоромъ, Пугачевъ въ указѣ своемъ, посланномъ Голицыну, говорилъ, что отецъ и дѣдъ князя Голицына служили «его предкамъ». Безпокойство не оставляло самозванца: изъ Сакмара онъ опять кинулся-было въ Верду, чтобъ провѣдать, не идетъ ли князь Голицынъ; но Голицына не было. Въ Бердѣ самозванецъ наткнулся на отряды, высланные изъ Оренбурга, чтобъ забрать оставшія послѣ Пугачева провіантъ, фуражъ и пушки, и хотя отряды эти бросались бѣжать, однако, самозванецъ нѣкоторыхъ успѣлъ захватить.

Но Берда перестала быть столицей самозванца. Оренбургъ уже успѣлъ вздохнуть. Самозванецъ уже не могъ стоять на одиошъ мѣстѣ, не могъ сосредоточиться: онъ сталъ метаться. Бросивъ въ третій разъ Берду, онъ снова поскакалъ въ Самарь, гдѣ собралось у него толпы до 2,000 человекъ. Пришла, наконецъ, отъ Масовдова вѣсть и о томъ, что Голицинъ идетъ къ Каргалѣ. Самозванецъ рѣшился встрѣтить своего врага, чтобы отомстить за поражение подъ Татищевой. Но все было напрасно. Захвативъ съ собою только шесть пушекъ, Пугачевъ пошелъ на Голицина. Они сошлись у самой Каргалы. Завязалась битва. Пугачевъ не выдержалъ и отступилъ. Конница Голицина, не останавливаясь, напирала на толпу. Самозванецъ хотѣлъ удержать позицію у мельницы; но корпусъ Голицина вновь ударилъ на него. Толпа не выдержала удара и побѣжала. Побѣжалъ и самъ Пугачевъ. Бѣгство самозванца еще болѣе смутило толпу: види, что онъ самъ бѣжитъ, толпа бросилась за нимъ, и въ догону вся была разбита отрядами Голицина.

Отсюда-то самозванецъ бѣжалъ въ Башкирію, какъ говорить объ этомъ и князь Щербатовъ.

Въ вышеприведенномъ извѣстіи князя Щербатова, о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ первый разъ упоминается имя *подполковника Михельсона*. Имя это тѣсно связано съ исторіей Пугачевщины: Пугачевщина-то и покрыла это имя безсмертною славой. Когда Вибиковъ принялъ начальство надъ войсками, родственникъ его, генералъ Ларіоновъ, человекъ совершенно неспособный, вызвался командовать «дворянскимъ легиономъ», отправленнымъ для освобожденія Уфы, которая была во власти пугачевцовъ. Его лѣнь и бездарность были причиною того, что detachmentъ его былъ отданъ Вибиковымъ подполковнику Михельсону, котораго зналъ самъ Вибиковъ и который обратилъ на себя вниманіе его въ войнѣ съ конфедератами въ Польшѣ, гдѣ и былъ раненъ. Даровитый нѣмецъ оправдалъ довѣріе Бибикина: онъ освободилъ Уфу, разбилъ самого Чану, котораго самозванецъ называлъ своимъ фельдмаршаломъ, и взялъ его въ плѣнъ, вмѣстѣ съ другимъ любимцемъ Пугачева, Ульяновымъ.

Съ этихъ поръ неутомимый Михельсонъ сталъ каменъ-то страшилищемъ для самозванца. Славный нѣмецъ, какъ грозный призракъ, всегда появлялся въ самыя рѣшительныя минуты, и каждая встрѣча этихъ двухъ противниковъ всегда оставляла на мѣстѣ битвы груды тѣлъ и сопровождалась бѣгствомъ самозванца.

Вообще первое время по смерти Вибикова, только и слышно было о побѣдахъ. Электрическая сила, переданная этимъ энер-

гическимъ человѣкомъ подчиненнымъ ему генераламъ и полковникамъ, продолжала дѣйствовать и послѣ смерти славнаго полководца. И въ гробѣ, онъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, какъ бы продолжалъ распоряжаться ходомъ войны, ободрялъ нерѣшительныхъ, помогалъ слабымъ, двигалъ всѣми войсками: машина, заведенная имъ, не переставала дѣйствовать, и князь Щербатову выпало на долю извѣщать только о побѣдахъ, которыя, въ сущности, одерживалъ мертвый Библиковъ, да Михальсонъ не дремалъ и тогда, когда засыпали всѣ до одного. Князь Голицынъ хватилъ только на двѣ битвы. Декалонгъ не могъ выбиться изъ джунглиности, которую показали почти всѣ тогдашніе начальники войскъ.

Въ концѣ апрѣля князь Щербатовъ извѣщалъ поволжскихъ губернаторовъ, что князь Голицынъ, «по совершенномъ пораженіи злодѣйской главной толпы и истреби всѣ силы, по благополучномъ освобожденіи города Оренбурга, къ восстановленію въ сей губерніи спокойствія и къ приведенію бунтующіе народы въ должное повиновеніе ея императорскому величеству, отрядилъ два главные detachementa, подъ командою господъ генералъ-майоровъ Мансурова и Фреймана, назнача первому движеніе внизъ по рѣкѣ Яику, а послѣднему внутрь Башкиріи, содѣйствіе которыхъ полными успѣхами отвѣтствуетъ».

Эти «полные успѣхи» были слѣдующаго рода:

«Господинъ генералъ-майоръ Мансуровъ, занявъ крѣпость Озерную, Разсыпную и Илецкой городокъ, нашелъ въ семь послѣднемъ 14 чугунныхъ пушекъ и множество разной сволочи, укрывающихся по разбитіи злодѣевъ. Отъ 12-го, 15-го и 17-го чиселъ онъ увѣдомилъ, что съ успѣшностью достигая до самаго ихъ злодѣйскаго гнѣзда, былъ встрѣченъ у форпоста Иртецкаго бунтовщиками, числомъ въ 200-хъ, кои отъ передовыхъ войскъ были опрокинуты, съ урономъ отъ нихъ 50 человѣкъ. Наконецъ, яцкіе казаки, сообщники злодѣйству, въ шести стахъ человѣкахъ и до ста калмыкъ дерзнули, у тѣснаго прохода, при рѣкѣ Быковѣ, держаться; но высланными тремя эскадронами кавалеріи побѣждены и преслѣдованы были болѣе двѣнадцати верстъ, съ немалымъ урономъ. При семъ случаѣ отбито у злодѣевъ 4 пушки и одинъ 12-ти фунтовый единорогъ; а 16-го занять оружіемъ ея императорскаго величества и самимъ городъ Яикъ, а бывшій въ осадѣ комендантъ со всѣмъ его гарнизономъ освобожденъ; жену самозванца и съ нею изъ начальниковъ злодѣйскихъ Калгина и Горшкова взялъ; а прочіе, бывшіе тамъ бунтовщики, разсыпавшись, бѣжали въ степь».

Защита Яика была самая отчаянная. Но о подробностяхъ осады

этой крѣпости мы не считаемъ нужнымъ распространяться, потому что подробности эти приведены у Пушкина, а имъ взяты изъ особой статьи, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина*. Мы приводимъ здѣсь только официальные извѣстія, и притомъ въ томъ видѣ, въ какомъ они до сихъ поръ еще не были въ печати.

Жена самозванца, взятая въ Яицкѣ—это Устинья Кузнецова, которую въ церквахъ поминали подъ именемъ «государыни императрицы Устины Петровны».

Фрейманъ дѣйствовалъ не менѣе усѣбно.

«Господинъ генералъ-маіоръ Фрейманъ (писалъ князь Щербатовъ), отправленной съ деташементомъ внутрь Башкиріа, къ преслѣдованію бѣжавшаго самозванца, и разосланные отъ князя Голицына объявленія о поимкѣ сего государственнаго вора, злодѣя Пугачева, укрывающагося, по послѣднимъ, дошедшимъ ко мнѣ партикулярнымъ извѣстіямъ, съ толпою, изъ сволочи составленною, на Петровскихъ заводахъ», имѣли слѣдствіемъ то, что «многіе башкирскіе старшины, будучи объаты страхомъ, признавъ толь великое ихъ преступленіе, присылають къ нему, князю Голицыну, съ повинною, прося покровительства отъ оружія ея императорскаго величества, и всѣ они до того приведены, что, собравъ силы болѣе двухъ тысячъ, пошли на истребленіе тѣхъ, которые еще въ упорствѣ пребываютъ, и клятвенно обѣщались употребить свои старанія поймать злодѣя Пугачева. Но какъ сей народъ легкомысленной, то... князь Голицынъ предложилъ... Фрейманту должныя примѣчанія объ ихъ поступкахъ имѣть, къ тому же брать въ аманаты первыхъ старшинъ изъ каждаго селенія, и изъ Ашгадаръ, теперешняго мѣста его пребыванія, слѣдовалъ бы въ Исетскую провинцію, гдѣ зараза бунта, по доходящимъ извѣстіямъ, явобн продолжается, куда уже и пошоль». Сверхъ того комендантамъ «поверхъяицкой дистанціа» велѣно было усилить понесія, чтобъ помѣшать бунтовщикамъ пробраться въ Исетскую провинцію. Для наблюденія надъ «непостоянными башкирцами», къ вершинѣ рѣки Сакмары и Илека и въ уральскимъ горамъ поставленъ «довольнолюдный деташементъ» въ Воздвиженской крѣпости. Остальныя же войска раздѣлены на два обсерваціонные деташемента и расположены въ Сакмарскомъ городкѣ и Каргалинской слободѣ.

Михельсонъ долженъ былъ дѣйствовать соединенно съ генераломъ Фрейманомъ, потому что и около Уфы было еще не спокойно, да и всякое спокойствіе въ то время не могло быть

* «Оборона Яицкой крѣпости отъ партіи матежниковъ».

продолжительнымъ. Толпа пугачевцевъ и самъ самозванецъ съ яicznими казаками подобно степному вѣтру носились съ мѣста на мѣсто, и трудно было предвидѣть, гдѣ они вновь появятся и какая провинція можетъ опять встать поголовно. Пугачеву, какъ классическому полководцу Рима, стоило только топнуть ногою въ землю, чтобъ изъ нея вышли легіоны, болѣе многочисленныя и болѣе страшныя, чѣмъ легіоны древняго Рима.

Наконецъ маіоръ Гагринъ недалеко отъ Челябинска имѣлъ четыре битвы съ пугачевцами. Гагринъ побѣдилъ и вступилъ въ Челябинскъ. Онъ взялъ девять пушекъ, одну мортиру съ снарядами и не мало плѣнныхъ.

Таковы были плоды распоряженій Бибикова. Эти жестоки битвы, эти быстрыя и неожиданныя побѣды, когда, кажется, все уже было потеряно, служатъ яснымъ доказательствомъ, какъ много можетъ сдѣлать умъ и воля одного человѣка, имѣющаго въ себѣ силу дѣйствовать въ то время, когда все засыпаетъ.

Но не долго пришлось русскимъ генераламъ загребать жаръ чужими руками. Руки эти уже не могли дольше дѣйствовать, лежа въ могилѣ, свѣтлая голова не могла больше думать за другихъ, а руки и головы другихъ мало были способны и думать и дѣйствовать. Все, что выигралъ Бибиковъ, было потеряно. Даже Михельсонъ не могъ удержать того, что выпустили изъ своихъ рукъ его сотоварищи по оружію и начальники. У него такъ мало было власти въ рукахъ, и голова его не смѣла думать за другихъ, и рукамъ его не позволялось за другихъ дѣйствовать. Но слѣды за его быстрыми переходами, особенно въ такое время, когда всѣ рѣки и ручьи разлились и не давали другимъ военачальникамъ сдѣлать ни одного шагу, види, какъ онъ боролся съ природою, переходилъ гранитныя горы Урала, каждый день давалъ то тамъ, то здѣсь битву и всегда удачную, — нельзя не удивляться, сколько было нравственной силы у этого человѣка и какое должно быть у него желѣзное здоровье. Эта быстрота, эта жизнь подъ выстрѣлами, эта неутомимость, эта постоянная напряженность мысли рѣдко выносятся однимъ человѣкомъ, а если и выносятся, то человѣкъ этотъ отмѣченъ природою для великихъ дѣлъ. Таковъ же былъ и его противникъ. Тысячи, десятки тысячъ верстъ проскакали и тотъ и другой на конѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ — и все это не отразилось на ихъ здоровьѣ. Они не утомлялись, они продолжали дѣйствовать. По расчетамъ современниковъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, Михельсонъ успѣлъ пройти 8,000 верстъ, потому

* Jahresfrist.

назадъ прошелъ болѣе 1,100 нѣмецкихъ миль, потомъ въ 35 дней сдѣлалъ переходъ въ 1,400 верстъ*. Пугачевъ же съ своими любимцами успѣлъ сдѣлать едва ли не вдвое болѣе пространство. То являются они въ Уфѣ, то видятъ ихъ въ Магнитной крѣпости, за Уральскимъ хребтомъ, то на Саткинскомъ заводѣ, то въ Верхне-Яицкѣ, то опять въ Уфѣ, въ Оренбургѣ— и все это за сотни верстъ, все это во время разлива рѣкъ, и между тѣмъ каждый день рѣзня, а тамъ опять гонка за неприятелями, опять стички, побѣды, пораженія. Противники стояли другъ друга: одинъ не падалъ духомъ, когда, въ виду страшнаго неприятеля, у него оставалось только по два патрона, другою, потерявъ всю свою артиллерію, всѣ войска, скачетъ самъ пять изъ крѣпости въ крѣпость, и шлетъ грозные указы, набираетъ новыя толпы, беретъ крѣпости, пушки, вѣшаетъ комендантовъ, и, не позволяя себѣ рожька, ураганомъ налетаетъ на противника, а противникъ, въ свою очередь, гонится за нимъ, не останавливается ни передъ тѣмъ, настигаетъ врага, и опять разбиваетъ «на чисто», какъ говорилъ самъ Пугачевъ. Подъ ними падаютъ кони; они хватаютъ другихъ, загоняютъ и этихъ, и опять гонятся другъ за другомъ, кружатъ взадъ и впередъ, и вновь сталкиваются, и вновь одинъ разбитъ, а черезъ нѣсколько дней этотъ разбитый опять становится вдесятеро сильнѣе своего противника, вдесятеро дерзче и вдесятеро неутомимѣе. Попадаются рѣки, и ихъ переходятъ вплавъ, карабкаются по Уральскому хребту, являются то по сю сторону Урала, то по ту, и опять схватки, опять громъ орудій, опять рѣзня палашами или работа пикъ. Кто побѣдитъ—это еще вопросъ, и притомъ вопросъ такой страшный для Россіи. Для отчаяннаго казака все равно — побѣдитъ или пастъ: «все равно смерть — такъ лучше умереть въ битвѣ», вотъ что говорилъ Пугачевъ. Онъ родился казакомъ, онъ съ дѣтства приучился скакать на дикихъ коняхъ, онъ выросъ на сѣдлѣ, а удачи давали ему неотразимую силу. Не легко было бороться съ такимъ человѣкомъ и съ товарищами его, одного съ нимъ закала, не легко было ихъ умять, а особенно когда у нихъ, что ни шагъ, то новое войско. Однако Михельсонъ и ихъ умялъ. Но это еще было тамъ далеко впереди: Пугачевъ только что разыгрался послѣ первыхъ неудачъ. Какъ раненный звѣрь, онъ сталъ еще болѣе дерзокъ. Онъ бралъ быстротой, а между тѣмъ зналъ, что слово его много значить для русскаго народа: слово это было — *воля*. Болѣе 100,000 человѣкъ пали жертвою этого слова, которое

* Bemerkung etc.

Пугачевъ прокричалъ по всей Россіи. Но все-таки ему не удалось сломить Михельсона.

VI.

Въ то время, когда Пугачевъ, преслѣдуемый по пятамъ Михельсономъ, метался изъ стороны въ сторону по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта, когда бѣльшая часть нашихъ войскъ стянулась къ сѣверу, на югѣ, вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, именно въ вершинахъ Иргиза, поднялись ставропольскіе калмыки. Воровскія партіи ихъ пустились на грабежъ и разореніе тамошнихъ поселеній. Противъ бунтовщиковъ посланы были команды. Хотя калмыки разсѣялись по степямъ, однако для нихъ лежала открытая дорога во всѣ стороны, и преимущественно на югъ, гдѣ они могли найти «узыривательство въ стѣнныхъ мѣстахъ, а особливо, по родству и знакомству своему», въ улусахъ волжскихъ некрещенныхъ калмыковъ. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе могло безпокоить правительство, что такимъ образомъ бунтъ перешелъ бы слишкомъ далеко на югъ и передался бы всѣмъ калмыкамъ, какъ волжскихъ улусовъ, такъ и Дербетева владѣнія, которые, съ своей стороны, должны были сообщить пламя пожара далеко за военную царицынскую линію, къ самой Кубани. Тогда по всей завожской стѣни разсыпались развѣздныя команды для пресѣченія пути ставропольскимъ калмыкамъ; но команды эти были такъ ничтожны, что не помѣшали бунту распространиться по всей степи, и хотя бунтъ не вспыхнулъ открыто, при всемъ томъ всѣ кочевые народы уже были приготовлены къ тому, чтобы, при первой возможности, перейти на сторону противниковъ правительства. Однимъ словомъ, калмыки едва окончательно не испортили всего дѣла, когда Пугачевъ, разбитый подъ Казанью и отгнанный съ нижегородской и московской дорогъ, направилъ свой бѣгъ по направленію къ кубанской сторонѣ, какъ мы это и увидимъ впоследствии.

Но возвратимся къ самому Пугачеву.

Мы оставили его въ Башкиріи. Въ первое время, когда у него еще почти никого не было, онъ перебивалъ на заводахъ Киргизлинскомъ и Авзяно-Петровскомъ. Здѣсь онъ успѣлъ набрать не болѣе 200 человекъ. Отсюда онъ кинулся на Бѣлорѣцкій заводъ. Башкирія, между тѣмъ, встала почти поголовно. Предводителемъ этого возстанія явился природный башкирецъ, отважный Салаватъ, который впоследствии соединился съ самокванцемъ. Съ Бѣлорѣцкаго завода Пугачевъ двинулся на Маг-

нитную крѣпость. Приходилось уже бороться съ Уральскими горами. У самозванца не было ни одной пушки. Подступая къ Магнитной, онъ послалъ коменданту указъ, требуя добровольной сдачи крѣпости. Комендантъ не послушался. Но дерзость самозванца не знала предѣловъ: распорядясь горстью конницы, онъ однако сомандовалъ на приступъ. Съ крѣпости отвѣчали пушкани, и картечью ранило въ руку самого Пугачева. Страдая отъ раны и вида бесполезности отчаяннаго приступа, онъ велѣлъ отступить. Но отдохнувъ въ Столбикѣ, онъ снова пошелъ на приступъ. Онъ раздѣлилъ свою толпу на пять частей, и пятью жестройшими колоннами ударилъ на крѣпость. Магнитная не выдержала. Загороди были разобраны руками, гарнизонъ сдался. Комендантъ бѣжалъ изъ крѣпости. Самозванецъ захватилъ крѣпостную артиллерію, порохъ, ядра и другіе припасы. Крѣпость ограбилъ и сжегъ. Тутъ подоспѣлъ къ нему Овчинниковъ (мнѣшій графъ Панинъ) и Бѣлгородовъ, одинъ изъ первыхъ любимцевъ самозванца. Они бѣжали изъ Яицкаго города, когда тотъ былъ взятъ Мансуровымъ. Овчинниковъ и Бѣлгородовъ привели съ собою толпу яицкихъ казаковъ да заводскихъ крестьянъ. Силы самозванца, такимъ образомъ, опять росли съ каждымъ днемъ, и онъ имѣлъ уже свою артиллерію. На другой день во взятіи Магнитной явился и комендантъ этой крѣпости, Тихановскій, съ повинною. Но расказаніе его уже было позднее: Пугачевъ велѣлъ повѣсить Тихановскаго съ женою.

Отъ Магнитной крѣпости самозванецъ двинулся вверхъ по яицкой линіи. Провѣдавъ, что наперерѣзъ ему идетъ Декалонгъ, онъ поворотилъ въ сторону, обошелъ его стѣною, бросился опять въ Уральскія горы и явился подъ Карагайскою крѣпостью. Декалонгъ окончательно сбился съ толку и не зналъ, гдѣ ему ловить своего страшнаго противника, перелетавшаго съ мѣста на мѣсто. Декалонгу, медитальному, нерѣшительному, робкому, но плечу было гоняться за лихимъ казачиимъ партизаномъ, котораго не могли выбить изъ сѣдла и страданія отъ нелученной недѣ Магнитною крѣпостью раны. Явившись подъ Карагайскою крѣпостью, Пугачевъ требовалъ ея сдачи. Крѣпость не смѣла сопротивляться и сдалась. Однако, самозванецъ велѣлъ ее выжечь, чтобъ «въ случаѣ Декалонгова поспѣшенія, была ему чрезъ то остановка». И дѣйствительно, Декалонгъ нашелъ въ Карагайской только дымящіеся остатки крѣпости. Изъ этой крѣпости пошелъ въ службу самозванца какой-то французскій слотонъ.

Изъ Карагайской крѣпости Пугачевъ двинулся еще выше, на Петровальскую. Вѣдь приступомъ, людей присоединилъ къ

себѣ, а крѣпость выжечь. Оттуда бросились на Степную крѣпость. Взять и ее, разграбить и выжечь. Не зная усталости, онъ кинулся еще далѣе по восточному склону Уральскаго хребта, въ Сибирь, перешелъ рѣку Тоболъ, и напалъ на Троицкую крѣпость. Это была сильная крѣпость, но и у Пугачева была уже огромная армія. Крѣпость отчаянно защищалась, но все-таки не выдержала натиска. И эту крѣпость постигла участь прежнихъ. Пугачевъ разграбилъ ее, людей вслѣдъ выгналъ и присоединилъ къ своей арміи. Утомленный невозможными усиліями, нечеловѣческими трудами и такими переходами, какіе въ состояніи была вынести только его желѣзная сила и такая воля его сподвижниковъ, мучимый ранено, полученною отъ картечи подъ Магнитной, самозванецъ отдыхалъ въ своей палаткѣ, въ станѣ, въ виду разграбленной крѣпости. Тутъ только наткнулся на него Декалонгъ. Завязалась битва. Къ счастью Декалонга, Пугачевъ не могъ самъ распорядиться своими войсками, лежалъ въ палаткѣ, а когда, видя неудачныя распоряженія Вѣлобередова, командовавшаго войсками самозванца, и велѣлъ пойти себѣ коня, на которомъ самъ, хотя и съ подвизанною рукою, бросался въ самую жаркія мѣста, однако, сраженіе было проиграно.

У самозванца опять осталась одна пушка. Онъ бѣжалъ съ небольшою горстью, забравъ на дорогѣ все, что попадалось. Съ каждымъ часомъ опять росла его толпа. Онъ бѣжалъ къ Кунчуру. Но Михальсонъ уже давно гнался за нимъ изъ Уфы, желая перерѣзать ему дорогу. Михальсонъ и Пугачевъ еще ни разу не встрѣчались лицомъ въ лицу. Михальсонъ отважно перешелъ черезъ Уральскія горы, перешелъ выжечь рѣки, артиллерию, за невозможностью перевести черезъ рѣки, перетаскивалъ на канатахъ по дну рѣкъ, осушая потомъ думъ пушекъ, намокшихъ водою, и снова стремился за тѣмъ, кого онъ такъ жадно ловилъ. Наконецъ, пришлось и имъ встрѣтиться. Михальсонъ удивился, когда увидѣлъ стрейное войско самозванца. Онъ думалъ, что это правительственныя войска. Пугачевъ предупредилъ Михальсона. Велѣвъ сѣсть свои конники, самозванецъ ударилъ на Михальсона. Михальсону суждено было побѣдить Пугачева при первой съ нимъ встрѣчѣ: ему же суждено было побѣдить его и при послѣдней и — въ послѣдній разъ. Сначала Пугачевъ отбилъ у Михальсона всѣ его пушки, опрокинулъ хвостъ крыла, смялъ и разстроилъ. Но Михальсонъ оправился: конники его одолѣли бутузниковъ. Всѣ пушки, и свои и чужіи, Михальсонъ отнял. Толпа была побита. Самозванецъ, какъ онъ самъ выражался, былъ разбитъ «малышомъ». То же самое было и въ послѣдній разъ, когда эти неутомимые противники встрѣтились да-

лего отъ настоящихъ вѣсть на югѣ, уже ниже Царяцнна. Но объ этомъ послѣ.

Самозванецъ бѣжалъ въ Похвы. У него не оставалось ничего отъ той огромной толпы, которую онъ привелъ подъ Троицкую крѣпость. Но Пугачеву ничего не стоило собрать новую армію: армія эта составилаь въ нѣсколько дней, и съ новыми силами самозванецъ кинулся на Красноуфимскую крѣпость. На берегу рѣки Ая онъ соединился съ башкирскими толпами Салавата. Даже Михельсонъ не могъ угоняться за ними. Красноуфимскъ былъ взятъ. Но вотъ опять новая встрѣча съ Михельсономъ. Противники сошлись на противоположныхъ берегахъ рѣки Ая. Мосты сняты. Переправъ нѣтъ. Казаки Михельсона бросаются вплавъ черезъ рѣку. Къ каждому верховому прицѣпилось по одному егерю. Казаки и егери уже на томъ берегу. Потопленные въ воду пушки тянутся на канатахъ по дну рѣки. Пушки вытасены и завязалась свалка. Салаватъ раненъ. Пугачевъ бѣжалъ, хотя самъ и говорилъ послѣ, что ничего тутъ «важнаго» не произошло.

Самозванецъ кинулся на пригородъ Осу. Михельсонъ шелъ за нимъ наудачу. Три раза скватывались они во время этой гонки другъ за другомъ, и три раза Михельсонъ одолевалъ и прогонялъ самозванца. Тотъ опять набиралъ толпы, которыя точно изъ земли вырастали. Только пушекъ у него не было. Но ему не долго было достать ихъ. Пославъ передовыхъ башкиръ тревожить Осу, Пугачевъ остановился въ засадѣ. Изъ Осы послали команду, и она была разбита. У Пугачева опять явились пушки. Пославъ въ крѣпость указъ о сдачѣ и получивъ отвѣтъ, онъ повелъ свои толпы на приступъ. Городъ былъ взятъ и взяженъ. Оставалась не взятою только крѣпость. Но и тамъ колебались. Михельсонъ не приходилъ на выручку; онъ потерялъ Пугачева изъ виду. Тогда самозванецъ велѣлъ подвзатить къ крѣпости 50 возовъ сѣна и прочихъ горючихъ матеріаловъ, чтобы поджечь деревянныя стѣны крѣпости. Изъ крѣпости закричали:

— Сладимса! только дайте до утра время.

Пугачевъ согласился на ихъ просьбу. Утромъ изъ крѣпости вышелъ былъ казакъ, который долженъ былъ удостовѣриться, дѣйствительно ли медъ крѣпостью отомтъ самъ государь Петръ Федоровичъ. Казакъ, посмотрѣвъ на Пугачева, ничего не сказалъ и воротился въ крѣпость. На другой день крѣпость открыла верета. Пугачевъ былъ встрѣченъ немѣндантомъ Скрипичинымъ на волѣняхъ съ хлѣбомъ-солодъ и съ образами. За сдачу крѣпости самозванецъ нѣсколько оставалъ Скрипичина въ жи-

вытъ, но и оставилъ при немъ его шагу. Все-таки Осу приказалъ выжечь.

Оса была крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго доходилъ Пугачевъ. Выше онъ не пошелъ. Надо было рѣшиться на крайній и отчаянный шагъ, и онъ рѣшился. Шагъ этотъ — походъ на Москву.

— Казаки умилно просили меня, чтобъ идти въ Москву, что я, въ удовольствіе ихъ, обѣщаль, говорилъ впоследствии самозванецъ.

Но прежде надо было взять Казань. Казань была открыта. Всѣ войска разсѣялись, гоняясь то за самимъ Пугачевымъ, то за его полковниками, то за башкирцами. Даже Михельсонъ не могъ угоняться за самозванцемъ, который не зналъ усталости. Онъ прибѣжалъ въ Осу въ то время, когда она, выжженная Пугачевымъ, уже была имъ брошена. Надо было перехватить противника, пока онъ не дошелъ до Казани, а Михельсонъ не успѣлъ этого сдѣлать.

Но едва самозванецъ перешелъ черезъ Каму, такъ узналъ, что взятый въ Осу комендантъ Скрипичинъ писалъ письмо къ кунгурскому коменданту и просилъ его послѣдить вслѣдъ за Пугачевымъ. «Я заклепаю у Пугачева пушки — писалъ онъ — и такъ сего влодѣя истребимъ». Скрипичинъ былъ повѣшенъ, и Пугачевъ пошелъ дальше къ Казани.

Какъ на фактъ, прекрасно характеризующій эту страшную эпоху, укажемъ на слѣдующее обстоятельство:

Извѣстно, что предшественникомъ Пугачева былъ самозванецъ Богомоловъ, явившійся въ Царицынъ и сидѣвшій тамъ подъ карауломъ. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ партизановъ этого самозванца былъ донской казакъ Семенниковъ, который дѣйствовалъ на Дону въ пользу Богомолова и склонялъ казаковъ къ бунту. Дѣло Богомолова, какъ извѣстно, было проиграно. Войско донское не было вовлечено въ бунтъ, благодаря энергіи Черновубова и дѣятельности Абросима Луковина, прекрасно дѣйствовавшаго противъ обоихъ самозванцевъ, какъ противъ Богомолова, такъ и противъ Пугачева. Всѣ сообщники Богомолова были схвачены. Спаслись только двое: самъ дѣятельный агитаторъ въ пользу Богомолова, Семенниковъ и другой казакъ, Еремѣевъ. Казни Богомоловъ подвергнутъ былъ въ концѣ 1773 года, то-есть передъ появленіемъ Пугачева. Казни ему, впрочемъ, была опредѣлена не смертная: его били плутомъ, вырѣзали ноздри, положили на лицѣ позорные знаки и отправили въ Сибирь. На дорогѣ онъ умеръ. Черезъ годъ почти коимани были Семенниковъ и Еремѣевъ. По суду ихъ вѣдѣно было послать въ

Сибирь. Срокъ высылки приотдѣлся въ іюлѣ 1774 года: но въ Сибирь уже не было проходу, весь тотъ край находился въ рукахъ Пугачева, преемника Богомолова.

Такимъ образомъ Пугачевъ шелъ къ Казани. Высланныя противъ него войска были разбиты. Казань взята. Подробности о взятіи Казани мы обходимъ, потому что ихъ можно найти и у Пушкина, и у Щебальскаго, и въ напечатанныхъ уже новизаніяхъ Пугачева, и въ другихъ монографіяхъ по этому предмету.

Но вотъ что писалъ казанскій губернаторъ Врандтъ воронежскому губернатору Шетневу черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Пугачевъ ушелъ изъ Казани:

«Извѣстному государственному злодѣю и бунтовщику Пугачеву, по притчинѣ малости бывшихъ здѣсь воинскихъ командъ, а по великости гражданскаго селенія, съ набранною имъ великою толпою, пришедъ въ Казань, и сего 12-го числа іюля удалось сдѣлать сему городу великое разореніе пожженіемъ почти всего селенія и грабительствомъ имущества и гражданъ, а многихъ изъ нихъ тирански убивствомъ. Крѣпость же со всѣмъ въ ней казеннымъ имуществомъ, строеніемъ и людьми, которые въ ней были, милостію всевышняго Бога, оставалась цѣлою. Но семь несчастій, того-жъ 12-го числа прабывшимъ сюда господиномъ подполковникомъ Михельсономъ съ detachmentомъ поминутой варваръ въ первое, а 13-го во второе былъ поражаемъ и съ тѣмъ сей подполковникъ Михельсонъ пришелъ въ Казань, а 15-го числа, злодѣй, получа помощь прибывшими къ нему башкирцами, человекъ больше трехъ тысячъ, отважился приблизиться еще къ Казань, которой верстъ за пять былъ встрѣченъ поминутымъ подполковникомъ Михельсономъ, и въ прахъ разбитъ: множество толпы его злодѣевъ побито и множество живыхъ взято, а самъ тиранъ Пугачевъ ушелъ, и сейчасъ получилъ я отъ свѣжскаго воеводы репортъ, что онъ перебирается чрезъ Волгу, выше Свѣжска верстахъ въ семьдесятъ, и хотя за нимъ поискъ и происходитъ, но какъ преслѣдуемія (преслѣдующія) его войска дальними и скоростянными маршами такъ утомлены, что сколь его ни поражаютъ, однако-жъ безъ встрѣнныхъ командъ совсѣмъ истребить не могутъ, чего ради дабы сей извергъ не могъ пробратца на Донъ и умножить его злодѣйствъ, за должное нахожу ваше превосходительство о томъ предувѣдомить для взятія надлежащей предосторожности».

Такимъ образомъ Пугачевъ перебрался на эту сторону Волги. Передъ нимъ лежала открытая дорога на Нижній, на Москву и Петербургъ. Но больше всего, какъ видно, боялся его поворота на Донъ. Самъ же Пугачевъ, повидному, не зналъ на

что рѣшиться. Неудача подъ Казанью, безъ сомнѣнія, нѣсколько поколебала его смѣлость и надломляла эту дикую энергію, съ которою онъ до тѣхъ поръ дѣйствовалъ. Между тѣмъ колебаться ему было нечего. Нижній былъ открытъ*; въ Арзамасѣ даже не знали, далеко ли непріятель, хотя нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что выиграть кого-либо въ этомъ невѣдѣніи положительно невозможно, когда каждый приносилъ новія вѣсти о новыхъ движеніяхъ непріятеля и когда этотъ непріятель леталъ изъ стороны въ сторону, переходилъ изъ одной мѣстности въ другую съ неизмѣрною быстротою, съ которою не могли соперничать не только комендантскіе, воеводскіе и губернаторскіе нарочные, но и царскіе курьеры. Это была какая-то бѣшеная скачка полудивныхъ людей, загонявшихъ въ день по нѣскольку лошадей, и современникъ-иностранецъ правъ только отчасти, обвиняя мѣстныя русскія власти въ «непростительной безпечности»**.

Нижній и Москва ожидали, что и ихъ постигнетъ участь Казани. Нижегородскій губернаторъ явился въ Арзамасъ и созвалъ мѣстное дворянство, чтобы, въ виду общей опасности, пригласить всѣхъ дѣйствовать противъ страшнаго врага соединенными силами. Въ трогательной и патетической рѣчи онъ представлялъ немѣждкамъ, что армія бунтовщиковъ быстрыми шагами приближается къ казанскимъ предѣламъ (а черезъ нѣсколько дней Казань уже была взята), что между тѣмъ государыня не въ состояніи призвать отъ турецкихъ границъ свои побѣдоносныя войска, хотя, тѣмъ не менѣе, уже близокъ славный и желаемый миръ съ могущественнымъ непріятелемъ. Онъ изобразилъ немѣждкамъ жестокость, съ которою Пугачовъ и его кровожадные сообщники-палачи*** свирѣпствуютъ во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыя они вступаютъ. Онъ не скрылъ передъ ними огромной

* Вотъ что говоритъ одинъ современникъ, которому пришлось проѣзжать около Арзамаса еще въ то время, когда Пугачевъ былъ далеко отъ Казани и когда еще никто не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ перейдетъ черезъ Волгу: «Schon auf dem Wege zu ihm (къ кому очевидно яхалъ) wurde ich durch die vertrauten Unterredungen der Bedienten, die man mir mitgegeben hatte, mit den Bauern bei denen wir einkehrten, überzeugt, dass die Rebellion des Pugatschews im geringsten noch nicht gestillet sey, sondern immer mehr um sich griffe». Bemerkung etc., стр. 179.

** Die unverzeihliche Sorglosigkeit in der die Karselsi zu Arsamass lebte, deren Pflicht es doch, bei der grossen Gefahr, worinn die umliegenden gegenden, und auch die Glieder derselben für ihre Person schwebten, ohne Zweifel gewesen wäre, Kundschaften anzuschicken, war Ursache, dass man den Feind weiter glaubte, als er wirklich war». Ibid. 186.

*** «der blutgierige Rebelle mit seinen Henkerknechten». Ibid. 181.

опасности, которая угрожала всѣмъ дворянамъ и ихъ семействамъ, и заключилъ свою рѣчь просьбою — не теряя времени набирать рекрутъ, вооружать ихъ и, въ случаѣ нужды, вести противъ мятежниковъ. За это патриотическое дѣло, за это самоотщипленіе губернаторъ, именемъ императрицы, обѣщалъ великія милости не только всѣмъ помѣщикамъ, но и поддѣйшему ихъ потомству*. Всѣ дворяне отвѣчали готовностью; но только одинъ Салтыковъ (котораго иностранецъ называетъ графомъ), назначилъ въ Нижній 300 человекъ изъ своихъ крестьянъ; прочіе же предавались своимъ обычнымъ удовольствіямъ и забыли обо всемъ.

А между тѣмъ Пугачевъ уже былъ на правой сторонѣ Волги и его толпа ринулась во всѣмъ направленіямъ. Макарьевская ярмарка только что начала собираться, какъ вдругъ прошелъ ужасный слухъ: «Казань взята... Казань выжжена»... Отдѣльныя толпы бросились на Макарьевъ (bei Makarin ein Leager aufgeschlagen). Въ Арзамасѣ благородное дворянство такъ хорошо дѣйствовало, что не поставило ни одного изъ обѣщанныхъ рекрутовъ. Въ городѣ нашлось всего только 50 драхлныхъ (abgelebte, какъ говорить очевидецъ) солдатъ, которымъ, по ихъ драхлости, было не до защиты города, который, при общемъ бунтѣ крестьянъ, стоналъ отъ развращенной сволочи (wimmelte von schlechtgesianten Gesindel).

Москва съ часу на часъ ждала самозванца. Петербургъ также. Екатерина была не спокойна въ своемъ дворцѣ. Въ Москвѣ до 80,000 народа, ббльшую часть оборванцевъ, дворовыхъ людей и всякой сволочи, озирали Пугачева**. Полиція ничего не могла сдѣлать. Волненіе было всеобщее. Даже умный князь Волконскій потерялъ голову: онъ дозволилъ распустить по Москвѣ слухъ, будто Пугачевъ разбитъ! Слухи не подтвердились: каждая почти приносила войны страшныя вѣсти. Чтобы вѣсти эти не приходили въ Москву и не волновали ее, велѣно было скрывать нысма***.

Почему Пугачевъ не пошелъ на Москву, которую такъ легко было взять, это остается тайной. Можетъ быть, извѣстіе о мирѣ съ Турціей остановило его, можетъ быть и то, что онъ, говорятъ, перекачалъ какое-то нысма, въ которомъ говорилось, что черезъ Москву идетъ тридцатитысячная армія. Въ народѣ же говорили, что въ самозванцу идетъ на встрѣчу «снъ его»,

* ...«daas nicht allein ihre sâmmlichen Personen, sondern auch ihre Kinder unh erpâteten Erben sich ihres erfreuen sollten». Ibid. 182.

** ...er (то-есть Пугачевъ) von einer Schaar von achtzig Tausend Anhängern grôsstentheils Niederlichen Gesindel, erwartet wurde. Ibid. 282.

*** ...Tagebuch einer franzôsischen Officiers in Diensten der Pehlnischen Konföderation, welcher von den Russen gefangen werden. 1776, стр. 223—224.

наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ. Слухи были, дѣйствительно, ужасные: вездѣ раздавались голоса, что у Пугачева подъ Казанью 40,000, что въ Москву онъ шлетъ другія 40,000, а остальные 40,000 направлены къ Нижнему. Въ официальномъ мнрѣ хотя и не повторялись эти слухи на бумагѣ, но всѣ перешептывались, что настали послѣднія времена. Одна только надежда была на миръ съ Турціею. Это — говорить современникъ — было тѣмъ лекарствомъ, которое дають безнадежно больнымъ передъ самой смертью*.

Наконецъ и сама императрица потеряла надежду. Не довѣряя никому, неувѣренная ни въ чьи-хъ способностяхъ, она сама рѣшилась отправиться противъ Пугачева и начальствовать войскомъ. Съ трудомъ могли уговорить ее остаться въ Петербургѣ. Главномаядующимъ назначенъ былъ графъ Петръ Панинъ.

Собственно только по переходѣ самозванца на правый берегъ Волги началась настоящая Пугачевщина. Это былъ уже всеобщій разгаръ страстей, всеобщее ожесточеніе массъ, повальная рѣзня и поголовное возстаніе. Вмѣсто одного самозваннаго царя явилась десятки и сотни самозванныхъ царьковъ. Общю толпою уже не управляла одна воля, а каждая отдѣльная толпа дѣйствовала самостоятельно: народъ приводимъ былъ въ подданство самозванцу каторжниками, клейменныи убійцами и ворами. Коловальный звонъ и процессія духовенства съ иконами и хорувями встрѣчали уже не одного Пугачева, но и всѣхъ этихъ новыкъ Пугачевыхъ, этихъ клейменныхъ каторжниковъ и ихъ есауловъ.

Губернаторы и коменданты городовъ, лежащихъ по сю сторону Волги, не ожидали такого опаснаго и отчаяннаго для нихъ поворота дѣлъ, и потому окончательно растерялись. Но наде было дѣйствовать если не войскомъ, котораго ни у кого не было, то хоть променоріями. А когда врагъ былъ уже слишкомъ близко, тогда оставалось только бѣжать, какъ многіе и дѣлали. Само собою разумѣется, что променоріи приходили въ города, угрожаемые пугачевцами, въ то время, когда уже было поздно готовиться къ защитѣ.

24-го іюля, когда Пугачевъ успѣлъ уже войти Курмышъ, Алатирь и былъ на дорогѣ къ Саранску, отдѣлами отъ своей толпы, постоянно возраставшей, новыи шайки въ разныи стороны, нижегородскій губернаторъ Ступининъ только предупреждалъ объ опасности другихъ губернаторовъ, но вѣдомствамъ которыхъ пугачевщина была уже въ полномъ разгарѣ. Успокоившись нѣ-

* ...war wie die Arznei, die man einem hoffnungslosen Kranken kurz vor seinem Tode reicht. Bemerk, стр. 187.

сколько насчетъ того, что Пугачевъ не пошелъ на Нижній, а повернулъ на югъ, Ступининъ писалъ Шетневу: «Извѣстный государственный злодѣй и варваръ Пугачевъ, оставшись отъ разбитія его толпы слѣдующими за нимъ командами въ небольшихъ людехъ, и отъ Троицкой крѣпости, состоящей на сибирской линіи, поворотя, набравъ еще кучу разной сволочи, чрезъ Кунгурской уѣздъ вѣнедь вторично въ Казанскую губернію и слѣдуя ею до Казани, производилъ въ селеніяхъ великія варварства, то-есть: жительство и заводы предавалъ огню, люлей смерти, а по приближеніи къ городу, овладѣвъ батареями, вѣзвался въ форштатъ, оной выжегъ, и крѣпость содержалъ въ осадѣ, откуда, по двоекратномъ разбитіи, перебрался съ луговой на нагорную сторону, Кокшайскому уѣзду, къ селу Сундырю, а оттуда ворвался въ вѣренную мѣ губернію, и, бывши въ городѣ Курмышѣ, разспался по всѣмъ дорогамъ, а больше по алатирской. Почему и предвидится, что онъ влѣнится къ Алатирию. Пойманнне же изъ сей варварской толпы шесть человѣкъ, единогласно увѣрили его стремленіе къ Дону. И хотя отъ Казани преслѣдуетъ его секундъ-майоръ графъ Меллинъ, да подполковникъ Михельсонъ съ войсками, но дабы упоминаемый наввергъ съ своею злодѣйскою толпою, разспавшись по сторонамъ, не могъ коснуться и вашей губерніи, чего ради вашего превосходительства, увѣдомляя о семъ, прошу къ зашщитенію оной и къ совершенному истребленію сихъ злодѣевъ, которые по разбитіи остались уже не вооруженни и не во многомъ числѣ, и не болѣе, какъ въ шести стахъ человѣкахъ, принять надлежащія предосторожности».

Хотя Воронежъ былъ слишкомъ далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ Пугачевъ, однако, Шетневъ былъ до крайности встревоженъ полученными имъ извѣстіями. Онъ тотчасъ же сообщилъ о грозившей ему опасности всѣмъ подвѣдомственнымъ ему комендантамъ и воеводамъ, приглашалъ вооружаться противъ общаго врага. Мало того, онъ предупредилъ объ этой опасности даже оберъ-коменданта крѣпости св. Дмитрія, которая была въ Ростовѣ-на-Дону. Въ то время надо было всего ожидать, тѣмъ болѣе, что всѣ боялись движенія самованца на Донъ. Крѣпость же св. Дмитрія была въ то время важнымъ пунктомъ: взявъ ее, Пугачевъ находился бы уже въ непосредственномъ территориальномъ сосѣдствѣ съ нашими врагами — турками, кубанцами и горными народами.

VII.

Отчаяніе овладѣло всѣми городами, лежащими между волжскимъ и окскимъ водными бассейнами. На самыхъ бумагахъ, оставшихся

отъ того времени, отражается это отчаяніе: казал-то растерянность видна въ каждой промеморіи, въ каждомъ ордерѣ. Да и было отчего растеряться. Саранскъ взятъ. Отъ Саранска толпы Пугачева разсыпались по всѣмъ направленіямъ. Инсарь, Керенскъ, Нижній Ломовъ, Верхній Ломовъ, Наровчатъ, Краснослободскъ, Темниковъ не только не имѣютъ воѣвы, но даже не находятъ, кого послать нарочными въ другой городъ или отправить для развѣдыванія, найдеть ли непріятель. Въ Тамбовѣ оказалось только одиннадцать штатныхъ солдатъ! Да инвалидный командиръ этого города могъ набрать всего только 5 офицеровъ и 16 рядовыхъ, — «и тѣ безоружны, а болѣе отговаривается (говорить несчастная промеморія), что здоровыхъ послать некого!»

Всѣ эти города должны были прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Рѣшено было поднять на ноги все населеніе, нарядить особо съ каждой сотни крестьянъ (на которыхъ нечего, впрочемъ, было рассчитывать) по 2 человека, двѣ трети ибшихъ и одну треть конныхъ, съ десятскими и сотскими. Этотъ сбродъ вѣрно было вооружить «ружьями, пистолетами, кобелями, косами, топорами, рогатинами, насажеными на шести, и прочими орудіями, какія кто имѣеть».

Но все это осталось только на бумагѣ — собрать никого не могли. Изъ Саранска прибѣжалъ въ Инсарь воеводскій товарищъ Башмаковъ, котораго и схватили, какъ безпашертнаго. Онъ-то и рассказывалъ обо всѣхъ ужасахъ, которые должны были испытать и города Инсарь, Ломовы, Темниковъ, Тамбовъ, Краснослободскъ, Наровчатъ, Керенскъ.

О гибели Казани поволжскіе города узнали только по тому, что посланный изъ Симбирска въ Казань секретарь Зайцевъ, съ нагорной стороны Волги, отъ Услона, видѣлъ пламя надъ этимъ городомъ, а спасшіеся оттуда люди свзвали, что Казань взята и сожжена^{*)}. Такъ-какъ самъ Пугачевъ съ главными силами шелъ по саратовско-астраханской дорогѣ, то неминуемая гибель ожидала города Пензу, Петровскъ, Саратовъ, Камышинъ (Дмитріевскъ), Дубовку и Царицынъ. Объ этомъ уже догадывались мѣстныя власти, и тревожно прислушивались къ народному говору, не надѣясь уже на официальныя сообщенія, которыя или немнѣрно запаздывали, или перекрывались бунтовщиками въ дорогѣ, или окончательно пропадали вмѣстѣ съ нарочными. Тревога распространилась даже туда, куда бы и не слѣдовало ей

* «По пріездѣ его (Зайцева) къ Верхнему Услону, и видно ему было въ разныхъ мѣстахъ пылающее пламя, а выѣзжавшіе изъ Казани господскіе люди ему объявили, что государственной бунтовщикъ злодѣй Пугачевъ, ворвавшись въ городъ, учинилъ пожаръ» и т. д.

такъ-какъ въ Царицынѣ была вѣрность, а въ Камышинѣ ее не было, въ Царицынѣ былъ гарнизонъ, а въ Камышинѣ не было, въ Царицынѣ были войска, а въ Камышинѣ нигде не было, кромя великодушнаго Рабчинова съ командою. Точно также сильно подозрительна для насъ и храбрость самого астраханскаго губернатора, генераль-поручика Петра Кречетникова. Въ то время, когда Пугачевъ былъ очень далеко отъ его губерніи, когда онъ еще осаждалъ Оренбургъ, а потому ринулся за Уральскими горами, Кречетниковъ прискакалъ изъ Астрахани въ Саратовъ, чтобъ быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій и наблюдать за движеніями страннаго самозванца. Но когда самозванецъ метнулся на югъ и можно было ожидать его прихода въ Саратовъ, Кречетниковъ захотѣлъ быть дальше отъ театра военныхъ дѣйствій и, велѣвъ выставить на станціяхъ подъ свою «версону» по пятидесяти лошадей, когда не на чемъ было отправлять нарочныхъ съ «самонужнѣйшими» секретными государственными бумагами не пугачевскому же дѣлу, — ускакалъ въ Астрахань. Оттуда онъ слалъ ордеръ за ордеромъ Цыцлетеву, о томъ, чтобъ тотъ не пропускалъ самозванца мимо Царицына, чтобъ не только разбить, но и истребить его окончательно, а между тѣмъ постоянно писалъ, что самъ пріѣдетъ въ Царицынъ, вслѣдъ за войсками, для защиты этого города отъ Пугачева, тогда какъ Пугачевъ уже взялъ и разорилъ Саратовъ, взялъ Камышинъ и убилъ Меллина, взялъ Дубовку и готовился взять Царицынъ*. Еще болѣшую неустранимость показалъ воронежскій губернаторъ Шетневъ, который, получивъ отъ бахмутскаго коменданта извѣстіе, что партія Пугачева (а не самъ онъ) вступила въ Нижній Домовъ, разстояніемъ отъ Воронежа «не болѣе какъ четыре соть верстъ», заблагоразсудилъ поспѣшить въ городъ Павловскъ «изъ сохраненію» его, «но великости тамъ интереса». Дѣйствительно, Павловскъ нуждался въ защитѣ и «сохраненіи» со стороны Шетнева: въ этомъ городѣ находилось 600 пушекъ и 3,000 пудовъ пороху.

За то мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на дѣятельности, въ то смутное время, царицынскаго коменданта, полковника Ивана Еремѣевича Цыцлетова. Это была личность, по своимъ проявленіямъ въ дѣлѣ, скромная, энергичная и въ высшей степени дѣятельная. Если Михельсону исторія отдала должную дань похвалы за его смѣлыя и рѣшительныя дѣйствія противъ Пугачева, если Михельсонъ заслужалъ без-

* Объ этомъ, впрочемъ, мы говорили особо въ нашей статьѣ («Пугачевскій комендантъ Ивановъ»).

смертную славу своимъ умомъ и своею неутомимою дѣятельностью въ то время, когда все или обезумѣло отъ страха, или погружено было въ глубокой сонъ, если, повторяемъ, имя Михельсона написано самыми крупными буквами на видной страницѣ самаго тяжелаго для Россіи времени, то и имя Цыплетева должно быть поставлено наряду съ этимъ славнымъ именемъ. Бибиковъ, Михельсонъ и Цыплетевъ — эти лица больше всѣхъ другихъ вынесли на своихъ плечахъ той тяжести, которую взвалила на всю Россію неотвратимая месть исторіи. Михельсонъ дѣйствовалъ въ полѣ, онъ слѣдилъ каждый шагъ самозванца, и, не давая ему передышки, налеталъ на него, когда всего менѣе тотъ ожидалъ. Цыплетевъ же почти цѣлый годъ терпѣливо ждалъ страшнаго врага и готовилъ ему встрѣчу. За тысячи верстъ Цыплетевъ подготовилъ такую встрѣчу самозванцу, которая дала возможность Михельсону разомъ, что называется подъ самый корень, подрѣзать Пугачевщину, именно въ томъ моментъ, когда она охватывала все государство.

Впрочемъ, о Цыплетевѣ мы достаточно говорили какъ въ нашей «Пугачевщинѣ», такъ и въ особой монографіи о «Пугачевскомъ полковникѣ Ивановѣ».

Цыплетевъ, какъ мы сказали выше, еще съ октября 1773 года началъ готовить встрѣчу Пугачеву. Кромѣ укрѣпленія царицынской военной линіи, приведенія въ боевой порядокъ форпостовъ и крѣпостей, кромѣ устройства сторожевыхъ форпостовъ вдоль Волги и приведенія въ оборонительное положеніе царицынской крѣпости, Цыплетевъ неустанно работалъ надъ тѣмъ, чтобы по возможности стянуть къ линіи тѣ скудные остатки войскъ, которыми располагала юго-восточная половина Россіи. Калмыки и донскіе казаки, сосѣдшіе съ военною линіею, были подготовлены имъ къ началію военныхъ дѣйствій, когда бы ни началась война. И все это дѣлалось съ величайшими усиліями, для всего этого нужно было преодолѣть тысячи препятствій, поборотъ апатію однихъ, трусость другихъ, и наконецъ недостатокъ въ средствахъ и людяхъ. Въ концѣ іюля на линіи ужъ стояла шестисотная команда донскихъ казаковъ, подъ предводительствомъ походнаго атамана Василія Перфилова. Хотя самый Царицынъ и былъ приведенъ въ оборонительное состояніе, однако, чѣмъ больше приходило извѣстій о страшныхъ разрушительныхъ силахъ самозванца, тѣмъ яснѣе становилось, что средства, которыми располагалъ Царицынъ, были слишкомъ ничтожны для его отраженія. Нужно было усилить крѣпостную артиллерію. Въ то время, когда Пугачевъ уже бралъ Саратовъ, когда тамъ шла отчаянная борьба оставшейся вѣрною правительству горсти сподвижниковъ Бошня-

ка съ огромными толпами самозванца, начальствовавшій царичинскою артиллеріею майоръ Харитоновъ доносилъ коменданту, что, «по нивѣшнимъ экстреннымъ отъ непріятеля обстоятельствамъ», необходимо привести оборонительныя средства крѣпости въ болѣе надежное состояніе. Всѣхъ пушекъ и мортиръ въ крѣпости было 63, не готовыхъ къ бою было только 39, а остальные приготовлены къ постановкѣ на батареяхъ. Но, по безпечности тогдашняго крѣпостно-коммисаріата, то-есть, по безпечности центральныхъ правительственныхъ мѣстъ, о которой мы неоднократно говорили, для приготовления зарядовъ съ ядрами и картечи въ артиллерійскомъ депо не оказалось «армягу». На случай же осады Царицына со стороны непріятеля, необходимо было имѣть по крайней-мѣрѣ зарядовъ по тридцати съ ядрами и зарядовъ по пятнадцати съ картечью на каждое орудіе. Тогда, по необходимости, армягъ замѣненъ былъ «каразейю». По распоряженію мѣстнаго начальства и по настоянію Цыплетева, «накрѣпко» приказано было царичинскому купечеству отпускать для крѣпостной артиллеріи дѣсь «безотговорочно». Старосты бобыльскій, малороссійскій и поляцкій должны были нарядить для артиллерійскихъ работъ по десяти человекъ изъ бобылей и поляковъ и по 30 человекъ изъ малороссійянъ.

Когда Цыплетевъ спѣшилъ окончаніемъ крѣпостныхъ работъ, волжское войско, территоріи котораго находились по Волгѣ выше Царицына, спохватилось, что и у него нѣтъ никакихъ средствъ къ оборонѣ, «въ случаѣ иногда нашествія онаго злодѣя Пугачева». Главный городъ войска, Дубовка, не имѣлъ никакого укрѣпленія; еще менѣе имѣли средствъ къ защитѣ войсковыя станицы. Казаки болѣею частью были раскомандированы. Въ каждой станицѣ имѣлось по четыре только пушки; но не оказалось пороха и свинцу. Что было отпущено казакамъ, особенно же отставнымъ и малолѣткамъ, было разстрѣляно ими еще зимой, въ то время, когда на поселенія волжскаго войска напали киргизъ-кайсаки, о чемъ мы уже говорили выше. Въ этихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ войсковая канцелярія обратилась опять таки къ Цыплетеву и просила пороха и свинцу. Мало того, войско просило прислать въ нему, для защиты, хотя какую нибудь военную команду, по крайней-мѣрѣ, сто человекъ изъ отрядовъ князя Дундукова.

Пугачевъ, между тѣмъ, быстро мчался по направленію къ югу. Посадивъ въ Пензѣ на воеводство простаго мужика, онъ направился потомъ къ Петровску. Петровскъ былъ взятъ. Державинъ, выѣхавшій противъ него изъ Саратова съ отрядомъ, бѣжалъ, хотя и молчалъ объ этомъ въ «Запискахъ» о своей жизни. 6-го

августа взять бытъ Саратовъ. Полковники Пугачева, какъ, на-примѣръ, Ивановъ, Обрываловъ, Вороновъ, Каменскій и прочіе, разсѣпались съ своими шайками въ сторону отъ главнаго пути, по которому двигался самъ Пугачевъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ подымался самъ, не дожидаясь самозванца. Нищія на базарахъ и ярмаркахъ стали громко говорить о томъ, что «для господъ настали послѣднія времена». Въ городахъ населеніе начало дѣлиться на партіи: одна партія стояла за государя, другая за государыню. Дѣло доходило до ссоры между сословіями и до дракъ на площадяхъ. Въ Саратовѣ, за три дня до прихода въ этотъ городъ самозванца, появилась какая-то темная личность, бобыль, жившій въ батракахъ у казака Уфимцева, по имени Лазарь, который, ходя по свѣжерибной пристани, кричалъ разбойнически:

— Мы-де теперь у господъ, тако жъ и у чиновныхъ людей не подь началомъ!

— Какъ не подь началомъ? спрашивалъ его дворянинъ Унженцовъ.

— У Бога-де мы одного подь началомъ, говорилъ бобыль: на томъ мы и присягать будемъ.

— Всѣ російскіе подданные присягали великой государынѣ Еватеринѣ Алексѣевнѣ.

— Не присягали...

— Какъ не присягали?

— Присягали — да та присяга не въ присягу вамъ.

— Злодѣйское ты говоришь, разбойникъ!

— Вчера было злодѣйское, а нынѣ то правда: російскихъ людей обманомъ привели въ подданство помимо законнаго государя.

Когда, такимъ образомъ, между бобылемъ и дворяниномъ Унженцовымъ завязался споръ и обступили ихъ бурлаки, свозившіе соль на пристань, бобыль началъ кричать «ненстовно»:

— Быть всѣмъ господамъ и чиновнымъ людямъ на висѣлицѣ!

— Свяжите его, добрые люди!

— Вязите, братцы, всѣхъ нашихъ злодѣевъ, чтобъ иногда побѣгу не учинили...

Бурлаки бросились на Унженцова. Бобыль говорилъ:

— Великій государь Петръ Федоровичъ всѣмъ намъ жалуетъ волю... И за то жалованье намъ служить батюшкѣ государынѣ-рой и правдой, а злодѣевъ его и измѣнниковъ, что, стговоривъ

шлись между собою, хотѣли навести подлиннаго государя, истребить безъ остатку, чтобъ зиредь нашего жалованья не заѣдали.

На этотъ крикъ и шумъ подошѣли «вѣсички» солнаго воинсарства и стали ловить Лазаря. Бурлаки бросились на вѣсичковъ и на Унженцова, завязалась драка, и когда на берегу показались солдаты саратовскаго гарнизона, бобыль и всѣ бурлаки вскочили въ стоявшую у разшивы съ собою лодку и оттолкнулись отъ берега:

— Стрѣляйте въ воровъ и измѣнниковъ! кричалъ Унженцовъ. Но солдаты не могли стрѣлять, потому что у нихъ ружья не были заряжены. Тогда за бѣглецами послана была погоня, однако, бунтовщики успѣли перебраться за Волгу, пока готовилась погоня, и всѣ скрылись въ растущихъ за Волгою лѣсахъ.

Саратовъ весною того года, передъ приходомъ Пугачева, почти весь выгорѣлъ. Въ народѣ стали распространять слухъ, что это измѣнники дворяне подожгли городъ, чтобъ онъ не достался «подлинному государю». Купца Меркурьева дворонне люди помѣщика Шехматова тирански избили за то, что онъ отпускалъ даромъ изъ своей лавки желѣзо на подѣлку копій для защиты города отъ самозванца. Во время насипки вала около города, работавшіе на валу солдаты поссорились между собою изъ-за того, что одни утверждали подлинность явившагося государя, а другіе говорили, что онъ самозванецъ.

За нѣсколько дней до прихода Пугачева въ Саратовъ, въ тамошній магистратъ привели какаго-то «странника Нифонта», въ которомъ опознали бывшаго саратовскаго купца Корякина. Его обвиняли въ томъ, что онъ разглашалъ въ народѣ «неподобныя вѣсти».

— Какъ дерзнулъ ты изрыгать, якобы покойнаго государя хотѣли извести зельемъ, а онъ якобы живъ?

— И то не изрыгалъ я, а государь подлинно адравствуетъ, и я его видѣлъ и цаловалъ его государеву руку.

— Видѣлъ ты не государя, а государственнаго измѣнника и злодѣя Пугачева.

— Не Пугачева, а государя Петра Третьяго... Еслибъ то былъ не государь, то бъ имя его въ церквахъ не возглаголось.

Изъ допросовъ оказалось, что Корякинъ — раскольникъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ вышелъ изъ Саратова, вмѣстѣ съ прочими раскольниками, за польскую границу, и оттуда возвратился въ иргизскія селенія. Тамъ-то онъ и сошелся съ Пугачевымъ, хотя изъ дѣла видно, что онъ представлялся самозванцу

въ Бердѣ, подъ Оренбургомъ, гдѣ и допущенъ былъ къ рукѣ самозванца.

«Неподобныя вѣсти», которыя разглашалъ Нифонтъ, совершенно сходны съ тѣми, которыя, за два года передъ тѣмъ, ходили въ войскѣ Донскомъ и выразились въ демонстраціи казаковъ Пятиназбанской станицы въ пользу самозванца Богомолова.

Само собою разумѣется, что подобныя нелѣпныя толки по кабакамъ и по базарамъ не могли не подорвать въ народѣ довѣрія къ правительству, а тутъ, между тѣмъ, явилось и подставное лицо государя, которое обѣщало народу золотыя горы. По-нятно, что это должно было увлечь за собою массы.

Д. Мордовцевъ.

С Ф И Н К С Ъ.

ПОЭМА.

(Посвящ. В. И. Аристову).

J've seen a virtuous woman put down quite
By the mere combination of a coterie;
Also a so-so matron boldly fight
Her way back to the world by dent of plottery,
And shine the very Siria of the spheres,
Escaping with a few alight, scarless sneers.
J have seen more than i'll say...

Byron.

I.

Виноль съ афишей смятой бросивъ прочь,
Сизу одинъ... Гладить въ окошко ночь,

Ночь зимняя, одѣта въ саванъ бѣлый,
А предо мной въ картинахъ вечеръ цѣлый

Встаетъ въ потьмахъ. Лишь полчаса назадъ
Кругомъ меня кипѣлъ волшебный адъ

Костюмовъ, лицъ, роскошныхъ декорацій,
Живыхъ рудъ, восторженныхъ овацій,

Звѣздъ, париковъ, полуодѣтыхъ жонъ...
Горѣлъ въ огнѣ росписанный плафонъ

И пышныя, холодныя, какъ льдины,
Въ каменьяхъ драгоценныхъ наши Фрины,

Волнуя кровь въ блудливыхъ старикахъ,
Тонули въ блондахъ, словно въ облакахъ,

И цѣлая плеяда молодежи
Глазами пожирала всѣ ихъ ложи.

И ты былъ тамъ, нахмуренный мой другъ.
Какъ многіе смотри на пестрый кругъ

Наложницъ, возбуждавшихъ удивленье,
Ты не скрывалъ тупаго озлобленья;

Какъ многіе скорбѣлъ ты, что не могъ
Смутить сатирой дерзкій ихъ порокъ

И бросить въ нихъ художника проклятье...
Мой злобный другъ и вы мои собратья,

Гонители общественного зла!
Какъ вы, я не начну изъ-за угла,

На силу опираясь, какъ на право,
Бросать каменя съ бѣшенствомъ звука

Во все, что обезславлено давно,
Что беззащитно, чести лишено;

Не оскверню сатиры безпристрастной
Ругательствомъ надъ женщиной несчастной,

Которую обвинялъ кругомъ, какъ гадъ,
Нашъ собственный, наследственный развратъ...

Для жертвы, въ грязь упавшей безъ боязни
Паденья день—ужь есть начало казни:

Позоръ — ея нарядъ, ея богатство — стыдъ.
Нашъ похотливый взглядъ ее казнить

И наши отвратительныя ласки
Дороже стоять ей ея коляски

И тонкихъ блондъ и кровныхъ рисаковъ
И въ вѣжливости наглыхъ гайдуковъ.

Она начнет блестящій путь въ столицѣ,
А кончитъ жизнь на тюфакѣ въ больницѣ,

Потухнетъ, какъ забытая свѣча,
И ножикъ равнодушнаго врача

Войдетъ къ ней въ грудь холодной, острой сталью,
А вы съ своею вросшею моралью,

Скажите мнѣ, увидя этотъ трупъ,
Что весь вашъ судъ — преступенъ онъ или глупъ?...

II.

Но довольно смотрѣть въ бенеуаръ...

Можемъ выше бинюки нацѣлить:

Пусть буржуазную челядь

И въ ознобъ повергаютъ и въ жаръ

Эти руки и плечи открытыя,

Оттѣненныя кудрами зыбкими

И тройными жемчужными нитками,

Словно змѣями, шею обвитыя;

Эти созданья несчастныя,

Въ самомъ цинизмѣ прекрасныя,

Кровныя шведки и нѣмки безкровныя,

Часто безстрастныя,

Жертвы безгласныя,

Нашихъ грѣховъ воплощенье грѣховное...

Стихи передъ ними, людская вражда!...

III.

— Другъ сердитый! взгляни ты сюда —

Я сейчасъ тебя сильно встревожу —

Въ первый ярусъ, на крайнюю ложу:

Въ черномъ платьѣ, спокойно горда,

Тамъ прекрасная женщина сѣла.

Умъ и грація въ каждой чертѣ.

Къ этой чистой всегда красотѣ

Клевета подползти не посмѣла.

Съ южнымъ блескомъ агатовыхъ глазъ —
Родилась она гдѣ-то на югѣ —
Расточая добро и услуги,
Появилась она между насъ.

Исривить эту алую губку
Гнѣвъ, казалось, не могъ никогда...
Для тебя-ли знакома вражда,
Серафимъ, перереженный въ юбку!...

Говорила открыто она,
Что въ замужствѣ глубоко несчастна,
Но въ толпѣ оставалась безстрастна,
Непреклонному долгу вѣрна.

Передъ ней, будто солнцемъ согрѣтый,
Не одинъ честный юноша мѣлѣ,
Но никто бы сказать не посмѣлъ:
«Бѣтъ любовникъ красавицы этой!...»

Даже ты — ты блѣдишь — жалашь
Разгадать этотъ сфинксъ безъ разгадки
И, отвергнувъ, въ слезахъ, въ лихорадкѣ,
Ты у ногъ ся руки ломалъ.

Всѣмъ она, какъ тебѣ повторила:
«Для любви я теперь умерла!»
Галатея дышала, жила,
Но сойти не могла съ пьедестала.

Но она такъ добре, говорятъ:
Ближнимъ помощь подаетъ безъ фиглярства,
Вѣдяку приготовить лекарство
И поѣдетъ одна въ маскарадъ,

Ходить съ «важнымъ лицомъ» въ маскарадъ,
Съ отвращеньемъ глотаетъ впно
И — глядишь — ужъ ей слово дано
Двумъ чиновникамъ дать по наградѣ.

Не даетъ она нищѣ молвѣ,
Хоть молва не всегда благодарна

И въ известномъ кругу, на Невѣ
Эта дама вполне популярна.

IV.

Эта дама влюбленныхъ льстецовъ
Обманула плѣнительной ложью
И къ себѣ, какъ богиня къ подножью,
Собрала близорукихъ глупцовъ,

Чтобъ имѣть безграничное право
Видѣть общій восторгъ... Нужны ей,
Вмѣсто вашихъ мѣщанскихъ страстей,
Өміамн, извѣстность и слава.

Жизнь дала ей хорошій урокъ:
Что скорѣ доставить извѣстность
Театральная, живая честность,
Чѣмъ прямой, откровенный порокъ...

Чудный сфинксъ! Не пора ли къ развязкѣ?...
Прочь мишурные сбросивъ цвѣты,
Къ неподкупному зеркалу ты
Подойди хоть однажды безъ маски

И прошедшее строго провѣрь...
Если жъ совѣсть твоя возмутится,
Я скажу тебѣ, что отразится
Въ вѣрномъ зеркалѣ... Слушай теперь.

V.

Въ заколустѣѣ уѣзда степнаго
Въ барскомъ домѣ невѣста жила.
Обстановка невѣсты была
Не веселая. Все въ ней не ново:

Съ кругу слившійся, слабый отецъ,
Всѣхъ разгульныхъ сосѣдей приманка,
И безпутная мать интриганка,
Разорившая мужа въ конецъ.

Межъ босыхъ, деревенскихъ дѣвченокъ,
 Безъ пригѣта душѣ молодой,
 Подъ присмотромъ лишь няньки сѣдой,
 Росъ прекрасный, надменный ребѣнокъ.

Эта дѣвочка жить начала
 Очень рано, какъ дѣти Востока;
 Развивалась она одиноко,
 Одиноко она разцвѣла.

Строгимъ личикомъ, таліей стройной
 Поражала она съ раннихъ поръ:
 Королевская поступь и взоръ
 Полновластный и гордо спокойный.

Къ ней слетали — откуда? Богъ вѣсть!
 Честолюбыя не дѣтскія грѣзы,
 Ея мерещились часто сивовы слезы
 Пышный залъ... шепотъ общества... лесть,

Съ опьяняющимъ воздухомъ сфера,
 Гдѣ она безъ соперницъ царить...
 И впередъ она смѣло гладить
 И ростеть въ ней могучая вѣра

Въ лучшій жребій... Лицо все въ огнѣ...
 У окна полутемнаго зала
 Ты стояла, ребѣнкомъ, бывало,
 И въ волшебномъ своемъ полуснѣ

Уносила далеко куда-то...
 Въ домѣ жь вѣчный содомъ и базарь:
 Все село промотавшихся баръ
 Подъ опеку негаданно взято;

Мать радилась и въ перья и въ пухъ,
 Съ молодежью сказала на тройкѣ,
 А отецъ, разъ вернувшись съ попойки,
 Испустилъ неожиданно духъ.

Съ темнымъ будущимъ дочь оставалась:
 Безъ призора, почти сирота...

Но за то для нея красота
Самым лучшим наследством являлась.

Вкруг тебя, безприданница дочь,
Напѣвали нерѣдко о свадьбѣ
Женихи въ разоренной усадьбѣ,
Силась гордость твою превозмочь;

Не хотѣла ты выбрать, однако,
Никого изъ сосѣднихъ дворянъ...
Нѣтъ, имѣла особый ты планъ
Впереди для законнаго брака.

Ты росла, никого не люби,
Холодна въ добротѣ своей вѣчной;
Трепетъ страсти всеильной, сердечной
Былъ совѣмъ не знакомъ для тебя.

Ты считала любовь за причуду.
Ты боялась мужского ума
И желала надъ мужемъ сама
Перевѣсь взять во всемъ и повсюду.

Ты искала и скоро нашла...
Удивлялся уѣздъ весь не въ мѣру,
Какъ какому-то вдругъ землемѣру
Ты на свадьбу согласье дала.

Молчаливый и съ глупой улыбкой
Это былъ безконечный добрякъ;
Нелюдимый и робкій чудакъ,
Онъ съ своею любимой сиринкой

По недѣлямъ сидѣлъ въ заперти,
Да пилил непослушнымъ смычкомъ онъ:
Вкусъ его былъ совѣмъ не балованъ...
И вотъ въ немъ ты съумѣла найти

Безотвѣтно-покорнаго мужа,
И — карьеру свою начала
Въ тотъ же годъ ты...

VI.

Въ ту зиму была
Непожѣрная, страшная стужа.

Всю усадьбу снѣга занесли,
Но ни стужа, ни зимняя вьюга
Уроженку палящаго юга
Въ томъ селѣ удержать не могли.

Надъ тобою звѣзда загоралась...
Выходить на арену пора!...
Послѣ свадьбы однажды съ двора
Ты съ супругомъ въ столицу умчалась.

Вѣра въ чары своей красоты,
Въ обаянье улыбки и рѣчи,
Не пугалась въ столицѣ ты встрѣчи
Съ темнымъ призракомъ злой нищеты.

— «Я хочу — и мы будемъ богаты!
Лишь глупцы ходить въ мирѣ съ сумой..»
Чтобъ жить въ полномъ довольствѣ самой,
Доброй феей для мужа была ты.

Мужъ въ столицѣ, какъ прежде, любилъ
Свой халатъ деревенскій на ватѣ
И, какъ прежде, въ широкомъ халатѣ
На убійственной скрипкѣ пилить,

А жена хлопотала, для мужа
Заводила знакомства, друзей
Находила для нужныхъ связей,
Свой практическій тактъ обнаружа.

VII.

Въ это время въ столицѣ жилъ тузъ.
Онъ до старости дожилъ на свѣтѣ,
Но ходилъ постоянно въ корсетѣ
И кокетливо красилъ свой усъ.

При одномъ его только движенъи —
 Былъ угрюмъ этотъ ветхій старикъ —
 У его подчиненныхъ въ волненьи
 Отинмался тотчасъ же языкъ.

Даже холодно, звѣрски и люто
 Оглянуть отъ прически до погъ
 Онъ прелестную женщину могъ
 Жесткимъ взглядомъ своимъ... И къ нему-то,

Словно южное утро свѣжа,
 Разъ моя героиня явилась
 И свободно, но скромно рѣшилась,
 Передъ взглядомъ его не дрожа,

Говорить безъ поддѣльной печали
 Чтобъ онъ мужу далъ мѣсто, помогъ...
 Неподвиженъ, безмолвенъ и строгъ,
 Будто отлить изъ бронзы или стали,

Слушалъ гостю суровый магнатъ...
 Не роняя достоинства, смѣло
 На него незнакомка глядѣла.
 Къ ней такъ шелъ ея черный нарядъ,

Такъ роскошенъ былъ станъ ея гибкій,
 Нѣжный голосъ ласкалъ и манилъ,
 Что вельможа суровость смѣнилъ
 Благоклонной и мягкой улыбкой.

Этотъ черствый старикъ въ первый разъ
 Испыталъ что-то въ редѣ волненья...
 О, Сирена! твое вдохновенье,
 Южный блескъ зажигающихъ глазъ,

Каждый жестъ, полный нѣги, соблазна —
 Все имѣло могучую власть...
 Съ первыхъ встрѣчъ съ нею вспыхнула страсть
 Необузданно и безобразно

Въ полумертвой душѣ старика...
 Въ новой львицѣ явилась артистка:

То плѣнительна, какъ одагистка,
То, какъ сельская дѣва, робка,

То нѣма, какъ статуя печали,
То, какъ милый ребенокъ, рѣва...
И глаза одряхлѣвшаго льва
Грѣшнымъ, буйнымъ желаньемъ сверкали.

Вылъ на всѣ онъ услуги готовъ,
Потерявши свое хладнокровье,
Лишь одно роковое условие
Предложилъ ей... Цинническихъ словъ

Поняла она сразу значенье...
Сомнѣваться не можемъ мы въ томъ:
Многихъ женщинъ съ недалекимъ умомъ
Возмутило бы то предложенье,

Но для избранныхъ, высшихъ натуръ
И паденье—есть доброе дѣло.
Геронни придумать съумѣла
Остроумную мысль черезъ-чуръ,

Что для муза безъ дѣтскихъ капризовъ
Принесетъ она въ жертву себя,
И, какъ жертва пошла не любя,
Къ старику на рѣшительный вызовъ.

VI.

Тусклый свѣтъ петербургской весны
Чуть скользнуть изъ завѣшенныхъ оконъ.
Въ кабинетѣ— богатъ и высокъ онъ —
Среди мертвой его тишины

Только слышется угли въ каминѣ
Съ рѣзкимъ трескомъ, въ огнѣ раскались,
Да по мягкимъ коврамъ, торопясь,
Кто-то бродить. Въ бродившей руинѣ,

Облеченной въ роскошный халатъ,
Совершалось странное что-то:

Дрожь въ лицѣ, ожиданье, забота,—
Мрачно вспыхивалъ старческій взглядъ.

Каждый шорохъ и стукъ экипажа
Заставлялъ тренетать старика
И, портьеру раздвинувъ слегка,
Изъ окошка второго этажа

На проспектъ онъ смотрѣлъ сквозь стекло
И на солнцѣ лица его складки
Отвратительны были и гадки:
Точно ихъ на лицо навело

Угрызеніе совѣсти темной
Иль порочная, дикая страсть...
Видно было, что нѣкогда власть
Нагрѣшилъ старичишка... Въ приемной

Шелестъ платья послышался вдругъ...
Легкій шагъ... распахнулась дверь разомъ
И, обвита сверкающимъ газомъ,
Какъ прозрачнымъ туманомъ, вокругъ,

Показалась желанная гостыя
И развратникъ къ ногамъ ея палъ...
О, едва-ли бѣ сильнѣй испыталъ
Тайный ужасъ, презрѣнье и злость я,

Еслибъ, вставшій изъ гроба скелеть,
Сталъ ласкать этотъ стволъ благородный
И свой черепъ ужасный, холодный,
Гдѣ дыханія живни ужъ нѣтъ,

Къ этой гордой, изваанной точно,
Блѣдно-розовой груди склонилъ...
Нѣтъ, старикъ тотъ ужаснѣе былъ.
Даже та красота ужъ порочна,

До которой коснуться онъ могъ ;
Все, что въ ней цѣломудренно, свято,
Ядовитымъ дыханьемъ кастрата
Онъ въ одно бы мгновеніе сжегъ.

IX.

И ему, этой гадинѣ скверной
Ты на жертву себя отдала!...
Не смущайся!... Меж насъ прослыла
Ты повсюду супругой привѣрной

И твой подвигъ гражданскій вполне
Оцѣнить могутъ всѣ, вѣроятно:
Намъ геройство такое пріятно
Находить въ благородной женѣ.

На вострахъ прежде съ мужемъ сгорали
Наши вдовы и — пѣли въ огнѣ,
А теперь мы въ родимой странѣ
Героннѣ въ новомъ родѣ встрѣчали:

Не полѣзутъ онѣ на костеръ,
Но чтобъ мужу добыть повышенье,
Могутъ сдѣлать онѣ преступленье,
Согласатся идти на позоръ.

Гибки всѣ убѣжденія наши,
Въ нихъ идей и понятій — разладъ:
Цѣломудренъ бываетъ развратъ
И порокъ добродѣтели враше.

Эта женщина чуть не святà,
Подъ нее не подточишь иголки
И хвалебные въ обществѣ толки
Возбуждаетъ ея чистота:

Мужъ имѣетъ доходное мѣсто,
Всѣмъ обязанъ жейѣ молодой...
И никто съ неприличной враждой
Ея въ глаза не бросаетъ протеста.

Полный домъ съ анфиладою залъ
Не дивитъ никого безъ различья
И блудницы подъ маской приличья
Въ чудномъ сфинксѣ никто не призналъ.
Т. СLXXXIX. — Отд. I.

И презрительно может изъ ложи
Эта львица смотрѣть въ бенуаръ,
Гдѣ камелій парадный базаръ,
Въ ней усталые нервы тревожа,

Возбуждаетъ всю горечь ума,
И вздыхаетъ она, негодуя...
Ея невольный вопросъ предложу я:
Сфинксъ прекрасный! Но кто жъ ты сама?!...

ДМИТРИЙ МИНАЕВЪ.

1868.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПРИМѢЧАНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Совершенное незнакомство русской публики съ современной итальянской литературой дало мнѣ мысль перевести, или, вѣрнѣе сказать, передѣлать на русский языкъ предлагаемую здѣсь читателямъ комедію. Авторъ ея, Ричардо Кастельвенкио, принадлежитъ къ талантливой плеядѣ представителей новаго направленія итальянской драматической литературы (Паоло Феррари, недавно умершій Чекони, Дель'Онгардъ, Дзіаканетти и т. д.), родившагося послѣ извѣстныхъ счастливыхъ для Италіи политическихъ событій. Возрожденіе Италіи дало возможность этимъ писателямъ разрабатывать значительно болѣе, противъ прежняго времени, кругъ идей; живая дѣйствительность, выдвинувшая новыя и разнообразныя типы, представила имъ значительное изобиліе матеріала, а перенесеніе политическаго современнаго элемента на сцену обусловило свѣжесть ихъ концепцій, новостъ и занимательность ихъ произведеній. «Окружной врачъ и школьный учитель» (*Il medico di condotta e il maestro di scuola*) Кастельвенкио, названная нами «Сельскою школою», была однимъ изъ первыхъ произведеній этого рода. Она пользуется значительнымъ успѣхомъ, или лучше сказать, громадною популярностью въ Италіи. Едва-ли во всей Италіи найдется хотя одинъ уголокъ, гдѣ только существуетъ театръ (а театры въ Италіи существуютъ чуть не въ каждомъ, самомъ ничтожномъ городкѣ), гдѣ бы не давали ее въ послѣдніе годы десятки разъ. Этому обязана она тѣмъ, что помимо своихъ литературныхъ достоинствъ, она еще и чрезвычайно *сценична*. Мы думаемъ ее оставить и на русскую сцену. Для этого мы подвергли ее скрупулезнѣе всѣмъ, необходимымъ у насъ измѣнѣмъ. Она одобрена театральнo-литературнымъ комитетомъ и театральною цензурою. Почему она до сихъ поръ не поставлена — намъ неизвѣстно. Въ тайнѣ соображеній театральной дирекціи проникать не легко.

Мая 20-го 1868 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сальвони, школьный учитель.
 Клара, его дочь.
 Луиджи Руджерри, окружной врачъ.
 Донъ Каллигула, іезуитъ.
 Розоліо, аптекаръ.
 Ривотто, москотяльщикъ.
 Графъ Альдовранди.
 Констанція, вдова сына графа.
 Риветти, домашній врачъ графа.
 Меника, служанка Сальвони.
 Слуга графа.
 Ораціо, }
 Амвроджіо, } ученики школы.
 Ученики.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Залъ въ помѣщеніи школы. Въ глубинѣ выходныя двери и двери на балконъ. Направо отъ зрителей двери въ комнаты Клары и Луиджи, налѣво въ классную школу и кухню. Мебель простая и вообще ее немного. Налѣво отъ зрителей небольшой столъ, на который при поднятій занавѣса Клара ставитъ приборъ для завтрака. Подлѣ стола, въ углу, небольшая жаровня и на ней кофейникъ. Меника раздуваетъ уголь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КЛАРА, МЕНИКА.

КЛАРА. — Ну, что, Меника, закипаетъ вода?...

МЕНИКА. — Кипитъ, снѣбора, ключемъ кипитъ.

КЛАРА. — Такъ подайте сюда кофейникъ, я положу кофе...
(Меника подаетъ и смотритъ съ удивленіемъ на кофейникъ, пока Клара кладетъ въ него кофе).

МЕНИКА. — Господи! какъ посмотришь, какой мудреный кофейникъ, не поймешь, куда и кофе-то надобно сыпать. И для чего онъ такой? только добрыхъ людей смущать! У насъ въ горахъ дѣло прѣще, варятъ кофе въ чугунигъ...

КЛАРА. — Ну, вкусенъ же долженъ быть кофе...

МЕНИКА. — Ахъ, очень вкусенъ и такой густой, густой всегда *(Сильный ударъ грома)*.

КЛАРА. — Что это: никакъ громъ?

МЕНИКА. — Да, снѣбора, это ангелы по небу катаются.

КЛАРА *(подходя къ балкону)*. — Здравствуй громъ-вѣстингъ лѣтъ, очисти воздухъ и принеси тепло... Вся нынѣшняя весна была такая холодная...

МЕНИКА. — А зима-то снѣбора была какая, уфъ!

КЛАРА. — Да, вспомнишь ее поневоле, когда подумаешь, сколько намъ одинъ дрова денегъ стоили...

МЕННИКА. — Да и всё въ окологдѣ перехворали, кто кашлемъ, кто лихорадкой...

КЛАРА. — Тяжелую зиму ми пережили...

МЕННИКА. — Всё какъ есть перехворали; спасибо еще, что докторъ Лунджи такой ученый...

КЛАРА. — И такой добрый, такой внимательный...

МЕННИКА. — Что просто хворать весело, не правда ли, синьора?

КЛАРА. — Бѣдный, за то сколько онъ самъ мучается; вотъ теперь, дождь какъ изъ ведра, а ему Богъ-знаетъ, сколько еще придется быть подъ дождемъ, легко ли всѣхъ больныхъ навѣстять, вѣдь онъ не ворочался еще съ ночи, какъ за нимъ прислали...

МЕННИКА. — Э! синьора, ему это ни почемъ, онъ привыкъ. За то вернется... все готово. Перебѣнить бѣлье и за кофе... а вѣдь вижу, что кофе-то для него готовится.

КЛАРА. — Конечно, для него. Пойдемте-ка, Меннига, въ кухню, да посмотримъ, не осталось ли еще углей, чтобы ему грѣлку приготовить, онъ вѣрно промочилъ себѣ ноги.

МЕННИКА. — Я боюсь, синьора, что углей-то больше нѣтъ, всё вышли (*золосъ Сальвони за сценою: «Да смирно же, говорятъ вамъ, неужели двукъ минутъ нельзя пробить смирно!»*).

КЛАРА. — Слышите, отецъ опять горячится и взволнованъ... бѣдный старикъ.

МЕННИКА. — Я увѣрена, что его разсердилъ этотъ скверный мальчишка, сынъ аптекаря: просто разбойникъ, а не дитя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Сальвони (*выходитъ разстроенный изъ дверей классной*). — Боже! что за жизнь, что за каторга! Кричи, выходи изъ себя, а безъ этого ничего не добьешься... Шумъ, возня, шалости... и каждый день, дѣлне годы все одно и то же... норуку просто жизнь становится невыносима... Призваніе, одно призваніе, да одно терпѣнье, мое терпѣнье, только и поддерживаетъ меня... И за всю муку, за весь трудъ — содержаніе, непокрывающее поддержекъ на первыя потребности... Шестьсотъ франковъ въ годъ! послѣдній слуга, работникъ, носильщикъ зарабатываютъ больше! Горькая участь, жалкая доля! (*подходитъ къ столу*). Э, дочка-то обо мнѣ озаботилась, кофе приготовила, догадалась, что желудокъ мой поддержанія требуетъ... (*садится*). Хоть бы кофе напитокъ дали спокойно (*въ классной поднимается шумъ*). Опять

шумъ! Это все сынъ аптекаря поднимаетъ... Нѣтъ! надобно съ нимъ употребить строгія мѣры... (*Начинаетъ пить кофе*). Э! да какой же отличный кофе, такъ живитъ... (*въ это время изъ окна классной летитъ книга, вышибаетъ изъ его руки чашку и опрокидываетъ все со стола*). Ахъ, варвары! ахъ, разбойники! (*Вбѣгаютъ въ классную*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

МЕНИКА (*съ уюльями*).—Ну, слава Богу, нашли-таки немного углей (*увидавъ опрокинутый завтракъ*). Ай, ай, ай, что это такое случилось, кошеть въ домъ вѣтъ, а все вверхъ дномъ (*поднимаетъ сахарницу, и тѣтъ съ блюдечка оставшійся кофе*). Эхъ, какой грѣхъ, подумаешь, божій даръ понапрасну провадять.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МЕНИКА, КЛАРА.

КЛАРА. — Приготовили? Ахъ, Боже мой, что это вы надѣлали? МЕНИКА (*вытирая губы фартукомъ*). — Я привожу столъ въ порядокъ...

КЛАРА. — Какъ? вы пролили весь кофе, всѣ сливки...

МЕНИКА. — Право, это не я, сынбора, я также какъ и вы не понимаю, какъ случилось...

КЛАРА. — И докторъ будетъ безъ кофе; какъ теперь мы сѣдѣ поможемъ!..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

САЛЬВОНИ (*выходитъ, ведя за ухо мальчика лѣтъ восьми*).— Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ. Ступай домой, северный мальчижъ, и скажи отцу отъ моего имени, чтобы онъ тебя въ школу больше не присылалъ... Слышишь, такъ и скажи... да и знай, что коли всегда будешь продолжать вести себя такъ, какъ ведешь, то не миновать тебѣ висѣлицы. Понимаешь? (*уводитъ его за дверь и запираетъ ее за нимъ*). Посмотри, Клара, что онъ сдѣлалъ съ моимъ завтракомъ...

КЛАРА. — Но какъ все это случилось?..

САЛЬВОНИ. — Да вотъ поди же; я себѣ сѣлъ преспокойно за столъ, налилъ себѣ кофе и только поднесъ блюдечко ко рту, какъ вдругъ изъ дверей летитъ въ меня бомба, которая все опрокинула... Дѣти между собою перессорились, и сынъ аптекаря

пустилъ въ другаго мальчика книгой, а она перелетѣла окно, да чуть мнѣ въ лобъ не попала...

Клара. — Меника, убери все прочь, пожалуйста...

Сальвони. — А кофе-то не мѣшало бы новый сварить...

Клара. — Сейчасъ, сейчасъ я скажу вамъ, почему нельзя сварить новаго кофе. Все ли ты прибрала, Меника?

Меника. — Все, все, синьора (*выноситъ столъ со всякъми приборами*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Клара. — Я не хотѣла говорить при Меникѣ, батюшка, но новаго кофе сварить нельзя потому, что нѣтъ ни кофе, ни сахару...

Сальвони. — Гмъ! (*Почесывается*). Такъ нѣтъ ни кофе, ни сахару? Надобно купить, пошли Менику.

Клара. — Купить? а на какія деньги?

Сальвони. — Такъ и денегъ-то тоже тово? (*Снова почесывается*). У меня тоже ихъ нѣтъ, нельзя ли взять въ долгъ, бездѣлицу и въ долгъ отпустить...

Клара. — Нѣтъ, намъ въ долгъ больше не вѣрять... я уже пробовала послать...

Сальвони. — Тебѣ отказали?.. но почему же? Чтò сказалъ лавочникъ?

Клара. — Сказалъ, что мы уже довольно должны...

Сальвони. — О, неправда, неправда, онъ не поэтому отказалъ мнѣ!

Клара. — Не потому? такъ почему же?

Сальвони. — Противъ меня составилаь лига.

Клара. — Лига? Противъ тебя? Кто же ее составляетъ?

Сальвони. — Всѣ здѣшнія власти... Донъ Калигула, Ризотто, Розоліо.

Клара. — За что же? Чего они хотятъ отъ тебя? Вѣдь прежде они всѣ были съ тобой въ хорошихъ отношеніяхъ.

Сальвони. — Да, но съ пріѣзда доктора все измѣнилось... ты знаешь, что у аптекаря есть дочь...

Клара. — Какъ же не знать эту злую, несносную дѣвушку.

Сальвони. — Ну, такъ вотъ Розоліо и думалъ, что когда докторъ пріѣдетъ сюда, то онъ поселится съ нимъ, жепится на его дочери и послѣ они вмѣстѣ и заодно будутъ лунить деньги съ живаго и мертваго за визиты и лекарства...

Клара. — А между тѣмъ Руджіери поселился съ нами, и не позволяетъ аптекарю брать за лекарства чудовищныхъ цѣнъ...

Сальвони. — Чтò и разозлило Розоліо; онъ уже давно всѣми

мѣрами старается мнѣ насолить, такъ какъ Руджеро онъ не можетъ принести никакого вреда... Жена аптекаря дружна съ женою Ризотто, а дальняя родственница жены Ризотто живетъ... экономкой у дона Камилли... Вабъ толки и сметки этихъ господъ надѣлали то, что всѣ эти три господина уже нѣсколько времени стали мнѣ дѣлать неприятности на каждомъ шагу, а въ будущемъ я жду еще большаго зла...

КЛАРА. — Но чего же ты опасешься? Чтѣ они тебѣ могутъ сдѣлать? ты такъ честно выполняешь свои обязанности...

САЛЬВОНИ (*грустно*). — Въ дѣйствительной жизни исполненіе обязанностей ни отъ чего не предохраняетъ... но это тебя разстраиваетъ... будемъ надѣяться, что все будетъ хорошо... вотъ только ѣсть мнѣ смерть хочется... неужели такъ-таки у насъ ровно ничего нѣтъ?..

КЛАРА. — Вчера отъ обѣда остался кусокъ булки. Возьми его, если хочешь (*идетъ въ шкапъ и достаетъ булку*).

САЛЬВОНИ (*беретъ булку*). — Еще бы не хотѣть, я какъ-то странно устроенъ, у меня отъ досады и неприятностей всегда увеличивается аппетитъ (*съ шкѣль поднимается шумъ*). Опять шумятъ; видно, кончили переписывать... надо идти въ классъ, дай только поцеловать тебя разокъ, чтобы бодрость ко мнѣ возвратилась (*целуетъ Клару и уходитъ въ классную*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

КЛАРА одна.

Бѣдный старикъ! Чтѣ мы будемъ дѣлать безъ денегъ и безъ кредита?.. О злые и дурные люди!.. Надобно поговорить съ Руджеро, нѣтъ ли какихъ нибудь средствъ уладить дѣло... Да и на обѣдъ сегодняшній еще ничего не готовлено, ничего не куплено, а купить провизіи не на что. Нечего сказать, весела наша жизнь... право, еслибы не любовь къ отцу и не дружба къ Руджеро, то я просто согласилась бы умереть...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

КЛАРА и МНИКА (*последняя вбѣгаетъ въ потыхахъ*).

МНИКА. — Синьора, синьора! принесли письмо къ доктору Луджи...

КЛАРА. — Ну, такъ что-жъ такое; дай его сюда, я отдамъ ему, когда онъ придетъ.

МНИКА. — Какъ вы говорите: что-жъ такое? Это письмо не

простое (*подаетъ письмо*), принесть его человѣкъ въ золотой ливреѣ, самъ какъ будто бы графъ какой, и учтивый и красивый такой, и письмо-то, понюхайте, духами пахнетъ...

КЛАРА. — Странно, кто бы могъ прислать такое письмо у насъ?... Отчего вы не спросили, Меника, у человѣка, отъ кого онъ?

МЕНИКА. — Да а-то спрашивала, да онъ говорить, не приказано рассказывать.

КЛАРА. — Странно, почеркъ какъ будто женскій... о! какъ я дорого бы дала, чтобы его прочесть.

МЕНИКА. — Такъ что же, синьора, если хотите прочтите, а я послушаю.

КЛАРА. — Нѣтъ, Меника, Луджи говорить, что читать чужія письма — преступленіе.

МЕНИКА. — Полноте, какое это преступленіе! Убить человѣка — преступленіе, а прочесть чужое письмо никакой важности нѣтъ, вѣдь онъ же самъ все равно его прочесть... а человѣкъ сказалъ мнѣ, что дѣло, о которомъ пишутъ въ письмѣ, спѣшное...

КЛАРА. — Спѣшное? ахъ Боже мой? Чтѣ же это его такъ долго нѣтъ!...

МЕНИКА. — А вотъ я посмотрю съ балкона, такъ можетъ быть онъ скорѣе вернется... (*подходя къ балкону*). Такъ и есть! вотъ онъ уже и ѣдетъ.

КЛАРА. — Ёдетъ? ну, такъ видите, Меника, къ нему на встрѣчу и возьмите его лошадь.

МЕНИКА. — Сейчасъ, синьора (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

КЛАРА одна.

Странное дѣло!... это письмо меня ужасно безпокоитъ... Чтѣ значитъ эта таинственность, женскій почеркъ... ливрейный лакей? въ нашемъ мѣстечкѣ ни у кого нѣтъ ливрейныхъ лакеевъ... Это вѣрно пріѣзжіе на которуюнибудь изъ окрестныхъ вилокъ... Сердце мое такъ и бьется... точно бѣду какую-нибудь предчувствуетъ... Чтѣ я впрочемъ за дѣла, вѣроятно это отъ какого-нибудь больного. Ну, а что, какъ это не больной, а больная?...

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

КЛАРА и ЛУДЖИ.

ЛУДЖИ. — Здравствуйте, Клара, дѣти мое, дайте мнѣ вашу руку, поздороваемся какъ слѣдуетъ.

Клара. — Вы вѣроятно сильно измогли, не хотите ли пере-
мѣнить платье?

Луиджи. — О, нѣтъ! Я переждалъ грозу, а когда возвращался
въ деревню, дожда уже не было.

Клара. — Вы много объѣздили сегодня ночью?

Луиджи. — Довольно-таки. Я чуть было совсѣмъ не загналъ
лошади, почти все ѣхалъ рысью, шагомъ было ѣхать неудобно,
потому что ночью было ужасно холодно.

Клара. — А что бы было, еслибы вы ее загнали? Нельзя ска-
зать, чтобы положеніе окружнаго врача было особенно завидно,
изъ скуднаго жалованья держи еще лошадь... которая, того и
гляди, не вынесетъ трудовъ и падетъ!...

Луиджи. — Что же дѣлать! вѣдь безъ лошади пришлось бы
столько же бѣгать пѣшкомъ. Ну, а чѣмъ же лучше положеніе
вашею отца, который изъ-за 50 франковъ въ мѣсяцъ надсажи-
ваетъ себѣ горло и грудь?

Клара. — Ахъ, въ сожалѣнію, это правда!

Луиджи. — А сколько есть я такихъ, чье положеніе гораздо,
несравненно хуже его и моего положенія!

Клара. — За то австрійцы наслаждаются жизнью; въ Вѣнѣ
имъ хорошо, такъ что имъ и думать объ насъ. Гдѣ вы пере-
ждали грозу?...

Луиджи. — У аптекаря.

Клара. — Такъ я же васъ предупреждаю, чтобы вы, если вы
дорожите своимъ спокойствіемъ, остерегались аптекаря, его же-
ны, Ривотто, донъ Калигулы и его экономен: все это ваши
враги.

Луиджи. — Кто вамъ сказалъ это?

Клара. — Отецъ.

Луиджи. — Благодарю васъ, Клара, за предостереженіе, но
я это уже и самъ знаю.

Клара. — Знали? и скрыли отъ меня!... Такъ у васъ отъ
меня есть секреты, тайны... Я сердита на васъ, Луиджи.

Луиджи. — Заключимъ миръ; миръ такъ пріятенъ послѣ
войны.

Клара. — Вы не сдержали противъ меня своего слова... Для
чего вы скрыли отъ меня, что васъ хотѣли женить на дочери
аптекаря?

Луиджи. — Но для чего было говорить, когда всѣ ихъ про-
дѣлки ни въ чему не повели, когда я отказался?...

Клара. — А почему вы отказались?

Луиджи. — О, на это я имѣю довольно уважительную при-
чину... потому что не люблю дочери аптекаря...

КЛАРА. — Не любите ее потому, что она вамъ не нравится, или...

ЛУИДЖИ. — Ну?

КЛАРА. — Потому, что... любите другую?

ЛУИДЖИ. — Въ мои годы можно обойтись и безъ любви.

КЛАРА. — Неужели вы себя считаете тавимъ старимъ?...

ЛУИДЖИ. — Не то, чтобы очень старимъ, но посмотрите сами, Клара, я вѣдь могъ бы быть вашимъ отцомъ.

КЛАРА. — Ну, это еще Богъ-знаетъ, отчасти да, а отчасти и нѣтъ.

ЛУИДЖИ. — Чтобы претендовать на любовь, Клара, надобно быть молодымъ, красивымъ и мало ли еще что... (смѣясь). И я нѣкогда былъ франтомъ... но годы пронеслись между тѣмъ временемъ и настоящимъ... Я былъ тогда студентъ въ падуанскомъ университетѣ.

КЛАРА. — И вы... любили тогда?

ЛУИДЖИ. — Къ несчастію, да.

КЛАРА. — Новая тайна, которую вы отъ меня скрыли.

ЛУИДЖИ. — Вы ошибаетесь, Клара. Мы сдѣлали условіе для настоящаго и будущаго, а вѣдь то, о чемъ я сталъ говорить, уже давно прошло...

КЛАРА. — А еслибы я была такъ любопытна, что хотѣла бы знать и прошедшее?

ЛУИДЖИ. — Не имѣя никакого основанія скрывать его, я бы тотчасъ вамъ все разсказалъ.

КЛАРА. — Ну, такъ разсказывайте же.

ЛУИДЖИ. — Отчего нѣтъ. Я окончилъ курсъ медицины и приготовлялся къ защищенію докторской диссертациі... ну, мнѣ было тогда 26 лѣтъ, я былъ моложе; на лбу не было морщинъ, въ бородѣ сѣдины, и я не обладалъ... такимъ почтеннымъ объемомъ.

КЛАРА. — Полноте, Луиджи, не въ этомъ дѣло... продолжайте вашъ разсказъ.

ЛУИДЖИ. — Бѣденъ я былъ также, какъ и теперь... но былъ богатъ молодостью и надеждами; случайно я узналъ одну дѣвушку...

КЛАРА. — А, наконецъ-то!

ЛУИДЖИ. — Ей было восемнадцать лѣтъ, она была хороша, стройна, но нѣсколько тщеславна, несмотря на свое доброе сердце...

КЛАРА. — А, такъ и доброе сердце тоже, что-нибудь да значить?

ЛУИДЖИ. — Я полюбилъ ее всею душой, и мнѣ казалось, что

я былъ любимъ взаимно... нѣтъ, я былъ любимъ дѣйствительно. Звали ее Констанціей.

Клара. — Славное имя, оно лучше имени Клары, но даѣе?

Луиджи. — Все это было какимъ-то счастливымъ сномъ... День нашей свадьбы былъ назначенъ, мы думали сдѣлаться мужемъ и женой, тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ моего диплома. Въ это время болѣзнь моего отца заставила меня неожиданно уѣхать въ Миланъ. Четыре мѣсяца сидѣлъ я у изголовья бѣднаго старика, но наконецъ... онъ умеръ на рукахъ моихъ...

Клара. — Тогда вы снова поѣхали въ Падую?

Луиджи. — Да, за дипломомъ, а не за... невѣстой.

Клара. — Что же такое случилось?

Луиджи. — Констанція въ первый мѣсяцъ разлуки нашей, писала мнѣ каждый день, на слѣдующій — черезъ два дня, черезъ два мѣсяца — одно письмо въ недѣлю, черезъ три, я получилъ всего два письма въ четыре недѣли... Наконецъ, въ день похоронъ моего отца, я получилъ еще письмо, но не отъ Констанціи, а отъ ея отца, изъ котораго я узналъ...

Клара. — Что она умерла?

Луиджи. — Нѣтъ — вышла замужъ!

Клара. — Какъ? вышла замужъ?

Луиджи. — Да, за молодаго, богатаго и знатнаго человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ чахоточнаго.

Клара. — За чахоточнаго?... да развѣ можно влюбиться въ чахоточнаго и выйти замужъ за больнаго?

Луиджи. — По любви... нѣтъ.

Клара. — Неужели же она вышла изъ-за денегъ?

Луиджи. — О, нѣтъ! она была дѣвушка добрая и изъ расчета не сдѣлала бы такого шага.

Клара. — Что же ее принудило?... неужели изъ тщеславія?

Луиджи. — Не знаю, но должно быть такъ...

Клара. — И вы никогда не имѣли этому объясненія?

Луиджи. — Я его не желалъ... Она оставила одной изъ своихъ подругъ письмо ко мнѣ... но я его не взялъ и просилъ эту подругу отправить письмо это въ Римъ, куда Констанція уѣхала съ своимъ мужемъ...

Клара. — Но съ тѣхъ поръ вы встрѣчались съ нею, видѣли ее?

Луиджи. — Нѣтъ, я ее съ тѣхъ поръ болѣе не видалъ.

Клара. — И съ тѣхъ поръ вы никогда уже больше не любили?

Луиджи. — Объ этомъ вы знаете сами, потому что тотчасъ же послѣ этой исторіи я поселился здѣсь.

Клара. — Что же я могу знать! мнѣ было тогда 10 лѣтъ, а развѣ въ этотъ возрастъ можно что-нибудь понимать?

Лунджи. — Ну, такъ я вамъ подтверждаю: съ тѣхъ поръ я никогда больше не любилъ... О чемъ вы вздыхаете?

Клара. — Развѣ я вздохнула?... это оттого, что сегодня жарко... Кстати, я чуть-чуть совсѣмъ не позабыла: у меня есть письмо къ вамъ.

Лунджи. — Съ почты?

Клара. — Нѣтъ, его принесъ слуга, богато одѣтый и славный, что письмо очень спѣшное.

Лунджи. — Спѣшное? такъ дайте же его (*беретъ письмо*). Странно, почеркъ совершенно незнакомый...

Клара. — Такъ распечатайте же скорѣе (*Лунджи распечатываетъ письмо, Клара старается съ него замануть*).

Лунджи (*шутливо*). — Вы очень хотите знать, что такое заключается въ этомъ письмѣ?...

Клара (*съ смущеніем*). — Я?... напротивъ... нисколько.

Лунджи. — Такъ послушайте же (*читаетъ*). — М. г.! имѣя нужду въ вашемъ просвѣщенномъ пособіи, покорно прошу васъ удостоить вашимъ посѣщеніемъ мою виллу Бельведеръ, какъ только вы можете поспѣшить. Прошу васъ не говорить ни съ кѣмъ объ этомъ приглашеніи, и разорвать или сжечь, тотчасъ же по прочтеніи, эту записку. Съ чувствомъ истиннаго почтенія покорный къ услугамъ вашимъ Г. А.

Клара. — Г. А.! подъ этими буквами можетъ скрываться, какъ мужское, такъ и женское имя...

Лунджи. — Да, еслибы женщина подписывалась: покорный къ услугамъ вашимъ...

Клара. — Ахъ! я этого-то и не замѣтила.

Лунджи. — Г. А. долженъ быть новый владѣлецъ великолѣпной виллы Бельведеръ, находящейся на нашемъ озерѣ. Вы вѣдь знаете, что ее недавно купилъ новый хозяинъ?

Клара. — Да, я слышала. Значить, новый владѣлецъ приѣхалъ?

Лунджи. — Да, ужъ два дня, какъ здѣсь говорятъ объ этомъ, но никто еще его не видалъ и не знаетъ его имени.

Клара. — Такъ поѣзжайте же скорѣе, докторъ.

Лунджи. — Торопитесь, повидимому, особенно нечего. Мнѣ еще нужно сказать два слова вашему отцу.

Клара. — Хотите, чтобы я его позвала сюда?

Лунджи. — Сдѣлайте милость.

Клара (*подходя къ дверямъ классной*). — Батюшка, выйдете сюда на минутку, если можно.

Сальвони (изъ школы). — Сейчасъ, сейчасъ.

Клара. — Я васъ оставляю, но вѣдь вы вѣроятно не весь же день тамъ пробудете?

Луиджи. — Постараюсь отдѣлаться какъ можно скорѣй.

Клара. — Такъ прощайте же... до свиданія... вы вѣдь все мнѣ потомъ расскажете?...

Луиджи. — О, конечно, рѣшительно все.

Клара. — Я ужасно любопытна, Луиджи... но вотъ и отецъ.

Луиджи. — Прощайте, добрая Клара (*Клара уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Луиджи и Сальвони.

Луиджи (*мляя всмѣхъ Клары*). — Доброе, милое созданье.

Сальвони. — А, это вы, любезный докторъ, давно ли вернулись?

Луиджи. — Только сейчасъ, и тороплюсь снова исчезнуть, но прежде мнѣ необходимо сказать вамъ пару словъ: скажите, за что прогнали вы изъ школы сына аптекаря?...

Сальвони. — За то, что онъ вполне заслужилъ это. Но откуда вы объ этомъ знаете?

Луиджи. — Я былъ въ то время въ аптекѣ, когда ребѣнокъ съ плачемъ и визгомъ вернулся домой. Надо было видѣть, какъ взбѣсился отецъ при его рассказѣ.

Сальвони. — Пусть бѣсится, сколько захочетъ... я господина своихъ поступковъ въ школѣ и передъ своею совѣстью.

Луиджи. — Все это правда, но вы выбрали дурную минуту для наказанія.

Сальвони. — Почему же это?

Луиджи. — Потому, что вы раздражили до нельзя и безъ того раздраженныхъ враговъ вашихъ.

Сальвони. — Что жъ такое? да и что они мнѣ могутъ сдѣлать?

Луиджи. — Сдѣлать-то, положимъ, они могутъ и многое... напримѣръ, отнять у васъ школу. Аптекарь — первый депутатъ отъ общины.

Сальвони. — Пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Богъ не допустить моей гибели.

Луиджи. — Противъ васъ носятъ обвиненія.

Сальвони. — Обвиненія? противъ меня?

Луиджи. — Да, они говорятъ, что вы своими внушеніями

совращаете дѣтей, что вы учите ихъ крайнему либерализму и вооружаете противъ религій.

Сальвони. — Я? противъ религій?

Лунджи. — Да. И кромѣ того я знаю навѣрное, что рѣшено сдѣлать ревизію въ нашей школѣ. Вы можете каждую минуту ждать посѣщенія инспекціи...

Сальвони. — А пусть ихъ приходятъ, когда хотятъ...

Лунджи. — Я долженъ уйти по дѣлу, меня позвали на виллу Бельведеръ, но еслибы произошло что-либо необыкновенное, пришлите за мною тотчасъ же. — Во всякомъ случаѣ къ обѣду я возвращусь... Клара ничего не знаетъ... берегите ее.

Сальвони. — Объ этомъ не беспокойтесь (*Лунджи уходитъ*). — Новая бѣда! А онъ вернется къ обѣду... Къ обѣду! (*мочесывав юлову*), да будетъ ли еще обѣдъ, спрашивается?... Нечего дѣлать, надо идти пока въ школу... подождемъ, будь что будетъ (*уходитъ въ классную*)...

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Клара и Меника (*въ глубинѣ*).

Клара. — Меника, докторъ вернется домой къ обѣду, да и отецъ ничего не ѣлъ, и слѣдовательно надобно, какъ можно позаботиться, скорѣе обѣдъ...

Меника. — Еще бы, сивьора, голодное брюхо не только къ ученью, а и учить глухо...

Клара. — Но откуда мы возьмемъ денегъ?

Меника. — О! деньги есть, у меня есть деньги, у меня еще цѣли 9 франковъ отъ полученнаго жалованья: вотъ они, возьмите ихъ (*вынимаетъ кошелекъ*).

Клара. — Добрая Меника, принимаю ваше предложеніе отъ всей души. Получите же вы ихъ назадъ вмѣстѣ со всѣмъ, что мы вамъ должны...

Меника. — Э! сивьора, торопитесь не для чего... отдадите, когда будете въ состояніи... вы положите ихъ тогда въ сохранную кассу... пусть копится мнѣ приданое... время есть — жениховъ-то только что-то не видать...

(*Голосъ Розоліо*). Дома?

Клара. — Кажется, голосъ аптекаря, Меника?

Меника. — Да, это онъ съ сивьеромъ Ризотто и дономъ Калигулою.

Клара. — Что бы значило это посѣщеніе?... Сама же знаю почему, но у меня сердце забилось.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Донъ Калигула, Ризотто, Розоліо и прежнія.

Донъ Калигула. — Добрый день, синьора Клара.

Клара. — Бъ вашимъ услугамъ, донъ Калигула.

Донъ Калигула (*смотря на Менику*). — Здравствуй, любезная служанка.

Меника (*зриво*). — Служанка, да не ваша.

Донъ Калигула (*протягивая ей руку для цалованія*). — Что же ты не исполняешь своей обязанности?...

Меника. — У меня губы замараны, и я боюсь испачкать вашу руку...

Донъ Калигула. — Что же ты по крайней-мѣрѣ стульевъ намъ не подашь? Охъ деревенщина! не привыкла къ обществу порядочныхъ людей.

Меника (*про себя*). — Для кого порядочные, для кого нѣтъ.

Клара. — Скорѣй же стулья, Меника. (*Донъ Калигула и Розоліо садятся; Ризотто хочетъ сѣсть, но замѣтивъ, что стулъ шатается, садясь придерживается рукою за столъ*).

Ризотто. — Экая чертовщина! съ этого стула какъ разъ полетишь...

Меника. — Извините, такой мебелью насъ снабжаетъ обштина...

Ризотто (*Розоліо*). — Признаюсь, мнѣ этотъ визитъ вовсе не по сердцу: во всей лавкѣ остался одинъ мальчишка...

Донъ Калигула. — Синьоръ учитель въ школь?

Клара. — Да, синьоръ.

Розоліо (*къ Ризотто*). — Какъ вы находите дочь учителя? Вѣдь не стоитъ она моей Сары?

Ризотто. — Не спрашивайте меня, я не знаю толку ни въ чемъ, кромѣ сахару, да колоніальныхъ товаровъ.

Донъ Калигула (*озираясь кругомъ*). — Вашъ отецъ можетъ считать себя счастливымъ; помѣщеніе его удобное и отличное...

Розоліо. — Да еще въ добавокъ, шутка сказать, даромъ! отъ общины!

Ризотто (*пересаживаясь на другой стулъ*). — Дѣвушка, заприте это окно, мнѣ продуло всю спину.

(*Меника запираетъ*).

Меника (*про себя*). — Эхъ, кабы тебя такъ продуло, чтобы ты издохъ.

Донъ Калигула. — Сколько всего здѣсь комнатъ?

КЛАРА. — Четыре, синьоръ, намъ едва достаетъ...

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — Гмъ! какъ же едва достаетъ, когда вы можете еще одну отдавать въ наймы?

КЛАРА. — Жалованье батюшки такъ скудно, что приходится поневолю стѣсняться.

РОЗОЛІО (*Ризотто*). — Стѣсняться... Понимаете?

РИЗОТТО. — Дѣвушка, закройте также дверь; это не комната, а какой-то сарай, въ которомъ двухъ минутъ нельзя пробить отъ холода.

МЕНИКА (*про себя*). — Какой же дьяволъ просилъ тебя сюда лѣзть?

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — Гдѣ спать вашъ отецъ?

КЛАРА. — Въ классной, вечеромъ туда вносится, а утромъ выносятся его врать...

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — А ялицъ вашъ?

КЛАРА. — Докторъ Луиджи? вотъ въ этой комнатѣ (*показываетъ*).

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — А вы сами?

КЛАРА. — Вотъ въ этой, что подлѣ...

ДОНЪ КАЛИГУЛА (*тихо Розоліо*). — Дверь обь дверь!

РОЗОЛІО (*тихо*). — Стѣна обь стѣну (*тихо Ризотто*). Понимаете?

РИЗОТТО. — Миѣ-то какое дѣло до того, кто гдѣ спать?...

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — А служанка?...

МЕНИКА. — Въ конюшнѣ, какъ какое-нибудь животное, Донъ Калигула.

ДОНЪ КАЛИГУЛА (*тихо аптекарю*). — Отецъ въ классной, служанка въ конюшнѣ... а другіе вотъ тутъ рядышкомъ.

РОЗОЛІО (*тихо*). — Скандаль! скандаль!

ДОНЪ КАЛИГУЛА (*тихо ему же*). — Не скандаль, а прелюбодѣяніе!

РОЗОЛІО (*Ризотто*). — Такъ вѣдь?

МЕНИКА (*тихо Клара*). — Синьора, въ чему это они дѣлають всѣ эти распросы?

КЛАРА. — А я-то почему знаю?

МЕНИКА (*также*). — Видно, хотять дать другое помѣщенье?

КЛАРА (*тихо*). — О, этого нечего бояться!

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — Потрудитесь увѣдомить синьора учителя, что инспекторъ школъ съ двумя депутатами отъ общины желаютъ его видѣть.

КЛАРА. — Сейчасъ я ему скажу (*уходитъ въ классную*).

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — А ты, служанка, уходи въ кухню... не твое дѣло... готовь тамъ свой обѣдъ.

Ризотто. — Если есть что приготовить...

Мвника (*подходя къ Ризотто тихо*). — Есть ли у васъ сегодня въ лавкѣ хорошій рисъ, безъ трухи?

Ризотто. — За деньги — есть, въ кредитъ ни съ трухой, ни безъ трухи нѣтъ...

Мвника. — За деньги? вотъ деньги... но на деньги я предпочитаю брать въ другой лавкѣ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Клара и Сальвони.

Сальвони. — Мое почтеніе, синьорн... Чему я обязанъ чести вашего посѣщенія?...

Донъ Калигула. — Сейчасъ узнаете, почтеннѣйшій, но такъ-какъ мы станемъ говорить о серьезнѣхъ дѣлахъ, то я просилъ бы синьору дочь вашу оставить насъ на минутку.

Клара. — Я уйду (*про себя*). Я предчувствую что-то недоброе. (*Къ отцу*) Ватюшка! главное, сдерживайтесь и будьте благоразумны...

Сальвони. — Скажи мнѣ сначала, обѣдъ готовится?...

Клара. — Дѣ, готовится, готовится.

Сальвони. — Ну, значить и хорошо! оставь насъ (*Клара уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Донъ Калигула, Сальвони, Розолю и Ризотто.

Донъ Калигула. — Синьоръ учитель, наше посѣщеніе, можетъ быть, васъ и удивляетъ, но къ нашему сожалѣнію, нашъ образъ дѣйствій вынужденъ только что полученнымъ предписаніемъ высшаго начальства...

Сальвони. — Ваше посѣщеніе, во всякомъ случаѣ, мнѣ дѣлаетъ честь.

Донъ Калигула. — Не считаю нужнымъ объяснить, что въ настоящемъ случаѣ мы должны забыть на время наши пріятельскія отношенія. Дружба-дружкой, а служба-службой...

Сальвони. — Оставьте въ сторонѣ лишніа любезности и приступимъ къ дѣлу...

Розолю. — Къ дѣлу! въ дѣлу!

Донъ Калигула. — Ну, такъ знайте, что на васъ полученъ былъ серьезный доносъ...

Сальвони. — Доносъ никогда не бываетъ шуткой...

Донъ Калигула. — Вамъ и теперь шутить не полагается.

Розоліо. — Передъ лицами, отъ которыхъ вы зависите...

Ризотто. — Они быстро шагаютъ!

Сальвони. — Извините меня, но я не предполагалъ, что вы можете обидѣться...

Донъ Калигула. — Начальству сдѣлалось извѣстно, что вы посѣщаете въ умѣ дѣтей различны вредныя ученія, которыя могутъ быть опасны въ политическомъ и религіозномъ отношеніи.

Сальвони. — Я? Поселяю вредныя ученія?

Донъ Калигула. — Да, вы...

Розоліо. — Вы!

Донъ Калигула. — Такъ написано въ полученной бумагѣ.

Розоліо. Такъ прописано (къ *Ризотто*). — Скажите же и вы что нибудь въ свою очередь.

Ризотто. — Чтѣ же я буду говорить, когда все уже прѣписано?

Донъ Калигула. — Самое существенное теперь, превѣрить правда или нѣтъ, что въ нѣжныхъ душахъ дѣтей, довѣренныхъ вамъ родителями, посѣданы эти злыя сѣмена.

Сальвони. — Средство это очень простое. Призовите дѣтей и сдѣлайте имъ при мнѣ испытаніе.

Донъ Калигула. — Но кто же поручится, что дѣти не научены такъ отвѣчать, какъ вы этого хотите?...

Сальвони. — О, Боже мой! научать дѣтей лжи, притворству и лгуству, въ то время, когда и старшимъ-то изъ нихъ нѣтъ еще десяти лѣтъ! За кого вы меня принимаете? Будетъ имъ еще время въ жизни во всему дурному привыкнуть.

Розоліо. — Не слѣдуетъ ли принять этого за намекъ на нашъ счетъ?

Сальвони. — Боже избави! Развѣ вы притворяетесь и скрываетесь, развѣ всякій прямо не видитъ, чтѣ вы такое?

Розоліо (къ *Ризотто*). — Чтѣ же мы такое? какъ понимать надо?

Ризотто. — Какъ понимать? Очень просто: я торговецъ, вы аптекаръ, Донъ Калигула духовный.

Розоліо. — Ахъ, чортъ васъ побори съ вашей простотой!

Донъ Калигула. — Приступимъ слѣдовательно къ испытанію...

Сальвони. — Не угодно ли вамъ будетъ войти въ классную...

Донъ Калигула. — Нѣтъ, позовите дѣтей сюда. Въ школахъ обыкновенно дурной и вредный воздухъ, миазмы...

Сальвони. — Да вотъ я дышу имъ тридцать лѣтъ сряду, но только захворать не умѣю (*про себя*). О, бѣшенство! (*подходя къ двери классной*). Дѣти мои, выходите сюда всѣ, всѣ...

Розоліо. — Боже мой, наша муза! Этой пятѣ конца не будетъ!...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Ораціо, Амброджио, и около двадцати мальчиковъ съ книгами и тетрадами и тѣ же.

Сальвони. — Любезныя дѣти, я приваля вась сюда потому, что синьоръ училищный инспекторъ и два другіе почетные лица желаютъ вась проэкзаменовать. Отвѣчайте на ихъ вопросы безъ всякаго страха и вастѣнчивости, такъ-какъ ваши начальники добры и снисходительны. Поняли вы меня?

Мальчики. — Поняли, поняли, синьоръ учитель...

Донъ Калигула. — Итакъ, начнемъ хоть съ тебя, дити мое, ты мнѣ кажешься мальчикомъ умнымъ и отгерованнымъ. Начнемте съ географіи.

Сальвони. — Отвѣчай, Ораціо, какъ слѣдуетъ хоронгеу мальчику...

Розоліо (къ *Ризотто*). — Замѣчайте же и вы... не спите пожалуйста...

Ризотто. — О! моя дремота прошла... Я буду также слушать.

Донъ Калигула. — Какъ называется страна, въ которой мы живемъ?

Ораціо. — Страна эта называется Италией...

Ризотто (къ *Розоліо*). — Чтò, онъ отвѣтилъ какъ слѣдуетъ?...

Розоліо. — Въ историческомъ смыслѣ, да...

Ризотто. — Значить, онъ хорошо отвѣтилъ (къ *Ораціо*).
Браво! браво!

Донъ Калигула. — Не можешь ли ты мнѣ сказать, изъ какихъ государствъ состоитъ Италия?... (къ *Сальвони*). Вѣдь они проходили это?

Сальвони. — О, да, да, онъ знаетъ; отвѣчай, Ораціо.

Ораціо. — Италия состоитъ изъ 12 различныхъ по величинѣ частей, которыя представляютъ столько же государствъ; нѣкоторыя изъ этихъ государствъ находятся внѣ естественныхъ границъ Италиі...

Донъ Калигула. — Чтò ты разумѣешь подъ естественными границами Италиі?...

Ораціо. — Всѣ тѣ мѣстности, которыя окружаютъ сапогъ...

Ризотто (тихо къ *Розоліо*). — Почему это онъ вдругъ на сапоги свель?...

Розоліо (къ *Ризотти*). — Это фигурально; либералы такъ называютъ Италию!

Ривотто (*про себя*). — Надобно запомнить... сапогъ; сапогъ... Вѣдь это оскорбительно!

Донъ Калигула. — Скажи мнѣ теперь, какое же главное изъ этихъ государствъ?

Ораціо. — Главнѣйшее изъ итальянскихъ государствъ—есть Пиемонтъ...

Донъ Калигула. — Какъ Пиемонтъ? почему же это?

Ораціо. — Потому, что онъ находится въ главѣ сапога...

Донъ Калигула. — Сильборъ учитель, какъ должно мнѣ понимать такой отвѣтъ?

Сальвони. — Очень просто... географически у Альпъ, отъ которыхъ идетъ фигура сапога Италіи, лежитъ Сардинія.

Ривотто (*къ Розоліо*). — И это правда тоже?

Розоліо. — Говори географически, да.

Ривотто. — Значить, онъ это хорошо знаетъ (*бранко*).
Браво! браво!

Донъ Калигула. — Но отчего же не назвать главнымъ также и Ломбардо-Венеціанскаго королевства, которое лежитъ рядомъ съ Пиемонтомъ?

Ораціо. — Ломбардо-Венеція — не государство.

Донъ Калигула. — Какъ не государство? Что же такое?

Ораціо. — Итальянская провинція, занятая чужеземцами...

Донъ Калигула. — Думаешь ли ты о томъ, что говоришь?

Ривотто (*къ Розоліо*). — Правда это или нѣтъ?

Розоліо. — Говори статистически... правда...

Ривотто. — Значить... Брависсимо!...

Донъ Калигула (*съ сарказмомъ*). — Сильбора учителя можно поздравить; онъ преподаетъ превосходно!...

Сальвони. — Сильборъ инспекторъ слишкомъ добръ и онисходителенъ!

Донъ Калигула. — Послушаемъ, что будетъ дальше (*къ Ораціо*). Ты говоришь, что Италія представляетъ 12 различныхъ государствъ; что же, всѣ эти государства одинаково процвѣтаютъ, одинаково благоденствуютъ?...

Ораціо. — Италія была бы счастливѣйшею страной въ мірѣ, еслибы ея воздѣлывалъ одинъ способный и всѣми любимый садовникъ.

Донъ Калигула. — Что ты разумѣешь подъ словомъ садовникъ?

Ораціо. — То лицо, которое воздѣлываетъ всѣмъ и помогаетъ ей процвѣтать.

Донъ Калигула. — И еслибы тебѣ самому поручили въборъ такого садовника, гдѣ бы ты сталъ его искать?

Орацио. — Я бы обратился къ Пиемонту.

Донъ Калигула. — Отчего же къ Пиемонту, а не къ другимъ итальянскимъ государствамъ?

Орацио. — Потому что въ Пиемонтѣ... культура процветаетъ.

Ризотто. — Это я и самъ знаю, что правда: что за рисъ, что за масло и вина!...

Розоліо (*къ Ризотто тихо*). — Будете ли вы молчать?

Ризотто. — Для чего же я буду молчать?

Розоліо. — Потому, что все, что вы говорите, неистина.

Ризотто. — Ваша вина! кто васъ просилъ меня тащить сюда?

Донъ Калигула. — Превосходно, сеньоръ-учитель! Теперь поговоримъ съ другими. (*Къ Амброджіо*) Подойди сюда, другъ мой (*Амброджіо выходитъ изъ ряда учениковъ, Орацио слѣпается съ ними*). — Скажи мнѣ, какъ называются тѣ владѣнія, въ которыхъ находится Болонья?

Амброджіо. — Церковныя владѣнія...

Донъ Калигула. — Хорошо; почему же эти владѣнія называются церковными?... потому что зависятъ отъ...

Амброджіо. — Отъ духовныхъ, отъ папъ...

Донъ Калигула. — Ты хочешь, можетъ быть, связать: отъ папы?

Амброджіо. — Да, сеньоръ, отъ папы.

Донъ Калигула. — Кто же такое папа?

Амброджіо. — Папа — глава религіи...

Донъ Калигула. — Ну, да это само собою, но дѣло не въ томъ... говоря политически, кто такое папа?

Амброджіо. — Говоря политически, папа (*останавливается и смотритъ то на учителя, то на товарищей*)...

Донъ Калигула (*съ зѣвкомъ*). — Ну, что жъ ты молчишь... развѣ папа не государь?...

Амброджіо (*сконфуженный*). — Нѣтъ, сеньоръ.

Донъ Калигула (*еще съ бѣлыми зѣвкомъ*). — Какъ нѣтъ?

Амброджіо. — Да, сеньоръ.

Донъ Калигула. — Отвѣчай безъ напраснаго мямлени, подумай прежде, чѣмъ отвѣчаешь. Какой городъ самый важный въ Церковныхъ владѣніяхъ?

Амброджіо. — Римъ.

Донъ Калигула. — Хорошо, а почему?

Амброджіо. — Потому, что былъ столицей римскихъ императоровъ.

Донъ Калигула. — Оставимъ въ сторонѣ все прошлое и

императоровъ, будете говорить объ настоящемъ. Римъ важнѣйшій въ городовъ Церковныхъ владѣній потому, что резиденція папы, не такъ ли?

Амвроджіо. — Такъ, синьоръ.

Донъ Калигула. — Ты сказалъ, что папа есть въ то же время и государь...

Амвроджіо. — Да, синьоръ, это вы сказали.

Донъ Калигула. — Все равно. Значить, если папа въ то же время и государь, то Римъ долженъ быть чѣмъ?... Сильѣе!... сто...ли...цей.

Амвроджіо (*быстро*). — Столицей итальянскаго королевства..

Донъ Калигула (*поднимаясь съ неподованіемъ*). — Это еще что такое? кто тебя этому выучилъ?

Ривотто (*просинаясь отъ шума*). — Что? что такое? Что тутъ случилось?

Розоліо (*съ воодушевленіемъ*). — Неужели вы этого не принимаете? Римъ — столица итальянскаго королевства!...

Ривотто. — Только-то? все дѣло только въ этомъ? стоять же такой гвалтъ поднимать!...

Донъ Калигула (*къ Амвроджіо*). — Отвѣчай тотчасъ же, тебя этому синьоръ-учитель выучилъ?

Амвроджіо (*дрожая*). — Нѣтъ, синьоръ, я это слышалъ...

Донъ Калигула. — Гдѣ? отъ кого? я хочу знать сейчасъ же.

Амвроджіо. — Я слышалъ, какъ синьоръ-докторъ Луджи говорилъ вчера это синьору-учителю.

Сальвони (*про себя*). — О, святое невѣдѣніе!

Донъ Калигула. — Испытаніе окончено. (*Къ Сальвони*). Изъ всего, что мы здѣсь слышали, не остается никакого сомнѣнія, что свѣдѣнія, доставленныя объ васъ начальству, какъ нельзя болѣе справедливы.

Сальвони. — Но, синьоры, вѣдь это былъ частный разговоръ...

Донъ Калигула. — А вы полагаете, что такіе взгляды должны провозглашаться публично?

Сальвони. — Но у всякаго свой образъ мыслей, свои мнѣнія...

Розоліо. — Въ вашемъ званіи, вы не должны имѣть своихъ мнѣній.

Ривотто. — Какъ у насъ ихъ нѣтъ, такъ и у васъ ихъ не должно быть!

Донъ Калигула. — Я считаю своею обязанностию объявить вамъ, что съ этой минуты вамъ запрещается продолжать ваше преподаваніе.

Сальвони (про себя). — О, Боже! Какъ мне терпѣливо не дожидаться!

Розоліо. — Общественная касса сегодня же будетъ извѣщена о прекращеніи выдачи вамъ жалованья.

Ризотто (къ Розоліо). — Нѣтъ, это нельзя ли какънибудь устроить, я ждалъ завтра получения своего долга.

Сальвони (про себя). — И такъ я... безъ куса хлѣба!

Донъ Каллигула. — Школа будетъ закрыта, пока вамъ не будетъ назначенъ наставникъ.

Розоліо. — Онъ уже назначенъ...

Сальвони. — Прежде повѣрилъ доноса?... дѣло!

Донъ Каллигула. — И такъ-таки: помѣщеніе это принадлежитъ мѣсту учителя...

Розоліо. — То мы предлагаемъ вамъ его сегодня же очистить.

Сальвони (про себя). — Этого только недоставало: безъ хлѣба и крова!

Донъ Каллигула. — А вы, дѣше, ступайте по домамъ. До новаго распоряженія — у васъ ваннука.

Ризотто. — Ну, что было, то прошло... Слава-Богу, что мое назначеніе кончилось (съ твоемъ угольте).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДАТОЕ.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ УШЕДШИХЪ.

Амброджіо. — Синьоръ, пометь быть, я отвѣчалъ дурно, что инспекторъ такъ рассердился?

Сальвони. — Нѣтъ, милый, вы оба отвѣчали отлично... но я уже съ этихъ поръ вамъ не учитель...

Всѣ. — Какъ? почему это?

Сальвони (про себя, все болѣе и болѣе разгорячась и кончая слезами). — Вѣдны мои дѣти!... Я иногда кричалъ на васъ, но только теперь вижу, какъ я любилъ васъ! Какъ я стану, какъ я смогу жить безъ васъ?... Уходите милые, уходите! и не плачьте! Прощайте! Когда же вы снова воротитесь въ школу и не встрѣтите меня, вспомните обо мнѣ и обо всемъ, что я говорилъ вамъ. Когда выростете, вы поймете настоящій смыслъ всего этого (прижимаетъ къ груди Ораціо и Амброджіо, потомъ ласкаетъ поочередно и друмя и шмычитъ изъ за дверь, идя короткою походкою). Прощайте! Прощайте! (опти угольте, она рыдаетъ и поднимаетъ руки къ небу). Боже мой! Боже мой! я и не исполнялъ своего долга, и до чего я дошля!

(Знается плачетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Богато убранный залъ на видѣ Веллзедеръ, въ окна видъ на озеро, направо и налѣво двери. Входная дверь въ глубинѣ. Посреди сцены мраморный столъ, заваленный альбомами и дорогими бездѣлушками. Канале, кресла и т. д.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

РУДЖИЕРИ И СЛУГА.

СЛУГА. — Потрудитесь подождать здѣсь, пока я доложу о вашемъ приходѣ графу.

РУДЖИЕРИ. — Такъ боленъ не графъ?

СЛУГА. — Нѣтъ, графъ, слава-Богу, здоровъ.

РУДЖИЕРИ. — Кто же здѣсь боленъ?

СЛУГА. — Я ничего не знаю.

РУДЖИЕРИ. — Графъ женатъ?

СЛУГА. — Не могу знать.

РУДЖИЕРИ. — Что за чертовщина! Какъ же вы этого не знаете, если служите здѣсь?

СЛУГА. — Мнѣ не приказано ни о чемъ болтать.

РУДЖИЕРИ. — А, это дѣло другое... Не можете ли мнѣ сказать, по крайней-мѣрѣ, есть ли здѣсь дамы?

СЛУГА. — Мнѣ ничего говорить не приказано.

РУДЖИЕРИ. — Молодъ или старъ, по крайней-мѣрѣ, вашъ господинъ?

СЛУГА. — Извините, я не имѣю времени отвѣчать вамъ (*уходитъ*).

РУДЖИЕРИ. — Однако, это изъ рукъ вонъ. Что за странность, что за таинственность между всѣмъ прислугой. Привратникъ не знаетъ ничего, кучеръ не знаетъ ничего, слуга ничего не знаетъ, а я... знаю еще меньше, чѣмъ они... Видно одно, что владѣлецъ великъ — человѣкъ съ состояніемъ... что за роскошь, что за обиліе и что за вкусъ во всѣхъ этихъ бездѣлушкахъ (*подле-дя къ столу*)! Это еще что? Альбомъ совершенно такой же, какой подарилъ я нѣкогда Констанціи, когда она была моею невѣстою... Что за странная случайность? Неужели это онъ? Посмотримъ, если это мой альбомъ, то въ немъ должны быть мои стихи, написанные для Констанціи (*хочетъ раскрыть альбомъ*)... запертъ на замочекъ, но это положительно онъ... неужели Констанція умерла и завѣщала его кому нибудь изъ своихъ подругъ? или... Кто-то идетъ, надобно положить альбомъ на мѣсто (*оставляетъ его*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Рипетти и Руджери.

Рипетти. — Я имѣю честь видѣть здѣшняго доктора.

Руджери. — Къ вашимъ услугамъ (*Рипетти приближается*).
Кого я вижу? Рипетти?

Рипетти. — Руджери!

Руджери. — Да, это я, твой другъ и товарищъ по университету.

Рипетти. — О, съ какимъ удовольствіемъ вижу я тебя снова, Руджери! Но, что за перемѣна съ тобой? Возможно ли, чтобы изъ худенькаго, изящнаго юноши...

Руджери. — Сдѣлался такой неулыбчивъ лезарь?... но за то съ тобой перемѣна въ другую сторону, труднѣе узнать въ тебѣ прежняго Рипетти, неповоротливаго и робкаго...

Рипетти. — Робокъ я и теперь, этотъ недостатокъ мой не уничтожился, а скорѣе усилился, и въ настоящее время просто приводитъ меня въ отчаяніе, несмотря на то, что случай бросилъ меня въ высшій кругъ, и далъ мнѣ все, чтобы я могъ отдѣлаться отъ моей безтолковой работы.

Руджери. — Такъ ты ведешь жизнь въ высшемъ кругу?... Моя судьба совершенно иная: я, кажется, до смерти останусь здѣсь, въ средѣ народа.

Рипетти. — Ты, значить, окружннмъ врачомъ. Тяжелая жизнь?

Руджери. — Если ты подразумѣваешь трудъ, то дѣйствительно порою-таки тяжеленько...

Рипетти. — Ну, а средства вознагражденія?...

Руджери. — Какое вознагражденіе!... здѣсь коноваль по-лучають больше, нежели я...

Рипетти. — Не весело!... Но ты одинъ, не жена?!

Руджери. — Да, я холостъ. А ты, Рипетти, продолжаешь заниматься медициной или оставилъ ее?

Рипетти. — Да, я практикую.

Руджери. — Съ успѣхомъ?

Рипетти. — Не пожалуюсь, чтобы успѣхъ былъ особенный. Я слышимъ робокъ, я не умѣю пользоваться случаемъ. Жизнь моя была, впрочемъ, довольно романтическая. Въ 1849 г. я былъ при легионѣ Манара, и въ Римѣ дрался.

Руджери. — Ну, это не служитъ доказательствомъ робости.

Рипетти. — Ты меня не понялъ, я робокъ... но не трусь, и робокъ я не въ дѣлѣ, а въ обществѣ или, лучше сказать, съ

ЖЕНЩИНАМИ: съ ними я теряюсь, съ ними упускаю случаи, и мнѣ все кажется, что я долженъ имъ казаться смѣшнымъ.

РУДЖИЕРИ. — Неудачи въ сердечныхъ исторiяхъ.

РИПЕТТИ. — Не въ исторiяхъ, а въ одной и настоящей любви: выслушай и узнаешь самъ. Когда римская трагедiя окончилась, я не могъ вернуться домой, потому что былъ кругомъ въ долгахъ и волей-неволей остался въ Римѣ.

РУДЖИЕРИ. — Практиковать? (*подходитъ машинально къ столу и беретъ съ руки статуетку китайскаго фарфора*).

РИПЕТТИ. — Да, и еще болѣе взнуръ въ долгахъ. Но случай меня выручилъ. Въ это время жилъ въ Римѣ чрезвычайно богатый человѣкъ, графъ Альдобранди, женившiйся на надуанкѣ...

РУДЖИЕРИ. — На надуанкѣ? (*вздвигаетъ иронически статуетку на полъ*).

РИПЕТТИ. — Чтѣ съ тобою?

РУДЖИЕРИ. — Ничего. Статуетка выпала изъ рукъ, я неосторожно ее взялъ (*поднимаетъ ее*).

РИПЕТТИ. — Хорошо, что она не разбилась. Это, le petit mar-
got — любимая статуетка графини; она такъ дорожить ей.

РУДЖИЕРИ. — Продолжай свой рассказъ, статуетка цѣла и невредима.

РИПЕТТИ. — Вѣднiй... или лучше сказать богатый графъ страдалъ чахоткою въ третьей степенн.

РУДЖИЕРИ (*про себя*). — Она!

РИПЕТТИ. — Графиня, жена его, узнавъ, что я врачъ и ея землякъ, обратилась ко мнѣ. Я въ то время занимался фардизацией и нѣсколько счастливыхъ излеченiй сдѣлавъ то, что въ Римѣ говорили обо мнѣ. Я былъ позванъ, но засталъ графа умирающимъ...

РУДЖИЕРИ. — И сталъ его лечить...

РИПЕТТИ. — Нѣтъ, даже не начиналъ. Я засталъ у его изголовья двухъ иезуитовъ, которые, услыжавъ, что я занимаюсь электризацией, до того успѣли запугать больного, что увидя меня, онъ впалъ въ конвульси, окончившiяся смертью.

РУДЖИЕРИ. — Оставалось, значить, лечить графиню, если она была опечалена смертью мужа.

РИПЕТТИ. — О, да, она была глубоко разстроена. Она измучилась во время болѣзни графа, все время ходила за нимъ съ самоотверженiемъ. Во все время своего замужества — она вышла за больного, — она не позволяла себѣ ни малѣйшаго развлечения; никто не видалъ даже, чтобы она хоть разъ улыбнулась. Она красавица, но такъ грустна всегда, что дѣлается больно. Въ

это время я поневоле могъ убѣдиться, что за симпатическое это существо, что за удивительная и кроткая... женщина.

Руджери. — Ну, и потому вы сблизились?

Рипетти. — О, да, къ моему несчастію.

Руджери. — Почему же къ несчастію?

Рипетти. — Потому что я полюбилъ ее, полюбилъ страстно и безпредѣльно...

Руджери. — И пользуешься взаимностью?

Рипетти. — Я бы отдалъ половину своей жизни, чтобы знать это навѣрно...

Руджери. — Ты выражаешься, какъ поэтъ...

Рипетти. — Ты шутишь, а мнѣ право не до шутокъ, привязанность моя до того серьезна...

Руджери. — Надобно, значить, выдти изъ неизвѣстности, объясняться.

Рипетти. — Въ этомъ-то и все дѣло и вся трудность моего положенія. Еслибы ты зналъ, сколько разъ я рѣшался высказать ей все, что накопилось у меня на душѣ, но едва удастся мнѣ быть съ нею наединѣ, она или разсѣяна, или озабочена, или разстроена... Стоитъ мнѣ намекнуть, что мнѣ надобно ей нѣчто передать, какъ она отвѣчаетъ мнѣ: въ другое время... и вотъ въ чемъ мое несчастіе.

Руджери. — Понимаю.

Рипетти. — Значить, ты счастливѣе меня, потому что я ровно ничего понять не могу.

Руджери. — И съ тѣхъ поръ, ты уже поселился въ семействѣ графини, потому что, какъ я догадываюсь, что теперь графиня здѣсь, неправда-ли?

Рипетти. — Да, она здѣсь, но живу я въ ея домѣ съ того только времени, какъ она тяжело захворала.

Руджери. — Такъ она тяжело больна?

Рипетти. — Да, она захворала мѣсяца черезъ два послѣ смерти мужа. Я лечилъ ее, и сидѣлъ надъ нею дни и ночи, какъ сидѣла или сестра милосердія; съ тѣхъ поръ я и не выѣзжалъ изъ ея дома. Въ это-то время, когда она была такъ блѣдна, такъ симпатична...

Руджери. — Мужайся, ты не ребенокъ.

Рипетти. — Надобно тебѣ знать, что во время болѣзни въ горячечномъ бреду или во снѣ у ней вырывались безсознательно такіа слова, отъ которыхъ у меня голова шла кругомъ. Мнѣ кажется, что я имѣю полное право думать, что онѣ были обо мнѣ, и сходилъ съ ума отъ счастья.

Руджери. — Какія же это были слова?

Рипетти. — Напримѣръ, она говорила: «о, еслибы я знала, что онъ меня еще любитъ! о, еслибы я могла его видѣть!» мнѣ хотѣлось въ эти минуты сказать ей: погляди на меня, я здѣсь, но у меня не хватало на это энергія... Когда она, къ моему несчастію, поправилась, то ни она, ни тесть ея изъ благодарности не хотѣли меня оставить одного и я съ тѣхъ поръ сдѣлался какъ бы членомъ ихъ семейства...

Руджери. — У Констанціи... у графини тесть?

Рипетти! — Чужака, оригиналь... Ты будешь смѣяться, когда увидишь его.

Руджери. — Онъ-то и приглашалъ меня?

Рипетти. — Да, онъ.

Руджери. — Но какъ же и почему они пріѣхали изъ Рима сюда?

Рипетти. — Это другая исторія, которую не считаю лишнимъ рассказать тебѣ. Ты здѣсь въ первый разъ, и тебѣ не будетъ скучно, если я нарисую профиль главныхъ дѣйствующихъ лицъ. По крайней мѣрѣ, ты будешь знать à quoi s'en tenir.

Руджери. — Пожалуйста, расскажи мнѣ. Мнѣ всѣ эти подробности очень интересны.

Рипетти. — Старый графъ — порядочный человекъ и съ либеральнымъ образомъ мыслей... но однажды его либерализмъ втянулъ его въ такую бѣду, что онъ еще до сихъ поръ не можетъ опомниться... Вотъ какъ это было. Въ 1848 году, въ самый разгаръ итальянскаго движенія, графъ, фанатически увлекшись патью миланскими днями и възвѣдомъ Карла-Альберта въ Ломбардію, забралъ себѣ въ голову, что пьемонтцы должны были высадиться въ Чивитавеккію, чтобы оттуда идти на Римъ. Однажды въ жару спора, въ одномъ изъ кафе, онъ рассказывалъ, что выписалъ изъ Лондона огромный телескопъ, и что при его пособіи, ему съ бельведера его виллы удалось разглядѣть палатки, которыя, вѣроятно, разбиты пьемонтцами. Новости повѣрили, и можешь представить, сколько она надѣлала шума.

Руджери. — Еще бы!

Рипетти. — Кромѣ того, онъ рассказывалъ, что онъ заказалъ обѣдъ на 50 персонъ (и онъ дѣйствительно это сдѣлалъ), чтобы пригласить къ себѣ главныхъ начальниковъ и офицеровъ пьемонтской арміи. Объ его рассказахъ тотчасъ же дали знать одному изъ папскихъ министровъ, который его пригласилъ немедленно, и просилъ подтвердить при немъ истину рассказа. Графъ растерялся, говорилъ, что онъ видѣлъ дѣйствительно палатки, но что легко могло случиться, что онъ принялъ за нихъ

что-либо другое. «Потрудитесь же», сказалъ тогда министръ, «испробовать снова вашъ знаменитый телескопъ, и передать мнѣ, что вы увидите». вмѣстѣ съ этимъ министръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы телескопъ графа перенести на высочайшую изъ римскихъ колоколенъ, гдѣ продержатъ графа ровно цѣлыя сутки, и потомъ отпустить.

Руджигри. — И палатки пиемонтской арміи?

Рипетти. — Оказались бѣлымъ, развѣшеннымъ пращами въ Тиволи. Обѣдъ былъ съѣденъ 50 карабинерами, посланными къ нему министромъ; кромѣ того, онъ долженъ былъ заплатить 10 тысячъ скуди штрафа за распространеніе ложныхъ вѣстей, и ему намекнули, что если что-либо подобное повторится, то ему не удастся уже болѣе такъ дешево отдѣлаться...

Руджигри. — Ну, за одинъ телескопъ это не очень-то дешево.

Рипетти. — Съ тѣхъ поръ онъ такъ испугался своего языка, что осторожность обратилась у него въ мономанію, и онъ сдѣлался олицетворенной тайной, не только въ дѣлахъ политическихъ, но во всемъ; онъ дѣлаетъ секретъ изъ каждой мелочи: изъ обѣда, изъ ужина, изъ часа своего отхода ко сну... однимъ словомъ, сдѣлался чуть не сумасшедшимъ.

Руджигри. — Теперь я понимаю причину таинственности письма, присланнаго мнѣ ко мнѣ, и странное молчаніе, какое царствуетъ здѣсь.

Рипетти. — Страсть узнавать новости, однакоже, въ немъ осталась, но страхъ обуздываетъ ее. Уѣхавъ онъ изъ Рима изъ боязни снова скомпрометироваться. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Швейцарскій Оберландъ, но невѣстка его, не совершенно еще поправившаяся, упростила его купить ей на ее деньги эту виллу, ожидая, что озерный воздухъ будетъ ей полезенъ. Вотъ и все.

Руджигри. — Значить, вилла эта принадлежитъ графинѣ?

Рипетти. — Да, да, и въ этомъ-то радъ я надѣюсь, что наступитъ время... Но тише, кто-то идетъ (*наблюдаетъ*). Это графъ; я ухожу. О, еслибы онъ зналъ, что я тебѣ все рассказывалъ, онъ во всю жизнь не простилъ бы мнѣ этого (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Графъ (*входитъ изъ боковыхъ дверей*) и Руджигри.

Руджигри (*кланяясь*). — Графъ!...

Графъ. — Вашъ слуга, вашъ слуга. Одни ли мы?

Руджигри. — Кажется.

Графъ. — Извините, одну минуточку (*затворяетъ дверь*). Иногда можетъ казаться, что некого нѣтъ въ комнатѣ, а гля-

дишь, кто-нибудь подслушивает изъ-за дверей. Осторожность— дѣло никогда не лишнее, а особливо въ наши тяжелыя времена.

Руджигри. — Политической борьбы.

Графъ. — Не знаю, не знаю... я не говорюль этого. Прошу васъ садиться.

(*Руджигри садится*).

Графъ (*подытая стулъ*). — Поближе, поближе, такъ будетъ слышнѣе, если мы станемъ говорить въ полголоса... Вы вѣдь здѣшній докторъ, неправда ли?...

Руджигри. — Окружной врачъ здѣшней общины, Руджигри.

Графъ (*мысливо*). — Женаты?

Руджигри. — Нѣтъ, я холостъ..

Графъ. — Гдѣ вы живете?

Руджигри. — Въ улицѣ Porto, въ помещеніи школы.

Графъ. — Могу ли я быть увѣренъ, что вы точно то лицо, за которое себя выдаете?

Руджигри. — Что это за вопросъ?

Графъ. — Извините, но осторожность...

Руджигри. — Если вы сомнѣваетесь, то вотъ письмо, полученное мною отъ васъ (*показываетъ*).

Графъ. — Какъ? вы сохранили мое письмо? Но вѣдь я просилъ васъ его уничтожить!...

Руджигри. — Я предпочелъ передать его вамъ лично; такимъ образомъ, вы можете быть увѣрены, если его уничтожите, что отъ него не останется и слѣда.

Графъ. — Да... вы правы; благодарю васъ за вниманіе ване ко мнѣ... Такъ дѣйствительно безопаснѣе. Нѣтъ ли съ вами сѣрной спички? Дайте-ка Бога ради.

Руджигри. — Вотъ спичка (*даетъ спичку, графъ сосматриваетъ письмо*).

Графъ. — Ну, это дѣло сдѣлано, и мы можемъ приступить къ дѣлу моего приглашенія.

Руджигри. — Позвольте, однако, мнѣ прежде узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Графъ. — Я графъ Альдобранди.

Руджигри. — Альдобранди — извѣстная римская фамилія.

Графъ. — Римская или неаполитанская—это все равно...

Руджигри. — О, да, конечно! Чѣмъ же могу я быть вамъ полезенъ, вы нездоровы?

Графъ. — Да, я нездоровъ, но это въ другое время; теперь дѣло идетъ не обо мнѣ, а о моей невѣстѣ...

Руджигри. — Она больна?

Графъ. — Была больна, теперь поправилась. Мы купили эту виллу.

Руджieri. — Чтобы удалиться изъ Рима?...

Графъ. — Не удалиться... я не имѣлъ никакихъ основаній оттуда удалиться.

Руджieri. — Извините, я думалъ...

Графъ. — Бога ради, не думайте обо мнѣ ничего, кромѣ того, что я вамъ самъ сообщу, и главное, и этого не разглашайте болтунамъ. Переѣхали мы сюда въ надеждѣ, что легкій воздухъ и близость швейцарскихъ горъ помогутъ моему невѣсткѣ быстро поправиться. Она знаетъ влнмать этихъ мѣстъ и упростила меня здѣсь временно поселиться.

Руджieri. — Комскій воздухъ полезенъ для всѣхъ конвалесцентовъ, но швейцарскія горы еще довольно далеки, чтобы чувствовалось ихъ вліяніе.

Графъ. — Думаю, однако... какъ мнѣ говорили... т.-е. какъ я читалъ, что, въ случаѣ надѣбности, отсюда можно въ нѣсколько часовъ перебраться въ Швейцарію.

Руджieri. — Да, для тѣхъ, кто привыкъ взбираться на горы, напримѣръ, для тѣхъ политическихъ изгнанниковъ...

Графъ. — Тсъ!... Бога ради, замолчите. Если хотите, чтобы мы остались друзьями, не говорите въ моемъ домѣ ничего, что хотя сколько-нибудь касается до политики.

Руджieri. — Со мною вы, безъ всякой боязни, можете говорить, о чемъ вамъ угодно: я человекъ честный.

Графъ. — Знаю... вѣрю... моя племянница мнѣ васъ такъ расхваливала...

Руджieri. — Значитъ, я имѣю честь быть извѣстнымъ графинѣ? Это для меня неожиданность.

Графъ. — Она говорила мнѣ, что встрѣчала нѣсколько разъ ваше имя въ газетахъ съ самыми лестными отзывами... Хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ журналамъ вѣрить нельзя, но это въ другихъ...

Руджieri. — Я могу васъ увѣрить только въ одномъ, что я умѣю сохранять ввѣрѣнныя мнѣ тайны.

Графъ. — Отлично, отлично... Подъ этимъ условіемъ, при соблюденіи извѣстныхъ осторожностей, вы для меня — дорогой гость; я увѣренъ, что вы подѣлитесь со мною свѣдѣніями о здѣшнихъ жителяхъ, которыхъ я совершенно не знаю.

Руджieri. — Я знаю край и могу сообщать вамъ всѣ свѣдѣнія, какія вамъ понадобятся.

Графъ. — Но никто не будетъ знать, что мы объ этомъ говорили?

Руджигери.—Разумѣется. Надобно вамъ замѣтить, что здѣсь очень много ретроградовъ...

Графъ.— Тсъ! Тихе, тихе, объ этомъ предметѣ можно говорить только въ полголоса, даже съ глазу на глазъ (*подходитъ поочередно ко встамъ дверямъ и охладываетъ, хорошо ли отъ заперты; прикладываетъ ухо къ замочнымъ скважинамъ, потомъ беретъ Руджигери подъ руку и подводитъ ея къ самой авансценѣ*). Подойдите сюда и говорите мнѣ... но не громко... кто же это ретр... эти, какъ вы ихъ нѣсколько минутъ называли?

Руджигери.— Я не стану никого называть по имени. Но вы, вѣроятно, довольно опытни, чтобы тотчасъ распознавать птицу по полету...

Графъ.— О! опытенъ я довольно; но я хотѣлъ бы знать ихъ, такъ-какъ я самъ, надобно вамъ знать, добрый либ...

Руджигери.— Что?

Графъ.— Добрый сосѣдъ... и слишкомъ довѣрчивъ... Такъ кто же эти ретр...

Руджигери.—Рогради?... лица, которыхъ надобно остерегаться; но если дѣло пойдетъ такъ, какъ я имѣю основаніе надѣяться, то мнѣ кажется, мы скоро отъ нихъ избавимся...

Графъ.— Тсъ! Бога ради! Никакихъ неосторожныхъ предположеній! Значить, вы меня предостерегаете, что здѣсь надобно держать языкъ за зубами.

Руджигери.—Нѣтъ, совершенно напротивъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ австріяцы отступили за Тичино.

Графъ.—Послушайте, скажите мнѣ со всей откровенностью... я никому не скажу; такъ это правда, что они перешли?...

Руджигери.— Что?

Графъ.— Тич... рѣку... авст...

Руджигери.— Да, въ этомъ уже нѣтъ никакого сомнѣнія... дѣлны мѣсяць. Развѣ вы не читаете газетъ?

Графъ.— Никогда, никогда! да и въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ я не повѣрю не только газетнымъ извѣстіямъ, но даже своимъ собственнымъ глазамъ. Однажды я уже жестоко попался за оптической обманъ. Но продолжайте говорить, только, ради Бога, тихонько. Такъ.... эти другіе... дѣйствительно перешли?

Руджигери.— Кто, графъ?

Графъ. Ну, да тѣ, что за Альпами, фран...

Руджигери.— А, французы...

Графъ.—Для чего тутъ имена, я и безъ того могу понять.

Руджигери.— Не только пришли, но даже кое-что уже и сдѣлали. Да неужели же вы и этого не знали?

Графъ.—Откуда же мнѣ такое знать? Я не говорю ни дома, ни на улицѣ, а газетъ не читаю и подавно. Я очень радъ, что встрѣтить въ васъ лицо, которому можно довѣриться и которое мнѣ кое-что поразскажетъ... мы будемъ изрѣдка сходиться и говорить... между собой, хоть въ садовой бесѣдкѣ или на лодкѣ, посреди озера, вѣдь вы умѣете грести?... Пока довольно и этого. Прекратите пока нашу бесѣду, чтобы она не показалась кому-либо подозрительною по своей продолжительности. Вашу руку.

Руджигри (*подавая руку, про себя*). — Ну, такъ чудакъ порядочный!

Графъ (*звонитъ, выходитъ слуга; графъ знаками ему показываетъ, чтобы онъ позвалъ графиню. Слуга знаками же отвечаетъ, что позвалъ, и идетъ къ двери, ведущей въ комнату Констанція*). — Я ему показывалъ знаками, чтобы онъ позвалъ сюда невѣстку. Вотъ моя система: съ прислугой я говорю жестами, чтобы никто изъ нихъ не могъ выдумать на меня, что я сказалъ то или другое.

Руджигри. — Это очень остроумно!

Графъ. — До свиданія же (*уходитъ въ среднія двери*).

Руджигри (*одна*). — И вотъ я увижу ее послѣ десяти лѣтъ! (*прикладываетъ руку къ сердцу*). Сердце спокойно, дѣло выиграно!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ГРАФИНЯ КОНСТАНЦІЯ И СЛУГА.

Констанція (*къ слугѣ*). — Пока я буду говорить съ докторомъ, не принимать никого.

Слуга. — Будетъ исполнено, ваше сіятельство (*уходитъ*).

Констанція (*идетъ неровнымъ шагомъ къ Руджигри, протягиваетъ ему руку и говоритъ съ грустью и любовью*). — Лунджи!

Руджигри (*не давая руки*). — Я къ услугамъ вашего сіятельства.

Констанція. — Какъ? вы не даете мнѣ вашей руки?

Руджигри. — Ваше сіятельство, вашъ тесть сообщилъ мнѣ, что вамъ угодно посовѣтоваться со мною о вашей болѣзни, что вы для этого сдѣлали мнѣ честь обратиться ко мнѣ...

Констанція. — Угодно... сдѣлали честь... не этого ждала я, Лунджи. Да, я звала васъ, потому что знала, что безъ этого вы сюда не придете...

Руджигри. — Конечно, я бы не осмѣлился, графиня...

Констанція (*грустно*). — Лунджи... взгляните на меня, какъ именина находите?

Руджирри. — Какъ конвалесценту. Не будетъ ли угодно вамъ сообщить мнѣ какія либо данныя о вашей прошлой болѣзни, чтобы по нимъ я могъ судить о вашемъ настоящемъ положеніи...

Констанція (*смотритъ на него, садится, потомъ садится на софу и предлагаетъ ему сесть около себя*). — Садитесь здѣсь!

Руджирри (*беретъ стулъ и садится*). — Благодарю васъ.

Констанція. — Начало моей болѣзни, сеньоръ, вещь-ваша вамъ угодно, чтобы я васъ такъ называла, требуется, чтобы я восхулась отдаленнаго времени...

Руджирри. — Неужели? Отчего же вашъ тестъ сказалъ мнѣ, что вы захворали недавно?...

Констанція (*берется за сердце*). — Вы не хотите понимать меня и заставляете страдать.

Руджирри. — Успокойтесь, сеньора, я буду слушать молча (*скрещиваетъ на груди руки и опускаетъ глаза на землю*).

Констанція. — Станете ли вы меня слушать, только какъ врачъ, или какъ человѣкъ, котораго я никогда считала такъ близкимъ къ себѣ, что въ настоящее время онъ имѣетъ право спросить у меня отчета за мое прошедшее?

Руджирри. — Графиня, я имѣю честь видѣть васъ въ первый разъ и приглашенъ сюда, какъ врачъ.

Констанція. — Въ такомъ случаѣ вы обязаны сейчасъ вѣрить тому, что вамъ будутъ говорить. Выслушать болѣзнь снисходительно — ваша обязанность.

Руджирри. — Я ей всегда охотно подчиняюсь.

Констанція. — Такъ слушайте же (*мысленно повторяетъ вслухъ, но ее теченіе руки одушевляется, потомъ говоритъ со слезами, время отъ времени бросая взгляды на Руджирри, который не подаетъ никакого знака сочувствія*). — Восемнадцати лѣтъ я полюбила одного молодого человѣка и привязалась къ нему всѣми силами своей души. Онъ былъ добръ, уменъ и честенъ и такъже любилъ меня (*мысли*). Не правда ли, видѣте ли вы любилъ?

Руджирри. — Не знаю, графиня, я не имѣю чести знать его.

Констанція. — О, да! Онъ любилъ меня, и мы должны были сдѣлаться мужемъ и женой. Но этотъ бракъ, въ которомъ заключалось все мое счастье, не состоялся...

Руджирри. — Какъ же это могло произойти?...

Констанція. — По моей винѣ, или лучше по винѣ обстоятельствъ. Во время продолжительнаго отсутствія моего жениха, случай свелъ меня съ графомъ Альдобранди, который впоследствии сдѣлался моимъ мужемъ. Я была... была... У меня былъ

старикъ отецъ, гордый своимъ происхожденіемъ и разорившійся челоуѣкъ... онъ не вынеслъ лишеній и труда. Я, не стану серживать этого, была легкомысленна, вѣтрена, пожалуй тщеславна и любила инстинктивно блескъ, роскошь и свѣтсаія удовольствія, можетъ быть потому, что была лишена ихъ съ дѣтства. Графъ предложилъ мнѣ свою руку и обобствовать мое воображеніе картиной роскоши и блеска, омадавнившихъ меня. Съ другой стороны старикъ отецъ умолялъ меня пощадить его сѣдины, и не вгонять его въ гробъ своимъ отказомъ. Довольно долго я была тверда, но искушеніе было такъ сильно, что у меня наконецъ закружилась голова и я, закрывши глаза, ринулась въ бездну... гдѣ, конечно, не встрѣтила никакого счастья. Что же вы все молчите, докторъ?

Руджигри. — До сихъ поръ, сибюра, въ вашемъ разсказѣ нѣтъ ни одной характеристической черты, которая помогла бы діагностировать ваше патологическое состояніе.

Констанція. — А такъ вамъ надобно пересказывать симптомы? (*Вздыхая*). Съ той минуты, какъ несчастное согласіе сорвалось у меня съ языка, началось мое наказаніе... лучше сказать, испытаніе. Упреки и упривенія совѣсти не давали мнѣ ни на минуту покоя. Я нуждалась въ поддержкѣ и въ одобреніи, но мое назначеніе, вмѣсто этого, было поддерживать и ободрять больного мужа, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разрушавшагося отъ злой чажоты. Богъ свидѣтель, что я добросовѣстно исполнила принятый на себя долгъ, но одинъ Онъ также можетъ оцѣнить, что мнѣ это стоило.

Руджигри. — Тогда вы, естественно, стали терять сонъ и аппетитъ: у васъ начались головокруженія, спазмы, тошнота...

Констанція (*съ силой и страстью*). — Тогда со мною произошло нѣчто гораздо страннѣе всего этого. Человѣкъ, котораго я оставила, которому вмѣнила, сдѣлался неразлученъ съ моею мыслью, обаятельный своими достоинствами, возвысившійся въ моихъ глазахъ отъ моей неблагодарности. Молчать, страдать, любить — вотъ все, что составляло сущность моей жизни цѣлыхъ десять лѣтъ. Скажите же, наконецъ, скажите, Бога ради, интересуетъ ли васъ, наконецъ, это хоть сколько-нибудь?

Руджигри. — Теперь, когда вы въ такихъ живыхъ краскахъ изобразили мнѣ причины вашей болѣзни, позвольте и мнѣ, какъ врачу, предложить вамъ одинъ вопросъ. Для чего вы оставили Римъ? Съ какими надеждами вы прибыли на наше озеро?

Констанція. — Съ надеждою найти облегченіе своимъ страданіямъ...

Руджигри. — Хорошо; позвольте же и мнѣ прямо и откровенно-

но сказать вамъ, что вы ошиблись. Здѣшній климатъ не только не облегчить, а даже принесетъ значительный вредъ вашему организму. Развлекайтесь, путешествуйте, идите разсѣивать и вы, конечно, достигнете того, что усиленная чувствительность вашего сердца пройдетъ. Вы можете совершенно исцѣляться и быть снова здоровой... какъ я, напримѣръ.

Констанція. — Значить, вы ничего уже ко мнѣ не чувствуете Лунди?

Руджигри (*вставая*). — Сньюра, подобный вопросъ...

Констанція (*тоже вставая*). — Хорошо, кончимте эту тяжелую комедію. Вы произнесли мой приговоръ. Вы меня презираете.

Руджигри. — Нѣтъ, я о васъ только сожалѣю.

Констанція (*беретъ со стола альбомъ и подаетъ Руджигри ключикъ, который снимаетъ съ шеи*). — Возьмите этотъ ключикъ, откройте эту книгу и прочитайте мои впечатлѣнія. Я заносила ихъ туда со слезами и скорбію нео-днѣ въ день. Вы увидите, что я не имѣла ни одного дня, ни одного часа счастья...

Руджигри. — Я всегда зналъ, что ни роскошь, ни богатство не могутъ сдѣлать человека счастливымъ. Я это знаю по своему опыту.

Констанція. — Мои средства мнѣ были дороги только тогда, когда я могла располагать ими для другихъ и приносить имъ помощь и утѣшеніе... А вы бѣдны, Лунди?... Мнѣ писали, что вы здѣсь окружены врачемъ, и что условія и средства этого званія слышкомъ тяжелы и недостаточны.

Руджигри. — Къ сожалѣнію это правда. У насъ въ Италіи есть званія, которыя обязываютъ къ всецѣлому пожертвованію собой для пользы общества. Такими званіями сельскихъ врачей, учителей и настоящихъ народныхъ священниковъ. Одни — въ безпрестанной борьбѣ съ усталостью, съ непогодами, съ самыми непреодолимыми матеріальными препятствіями, для того, чтобы вырвать изъ объятій смерти рабочія руки, необходимы землѣ. Они хоронятъ между горными уступами или въ болотистой мѣткости всѣ свои надежды, молодость и жизнь. Другіе борются съ самымъ грубымъ невѣжествомъ и предвзвѣдами среды, для того, чтобы отстоять сколько нибудь просвѣщеніе и здравый смыслъ народа отъ наслія лицъ, считающихъ своею обязанностію мѣшать распространенію знаний. Третьи, наконецъ, дѣлаютъ труды и усталость врачей, несутъ тягу народа, утѣшаютъ и ободряютъ его, и самихъ умирающихъ не оставляютъ ожидящимъ словомъ надежды. Но общество, требующее отъ нихъ такъ много, въ замѣнъ не даетъ имъ ничего. Слудная обстановка, нужда, тутъ не

голодъ—вошь ихъ постоянные спутники. Зачѣмъ думать о чемъ либо другомъ, когда они и такъ обходятся? Общество смотритъ на нихъ свысока, какъ на какия-то ходивія машинны. И если кто либо изъ нихъ не сдѣлаетъ вынеси борьбы, или вынеси ее, достигнетъ старости и потеряетъ возможность тяжелымъ трудомъ зарабатывать свое жалкое пропитаніе, голодная смерть, одиночество и забвеніе—вошь ихъ награда! И это въ вѣкъ такъ называемаго прогресса, въ вѣкъ гуманности и филантропіи!

Констанція. — Но какъ же вы живете безъ радостей, безъ утѣшеній?...

Руджигри. — О, жить, я не говорю о себѣ. Я вознагражденъ сознаваніемъ, что я приношу пользу, я спокоенъ тѣмъ, что исполняю долгъ свой, какъ человѣкъ и гражданинъ... для меня ничто важнѣе другой дѣятельности не доставила бы столько настоящаго, существающаго блага.

Констанція. — Но человѣкъ съ вашими развитіемъ, съ вашими знаніями развѣ не встрѣтилъ бы того же довольства въ исполненіи своего долга, если бы дѣятельность его была виднѣе .. гдѣ нибудь въ большомъ городѣ?.. Развѣ возможность свободныхъ занятій наукой, извѣстность, деньги, наконецъ слава — мѣшаютъ?

Руджигри. — Слава—самообольщеніе, деньги... мнѣ не нужны. Чѣ стану я съ ними дѣлать? Я одинъ, желаній моихъ скромны, я довольствуюсь немногимъ и не ищу большаго. Мнѣ вѣдѣе свидѣть и любить. Отецъ многократно вылетѣлъ мной отъ вашихъ болѣзней, и они считаютъ себя мнѣ обязанными гораздо болѣе, чѣмъ менъ усилія того заслуживали. Матери благодарятъ меня со слезами на глазахъ за охраненіе ихъ дѣтей, дѣти за заботливость объ ихъ ожиданіи. Чего же мнѣ еще болѣе?

Констанція. — Значитъ вы... почти... счастливы?

Руджигри. — Да, то-есть не имѣю права жаловаться на судьбу.

Констанція. — И вы... не думаете измѣнить своего положенія?

Руджигри. — Никогда.

Констанція. — Но съ возрастъ сердцатъ, съ вашими чуждыми... развѣ можно прожить всѣ дни въ одиночествѣ, безъ личнаго привязанности, безъ семьи?

Руджигри. — У меня есть и привязанности и даже семья.

Констанція (себе самой). — А!... Я не знала этого.

Руджигри. — Я ценю своей семьей—старика нѣсколькихъ летъ и еще дочь, съ которой я живу вместе. Я уважаю и люблю старика, по нѣсколькихъ летъ отъ смерти своей любящей натуре и

тяжелых случайностей *(береть книгу)*. Однако, если графиня ничего болѣе не угодно, мнѣ пора...

Констанція *(отпускает залезу)*. — Благодарю васъ... мнѣ болѣе... ничего не нужно.

Руджери. — Я вижу, однако, что вы сильно взволнованы разговоромъ, а потому на вращанье позволю еще разъ сослаться вамъ уже высказанный мной совѣтъ: спокойствіе и разсѣяніе *(хочетъ уйти)*.

Констанція. — Докторъ... подождите... не возьмете ли вы съ собою эту книгу *(показываетъ на альбом)*.

Руджери. — Въ социальнѣ, графиня, я давно уже не читаю ничего, кромѣ человеческого сердца, да медицинскихъ книгъ. Позвольте мнѣ удалиться *(кланяется и уходитъ)*.

Констанція *(бросаясь на диван)*. — Все погасло въ его душѣ, даже самая память о любви нашей!... Но... его холодность... отчего зависить она? отъ равнодушія ко мнѣ только, или... отъ любви къ другой? О, какая ужасная мысль!

(закрываетъ глаза руками и плачетъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Констанція и Ринетти *(сходятъ изъ среднихъ дверей)*.

Ринетти *(на порогѣ)*. — Одна! еслибы я наконецъ могла! еслибы у меня хватило силъ съестъ. Руджери, выходи, совѣтовать мнѣ се развлекать; попребуешь *(поджидаетъ)*. Графиня!

Констанція *(поднимая голову)*. — А, это вы мой другъ.

Ринетти. — Докторъ Руджери, выходи, передалъ мнѣ, что онъ находитъ у васъ значительный упадокъ духа, и что вамъ необходимо развлеченіе. Правда ли это?

Констанція *(вздыхая)*. — Можетъ быть, правда.

Ринетти. — Надобно, значить, разсѣяніе... Поищите, чѣмъ бы развлечься и, если хотите, будемъ развлекаться вмѣстѣ.

Констанція. — Я не прочь, но какія развлеченія вы мнѣ предложите?

Ринетти *(смѣшавшись)*. — Право... не знаю. По моему лучшимъ развлеченіемъ можетъ служить, ну хоть... уженъ на обертѣ...

Констанція. — А вы любите уженъ?

Ринетти. — Страстно, чрезвычайно!.. *(про себя)*. Боже, что я за дурачина!

Констанція. — Есть сестромнѣ духа, другъ мой, въ которыхъ никакъ разсѣянія, даже самое уженъ не помогаетъ...

Ринетти *(про себя)*. — Вотъ отвѣтъ, не оставившій сомнѣній, что я люблю. Другой тутъ бы и воспользовался, а я...

Я еще больше теряюсь (прошло). Отчего же, графиня... надобно только имѣть твердость...

Констанція. — Для исполненія докторскаго совѣта? Хорошо, я попытаюсь...

Рипетти. — Вотъ и превосходно, потому что если вы рѣшитесь, то это будетъ... превосходно (про себя). Господи, что я такое путаю!

Констанція. — Вы раздѣляете мнѣнiе доктора Руджіери?

Рипетти. — Еще бы, вродѣ. Докторъ Руджіери—человѣкъ солиднаго знанiя... что за способности! О, еслибы у меня были ваши способности, я бы былъ далеко не тотъ, какимъ я теперь. Я его давно знаю; мы были прiателями въ университетѣ.

Констанція (быстро). — Какъ? вы его прiатель?

Рипетти. — Чуть не братъ...

Констанція (съ удивленiемъ). — И вы мнѣ этого никогда не говорили?

Рипетти. — Я даже не думалъ, что вы его знаете.

Констанція. — О, сколько времени потеряно!

Рипетти. — Да, правда... это я всегда говорю...

Констанція. — Послушайте, Рипетти, вы говорите постоянно, что чувствуете ко мнѣ участiе и дружбу.

Рипетти (обушевавшись). — Участiе, дружбу?... скажите лучше безпрѣдѣльную привязанность, благоговѣнiе!.. и еслибы вы мнѣ позволили теперь, когда мы начнемъ говорить...

Констанція. — Рипетти, *теперь не время!*

Рипетти. — А, не время?... Ну, а не буду говорить, буду слушать...

Констанція. — Я хочу подчеркнуть почитанiю вашу преданность.

Рипетти. — Требуйте, чего хотите, жизни, крови.

Констанція. — Ничего въ этомъ вкусѣ не нужно. Я васъ попрошу только собрать мнѣ точныя свѣдѣнiя объ этомъ человѣкѣ.

Рипетти. — О какомъ человѣкѣ?

Констанція. — О Лу... о Руджіери.

Рипетти. — Только-то? Ничего нѣтъ легче...

Констанція. — Постарайтесь узнать главнѣйшее, съ кѣмъ онъ дружитъ, съ кѣмъ особенно близокъ...

Рипетти. — Все узнаю... стоитъ только зайти къ парикмахеру, гдѣ онъ стрижется, и за скуди сей человѣкъ выскажетъ мнѣ всю подготовку.

Констанція. — Но, однако, Рипетти, будьте осторожны.

Рипетти. — Нужно ли напоминать объ осторожности человеку, живущему подъ одной крышей съ вашимъ тестемъ?

Констанція. — Я хочу также знать преимущественно, есть ли между его друзьями... женщина.

Рипетти. — О! да къ чему вамъ нендобились такія подробности?

Констанція. — Въ свое время я вамъ это скажу, а пока не теряйте времени — разузнайте все, и скорѣе какъ можно отвѣть. Я буду ждать васъ въ своихъ комнатахъ, и за все ваше участіе, въ свое время, съумѣю отблагодарить васъ (*подаетъ ему руку и уходитъ во внутреннія комнаты*).

Рипетти. — По всему видно, она слушаетъ. А я-то дуракъ ничѣмъ не могу воспользоваться.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ДОНЪ КАЛИГУЛА, РОЗОЛІО И СЛУГА.

Слуга. — Не угодно-ли будетъ вамъ подождать здѣсь, пока я доложу графу.

Рипетти (*наблюдая ихъ, особо*). — Что за подозрительныя рожи! Думаю, что однихъ ихъ оставить здѣсь не безопасно, а на разговоръ съ ними — время не рѣшается. Пожалуй видѣть, что я ихъ не замѣчаю (*садится, беретъ со стола газету и закрываетъ ею лицо*).

ДОНЪ КАЛИГУЛА (*къ Розоліо*). — Кто бы могъ быть этотъ сеньоръ? По манерамъ видно, что онъ изъ домашнихъ...

Розоліо. — Или секретарь, или вассиръ...

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — Видумаете, вассиръ? Не надобно упускать случая къ полезному знакомству (*подходитъ въ одно время съ Розоліо съ разныхъ сторонъ къ Рипетти*). Вашъ поворонный слуга.

Рипетти (*не отводя глазъ отъ газеты, слегка кивая головою*). — А! здравствуйте, здравствуйте!

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — Сеньоръ раздвѣляется чтеніемъ?

Рипетти. — Н-да, отъ нечего дѣлать...

Розоліо. — Приятное и полезное занятіе. Ничѣ газетъ такъ интересны.

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — Политическія новѣтія...

Розоліо. — Вѣсти...

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — Телеграммы...

Розоліо. — Военные бюллетени...

Рипетти (*про себѣ*). — Отъ дѣлать, благодѣтели.

ДОНЪ КАЛИГУЛА. — Сеньоръ—решившій?

Ришетти. — Н-нѣтъ.

Розоліо. — Но снѣборъ прѣѣхалъ изъ Рима, вмѣстѣ съ его сіятельствомъ?

Ришетти. — Н-да.

Донъ Калигула. — Прямо оттуда?

Ришетти. — Н-нѣтъ.

Розоліо. — Итальянецъ?

Ришетти. — Н-да.

Донъ Калигула. — Когда снѣборъ оставилъ Римъ... какъ тамъ было?.. въ какую сторону направлялись... вѣтри?

Ришетти (про себя). — О! голубчики (съ слухъ)! Къ норд-осту... н-да.

Донъ Калигула. — Позвольте узнать, снѣборъ, какъ здоровье его святѣйшества?

Ришетти. — Плохо... н-да... Извините (остаётъ и уходитъ и съ дверяхъ останавливается съ графомъ).

Ришетти (съ дверяхъ графу). — Графъ! будьте осторожны съ этими господами!

Графъ (съ испугомъ). — О!!

Ришетти. — Думайте о томъ, что станете говорить.

Графъ (про себя). — О, я несчастный, что мнѣ дѣлать?

Донъ Калигула и Розоліо (клянутся). — Честъ имѣемъ представиться вашему сіятельству.

Графъ (про себя). — Что дѣлать? Буду говорить полу-словами (промок). Рацъ!

Донъ Калигула. — Мое званіе, ваше сіятельство вы видите; помню моихъ заслугъ, я избранъ также инспекторомъ училищъ.

Графъ. — Такъ.

Розоліо. — Я, графъ, административный аптекаръ, и инспекторъ на мое ничтожество, по желанію избирателей, первый депутатъ коммуны.

Графъ. — Bravo!

Донъ Калигула. — Мы позволимъ себѣ имѣться къ вашему сіятельству, и поблагодарить насъ отъ лица всѣхъ жителей за ту высокую честь, какую вы дѣлаете намъ, удостоивъ прибыть на званіе ваше въ нашу среду.

Графъ. — Благодарю.

Розоліо. — И съ тѣмъ вмѣстѣ предложить наши ничтожныя услуги, буде ваше сіятельство заблагоразсудитъ оными воспользоваться.

Графъ. — Дѣло!

Донъ Калигула. — Ваше сіятельство намъ очень долго доставляетъ намъ честь своимъ пребываніемъ?

Графъ. — Не знаю.

Розолло. — Вѣроятно мы можемъ рассчитывать на все лѣто?

Графъ. — Богъ знаетъ.

Донъ Калигула (*тихо къ Розолло*). — Графъ-то не краснорѣчивъ.

Розолло (*тихо къ Донъ-Калигула*). — Что узнаемъ, то и ладно.

Донъ Калигула (*тихо Розолло*). — Можетъ быть, онъ оставитъ насъ обѣдать, и за обѣдомъ разговорится (*иронно*). Съ превеликимъ соболѣзнованіемъ мы извѣстились, что невѣстка вашего сіятельства не пользуется хорошимъ здоровьемъ.

Графъ. — Вѣрна.

Розолло. — Моя аптека въ услугахъ вашего сіятельства.

Графъ. — Гмъ!

Донъ Калигула. — Я также всегда готовъ служить, чѣмъ могу.

Графъ. — А!

Розолло. — У насъ въ околоткѣ два врача, и оба знающіе свое дѣло.

Графъ. — Дѣло.

Донъ Калигула. — Кажется, ваше сіятельство уже вригналиша одного изъ нихъ на консультацію?

Графъ. — Кажется.

Розолло. — Доктора Руджіери?

Графъ. — Можетъ быть.

Донъ Калигула. — Онъ наилучшій изъ двѣхъ.

Графъ. — Превосходно.

Розолло. — Какъ врачъ, но не какъ человекъ.

Графъ (*всплескивая*). — Какъ?

Донъ Калигула. — Ваше сіятельство, вы насъ конечно простиете, что мы такъ смѣло высказываемъ нашу мысль, но вы ирѣзкій, а мы въ нѣкоторомъ родѣ власти, и считаемъ своей обязанностію предупредить васъ, чтобы вы были осторожны въ сношеніяхъ съ этимъ человекомъ, этимъ можно предварить мало ли какія бѣды.

Графъ. — Что такое? что такое? Бога ради объяснитесь, сеньори, я чувствую невольное смущеніе и ужасъ (*осматриваясь по сторонамъ и сдвигаясь съ замочила окладами*). Будете говорить въ полголоса. Что вы разумѣли, когда начали?..

Донъ Калигула. — Вы знаете, что въ настоящее время въ Италіи завелись мечтатели, опасные люди, утопченцы, фанатики, горячія головы, возбужденные люди.

Графъ. — Тихе, тихе, Бога ради тихе!

Донъ Калигула. — Докторъ изъ живъ чужа!

Графъ. — Неужели же нѣтъ угла въ этой благословенной Ит... землѣ, гдѣ бы человѣкъ могъ укрыться, чтобы не слышать ничего такого, что онъ не считаетъ для себя воз... пріятнымъ.

Донъ Калигула. — Увы, графъ, не это такъ; дьяволъ обуздалъ молодежь, да и не одной молодежью spiritus diaboli triumphat! Трудно побѣждать ада...

Графъ. — И тюрьма?..

Розоліо. — О, этого нечего бояться. Для чего же мы здѣсь?

Донъ Калигула. — Законной охраной...

Графъ. — Я очень радъ заявить вамъ, что я не виѣниваюсь ни во что, не знаю ничего и даже ничего не говорю. Предостереженіе же ваше я приму къ свѣдѣнію.

Розоліо (къ Донъ-Калигула). — Не черезъ край ли ква-тили мы? Чтобы не пришлось раздѣлываться съ Руджіери?

Донъ Калигула (къ Розоліо). — Вы ничего не понимаете, вы не видите, что съ этихъ поръ дверь выдана для него занерта?

Графъ (про себя). — Они шушукуются: не нашли ли они во мнѣ чего-либо подозрительнаго?.. Надо отвлечь ихъ сомнѣніе... быть любезнымъ (старался говорить спокойно). Я надѣюсь, что синьоры не откажутъ мнѣ въ чести откушать со мною.

Донъ Калигула. — О, графъ, вся честь на нашей сторонѣ.

Розоліо. — Графъ слишкомъ внимателенъ.

Графъ. — Я попрошу у васъ извиненія, что оставлю васъ на время, мнѣ надобно распорядиться... (хочетъ уходить, въ это время изъ передней раздается голосъ Сальвони: какъ бы это ни было, я пойду, потому что у меня важное дѣло). Это еще что за шумъ?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ТЪ ЖЕ И САЛЬВОНИ.

Сальвони (выходитъ замкашиссь). — Графы! прошу меня извинить, всего два слова, я тотчасъ же уйду...

Донъ Калигула и Розоліо (себе). — Этоты! здѣсь!

Сальвони (уходя къ, про себя). — А! получилъ завѣтъ графской кухни...

Донъ Калигула (тихо графу). — Ваше сіятельство, одно слово.

Розоліо (тихо графу). — Ваше сіятельство, на одну минуту. (терблѣтъ со съ разныя стороны).

Графъ. — Чтѣ? чтѣ такое?

Донъ Калигула. — Вы знаете этого человѣка?

Графъ. — Вижу въ первый разъ въ жизни...

Розоліо. — Онъ... тоже, какъ Руджіери.

Графъ. — Тсъ! тсъ! тише!

Донъ Калигула. — Это школьный учитель, котораго мы были вынуждены уволить сегодня утромъ отъ преподаванія въ высшихъ административныхъ соображеній.

Графъ. — Ой! ой! ой!

Розоліо. — Онъ развращалъ юношество!

Донъ Калигула. — Проводилъ вредныя идеи...

Розоліо. — Проповѣдывалъ единство Италіи...

Донъ Калигула. — Стремился въ Рима сдѣлать ея столицу.

Графъ. — Тсъ! тсъ!.. тише! Даже и въ шутку не повторяйте мнѣ такихъ ужасовъ...

Розоліо. — Это другой экземпляръ доктора Руджіери.

Донъ Калигула. — Который живетъ съ его дочерью въ конкубинатѣ.

Графъ. — Какъ же онъ смѣлъ войти ко мнѣ!

Донъ Калигула. — Вѣроятно съ цѣлью втѣ-
нуть васъ... но тсъ!

Розоліо. — Вѣроятно съ какимъ-либо ад- } Вмѣстѣ.
скимъ замысломъ.

Графъ. — Боже мой! да здѣсь еще хуже, чѣмъ въ Римѣ!

Донъ Калигула. — Отдѣляйтесь отъ него!

Розоліо. — Прогоните его!

Графъ (*про себя*). — Вотъ положеніе! между двумя огнями! Но вѣдь и этого раздражать опасно... попробуемъ дипломатически (*тихо подходитъ къ Сальвони и нѣсколько разъ осядываетъ его съ ногъ до головы*).

Сальвони (*про себя*). — Эти господа уже меня зарекомендовали — не бѣда!

Графъ (*къ Сальвони*). — Что угодно... снѣбору?

Сальвони. — Я зашелъ только за докторомъ Руджіери, въ которомъ имѣю неотлагательную нужду... Зная, что онъ здѣсь, и находясь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, я прямо позволилъ себѣ это, за что прошу извиненія.

Графъ. — Докторъ Руджіери? (*взглядывая на Донъ Калигула*). Не знаю, не слыхалъ.

Сальвони. — Но я знаю навѣрно...

Донъ Калигула. — Графъ уже сообщилъ вамъ, что онъ не знаетъ.

Сальвони. — Боже мой! гдѣ же я его найду...

Розоліо. — Видно, г. учителя есть сѣшное дѣло до снѣгера Руджіери?

Сальвони. — О, да еще бы, дѣло идетъ о моей дочери, о моей бѣдной дочери...

Донъ Калигула. — А, объ дочери (тихо графу). Вслушайтесь, ваше сіятельство.

Графъ (тихо). — Тсъ! да, да...

Розоліо. — Ваша дочь нуждается въ докторѣ?..

Сальвони. — И вы еще имѣете духъ спрашивать! Вы думаете, что лишнее отца куска хлѣба, вы не нанесли имѣетъ удара и дочери? Ну, такъ радуйтесь! ужъ цѣлый часъ она въ обморокѣ и Богъ знаетъ, что будетъ съ ней, если я не отыщу скоро доктора...

Донъ Калигула. — Обморокъ не бѣда... ваше сердце слишкомъ преувеличиваетъ опасность... ваша дочь поправится.

Сальвони. — Да, конечно, поправится Богъ не допуститъ, чтобы моя дочь, моя единственная отрада, погибла... Но если, чего Боже сохрани, она захвораетъ серьезно, если... страшно сказать, я ее потеряю... (приблизился къ Донъ Калигула и Розоліо) вы двое, какъ причина всѣхъ моихъ бѣдствій, отвѣтите мнѣ за это... и отвѣтите такъ, что будете помнить... Я во всю свою жизнь не обидѣлъ мухи, я старъ, но у меня хватитъ силъ, чтобы своими руками задавить гадинъ, какъ бы они ни назывались....

Графъ. — Тсъ! тсъ! замолчите, замолчите!

Сальвони. — Я скоро кончу, графъ! Я не побрезгаю замараться о ханжу или перепачкаться въ васторовомъ маслѣ, но...

Графъ. — Однако, синьоръ, я прошу васъ перестать и уйти отсюда.

Сальвони. — Я уйду, графъ... я даже буду пока молчать, но эти синьоры... меня узнаютъ... (уходитъ въ изнеможении и бормоча про себя). Злодѣи, злодѣи!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ, ВЕЗЪ Сальвони, потому Рипятти.

Донъ Калигула. — Слышали, ваше сіятельство?

Розоліо. — Каковъ криликъ?

Донъ Калигула. — Побѣдшая душа!

Рипятти (молниеносно входя). — Графъ, одно слово (отводитъ его въ сторону).

Графъ (съ испугомъ). — Что такое еще случилось?

Рипетти. — Графъ, если вы дорожите своимъ спокойствіемъ, гоните скорѣ прочь этихъ синьоровъ...

Графъ. — За что?

Рипетти. — Я все узналъ, что надобно. Эти господа пользуются общедою ненавистью. Всѣ поселили противъ нихъ, а особенно сегодня, за то, что они прогнали утромъ изъ личной мѣсти школьнаго учителя, боготворимаго всѣми жителями.

Графъ. — Ой, ой, ой! Онъ былъ сейчасъ здѣсь и я его тоже только что прогналъ отсюда...

Рипетти. — О, какая неосторожность! вы навлекаете на себя этимъ нерасположеніе народа... Какъ поправить? выгоните хотя пока скорѣ хоть этихъ-то...

Графъ. — Но какъ? Но какъ? О, я несчастный, я пригласилъ ихъ обѣдать!

Рипетти. — Новая бѣда!

Графъ. — Рипетти, Бога ради, выручите меня, помогите мнѣ, научите меня...

Слуга (*входя*). — Купить водки, ваше сіятельство.

Донъ Калигула и Розоліо. — Налетѣлъ-то!

Рипетти (*тихо*). — Притворитесь больнымъ...

Графъ (*идетъ къ дверямъ, но посреди комнаты схватывается за сердце и падаетъ на софу*). — О, Боже!

Рипетти (*блжсетъ къ нему*). — А, снова обморокъ (*хлопочетъ около него*).

Донъ Калигула и Розоліо. — Что случилось?

Рипетти. — Графъ безъ чувствъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И КОНСТАНЦІЯ.

Констанція. — Что случилось? Ахъ, что такое съ графомъ?

Розоліо. — Какъ это такъ вдругъ!

Донъ Калигула. — И съ чего это?

Рипетти. — Господа, прошу васъ, не беспокойтесь (*тихо Констанціи*). Они приглашены обѣдать, но во что бы ни стало, отъ нихъ надо избавиться...

Констанція. — Синьоры, мнѣ очень жаль, но внезапная болѣзнь графа требуетъ ухода... Я не смѣю васъ задерживать, въ другой разъ...

Донъ Калигула. — Мы понимаемъ, графиня, что нашъ долгъ удалиться... Честь имѣемъ кланяться.

Розоліо. — Графиня!... (*уходя*) Вотъ тебѣ и обѣды!...

Донъ Каллигула. — Не придется ли начинать съ похороннаго!..

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ ВЕЗЪ УШЕДШИХЪ.

(*Едва Домъ Кампула и Розоліо уходятъ, графъ открываетъ глаза, ослышивается крикомъ, вскакиваетъ и обращаясь къ слугѣ говоритъ*):

Бѣгите за ними, закройте всѣ двери, чтобы ни одна муха не залетѣла болѣе въ мой палатцо... живо! проворно! (*слуга уходитъ*). А вы, Констанція, приготовьтесь... Мы сегодня же, если только будетъ можно, уйдемъ... О! что за несчастная, что за жалкая страна!... Нигдѣ, нигдѣ и нигдѣ нѣтъ покоя! Я не буду обѣдать, я потерялъ аппетитъ. Я уйду въ свои комнаты, мнѣ надобно отдохнуть, успокоиться... Констанція... Кто бы обо мнѣ ни спросилъ, что бы ни спрашивалось, не отвѣчайте никому ничего... Я умеръ, умеръ для всѣхъ и для всего... (*Бросить со стѣны ножъ въ свои комнаты*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната 1-го дѣйствія, но почти пуста, столъ и нѣсколько стульевъ. Въ одномъ углу открытъ чемоданъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

БЛАРА и МЕННИКА. БЛАРА (*сидитъ*), а МЕННИКА УБЛАДЫВАЕТЪ ВЕЩИ ВЪ ЧЕМОДАНѢ.

МЕННИКА. — Посмотрите, сударыня, хорошо ли я все уложила.

БЛАРА (*задумчиво*). — Да, да... отлично.

МЕННИКА. — Тарелки и стаканы завернула въ ваше шерстяное платье, чтобы они не перебились. Не нужно ли еще чтонибудь уложить?

БЛАРА. — Нѣтъ, мое все уложено; можетъ быть, батюшкѣ еще понадобится мѣсто, да и для вашихъ вещей.

МЕННИКА. — Обо мнѣ не беспокойтесь, я уже свой узелокъ приготовила, я возьму его подъ мышку, когда станемъ переѣзжать. Далеко ли отсюда до новой квартиры?

БЛАРА. — Не знаю, батюшка еще ничего не говорилъ о томъ, гдѣ онъ нанялъ.

МЕННИКА. — Прошло ли ваше нездоровье? какъ себя чувствуете?

БЛАРА. — Хорошо, хорошо... я совсѣмъ поправилась.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

САЛЬВОНИ (*выходитъ, неся въ рукахъ старый халатъ, туфли, трубку и нѣсколько книгъ*).

САЛЬВОНИ. — Omnia sua pecunia porto! Меника, возьмите и уложите всѣ эти вещи; осторожнѣе съ халатомъ, для меня онъ очень дорогъ: его носили мой отецъ и дѣдъ. Книгу можно положить сверхъ всего: науа снисходительна...

КЛАРА. — Только не въ намъ, батюшка. Сложите все на столъ, Меника, я уложу все сама, а вы идите въ кухню, надобно все кухонное также уложить.

МЕНИКА. — Для чего вамъ беспокоиться, сударыня? я вотъ въ двѣ минуты все уложу, да и въ кухню-то немного вещей (*укладываетъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

САЛЬВОНИ И КЛАРА.

САЛЬВОНИ. — Добрая и услужливая дѣвушка... ну что ты, Клара, поправилась ли?

КЛАРА. — Я, батюшка, совсѣмъ хорошо себя чувствую. Не забыли ли вы чего нибудь въ классной комнатѣ?

САЛЬВОНИ. — Нѣтъ, все убрано... остался тамъ пожалуй нѣкоторый портретикъ, но я его жертвую моему намѣстнику, намъ его не нужно. Заврешь-ка туда дверь, я не хочу видѣть пустой комнаты, съ которой связаны воспоминанія десятковъ лѣтъ. Точно поле битвы послѣ генеральнаго сраженія (*затеоряетъ дверь въ классъ и вытираетъ глаза*). Дай мнѣ спичку, Клара... во всѣхъ критическихъ случаяхъ моей жизни я прибѣгаю къ куренью, оно какъ будто раззаваетъ тоску.

КЛАРА (*подавая спичку*). — Зачѣмъ тосковать? это ничего не поможетъ, подумаемъ о другомъ: куда мы, напримѣръ, переѣзжаемъ?

САЛЬВОНИ. — Куда? куда?... а я-то почему знаю?...

КЛАРА. — Какъ? ты еще не нашелъ квартиры?

САЛЬВОНИ. — Квартиру-то отыскать было не трудно, да безъ денегъ никуда не впускать.

КЛАРА. — Можно заплатить послѣ, не потребуютъ же впередъ денегъ...

САЛЬВОНИ. — Съ другихъ не потребуютъ, да только не съ насъ; всѣ домохозяйева боятся обилѣть лягу, а враги мои хо-

тять меня во что бы то ни стало выжить изъ мѣстечка, какъ выжили изъ школы. Кстати, что докторъ. знаетъ ли онъ, что мы выѣзжаемъ?

Клара. — Онъ еще не возвращался.

Сальвони. — Какъ ты думаешь, чтó онъ думаетъ дѣлать?

Клара. — Право, не знаю, но полагаю, что если онъ захочетъ оставаться здѣсь, то новый учитель вѣроятно не будетъ сопротивляться: докторъ хорошій и аккуратный плательщикъ.

Сальвони. — Конечно, конечно... и враги мои будутъ еще довольны, что мы не будемъ жить вмѣстѣ.

Клара. — Это не помѣшаетъ, чтобы онъ по прежнему былъ расположенъ къ намъ.

Сальвони. — Еще бы; будемъ, по крайней-мѣрѣ, надѣяться, но признаюсь откровенно, мнѣ будетъ первое [время] неловко, тяжело... чего-то не доставать; я такъ привыкъ видѣть его ежедневно за обѣдомъ и за ужиномъ... я его такъ любилъ, наши взгляды такъ сходны... (*Съ волненіемъ*). Чтó это сегодня съ этой трубкой дѣлается... просто не курится (*бросаетъ съ досадою трубку на полъ. Клара вздрагиваетъ*). Ты испугалась, Кларочка? извини меня...

Клара (*печально*). — Полно, полно, въ чемъ ты извиняешься?...

Сальвони. — Мнѣ что-то не по себѣ, да и ты кабая-то печальная...

Клара. — Я ничего... Я только устала немного.

Сальвони. — Такъ отдохни же, а я пойду снова... ужь хоть уголь какой, а найду, на улицѣ жить нельзя...

Клара. — Ты скоро вернешься?

Сальвони. — Какъ только будетъ можно (*беретъ шляпу*). Хоть бы до полученія жалованья подождали мои злодѣи... сердца у нихъ нѣтъ (*уходитъ и потомъ возвращается*). Что, у Менини нисколько не осталось ея экономіи отъ жалованья?...

Клара. — Нѣтъ, батюшка, она все намъ уже отдала (*Сальвони вздыхаетъ, почесывается и уходитъ*). Я никогда не думала, что придется столько страдать. Неужели мнѣ такъ дорогъ этотъ домъ и мое прошлое? Ахъ, я вижу теперь, какъ оно было хорошо, дни мои проходили такъ пріятно, а особенно вечера, когда онъ читалъ мнѣ своихъ любимыхъ авторовъ или говорилъ о своихъ надеждахъ, о будущности, и все кончилось, все прошло... онъ не будетъ больше жить съ нами... можетъ быть, другая займетъ мое мѣсто въ его расположеніи... О! для чего я не умерла во время послѣдней моей болѣзни... я вижу, что иногда жизнь тяжелѣе смерти!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КЛАРА и РУДЖИЕРИ.

Руджигери. — Слава-Богу, вы уже на ногах!

КЛАРА (*вставая и подходя къ нему*). — Наконецъ-то вы возвратились.

Руджигери. — Я просло бѣжалъ сюда: мнѣ сказали, что старикъ нашъ искалъ меня повсюду, что съ вами сдѣлался внезапный припадокъ.

КЛАРА. — Да, мнѣ сдѣлалось дурно, но теперь все прошло. Но гдѣ же вы были, что васъ нельзя было сыскать?

Руджигери. — Возвращаясь съ виллы Бельведеръ, я встрѣтился съ двумя пріятелями, которые затащили меня на гору, чтобы посмотрѣть, не возвращается ли изъ Милана комскій пароходъ, котораго всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ.

КЛАРА. — Съ новостями о войнѣ?

Руджигери. — Да, именно. Вчера весь день слышалась перестрѣлка въ сторонѣ Миланз... но объ этомъ послѣ; теперь поговоримъ объ васъ, совершенно ли вы поправились? покажите-ка мнѣ вашъ пульсъ...

КЛАРА. — Я совершенно здорова (*подаетъ руку*).

Руджигери (*беретъ за пульсъ*). — Ну, я этому не повѣрю, пульсъ лихорадочный, ускоренный... что случилось? Вы взволнованы, не произошло ли какой-либо новой бѣды?

КЛАРА (*показывая на чемоданъ*). — Поглядите сами...

Руджигери (*подходя къ нему*). — Съ посудой и платьями?... Что это значитъ?

КЛАРА (*всхлипывая*). — Батюшка потерялъ мѣсто...

Руджигери. — О, негодяи: этого только недоставало.

КЛАРА. — И такъ-какъ помѣщеніе это принадлежит общинѣ и школѣ, то его сегодня же велѣли намъ очистить.

Руджигери. — Этого можно было отъ нихъ ожидать!... Но гдѣ же старикъ?

КЛАРА. — Пошелъ искать другую квартиру.

Руджигери. — Но вѣдь у него нѣтъ денегъ... я и самъ не особенно богатъ въ настоящую минуту, но вотъ мой кошелекъ, отдайте ему пока... лучше что-нибудь, чѣмъ ничего; не хватить, а займу у кого-нибудь изъ пріятелей...

КЛАРА. — О, нѣтъ! нѣтъ! ми не хотимъ васъ стѣснять...

Руджигери. — Стѣснять? Видите, Клара... если вы сколько-нибудь расположены ко мнѣ, то не имѣете право оскорблять

меня отказомъ (*дастъ деньги*). Скажите лучше, уложили ли вы мои вещи?...

Клара. — Нѣтъ, я оставила вашу комнату, какъ она была...

Руджигри. — Мою комнату... да развѣ у меня есть здѣсь комната съ той минуты, какъ помѣщеніе перестало быть вашимъ?

Клара. — Но, можетъ быть... вы захотите здѣсь остаться...

Руджигри. — Остаться, когда вы переѣзжаете? Я переѣду съ вами...

Клара. — Съ нами?... и вы говорите это серьезно?

Руджигри. — Какъ нельзя серьезно, если только не встрѣчу препятствій съ вашей стороны.

Клара. — Но мы еще сами не знаемъ, гдѣ мы найдемъ квартиру.

Руджигри. — Это для меня все равно. Укладывайте мои вещи и отправляйте ихъ вмѣстѣ съ своими... Меня только удивляетъ, какъ вы могли думать, что я здѣсь останусь?

Клара. — Ахъ, Руджигри... Я боялась... я сомнѣвалась...

Руджигри. — Въ моей привязанности къ вашей семьѣ? Да развѣ вы позабыли, что я смотрю на себя, какъ на вашего отца, Клара?... Честь имѣю по этому праву приказать вамъ, синьора, чтобы впредь случаи такого недовѣрія не повторялись... Но что съ вами? вы дрожите, вы еще нездоровы... садитесь (*заставляетъ ее сѣсть*).

Клара. — О, какъ бы я хотѣла умереть въ эту минуту.

Руджигри. — Умереть?... почему это?

Клара. — Потому, что я себя чувствую такой счастливой, такой счастливой!

Руджигри. — Значить, на оборотъ, надобно жить...

Клара. — Докторъ! вы насъ не оставите, не оставите никогда?

Руджигри (*беретъ ее руку*). — Съ какой стати я васъ буду оставлять... для кого? для чего?

Клара. — И... если мой отецъ, чего не дай Богъ, не вынесетъ перемѣны?

Руджигри. — У васъ останется второй отецъ...

Клара (*отворачивается, чтобы скрыть слезы*). — О! благодарю васъ, благодарю васъ...

Руджигри (*про себя*). — Зачѣмъ мнѣ 37 лѣтъ, а не 27?!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Т ъ ж е, и М е н и к а.

Меника. — Синьоръ докторъ!

Руджигри. — Что вамъ надобно, Меника?

Меника. — Васъ зовутъ синьоръ...

Руджигри. — Кто меня зоветъ?

Меника. — Ваши знакомые, синьоръ Гаспаро и синьоръ Антонио; они ждутъ васъ на улицѣ, и просили сказать вамъ, чтобы вы поспѣшили выдти; они имѣютъ сообщить вамъ что-то особенно важное...

Руджигри. — Понимаю (къ *Кларъ*), я скоро вернусь. Сегодня для меня день чрезвычайно важный. Я надѣюсь на кое-что, что, исполнившись, принесетъ съ собою переимѣну въ судьбѣ отца вашего. Укладывайте мои вещи и книги и... до свиданія (*уходитъ*).

Клара. — Скорѣе, Меника, принесите докторскій чемоданъ.

Меника. — Какъ? и онъ перѣзжаетъ?...

Клара. — Да.

Меника. — Ну, вотъ видите, я говорила. Бѣлая курица снега сегодня яйцо ровно въ полдень, это предсказывало, что докторъ перѣедетъ съ нами.

Клара. — Сотрите съ чемодана пыль и принесите его въ его комнату, а я покаместъ приготовлю его бѣлье (*входитъ въ комнату Руджигри*).

Меника. — Сейчасъ, сейчасъ, падрона. Ну, не будь я Меника, коли все это не кончится свадьбой.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Рипетти и Констанція (*изъ среднихъ дверей*).

Рипетти. — Входите, входите, безъ опасенія.

Констанція. — Но увѣрены ли вы, что доктора здѣсь нѣтъ?

Рипетти. — Я видѣлъ своими глазами, какъ онъ вышелъ и пошелъ къ горѣ съ двумя другими лицами...

Констанція. — Хорошо. Потрудитесь же теперь сказать кучеру, чтобы онъ не уѣзжалъ, и ждалъ меня на томъ же мѣстѣ, гдѣ я сошла. Васъ я тоже прошу меня оставить одну.

Рипетти. — Вы хотите возвращаться однѣ?

Констанція. — Да, такъ нужно; теперь не надобно уже больше предосторожностей.

Рипетти. — Но я думалъ, я полагалъ, что я могу теперь узнать...

Констанція. — Не дѣлайте мнѣ напрасныхъ вопросовъ. Вы, который всегда былъ такъ сромны, такъ деликатны...

Рипетти. — Наконецъ, я думалъ, что вы мнѣ позволите высказать...

Констанція. — Теперь не время...

Рипетти. — Да, да... не время, мы въ чужомъ домѣ, но когда вы вернетесь?

Констанція. — Скорѣй уходите, Рипетти... я слышу, что кто-то идетъ.

Рипетти. — Ухожу, ухожу, графиня (*уходя омыдывается на Констанцію и вздыхаетъ*). Всегда и всегда одно и то же: теперь не время!...

Констанція (*омыдывая комнату*). — Такъ вотъ гдѣ живутъ его привязанности!... какъ здѣсь все бѣдно и пусто... она однако же счастливѣе меня... Что въ роскоши и богатствѣ, изъ-за которыхъ еще рельефнѣе выступаетъ горькое одиночество?... Но тише, кто-то идетъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

КЛАРА (*изъ боковыхъ дверей*) и Констанція.

КЛАРА. — Такъ, такъ, Меника (*увидя Констанцію, останавливается*). Синьора, кого вамъ угодно?

Констанція. — Извините меня, не можете ли вы сказать мнѣ, не здѣсь ли живетъ школьный учитель?

КЛАРА. — Вы въ его квартирѣ, синьора.

Констанція. — А вы не дочь ли его?

КЛАРА. — Къ вашимъ услугамъ, синьора.

Констанція. — Очень рада, что васъ вижу. Я—пріятельница графини Альдобранди, которая, желая провести нѣсколько мѣсяцевъ на виллѣ, ищетъ на это время учителя для своего сына. Ей указали на вашего отца, и она уполномочила меня переговорить съ нимъ объ этомъ.

КЛАРА. — О, какое это счастье для насъ, синьора! Отецъ мой только-что потерялъ свое послѣднее мѣсто... Теперь его нѣтъ дома, но какъ только онъ вернется, то, не теряя ни минуты, явится къ графинѣ.

Констанція. — Если вы мнѣ позволите, я, хотя цѣль моего посѣщенія достигнута, все-таки останусь здѣсь нѣсколько минутъ. Я много сегодня ѣздила и устала, а можетъ быть, пока я отдыхаю, вашъ отецъ вернется.

КЛАРА. — О, будьте какъ дома. Только не сердитесь, что я должна васъ оставить одну, у меня столько дѣла.

Констанція. — Вы заняты, вы спѣшите?

КЛАРА. — Да, я тороплюсь какъ можно скорѣе уложить вещи нашего жильца, доктора Руджіери.

Констанція. — Доктора Руджіери? того самого, который сегодня утромъ былъ приглашенъ на консультацію графомъ?

КЛАРА. — Именно, но, простите мое любопытство, синьора, не знаете ли вы, кто боленъ на виллѣ, самъ графъ?

КОНСТАНЦІЯ. — Нѣтъ, доктора приглашали для его невѣстна.

КЛАРА. — Понимаю, для матери того ребенка, котораго учить будетъ мой отецъ?

КОНСТАНЦІЯ. — Да, она вдова сына графа.

КЛАРА. — Вдова? а, такъ она вдова!

КОНСТАНЦІЯ. — Второй годъ.

КЛАРА. — Бѣдная! а что она еще... молода?

КОНСТАНЦІЯ. — Очень молода.

КЛАРА. — Можетъ быть, хороша собой?

КОНСТАНЦІЯ. — Не дурна.

КЛАРА. — Какъ вы, синьора, напримѣръ...

КОНСТАНЦІЯ. — О, нѣтъ! гораздо красивѣе.

КЛАРА. — Еще красивѣе!...

КОНСТАНЦІЯ. — Чтѣ съ вами? вы измѣнились въ лицѣ, неужели вамъ неприятно, что графиня хороша собой?

КЛАРА (*отправляясь*). — О, нѣтъ, нѣтъ! чтѣ мнѣ такое въ томъ, хороша она или дурна... вы не знаете, чтѣмъ больна она?

КОНСТАНЦІЯ. — Ея болѣзнь чрезвычайно сложная...

КЛАРА. — И продолжительная?...

КОНСТАНЦІЯ. — Мы всѣ боимся этого, но, кажется, это такъ (*про себя*). Она ревнуетъ... онъ любимъ!

КЛАРА. — Значить... доктору придется часто навѣщать ее?..

КОНСТАНЦІЯ. — Должно быть.

КЛАРА. — И придется просиживать долго?...

КОНСТАНЦІЯ. — Вѣроятно.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

МЕНИКА (*изъ кухни съ большимъ чемоданомъ*).

МЕНИКА. — Падрона, вотъ чемоданъ (*видитъ Констанцію и останавливается*).

КЛАРА. — Уйдите прочь, теперь нѣкогда, подождите немного.

МЕНИКА. — Но...

КЛАРА (*выходя изъ себя*). — Говорятъ, что теперь нѣкогда, уходите.

МЕНИКА. — Я оставлю чемоданъ здѣсь (*ставитъ чемоданъ на полъ и уходитъ*).

КОНСТАНЦІЯ. — Я васъ задерживаю, этотъ чемоданъ...

КЛАРА. — Для вещей доктора, но я еще найду время...

КОНСТАНЦІЯ. — Развѣ онъ сегодня куда-нибудь уѣзжаетъ?

Клара. — Нѣтъ, синьора, онъ только переѣзжаетъ... вмѣстѣ съ нами.

Констанція. — А почему же вы переѣзжаете?...

Клара. — Я вамъ уже говорила, что отецъ потерялъ мѣсто... а такъ-какъ помѣщеніе это принадлежитъ коммуѣ, то съ потерей мѣста, отецъ долженъ очистить и помѣщеніе...

Констанція. — Значить, и докторъ тоже потерялъ мѣсто?

Клара. — О, нѣтъ! онъ могъ и здѣсь остаться, но предпочитаетъ переѣхать съ нами.

Констанція. — Его, вѣроятно, объ этомъ просилъ вашъ отецъ?

Клара. — Нѣтъ, онъ дѣлаетъ это добровольно, по своей охотѣ...

Констанція. — И васъ это не стѣсняетъ?...

Клара. — Нисколько, мы этому очень рады...

Констанція. — Онъ, вѣроятно, васъ любитъ?

Клара. — Очень, какъ дочь...

Констанція. — И вы въ свою очередь?

Клара. — Я люблю его, какъ... отца.

Констанція. — Простите, но я думаю, что вы его любите иначе.

Клара. — Синьора!...

Констанція. — Простите меня, но я знаю людей... вы говорите о докторѣ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ говорятъ о человѣкѣ, который можетъ быть намъ мужемъ...

Клара. — Мужемъ!... очевидно, что вы не знаете доктора.

Констанція. — Почему вы такъ думаете?

Клара. — Потому что, еслибы вы хоть сколько-нибудь его знали, то не могли бы и подумать, что онъ когда-нибудь женится!...

Констанція. — Это почему?

Клара. — Такой ужъ у него взглядъ. Вотъ видите ли, съ нимъ было несчастье. Въ молодости онъ любилъ одну дѣвушку, и былъ даже ея женихомъ; но она его обманула, и съ тѣхъ поръ онъ не хочетъ любить ни одной женщины... и не хочетъ никогда жениться.

Констанція. — Онъ самъ это вамъ рассказывалъ?

Клара. — Да, синьора, онъ говорилъ, что эта дѣвушка была горда, тщеславна, безсердечна, и поступила съ нимъ жестоко...

Констанція (съ жаромъ). — Однако, она была не такова!... тщеславна... пожалуй... но безсердечна, жестока... нѣтъ! это клевета...

Клара. — Совсѣмъ не клевета, и вотъ доказательство, она изъ-за денегъ вышла замужъ, за больного, за чахоточнаго.

Констанція. — Не изъ-за денег! я пожертвовала собою для моего отца.

Клара. — Какъ вы!.. Боже мой!

Констанція. — Я себя выдала... хотѣла молчать, но не могла...

Клара. — Синьора, Бога ради... простите мои дерзкія слова... еслибы я могла думать...

Констанція. — Вы ничѣмъ не виноваты, дитя мое; вы говорили, какъ чувствовали... но и я не такъ виновна, какъ кажусь вамъ. Я знаю, что по недостатку воли, я разбила жизнь Руджіери... но я за то довольно наказана. Любовь моя къ нему не исчезла и поправить дѣло было главнѣйшею цѣлью моей жизни. Не зная ничего о дальнѣйшей его участи, не зная даже о васъ, я пріѣхала сюда собственно для него, въ надеждѣ, что не все еще потеряно!.. Я думала, что мои средства, мои богатства принесутъ ему облегченіе въ его горькой и труженнической жизни....

Клара. — Вы думаете, что онъ здѣсь несчастливъ?

Констанція. — Да, я думаю это.

Клара. — Но онъ такъ скромнень въ своихъ желаніяхъ, ему такъ мало нужно, чтобы быть довольнымъ.

Констанція. — Да, теперь, можетъ быть... но придетъ время, когда нужда сдѣлается для него невыносимой... и дай Богъ, чтобы онъ никогда не раскаялся въ тѣхъ словахъ, которыя говорилъ мнѣ сегодня утромъ...

Клара. — Такъ вы съ нимъ уже говорили обо всемъ эт мъ?

Констанція. — Да.

Клара. — И вы уже ему сказали, что хотите за него замужъ?

Констанція. — Почти... Я высказала ему, что еще люблю его...

Клара. — Что же онъ вамъ отвѣтилъ?

Констанція. — Онъ холодно отвергъ мое чувство...

Клара. — Неужели? Почему же?

Констанція. — Потому что онъ любитъ... васъ.

Клара (съ слезами). — Неужели! о, Боже мой, Боже мой!...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Т ѣ ж е и М е н и к а .

Меника. — Они всѣ идутъ сюда.

Клара. — Кто идетъ?

Меника. — Отецъ вашъ, переносчики и всѣ эти утренніе господа.

Клара. — Графиня, позволите ли вы мнѣ завтра посѣтить васъ?

Меника (*про себя*). — Э, вотъ она какая птица! Графиня!

Констанція. — Спрашивая меня объ этомъ, вы какъ будто говорите, чтобы я ушла?

Клара. — Нѣтъ, графиня, но вамъ едва-ли будетъ пріятно быть свидѣтельницей грустной сцены, какъ насъ будутъ отсюда выгонять.

Констанція. — А я все-таки хотѣла бы остаться.

Клара. — Дѣлайте, какъ вамъ угодно.

Меника (*про себя*). — Графиня эта вѣроятно очень случаетъ и хочетъ развлечься, смотря на то, какъ мы будемъ улаживать чемоданы.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Сальвони, Донъ-Калигула, Розоліо, Гонцо потомъ Ривотто.

Сальвони. — Вотъ, господа, ваша квартира. Стѣны тѣ же, какими я ихъ получилъ. Мебель обветшала, но я имѣлъ право ею пользоваться. Повѣрьте все по вашему инвентарю, и я тотчасъ позову переносчиковъ и раскладываюсь съ вами.

Клара (*показывая на Констанцію*). — Отецъ, что же ты ничего не видишь. Графиня Альдобранди.

Сальвони (*поднимая кофакъ расшаркивается*). — Графиня! у меня... какими судьбами?...

Донъ Калигула. — Ваше сіятельство, простите, что мы, не предполагая васъ здѣсь встрѣтить, вошли съ такимъ шумомъ...

Розоліо. — Еслибы я могъ догадаться объ этомъ, ваше сіятельство...

Констанція. — Чтò же тутъ необыкновеннаго, что вы застали меня у моей подруги (*беретъ руку Клары, та благодаритъ ее знаками*).

Сальвони. — Моя дочь—подруга графини!...

Донъ Калигула (*Розоліо*). — Понимаете ли вы тутъ хоть что-нибудь?

Розоліо. — Передъ Богомъ, рѣшительно ничего...

Ривотто (*Розоліо*). — Зачѣмъ вы не предупредили меня, что графиня дружна съ дочерью учителя? Я бы не явился сюда...

Констанція. — Вы собрались сюда господа отнять у синьора Сальвони помѣщеніе. Вы желаете, чтобы онъ съ дочерью немедленно его очистилъ, не такъ ли?

Донъ Калигула. — Нѣтъ, графиня, не такъ... мы не желаемъ этого, мы дѣлаемъ это скрѣпя сердце, но долгъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, прежде всего.

Розоліо. — Мы имѣемъ приказаніе начальства...

Гонцо. — И мое назначеніе... бумажку, которую я имѣю при себѣ (*вынимаетъ бумагу*).

Констанція. — Что это за доскутъ бумаги?

Гонцо. — Это не доскутъ, а приказъ мнѣ немедленно вступить въ мою новую обязанность школьнаго учителя этой общины.

Констанція. — Какъ же васъ зовутъ?

Гонцо. — Гонцо, къ вашимъ услугамъ.

Сальвони (*внѣ себя*). — Дуралей!

Гонцо. — Кто осмѣливается браниться?.. Я пользуюсь покровительствомъ власти, и за всякую обиду мнѣ будетъ законно отпложено.

Констанція. — Не будемте ссориться, а лучше подумаемте вмѣстѣ, нельзя ли какъ-нибудь помочь дѣлу...

Донъ Калигула. — Какимъ же бы это образомъ, напримеръ?

Констанція. — Ну... хоть деньгами... Я бы съ удовольствіемъ внесла нѣкоторую сумму, чтобы не беспокоить стараго Сальвони и чтобы все осталось по прежнему...

Донъ Калигула. — Я бы, ваше сіятельство, съ готовностію сдѣлалъ все, что только можно, но мы люди маленькіе... Я какъ инспекторъ школъ, только орудіе власти, такъ сказать только инструментъ...

Розоліо. — И мы тоже, въ нѣкоторомъ родѣ инструменты...

Ривотто. — Исключая меня. Я совсѣмъ не инструментъ...

Констанція. — Но, изъ-за чего же вышла вся эта неурядица? Въ чемъ вина господина Сальвони?

Донъ Калигула. — Почтенный синьоръ самъ навлекъ на себя законную кару, за свое подозрительное поведеніе, за свою двуличную дѣятельность въ педагогій, за свое упрямство въ стремленіи дѣйствовать наперекоръ самимъ благодѣтельнымъ распоряженіямъ власти.

Сальвони. — Графиня! не вѣрьте ни одному слову этого господина. Сравните меня, мою внѣшность, съ фізіономіями всѣхъ этихъ четырехъ синьоровъ, и вы поймете на чьей сторонѣ истина! Я никогда и никому не дѣлалъ никакого зла! Въ

моем преподаваніи я не распространялъ никакихъ злонамѣренныхъ идей съ вредными цѣлями, какъ хотать мнѣ это навязать. Я училъ просто, но, конечно, не удалялся отъ истины и здраваго смысла, хотя бы это и не нравилось различнымъ инспекторамъ... Но дѣло даже и не въ этомъ—оно гораздо проще. Эти господа просто мстятъ мнѣ за то, что я друженъ и живу вмѣстѣ съ докторомъ Руджіери.

Констанція. — Это какимъ же образомъ?..

Донъ Калигула. — Совершеннѣйшая неправда!

Розоліо. — Чистѣйшая ложь!..

Ривотто (*тихо къ Розоліо*). — Какъ же ложь, когда вы мнѣ это сами говорили утромъ?..

Сальвони. — Не будучи въ состояніи насъ разсорить, они вздумали дохватъ меня съ другой стороны. Не мытьемъ, такъ катаньемъ, и все за то, что я былъ невольнымъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ бесспорно благонамѣреннѣйшихъ плановъ. Все дѣло состояло въ предполагаемомъ бракѣ доктора съ дочерью аптекаря, чтобы взаимно связать матеріальные интересы врачебной практики и продажи медикаментовъ. Разумѣется, что докторъ даже и не зналъ, что его хотѣли втянуть въ такое дѣло и обратить его искусство въ монополію противъ бѣдныхъ жителей общины, которыхъ и безъ того синьоръ аптекарь чистить и стрижеть, какъ своихъ овецъ.

Розоліо. — Я просто удивляюсь, какъ вы позволяете себѣ говорить такія недѣльныя соображенія!

Ривотто (*держитъ ея за рукавъ*). — Полно, для чего притворяться?... Она, можетъ, быть знаетъ, что вы у меня покупаете черносливъ, которымъ подмѣшиваете квасію и тамаринду...

Донъ Калигула. — Графиня легко усмотрять, что въ словахъ огорченнаго и разсерженнаго старика нѣтъ ни слова правды. Если бы все это было правдой, то какъ я, по моему сану, могъ бы быть замѣшанъ въ такую мірскую интригу.

Сальвони. — Ну, объ этомъ для донна Калигулы будетъ удобнѣе, если мы умолчимъ...

Донъ Калигула. — Это еще чтó такое?... Я вынужденъ нахожусь напомнить, что есть оскорбленія, которыхъ мы, какъ представители власти, не должны выносить!...

Сальвони. — Чѣмъ болѣе вы всѣ трое... или лучше связать четверо, станете маскироваться въ благородное негодованіе, тѣмъ сильнѣе вы вызываете меня къ тому, чтобы я наконецъ назвалъ васъ настоящимъ именемъ... Вы ни что иное, какъ ходячіи доносъ, все-сикофанты!...

Донъ Калигула. — Мы... сикофанты!

Ронцо. — Каково оскорбленіе?

Розоліо (*къ Ризотто*). — Какъ вамъ это кажется?

Ризотто. — Я слова что-то не понимаю... но, кажется, мнѣ, что онъ правъ.

Клара. — Батюшка, придите въ себя.

Сальвони (*отъ себя*). — Какое въ себя! Къ чему я буду приходить въ себя! Когда сосудъ переполнился,—гнѣвъ проливается словомъ!... Мнѣ все равно: я старикъ, я умру не сегодня, такъ завтра, но я долженъ высказать все, не ради себя, а ради бѣдныхъ поселянъ, терпѣніе которыхъ готово лопнуть отъ продѣлокъ этихъ господъ. И вы думаете, графиня, что я первый назвалъ этихъ господъ настоящимъ именемъ? Нисколько!.. это общій голосъ... Остановите любого прохожаго, и всякій скажетъ вамъ то же самое и назоветъ ихъ тѣмъ же прозвищемъ, которое я произнесъ. Я своего слова назадъ не беру! Пусть эти синьоры обижаются, пусть наряжаютъ судъ, пусть меня обвиняютъ, засадятъ въ тюрьму, сошлютъ въ Богемію, въ Венгрію, въ Калькуту, пусть мнѣ вырѣжутъ языкъ, послѣднимъ словомъ моимъ будетъ: сифофанты!...

Донъ Калигула. — Довольно! Синьоры! прошу прислушаться—несмотря на все уваженіе къ присутствующей между нами особѣ, я по обязанности своего званія, которое было здѣсь злобно поругано, долженъ приступить къ составленію обвинительнаго акта. Синьоры депутаты, я предлагаю начать это составленіе. Обвиняемый, давъ потокъ своему бѣшенству, дерзнулъ оскорбить савонниковъ во время исполненія ими служебныхъ своихъ обязанностей: это преступленіе противъ общественныхъ властей, предосудительное въ кодексѣ уголовныхъ наказаній.

Розоліо. — Параграфъ 333-й.

Гонцо. — И послѣдующіе.

Ризотто. — Посмотрите, синьоры, на это сквозь пальцы.

Донъ Калигула. — Никакимъ образомъ. Я прощаю клеветнику, какъ ближнему, но какъ подчиненнаго, я не имѣю права его прощать.

Сальвони. — Менина, принеси изъ комнаты доктора сюда чернилицу и бумагу.

Гонцо. — Не надо! у меня все есть при себѣ (*вынимаетъ*).

Сальвони. — Видите, графиня, что это за предусмотрительное существо!..

Донъ Калигула. — Кто будетъ писать?

Розоліо (*къ Ризотто*). — Пишите, синьоръ Ризотто.

Ризотто. — Подите вы отъ меня, Христа ради, какъ будто вы не знаете, что чистописаніе не по моей части.

Гонцо. — Я, я буду писать.

Сальвони. — Э, да господиный учитель-то на всѣ руки!

Мивика (*про себя*). — Я съ тобой еще поговорю, какъ стану кухонную посуду сдавать.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Графъ, Рипетти и тѣ же.

Графъ (*обтаетъ взволнованный*). — О, Констанція! какъ я радъ что нахожу васъ здѣсь... Что за чудеса, что за невѣроятны дѣла совершаются!..

Констанція. — Что? Что такое случилось? Вы на себя не похожи.

Графъ. — Поневогѣ не похожъ сдѣлаешься. Рипетти, разъясте, чтѣ вы слышали, я... ничего не знаю и прошу васъ, синьоры, чтобы все это осталось между нами.

Рипетти. — Съ полчаса тому назадъ, мы сидѣли съ графомъ въ залѣ и разговаривали; вдругъ мы услышали шумъ, глядя въ окно и увидѣли, что причаливаетъ комскій пароходъ.

Графъ. — Это онъ видѣлъ... я ничего не видалъ.

Рипетти. — Я гляжу, и не вѣрю своимъ глазамъ: весь пароходъ убранъ флагами итальянскихъ цвѣтовъ.

Всѣ. — Какі! неужели?

Графъ. — Я не видалъ... это ему показалось... цвѣтовъ было больше... но оптическая иллюзія точно...

Рипетти. — Въ то же время мы услышали доносившійся до насъ гудъ отъ крика всего населенія ближайшаго порта.

Графъ. — Я не слышалъ, но онъ разслушалъ.

Рипетти. — Въ крикъ можно было различить...

Графъ (*перебивая ея*). — Безъ догадокъ, безъ догадокъ.

Рипетти. — Однимъ словомъ, толпа кричала и была съ необычайною радостью въ ладоши.

Графъ. — Ну да, какъ всегда, народъ кричить.

Рипетти. — Я выхожу на балконъ, и едва я взомель, мени оглушило пять или шесть залповъ, отъ которыхъ въ окнахъ задрожали стекла.

Донъ Калигула. — Залповъ? Вы говорите нѣсколько залповъ?

Графъ. — Да, да, это правда... этого нельзя отрицать... были залпы.

Рипетти. — Я думалъ, не объявленіе ли это войны? Выбѣгал на улицу... и вижу, около дома муниципальнаго совѣта стоятъ до трехсотъ человекъ, которые кричатъ, чтѣ бы вы думали: да здравствуетъ Сальвони!

Сальвони. — Какъ? овація?.. мнѣ?

Донъ Калигула. — Дальше, дальше...

Рипетти. — Между народомъ я встрѣтилъ Руджіери; онъ, по-видимому, предводительствовалъ толпою.

Сальвони, Констанція и Клара. — Руджіери?

Донъ Калигула. — Агитаторъ!..

Розоліо. — Вредное направленіе!

Рипетти. — Онъ увидѣлъ меня, сунулъ мнѣ наскоро въ руку газету и сказалъ: живѣе пригласи графа и графиню и идите всѣ въ квартиру Сальвони, тамъ ждите меня... Что случилось? спрашиваю я его; читай самъ, отвѣтилъ онъ мнѣ. Я гляжу, оказалось, что газета, которую онъ мнѣ далъ—официальная газета...

Всѣ. — И вы прочли?

Рипетти. — Читайте сами (*передаетъ газету Сальвони*)

Сальвони (*на авансценѣ читаетъ и испускаетъ радостный крикъ*). — Ахъ!

Всѣ (*кроме графа и Рипетти*). — Что, что такое?

Сальвони (*задыхаясь отъ волненія*). — Смотрите... его нѣтъ больше...

Всѣ. — Кого, кого нѣтъ?

Сальвони. — Австрійскаго (*показываетъ руками крылья*).

Донъ Калигула, Розоліо, Ризотто и Гонцо. — Можетъ ли быть?!

Графъ. — Синьоры... всѣ вы однако же свидѣтелями, что не я распространяю эту новость...

Донъ Калигула. — Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе...

Розоліо. — Опечатка.

Ризотто. — Завтра будетъ поправка.

Донъ Калигула, Розоліо и Ризотто. — Непремѣнно!..

ЯВЛЕНІЕ ДВѢАНДЦАТОЕ.

Руджіери и тѣ же.

Руджіери (*входя*). — Ни завтра, ни послѣ завтра, никогда!

Всѣ. — Докторы!

Руджіери (*спокойно, съ улыбкою*). — Друзья мои — хорошія новости! Сальвони, вы остаетесь на вашемъ мѣстѣ. Кому будетъ слѣдовать удалиться—тѣ удалятся, но это будете не вы и не я. Италия свободна: извѣстіе это официально (*Рипетти уходитъ*).

Клара. — Батюшка, какое счастье!

Сальвони. — О, милая дочь моя, до чего мы дожили (*кричитъ*): да здравствуетъ Италия (*всѣ повторяютъ этотъ крикъ*).

Донъ Калигула, Розоліо, Ризотто. — Еще разъ, синьоры: да здравствуетъ!

Графъ (*про себя*). — Какъ? и эти кричатъ? Я начинаю не вѣрить новости.

Руджіери. — Графъ, вы можете спокойно возвращаться на свою виллу съ графиней... народъ противъ васъ ничего не имѣетъ... я объяснилъ ему, что вы добрый гражданинъ.

Графъ. — Я протестую... я не уйду отсюда... я ничего не знаю, ни во что не вѣрю, никому не довѣряю... можетъ-быть, все это неправда...

Руджіери. — Какъ! вы и мнѣ не довѣряете?

Графъ. — Никому!

Руджіери. — Ну, такъ повѣрьте своимъ глазамъ... изъ коридора она выходитъ на площадь, вы увидите, что всѣ дома убраны для праздника коврами и національными флагами.

Графъ. — Что же, если ужъ и все это неправда? Сколько мнѣ придется заплатить!

Сальвони. — Живѣе вывѣсимъ и наши ковры.

Донъ Ка лигула, Роволио, Ризотто, Гонцо. — Ковры, ковры! (*Вынимаютъ изъ чемодановъ ковры и украшаютъ окна*).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАЦАТОЕ.

Тъ же и Рипетти.

Рипетти. — Графъ, карета васъ дожидаетъ.

Констанція. — Тестъ мой, дайте мнѣ вашу руку.

Графъ. — Да... нѣтъ, нѣтъ... синьоръ Сальвони, синьоръ Руджіери, дайте мнѣ ваши руки... пустите меня въ середину... я боюсь толкотни, поддержите меня... Я ничего не знаю, я ничего не говорилъ (*беретъ подъ руку Сальвони и Руджіери*).

Руджіери. — Кричите, графъ: да здравствуетъ Италия!

Графъ. — Да здравств... нѣтъ нѣтъ!

Сальвони. — Кричите: да здравствуетъ свобода!

Графъ. — Освобо... нѣтъ, нѣтъ... подождите еще (*все уходитъ въ суматоху*).

ДѢЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната второго дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Констанція и Рипетти.

Рипетти (*входя*). — Вотъ я и возвратился, графиня.

Констанція. — Я васъ ждала съ нетерпѣніемъ. Исполнили вы всѣ мои порученія?

Рипетти. — Все въ точности.

Констанція. — Гдѣ же нотаріусъ?

Рипетти. — Въ вашемъ кабинетѣ; я проводилъ его чрезъ уборную, какъ вы приказали.

Констанція. — Хорошо; а другіе?

Рипетти. — Придутъ. Мнѣ помогаетъ Меника, служанка учителя; она все устроила.

Констанція. — Спасибо, спасибо вамъ, Рипетти, вы несказанно добры, я никогда не забуду всего того, что вы для меня сдѣлали.

Рипетти. — А что все это значить, въ сравненія съ тѣмъ, что я хотѣлъ бы для васъ сдѣлать, еслибы мнѣ, наконецъ, позволили высказать.

Констанція. — Теперь не время.

Рипетти. — Какъ, даже и теперь?

Констанція. — Вы сами знаете, что меня дожидается нотаріусъ.

Рипетти. — О, я несчастный!.. какъ вы начини говорить, всегда кто-нибудь или что-нибудь помѣшаетъ.

Констанція. — Не предавайтесь напрасному отчаянію; развѣ вы не знаете, что мы черезъ часъ уѣдемъ и времени у васъ будетъ довольно высказать все, что вамъ нужно.

Рипетти. — Нечего дѣлать; надо заняться терпѣніемъ.

Констанція. — Кстати, что тещъ мой?

Рипетти. — Не задержите, будьте спокойны, онъ ждетъ не дождется минуты отъѣзда.

Констанція. — Такъ до свиданія пока, добрый другъ (*уходитъ въ свои комнаты*).

Рипетти. — Ея другъ! сколько разъ она мнѣ говорила эти слова, и не дала ни однажды возможности назвать ее въ свою очередь этимъ же именемъ!.. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

КЛАРА (*изъ среднихъ дверей*) и СЛУГА.

СЛУГА. — Графиня приказала мнѣ проводить снѣбору въ эту комнату и просить ее подождать.

КЛАРА. — Благодарствуйте (*слуга уходитъ*). Какая здѣсь роскошь, какое богатство! Да, она была вчера права, когда сказала, что ея рука можетъ вознаградить Лунджи за всѣ его прежнія лишения. И онъ изъ-за меня хотѣлъ отказаться отъ своей блестящей будущности. О, нѣтъ, этого никогда не будетъ! Упреки совѣсти мнѣ не дали бы покоя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

КОНСТАНЦІЯ И КЛАРА.

КОНСТАНЦІЯ. — Это вы, Клара; простите, что я заставила васъ дожидаться.

КЛАРА. — О, синьора, такъ много чести.

КОНСТАНЦІЯ (*можно беретъ ее за руку*). — Ну, какъ вы себя чувствуете сегодня?

КЛАРА. — Я? хорошо, а вы графиня?

КОНСТАНЦІЯ. — И я также.

КЛАРА. — Но вы такъ блѣдны!

КОНСТАНЦІЯ. — Будете говорить не обо мнѣ, а объ васъ. Вы знаете пословицу, что утро вечера мудренѣе. Я не спала всю ночь и все думала о васъ и о вашемъ счастья.

КЛАРА. — Также, какъ и я думала объ вашемъ...

КОНСТАНЦІЯ. — Я сама уже объ немъ позабочусь... вы не увидите ничего уже сдѣлать, такъ-какъ я сегодня отсюда уѣзжаю.

КЛАРА. — Какъ вы пріѣхали сюда жить, а вмѣсто этого, такъ поспѣшно уѣзжаете.

КОНСТАНЦІЯ. — Да, но прежде я хочу устроить вашу судьбу и увѣриться, что Руджіери на васъ женится.

КЛАРА. — Значить, вы теперь, какъ и вчера думаете, что Руджіери...

КОНСТАНЦІЯ. — Васъ любить и любимъ взаимно? Что, развѣ это не правда?

КЛАРА. — Не правда и есть. Я и пришла сюда только затѣмъ, чтобы сказать вамъ, чтобы вы не думали больше обо мнѣ. То, что вы мнѣ вчера говорили, произвело на меня глубокое впечатлѣніе; теперь и я начинаю думать, что наступитъ время, когда Руджіери будетъ раскаяваться, что не принялъ вашей руки. Вы добры, графиня, вы заслуживаете всякаго счастья. Вашъ союзъ долженъ осуществиться; вы рождены другъ для друга. Я желаю вашей свадьбы всей душою для вашего счастья... и для Луиджи... Я готова сдѣлать все, что только можетъ отъ меня зависѣть, чтобы это сдѣлалось скорѣе.

КОНСТАНЦІЯ. — Доброе мое дитя, ты еще знаешь, что когда въ человѣческомъ сердцѣ любовь умираетъ, нѣтъ силъ на свѣтъ, чтобы ее воскресить. Я не живу болѣе въ его сердцѣ, не только какъ любимое существо, но даже какъ... другъ... О, я несчастная!.. онъ такъ сильно любилъ меня! (*мечетъ*).

КЛАРА (*пронутая*). — Не плачьте, не плачьте, Констанція,

мнѣ больно смотрѣть на ваши слезы... положитесь на меня, позвольте мнѣ все устроить... Я переговорю съ нимъ, я съумѣю его убѣдить.

Констанція. — Нѣтъ, для меня все кончено. Я хочу только одного, чтобы онъ простилъ меня. Убѣжать отсюда безъ его уваженія я не могу...

Клара. — Если онъ не съумѣетъ простить, я не стану его тоже любить, даже какъ отца.

Слуга (*входя*). — Докторъ Руджіери.

Клара. — Боже мой! Боже мой! онъ здѣсь!

Констанція. — Попросите доктора нѣсколько подождать (*слуга уходитъ*). Я просила его придти. Видѣлъ ли онъ, когда вы выходили изъ дому?

Клара. — Нѣтъ, онъ даже и думать не можетъ, чтобы я пришла сюда.

Констанція. — Хорошо; это все, что мнѣ нужно. Я хочу подвергнуть ваши чувства маленькому испытанію. Вы мнѣ сказали, что онъ любитъ васъ только какъ отца...

Клара. — Ну, можетъ быть, такъ же, какъ братъ...

Констанція. — Сейчасъ вы увидите сами, какою любовью онъ васъ любитъ.

Клара. — О, нѣтъ, нѣтъ, графиня; освободите меня отъ этого, я умру отъ стыда...

Констанція. — Не бойтесь, вы не услышите ничего такого, что бы васъ заставило краснѣть. Войдите сюда въ кабинетъ, вы будете все слышать, все видѣть и будете въ то же время невидимкой.

Клара. — Однако, я бы не хотѣла, чтобы онъ очень скоро раскаялся и упалъ передъ немъ на колѣни!

Констанція (*звонитъ, входитъ слуга*). — Просите доктора Руджіери.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Констанція и Руджіери.

Руджіери. — Вы приглашали меня, синьора: я въ вашѣмъ услугамъ.

Констанція. — Еслибы вы хотя нѣсколько опоздали, то я была бы лишена удовольствія васъ видѣть.

Руджіери. — Значитъ, это правда, что вы убѣждаете?

Констанція. — Что васъ такъ удивляетъ? не вы ли сами мнѣ это посовѣтовали?

Руджіери. — Правда... да.

Констанція. — Я... только слушаю васъ.

Руджигри. — Мнѣ остается пожелать вамъ всевозможнаго счастья.

Констанція. — Лунджи, выслушайте меня. Мнѣ необходимо поговорить съ вами. Будьте спокойны, на этотъ разъ я не стану ничего говорить ни о себѣ, ни о своихъ чувствахъ, ни о чемъ, что вамъ такъ непріятно. Я хочу у васъ просить только одной милости, отказать мнѣ въ которой съ вашей стороны будетъ излишнею жестокостію... спокойствіе всей моей жизни зависить отъ вашего рѣшенія. Общаете ли вы мнѣ исполнить мою просьбу?

Руджигри. — Говорите, синьора... что вамъ угодно?

Констанція. — Знакомство со мной имѣло пагубное вліяніе на всю судьбу вашу.

Руджигри. — Синьора...

Констанція. — Я знаю, что я говорю; это такъ. Безъ несчастной случайности нашей встрѣчи, вамъ никогда бы не пришло въ голову заживо похоронить себя въ деревнѣ...

Руджигри. — Можеть быть.

Констанція. — Позвольте мнѣ только одно: поправить то, что я имѣла несчастіе испортить... позвольте мнѣ позаботиться о вашей старости... я умоляю васъ объ этомъ, какъ о подавннн... Я требую вашего согласія, если только вы поймете, какъ важно для меня загладить прошлое...

Руджигри. — Вы, кажется, предлагаете мнѣ деньги?.. Деньги мнѣ!

Констанція. — Нѣтъ, не деньги, Лунджи, но скромное помященіе на этой виллѣ... и нѣсколько земли, которую вамъ будутъ обрабатывать и которая будетъ напоминать вамъ о вашихъ друзьяхъ.

Руджигри. — Вы по прежнему добры, Констанція; дайте мнѣ вашу руку.

Констанція. — А! (*зметъ ея руку*). Значить, вы принимаете?

Руджигри. — Нѣтъ, Констанція... Я не могу принять вашего подарка...

Констанція. — Гордость! гордость со мной!

Руджигри. — Не гордость, графиня, а только самоуваженіе.

Констанція. — Но вы рѣшительно хотите остаться всѣми повинутымъ?

Руджигри. — Я уже говорилъ вамъ: у меня есть другъ... и есть дѣвушка, на которую я смотрю, какъ на дочь свою... Окруженный ихъ нѣжными попеченіями, я могу бодро дожидаться старости; съ этимъ я довольно богатъ.

Констанція. — Мнѣ жалъ разбивать ваши упованія, но я должна сказать вамъ, что дѣвушка, на попеченіе и дружбу которой вы рассчитываете, не можетъ продолжать жить подъ одной кровлей съ вами...

Руджіври. — Это чтѣ значитъ?

Констанція. — Дѣвушка эта, вынужденная состраданіемъ въ нуждамъ своего отца и желая избавить его отъ долговъ, рѣшилась...

Руджіври (*безпокойно*). — На что?

Констанція. — Рѣшилась героически пожертвовать своею независимостію...

Руджіври. — Что я слышу? на что она рѣшилась! говорите... умоляю васъ, не томите меня неизвѣстностію.

Констанція. — Я, нуждаясь въ компаньонкѣ, предложила ей это мѣсто... она приняла мои условія и уѣзжаетъ со мной...

Руджіври. — Она... Клара!.. Воже мой! еще новыи и неожиданныи ударъ! (*опускается на стулъ и закрываетъ лицо руками*).

Констанція. — Значитъ, я не ошиблась, Луджи... вы любите эту дѣвушку?

Руджіври (*подымаясь со стула, страстно*). — Да, я вижу это, я это чувствую. Напрасно я хотѣлъ себя обмануть разницею глѣтъ... моиъ характеромъ... и мыслямъ, что она не можетъ любить меня иначе, какъ отца. Вблизи ея я могъ молчать и покоряться необходимости, но узнавъ, что я теряю ее, что она уѣзжаетъ, что можетъ быть я никогда болѣе ее не увижу... сердце мое разрывается! Я сдѣлался какъ ребенокъ (*быстро и рѣшительно*). Она можетъ уѣхать, она согласилась, говорите вы? Пусть же совершится воля судьбы, я тоже ѣду. Взгляните, вотъ письмо (*вынимаетъ изъ кармана конвертъ*)... Я сегодня получилъ приглашеніе отъ вавіанскаго университета занять вакантную вакансію... Я бы отказался отъ этого предложенія, но теперь я отвѣчу, что я согласенъ... (*сидитъ писать*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ И КЛАРА.

КЛАРА (*объявъ на сцену*). — Нѣтъ, нѣтъ, Луджи, остановитесь... Я нигуда не уѣзжаю... все это неправда.

Руджіври. — Клара!... вы? и здѣсь! чтѣ вы такое говорите?

КЛАРА. — Я говорю, что я нигуда не уѣзжаю. Если вы не можете меня любить, какъ отецъ, любите, какъ вы найдете луч-

ше... но только не будете никогда уже различаться, слышите? НВКОГДА!

РУДЖІЕРИ (*жметъ руку Констанціи, которая, какъ убитая, опускается на стулъ*). — Констанція, добрый другъ мой...

КОНСТАНЦІЯ. — Лунджи... ваше прощеніе...

РУДЖІЕРИ. — Полноте, какое прощеніе! Вы такъ же чести, какъ были тогда! (*беретъ ее руку, целуетъ съ жаромъ, становясь на одно колено*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

РИПЕТТИ и тѣ жв.

РИПЕТТИ (*видя Руджіери на коленяхъ, останавливается, какъ ископаный, потомъ оправясь, хочетъ уйти прочь*). — Pardon!.. Я имѣю несчастье всегда приходить некстати...

КОНСТАНЦІЯ. — Войдите, войдите, Рипетти, здѣсь не происходитъ ничего таинственнаго. Вы видите, насъ тутъ трое...

РИПЕТТИ. — Какъ? тутъ въ самомъ дѣлѣ трое?

РУДЖІЕРИ. — Я просилъ у графини прощенія.

РИПЕТТИ. — Вы сдѣлали ей какуюнибудь непріятность?

РУДЖІЕРИ. — Да, другъ мой, и значительную.

РИПЕТТИ. — Графиня! изъ расположенія ко мнѣ простите Руджіери! Я его знаю, у него доброе сердце; я увѣренъ, что если произошло какое либо недоразумѣніе, то онъ сдѣлалъ это не нарочно.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

СЛУГА, потомъ Сальвони и тѣ жв.

СЛУГА (*докладывая*). — Синьоръ учитель (*уходитъ*).

САЛЬВОНИ (*замыслившись*). — Дочь моя!... синьоры, извините, что я прихожу не во время, но я такъ взволнованъ (*весело*) Ха ха! ха!

РУДЖІЕРИ. — Но въ чемъ же дѣло?

САЛЬВОНИ. — Съ полчаса назадъ я съ Менной бѣжалъ потолокъ въ школь... Маляръ заставилъ меня дѣлать это самаго, потому что пришла его очередь службн въ національной гвардіи... Кстати, вы, докторъ, выбраны начальникомъ, ну, хорошо, дѣло не въ этомъ. Вдругъ мнѣ говорятъ: Сальвони къ вамъ пришла депутація. Вообразите, я-то съ кистью въ рукахъ, весь въ известкѣ. Такъ меня депутаты и застали. Вообразите, что пришли они мнѣ сказать, что меня вся коммуна единогласно избрала синдикомъ! И знаете ли, изъ кого состояла депутація? Изъ дона-Калагули, изъ аптекаря, изъ Ривотто! и всѣ трое съ такими

Большинши ефараима, что издали какъ было можно принять за породочныхъ людей. Ха, ха, ха!

Клара. — Тебя выбрали синдикомъ?

Сальвони. — А ты бы какъ думала? знай нашихъ!

Руджирри. — Что же вы отвѣчали?

Сальвони. — Я отвѣчалъ *in primis et ante omnia*: отъ васъ, господа депутаты, я не приму не только синдиката, но даже стаканъ воды, да притомъ вы еще рехнулись, съ ума сошли, взгляните на меня; вы находите, что съ моей фигурой можно соваться въ синдикатъ? Эіе вы какіе! Выберите кого либо другаго, въ домъ было бы хотя скольконибудь представительности, чтобы быть представителемъ страны. Надъ моей фигурой курь станутъ смѣяться. Если же мои сограждане находятъ мои тридцатилѣтніе труды достойными какъ вниманія, то пусть прикажутъ лучше сдѣлать въ школу новую доскору и свамейки, да отдадутъ приказаніе выкопатыть окна, да вставить разбитыя стекла, чтобы дѣтямъ зимою не было холодно—вотъ и вся моя награда, все мое честолюбіе!

Констанція. — Превосходная личности!

Клара. — Ну, что же они отвѣчали?

Сальвони. — Что напишутъ объ этомъ куда слѣдуетъ, а слова разрѣшаютъ дѣтяшкамъ ваннуки... послѣднее мнѣ не очень-то правится; они у меня все перезабудутъ съ правдничавьемъ!

Констанція. — А вы что же станете дѣлать до полученія разрѣшенія?

Сальвони. — Буду ждать.

Констанція. — Занятіе у васъ на это время найдется... займитесь свадьбой вашей дочери...

Сальвони. — Дочери? съ кѣмъ? какъ такъ?

Констанція. — Я ей нашла жениха (*показываетъ на Руджирри*).

Сальвони (*къ Руджирри*). — Они... шутятъ, смѣются?..

Клара. — Нѣтъ, отецъ; это правда.

Сальвони. — Э! такъ у васъ тутъ шумъ-муръ... ужь вы не влюбились ли другъ въ друга?

Руджирри. — Да, синьоръ.

Клара. — Да, пана.

Сальвони. — Мнѣ, знаете, самому порой эта мысль въ голову приходила, но, конечно, не смѣлъ я на это надѣяться... болано ужь хорошо! Не дѣлаи, подумайте дрежде. Брать — дѣло не шуточное, въ намъ вѣдь не одна любовь... Мы бѣдны, да и вѣдь-то: голь, какъ соловей. Цона, васъ двое, куда нашло... но вотъ бѣда, дѣти подуть, что тогда-то?

Констанція. — Объ этомъ уже раздумано... Я взяла на себя эту заботу.

Клара. — Вы, сньюора?

Сальвони *(не помывая)*. — Какъ... она?

Констанція. — Клара, возьмите эту бумагу. Это дарственная запись, утвержденная нотаріусомъ: я оставлю повобратнымъ эту виллу, гдѣ прожила нѣсколько дней, и всѣ земли, принадлежащія къ ней. Для небольшой семьи будетъ довольно. Это вамъ приданое, Клара. Я не столько богата, что вы можете принять на память отъ меня эту бездѣлку, нисколько не стѣсняясь.

Ринетти *(про себя)*. — Я всегда говорилъ, что она ангелъ!

Клара. — Сньюора! это черезчуръ. Чѣмъ могу я вамъ отплатить за всю доброту вашу? я такъ бѣдна!

Констанція *(тихо Кларе)*. — Ты не бѣдна, ты богаче меня: онъ твой! сдѣлай его счастливымъ, вотъ вся отплата и... иногда говорите между собой... и обо мнѣ.

Руджирри. — Какая благородная мечь, Констанція!

Констанція *(тихо ему)*. — Нѣтъ, другъ мой, не мечь, а только самооправданіе.

Сальвони. — Но, графиня... я просто теряюсь... я...

Констанція. — Я подумала также и объ васъ.

Сальвони. — Еще и обо мнѣ! только этого не доставало.

Констанція. — Ринетти, скажите сньюору, въ чемъ дѣло.

Ринетти. — На виллѣ вашей дочери есть также помѣщеніе для школы, свѣтлое, просторное, отдѣланное заново.

Сальвони *(шатаясь)*. — Для школы?... но вѣдь тамъ нѣтъ ни каедры, ни скамеекъ...

Ринетти. — Есть все... недостаетъ нова только васъ, да учениковъ, если ваннуку по случаю передѣлки старой школы для васъ необязательны...

Сальвони. — И за все это мы обизаны ей *(показывая на Констанцію)*.

Констанція *(указывая на Клару и Луиджи)*. — Итъ! *(слышитъ звонокъ парохода)*.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА. — Ваше сіятельство, пароходъ готовъ къ отплытію.

Констанція *(дрожит и стараясь найти въ себѣ силы)*. — Подайте мнѣ... мою... шаль и шляпку... и извѣстите графа. *(Клара подастъ ей и надѣваетъ и то и другое)*.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Графъ, въ дорожномъ плащѣ, выходитъ изъ своей комнаты; въ рукахъ у него сакъ-воляжъ, который поспешно подхватывается къ его рукъ слуга.

Графъ. — Тсі.. тсі.. я вѣсь, я слышалъ звонокъ.

Руджіери. — Графъ...

Сальвони. — Ваше сіятельство!

Констанція. — Сеньоръ!

Графъ. — Тсі.. молчаніе! время уходитъ.

Рипетти. — Еще только первый звонокъ.

Графъ. — Подождемъ второго. Я не позволю никому за нами слѣдовать, а дамамъ махать изъ окна платками; пожалуй, еще примутъ это за телеграфъ. Когда пароходъ будетъ далеко, можно сказать народу, что я уѣхалъ. Милая Констанція, Рипетти, выйдите со двора, у параднаго входа вѣроятно много вѣвалъ.

Клара (*къ графинѣ*). — Какъ? Намъ нельзя и провожать васъ?!

Констанція (*звучно*). — Что дѣлать! такова воля графа.

Графъ (*таинственно подзывая Руджіери*). — Гдѣ оставивается пароходъ?

Руджіери. — Во всѣхъ портахъ озера, а ихъ, какъ вы знаете, много.

Графъ. — Очень хорошо... значить, никто не будетъ знать, гдѣ мы высадимся...

Руджіери. — Но куда же писать къ вамъ, если понадобится?

Графъ. — Тсс! Тсс! пока никому еще не нужно писать.

Рипетти. — Второй звонокъ! Пора, графъ... Прощай, Руджіери, прощайте, прелестная Клара... (*про себя*). Наконецъ-то я съ нею буду одинъ.

Графъ. — Пора! Пора! Прощайте, господа (*протливаятъ слезы руки*). Пойдите, графиня. (*Къ Констанціи подходятъ Клара, Руджіери и Сальвони*).

Констанція (*скрываетъ слезы*). — Прощайте, друзья мои, будьте счастливы (*тихо къ Руджіери*). Я прощена?..

Руджіери (*тихо же*). — Что за вопросъ! вы ангель...

Констанція. — Мы... еще увидимся... вы позволите познакомиться съ вами моего сына?..

Руджіери. — О, да! да...

Констанція. — Благодарствуйте, теперь я йду спокойно... Графъ, идите. Рипетти, вашу руку...

Рипетти (*быстро подбѣгая къ ней и подавая руку*). — Нако-

нець-то!.. надѣюсь, что теперь вы уже не станете мнѣ говорить: еще не время...

Констанція. — Не знаю, Рипетти, что Богъ дастъ.

Графъ. — Пора, пора (*съ идуть, она машетъ руками, чтобы ее не провожали*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ,

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ГРАФА, КОНСТАНЦІИ И РИПЕТТИ.

Клара. — Боже мой! какъ я счастлива! Что за отличная женщина!.. Папа, мама, что же ты такъ задумчивы! Вѣдь ми не оставляемъ тебя. Мы будемъ жить снова всѣ вмѣстѣ. Не такъ ли, Руджьера?

Руджьера. — Еще бы! мы его не оставимъ...

Сальвони (*дрожа отъ волненія*). — Дѣти мои, будьте счастливы. (*За сценой слышны голоса*). Это что еще такое за шумъ? (*на сцену обтаютъ школьники*).

Школьникъ. — Это мы, мы, сеньоръ учитель, вы вѣдь снова станете насъ учить?

Сальвони (*плача*). — Да, да... вы снова мои, я снова вашъ. Дайте, я васъ всѣхъ перецелую. (*Целуетъ некоторыхъ и говоритъ*). И васъ-то хотѣли отнять у меня! (*потомъ останавливается, вытираетъ слезы и принимаетъ строгій видъ*). Однако, вы разшумѣлись, разбойники! пора вамъ, дѣтисья, и за указку... Смирно, не баловаться и маршъ сейчасъ же въ школу!..

Н. Курочкинъ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1896).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

1816—1830.

5. Греція и Турція.

Тягостное положеніе Греціи. Гетерія. Начало греческой революціи (1821). Исихизмы и Георгіосъ въ Дунайскихъ княжествахъ. Рѣзни въ Константинополѣ. Возстаніе въ Морей и остальной Греціи. Первое народное собраніе у грековъ (1822). Маврокордаго и Колокотрони. Хиосская кровавая баня (11-го апрѣля 1822). Канарскъ взрываетъ адмиральскій корабль на воздухъ (18-го іюня). Печальная судьба турецкой сухопутной арміи. Мнѣніе аaronскаго конгресса о грекахъ. Несогласіе между греками. Геройская смерть Марка Воццари (20-го августа 1823). Кровавыя сцены на островѣ Псарь. Сочувствіе грекамъ въ Западной Европѣ. Лордъ Байронъ (19-го апрѣля 1824). Высадка Ибрагима-паша на островъ Критъ. Ибрагимъ-паша въ Морей. Катастрофа въ Миссологія (22-го апрѣля 1826). Завоеваніе Аонисскаго аэрополи (8-го іюня 1827). Печальное положеніе грековъ. Участіе въ немъ западныхъ державъ. Каподистрія избранъ президентомъ (11-го апрѣля 1827). Петербургскій протоколъ и лондонскій договоръ. Морская битва при Наваринѣ. Французскій генералъ Мезонъ принуждаетъ Ибрагима удалиться изъ Морей. Корона Греціи предложена Леопольду Саксонъ-Кобургскому. Убиеніе Каподистрія (9-го октября 1831). Оттоуъ, король Греціи. Политика императора Николая I въ восточномъ вопросѣ. Анкерманскій договоръ 25 сентября 1826. Война Россіи съ Турціей въ 1828 и 1829 годахъ. Адрианопольскій миръ.

Изъ всѣхъ народныхъ возстаній третьяго десятилѣтія нынѣшняго вѣка, особенную симпатію къ себѣ возбудило возстаніе греческое. Преданія классической древности соединились съ геройскими подвигами новаго времени, чтобы борьба эллиновъ за независимость придать характеръ въ высшей степени интересной и популярной драмы. Воспомнанія о блистательныхъ подвигахъ предковъ и политическое броженіе, обнаружившееся послѣ низверженія Наполеона — все это возбудило въ грекахъ надежду свергнуть турецкое иго и завоевать себѣ независимость. Молодые эллины, учившіеся въ Германіи и Франціи, смѣло мореплавате-

ли, которые, обладая богатым торговымъ флотомъ, считали себя владѣями греческихъ водъ, не могли выносить ненавистнаго турецкаго владѣчества, носившаго на себѣ отпечатокъ грубѣйшаго произвола.

Какъ въ Германіи, Итали и Испаніи составлялись общества масоновъ и карбонари, такъ и здѣсь, во времена вѣскаго конгресса, составилаеь такъ-называемая гетерія или дружеское общество, къ которому примкнули замѣчательнѣйшіе люди Греціи и видимою цѣлю котораго было приготовить греческій народъ къ возрожденію путемъ образованія. Обладая обширными средствами, это общество воспитывало молодыхъ грековъ въ европейскихъ университетахъ и заводило въ самой странѣ народныя школы. Возстаніе жестокаго янинскаго губернатора Али-паши (1820), желавшаго сдѣлаться независимымъ государемъ Эпира и даже Греціи, было весьма благопріятнымъ для грековъ случаемъ въ свою очередь напасть на турокъ. Порта вынуждена была выслать противъ мятежнаго вассала значительную армию и бороться съ нимъ до 1822 года, до того времени, когда Хуршиду-пашѣ удалось погубить этого эфирскаго льва извѣстнѣйшимъ образомъ.

Въ то время, какъ лучшія турецкія войска стояли подъ Янкой, возстаніе вспыхнуло на сѣверѣ и на югѣ Греціи. Во главѣ инсургентовъ сталъ Александръ Ипсиланти, происходившій отъ старинной фанариотской фамиліи и бывший на службѣ у императора Александра, на котораго весьма многіе греки возлагали всѣ свои надежды. Кромѣ того греки рассчитывали на содѣйствіе своего соотечественника Каподистриу, тогдашняго русскаго министра внутреннихъ дѣлъ и любимаго императора Александра.

6-го марта 1821 года Ипсиланти съ немногими вѣрными сподвижниками перешелъ Прутъ, двинулся къ Яссамъ, столицѣ Молдавіи, объявилъ, что Греція возстала противъ султана и что Россія непременно подастъ грекамъ помощь. Ипсиланти надѣялся соединить подъ своимъ знаменемъ всѣхъ христіанъ сѣверныхъ областей Турціи; но надежды его не сбылись. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, всюду холодно принятый поселянами, Ипсиланти двинулся въ Валахію, приближаясь къ Бухаресту, и 19-го іюня остановился въ ожиданіи турокъ, которые со всѣхъ сторонъ быстро подвигались въ Румынію. Измѣна валаха Владиміреску, который и былъ за нее изрубленъ въ куски, произвела на дружину Ипсиланти весьма дурное впечатлѣніе. Когда же получено было извѣстіе, что императоръ Александръ, вѣрный принципамъ священнаго союза, не желаетъ содѣйствовать мятежнымъ грекамъ въ борьбѣ за независимость и исключаетъ Ипсиланти изъ русскаго службѣ, то инсургенты еще болѣе упали духомъ. При де-

ревиѣ Драгачанѣ произошло битва. Несмотря на свою малочисленность, турки остались побѣдителями, и такъ-называемый «священный отрядъ» грековъ былъ изрубленъ. Остальное войско прогнано, и Иисланти, болѣе восторженный, чѣмъ мудрый и опытный вождь, бѣжалъ въ Трансильванію. Австрійское правительство около семи лѣтъ держало его подъ арестомъ въ Мунгацѣ и Терезіенштадтѣ; но по просьбѣ русскаго правительства выпустило его, наконецъ (1827), на свободу. Мужественный Георгій Олимпіецъ перевелъ оставшіеся послѣ пораженія отряды Иисланти въ Молдавію, занялъ монастырь Сегку, и съ 350 человекъ защищалъ противъ 1,500 турокъ единственный входъ въ одно ущелье; когда же непріатели обошли его, то Георгій съ одинадцатью товарищами взорвалъ колокольню монастыря на воздухъ и погибъ вмѣстѣ съ турками, ворвавшимися въ нее. Остальные сдались на капитуляцію, но несмотря на то, были перерѣзаны. По пословицѣ: «турокъ въ одну ночь опустошаетъ цѣлую провинцію» можно судить, какъ свирѣпствовали янычары въ Дунайскихъ княжествахъ.

Когда въ Константинополѣ получено было извѣстіе о возстаніи въ Мореѣ, султанъ Махмудъ II и его мусульманскіе подданные постыдились напомнить о своемъ татарскомъ происхожденіи. Уже многіе фанариоты были умерщвлены, многіе христіане, случайно проходившіе по улицамъ столицы, застрѣлены, какъ престарѣлый греческій патріархъ Григорій былъ, въ самое свѣтлое воскресеніе, схваченъ при выходѣ изъ церкви и распятъ. Три архіепископа и нѣкоторныя другія духовныя лица испытали подобную же участь. Самъ султанъ, насладившись зрѣлищемъ трупа патріарха, велѣлъ іудеямъ схватить его, влечь по улицамъ столицы и бросить въ море. Это было сигналомъ къ убійствамъ и грабежу во всемъ Константинополѣ и въ другихъ городахъ, а также и селеніяхъ. Всѣ эти обстоятельства до такой степени разстроили отношенія петербургскаго кабинета къ султану, что русскій посолъ Строгоновъ взял свой паспортъ. Россія непременно должна была вступить за притѣсненныхъ грековъ, Западная Европа также; между греками и турками никакое соглашеніе, казалось, уже не было возможно.

Въ Мореѣ возстаніе имѣло блестящее начало. 4-го апрѣля 1821 года архіепископъ Германъ призвалъ грековъ къ борьбѣ за религію и независимость отечества. Майфоты, славившіеся своимъ происхожденіемъ отъ древнихъ спартацевъ, взяли, подъ предводительствомъ Петра Мавромихали и Θεодора Колокотрони, главный городъ Мессенія, Каламату, и учредили здѣсь родъ временнаго правительства. Отсюда возстаніе распространилось

почти во всѣхъ Морехъ, по средней Греціи до Формозилъ и во островахъ Архипелага, изъ которыхъ особенно важную роль играли Гидра, Специя и Псара. Эти три острова снарядили флотъ въ 176 кораблей, изъ которыхъ два снаряжены были мужественной вдовой Боболиной, потерявшей мужа въ кровавой константинопольской рѣзнь, а сына — при защитѣ Аргоса. Какъ новая Артемизія, Боболина сама рѣшилась командовать своими кораблями. Въ первый годъ войны турецкій флотъ нигдѣ не могъ выдержать натиска грековъ. Въ среднюю Грецію турки не могли проникнуть, ибо здѣсь отразалъ ихъ нападенія съ одной стороны (на востокъ) хитрый Одиссей, съ другой (на западъ) мужественные суліоты, подъ предводительствомъ Марка Бопцари. Въ Морехъ борьба сосредоточилась около Триполици, города, бывшаго резиденціей визиря и имѣвшаго 30,000 жителей, въ томъ числѣ 10,000 вооруженныхъ, между тѣмъ, какъ число осаждавшихъ грековъ едва достигало семи тысячъ. Предводимые Θεодоромъ Колокотрони, греки взяли 5-го октября Триполицу приступомъ и цѣлыхъ три дня грабили и жгли этотъ городъ, убивали жителей его, въ отплату туркамъ за константинопольскія, смирнскія, критскія и кипрскія убійства. У турокъ оставалось теперь въ Морехъ только шесть укрѣпленныхъ пунктовъ: греческое знамя развѣвалось уже и на Акрокоранеѣ.

Начало 1822 года было ознаменовано первымъ національнымъ собраніемъ грековъ въ Пиадѣ, близъ Эпидавра. Послѣ непродолжительныхъ совѣщаній, это собраніе составило конституцію, учредило правительство изъ пяти лицъ, во главѣ котораго поставило Александра Маврокордато. Своєю безупречною жизнію, образованіемъ и знакомствомъ съ западно-европейскими обычаями и государственными учрежденіями, превосходя весьма многихъ своихъ соотечественниковъ, Александръ Маврокордато, казалось, былъ предназначенъ именно для этой роли, и прекрасно выполнилъ бы ее, еслибы не препятствовали ему личности, враждебныя всякой дисциплинѣ, всякому государственному благоустройству, такія, какъ напримѣръ Колокотрони. Этотъ богатырь, образецъ истиннаго клефта, ненавидѣлъ «полуфранковъ», во фрагѣ и очкахъ, и уже лѣтомъ 1821 г. выказалъ сопротивление Димитрію Ипсиланти, появившемуся въ Морехъ и полагавшему, что одного славнаго имени достаточно, чтобы сдѣлаться президентомъ и главнокомандующимъ. Съ этихъ поръ недостатокъ единоплеменія сдѣлался опаснѣйшимъ врагомъ грековъ.

Самымъ блистательнымъ подвигомъ эллиновъ въ 1822 году была месть за Хиосъ. Этотъ цвѣтушій островъ, богатый южными плодами, шелкомъ и мастикой, населенный сотнею тысячъ гре-

козъ и шестидесяти тысячью турокъ, былъ вывѣтъ съ Самосомъ включенъ въ восстаніе. 11-го апрѣля прибылъ сюда Капуданъ-паша съ 46-ю кораблями и 7,000 десантнаго войска, сжегъ Хиосъ, главный городъ острова, а жителей его частію умертвилъ, частію же обратилъ въ рабство. Объявивъ амнистію сельскому населенію и тѣмъ успокоивъ его, турки начали грабить и опустошать весь островъ и прогнали на немъ такую рѣзню, что море, на далекомъ разстояніи отъ берега, окрасилось въ кровавый цвѣтъ. Даже большіе въ госпиталяхъ были убиваемы. Сназлось только 5,000 человекъ. Изъ остальныхъ 28,000 было убито, 47,000 продано на невѣльничьихъ рынкахъ въ Константинополь, Александрію и Тунисъ.

Та же участь грозила постигнуть и прочіе острова. Чтобы отъратить бѣду, греки быстро собрали флотилію изъ 56-ти судовъ и 8-ми брандеровъ*, которая, подъ предводительствомъ гидріота Міаули, остановилась у острова Псары. Георгій Пининось (родомъ изъ Гидры) и 32 его сподвижника взяли въ свое распоряженіе два брандера, предварительно причастившись съ таннъ и приготовившись, въ случаѣ неудачи предпріятія, взорвать себя на воздухъ, и въ полночь съ 18-го на 19-е іюня подплыли къ ярко освѣщеннымъ кораблямъ адмирала и вице-адмирала. Въ эту ночь Капуданъ-паша давалъ великолѣпный пиръ по случаю окончанія постаго мѣсяца и наступленія праздника бейрама. На кораблѣ его собралось до 2,000 человекъ пирующихъ. Канария успѣла прицѣпить свой брандеръ къ носу адмиральскаго корбля, и тотчасъ же это судно было объято пламенемъ. Пининось хотѣлъ то же сдѣлать съ вице-адмиральскимъ кораблемъ, но не имѣлъ успѣха: брандеръ его оторвался отъ судна и, несъ въ огнѣ, поплылъ между турецкими судами. Съ крикомъ «побѣда кресту!» греки отплыли на своихъ шлюпкахъ отъ этого мѣста, но могли слышать, какъ раздался на адмиральскомъ кораблѣ пушечные выстрѣлы, и какъ это судно съ слышимѣйшимъ трескомъ и шумомъ влетѣло на воздухъ. Капуданъ-паша, придавленный упавшею на него мачтою, былъ перенесенъ на берегъ и умеръ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ приказалъ убить ни въ чемъ неповинныхъ хиосскихъ заложниковъ. Скоро послѣ того турецкій флотъ посвѣшилъ назадъ, къ Дарданелламъ. Хиосскій турецкій гарнизонъ, пылая жаждой мести, бросился на сохранившіеся еще отъ турецкаго погрома деревни съ мастиковыми плантаціями и истребилъ большую часть ихъ обитателей: оставшіеся въ жи-

* Брандеры — зажигательныя суда.

внхъ были обращены въ рабство. Въ августѣ, отъ 100,000 населенія, на островахъ осталось всего тисѣча восемьсотъ челоуѣвъ. Канарисъ и его храбрые сподвижники счастливо возвратились на Псару, были встрѣчены тамъ съ восторгомъ и, съ вѣнчаніемъ головой, необутые, отправились въ храмъ благодарить Бога за побѣду и спасеніе.

И на сушѣ Порты въ этомъ году употребила всѣ усилія, чтобы подавить возстаніе. По усмиреніи аѣннскаго напш, она направила всѣ войска свои противъ грековъ. «Тенерь исхоть боръбы не подлежатъ сомнѣнію», писали проникательные дипломаты европейскихъ державъ къ своимъ государямъ. Многочисленная турецкая армія получила приказаніе перейти изъ Восточной Эладѣ, чрезъ Коринѣскій перешеекъ, въ Морею; конусъ же албанцевъ долженъ былъ покорить Западную Эладу. Драмалипаша съ 3,000 войскомъ двинулся чрезъ Фермопиль въ Віотію, потомъ въ Аттіку и наконецъ въ Морею; овладѣлъ Навплиемъ и Аргосомъ, но вслѣдствіе недостатка въ жизненныхъ припасахъ долженъ былъ вернуться въ Коринѣ. Колокотрони, командовавшій греками, загородилъ турецкому вождю проходъ Дервевана и заставилъ его потерять изъ своего отряда нѣсколько тисѣачъ челоуѣвъ. Навплиа опять сдалась Теодору Колокотрони; турецкій же флотъ, ничего не совершивъ, потерялъ на возвратномъ пути свой вице-адмиральскій корабль: неутомимый Канарисъ взорвалъ этотъ корабль на воздухъ. Правда, въ Восточной Эладѣ греки вѣстѣ съ филеллинами, предводимыми вюртембергскимъ генераломъ Норманомъ, потерпѣли, благодаря измѣнѣ, пораженіе при Петѣ, близъ Арты. Но когда турки подошли къ городу Миссолонги и хотѣли взять его приступомъ, то были отбиты и должны были оставить на мѣстѣ всѣ свои орудія. «Богъ отнял у мусульманъ храбрость и отдалъ ее глаурамъ» — такъ утѣшали себя турки въ своемъ несчастіи.

И въ этомъ году обширное турецкое царство выказало себе недостаточно сильнымъ, чтобы покорить небольшую Грецію. Греки же стали помышлять о томъ, какъ бы найти поддержку въ Западной Европѣ, особенно въ Англіи, и отправили графа Метаксу съ французомъ Журданомъ въ Верону къ собравшимся тамъ государямъ. Отъ русскаго императора Александра, котораго народъ и войско сочувствовали грекамъ и желали войны за единоуѣрцевъ, греки ждали, по крайней мѣрѣ, ходатайства въ свою пользу. Но вліяніе Меттерниха было такъ сильно, что этотъ государь, приравнявъ греческое возстаніе къ испанской и неаполитанской революціи, согласился на то, чтобы греческимъ уполномоченнымъ дано было повелѣніе остаться

въ Англіи, такъ какъ «государи рѣшились подавлять революціонный принципъ, иль бы онъ ни обнаружился». Въ томъ политическомъ оркестрѣ, гдѣ первую скрипкой былъ князь Меттернихъ, грекамъ нечего было ждать; иное дѣло Англія, гдѣ на мѣсто умертвившаго себя лорда Кеслери министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ Каннингъ. Юношей, Каннингъ въ элегіяхъ оплакивалъ бѣдственную участь подавленной, поращенной Греціи; теперь же, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, ему представалась возможность быть новымъ Тиртеемъ. Въ мартѣ 1823 года Каннингъ призналъ объявленную греками блокаду морскихъ турецкихъ портовъ и такимъ образомъ отнесся къ грекамъ, какъ къ воюющей сторонѣ.

Какъ эллины, такъ и турки уже значительно истощили свои силы: о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ рѣчь могла быть лишь въ случаѣ вмѣшательства иностранныхъ державъ. Къ тому же греки ослабляли себя внутренними несогласіями; между ними образовались двѣ партіи: силу одной составляли клефты, въ родѣ Колокотрони, другая же, конституціонная, имѣла въ рукахъ своихъ флотъ. Послѣдняя партія, во главѣ которой стоялъ президентъ наплійскаго правительства Контуріотисъ, одержала наконецъ верхъ. Колокотронн съ двѣнадцатью упрямыми своими приверженцами долженъ былъ подвергнуться заключенію въ одномъ монастырѣ на островѣ Гидрѣ. И въ западной Эладѣ строгіе капитаны должны были подчиниться провинціальному конгрессу, на которомъ предсѣдательствовалъ Маврокордато; хитрый Одиссей, перешедшій на сторону султана, въ надеждѣ получить отъ него должность намѣстника западной Элады, не успѣлъ осуществить своихъ плановъ и долженъ былъ сдать Гурасу, который отправилъ его въ Аѣны, гдѣ измѣнникъ былъ задушенъ. Никогда еще партія порядка не была такъ сильна, какъ въ концѣ 1824 года. Въ то время грекамъ и нужно было соединить и привести въ порядокъ свои силы.

Военныя событія 1823 и 1824 годовъ не имѣли особенной важности. Въ западной Эладѣ skutарійскій паша Омеръ-Вріоне проникъ до Миссолонги. Мужественный Марко Веццари напалъ близъ Карпенизи на авангардъ Омера-паши, состоявшій изъ 5,000 человекъ, и разбилъ его совершенно. Но этотъ геройскій подвигъ, напоминавшій собою подвигъ Леонида, не имѣлъ никакихъ особенно благоприятныхъ послѣдствій и стоилъ Марку Веццари жизни.

Въ іюлѣ 1824 года на островѣ Псарѣ повторились ужасныя хіосскія сцены. Къ этому острову присталъ турецкій флотъ подъ

Т. СЛЖІХ. — Отд. I. 87

начальствомъ Ховрева-наши; главный городъ острова былъ взятъ, разрушенъ и, послѣ страшной рѣзни, выжженъ. Турки взяли и сожгли около 100 греческихъ кораблей; спаслось только 19 съ тѣми изъ островитянъ грековъ, которые успѣли укрыться. Гарнизонъ цитадели, состоявшій изъ 600 человекъ, защищался два дня и двѣ ночи. Когда число осажденныхъ уменьшилось до 200, они взорвали цитадель на воздухъ и всѣ погибли вмѣстѣ съ 2,000 турокъ, погребенныхъ подъ развалинами укрѣпленія. Островъ былъ опустошенъ, 17,000 жителей его частію умерщвлены, частію взяты въ плѣнъ. Узнавъ объ этомъ, Міаули послѣдили съ своими быстроходными судами къ Псарѣ, напали тамъ на 27 турецкихъ кораблей, разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Той же участи подвергся и стоявшій въ Псарѣ турецкій гарнизонъ. Островъ Самось, которому турки грозили высадкой, былъ спасенъ Канарисомъ.

Въ это время Западная Европа начала обнаруживать болѣе живое сочувствіе грекамъ. Константинопольская и хіосская рѣзни произвели самое тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ честныхъ людей. Все, что было въ Европѣ благороднаго и великодушнаго, содрогалось при мысли о томъ, что уже болѣе года такой мужественный народъ безъ всякой поддержки ведетъ неравную борьбу съ азіатскими варварами, владычество которыхъ и пребываніе въ Европѣ до сихъ поръ составляетъ темное пятно на европейской жизни. Казалось, за плоды умственной жизни древнихъ грековъ, унаслѣдованные Европою, по справедливости надлежало бы отплатить чѣмъ нибудь ихъ потомкамъ: въ данномъ же случаѣ ничего нельзя было придумать, какъ оказать грекамъ, деньгами и людьми, содѣйствіе въ борьбѣ ихъ съ турками за независимость. Въ Германіи, Швейцаріи, Италіи и Франціи образовались съ этою цѣлью общества; въ Марселѣ собралась значительная дружина, готовая ратовать за дѣло Греціи (въ этой дружинѣ находился и извѣстный намъ графъ Нормантъ). Въ Англіи состоялся заемъ въ 800,000 фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ въ мартѣ 1824 года въ Грецію отправлено было 40,000. Геніальный поэтъ лордъ Байронъ, уже посѣтившій въ 1809 г. Грецію и воспроизведшій въ своихъ твореніяхъ много греческихъ типовъ, также отправился въ Элладу. Въ январѣ 1824 г. онъ прибылъ въ Миссолонги, чтобы деньгами, совѣтомъ и дѣломъ помогать грекамъ. Но 19-го апрѣля того же года лордъ Байронъ умеръ, заключивъ такимъ образомъ свою странническую, неспокойную жизнь славнымъ подвигомъ. Его погребли рядомъ съ графомъ Нормантомъ и Маркомъ Боццари.

Но всѣ эти небольшія подкрѣпленія не могли принести су-

нественной пользы: нужны были иные рычаги, чтобы поднять греческое дѣло, уже казавшееся совершенно проиграннымъ. Порта обратилась за помощію къ сильнѣйшему изъ своихъ вассаловъ, къ египетскому пашѣ Мегмету-Али. Этотъ могущественный и лукавый оракиецъ, этотъ варваръ, усвоившій вышность европейскаго образованія, умѣвшій отлично разрабатывать богатства нильской плодородной долины, устроившій войско свое по французскому образцу, не заставилъ упрашивать себя. Онъ охотно согласился отправить въ Морен и на островъ Критъ значительные отряды войскъ на помощь туркамъ, ибо надѣялся, что эта экспедиція увеличитъ власть его и вліяніе. Мегметъ-Али мечталъ даже о владѣствѣ надъ самимъ Константинополемъ.

Островъ Критъ былъ въ это время особенно ненавистенъ туркамъ. На Критѣ нанесенъ былъ въ 1821 году Портѣ первый сильный ударъ: мужественные сфакіоты разбили на-голову значительный отрядъ турокъ въ отплату за ихъ притѣсненія. Въ концѣ 1823 года, египетскій флотъ присталъ къ критскимъ берегамъ; египетскія войска высадились на островъ и принялись грабить и сжигать все, что имъ ни попадалось, и совершать безчеловѣчныя убійства. Такъ въ сталактитовой пещерѣ Гермеса египтяне, въ дѣлу разведеннаго ими костра, задушили 500 женщинъ и дѣтей, тамъ укрывшихся. Сфакіотскіе вожди сдались и заключены были въ тюрьму. По покореніи Крита, Мегметъ-Али намѣревался истребить греческій флотъ и усмирить три мятежные острова. (Съ островомъ Псарой турки расправились еще прежде).

Въ іюлѣ 1824 года въ Александріи собрались главныя силы Мегмета-Али, всего около 17,000 человекъ на 54 военныхъ и 400 транспортныхъ судахъ, подъ предводительствомъ Мегметова пасынка, Ибрагима-паши, уже успѣвшаго пріобрѣсть полководческую опытность во время своего похода въ Аравію. Этотъ человекъ не колебался ни предъ какими мѣрами, даже самыми крайними, и готовъ былъ истребить все населеніе Морен, чтобы заселить ее арабами.

Соединенный египетско-турецкій флотъ долго стоялъ у малоазійскаго берега, но не могъ предпринять тамъ ничего рѣшительнаго, ибо Міаули безпрестанно тревожилъ его своими нечаянными нападеніями. Потерявъ 6 большихъ и 50 малыхъ судовъ, Ибрагимъ долженъ былъ отплыть къ острову Криту и тамъ зимовать.

Весною 1825 года съ 2,000 человекъ онъ присталъ къ западному берегу Морен, завоевалъ островъ Сфактерію и взялъ крѣпость Наваринъ съ превосходною гаванью. Настигнутое бѣдой,

греческое правительство объявило всеобщую амнистию; Колокотрони и всё его приверженцы были выпущены на волю, а самъ онъ назначенъ главнокомандующимъ. Возвратившись въ Навплию, новый главнокомандующій объявлялъ народу, что весь гнѣвъ свой онъ уже бросилъ въ море и приглашаетъ другихъ послѣдовать благому примѣру.

Между тѣмъ Ибрагимъ изъ Наварина двинулся къ Триполицѣ, взялъ этотъ городъ, хотѣлъ овладѣть и Навплией, но былъ остановленъ отрядомъ конницы, находившимся подъ начальствомъ Гамильтона. При Триполицѣ же Колокотрони потерпѣлъ поражение, и съ этихъ поръ греки, непривыкшіе къ правильной войнѣ въ открытомъ полѣ, должны были вести съ турками партизанскую войну. Ибрагимъ-паша между тѣмъ не переставалъ опустошать Морею.

Получивъ подкрѣпленіе въ 10,000 человекъ, Ибрагимъ-паша немедленно двинулся съ войскомъ и флотомъ къ Миссолонги, куда прибылъ 7-го января 1826. Еще съ лѣта 1825 года подъ этимъ городомъ стоялъ Рехидъ-паша. Въ Миссолонги гарнизона было всего 3,000 человекъ; въ жизненныхъ и военныхъ припасахъ чувствовался большой недостатокъ. Но всё штурмы турокъ были отбиты, а адмираламъ Міаули и Сахтури три раза удалось пробраться сквозь ряды непріятельскихъ кораблей и доставить осажденнымъ запасы, пищи и пороху. Въ октябрѣ Рехидъ-паша долженъ былъ снять осаду, но онъ не покидалъ еще самыхъ дальнихъ отъ города окоповъ, ибо не забылъ угрозы султана: «Миссолонги или голова твоя!...» Прибывъ на помощь Рехиду-пашѣ, Ибрагимъ только посмѣялся надъ этимъ ничтожнымъ заборомъ — такъ называлъ онъ Миссолонгскую крѣпость — и вохвалился, что возьметъ его въ 14 дней. Между тѣмъ Міаули еще разъ снабдилъ городъ съѣстными припасами на цѣлые два мѣсяца. Ибрагимъ-паша предложилъ осажденнымъ капитуляцію, но согласія не послѣдовало; первый штурмъ Ибрагима былъ отбитъ, къ великой радости Рехида-паши, остававшагося спокойнымъ зрителемъ этого штурма. Въ апрѣлѣ Міаули еще разъ попытка оказать помощь городу, но уже нашелъ всё пути къ нему закрытыми и ничего не могъ (съ своимъ плохо снаряженнымъ флотомъ) сдѣлать противъ превосходныхъ силъ непріятеля. И несмотря на все это, городъ, по собственному признанію Ибрагима, былъ бы спасенъ, еслибы осажденные имѣли провіанта еще недѣли на три. Ибрагимова войско, непривыкшее къ суровому климату, начало уже возвращаться.

То, чего не могли сдѣлать ни солдаты Ибрагима, ни французскіе инженеры, совершенно было голодомъ. Вѣдствіе въ Мис-

солонги достигло крайней степени. Осажденные питались водорослями; только немногіе изъ нихъ могли лакомиться крысами и мышами. Городъ наполненъ былъ развалинами; къ тому же стояло еще довольно холодное время. Осажденные рѣшились наконецъ пробить себѣ путь сквозь ряды непріятельской арміи. 22-го апрѣля 1826 года, въ 2 часа ночи, 3,000 вооруженныхъ миссолонгцевъ, прикрывая собою 5,000 женъ, дѣтей и старцевъ, перебрались черезъ покрытые досками рвы, но встрѣтили на всѣхъ пунктахъ сильнѣйшее сопротивленіе. Ибрагимъ-паша угадалъ ихъ намѣреніе и приготовился ихъ встрѣтить. Смущенные прикомъ: «назадъ!», многіе поспѣшили обратно по направленію въ городу, другіе же устремились къ горѣ Цигось; но тамъ, вмѣсто ожидаемой помощи, встрѣтили толпы враждебныхъ албанцевъ. Эти послѣдніе истребили нѣсколько сотенъ вооруженныхъ и невооруженныхъ грековъ. Только 1,300 человекъ успѣли достигнуть Салонн. Судьба возвратившихся въ городъ была печальнѣе. Вмѣстѣ съ ними вошли туда и непріатели, и немедленно принялись убивать мужчинъ, хватать женщинъ и дѣтей, чтобы обратить ихъ въ рабство. Когда же побѣдители разбрелись по городу, съ цѣлію поживиться въ домахъ гражданъ какими нибудь добромъ, то многіе изъ этихъ домовъ были взорваны самими греками на воздухъ и погребли подъ своими развалинами многочисленныя толпы турокъ.

Въ то время, какъ Ибрагимъ, потерявшій уже половину своего войска, возвратился въ Морею, чтобы еще разъ и уже въ конецъ опустошить ее; въ то время какъ, отбитый нѣсколько разъ майнотами, не пускавшими его въ свою гористую страну, онъ зимовалъ въ Модонѣ — Решидъ-паша вошелъ въ Аѳины и осадилъ Акрополь. Несмотря на упорное сопротивленіе коменданта Гурн (Gougas) и его храброй супруги, несмотря на помощь Карайскаки, англичанъ Кохрена и Чѣрча и француза Фабье, знаменитая цитадель должна была сдаться на капитуляцію (5-го іюня 1827 г.). Средняя Греція была потеряна для эллиновъ.

Ибрагимъ помышлялъ уже нанести два рѣшительныхъ удара грекамъ: опустошить Мессенію огнемъ и мечомъ, завоевать Майну (часть Тайгетскаго нагорья) и во главѣ турецко-египетскаго флота овладѣть Гидрой, этимъ оплотомъ греческихъ морскихъ силъ, и въ то же время напасть на Навплию съ моря. Флотъ и сухопутное войско были усилены; еще одинъ, послѣдній натискъ, — и вся Греція отъ Фермопилъ до мыса Матапана лежала бы въ невольничьихъ оковахъ у ногъ великаго турецкаго султана и его пашы. По мнѣнію многіхъ тогдашнихъ европейскихъ дипломатовъ и политиковъ, все это было бы въ порядкѣ

вещей; по воззрѣнію Меттерниха, греки, возставшіе противъ законнаго своего государя, не заслуживали никакого сочувствія, и если Европѣ слѣдовало вмѣшаться въ восточныя дѣла, то не за, а противъ грековъ.

Но въ описываемое нами время на политичку и общественное мнѣніе Европы имѣли нѣкоторое вліяніе и такіе люди, убѣжденія которыхъ были противоположны теоріямъ Меттерниха. Паденіе Миссолонги усилло въ лучшихъ людяхъ тогдашней Европы сочувствіе къ грекамъ. Филаліанскія братства въ Германіи и Швейцаріи стали дѣйствовать энергичнѣе, чѣмъ когда либо. Въ Германіи, во главѣ ихъ сталъ баварскій король Людвигъ, въ Швейцаріи, женеvскій банкиръ Эйнардь; во Франціи сочувствіе эллинамъ выказали Шатобрианъ и Лафиттъ, даже королевская семья. Французскіе легитимисты видѣли въ Греціи христіанскую Вандею, и министерство должно было не разъ выслушать отъ нихъ въ палатѣ упреки за то, что дозволяетъ французскимъ офицерамъ служить въ Ибрагимовой арміи.

Сами греки, забывъ о своихъ расприхъ и несогласіяхъ, взялись за разумъ и приняли самыя благоразумныя мѣры къ своему спасенію. По настоянію англійскаго адмирала Кохрена, уже прославившагося во время войны южно-американскихъ колоній Испаніи съ своею метрополіей, и англійскаго генерала Чѣрча, національное собраніе, созданное въ Трезену, избрало (11-го апрѣля 1827 г.) корфіота Каподистрію президентомъ на семь лѣтъ. Но всего болѣе надѣялись греки на содѣйствіе Англій и Россіи. Уже въ 1825 году юный Міаули, отправленный въ Лондонъ, сообщилъ тамъ Каннингу о желаніи грековъ находиться подъ покровительствомъ Англій. Каннингъ, конечно, не могъ согласиться на это предложеніе безъ согласія континентальныхъ державъ, но скоро представился ему случай оказать грекамъ дѣятельную помощь. Въ декабрѣ 1825 года на всероссійскій престолъ вступилъ императоръ Николай I, не обнаруживавшій намѣренія слѣдовать въ восточномъ вопросѣ политикѣ покойнаго своего брата. Поздравить императора Николая со вступленіемъ на престолъ Каннингъ отправилъ герцога Веллингтона, при содѣйствіи котораго, въ апрѣлѣ 1826 года, составленъ былъ и подписанъ протоколъ, обязывавшій Россію и Англію установить между Турціей и Греціей такія же отношенія, какія существовали тогда между Турціей и Дунайскими княжествами. Вслѣдствіе заключенія такого условія, представители Россіи и Англій при константинопольскомъ дворѣ, поддерживаемые французскимъ посланникомъ, потребовали отъ Порты прекращенія военныхъ

дѣйствій, но получили слѣдующій отвѣтъ: «его величество султанъ есть такой же полный господинъ въ своей странѣ, какъ всѣ другіе монархи въ своихъ земляхъ; а потому не допускаетъ ничего вмѣшательства въ дѣла свои». Получивъ такой рѣшительный отказъ, Россія и Англія заключили въ Лондонѣ, на основаніи петербургскаго протокола, трактатъ (6-го іюля 1827 г.), въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что три державы будутъ препятствовать всякимъ дальнѣйшимъ враждебнымъ дѣйствіямъ и, въ случаѣ надобности, силою принудятъ воюющія стороны заключить перемиріе. Порты наставляла на своемъ прежнемъ рѣшеніи. Тогда корабли союзниковъ появились на греческихъ водахъ. Англійскимъ флотомъ командовалъ Кодрингтонъ, русскимъ — графъ Гейденъ, французскимъ — Риньи.

Въ Наваринской гавани стояло 126 турецкихъ кораблей, каждую минуту готовыхъ отплыть къ Гадръ, чтобы опустошить и этотъ островъ, какъ опустошенъ былъ Хіосъ. 25-го сентября 1827 г. Кодрингтонъ и Риньи имѣли свиданіе съ Ибрагимомъ и требовали прекращенія военныхъ дѣйствій. Ибрагимъ далъ адмираламъ слово, что требованіе это будетъ исполнено и что корабли его останутся въ гавани впредь до особыхъ распоряженій изъ Константинополя или Александріи. Но когда Ибрагимъ узналъ, что греки, подчинившіеся требованіямъ великихъ державъ, не прекращаютъ враждебныхъ дѣйствій противъ турокъ; что англійскій капитанъ Гастингсъ, доставившій грекамъ первый пароходъ и вступившій въ нимъ на службу, уничтожилъ при Салонѣ семь турецкихъ кораблей, захватилъ 8 австрійскихъ суда и тѣмъ доставилъ грекамъ обладаніе Коринѣскимъ перешейкомъ, а слѣдовательно возможность сношеній между Мореей и западной Элладой, — то повелѣлъ съечь въ Мессеніи нѣсколько деревень, срубить тамъ же 60,000 смоковницъ, 25,000 масличныхъ деревьевъ, и тѣмъ разрушить благосостояніе страны на много лѣтъ. Въ то же время онъ отправилъ часть своего флота въ Коринѣскій заливъ; но Кодрингтонъ, стоявшій у Занте, прогналъ эти корабли отъ залива пушечными выстрѣлами, и послѣ того соединился съ своими товарищами. По полученіи извѣстія о томъ, что турки опустошили Мессенію, всѣ три адмирала направились къ Наварину, куда прибыли 20-го октября. Турецкій флотъ, находившійся въ Наваринской гавани, расположенъ былъ въ боевомъ порядкѣ, подковообразнымъ строемъ. Ибрагимъ при флотѣ не было: онъ, за четыре дня до прибытія адмираловъ, удалился въ Пиргосъ, вѣроятно для того, чтобы не слышать ихъ увѣщаній и внушеній. Флотъ Ибрагима состоялъ изъ 89 военныхъ кораблей съ 2,438 орудіями, всего же было у

него 180 судовъ большихъ и малыхъ; союзники располагали 27 кораблями съ 1,276 орудіями.

Главнокомандующимъ соединеннаго флота былъ Кодрингтонъ. Онъ распорядился, чтобъ со стороны союзниковъ не было никакихъ враждебныхъ дѣйствій, пока не начнутъ ихъ турки, а самъ между тѣмъ на кораблѣ «Азія» поднималъ еще ближе къ турецкому флоту и сталъ на дворѣ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ турецкаго адмиральскаго корабля. Уже турки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, уже нѣсколько человѣкъ на англійскихъ корабляхъ было убито, а Кодрингтонъ удерживался отъ непріязненныхъ дѣйствій. Наконецъ экипажъ адмиральскаго корабля сдѣлалъ залпъ по «Азіи», и только тогда началась морская битва. Градомъ посыпались ядра на турецкіе корабли, и многіе изъ нихъ тотчасъ же пошли ко дну. Какъ англичане, такъ и ихъ союзники сражались мужественно и искусно: ихъ хладнокровіе и дисциплина одержали рѣшительную побѣду надъ несообразительностію и трусостію непріятелей. Дѣлалъ четыре часа — съ 2 пополудни до 6 вечера — продолжалась эта кровавая битва; дѣлалъ четыре часа гремѣло 3,000 пушекъ въ узкомъ, окруженномъ горами, заливѣ. Около 6,000 турокъ было убито, и почти весь ихъ флотъ былъ уничтоженъ. Осталось у нихъ только 29 военныхъ кораблей, едва способныхъ двигаться. Гавань покрыта была корабельными обломками, и дѣлалю ночь турки взрывали на воздухъ свои суда, сдѣлавшіяся неспособными къ битвамъ. Вечеромъ Ибрагимъ возвратился въ Наваринъ и увидѣлъ предъ собою однѣ лишь развалины. Адмиралъ велѣлъ ему сказать, что если онъ обнаружитъ какіе-либо враждебные замыслы, то всѣ остальные корабли и всѣ форты будутъ разрушены. Тогда Ибрагимъ поднялъ бѣлый флагъ и отправилъ оставшіяся годными для плаванія суда въ Александрію; союзники также отступили, чтобы исправить поврежденія на своихъ корабляхъ.

Вся Европа радовалась наваринской побѣдѣ; только вѣнское правительство пришло въ ужасъ, когда узнало о ней. Каннингъ, какъ мы уже видѣли, не дожидъ до этого торжества европейцевъ надъ варварами; преемникъ же его Веллингтонъ имѣлъ иной взглядъ на вещи. По его внушенію, король въ своей тронной рѣчи назвалъ наваринскую побѣду печальнымъ событіемъ: истребленіе турецкаго флота, казалось, слишкомъ благопріятствовало видамъ Россіи на Турцію.

Порта продолжала упорствовать и послѣ своего страшнаго пораженія, и не хотѣла вступать ни въ какіе переговоры съ тремя европейскими державами объ умиротвореніи Греціи. Между константинопольскимъ правительствомъ и посланниками трехъ дер-

жавъ произошли такія несогласія, что эти послѣдніе удалились изъ Константинополя, послѣ чего множество «франковъ», то-есть еврейцевъ выгнано было изъ Турціи. Война между Россією и Турціей готова была вспыхнуть, а для того, чтобы воспользо-ваться всеми выгодами наваринской битвы, въ Мореѣ, по рѣшенію лондонской конференціи, высадились французскій генераль Мезонъ съ 14,000 отрядомъ. Ибрагимъ долженъ былъ отплыть въ Египеть, а гарнизоны турецкіе сдать на капитуляцію. И такъ, въ октябрѣ 1828 года была свободна вся Мореа, и по крайней-мѣрѣ, въ этой области могло быть установлено незави-симое отъ Турціи управленіе.

Президентъ Каподистрія прибылъ въ Грецію еще 28-го января 1828 года, и принятъ былъ всеми партіями, какъ спаситель отечества. Онъ могъ бы заслужить эту честь, еслибы не былъ крайнимъ приверженцемъ абсолютизма. Каподистрія дѣйствовалъ скорѣе, какъ диктаторъ, чѣмъ какъ президентъ. Государственный совѣтъ былъ составленъ при немъ изъ людей, вполнѣ отъ него зависѣвшихъ и большей частью ничтожныхъ, выборы же въ національное собраніе организованы были Каподистріей такъ, что даже Наполеонъ III не могъ бы не одобрить его системы: общинные и провинціальныя чиновники потеряли свою самостоятельность; правительственные же чиновники приобрѣли власть, несомнѣнную съ свободою выборовъ. Чтобы удержать свою власть, Каподистрія, подобно Меттерниху, обзавелся шпионами, ограничи-чилъ свободу печати и распечатывать чужія письма. Школы были, правда, открыты, но противъ вторженія въ нихъ новыхъ идей приняты были всевозможныя предосторожности. На роднѣхъ Платона никто не смѣлъ читать Платонова «Горгія», ибо въ этомъ разсужденіи слишкомъ рѣзко говорится о тиранахъ. Ко всему, что придадо восстанію грековъ величіе и силу, правительство выказало такую же ненависть, какую обнаружилъ испанскій король Фердинандъ VII къ людямъ, отстаивавшимъ независимость Испаніи. Съ гидріотами, справедливо гордивши-мися своею славою, съ независимыми майнотами, съ тѣми гор-дыми вождями восстанія, которые восемь лѣтъ неутомимо рато-вали за освобожденіе отечества, онъ поступалъ какъ какой-нибудь паша. «Я знаю васъ, — всѣ вы клефты и обманщики!»— таково было первое пріѣзденіе президента Каподистрія вождямъ восточной Эллады. Когда же генераль Чёртъ пожелалъ предста-вить ему героевъ Миссолонги, то получилъ отвѣтъ: «Неужно; я уже знаю этихъ господъ, девять лѣтъ воровавшихъ у турокъ козъ и овецъ». Такія рѣчи въ устахъ человѣка, не оказавшаго еще отечеству особенныхъ услугъ и исполнявшаго дипломатиче-

слия перученія иностранныхъ государей въ то время, когда его соотечественники тысячу разъ подвергали опасности жизнь свою въ борьбѣ за свободу родины — были, по крайней-мѣрѣ, странны.

22-го марта 1829 года тремя великими державами было рѣшено, что Греція должна составить наследственную монархію, граничить на сѣверѣ съ заливами Аргою и Волою, но платить Турціи дань. Внаслѣдствіи, именно 3-го февраля 1830 года, эти постановленія были измѣнены, и Греція получила совершенную независимость отъ Турціи, но за то ея территория была значительно урѣзана. Греческая корона была предложена принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому, но принцъ отказался отъ этой чести, ибо полагалъ, что греки, недовольные установленными для нихъ королевства границами, будутъ, съ оружіемъ въ рукахъ, стараться расширять ихъ на счетъ Турціи. Кромѣ того, ниѣ въ виду слабое здоровье англійскаго короля Вильгельма, онъ питалъ надежду быть правителемъ Англійи на время малолѣтства племянника своей Викторіи. Каподистрія, конечно, былъ очень радъ отказу принца Кобургскаго; но дни президента были уже сочтены.

Къ числу фамилій, подвергшихся жестокому преслѣдованію Каподистрія, принадлежала майнотская фамилія Мавромихали. Самый даровитый изъ членовъ ея, старикъ Петробей, былъ заключенъ имъ въ тюрьму. Вратъ Петробей Константинъ, и сынъ — Георгій хотѣли испросить помилованіе узнику, но получали приказаніе не выѣзжать изъ Навплии, и изъ дому выходить не иначе, какъ въ сопровожденіи солдатъ. Даже просьба девятидесятилетней матери Петробей, пережившей гибель сорока-двухъ членовъ своей семьи въ борьбѣ за освобожденіе родины, не могла спасти ея сына. Тогда Мавромихали рѣшились отомстить президенту. Утромъ, 9-го октября 1831 года, Каподистрія, въ сопровожденіи одного лишь спутника, шелъ въ церковь. Константинъ и Георгій, тайно прибывшіе въ Аены, отправились въ ту же церковь и тою же дорогой. Приблизившись къ президенту, Константинъ выстрѣломъ изъ пистолета, ранилъ его въ голову, Георгій же ударилъ его мечомъ. Спутникъ Каподистрія, въ свою очередь, выстрѣлилъ изъ пистолета въ Константина, который тотчасъ же былъ растерзанъ топкой. Георгій же Мавромихали былъ разстрѣлянъ передъ окнами тюрьмы, въ которой былъ заключенъ отецъ его. Сенатъ провозгласилъ президентомъ брата убитаго, Августина Каподистрія, но онъ такъ неуклюже правилъ государствомъ, что не прошло и мѣсяца, какъ въ Морей и Средней Греціи готова была вспыхнуть междоусобная война. 9-го апрѣля онъ долженъ былъ отказаться отъ власти, въ маѣ же, лондонская конференція

избрала въ греческіе короли принца Оттона, сына Людвига Баварскаго, и установила для Греціи прежнюю пограничную линію, между Артой и Воло. Но и тутъ дипломатія высказала весьма мало благоразумія. Если какая-нибудь область должна была освободиться отъ тягостнаго турецкаго ига и присоединиться къ Греціи, то это, конечно, Кандія, выстрадавшая всѣ бѣдствія возстанія съ самаго его начала; но дипломаты оставили ее за Турціей. Зависть Англіи къ русскому вліянію въ Греціи, опасеніе, чтобы русскія морскія силы не утвердились на Средиземномъ морѣ — вотъ что было причиной такого рѣшенія, одинаково ненавистнаго для сфакіотовъ 1866 г., какъ и 1830 года.

30-го января 1830 года король Оттонъ въсадился въ Навплин. Такъ-какъ онъ не достигъ еще совершеннолѣтія, то составлено было регенство изъ трехъ членовъ: графа Армансперга, государственнаго совѣтника Маурера и генерала Гейдека. 8,500 чело-вѣкъ баварскаго войска должны были поддерживать порядокъ, впредь до составленія національной арміи. Регенство обнаружило много энергіи, но въ самой средѣ его были несогласія, отчего правительство должно было болѣе и болѣе подчиняться переврестнымъ внушеніямъ иностранныхъ пословъ. Составлялись заговоры, съ цѣлю низвергнуть регенство, и въ нихъ принималъ участіе старикъ Колокотрони. Осужденный на двадцатилѣтнее тюремное заключеніе, Колокотрони былъ выпущенъ на волю въ слѣдующемъ году, когда король объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ и принялъ управленіе страной. 25-го декабря 1833 года, правительство перенесло свою резиденцію изъ Навплии въ Аѳины. Эта столица классической Греціи скоро возродилась изъ пепла, сдѣлалась университетскимъ городомъ и однимъ изъ важнѣйшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ на Востокаѣ. Король Оттонъ, 1-го іюля 1835 г. вступившій въ управленіе государствомъ, назначилъ первымъ министромъ своимъ сначала Арманспергера, потомъ Рудгардта. Когда же, вслѣдствіе столкновенія съ англійскимъ посломъ Лайонсомъ, Рудгардтъ, преданный интересамъ Россіи, долженъ былъ подать въ отставку (1837 г.), то правительство ввело въ обычай замѣщать министерскія должности только греками. Военное возстаніе, во главѣ котораго сталъ преданный Россіи критянинъ Калергисъ, другъ (умершаго уже) Колокотрони, побудило короля Оттона дать Греціи представительное правленіе (15-го сентября 1843 г.). Но этого не было довольно грекамъ, мечтавшимъ о возстановленіи обширной византійской христіанской монархіи и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившимъ за всякою военною бурей, поднимавшеюся на Восфорѣ.

Самою надежною союзницею Греціи и противницею Турціи

могла быть Россія, которая по своему географическому положенію и политическимъ преданіямъ могла желать утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ. Еще императоръ Александръ незадолго передъ своею кончиною убѣдился въ неискренности политики Меттерниха въ восточномъ вопросѣ и сдѣлалъ нѣкоторые приготовления къ войнѣ съ Турціей. Преемникъ же его, Николай I, поставившій себя, между прочимъ, задачей освободить русское правительство изъ-подъ вліянія Меттерниха и доставить Россіи первый голосъ при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ европейской политики, уже въ первые годы своего царствованія принялъ рѣшительныя мѣры, чтобы доказать Европѣ серьезность своихъ намѣреній. Только что окончилась война Россіи съ Персіей взятіемъ Эривани въ 1827 году, какъ русскій императоръ сталъ готовиться къ войнѣ съ Турціей. Далекая Греція, впрочемъ, не такъ интересовала императора Николая, какъ Дунайскія княжества: еще 25 сентября 1826, на однимъ словомъ не упомянувъ объ участи грековъ, Николай заключилъ съ Турціей аккерманскій договоръ, которымъ постановлялось, чтобы господаи Молдавіи и Валахіи избираемы были на семь лѣтъ, и чтобы константинопольское правительство не смѣяло ихъ безъ согласія петербургскаго двора. Такимъ образомъ, центромъ тяготѣнія политической жизни княжествъ сдѣлался Петербургъ.

Но скоро русское правительство нашло, что Порта нарушила договоръ; явилось множество предлоговъ къ началію военныхъ дѣйствій, и война объявлена была 26-го апрѣля 1828 года.

Русское правительство не хотѣло медлить, такъ-какъ въ описываемое нами время, въ турецкой арміи только еще начались преобразованія. Янычары, эти турецкіе преторіанцы, уже не были тѣмъ, чѣмъ были назадъ тому нѣсколько столѣтій. Они превратились уже въ трусливый, непослушный отрядъ, меньше способный воевать, чѣмъ грабить. Когда султанъ, завидуя успѣхамъ египтянъ въ Моревѣ, объявилъ свою рѣшимость образовать дисциплинированную пѣхоту съ присоединеніемъ къ ней отборныхъ янычаръ, то (15 іюня 1827) эти преторіанцы взяли за оружіе и начали грабить и убивать жителей столицы. Султанъ приказалъ войскамъ, оставшимся ему вѣрными, разогнать мятежниковъ картечью и сечь ихъ казармы. Цѣлыя сотни бунтовщиковъ были казнены, многіе отправлены въ Азію. Объявлено было совершенное уничтоженіе янычарской арміи; призваны были въ военную службу новые люди, которые съ помощію европейскихъ офицеровъ обучались военному искусству. И въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія султанъ желалъ совершать важныя реформы и вообще выказывалъ сильное располо-

женіе къ европейскимъ обичаямъ. Турецкіе вельможи необыкновенно возмущались въ своемъ собственномъ мнѣніи и воображали, что для Турціи началась уже совершенно новая жизнь. «Сколько времени продолжалась у васъ во Франціи революція?» спросилъ одинъ паша у французскаго драгомана Дегранжа. «Лѣтъ двадцать-пять», отвѣчалъ тотъ. «Такъ напишите въ Парижъ, что мы совершили революцію въ 23 минуты».

7-го мая 1828 русскіе перешли Прутъ и проникли въ Молдавію. Несмотря на долгія приготовленія, подъ знаменами собралось всего 70,000 человекъ, а потому на помощь имъ должны были выступить гвардейскіе полки. Главнокомандующимъ русскихъ войскъ былъ назначенъ графъ Витгенштейнъ, уже при Гросгершенѣ (1813) доказавшій свою бездарность. Самъ императоръ Николай присутствовалъ въ войскѣ съ толпою дипломатовъ и военныхъ чиновниковъ. Какъ будто для того, чтобы дать туркамъ возможность собраться, Витгенштейнъ только чрезъ 4 недѣли переправился за Дунай. Первые военныя дѣйствія противъ незначительныхъ дунайскихъ укрѣпленій были впрочемъ удачны: шесть крѣпостей: Исакчи, Мачинъ, Гирсова, Басарджикъ, Тульча и Кюстенджи были взяты. Но Силистрія и Шуила не сдавались. Русскіе потерпѣли подъ этими крѣпостями значительный уронъ. Единственнымъ важнымъ дѣломъ этого похода было взятіе Варны, 10 октября. Обложенная съ моря и съ суши, Варна сдалась вслѣдствіе измѣны коменданта, Юсуфа-паши и здѣсь оставленъ былъ русскій гарнизонъ. Осада Шумлы и Силистріи была снята, большая часть войска возвратилась за Дунай и тамъ остановилась на зимнихъ квартирахъ.

Значительнѣе были успѣхи русскихъ въ Азіи. Паскевичъ, въ награду за персидскій походъ получившій титулъ графа Эриванскаго, проникъ въ турецкую Арменію, взялъ Карсъ, Ахалкалаки и Ахалцихъ, а служившіе подъ его начальствомъ генералы овладѣли на Черномъ морѣ Анапой и Поти. Въ слѣдующемъ году, побѣдивъ двѣ турецкія арміи, Паскевичъ возвратился въ Эрзерумъ. Чѣмъ ничтожнѣе были успѣхи русскихъ въ 1828 году, тѣмъ необходимѣе было для Россіи, несмотря на всѣ сопротивленія Меттерниха, предпринять второй походъ въ Турцію. Николай оставался на этотъ разъ въ Петербургѣ и энергичный графъ Дибичъ, до тѣхъ поръ бывшій начальникомъ главнаго штаба, принялъ начальство надъ войскомъ. Разбивъ (11-го іюня) великаго визиря Решида-пашу при Кулевчѣ, взявъ Силистрію, послѣ семидневнаго упорнаго сопротивленія, русскія войска направились за Балканъ. 20 августа Дибичъ былъ уже въ Адрианополѣ, гарнизонъ котораго сдался на капитуляцію. Каза-

лось, сочтены уже были дни Турецкой имперіи. Дипломатія была въ крайне напряженномъ состояніи. Каждую минуту можно было ждать, что русскіе займутъ Константинополь. Но и Дибичъ находился въ довольно затруднительномъ положеніи: при немъ было всего 20,000 солдатъ; въ тылу у него стоялъ Решидъ-наша, съ праваго фланга — еще 40-тысячный турецкій корпусъ. Чтобы скрыть свое затруднительное положеніе, Дибичъ велъ переговоры съ султаномъ съ такою смѣлостію, какъ будто имѣлъ въ своемъ распоряженіи, не крайней-мѣрѣ, 100,000 войска.

Англія позавидовала успѣхамъ русскихъ; адмиралъ англійскаго флота, Гордонъ, получилъ приказаніе войти въ Мраморное море, какъ только русскіе станутъ подъ Константинополь. Чтобы не допустить Англію и Россію до такого столкновенія, дипломаты склонили Порту къ уступкамъ. Начались переговоры, и 14 сентября 1829 года заключенъ былъ Адрианопольскій миръ. Россія уступила султану отнятыя ею у Турціи земли и города въ Европѣ, также какъ и Карсъ; но удержала за собой Анапу, Потти и Ахалцихъ и такимъ образомъ становилась обладательницею всего восточнаго берега Чернаго моря. Дунайскія княжества приобрѣли почти полную независимость, до нѣкоторой степени свободу морской и сухопутной торговли и наконецъ пожизненныхъ господарей. Объявленъ былъ свободный проходъ чрезъ Босфоръ и Дарданельскій проливъ для всѣхъ націй. Кроме того Порты согласилась на рѣшенія лондонскаго протокола относительно Греціи.

6. ФРАНЦІЯ ВО ВРЕМЕНА РЕСТАВРАЦІИ.

Конституціонная хартія 4 іюня 1814 года. Политическія партіи. Людовикъ XVIII и графъ Артуа. Принцы Англемскій и Беррійскій. *La chambre introuvable* (1816). Мстительность роялистовъ. Либеральный избирательный законъ (1817). Отставка министерства Рашлѣ. Убіеніе герцога Беррійскаго (18-го февр. 1820). Рожденіе герцога Бордосскаго. Смерть Наполеона (6-го мая 1821). Реакціонное министерство Виллеля (18 дек. 1821) и внимательство въ испанскія дѣла. Изгнаніе Манюэля изъ палаты депутатовъ. Смерть Людовика XVIII (16-го сент. 1824). Карль X, и его валуцянское управленіе. Миллиардъ вознагражденія эмигрантамъ. Коронація Карла (29-го мая 1825). Паденіе министерства Виллеля (1827). Либеральное министерство Мартыньяка. (4-го янв. 1828). Ультрароялистское министерство Полиньяка (8-го авг. 1829). Усилія оппозиціи. Распущеніе палаты (16-го мая 1830). Завоеваніе Алжира (5-го іюля 1830). Правительство терять неудачу на выборахъ. Пять королевскихъ указовъ.

Людовикъ XVIII, вступившій на престолъ Франціи съ помощію коалиціи европейскихъ державъ, пожаловалъ, 4-го іюня 1814 года, странѣ своей конституціонную хартію, заключающую въ себѣ значительныя гарантіи политической и гражданской свободы французской націи. Вотъ, въ немногихъ словахъ, ея сущность.

Въ первомъ отдѣлѣ хартіи устанавливаются «общественныя права» французовъ. Сущность статей, посвященныхъ этому предмету, состоитъ въ слѣдующемъ: равенство всѣхъ передъ закономъ, равномерное распредѣленіе податей, право всѣхъ французовъ на всякія гражданскія и военныя должности, обезпеченіе личной свободы, свобода вѣроисповѣданій (съ тѣмъ ограниченіемъ однако, что католичество есть господствующая религія и что духовенство не христіанское не имѣетъ права на жалованье отъ государства), свобода печати, неприкосновенность собственности, даже національныхъ имуществъ (т.-е. конфискованныхъ во время революціи владѣній дворянства и духовенства), устраненіе всякой отвѣтственности за политическія мнѣнія и за подачу голоса въ дѣлахъ, бывшихъ до реставраціи и наконецъ отмѣна конскрипціи и введеніе новой, менѣе обременительной системы рекрутства.

Отдѣлъ 2-й говоритъ о формѣ правленія. Король есть глава государства, онъ повелѣваетъ войскомъ и флотомъ, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, заключаетъ союзы и торговые договоры, назначаетъ на всѣ общественныя должности, надаетъ повелѣнія и распоряженія, необходимыя для исполненія законовъ и для безопасности государства. Королю предоставляется исключительное право предлагать законы, между тѣмъ какъ палатамъ даруется право только просить о предложеніи какихъ либо законовъ. Дальнѣйшія статьи этого отдѣла опредѣляютъ участіе палаты въ составленіи законовъ и содержаніе короля.

Отдѣлъ 3-й, о палатѣ перовъ. Королю предоставляется право назначать перовъ въ неопредѣленномъ количествѣ. Всѣ обсужденія и подача голосовъ въ этой палатѣ остаются тайными. Кромѣ содѣйствія при составленіи законовъ, палата перовъ имѣетъ право судить своихъ собственныхъ членовъ и государственныхъ преступниковъ.

Отдѣлъ 4-й, о палатѣ депутатовъ и ея членахъ. Срокъ, на который избираются депутаты, или, другими словами, срокъ законодательной сессіи опредѣляется въ 5 лѣтъ. Ежегодно выходитъ изъ палаты пятая часть депутатовъ и замѣщается новыми выборами. Въ депутаты могутъ быть избраны только тѣ лица, кои платятъ 1000 франковъ прамыхъ податей, а избирателями могутъ быть только лица, платящія 300 франковъ податей. Засѣданія палаты публичны и гласны. Президента назначаетъ король, изъ числа пяти, предложенныхъ ему палатою, кандидатовъ. Палата ежегодно утверждаетъ взиманіе податей. Депутаты не могутъ быть подвергнуты судебному преслѣдованію и аресту безъ предварительнаго согласія палаты.

Отдѣлъ 5, о дѣятельности и отвѣтственности министровъ. Палата депутатовъ можетъ обвинять министровъ и предавать ихъ суду палаты перовъ, которая одна только имѣетъ право судить министровъ. Министровъ можно предавать суду только за взятку или подлогъ.

Отдѣлъ 6, о судопроизводствѣ, подтверждаетъ несмѣняемость и независимость судей. Никто не можетъ быть взятъ отъ суда своего естественнаго, обновленнаго судьи; поэтому не должно быть никакихъ особенныхъ судебныхъ комиссій и чрезвычайныхъ трибуналовъ, исключая превотальныхъ судовъ, если восстановление ихъ окажется необходимымъ.

Отдѣлъ 7 и послѣдній заключаетъ въ себѣ перечисленіе дѣлаго ряда особенныхъ учреждений и правъ, которыя ставятся подъ защиту конституціонной хартіи; это были чины, содержанія, пенсіоны и знаки отличія кагъ вышедшихъ въ отставку, такъ и остававшихся на службѣ военныхъ лицъ, требованія государственныхъ кредиторовъ, старне и новне дворянскіе титулы, которыя, однако же, не придавалось никакого политическаго и гражданскаго значенія, и орденъ почетнаго легіона. Заключительная статья постановляетъ, что король и его преемники должны давать присягу конституціи во время своей торжественной коронаціи.

Восторгъ парижанъ и почти всей Франціи по поводу обнаруженія этой хартіи служитъ лучшимъ доказательствомъ, что она удовлетворала настроенію и потребностямъ времени. Но восторгъ этотъ не былъ продолжителенъ. Скоро обнаружился сомнѣніи въ искренности обѣщаній правительства, оправдавшіися рядомъ реакціонныхъ законовъ, противъ свободы печати и противъ свободы совѣсти.

До какой степени скоро охладѣлъ народъ къ Людовику XVIII, можно видѣть изъ того, что слишкомъ мало нашлось у него защитниковъ, когда Наполеонъ, оставивъ островъ Эльбу, возвратился во Францію.

Кровопрлитная битва при Ватерлоо (16-го іюля 1815 г.) окончательно рѣшила участь Франціи. Людовикъ XVIII снова получилъ власть, восстановленную чужеземнымъ оружіемъ, и снова заявилъ свою рѣшимость держаться конституціонной хартіи 1814 года.

Если бы онъ и исполнилъ свое обѣщаніе, еслибы даже онъ измѣнялъ хартію, но соображаясь съ требованіями духа времени, то всегда имѣлъ бы на своей сторонѣ большинство французскаго народа. Все интересовавшееся тогда политикой раздѣлилось, правда, на множество партій, но самую многочисленную изъ нихъ

составляла партія, такъ-называемыхъ, *конституціоналистовъ*, подраздѣлявшаяся на независимыхъ и доктринеровъ. Во главѣ независимыхъ были Лафайетъ, Лафиттъ, Веранже, Манюэль, Бенжаменъ-Констанъ; въ доктринерахъ, желавшимъ сохраненія конституціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и установленія прочной правительственной власти, принадлежали такіе люди, какъ Гизо и Вильменъ. Двѣ другія партіи, *бонапартисты* и *республиканцы*, вслѣдствіе недавнихъ тяжелыхъ исптаній, имѣли мало приверженцевъ.

Правительству, конечно, выгодно было бы привлечь на свою сторону конституціонную партію. Кто воображалъ, что изъ всемірной исторіи можно вычеркнуть двадцатипятилѣтіе отъ 1789 до 1814 года, какъ это хотѣлъ сдѣлать курфюрстъ Гессенскій Вильгельмъ, тотъ жестоко ошибался. Въ эту именно ошибку впала четвертая политическая партія, такъ-называемые ультра-роялисты, обрѣтавшіеся главнымъ образомъ въ рядахъ дворянства и духовенства. Возстановленіе всѣхъ сословныхъ привилегій дворянства и духовенства, возвращеніе отчужденныхъ дворянскихъ и церковныхъ имуществъ, неограниченное господство при дворѣ, въ войскѣ, въ гражданской администраціи, безграничное вліяніе на народное образованіе—вотъ въ чемъ состояли притязанія ультра-роялистовъ. Конституціонная хартія противорѣчила этимъ притязаніямъ, а потому ультра-роялисты считали существованіе ея позоромъ для королевской власти. Въ теченіе всего періода реставраціи, продолжавшагося съ 1815 по 1830 годъ, не прерывалась борьба между конституціонною партіей и ультра-роялистами. Еслибы правительство добросовѣстно выполняло требованія конституціи, то приобрѣло бы поддержку въ конституціонной партіи; но, покровительствуя ихъ противникамъ, оно не могло имѣть власти надъ народомъ и должно было уже слишкомъ угождать своимъ притязательнымъ приверженцамъ, чтобы не быть низвергнутымъ ими путемъ революціи.

Король Людовикъ XVIII, называвшійся при жизни брата своего, Людовика XVI, графомъ Прованскимъ, былъ человекъ добродушный, но не отличался ни особеннымъ умомъ, ни энергіей. Ультра-роялисты не были ему пріятны, ибо онъ зналъ, что покровительствовать имъ, удовлетворять ихъ несправедливымъ и неуиѣреннымъ требованіямъ опасно. Приверженцы конституціонной хартіи еще менѣе соответствовали его узкому бурбонскому міросозерцанію, а потому Людовикъ старался поддерживать равновѣсіе между тѣми и другими. При бездѣтности короля, наследникомъ престола былъ братъ его, пятидесятивосьмилѣтній Карлъ, графъ Артуа, всецѣло преданный охотѣ, театральнымъ представленіямъ и великосвѣтскимъ обичаямъ, человекъ, кото-

рый и самъ не имѣлъ серьезнаго образованія и въ другихъ не любилъ находить его. Провелъ жизнь въ чувственныхъ наслажденіяхъ, онъ искалъ покровительства церкви, и о величій земной королевской власти имѣлъ чисто невѣрные представленія. Конституція, по его мнѣнію, должна была существовать до тѣхъ поръ, пока требовала того желѣзная необходимость: «лучше пилить дрова, говаривалъ онъ, чѣмъ быть королемъ по англійскому образцу». Карлъ былъ любимцемъ ультрароялистовъ, которые, подъ его руководствомъ, составляли какъ бы второе правительство, обновленный (и перенесенный въ Парижъ) Кобленць. Вліяніе графа Артуа было тѣмъ сильнѣе, что онъ начальствовалъ надъ національной гвардіей и находился во главѣ конгрегациі, то-есть братства строговѣрующихъ католиковъ. Сыновья графа Артуа, герцоги Ангулемскій и Беррійскій, были ничтожны въ умственномъ отношеніи: первый извѣстностію своею обязанъ женьѣ, которую Наполеонъ называлъ «единственнымъ мужчиною въ королевскомъ семействѣ», второй обратилъ на себя вниманіе своею раннею смертію. Герцогъ Ангулемскій былъ женатъ на Маріи-Терезіи, которая отца своего, мать и сестеръ потеряла во время революціи и питала мстѣ въ своемъ женскомъ сердцѣ*. Графъ Артуа имѣлъ въ невѣсткѣ своей самую рѣшительную союзницу. Живѣе и добродушнѣе своего старшаго брата былъ герцогъ Беррійскій, полный сознанія своей бурбонской важности и совершенно безтактный относительно бонапартистовъ, особенно наполеоновскихъ офицеровъ. Въ 1816 году онъ вступилъ въ бракъ съ неаполитанскою принцессою Маріей-Каролиной, и на этомъ супружествѣ основались надежды династіи.

Немедленно по возвращеніи въ Парижъ, Людовикъ составилъ новое министерство, въ которомъ весьма видную роль заняли два великіе мнѣнника, Талейранъ и Фуше: первый назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, другой получилъ въ свое заведеніе полицію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, впрочемъ, они были отставлены, и, 24 сентября, новое министерство поручено было составить герцогу Ришельѣ. Это былъ человекъ съ головою и сердцемъ, но недостаточно знакомый съ дѣлами. Ришельѣ былъ роялистъ, но далеко не крайній: по крайней-мѣрѣ, палата депутатовъ, собранная при немъ, превосходила его въ угодивости королю.

Эта, по выраженію Людовика XVIII, *незамѣтная или, правильнѣе, ненаходимая палата* (la chambre introuvable) ознаменовала свою сессію цѣлымъ рядомъ законовъ, которыми, подъ

* Маріи-Терезія была дочь Маріи-Антуанетти.

предлоомъ злботн о безоплсноствл грлждлнъ, улнчлжлклсь глрлнтлн лчнлол свлоболл, улстлновленнл констлтуцлоннол глрглел. Олннмъ изъ этлхъ злконовл предлстлвлелось прлवलтельству лрлво, безъ солблденл трлбуемнхъ констлтуцлел формъ, подлроглтл аресту лудел, облवलемнхъ въ поллтлческнхъ простулклхъ, подлорлтелнхъ же высллтл изъ королелствл. По дрлгому злкону, возмутлтелнне возглскл, рѣчл н солчленл нлвлзлвлклсь нлгнлнелмъ нлн штрлфомъ, вышлшл рлзлмѣръ которлго олрлдлклсь въ 20,000 фрлнковъ. Трелтнмъ злконовл, въ клждомъ деплрлментѣ улчреждлелсь, подъ нменемъ прелволтлльного судл, комлсслл, должелствовлवलшл судлть безлппеллцлонно всѣ поллтлческел простулкл н прелстулпенл н прлводлть въ исполненел сволл прлголворл безъ мллѣлшлго олглгелтелствл.

Трудно прелстлवलть солбѣ что ллбо неумѣстлне этлхъ трелхъ злконовл, до крлелней степенл усллвлवलшнхъ адмлнлстрлवलннл н поллцелслслл вренлволъ, олсобенно въ то врелл, когдл нлрлтлн, солстлवलннл олппозлцлю прлवलтельству, не обллрлжлवलл нлклкнхъ возмутлтелнхъ дѣлствлл, н когдл нѣкторыл изъ нлхъ блыл слншкомъ сллбн, чтобы прелдлрлнлтъ что ллбо солрѣзное прелтлвл прлवलтельствл. Ослл когдл н олѣдовлло длрлжлवलть, то это ултлрлролнстовъ, плтлवलшлхъ солмл нл гуманнл, не хрлстлнскл чувствл въ сволнхъ поллтлческнмъ протлвнлнлмъ.

Еще прелжде солвлнл несолмѣннл пллтл вселмл мнлго бонлплрлтлстовъ плл жертвлм неवलнстл ултлрлролнзмл. Млнлстерствл Тлеллрлнл-Фулел солстлвл роде прлскрлплцлоннолго сллскл, въ которомъ полменовлнн блыл девлнсто бонлплрлтлстоул, облрелчелннхъ зл госудлрственную нлмѣлу нл солертвлну нлзнл. Нѣкторыл изъ олплльнхъ услкл сллстлелъ, но мнлго блыл рлвлстрѣллнн, въ томъ числѣ млрллгъ Нел н Ллवलеттл, олсуделннл съ возмутлтелннмъ клрушенлелмъ формъ н сушчлностл клстлцлл.

Между тѣмъ, клкъ въ Плрлжѣ реллцлл трлбовлло новлхъ жертвл чрезъ клстлцлю н влхоллл нхъ бллгодлрл солдѣлствлел несолмѣннл пллтл, къ олжнхъ обллстлхъ королелствл всплкнवलл керѣдло возстлкл нлродннл: въ Млрселл, Ллвлнжѣ, Тулузѣ н дрлгнхъ мѣстлнелстлхъ бонлплрлтлстл, л тлкже прлвлрелжлнцл релспубллкн н дѣтелл релволуцлл 1789 годл подлверглллось врлстннмъ нлпелденлмъ ролнлстскл чернл н глблн.

Слмлнл млночлслелннл н солмлнл возмутлтелннл оллдѣнл олвершлл ролнлстскл плрлтл въ Нлнѣ, Юзесѣ н всѣдннхъ мѣстлнелстлхъ. Здѣсь поллтлческл врлждл между плрлтлмл усллвлелась еше цлрлवलннл рлздорлмл. Мнлночлслелное въ этлхъ мѣстлхъ протелстлнтское нлселелнел во врелл влрвоу релстлвлцлл почулствлवलло, что его грлждлнннмъ н цлрлवलннмъ прлवलлмъ грлозлтъ олплс-

ность, и потому, въ 1815 году, оно съ живымъ интересомъ присоединилось къ возвратившемуся съ Эльбы Наполеону, хотя не сочувствовало императорскому деспотизму и сильно проникнуто было республиканскими стремленіями. Но едва только палъ Наполеонъ, какъ поднялся роялистическій деспотизмъ, чтобы отомстить за краткій триумфъ протестантовъ. Графъ Рене де-Берни съ нѣсколькими тысячами королевскихъ волонтеровъ овладѣлъ Нимомъ, и здѣсь тотчасъ же началось террористическое управленіе, превзошедшее ужасы 1793—1794 годовъ. Подірвѣнные частію католическихъ жителей, роялистскіе фанатики бросились на дома протестантовъ съ цѣлю грабежа и убійства. Нѣсколько дней Нимъ представлялъ собою видъ города, взятаго штурмомъ. Нѣкто Трестальонъ сталъ во главѣ организованной шайки убійць, и, по его приказаніямъ, Нимъ и его окрестности въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ были опустошаемы. По восстановленіи законнаго порядка не было и рѣчи о наказаніи преступниковъ. Правда, Трестальонъ и нѣкоторые его товарищи были преданы суду, не оправдались; имъ была устроена даже овація. Въ теченіе мѣсяца ни одна парижская газета не осмѣлилась сказать ни слова о происшествіяхъ въ Нимѣ, и когда денутать Воже д'Аржансонъ позволилъ себѣ намекнуть о нихъ «незавѣтной» палатѣ, то яростные крики его товарищей заставили его замолчать; мало того: президентъ формально призвалъ д'Аржансона къ порядку.

Достоинвою паралелю происшествіямъ въ Нимѣ былъ веденный въ Бордо процессъ двухъ генераловъ Фоше, которые, подъ именемъ близнецовъ изъ Реоле, долго еще будутъ жить въ сердцѣ французскаго народа, какъ рѣдкій примѣръ братской любви. Оба брата Фоше, подъ ничтожными предлогами, были преданы военному суду и, несмотря на очевидную невинность свою, осуждены, даже не имѣвъ возможности защищаться; ибо ни одинъ адвокатъ въ Бордо не имѣлъ на столько честности, чтобы защитой обвиненнаго смѣло выступить противъ роялистскаго терроризма. Казнь ихъ, какъ безчестное судебное убійство, лежитъ тяжелымъ преступленіемъ на реставраціи.

Но роялистскій и церковный фанатизмъ господствующей партіи нисколько не удовлетворился тѣмъ, что ему принесены были въ жертву нѣкоторые главные представители бонапартизма и протестантское населеніе нѣсколькихъ южныхъ департаментовъ. Въ столицѣ и провинціяхъ все громче и громче раздавались голоса, требовавшіе широкихъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ политическихъ и религіозныхъ диссидентовъ, а именно: отставки чиновниковъ съ подозрительными политическими убѣжденіями, до

послѣдняго почталона и сторожа; осужденія на смерть всѣхъ, устроившихъ возвращеніе Наполеона и содѣйствовавшихъ его узурпаціи, изгнанія лицъ, участвовавшихъ въ осужденіи Людовика XVI, изгнанія всѣхъ дѣателей революціи 1789 года, противъ которыхъ нельзя было начать формальнаго судебного процесса, восстановленія конфискацій для враговъ существующаго порядка вещей.

Король Людовикъ и его министерство, среди политическихъ страстей, имѣли еще довольно благоразумія, чтобы понять бѣдствія, которыя могла привести странѣ контр-революція. Чтобы прежде всего успокоить опасенія, возбужденныя упомянутымъ планомъ проскрипціи, правительство предложило палатѣ законъ объ амнистіи; этотъ законъ давалъ прощеніе и безнаказанность всѣмъ тѣмъ, которыхъ имена не были въ проскрипціонныхъ спискахъ, составленныхъ Фуше, а затѣмъ осуждалъ на вѣчное изгнаніе только членовъ фамиліи Бонапарте. Этотъ проектъ былъ принятъ палатою съ большимъ неудовольствіемъ. Людовикъ, превозносившій прежде палату, сталъ уже недоволенъ ею: ему надоѣлъ въ ней тотъ необузданный реализмъ, который насилывалъ его природную умѣренность; онъ ожидалъ только утвержденія бюджета, чтобы избавить себя отъ ея контроля. Финансовый законъ на 1816 годъ, которымъ обыкновенные расходы опредѣлялись въ 524 милліона, а чрезвычайные въ 275 милліоновъ (въ томъ числѣ 140 милліоновъ первой годичной уплаты военной контрибуціи и 130 милліоновъ на содержаніе иностранныхъ войскъ) былъ утвержденъ 27 апрѣля 1816 года, а на слѣдующій день послѣдовало и закрытіе палаты.

По закрытіи палаты, вражда партій не прекращалась; роялистскій терроръ не унимался; терроръ этотъ методически былъ развиваемъ военными и гражданскими чиновниками, которые или въ самомъ дѣлѣ, были проникнуты роялистскимъ фанатизмомъ, или просто лицемѣрили по работнѣ, или користились расчетамъ. Доноси, судебныя преслѣдованія, отставки, тюремныя заключенія, ссылки, все это было весьма обыкновеннымъ въ ту пору явленіемъ. Говорятъ, будто въ теченіе десяти мѣсяцевъ, семидесять тысячъ человѣкъ было заключено въ тюрьмы за политическія проступки и около 100,000 чиновниковъ прогнаны изъ службы за политическія убѣжденія (Рохау, I, 79; Gerwinus, II, 233). Эти числа, можетъ быть, нѣсколько и преувеличены, но, во всякомъ случаѣ, по нимъ можно заключать, что происходило въ дѣйствительности*. Въ кабинетѣ короля этотъ бѣднй тер-

* Гервинусъ думаетъ, что первое изъ этихъ чиселъ вовсе не преувеличено (II, 233).

роръ навязъ себѣ естественную поддержку въ министрѣ юстиціи Делавазъ, который своими циркулярами отдавалъ враговъ государства, то-есть всѣхъ, которые не были и не являлись горечными приверженцами господствующаго порядка, на полный провалъ даже самыя высшяя чиновниковъ. Во многихъ мѣстностяхъ изъ этихъ полномочій дѣлались самыя возмутительныя примѣненія. По одному капризу какого нибудь административнаго чиновника, нѣсколько сотъ жителей переносились изъ своей родины въ отдаленные департаменты. Одинъ префектъ устроилъ «трибуналъ позаваній», которому предоставлено было судить объ искренности новообращенныхъ католиковъ. Другой префектъ приказалъ съечь на площади въ Орлеанѣ книги, статуи и другія произведенія искусства, въ которыхъ изображались лица и событія имперіи; при этомъ уничтоженъ былъ портретъ Наполеона, писанный извѣстнымъ Жераромъ и купленный городомъ за 20,000 франковъ.

Рука объ руку съ политической реакціей шла борьба духовенства съ идеями девятнадцатаго вѣка. Духовенство хотѣло усилить значеніе христіанской религіи и ея вліяніе на умы, посредствомъ, имъ избраннаго для того, едва-ли можно считать прѣвзобраннаго. Если церковную пышность, блестящія процессіи, слезныя мессы, миссіонерскіе спектакли и тому подобное, можно считать доказательствами истиннаго религіознаго чувства, то можно сказать, что во времена реставраціи христіанство достигло новаго процвѣтанія, каковаго за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ не могла предчувствовать самая вѣрующая душа. И въ самомъ дѣлѣ, кто бы могъ повѣрить, что маршалъ Султъъ, съ горлицою свѣченъ въ руцѣ, шелъ однажды за образомъ Дѣвы Маріи по парижскимъ улицамъ, что революціонные дѣтены оказывались нерѣдко въ ряды днѣвъ, старающихся угодить королю Карлу своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ христіанскимъ благочестіемъ? Самыя дѣйствительныя средства для обращенія къ церковному и политическому православію считали миссію. Странствующие проповѣдники изъ Париза расхаживали по всей странѣ, и народъ обильно истреблялся туда, гдѣ они устраивали «свое» духовное шену, тѣмъ болѣе еще, что власти на это время запрещали всея другія явленія. И однакожь поколѣніе, воспитанное во времена реставраціи въ такомъ тенденціозномъ благочестіи, отличалось послѣ июльской революціи безрелигіозностію во французской исторіи религіозности; равнодушіемъ, которое для католичества было правдою опаснѣе, чѣмъ кровавыя преслѣдованія его во времена террора. Ничего не выиграло духовенство и отъ отиблия чрезвычайнаго палаты закона о разводѣ, введеннаго еще предъ ре-

волюцій и сохраненнаго, хотя съ ограниченіями, при Наполеонѣ. Жалкое состояніе семейной жизни во Франціи свидѣтельствуєтъ о томъ, что отъ запрещенія развода мало выиграла святость брака и чистота нравовъ.

Несмотря на соединенныя усилія чиновниковъ и духовенства, а можетъ быть и благодаря этимъ усиліямъ, правительство не только не приобрѣтало новыхъ друзей, но еще теряло и старыхъ. Уже въ первые годы царствованія Людовика XVIII составлялись тайныя общества и заговоры противъ правительства въ Греноблѣ, Лионѣ и Парижѣ. Въ Греноблѣ, во время «блага террора», образовалась такъ-называемая уніа съ цѣлю развитія конституціонныхъ началъ посредствомъ поддержки оппозиціонныхъ газетъ и посредствомъ вліянія на выборы. Другое общество съ подобными же цѣлями, но въ болѣе свободной формѣ и собственно даже не тайное, образовалось подъ именемъ «общества друзей свободы печати». Во главѣ его стали люди съ значительнымъ вѣсомъ, напримѣръ герцогъ Бромли, Дестюттъ-де-Траси, Лафиттъ, Лафайетъ, Манюэль и генералы: Тарейръ, Оконноръ и Тиаръ. Это общество въ теченіе двухъ лѣтъ почти официально было представителемъ интересовъ либерализма, но правительство, вслѣдствіе процесса, окончившагося приговоромъ нѣсколькихъ членовъ его къ денежнымъ штрафамъ, закрыло его.

Между тѣмъ за обществомъ друзей свободы печати стоялъ тайный руководящій комитетъ, котораго не возмущалъ указанный приговоръ и который продолжалъ свою дѣятельность и по закрытіи общества. Значительнѣйшими членами этого комитета были Лафайетъ, Тиаръ, Аржансонъ, Мерленъ, — люди, которые ожидали побѣды либерализма только отъ перемены династіи.

Независимая палата была распущена 5-го сентября 1816 года. Главною задачею новой палаты во время сессіи 1817 года было составленіе новаго избирательнаго закона, согласно требованіямъ конституціонной хартіи, которая для избирателей постановляла цензъ въ 300 франковъ, для избираемыхъ — въ 1,000 франковъ. Новый законъ, хотя онъ во всей Франціи признавалъ избирательнымъ только 100,000 гражданъ, право же быть избираемыми въ палату депутатовъ только за 17,000 гражданъ, былъ весьма хорошо принятъ общественнымъ мнѣніемъ и долго пользовался большою популярностью, несмотря на нѣкоторыя частныя на него нападки. Сущность этого закона состояла въ томъ, что избирательное право, принадлежавшее прежде исключительно землевладѣльцамъ, т.-е. болѣею частію аристократамъ, распространялось теперь на нѣкоторую часть зажиточнаго средняго класса.

Кромѣ того, постановленіемъ, что одна пятая часть палаты ежегодно должна замѣняться посредствомъ новыхъ выборовъ, этотъ законъ давалъ конституціонной партіи возможность приобретать себѣ въ палатѣ все болѣе и болѣе голосовъ и современемъ составить въ ней большинство. Въ самомъ дѣлѣ, дополнительные выборы, состоявшіеся осенью 1818 года, доставили палатѣ не менѣе 23-хъ либеральныхъ депутатовъ изъ партіи независимыхъ. Въ числѣ этихъ двадцати-трехъ былъ Лафайетъ.

Въ это время министръ Ришельё присутствовалъ на Ахенскомъ конгрессѣ, на которомъ успѣлъ уговорить союзныхъ монарховъ вывести изъ Франціи оккупационныя войска въ этомъ же, а не въ 1820 году, какъ было прежде постановлено. Но одержавъ эту блестящую дипломатическую побѣду, Ришельё, въ свою очередь, не могъ не поддаться влиянію Меттерниха и Веллингтона, не оставившихъ его своими совѣтами и внушеніями: Ришельё возвратился въ Парижъ съ твердою рѣшимостью принять къ ультрароялистамъ и измѣнить избирательный законъ. Но нѣкоторые изъ товарищей герцога по министерству и большинство палаты рѣшительно высказались противъ такихъ мѣропріятій и Ришельё долженъ былъ подать въ отставку. Новое министерство, президентомъ котораго былъ Дессоль, по душею — Деназъ, любимецъ короли Людовика XVIII, начало дѣятельность свою 28-го декабря 1818 года. Первые распоряженія новаго министерства были довольно либеральны: шестьдесятъ-пять новыхъ перовъ усилили собою либеральный элементъ въ верхней палатѣ; свобода печати объявлена непркосновенною; реакціонные префекты были отставлены; многіе изгнанники, и въ томъ числѣ члены конвента, вотировавшіе за казнь Людовика XVI, были призваны въ отечество. Дополнительные выборы 1819 года дали результаты, весьма благопріятныя для либераловъ: изъ 55-ти новыхъ депутатовъ 35-ть принадлежали къ «независимымъ», и въ числѣ ихъ былъ епископъ блуасскій Грегуаръ, бывшій членъ конвента, нисыменно одобрившій смертный приговоръ надъ Людвигомъ XVI. Этотъ выборъ многимъ показался уже слишкомъ неумѣстнымъ; во время повѣрки полномочій новыхъ избранниковъ страны, многіе депутаты протестовали противъ выбора Грегуара и требовали, чтобы онъ нѣтънакъ былъ съ позоромъ изъ палаты, какъ недостойный засѣдать въ ней. Противъ этого требованія роялистовъ возстали многіе либеральные ораторы, и въ числѣ ихъ Манюэль. «Говорятъ о скандалѣ—воскликнулъ онъ въ своей рѣчи—но можетъ ли быть ббльшій скандалъ, когда вотъ здѣсь, въ средѣ законодателей страны, попирается ногами основной государственной законъ и свобода выборовъ? Пропливають слезы,

вспоминная ужасное несчастіе *, но если и есть основаніе оплакивать это несчастіе, то ужаси не должно имѣть при этомъ хоть нѣкотораго состраданія къ Франціи, которая вытерпѣла столько горя, которая многочисленными усилїями и жертвами приобрѣла право ожидать для себя хоть нѣкотораго покоя и у которой однако постоянно отнимаютъ покой непрерывными нападѣніями на основной государственнїй законъ, на которомъ основываются ея надежды? Время же наконецъ перестать настоящее и будущее приносить въ жертву воспоминанїямъ о прошедшемъ». Но роялистическая партїя восторжествовала: соединенными усилїями министровъ и большинства палаты Грегуару закрыть былъ доступъ въ засѣданїя второй палаты, несмотря на то, что при выборѣ его соблюдены были всѣ требуемыя закономъ формальности. Въ то же время Девазъ сдѣлалъ еще рядъ уступокъ роялистамъ и общалъ имъ хлопотать объ намѣненїи избирательнаго закона.

Неожиданное и печальное событіе подало роялистамъ поводъ громче чѣмъ прежде высказать свои требованія и усилить свое давленіе на либеральную партїю. 13-го февраля 1820 года герцогъ Беррійскїй, выходя изъ опернаго театра, былъ смертельно раненъ сѣдельнымъ подмастерьемъ Лувелемъ. Лувель, человекъ ограниченный, съ мрачнымъ расположенїемъ духа, страстно предавъ былъ той мысли, что Бурбоны — злѣйшіе враги Франціи и что они были виною двукратнаго позорнаго завоеванія страны коалиціей европейскїхъ державъ. Съ упорствомъ фанатизма, похожаго на безуміе, онъ цѣлый годъ выжидалъ удобнаго случая, и наконецъ нашелъ его 13-го февраля, вечеромъ, въ 11 часовъ. Лувель нанесъ жертвѣ своей ударъ твердою рукою. Герцогъ Беррійскїй, окруженный всѣми членами своего семейства, истека кровью и умеръ на другой день, утромъ 14-го февраля, повторивъ нѣсколько разъ просьбу королю, чтобъ онъ помиловалъ убійцу. Этимъ печальнымъ событіемъ роялисты воспользовались для того, чтобъ низвергнуть министерство Деказа, казавшеся слишкомъ либеральнымъ. Едва только 14-го февраля открыто было засѣданіе палаты, какъ Кюзель де-Куссергъ взошелъ на трибуну и сдѣлалъ предложеніе обвинить министра Деказа въ соучастїи въ преступленїи Лувеля. Многіе роялистскіе депутаты поддержали Куссерга: Девазъ, говорили они, желалъ гибели Бурбоновъ, потому что его честолюбїе ничего не могло ожидать, отъ видѣ по смерти царствующаго короля, а что именно онъ подговорилъ Лувеля, это, по крайней мѣрѣ, вѣроятно; ибо послѣ

* Казнь Людовика.

ареста преступника онъ сказалъ съ нимъ нѣсколько тайныхъ словъ. Хотя предложеніе Куссерга не было принято, хотя Денавъ, чтобы задобрить палату, предложилъ ей рядъ реакціонныхъ законовъ, и въ томъ числѣ законъ, измѣнившій, въ пользу аристократовъ, систему выборовъ, тѣмъ не менѣе король долженъ былъ расстаться съ своимъ министромъ: такъ настоятельно требовалъ графъ Артуа «возмездія за кровь своего сына». Съ растерваннымъ сердцемъ и со слезами король Людовикъ объявилъ о неизбежной разлукѣ своему любимцу, котораго онъ любилъ какъ сына. Денавъ, съ благодарностію принимавшій королевскую дружбу, подчинился неизбежной необходимости съ большимъ тактомъ и старался при этомъ сколько возможно падить чувства Людовика XVIII. За то король удовлетворилъ свое сердце хоть тѣмъ, что при отставкѣ осыпалъ Денава своими милостями. Собственноручно написаннымъ диломатомъ онъ далъ ему герцогскій титулъ и постъ посланника въ Лондонѣ съ чисто царскимъ содержаніемъ и овладомъ.

30-го февраля 1820 года, въ министерство снова вступилъ Рингльс. Этотъ министръ немедленно предложилъ палатѣ проеити законы, которыми требовалось введеніе цензуры для газетъ и журналовъ, ограниченіе личной свободы и измѣненіе въ избирательной системѣ въ пользу аристократовъ. Законы эти были приняты въ палатѣ, несмотря на усиленную оппозицію «независимыхъ» и несмотря на многочисленныя кровавыя уличныя возмущенія. Очастіе, повидимому, убилось Вурбонамъ. Въ довершеніе благополучія, герцогиня Веррийская разрѣшилась отъ бремени сыномъ; герцогемъ Вурдосскимъ. На это «дѣтя Европы», какъ называли его въ восторгѣ романисты, возлагались самыя обшественныя надежды: продолженіе династии и сохраненіе на тронѣ Франціи казалось обезпеченнымъ. И, несмотря на все это, нѣкто такъ же мало признавалъ права этого наследника престола, какъ англичане 1688 года права сына Иакова II.

То было время волненій въ Италіи и Испаніи, волненій, которыя не могли не имѣть вліянія и на Францію. Составлялись новыя тайныя общества, революціонныя комитеты усилили свою дѣятельность. Смерть Наполеона, послѣдовавшая 5-го мая 1821 года, еще болѣе возбуждала умы. «Личность Наполеона, со времени его вторичнаго низверженія, до такой степени, правда, потеряла свое значеніе, что его смерть едва-ли можно считать важнѣйшимъ событіемъ. Однако, послѣдствія этого событія, въ томъ видѣ, какъ оно постепенно перерабатывалось навивнымъ чувствомъ народа и расчетливымъ духомъ партій, имѣли громадное вліяніе на судьбы Франціи. Изъ гроба на удивленномъ ка-

иенстомъ островъ въ далекомъ океанѣ возмѣла поэзія; которая оживляла и украсала воспоминаніе о великомъ умершемъ человѣкѣ и окружала его ореоломъ мученика. Политика партіи воспользовалась этою поэзіей для своихъ цѣлей. Либерализмъ, котораго императоръ, пока былъ живъ, боялся какъ своего смертельнаго врага, котораго онъ наконецъ побѣдилъ, этотъ самый либерализмъ употреблялъ теперь всѣ средства своего краснорѣчія, чтобы создать образъ императора, который бы своимъ блистательнымъ величіемъ оставилъ въ тѣни блѣдныя и обыкновенныя фигуры Бурбоновъ. Даже республиканцы, уже не ожидавшіе болѣе возвращенія Наполеона изъ изгнанія, соединились съ отъявленными бонапартистами, чтобы возвеличить императорское прошедшее на счетъ бурбонскаго настоящаго и на счетъ своихъ собственныхъ убѣжденій. Вслѣдствіе этого союза людей свободы съ людьми военнаго деспотизма, удивленіе къ императору перешло наконецъ въ нѣкоторый родъ религіознаго почтенія, которому, чтобы быть полнымъ идолопоклонствомъ, не доставало только храмовъ и алтарей. Этотъ культъ, въ которомъ ложь и лицемеріе соединились съ тупоуміемъ и рабскимъ чувствомъ, распространился даже за предѣлы Франціи, и въ Германіи два знаменитые поэта сдѣлались жрецами Наполеона и освѣрили музу свою служеніемъ идолу св. Елены (Рохау. I, 121). Засѣданія палаты 1821 года были, до самаго конца ихъ, столько же бурны, сколько и бесплодны. Происходившіе осенніе дополнительные выборы дали результатъ, благоприятный для роялистовъ, а потому требованія этой партіи возвысились: большинство палаты было уже недовольно самимъ Ришельё и выразило ему свое неодобреніе. 13-го декабря 1821 года, Виллель, роялистомъ чистѣйшей воды, составлено было новое министерство изъ лицъ, преданныхъ графу Артуа. Виллель извѣстенъ былъ своими свѣдѣніями въ финансовой и экономической наукѣ, а главное — своими реакціонными стремленіями.

Тѣмъ не менѣе этотъ министръ не изъявлялъ сначала ни наивнѣйшаго желанія уступать дипломатамъ веронскаго конгресса и отправлять французское войско на помощь друзьямъ Фердинанда. Но онъ не могъ ничего сдѣлать противъ ультра-роялистскаго усердія большинства палаты и долженъ былъ уступить. Требованіе 100.000,000 франковъ на эту экспедицію возбуждало сильныя возраженія со стороны либераловъ, которые отъ подавленія испанской революціи ждали дурныхъ послѣдствій для Франціи; но ультра-роялисты восторжествовали: война была объявлена; герцогъ Ангуйемскій отправился и благополучно, какъ мы видѣли, окончилъ походъ.

Во время парламентских прений о приготовлениях въ испанской экспедиціи случилось происшествіе, характеризующее настроеніе тогдашнихъ партій. Манюэль, депутатъ отъ Вандеи, осмѣлился опровергать блестящую рѣчь Шатобріана, утверждавшаго, что война противъ Испаніи необходима для того, чтобы спасти жизнь Фердинанда VII, надъ головою котораго уже виситъ участь Людовика XVI. Возражая на это, Манюэль сказалъ, что Людовикъ XVI не только не былъ спасенъ иноземною помощію, но что эта помощь была еще одною изъ важнѣйшихъ причинъ его гибели. Въ то время, какъ онъ развивалъ свой взглядъ, его прервало бурное негодованіе правой стороны палаты на слѣдующихъ словахъ: «Франція, въ виду войскъ коалиціи 1792 года, и чувствуя потребность въ новой энергіи и новой силѣ...»; ультра-роялисты увидѣли въ этихъ словахъ намѣреніе оратора извинять, если не оправдать приговоръ надъ Людовикомъ XVI. Всѣ усилія Манюэля убѣдить палату выслушать конецъ начатой имъ фразы были безуспѣшны; представленное имъ президенту письменное объясненіе, которое способно было успокоить самыя шекотливыя уши и сердца, не было принято во вниманіе; ультра-роялисты требовали изгнанія Манюэля изъ палаты, и такъ-какъ президентъ Рае добросовѣстно отказался подвергнуть это предложеніе вотированію, то большинство, упорнымъ шумомъ и криками, заставило его закрыть засѣданіе. Напрасно и на другой день Манюэль увѣрялъ палату, что ему и въ мысль не приходило оправдывать казнь Людовика XVI, напрасно Казиміръ Перье указывалъ на то, что низкаго законъ не даетъ палатѣ права исключать депутата изъ своей среды; напрасно Роше Коларъ съ особенною силою напиралъ на то, что изгнаніе Манюэля можетъ послужить дурнымъ примѣромъ, слѣдуя которому, большинство можетъ допросиціи неприятныхъ личностей — 3-го марта значительнымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено исключить Манюэля изъ палаты на все время текущей сессіи. Манюэль не подчинился этому рѣшенію большинства, и на другой день явился снова въ палатѣ на своемъ мѣстѣ, окруженный предводителями либеральной партіи, которая вся явилась въ палату. При видѣ его, ультра-роялисты пришли въ сильное волненіе. Президентъ потребовалъ, чтобы Манюэль удалился, въ исполненіе принятаго наканунѣ палатою рѣшенія, и грозилъ, въ случаѣ его отказа, прибѣгнуть къ открытой силѣ. И въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени явились въ палату два взвода національныхъ гвардейцевъ и ветерановъ, и получали приказаніе схватить и вывести Манюэля. Послѣ этого приказанія поднялись всѣ члены лѣвой стороны,

между ними генералы Фуа, Себастьяни, Лафайетъ и другіе извѣстные и любимые офицеры; вслѣдствіе ихъ протестовъ, національные гвардейцы и ветераны отказались исполнить данное имъ приказаніе. Тогда президентъ повелѣлъ ввести тридцать жандармовъ, которые, подъ командою ультра-роялистскаго офицера, исполнили приказаніе. Манюэль былъ схваченъ среди дней криковъ и волненія, и силою былъ выведенъ изъ зала засѣданія. Всѣ члены либеральной партіи послѣдовали за нимъ, чтобы тотчасъ же составить протестъ противъ насилія, которому подверглось народное представительство въ лицѣ Манюэля. Но большинство палаты не хотѣло, въ слѣдующее засѣданіе, допустить даже чтенія этого протеста, подписаннаго шестьюдесятью двумя депутатами. Вслѣдствіе этого сопротивленія, вся оппозиція встала съ своихъ мѣстъ, чтобы оставить залу засѣданій и никогда не явиться въ нее во все продолженіе сессіи*.

Внутренняя исторія Франціи въ теченіе 1828 года была во всѣхъ отношеніяхъ проникнута интересами, затронутыми испанскою войною. По болѣзненному своему состоянію, Людовикъ совершенно оставилъ государственныя дѣла, и графъ Артуа распорядился ими. Реакція царяла во Франціи. Даже Видмелъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы сопротивляться ультра-роялистическому потоку; онъ шелъ за нимъ, хотя иногда и сопротивлялся ему. Господствующая партія прежде всего стремилась къ тому, чтобы передать обученіе въ руки духовенства, и такимъ образомъ, «привлечь на свою сторону подростокующее поколѣніе». Народныя школы въ городахъ и деревняхъ, гдѣ только было можно, переданы были монашескому обществу «Frères de l'école chrétienne», которое противъ даннаго ему въ насмѣшку прозвища «Frères ignotantins», ничего не могло возразить, какъ по смиренію своему, такъ и по любви къ истинѣ. Напротивъ, система взаимнаго обученія преслѣдовалась и изгонялась, какъ проклятое орудіе революціи и невѣрія. Высшія школы до поры-до-времени только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно было предоставить исключительно духовнымъ учителямъ, но за то изъ гимназій были вытѣснены всѣ тѣ профессора, которыхъ убѣжденія не были согласны съ господствующими принципами. Нормальная школа въ Парижѣ, медицинскій факультетъ тамъ же, юридическій факультетъ въ Греноблѣ были закрыты; многіе знаменитые профессора удалены изъ высшихъ учебныхъ заведеній и замѣнены ничтожѣйшими людьми.

Печать, по закону, оставалась свободна, но типографія и

* Рожау. I, 145—147.

лишняя торговля были связаны такими постановленіями, которыя вполнѣ замѣняли цензуру. Если, однако, пресса позволяла себѣ говорить смѣло, то ее заставляли молчать наказаніями по суду, которыя, кромѣ того, приводились въ исполненіе часто съ безпощадною жестокостію. Такъ осужденнаго на нѣсколько мѣсяцевъ заключенія, журналиста Маталона связали съ пѣвыми каторжникомъ и заставили его въ такомъ видѣ идти пѣшкомъ изъ Парижа въ смиренительный домъ, находившійся въ Пуасси.

Удивительно, что палата, такъ усердно дѣйствовавшая въ интересахъ ультра-роялистовъ, не могла еще вполнѣ угодить графу Артуа и его приверженцамъ, и была прежде времени расслучена Виллемемъ. 23-го марта 1824 года составилаь новая, которая напоминала собою незамѣнимую палату, и потому была прозвана «*новой обрѣтенною*» (la chambre retrouvée). Въ ней изъ числа 430 депутатовъ оппозиція насчитывала въ своихъ рядахъ только 17 человекъ. Правда, что министерство съ своей стороны пустило въ ходъ всѣ средства, бывшія въ его распоряженіи, для того, чтобы заручиться возможно большою массою приверженцевъ въ парламентѣ. Насиліе и обманъ, придирки и подлоги, угрозы и подкупы, все было употреблено префектами, послушными велѣніямъ министерства, чтобы не допустить вновь въ палату людей оппозиціи. Сотни избирателей безъ всякаго основанія и предлога были вычеркнуты изъ избирательныхъ списковъ; сотни роялистовъ занесены въ нихъ неправильно и вопреки закону. Но что за дѣло до средствъ, когда цѣль была достигнута!

Съ цѣлью поддержать во вновь обрѣтенной палатѣ роялистическій элементъ во всей его чистотѣ, Виллемъ настоялъ на отмѣнѣ статьи конституціи, требовавшей, чтобы ежегодно возобновлялась пятая часть палаты путемъ новыхъ выборовъ. Депутаты должны были по новому закону считаться избранными на всю законодательную сессію, опредѣленную въ семь лѣтъ. Торжество ультра-роялистовъ было повидимому полное, тѣмъ болѣе, что глава ихъ, графъ Артуа, уже и безъ того фактически управлявшій государствомъ, долженъ былъ скоро вступить на престолъ.

16-го сентября 1824 года умеръ Людовикъ XVIII; говоря, послѣдними словами, съ которыми умирающій король, исполненный мрачныхъ предчувствій, обратился къ брату Карлу, были: «Не забывайте, что вы должны сохранить корону вашему сыну и внуку».

По обычаю, король Карлъ X началъ свое правленіе дарованіемъ амнистіи политическимъ преступникамъ и отмѣною цензуры. Но аристократическо-клерикальная партія не хотѣла вы-

пустить его изъ своихъ рукъ. Одною изъ первыхъ законодательныхъ мѣръ новаго царствованія былъ законъ о вознагражденіи эмигрантовъ за имѣнія, конфискованна у нихъ во время революціоннаго періода. Противъ этого вознагражденія сдѣлано было въ палатѣ либеральными депутатами много возраженій. Они говорили: «большая часть имѣній дворянства, конфискованныхъ революціей, сами въ свою очередь составились изъ конфискацій, которыми короли французскіе всегда наказывали такъ называемыхъ враговъ церкви и государства, и отнятыя у нихъ имѣнія дарили знатнымъ дворянамъ. Если признать право на вознагражденіе за эмигрантами, то на какомъ же основаніи можно отказать въ этомъ правѣ потомкамъ многихъ сотенъ тысячъ протестантовъ, которые лишились своего имущества вслѣдствіе отмены нантскаго эдикта? Эмигранты, кромѣ того, были не единственные люди, пострадавшіе отъ событій революціи; государственные кредиторы, которые во время конвента потеряли двѣ трети суммъ, данныхъ ими въ кредитъ государству, купцы, разворившіеся тогда, лица, занимавшія купленные ими должности и потерявшія ихъ безъ вознагражденія, всѣ эти и многіе другіе классы французскихъ гражданъ могутъ также, подобно эмигрантамъ, заявить свои претензіи на вознагражденіе ихъ отъ государства. Къ тому же, эмигранты получили уже разными путями не прямое вознагражденіе, и притомъ не только по возвращеніи бурбоновъ: уже Наполеонъ осыпалъ ихъ доходными почестами. Вся сумма окладовъ и ежегоднаго жалованья, полученная до 1825 года эмигрантами, составляетъ не менѣе 68 милліоновъ франковъ».

По окончаніи бурныхъ преній, продолжавшихся почти цѣлый мѣсяцъ, проектъ закона былъ принятъ въ палатѣ депутатовъ большинствомъ 259 голосовъ противъ 124. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало согласіе перовъ и королевское утвержденіе. По этому закону сумма всѣхъ вознагражденій составляла 889 милліоновъ, для уплаты которыхъ предположено было выпустить трехпроцентныя государственныя облигаціи на сумму 1,000 милліоновъ франковъ въ теченіе пяти лѣтъ, каждый годъ на 200 милліоновъ. Герцогу Орлеанскому удѣлено было изъ этой суммы 14 милліоновъ; весьма крупныя суммы приходились также на долю значительнымъ людямъ либеральной оппозиціи, которые сами же возставали противъ закона о вознагражденіи. Таковы были, напримѣръ, генералы Тіаръ, Лафаяетъ, Ламетъ и другіе.

Въ ту же сессію палаты приняли предложенный министромъ законъ о восстановленіи женскихъ монастырей, который былъ предвѣстіемъ восстановленія всѣхъ монастырей вообще, и за-

конь о строгихъ наказаніяхъ за преступленія противъ церкви, на основаніи котораго за похищеніе церковныхъ сосудовъ полагалась вѣчная ссылка на галеры, за ограбленіе церкви смертная казнь.

29-го мая 1825 года Карлъ X короновался въ Реймсѣ со всею средневѣковою пышностію. При коронованіи его были всѣ высшіе сановники Франціи и иностранные послы, даже посланники Турціи. Священный сосудъ съ елеемъ, вѣкогда принесенный голубемъ съ неба для французскихъ королей, былъ разбитъ еще за тридцать лѣтъ до коронаціи Карла X, по повелѣнію конвента, но теперь оказалось, что какая-то благочестивая рука сохранила черепки его съ остатками неземнаго масла, и такимъ образомъ «на главу Карла — по выраженію «Монитѣра» — долженъ былъ пролиться тотъ самый елей, которымъ помазывались всѣ французскіе короли, начиная съ Хлодвига». Старинный церемоніаль вѣнчанія на царство былъ соблюденъ вполнѣ, только формы присяги были измѣнены: король уже не клялся искоренять еретиковъ, но повторилъ, согласно своему обѣщанію, присягу конституціи.

Послѣ коронаціи, какъ и до нея, король Карлъ оставался вѣренъ своимъ принципамъ. Мрачнаго Тарена (Tharin), утверждавшаго, что іезуиты есть отъ Бога дарованная опора монархіи, назначилъ онъ воспитателемъ герцога Бордосскаго. Конгрегации и іезуитамъ Карлъ подчинился до такой степени, что возбуждалъ сильнѣйшія опасенія и недовольство даже многихъ своихъ приверженцевъ. Представителемъ этихъ чувствъ явился Монтлозье, бывший эмигрантъ и строгій монархистъ. Его сильныя нападенія на господствовавшую политическую и церковную систему надѣлали много шума и произвели непримиримый раздоръ внутри ультра-роялистической партіи. Въ своей «Запискѣ о религіозной и политической системѣ, которая приведетъ въ разрушенію религіи, общества и трона», Монтлозье безпощадно изоблачалъ сущность и дѣятельность конгрегации. «Конгрегациа, говорилось въ этой запискѣ, не довольствуется тѣмъ, что завладѣла министерствомъ, полиціею и почтами, но еще въ янтресахъ своего владычества ввела во всемъ королевствѣ новую систему надзора. Шпіонство было въ прежнія времена промисломъ, которому пошлые люди отдавались за деньги. Теперь же шпіонства требуютъ, какъ доказательства честности. Конгрегациа вмѣняетъ своимъ послѣдователямъ шпіонство въ обязанность совѣсти, такъ что за него даютъ дворянское достоинство. Съ высшими классами общества поступаютъ въ этомъ отношеніи такъ же, какъ съ высшими. Посредствомъ общества св. Іосифа

конгрегація взяла въ свои руки и поработила себѣ ремесленниковъ. Учредили даже виноторговцевъ, которые продають напитки по дешевымъ цѣнамъ и которые, когда ихъ гости напьются, поучають ихъ благочестивыми рѣчами и молитвами. Конгрегація даже приняла на себя заботу о прислугѣ; я видѣлъ въ Парижѣ горничныхъ и лакеевъ, которые говорили, что они одобрены конгрегаціей». Даже палата перовъ заявила громкій протестъ противъ капудинской правительственной системы Карла X, особенно же противъ покровительства, оказаннаго Карломъ іезуитскому ордену.

Но самое сильное пораженіе испытано было правительствомъ, когда оно пожелало провести въ парламентѣ новый законъ о печати. Правительство предложило палатамъ законъ, подвергавшій періодическую прессу такимъ стѣсненіямъ, что по собственному признанію Виллеля должны были погибнуть всѣ парижскія газеты, за исключеніемъ двухъ или трехъ. Еслибы этотъ проектъ сталъ закономъ и еслибы существенныя его опредѣленія были исполнены, то пресса во Франціи погибла бы; науки, газеты, типографія, книжная торговля и всѣ соединенныя съ ними промыслы рухнули бы, Франція сдѣлалась бы орудіемъ іезуитовъ и возвратилась бы къ временамъ оти́мъ вантскаго эдикта.

Пренія о стѣсненіяхъ печати начались 14-го февраля, весь Парижъ слѣдилъ за ними съ напряженнымъ вниманіемъ, и замѣтно сочувствовалъ рѣчамъ либеральныхъ депутатовъ. Наиболѣе энергичн и благоразумія обнаружилъ во время этихъ преній Ройе Колларъ. «Законъ, противъ котораго я возстаю, сказалъ онъ, между прочимъ, свидѣтельствуеть о томъ, что въ правительствѣ существуетъ извѣстная партія, имени которой не назову, но о которой буду судить по дѣламъ ея. Теперь она предлагаетъ уничтоженіе прессы. Въ прошломъ году она выкопала изъ средневѣковаго мусора право первородства; а за годъ передъ этимъ законъ объ оскверненіи храмовъ. Такимъ образомъ въ религіи, въ гражданскихъ и политическихъ учрежденіяхъ, она желаетъ поворота назадъ. Какъ бы ее ни называли, контръ-революціею или какъ-нибудь иначе, это все равно: довольно того, что она идетъ назадъ. Посредствомъ фанатизма, привилегій и невѣжества, она стремится къ варварству и къ господству неразумныхъ силъ, которыя производять варварство. Но это предпріятіе имѣеть свои трудности. Пока мы не забыли того, что знаемъ, до тѣхъ поръ мы не поддадимся отупѣнію и рабству. И во всякомъ случаѣ движеніе умовъ происходитъ не отъ оди́хъ книгъ. Ему содѣйствуютъ трудъ, благосостояніе, экономическая независимость, совѣстная жизнь въ городахъ и легкость со-
Т. СLXXIX. — Стл. I. 39

общеній. Чтобы поработить людей, нужно сначала разъединить ихъ и сдѣлать бѣдными. Бѣдность есть единственное твердое обезпеченіе невѣжества. Такимъ образомъ слѣдовало бы сначала уменьшить народонаселеніе, убить промышленность, жечь фабрики, засыпать каналы, разрыть дороги. Если этого не сдѣлаютъ, то, значитъ, ничего не сдѣлаютъ для своей цѣли; если не погибнетъ вся цивилизація, то та доля ея, которая останется, всегда будетъ достаточна для того, чтобы сдѣлать беззаспѣшными всѣ напряженныя попытки противъ нея».

Несмотря на энергическія возраженія противъ министерскаго проекта, онъ былъ принятъ во второй палатѣ большинствомъ почти двухъ третей голосовъ. Но палата перовъ отвергла проектъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пораженія, министерство должно было выслушать еще болѣе рѣзкія выраженія неудовольствія. На смотру, который сдѣланъ былъ королемъ 27-го апрѣля (1827) легіонамъ національной гвардіи, виѣсть съ криками: «да здравствуетъ король!» можно было разслышать и другіе крики; напримѣръ: «да здравствуетъ хартія! долой министровъ! прочь іезуитовъ!» По возвращеніи же съ смотра въ столицу, одинъ легіонъ національной гвардіи прокричалъ передъ зданіемъ министерства финансовъ: «долой Виллеля!» Виллель отвѣтилъ распущеніемъ національной гвардіи, у которой, впрочемъ, не было при этомъ отобрано оружіе, умножилъ стѣсненія печати, ввелъ въ неповорную верхнюю палату 76 новихъ перовъ и выпустилъ палату депутатовъ. Но такъ велика была уже непопулярность правительства, что, несмотря на всѣ усилія Виллеля, новые выборы дали только 125 министерскихъ депутатовъ (изъ 428). Многія частныя зданія въ Парижѣ были иллюминированы по случаю этой народной побѣды; устроены были баррикады; войска должны были выстрѣлами разогнать народъ, толпившійся на улицахъ: было ясно, что еслибы Виллель остался при своей должности, то революція уже въ это время вспыхнула бы въ Парижѣ.

Карлъ рѣшился наконецъ разстаться съ Виллелемъ, и 4-го января 1828 г. назначилъ виконта Мартиньяка президентомъ министровъ. Это былъ весьма опытный дѣловой человекъ, съ благороднымъ характеромъ, но безъ всякихъ высшихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій, человекъ, колебавшійся между различными политическими системами и партіями. Въ тронной рѣчи, составленной Мартиньякомъ, особенное вниманіе обращено было на наваринское морское сраженіе и на содѣйствіе, оказанное Франціей освобожденію Греціи. Чтобы задобрить оппозицію, Мартиньякъ постарался провести въ палатѣ либеральный вѣби-

рательный законъ и еще другой законъ, въ значительной степени обезпечившіи свободу печати. Указомъ, подчинившимъ восемь французскихъ іезуитскихъ школъ надзору университета, и требовавшимъ, чтобы ни одинъ учитель въ нихъ не принадлежалъ къ нетерпимому закономъ обществу іезуитовъ, Мартиньякъ способствовалъ ослабленію вліянія этого ордена и удаленію многихъ изъ членовъ его за предѣлы Франціи. Съ неохотой утверждалъ король Карлъ эти нововведенія навязаннаго ему министерства, противъ котораго не стыдился тайно вести интригу. Радостныя же восклицанія, съ которыми встрѣтилъ короля народъ во время его путешествія въ Эльзасъ и Лотарингію, усилили въ немъ увѣренность, что Франція ждетъ всего хорошаго отъ трона, а не отъ конституціонной хартіи и что только журналисты, да газетчики вводятъ въ соблазнъ парижское населеніе. Когда же палата депутатовъ обнаружила недовольство самимъ Мартиньякомъ и стала виѣшиваться въ распоряженія относительно числа его помощниковъ и оклада ихъ жалованья, то король велѣлъ министрамъ подать въ отставку и, 8-го августа 1829 года, составилъ новый кабинетъ изъ ультра-роялистовъ. Во главѣ новаго министерства былъ князь Полиньякъ, котораго скудоуміе равнялось развѣ только упрямству; военнымъ же министромъ назначенъ былъ графъ Бурмонъ, измѣнившій Наполеону при Ватерлоо.

Назначеніе министерства, программю котораго было: *никакихъ уступокъ болѣе!* казалось объявленіемъ войны либеральной партіи, началомъ контр-революціи. Даже роялисты порицали королевскій выборъ и видѣли въ немъ «начало конца». Печать рѣзко высказалась противъ Полиньяка; авторы противоправительственныхъ статей были подвергнуты судебному преслѣдованію, но присяжные, большею частію, оправдывали ихъ. По всей странѣ распространились тайны общества съ республиканскими стремленіями; старія тайны общества усилили свою дѣятельность и вошли въ сношенія съ революціонерами другихъ странъ. Крайніе либералы поговаривали уже объ отказѣ въ уплатѣ податей и о вознагражденіи убытковъ тѣхъ лицъ, которыя за этотъ отказъ могли подвергнуться штрафу. Общество подъ названіемъ: «Береженаго Богъ беретъ» (*Aide-toi et le ciel t'aidera*), основанное еще прежде, дѣйствовало особенно энергично. Волненіе во всѣхъ классахъ народа было необыкновенное. Старога любмица французовъ, Лафайета, путешествовавшаго въ это время по южной Франціи, въ Греноблѣ, Лионѣ, во всей южной Франціи принимали какъ государя, награждали почетными звѣнками, сопровождали почетною стражей, встрѣчали иллюмина-

ціями, торжественными гимнами; между тѣмъ какъ дофинъ, герцога Ангуйемскій, въ то же время путешествовавшій на другомъ краю Франціи, въ Нормандіи, не слыхалъ отъ народа ни малѣйшаго правѣтственнаго восклицанія. Мало того: онъ долженъ былъ узнать, что бѣльшая часть шербургскихъ дамъ отказались быть на балѣ, данномъ въ честь ему въ Шербургѣ. Оппозиціонный листокъ, Насьональ, издававшійся подъ редакціей Тьера и Минье, особенно рѣзко высказывался противъ правительства. Въ своихъ статьяхъ онъ часто упоминалъ объ англійской революціи, о томъ, что король Іаковъ II, переставшій уважать народныя права и поставившій волю свою выше парламента и конституціи, уже не считался въ Англии правителемъ государства, что народъ отказалъ этому королю въ повиновеніи и, давъ ему возможность удалиться изъ страны, ввѣрилъ правленіе человѣку, который могъ сохранить конституцію, знаменитому Вильгельму III Оранскому. На кого, если не на Бурбоновъ дѣлались эти намеки; кому, если не Людовику-Филиппу Орлеанскому предоставлялось совершить дѣло возстановленія конституціи?

2-го марта 1830 года палаты снова были открыты. Въ тронной рѣчи своей Карлъ X вовсе не срылъ, что королевскія права считаетъ выше хартій и что съумѣетъ съ силою противодѣйствовать революціоннымъ прокламціямъ. Когда въ концѣ рѣчи у короля выпала изъ руки шляпа, и герцога Орлеанскій поднялъ ее, то въ этомъ обстоятельствѣ публика увидѣла печальное для короля предзнаменованіе. Въ отвѣтѣ палаты на тронную рѣчь говорилось о святости хартій, о преимуществѣ правъ народа предъ правами правительства и выражалось неодобреніе министерству. Депутаціи, вручившей королю отвѣтныи адрессъ, король объявилъ, что содержаніе этого адреса весьма прискорбно для него, но что онъ не измѣнитъ своего рѣшенія. «Если станутъ, говорилъ Карлъ своимъ друзьямъ, навязывать мнѣ новое министерство противъ моего желанія, то увидать, что я твердъ, какъ скала». Палата вскорѣ была закрыта, потому распущена. Избирательнымъ коллегіямъ повелѣно было вновь собраться къ іюню, а новому парламенту открыться 3-го августа.

Правительство не щадило средствъ, чтобы привлечь на свою сторону большинство народа. Лучшимъ средствомъ, повидимому, было предпринять какую-нибудь новую военную экспедицію и стяжать военные трофеи. Исходъ къ войнѣ представился отличный: французское правительство еще не отступило алжирскому дею, который, въ спорѣ о канникъ-то денежныхъ счетахъ, ударилъ нѣсколько разъ французскаго консула опухомомъ по лицу. Правительство объявило ему наконецъ войну и снарядило въ походъ войско въ 42,000 человекъ. Главное начальство надъ нимъ ввѣрено было военному министру Бурмону, котораго народъ ненавидѣлъ до такой степени, что желалъ ему скорѣе пораженія, чѣмъ побѣды.

14-го іюня французскія войска высадились въ 5 часахъ пути отъ Алжира. Арабы, въ числѣ 40 — 50,000 человекъ, большою частію воиные, напали на французскъ 19-го іюня, прежде, чѣмъ высадились французская кавалерія, но были отбиты и должны были оставить французамъ свой лагерь со всѣми военными и съѣзными припасами. Французы двинулись тогда къ Алжиру, овладѣли господствующими надъ этимъ городомъ высотами и стали обстрѣливать городъ съ суши и съ моря. Дѣйствовать было уступить и удалиться съ своими сокровищами въ Неаполь. 5-го іюля французы вступили въ столицу Алжира, гдѣ нашли 48 милліоновъ франковъ чистыми деньгами, множество драгоценныхъ товаровъ и военныхъ припасовъ.

Если министры надѣялись отуманить народъ этимъ блестящимъ военнымъ предпріятіемъ, то результатъ выборовъ показалъ, какъ жестоко они ошибались. Что эта экспедиція была лишь отводнымъ каналомъ для отклоненія политическихъ страстей, было слишкомъ ясно. Воззвание общества «Бережсваго Бога бережетъ», приглашавшее избирателей переизбрать всѣхъ депутатовъ, подписавшихъ оппозиціонный отвѣтныи адресъ, нашло себѣ благоприятную почву. Изъ избранныхъ вновь депутатовъ въ числу подписавшихъ адресъ принадлежало 202: недоставало только дватцати человекъ.

Во второй разъ страна высказала свое мнѣніе; но было ли оно выслушано? Нѣтъ. Король прибѣгнулъ къ 14-й статьѣ конституціонной хартіи, уполномочивавшей его принимать нужныи мѣры для исполненія законовъ и для охраненія государства. Если Карлъ X словамъ этимъ придавалъ тотъ смыслъ, что король можетъ издавать указы, противныи конституціи, если онъ, подобно Іакову II, считалъ себя въ правѣ освобождать себя и другихъ отъ исполненія какого угодно закона — въ такомъ случаѣ на что годенъ парламентъ, на что нужны еще кагіе бы те ни были законы?

Карлъ рѣшился нанести либераламъ рѣшительный ударъ. Онъ составилъ пять указовъ, которые, по его предположенію, могли сразу водворить спокойствіе въ государство. Вотъ содержаніе этихъ указовъ: «Палата, еще не собравшаяся, должна быть распущена, и въ сентябрѣ избраны новыи депутаты; прежняя избирательная система должна уступить новой, по которой избраніе депутатовъ въ парламентъ будетъ привилегіей богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, и число уполномоченныхъ съ 430 уменьшится до 262; всѣ газеты и книги должны появляться только съ королевскаго разрѣшенія, которое, въ случаѣ надобности, можетъ быть и отнято». Такими были измѣненія въ конституціи, предложенныи королемъ, таково было содержаніе знаменитыхъ пяти королевскихъ указовъ (ordonnances). Безъ согласія палаты эти указы или повелѣнія не могли имѣть никакой силы, а потому, готовясь привести свой планъ въ исполненіе и увѣренное въ противодѣйствіи палаты, правительство считало нужнымъ принять

нѣкоторыя мѣры предосторожности. Когда король спросилъ Полиньяка, заглядывавшаго въ отсутствіе Бурмона военнымъ министромъ: «какія сдѣланы военныя приготовленія?» то получилъ отвѣтъ: «въ нѣсколько часовъ можно собрать въ Парижѣ 18,000 солдатъ». На самомъ же дѣлѣ онъ могъ располагать только 11,000, которые уже полтора мѣсяца прожили въ Парижѣ и успѣли сдружаться съ столичнымъ населеніемъ. Главнокомандующимъ надъ этимъ войскомъ назначенъ былъ маршалъ Мармонъ, сердившійся на дворъ за то, что не ему, а Бурмону поручено было начальство надъ алжирскою экспедиціей. Кромѣ короля, дофина и министровъ никто не былъ посвященъ въ тайну ордонансовъ, даже маршалъ Мармонъ ничего не зналъ о нихъ и потому не могъ сдѣлать нужныхъ военныхъ распоряженій.

25 іюля указы были подписаны въ Сенъ-Клу. Еще разъ самонадѣянный Полиньякъ увѣрялъ короля, что сопротивленіе народа невозможно, что приняты всѣ мѣры предосторожности. Король былъ въ задумчивомъ настроеніи духа и на прощанье сказалъ министрамъ: «Мы рѣшаемся на весьма важный шагъ; но на меня вы можете рассчитывать, также какъ рассчитываю и я на васъ; мы соединены теперь на жизнь и смерть».

Несмотря на эти многозначительныя слова и серьезное настроеніе, господствовавшее въ совѣтѣ министровъ, ни король, ни его совѣтники не думали о серьезной опасности. Полицейскій префектъ, присутствовавшій на этомъ совѣщаніи, сказалъ съ увѣренностію: «Что бы правительство ни предприняло, Парижъ не тронется; головой ручаюсь за это».

Въ 11 часовъ вечера редакторъ Монитѣра призванъ былъ въ министерство истины и ему вручены были для отпечатанія королевскія повѣстанія. «Ну-съ, что скажете вы на это?» спросилъ Монбель, министр народнаго просвѣщенія у редактора, быстро прочитывавшаго рукопись. «Да сохранить Господь короля и Францію» отвѣтилъ тотъ. «Былъ я свидѣтелемъ всѣхъ революціонныхъ бурь, и выхожу отсюда съ глубокою боязнью новыхъ потрясеній». Сказавъ это, Сюаво поспѣшилъ въ типографію, и утромъ 26 іюля парижане могли прочесть въ Монитѣрѣ пять королевскихъ указовъ. Если всѣ парижане ошеломлены были ими такъ же какъ Сюаво, редакторъ, то трудно было предположить, чтобы Полиньякъ съ своими 11,000 солдатъ могъ удержать въ повиновеніи столицу Франціи. Жребій былъ брошенъ; Рубиконъ перешедъ; но не всякій, кто перешелъ его, есть уже Цезарь.

В. Покровский.

ЖИЗНЬ ИЛИ СОНЪ?

РАЗСКАЗЪ.

I.

Карликъ вы или нѣтъ? Если нѣтъ, то пожалѣйте объ этомъ—повѣрьте мнѣ пожалѣйте! Потому что вы многого лишились и многое недосмотрѣли въ жизни.

Гм! карликъ!... Надъ его ростомъ, фигурою и даже голосомъ часто смѣются поверхностные, легкомысленные люди—т.-е. почти всѣ тѣ, которыхъ матица-природа, себѣ на забаву, тянула за уши до тѣхъ поръ, пока не вытнула ихъ въ цѣлую колокольню, а уши не превратились въ ослиныя. Смѣются себѣ ходячія колокольни, потому что, кромѣ пустозвонства, отъ нихъ и ожидать нечего. А между тѣмъ никому изъ нихъ не приходитъ въ голову, что всякій карликъ—въ сущности великій человекъ, до котораго имъ не дорости; ибо онъ есть непремѣнно глубочайшій наблюдатель, сердцевидецъ и знатокъ людей. Да! благодаря своей незамѣтности, и онъ часто видитъ и слышитъ то, что совершенно недоступно для трехъаршиннаго верзилы; наткнется на событія, которыхъ глубокой и сокровенный смыслъ остается для другихъ непроницаемою тайной. И если бы хотя одинъ карликъ откровенно да правдиво разсказалъ свою жизнь—все видѣнное—о, какъ бы удивились и поумнѣли эти высокія колокольни изъ костей и мяса, которыя теперь только умѣютъ глупо скалить зубы!... Однако, хотя я ростомъ не выше обыкновеннаго ребенка пяти лѣтъ, и сѣдая моя борода чуть-ли не не длиннѣе меня самого—но ужъ конечно не я стану оказывать подобныя услуги вислоухой половницѣ человѣческаго рода. Слуга покорный!

Вотъ поболтать при случаѣ для собственнаго удовольствія, или даже поразсказать кое-что «на размышленіе» — это другое дѣло: почему-же и нѣтъ?... Напримѣръ, сегодня хотѣлось-бы мнѣ узнать ваше мнѣніе объ одномъ господинѣ, котораго при жизни счи-

тали человекомъ такъ-себѣ, а по смерти пожаловали въ дураки. Какъ распорядился онъ жизнью: умно или глупо?—вотъ въ чемъ вопросъ, и смѣю васъ увѣрить, совсѣмъ не легкій, потому что каждому изъ насъ сбываетъ тутъ съ толку субъективный взглядъ на дѣло—т.-е., попросту сказать, свой личный вкусъ и наклонности.

Я люблю примѣры.

Положимъ, что у г. Нѣкто есть только три рубля серебромъ и разорваны сапоги. Призываетъ великій артистъ. Г. Нѣкто, вмѣсто того, чтобы купить собѣ приличную обувь, отдаетъ послѣднія деньги за концертный билетъ. Умно это или глупо? Согласитесь, что подобный вопросъ рѣшается все-таки полегче чѣмъ тотъ, гдѣ дѣло идетъ о дѣлой жизни человека... И вотъ всякая колокольня, одаренная такъ-называемымъ здравымъ смысломъ, конечно сейчасъ раздвинетъ пасть до ушей, заржетъ своимъ пошлѣвшимъ смѣхомъ и проаркаетъ, что глупѣе ужъ нельзя было отнаться; при чемъ она будетъ съ удовольствіемъ сознавать свою собственную гениальную неспособность на подобный пассажъ. Колокольня, извольте видѣть, слыхала отъ людей, что музыкой ситъ не будешь, что надо быть благоразумнымъ, предпочитать полезное пріятному, и пр., и пр.. Все это она приняла въ свѣдѣнію. Почему оно такъ?—это ужъ не ея забота; и предложите ей подобный вопросъ—она сперва удивится, потомъ разсѣется. «Какъ почему? неужто лучше ходить безъ сапогъ?» Такая мысль, что можно предпочесть музыку сапогамъ—смѣшить колокольню; просто потому, что «какъ-же это? подобная идея ея даже никогда не приходила въ голову!» А ужъ кто виновать—идея-ли голова—это ее не беспокоитъ; тѣмъ болѣе, что всѣ другіе колокольни, слава-богу, всегда считали ее добропорядочной и благоразумной колокольней.

Ну, такъ оно, значитъ, и слѣдуетъ.

Но мы—съ вами наприимѣръ, читатель—необыкновенно остроумно догадываемся, что если г. Нѣкто отдаетъ свои деньги за концертъ—такъ это именно потому, что концертъ доставляетъ ему большее удовлетвореніе потребностей, чѣмъ все другое, стоящее три руб. серебромъ. А вѣдь въ такомъ случаѣ чудакъ-то поступаетъ совершенно правильно: не странно-ли было бы купить меньше (т.-е. сапоги), когда за тѣ же деньги можно купить больше (т.-е. концертъ)? И это только потому, что на сапоги больше охотниковъ, что такъ бы другіе сдѣлали!... Какъ вы думаете, высокопочтеннѣйшая колокольня? Вы, можете быть, провѣщаете, что нельзя имѣть подобныя вкусы; но вѣдь одинъ любить говядину, а другой спаржу—это ужъ дѣло природы, свѣдѣовательно ни умно, ни глупо, и ничего съ этимъ не во-

дѣлать. Сами же вы позволите сказать, что противъ рожна не попрешь—въ чемъ я съ вами и не согласенъ... А впрочемъ, вы, вѣроятно, ничего не думаете, потому что вообще не привыкли къ подобному упражненію; вы только хлопаете глазами—и этого совершенно достаточно, увѣряю васъ... вонъ чурбакъ и глазами не можетъ хлопать.

Здравый смыслъ! Вслухіе сдѣлали изъ него какой-то аршинъ человѣческакъ способностей... А между тѣмъ, что можетъ быть глуше здраваго смысла? Человѣкъ со здравымъ смысломъ—это именно человѣкъ безъ всякаго смысла—ходячій мѣшокъ, набитый трухлой самымъ пошлымъ понятіемъ и узкимъ аксіомъ—долбленая деревяшка, осужденная, въ видѣ волчка, безвыходно вертѣться, кружиться въ тѣсномъ кружкѣ рутины. Человѣкъ со здравымъ смысломъ набилъ себѣ въ голову, точно въ укладистый чемоданъ, нѣсколько яко-бы непреложныхъ правилъ житейской мудрости, да и нянчится съ нимъ весь вѣкъ, гордись убѣжденіями, твердо вызубренными съ чужаго голоса. Самъ онъ никогда не разрѣшился отъ бремени ни одной идейкой, рѣшительно не видитъ дальше того, что можетъ ощутить руками и понюхать носомъ; но гордо сидитъ въ своей мелочной лавчкѣ все-какихъ понятійкъ и убѣжденійкъ—этого недопрѣшага товара—и хоть сейчасъ готовъ разстояніе между мірами прикинуть на свой лавочный аршиничекъ. Словомъ, онъ самый ограниченный, несносный и тугой педантъ, съ самодовольствомъ и самоувѣренностью оракула... Это называется здравымъ смысломъ, и этимъ хотятъ взмѣрять, на сколько данная мысль или поступокъ выше уровня глупости: точно высоту мѣста надъ поверхностью океана опредѣляютъ!

А если хотите знать мое мнѣніе, то я совершенно убѣжденъ или, лучше сказать, навѣрное знаю, что въ сущности на свѣтѣ нѣтъ ничего ни умнаго, ни глупаго...

Но я лучше расскажу свою исторію.

II.

Лѣтъ пять тому назадъ случилось мнѣ бить въ Крестопольскѣ.

Это большой, красивый губернской городъ, съ университетомъ и населеніемъ въ семьдесятъ тысячъ. Я остановился въ Англійской гостиницѣ. Скука была непроходимая: знакомыхъ ни души, сунуться рѣшительно некуда... Что прикажете дѣлать? Цѣлый день провалился я на какомъ-то неудобномъ диванѣ, съ нелѣпою книгой въ рукахъ, и — какъ только жара начала спа-

дать понемногу—отправился побродить по улицамъ и поглазѣть на городъ: все-таки веселѣе.

Торопиться мнѣ было некуда, объ Англійской гостиницѣ я даже вспомнить не могъ безъ отвращенія, и потому прошлился довольно долго.

Уже совсѣмъ стемнѣло (было по крайней мѣрѣ десять часовъ вечера, а не то и половина одиннадцатаго), какъ я попалъ на Зеленую улицу. Такъ называется она вѣроятно потому, что посерединѣ устроили бульваръ, въ два ряда обсаженный большими, тѣнистыми деревьями.

Прохожихъ было мало. Рѣдко бѣгались какая-нибудь дамская шляпка и свѣтлое платье рядомъ съ высокою, темною фигурою мужчины. Неожиданно возникъ изъ темоты пьяный солдатъ и, пошатываясь, лавировалъ мимо. Торопливо проходила дѣвушка въ плащѣ. Медленно влчались два или три студента, взявшись подъ руки и громко говоря между собою.

Я присѣлъ отдохнуть на деревянной тумбѣ, въ черномъ пятнѣ тѣни, которое образовалось подъ большимъ, раскидистымъ тополемъ. Какой-то сторожъ, слѣшкомъ усердный (вѣроятно съ пьяныхъ глазъ), уже затрещалъ въ сосѣднемъ переулкѣ. Звѣзды крупныя и мелкія безъ числа высипали на темное небо; легкій вѣтеръ едва шевелилъ листьями...

У меня вѣчная привычка, несмотря ни на какую темноту, непрерывно вглядываться во все меня окружающее; можетъ быть, именно вслѣдствіе этой привычки я отличаюсь замѣчательной зоркостью. И на этотъ разъ, всматриваясь въ темную глубину бульварной аллеи, я скоро замѣтилъ какого-то господина, который, шаговъ на полтараста отъ меня, жался въ плоть у самаго ствола подъ широкими вѣтвями огромнаго дерева.

— Что это онъ, точно прячется въ тѣни? подумалъ я.— Или, можетъ быть, такъ себѣ разсѣлся...

Въ это время на бульварѣ вдали стали понемногу выясняться фигуры одного мужчины въ высокой шляпѣ и двухъ дамъ. Господинъ подъ деревомъ всталъ со своей тумбы и медленно пошелъ нмѣ на встрѣчу, какъ человѣкъ, который отдохнулъ и спокойно продолжаетъ прогулку. Но только что прохожіе поравнялись съ нимъ и прошли мимо—онъ сталъ идти еще медленнѣе, а когда они были уже на довольно большомъ разстояніи—вдругъ остановился, оглядѣлся кругомъ и торопливо занялъ свое прежнее мѣсто.

— Что за чортъ! подумалъ я (любопытство всегда было самою сильною изъ моихъ слабостей).—Надо подождать, чтѣ изъ этого выдѣтъ.

Минутъ черезъ десять, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ,

проходила дѣлая веселая компанія изъ пяти или шести человѣкъ. Мой господинъ опять повторилъ свой странный маневръ.

— Да это рѣшительно «таинственный незнакомецъ»! воскликнуть я, уже въ полномъ удовольствіи.

Тутъ мнѣ бросилось въ глаза одно обстоятельство, которое повидимому могло имѣть нѣкоторое отношеніе къ «незнакомцу». Прямо передъ нимъ возвышался большой бѣлый домъ, каменный, двухэтажный, который стоялъ какъ-то отдѣльно, благодаря переулку съ одной стороны и обширному, незастроенному двору съ другой. Я могъ видѣть со своего мѣста весь западный и весь южный фасъ дома, и замѣтилъ только теперь, что, несмотря на раннюю для города пору, въ немъ всё окна до одного были темны: хоть-бы огонекъ! Это заставило меня призадуматься: домъ былъ очевидно частной, а не казенной постройки; онъ даже казался отстроеннымъ на широкую барскую руку—слѣдовательно не для спекуляціи, а скорѣе ради собственнаго употребленія... Откуда же такая безматеежность? Очень можетъ быть, что она имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ моему незнакомцу.

Я уже начиналъ ждать, что въ одномъ изъ темныхъ оконъ мелькнетъ сигнальная свѣча.

Но пока я строилъ всё эти соображенія, на дворѣ молчаливаго дома вдругъ раздались голоса и блеснулъ свѣтъ; распахнулись тяжелыя ворота, оттуда выѣхала карета и остановилась у подъѣзда.

— Такъ вотъ оно что! подумалъ я: — тутъ куда-то ѣдутъ... Ну, посмотримъ.

Я сталъ осторожно пробираться поближе. Всякой колокольнѣ это, конечно, никакъ бы не удалось, потому что ночь была довольно свѣтлая, благодаря лунѣ. Но я такъ хорошо исчезалъ въ тѣни деревьевъ, крался до того тихо, что сталъ за спиной у моего незнакомца, и все-таки не былъ замѣченъ.

Скоро изъ бѣлаго дома послышался шумъ: зазвенѣлъ колокольчикъ, громко отодвинули задвижку дверей, сошли съ лѣстницы. Распахнулась выходная дверь, и на порогѣ показались двое слугъ со свѣчами, а потомъ дама среднихъ лѣтъ и молодая дѣвушка—обѣ въ бальныхъ костюмахъ.

Мой незнакомецъ спрятался за толстѣйшій стволъ дерева, представляя только голову, хотя мы были въ тѣни, а дамы освѣщены, и слѣдовательно никакъ не могли насъ замѣтить. Я же, стараясь получше разсмотрѣть, въ азартѣ подвинулся впередъ слишкомъ усердно, и едва не толкнулъ моего незнакомца шляпою подъ локоть. Къ счастью, въ пору опомнися.

Дама среднихъ лѣтъ оказалась мнѣ особенно такъ себѣ: ни хороша, ни дурна, и съ обинювенною безличностью выра-

женія. Но дѣвушка была просто чудо какая красавица! Вообразите себѣ правильныя, кроткія черты лица съ огромными, жгучими глазами; великолѣпные черные волосы, прикритые вѣнкомъ изъ темнокрасныхъ цвѣтовъ и темной зелени; немножко застѣнчивый и вмѣстѣ гордый видъ; высокая, стройная фигура въ полувоздушномъ бѣломъ платьѣ, съ букетами изъ тѣхъ же цвѣтовъ и зелени... Ну, я не умѣю описывать ни женскую красоту, ни женскіе наряды—но, ей-богу, можно было засмотрѣться!

Дамы только мелькнули передъ нами: карета поглотила ихъ и уѣхала.

Мой незнакомецъ постоялъ еще нѣсколько минутъ, какъ будто окаменѣлый, потомъ выпрямился, вздохнулъ и повѣсивъ голову, медленно пошелъ въ другую сторону.

— Цѣлая Испанія! подумалъ я, забывая впередъ, чтобы посмотрѣть на него.

Онъ меня даже не замѣтилъ.

Въ темнотѣ трудно было разглядѣть отдѣльныя черты, и я успѣлъ схватить только общее впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ средняго роста, очень прилично одѣтый, съ довольно обихованнымъ лицомъ и, кажется, бѣлокурый.

Онъ повернулъ въ переулокъ.

А я подошелъ къ воротамъ благаго дома, зажегъ свичку и, при ея свѣтѣ, прочелъ такую надпись: «Домъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Хромаго-Можайскаго».

— Ого! подумалъ я.

Однако, становилось поздно, идти было больше ничего—и я, въ довольномъ расположеніи духа, отправился въ Англійской гостиницѣ.

III.

Я уже дѣлаю недѣлю прожилъ въ Крестопоклонскѣ, а между тѣмъ дѣла мои нисколько не подвинулись впередъ и даже затонули на совершенно неопредѣленное время. Въ декабрѣ или въ маѣ удастся мнѣ вырваться изъ губернскаго омота—этого я рѣшительно не зналъ; а достовѣрно было только то, что во всякомъ случаѣ вожделѣнный конецъ моихъ дѣловыхъ истязаній предстоить еще только въ далекомъ будущемъ.

Понятно, въ какомъ свѣтломъ настроеніи духа и съ какими благосклонными чувствами смотрѣлъ я на Крестопоклонскъ и все въ немъ находящееся. Англійскую гостиницу покинулъ я съ негодованіемъ, перебравшись на какую-то частную квартиру,

кота и тамъ мнѣ было немножко лучше. Правда, что комнаты попались довольно порядочныя и даже не дороги, но скука въ нихъ была все та же: я серьезно началъ опасаться, что когда-нибудь разорву себѣ ротъ отъ зѣвоты.

Наконецъ однажды подѣ вечеръ, провалявшись весь день въ самой омерзительной хандрѣ, я вспомнилъ, что у меня остается еще одинъ порядочный ресурсъ. Въ Крестопоклонскѣ приходилось пожить полгода, а можетъ быть, и больше—что же мѣшало мнѣ завести какиа-нибудь знакомства? Я даже удивился, почему такая простая мысль раньше не пришла мнѣ въ голову: она была въ своемъ родѣ колумбовымъ яйцомъ, и я рѣшился на другой же день кое къ кому съѣздить. Прежде не стоило знакомиться на нѣсколько часовъ; теперь это все-таки было лучшее, что можно было сдѣлать.

А между тѣмъ я велѣлъ подать самоваръ, и напившись чаю, по обновленію пошелъ бродить по городу.

Начавши прогулку довольно поздно, часовъ въ одиннадцать, я проходилъ до часа и возвращался домой по зеленой улицѣ. Видно, мнѣ ужъ суждено было наткаться здѣсь на разныя приключенія.

Только что показался бѣлый домъ князя Можайскаго—вдругъ передо мной вывернулась изъ переулка какая-то темная фигура и зашагала впереди, не замѣтивъ меня. Я ее скоро узналъ, хотя могъ видѣть только со спины. Оно, правда, и не очень удивительно, потому что спину-то я зналъ лучше всего остальнаго: то былъ мой «таинственный незнакомецъ».

Я прибавилъ шагу, догнавъ его и осторожно пошелъ слѣдомъ.

Онъ лѣниво бралъ съ ноги на ногу, поднявши голову вверхъ и любясь погодой. Въ самомъ дѣлѣ, я и люблю такое время. Была, что называется, воробьиная ночь: темень кругомъ хоть глаза коли; все небо закрыто тучами, въ какихъ-то темныхъ и свѣтлыхъ пятнахъ; зарница поминутно вспыхивала съ разныхъ сторонъ; свѣжій, сырой вѣтеръ слегка шумѣлъ въ деревьяхъ и освѣжалъ лицо...

Между тѣмъ мы подошли почти къ самому дому князя Можайскаго. Во второмъ этажѣ два окна еще были освѣщены. Мой незнакомецъ повернулъ къ нимъ голову — и вполголоса заплѣлъ.

Слова его пѣсни были, очевидно, импровизаціей (замѣтно было даже, какъ онъ ихъ подискиваетъ) — импровизаціей довольно наивной и ужъ вовсе не художественной, за то очень задушевной; по крайней-мѣрѣ, они мнѣ понравились, можетъ быть, благодаря мелодіи и искреннему чувству пѣвца. Я частію не раз-

слушать, частію забывъ ихъ; знаю только, что тамъ, между прочимъ, было что-то въ такомъ родѣ:

Моя Оленька,
Оли милая!
Моя душенька
Ненаглядная!
Я люблю тебя —
Ну, не знаю какъ!
Для тебя, моя
Оли милая,
Все на свѣтѣ я
Согласился бы
Сдѣлать съ радостью —
Я готовъ бы былъ
Умереть сейчасъ!...

И потомъ опять прежнее, но уже грустнѣе тономъ:

Моя Оленька,
Оли милая!
Моя душенька
Ненаглядная!
И любить-то мнѣ
Не позволишь ты:
Ты обидишься,
Если свидѣешь —
Ты вѣдь важная,
Недоступная!...

И опять:

Моя Оленька,
Оли милая!
Моя душенька,
Ненаглядная!...

Мелодія пѣсни — вѣроятно, тоже импровизація — мнѣ чрезвычайно понравилась. Она была довольно однообразна; но сама простая, милая, и мой незнакомецъ пѣлъ ее такъ задушевно, хотя и не очень искусно, что я былъ, въ самомъ дѣлѣ, тронутъ. Я рѣшительно почувствовалъ къ нему большую симпатію: у него были какія-то особенно ласковыя, добрыя интонаціи въ голосѣ.

Вдругъ мнѣ пришла на умъ блестящая идея.

— Чего же лучше? подумалъ я: — вотъ умъ и есть начало моихъ знакомствъ.

И я рѣшился пойти за нимъ до его квартиры.

Оказалось, что онъ жилъ недалеко. Мы вошли въ незапертыя сѣни какого-то огромнаго зданія, и пустились странствовать по нескончаемымъ темнымъ корридорамъ. Повернули направо, потомъ налѣво, опять направо, опять налѣво — и стали всходить

по довольно крутой лѣстницѣ. Лѣзли, лѣзли — конца не было. Я уже думалъ, что мы находимся гдѣ нибудь очень близко отъ райскихъ высотъ; однако, потомъ оказалось, что это только третій этажъ крестоположской губернской гимназіи.

Наконецъ мой незнакомецъ остановился. Онъ отперъ какую-то дверь ключомъ, и мы, очевидно, попали въ его собственную квартиру. Шаркнула спичка, загорѣлась свѣча... Пора было дать ему замѣтить мое присутствіе: я подошелъ и вѣжливо поклонился.

Стѣнные часы прошипѣли часъ.

— На десять минутъ отстаютъ, замѣтилъ я незнакомцу, кивнувъ головою въ ихъ сторону.

Колокольня всегда останется колокольней, какимъ прекраснымъ голосомъ ни одарила бы ее природа. Я совершенно увѣренъ, что будь я десяти вершковъ ростомъ, съ кулаками по два фунта вѣсу въ каждомъ — мой пѣвецъ непременно очень удивился бы моему внезапному появленію и, можетъ быть, порядочно бы струнулъ, но все же не до онѣмѣнія всѣхъ чувствъ и способностей. За то, когда онъ увидѣлъ человѣка въ полтора аршина, съ длинной сѣдой бородой, который слѣдовательно не могъ ни убить его, ни ограбить — тутъ онъ и оторопѣлъ окончательно — оторопѣлъ до того, что въ первую минуту отскочилъ отъ меня на два шага, потомъ поблѣднѣлъ какъ смерть и рѣшительно приросъ къ мѣсту: только глазами уставился на меня съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ.

Я поспѣшилъ рекомендоваться, какъ будто не замѣчая его смущенія. Однако, онъ все еще не могъ прийти въ себя.

— Че... чему я обя...занъ вашимъ посѣщеніемъ? спросилъ онъ наконецъ, едва выговаривая слова своимъ коснѣющимъ языкомъ.

— Вашему необыкновенному, удивительному таланту! вѣжливо отвѣчалъ я и сталъ объяснять, какъ страстно люблю музыку, особенно вокальную, и какъ не могъ устоять противъ искушенія повнакомиться съ такимъ голосомъ, какъ у него.

Все это я говорилъ; а думалъ пока слѣдующее:

— Какъ бы ты, мой другъ любезный, не вытолкалъ меня въ шею (со мной это случалось): лѣстница здѣсь высокая...

Однако, оправясь отъ перваго впечатлѣнія, онъ пригласилъ меня садиться, и съ величайшимъ любопытствомъ сталъ осматривать меня съ головы до ногъ — взнодтишка, съ такимъ видомъ, будто глядеть совсѣмъ въ другую сторону.

— Это хорошо! подумалъ я: — онъ вѣжливъ и застѣнчивъ: значитъ, бояться нечего.

Въ свою очередь, продолжая раскваливать съ величайшимъ жаромъ его голосъ и манеру пѣнія, я незамѣтно, но внимательно

оглядѣлъ комнату. Квартира на третьемъ этажѣ — значитъ, конечно-то не важная птица, такъ-какъ высота общественнаго положенія всегда находится въ обратномъ отношеніи къ высотѣ квартиры. Но убранство замѣчательно: немойная и красивая мебель, хотя ея очень немного, хорошія обои, одна порадочная картина масляными красками (какой-то сельскій видъ съ группой носарей на первомъ планѣ), и множество цвѣтовъ. Цвѣты стояли вездѣ: на окнахъ, на письменномъ столѣ, на полу. Въ большихъ вазахъ — вмѣсто пальмъ, камелій, рододендровыхъ и тому подобнхъ дорогихъ растений — красовались наши обыкновенные клены, сосны, березы и бѣлая акація. По угламъ изъ-за зелени выглядывали двѣ гипсовыя статуи, на высокихъ деревянныхъ подставочкахъ; одна изображала какую-то стремящуюся вверхъ фигуру, съ зажженнымъ фавеломъ въ поднятыхъ рукахъ, другая — молящуюся женщину, на колѣнахъ, въ глубокомъ горѣ.

Я посмотрѣлъ на моего незнакомца: кроткое, задумчивое лицо; на видъ лѣтъ двадцать-пять; ни красивъ, ни некрасивъ.

— Гдѣ же вы могли меня слышать? спросилъ онъ наконецъ, въ отвѣтъ на мои похвалы. — Я, кажется, нигдѣ не имѣлъ удовольствія встрѣчаться съ вами, да и вообще не пеню при людяхъ.

— О, это совершенно случайно! Сейчасъ я шелъ за вами по улицѣ, и вы, поровнявшись съ домомъ князя Можайскаго, заплѣли какой-то русскій романсъ... Но что за прелесть этотъ романсъ!

Онъ жестоко покраснѣлъ: просто сгорѣлъ, что называется.

— Скажите, пожалуйста, чья это музыка? спросилъ я.

— Гурилева.

— Гурилева? Скажите! Странно, что мнѣ не случилось ее прежде слышать... Я вѣдь воображалъ, что знаю всѣ его романсы: мы съ нимъ когда-то были очень хороши (и въ глаза его не видалъ). А слова чья?

— Неизвѣстно... Вываженны только какія-то двѣ буквы.

Засиживаться было неловко, да и незачѣмъ. Поговоривъ еще нѣсколько минутъ, я всталъ.

— Мнѣ чрезвычайно пріятно, что удалось съ вами познакомиться, объяснилъ я на прощанье. — Можетъ быть, мое вторженіе съ вамъ было немного безцеремонно и не въ пору...

— Помп...

Онъ хотѣлъ возражать.

— ...но я пріѣзжій въ вашемъ городѣ, рѣшительно никого не знаю, и поневолѣ долженъ былъ самъ представиться.

— Я очень радъ, пробормоталъ онъ неловко.

— Надѣюсь, что вы мнѣ позволите иногда заходить къ вамъ, если только я не слишкомъ буду васъ беспокоить.

— Помилуйте... я очень радъ...

И опять неловко. Очевидно, онъ не привыкъ говорить подобныя фразы... не бывалъ въ обществѣ. Но, онъ одѣтъ очень изящно, и манеры у него порядочныя, хотя и не довольно развязныя.

Незнакомецъ сталъ свѣтить мнѣ съ лѣстницы. Потомъ, когда я спустился уже до полованы, онъ вдругъ — quatre à quatre — догналъ меня и спросилъ, гдѣ я живу. Я сказалъ свой адресъ, и прощаясь, еще разъ крѣпко пожалъ ему руку.

IV.

Ну-съ, господа, теперь я намѣренъ пуститься въ литературу — то-есть прибѣгнуть къ неожиданнымъ перемѣнамъ времени и мѣста, къ лиризму, къ забѣганью впередъ, къ подразниванью и недомолвкамъ — словомъ, ко всѣмъ тонкостямъ сказочнаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, коли ужъ началъ рассказывать, то почему же не рассказать хорошенько?... Или вы, можетъ быть, воображаете, что только колокольни одарены всѣми возможными талантами, въ томъ числѣ и литературнымъ?... Потрудитесь убѣдиться, какъ вы грубо ошибаетесь.

И такъ.

1841-й годъ. Ильинъ день. Полтавская губернія.

Ясный вечеръ тихо догоралъ надъ хуторомъ Кривой Вражекъ. Послѣднія облака заката, точно остатки разсѣянной арміи, слѣшили укрыться вслѣдъ за солнцемъ, потухая съ каждой минутой. Темнота быстро густѣла на единственной улицѣ и въ садахъ небольшого селенія.

Бабы, по случаю праздника, затѣяли хороводъ. Рѣзко звенѣла ихъ голосистая пѣсня. Но рядомъ съ обѣихъ сторонъ было еще два хутора — и потому на пѣсню въ Кривомъ Вражѣ слабо, блѣдно отвѣчалъ хороводъ Сабановки. А изъ Роева доносились только глухіе, отрывистые звуки, точно басовыя ноты органа; слышно было: гу...гу... но что именно поютъ — Богъ вѣсть.

За всѣми этими звуками и пѣснями чуялась, однако, обычная вечерняя тишина мирнаго селенія: не услышишь людскаго говору, не прогремитъ телега, даже не пройдетъ никто мимо... Только за плетнемъ грустно тренькаетъ балалайка (какой-нибудь поваръ или лакей одиноко призадумался надъ своею долею), да съ околицы вдругъ раздается громкій дѣтскій зовъ:

— Вань-ка!... ой!

Т. СLXXIX. — Отд. I.

— ...ой! отвѣтять ему издали — и опять тишина, опять хоропроводная пѣсня, да далекое жу... жу... изъ Роева.

Хорошо, я вамъ скажу, вйти въ эдакое время на балконъ, развалиться на мягкомъ креслѣ и просиживать такъ, съ сигарой во рту, цѣлые часы, слѣдя за темнотой, за первой звѣздочкой, за звуками пѣсни — за всѣмъ, что дѣется въ божьемъ мірѣ... Какая-то странная тревога незамѣтно, но властно охватываетъ тогда всю душу, свѣтлая грусть сладко щемить за сердце; крылати мечты несутся безъ конца... И забываешь о томъ, какъ глупы и дурны окружающіе люди; гордое презрѣніе, точно ниль (навѣянная жизнью), слетаетъ съ души; вспоминается далекаго дѣтства, милія лица, молодыя думы — все, надъ чѣмъ хотѣлось бы забыться на вѣгъ — все, благодаря чему, иной разъ очнешься, а морщинистыя щеки и сѣдая борода смочены слезами...

Довольно! Вы, высокія, глухія колокольни, смѣтаетесь надъ неопредѣленнымъ и безцѣльнымъ чувствомъ, стыдитесь собственной слезы, бессмысленно стараетесь одеревенить душу, отвязываетесь отъ одного изъ лучшихъ наслажденій, и съ пошлымъ самодовольствомъ превращаете жизнь въ сухой, холодный формуляръ... Что жъ! конечно, не я стану объяснять вамъ вашу ошибку. Нѣтъ! вы сами умны, высокія колокольни! вы часто позволаете себѣ смѣяться надъ бѣдными картинками: вы смеетесь!... Ну, и живите же своимъ умомъ; живите, какъ знаете — а изъ насъ никто вамъ не учитель.

Къ дѣлу, господа!

Въ Кривомъ Вражѣ, въ сторонѣ отъ селенія (саженей на сто), стоитъ небольшой господскій домъ. Тростниковая крыша, шесть оконъ въ фасъ, да два въ мезонинѣ, и по балкону съ каждой стороны — вотъ его скромная наружность. За то внизъ по горѣ бѣжить отъ него огромный, старинный садъ, и скрашиваетъ собою всю мѣстность. Болѣе квадратной полуверсты затопилъ онъ своими зелеными волнами, изъ которыхъ только тамъ и сямъ торчатъ непокорная вершина темной сосны или пирамидальнаго тополя.

Часовъ въ восемь вечера, когда хоропроводы были въ полномъ разгарѣ, блѣдно-красная полоска на западѣ смотрѣла такъ жалобно и жалко, а темнота кругомъ уже замутила воздухъ и пошла заглядывать во всѣ углы, — на высокой балконъ господскаго дома вышелъ Иванъ Петровичъ Сермагинъ, въ халатѣ и съ длиннѣшимъ чубукомъ въ рукахъ.

Это было человѣкъ средняго роста, довольно полный и лѣтъ

сорока на видъ. Лицо добродушное, нѣсколько задумчивое, движенія лѣнливыя...

Сермягинъ служилъ хуторскимъ прикащикомъ у князя Хромага-Можайскаго, котораго главное помѣстье — село Гайдамаки — находилось въ семи верстахъ отъ Криваго Вражка. Тамъ проживалъ главноуправляющій князя, Яковъ Карловичъ Штейнвегъ, и отъ него ужъ вполне зависѣли пять-шесть управителей другихъ, мелкихъ владѣній.

Сермягинъ десятый годъ хозяйничалъ въ Кривомъ Вражкѣ — и дѣйствительно онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, съ которыми не легко расстаются наниматели: честный по природѣ, простой, искренно и глубоко почтительный передъ высшими — онъ не могъ дать никакого повода къ серьезному неудовольствію.

Въ настоящую минуту Иванъ Петровичъ находился въ очень свѣтломъ настроеніи духа: день выдался праздничный и вообще задачивный. Поутру ѣздилъ онъ съ женою къ обѣднѣ въ Гайдамаки. Тамъ, когда народъ сталъ расходиться изъ церкви, на панерти остановилъ ихъ самъ князь (лѣтомъ онъ обыкновенно пріѣзжалъ на полтора мѣсяца въ свое помѣстье), — разговаривалъ чрезвычайно милостиво и даже подшучивалъ: «Что это у тебя — говорить — Иванъ Петровичъ, дѣтей нѣтъ? Или съ женою владно живете? Наталья Семеновна, вы смотрите: онъ отъ васъ потихоньку за другими-то не ухаживаетъ ли?»

— И какъ это они ими даже запомнили: Наталья Семеновна! думаетъ Сермягинъ, приятно улыбаясь. — Вотъ это вельможа — видать, что настоящій вельможа... Почему имъ не приласкать маленькаго человѣка? А то красновоставскій баринъ, Осипъ Андренчъ Королекъ — тотъ, словно собака, тебя оборветъ. Потому — самъ отъ нашего брата недалеко ушелъ, такъ надо себя соблюсти, чтобъ помнили, кто онъ есть. Вельможу и такъ всякій знаетъ — равняться не станеть; а эдакому барину только форсомъ и взять... Намедни, за что онъ меня при всѣхъ дуракомъ назвалъ? Ну; и я жъ ему говорю: «Это — говорю — мнѣ, сударь, не въ обиду, и никакому человѣку не въ обиду. Потому — если я дуракъ — не моя въ томъ вина: Богу было такъ угодно, а я не самъ собою сдѣбался». Вотъ ты и знай! А онъ говорить: «Еще философствуетъ — говорить — скотина!» — «Что жъ! — говорю — и этимъ вы не меня обидѣли, а образъ и подобіе божіе во мнѣ обидѣли; такъ вамъ за то и отвѣчать придется».

Отъ Осипа Андренча Королева мысли Сермягина перешли къ сосѣдней армаркѣ, отъ армарки къ водамъ, отъ воловъ къ засывамъ гречихи.

И долго сидѣлъ онъ на балконѣ, то докуривая, то снова на-

бывая свою безконечную трубку. Ангелъ ночи, со звѣзднымъ факеломъ, пролетѣлъ надъ землею, разсыпавъ миллионы искръ по всему; хороводы зазвучали лѣнивѣе, а въ Сабановѣ и вовсе перестали пѣть; на селѣ зажглись огоньки...

Сермягинъ все куритъ, да думаетъ.

Изъ зала послышался слабый бой часовъ: *разъ*, прозвонили они. Онъ отставилъ чубуку на всю длину руки, и сталъ прислушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ.

Два, три, четыре... десять, пробили часы.

— Десять! подтвердилъ себѣ Сермягинъ, хотя и безъ того отлич-но зналъ, который именно часъ — и снова принялся за трубку.

— А это чтó?

Съ дороги послышался лошадиный топотъ: кто-то скакалъ верхомъ. Изъ сумрака вдругъ точно выпрыгнула темная фигура всадника, и лошадь, храпя, остановилась передъ балкономъ.

— Иванъ Петровичъ!

— А?

— Вотъ ихъ сіятельство приказали вамъ отдать. Да чтобъ было сохранно.

— Сами изволили приказать?

— Сами-съ.

— Чтó жъ это такое?

— Извольте получить.

Всадникъ передалъ Сермягину корзинку.

— Постой! постой! крикнулъ-было Иванъ Петровичъ.

«Самъ-то ты кто?» хотѣлось ему спросить, потому что за темнотою нельзя было узнать княжескаго посла, а голосъ словно бы незнакомый — но того и слѣдъ простылъ.

За то на крикъ Сермягина отвѣчалъ другой, слабый крикъ — изъ привезенной корзинки.

Иванъ Петровичъ чуть не уронилъ ее на полъ.

— Чтó такое? Господи!

Онъ бросился въ комнату, поспѣшно снялъ шелковое одѣяльце, нѣсколько покрывшегъ изъ тонкаго полотна — и подъ ними оказался ребенокъ — маленькій, красный, точно сейчасъ отъ родильницъ.

— Наташа! Ташенька!

Жена Сермягина прибѣжала, испуганная громкимъ зовомъ.

— Смотри, чтó прислалъ князь!

— Князь?

— Да.

— Чтó жъ это значить?

— Чтó жъ это значить? спросили они въ одно время, и,

молча глядя другъ другу въ глаза, окаменѣли съ обѣихъ сторонъ надъ корзиной.

На другой день Иванъ Петровичъ отправился въ Гайдамаки.
— Доложите! сказалъ онъ, входя къ главноуправляющему, и по обыкновенію засѣлъ въ залѣ.

Черезъ минуту туда явился Штейнвегъ.

— Чтѣ прикажете, Иванъ Петровичъ?

— Позвольте спросить: вамъ извѣстно на счетъ ребенка?

— Какого ребенка?

Сермагинъ разсказалъ о своемъ вчерашнемъ приключеніи, и чрезвычайно удивилъ Штейнвега.

— Вы говорите, князь прислалъ?

— Точно такъ-съ.

— Странно... А кто привозилъ?

— Вотъ этого-то я, признаться, не замѣтилъ. За темнотой нельзя было разглядѣть... А онъ какъ отдалъ — сейчасъ и усканалъ. Я кричу: «Постой! постой!» — куда тебѣ! даже топота не слышно.

— Чтѣ же вамъ теперь угодно?

— Доложите, Яковъ Карлычъ, ихъ сіятельству... То-есть, на счетъ того, какъ они прикажутъ съ ребенкомъ... все-таки, надо знать.

— Хорошо, я сейчасъ пойду — узнаю. Посидите здѣсь, покуда.

Штейнвегъ вернулся черезъ полчаса.

— Извините, что заставилъ васъ столько ждать: задержали... Ну-съ, мой любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, а вѣдь ребенка-то къ вамъ, вѣроятно, подвинули: князь о немъ даже и не слышалъ.

— Можетъ ли быть?

— Сидѣю васъ увѣрить. Сейчасъ только говорилъ съ его сіятельствомъ.

— Вотъ это штука!

Сермагинъ помолчалъ съ минуту, совершенно растерянный.

— Ну, что жъ — божіе благословеніе! сказалъ онъ потомъ, опомнившись.

— Да, конечно.

Помолчали еще немножко.

— Тамъ прощайте, Яковъ Карлычъ. Извините, что обезпокоилъ.

— Ничего-съ. Прощайте... А что же вы съ ребенкомъ-то?

— Какъ, что? Замѣсто сына будетъ. Не бросить же его въ канаву: божіе благословеніе!

— Ну, доброе дѣло сдѣлаете!

V.

Сермягинъ отправился къ священнику, попросилъ его отслужить благодарственный молебенъ, вернувшись, разсказалъ Ташеньгѣ о своихъ похожденияхъ въ Гайдамакахъ и подкидывалъ былъ принять во вражковскомъ домѣ съ двумя балконами, на правахъ роднаго сына.

Сначала его выходили и выкормили, что, конечно, не обошлось безъ великихъ заботъ и восторговъ Натальи Семеновны. А потомъ, когда ребенокъ подросъ, его стали баловать не въ свою голову: Пашеньгѣ всѣ домашніе должны были въ глаза смотрѣть.

Саша былъ, впрочемъ, мальчикъ тихаго и скромнаго характера, такъ что даже отчаянное баловство и обожаніе окружающихъ не въ состояніи были сдѣлать изъ него бойкаго шалуна. Онъ росъ одиноко, безъ общества другихъ дѣтей, любилъ бродить по саду, мечтая Богъ вѣдаетъ о чемъ, и создавалъ себѣ свои особыя, молчаливыя игры. Такъ иногда бралъ онъ какойнибудь пруть и начиналъ косить имъ крапиву или другую траву, гдѣ ни встрѣтится. Это былъ его походъ, его сраженіе: палка представляла собою одно войско, крапива — другое. Вопросъ состоялъ въ томъ: кто побѣдитъ? Если пруть съ размаху ударялся о какойнибудь нень, скрытый крапивой — это былъ искусная засада ея полководца. Иногда подобная засада рѣшалъ участь войны, потому что палка ломалась.

Саша придумывалъ себѣ и другія подобныя же фантастическія забавы. Въ головѣ его возникали цѣлыя романы, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись и люди, и деревья, и трава, и бабочки, и все окружающее. Забравшись на верхъ старої коптильни, онъ любилъ воображать себя на башнѣ. Верхомъ переѣзжалъ въ бродъ мелкую рѣчонку, вспоминая о Терекѣ и черкесахъ. Мечталъ о возможности существовать въ лѣсу или въ поляхъ, ловить себѣ рыбу, стрѣлять дичь, самому готовить обѣдъ, спать гдѣнибудь въ пещерѣ или на открытомъ воздухѣ, встрѣчаться со всевозможными приключеніями, узнать всѣхъ птицъ и звѣрей, подмѣтить, какъ они живутъ.

Но всего болѣе любилъ Саша читать. Какія бы книги ни доставалъ Иванъ Петровичъ, онъ глоталъ ихъ съ невѣроятной жадностью. «Вѣчный жидъ», «Юрій Милославскій», «Альфъ и Алдона», «Донъ-Кихотъ» въ переводѣ г. Масальскаго, «Леонидъ»

(Р. Зотова), «Квентинъ Дорвардъ», «Черная женщина», «Амалать-Бель», «Битва русскихъ съ кабардинцами»... мальчикъ всѣмъ зачитывался. Многотомные романы кончалъ онъ въ одинъ приемъ, много въ два. Иной разъ сидитъ надъ книгой цѣлый день, а когда на ночь отннмуть свѣчу, между тѣмъ интересъ возбужденъ самый жгучій—онъ читаетъ при лунномъ свѣтѣ съ огромнымъ трудомъ, немилосердно уничтожая свои глаза, и безъ того очень близорукіе.

Такимъ образомъ воображеніе и нервная впечатлительность развивались въ немъ съ особенной силой на счетъ всѣхъ другихъ способностей и даже физической силы. Впрочемъ, проводя цѣлые дни на воздухѣ, онъ былъ достаточно крѣпокъ и здоровъ.

Иванъ Петровичъ радовался влеченію Саши къ книгамъ, съ простодушіемъ неученаго человѣка, воображая, будто оно доказываетъ неимовѣрныя способности, будто изъ его приема современемъ и невасть что выйдетъ. Посовѣтовавшись съ Ташенькой, онъ рѣшился «отдать его въ науку». Пригласили какого-то семинариста, который подготовилъ мальчика во второй классъ гимназіи, и двѣнадцати лѣтъ отвезли его въ губернской городъ, гдѣ поручили за условленную плату попеченіямъ двоюродной сестры Ивана Петровича, бѣдной и доброй женщины.

Между тѣмъ, Саша словно и въ самомъ дѣлѣ принесъ съ собою божіе благословеніе въ домъ пріютившихъ его людей. Положеніе Сермягина быстро и неожиданно улучшалось. Князь два раза по собственному побужденію прибавилъ ему жалованья; а когда умеръ Штейнвегъ, Иванъ Петровичъ занялъ его мѣсто, и такимъ образомъ сдѣлался даже замѣтнымъ лицомъ въ своемъ околоткѣ. Осипъ Андренчъ Королежъ, отличавшійся нѣкогда великой грубостью, теперь кланялся ему очень низко, а другіе мелкіе сосѣди считали за честь познакомиться съ главноуправляющимъ его сіятельства.

Впрочемъ, Сермягинъ очень мало измѣнилъ свой образъ жизни: неожиданное величіе на него какъ-то не подѣйствовало. Издержки его были все такъ же скромны, отношенія къ людямъ такъ же кротки и миролюбивы. Роскошь свою ограничивалъ онъ тѣмъ, что посылалъ больше денегъ Сашенькѣ, который былъ уже студентомъ, да заказалъ написать масляными красками видъ Криваго Вража. Этотъ видъ повѣсилъ онъ у себя въ залѣ на самомъ лучшемъ мѣстѣ, потому что сохранялъ особую симпатію къ прежнему мѣсту жительства. Думалъ—было Сермягинъ заказать еще портретъ съ жены, но Ташенька убѣдила его, что лучше послать эти деньги Сашѣ въ видѣ особаго подарка къ празднику. Такъ и сдѣлали.

Попрежнему Иванъ Петровичъ засѣвалъ поля, ѣздилъ на сѣнокосы, попережнему съ глубокимъ участіемъ выискивалъ въ хозяйственныя расчеты и соображенія, мечталъ объ урожаѣ и цѣнахъ на хлѣбъ, да въ свободное время наслаждался хорошимъ вечеромъ, пріятной бесѣдой, чашкой чаю съ густыми сливками, безконечной трубкой...

Тихо и ровно несло судно его внизъ по рѣкѣ жизни, туда, гдѣ поджидаетъ насъ общій для всѣхъ великій океанъ ничтожества. Начинаясь и кончалась весна, расцвѣтала и отцвѣтала природа; все кажется оставалось попережнему, все было неподвижно: то же небо, то же солнце, тѣ же соловьи и розы... Между тѣмъ, таинственное теченіе несло Сермягина впередъ, впередъ, ближе къ мрачному океану. Уже слышится далекій гулъ его прибоя, уже потянуло сырнѣмъ воздухомъ, а Иванъ Петровичъ свѣтъ себѣ горохъ, да приходитъ въ неподдѣльный ужасъ отъ огромнаго количества воробьевъ, истребляющихъ зерна.

Странная и необъяснимая комедія называется жизнью... Случалось ли вамъ, господа, призадуматься когда нибудь надъ неутомимой дѣятельностью, горячими стремленіями, надъ любовью и ненавистью, надъ страхомъ, радостью, надеждами и пр. в пр.—существа, которое неминуемо должно умереть не сегодня, такъ завтра и которое въ отношеніи ко всему существующему, такъ безконечно, понимаете ли? безконечно ничтожно... Сколько борьбы, страстей, высокихъ думъ и пламенныхъ желаній, для чего? чтобы умереть, чтобы сдѣлаться ничѣмъ, исчезнуть безъ слѣда, какъ исчезаетъ лѣтняя мошка или осеннее перышко съ одуванчика, плавающее въ воздухѣ по волѣ едва замѣтнаго вѣтра. И между тѣмъ, какіе міры, какія пространства отражаются въ мозгу ничтожнаго человѣка, который словно паразитъ копошится въ грязи бѣдной, дрянной планеты. Зачѣмъ?.. Зачѣмъ эти солнца, эти непостижимыя громады мертвой матеріи съ ея мертвыми силами и механическимъ движеніемъ? Не ужь-то ради живыхъ существъ? Но они сравнительно такъ совершенно зависимы, такъ окончательно безсильны, да наконецъ зачѣмъ они сами?.. That is the question, милостивые государи! и вызываетъ онъ въ душѣ чувства тайнаго ужаса, ребяческой беспомощности, глубочайшаго самоуничженія. Въ природѣ, скажутъ, нѣтъ слова: *зачѣмъ*, это только одно изъ представленій человѣческой мысли. Фактъ — есть фактъ; существуетъ онъ, потому что существуетъ; и рядомъ съ безконечностью матеріи во времени и пространствѣ, совершенно логично является ея безпричинность... Пусть! Но отвѣтъ ли это, господа? и если отвѣтъ, то случилось ли вамъ надъ нимъ задуматься, задуматься надъ своей собственной без-

цѣльностью, ненужностью, надъ дною коичностью своихъ мыслей, чувствъ, стремленій — всего себя...

А впрочемъ, гдѣ вамъ!

Стой, другъ колокольня! Если я вижу ясно всё твои недостатки, не думай пожалуйста, чтобы я и своихъ не выдалъ такъ же ясно... За что отнесся я къ тебѣ сейчасъ съ такимъ обиднымъ высокомеріемъ, да еще послѣ всего, что только что наговорилъ передъ этимъ? Ты глушь, я уменъ; ты мелочень и пошла, у меня благородная душа и высокія стремленія. Пусть такъ; но все-таки дай руку, другъ и товарищъ: мы съ тобою одинаково ничтожны! Иной разъ у меня выпривается движеніе невольной досады, когда я вижу твою смѣшную претензію стать наряду со мною; я сержусь не изъ самолюбія, не за себя, а за тебя: мнѣ досадно, если человекъ тупо, упрамо не хочетъ понять того, что у него дѣлается подъ носомъ, что ясно и неоспоримо, какъ день Божій... Но развѣ и это не ребячество? Въ сущности не все ли равно, что бы ты ни думалъ обо мнѣ и о себѣ?.. Не все ли равно-все на свѣтѣ?

Ты меня, разумѣется, не помялъ... Утѣшься, другъ! Немного умѣе, немного глупѣе — пусти! Я тебѣ позволяю даже думать, что это я нагородилъ цѣлую страницу неосуществимой чепухи, что ты гениальная колокольня, а я варликъ не только тѣломъ, но и разсудкомъ... Все равно!

Слушай дальше.

Надежды Сермягина относительно будущаго ученаго величія Саша не совсѣмъ сблысь: въ гимназіи считался онъ изъ среднихъ, да и въ университетѣ тоже. Саша работалъ какъ-то вяло, словно по обязанности, легко отвлекаясь отъ своихъ занятій. Довольно было принести новую книжку журнала, чтобы всякая работа, не исключая срочной, отправилась у него къ чорту. Раза два молодой Сермягинъ принимался за науку съ увлеченіемъ, подстроивши себя красивыми мечтами; но эти порывы были, разумѣется, недолговременны. Притомъ же онъ не отличался способностью быстро схватывать суть того или другаго предмета, потому что не умѣлъ на немъ сосредоточиться: воображеніе, мысль у него слишкомъ привыкли къ своеволю. Встрѣтится, напримѣръ, въ серьезной книгѣ какая нибудь подходящая фраза, Саша призадумается и пожелъ писать: глаза смотрятъ все на одну страницу, а не то знаменитая «Исторія Цивилизаціи» и вовсе опускается внизъ, слишкомъ тяжелая для легкой мысленной руки молодаго мечтателя; фантазія съ удивительною быстротою перелетаетъ вѣва, народи, пространства. Величавыя пирамиды, одинокія среди пустынныхъ песковъ — точно брызги,

которыя успѣлъ добросить къ намъ океанъ прошедшаго, прежде чѣмъ окаменѣлъ вмѣстѣ съ ними; колоссальные храмы и дворцы Египта, гдѣ нѣкогда кипѣла незнакомая намъ жизнь и знакомыя страсти, нинѣ полуразрушенные, хмурые, объятые таинственнымъ безмолвіемъ смерти; Сократъ съ чашей ада въ рукѣ, со снежной улыбкой на губахъ, передъ собраніемъ взволнованныхъ и раздраженныхъ судей; бѣдные, полунагіе рыбаки, съ печальными пѣснями разстилающіе сѣти на гладкихъ камняхъ песчаного берега, тамъ, гдѣ нѣкогда красовался гордый Тиръ; ну-стынникъ Петръ на Клермонтскомъ соборѣ, его вдохновенная рѣчь, горящіе глаза и жалкое рубище пилигрима, невѣроатный энтузіазмъ всего собранія, слезы, молитвы, крики: «Dieu le veut! Dieu le veut!», тысячи красныхъ крестовъ, мгновенно появившіся Богъ вѣсть откуда, и вслѣдъ затѣмъ хорошенькая дѣвушка, недавно встрѣченная на гуляньѣ, ея толстая шапка, легонькій романъ съ граціозными подробностями, импровизированный тутъ же... все это бѣжитъ, летитъ одно за другимъ. Проходить цѣлый часъ, а Сашѣ жаль оторваться отъ своего думанья, сухое занятіе нейдетъ на умъ...

Вообще время, которое Сермигинъ провелъ въ гимназіи и въ университетѣ, какъ-то скользнуло по немъ, мало коснувшись его внутренняго міра. Онъ отличался замѣчательною способностью наружно примѣняться ко всякимъ условіямъ, подлаживаться въ тонъ среды и людей, съ которыми пришлось имѣть дѣло, и при этомъ въ душѣ быть самимъ собою, не допуская туда почти никакихъ постороннихъ вліяній: тамъ сложился у него свой внутренний міръ, тщательно скрываеваемый отъ другихъ и глубоко равнодушный ко всему, творящемуся внѣ его области. Саша словно говорилъ людямъ: смотрите, а готовъ казаться, чѣмъ вамъ угодно, только пожалуйста оставьте меня въ покоѣ. Университетъ, товарищи и наука участвовали, слѣдовательно, въ выработку его склада мыслей и убѣжденій; но характеръ, наклонности, вкусъ, развивались совершенно независимо. Подчинить ихъ до известной степени своему вліянію могъ бы только человѣкъ, получившій доступъ ко внутреннему міру Саши, а такого человѣка не было. Въ гимназіи нашлись у него товарищи, друзья, съ которыми онъ повидному состоялъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ; но пришлось разойтись въ разные стороны и черезъ три, четыре года, Саша совершенно забылъ даже имена и лица многихъ — такъ мало они интересовали его въ сущности. Въ университетѣ онъ никому не говорилъ *ты*; окончивая курсъ, не звалъ половины своихъ товарищей по факультету.

Застѣчивый, серьезный на видъ, съ душою недоступной,

мечтательной и тайнѣ глубоко-нѣжной, способной полюбить до самоотверженія, Александръ Сермягинъ не умѣлъ сходиться съ людьми, да со многими и не пожелалъ бы сойтись. Притомъ же тщательно скрываемая, но неодолимая робость была одною изъ выдающихся особенностей въ его характерѣ. Двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду, онъ ни разу не рѣшился сказать любезное слово какой нибудь пригласившейся ему горничной, не потому, чтобы подобныя порывы не являлись въ немъ время отъ времени (молодая кровь всегда горяча), но просто потому, что конфузился. «Неловко, обидится!» думалъ онъ: «да и совѣстно... Ну, какъ съ ней заговорить? еще смѣяться будетъ», и встрѣчаясь съ дамой своего сердца гдѣ нибудь въ пустынномъ корридорѣ, онъ проходилъ мимо, потупившись съ самимъ суровымъ, непріязненнымъ видомъ, такъ что и ей не могла притаить фантазія подступиться къ нелюдну. Многие въ шутку увѣряли, будто Сермягинъ смотритъ профессоромъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ казался такимъ серьезнымъ, такимъ сгепеннымъ, благоразумнымъ для своихъ лѣтъ, что, конечно, никому бы не пришло въ голову считать его юношей. А между тѣмъ, этотъ профессоръ былъ въ душѣ величайшимъ мечтателемъ, сумасбродомъ и нѣжнымъ, привязчивымъ ребенкомъ.

Сермягину оставалось пробыть въ университетѣ еще полтора года, когда онъ получилъ тяжелое извѣстіе о смерти Ивана Петровича и вѣрной его Ташеньки, пережившей мужа только четырьмя днями. Все свое состояніе, то-есть пять тысячъ рублей, накопленныхъ съ великой бережливостью въ теченіе долгихъ лѣтъ, завѣщали они приѣмному сыну. Саша съѣздилъ въ Гайдамаки, поплакалъ надъ могилами, получилъ вещи, деньги и навсегда простился съ Полтавской губерніей.

Теперь онъ былъ совершенно одинокъ на свѣтѣ.

Грустно потянулись дни одинъ за другимъ, дѣлать ничего не хотѣлось, тоска одолевала... но

«Мертвый въ гробѣ мирно спитъ,
Жизнью пользуйся живущій!»

въ молодой душѣ горе не долго держится: Сермягинъ понемногу оправился, поднялся и сталъ такимъ же, какъ прежде. Только чувство одиночества сдѣлало его какъ будто еще болѣе сосредоточеннымъ и нѣскольکو унылымъ.

Въ свое время кончилъ онъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, и въ собственному удивленію безъ всякихъ хлопотъ получилъ мѣсто учителя въ одной изъ арестоповлонскихъ гимназій,

что почиталось большою милостью даже для лучших кандидатовъ.

— Васъ очень хорошо рекомендуютъ, замѣтилъ ему повѣститель, приказывая подать прошеніе.

— Кто? чуть было не сорвался вопросъ сгоряча; но робость одолѣла.

Получивъ мѣсто, Сермягинъ, отличившійся врожденной любовью къ вѣщному, спилъ себѣ щегольское платье, украсилъ сколько могъ казенную квартиру (на остатки отъ пяти тысячъ), повѣсилъ на стѣну наследственный видъ Криваго Вражка и приготовился вступить въ жизнь.

Жить ему хотѣлось: кровь кипѣла и сердце мучительно просило чувства; воображеніе строило волшебные замки; золотыиъ и розовымъ блескомъ оваренъ былъ міръ Божій...

Куда приведуть эти стремленія? на что потратятся силы?...

VI.

Стоялъ жаркій лѣтній день; солнце пекло невыносимо, и въ пять часовъ пополудни было еще такъ душно, что, конечно, безъ крайней надобности, никто бы не рискнулъ выйти на улицу.

Сермягинъ, пообедавши кое-какъ въ одномъ изъ ближайшихъ ресторановъ, успѣшилъ вернуться домой. Дѣлать было нечего, и не хотѣлось; да и возможности не было: жара одолѣвала, скука... Вооружившись какимъ-то беконечнымъ романомъ изъ переводныхъ, онъ завалился на постель. За стѣной звучало фортепьяно: дочь сосѣда-учителя разыгрывала — и даже очень недурно — *Sommernachtstraum* Мендельсона-Бартольди...

Не шла на умъ Сермягину разныя миссъ и мистриссъ; высокопочтенные джентльмены и лондонскіе оборванные негодяи смѣшивались въ его воображеніи — словомъ, не читалось какъ-то. Скоро книга и вовсе была забыта; собственные фантазии побѣдоносно заслоняли вымыселъ романиста. О чемъ-то думалось, что-то вспоминалось... что именно — самъ Сермягинъ не могъ бы объяснить, еслибы его неожиданно вывели изъ состоянія полудремоты. А за стѣною все звучало *Sommernachtstraum*.

Есть ли на свѣтѣ такой самый забытый, самый глухой уголокъ, такое самое разстроенное фортепьяно, гдѣ и на которомъ не играли бы Мендельсона-Бартольди?

И вотъ вспомнилась нашему герою знакомая, даже родная картина. Въ тихій лѣтній вечеръ гуляетъ онъ по заброшенному увядшему городку. Будь это Миргородъ, Хороль — не все ли

равно, читатель?.. Звѣзды мириадами горятъ въ далекомъ небѣ; шаги раздаются какъ-то особенно громко; на улицѣ пусто и темно—только гдѣ-нибудь у завалинки шепчется влюбленная пара; думы, безъ конца, лѣзутъ въ голову... Вдругъ вступаешь онъ въ полосу свѣта, и изъ открытаго окна несутся къ нему звуки жиденьаго, кислаго фортепьяно. Надо остановиться и послушать. Но какая это музыка—заранѣе извѣстно. Сначала пробарабанить кто-то *любимую* польку; потомъ споетъ меланхолическій романсъ, свѣжимъ и хорошимъ сопрано, но съ невыносимымъ преизбыткомъ чувствъ; а ужъ третьей пьесой непременно будетъ Мендельсонъ-Бартольди—обезображенный и искалченный, но все-таки Мендельсонъ.

Вдругъ картина измѣняется. Сермягинъ въ Петербургѣ. По богатой и ярко освѣщенной лѣстницѣ, сквозь толпу нарядныхъ дамъ, шитыхъ золотомъ мундировъ и важныхъ господъ во фракахъ, робко входитъ онъ въ огромную, залитую огнями концертную залу. Превосходный оркестръ или великій виртуозъ и гремитъ, и поетъ, и бѣснуется, и замираетъ на эстрадѣ. Льются дивные звуки, исполненныя невыразимаго смитенья, безконечной грусти, свѣтлаго счастья; слышится въ нихъ и тихое пѣніе ангеловъ, и безобразный хохотъ ада... Ласковые и грозные, страстные и безмятежные, громовые и журчащіе—разсказываютъ они какую-то таинственную повѣсть, непостижимую для ума, но сладко волнующую сердце. Пламеннымъ вдохновеніемъ, дивною свѣжестью и молодостью, неисчерпаемымъ богатствомъ жизни еще полны эти странные звуки, хотя творецъ ихъ уже болѣе полувѣка покоится тамъ —

Гдѣ вѣчное царство забвенья,
Покоя, святой тишины,
Смокаютъ земныя стремленья —
И руки крестомъ сложены...

Сермягинъ слушалъ, затерянный въ огромной толпѣ, которая, подобно ему, ловила каждый звукъ, жадно притановъ дыханіе.

Величавъ и недоступенъ, съ небесной думой на челѣ, прошелъ передъ нею суровый аскетъ Бетховенъ; бурнымъ порывомъ, высоко поднимая свой яркій факелъ, пролетѣлъ куда-то вдохновенный Моцартъ; блѣдный, скрываая жгучую боль подъ язвительной улыбкой, стоялъ загадочный Шуманъ. Но вотъ запорхали странные, прихотливые звуки; въ нихъ есть что-то еврейское... это Мендельсонъ-Бартольди вышелъ на сцену.

Сзади послышался Сермягину глубокій вздохъ. Онъ живо обернулся. За нимъ, прижавшись въ самый темный уголокъ, весь какъ-то опустившись, сторбившись и бросивъ руки на колѣна,

сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти-пяти на видъ и бѣдно одѣ-
тнѣй. Густые, косматые его волосы на половину носѣдѣли, такъ
же какъ и давно небритый, щетинистый подбородокъ; затаскан-
ный, черный платокъ, небрежно повязанный, сдерживалъ воротъ
мамитой и ветхой рубашки; на рѣсницѣ дрожала одинокая сле-
за, блестящая отраженіемъ огней парадной залы...

— О чемъ вы плачете? подумалъ Сермигинъ.

— Эту фантазію любила когда-то моя бѣдная мать! молча от-
вѣчала ему старикъ.—И, словно живая, стоитъ она теперь пе-
редо мною, со своими ясными глазами и ласковой улыбкой... Из-
дали звучитъ сильный, веселый голосъ отца... Голубая рѣка гѣ-
ниво ватится подъ овнами деревенскаго дома, и чудится мнѣ
шорохъ глухаго, стариннаго сада.

Старикъ уронилъ свою слезу; новая новисла на его рѣсницѣ.

— О, моя молодость! о, моя свѣжая, счастливая молодость!
продолжалъ онъ такъ же беззвучно. Какъ далеко, какъ безвозврат-
но ты улетѣла! Теперь, когда съ каждымъ днемъ сѣдина все
больше и больше пробивается у меня въ волосы, когда жизнь
моя, бѣжавшая по скаламъ и шумѣвшая водопадами, отражав-
шая въ себѣ и мрачный лѣсъ, и свѣтлое небо, тихо журчить
въ спокойной, но печальной равнинѣ, покрытая сѣренькимъ ту-
маномъ—теперь-то, болѣе чѣмъ когда-нибудь, дорожу я воспо-
минаніями—

И, сбросивъ лѣтъ тяжелыхъ бремя,
Съ любовью вызываю вновь
Изъ праха призрочное племя
Когда-то близкихъ мертвецовъ!
Въ туманѣ прошлаго они
Мельзаютъ блѣдными тѣнями —
И вамъ, младенческіе дни,
Я улыбаюсь со слезами!

Въ эту минуту зала загремѣла рукоплесканіями: пьеса кончи-
лась. Артиста вызывали два раза, не переставая стучать и вол-
новаться.

«Странное дѣло!» подумалъ Сермигинъ. «Отчего это публика
всегда принимаетъ Мендельсона-Бартольди съ особеннымъ жа-
ромъ, съ особеннымъ увлеченіемъ?»

— Вамъ угодно знать отчего? обернулся къ нему господинъ,
въ которомъ Сермигинъ, никогда не видавшій Сѣрова, почему-то
сразу узналъ автора «Рогвѣды».—Оттого, что публика поняла
въ немъ все до послѣдняго звука. Оттого, что, при всей ориги-
нальности и характеристичности формы, онъ слушателемъ со-
вершенно по плечу, ибо мысль его не отличается настоящей глу-

биной и силой... Произведенія Мендельсона считаются классическими. Но, рискуя возбудить противъ себя цѣлую бурю негодованія, я торжественно заявляю, что онъ—подложный классикъ; а потому-то именно я дорогъ такъ всѣмъ полумузыкантамъ и дамь-пьянистамъ. Въ очень немногихъ изъ твореній Мендельсона чувствуется неподдѣльное вдохновеніе, неподдѣльный порывъ художника. По большей части, это манерныя вещи, очень красивыя, очень эффектныя—но въ нихъ нѣтъ полноты, которую не замѣнишь длиннотами содержательности и строгаго, законченнаго развитія музыкальныхъ мыслей; а въ особенности нѣтъ той глубины, силы и цѣлѣности, которыми отличаются произведенія первыхъ мастеровъ искусства—и во главѣ ихъ всѣхъ Бетховена. Конечно, нечего и говорить, что Мендельсонъ...

— Васъ ждутъ! наклонился передъ Сермягинимъ какой-то господинъ во фракѣ, почтительно передавая ему віолончель и смычокъ.

— Развѣ я долженъ играть?

— Вы общали.

— Не можетъ быть! я не умѣю.

— Шутить изволите!

Господинъ во фракѣ улыбнулся.

Сермягинъ машинально двинулся впередъ.

— Покажите мнѣ, что такое настоящая музыка! напутствовалъ его Сѣровъ.

— Однако, что же это будетъ? думалъ нашъ герой.—Я не во фракѣ, небрежно одѣтъ... Вонъ у меня воротнички — длинные, неназраченные... Неловко!... Или ничего? подумаютъ: à la Байронъ.

Онъ взвошелъ на эстраду, поклонился, сѣлъ...

Первая, тихая нота зазвучала въ воздухѣ — и мертвая тишина мгновенно разлилась по залѣ; огромная толпа словно окаменѣла въ жадномъ вниманіи.

— Я великій музыкантъ! съ удивленіемъ подумалъ Сермягинъ.

И дѣйствительно, изъ-подъ смычка его выходили дивныя звуки. Это было нѣчто торжественное и вмѣстѣ глубоко грустное. Инструментъ пѣлъ тихо, спокойно... «Счастье — въ небытіи», горилъ онъ. «Смерть единственное блаженство, доступное человѣку... Вы только подумайте: умереть... какъ сладко умереть! Простаться съ оглушающимъ хаосомъ свѣта; уйти отъ шума, тревоги и страданій; уснуть... уснуть на вѣки!... Тишина... забвеніе... могла...» Инструментъ пѣлъ, оркестръ вторилъ ему полуподавленными вздохами — а въ душѣ подымалось какое-то

необычайное волнение: грудь тѣснило, слезы настойчиво подступали къ глазамъ... Сермягинъ чувствовалъ, что онъ готовъ разрыдаться передъ всѣми, какъ ребенокъ. «Это я, я!» думалъ онъ...

Послѣдній аккордъ, послѣдняя нота виолончели отзвучала: пьеса кончилась. Но нѣсколько мгновений всѣ еще слушали, точно очарованные таинственной силой магнетизера. Вдругъ страшный взрывъ рукоплесканій и неистовые вызовы громомъ прокатились по залѣ. Публика очнулась. На каждомъ, даже самомъ тупомъ лицѣ, горѣло необычайное одушевление; у многихъ женщинъ на глазахъ блеснули слезы... Толпа вышла изъ себя, бѣсновалась: хлопали руками, ногами, даже стульями. Одна молодая дѣвушка, съ распутившимися локонами, съ разгорѣвшимся румянцемъ, съ блистающими глазами, силилась апплодировать своими маленькими рученками, затаянными въ свѣтлыя перчатки. Какой-то офицеръ, съ длинными бакенбардами, френетически стучалъ саблею въ паркетъ и, красный отъ усилія, весь уставившись впередъ, хриплымъ голосомъ выкрикивалъ: bravo, bravo! Наша сѣверная натура разошлась, раскипѣлась и вылила свой восторгъ почти съ итальянской fugia.

— Стой! громовымъ голосъ закричалъ публикѣ Сермягинъ, вскакивая со стула и хватая капельмейстерскую палочку. — Еще не кончено!

Онъ словно весь выросъ; глаза метали молніи; гордое сознание власти и могущества переполняло высоко поднявшуюся грудь...

— F-dur, три четверти! скомандовалъ онъ оркестру.

Скрипачи, флейтисты, контрабасисты бросились къ своимъ инструментамъ.

— Разъ-два-три, разъ...

Оркестръ грянулъ полнымъ, торжественнымъ аккордомъ.

Полилась музыка шумная, неистовая. Вой вѣтра, громовые раскаты, зловѣщій гулъ морскихъ волвъ, браніе цѣпей, жалобные вопли—все тутъ было. Хаосъ — но хаосъ дивный, одурачившій. Оркестръ звуками живописалъ невѣроятныя картины. Борьба стихій и людскіе вопли сливались между собою; демоны съ воємъ неслись подъ покровомъ черной ночи; океанъ ревѣлъ и дико метался въ безсильной ярости своей противъ неба; черныя тучи громили его молніями...

— Fortel

— Crescendo!

— Crescendo!! командовалъ Сермягинъ.

Онъ взглянулъ на публику. Выѣдены лица, отвергнуты рты, безумные глаза...

— Fortissimo! крикнулъ онъ въ послѣдній разъ.

Ненотный гулъ инструментовъ смѣшался съ воплемъ людей. Тѣла, какъ одинъ человѣкъ, вскочила съ мѣсто. Одни кричали, другіе махали платками...

— Хоръ! воскликнулъ Сермягинъ.

Но вдругъ глаза его случайно обратились въ сторону и паючка опустилась, музыка была забыта: поодаль отъ толпы, стояла дѣвушка, задумчиво прислонившись къ мраморной колоннѣ... она одна повидимому не принимала никакого участія въ бѣснованіи. Глаза ея, чудной красоты, были безцѣльно устремлены впередъ; ротъ строго сложился; на лбу глубокая дума.

Взглянувъ на нее, Сермягинъ окаменѣлъ, застылъ въ своемъ восторгѣ. Между тѣмъ въ оркестрѣ безъ него пошла такая безтолковщина между музыкантами. Толстый контрабасъ гудѣлъ одно, скрипки визжали другое; турецкій барабанъ гремѣлъ не умолкая; надъ самой головой нашего героя неистово звучали литавры.

— Молчать! хотѣлъ онъ было крикнуть — и проснулся.

Солнце уже опустилось. Мягкій свѣтъ лѣтнихъ сумерекъ и вечерняя прохлада лились въ открытое окно. За стѣною младшая дочь сосѣда-учителя жалкимъ образомъ, подѣтски играла гаммы; кто-то терпѣливо считалъ за нею темпъ: разъ-два-три-четыре...

Сермягинъ поднялся съ постели. Голова его отяжелѣла отъ долгаго лежанья.

— Экая чепуха снится! подумалъ онъ, улыбнувшись—и сталъ собираться на прогулку.

Почти рядомъ съ гимназіей, гдѣ онъ занималъ казенную квартиру, раскинулся ботанической садъ, одинъ изъ лучшихъ въ Крестопоклонскѣ, который вообще богатъ садами. Туда по вечерамъ собирается довольно много гуляющихъ; туда же рѣшился отправиться и Сермягинъ.

Зеленая улица была, по обыкновенію, тиха и немногочисленна. Два пьяныхъ извозчика съ громомъ и крикомъ проскакали мимо, нещадно погоняя лошадей и стараясь обогнать другъ друга. Три или четыре группы гуляющихъ разсыпались по бульвару, направляясь къ саду. Испившій мужичокъ, балансируя направо-налѣво, ватушку пѣсно...

Сермягинъ все шелъ впередъ. Путь его былъ недалній: перерѣзавъ уголь площади, университетскій дворъ, онъ очутился въ саду. Здѣсь правѣтливо охватилъ его воздухъ, пропитанный

запахомъ маслинъ и бѣлой акаціи. Бѣлыя, розовыя, голубыя платья дамъ, черныя и соломенные шляпы господъ, эксцентрическіе костюмы студентовъ-народолюбцевъ, мелькали по дорожкамъ, то скрываясь, то вновь появляясь изъ-за зелени. Съ большой аллеи открывался прелестный видъ на нижнюю часть сада, на одинъ изъ уголковъ Крестопоклонска, на далекія, холмистыя поля и пылающій закатъ солнца.

Сермагинъ спустился въ ложнну, которая вѣтветъ по самой серединѣ ботаническаго сада, между холмами съ той и съ другой стороны. Тамъ всегда бываетъ очень мало гуляющихъ: встрѣтишь одного, много двухъ.

Тихо брелъ онъ то по травѣ, то по дорожкамъ, останавливаясь передъ кустомъ, срывая незнакомый цвѣтокъ, сворачивая въ сторону, чтобы осмотрѣть какой-нибудь непримѣченный до того закулокъ... А фантазія дѣлала свое дѣло и — по поводу цвѣтка, облаковъ, мелькнувшаго вдаль платья — зарождала цѣлыя рои мечтаній.

— Сойдемъ! пустыни, сойдемъ!

— Да полно, Оля!

— Ха-ха-ха... трусиха!... ха-ха-ха... смотри!

— Ну, какъ тебѣ не стыдно!

Сермагинъ поднялъ голову.

На вершинѣ одного изъ холмовъ, съ очень крутымъ, почти отвѣснымъ спускомъ, стояли двѣ дамы, нарядно одѣтыя, изъ которыхъ одна старалась удержать другую, схвативъ ее за платье. Занятая споромъ, онѣ, очевидно, не замѣчали нашего героя, до половины скрытаго кустами — и, благодаря этому обстоятельству, онъ осмѣлился жадно разсмотрѣть ихъ. Старшей казалось на видъ лѣтъ тридцать; лицо у нея было блѣдное, немного увядшее, но все еще привлекательное. Младшая, лѣтъ двадцать — та, которую звали Олей — глядѣла совершенной красавицей: ея стройная фигура, огромныя, жгучіе глаза и дѣтски-смѣющеся личико — просто ослѣпили.

— Ну, чего ты боишься?

— Полно, что за глупости!

— Ха-ха-ха... смотри!

— Оля! Оля!...

Дѣвушка неожиданнымъ движеніемъ вырвалась изъ рукъ своей благоразумной подруги, и быстро ринулась впередъ. Но на половинѣ пути громкій смѣхъ ея вдругъ порвался; раздался крикъ испуга... Она не смогла удержаться — и стремглавъ полетѣла внизъ по крутому склону.

— Ола! держись! Ола!... закричала сверху другая дама, и поспѣшно пустилась внизъ, дѣлывая руками за кусты.

Но Сермягинъ, бросившись впередъ невольнымъ порывомъ, принялъ дѣвушку въ свои объятія, такъ что она избавилась отъ ухаба.

— Извините! отскочилъ онъ почти въ то же мгновеніе, покраснѣвъ до корней волосъ.

— Merci, monsieur! чуть слышно отвѣчала Оля, тоже всплывая и потупивъ голову.

Въ такомъ положеніи, молча, престоили они другъ передъ другомъ, пока спустилась старшая дама.

— Мы обѣ очень, очень вамъ благодарны! съ ласковымъ взглядомъ обратилась она къ Сермягину. — Пойдемъ, Оля. En bien! est-ce que tu seras toujours...

Дамы исчезли за деревьями.

А герой нашъ долго еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, наклонивъ голову. Потомъ выпрямился, вздохнулъ и машинально двинулся впередъ.

— Знакомое лицо, право, знакомое! показалось ему вдругъ. — Я ее гдѣ-то видѣлъ... Гдѣ бы это?

Сермягинъ обошелъ цѣвѣтники, каштановую аллею... Все тотъ же вопросъ не давалъ ему покоя:

— Гдѣ я ее видѣлъ?

— Ва! вдругъ вскрикнулъ онъ громко, остановясь на ходу. — Во свѣ! Это та дѣвушка у колонны.

— Нѣтъ, я вру! мнѣ показалось... усомнился онъ черезъ минуту.

— Она! право, она!

— Да нѣтъ же... глупости...

— Она!

Взволнованный и озадаченный до крайности, Сермягинъ двинулся дальше. Онъ шелъ медленно, въ глубокой задумчивости; брови его сдвинулись, лицо суровое...

— Александръ Ивановичъ!

— Александръ Ивановичъ!

— А-ле-ксандръ Ивановичъ! оклинулъ его кто-то сзади.

— А? вздрогнулъ Сермягинъ по третьему разу, словно очнувшись. — Здравствуйте, Сергѣй Петровичъ.

Это былъ одинъ изъ его сослуживцевъ по гимназін.

— Здравствуйте. Чтѣ вы такъ задумались? Посмотрите-ка лучше: какова?

— Гдѣ? кто?

— Да вонъ — налѣво-то, налѣво.

— Ахъ!

То была Оля съ другой дамой: отъ выскочки изъ сада.

— Кто это? задно спросилъ Сермагинъ. — Вы не знаете?

— Невенъкая, батюшка, невенъкая! Подъ нашей киретой такихъ не водятся.

— Да кто же?

— Княжна Хрома-Можайская.

— Хрома-Можайская!...

Сермагинъ остолбенѣлъ.

— Но какъ же она сюда попала? отецъ ея служить въ Петербургѣ.

— Вышелъ въ отставку и переселился сюда, поближе къ нищизнѣ. У Сухлова домъ купилъ. Знаете, большой каменный, что рядомъ съ нашей гимназіей?... Вы теперь сосѣди.

Сермагинъ съ недоумѣніемъ и даже какъ будто съ испугомъ посмотрѣлъ на своего сослуживца.

Странно! Странно! Странно! звенѣло у него въ головѣ.

Онъ постоялъ молча, растерянный, потомъ вдругъ приподнялъ шляпу и, не сказавъ ни одного слова, быстрыми шагами отправился домой.

«Вотъ чудакъ-то!» подумалъ ему вслѣдъ товарищъ.

А чудачу надо было опомниться и успокоиться, потому что все, случившееся съ нимъ, показалось ему ужъ слишкомъ удивительнымъ.

— Сонъ... случай бросаетъ ко мнѣ прямо въ объятія... Хрома-Можайская... изъ Петербурга сюда, на постоянное житье... домъ непременно рядомъ... Тутъ же подвертывается съ готовыми объясненіями... Да что жъ это такое?! вихремъ пронеслось въ головѣ Сермагина.

VII.

Ну-съ, господа, теперь литераторству конецъ. Хотя вы и колокольни — но все-таки, надѣюсь, способны понять, что герой мой влюбился, да и не могъ не влюбиться въ княжну. Странное сплетеніе обетовальствъ поразило его воображеніе, заставило думать о ней, создавать романы. Онъ сначала больше изъ шалости, — ради удовольствія пометтать и подразнить себя — искалъ случая съ нею встрѣтиться; потомъ это незамѣтнымъ образомъ сдѣлалось для него потребностью: онъ преслѣдовалъ ее въ театрѣ, въ концертахъ, въ церкви, поджидалъ у подъезда, — вездѣ, гдѣ была надежда взглянуть на нее хоть вскользь, хоть мимоходомъ... Княжна отличалась въ самомъ дѣлѣ дивною кра-

состою, — врасчетъ безъ пятна и упрёка; надѣлать ее всѣми возможными совершенствами ума и характера было такъ легко; сердце моего героя давно стремилось привязаться къ кому-нибудь беззаветно, полюбить до самозабвенія и найти счастье въ самомъ страданіи: это было его натурой, его потребностью. А тутъ еще воображеніе...

Изъ шутки у Сермягина вышла страсть — тихая, молчаливая, сосредоточенная, но тѣмъ болѣе ужасная. Стоило вдуматься въ этого человѣка, вмадѣться въ его душу, характеръ — и легко было убѣдиться, что если даже болѣзнь его когда-нибудь кончится, то не иначе, какъ высосавъ всѣ жизненные соки и превративъ пылающую душу въ истасканную, никуда не годную ветость.

Способны ли вы это сообразить, о мои эмсокие слушатели? Нѣсколько сомнѣваюсь; но раскопывать ясные — право, не могу. Во всякомъ случаѣ, я сдѣлалъ для этого все, что отъ меня зависѣло; а затѣмъ, моему литераторству конецъ: въ художника-романиста я снова превращаюсь въ простаго свидѣтеля, въ скромнаго рассказчика тѣхъ событій, которыя мнѣ довелось видѣть собственными глазами.

Слушайте!

Послѣ моего почтеннаго визита къ Сермягину, я съ нимъ сошелся довольно близко. Впрочемъ, это, легко понять изъ того, что я такъ подробно знаю исторію его молодости и первой встрѣчи съ княжною Хромою-Можайскою. Сермягинъ далеко не отличался общительностью; но онъ часто заходилъ ко мнѣ или я къ нему, мы вмѣстѣ проводили кѣлые вечера, и понемногу я въспросилъ его вполне, — не столько изъ любопытства, сколько изъ участія. Я полюбилъ этого человѣка, — можетъ быть, именно потому, что для него уже не было спасенія; я шагъ за шагомъ прослѣдилъ развитіе его болѣзни, видѣлъ, какъ онъ идетъ къ неминуемой гибели, и мучился своимъ безсиліемъ помочь ему. Эта была болѣзнь смрадная, передъ которой падаетъ во прахъ всевозмездное искусство врача. Да, я одинъкъ давно и слишкомъ близко знакомъ съ человѣческой натурой, чтобы дѣлать невозможныя попытки. Неотвратимое должно идти своимъ путемъ; а мнѣ оставалось только успокоить и усладить, на сколько можно, послѣдніе дни безнадежно-больнаго. Что пользы перечить, если нельзя помочь? Благоразумнѣе и человѣчнѣе было поддакивать...

Сермягинъ, повѣдному, тѣмъ привязался ко мнѣ; да промѣ того, я незамѣтнымъ образомъ сдѣлался для него почти необходимымъ. Не легко было отрваться у него тѣлу его любви: для этого потребовалось много ловкости и настойчивости; за то, разъ согласившись молча въ справедливости моихъ догадокъ,

онъ радъ былъ возможности поговорить съ кѣмъ-нибудь объ Огѣ. Трогательны и наныны были эти разговоры. Сермягинъ, чрезвычайно сдержанный по натурѣ, никогда не распространялся о своихъ чувствахъ, его даже неприятно коробило отъ каждаго моего нечаяннаго намека на нихъ; но рассказывать по дѣльнымъ часамъ о самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ, касающихся его богини — при чемъ, преисполненный глубочайшаго уваженія, онъ называлъ ее не иначе, какъ княжною Можайскою или Ольгой Сергѣевною — было для него огромнымъ удовольствіемъ. О чемъ бы ни зашла бесѣда, онъ умѣлъ ее какъ-то свести на свою вѣчную тему. Но ничто не доставило ему такого великаго, восторженнаго наслажденія, какъ похвала рижинѣ, — хотя бы какая-нибудь самая вадорная. Стоило, напримѣръ, сказать, что въ прошлое воскресенье на Можайской было очень хорошее платье, — Сермягинъ разомъ оживалъ, одушевлялся, начиналъ подробно толковать объ этомъ платьѣ, о другихъ туалетахъ княжны... Затѣмъ, съ неистощимой находчивостію, переходилъ онъ къ искусству одѣваться вообще; рассуждалъ объ этомъ, по-видимому, самыми общими фразами — но вы невольно чувствовали, что каждая изъ нихъ въ сущности намекаетъ на *нее*. И долго потомъ не отставалъ онъ отъ васъ. Пройдутъ, бывало, недѣли; забудешь совсѣмъ о несчастномъ платьѣ... вдругъ Сермягинъ, прицѣпившись къ какому-нибудь подходящему случаю, приведетъ его въ видѣ примѣра что ли, или для сравненія; а самъ весь такъ и сілетъ тихимъ счастіемъ, и на лицѣ его словно написано: «почувствуй, ничтожный человѣкъ, какъ умѣетъ одѣваться княжна Можайская!»

Ну, чему вы смѣетесь, негѣныя колокольни? Вреду умиравшаго ребѣнка? Очень забавно, въ самомъ дѣлѣ!... А впрочемъ, и я дуракъ, что ожидать отъ васъ чего-нибудь поумнѣе. Высокое положеніе имѣетъ свои неотразимыя условія!

Однажды вечеромъ, Сермягинъ зашелъ ко мнѣ очень не въ духѣ. Лицо у него было суровое, щеки непривычно-блѣдны. Онъ молча подалъ мнѣ руку и молча бросился въ кресло, словно усталый.

— Откуда вы?

— Изъ гнипавіи.

— Отчего такъ поздно?

Я уже привыкъ ожидать его къ семи часамъ, а теперь было девять.

— Засидѣлся въ педагогическомъ совѣтѣ.

— Что жъ у васъ тамъ?

— Тамъ... глупости.

И на нѣсколько минутъ мы оба замолчали.

— Вы какъ будто не совсѣмъ здоровы?

— Я? нѣтъ!... То-есть, голова немножко болитъ.

Посмотрѣлъ я на него: врать.

Опять помолчали.

— Знаете, я все думаю: не устроить ли намъ поѣздку за городъ, что-нибудь въ родѣ пикника? разумѣется, въ небольшой компаніи. Можно бы уговориться съ Новоселовымъ, Китаевымъ, Гуномъ... А чтó вы скажете?

— Что жъ, можно.

— Только куда бы поѣхать?

— Куда-нибудь...

— Развѣ въ Беззаботное?

— Пожалуй.

— Или къ монастырю?

— Все равно...

Пробовалъ я говорить, что у монастыря слѣдуетъ заняться рыбной ловлей, — до чего Сермягинъ былъ величайшій охотникъ — толковалъ о томъ, какъ бы прихватить съ собою неводъ, а не то хоть бредень. Но мой Александръ Иванычъ молчалъ все такъ же упорно или отдѣлывался самыми односложными замѣчаніями.

Бросилъ я и рыбу.

Просидѣли мы на этотъ разъ молча минутъ десять. Вижу, однако, человѣкъ мучается. Жаль его, хотѣлось бы помочь, разогнать тоску... Ну, влюбитно тоже: чтó, молъ, у него тамъ такое? съ чего дуется? Нечего дѣлать, — рѣшился я прибѣгнуть къ послѣдному, самому вѣрному средству, хотя оно мнѣ понадоibly достаточно.

— А мы съ Китаевымъ гуляли вчера въ Большомъ саду, объявилъ я, какъ будто такъ, между прочимъ. — Много народу было: весь бомондъ: Тунасовы, Алексина, Можайскія...

— Конечно, со всею свитой — Можайскія-то? спросилъ онъ, тоже какъ будто небрежно.

— Гусь ты! хотѣлось мнѣ сказать. — Ну, передъ кѣмъ ты притворяешься? Вѣдь я тебя насковъ знаю — знаю даже, чтó именно въ твоей глухой баннѣ дѣлается. Сначала ты ни о чемъ, кромѣ своей книжки, не подумалъ — линулъ прямо: «Конечно, со всею свитой?» то-есть, ужъ явѣтне, молъ, о комъ говорю, кто меня интересуеть. А потомъ сообразилъ, что вѣдь неловко выходить, увильнуть бы надо — и добавилъ: «Можайскія-то». Очень тонко! ни за что не догадаешься!... Экъ, ты — гусь! На-

дувай подобную собаку колокольни; а меня, братъ — руки вертеть, даромъ что съ версту вытянулся.

Однако я, разумеется, и вида не подаю; но отвѣчать все такъ же, небрежно:

— Да, со всею свитой: Цаловы, Сиддерсъ и Амнишка.

— Надо говорить: Амнишка, Цаловы и Сиддерсъ! любовно подсмѣялся Сермагинъ надъ своею богиней, которая до неловкости обожала какую-то гнуснѣйшую собачонку.

— Такъ! улыбнулся я про себя. — За двѣ минуты, отъ тебя слова нельзя было добиться, — а теперь ужъ и шуточка нашлась... Такъ! молодецъ ты притворяться, колокольня!

— Да, вы смѣйтесь надъ Амншкой! поддерживалъ я въ то же время бесѣду. — А Алексина вчера передъ нею цѣлыя пятнадцать минутъ разсыпалась въ любезностяхъ; и лапки, и мордочку цаловала.

— Еще бы! Вѣдь она нѣкоторымъ образомъ развѣнчанная парница. Была въ Крестопоклонскѣ первую — а тутъ вдругъ нашлась и побраснѣе ея, и побогаче, и познатнѣе, и получше во всѣхъ отношеніяхъ... Какъ же не возненавидѣть такую особу? А ужъ если ненавидишь — какъ же не улыбнуться ея собачонкѣ, слаще меда?

— Скажите! тоже наблюдатель человѣческой природы! невольно раскохотался я въ душѣ, такъ что даже на губахъ отразилась улыбка. — Туда же въ психическій анализъ пускаетесь! А у самого, — стоило о ней поговорить — ужъ и глаза блеснуть, и лицо оживилось, и совсѣмъ другіе человѣкъ сталъ... Ахъ, лень!

Но я воданнѣгъ нескремную веселость, и продолжалъ съ невозмутимымъ вѣдомствомъ:

— Много было хорошенькихъ... Вънѣ Крестопоклонскѣ, въ этомъ отношеніи, въ самомъ дѣлѣ, удивительный породъ: нигдѣ я не встрѣчалъ столько красивыхъ женщинъ! Понимайте, стоить на улицѣ заглянуть — и ужъ непремѣнно увидишь два-три лица, очень милостивыхъ. А иной разъ такое попадается, что даже ротъ раскроешь... Замѣчательный городъ!

Сермагинъ совсѣмъ одушевился.

— Да, знаете, по этой части, Крестопоклонскъ, дѣйствительно, изъ раду вонъ! заговорилъ онъ съ жаромъ. — Мнѣ вѣтъ случилось быть въ Черниговѣ, въ Смоленскѣ... Ну, дознайте ли, что, еслибы привезти туда хоть одну изъ нашихъ самиздъ второстепенныхъ красавицъ — изъ такихъ, видите, кто у насъ нима, хоть отгородь города, десертками можно считать — весь городъ съ два содѣтъ, ей-Богу! Тамъ она будетъ изъ первыхъ черная.

Сермагинъ улыбнулся, словно былъ на верху блаженства. А истинный смыслъ его рѣчи состоялъ въ слѣдующемъ: «какова же, значить, княжна Можайская, если даже въ Крестопоклонскѣ ее единодушно признають лучше всѣхъ — а по настоящему, и сравнивать-то ни съ кѣмъ невозможно».

— Да вы только сосчитайте, горячился онъ:—сосчитайте хоть самыхъ извѣстныхъ нашихъ красавицъ. Курумова, двѣ Ковровскія, Претичъ, Селимбаева, Тунасова, Ильина... лицъ двадцать наберется такихъ, что въ другомъ городѣ одного не сыщешь. А ужъ я не говорю о двухъ-трехъ звѣздахъ первой величины... То-есть: «я не говорю о Можайской».

— Кстати! изъ этихъ двухъ-трехъ звѣздъ, какъ вы ихъ называете, которая по вашему лучше: Зурова или Алексина? Я еще недавно былъ свидѣтелемъ горячаго спора по этому поводу.

— Знаете, трудно и сравнивать: это два совершенно различные типа красоты. Впрочемъ, на мой взглядъ — и въ той, и въ другой есть своего рода недостатки...

«Еще бы!» вставилъ я мысленно. Дѣло понятное!... а главный тотъ, что ни та, ни другая не имѣютъ счастья быть княжной Можайской».

— ...Зурова, напримѣръ, некрасиво улыбается. Улыбка, по настоящему, должна скрашивать лицо, какъ солнечный лучъ сврашиваетъ живописную мѣстность; а у нея этого нѣтъ... напротивъ, смѣхъ ее даже нѣсколько портить... Алексина же не нравится мнѣ выраженіемъ глазъ: въ нихъ, если взглянуть, есть что-то холодное, недоброе — и это производитъ чрезвычайно отталкивающее впечатлѣніе.

Въ переводѣ: «вспомните ангельскую улыбку княгини, вспомните чудный, ласковый взглядъ ее глубочайшихъ глазъ... Есть дураки, которые рѣшаются сравнивать ее съ Зуровой или съ Алексинной, — но вѣдь это дураки, дураки, дураки!»

— А вы, мнѣ кажется, почему-то предубѣждены противъ Алексинной: всегда такъ строго отзываетесь... Между тѣмъ, она, конечно, немаломо пустая и кокетливая барыня — но, право, въ сущности совсѣмъ не дурная. Въ этомъ случаѣ я могу полагаться на свою опытность, потому что женщинъ знаю насказозъ.

— Очень можетъ быть, согласился Сермагинъ, вскинувъ глаза прямо на меня.

Признаюсь, я даже покраснѣлъ отъ негодованія.

— Что вы такъ многозначительно взглянули?

Онъ, въ вѣжливости, какъ будто удивился.

— Вы, кажется, воображаете, что только люди трехаршиннаго роста могутъ нравиться женщинамъ? Вы думаете: откуда это

онъ опытности набрался?» Ошибаетесь, смѣю васъ увѣрить! Мы тоже производимъ иной разъ сильное впечатлѣніе, и даже намъ для этого не нужно вдыхать цѣлый годъ, задремавшись въ уголь... А еслибы въ средѣ современныхъ женщинъ было хоть немножко побольше развитости и пониманія, то на вашу долю — на трехаршинныхъ-то — пожалуй, и совсѣмъ бы ничего не осталось, потому что...

— Тьфу ты! спохватился я. — Можно-ли такъ горичиться? и ради чего? — ради того, что дураки всегда были, есть и будутъ дураками! Ну ихъ совсѣмъ!

Я подавилъ свою досаду и оборвалъ на полусловѣ, пробормотавъ:

— Впрочемъ, это все пустяки, не стоитъ и толковать...

Однако, мнѣ хотѣлось заплатить любезному Сермагину по заслугамъ, и потому, — рѣзко перерывавъ пріятный для него разговоръ о крестопоклонскихъ красавицахъ — я, съ самымъ невнимательнымъ видомъ, спросилъ:

— Почему вы сегодня пришли словно не въ духѣ?

Онъ сейчасъ же скорчилъ прескверную гримасу: значить, мой выстрѣлъ мѣтко попалъ въ цѣль... Еще бы промахнуться по цѣлю колокольнѣ!

— Такъ... кое-что по службѣ...

— А что именно?... если не секретъ.

— Нѣтъ, какой же секретъ... Все съ директоромъ... Представьте себѣ, съ нѣкоторыхъ поръ вздумалъ придираться ко мнѣ — и чортъ его знаетъ, съ какой стати: вотъ ужъ я никого не трогаю, — лишь бы меня не трогали! Такъ нѣтъ — дѣлаетъ...

— Что же у васъ вышло?

— Ничего особеннаго... Только, знаете, позволяютъ себѣ, скотина, дѣлать мнѣ непріятныя замѣчанія, — да еще при всѣхъ, въ совѣтѣ...

— Какъ это? за что?

— Ну, случилось мнѣ тамъ пропустить нѣсколько уроковъ... дѣла были...

— То-есть, понадобилось гдѣ-нибудь Можайскую выслотрѣть, комментировалъ я про себя.

— Ну, и этому придаютъ какую-то особенную важность... Точно, въ самомъ дѣлѣ, гимназія должна провалиться отъ того, что я разъ десять не явился въ классъ... Былъ у меня тоже на урокахъ: «вы — говорить — очень разсѣянны, васъ, очевидно, не интересуютъ ваши занятія». Какое ему дѣло, скажите, пожалуйста?

— Гм... Ну, все-таки, знаете... вѣдь онъ отвѣчалъ за благо-
состояніе заведенія.

— Такъ и пусть онъ говорить со мною, какъ служащій со
служащимъ! разгорячился Сермагинъ: — даже какъ начальни-
къ подчиненнымъ; пусть требуетъ, даетъ приказанія, — это его
право. Но пусть дѣлаетъ это вѣжливо, серьезно... А глупостей
и шуточекъ я не допущу!

— Какихъ же шуточекъ?

— «Зайдешь — говорить — къ вамъ въ классъ, такъ, право,
кажется, будто вы стихи пишете, или о какой-нибудь красавицѣ
мечтаете».... Что я ему — братъ или свать — чтобъ онъ могъ
позволить себѣ подобныя выходы? Я для него даже не простой
знакомый. Онъ директоръ, я учитель — вотъ и всѣ наши отно-
шенія. Скотина! семинаристъ!

— Что же вы ему отвѣтили?

— Да просто выругалъ, какъ послѣднюю дрянъ. «Позвольте—
говорю — милостивый государь, вамъ замѣтить, что вы берете
на себя слишкомъ много; за это иной разъ можно и полатиться.
Я вамъ не другъ, не близкій родственникъ — да и не желаю бы
этой чести, — а потому покорнѣйше васъ ярену держать себя
въ отношеніи ко мнѣ на благородной дистанціи». Онъ, пера-
вецъ, думаетъ, что если я, обыкновенно, смиренъ, такъ ужъ
можно все себѣ позволить... Я, знаете, дѣйствительно, не люблю
выводить нивакихъ тамъ исторій... Но вѣдь всему есть наконецъ
предѣлы!

— Однако, знаете, теперь директоръ вѣроятно будетъ васъ
преслѣдовать; а вѣдь онъ, пожалуй, можетъ надѣлать неприят-
ностей?

— Еще-бы! разумѣется, можетъ.

— Гм... это нехорошо.

— А что же мнѣ было дѣлать?

Сермагинъ замолчалъ и потупился.

VIII.

Прошло нѣсколько дней.

Я какъ-то мимоходомъ справился, какого рода человѣкъ ди-
ректоръ той гимназіи, гдѣ служилъ мой пріятель. Извѣстія ока-
зались самыя неутѣшительныя. Федоръ Петровичъ Коврайскій
былъ выскочка изъ поповичей — невѣжда, низкопоклонникъ и
пошлякъ, до крайности надутый своимъ начальничествомъ —
словомъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не прощаютъ
обиды подчиненному.

Сермагинъ ходилъ все болѣе и болѣе мрачный, ссылаясь на служебныя неприятели. Онъ откровенно сознавался мнѣ, что для него потерять мѣсто, — все равно, что камень на шею да въ воду, потому что ни къ какому другому дѣлу онъ неспособенъ, а если и способенъ, то не сумѣетъ его найти. Все это было слишкомъ саравадно; и я вполне понималъ, какъ кошки свребутъ на сердцѣ у моего пріятеля. Наконецъ въ одинъ прекрасный день Сермагинъ вовсе пропалъ. Послѣдній разъ пилъ онъ у меня чай въ поведѣльнякъ вечеромъ; затѣмъ прошли весь вторникъ, среда, четвергъ, пятница, — цѣлыхъ четыре дня — а онъ, что называется, и на порогъ не плюнулъ. Чтò такое? Попробовалъ я розыскать его дома, заходилъ нѣсколько разъ, и каждый разъ напрасно стучался въ запертую дверь. Справился въ гимназіи — и тамъ его не видали. Одинъ изъ его товарищей по службѣ, нѣкто Новоселовъ, зная наши пріятельскія отношенія, даже просилъ меня вышутъ Сермагину, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, такой ничѣмъ немотивированный пропускъ уроковъ можетъ повлечь за собою очень серьезныя неприятели, дѣлъ болѣе, что директоръ, кажется, видать въ немъ личное для себя оскорбленіе и непризваніе своей начальственной власти.

Все это, признаюсь, меня беспокоило. Я рѣшительно терпелъ въ догадкахъ, какъ объяснить себѣ странную выходку сумасброднаго друга. Но случай вывелъ меня изъ затрудненія, указавъ на ключъ мудреной шарады.

Въ пятницу вечеромъ, сидя въ какомъ-то кафе, я со скуки просматривалъ листокъ мѣстной, довольно пошудной газетки, и въ отдѣлѣ объявленій встрѣтилъ слѣдующее:

«Пропала собачка, породы кингъ-чарльзъ, черная съ бѣлыми лапками; зовутъ ее Амиской. Кто доставитъ таковую въ домъ князя Хромаго-Можайскаго на Зеленой улицѣ — получить двадцать пять рублей вознагражденія».

— Вотъ оно что! чуть не вскрикнулъ я громко. — Парн держу, что мой сумасшедшій рыцарь теперь по цѣлому городу за этимъ проклятымъ кингъ-чарльзомъ!

Дѣйствительно, на другой день утромъ Сермагинъ явился ко мнѣ не то смущенный, не то торжествующій (впрочемъ, больше смущенный), — и съ собачонкой на шнурѣ.

— Бабушка! гдѣ вы пропадали? встрѣтилъ я его громкимъ возгласомъ.

— Я... тутъ... за городъ ѣздилъ.

— За городъ! куда-жь это?

— Есть у меня знакомый человѣчекъ... давно общалъ...

Вижу, врать. Но что пользы мучить человека? Оставилъ такъ.

— Сумасбродъ вы, батюшка, совсѣмъ сумасбродъ! Нашелъ время загородныя прогулки дѣлать... А тутъ Коврайскій и рветъ, и мечетъ. Новоселовъ просилъ меня передать вамъ, что дѣло можетъ пойти очень плохо, что директоръ принялъ ваше отсутствіе за новое для себя оскорбленіе.

Сермигинъ вспылллъ. Въ первый разъ случилось мнѣ видѣть, какъ онъ сердится.

— Господи! вскрикнулъ онъ громко. — Когда же этотъ проклятый оставитъ меня наконецъ въ покоѣ? Чтò это въ самомъ дѣлѣ: точно на каторгѣ — шагу ступить нельзя... И чегò онъ ко мнѣ лѣзетъ? чегò онъ ко мнѣ лѣзетъ?!...

Сермигинъ даже покраснѣлъ весь отъ злости, и руки задрожали.

— Ну, полноте; чтò за важность! старался я его успокоить.

— Можетъ быть, еще дѣло какънибудь и обойдется.

— Я ему въ морду наплюю.

— Полноте...

Черезъ нѣсколько минутъ Сермигинъ утихъ. Онъ не могъ долго сердиться. Только нахмуренныя брови, да молчаливость показывали, что онъ не въ духѣ и на сердцѣ у него неспокойно.

— Откуда у васъ Амишка-то взялась? спросилъ я, чтобы разогнать неприятныя мысли. — Вѣдь это, вѣжета, Амишка Ольги Сергѣевны?

Сермигинъ вспыхнулъ цѣлымъ заревомъ; но глаза у него просіяли.

— Такъ... нечаянно встрѣтилъ на улицѣ... должно быть, потерялась...

— Гдѣ же это встрѣтили-то — въ деревнѣ? не могъ я удержаться; а Сермигинъ покраснѣлъ еще пуще.

— Нѣтъ, въ городѣ... на возвратномъ пути... случайно.

— Гм...

Опять помолчали.

— А у меня къ вамъ кстати есть просьба... началъ онъ, запинаясь.

— Чтò такое?

— Будьте такъ добры... если вамъ не трудно... отдайте Амишку Ольгѣ Сергѣевнѣ.

— Помилуйте! да отчего же вы сами не хотите отдать? встать бы познакомились.

Онъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, знаете, мнѣ не хочется... я уже объ этомъ думалъ... пожалуйста, будьте такъ добры: я на васъ рассчитывалъ...

— Ну, нѣтъ; я не пойду, воля ваша! съ какой же стати, посудите сами.

Сермягинъ перепугался, даже поблѣднѣлъ весь отъ волненія.

— Николай Александрычъ! ради Бога! я на васъ рассчитывалъ...

Сумасшедшій! вовсе сумасшедшій! бѣгалъ, хлопоталъ — взъ-за чего? Впрочемъ, и то правда, что передъ своей богиней онъ только вконецъ переконфузился бы да потерялся.

Я согласился безъ большихъ споровъ, тѣмъ болѣе, что, признаюсь, мнѣ интересно было поближе взглянуть на Можайскихъ. А Сермягинъ весь просіялъ, получивши согласіе: сдѣлался милъ, любезенъ и болталъ безъ умолку до тѣхъ поръ, пока какая-то сиверная мысль не мелькнула у него въ головѣ: брови опять нахмурились, и разговоръ оборвался почти на полусловѣ.

— Ну, про директора вспомнилъ! догадался я.

И точно.

Онъ взялся за шляпу.

— Куда вы?

— Къ Новоселову... узнаю, чтѣ такое.

— Съ Богомъ.

— Такъ я у васъ оставлю Амишку?

— Хорошо.

— Вы когда же пойдете?

— Да хоть сейчасъ.

— А вечеромъ будете дома?

— Да.

— Такъ я зайду.

— Хорошо, буду ждать.

— Ну, прощайте.

— Прощайте.

IX.

Да, признаюсь, мнѣ интересно было поближе взглянуть на красавицу-княжну, тѣмъ болѣе, что домъ Можайскихъ считался въ своемъ родѣ закодваннымъ царствомъ, куда попасть было не совсѣмъ-то легко.

Собираясь въ походъ, нарядился я самымъ строго-приличнымъ образомъ ни почелъ еобходимымъ задобрить Амишку, поглядивъ ее не безъ нѣкотораго волненія. Чортъ знаетъ! терпѣть я не

могу этой проклятой собачьей породы! тынешь тебя за руку, — и что ты съ нею возьмешь? вѣдь звѣрь: не разсуждаетъ. Впрочемъ, на этотъ разъ кингъ-чарльзъ самъ видимо меня трусилъ: весь какъ-то съжался и хвостъ поджалъ. Это меня нѣсколько ободрило, и, вѣжливо потанувши за шнурокъ, я пригласилъ его идти.

Двинулись.

Двери конечно отворилъ намъ швейцаръ — невѣроятно высокая колокольня, должно быть изъ отставныхъ гвардейцевъ. Увидавъ Амишку, которая съ радостнымъ визгомъ бросилась къ его ногамъ, онъ мнѣ пріятно улыбнулся.

— Слава тебѣ Господи, нашлась! А у насъ въ домѣ всѣ съ ногой сблизь, исламши.

— Доложи, братецъ, обо мнѣ.

— Какъ прикажете?

— Статскій совѣтникъ N N. Вотъ...

Я подаю ему визитную карточку.

— Сію минуту. Пожалуйста.

Я прошелъ въ залу, а швейцаръ передалъ мою карточку какому-то лакею во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, который (то-есть, конечно лакей, а не бѣлый галстухъ), увидавъ меня съ Амишкой, тоже пріятно улыбнулся и побѣждалъ докладывать.

Возвращеніе блуднаго кингъ-чарльза очевидно производило эффектъ. Не успѣлъ я опомниться и осмотрѣться, какъ уже въ сосѣднихъ комнатахъ раздались возгласы княжны, и сама она — вся розовая и сіяющая — выбѣжала въ залу.

Мой почтительный поклонъ заставилъ ее нѣсколько смѣшаться.

— Ah monsieur!... vraiment... je ne sais... comment vous megercier, пробормотала она несвязно, и бросилась къ Амишкѣ, частію ради радостной встрѣчи, а частію для того, чтобы скрыть свое смущеніе.

Въ ту же минуту явился и отецъ княжны — высокий, сѣдой старикъ — *sa belle-soeur* (та дама, съ которою она вездѣ показывалась), и какой-то молодой, неизвѣстный мнѣ господинъ.

Я подошелъ къ князю.

— Позвольте мнѣ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ. Мы сосѣди по имѣніямъ въ Сибирской губерніи, и я имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ на балѣ у тамошняго предводителя дворянства Енотова. Конечно, это было уже очень давно, лѣтъ десять тому назадъ...

Само собою разумѣется, князь давнымъ-давно забылъ о моемъ существованіи, ослабы даже и удостоилъ когда-нибудь замѣтить его на минуточку, въ чемъ я имѣю поводъ сомнѣваться: онъ не

отличался пронизательностью, а слѣдовательно не умѣлъ цѣнить людей какъ должно, особливо послѣ такого многолѣтняго знакомства. Но Можайскій слишкомъ хорошо зналъ приличіи, чтобы показать видъ, будто моя личность совершенно вылетѣла у него изъ памяти. Напротивъ, чѣмъ полнѣе онъ мени забылъ, тѣмъ предупредительнѣе встрѣтилъ: такъ ужъ заведено у людей навѣстнаго покроя.

— Помню какъ нельзя лучше, и очень радъ возобновить старое знакомство, сказалъ онъ, протягивая руку. — Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о моихъ симбирскихъ друзьяхъ... Скажите, вы давно изъ тѣхъ... кажется, я могу сказать: изъ нашихъ краевъ?.. Впрочемъ, позвольте прежде познакомиться васъ съ моимъ семействомъ. Оля (онъ улыбнулся) уже сама себя зарекомендовала; а вотъ, Софья Борисовна, жена моего покойнаго сына, и князь Василій Матвѣевичъ Любимовъ, Олинъ женихъ; онъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга.

Я просидѣлъ у Можайскихъ минутъ десять, очень бойко болтая со всюю компаніей, и откланялся, напутствуемый сотнею благодарностей за любезное возвращеніе Амвѣи и просьбами не забывать о симбирскихъ сосѣдяхъ, пока обстоятельства будутъ удерживать меня въ Крестопоклонскѣ.

Вообще я, кажется, произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, такъ что, признаюсь, не безъ гордости и самодовольства вышелъ отъ Можайскихъ: пріятно сознавать, что по части savoir-vivre, несмотря на свое скромное общественное положеніе, все еще можешь утереть носъ чванливымъ аристократамъ.

Боже мой! какъ, однако, згонистична природа человѣческая! Я пошелъ къ Можайскимъ ради Сермягина и до того увлекся собственною ловкостью, желаніемъ не ударить лицомъ въ грязь передъ столичнымъ магнатствомъ, что только на улицѣ вспомнилъ и сообразилъ, какое тяжелое извѣстіе несу для своего друга.

Когда, въ чаду перваго обмѣна фразъ, князь познакомилъ меня съ женихомъ своей дочери, я почти совершенно пропустилъ мимо ушей эти слова, какъ нѣчто, весьма мало для меня интересное: не о томъ думалось. Между тѣмъ, какъ бы заставили поблѣднѣть эти самыя слова бѣднаго Сермягина, интересы котораго я ввѣлся представлять.

Возвращаясь домой, я старался объяснить себѣ, какимъ образомъ приметъ мой горемычный другъ извѣстіе о свадьбѣ княжны. Иной разъ мнѣ казалось, что оно не должно слишкомъ поразить его: вѣдь онъ, очевидно, не имѣлъ и не могъ имѣть никакой надежды; легко было также предвидѣть, что княжна не засидится въ дѣвкахъ; слѣдовательно...

Но тутъ я вспоминалъ, что логика хладнокровнаго свидѣтели не всегда совпадаетъ съ логикой дѣйствующихъ лицъ: страсть плохо разсуждаетъ. Человѣкъ вообще способенъ, даже въ самыхъ безнадежныхъ обстоятельствахъ, сохранять, наперекоръ разсудку, какой-то блѣдный приврастъ надежды въ самыхъ глубокихъ тайникахъ души своей (надежды, въ которой ему совѣстно признаться), а такой мечтатель, какъ Сермягинъ, способенъ на это и по-давно. Притомъ же, одно дѣло отказываться отъ любимой женщины, пока не видишь соперниковъ, другое дѣло видѣть ее счастливою невѣстою другаго. Наконецъ, человѣкъ, ослѣпленный страстью, можетъ просто гнать отъ себя всякую мысль о будущемъ, о томъ, что выйдетъ изъ этой страсти; онъ сладко спитъ, пока возможно—и тѣмъ печальнѣе для него пробужденіе.

Сколько я ни думалъ, — все выходило, что для бѣднаго Сермягина готовится тяжелый, тяжелый ударъ. Признаюсь, у меня сердце очень непріятно замирало отъ страха за него. Я испытывалъ, вѣроятно, то же, что испытываетъ человѣкъ, первый разъ въ жизни дѣлающій трудную и опасную для человѣка операцію. Пришла мнѣ было въ голову мысль скрыть бѣду отъ Сермягина, пусть, молъ, отъ другихъ узнаетъ; по крайней мѣрѣ я не буду свидѣтелемъ перваго удара... Но, въ чести своей скажу, я скоро устыдился этой мысли: все же я, можетъ-быть, какъ-нибудь помягче сообщу роковую новость; притомъ какъ-то совѣстно бояться царянины тамъ, гдѣ другому вонзаютъ ножъ въ сердце.

Весь день былъ я не въ духѣ; по временамъ у меня словно что-то перевернется въ груди, какъ это бываетъ съ людьми, которые почти навѣрное ожидаютъ получить большую непріятность.

Къ вечеру явился Сермягинъ, съ мрачнымъ, болѣзненнымъ лицомъ.

Онъ, впрочемъ, оживился, спрашивая у меня съ перваго же слова:

— Ну, что, были?

— Былъ.

— Что же она: очень обрадовалась?

Меня поразила такая безоглядая откровенность этого, общинно до крайности сдержаннаго, человѣка.

— Съ нею что-нибудь случилось! подумалъ я.—Такъ можетъ онъ говорить только съ отчаянія, на все махнувши рукой. Вѣрно узналъ ужъ о свадьбѣ княжны.

— Въ восторгѣ была, отвѣтилъ я на вопросъ.

Онъ улыбнулся.

— Ну, я слава Богу.

Т. СЛХХІХ. — Отд. I.

Я пристально вглядывался въ Сермигина, пораженный новостью и странностью его тона. Что-то чрезвычайно скорбное, тяжелое было въ выраженіи его лица; около рта образовалась такая складка, что меня просто коробило.

— Знаеть! подумаль я:— навѣрное знаеть!

И, Боже мой, какъ горько стало за эту глупую колокольню! Случалось ли вамъ видѣть, какъ бьютъ несчастную корову тяжелымъ молотомъ по лбу? а невѣ силахъ выносить этого зрѣлища... А вѣдь тутъ живаго человѣка бьютъ—добраго, безропотнаго... Боже мой!

— Коро же вы тамъ еще видѣли?

Такъ и есть: онъ хотеть знать, встрѣтилъ ли я Любимова.

— Всѣхъ: и князю, и князя, и Софью Борисовну, и этого— жениха.

Онъ вздрогнулъ.

— Какого жениха?

— Любимова.

— Оли (въ первый разъ назвалъ онъ ее такъ при мнѣ) выходитъ замужъ?

Сермигинъ почти прокричалъ эти слова.

— А вы развѣ не знали?

Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, и, точно каменный, застылъ на мѣстѣ.

Я съ ужасомъ смотрѣлъ на него — глазъ отвести не могъ (такъ противъ воли смотришь на смертную казнь или на трунъ, обезображенный страшною раной); а въ душѣ нило: «значить, еще не зналъ! еще не зналъ!»

Повѣрите ли, когда я вспоминаю эту минуту—у меня до сихъ поръ мурашки по спинѣ бѣгаютъ.

Долго (мнѣ показалось это цѣлой вѣчностью) стояли мы другъ противъ друга, оба блѣдые, неподвижные... Наконецъ, онъ медленно повернулся, точно автоматъ, и, не сказавъ ни слова, пошелъ изъ комнаты.

— Чѣмъ же былъ онъ такъ встревоженъ, если еще не слышалъ о свадьбѣ княжны? вспомнилось потому, когда я немного успокоился.

Разгадку принесъ Новоселовъ: директоръ объявилъ Сермигину, что будетъ просить попечителя объ его увольненіи; а такіе просьбы, какъ всѣмъ было извѣстно, не оставались безъ послѣдствій.

X.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни я упорно слѣдилъ за каждымъ шагомъ Сермигина. Онъ имѣлъ совершенно спокойный видъ,

велъ себя вполне благоразумно, и озадачилъ меня только одной странной выходкой: заказалъ самому лучшему въ городѣ портному какой-то фантастическій костюмъ. Представьте себѣ нѣчто въ родѣ распашнаго пиджака, широкіе шаровары (то и другое изъ чернаго бархата), къ этому совершенное отсутствіе жилета, мѣсто котораго во всю грудь занимала гладкая рубаха голландскаго полотна, съ огромнымъ отложнымъ воротомъ, и наконецъ, легкій галстухъ съ широкими, висячими концами. Сермягинъ очень хлопоталъ объ этомъ костюмѣ: нѣсколько разъ бѣгалъ къ портному, торопилъ его, примѣривалъ, обдумывалъ малѣйшія подробности, призывалъ переменить то то, то другое, и наконецъ, платье вышло въ самомъ дѣлѣ очень изящное, хотя не совсѣмъ обыкновенное.

Меня поражало въ моемъ другѣ его необычайное спокойствіе и даже нѣкоторая веселость: точно онъ былъ крайне доволенъ собой.

Между тѣмъ служебныя дѣла его приняли неожиданно благоприятный оборотъ: попечитель наотрѣзъ отказалъ Коврайскому въ увольненіи Сермягина, не захотѣлъ даже перевести его въ другую гимназію, да еще посоветовалъ директору обращаться съ нимъ какъ можно повѣжливѣе и поосторожнѣе. Это до того поразило Коврайскаго, что онъ успѣшилъ сдѣлать моему другу визитъ, и всячески захопоталъ о примиреніи.

Но на всѣ такія обстоятельства Сермягинъ не обратилъ никакого вниманія: точно они вовсе не до него касались. Съ тѣмъ же спокойствіемъ и веселостью онъ продолжалъ заниматься своими мелкими дѣльишками; такъ, на примѣръ, покончивши возню съ костюмомъ, обошелъ всѣ магазины, гдѣ забиралъ иногда вещи въ долгъ, и очистилъ свои небольшіе счета.

Я рѣшительно ничего не понималъ. Иной разъ почти казалось, что голова бѣдлаго Сермягина не совсѣмъ въ порядкѣ... Моя собственная голова, должно быть, была не въ порядкѣ; иначе не трудно было бы додуматься, что такое спокойствіе можетъ сохранять только человекъ, твердо на что-нибудь рѣшившійся.

Катастрофа близилась.

На другой день послѣ уплаты долговъ, часовъ въ шесть пополудни, Сермягинъ съ особеннымъ тщаніемъ нарядился въ свое новое платье, отправился на Зеленую улицу къ дому Михайскихъ и засѣлъ на тумбу, нисколько не стѣсняясь взглядами прохожихъ: онъ какъ-то разомъ потерялъ всю свою застѣнчивость.

Въ половинѣ седьмага вѣзла, вмѣстѣ съ женихомъ и Софьей Борисовной, обыкновенно ѣздилъ кататься. Когда Сермягинъ

сѣлъ на тумбу, коляска уже поджидала у крыльда, и лошади нетерпѣливо били копытами мостовую. Эти лошади составляли гордость князя: онѣ съ мѣста летѣли во весь опоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ повиновались малѣйшему движенію возжей.

Въ половинѣ седьмого, аккуратно, Можайскіе сѣли въ экипажъ. Не успѣли они проскакать и двадцати саженей—какой-то человекъ бросился подъ ноги лошадямъ; коляска проѣхала прямо черезъ него.

Это былъ Сермягинъ.

Несчастнаго, разумѣется, подняли и перенесли въ домъ. Но медицинская помощь оказалась лишнею, потому что Сермягинъ умеръ на мѣстѣ: ему раздавило грудь колесомъ.

А онъ достигъ таин своей цѣли! Когда княжна, со смѣсью страха и любопытства, вошла посмотрѣть на трупъ — онъ былъ очень хорошъ въ своемъ живописномъ нарядѣ. Кроткое, блѣдное лицо, улыбка на губахъ, пепельные, слегка вьющіеся волосы и широкая полоса крови на груди—все это заставило красавицу простоять лишнюю минуту надъ тѣломъ, крестясь опуститься на колѣни и даже уронить слезу.

Желалъ бы я знать: если духъ Сермягина летѣлъ въ это время къ небу, и видѣлъ блестящую слезу, купленную имъ цѣною земной жизни,—какъ улыбнулся онъ въ отвѣтъ? Съ блаженствомъ ли влюбленнаго, съ кроткой безмятежностью ангела, или съ небрежнымъ состраданіемъ мудреца?

Ө. Ромбергъ.

КРИТЯНКА ВЪ МОРЕВЪ.

На скалѣ у моря, полная печали,
Женщина съ ребенкомъ на рукахъ сидитъ,
Взоромъ утонула гдѣ-то въ синей дали
И, забывшись, къ морю грустно говоритъ:
— Онъ сказалъ, прощаясь: «побѣдить свобода
И кто ей пребудетъ вѣренъ до конца...»
Скоро ль, море, скоро ль? Вѣтъ уже два года
Мать не видитъ мужа, а дитя — отца...
Онъ сказалъ, прощаясь: «вѣруйте и ждите —
Не далеко свиданья радостнаго часъ,
Не далеко тотъ мигъ, что вѣсть о вольномъ Критѣ
Ласточкой весенней долетитъ до васъ!»
Съ той поры для насъ ужъ нѣтъ иныхъ желаній,
Съ той поры мы вѣримъ, съ той поры мы идемъ —
Хоть прошло два года страшныхъ испытаній,
Хоть ужъ горсть героевъ меньше съ каждымъ днемъ...
Ты ихъ видѣлъ съ неба, Боже справедливый,
Эти годы крови, подвиговъ и слезъ —
Ты и не допустишь, чтобы вѣтвь оливы
Ангель твой ко гробу вольности принесъ!
Но когда жь, о море, смокнуть эти битвы
За свободу Крита и за нашу честь,
И въ отвѣтъ на голосъ пламенной молитвы,
Принесешь ты намъ обѣщанную вѣсть?
Скоро ли насъ мужъ мой, счастливый и гордый,
Встрѣтитъ какъ хозяинъ на землѣ родной
И къ груди своей увѣренной и твердой
Ласково прижметъ могучею рукою?

Скоро ли опять увидеть въ ножны кровавый
Мечъ и перестанеть съ горь струиться кровь,
И въ объятяхъ гордой, лучезарной славы
Радостно утонеть кроткая любовь?...

Такъ она грустила на скалѣ у моря.
Холода печали взоръ ея былъ полнъ,
Рѣчь звучала тихо; жалобно ей вторя,
Раздавался окрестъ гулъ прибрежныхъ волнъ...
И отдавшись вся одной глубокой думѣ,
Влѣдная, съ тоскливымъ трепетомъ въ груди,
Вслушивалась въ говоръ волнъ, и въ этомъ шумѣ
Чудились слова ей страшныя: не жди!

Июль 1868.

Ив. Гольцъ-Миллеръ.

КЪ МОЕЙ МАТЕРИ.

(Изъ Гвѣны).

I.

Я голову привыкъ носить високо,
Мой нравъ упрямъ, горда душа моя,
И пусть хоть царь въ меня вперилъ бы око,
Предъ нимъ лица не преклонилъ бы я.

Но, мать моя, — скажу я, не скрывая —
Какъ я ни гордъ, упрямъ, неукротимъ, —
Передъ тобой такъ часто, дорогая,
Я трепетомъ священнымъ одержимъ!

То духъ ли твой таинственно смиряетъ
Мой гордый нравъ, — тотъ духъ высокій твой,
Что въ глубь вещей такъ смѣло проникаетъ
И въ висъ летитъ, какъ молнія живой!

Иль я дрожу, все то припоминая,
Чѣмъ столько разъ уныніе и мракъ
Я носилъ въ твоей душѣ, родная, —
Святой душѣ, меня любившей такъ!

II.

Въ больномъ бреду разстался я съ тобою:
Хотѣлось мнѣ всю землю обойти,
Хотѣлось мнѣ на ней любовь найти
И той любви отдаться всей душою.

За нѣю я вездѣ, вездѣ ходилъ,
У всѣхъ дверей стучался я въ печали
И крохъ любви, какъ нищій, я просилъ —
Но ненависть, смѣясь, мнѣ подавали.

И все я шелъ, ища любви одной,
Ища вездѣ, нигдѣ не обрѣтая,
И наконецъ, домой, къ тебѣ, родная,
Вернулся я, печальный и больной.

И вышла ты на встрѣчу мнѣ; и ясно
Въ твоихъ глазахъ увидѣлъ, мать моя,
Всю ту любовь, которой жаждалъ я
И все искалъ такъ долго и напрасно!

II. Вейнвертъ.

меньшей мѣрѣ двѣнадцать шиллинговъ, въ томъ одномъ концѣ, на который мнѣ пришлось взглянуть!

Что за безсовѣстный воръ!

Какой счастливый малыш!

А не желалъ ли бы я, чтобы жмѣ достался этотъ кошелекъ?

Эти мысли, одна за другою, пришли въ мою глупую голову, и затѣмъ пришли другія мысли, такія неожиданныя и такъ неистово-беззаконныя, что онѣ заставили меня оглянуться направо и налево, какъ будто бы я боялся, что кто-нибудь можетъ ихъ подслушать.

Какъ легко! покуда вы тутъ дрожали, это бы можно три раза сдѣлать! У васъ смѣлости не хватаетъ!

Это все очень хорошо, сказалъ я самъ себѣ въ отвѣтъ, это не трудно, когда толстая старуха, съ карманомъ въ шелковомъ платѣ, такъ выворачивается, какъ эта! Тутъ всякій бы могъ сдѣлать. И я бы могъ! А за то сколько времени придется малому выждать другаго такого случая.

Вышло, стало быть, такъ, что я теперь стоялъ у фонаря, выжидая другаго такого случая.

Мнѣ не долго пришлось ждать. То «счастье», которымъ сопровождался мой первый набѣгъ на Ковентъ-Гарденскій базаръ, и здѣсь оказалось у меня подъ руками. Прежде чѣмъ я успѣлъ бы сосчитать до пятидесяти, изъ магазина колониальныхъ товаровъ вышла леди — правда, не толстая и не старая, но въ шелковомъ платѣ и съ бисернымъ кошелькомъ. Она зачѣмъ-то ринулась въ этотъ кошелькъ, изъ котораго, по всей вѣроятности, она только что заплатила за сдѣланныя покупки; дойдя до двери, она закрыла кошелекъ и небрежно опустила его въ карманъ своего шелковаго платя.

Вотъ кабы вы остановились въ толпѣ, передъ окномъ! подумалъ я.

Она такъ и сдѣлала.

Она подошла къ окну взглянуть на кивающихъ мандариновъ, а я потихоньку подкрался къ ней сзади. Пожелавъ, чтобы она подошла къ окну, я какъ будто принялъ на себя обязательство, которое я долженъ былъ исполнить, разъ, какъ она съ своей стороны сдѣлала то, что требовалось. Я подошелъ какъ можно ближе, такъ, какъ на моихъ глазахъ сдѣлалъ тотъ мальчишка. Пока я смотрѣлъ очень пристально на китайца, моя рука проскользнула между складками шелковаго платя въ томъ мѣстѣ, куда исчезъ кошелекъ. Въ одну секунду мои пальцы прикоснулись къ скользкой бисерной вещицѣ, а въ слѣдующую секунду кошелекъ былъ мой!

Исторія оворыша.

20

Теперь надо было бѣжать, и я побѣжалъ.

Я бѣжалъ вплоть до Уайтчепельской церкви, и тутъ, въ проулкѣ, при свѣтѣ, выходявшемъ изъ окна маленькой лавочки, въ которой честный старикъ портной шилъ спортугъ, я раскрылъ кошелекъ, лежавшій до той минуты въ карманѣ моихъ панталонъ, и опорожнилъ его. Въ ту же минуту я вынулъ монеты, посмотрѣлъ на нихъ и сунулъ ихъ въ другой карманъ панталонъ. Я сталъ считать свои деньги на ходу и нашелъ, что у меня восемнадцать шиллинговъ четыре пенса — двѣ полкроны, полсоверена, три шиллинга и четырехпенсовая монета.

Никогда въ жизни не было у меня столько денегъ; не было и половины, ни даже четверти. Сумма денегъ была громадная.

Но меня это не обрадовало. Величина суммы какъ будто дѣлала мое преступленіе тѣмъ болѣе ужаснымъ. Полсоверена въ особенности придавали моему поступку отвѣленно-безнравственный характеръ. Кабы то былъ старикъ кошелекъ и въ немъ пара шиллинговъ, или, въ крайнемъ случаѣ, полкроны, я полагаю, что меня до нѣкоторой степени обрадовало бы то размышленіе, что тутъ былъ большой рискъ и что приобретенныя деньги только оплачивали мнѣ его; но когда я увидѣлъ богатый блестящій кошелекъ, и золото, и крупное и мелкое серебро, мною овладѣлъ сильный ужасъ, и мнѣ захотѣлось снять съ своей совѣсти нѣкоторую долю тяжести, бросивъ полсоверена на площадку къ вортному. Я бросилъ туда пустой кошелекъ.

Я рѣшительно не зналъ, что дѣлать; я хочу сказать, я совершенно не зналъ, что купить поѣсть и гдѣ купить. «Еслибы Моульди или Ринстонъ были теперь со мной, все было бы отлично», думалъ я; но въ ту же самую минуту мнѣ пришло въ голову, что, быть можетъ, *теперь* мои старые друзья не стали бы говорить со мной, и не притрунулись бы къ моимъ деньгамъ. Я теперь былъ карманникъ — *настоящій* воръ, такой, какого описывалъ мнѣ Моульди, когда старался доказать мнѣ, что наше хищничество на Ковентъ-Гарденъ не было настоящимъ воровствомъ. «Я не могу назвать себя воромъ, въ этомъ я васъ завѣряю», говорилъ тогда Моульди, и онъ говорилъ такимъ тономъ, который яено показывалъ, какое отвращеніе онъ питаетъ къ «настоящему» воровству. Я теперь былъ «настоящимъ» воромъ, и Моульди, еслибы встрѣтилъ меня, то отвернулся бы отъ прежняго товарища. Отъ этихъ мыслей я чувствовалъ себя очень несчастнымъ, и мнѣ удалось до нѣкоторой степени утѣшиться только тогда, когда, остановившись въ съѣстной лавочкѣ, я истратилъ всю свою четырехпенсовую монету.

Затѣмъ, я провелъ большую часть вечера за ѣдою или при-

думывая, чего бы мнѣ поѣсть. Мой желудокъ въ самомъ дѣлѣ былъ, должно быть, очень пустъ! Я разъ пять заходилъ къ кухмистеру и бралъ себѣ по двухпенсовой сосискѣ, купивъ и съѣвъ уже предварительно двухпенсовый кусокъ хлѣба съ патокой. Наконецъ я купилъ себѣ на пенни шоколаду, и скоро мнѣ пришлось сильно жалѣть о томъ, затѣмъ я его ѣлъ.

Въ общей сложности, когда я, собираясь на ночлегъ, сталъ сводить счеты, я нашелъ, что я истратилъ не очень много — всего шиллингъ и семь пенсовъ; я купилъ себѣ хорошую крѣпкую пару сапогъ и затѣмъ у меня все-таки осталось больше трехъ шиллинговъ и шести пенсовъ, кромѣ полусоверена, который я закололъ булавкою въ обшлагъ моей куртки.

И теперь читатель знаетъ, какъ я сдѣлался *настоящимъ* воромъ. Но я не намѣренъ былъ повторять эту продѣлку. О, нѣтъ! Дѣло было сдѣлано, и нельзя было этого воротить; не никто въ мѣрѣ, кромѣ меня, этого не зналъ и не долженъ былъ знать; когда я встану завтра утромъ, я огляжусь и увижу, что можно сдѣлать. Есть сотни способовъ проложить себѣ дорогу, когда для начала имѣешь въ карманѣ тринадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ.

ГЛАВА XXXII,

въ которой я завожу знакомство съ долговымъ Джорджемъ Гопкинсомъ. Онъ добродушно предлагаетъ мнѣ взять меня въ ученики и обучить меня тайнствамъ своего искусства.

Такимъ образомъ я ручаюсь, что были сотни способовъ зарабатывать честное пропитаніе; но, къ моему стыду, я ни разу не испробовалъ ни одного изъ этихъ способовъ.

Я воротился на свою ночную квартиру въ съѣстной лавочкѣ послѣ моего поразительнаго «успѣха»; и когда я вышелъ оттуда на слѣдующее утро, я чувствовалъ себя на столько расположеннымъ искать какого нибудь честнаго занятія, на сколько при данныхъ обстоятельствахъ это было возможно; но такъ-какъ я подвергался такому риску чтобы приобрѣсти возможность начать свою карьеру, то съ моей стороны было бы верхомъ безумія пуститься въ какое нибудь предпріятіе опрометчиво и безъ зрѣлаго размышленія. Поэтому я сталъ ходить по улицамъ, осмотрительно взвѣшивая то и другое, пока наступило время обѣда; тогда я пошелъ въ кухмистерскую и хорошо пообедалъ. Послѣ обѣда я пошелъ черезъ Петтисотъ-Ленъ, и увидѣвъ тамъ выставленный на продажу желтый шелковый

платокъ съ голубыми крапинами по модному узору «итичиниъ глазомъ», какъ носилъ мой отецъ, я купилъ его за три шиллинга шесть пенсовъ, ясно понимая въ то же время, что я дѣлаю самую смѣшную глупость; но я старался подвунуть мою совѣсть тѣмъ соображеніемъ, что эти три шиллинга шесть пенсовъ скорѣе приносятся въ жертву моему отцу, чѣмъ моему личному тщеславію. Затѣмъ я купилъ пинту пива, чтобы ободрить себя, такъ-какъ воспоминаніе объ отцовскомъ домѣ, вызванное соверченіемъ голубаго птичьаго глаза, навело на меня значительное уныніе.

Потому-ли, что возбуждательное средство дѣйствовало на мой уже взволнованный духъ, или же потому, что пиво Петтисотъ-Лена было особенно крѣпко, моя бодрость вскорѣ послѣ того, какъ я выпилъ на два пенса, возрасла до того, что я едва могъ себя сдерживать. Всякій страхъ передъ моими врагами исчезъ, и я чувствовалъ въ себѣ достаточно смѣлости для встрѣчи съ самимъ мистеромъ Вальчеромъ, лишь бы только у него не было въ рукахъ двухствольнаго ружья. Заглянувъ въ второстепенную инструментальную лавку, я попалъ на ту мысль, что человекъ, противъ котораго весь свѣтъ находится въ заговорѣ, имѣетъ достаточно основаніе вооружиться; поэтому я вошелъ въ лавку и купилъ тамъ грозный на видъ, старый кремневый пистолетъ за два шиллинга три пенса; но найдя, что такое орудіе неудобно носить въ мелкомъ панталонномъ карманѣ, я перепродалъ его въ той же лавкѣ вечеромъ за шиллингъ и четыре пенса. Такимъ образомъ мой дорого доставшіеся восемнадцать шиллинговъ четыре пенса разошлись по мелочамъ, и заложивъ шелковый платокъ (я не осмѣлился ни разу надѣть эту яркую вещь; для этого я не былъ достаточно безпеченъ) за восемнадцать пенсовъ, я очутился на улицѣ подъ вечеръ третьаго дня такимъ же бѣднякомъ, какимъ я стоялъ въ Эльдгетѣ противъ магазина колониальныхъ товаровъ, прислонившись къ фонарному столбу; и такъ...

Но читатель можетъ угадать, что случилось затѣмъ.

Первый шагъ былъ сдѣланъ и я пустился дальше. Я усиливался увѣрить себя въ томъ, что я бѣдный погившій мальчикъ, котораго всѣ презираютъ и преслѣдуютъ, и нѣкоторымъ образомъ принуждаютъ поступать совершенно наперекоръ собственнымъ влеченіямъ, до таковой степени наперекоръ, что, какъ я также старался себя увѣрить, мнѣ было почти одинаково больно споконно умирать съ голоду или повиноваться внушеніямъ пустаго желудка. Но на сколько меньше я заслуживалъ состраданія при второй моей попыткѣ, чѣмъ при первой, достаточно видно изъ того факта, что найдя въ кошелькѣ только четыре шиллинга, я почувствовалъ сильную досаду и болѣе чѣмъ когда либо проникся

тѣмъ убѣжденіемъ, что я самый несчастный и всѣмъ презираемый мальчикъ.

Больше ли мнѣ повезло въ слѣдующій разъ, этого я теперь не припомню. Столько было «разовъ» и хорошихъ, и посредственныхъ, и очень плохихъ!

Однако, я не долго оставался самостоятельнымъ карманнымъ воровъ. Моя независимость продолжалась не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

При всемъ разнообразіи моихъ удачъ въ это время (а самому честному человѣку должно быть совершенно понятно, что чѣмъ меньше добываетъ карманный воръ, тѣмъ болѣе опасностямъ онъ подвергается, потому что самые бѣдные карманы охраняются всего тщательнѣе), дьяволъ былъ ко мнѣ настолько милостивъ, что я получилъ возможность раздѣлаться съ бѣднымъ платьемъ, даннымъ мнѣ Ильфордскою полиціею на мѣсто моихъ мокрыхъ и грязныхъ лохмотьевъ; я завелъ себѣ приличную одежду. Далѣе чудесную и неожиданную перемѣну пронзель въ моей судьбѣ также «не дурной разъ»; эта перемѣна была самая лучшая, какая только могла быть въ моей тогдашней жизни.

Я разскался съ съѣстною лавочкою и поселился въ улицѣ Уэнтвортъ, въ Уайтчепелѣ.

Въ одинъ июльскій вечеръ я гулялъ по Чипсейду и Паультри (имѣя respectable наружность, я, какъ видите, могъ показываться въ приличныхъ мѣстахъ) и въ послѣднемъ изъ упомянутыхъ мѣстъ увидѣлъ стараго джентльмена, тщательно разсматривавшаго содержаніе чулочника. Онъ былъ изъ тѣхъ старыхъ джентльменовъ, съ которыми карманщикамъ всего удобнѣе имѣть дѣло; онъ былъ такой толстый, что когда онъ наклонялся, то фалды его сюртука отлично оттопыривались отъ его тѣла.

Въ это время моя опытность въ промыслѣ уже достаточно научила меня, какъ мало можно добыть изъ кармановъ сюртуковъ. Тамъ люди не носятъ цѣнныхъ вещей; иногда кладутъ туда бинокли (и если стекло въ золотой оправѣ, то, разумѣется, пожива достаточно хороша), но обыкновенно въ этихъ карманахъ попадаетъ только носовой платокъ, да какая-нибудь маленькая странная бездѣлушка, которую случайно купили и несутъ домой. Послѣ первыхъ двухъ недѣль я рѣдко притрогивался къ такимъ сюртучнымъ карманамъ, но карманъ стараго джентльмена имѣлъ такой особенно соблазнительный видъ—онъ былъ такъ замѣчательно доступенъ, что жалко было упустить въ немъ хоть бы даже шестипенсовую бездѣлицу. Прикоснувшись къ нему мимоходомъ, я ощущалъ фалду и нашель, что въ карманѣ, кромѣ платка, лежало еще что-то твердое, четверугольное и толстое. Должно быть, это была какая-нибудь дрань, можетъ-быть просто

сухарь, не съѣденный за утреннимъ завтракомъ. Однако, я запустилъ руку, и къ радостному моему изумленію вытащилъ красивый бумажникъ изъ коричневой кожи.

Мнѣ случалось находить кошельки, и деньги, просто положенныя въ карманъ, и деньги, завернутыя въ бумагу; но бумажника я не находилъ никогда. Дрежа отъ восторга, я бросился въ боковую улицу, осторожно раскрылъ бумажникъ, зарылся въ него при свѣтѣ уличнаго фонаря, и увидѣлъ въ немъ нѣсколько сложенныхъ банковыхъ билетовъ и цѣлую кучу насмѣзливаго золота.

Меня это такъ поразило, что я, сдѣлавъ это открытіе, простоялъ нѣсколько секундъ съ бумажникомъ въ рукѣ, прикрывая его отчасти рукавомъ куртки и не зная куда дѣваться.

Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ за меня другимъ лицомъ. Я могъ бы побожиться, что никто не пошелъ за мною изъ Паульстры въ эту боковую улицу. Было ясно, что ежеминутно ожидая преслѣдованія, я не могъ въ этомъ отношеніи оказаться безпечнымъ; тѣмъ не менѣе вдругъ, точно выскочивъ изъ-подъ земли, возлѣ меня очутился человѣкъ и его рука легла ко мнѣ на плечо.

— Не бѣгите. Не къ чему, сказалъ онъ.

Я уронилъ бумажникъ въ дождевой желобъ, какъ будто обжегши себѣ руки, и повернулся, въ полной увѣренности, что меня поймалъ либо полицменъ, либо старшій джентльменъ, котораго я обокрадалъ. Однако, я не увидалъ ни того, ни другаго; въ великому моему изумленію, меня держалъ за воротъ посторонній джентльменъ, высокаго росту, хорошо одѣтый, въ лайковой перчаткѣ на одной рукѣ и съ блестящимъ перстнемъ на другой, обнаженной рукѣ. Онъ поднялъ бумажникъ и спокойно, какъ свою собственность, положилъ его въ карманъ.

— Вотъ ужъ правду говорятъ, что дуракамъ счастье, замѣтилъ онъ, продолжая держать меня за воротъ и увлекая меня за собою дальше въ темную улицу.

— Позвольте, сэръ! Я нашелъ его; мнѣ онъ не нуженъ, сэръ; вы можете удержать его у себя, сэръ, коли вамъ будетъ угодно! восклицалъ я, въ ужасномъ перепугѣ, едва понимая что я говорю.

— Разумѣется, вы нашли; чортъ возьми! вы никогда изъ-за него не работали. Вѣдь нельзя же назвать работу ваше сегодняшнее вахлянье! усмѣхнулся таинственный джентльменъ.

— Можете взять его, сэръ; можете, онъ вашъ, сэръ; можете, это вы его уронили, сэръ! пищалъ я, надѣясь дать джентльмену предлогъ уйти съ бумажникомъ и отнестись меня по своимъ дѣламъ.

— Вы для кого работаете? спросил джентльменъ отрывисто, когда мы забрались достаточно далеко въ тѣсную улицу.

Джентльменъ принимаетъ меня за честнаго разсильнаго мальчика, подумалъ я.

— Съ вашего позволенія, сэръ, я работаю у... у.. у коробочника по Уайтчепельской дорогѣ, отвѣтилъ я, стараясь принять видъ невиннаго мальчика-коробочника.

— Что вы толкуете! сказалъ джентльменъ собачьимъ тономъ, котораго я отъ него никакъ не ожидалъ.—Вы для кого работаете, я васъ спрашиваю? Вы изъ шайки Спендлау? Или изъ мальчишковъ Носи Симмонса?

Теперь я зналъ, что онъ не джентльменъ, и моя бодрость возрасла.

— Ни то, ни другое, отвѣтилъ я.—Вы меня оставьте, это самое будетъ лучшее.

— Такъ вы, значить, отъ Тома Мартина?

— Не знаю я Тома Мартина! Вы воротникъ-то мой пустите. Не нужно мнѣ бумажника, только оставьте вы меня въ покоѣ!

— Я вамъ сверну вашу проклятую шею, коли вы не будете стоять смирно! отвѣтилъ онъ, встрахивая меня.—Коли вы не для тѣхъ работаете, кого я назвалъ, такъ для кого жъ вы работаете?

— Ни для кого, коли вамъ непременно надо знать, отвѣтилъ я, находя, что лучше всего обращаться съ нимъ вѣжливо.

— Ни для кого! Такъ вы хотите сказать, что вы на свой брючокъ ловите?

— Ни на чей другой.

Онъ на минуту выпустилъ мой воротникъ и посмотрѣлъ на меня какъ бы сомнѣваясь въ вѣрности моего показанія.

— Слушайте, мальчикъ, сказалъ онъ, наклонясь ко мнѣ такъ, что могъ говорить шопотомъ.—Вы можете надуть меня, но коли такъ я вамъ скажу, что вамъ первому это удастся. Ну, выкладывайте жъ всю правду! Коли у васъ есть хозяинъ, такъ и скажите, и никакой тутъ неприятели не будетъ; а коли нѣтъ хозяина—тоже скажите; можетъ, я вамъ пріятелемъ сдѣлаюсь.

— Вы стало-быть не полицменъ?

— Не что?

— Не полицменъ? вы ничего таковаго при полиціи? ни слышите или что другое по этой части?

Джентльменъ засмѣялся.

— Больше ни слова не говорите, сказалъ онъ.—Не служу ли я при полиціи въ самомъ дѣлѣ! Хорошо вы мелодецъ, чтобы приниматься за карманное искусство! Что вы такое выдумали! Долго ли вы этимъ дѣломъ занимались?

— Два мѣсяца, отвѣтилъ я, замѣчая, что нѣтъ никакой выгоды скрывать отъ него мои дѣла.

— Въ первый разъ начали и занимались два мѣсяца—настоятельно работали?

— Все время работая.

— Ни разу не попадались?

— Ни разу.

— Счастливей же вы молодецъ, только всего я и могу сказать, отвѣтилъ джентльменъ, и снова засмѣялся, какъ будто бы онъ увидѣлъ что-то удивительно странный въ моихъ словахъ.— Вамъ по всѣмъ правамъ слѣдовало бы попасться на первомъ же разѣ, потому что вы, конечно, величайшій простофиля, какого я когда-либо встрѣчалъ въ ремеслѣ. Давно пора, чтобы васъ кто-нибудь въ руки взялъ. Идемъ со мной.

Онъ говорилъ такъ, какъ будто именно онъ хотѣлъ взять меня въ руки, и то предположеніе, что онъ хотѣлъ это сдѣлать, причинило мнѣ непріятное ощущеніе, которое мнѣ трудно было бы описать. Взглядъ его мнѣ нисколько не нравился и я боялся его почти такъ, какъ будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ полиціекомъ. Этого я ему не сказалъ, но я сказалъ ему, что я ему очень благодаренъ, но вовсе не хочу чтобы меня взяли въ руки. Онъ сверкнувъ поворотился ко мнѣ.

— Какое кому дѣло, хотите вы, или не хотите? сказалъ онъ.— Ну? чортъ васъ возьми! Еще что? Коли у васъ прежде не было хозяйства, такъ теперь есть, сами увидите. Со мной разговоры короткіе, такъ вы держите языкъ за зубами и ступайте рядомъ со мной вплоть до самаго дома; тамъ мы перемолвимъ съ вами словечко.

Онъ повернулъ назадъ въ Паультри, прошелъ по Корнгилю черезъ Гундсдичъ въ Уайтчепель, проколесилъ тамъ по множеству разныхъ проулковъ, покуда дошелъ, наконецъ, до улицы Литтль-Китъ; я все время шелъ рядомъ съ нимъ, какъ мнѣ было приказано.

Я часто дивился впоследствии, почему я не убѣжалъ отъ него, такъ-какъ мнѣ не нравился его взглядъ и мнѣ представлялось множество удобныхъ случаевъ къ побѣгу; и всего правдоподобнѣе мнѣ кажется то предположеніе, что я по всей вѣроятности попробовалъ бы убѣжать, еслибы онъ обнаружилъ стараніе держать меня поближе къ себѣ и еслибы съ его стороны видно было малѣйшее опасеніе на счетъ моего побѣга; но онъ повидимому нисколько обо мнѣ не заботился; онъ выступалъ беззаботно, помахивая шелковымъ зонтикомъ, съ видомъ самой обыкновенной особы, вышедшей на вечернюю прогулку; и только изрѣдка

онъ бросалъ бѣглый взглядъ внизъ по направленію ко мнѣ. Онъ какъ-то забывалъ твердую увѣренность, что я его не ослушаюсь, и какъ ни кажется мнѣ это теперь неправдоподобнымъ, это предположеніе моего новаго хозяина было совершенно вѣрно. Я не смѣлъ его послушаться. Онъ несомнѣнно видѣлъ, какъ я укралъ, и въ концѣ-концовъ было все-таки возможно, что онъ какъ-нибудь служить по полицейской части. Какъ бы то ни было, я чувствовалъ себя не въ силахъ уклониться отъ исполненія его желанія.

Довдя до улицы Кятъ, почти до самой ея срединн, онъ какъ-то особенно стунуль въ дверь и ему отворила щеголеватая одѣтая в очень миловидная молодая женщина, которая, сначала не замѣтивъ меня, сказала моему спутнику:

— Я васъ не ожидала домой такъ рано, Джорджъ.

При этомъ она очень нѣжно его поцаловала.

— Я вамъ новаго жильца привелъ, Сьюкъ, сказалъ онъ.

Ея повидимому не доставило это большаго удовольствія и она отвѣтила сумрачно:

— Ну, разумѣется, вамъ лучше знать, Джорджъ. Я думала, вамъ надоѣли жильцы; я полагаю, этотъ проживеть какъ разъ столько же, какъ и послѣдній.

— Можете взять съ меня клятву, что этотъ дня не проживеть, коли сыграетъ со мной какую-нибудь штуку, отвѣтилъ Джорджъ съ неприятнымъ смѣхомъ. — Чай готовъ, Сьюкъ?

— Сейчасъ будетъ. Входите.

Мы вошли въ первую комнату; она была очень мило мебелирована, и чайный приборъ былъ уже разставленъ на столѣ передъ веселымъ каминнымъ огнемъ. Въ комнатѣ былъ диванъ; Джорджъ съ усталымъ видомъ бросился на него, подложилъ себѣ руки подъ голову, задралъ ноги кверху и погрузился въ совершенное молчаніе, которое приводило меня въ немалое смущеніе.

Черезъ нѣсколько минутъ вышла та же молодая женщина съ чайникомъ и съ блюдомъ отличной вареной ветчины, обложенной яйцами. Настроеніе молодой женщины, очевидно, не улучшилось во время ея отсутствія.

— Прочь съ дороги, коли не хотите чтобы васъ обварили! сказала она мнѣ съ презрѣніемъ, проходя мимо меня съ чайникомъ.

Поставивъ чайникъ и блюдо, она повернулась и хотѣла выдти изъ комнаты.

— Вы развѣ не сядете, Сьюкъ? спросилъ Джорджъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ; я чай пила, отвѣтила она.

— О, идите въ дьяволу, коли хотите! брехнулъ раздражи-

тальный и невѣжливый джентльменъ. — Коего черта съ вами дѣлать?

Молодая женщина не удостоила отвѣтить и вышла изъ комнаты, затворивъ за собою дверь съ такою рѣшимостью, которая несомнѣнно обнаруживала размѣры и качества ея волненія.

— Чай пили? спросилъ онъ у меня, порывисто вставая съ дивана.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣтилъ я, чувствуя себя съ каждою минутою все болѣе и болѣе неловко.

— Такъ придвигайтесь сюда; берите стулъ, что волежъ окна.

— Съ вашего позволенія, сэръ, мнѣ чай не нужно.

— Ну, оставайтесь безъ чая, отвѣтилъ онъ: — а я буду пить чай. Ничего, сидите, гдѣ сѣли; я буду ѣсть и говорить, а вы смотрите, слушайте въ оба.

— Вы откуда? спросилъ онъ затѣмъ.

Этотъ вопросъ захватилъ меня до такой степени въ расплотъ, что я бы не зналъ, какъ на него отвѣтить, еслибы даже я былъ расположенъ отвѣчать откровенно.

Откуда я, въ самомъ дѣлѣ? Изъ Клеркенуэла, изъ Кемберуэлъ, изъ улицы Уэнтвортъ — которое мѣсто назвать?

Но мистеръ Джорджъ вывелъ меня изъ затрудненія.

— Ладно. Мнѣ нѣтъ надобности знать все до тонкости, коли васъ это стѣсняетъ, замѣтилъ онъ, несколько не позволяя разговору мѣшать его аппетиту относительно яицъ и ветчины. — У васъ есть домъ — настоящій домъ, съ отцомъ, съ матерью? Это мнѣ надо знать.

— Я убѣждалъ и не смѣю вернуться домой.

— Почему не смѣете?

— Да меня тамъ заколотятъ до смерти.

— Заколотятъ до смерти, а? нереспектъ мистеръ Джорджъ, безматемно подкладывая себѣ кусокъ сахару. — Очень хорошо. Незачѣмъ вамъ будетъ идти домой и не будутъ васъ колотить до смерти, мой мальчикъ; вы на будущее время будете жить здѣсь.

— Жить здѣсь?

— Да! Я беру васъ въ ученики; я вамъ буду давать столъ и квартиру, а вы на меня будете работать.

— Какую работу, сэръ?

— А вотъ ту, что вы дѣлали два мѣсяца, какъ вы говорите, отвѣтилъ мистеръ Джорджъ, недовѣрчиво пожимая плечами. — Вотъ ту работу, на чемъ я васъ накрылъ нынче вечеромъ.

— Не то, чтобы ваша манера мнѣ нравилась, продолжалъ онъ послѣ паузы, давшей ему возможность посвятить все свое вниманіе чашкѣ чаю, которую онъ наливалъ и подслащивалъ: — о, ни-

чуть! Я скорѣе согласился бы давать вамъ квартиру и столъ, и платье, и карманныя деньги цѣлѣе шесть мѣсяцевъ, лишь бы вы только не вели своей работы такимъ скотскимъ, аляповатымъ образомъ. Счастье дѣло хорошее, но тотъ дуракъ, кто полагается на счастье. Кто все надѣется на счастье, мой мальчикъ, тотъ никогда своихъ дѣлъ не устроитъ. Вы были счастливы — счастливы можно сказать до послѣдней крайности, потому что, кабы вы по своему счастью не встрѣтились со мною, вы бы черезъ какой-нибудь мѣсяцъ очутились за рѣшеткой, это ужъ какъ есть.

Съ этими словами онъ отправилъ себѣ въ ротъ послѣднее яйцо, и закончивъ такимъ образомъ закуску, откинулся на спинку кресла, вынулъ изъ жилетнаго кармана красивую маленькую зубочистку, и пустилъ ее въ дѣло, началъ разяснять мнѣ далѣе свои намѣренія касательно моей особы.

— Моя рѣчь не долга — будетъ, сказалъ онъ. — Вы такой мальчикъ, что вамъ нуженъ хозяинъ — чертовски нуженъ хозяинъ — а я хозяинъ, и мнѣ не особенно нуженъ мальчикъ, но приходится такъ, что я могу взять себѣ мальчика, коли онъ мнѣ понравится. Теперь вы равня, вы себѣ на соль не заработаете, но вы мнѣ какъ-то понравились и коли вы хотите приняться за дѣло основательно, и добросовѣстно, и серьезно, я могу изъ васъ сдѣлать настоящаго человека. Это я могу сдѣлать. Меня зовутъ Джорджъ Гопкинсъ — Долговзвѣшъ Джорджъ Гопкинсъ — вотъ какъ меня зовутъ. Вы, молокососъ, можете, и не слыхали обо мнѣ, но я пари держу двѣнадцать противъ одного, что первый встрѣчный полицменъ слышалъ. «Какъ не знать!» скажетъ онъ вамъ. «Еще бы не знать! Онъ одинъ изъ самыхъ ловкихъ *воспитателей* въ Лондонѣ». Это можно видѣть въ печати, въ дюжинѣ газетъ.

И онъ провелъ пальцами своей незанятой руки по своимъ кудрямъ и, покачиваясь на креслѣ, продолжалъ граціозно ковырять въ зубахъ, предоставляя мнѣ въ теченіе полминуты безмолвно восхищаться человѣкомъ, добывшимъ себѣ такую обширную извѣстность.

— Я васъ буду воспитывать, продолжалъ онъ, покровительственнымъ тономъ, залутивъ большіе пальцы въ жилетныя проймы.

Противорѣчить ему было бесполезно; видя, что отъ меня ожидаютъ какого-то отвѣта, я сказалъ:

— Благодарю, сэръ. Коли вы мнѣ хотите добро сдѣлать, я вамъ очень благодаренъ.

— Добро вамъ сдѣлать! Это вамъ такое счастье, что должна уличныхъ мальчишекъ изъ кожи бы за нимъ погѣзали. Вы уви-

дите. Вы, разумѣется, думаете, что вы удивительно ловкій мальчикъ; мальчики всегда самонадѣянны, — я и самъ такой былъ. Теперь я готовъ поручиться, что черезъ какой нибудь мѣсяцъ вамъ будетъ, въ самомъ дѣлѣ, стыдно подумать о такой работѣ, какъ вотъ эта. (Тутъ онъ ударилъ рукой по барману, въ который былъ положенъ угражденный мною бумажникъ). Вѣдь это что нибудь да значить, правда?

Я началъ чувствовать себя свободнѣе съ мистеромъ Гопкинсомъ и я отвѣтилъ ему, что по моему это значить очень много.

— Именно; это значить *все*. Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, вынимаю изъ красиваго футлара пенковую трубку, набивая и закуривая ее: — это значить вдесятеро больше поживы и въ двадцать разъ меньше риска. Это ясно, какъ дважды-два-четыре. «Это жалкая жизнь, и лучше бы вамъ было приняться за честный промыселъ», говорятъ дураки, которымъ опорожнить карманъ такъ же трудно, какъ просверлить колодезь; и они правду говорятъ; для насъ точно честность самое выгодное дѣло. Васъ какъ зовутъ?

— Джинъ Смитъ...

Желаю скрыть отъ мистера Гопкинса мое настоящее имя, я хотѣлъ сказать ему то, которое дали мнѣ Моульди и Рипстонъ, но усомнившись на счетъ того, какъ онъ это приметъ, я зашутил на полусловѣ.

— Очень хорошо, Джинъ Смитъ, этого довольно; теперь потолкуемъ еще о работѣ. Вы, при всемъ вашемъ счастьѣ, постоянно въ черномъ тѣлѣ жили, за это я поручиться готовъ.

— Ну, это конечно...

— Вамъ и говорить нечего, все это я самъ знаю, перебилъ мистеръ Гопкинсъ, помахивая рукою. — Сегодня ситъ, завтра зуби на полку — ничего вѣрнаго; никогда въ карманѣ надежной монеты, э?

— Да и шиллинга вѣрнаго нѣтъ, отвѣтилъ я. — Какъ ему быть вѣрнымъ, когда его надо брать, гдѣ придется и какъ случится?

— Разумѣется, ничего не можетъ быть вѣрнаго. Ладно, ладно, это все дѣла минувшихъ дней, коли вы только будете себя соблюдать, какъ я вамъ говорилъ. Я буду васъ учить вашему дѣлу — я вамъ дамъ все содержаніе покуда вы будете учиться, ни въ чемъ вамъ не будетъ обиды, ни пригнѣсенія — а когда вы наострятся, вы будете работать *на меня*. Вы понимаете? Вы работаете на меня. А я васъ одѣваю такъ хорошо, какъ любого молодого джентльмена. Кормлю и васъ самымъ лучшимъ манеромъ; квартиру даю какъ герцогу. Мало ли, живо ли идетъ работа, вамъ въ этомъ разницы нѣтъ; всегда вамъ готовъ хорошій обѣдъ, а коли вамъ нужна гроша на вечернія удовольствія,

такъ вамъ стоитъ только спросить у меня. Какъ вамъ нравится предложеніе?

И мистеръ Гопкинсъ усмѣхнулся, увидѣвъ, какъ весьма понятное чувство изумленія и недовѣрія выразилось въ чертахъ моего лица.

— Какъ же бы оно могло мнѣ не нравиться, отвѣтилъ я: — только что жь для всего этого надо дѣлать? Вотъ это бы мнѣ хотѣлось знать.

— Надо работать и приносить мнѣ все, что вы добудете, отвѣтилъ мистеръ Гопкинсъ.

— Вы говорите приносить вамъ все, что я могу... могу... добыть? замѣтилъ я, чувствуя себя гораздо лучше расположеннымъ къ этому великодушному человѣку, чѣмъ прежде.

— Именно такъ, отвѣтилъ онъ, кивнувъ головою и выпуская изо рта клубъ дыма.

— О, хорошо! Я думаю, тутъ нечего торговаться! сказала я съ жаромъ, боясь только, что либо онъ шутитъ, либо вдругъ увидитъ надобность измѣнить свое намѣреніе.—Я совершенно согласенъ. Мнѣ именно такое мѣсто и нужно было.

— Разумѣется, отвѣтилъ мистеръ Гопкинсъ.—Это одна сторона картины. Теперь посмотримъ на другую сторону. Вы вѣдь слышали, что сказала мистриссъ Гопкинсъ, когда мы только что вошли?

— Это, что вы скорѣе вернулись, чѣмъ она...

— Э, нѣтъ, глупая голова. Что вы проживете не дольше...

— Не дольше послѣдняго жильца? О, да, сэръ, я помню.

— Вы, конечно, не поняли, что это значитъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, я вамъ скажу. Нашъ послѣдній жилецъ — года на два постарше васъ, такой мастеръ таскать, что прелестъ! — такъ онъ у меня прожилъ всего девять недѣль. Теперь онъ живетъ въ Кольдбать-Фильдсѣ, ходитъ по лѣстницамъ безъ перилъ. Этого въ три мѣсяца два раза высѣли частнымъ образомъ. Дурно ему, вы какъ думаете?

Когда мистеръ Гопкинсъ упомянулъ о «лѣстницѣ безъ перилъ», онъ на минуту всталъ съ кресла и показалъ наглядно (какъ показывали мнѣ мальчики подъ темными «Арками») процессъ работы въ тюремной ступальной мельницѣ.

— Я думаю, ему нехорошо, отвѣтилъ я.—Какъ же онъ полагъ въ Кольдбать-Фильдсѣ?

— Обманщикъ былъ, хотѣлъ меня надуть въ той игрѣ, которой самъ у меня же выучился, отвѣтилъ мистеръ Гопкинсъ свирѣпо.—Вотъ оно какъ, Джимъ Смитъ! Кто сюда приходитъ жить,

да не уживается, это тѣ мальчишкѣ, кому я вѣрю, а они меня обманываютъ. Глупая штука пускаться имъ на такія дѣла, вѣрять моему слову и моему слову, Джимъ. Видите, со мной фальши никакой нѣтъ, Джимъ. Какой мальчишкѣ за меня крѣпко держится, тому я какъ каменная стѣна. Нетолько я все дѣлаю, какъ я вамъ сказалъ, но коли случится ему такое несчастье, что попадетсѣ, онъ и тутъ найдетъ во мнѣ друга. Я ему выхлопочу отсрочку, я ему найду законника для защиты, и коли можно его выручить просьбой или деньгами, такъ ужъ я его выручу. Коли нельзя его выручить, я ему все сдѣлаю, что можно, покуда онъ сидитъ въ тюрьмѣ, а какъ онъ выйдетъ, такъ я ему отецъ родной. Только пускай онъ не воображаетъ, что онъ хитрѣе меня. Деньги чудеса дѣлаютъ, вы знаете, Джимъ. Чуть только мой мальчишкѣ приметсѣ мошенничать, я сейчасъ въ тотъ же день пристроиваю его подъ замокъ, хоть бы мнѣ пришлось заплатить пять фунтовъ за присягу противъ него.

— И по дѣломъ ему, сказалъ я серьезно.

— Значить, будетъ. Больше мнѣ нечего говорить, но крайней мѣрѣ теперь. Можете пойти прогуляться, либо въ театръ, какъ сами хотите — до одиннадцати часовъ. Деньги у васъ есть?

— Есть четыре пени, сэръ.

— Гдѣ-то у меня было серебро. А! вотъ три шиллинга шесть пенсовъ. Знаете, очень мы не будемъ размахиваться, покуда не увидимъ пояснѣ, какъ идутъ наши дѣла. Ступайте. Не запаздывайте дольше одиннадцати.

ГЛАВА XXXIII,

ВЪ КОТОРОЙ Я ВСТРѢЧАЮ СТАРАГО ДРУГА ВЪ НОВОМЪ ПОЛОЖЕНІИ, И ПОЛУЧАЮ ОТЪ НЕГО НѢКОТОРЫЯ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІА.

Дава мнѣ напутственное внушеніе не запаздывать дольше одиннадцати часовъ, мистеръ Гопкинсъ заперъ за мною дверь своего дома и предоставилъ мнѣ свободу идти куда мнѣ было угодно.

Никогда во всю мою жизнь я не чувствовалъ себя въ такой степени ошеломленнымъ, какъ въ то время, когда, ощупывая пальцами три шиллинга и шесть пенсовъ, данные мнѣ мистеромъ Гопкинсомъ и лежавшіе у меня въ карманѣ, я разными извѣстными мнѣ проулками и переходами направлялся къ шорнической церкви. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать съ мистеромъ Гопкинсомъ. Онъ, повидимому, былъ совершенно серъезенъ; иначе, зачѣмъ бы ему было показывать мнѣ, гдѣ онъ живетъ? Зачѣмъ ему было давать мнѣ три шиллинга шесть пенсовъ? Онъ доста-

очно развернулся передо мною, чтобы я могъ узнать, что онъ юшенникъ — въ самомъ дѣлѣ, для этого мнѣ стоило только при-юмнить, какъ онъ безцеремонно присвоилъ себѣ бумажникъ. Ясно, то ему еще чего-то было нужно; ему нужна была моя особа.

Но на какихъ условіяхъ? Онъ хотѣлъ одѣвать меня, какъ мо-одаго джентльмена; кормить самымъ лучшимъ образомъ; квар-иру давать какъ герцогу; и стоило мнѣ только попросить себѣ-ять шиллинговъ, чтобы тотчасъ ихъ получить! За что?

За то, чтобы заниматься такимъ дѣломъ, которымъ я занимал-я почти два мѣсяца и къ которому я совершенно привыкъ. Что-до сихъ поръ дѣлалъ всегда со страхомъ и трепетомъ, то я-еперь могъ дѣлать съ полнымъ спокойствіемъ и совершенною-амоувѣренностью, ободряя себя тѣмъ утѣшительнымъ размышле-іемъ, что въ худшемъ случаѣ для меня будетъ сдѣлано все, что-олько можно уладить деньгами. Весь барышъ былъ очевидно на-юей сторонѣ, и это было бы истинное безуміе не поймать ми-стера Гопкинса на его словѣ. Во всякомъ случаѣ, для меня не-югло быть никакого вреда въ томъ, чтобы держаться за него, по-уда онъ будетъ исполнять предложенныя имъ условія; а чуть толь-о онъ ихъ нарушитъ, что же помѣшаетъ мнѣ убѣжать?

Мнѣ трудно было удержаться отъ хохота тутъ же на улицѣ. [то за безумецъ этотъ мистеръ Гопкинсъ со всѣми своими муд-ными совѣтами и глубокомысленными подмигиваньями!

Мнѣ было позволено идти въ театръ, коли я захочу. Мистеръ-опкинсъ подовѣрвалъ, вѣроятно, настоящій театръ, но въ на-гощемъ театрѣ я никогда не бывалъ. Было представленіе возлѣ-йтчешельской заставы, и съ тѣхъ поръ, какъ меня кормили мои-обственныя руки, я заходилъ туда нѣсколько разъ; и хотя-имъ игра конечно была похуже, чѣмъ на шордичской сценѣ, на-все таки была очень хороша, и я на минуту остановился-ь раздумьѣ, не пойдти ли мнѣ сегодня вечеромъ туда. Туда од-ако было очень далеко и я, чего добраго, могъ не успѣть до-ой во время.

Пойду я на старое мѣсто! рѣшилъ я вдругъ; второе представ-іе начинается въ половинѣ девятаго, а до тѣхъ поръ остае-т вѣрнѣхъ четверть часа. Пойду я туда, и пойду я въ ложу.-уплю я себѣ нѣсколько сосисокъ и натѣшусь въ волю. Что ва-ажность, коли это мнѣ обойдется въ пару шиллинговъ? Это я-огу; я получу пять шиллинговъ, какъ только они мнѣ зана-юбятся.

Отъ шордичской церкви до театра было очень недалеко, и-ить минутъ спустя послѣ того, какъ я рѣшилъ туда отправитъ-я, я закупилъ сосиски и апельсинны, выпилъ полпинты шес-

типенсоваго ая и вѣшался въ толпу, тѣснившуюся у дверей театра въ ожиданіи втораго представленія.

Толпа была необыкновенно волниа, по тому случаю, какъ я узналъ, что сегодня былъ бенефисъ мистера Ромеса Фитцгерберта, перваго трагика. Кромѣ гѣнія и танцевъ давалась новая пьеса: «Семь шаговъ въ Тиборнъ», въ которой мистеръ Р. Фитцгербертъ долженъ былъ играть роль героя. Мальчики, большіе и маленькіе, тѣснились со всѣхъ сторонъ вокругъ меня, и какъ разъ передомною стоялъ мальчикъ въ плисовой курткѣ и такъ сильно работалъ локтями, что я чувствовалъ, какъ тотъ карманъ, въ который были положены мои сосиски, совсѣмъ приплюснулся къ моей груди. Я отважился дать этому мальчику легкій толчокъ, уведомивъ его въ то же время, какой онъ мнѣ дѣлаетъ убытокъ.

— Плевать мнѣ на ваши сосиски, отбѣтилъ онъ. — Чего ихъ по дорогѣ не съѣли? Тогда бы ихъ тутъ не раздавили.

Онъ говорилъ не поворачивая головы, но я немедленно узналъ его голосъ, и съ радостнымъ восклицаніемъ я положилъ ему руку на плечо.

— Неужтожъ это вы, Рипстонъ?

— Какъ! Смифилдъ! Боже ты мой! Было, значитъ, зачѣмъ приходитъ на представленіе! воскликнулъ мой старій другъ.

И не обращая никакого вниманія на неудовольствіе своихъ ближайшихъ сосѣдей, онъ быстро повернулся всѣмъ тѣломъ назадъ, чтобы пожать мнѣ руку. Это движеніе, однако, отняло у него передовое мѣсто у дверей театра; насъ затискали и затолкали, и мы поскорѣе постарались выбраться изъ толпы, и при свѣтѣ большой лампы, висѣвшей при входѣ въ представленіе, внимательно осмотрѣли другъ друга.

— Ну, это удивительная встрѣча! восклицалъ Рипстонъ, рѣшительно хватая меня за воротъ въ избыткѣ своего восторга. — Какъ! я думалъ, что вы уже Богъ-знаетъ сколько времени тому назадъ умерли, старій Смифъ, съ тѣхъ поръ какъ мы послѣдній разъ видѣлись, и вдругъ вы теперь тутъ, разряжены въ пухъ и на полголовы выше стали! Какой вы теперь франтъ, Смифъ! Вамъ, должно быть, ужасно повезло съ тѣхъ временъ подѣ «Арками!»

Я не очень былъ похожъ на франта. На мнѣ была надѣта крѣпкая пара платья, на ногахъ крѣпкіе сапоги, а на головѣ приличная фуражка, и только всего; тѣмъ не менѣе мой наружный видъ, если сравнить его съ тѣмъ, какой у меня былъ, когда я заболѣлъ горячкою, измѣнился на столько, что совершенно оправдывалъ комплименты Рипстона.

Рипстонъ не былъ франтомъ. Его панталоны были изъ одной материи съ курткой, и то и другое было все въ грязи. Его лицо же было на столько грязно, что на немъ ясно обозначились чьи пота, появившіеся при его отчаянной борьбѣ съ толпою въ-за удобнаго мѣста. Но всего сильнѣе поразили меня его уши. Грязны онѣ были, какъ и всегда, но на нихъ были такія зюли, какихъ я никогда не замѣчалъ прежде; и когда я увиѣлъ эти руки, такъ добродушно положенныя на воротникъ моея егелеватой черной куртки, я почувствовалъ такое волненіе, кое рѣдко приходится испытывать въ теченіе цѣлой долгой жизни.

— Чтѣ такое, чтѣ съ вами, Смифъ? Вы развѣ не рады меня идѣть? спросилъ Рипстонъ, вдругъ отнимая прочь свои руки. Затѣмъ, посмотрѣвъ на меня нѣсколько секундъ, онъ вдругъ изразился громкимъ смѣхомъ.

— Я теперь понимаю, въ чемъ дѣло. Я объ этомъ прежде не подумалъ, воскликнулъ онъ.—Вы сдѣлались теперь порядочнымъ злодѣкомъ, Смифъ, и вамъ не хочется со мной связываться: азумѣется, вы вѣдь не знали, что я перемѣнился; какъ вамъ было знать!

Однако, это объясненіе меня не успокоило; напротивъ, оно оставило меня пожелать, чтобъ Рипстонъ былъ за сто миль гсюда. Я хорошо понималъ, чтѣ онъ хотѣлъ сказать; тѣмъ не менѣе я спросилъ у него:

— Въ чемъ перемѣнились? Чтѣ вы говорите, почему вы перемѣнились, Рипстонъ?

— Да вотъ такъ точно, какъ вы перемѣнились — бросилъ ярую манеру добывать себѣ хлѣбъ, прошепталъ Рипстонъ.—Я перь у зеленщика служу, таскаю уголья, и картофель, и все кое, знаете. Удобное это мѣсто; восемнадцать пенсовъ въ недѣлю, и вся ѣда, и квартира. Я ужъ тамъ семь мѣсяцевъ живу.

— А чтѣ Моульди? спросилъ я съ тою гнусною надеждою, о моя неспокойная совѣсть получить себѣ нѣкоторое облегченіе при томъ извѣстїи, что Моульди сдѣлался совершеннымъ годаемъ — быть можетъ, грабителемъ или придорожнымъ разбойникомъ.

— Моульди умеръ, отвѣтилъ Рипстонъ коротко.

— Умеръ?

— Умеръ послѣ послѣдняго кулачнаго боя. Идемъ, двери открыты; не найдемъ мѣста въ галлерей, коли не сунемся теперь.

— Я не въ галлерей иду, я въ ложу, Рипъ. Вы тоже идите

со мной въ ложу, Рипъ. Тамъ будемъ сидѣть вмѣстѣ, побываемъ между представленіями.

— Ложи по четыре пенса; я больше пени не могу истратить.

— Не бѣда. Я васъ угошу ложей; у меня есть деньги; я добылъ больше шиллинга.

Мнѣ было стыдно сказать, что у меня было почти три шиллинга.

— Больше шиллинга! Отцы мои! Вамъ однако повезло! У васъ, видно, не при угольной лавкѣ мѣсто. Кабы я сталъ отгадывать, я бы сказалъ, что вы служите по мануфактурнымъ надѣламъ. Правда?

— Вы какъ разъ угадали, отвѣтилъ я, чувствуя значительное облегченіе по тому случаю, что Рипстонъ нашель мнѣ занятіе.

— И вы накопили денегъ, и теперь пришли задать себѣ праздникъ. Вѣрно я угадалъ?

— Вы всегда были мастеръ угадывать, отвѣтилъ я неопредѣленно: — однако, идемъ же, Рипъ, а то мы и въ ложахъ не найдемъ себѣ мѣста.

Въ ложахъ мы нашли довольно хорошее мѣсто, и такъ-какъ мы были въ фешенебельной и дорогой части театра, то въ ложѣ кромѣ насъ оказались только двѣ молодыя дѣвушки и старая леди. Представленіе еще не начиналось, поэтому я вынулъ сесиски и предложилъ Рипу принять участіе въ пиршествѣ; дажѣ я показаль ему буленине мною анельсини и подтвердилъ этнѣ его предположеніе — если только оно послѣ моего безмолвнаго выраженного согласія еще нуждалось въ подтвержденіи — что я вышелъ изъ дому отпраздновать праздникъ.

— Такъ Моульди умеръ, э? замѣтилъ я, между тѣмъ какъ Рипъ по суставы пальцевъ погрузился въ слоеную корку и ѣлъ сосиски.

— Случилось съ нимъ несчастье, убился до смерти на другой день послѣ Рождества, отвѣтилъ Рипстонъ, откусывая еще кусокъ пирога и печально повачивая головою.

— Какое несчастье, Рипъ?

— Съ крыши свалился. За свинцомъ пошелъ. Знаете, тотъ старнй амбаръ, что противъ рѣки? Ояъ отдавался въ наемъ, какъ вы были тамъ, — еще мы иной разъ дурачилисъ на крышѣ?

— Знаю.

— Вотъ тутъ-то съ нимъ и случилось несчастье, сказалъ Рипстонъ, приложивъ свою голову къ моеи и понижая голосъ до шопота. — Вы знаете, Сипфъ, какъ шла дѣла, когда вы святили горячку и васъ увезли. Ну, дѣла пошли все хуже и хуже.

Мы потеряли тотъ фургоны, гдѣ мы ночевали, и никто другой не хотѣлъ насъ къ себѣ пускать; все боялись, что у насъ будетъ ваша горячка и что мы ихъ заразимъ; такъ намъ пришлось забраться въ уголь и спать на камняхъ — вы знаете, какая тамъ слякоть на камняхъ подъ Дельфами, Смифъ. Вотъ какое наше было счастье дома, а на улицѣ счастье было точно изъ такой же матеріи выкроено. Вазарные ребята на насъ издаются, всѣ купцы противъ насъ, работъ нѣтъ; а насчетъ того, чтобы по старому, знаете, такъ это все равно, какъ уворовать луговицы съ сюртука сторожа такъ, чтобы онъ не замѣтилъ — было какъ было трудно. Потомъ приходитъ погода — вы знаете, какая это была погода, Смифъ — губительная, ужасная погода, особенно какъ пробавляешься все больше корешками. Какъ мы перебились эти два мѣсяца, этого я ужъ, ей-Богу, не знаю. Тутъ приходитъ Рождество. Малый натурально ждетъ себѣ на Рождество чего-нибудь получше, коли нѣтъ ничего въ другое время; но намъ и ждать нечего было. На завтракъ всего только рѣпа, и Моульди такъ приунылъ, поотморозивъ себѣ и руки, и ноги, и лицо, что онъ только сидѣлъ да гладилъ себѣ ноги, бѣдный малый, и все стоналъ, тоску нагнавъ на меня несносную. Знаете, Смифъ, тамъ, въ Дельфахъ, празднуютъ Рождество гораздо лучше, чѣмъ можно бы ожидать. Берутъ откуда-то деньги, складчину устраиваютъ, и разводять огонь, и чѣмъ-то согреваются, и курить, и поютъ пѣсни, однимъ словомъ, настоящій пиръ. Въ прошломъ году мы на Рождество входили въ сладчину, а нынѣшній годъ не могли, и сидѣли мы у себя въ уголку, дрожали другъ возлѣ друга и ни крошки не съѣли послѣ этой рѣпы вплоть до самой ночи. Я никогда не видалъ бѣднаго Моульди въ такомъ отчаяніи. Онъ всегда поѣсть любилъ, и когда онъ слышалъ, какъ варить и жарить, и чувствовалъ запахъ мяса, и луку, и всего такого, это было выше его силъ. «Нынче, Рипъ, это будетъ послѣдній день», сказалъ онъ. «Если счастье само собой не повернется, я его поверну, провалюсь я сквозь землю. Нынче у нихъ мясо и всякія прелести, а завтра у насъ будутъ, Рипъ, это безъ промаха!» Ну, знаете, я думалъ, онъ это только такъ говоритъ, потому что ужъ очень разсвирѣпѣлъ. Я и представилъ себѣ не могъ, что онъ что-нибудь серьезное замышляетъ; я и сказалъ ему: ну, ладно! и легъ спать, не обративъ вниманія ни на Моульди, ни на другое что.

Ну, проспавшись я на другой день утромъ, вижу Моульди ужъ всталъ и ушелъ. Онъ никогда не ходилъ никуда, не сказавшись мнѣ, и я понять не могъ, что бы это значило. Я спросилъ у знакомыхъ ребятъ, не видалъ ли они его сегодня утромъ; никто не видалъ.

Я пошелъ, обѣжалъ весь базаръ—я и думать забылъ о томъ, что онъ говорилъ прошлую ночь, какъ ложился спать — только нѣтъ Моульди; прихожу я домой часовъ въ десять, спускаюсь я внизъ по ступенямъ, и мнѣ одинъ мальчишкѣ говорить: «ну, что, каково ему?» Кому каково? спрашиваю я. «Да вашему пріятелю Моульди», онъ говорить. «Вѣдь вы его провѣдать ходили? Или васъ, можетъ, не допустили къ нему?» Меня это такъ ошеломило, что я хочу говорить, просто словъ не нахожу; а мальшкѣ говорить: «Моульди свезли въ гошпиталь, вы развѣ не знаете?» — Въ гошпиталь? я говорю: — это по какому же случаю? — «Сломалъ обѣ ноги и нѣсколько реберъ, онъ говорить. «Хотѣлъ стащить свинецъ съ крыши на берегу; вотъ и поѣхалъ теперь къ Гаю. Онъ на крышу-то влѣзъ по жолобу и спускаться сталъ такъ же съ свинцомъ, а труба отъ лишней тяжести подомилась, такъ онъ внизъ и слетѣлъ. Онъ, я полагаю, отъ этого и умреть».

Рипстонъ былъ до такой степени поглощенъ разсказомъ о печальной кончинѣ своего друга, что даже не замѣтилъ, какъ на сценѣ поднялся занавѣсъ. Правда, представленіе начиналось съ балета и это зрѣлище легкаго и ничтожнаго характера не могло доставить большаго удовольствія мальчику, одаренному, подобно Рипстону, высокими драматическими наклонностями. Когда онъ въ своемъ разсказѣ дошелъ до этого мѣста, волненіе заставило его остановиться и отереть глаза; затѣмъ онъ бросилъ на сцену только одинъ взглядъ и продолжалъ:

— Ну, я, недолго думая, прямо къ Гаю, живо дошелъ, могу васъ увѣрить, Смифъ; подхожу я къ тому малому, что стоитъ у дверей, и говорю:—съ вашего позволенія, я, говорю, брата хочу провѣдать. «Какъ зовутъ?» онъ спрашиваетъ.—Моульди, я говорю.—Онъ себѣ обѣ ноги сломалъ да нѣсколько реберъ. «Знаю!» говорить. «Съ дома свалился, что-то въ этомъ родѣ. Славный вы посѣтитель!» говорить, «ну да ничего. Вы одни только и пришли объ немъ навѣдаться! Можете пройти. Спросите палату сестры Меліи; его туда положили».

Такъ я и сдѣлалъ; вхожу въ дверь, мнѣ на встрѣчу сестра Мелія, я вѣжливымъ манеромъ у нея спрашиваю, не покажетъ ли она мнѣ дорогу къ мальчику Моульди. «Ваше имя Рипстонъ?» она говоритъ. — Да, мамъ, я говорю. «Идите», она говорить. «Онъ только и твердитъ: гдѣ Рипстонъ? Недолго онъ на свѣтѣ проживетъ, бѣдный малый!» она говоритъ.—«Я боюсь, врядъ ли вы его и въ живыхъ-то застанете».

Ну, вотъ тутъ Моульди былъ, Смифъ. Его обмыли, положили и на бѣлую простыню; и онъ былъ такой ужасно бѣлый, и глаза у него такіе большіе—у Моульди голубые глаза были; а я, ей Богу, до

того времени и не зная, что у него голубые глаза, Смифъ;—очень я перепугался. Какой-то джентльменъ, должно быть священникъ, говорилъ съ Моульди, когда я подошелъ къ постели; чуть бѣдный малый увидалъ меня, сейчасъ протянулъ ко мнѣ руку. — Какъ дѣла, Рипъ? Я такъ радъ, что вы пришли! онъ прошепталъ.— Я думалъ такъ и умру, васъ не увижу, Рипъ. Пожмите мнѣ руку, старина, не сокрушайтесь.—Ничего я не могъ ему отвѣчать, Смифъ; что-то у меня засѣло въ горлѣ и поднималось вверху, чуть только я пробовалъ раскрить ротъ, и не могъ я промолвить ни слова.—Мистеръ, говоритъ Моульди этому джентльмену, священнику, —мистеръ, говоритъ онъ, поразкажите-ка вы немножко Рипстону, что вы рассказывали. «Хорошо», говоритъ священникъ; и началъ рассказывать, а Моульди все время за руку меня держалъ. Все это разговоръ былъ, что надо честнымъ быть, и все такое; а въ серединѣ рѣчи Моульди вдругъ сжалъ мою руку, и ему стало хуже. Онъ не могъ больше говорить, а только очень пристально посматрѣлъ на священника, потомъ взглянулъ на меня, кивнулъ головою, и потомъ умеръ.

Тутъ Рипстонъ еще разъ обнаружилъ серьезные симптомы взрыва печали; вида это, я поспѣшно заставилъ его взять самый большой изъ монхъ апельсиновъ, и онъ мгновенно сталъ сосать его съ такимъ ожесточеніемъ, которое обнаруживало страшную силу волненія, благополучно отведеннаго въ сторону моею находчивостью.

— Скажу я вамъ, сильно меня все это поразило, и разговоръ этотъ, и то, что Моульди у меня на глазахъ покончился, продолжалъ Рипстонъ, со вздохомъ бросая апельсиновую корку въ партеръ. — Я, видите, радъ былъ бы переимѣниться, какъ просилъ меня Моульди. Да вѣдь какъ же малому переимѣниться, когда ему совсѣмъ некуда приткнуться? Вотъ объ этомъ я и думалъ, выходя изъ гошпитала; и думалъ я довольно долго, покуда наконецъ рѣшилъ, что подожду я у воротъ, и какъ увидетъ священникъ, я подойду—спрошу у него, какъ малому приняться за дѣло, коли онъ хочетъ переимѣниться? Вотъ онъ и выходитъ, и только что онъ садится въ свой экипажъ, я къ нему и спрашиваю. Я ужъ не знаю, какіе онъ мнѣ дѣлалъ вопросы, а лучше всего было то, что онъ на прощанье далъ мнѣ шиллингъ и написалъ на карточкѣ, гдѣ онъ живетъ. «Коли вы, говорите, завтра будете въ такомъ же духѣ, какъ сегодня, приходите ко мнѣ, я посмотрю, что можно для васъ сдѣлать». Я былъ совершенно въ такомъ же духѣ, ужъ это будьте покойны, и никогда еще у меня не бывало такъ легко на душѣ. Далъ онъ мнѣ кое-какое платье, и потомъ самъ пошелъ со мной къ тому человѣку, что держитъ картофельную лавку въ Спитальфильдсѣ, и добылъ

мнѣ мѣсто; и живу я тамъ до сихъ поръ, и тамъ оставаться намѣренъ. Ну, теперь, вы все знаете, какъ я переимѣнился; и давно бы я это сдѣлалъ, кабы только я зналъ, какъ это легко. Вѣдь неправда ли, что легко, Смифъ? Вы вѣдь сами испытали?

Я не отважился отвѣчать словами на затруднительный вопросъ Рипстона, но я кивнулъ головою съ такимъ видомъ, который долженъ былъ ему внушить, что по моему переимѣна самое легкое дѣло на свѣтѣ.

— Ну, видите, я думаю, вамъ даже легче было, чѣмъ намъ; вамъ не такъ много приходилось переимѣняться, какъ мнѣ или Моульди, продолжалъ Рипъ.—Вы никогда въ этомъ не были настоящимъ образомъ завалены. Господи! Я хорошо помню, какъ смѣшно было мнѣ и бѣдному Моульди глядѣть на васъ иной разъ на базарѣ, когда вы думали, что мы не смотримъ; какъ вы тогда уморительно принимались за дѣло. Вы, бывало, никогда не сдѣлаете настоящаго, какъ слѣдуетъ воровства; никогда у васъ смѣлости не хватало, Смифъ, то-есть не то, чтобы смѣлости; это не смѣлость, это только похоже на смѣлость, какъ будто испорченная смѣлость, все равно какъ червивое яблоко. Это только по виду смѣлость, а на самомъ дѣлѣ никуда не годится. Да я даже думаю, Смифъ, вы бы и понятія не имѣли, что такое воровство, еслибы мы васъ на это не натолкнули.

— Вѣроятно не имѣлъ бы, отвѣтилъ я, бросая на Рипстона взглядъ, который, по всей вѣроятности, долженъ былъ остаться для него непонятнымъ.

— Ну, да вы и не очень глубоко зашли, по крайней мѣрѣ далеко не такъ глубоко, какъ мы съ Моульди; это все-таки утѣшеніе.

— Разумѣется, утѣшеніе.

— Я говорю, Смифъ, какъ это странно, что вотъ мы съ вами встрѣчаемся и оба переимѣнились.

— Да, странно. Какой это славный танецъ, Рипъ!

— Чудесный танецъ! Отличная штука! Это по моему настоящій танецъ! А оно совсѣмъ не такъ странно было бы, кабы одинъ изъ насъ переимѣнился, а другой нѣтъ. Господи, Смифъ! дивлюсь я, что бы я такое подумалъ, кабы я игралъ въ старую игру, да встрѣтился бы съ вами сегодня вечеромъ за такимъ отличнымъ представленіемъ! Не знаю, что бы я сдѣлалъ, кабы вы со мной заговорили, такъ-какъ вы вѣроятно не хотѣли бы говорить съ мошенникомъ. Я думаю, я бы это сатангъ. А впрочемъ, не знаю; можетъ, я бы и выложилъ всю правду—можетъ, сталъ бы подшучивать, что вотъ вы теперь галантерейный прикащикъ, и одѣваетесь щеголемъ. Я бы привинулся, что не вѣрю

вашей перегибѣ, и сталъ бы дразнить васъ, называть причинной головкой и все такое.

Все это время Рипстонъ говорилъ со мною шопотомъ, приклонивъ свою голову къ моей, такъ что ни старуха, сидѣвшая влѣво отъ меня, ни обѣ дѣвушки, находившіяся впереди, не могли слышать ни слова изъ его рѣчи. Я никогда не видалъ его такимъ живымъ, и я не зналъ, что онъ когда либо можетъ быть такой разговорчивый и общительный; но, какъ легко можно себя представить, его разговоръ нисколько не развеселилъ меня. Каждое его слово и каждое движеніе было для меня упрекомъ. Тяжелая привычка и умшленная безпечность притупили мою совѣсть такъ, что она утратила свою прежнюю живую впечатлительность и ее нелегко было разбудить; но тутъ Рипстонъ штурмовалъ ее нѣкоторымъ образомъ съ штиномъ въ рукахъ. Мое знакомство съ этими двумя мальчиками было совсѣмъ особенное; оно болѣе всякаго другаго было способно превратиться въ самую прочную дружбу. Извѣстіе о смерти Моульди и о томъ, какъ она произошла, дало мнѣ ужасный толчокъ. Этого одного было довольно, чтобы привести меня въ уныніе и сдѣлать несчастнымъ. Но когда мой добрый другъ Рипъ, котораго я всегда любилъ даже больше, чѣмъ Моульди — Рипъ, сдѣлавшійся честнымъ, говорящій честно, имѣющій несомнѣнно всѣ примѣты честнаго человѣка — началъ бередить мою рану, колоть и сверлить ее такъ безжалостно, и въ то же время такъ неумышленно, я почувствовалъ себя раздавленнымъ подъ тяжестью стыда и раскаянія. Что мои ощущенія должны были выразаться во всей моей наружности, это я самъ чувствовалъ и замѣчалъ, и то опасеніе, что Рипстонъ, вслѣдствіе этого, узнаетъ теперь правду, возрастало каждую минуту. Это опасеніе не было неосновательно. Естественная смѣшленность Рипа нисколько не пострадала отъ его обращенія къ честной жизни. Когда онъ дорисовалъ юмористическую картину нашей встрѣчи при другихъ условіяхъ — еслибы онъ все еще былъ маленькимъ ворышкой, а я, какъ теперь, respectableмъ мальчикомъ при галантерейномъ магазинѣ — онъ почувствовалъ судорожный припадокъ веселости, и, толкнувъ меня подъ бокъ, пригласилъ посмѣяться вѣсть съ нимъ. Но мнѣ было не до того. Въ эту минуту я готовъ былъ дать гораздо больше денегъ, чѣмъ сколько у меня было въ карманѣ, за то, чтобы мнѣ удалось засмѣяться. Но я не могъ ни усмѣхнуться, ни даже улыбнуться. Я могъ только смотрѣть прямо впередъ, какъ будто я не слышу его словъ; губы у меня были крѣпко сжаты и брови нахмурены. Рипстонъ вдругъ остановился среди шутки, которая обѣщала быть удач-

ною, и внезапно сдѣлавшись совершенно серьезнымъ, положилъ руку ко мнѣ на локоть.

— Въ чемъ дѣло, Смифъ? Я говорю, Смифъ, тутъ что-то не ладно. Вы что-то неблагополучны. Точно ли вы служите при мануфактурныхъ издѣліяхъ?

Къ великому моему облегченію, въ эту самую минуту поднялся занавѣсъ и началась первая сцена «Семи Шаговъ въ Тиборнъ». Хотя сцена была для меня покрыта туманомъ, я, чтобы скрыть смущеніе, захлопалъ руками и закричалъ «браво» вмѣстѣ съ самыми буйными посѣтителями театра.

ГЛАВА XXXIV,

ПОСВЯЩЕННАЯ ВПОЛНѢ ОПИСАНІЮ ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СЕМЕЙНОЙ ДРАМЫ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ «СЕМЬ ШАГОВЪ ВЪ ТИВОРНЪ», КАКЪ ОНА БЫЛА РАЗЫГРАНА ВЪ ШОРДИЧСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Есть люди, съ которыми я познакомился во время моего оборвышества и теперь желалъ бы встрѣтиться больше, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ, чтобы мнѣ было возможно, по мѣрѣ силъ моихъ, выразить имъ мою признательность; и безъ всякаго сомнѣнія, талантливый авторъ «Семи Шаговъ въ Тиборнъ» относится къ числу этихъ людей. Еслибы эти страницы попались ему на глаза, то онъ, обратившись къ издателю, могъ бы узнать мой адресъ, и тогда я отъ всей души приглашаю его пріѣхать повидаться со мною. Если послѣ того, какъ онъ произвелъ на свѣтъ эту знаменитую семейную драму, люди оказали ему должную справедливость, и онъ теперь благоденствуетъ и богатѣетъ (я подозреваю, что изъ-подъ его мастерскаго пера вышелъ недавно напечатанный трехъ-томный романъ, подъ заглавіемъ: «Ф—Ф»), то къ его услугамъ найдется бутылка лучшаго портвейна, которую я раздѣлю съ нимъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Если — и это увы! обыкновенная судьба гениа — онъ до сихъ поръ тотъ же нуждающійся человѣкъ — измѣнившійся только относительно цвѣта своихъ волосъ и стройности своей фигуры, — если онъ, повторяю, все тотъ же нуждающійся человѣкъ, который, съ изношеною шляпою въ рукахъ, появился на сценѣ при возгласахъ восторженной публики въ достопамятный вечеръ моего присутствія въ шордичскомъ театрѣ, — то мой кошелекъ къ его услугамъ, если ничтожная сумма въ десять фунтовъ, или около того, можетъ быть ему полезна.

Когда я припоминаю событія этого вечера, я прямо перене-

шусь въ эту четырехпенсовую ложу, и вижу Рипстона съ его грязнымъ лицомъ и полураскрытымъ ртомъ, до такой степени увлеченнаго зрѣлищемъ, что онъ положительно забываетъ дышать обыкновеннымъ порядкомъ, и совершаетъ этотъ неизбежный естественный процессъ посредствомъ неправильныхъ вдоховъ и фырканій. Я вижу крѣпкіе хвостики волосъ у двухъ молодыхъ женщинъ, сидѣвшихъ впереди насъ; вижу, какъ эти крѣпкіе хвостики свѣсилась ниже голубыхъ вуалей ихъ соломенныхъ шляпокъ. Я вижу — и я влинусь, что никогда не видалъ ничего подобнаго — вижу покроевъ платья, надѣтаго на старухъ, сидѣвшей отъ меня по лѣвую сторону; вижу три широкія кольца, блиставшія на ея безмянномъ пальцѣ, когда она всплескивала руками; вижу облѣвшій старшій боа, надѣтый у нея на шею, хотя было такъ жарко, что бутерь-броды, разносимые молодыми людьми вмѣстѣ съ театральными билетами и съ инбирнымъ пивомъ, становились неприятно-клевыми. Я вижу публику, и сцену, и оркестръ съ его двумя музыкантами, арфистомъ и скрипачемъ; я вижу также пѣсусу съ начала до конца.

Въ той скромной надеждѣ, что читатели, принимавшіе участіе въ моихъ удачахъ и неудачахъ до настоящей минуты, не откажутся взглянуть на содержаніе драмы, имѣвшей рѣшительное вліяніе на мою судьбу, я далъ себѣ трудъ набросать здѣсь выдающіяся черты «Семи Шаговъ въ Тиборнъ».

При двухъ «Первыхъ Шагахъ» трудно себѣ составить ясное понятіе о героѣ пьесы; въ самомъ дѣлѣ, въ первой фазѣ онъ не дѣлаетъ никакого «шага», потому что онъ ребѣнокъ, котораго носятъ на рукахъ. Впрочемъ, всякому извѣстно, что какое бы направленіе человекъ ни принялъ впоследствии, семь «Шаговъ» или «Періодовъ» или «Фазъ», или «Возрастовъ» человѣческой жизни должны начинаться со времени дѣтскаго крика; поэтому, тутъ нѣтъ мѣста для угоризны, если только писатель старается по мѣрѣ силъ преодолевать тѣ трудности, которыя можетъ ему представить этотъ неизбѣжный порядокъ.

Даровитый драматургъ, о которомъ идетъ рѣчь, встрѣтился съ этою трудностью и обошелъ ее съ такою тщательностью и ловкостью, которая составляетъ одно изъ замѣчательныхъ достоинствъ этой драмы.

Отецъ героя по роду своихъ занятій разнощикъ, а по имени Гарри Уильдай. Его жена, Эллиенъ Уильдай (дочь раззорившагося джентльмена, которая, илѣннившись мужественною наружностью Гарри, поставлявшаго товары въ домъ ея отца, склонилась на его страстные обѣты вѣчнаго обожанія и сдѣлалась его женою); ихъ грудной ребѣнокъ получилъ при крещеніи имя Френка. При

поднятіи занавѣса видно жилище Гарри Уильда на столько чистое, на сколько могла его вычистить половая щетка, но скудно меблированное; передъ вами только продавленный стулъ, двухверхниковый огарокъ, вставленный въ нивную бутылку, и пустая хлѣбная корзина.

Ночь. Обезумѣвшій негодяй только что воротился съ своихъ трактирныхъ оргій. Гарри Уильдай неисправимый пьяница, и выразительно нагтомимомъ (на шордическомъ театрѣ словесный разговоръ не допускался) онъ достаточно ясно знакомитъ публику съ своимъ положеніемъ; онъ шатается по сценѣ изъ стороны въ сторону, свѣтится на каждомъ шагу, приглядываетъ бутылку съ джиномъ къ губамъ и держитъ ее у губъ такъ долго, что выпиваетъ по меньшей мѣрѣ нинту одуряющаго нанитка. Его жена съ растрепанными волосами и съ багровыми пятнами на щекахъ, очевидно, въ послѣдней фазѣ злѣйшей чахотки, въ дальнемъ углу комнаты съ ребѣнкомъ на рукахъ, стоитъ на колѣняхъ у заржавленной каминной рѣшотки, тщетно стараясь развести огонь, чтобы согрѣть продрогшее дитя; у нея нѣтъ никакого топлива кромѣ двухъ старыхъ башмаковъ (она сама босая) и китоваго уса изъ корсета, изъ того самаго корсета, который въ эту минуту покрываетъ ее увядшую грудь, какъ это несомнѣнно показываетъ искусно оторванная пуговица въ лифѣ ея платья.

Она такъ поглощена своимъ занятіемъ, что не слышитъ своего супруга, съ шумомъ шатающагося по сценѣ; она даже не замѣчаетъ его ненавистнаго присутствія, даже когда онъ поетъ «Красный Несъ», и при шумномъ требованіи публики, поетъ его вторично.

Вѣжливо раслаиваясь съ зрителями за ихъ восторженное одобреніе, онъ медленно переходитъ туда, гдѣ стоитъ его жена, и, желая показать ей, что онъ воротился домой, приближается къ ней свадн и волочить ее по сценѣ за растрепанные волосы, а она въ это время причитъ и также успокоиваетъ ребѣнка самымъ трогательнымъ образомъ. Затѣмъ онъ швыряетъ ее прочь отъ себя и выворачиваетъ всѣ свои карманы, желая показать, что у него нѣтъ денегъ; потомъ онъ многозначительно ударяетъ рукою по бутылкѣ, чтобы жена могла жевать, на что ему требуется кое-какая мелочь. Принявъ эту жосу — пустые карманы, протанутая за подачкой хлѣвая рука, бутылка, стиснутая въ правой рукѣ, точь въ точь какъ это было изображено на афинѣ — онъ такъ въ ней и остался, а несчастная его жена, стоя по прежнему на колѣняхъ, сначала отчаянно вѣшеснула руками, потомъ вытащила изъ кармана своего платья

пригоршню закладных билетов, положила ихъ въ пустую хлѣбную корзину, стоявшую тутъ же по близости, внезапно подвала голову, посмотрѣла на мужа, какъ Аяксъ, готовый бороться съ молніей, и поднесла ему эту массу билетовъ, какъ знаменательный отвѣтъ на его безчеловѣчное требованіе. То была ея поза, обѣщанная афишами, и принявъ ее, она въ ней осталась, дополняя такимъ образомъ картину.

Эффектъ вышелъ поразительный, и цѣлую минуту балаганъ дрожалъ отъ топанья ногъ, отъ гиканья, и отъ криковъ «браво» и «еще». Старая леди возлѣ меня была такъ глубоко потрясена раздражительнымъ зрѣлищемъ, что она вытаскала изъ своей корзины флаконъ необычайной величины, отвернулась въ сторону, какъ бы стыдясь обнаруживать такую чувствительность, и отъ всей души втянула въ себя большой глотокъ.

Ободренный такими несомнѣнными признаками общественнаго сочувствія, пьяница принялся свирѣпствовать пуще прежняго. Онъ три раза проволокъ жену за волосы кругомъ сцены и затѣмъ еще разъ яростно потребовалъ денегъ, топая ногою и проталкивая руку. Въмѣсто отвѣта она стала качать головою, такъ что ея волосы совсѣмъ закрыли ей глаза, и показала ему свои пустые карманы. Онъ съ насмѣшливымъ хохотомъ четыре раза ударилъ ее своими коваными сапогами, потомъ, выхвативъ изъ хлѣбной корзины закладной билетъ, презрительно ткнулъ его ей въ лицо, и въ то же время, потрясая рукавъ ея платья между большимъ и указательнымъ пальцемъ, нагладво далъ ей понять, какимъ образомъ она можетъ добыть деньги, если захочетъ. Тогда она съ дикимъ, отчаяннымъ крикомъ бросилась сама къ хлѣбной корзине и выхватила оттуда два другіе билета, на которыхъ было написано (болѣе крупными буквами, чѣмъ тѣ, которыми обыкновенно пишутся такіе документы): «флаanelева япка, девять пенсовъ»; «матерчатая юпка и разная мелочь, пятнадцать пенсовъ»; такимъ образомъ она доказала документально ему и публикѣ, что при всемъ своемъ желаніи угодить ему, какъ того требовали ея супружескія обязанности, она непремѣнно должна отклонить его предложеніе изъ женской стыдливости и не исполнила предписаній общепринятаго приличія.

До крайности разъяренный ея отказомъ, онъ, однако, на этотъ разъ не сталъ ни таскать ее за волосы, ни топтать ногами; онъ налилъ свою злобу, повернувшись лицомъ къ публикѣ, дико вращая глазами и сжимая зубами, покуда у него совѣрявали новые планы, на горе жены. Вдругъ онъ со всего размаху ударилъ себя ладонью по лбу, прицеливъ пальцами, чтобы вырвать: «Я нашедь!» и затѣмъ, обратившись къ женѣ, онъ

показалъ ей дорогу на улицу и сталъ прохаживаться по сценѣ съ кокетливымъ видомъ молодой женщины, ожидающей кого нибудь.

Его дѣйствіе было просто, такъ что даже осталось непонятнымъ массѣ публики, но оскорбленная, забитая жена, повидимому, открыла въ движеніяхъ, негодяя что-то возбуждавшее ея негодованіе и придавшее ей новыя силы. Съ крикомъ отчаянія и бѣшенства, она вдругъ вскочила на ноги и вытянулась передъ чудовищемъ прямо, какъ полицейскій инспекторъ; поглядѣвъ на него съ минуту свергающими глазами, она со всего плеча отпустила ему по переносью звонкій и жѣткій ударъ; онъ повалился какъ бревно, а она остановилась надъ нимъ и, вынувъ изъ-за пазухи бумагу, развернула передъ публикой четкую надпись: «добродѣтель женщины составляетъ лучшую ея драгоценность».

То былъ другой рѣшительный ударъ, и разразившіяся рукоплесканія превзошли даже тѣ, которыя были вызваны появленіемъ закладныхъ билетовъ въ пустой хлѣбной корзинѣ. Они продолжались до тѣхъ поръ, покуда пьяница полежитъ на концѣ, внезапно вскочивъ на ноги и поваливъ жену на полъ однимъ ударомъ своей бутылки. Рукоплесканія, послѣдовавшія за этимъ поступкомъ, не были очень шумны, но глухой ронотъ прокатился по залѣ, показывая ясно, что эта картина дѣйствительной жизни, какъ ни была она печальна, была достаточно признана и оцѣнена зрителями.

— Какъ вамъ нравится эта пьеса, Смифъ? спросилъ Рипстонъ, когда занавѣсъ опустился послѣ этого «Перваго шага».

— Я думаю, что это удивительная пьеса, отвѣтилъ я со вздохомъ, думая о моей покойной матери, какъ она напустилась на моего отца за его замѣчаніе насчетъ «Турціи», и какъ онъ сшибъ ее вулакомъ на каминную рѣшетку.

— И я такъ думаю. По моему это одна изъ самыхъ удивительныхъ пьесъ, какія я видалъ за этотъ мѣсяцъ, отвѣтилъ Рипстонъ съ жаромъ. — Коли есть въ ней какой недостатокъ, такъ развѣ то, что она ужъ слишкомъ за живое забираетъ.

— Забираетъ она точно! проколвилъ я.

— Что дальше, то больше будетъ заирать; а то бы это очень странно было, замѣтилъ Рипстонъ, глубокомысленно качивая головою. — Это тотъ ребенокъ, что на рукахъ у матери — поидеть въ Тиборнъ: «Семь Шаговъ»! Я такъ по крайности смѣялся. А вы какъ, Смифъ?

— Я тоже такъ полагаю.

— Онъ разобьетъ ей сердце на Третьемъ Шагу, продолжалъ

онъ съ мрачнымъ наслажденіемъ, черпая безъ сомнѣнія изъ своего обширнаго запаса знаній насчетъ театра и театральныхъ драмъ.

— Авось онъ этого не сдѣлаетъ; ужасный стыдъ это ему будетъ, коли сдѣлаетъ, отвѣтилъ я съ искреннимъ воодушевленіемъ.

— Должно быть, онъ какъ выростетъ, будетъ колотить ее, вотъ какъ теперь старикъ колотить, продолжалъ Рипстонъ: — вотъ какъ *вашъ* старикъ трепалъ *вашу* старуху — вашу первую старуху, я говорю, Смифъ.

Это размышленіе Рипстона вызвало другія мысли, и онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, по временамъ взглядывая на меня и произнося вполголоса безсвязныя восклицанія: «Точъ въ точъ такъ!» «Какъ странно!» «Ну, дуй меня горой!»

Я какъ будто зналъ, о чемъ онъ думаетъ, и меня не удивило, когда онъ прошепталъ:

— Я говорю, Смифъ, это удивительное счастье, что вы перемѣнились, правда?

Въ отвѣтъ на этотъ жестокій вопросъ я могъ только кивнуть головою.

— А вамъ, должно быть, жутко приходилось, что не было у васъ старухи, къ кому домой придти — не было, то-есть, настоящей матери, какъ вы перемѣнились, продолжалъ Рипъ. — У васъ на половину не было такого чувства, какъ у меня. О, какъ дошло дѣло до этого, знаете, тотъ госпитальный священникъ и говорить: «Вы не смотрите на него, говорить, какъ на негоднаго мальчика, что убѣждалъ отъ васъ, мамъ, но возьмите, говорить, его въ объятія, какъ новорожденнаго ребѣнка — такого, какой онъ былъ (это я, то-есть, понимаете?), когда онъ только что родился на свѣтъ, и пусть онъ начнетъ жизнь сначала». Такъ я, право, думалъ, что моя старуха задохнется; я думалъ, она и меня задушитъ, такъ она меня сильно прижала. Ахъ, какое это было чувство, скажу я вамъ, Смифъ!

Я почувствовалъ слезы у себя на глазахъ, и такъ-какъ рука Рипстона лежала у меня на колѣняхъ, то я положилъ на нее свою руку; и еслибъ меня не удерживалъ стыдъ, я бы тутъ же раскрылъ передъ нимъ мою преступную душу.

Въ антрактахъ вкругомъ по театру ходилъ человѣкъ съ избирнымъ пивомъ и съ бисвитами; когда онъ подошелъ къ нашей ложѣ, я подовалъ его и купилъ двѣ двухпенсовыя бутылки, а на остальную часть шестипенсовой монеты взялъ бисвитовъ, къ тайному удовольствію моего я, и съ тою цѣлью, чтобы

убѣдить эту особенно близкую мнѣ особу къ моему презрительному взгляду на деньги Джорджа Гопкинса, воспитателя воровъ.

Ибирное пиво было поразительно дрянное, а бисквиты были безвкусны, какая сухая овсяная мука, и это казалось мнѣ еще болѣе сильнымъ ослепаніемъ Джорджа Гопкинса, такъ что полуду Рипстонъ относился къ своей долѣ съ гримасами, а съ безконечнымъ наслажденіемъ нстребиль мою часть до послѣдней крошки в крошки.

Между «Первымъ» и «Вторымъ» шагами прошло, повидимому, много времени; по меньшей мѣрѣ нѣсколько лѣтъ, потому что при вторичномъ поднятїи занавѣса бѣдная мистриссъ Уильдай (жена пьяницы) появилась во вдовьемъ платьѣ, на бѣдномъ чердагѣ за шитьемъ мастросскихъ рубашекъ; а Френкъ Уильдай («шагатель», прежній грудной ребѣнокъ), долговязый мальчишъ, блѣдный и истощенный, на сколько это могло быть сдѣлано посредствомъ шѣла и женой пробки, сидѣлъ у ногъ вдовы и помогалъ ей, вдѣвая нитки въ ея иголки по мѣрѣ того, какъ она ихъ испивала, чтѣ случалось разъ пять или шесть въ минуту. Несмотря на свои несчастїа, вдова умѣла сохранить свою мебель, какъ она у нея была въ первомъ дѣйстви, даже до хлѣбной корзинки включительно; но корзинка эта теперь не стояла совсѣмъ пуста, а содержала въ себѣ однукую корку, толщиной пальца въ два.

Проработавъ нѣсколько времени съ такою быстротою, которая, поддерживаясь постоянно, обезпечила бы ей по нѣскольбу шиллинговъ въ день даже при низшей корабельной цѣнѣ по семи фартинговъ за рубашку, вдова вдругъ остановилась, замѣтивъ, повидимому, въ первый разъ блѣдное и истощенное голодомъ лицо своего сына. Порывисто схвативъ корку одною рукою и сына другою, она стала умолять его, чтобы онъ поѣлъ. Онъ со слезами и жестами отказывается, умоляя ее всѣми уловками безмолвнаго разговора, чтобы она сама съѣла корку; затѣмъ послѣдовало передвижаніе корки отъ устъ сына къ устамъ матери, и вышла сцена, способная растопить сердце самаго лютаго варвара. Наконецъ съ дикимъ крикомъ радости мать успѣла протиснуть корку въ ротъ сына, и пока онъ со слезами жевалъ ее при тихой музыкѣ арфы и скрипки, мать пропѣла патетическую балладу о «Бѣдной собагѣ» сильнымъ голосомъ, доказывавшимъ тотъ радостный фактъ, что семействѣніа лишенїа и страданїа не подѣйствовали дурно на ея уже давно разстроенныя легкіа.

Эта сцена имѣла блистательный успѣхъ. Состраданїе возмолвало публику, какъ будто бы она была однимъ тѣломъ, заключавшимъ въ себѣ большое растаявшее сердце, и въ ту же минуту началось званье и стуканье, и мѣдная монета полетѣла

изъ партера, изъ ложъ и галлерей на сцену, и раскатилась по доскамъ въ разныя стороны.

Я зналъ, что посѣтители театра обыкновенно выражаютъ свое удовольствіе любимому актеру, но въ этомъ случаѣ было очевидно, что, по крайней-мѣрѣ, часть зрителей дѣйствовала подъ вліяніемъ чувствъ болѣе высокихъ, чѣмъ простое восхищеніе. Цѣлне пенсовыя хлѣбцы и половинки, яблоки, андельсини и пирожки съ шумомъ посыпались на сцену, чтобы помочь голодающему семейству.

И семейство не замедлило подобрать даянія, посыпавшіяся на него такимъ обильнымъ дождемъ. Не прерывая своего пѣнія, мистриссъ Уильдаи признательно раскланялась направо и налево (и это вмѣстѣ съ необходимостью увертываться отъ наиболѣе увѣсистыхъ приношеній, держало ее въ постоянномъ движеніи) и собрала ногою въ одну кучу полупенсовыя монеты; а Френкъ, приберегая свою корку, такъ, чтобы ее хватило до конца пѣсни, поднялся на ноги, и съ озабоченнымъ лицомъ обошелъ сцену, подбирая набросанную мѣдь; пересчитавъ ее и уложивъ въ карманъ, онъ опять опутился возлѣ продавленнаго стула, на которій мистриссъ Уильдаи, прерывъ «Бѣдную Собаку», упала въ изнеможеніи. Печальная причина этого изнеможенія скоро обнаружилась.

У чахоточныхъ больныхъ, какъ это хорошо извѣстно, и какъ это было ясно доказано въ настоящемъ случаѣ, наружные симптомы бывають обманчивы. Вдова закончила свою балладу голосомъ здоровой и крѣпкой женщины, но теперь силы ее быстро упали, и наскоро благословивъ своего сына, она скончалась.

Кончина вдовы очистила Френку Уильдаи поле для серьезной драматической работы. Нѣсколько времени онъ былъ подавленъ внезапною своею утратой и плавалъ, и рвалъ свои волосы, какъ будто имѣлъ противъ нихъ личную вражду; но минуты черезъ двѣ онъ опомнился и сталъ раздумывать о томъ, какъ похоронить скончавшуюся мать. Онъ представилъ знаками, что роетъ могилу, опускаетъ туда тѣло матери, засыпаетъ гробъ землею, и сажаетъ цвѣты на могилѣ; затѣмъ, онъ сталъ ломать себѣ руки и качать головою, показывая, что при всемъ своемъ желаніи, онъ рѣшительно не видитъ, какимъ бы образомъ это дѣло могло быть сдѣлано. Наконецъ, его какъ будто поразила внезапная мысль — такая блестящая мысль, что совсѣмъ ослѣпила его и заставила отвернуться и поднять обѣ руки въ знакъ того, что эта мысль слишкомъ сильно имъ овладѣваетъ. Мало-по-малу, однако, онъ какъ будто свялся съ этою мыслью, и осмѣлился взглянуть ей прямо въ лицо. Эта мысль относилась,

повидимому, къ тѣмъ рубашкамъ, которыя шила его мать; бросившись въ ту сторону, гдѣ онѣ лежали, онъ схватилъ ихъ, связалъ въ узелъ и, помахивая фуражкой, выбѣжалъ изъ комнаты.

Черезъ три четверти минуты, онъ воротился съ пустыми руками, и съ нимъ вмѣстѣ пришелъ гробовщикъ съ гробомъ на спинѣ. Въ чемъ состояла свѣтлая мысль, и что онъ сдѣлалъ съ матросскими рубашками, было теперь одинаково понятно — онъ продалъ ихъ, чтобы купить матери гробъ.

Дѣйствительно, всякія сомнѣнія на счетъ этого дѣла скоро разсѣялись; чуть только гробовщикъ сложилъ свою ношу, въ комнату вошли два полицмена и одинъ джентльменъ, несомнѣнно еврей, продавецъ матросскаго платья, какъ видно было по его ухваткамъ и по тесемочной мѣркѣ, висѣвшей у него на шеѣ.

Напрасно Френкъ Уильядай схватилъ продавленный стулъ и погрозилъ имъ хозяину проданнаго товара и блюстителямъ закона, чтобы они не смѣли подходить къ нему ближе; они бросились на него всѣ разомъ; сбивъ еврея съ ногъ ударомъ спинки стула, отважный мальчикъ былъ побѣжденъ остальными; его увели, сковавъ ему руки тяжелыми колодками; полиція была такъ добра къ нему, что позволила ему черезъ каждые три шага останавливаться и бросать долгій взглядъ любви на умершую родительницу.

Это былъ «Второй шагъ».

— Очень хорошо, но неприятно, замѣтилъ Рипстонъ: — значитъ, онъ такъ не разобьетъ сердца матери! А по моему, оно такъ надо было бы. Конечно, онъ теперь сирота, а это въ пьесѣ тоже не бездѣлица. Я могу сказать, что это будетъ очень хорошо; но я увѣренъ, что одна часть мнѣ не понравится.

— Какая часть, Рипъ?

— Да любовная часть. Теперь старуха его умерла, отъ него нѣтъ, такъ навѣрное будетъ любовь, вы развѣ не знаете? Такъ всегда бываетъ. По моему, это портитъ только дѣйствіе. Кабы они это выкинули, да поставили на мѣсто того фехтованье или дуэль, или эдакое хорошее убійство, вотъ это я люблю; это васъ такъ подкидываетъ! Любовь меня не подкидываетъ; это все равно что танцы; все это, по моему, дрянъ и пустяки въ пьесѣ, и гораздо лучше все это выкинуть вонъ.

Поднялся занавѣсъ для «Третьяго Шага».

Въ погребѣ, въ Сентъ-Джилльскомъ кварталѣ, пять воровъ бражничали вокругъ бочки, курили короткія трубки, пили кружки пива и играли въ домино. Что они должны были изображать воровъ, это я узналъ отъ двухъ молодыхъ женщинъ, сидѣвшихъ

вперед и купивших афишу, и читавших по ней. Эти воры были худощавые, длинные на вид негодяи, съ масляными прикрученными висками и въ коношениомъ платьѣ, застегнутомъ подъ самой подбородокъ, и порождавшемъ то подозрѣніе, что промыселъ не процвѣтаетъ, и даже не допускаетъ роскоши бѣлыя.

Меня значительно обрадовала ихъ гнусная наружность; они были только воры, но въ пятьдесятъ разъ хуже меня; это было видно съ перваго взгляда.

Френкъ Уильдай былъ одинъ изъ пяти. Тюремное заключеніе, присужденное ему за кражу рубашекъ еврея, было, по всей вѣроятности, довольно продолжительно; и его до крайности испорченныя манеры давали основаніе думать, что онъ извлекъ себѣ все, что можно было извлечь изъ знакомства съ дурными людьми во время своего заключенія. Трубка его была всѣхъ короче, виски больше всѣхъ примаслены и закручены, и въ хоровой пѣснѣ, затянута старшимъ воромъ, его голосъ слышался громче и болѣе всѣхъ другихъ голосовъ, и пѣва онъ также пѣлъ больше всѣхъ.

Одинъ изъ воровъ постучалъ по бочкѣ, появился трактирщикъ, и новый запасъ пива былъ потребованъ и быстро принесенъ. Но, повидимому, хозяинъ требовалъ немедленной уплаты и, ставя кружки одной рукою, онъ протягивалъ другую за деньгами. Въ отвѣтъ на это, каждый изъ воровъ обшарилъ всѣ свои карманы и, взглянувъ на сосѣда, покачалъ головою и засмѣялся. Френкъ Уильдай сдѣлалъ точно тоже, и затѣмъ насмѣшливо предложилъ трактирщику кусокъ мѣлу. Но трактирщикъ, повидимому, не вошелъ во вкусъ этой шутки и, яростно отбросивъ мѣлъ въ сторону, сдѣлалъ движеніе, чтобы унести прочь поданное пиво; тутъ мгновенно четыре сильныя лѣвыя руки ухватили его за руку, и четыре мстительныя правыя руки направились въ карманы за складными ножами. Когда дѣло приблизилось къ такой серьезной развязкѣ, Френкъ Уильдай, не принимавшій участія въ послѣдней демонстраціи, со смѣхомъ вмѣшался въ споръ и сдѣлалъ нѣсколько знаковъ, которые настолько удовлетворили трактирщика, что онъ засмѣялся; всѣ остальные тоже засмѣялись и поклонили Френка Уильдаю по спинѣ, и затѣмъ игра въ домино началась снова; трактирщикъ присоединился къ играющимъ, а Френкъ Уильдай ушелъ со сцены.

Френкъ возвратился такъ скоро, что онъ врядъ ли успѣлъ въ это время пройти сотню ярдовъ по прямой линіи. Онъ ворвался въ дверь захлывшись, всѣ черты его лица дышали гордостью и волненіемъ и, подойдя къ бочкѣ, онъ бросилъ на нее туго

набитый кошелекъ, который зазвенѣлъ какъ коробка съ инструментами слесаря; его товарищи воры засмѣялись громкимъ и продолжительнымъ смѣхомъ, а старшій изъ нихъ, чтобы выразить свое глубокое уваженіе къ поступку Френка, немедленно всталъ и, выйдя на авансцену, проплясалъ *горниейнъ*, бывшій въ большомъ ходу въ нѣкоторыхъ кружкахъ подъ именемъ «погребнаго выверта». Въ это время Френкъ и остальные воротились къ яву и къ домино и стали спокойно наслаждаться; всѣ кромѣ трактирщика, который хотя и смѣялся по поводу появленія кошелека, когда воры на него смотрѣли, но чуть только ихъ вниманіе обратилось въ другую сторону, бросилъ на Френка взглядъ непримиримой ненависти и, потрясая своимъ кулакомъ по направлению къ нему, быстро вышелъ изъ комнаты.

Чуть только прекратился горниейнъ и утихли воспослѣдовавшія за нимъ рукоплесканія, дверь погреба снова съ трескомъ отворилась и изумленный зритель увидѣлъ двухъ полицменовъ съ поднятыми жезлами (особенно удивительно было то, что полицмены были тѣ самые, которые арестовали Френка за дѣло съ рубашками), въ сопровожденіи коварнаго трактирщика, который, быть можетъ, злобствуя на Френка Уильяма за насмѣшливо предложенный кусокъ мѣлу, вознамѣрился донести на него, что онъ только что сейчасъ укралъ кошелекъ.

Началась свалка, засверкали ножи и Френкъ, вынувъ пистолеть, выстрѣлилъ въ упоръ въ голову вѣроломнаго трактирщика; и безъ сомнѣнія онъ раздробилъ бы его измѣнническую голову, еслибы одинъ изъ полицейскихъ не ударилъ во время своимъ жезломъ по оружію. Тогда храбрый вишій воръ, не желая рѣшительно обмануться въ своихъ ошданихъ, изъ всей силы бросилъ пистолеть въ голову трактирщика; тотъ повалился на полъ и публика съ удовольствіемъ увидала, что изъ головы его полилась немедленно обильная струя жидкости, очень похожей на кровь. Публика была очевидно того мнѣнія, что трактирщику досталось по дѣломъ, и выразилась въ этомъ смѣлѣ самымъ восторженнымъ образомъ.

Но Френкъ, хотя пылкій и развращенный, остался по натурѣ своей человѣкомъ мягкосердечнымъ и благороднымъ; онъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ, съ ужасомъ поднимая руки, на поверженнаго и повидимому убитаго человѣка, потомъ упалъ на колѣни и вынувъ изъ за-пазухи длинный локонъ, въ которомъ всѣ тотчасъ узнали волосы его матери, прижалъ его къ глазамъ, къ губамъ, къ сердцу и повидимому пронзесъ надъ нимъ какую-то торжественную клятву. Затѣмъ онъ положилъ его на

прежнее мѣсто, пассивно, съ вроткою покорностью протануть руки въ колодезь и его увели при тихихъ звукахъ музыки.

Когда поднялся занавѣсъ для «Четвертаго шага», то сдѣлалось очевиднымъ, что трагирщикъ не умеръ, или что правосудіе посмотрѣло снисходительно на данный случай и осудило Френка за грабежъ и убійство только въ ссылку. Теперь онъ былъ каторжанкомъ и работалъ въ каменоломняхъ. У него были цѣпи на рукахъ и на ногахъ; его примасленные кудри были острижены; одна половина его саржеваго платья была оранжевая, а другая пунсовая; сидя на связкѣ соломы, онъ стучалъ по скалѣ небольшимъ молоткомъ. Нѣкоторые другіе преступники, одѣтые точно такъ же, были разсѣяны по сценѣ и заняты такими же работами; но безъ всякой видимой причины они всѣ встали и ушли, оставивъ Френка одного. Замѣтивъ это, молодой человекъ положилъ молотокъ и съ трудомъ протанулся на авансцену (останавливаясь на дорогѣ и поправляя лохмотья, обвязанныя кругомъ щиколокъ, чтобы колодезь не натирала ногу). Онъ вынулъ изъ-за своей пунсовой одежды локонъ, появившійся въ концѣ его «Третьяго шага», и еще разъ сталъ прижимать его къ различнымъ частямъ своего тѣла. Преклонивъ колѣно и качая головою, и вращая глазами, онъ оросилъ локонъ слезами, потомъ положилъ его обратно за пазуху, направился спотыкаясь къ своей соломѣ, прилегъ на нее и сейчасъ же заснулъ.

Тутъ началась сцена самаго животрепещущаго интереса. Не успѣвъ онъ улечься на покой, какъ изъ тѣни той скалы, которую онъ долженъ былъ расколачивать, поднялась прозрачная фигура, — духъ его матери. Привидѣніе положило руку на плечо молодого человека и онъ проснулся; выразивъ знаками свое изумленіе, онъ было-бросился впередъ обнимать ее, думая что она еще во плоти — простительное заблужденіе, потому что она была точь въ точь въ такомъ видѣ, въ какомъ она въ послѣдній разъ шила матросскія рубашки; даже ея чистое ситцевое платье и боковыя гребеночки въ волосахъ были тѣ же самыя. Она однако сразу разубѣдила его, поднявъ палецъ такъ, какъ можетъ поднимать его только привидѣніе, и затѣмъ указавъ по направленію къ могилѣ, какъ только привидѣніе можетъ указывать.

Когда установилось такимъ образомъ достаточно правильное пониманіе, арфа и скрипка заиграли самыя торжественныя мотивы, а Френкъ, разинувъ ротъ и выпучивъ глаза, сосредоточилъ свое вниманіе на призрагѣ, который началъ производить какія-то таинственныя безмолвныя движенія. Онъ, т.-е. призракъ указалъ, въ ту сторону, куда преступники ушли со сцены, бросивъ работу, и за-

тѣмъ въ противоположную сторону, гдѣ, какъ это было изображено на столбѣ, находилса домъ губернатора. Затѣмъ призракъ еще разъ показалъ туда, куда ушли преступники, и сдѣлалъ руками знакъ, какъ будто точить ножъ, потомъ опять указалъ на столбъ и сдѣлалъ движеніе, какъ будто погружаетъ ножъ въ сердце, затѣмъ призракъ приложилъ палецъ къ губамъ, какъ-бы предписывая осторожность, или сиритность, или молчаніе, или что либо другое, и, погрузившись въ землю, онъ исчезъ.

Молодой человекъ, одаренный обыкновенными умственными способностями, сталъ бы въ тупикъ, стараясь разгадать, что хочетъ выразить призракъ. Но Френкъ былъ не таковъ. Онъ съ разу постигъ все дѣло. Противъ жизни губернатора былъ составленъ заговоръ, о которомъ духъ его матери пришелъ его увѣдомить.

Преступники задумали мятежъ и убійство, и его мать, продавая бодрствовать надъ сыновними интересами, открыла ему этотъ фактъ, какъ средство выбраться снова на свободу.

Невозможно было сомнѣваться, что дѣла дѣйствительно находились въ такомъ положеніи, ибо въ эту минуту — Френкъ поднялъ вверхъ палецъ, чтобы публика могла прислушаться и убѣдиться — раздалось за сценою такое натачиванье ножей, какъ-будто приготовлялся гдѣ нибудь по сосѣдству большой общественной обѣдъ.

Заслышавъ приближеніе шаговъ, Френкъ принялся колотить свою слау, какъ ни въ чемъ не бывало; и тутъ со стороны губернаторскаго дома появился самъ губернаторъ въ ньюмеркетскомъ куртукѣ, въ высокой круглой шляпѣ на бекрень, съ зажженой сигарой во рту и съ большимъ арапникомъ въ рукѣ. Онъ пошелъ прямо къ Френку Уильдау, и найдя, что онъ раздробилъ слишкомъ мало скалы, сталъ безъ милосердія хлестать его арапникомъ. Но у Френка былъ свой планъ, и чтобы расположить къ себѣ губернатора, онъ продолжалъ работать и не моргнулъ глазомъ во все время, пока губернаторъ его хлесталъ. Это, повидимому, до нѣкоторой степени изумило губернатора; онъ остановился и посмотрѣлъ на Френка, какъ бы желая объясненія.

Френкъ Уильдай объяснилъ ему все нѣсколькими знаками. Онъ пригласилъ губернатора прислушаться, и такъ-какъ процессъ натачиванія ножей продолжался, то губернаторъ услышалъ, и такъ сильно вздрогнулъ отъ испуга, что съ него свалилась его высокая шляпа. Когда Френкъ далъ ему понять, что ножи натачиваются и него, у губернатора задрожали колѣна и застучали зубы, такъ что сигара послѣдовала за высокою шляпою и губернаторъ представилъ изъ себя очень плачевную фигуру.

Френкъ Уильдай постарался ободрить его и выразилъ ему знаками свою готовность пролить за него послѣднюю каплю крови. Губернаторъ успокоился. Онъ схватилъ руку Френка и полагался ему въ вѣчной признательности, а затѣмъ побѣжалъ въ свою резиденцію, давая понять, что онъ вернется въ одинъ мигъ.

Вернулся онъ еще скорѣе тѣмъ общалъ, неся въ рукахъ три руки, два пистолета и саблю.

Едва онъ успѣлъ раздѣлить это оружіе съ Френкомъ и зашѣсть за скалу, которую дробилъ Френкъ, какъ послышались дикіе вопли и топотъ ногъ, на сцену выбѣжало пятеро каторжниковъ, обросивъ съ себя оковы и размахивая блестящими ножами. Дойдя до столба, указывавшаго на губернаторскій домъ, они остановились, собрались въ кружокъ, скрестили ножи и безмолвно дали клятву сдѣлать свое дѣло не робѣя. Съ другимъ движеньемъ воплемъ, они снова бросились впередъ, но изъ-за свалъ сверкнули огни и раздались выстрѣлы. Изъ пяти преступниковъ четыре повалились на землю, а пятый совсѣмъ ошалѣлъ и съ ножомъ въ рукѣ сталъ кидаться то вправо, то влево. Вооруженный саблей, Френкъ височилъ на этого одного, и тутъ завязалась отчаянная драка, которая кончилась тѣмъ, что кровожадный каторжникъ упалъ на землю.

Губернаторъ не обнаруживалъ недостатка признательности. Онъ вынулъ изъ кармана панталонъ тяжелый кошелекъ, а изъ жилетнаго кармана полное прощенье и вручилъ все это молодому человѣку, который, разчувствовавшись до слезъ, отвернулся и еще разъ вынулъ локоновъ матери изъ-за пазухи, попрежнему натискалъ себя этимъ локономъ повсемѣстно.

Но для полнаго удовольствія ему необходимо было совершить великодушный поступокъ; поэтому онъ сталъ упрашивать губернатора пощадить жизньятаго каторжника, который все это время лежалъ, и грызъ землю и рычалъ.

Губернаторъ отказалъ. Френкъ сталъ убѣждать. Губернаторъ поколебался. Френкъ сталъ молить. Губернаторъ уступилъ, и вынувъ изъ жилетнаго кармана другое полное прощенье, бросилъ его злодѣю, который подхватилъ его съ крикомъ восторга.

Этимъ дѣйствіемъ закончился «Четвертый шагъ» и занавѣсъ опустился.

Въ этомъ мѣстѣ драмы произошло нѣкоторое замѣшательство. Публика питала сильнѣйшее пристрастіе къ сраженіямъ, къ упорнымъ продолжительнымъ сраженіямъ. Схватка между Френкомъ и пятымъ каторжникомъ не была ни достаточно продолжительна, ни особенно замѣшательна, если принять въ расчетъ неравенство оружія. Публика осталась неудовлетворенною. Она завис-

тала, застучала ногами и закричала: «драки! драки!» Шумъ сдѣлался оглушительный и содержатель театра безъ сюртука, съ гнѣвнымъ видомъ вышелъ на сцену и спросилъ, изъ-за чего поднялась эта тревога. «Драки! драки!» отвѣтили ему со всѣхъ концовъ театра. Онъ мановеніемъ руки водворилъ молчаніе. Это былъ широкоплечій мужчина, съ толстыми, тѣжелыми руками.

— Глядите сюда! сказалъ онъ: — вы меня, я думаю, знаете довольно хорошо. Ну, и чудесно! Слушайте! Вамъ досталось «драки» столько, сколько надо было, а кому этого мало, тому коли угодно сейчасъ достанется и больше. Игри до тѣхъ воровъ не будетъ, покуда не кончится вашъ дьявольскій шумъ; значить, кто хочетъ видѣть конецъ, тѣ пускай угомонятъ остальныхъ, либо выгонятъ ихъ вонъ, какъ угодно будетъ. Нехорошо имъ будетъ, коли я приду и погоню ихъ вонъ!

Этимъ уладились всѣ затрудненія. Требованія драки прекратились и черезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ поднялся снова.

«Пятый шагъ» показалъ Френка въ Лондонѣ. Онъ чистолютный, respectable молодой человекъ, ищетъ себѣ работы. Съ свѣтлымъ выраженіемъ лица, исполненнымъ надеждъ, онъ обнаруживаетъ передъ публикою свои намѣренія, засучивая рукава и показывая знаками, что онъ готовъ пилить, стучать молоткомъ, копать землю и даже мести улипы, лишь бы только оставаться честнымъ человекомъ. Публика отъ всей души одобряетъ эти намѣренія.

Къ счастью, является плотникъ съ корзиною рабочихъ инструментовъ за плечами, и къ нему Френкъ обращается съ просьбою о работѣ. Плотникъ дѣлаетъ различные вопросы, но наконецъ принимаетъ его и даетъ ему свой адресъ, чтобы тотъ зналъ, куда явиться.

Френкъ Уильдай въ восторгѣ, такъ что не можетъ воздержаться отъ пѣнія и, намекая по всей вѣроятности на дядюшку плотника, поетъ на авансценѣ пѣсню о тонкомъ старомъ англійскомъ джентльменѣ.

Но, увы! надеждамъ бѣднаго Френка не суждено осуществиться. Враждебное вліяніе дѣйствуетъ противъ него. Покуда онъ весело поетъ свою пѣсню, плотникъ еще разъ проходитъ въ глубинѣ сцены; его останавливаетъ и съ нимъ заговариваетъ тотъ самый негодяй, котораго жизнь и свободу Френкъ Уильдай выпросилъ у губернатора Новаго Южнаго Уэльса. Негодяй хорошо одѣтъ; на немъ щегольская шляпа, въ рукахъ у него лорнетъ и онъ помахиваетъ красивою тросточкою. Онъ что-то шепчетъ плотнику и указываетъ ему на Френка, пожимая плечами, а плотникъ беретъ руками за шапку, выражая свои

благодарность за сообщенныя свѣдѣнія. Щеголь уходитъ, и плотникъ, подойдя къ Френку Уильдаю, прищелкнувъ пальцами и презрительно скрутивъ губы на сторону, объявляетъ заключенный договоръ несостоявшимся, и нетерпѣливымъ жестомъ требуетъ себѣ назадъ карточку, на которой написанъ его адресъ.

Вѣдныи Френкъ, пораженный какъ громовымъ ударомъ и, всплеснувъ руками, умоляетъ плотника объявить ему причины этой внезапной перемены. Плотникъ отвѣчаетъ ироническимъ смѣхомъ и, держа голову наискось, поднимаетъ руку выше головы и встряхиваетъ ее, какъ будто закрѣпляя что нибудь около горла; въ то же время онъ производитъ хриплый звукъ, въ родѣ того, какимъ сопровождается удушеніе человѣка.

Френкъ Уильдай съ разу видитъ настоящее положеніе дѣлъ: плотникъ узналъ, что онъ ссыльный, чуть не попавшій на висѣлицу, и поэтому презираетъ его. Напрасно Френкъ проситъ и молить, и ползаетъ на колѣняхъ передъ плотникомъ: плотникъ остается неумолимымъ и, толкнувъ просителя концомъ сапога, уходитъ.

Нѣсколько времени Френкъ подавленъ отчаяніемъ, но потомъ онъ собирается съ мужествомъ и, осушивъ глаза концами чистаго бумажнаго платка, въ которомъ завязано его имущество, рѣшается съ новымъ упованіемъ искать работы.

Онъ уходитъ со сцены, а съ другой стороны входитъ хорошо одѣтый негодяй въ щегольской шладѣ и съ лорнетомъ. Глядя на удаляющуюся фигуру Френка съ самою смертоносною злобою, онъ потрясаетъ кулакомъ, смѣется горькимъ демоническимъ смѣхомъ, и обнаруживаетъ такимъ образомъ яснѣе, чѣмъ словами, свою радость по поводу успѣха своихъ враждебныхъ плановъ и свою рѣшимость преслѣдовать Френка Уильда до самой смерти, вслѣдствіе какого-то таинственнаго и необъясненнаго обстоятельства.

Минуты черезъ двѣ Френкъ возвращается истомленный, съ помутившимся взглагомъ и съ значительно уменьшившимся узелкомъ; эти примѣты даютъ повять публикѣ, что онъ, пріискивая себѣ работу, обошелъ всѣ графства Англіи, что бѣдныи консулекъ его наконецъ встоялся и что онъ, для поддержанія жизни, былъ принужденъ продавать вещи изъ своего узла. Но все было напрасно — онъ попрежнему непристроенный отверженецъ и весь свѣтъ его чуждается.

Онъ садится на лавку и, закрывъ глаза руками, плачетъ. Вдругъ рѣзкій и насмѣшливый хохотъ поражаетъ его слухъ. Онъ поднимаетъ глаза и видитъ, что передъ нимъ стоятъ Блю Девесъ, хорошо одѣтый негодяй. Съ истинетивнымъ крикомъ

ужаса, Френкъ отшатывается прочь отъ искателя и подквываетъ свой небольшой узелокъ.

Блю Лейсезъ нисколько не оскорбляется этимъ недоуменіемъ на счетъ его честности и, дружески хлопая Френка по плечу, садится рядомъ съ нимъ. Затѣмъ онъ винниваетъ изъ кармана объемистую бутылку съ водкой и послѣ нѣкотораго сопротивленія Френкъ соглашается выпить изъ нея глотокъ. Послѣ этого Френкъ становится гораздо бодрѣе, начинаетъ смѣяться, принимаетъ сигару изъ красивой сигарочницы Блю Лейсеса, пьетъ еще водку, и устрояется самымъ комфортабельнымъ образомъ.

Затѣмъ достаточно подготовивъ его такимъ образомъ, Блю Лейсезъ шепчетъ ему что-то на ухо. Френкъ Уильдай вздрагиваетъ, какъ будто его укусило какое нибудь насѣкомое, и съ умоляющимъ видомъ старается оградить себя отъ искушенія руками. Соблазнитель показываетъ ему горсть золота и серебра, и снова шепчетъ. Френкъ Уильдай съ безпечнымъ смѣхомъ вскакиваетъ на ноги и, взявъ подъ руку Блю Лейсеса, уходитъ виѣстѣ съ нимъ.

— А вѣдь славно забираетъ, правда? замѣтилъ Ривстонъ, яростно переводя дыханіе.

— Не такъ неприятно, какъ вы думали, Ричъ?

— И въ половину не такъ. Любви тутъ въ концѣ концовъ совсѣмъ и не будетъ, я такъ начинаю думать. А навѣрное былъ бы любовь, кабы тутъ не замѣшался духъ матери; ужъ на это можете положиться. А вѣдь человекъ должно прійтись человеку, когда онъ увидитъ духъ матери, правда, Смифъ? Ахъ, создатель ты мой! удивительная пьеса!

Это послѣднее замѣчаніе Ривстона было вызвано первою сценою «Шестаго шага».

Дѣйствіе происходитъ ночью. Замаскированные крестомъ Френкъ Уильдай и Блю Лейсезъ вламываются въ жилой домъ, или точнѣе, въ спальню жилаго дома. Уступая ихъ соединеннымъ усиліямъ и напору домовъ и отмычекъ, дверь спальни открывается съ громкямъ трескомъ и въ глубинѣ сидитъ зритель видать стараго джентльмена, спокойно спящаго на диванѣ. Чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ точно спитъ, Блю Лейсезъ нѣсколько разъ направляетъ на глаза стараго джентльмена сильный свѣтъ потайнаго фонаря, и затѣмъ оба вора виѣстѣ начинаютъ опустошать крѣпкую шкатулку, висящую на спинѣ дивана.

Они находятъ серебряные и золотые перстни, подвѣчки, большіе свертки банковыхъ билетовъ и пергаментныхъ документовъ.

Но вдругъ старій джентльменъ просыпается и начинаетъ дергаться за сонетку у изголовья, вслѣдствіе чего раздается громкій звонъ въ какой-то другой части дома. Съ зѣвскимъ жестомъ Блю Лейбесъ хватаетъ стараго джентльмена за горло и поднимаетъ вистень, чтобы раздробить ему черепъ, но Френкъ Уильямъ, хотя и вѣдь, не хочетъ быть убійцей. Онъ бросается на выручку и какъ разъ во время схватываетъ руку Блю Лейбеса. Съ крикомъ бѣшенства Блю Лейбесъ поворачивается къ Френку и оглушаетъ его ударомъ вистеня. Затѣмъ, выхвативъ изъ кармана Френка его складной ножъ (вѣроятно съ его именемъ и адресомъ), погружаетъ его въ сердце стараго джентльмена, и, оставивъ ножикъ въ ранѣ, выскакиваетъ въ окошко, заканчивая такимъ образомъ «Шестой шагъ» самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

«Шагъ седьмой» и послѣдній. Несчастный молодой человѣкъ слезавъ по рукамъ и по ногамъ и прикованъ накрѣпко къ стѣнѣ въ коморѣ осужденныхъ, въ Ньюгетѣ. Понятно, что случилось. Его осудили на основаніи ложныхъ уликъ; доказательствомъ послужилъ его ножикъ, воткнутый въ сердце убитаго; онъ осужденъ на смерть и ждетъ казни. Очевидно, онъ глубоко раскаивается. Двухфунтовый хлѣбъ и галлонъ воды, доставленные ему тюремнымъ начальствомъ, остаются нетронутыми возлѣ него, и онъ сидитъ, спрятавъ лицо въ поднятыя колѣна и громко рыдаетъ.

Вдругъ онъ слышитъ хорошо знакомый насмѣшливый кохоть, и, быстро подавивъ голову, видитъ у тюремной рѣшотки ненавистное лицо Блю Лейбеса, который въ избитіи своей ненависти и смертельной злобы пришелъ глумиться надъ своею несчастною жертвою.

Но благодаря запрещенію словеснаго разговора, его способы глумленія ограничены. Онъ можетъ только дѣлать гримасы — подмигивать, высовывать языкъ и прикладывать указательный палецъ къ носу самымъ возмутительнымъ образомъ. Это послѣднее дѣйствіе доводитъ Френка Уильяма до бѣшенства. Онъ гремитъ своими цѣпями и скрежещетъ зубами въ ужасающей стѣнѣ.

Блю Лейбесу однако не суждено торжествовать до конца пьесы. Вдругъ изъ-подъ соломы тюрьмы поднимается бѣлая приврачная фигура — духъ Френковой матери. Привидѣніе грозно глядитъ на чудовище у рѣшотки и въ то же игнорованіе Блю Лейбесъ вскрикиваетъ, его указательный палецъ отпадаетъ отъ его носа, его преступная челюсть отвисаетъ а его колѣна дрожать такъ, что вы слышите какъ они стучатъ о тюремную дверь. Привидѣ-

дѣиіе поднимаетъ руку и указываетъ сначала вверхъ, потомъ внизъ: насмѣшникъ вскрикиваетъ еще громче и падаетъ на землю съ такимъ трескомъ, который не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что онъ убитъ до смерти.

Затѣмъ призракъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ несчастный сынъ, и посмотрѣлъ на него сострадательнымъ взоромъ, и взявъ его за руку, и пригладилъ его волосы. Цѣпи Френка Уильяма загремѣли отъ силы его волненія; при этомъ звукъ вѣжннй призракъ содрогнулся и заплакалъ и, взявъ цѣпи въ руку, приподнялъ ихъ, чтобы доставить узнику минутное облегченіе.

Все это время арфа и скрипка играли грустные и мягкіе ноты и материнская тѣнь наклонилась надъ Френкомъ, лаская его, а грудь Френка колыхалась съ такою силою, которую легко могли замѣтить зрители въ заднемъ ряду галлерей. Затѣмъ, вынувъ изъ-за платья бумагу, подобную той, которую она вынимала въ «Первомъ шагѣ», материнская тѣнь развернула ее, и на ней обозначилась ясно для всѣхъ, кто могъ прочесть (я не могъ, но двѣ молодыя женщины впереди меня прочитали громко и я это слышалъ) слѣдующая надпись: «любовь матеря безконечна».

Затѣмъ, слышавъ шумъ у замка тюремной двери, материнская тѣнь быстро свернула и уложила назадъ бумагу и, поцеловавъ сына въ обѣ щеки, исчезла туда же, откуда явилась.

Палачъ съ роковою петлею въ рукахъ, и капелланъ, и шерифы вошли за преступникомъ, чтобы вести его на висѣлицу, и пьеса такимъ образомъ окончилась.

ГЛАВА XXXV,

ВЪ КОТОРОЙ МОЯ РѢШИМОСТЬ «ПЕРЕМѢНИТЬСЯ» ВНЕЗАПНО И НЕОЖИДАННО РАЗСТРОИВАЕТСЯ И Я ПОВИДИМОМУ БѢГУ ВО ВЕСЬ ДУХЪ КЪ ЧОРТУ НА РОГА.

Когда усталъ зававѣсь, раздались оглушительные крики одобренія; вся публика единодушно и порывисто стала требовать мистера Рошеса Фитцгерберта, игравшаго Френка Уильяма, и онъ, подъ руку съ своею покойною матерью, еще обремененный своими цѣпами, вышелъ на авансцену, выражая свою неизмѣнную признательность за ту благосклонность, съ которою публика приняла новую пьесу. Тѣнь, которую, какъ я тутъ же узналъ, играла жена антрепренера, высказалась въ томъ же родѣ и объявила, что «Семь шаговъ въ Тиборнъ» будутъ повторяться каждый вечеръ впредь до новаго распоряженія. За-

тѣмъ она съ примѣрнымъ великодушiемъ сдѣлала патетическое воззванiе въ пользу даровитаго автора пьесы; она сказала, что онъ бѣдный человѣкъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, которое недавно еще увеличилось двумя близнецами — мальчикомъ и дѣвочкой.

Эти послѣднiя свѣдѣнiя были приняты публикой съ новыми рукоплесканiями, въ особенности со стороны женщинъ, и за тѣмъ началось единодушное вызыванье автора, или, какъ выражалась публика, «того молодца, что это сложилъ».

Съ быстротою, свидѣтельствовавшей о его готовности слушать публикѣ, «молодецъ», сложившiй «Семь шаговъ въ Тиборнъ», появился на сценѣ; и когда спокойствiе до нѣкоторой степени возстановилось, онъ произнесъ приличную рѣчь насчетъ пьесы; онъ выразилъ то опасенiе, что пьеса слабовата въ концѣ, но извинился напомнивъ тѣ обстоятельства, на которыя благодушно наменула достойная антрепренерша; эти обстоятельства явились, по его словамъ, внезапно и неожиданно въ то время, когда онъ писалъ пятое дѣйствiе, и разумѣется они его смутили, не говоря уже о расходахъ, которые онъ однако, какъ супругъ и англичанинъ, готовъ нести съ готовностью и съ радостью, и съ которыми онъ, при милостивомъ сочувствiи публики, надѣется справиться до послѣдняго фартинга.

Театръ снова загремѣлъ рукоплесканiями, которыя сопровождались болѣе существенными знаками уваженiя публики къ талантливому джентльмену; обильный дождь пенсовъ и полупенсовъ доказалъ этому джентльмену, что публика высоко цѣнитъ какъ его литературное дарованiе, такъ и его семейныя добродѣтели и доблести. Я съ своей стороны былъ слишкомъ молодъ, чтобы признавать его права на общественное сочувствiе по поводу вышеприведенныхъ основанiй. Я видѣлъ въ немъ только «молодца, сложившаго» трогательную и глубоко потрясающую драму, которая только что была разыграна передо мною, и въ полнотѣ моей благодарности, я бросилъ ему четыре пенса въ оставшихся у меня въ карманѣ одного шиллинга и десяти пенсовъ.

Я былъ до такой степени глубоко растроганъ, что мнѣ совѣстно было взглянуть Ривстону въ лицо изъ страха, что онъ увидитъ слезы у меня на глазахъ. Когда мы вышли изъ театра, онъ замѣтилъ:

— Что за удивительная пьеса, а, Смифъ? Какъ тутъ видно, что человѣкъ становится хуже и хуже, и потомъ уже не въ силахъ даже остановиться! «Материнская любовь безконечна», такъ вѣдь было написано на бумагѣ? Я полагаю, это значитъ, что

когда мать умерла, она смотритъ на васъ сверху внизъ и видитъ, какъ вы на свѣтѣ живете, а, Смифъ?

— Я полагаю, это именно такъ и есть.

— На бумагѣ ничего не было сказано о матиныхъ, Смифъ; нашей пришлось бы смотрѣть снизу вверхъ, кабы она послѣ смерти захотѣла приглядывать за вами. Что скажете, Смифъ? замѣтилъ Рипстонъ смѣясь.

Въ отвѣтъ на его слова я постарался усмѣхнуться, но въ душѣ мнѣ было въ это время далеко не до смѣху.

— Ну, это не бѣда! На васъ *настоящая* мать смотритъ сверху. Правда, Смифъ? Ну, что съ вами? Чегожъ вы расплакались, Смифъ?

Въ это время мы добрались до сѣней, выходившихъ на улицу.

— О, Рипъ!

— Идемъ, глупый вы мальчижъ! Очень вамъ нужно было смотрѣть забирательныя пьесы, коли вы не умѣете ихъ выдерживать. Нѣтъ у васъ носоваго платка? Вотъ, возьмите мой.

И Рипстонъ добродушно подаль мнѣ изъ кармана своей куртки что-то похожее на обрывокъ грязной стирки. Мы остановились въ углу сѣней, и народъ, спѣшившій вонъ, не обращалъ на насъ вниманія.

— О, Рипстонъ!

— Идемъ вонъ, и выпейте набирнаго пива. Вы нехорошо себя чувствуете. Не могу же я идти рядомъ съ такимъ плаксою. Идемъ; надо выбраться на улицу. Поздно становится. Знаете, одиннадцатый часъ, а такъ считаю. А мнѣ до десяти надо было домой, а идти еще порядочно. Вамъ далеко ли, Смифъ? Вамъ когда надо домой?

Онъ сдѣлалъ послѣдній вопросъ какъ-то внезапно, какъ будто тѣнь подозрѣннй, уже мелькнувшая разъ въ его умѣ въ теченіе этого вечера, появилась снова.

— Гдѣ тотъ магазинчикъ, у котораго вы служите? спросилъ онъ, кладя руку ко мнѣ на плечо.

— Я совсѣмъ не служу у магазинчика, Рипъ, прошепталъ я ему на ухо, принимая въ душѣ отчаянную рѣшимость рассказать ему все и попросить его совѣта.

— Вы совсѣмъ не живете у хозяина?

— Нѣтъ!

— Гдѣ же вы живете? То-есть при какой же лавкѣ?

— Ни при какой лавкѣ.

— Ну, коли не при лавкѣ, такъ какая-жъ у васъ работа? Видѣвшая жъ нибудь должна быть работа, сами знаете!

— Наклоните голову ниже, Рипъ. Никакой нѣтъ у меня работы. Развѣ только, коли старое дѣло называть работой!

— Старое дѣло? повторилъ Рипъ, съ удивленіемъ есматривая съ ногъ до головы мой respectableннй востомъ.— Неужели жъ это значить, Смифъ, что вы совсѣмъ не перемѣнились? Помните, Смифъ! Не говорите же такъ!

— О, да! я сильно перемѣнился, отвѣтилъ я съ горечью.— Я былъ дуракъ, а сдѣлался еще хуже—какъ вы сейчасъ говорили, Рипъ; вотъ я какъ перемѣнился!

Рипстонъ ничего не отвѣтилъ на мое признаніе. Онъ стоялъ съ полминуты почесывая голову и пристально глядя на меня, какъ бы въ совершенномъ недоумѣніи на счетъ того, какъ при этихъ, своеобразныхъ обстоятельствахъ лучше всего будетъ поступать. Сначала онъ чесалъ голову тихо и задумчиво, но это движеніе съ каждымъ мгновеніемъ становилось порывистѣе, и я по старому опыту видѣлъ въ этомъ несомнѣнный знакъ, что онъ рѣшаетъ въ умѣ своемъ, какъ повернуть разбираемое дѣло. Наконецъ, чеснувъ голову такъ сильно, что онъ чуть не смахнулъ шапку, онъ промолвилъ:

— Такъ это вы вотъ почему заплакали, Смифъ?

— Вотъ почему! отвѣтилъ я съ полною искренностію.

— И вамъ хочется, чтобы это иначе было?

— Я бы сдѣлалъ это иначе, Рипъ, сію же минуту, еслибы только случай вышелъ. Вы не можете доставить такого случая? Не можете, Рипъ?

— Какъ же я могу? спросилъ Рипстонъ съ жаромъ.

— Ну, разумѣется, я не знаю, отвѣтилъ я, продолжая говорить шопотомъ.— Только я думалъ, что можете вашъ хозяинъ...

— Я именно объ этомъ и думалъ! перебилъ Рипстонъ съ воодушевленіемъ:— и такъ-какъ вы тоже объ этотъ думаете, такъ что бы ни было, а мы попробуемъ. Идемъ! Нечего намъ больше тутъ мѣшкать, а то хозяинъ разозлится, зачѣмъ я запаздываю. Вы по дорогѣ все расскажете.

И, окончательно рѣшившись бороться со всѣми трудностями и принять предложеніе Рипстона, я поспѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ изъ опустѣлыхъ сѣней на улицу.

Но чуть только мы выбрались на мостовую, намъ встрѣтилось совершенно неожиданное препятствіе. Это препятствіе явилось въ образѣ мистера Джорджа Гонзенса. Онъ стоялъ, спокойно прислонившись къ сосѣднему фонарному столбу, на поленину закрытнй его тѣвью, и курилъ сигару. Чуть только мы вышли изъ балагана, онъ выступилъ впередъ и положилъ на воротникъ моей куртки свою руку такимъ движеніемъ, которое по-

стороннему наблюдателю могло бы показаться въ высшей степени добродушнымъ. Я однако чувствовалъ, что онъ ухватилъ меня очень крѣпко, и что мнѣ будетъ до крайности трудно вырваться, если даже я осмѣюсь сдѣлать такую попытку.

— А! вы здѣсь! вослигнулъ онъ тономъ ласковаго упрека.— Вы недобрый, непослушный мальчикъ! какъ можете вы посѣщать такія низкія мѣста, когда вы знаете, что ваша дорогая тетушка этого терпѣть не можетъ? Неужто вамъ никогда не надоѣдаютъ такія неприличныя знакомства? А вы маленькій негодяй (это было сказано Рипстону), коли я еще разъ увижу, что вы сбиваете съ толку этого мальчика, а васъ отдамъ въ руки полиціи. Идите прочь!

Я былъ захваченъ върасплохъ и до такой степени изумленъ, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я не могъ сказать ни слова, а Рипстонъ, совершенно озадаченный джентльменскою наружностью и повелительнымъ тономъ Долговязаго Джорджа Гопкинса, только смотрѣлъ на насъ вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ.

Однако онъ наконецъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Ну, коли вы не пойдете со мною, Смифъ, я пожелаю вамъ спокойной ночи.

— Покойной ночи, Рипъ. Можетъ, мы съ вами скоро еще разъ увидимся.

Онъ рысью побѣжалъ прочь, по дорогѣ въ Спиталь-Фильдсъ, по временамъ оглядываясь назадъ и повидимому рѣшительно не зная, какъ все это понять.

— Съ какимъ это негодяемъ я васъ захватилъ? спросилъ Долговязый Джорджъ, когда, продолжая держать меня за воротникъ куртки, онъ повернулъ со мною въ улицу Кить.

— Онъ не негодяй, онъ честный мальчикъ, отвѣгнулъ я угрюмо.

— Такъ ему лучше бы было держаться подальше отъ такого уличнаго воришки, какъ вы, вотъ мой совѣтъ ему! замѣтилъ Долговязый Джорджъ съ своимъ особеннымъ смѣхомъ.— Какого дьявола вамъ связываться съ честными мальчиками? Вы дѣлаете вашу работу, то-есть мою работу, это съ васъ будетъ совершенно достаточно.

Я былъ до такой степени переполненъ стыдомъ и смущеніемъ, что не могъ дать ему никакого отвѣта; онъ отнял свои длинныя пальцы отъ моей куртки, и предоставилъ мнѣ свободно идти съ нимъ рядомъ. Ничто не мѣшало мнѣ ускользнуть и побѣжать вслѣдъ за Рипстономъ, и я полагаю, что если въ моемъ взволнованномъ умѣ была какая-нибудь опредѣленная руко-

водищая мысль, то именно мысль о таком побѣгѣ; но какъ бы тамъ ни было, я почему-то не посмѣлъ: въ словахъ и взглядахъ мистера Гопкинса было что-то такое, отнимавшее у меня всѣ мои силы, и читатель долженъ удовлетвориться этимъ жалкимъ недостаточнымъ резономъ, потому что никакого другаго я не могу ему дать.

Мистеръ Гопкинсъ заговорилъ снова:

— О чемъ вы разговаривали съ этимъ честнымъ мальчикомъ тамъ въ балаганныхъ сѣняхъ передъ тѣмъ, какъ вышли изъ балагана?

— О старыхъ временахъ, отвѣчалъ я коротко.

— О старыхъ временахъ, хе! Это когда *вы* были честнымъ мальчикомъ?

— Нѣтъ, когда онъ не былъ честнымъ.

— О! такъ онъ не всегда былъ честнымъ мальчикомъ, э, Джимъ? По какой же онъ части шелъ?

Я сознавалъ въ это время, что поступаю низко въ отношеніи къ моему старому другу Рипстону, отвѣчая на такіе вопросы касательно его прошедшаго; но, какъ я уже замѣтилъ выше, у меня, при столкновеніяхъ съ этимъ воспитателемъ воровъ, не было ничего похожего на собственную волю.

— Онъ пробавлялся мелочами въ Коммонъ-Гарденѣ, отвѣтилъ я. — Я то же дѣлалъ. Жили мы вмѣстѣ подъ Дельфами.

— А! Гдѣ жъ онъ теперь живетъ? За что онъ принялся? Чѣмъ себѣ хлѣбъ добываетъ, Джимъ?

— Работаетъ.

— Я такъ и думалъ. Тяжелую работу дѣлаешь, бѣдень, весь въ грязи несчастный! замѣтилъ мистеръ Гопкинсъ съ своею злобною усмѣшкою. — Много ли онъ получаетъ, Джимъ?

— По восемнадцати пенсовъ въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ.

Мистеръ Гопкинсъ громко захохоталъ.

— Должно быть, славная была жизнь вашему другу въ Ковентъ-Гарденѣ, что онъ ее промѣнялъ на восемнадцать пенсовъ въ недѣлю, Джимъ! Какая его работа?

— Возить уголья, и картофель, и все такое.

— Возить уголья — лошадь изъ себя дѣлаетъ! Ходитъ грязвѣе разнощика съ утра, съ понедѣльника, до ночи, до субботы, за восемнадцать пенсовъ! Знаете, сколько это выйдетъ за цѣлый годъ, Джимъ? За всю зиму и за все лѣто?

— Да выйдетъ-таки порядочно.

— Выйдетъ три фунта восемнадцать шиллинговъ.

— Что жъ, деньги хорошія.

— Это за двѣдцать годъ работн-то? А вы знаете, сколько было въ томъ бумажникѣ, что вы добыли сегодня вечеромъ?

— Я не успѣлъ пересчитать, когда вы...

— Знаю! Ну, въ этомъ бумажникѣ было двадцать-семь фунтовъ, Джимъ. Сколько онъ заработаетъ въ семь лѣтъ. Любопытство было бы узнать, Джимъ, что бы онъ подумалъ, еслибы вы ему сказали, что вы, не грязня рукъ, въ двѣ минуты можете добыть столько, сколько онъ получитъ въ семь лѣтъ, возясь съ утра до ночи въ грязной угольной лавкѣ. Жалко было бы сказать ему это; онъ почувствовалъ бы себя такимъ несчастнымъ, правда?

— Онъ, можетъ, сказалъ бы, кабы я съ нимъ объ этомъ заговорилъ, что ему лучше вѣрныхъ восемнадцать пенсовъ, чѣмъ...

— Чѣмъ что, Джимъ? замѣтилъ Долговязый Джорджъ ободрительнымъ тономъ, вида, что я замаялся.

— Чѣмъ... чѣмъ такой рисекъ, рѣшился я отвѣтить.

— Должно быть, онъ, дѣйствительно, такъ сказалъ бы, возразилъ мистеръ Гокинсъ.—Такъ всегда говорить маленькіе лицемѣры и трусишки, когда сдѣлаются добренькими. Я думаю, вы вѣрно угадали его отвѣтъ. Лилица и виноградь, э, Джимъ?

— Какой виноградь, сэръ?

— А тотъ виноградь, что лилица сказала кисель, и не годится его ѣсть, потому что она шесть часовъ потѣла и пригала, и увидала, что никакъ не можетъ до него добраться! ласково промолвилъ Долговязый Джорджъ.—Я уже говорилъ вамъ, Джимъ, всѣ мальчуган самонадѣянны; я теперь скажу вамъ не за тѣмъ, чтобы вы о себѣ Богъ-знаетъ что подумали; но само собою разумѣется, вы должны понимать, не всякій молодкосость съумѣетъ сдѣлать даже ту бездѣлицу, которую вы сдѣлали; на это нуженъ умъ, нужна смѣлость — однимъ словомъ, тутъ требуется талантъ, и это въ васъ есть, а въ томъ ослѣ, изъ угольной лавки, этого нѣтъ. Ну, разумѣется, онъ пустится проповѣдывать, я паря готовъ держать, коли вы будете такъ глупы, что станете его слушать. Вѣдь навѣрное же онъ проповѣдывалъ?

— Можетъ, вы назовете это проповѣдью, сэръ, отвѣтилъ я.— Онъ сказалъ мнѣ, какъ онъ перемѣнился, и все такое.

— И какъ онъ теперь лучше себя чувствуетъ, а?

— Да.

— И какъ ему горько было бы воротиться на старую дорогу?

— Мнѣ помнится, онъ и это говорилъ.

— Ну, разумѣется, говорилъ. Вы видите, все это я знаю. А вы что говорили?

— Объ чемъ?

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРИТИКА.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ «ФИЛОСОФІИ ПРИРОДЫ» ГЕГЕЛЯ.

«Философія природы Г. В. Ф. Гегеля». Изд. К. Миселе, пер. В. П. Чиждова съ дополненіями, излагающими науку о природѣ въ ея современномъ состояніи. Т. I. (Москва 1868).

Тому съ годъ назадъ, разсматривая ученую книгу г. Григорьева объ Афганистанѣ и Кафиристанѣ, читатель могъ сказать: зачѣмъ на этой книгѣ стоятъ имя Риттера? Она бы выиграла въ цѣлости и удобствѣ для чтенія, еслибы авторъ употребилъ небольшой кусокъ, переведенный изъ Риттера, въ числѣ другихъ матеріаловъ, для своего сочиненія и внесъ нужнѣйшее изъ отдѣла Риттера въ видѣ выносокъ или бы помѣстилъ *этотъ отдѣлъ* въ приложеніи; между тѣмъ, какъ въ настоящемъ видѣ, приложеніе давить самый текстъ и теряетъ отъ отрывочной формы примѣчаній, ему приданной.

Подобнаго же рода мысль придетъ, пожалуй, въ голову читателю при прочтеніи книги, заглавіе которой мы привели. Примѣчанія переводчика занимаютъ въ ней болѣе $\frac{2}{3}$ всего тома и объ нихъ вовсе нельзя сказать то, что много разъ повторилось о пресловутыхъ примѣчаніяхъ г. Пальховскаго къ многочисленнымъ переводамъ, имъ сдѣланнымъ, именно, что лучше бы подобныхъ примѣчаній вовсе не было. Нѣтъ, примѣчанія г. Чиждова составляютъ самую существенную, самую интересную часть тома; прочитывая ихъ, читатель познакомится съ многочисленными данными какъ изъ чисто-научной области, такъ и изъ мало разрабатываемой области исторіи науки, и кромѣ того со многими философскими воззрѣніями на основныя категоріи изъ философіи природы, воззрѣніями, имѣющими для русскаго читателя еще ту цѣну, что они черпаютъ и изъ русскихъ источниковъ, изъ статей, разбросанныхъ въ нашихъ журналахъ, изъ примѣчаній къ переводамъ замѣчательныхъ сочиненій и т. под. Слѣдовательно, желательно, чтобы эти примѣчанія г. Чиждова, составленные, очевидно, весьма тщательно, не прошли незамѣченными, чтобы они нашли читателей. Между тѣмъ, безъ

них можно бы смѣло сказать читателю: не развертывая этой книги.

Да не припишутъ этихъ словъ презрѣнію къ философіи Гегеля вообще. Пишущій эти строки весьма далекъ отъ подобнаго презрѣнія, которое, большею частію, соединено съ совершеннымъ незнакомствомъ или съ полнымъ непониманіемъ великаго движенія мысли, связаннаго съ именемъ Гегеля. Для того, чтобы явилась «въ русскомъ человѣкѣ потребность заниматься гегелевскою системою», не нужно никакихъ «преданій». Эта потребность «вызывается» и «поддерживается» рациональною задачею *понять* ближайшій минувшій періодъ исторіи Европы, *понять* жизнь чело-вѣчества въ одномъ изъ ея самыхъ недавнихъ фазисовъ. Считать это «вымышленною причиною» можетъ лишь слѣшкомъ извѣстный московскій редакторъ, который, подъ личиною патріотизма, желалъ бы отрѣзать русскую мысль отъ всякаго самостоятельнаго отношенія къ работѣ общеевропейской мысли, сдѣлать изъ своихъ перемѣчивыхъ *premier-Moveau*—вѣчто въ родѣ сурь мокаметова Корана для русскаго читателя, и побудить его не читать ничего, не изучать ничего, кромѣ основъ всякой истины: «Московскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Вѣстника», латинскаго и греческаго языковъ по словарю, г. Леонтьева, да псевдо-историческихъ, псевдо-патріотическихъ и псевдо-эстетическихъ злукубрацій г. Щебальскаго.

Вліяніе гегелизма въ русской литературѣ было и есть. Оно отразилось на многихъ произведеніяхъ, на направленіи мысли многихъ замѣчательныхъ умовъ и далеко не ограничивалось тѣми именами, которыя приводитъ г. Чижовъ въ своемъ предисловіи. Можно сказать, что ученіе Гегеля вошло немаловажнымъ элементомъ въ общій строй пониманія нашего мыслящаго меньшинства. Но *официальная* традиція гегелизма у насъ была ничтожна. Профессоровъ-гегелистовъ на кафедрахъ философіи или философскихъ сочиненій подъ *прямымъ* вліяніемъ Гегеля у насъ не было. Несравненно ниже стоящему въ этомъ отношеніи Шеллингу болѣе посчастливилось. Велланскій, Павловъ, Галичъ были весьма замѣчательными представителями шеллингизма въ нашей литературѣ. Время, когда гегелизмъ сталъ оказывать у насъ вліяніе на умы, совпало съ самымъ глухимъ періодомъ для философіи въ нашемъ отечествѣ. Кафедры философіи существовали лишь тамъ, гдѣ, по самой сущности дѣла, никакая живая философія невозможна. Философскія сочиненія писать было *нельзя*. Когда же возможность къ тому явилась, и кафедры философіи снова открылись, то пришло другое время, и гегельянцемъ могъ оставаться одинъ г. Стравовъ.

Но это не причина, чтобы настоящее поколѣніе не должно было знакомиться съ Гегелемъ и его историческимъ значеніемъ. Напротивъ, тѣмъ лучше мы можемъ понять это значеніе, что мы не связаны съ гегелизмомъ официальной традиціей.

Г. Чижовъ замѣчаетъ, что «знакомство съ философіей и ея

исторіей не входитъ въ общее образованіе». Прибавимъ: очень жаль, что не входитъ. Понимать исторію безъ исторіи философіи столь же мало можно, какъ понимать жизнь личности не сировавъ себя, ставила ли себя эта личность цѣль жизни, обдумывала ли планъ своихъ дѣйствій и на сколько эта цѣль, этотъ планъ, осуществлялись въ жизни личности. То, что изъ періода тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ еще *живетъ* въ настоящемъ, что вліяло на настоящее и будетъ вліять на будущее — слѣдовательно, самое важное въ исторіи этого времени — гораздо болѣе смелено съ философскою литературою гегелизма, чѣмъ съ многими политическими событіями и дипломатическими дразгами, составляющими неизбѣжный элементъ учебниковъ исторіи.

Но не всѣ сочиненія Гегеля и представителей разныхъ подраздѣлений его школы имѣютъ одинакую важность въ наше время. Хорошій переводъ «феноменологіи духа» или большой «Логикъ» и книжъ имѣлъ бы весьма-немаловажное значеніе не только въ историческомъ, но и въ научномъ отношеніи, такъ-какъ Гегель еще недостаточно оцѣненъ психологами по силѣ его угадыванія эмпирическихъ законовъ мышленія. Кромѣ того, критика мысли здѣсь у него очень сильна, а, по силѣ философскаго творчества, немногія произведенія могутъ быть поставлены рядомъ съ названными сочиненіями. Что касается до ихъ историческаго значенія, то оно весьма велико и, съ этой точки зрѣнія, «Философія права» Гегеля можетъ также имѣть большую цѣну въ глазахъ читателя. Уже несравненно менѣе значенія имѣютъ прочія берлинскія работы Гегеля. Что касается до «Энциклопедіи», то нельзя было бы не пожалѣть, если бы кто-либо посвятилъ долгій и старательный трудъ именно этому сочиненію. Систему Гегеля въ ея архитектурнѣйшій весьма достаточно узнать въ краткомъ обзорѣ. Сжатая форма «Энциклопедіи» и ея педагогическое назначеніе не давала Гегелю возможности достаточно вдаваться въ то послѣдовательное развитіе мысли, гдѣ выказывается вся его сила; многое здѣсь представляется въ афористической формѣ. Кто знаетъ только «Энциклопедію» Гегеля, тотъ Гегеля знаетъ очень мало. Построеніе всего сущаго изъ одного начала есть наименѣе значительная и наименѣе характеристическая черта гегелизма. *Результаты* гегельянской діалектики (они только и видны въ «Энциклопедіи») блѣднѣютъ предъ ея методическимъ развитіемъ и предъ отраженіемъ времени въ той или другой частности труда Гегеля. Но обоихъ этихъ элементовъ надо преимущественно искать въ другихъ сочиненіяхъ великаго философа.

Что касается до философіи природы, первый томъ которой теперь передъ нами, то слабѣе ея Гегель ничего не написалъ. Кто хотѣлъ выставить гегелизмъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ, тотъ цитировалъ слова Гегеля изъ его «Философіи природы». Идеализмъ палъ въ Европѣ преимущественно вслѣдствіе того, что эта книга показала его полнѣйшую неспособность усвоить себѣ великія завоеванія естествознанія; гегелевскія попытки «по-

строить» природу дали не мало пищи сарказмамъ и вонли въ поговорку.

Повидимому, самъ г. Чижевъ совершенно чувствовалъ крайнюю несостоятельность гегелизма въ этой области. Немногія изъ его прибавленій не заключають прѣмого порицанія взглядовъ и выраженій Гегеля. Для Физики онъ даже непросту выбросилъ всѣ прибавленія, внесенныя Мишелемъ изъ записокъ самого Гегеля въ текстъ прежнихъ изданій «Энциклопедіи», хотя въ этихъ прибавленіяхъ иногда развиваются мысли весьма-интересныя или встрѣчаются замѣчанія, не лишеныя значенія. Тамъ стоитъ вниманія прибавленіе къ § 274, гдѣ къ веществу прилагаются категоріи тождества, различія, противоположенія и основанія (Grund); также слѣдующее затѣмъ прибавленіе въ § 275, заключающее подробное построеніе понятія о свѣтѣ. Характеристично замѣчаніе въ прибавленіи къ § 280: «Солнце служить планетѣ, подобно тому, какъ вообще солнце, луна, кометы звѣзды суть лишь условія земли». И многое другое, выброшенное г. Чижевымъ, «чтобы уровнять разиѣры настоящей части «Энциклопедіи» (для чего было это нужно? не совсѣмъ понятно), имѣло бы столько же права быть удержаннымъ, какъ и нѣкоторыя прибавленія другихъ отдѣловъ. Сказать о какомъ бы то ни было сочиненіи Гегеля, что «нить, проходящая чрезъ все изложеніе автора, ... одна нужна въ настоящемъ случаѣ» нѣсколько странно, потому что у Гегеля всего важнѣе *методъ* проведенія этой нити. Едва ли г. Чижеву не хотѣлось просто *отдѣлаться* отъ длинныхъ разсужденій, ненаучность которыхъ была ему совершенно очевидна.

Есть еще одно обстоятельство, которое могло бы привести къ заключенію, что для г. Чижева твореніе нѣмецкаго философа въ этомъ отдѣлѣ служило лишь рамкою для собственныхъ замѣчаній, и что, поэтому, переводчикъ считалъ себя вправе относить къ своей рамкѣ довольно свободно. Говоримъ «могло бы», потому что не совершенно увѣрены въ преднамѣренности дѣйствія и не имѣемъ предъ собою вышедшихъ уже ранѣе двухъ томовъ перевода «Энциклопедіи». Обстоятельство же это заключается въ томъ, что въ большей части случаевъ г. Чижевъ *вовсе не переводитъ* Гегеля, а парафразируетъ его.

Чтобы наше мнѣніе не было сочтено голословнымъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ (цитируя и оригиналь (по вхд. 1842 г.).

§ 247. Die Natur hat sich als die Idee in der Form des Andersseyns ergeben. Da die Idee so als das Negative ihrer selbst oder sich äusserlich ist, so ist die Natur nicht äusserlich nur relativ gegen diese Idee (und gegen die subjective Existenz derselben, den Geist) sondern die Aeusserlichkeit macht die Bestimmung aus, in welcher sie als Natur ist.

Означивается, что природа есть идея въ формѣ *иная бытія*. Такъ-какъ идея здѣсь отрицаетъ самое-себя или *большія сама для себя*, то природа вышняя не только въ отношеніи этой идеи

(и относительно ея субъективнаго существованія, духа), но *отъишность* составляетъ опредѣляющее обстоятельство, по которому природа есть природа).

Парафраза г. Чицова: «Логика была единая, всеобъемлющая и систематически полная истина, развивавшаяся въ отвлеченной стихіи мышленія. *Природа* есть *та же истина*, но въ формѣ противоположной. Въ ней истина противопоставится логической истинѣ, дѣлается ей внѣшнею; а вслѣдствіе этого она не только внѣшня логической истинѣ (развивающаяся въ сознательной мысли, или въ духѣ), но *есть ступени ея собственнаго развитія отъишности другъ другу*.

Ужь если парафразировать, то, кажется, ближе парафразировать такъ:

Логическая идея противопоставляетъ себя себѣ самой, и становится природою. Она отрицаетъ себя какъ идею чисто-логическую и становится внѣшнимъ міромъ для себя самой. Поэтому природа не есть только логическая внѣшность для логической идеи (и для духа, мыслящаго себя, какъ сознательный духъ), но природа есть *отъишній міръ* по своему основному опредѣленію, какъ природа.

Въ длинномъ прибавленіи, идущемъ вслѣдъ за этимъ, слово Gott вездѣ замѣнено словами *идея, разумъ*. Слова о трехъ ипостасяхъ совсѣмъ выброшены. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ внѣшность природы для логической идеи и разрѣшеніе этой внѣшности при переходѣ къ духу передается словами, выражающими внѣшность однихъ предметовъ для другихъ и вступленіе ихъ «въ болѣе и болѣе органическую связь, пока наконецъ не дѣится въ ней сознательная мысль, проникающая во всѣ предметы и узнающая ихъ взаимную связь» (35). Гегель всего этого не говоритъ.

§ 257. Die Negativität, die sich als Punkt auf den Raum bezieht und in ihm ihre Bestimmungen als Linie und Fläche entwickelt, ist aber in der Sphäre des Ausersichseyns eben sowohl für sich, ihre Bestimmungen jedoch darin zugleich als in der Sphäre des Ausersichseyns setzend, dabei aber als gleichgültig gegen das ruhige Nebeneinander erscheinend. So für sich gesetzt ist sie die Zeit.

(Отрицаніе (пространства), какъ точка, находится въ отношеніи къ пространству, и въ немъ развивается, обуславливаясь, въ линію и поверхность; но оно, въ сферѣ внѣшняго бытія, можетъ имѣть мѣсто *и само по себѣ*, тѣмъ не менѣе внося свои условія въ сферу внѣшняго бытія, но оставаясь какъ бы равнодушнымъ къ спокойному совместному бытію. Отрицаніе (пространства), имѣющее такимъ образомъ мѣсто само по себѣ, есть *время*).

Парафраза г. Чицова: «Мы видѣли, что точка, исключаящая совместное существованіе другихъ точекъ, соотносится съ ними во внѣшности (откуда произошли линія и площадь.) Но она должна также быть *равнодушна* ко внѣшности. Тогда она опредѣлена по отно-

шенію къ чему-либо ей внѣшнему, но не связана неподвижно съ предметами, стоящими рядомъ съ нею. Точка, достигшая такой независимости, или такой подвижности, есть точка *времени*.

Кажется, эта парафраза совсѣмъ не можетъ быть признана точною, тѣмъ болѣе, что о точкѣ *времени*, стоящей *рядомъ* съ предметами, едва ли могъ говорить какой-либо мыслитель. Едва ли переводъ не асаетъ нѣсколько привычному читателю безо всякой парафразы. Какъ точка есть отрицаніе пространства, такъ и время есть категорія, отрицающая (устраняющая) пространственныя отношенія. Но разныя условія для точки даютъ уравненія линий и поверхностей съ *пространствомъ*; условія же времени прилагаются во всему сущему въ пространствѣ, но не имѣютъ ничего общаго съ условіями совмѣстнаго бытія предметовъ въ пространствѣ.

§ 274. Die physischen Qualitäten sind: *erstens*, als *unmittelbar*, *ausser einander in selbstständiger Weise* als die nun physisch bestimmten *himmlischen Körper*; *zweitens*, als bezogen auf die individuelle Einheit ihrer Totalität, die *physischen Elemente*; *drittens*, als der *Process*, der das Individuum derselben hervorbringt, der *meteorologische Process*.

(Физическія качества имѣютъ бытіе:

1) *Непосредственно* раздѣльно въ пространствѣ и самостоятельно, какъ физически опредѣленные *небесныя тѣла*.

2) Въ отношеніи къ обособленной единицѣ ихъ совокупности, какъ *физическія стихіи*.

3) Въ *процессѣ*, производящемъ эту обособленную единицу, какъ *метеорологическій процессъ*).

Парафраза г. Чицова: «Во первыхъ, массы, опредѣленныя физически, существуютъ совершенно независимо однѣ отъ другихъ. это — *небесныя тѣла*. Они уже были разсматриваемы въ абсолютной механикѣ, но здѣсь должны быть изучены ихъ физическія свойства.

«Вторыхъ, массы, опредѣленныя физически, подчиняются въ ихъ совокупности единству совмѣщающаго ихъ небеснаго тѣла; это — *стихи*.

«Третьихъ, эти самыя стихіи, вступая во взаимное отношеніе, производятъ то центральное тѣло, въ составъ котораго онѣ входятъ; это совершается при посредствѣ — *метеорологическаго процесса*».

Здѣсь исчезъ всякій слѣдъ логическаго элемента *качества*, отраженнаго въ этихъ категоріяхъ природы, то есть именно исчезла особенность гегелианскаго воззрѣнія. Появились *массы*, которыя едва ли тутъ у мѣста, такъ-какъ въ § 263 этотъ терминъ указанъ, какъ выражающій количественное отношеніе. Словомъ, едва-ли можно узнать здѣсь мысль Гегеля, что категорія качества во внѣшнемъ мірѣ воплощается въ разлеченіе небесныхъ тѣлъ какъ особихъ единицъ; въ разлеченіе единаго небеснаго тѣла на его составныя элементы; наконецъ въ процессъ, выносящій единство въ разнородность элементовъ.

Ограничимся этимъ, хотя можно бы привести въ примѣръ почти *каждый* параграфъ, гдѣ сколько-нибудь встрѣчается сжатый языкъ формулъ гегелизма. И указанные параграфы приведены безъ выбора; тѣмъ не менѣе они, кажется, доказываютъ: вопервыхъ, что *переводить* Гегеля г. Чижовъ не хотѣлъ; во вторыхъ, что передавая Гегеля своими словами, г. Чижовъ отклонялся отъ его мысли..

Какъ же слѣдуетъ смотрѣть на подобное отношенiе переводчика къ автору? Прежде всего навязчиво представляется мысль, что переводчикъ *не помалъ* Гегеля; что для него доступна лишь видѣнность этой системы, а не ея внутреннiй смыслъ; что ему казалось совершенно безразличнымъ, какую логическую категорию употребляетъ Гегель въ томъ или другомъ пунктѣ своей философи природы, лишь бы фраза получила болѣе доступную для читателя форму. Намъ бы не хотѣлось это думать. Г. Чижовъ уже восьмой годъ трудится надъ переводомъ «Энциклопедiи» Гегеля и, вѣроятно, достаточно ознакомился со своимъ авторомъ; кромѣ того въ самыхъ посредственныхъ образахъ гегелизма указана важность именно этой стороны мысли Гегеля. Языкъ Гегеля труденъ, но непонятность его преувеличена. Какъ только ключъ къ нему извѣстенъ, то большинство формулъ Гегеля уясняется довольно просто. Гегель непонятенъ и останется непонятнымъ для всякаго, кто, читая его формулы, придаетъ словамъ не гегелианское ихъ значенiе, а обычное или перенесенное изъ другаго міросозерцанiя. Кто не умѣетъ умственно перенестись на точку зрѣнiя Гегеля, тотъ никогда не пойметъ его.

Возможно и другое предположенiе, что переводчикъ не придавалъ никакой важности именно этой части своего труда, и имѣлъ въ виду формулы Гегеля лишь приблизительно, преимущественно въ связи съ современнымъ состоянiемъ той или другой науки, а не въ связи съ міросозерцанiемъ Гегеля. Подобнаго рода отношенiе переводчика къ переводимому автору считалось бы предосудительнымъ въ сочиненiи второстепенномъ. Никто не заставляеть брать именно *этого* автора для перевода; но если вы его выбрали, передавайте его мысли такъ, какъ онѣ есть. Гегель же, какъ ни будемъ мы относиться къ современному значенiю его ученiя, есть, во всякомъ случаѣ, авторъ довольно значительный, чтобы переводчикъ относился съ уваженiемъ не только къ его мысли вообще, но даже къ отбѣнкамъ этой мысли, къ формѣ рѣчи, къ особенностямъ его языка. Гегеля никто не читаетъ и не будетъ читать для забавы. И тотъ, кто вѣритъ ему, и тотъ, кто относится къ нему критически, долженъ его *изучить*. Если придется прочесть вную формулу раза три и поломать голову надъ ея значенiемъ, это не бѣда; надъ математическими формулами тоже ломають голову. Русскiй языкъ достаточно гибокъ, чтобы имъ можно было передать и Гегеля очень строго; конечно, это будетъ не рѣчь Пушкина или Тургенева, но это будетъ правильная и осмысленная русская рѣчь. Въ крайнемъ

случаѣ, переводчику дозвоительно употребить объяснительными примѣчанія философскаго свойства, точно такъ же какъ дополненія научныя, но текстъ долженъ быть переданъ *стрно*. Нельзя допустить для автора, подобнаго Гегелю, даже такихъ измѣненій въ переводѣ, которыя допущены г. Чижовымъ въ прибавленіи къ параграфу 247, о чемъ сказано выше, хотя, вѣроятно, переводчикъ считалъ себя стѣсненнымъ правилами о печати. Весьма возможно (хотя это нельзя сказать навѣрное), что переводя точно слово Gott, и передавая слова Гегеля о ипостасяхъ Троицы, переводчикъ могъ бы подвергнуться неприяностямъ. Если такъ, то ему Гегеля вовсе переводить не слѣдовало. Но выкидывать *самовольно* что-либо изъ книги, бывшей предъ нимъ, онъ могъ всего менѣе въ книгѣ философскаго содержанія. Если г. Чижовъ имѣлъ въ виду читателей, которые возьмутъ его изданія въ руки съ желаніемъ заняться «одною изъ памятлишшихъ фазъ въ исторіи развитія мысли», то онъ можетъ сказать, что онъ, какъ переводчикъ, *ровно ничею* не сдѣлалъ для облегченія имъ этого занятія. Онъ предложилъ имъ *не Гегеля*, и самый лучшій совѣтъ, который можно дать читателямъ, это самого текста книги *вовсе не читать*. Съ точки зрѣнія естествознанія, онъ и въ оригиналѣ не имѣетъ никакой цѣны; а съ точки зрѣнія исторіи мысли, какъ изученіе воззрѣній Гегеля, переводъ г. Чижова совершенно отступаетъ отъ оригинала и читатель по переводу объ оригиналѣ понятія имѣть не будетъ никакого. Даже отъ самаго замятаго изъ своихъ противниковъ Гегель заслуживалъ бы болѣе уваженія, чѣмъ оказалъ ему г. Чижовъ.

По нашему мнѣнію, г. Чижовъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, не перевода вовсе «Философіи природы». Онъ могъ бы взять изъ любого обзора гегельянской философіи — хотя бы изъ исторіи философіи отъ Канта до Гегеля того самаго Мишлэ, который издалъ «Философію природы» — главу объ этомъ отдѣлѣ, перевести ее старательно и затѣмъ помѣстить свои прибавленія въ связномъ разказѣ. Выигрышъ былъ бы тройкій. Вопервыхъ, не нашлись бы читатели, которые вообразятъ, что читаютъ точный переводъ Гегеля, когда имѣютъ передъ собою вѣчто, вовсе на него непохожее. Вторыхъ, изложеніе учениковъ переводить г. Чижову было бы легче, чѣмъ изложеніе Гегеля. Третьихъ, всѣ прибавленія г. Чижова, слитыя въ одно цѣлое, представили бы гораздо болѣе интереса, чѣмъ представляютъ теперь, при своей разбросанности. Кто беретъ эту книгу, можетъ имѣть въ виду, повторямъ, *только* прибавленія; текстъ же всего лучше оставить въ сторонѣ. Но отрывочныя прибавленія гораздо менѣе удобно читать, чѣмъ связанный разказъ.

Что касается до этихъ прибавленій, взятыхъ сами по себѣ, то они, очевидно, составлены весьма-тщательно, хотя позволяютъ думать иногда, что г. Чижовъ не специалистъ по естествознанію. Очевидно, онъ читалъ много и старался обращаться къ новѣйшимъ авторамъ. Одѣвивать научное содержаніе его прибавленій

мы не имѣемъ въ виду, но читатель найдетъ тамъ много интересныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, какъ мы сказали въ началѣ разсказа. Иногда встрѣчаются странныя пропуски. Такъ мы полагаемъ встрѣтить имя Гельмгольца тамъ, гдѣ въ прибавленіи говорится о звукахъ, но не встрѣтили. Можетъ быть, г. Чижевъ имѣлъ въ виду сказать объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ, въ XIII-мъ прибавленіи по второму, еще незаданному тому.

Но, когда дѣло идетъ о статьяхъ, написанныхъ по поводу книги Гегеля, то невольно возбуждается интересъ къ философскому и къ содержанію. Авторъ рѣшительно порицаетъ Гегеля за его построение физическаго міра (и въ этомъ онъ правъ). Но что же г. Чижевъ даетъ въ замѣну этого построения? Какова его собственная философская точка зрѣнія? Пестрая смѣсь цитируемыхъ въ прибавленіяхъ авторовъ дѣлаетъ рѣшеніе этого вопроса довольно труднымъ, но самъ г. Чижевъ старается уяснить намъ это въ своемъ предисловіи.

«Здѣсь — говоритъ г. Чижевъ — да будетъ позволено намъ указать на отношеніе настоящаго сочиненія, въ томъ видѣ, какъ оно является на судъ публики, къ знаменитому творенію Гумбольдта.

«Гумбольдтъ, въ своемъ «Космосѣ», хотѣлъ дать овытъ физическаго міросозерцанія. Вотъ почему онъ ограничивался внѣшнимъ изображеніемъ явленій, и только въ своихъ вводныхъ разсужденіяхъ касался скрытыхъ пружинъ, движущихъ сложный механизмъ вселенной. Неохотно вдаваясь въ изысканія, лишающія природу ея свѣжести и дыханія жизни, онъ всякій разъ торопился поскорѣе задернуть завѣсу, позади которой видѣются зримыя силы видимаго міра.

«Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ потребность полить и полить высказать свои замечанія о ихъ свойствѣ и сущности. Оттого интересъ его Введеній возрастаетъ съ каждымъ новымъ томомъ его труда. Наиболее исчерпывающимъ въ этомъ смыслѣ можетъ быть названо его введеніе къ отрывку пятаго тома, изданному въ 1862 году профессоромъ Бушманомъ. Но и въ этомъ обзорѣ читатель скорѣе предчувствуетъ единство силъ природы, чѣмъ постигаетъ его разумѣніемъ, здѣсь (примѣч. 6) уже упомянуто о законѣ сохранения силъ, составившемъ важнѣйшее приобрѣтеніе современнаго естествознанія. Въ первый разъ названо здѣсь имя Гельмгольца, труды котораго получили столь громкую извѣстность въ связи съ однородными трудами англійскихъ ученыхъ: Грове, Джуэля и Тиндала.

«Такия монографіи и очерки, какъ чтенія Гельмгольца «О законѣ сохранения силъ» (переведенныя г. Риндовскимъ, Харьковъ, 1865), или рѣчь Грове «О непрерывности въ природѣ» произнесенная при открытіи засѣданія въ Британской ассоціаціи въ 1866 году (Отеч. Запис. № 20 и Русск. Вѣстн. № 9), какъ бы просятся въ введеніе къ Космосу, и достойнымъ образомъ дополняютъ скупыя указанія Гумбольдта.

«Руководящія идеи этихъ обзорныхъ уже легли въ основаніе

многих научных трудов по естествознанию, между которыми можно назвать труды Тиндала по физикѣ, Вундта по физиологiи и психологiи и т. д.

«Вся заслуга данныхъ нами прибавленiй, если таковая можетъ быть за ними признана, состоитъ въ томъ, что мы старались неуклонно держаться этихъ основныхъ идей и показать ихъ примѣненiе къ ряду явленiй, послѣдовательно выступающихъ при мыслищемъ разсматриванiи природы.»

И такъ, г. Чижовъ «держится основныхъ идей» Гельмгольца, Грове, Тиндала, Вундта, принимая лишь гегелизмъ за руководящую нить для послѣдовательнаго выступленiя явленiй при мыслищемъ разсматриванiи природы. Гегелизмъ обращается въ удобную классификацiю для чужихъ идей. Конечно, гегелисты не поблагодарятъ за это, да полагаю, что и естествоиспытатели не особенно за это похвалятъ. Ужъ лучше бы г. Чижовъ обратился къ позитивистамъ за нужной ему классификацiей. Причемъ тутъ Гегель?

Впрочемъ, во имя практическаго требованiя удобства можно брать какую угодно классификацiю. Философскаго элемента тутъ нѣтъ нисколько. Но онъ можетъ быть въ частности. Все-таки г. Чижовъ хочетъ «мыслищаго разсматриванiя природы», т.-е. по общему строю рѣчи, внесенiя единства въ различныя частности фактовъ и понятiй, относящихся къ природѣ. Это, конечно, требованiе философское. Остается разсмотрѣть, насколько г. Чижовъ ему удовлетворяетъ. Возьмемъ для этого одинъ примѣръ, именно развитiе понятiя о силѣ (137—139):

«Предметы обладаютъ свойствами. Тѣ же самыя явленiя, которыми мы даемъ названiе свойствъ, когда они только дѣйствуютъ на наши чувства, возбуждая ихъ нормальную физиологическую дѣятельность и обращая на себя наше вниманiе, получаютъ названiе силъ, коль скоро они производятъ непривычное дѣйствiе на насъ самихъ, или ощутительное и замѣтное дѣйствiе на другiе внѣшнiе предметы...

«Всѣ говорятъ, что тяжесть есть общее свойство тѣлъ. Почему такъ говорятъ? Потому что всѣмъ извѣстно по опыту, что всѣ тѣла, при достаточной массѣ, требуютъ извѣстнаго напряженiя мускуловъ, чтобы быть поднятными или удерживаемыми отъ паденiя. Но пусть сорвавшiйся камень нанесетъ вредъ человѣку, мы скажемъ: движенiе камня было такъ *сильно*, что причинило ушибъ. Въ этомъ случаѣ мы разсматриваемъ тяжесть какъ силу, производящую извѣстное дѣйствiе... Тяжесть можетъ быть одинаково называема свойствомъ, какъ и силою.

«Точно также, вида свѣтящееся тѣло, мы говоримъ, что оно имѣетъ свойство свѣтитъ; въ этомъ случаѣ свѣтъ есть для насъ свойство тѣла. Но пусть онъ будетъ такъ ярокъ, что ослѣпнитъ насъ; мы скажемъ: свѣтъ былъ такъ *сильно*, что вредно подѣйствовалъ на наше зрѣнiе; мы будемъ смотрѣть тогда на свѣтъ, какъ на силу, опасную для насъ по своему дѣйствiю, и которой мы должны остерегаться. Точно также свѣтъ, дѣйствуя на фотогра-

фическую пластинку, отпечатываетъ на ней изображеніе предметовъ; и въ этомъ случаѣ онъ есть сила, разлагающая химическія соединенія...

«Встрѣчая явленіе, любопытное по своему характеру, мы говоримъ: удивительное свойство! Чуть только оно принимаетъ угрожающіе размѣры, мы восклицаемъ: страшная сила!..

«Всѣ тѣ свойства, которыя дѣйствуютъ на наши чувства, но не являются причинами оцутительныхъ замѣненій ни въ насъ самихъ, ни во внѣшней природѣ, не носятъ названія силъ. Такъ, цвѣтъ какого нибудь окрашеннаго тѣла есть свойство, а не сила. Но если окрашенное стекло поглощаетъ одни лучи свѣта и пропускаетъ другіе, то оно очень можетъ быть названо силою, разлагающею свойства бѣлыхъ лучей свѣта. Призма есть сила, разлагающая составной бѣлый лучъ на простѣйшіе цвѣтные лучи свѣта. Вогнутое зеркало есть сила, сосредоточивающая лучи свѣта въ одномъ фокусѣ.

«Такимъ образомъ мы видимъ, что силы, какъ и свойства, суть не какія нибудь онтологическія фикціи, а явленія взаимодѣйствія предметовъ...

«Въ этомъ смыслѣ и утверждаютъ, что всякое явленіе производится силою, или суммою нѣсколькихъ силъ...

«Въ механикѣ энергія, дѣйствующая способность, или движущая сила есть не что другое, какъ количество работы, производимое движущимъ тѣломъ».

Во всякомъ философскомъ или даже просто научномъ разсужденіи точное употребленіе терминовъ есть необходимое условіе ясности пониманія. Метафорическое или рутинно-неопредѣленное употребленіе словъ позволительно въ художественномъ произведеніи, въ обыкновенномъ разговорѣ, но въ наукѣ и въ философіи представляетъ возмутательный диссонансъ. Никто не имѣлъ г. Чижову начать свое разсужденіе съ разговорнаго употребленія слова *сила* и говорить о *сильномъ* движеніи камня, о *сильномъ* свѣтѣ, о страшной *силѣ*, даже о зеркалѣ (!) какъ *силѣ*. Но когда онъ приводитъ послѣдній примѣръ, притупивъ уже, повидимому, къ научному опредѣленію слова, когда онъ вслѣдъ за тѣмъ рѣшается дѣлать выводъ, и навѣро говорить: «Такимъ образомъ, мы видимъ», и т. д., то мы позволимъ себѣ сказать, что онъ имѣетъ весьма странный взглядъ на ученые или философскіе приемы мысли.

Мы позволимъ себѣ сказать еще г. Чижову:

что *силы*, *явленія*, *предметы*, *работа силъ* суть *различныя* понятія для науки, а слѣдовательно и для рациональной философіи;

что тяжесть, свѣтъ, движеніе вовсе не *силы*; это *явленія*, характеризованныя *свойствами* своими, т.-е. различными въ нихъ особенностями, но *силою* характеризованы быть не могутъ: *сильною* движенія нѣтъ въ наукѣ; о *сильномъ* свѣтѣ говорить лишь метафорически;

что зеркало, примаа вовсе не *силы*, это *предметы*, характери-
зуются опять-таки *свойствами*, т.-е. различными въ нихъ осо-
бенностями, которыя могутъ для предметовъ быть и явленіи;

что тѣпъ *силы* есть *этсъ*, измѣряемый особенными единицами:
пудъ, фунтъ и т. д., какъ можно видѣть во всякой арифметикѣ,
точно также какъ во всякой физикѣ можно узнать, что *силы*
упругости, магнитическаго притяженія, скручиванія, расширенія
и т. д., словомъ *всь* *силы*, существующія для механики, или для
науки вообще, измѣряются единицами *этсъ*, которыми нельзя
измѣрить ни свѣта, ни движенія, ни зеркала;

что *живая сила* или *работа* есть вовсе не *движущая силъ*,
не измѣряется вѣсомъ, а называется въ механикѣ *количествомъ*
дѣйствія силъ и имѣетъ свои особенныя единицы: пудфунтъ,
килограммометръ и т. п.; это можно узнать изъ любого элемен-
тарнаго курса механики.

При разсмотрѣнн измѣренія работы, съ г. Чиловымъ случ-
лось, кажется, нѣсколько курьезное обстоятельство. На стр. 139
напечатано: «Движутся вообще тѣла тяжелыя (по крайней мѣрѣ
только законы движенія, такихъ тѣлъ изслѣдуются механикою),
и движутся съ опредѣленною скоростію. Количество работы из-
мѣряется произведеніемъ изъ вѣса движущагося тѣла на рас-
стояніе, пробѣгаемое имъ, или на квадратъ его скорости».

Затѣмъ въ печаткахъ показано:

139 1-я снизу напечатано: или на квадратъ его скорости
должно быть: въ данную единицу времени, т.-е. на его
скорость.

Г. Чиковъ совершенно правильно назвалъ это не опечаткой,
а поправкой. Но какъ же ошибка произошла? Нельзя ли допу-
стить предположеніе, что въ воображеніи писавшаго мелькнуло
когда-то и гдѣ-то видима формула для живой силы, гдѣ дѣй-
ствительно входитъ квадратъ скорости. Но онъ при этомъ у-
помнелся на *массу*, а не на *этсъ*. Неужели г. Чиковъ смѣши-
ваетъ вѣсъ и массу? Мы не желаемъ это думать ни на минуту, но
странно его увѣреніе, будто механика изслѣдуетъ только законы
движенія *тяжелыхъ тѣлъ*. Осмѣлимся замѣтить, что механика
изучаетъ законы движенія тѣлъ, независимо отъ свойства тѣ-
сти, а механика *тяжелыхъ* есть одинъ изъ *частныхъ* случаевъ
механики вообще. Для механики достаточно, чтобы тѣло имѣло
массу (въ кинематикѣ и того не нужно). Можетъ быть, г. Чи-
ковъ думаетъ, что всякое тѣло, имѣющее массу, имѣетъ и вѣсъ.
Это двѣ совершенно различныя вещи, какъ можно узнать изъ
порядочнаго учебника механики. Прибавимъ, что и свой спо-
собъ измѣрять работу силъ (какъ онъ внесъ въ поправку)
г. Чиковъ едва-ли найдетъ въ какомъ-либо учебникѣ механики.

Степень философскаго развитія нашего переводчика Гегеля
можно узнать изъ этого примѣра. Какъ въ переводѣ Гегеля онъ
находитъ ненужнымъ употреблять точныя категоріи, такъ для
него самаго различныя категоріи смѣшиваются. Въ нихъ нѣ-

ствахъ онъ даже смѣшиваетъ психологическій генезисъ понятія съ его логическимъ развитіемъ. Первое очень важно, и реалисты-психологи сдѣлали много въ этомъ случаѣ; очень пріятно встрѣтить у г. Чижова эти данныя; но логическое развитіе, т.-е. связь мыслимыхъ категорій — дѣло совсѣмъ иное.

Недостатокъ уваженія къ Гегелю не дозволилъ г. Чижову дать вѣрный переводъ оригинала. Недостатокъ философскаго мышленія не дозволилъ ему дать вѣрную оцѣнку основныхъ категорій физики. Но скажемъ еще разъ, что, отстраняя оцѣнку философскаго и переводнаго значенія книги, она заключаетъ весьма много интересныхъ данныхъ, съ которыми ознакомиться весьма полезно. Жаль только, что эти данныя не явились въ другой формѣ, совершенно независимо отъ Гегеля, отъ всяческаго идеализма, и отъ всякой попытки философствовать.

Когда выйдетъ второй томъ «Философіи Природы», то мы поговоримъ, можетъ быть, о значеніи этой области философіи въ гегелизмѣ и въ современныхъ философскихъ мирозерпаніяхъ.

ИСТОЧНИКИ НАРОДНАГО СУЕВѢРІЯ

Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ мифическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. *А. Афанасьева*. Томъ второй. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1868.

Сравнительный методъ изслѣдованія, уже примѣненный съ такимъ успѣхомъ къ естественнымъ наукамъ, примѣняется все въ большей и болѣе степени къ наукамъ социальнымъ, хотя въ этой послѣдней области онъ не принесъ еще тѣхъ полезныхъ результатовъ, на которые мы вправѣ надѣяться. Недостаточность результатовъ, достигнутыхъ здѣсь сравнительнымъ методомъ, вовсе не показываетъ, однако, что самый способъ изслѣдованія, уже сильно пригодившійся въ анатоміи человѣческаго тѣла, былъ непримѣнимъ къ анатоміи человѣческихъ дѣлъ, понятій и вѣрованій; но показываетъ только, что на этой дорогѣ изслѣдователь чаще встрѣчаетъ препятствія, которыя нужно обходить или дѣлать имъ уступки, несомнѣтельны съ строгостью и полнотою научныхъ выводовъ. Какія это препятствія и каковы бываютъ уступки, вынужденныя ими? — объ этомъ можетъ подумать на досугъ всякій мыслящій читатель. Мы напомнимъ лишь, что предрасудки и заблужденія, которыя приходится науѣ разрушать въ этой области, такъ живучи и такъ срослись съ современнымъ общественнымъ строемъ, что наденіе ихъ стѣбитъ большахъ жертвъ и усилій со стороны людей, обрѣкшихъ себя на

служеніе истинѣ. За то, если разъ поколебленъ подобный предразсудокъ, разъ нарушено негѣное заблужденіе,—то для цѣлаго общества мгновенно отрывается новая, широкая перспектива умственного развитія. Несмотря на препятствія, указанныя нами, сравнительный методъ въ социальныхъ наукахъ замѣтно упрочился въ послѣднее время и принесъ видимые плоды. Достаточно указать на хорошо знакомый намъ трудъ Бокля, въ которомъ геніальный авторъ, примѣнивъ сравнительный методъ къ изученію исторіи народовъ, сдѣлалъ выводы, поразительные по своей глубинѣ и вѣрности. Выводы эти, уже утвердившіеся въ наукѣ, какъ несомнѣнные аксіомы, сообщили ей позитивный характеръ и разбили въ конецъ негѣную теорію, которая долго усныляла и намѣрена еще уснылять умственный анализъ, выражаясь то въ ортодоксальныхъ построеніяхъ Боссюэта, то въ мистическихъ фантазіяхъ гр. Л. Толстаго. Развитіе народа зависитъ, во первыхъ, отъ условій природы, въ которой живетъ онъ, а во вторыхъ отъ сумми познаній, которую скопиль онъ въ теченіе своей исторической жизни — вотъ плодотворныя мысли, внесенныя Боклемъ въ современную историческую науку. Замѣтимъ, что эти мысли, безспорныя въ своемъ основаніи, до сихъ поръ еще не нашли себѣ примѣненія къ русской исторіи, и мы можемъ указать въ этомъ родѣ только одні слабые попытки. А между тѣмъ сколько фальшивыхъ знаменитостей, понахлѣванныхъ русскими исторіографами, свалилось бы навсегда съ своихъ пьедесталовъ, сколько «великихъ» эпохъ померкло бы передъ нашими глазами, еслибы боклевскій приѣмъ былъ приложенъ во всей своей силѣ къ событіямъ нашего историческаго прошлаго. Но допотопные историки въ родѣ гг. Погодина, Бѣляева и др. и знать не знаютъ о новомъ методѣ и продолжаютъ себѣ, по прежнему, смотрѣть на Нестора, какъ на идеаль историческаго изслѣдователя. «Провозгласимъ Нестору вѣчную память — восклицаетъ въ неимовѣрномъ экстазѣ г. Погодинъ—и будемъ молиться ему (?!), чтобъ онъ послалъ намъ духа русской исторіи, ибо духъ только животворить, а буква, буква одна умерщвляетъ... Мы будемъ молиться ему, чтобъ онъ сопридѣлствовалъ намъ въ нашихъ розысканіяхъ о предметѣ земной его любви, о предметѣ самомъ важномъ (да, дѣйствительно важномъ!) въ системѣ гражданскаго образованія, объ отечественной исторіи; мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собой примѣръ трудиться не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ смиренномудрія, въ духѣ любви къ отечеству». Значитъ, смиренномудріе нераздѣльно отъ любви къ отечеству? Почти такъ же взираетъ на лѣтопись Нестора другой маститый ученый, г. Бѣляевъ. По его мнѣнію, «изъ описаній Нестора вытекаетъ *полная и стройная* исторія Руси XI-го вѣка; заслуги и умъ Нестора неопѣнимы; онъ во всѣхъ фазахъ жизни умѣлъ подвѣтвить движеніе и борьбу стараго съ новымъ, новаго съ ста-

рими». Ну, что подѣлаешь съ такими свѣренномудрыми историками, которые, во взглядѣ на свой предметъ, не ушли дальше вѣвонепечерскаго монаха XI-го столѣтія!

Книга г. Афанасьева, которая подала намъ поводъ къ размышленіямъ о судьбѣ русской науки, затрогиваетъ предметъ чрезвычайно интересный и, къ сожалѣнію, мало у насъ разработанный. Это—исторія народныхъ мѣвовъ, постепенное развитіе и вымираніе фантастическихъ представленій о природѣ. Нѣтъ спора, что развитіе мѣвовъ составляетъ важную часть исторіи народа, что господствомъ тѣхъ и другихъ мѣвовъ представлений объясняются цѣлыя фазисы народной жизни. «Но важность этого предмета сознава только недавно, и рациональные приемы въ изученіи его до сихъ поръ встрѣчаютъ много непреодолимыхъ препятствій. Что такое мѣвъ въ обширномъ значеніи этого слова? Это есть представленіе о природѣ, основанное не на точномъ изслѣдованіи, а на смутной игрѣ фантазіи. Зарожденіе мѣвовъ относится поэтому къ глубочайшей древности, когда умъ человѣка, не вооруженный критическимъ анализомъ, видѣлъ въ каждомъ явленіи природы дѣйствіе какихъ-то невидимыхъ, неограниченныхъ въ своемъ произволѣ, таинственныхъ силъ. Фантазія олицетворяла эти силы, давала имъ видимый образъ человѣка или другаго животного. Поражается, напримеръ, дикарь явленіемъ грома и молніи; не умѣя объяснить себѣ этого явленія, не зная, какъ избѣгнуть его, онъ пускаетъ въ дѣло свою фантазію — и образъ разгнѣваннаго Зевеса или Юпитера уже готовъ въ общихъ чертахъ. Такъ же точно поражаютъ его колыханіе морской волны, дѣйствіе солнца, розовныя полосы зари — и также возникаютъ въ его воображеніи Нептунъ, Аполлонъ и Авроръ съ розовыми перстами. Съ развитіемъ науки, то-есть съ приобрѣтеніемъ познанія, умъ человѣка перестаетъ устрашаться фантастическихъ представленій, созданныхъ за отсутствіемъ научныхъ данныхъ, и переходитъ мало-по-малу къ рациональному изученію природы. Но мѣвъ, уже утвердившіеся въ народѣ и окруженные священнымъ культомъ, препятствуютъ естественному развитію науки; цѣлый классъ людей, для которыхъ упадокъ суевѣрія есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и упадокъ ихъ собственнаго значенія, держится крѣпко за старину и не безъ боя уступаетъ наукѣ своихъ кумировъ, оракуловъ и своихъ эвезннскихъ таинства. Наука, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ свое дѣло: испытавъ неудачу въ открытомъ нападеніи на устарѣлыя мѣвы, она подкапывается подъ нихъ въ тиши или просто обходитъ и относится къ нимъ индифферентно. Но индифферентизмъ въ вѣрованіяхъ есть уже для нихъ смертный приговоръ: онъ показываетъ, что нравственное содержаніе религіозной традиціи давно взято людьми, и на виду остаются только однѣ пустыя формы, потерявшія свой внутренній смыслъ. Скоро и эти формы разрушатся, падаютъ сами собою. Древнее язычество прошло послѣдовательно всѣ эти фазисы: у него былъ періодъ наивной

вѣри, затѣмъ критическаго сомнѣнія и индифферентизма, нагонедъ — нелѣпнѣйшаго гнѣвнн и уадака. Въ ралсоднхъ Гомера мы встрѣчаемъ еще искреннюю, врододушную вѣру въ громовержда Зевеса, въ колыхателя морей Посейдона, въ «младу», съ нерстами пурпурными» Эосъ; въ этомъ безыскусственномъ разсказѣ слышатся голосъ младенчествуаго народа, до котораго не коснулись еще голосъ сомнѣнн и пытливые запросы встревоженнаго ума. Но, какъ только въ Греціи пробудилась дремавшая мысль, она сейчасъ же отнеслась отрицательно ко всѣмъ повѣрлнмъ и обрадамъ, составляющнмъ сущность аячскаго религнн. Такъ, напрнмѣръ, нѣкоторые раціоналисты времемъ Платона, говоря о похищеннн Орнею Вореемъ, объясняли себѣ этотъ мнѣ тѣмъ простнмъ обстоятельствомъ, что норнвъ сѣвернаго вѣтра (то-есть Ворея) сбросилъ Орнею съ утеса. Превращенне снугннковъ Одиссея въ свнней объяснялось аллегорически нхъ обжорствомъ и пьянствомъ. Современникъ Сократа, Геродоръ видѣлъ въ Прометѣеъ скнескаго царя, скованнаго своими подданными. Одннъ софистъ утверждалъ, что люди въ древности считали богами все полезное для жнзнн: солнце, луну, рѣки и источники, и потому назвали хлѣбъ Деметрой, вно — Дюннсомъ, огонь — Гефестомъ. Метродоръ Лампсаакскнй, другъ Анаксагора, объяснилъ физически не только личности олимпнйцевъ, но и героевъ древней Греціи: для него Гера, Аонна, Зевесъ были основы природы и порядоъ стнхнй; Гекторъ, Ахиллъ и пр. принадлежали къ тому же роду созданий и, по его мнѣнню, вовсе не существовали. Безъ сомнѣнн, эти нервыя понннн раціональнаго объясненнн мнѣовъ были очень слабы и несовершенны; въ ннхъ не видно стройной, округляющей системы, и онѣ представляются намъ случайными, остроумными догадками, которыя легко доказать, легко и опровергнуть. Но критическое направленне мысли уже опредѣлилось въ ннхъ съ достаточной ясностью, и благочестивые люди, вѣрнвшне безотчетно въ завѣты предковъ, стали на сторожѣ противъ тогдашннхъ раціоналистовъ. Аристофанъ, въ своей комеднн «Облака», осмѣиваетъ людей, утверждавшнхъ, что дождь и громъ происходятъ отъ облаковъ, а не отъ воли Зевеса. Сократъ былъ осужденъ жрецами за свое невѣрне, и ученикъ его Платонъ считалъ боже удобнымъ оставлять мнѣн въ сторонѣ и заниматься вопросами, имѣющнми прямое отношенне къ человеку. Стоики, возставя противъ храмовъ, молитвъ, священннхъ идоловъ, также не отрицали коренной религиозной рутнны и старались осмыслить ее новымъ содержаниемъ, влить вно новое въ мѣхн старнн. Божество для стоиковъ — было еднннй, всеобщнй, огненный духъ; почитанне божества заключалось лишь въ духовномъ культѣ; съ помощью аллегорическихъ прнемовъ стоики отыскивали въ именахъ боговъ физическія основы, а въ мнѣахъ — положеннн, относящнся къ философіи природы. Внѣстѣ съ тѣмъ стоики оасались, что съ почитаннемъ народныхъ божествъ уничтожит-

ся страхъ общаго божественнаго закона, который лежитъ въ основаніи ихъ нравственной теоріи и, чтобы сберечь это сокровище, они начали говорить о чудесахъ, о силѣ гаданій, о прозорческихъ снахъ. «Образованный англичанинъ и французъ — замѣчаетъ по этому поводу Целлеръ — еще нынѣ, на такихъ же основаніяхъ, безъ существенной религіозной или умственной потребности, держатся положеній и обычаевъ своихъ церквей». Такимъ образомъ стойчивымъ представилъ замѣчательную нонитку — соединить критическій взглядъ науки съ преданіями старины. Ко времени распространенія христіанства язычество было уже до того поколеблено въ своихъ основахъ, что борьба съ нимъ не представлялась особенно трудною, тѣмъ болѣе, что діалектическія тонкости, которыми думали защитить свой культъ послѣдніе языческіе философы, плохо дѣйствовали на народъ, видѣвшій въ христіанской религіи проповѣдь любви и равенства, а въ языческой — защиту рабства и аристократическихъ привилегій. Христіанскіе апологеты дѣйствовали противъ язычества двумя орудіями, смотря по тому, какое изъ нихъ могло больше пригодиться въ полемикѣ; иногда оба эти орудія соединялись, по непослѣдовательности, въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Во-первыхъ, ревностные полемисты воспользовались теоріей языческихъ мѣоовъ, высказанной въ древности Эвгемеромъ (318—297 до Р. X.). По взгляду Эвгемера, всѣ боги, о которыхъ говорятъ Гомеръ и Гезіодъ, дѣйствительно существовали: именно это были люди, дѣла которыхъ перешли къ потомству въ формѣ басней. «Когда люди жили еще въ безпорядкѣ и смѣшеніи — говоритъ Эвгемеръ — болѣе сильные и искусные принудили всѣхъ другихъ подчиниться ихъ волѣ и затѣмъ, чтобы внушить къ себѣ болѣе удивленія и уваженія, присвоили себѣ высшую божественную власть. Уранъ, Кроносъ и Зевесъ были послѣдовательные цари, изъ которыхъ первый названъ Ураномъ (небомъ) вслѣдствіе своего знанія астрономіи; Афродита первая сдѣлала изъ проституціи ремесло; Кадмъ былъ поварь, влюбленный въ флейщицу Гармонію, и проч. Зародышъ этого приѣма въ объясненіи мѣоовъ встрѣчается и до Эвгемера, но онъ возвелъ его въ теорію и примѣнилъ ко всей греческой мѣологіи, почему и самая теорія получала названіе эвгемеризма. Эту теорію, — пригодную развѣ только для объясненія второстепенныхъ мѣоическихъ личностей, героев и полубоговъ, но нивавѣ не главныхъ божествъ, которые одинаковы почти во всѣхъ мѣологіяхъ, — христіанскіе апологеты первыхъ вѣковъ внесли въ объясненіе всѣхъ мѣоовъ вообще. Рядомъ съ этой теоріей распространилась другая, уже совершенно противонаучная—именно теорія демоническаго происхожденія мѣоовъ. Въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ двѣ эти теоріи господствовали между учеными людьми. Но въ средніе же вѣка появились новый взглядъ, значительно подвинувшій впередъ сравнительное пониманіе вѣрованій. Въ багдавскихъ школахъ многіе знаменитые учены излагали безпристрастно со-

стойніе релігійныхъ и философскихъ сектъ, разъѣдающихъ міръ, сравнивали ихъ между собою и признавали хорошія стороны въ каждой изъ нихъ. Благодаря обширному вліанію арабской литературы на средневѣковую Европу, а также благодаря непосредственному столкновенію съ исламомъ во время крестовыхъ походовъ, идея сравнительнаго изученія релігій проникла и въ европейское общество, при чемъ полуобразованное и вовсе невѣдественное большинство отнеслось къ ней враждебно и сочло ее ересью, которая, въ своихъ непростительныхъ вольнодумствѣхъ, ставитъ на одну доску послѣдователей всѣхъ релігій. Противъ этой ереси папа издавалъ грозныя буллы. Новыя понятія, тѣмъ не менѣе, крѣпко держались въ умахъ; развиваясь постепенно, вмѣстѣ съ расширеніемъ круга научныхъ изслѣдованій, они повели въ послѣдствіи къ полному упадку релігійнаго фанатизма. «При невозможности классифицировать релігій по ихъ внутреннему и безусловному достоинству—говорилъ еще въ XIII вѣкѣ мыслящіе люди—ихъ приверженцамъ остается лишь сносить, взаимно уважать и отнюдь не преслѣдовать друг друга». Все это, конечно, не нравилось католицизму, считавшему себя верховнымъ благомъ людей, но папистскіе воли не въ силахъ были остановить развитія челоуѣческаго ума. Въ XVII столѣтіи, когда астрономія сдѣлала большіе успѣхи въ Европѣ, сами іезуиты отказываются уже отъ демоническаго происхожденія міроуовъ и видятъ въ нихъ естественное для днаго челоуѣка обожаніе явленій природы. Іезуитъ Шеферъ признавалъ въ борьбѣ Аполлона съ Тифономъ высушеніе болотъ дѣйствіемъ солнца, въ предсмертныхъ мученіяхъ Иракла—явленія грозы, громажденныхъ въ горахъ гигантами въ борьбѣ съ богами—гори тучъ, а въ самихъ гигантахъ—туманъ. Въ XVIII столѣтіи Вико, послѣдователь Бэкона, высказалъ уже начала, которыя легли въ основаніе современной теоріи міроуовъ. Первыми аксіомами Вико поставилъ: «когда челоуѣкъ останавливается по недостатку знанія, онъ беретъ себя міроуою всего»; «если челоуѣкъ не можетъ составить себѣ понятіе о вещахъ отдаленныхъ и невѣстныхъ, онъ судитъ о нихъ по вещамъ извѣстнымъ и присутствующимъ около него». Далѣе Вико говоритъ: «воображеніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе умственныя силы» и наконецъ: «прежде всего челоуѣкъ чувствуетъ, не замѣчая; потомъ онъ замѣчаетъ, поражается и волнуется и затѣмъ уже размышляетъ по происхожденію духа». Къ этому Вико прибавляетъ, что на происхожденіе міроуовъ имѣетъ большое вліаніе сбивчивость словъ, т.-е. забвеніе первоначальнаго смысла. Отсюда возникло у Вико убѣжденіе, что міоъ есть невольный и естественный процессъ, совершающійся въ первобытномъ челоуѣчествѣ. Какъ пѣсня предшествуетъ слову, а символъ—ясному обозначенію предмета, такъ точно поэтическое перенесеніе челоуѣческаго чувства и челоуѣческихъ формъ на все видимое и ощущаемое предшествовало логическому обсужденію вещей. Такимъ образомъ, міою не скрѣ-

васть всушествонно високой философіи (какъ это доказывалось прежде съ разными натажками и произвольными толкованіями), потому что, когда мнем создавались, скрывать человѣку было нечего, и никакой премудрости не обрѣталось въ наличности. Человѣкъ тогда еще ничего не зналъ, ни о чемъ не размышлялъ, и его философія заключалась лишь въ чувствованіяхъ и волненіи, вызываемомъ первыми ощущеніями. Съ теченіемъ времени, когда образовались семьи, общины и народы, человѣкъ сталъ любить свое собственное благо во благѣ семьи, общины и народа, къ которымъ онъ принадлежалъ. Невольно создавалъ онъ языкъ, и каждое слово этого языка было поэтической картинною, а вносѣдствіи — мнѣомъ. Невольно онъ создавалъ себѣ боговъ, переноса на окружающій міръ испытанныя имъ ощущенія; невольн же онъ сопровождалъ свое чувство страха и благоговѣнія различными движеніями, пѣніемъ и создавалъ культъ. Чѣмъ слабѣе было развитіе его ума, тѣмъ сильнѣе дѣйствовало его воображеніе и тѣмъ разнообразнѣе были его вѣрованія, тѣмъ важнѣе и существеннѣе была для него религіозная обрядность. Всеобщее существованіе религіи у первобытныхъ народовъ, всеобщее существованіе поэзи прежде прозы, басни прежде исторій есть для Вико неизбѣжный и всегда повторяющійся фактъ, неизбѣжная форма развитія общества. Всѣ эти мысли вошли, какъ сказано мы, въ теорію науки; Фейербахъ и др. только дополнили ихъ, систематизировали стройнѣе и обставили лучшими доказательствами.

Г. Афанасьевъ не касается въ своей книгѣ философскихъ положеній науки вѣрованій, и книга его представляетъ не больше, какъ добросовѣстный и, въ извѣстной степени, полезный трудъ собранія матеріаловъ для научныхъ выводовъ. Вся книга, составляющая продолженіе широко-задуманнаго труда, раздѣляется на семь главъ, въ которыхъ собраны поэтическія представленія славянъ объ огнѣ, водѣ, деревьяхъ, лѣсныхъ духахъ, о сотвореніи человѣка, о молніи, о великанахъ и карликахъ, населяющихъ землю. Рядомъ съ воззрѣніями славянъ авторъ сопоставляетъ поэтическия представленія другихъ народовъ аріискаго племени; между тѣми и другими оказывается близкое сходство, объясняемое одинаковостью условій, при которыхъ создавались народные мнем. Заимствованіе или подражаніе дѣйствовали тутъ всего менѣе, и нѣкоторый русскій ученый, неимѣющій повидимому понятія о сравнительномъ методѣ въ наукѣ, напрасно убивается надъ доказательствами, что всѣ произведенія русскаго народного эпоса переведены съ татарскаго языка... Дарчикъ, зтотъ открываетъ гораздо проще.

Въ главѣ объ огнѣ мы находимъ объясненіе многихъ, доннынъ существующихъ народныхъ вѣрованій и обрядовъ. Въ земномъ огнѣ древнѣйшія аріискія племена видѣли стихію, родственную съ небеснымъ пламенемъ грозы; огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, точно также прогоняетъ нечистую силу тьмы и хо-

лода и приготовить насущную пищу, какъ и молніи, разбивающія темныя тучи, дарующія землѣ теплые дни и урожаи; и огонь, и молнія равно наказываютъ людей пожарами. Однимъ изъ прозвищъ бога громовника въ Ведахъ было Агни, то-есть огонь. Этотъ богъ представлялся *водорождемъ*, то-есть рожденнымъ отъ дождеваго облака. Славяне называли огонь Сварожичемъ, сыномъ неба — Сварога. Древнѣйшій способъ добыванія огня у индѣйцевъ, персовъ, грековъ, германцевъ и литовско-славянскихъ племенъ былъ слѣдующій: брали обрубокъ изъ мягкаго дерева, дѣлали въ немъ отверстіе и, вставляя туда твердый сукъ, обитый сухими травами, веревкомъ или паклею, вращали до тѣхъ поръ, пока не проявлялось отъ тренія пламя; вмѣсто деревяннаго обрубка употреблялась и втулка отъ стараго колеса. Такъ-какъ гроза, разбивая тучи, выводитъ изъ-за нихъ солнце и какъ бы возвращаетъ ему свѣтъ, то отсюда естественно возникла мысль, что богъ-громовникъ возжигаетъ свѣтлыиикъ весенняго солнца, потушенный демономъ мрака. Тотъ же способъ добыванія огня, въ которомъ прыжокъ челоувѣкъ въ своемъ быту, видѣлся ему и въ небѣ: въ глубочайшей древности создано вѣрованіе, что богъ-громовникъ вращаетъ, какъ буравъ, свою молніеносную палицу въ ступицѣ колеса-солнца или въ деревѣ-тучѣ и чрезъ то вызываетъ пламя грозы. Стремительная, окрѣпленная молнія олицетворялась обыкновенно въ образѣ быстролетныхъ птицъ орла и сокола; тотъ же образъ придавался и богу Агни. Въ одномъ изъ старинныхъ апокрифовъ есть любопытный отголосокъ преданія о происхожденіи огня. На вопросъ: «какъ огонь зачался?» сказано, что архангелъ Михаилъ (замѣнившій въ суевѣрномъ воображеніи воинственнаго громовника) возжегъ «его отъ земли божьей, то-есть отъ всевидящаго ока солнца и принесъ на землю»; точно также огонь, похищенный Прометеемъ, былъ возженъ имъ отъ солнечной колесницы. Множество примѣтъ, повѣрій и обрядовъ, доселѣ живущихъ у литовско-славянскихъ народовъ, свидѣтельствуетъ о старинномъ поклоненіи огню, какъ ствѣи божественной и эмблемѣ грозоваго пламени. Зажигая вечеромъ лучину, ночникъ или свѣчу, русскіе простолюдины крестятся; если же огонь долго не задувается, то приговариваютъ: «святой огонешекъ! дайся намъ». Будетъ ли внесена въ темную комнату зажженная свѣча, ее встрѣчаютъ съ крестнымъ знаменіемъ, точно также, какъ существуетъ обычай креститься при ударахъ грома или молніи. Чехи называютъ огонь—божьимъ. Плевать на огонь — величайшее несчастіе: за такое оскорбленіе святыхъ, на губахъ и языкѣ виноватаго высыпаютъ прыщи, называемые *огниками*; дѣтямъ часто говорятъ: «не шпѣй на огонь, а то огникъ всочить!» Горящую лучину или свѣчу должно гасить благоговѣнно: пламя задувать губами, нагаръ снимать пальцами; погасить же огонь какъ понало, то-есть ударить лучину объ полъ или затоптать ее ногами — считается

большимъ грѣхомъ, за который раздраженная стихія отплатитъ пожаромъ въ домъ нечестивца. Между крестьянами Самарской губерніи донинѣ держится повѣрье, что тушить пожары (чѣмъ бы они ни были вызваны) — грѣшно; въ другихъ мѣстностяхъ мнѣніе это прилагается только къ строениямъ, зажженнымъ молніей. Литовцы, когда случится пожаръ, обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія кусокъ освященнаго хлѣба и потомъ бросаютъ въ пламя, чтобы умилостивить гнѣвную стихію и пріостановить ея разрушительное дѣйствіе. Съ именемъ Іоанна Крестителя слились древнія вѣрованія въ дождящаго Перуна; четвертъ былъ день, посвященный громовнику, и особенное почтеніе воздается этому дню на страстной недѣлѣ, какъ предшествующей празднику весенняго воскресенія природы; вотъ почему свѣчи крещенская и четверговая получили въ народныхъ обрадахъ символическое значеніе молніеноснаго пламени, возжигаемаго Перуномъ. То же значеніе придано и вѣнчальной свѣчѣ, такъ-какъ въ лѣтнихъ грозахъ совершался брачный союзъ бога-громовника съ облачною дѣвою. Отъ домашняго очага, у котораго священнодѣйствоваль представитель рода, и вся изба получила въ главахъ азмчника религіозное значеніе. Какъ кровь, свидѣтельствующій о бытѣ предковъ, какъ мѣстопребываніе родоваго бога-пената, изба должна была пользоваться благоговѣйнымъ уваженіемъ всѣхъ родичей. Большій или меньшій почетъ, воздаваемый различнымъ частямъ избы, усложняется большою или меньшею близостью ихъ къ очагу; самый же очагъ, на которомъ пылалъ огонь, охраняющій цѣлость и счастье родственнаго союза, былъ главною святынею. Поэтому изба для славянна была не только домомъ въ обиходномъ смыслѣ этого слова, но и храмомъ, въ которомъ обитало свѣтлое, дружелюбное божество и гдѣ совершались ежедневныя жертвоприношенія и мольбы. Этимъ поклоненіемъ очагу легко объясняется и славянское гостепріимство. Всякій странникъ, иноплеменникъ, входя подъ кровъ дома, вступалъ подъ защиту его пенатовъ; садясь подлѣ очага, отдаваясь подлѣ охраны разведеннаго на немъ огня, онъ тѣмъ самымъ дѣлался какъ бы членомъ семейства, подобно тому, какъ невѣста, приводимая въ домъ жениха, только тогда считалась къ его родственному союзу, когда трижды обходила вокругъ затопленной печи. «Кто сидѣлъ на печи, говорить русскій простолуднякъ, тотъ уже не гость, а свой». Не принять странника, обидѣть гостя, значило нарушить уваженіе къ сватнѣ очага, къ кровнымъ, семейнымъ связямъ — грѣхъ самый ужасный по понятіямъ патриархально-воспитаннаго человѣка. «Оттого гостепріимство — справедливо замѣчаетъ г. Афанасьевъ, вопреки мнѣнію сантиментально-патріотическихъ историковъ — не составляетъ исключительной принадлежности славянъ, а есть черта общая и всѣмъ первобытнымъ народамъ. Теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей Сѣверной Америки и кавказскихъ горцевъ, продолжающихъ жить

въ родовомъ битѣ, какъ прежде хвалили за то склеовъ. На Кавказѣ еще недавно гостю передавалось право старшаго въ семьѣ; за обиду, нанесенную ему, угрожала мечь цѣлаго аула, и самые родичи съ преврѣніемъ отступались отъ виновника такого нечестиваго дѣла. По греко-римскому обычаю, чужеземецъ, являясь просителемъ, садился на пещѣ домашняго очага и чрезъ то приобреталъ право на защиту и помощь домохозяина. Нарушить долгъ гостепримства признавалось за оскорбленіе Зевеса; по свидѣтельству Одиссея:

Мстить за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный Кроноикъ,
 Богъ-гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ.

Ни одинъ народъ, — говоритъ Тацитъ, — не бываетъ такъ внимателенъ къ гостямъ, какъ германцы; отказать кому-либо отъ своего дома считается безчестіемъ; каждый угощаетъ пришельца, смотра по состоянію, а въ случаѣ недостатка ведетъ его въ соседній домъ, гдѣ вхъ обонхъ принимаютъ съ радушіемъ, не различая знакомаго отъ незнакомаго; пожелаетъ ли гость получить что-нибудь въ подарокъ, просьба его не можетъ быть не исполнена. Юлій Цезарь замѣчаетъ о галлахъ, что они считаютъ беззаконіемъ оскорбить гостя; особа его священна, ему всадъ доступъ и все, что только припасено въ домѣ, отдается на его угощеніе. Тѣ же обычаи соблюдались и славянами; у нихъ, во словамъ Гельмольда, позволительно было даже украсть для того, чтобы достойно употчивать гостя; напротивъ, обида, причиненная гостю, влекла за собою общественную мечь: сожженіе «дома». Выходитъ, что вичиться этому добродѣтелю намъ нечего; она — вовсе не нашъ исключительный удѣлъ и свойственна, безъ различія, всѣмъ дикарямъ, у которыхъ чувство челоуѣколюбія, присущее развитому субъекту, замѣняется страхомъ предъ Богомъ-громовикомъ. Что это именно страхъ, а вовсе не челоуѣколюбіе, какъ привыкли понимать его просвѣщенные люди, доказывается тѣмъ, что чергесь, наиримѣръ, выпровадивъ съ миромъ своего нравнаго врага, случайно забредшаго въ саму, идетъ за нимъ слѣдомъ и убиваетъ его въ полуверстѣ отъ домашняго очага. У славянъ также, при всемъ хваленомъ гостепримствѣ, существовала кровная мечь, и христіанство, принявшее къ намъ вначалѣ только свою обрядную сторону, долго не могло искоренить этотъ варварскій обычай.

Въ силу того же закона, по которому всѣ стихійные боги облекались въ челоуѣческія формы, огонь, хранимый на домашнемъ очагѣ, былъ олицетворенъ у славянъ въ пластическомъ образѣ дѣдушки-домоваго. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской губерніи хозяева, до сихъ поръ, держатъ обычай ставить за ужиномъ особый приборъ домовому и откладывать для него ве-большую долю отъ всякаго кушанья; когда всѣ уснутъ, домовой приходитъ и ужинаетъ остатками; если жъ позабудутъ это сдѣлать, то онъ гнѣвается и опрокидываетъ ночью столы и лавы.

Какъ домашній, родовой очагъ былъ первымъ жертвенникомъ, такъ домовладѣца, глава рода, былъ первымъ жрецомъ, первымъ служителемъ боговъ. Такое явленіе необходимо условливалось патриархальнымъ бытомъ первобытныхъ племенъ и ихъ религіозными воззрѣніями, въ силу которыхъ, съ пламенемъ, возмѣненнымъ на домашнемъ очагѣ, соединялось представленіе о Богѣ-охранителѣ родственнаго союза и семейнаго счастья. Тѣ же лица, которыя заведывали очагомъ, разводили на немъ огонь и приготовляли пищу, были и совершителями священныя обрядовъ; такія хозяйственныя и религіозныя обязанности лежали на старшихъ въ родѣ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ и полною властью распорядиться въ домѣ. Какъ служитель очага, домовладѣца носилъ у славянъ имя *омнищанина*. Донныя удѣлѣвшіе народныя обичаи живо свидѣтельствуютъ о томъ бого-служебномъ значеніи старшаго въ родѣ, какое нѣкогда принадлежало ему. Въ Малороссіи и теперь, наканунѣ новаго года, хозяинъ исполняетъ тотъ же самый обрядъ, какой, по свидѣтельству Саксона-граматика, совершалъ въ старину жрецъ во время святовитова праздника: онъ садится за столъ, уставленный всякаго рода печеньями, и послѣ обычнаго замѣчанія домо-чадцевъ, что его не видно изъ-за приготовленныхъ яствъ, молить объ урожаѣ будущаго года. Изстари родоначальники назывались у славянъ князьями, которые и соединяли въ своихъ рукахъ власть правительственную. Слово князь, первоначальный смыслъ котораго указываетъ на отца, основателя рода, донныя въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ удерживаетъ значеніе господина, правителя, сельскаго старосты и священника (по чешски *kněz*, значитъ, попъ; *knězstvo* — духовенство). Когда, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественнаго быта славянъ, отдѣльные роды стали сливаться въ племенные союзы, а власть князя расширилась — и въ это время она не утратила своего теократическаго характера. Подобно тому, какъ наряду съ родовыми очагами возникаетъ представленіе о племенномъ и всенародномъ очагѣ, такъ рядомъ съ домовладѣцами, охранителями семейнаго единства и служителями боговъ въ тѣсномъ кругу родичей, великій князь пользуется правами верховнаго жреца, служителя предъ алтаремъ того священнаго огня, который собиралъ вокругъ себя всѣхъ отдѣльныхъ родичей. При совершеніи общественнаго богослуженія князь является впереди, какъ пастырь народа. Лѣтописецъ Несторъ ни разу не упоминаетъ объ особенныхъ жрецахъ у славянъ, а напротивъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ должны бы дѣйствовать жрецы, еслибы они существовали, какъ отдѣльный классъ, говоритъ о князѣ и боярахъ. Такъ, напримѣръ, великій князь Владиміръ ставитъ кумиры въ Кіевѣ возлѣ своихъ теремовъ, а дядя его Добрыня — въ Новгородѣ; послѣ побѣды надъ ятвягами Владиміръ «творилъ потребу кумирамъ» съ людьми своими, старцами и боярами; съ боярами же и градскими старцами разсуждаетъ этотъ князь о принатіи

христианства; по его новеллѣннѣю падаютъ идоли и воздвигаются храмы. У чеховъ, по свидѣтельству градедворской рукописи, жреческія обязанности лежали на старшихъ въ родѣ — на отцахъ семействъ и военачальникахъ. Въ эпоху Гомера греческіе цари и полководцы были также и жрецами; такъ поэтъ разсказываетъ о жертвоприношеніи, совершенномъ Несторомъ въ честь Аонны. Тамъ, гдѣ власть переходила въ руки царицы, она совершала и общественное богослуженіе; при ней состояли дѣвы, обязанности прислуживать при жертвенныхъ обрядахъ. Примеръ княгини Ольги и чешское преданіе о Любушѣ доказываютъ, что и въ славянскомъ мірѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, старѣйшинство могло переходить на женщину, а вмѣстѣ съ тѣмъ переходили на нее и религіозныя обязанности. Въ этомъ образованіи княжеской и царской власти изъ власти древняго патриарха врется объясненіе, почему съ древнѣйшихъ временъ съ самою верховнаго правителя соединялась идея таинственнаго освященія. Какъ лица, священнодѣйствующія предъ алтарами пенатовъ и, потому, состоящія въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ міромъ боговъ, старцы и великій князь повѣдывали ихъ непреложную волю и устанавливали на землѣ правду; въ силу этого самый судъ получалъ религіозное значеніе и совершался предъ священнымъ пламенемъ, обливающимъ кривду. Помятія суда, управы и домашнего хозяйства, то-есть стражи у очага поставлены въ явнѣ въ близкую связь; такъ слово *обрядъ* означаетъ порядокъ, введенный закономъ или обычаемъ, и «*обрядомъ*» же называется въ крестьянскомъ быту всякое занятіе по кухнѣ: обрядиться — значитъ приготовить гушанье. У насъ существуетъ примѣта, связывающая со стихіей огня представленіе о власти и преимуществѣ: во время вѣнчанія совѣтуютъ невестѣ держать свою свѣчу выше жениховой, чтобы впоследствии властвовать надъ мужемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общинное устройство болѣе и болѣе брало перевѣсъ надъ разрозненностью родовъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ великокняжескаго управленія на болѣе широкихъ основаніяхъ, начинаетъ развиваться и публичный характеръ богослуженія религіозныхъ игръ и празднествъ. На эти игры и празднества роды сходятся «межъ селы» и совершаютъ изъ общаго; избранныя для этого мѣста — прибрежья рѣкъ и озера, дѣса и горы — мало по малу получаютъ особенную святость въ глазахъ окрестнаго населенія; здѣсь воздвигаются жертвенники (требища) для сожженія приносимыхъ народомъ жертвъ; здѣсь же, для общаго поклоненія, ставятся и кумиры боговъ. Идолы и жертвенники совпадаютъ также и въ мѣстахъ главныхъ поселеній, огражденныхъ крѣпкими стѣнами отъ набѣговъ непріятеля (въ «городахъ»), гдѣ живутъ власти — князья и куды сходятся на вѣчевыя сходки старѣйшины отъ всѣхъ подвластныхъ имъ родовъ. Впоследствии сами эти святилища начинаютъ обносить оградами и завѣшивать покрывами, чтобы защитить ихъ отъ вліянія непогоды и отъ святотатствен-

нихъ покушеній; такимъ образомъ, возникаютъ языческіе храмы. Въ это же время дѣлается необходимымъ, чтобы изъ массы народа выдѣлились почетныя, всѣми уважаемыя лица, которымъ можно было бы вѣрнуть надворъ за достояніемъ храмовъ; чувствуется нужда въ людяхъ, которые бы исключительно посвятили себя дѣлу религіи. Къ тому же ведетъ и осложненіе мнѣнческихъ сказаній и образованіе цѣлой системы различныхъ обрядовъ. Прежде, въ отдаленную старину, сказанія о богахъ были общедоступны и самый языкъ молитвъ былъ понятенъ для всякаго. Но когда божества изъ стихійныхъ явленій природы облекаются въ животныя и человѣческія формы, получаютъ субъективныя страсти и побужденія, тогда, естественно, и тѣ выраженія, которыя были понятны въ приложеніи къ простымъ явленіямъ природы, дѣлаются загадочными въ отношеніи къ олицетвореніямъ ихъ; каждая метафора, коренной смыслъ которой утратился, служить зерномъ, изъ котораго вырастаетъ мнѣнческое сказаніе или обрядъ; возникаетъ множество басенъ, перепутанныхъ между собою, множество примѣтъ и чаръ, составляющихъ сущность языческаго вѣроученія.

Семейная память уже не можетъ сберечь все это богатое наследіе предковъ. Знать разнообразныя мнѣя, помнить зачатія и сложную обстановку разныхъ обрядовъ, употребительныхъ при религиозныхъ очищеніяхъ, врачеваніяхъ, судебномъ разбирательствѣ, становится все труднѣе и труднѣе, и изъ среды народа выдвигаются личности, спеціально отдавшіяся «священному вѣдѣнію». Эти люди, одаренные обыкновенно большими способностями: умомъ, бойкимъ словомъ, поэтическою фантазіею, дѣйствуютъ подъ религиознымъ увлеченіемъ; но впоследствии, при упадкѣ народныхъ вѣрованій, становятся аномальными члутами, которые, какъ римскіе авгуры, смѣются въ глаза другъ другу. Всего вѣроятнѣе, что эти волхвы, кудесники, люди вѣщія выходили сначала изъ среды тѣхъ же старѣйшинъ, которые управляли родовымъ культомъ. Изъ нихъ же образуется, съ теченіемъ времени, каста жрецовъ. «Нѣтъ сомнѣнія — говоритъ г. Афанасьевъ—что при болъшей окрѣпости публичнаго богослуженія у восточныхъ славянъ, нѣкоторые изъ вліятельныхъ волхвовъ могли бы усвоить себѣ исключительное жреческое значеніе и образовать отдѣльный іерархическій классъ; но такой прогрессъ не успѣлъ завершиться, какъ было водворено христіанство. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что конечное развитіе на Руси язычества, по отношенію къ культу, представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо свидѣтельствуютъ о его переходномъ состояніи изъ религіи отдѣльныхъ родовъ и племенъ въ религію общинную, всенародную».

Такъ же добросовѣстно собралъ г. Афанасьевъ факты въ другихъ главахъ своей книги: о водѣ, молніи и пр. Здѣсь видимъ ми, какъ обыкновенныя на нашъ взглядъ явленія природы принимали въ фантазіи дикарей формы морскихъ царей, русалокъ, змѣвъ-горыни-

чей и проч. Шумный плескъ воды, стремительное ея движеніе, заставлявшіе видѣть въ ней нѣчто живое и могущественное, паденіе воды съ небесъ въ видѣ дождя, росы и снѣга, ея плодотворное участіе во всѣхъ отправленияхъ жизни — все повело къ боготворенію этой стихіи. Вѣруя въ небесное ея происхожденіе, фантазія отдала море, рѣки и озера въ завѣдываніе особымъ богамъ, духамъ и нимфамъ.

Къ сожалѣнію, г. Афанасьевъ смѣшиваетъ подъ одними рубриками часто языческія представленія народа съ представленіями позднѣйшими, которыя образовались изъ соединенія языческихъ взглядовъ съ христіанскими. Такимъ образомъ черты переходнаго времени, когда народъ нашъ, разрушивъ языческія капища, заимствовала изъ христіанства одну только фразеологію, которой и прикрылъ прежнія представленія о природѣ — эти любопытныя черты съ трудомъ улавливаются въ книгѣ г. Афанасьева, такъ какъ онѣ разбросаны въ разныхъ ея мѣстахъ. А между тѣмъ въ нашей литературѣ есть уже по этому предмету интересныя статьи г. Шапова, напечатанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія подъ названіемъ: «Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія». Изъ этихъ статей можно убѣдиться до послѣдней степени наглядности, что христіанскія понятія, по крайней-мѣрѣ, на первыхъ порахъ, не вытѣснили языческихъ, а только амальгамировались съ ними, образуя самыя разнообразныя сочетанія по закону ассоціаціи представленій.

Стараясь уничтожить — говоритъ г. Шаповъ — народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность силъ и явленій природы, церковные учителя внушили народу, что надъ каждою стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставляетъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI-го вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Критскаго на Книгу бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и пр., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями для народнаго чтенія. Такъ напр. читаемъ въ Соловецкомъ сборникѣ: «Богъ сотвори отъ начала до седьмаго дня — въ первый день небеса вышняя и землю, и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащіи передъ ними суть сіи ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мглѣ, и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ, и осени».... Такія статьи читали народные грамотники и подъ часъ прочитывали и пересказывали народу. Самъ народъ нерѣдко могъ слышать подобное ученіе о духахъ грома, молніи, дождя и вр. въ церкви, гдѣ читалось подобное толкованіе Епифанія; могъ слышать его и отъ монаховъ-грамотниковъ, которые толпами

бродили тогда по деревнямъ, особенно отъ старцевъ посельскихъ могъ слышать въ столь обычной въ древней Россіи бесѣдѣ съ подвижниками, которые, какъ напр. Кириллъ Вѣлосерскій, любили иногда заниматься такими библейско-физическими созерцаніями. И вотъ неудивительно, что грамотный народный и даже сельскіе колдуны и колдуньи стали вѣрить, что повсюду въ природѣ пребываютъ и дѣйствуютъ особые ангелы — духи; не подозрѣвая невидимыхъ силъ и законовъ физическихъ, стали видѣть ангеловъ въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ прежде видѣли Перуновъ, Хорсовъ и т. д.» Въ своемъ поэтическомъ міросозерцаніи народъ видѣлъ ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. Въ народномъ травникѣ читаемъ: «есть трава именемъ архангелъ, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ, тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ и синь. Та трава весьма добра: кто ее рветъ на Ивановъ день сквозъ златую или серебряную гривну, и та трава носить, и тотъ чловѣкъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго чловѣка.»

Святые играли еще болѣе важную роль въ народномъ міросозерцаніи, чѣмъ ангелы. Они замѣнили собой языческихъ героевъ и полубоговъ. Въ нашемъ народномъ міросозерцаніи съ такимъ полумиѣстическимъ характеромъ и значеніемъ являются пророкъ Ілія, Георгій Храбрый, Іоаннъ Креститель, Власій — и др. святые. Извѣстно, что народъ нашъ доннѣ объясняетъ явленіе грома в молніи тѣмъ, что Ілія пророкъ ѣздитъ по небу въ огненной колесницѣ, разгоняетъ нечистую силу и проливаетъ дождь на землю. По мнѣнію г. Шапова, происхожденіе такого мѣта объясняется нашей древней литературой. Впервыхъ, въ сборникахъ помѣщались такіа объясненія молній: «Молнія есть сіяніе огня, сушаго вверху на тверди; небесный же огонь то ты разумѣй огонь сущій, его же Ілія молитвою сведе на полѣна и на всеожженіе»; ввторыхъ, въ канонахъ церковныхъ часто встрѣчались выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «*возрешъмъ* Ілія яко на огненной колесницѣ, чистотою востече въ небесныя жилища.» Слыша такимъ образомъ, что Ілія ниводитъ огонь на землю, что онъ гремитъ колесницей, народъ, еще настроенный къ миѣстическому олицетворенію явленій природы, легко могъ понять буквально всѣ эти образныя выраженія и принять ихъ за физическую дѣйствительность. Такимъ образомъ Ілія пророкъ сталъ въ его міросозерцаніи тѣмъ, чѣмъ прежде былъ Перунъ, огненосный и тученосный громовержецъ, также развѣзжавшій по небесному кругу на огненныхъ коняхъ. Точно также съ именемъ Іоанна Предтечи слыхось миѣологическое представленіе объ Иванѣ Купалѣ, — и въ нашемъ народѣ образовался и до сихъ поръ держится во многихъ мѣстахъ замѣчательный религіозный агломератъ, который многіе ученые называютъ «двоевѣріемъ». Исторію этого двоевѣрія полезно изучать для пониманія многихъ явленій въ древней русской жизни.

НОВЫЯ КНИГИ.

Гражданскій бракъ. *Комедія въ 5 дѣйствіяхъ* Н. И. Чернавскаго. *Съ предисловіемъ автора о значеніи брака.* Изданіе второе. Спб. 1868.

Съ легкой руки г. Львова (автора комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей»), въ русской литературѣ образовалась совершенно новая школа, которая поставила цѣлью своихъ усилій утверждать утвержденное, защищать защищенное и ограждать огражденное. Школа эта считаетъ нынѣ въ своемъ составѣ довольно значительное число композиторовъ, хотя и слабыхъ талантами, но сильныхъ благонамѣренностью дѣрзновенія. Общій характеръ дѣятельности этихъ сочинителей, ихъ внутреннее направленіе заключаются въ томъ, что отрицательное отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ бесплодно, что это занятіе фальшивое и невыгодное, и что, наконецъ, въ виду извѣстныхъ данныхъ, громко вопіющихъ о прогрессѣ, несвоевременно и несправедливо указывать на какія-то пятна, безъ которыхъ не можетъ обойтись даже солнце. Сверхъ того, они проводятъ ту мысль, что въ настоящее время не отрицать и обличать, а «любить» должно. И вотъ, они принялись «любить» и отыскивать въ русской жизни тагъ-называемыя положительныя стороны.

(Оговоримся прежде всего, что выраженіе «отрицаніе» употребляется здѣсь совершенно неправильно. По крайней-мѣрѣ, мы не можемъ указать въ нашей литературѣ ни на одинъ примѣръ отрицанія, который бы не имѣлъ въ основаніи своемъ положенія самаго яснаго и твердаго. Скорѣе всего, направленіе, о которомъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ назвать не отрицательнымъ, а сознательнымъ и основаннымъ на анализѣ).

Какимъ путемъ сошло къ упомянутымъ писателямъ убѣжденіе въ бесплодности сознательнаго отношенія къ жизни—объяснить довольно трудно. Какъ ни ясны тѣ громко вопіющія о прогрессѣ данныя, о которыхъ говорено выше, но нельзя же утверждать серьезно, чтобы мы до того пресытились благами прогресса, что только и остается оградить свои головы отъ всякихъ дальнѣйшихъ выводовъ мысли, и затѣмъ, по выраженію старинной пословицы, начать жить да поживать. Думаемъ, что писатель самый мыслелюбивый согласится, что въ обществѣ нашемъ далеко не всѣ предрасудки истреблены, не всѣ злоупотребленія искоренены, и что хотя золотой вѣкъ и близко, но все же

надобно обладать довольно длинною рукою, чтобъ имѣть право сказать: вотъ онъ, рукою подать! Слѣдовательно, убѣжденіе въ абсолютной бесплодности анализа не могло выйти изъ наблюденій надъ жизнью, такъ-какъ эта жизнь на каждомъ шагѣ доказываетъ, что дѣло сознательной мысли ни мало не истощилось. Съ другой стороны, ежели считать поводомъ къ утверженію подобнаго убѣжденія то обстоятельство, что анализирующая, нелегко принимающая на вѣру мысль, нерѣдко впадаетъ въ преувеличенія, а всего чаще грѣшитъ несвоевременностью, то и таковой поводъ едва-ли можетъ быть признанъ согласнымъ съ дѣйствительностью. Оглянитесь кругомъ, всмотритесь ближе въ нашу литературу, и вы убѣдитесь, что участіе въ ней отрицающей мысли далеко не столь ощутительно, чтобы представлять что-нибудь угрожающее. Три, четыре писателя, чьихъ произведенія, однакъ, совѣзмъ не имѣютъ свойствъ пороха или гремучаго серебра—это столь малая капля въ океанѣ благонамѣренности, что можетъ успокоить даже человѣка самаго подозрительнаго. Да притомъ, если уже говорить о преувеличеніяхъ отрицающей мысли, то не мѣшаетъ при этомъ принять въ соображеніе, вопервыхъ, что, для признанія извѣстной мысли ложною нужно прежде всего доказать, что она несправедлива и распространяетъ въ обществѣ невѣжество (въѣ этого обвиненія, по нашему мнѣнію, нивакое иное не можетъ быть признано за серьезное), и вторыхъ, наконецъ, что ежели мысль и признана будетъ ложною, то и въ такомъ случаѣ она представляетъ собой не что иное, какъ простое предложеніе, которое всякій воленъ принять или не принять. Что же касается до несвоевременности извѣстныхъ убѣжденій, то аргументъ этотъ довольно сомнительный: вѣдь у насъ, въ иныхъ сферахъ общества, даже естественныя науки признаются несвоевременными и вредными.

И такъ, всѣ эти разглагольствованія насчетъ пресыщенія прогрессомъ, несвоевременности и преувеличенія въ некоторыхъ требованій отрицающей мысли, всѣ эти убавивающія размышленія о томъ, что міръ Божій прекрасенъ, и что людямъ остается только скромно себя вести, оказываются несостоятельными и совершенно несоотвѣтствующими дѣйствительности. Ежели намъ выставляютъ ихъ на показъ, то мы должны принимать эти заявленія съ крайнею осторожностью, ибо это, такъ сказать, парадныя одежды, которыми прикрывается весьма непарадный хламъ. Странно защищать то, что уже само по себѣ защищено какъ нельзя болѣе; странно укрѣплять то, что уже собственными средствами укрѣпилось на славу. Жаловаться, показывать рвеніе и выходить изъ себя въ этомъ случаѣ—значитъ только портить дѣло, значить наводить на публику сомнѣніе въ дѣйствительной вѣрности и огражденности тѣхъ самыхъ интересовъ, на защиту которыхъ мы осполчаемся.

Въ сущности, есть третья, совѣзмъ не парадная причина, которая заставляетъ насъ приходиться къ заключенію о бесплодности

отрицанія и о необходимости «любить». Причина эта, сколько ни можем догадываться, заключается въ томъ весьма некрасивомъ положеніи, которое занимаетъ въ нашемъ обществѣ анализирующая мысль. Въ самомъ дѣлѣ, писатель, который не умѣетъ отличить прогресса достаточнаго отъ прогресса преувеличеннаго, который не понимаетъ, что первымъ слѣдуетъ удовлетвориться, а втораго избѣгать, едва-ли можетъ имѣть много шансовъ на успѣхъ. То цивилизованное большинство, которое держитъ въ своихъ рукахъ судьбу писателя, любитъ отдохнуть отъ трудовъ по части прогресса, и потому съ нетерпѣніемъ смотритъ на тѣхъ, которые дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ слишкомъ настойчиво и назойливо. Дѣятелю этого рода оно безцеремонно говоритъ: погоди! развѣ ты не видишь?—и ежели онъ продолжаетъ не видѣть, то ни мало не медя отменяетъ его отъ общенія съ жизнью. Понятно, что такого рода перспектива представляетъ очень мало интереснаго: во-первыхъ, она дѣлаетъ хлѣбъ писателя чрезвычайно черствымъ; во-вторыхъ, она ставитъ писателя въ чрезвычайно фальшивое положеніе между наставленіями образованнаго большинства и требованіями жизни, которыя могутъ возникать и помимо этихъ наставленій. Если же мы припомнимъ, что, кромѣ требованій жизни, имѣются требованія еще болѣе настоятельныя и обязательныя для честнаго литературнаго дѣятеля—требованія собственной его мысли—то крайняя напряженность дѣятельности, поставленной между запросами, столь несовмѣстимыми, сдѣлается въ глазахъ нашихъ еще болѣе рельефною.

Очувившись на этомъ вынужденномъ распутіи, писатель, отстаивающій право мысли на дальнѣйшіе выводы, не можетъ не почувствовать сразу, что положеніе его во многихъ отношеніяхъ очень стѣснительно. Съ одной стороны, давленіе наставленій образованнаго большинства на столько сильно, что не считаться съ нимъ невозможно. Какъ ни пренебрегайте имъ, какъ ни старайтесь его обойти, оно непременно настигнетъ васъ, и настигнетъ именно потому, что свойства его чисто механическія. Можно сдѣлать доступными всякія дебри, можно, при помощи известной суммы усилій, расчислить глухія трущобы, можно песни сдѣлать плодоносными, но противъ глухой стѣны, мысль человѣческая остается безсильною, если не навсегда, то, по крайней-мѣрѣ, на долгое время. Повидимому, при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, остается одно изъ двухъ: или пригнаться, или же осудить себя на вынужденное бездѣйствіе; но оба эти выхода представляютъ очень много неудобствъ, съ которыми почти невозможно примириться. Искусственное самодовольство и напускныя умиленія такъ мало естественны, что мысль даже достаточно развращенная не можетъ долго выдержать ту нравственную смуту, которая сопряжена съ подобнаго рода ремесломъ. Она выскажется невольно, выскажется помногу намѣренной ея обладателя, и тѣмъ ярче явятся ея очертанія, чѣмъ темнѣе и тяжелѣе былъ предшествовавшій плѣтъ. Примѣры такого

рода возвратовъ встрѣчаются до такой степени часто, что писатели даже самые отчаяннѣе—и тѣ не рѣшаются дѣйствовать на голо, но всегда стараются дрянные поползновенія перепутать благоприличными внѣшними формами и украсить нѣкоторыми не поскудными изрѣченіями. Что же касается до насильственнаго бездѣяствія мысли, то на него, очевидно, можно смотрѣть не иначе, какъ на болѣзнь, отъ которой всякій живой организмъ стремится освободиться во что бы то ни стало. И вотъ какимъ образомъ, при давленіи цивилизованнаго большинства и при невозможности вполнѣ свободно примириться съ этимъ давленіемъ, отрывается третій и единственно возможный для мыслящаго человѣка исходъ — это удовлетворять потребности мышленія на собственный свой рискъ.

Невыгоду этого риска очень хорошо поняли писатели, избравшіе себѣ профессію «любить» во что бы то ни стало (какъ будто бы нельзя любить и въ то же время сохранять за собой свободу мысли и отношеній). Мы, конечно, не имѣемъ основанія да и не хотимъ объяснять этотъ фактъ какими-либо своекорыстными побужденіями упомянутыхъ писателей, но, очевидно, что въ основѣ его все-таки лежитъ недальновзоркость довольно замѣчательная. Недальновзоркость эта заставляетъ человѣка привязываться къ интересамъ ближайшимъ и осязаемымъ и въ пользу ихъ жертвовать интересами болѣе отдаленными. Жить не волнуясь, сдерживать свою мысль въ границахъ требованій дня, презрительно относиться ко всемъ предвидѣніямъ будущаго—вотъ девизъ тѣхъ дѣятелей, которые собрались осчастливить русское общество своею «любовью». Нельзя спорить, что съ точки зрѣнія гигиенической это девизъ не бесполезный, но невозможно отрицать и то, что ежели дѣлое общество начнетъ руководиться подобными принципами, то едва-ли оно далеко пойдетъ на пути преуспѣянія. Способность отворачиваться отъ вопросовъ есть способность мертвая и очень мало свидѣтельствующая въ пользу того, кто обладаетъ ею, и человѣкъ, который надѣленъ этимъ добромъ въ излишество, который смотритъ на общество, какъ на что-то замкнутое, порѣшившее со всеми сомнѣніями, несомнѣнно опаснѣе даже того, кто усиленно побуждаетъ общество къ развитію дѣятельности. Нѣтъ злѣе тревоги, какъ тревога апатія, несмотря на то, что выраженіе «тревога» и «анатія» на первый взглядъ кажутся несовмѣстными. Если вы видите передъ собой человѣка лѣниваго и вялаго, не думайте, что эта вялость равносильна отсутствію тревогъ. Въ этомъ-то именно субъектъ и свила тревога настоящее гнѣздо свое. Онъ тревожится постоянно; тревожится и за то, чего онъ не сдѣлалъ, и за то, что ему еще предстоитъ сдѣлать. Но ежели отдѣльная личность увядаетъ и погибаетъ жертвою подобной тревоги, то это еще небольшая потеря съ точки зрѣнія общей экономіи жизни; дѣло принимаетъ оборотъ несравненно болѣе серьезный, когда дѣлое общество поражается вялостью мысли,

когда въ дѣлѣ обществѣ закрадывается опасеніе о томъ, что оно не сдѣлало, и о томъ, что ему предстоитъ сдѣлать... Спршивается: чего больше заслуживаютъ въ этомъ случаѣ благоумѣренныя убавкиватели общества—похвалы или порицанія?

Искатели положительныхъ сторонъ русской жизни появились въ нашей литературѣ послѣ очень значительнаго перерыва, а притомъ въ весьма недавнее время. Прежде этимъ искательствомъ занимался едва-ли не одинъ Ѳ. В. Булгаринъ, въ писаніяхъ котораго какъ-то странно дѣлились рядомъ и добродѣтели россіянъ и свѣже-привезенныя къ Елисееву устрицы. Умеръ Булгаринъ—и съ нимъ вмѣстѣ на время умолкла апологія устрицъ и добродѣтели. Необулгаринской школѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, г. Львова, который раздвѣлъ и увялъ гораздо ранѣе) суждено было возникнуть въ 1862 году при заревѣ пожаровъ, опустошавшихъ Петербургъ. Тогда раздвѣли самые пышные дѣтны этого нигилизма положительнаго, нигилизма несомнѣвающагося, нигилизма удовлетвореннаго, въ противоположность нигилизму отрицающему, сомнѣвающемуся и ищущему. Тогда раздвѣли тѣ пламенные любовники Россіи, которые такъ много накричали про свой пламень, что многіе даже опасаются, какъ бы усиленное дѣвтеніе этого новаго рода орхидей не повело за собой столь же усиленнаго и быстрого увяданія. Вѣдь увялъ же точь въ точь такимъ образомъ послѣ сильнаго, но непродолжительнаго цвѣтенія, самъ родоначальникъ школы, г. Львовъ. Отвериваемся однакожъ, что если мы приравниваемъ искателей положительныхъ сторонъ жизни Булгарину, то отнюдь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ нерѣдко упрекали этого сочинителя его современники, а единственно съ точки зрѣнія ограниченности разговора.

Посмотримъ, въ чемъ же заключаются тѣ положительныя стороны жизни, которыя раскрываетъ передъ нами школа г. Львова. Съ наибольшею ясностью, хотя съ меньшимъ талантомъ, нежели его послѣдователи, эти стороны изобразилъ самъ родоначальникъ школы. Въ комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» и еще другой, названія которой не припомнимъ, онъ первый далъ понять, что и въ становомъ приставѣ можетъ быть нѣчто положительное, если онъ не беретъ взятокъ, первый указалъ, что и въ управѣ благочинія можетъ заключаться высшій смыслъ, если чиновники ея занимаются своимъ дѣломъ нелицеприятно. Изъ послѣдователей его, г. Мангъ довелъ до ясности типъ привѣтливаго и исполнительнаго начальника отдѣленія, г. Устриловъ показалъ въ перспективѣ скромный трудъ и скромную науку, г. Ключниковъ, въ лицѣ Русалова, изобразилъ умѣренность и аккуратность, наконецъ г. Стебникій и за нимъ Авенариусъ пропагандировали клубнику, какъ единственную положительную сторону русской жизни и русскія нравовъ. Вотъ тѣ блестящія картины, которыя до сихъ поръ

могли представить намъ наши ингилисты положительно и несомнѣвающимся.

Само собой, однакожь, разумѣется, что съ такимъ запасомъ далеко уйти невозможно. Какъ ни привлекателенъ образъ становаго, не берущаго взятку, но все же еда-ли найдется тотъ легковѣрный, который согласится, что спасеніе Россіи зависитъ отъ безкорыстія становаго. Да и пьеса, въ которой звучитъ только одна струна, покажется публикѣ утомительною, что, на примѣръ, и случилось съ гг. Львовымъ и Устряловымъ. Необходимы дѣлаются противоположенія, позволяющія завязать интригу и новости веселымъ разговоръ.

Герои этихъ противоположеній обыкновенно выбираются люди ищущіе и сомнѣвающимся, которые и изображаются, какъ контрастъ добродѣтельнымъ становамъ, въ самомъ смѣшномъ и развратномъ видѣ. Казалось бы, что можно видѣть смѣшнаго въ томъ, что человѣкъ ищетъ, разсуждаетъ, сомнѣвается, а не сосетъ лапы и не бѣжитъ съ зажмуренными глазами на встрѣчу всякой негѣности? Но это-то именно и кажется смѣшнымъ и даже предосудительнымъ нашимъ несомнѣвающимся ингилистамъ. Какъ древнѣ было принято изображать человѣка, побывавшаго за границей, въ видѣ обезьяны, облаченной въ голубой фракъ, снабженной козлиною бородкой, бормочащей на французскомъ діалектѣ бессмысленныя слова и питающейся лягушками, такъ нынѣ, и даже еще съ большею рельефностью, рекомендуется публикѣ человѣкъ разсуждающій, сомнѣвающимся и ищущій. Краски кладутся самыя дешевыя, слѣдовательно беречь ихъ нечего; нужно ли, на примѣръ, изобразить человѣка, немнѣющаго надлежачаго уваженія къ авторитетамъ — для сего избирается гимназистъ, покрытый золотушными сыпаями; нужно ли отрекомендовать человѣка, котораго интересуетъ женскій вопросъ — принимается на сцену медикъ-студентъ, пораженный приапизмомъ. Выходитъ до того смѣшно и радостно, что исполнители начальники отдѣленія даже надрываютъ животы отъ смѣха. Въ ихъ умахъ окончательно утверждается убѣжденіе, что сомнѣваться можетъ только золотушный гимназистъ, а интересоваться женскимъ вопросомъ только герой Фонарнаго переулка и Мѣщанскихъ улицъ.

Такое отношеніе къ пытливости человѣческаго разума (хотя бы стоящей и на неправои стезѣ) до того необыкновенно, что было бы даже трудно повѣрить подобному явленію, если бы мы не встрѣчались съ нимъ на каждомъ шагѣ. Во всѣхъ образованныхъ странахъ міра мы можемъ встрѣтять людей, разномыслищихъ весьма существенно; мы видимъ однихъ, которые ставятъ разрѣшеніе общечеловѣческихъ задачъ въ зависимость отъ успѣховъ наукъ политическихъ, другихъ — которые тѣ же самыя задачи подчиняютъ успѣху наукъ естественныхъ и т. д. Но чтобы гдѣ бы то ни было избирали предметомъ потѣхи занятіе анатоміей или физиологіей, чтобы находили въ этомъ поводъ къ

обвиненію въ развратѣ, чтобы предумышленно навязывали такого рода занятія исключительно людямъ развратнымъ, глупымъ и самонадѣяннымъ — это просто фактъ небывалый и неслыханный. Отчего же насъ такъ смѣшить это вовсе не забавное стремленіе къ приобрѣтенію знаний? Отчего намъ кажется, что люди, горящіе этимъ стремленіемъ, суть люди злокозненные и притомъ растлѣнные и легкомысленные?

Не оттого ли, что мы сами до мозга костей растлѣны нечестивостію? Не оттого ли, что мы охотно переносимъ наши собственные разлюбившія качества на тѣхъ людей, которыхъ стремленій мы не можемъ понять, и которыхъ потому ненавидимъ?

Комедія г. Черныяскаго, которой заглавіе выписано выше, есть именно одно изъ произведеній того положительнаго ничилизма, о которомъ говорено выше. Отличается оно отъ прочихъ композицій этой категоріи лишь особенно малою степенью талантливости ея автора и крайнею запутанностію предположенныхъ имъ къ разрѣшенію задачъ. Въ предисловіи, написанномъ съ разсудительностію благоправнаго гимназиста, авторъ говорить, что за свою комедію онъ удостоился чести быть обруганнымъ нашими сатириками, но что за всѣмъ тѣмъ пьеса его обошла почти всю Россію, и ее пересмотрѣла такая масса народа, какая уже вѣроятно не подписывается ни на одинъ русскій журналъ! Не знаемъ, велика ли честь «быть обруганнымъ русскими сатириками» (предполагаемъ однако, что тутъ дѣйствительно особенной чести нѣтъ), но думаемъ, что самомнѣніе автора очень велико, ежели онъ выводитъ какія нибудь заключенія изъ того, что пьесу его пересмотрѣла почти вся Россія. Нетолько «почти», но положительно *вся* Россія пересмотрѣла «Стряпчяго подъ столомъ», и «Прозаки барышень на Черной рѣчкѣ», но едва-ли кому нибудъ приходило въ голову смотрѣть на эти пьесы серьезно, да еще въ добавокъ издавать ихъ съ предисловіями.

Комедія написана съ цѣлю подать руку помощи церковному браку — цѣль безспорно похвальная, но не слишкомъ ли широкую задачу поставилъ себѣ авторъ, да и нуждается ли еще церковный бракъ въ защитѣ его? Что задача, избранная авторомъ, совершенно ему не по силамъ, это явствуетъ изъ того, что г. Черныяскій, въ изобрѣтенной имъ фабулѣ, не указалъ ни на одно изъ дѣйствительно существенныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собой уклоненіе отъ соблюденія извѣстныхъ, признанныхъ закономъ и обществомъ формъ и условій жизни, а просто и просто сочинилъ анекдотъ, въ которомъ безомыслный юноша плѣняется красивою и доверчивою юницею, и затѣмъ пресыщенный физическими увеселеніями, начинаетъ мало-по-малу одурѣвать и въ концѣ концовъ бросаетъ юницу на расутіи, гдѣ подбираетъ ее нѣкоторый благонамѣренный и свѣдущій въ законахъ молодой человекъ. Неужели подобнаго анекдота, и притомъ скомпонованнаго весьма неискусно, достаточно, чтобы доказать въ

живых образахъ необходимость церковнаго брака? И не проще ли поступилъ бы авторъ, еслибъ вмѣсто того разослалъ многочисленнымъ своимъ читателямъ краткое замеченіе изъ свода гражданскихъ законовъ, гдѣ послѣдствіемъ уклоненія отъ церковнаго брака, а равно права и обязанности супруговъ определяются съ полною ясностью, не допускающею даже толкованій?

Да, мы можемъ сказать смѣло: церковный бракъ столь достаточно защищенъ нашими законами, что положительно не нуждается въ чьей либо защитѣ. А защита, сочиненная г. Чернышевскимъ, уже потому неудобна, что главнѣе ея аргументы сосредоточены на целомъ побужденіяхъ, между тѣмъ, какъ законъ въ своихъ воззрѣніяхъ на это установленіе постоянно держится на исключительно нравственной высотѣ. Полезно ли тѣ права и обязанности, которыя вытекаютъ изъ понятій чисто нравственныхъ, подрывать примѣрами и анекдотами изъ исторіи петербургскаго клубничизма — вопросъ этотъ, полагаемъ, ни для кого не можетъ подлежать сомнѣнію.

Что автору не нравится самая идея гражданскаго брака, это мы допускаемъ охотно, но опровергать ее все-таки слѣдуетъ инымъ оружіемъ, а не отрывками изъ клубничной лѣтописи, которые ничего не доказываютъ. Этими отрывками можно противопоставить, что какъ ни мало симпатична идея гражданскаго брака, но есть на свѣтѣ цѣлыя государства и притомъ населенныя отнюдь не нигилистами, гдѣ идея эта признана закономъ и сдѣлалась, такъ-сказать, идеею officialною. Можно опровергать нужность или ненужность, своевременность или несвоевременность подобнаго установленія для той или другой страны — это вопросъ особый; но для глумленій тутъ нѣтъ повода, ибо здѣсь вопросъ идетъ о формахъ общественнаго быта, которыя каждый народъ воленъ выбирать по усмотрѣнію. Что же тутъ смѣшнаго? и почему именно выразителями идеи гражданскаго брака необходимо выбирать людей безвозможныхъ и страдающихъ болѣзненнымъ раздраженіемъ половыхъ органовъ?

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ представить здѣсь образцы пріятнаго слога и деликатныхъ отношеній автора къ своему предмету. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ героев комедіи, доказывая вредъ гражданскаго брака, говоритъ: «къ величайшему стыду нашему (и зачѣмъ тутъ стыдъ?) намъ все еще женщины нужны ночью, чѣмъ днемъ»; въ другомъ мѣстѣ, другой герой, защищая гражданскій бракъ, говоритъ, что ему «плевать на всѣхъ», а оппонентъ его, опровергающій ту же идею, отвѣчаетъ: «смотри, слюней не хватитъ!» Вотъ до какихъ рельефностей достигла эта слезливая литература, которая поставила себя цѣлью защищать защищенное и ограждать огражденное!

И еще одно слово: наши коломжательные нигилисты до того оперились въ послѣднее время, что у нихъ вошло, такъ-сказать, въ привычку бросать грязью во все, что высоко поставлено въ миѣннй мыслящей части общества. Одной изъ мишеней

этих вещейъ грѣш сдѣлалась известная французская писательница Жюль Зандъ. Положительному нигилисту нѣтъ надобности ни до высокихъ талантовъ этой писательницы, ни до тѣхъ наслажденій, которыя она доставила своими произведеніями кѣлымъ поколѣніямъ; ему достаточно встрѣтить нахальную русскую бариню, которая съ мужемъ не живетъ, трещить противъ брака, курить сигары (о преступленіе!), вино потягиваетъ не хуже любого кавалерійскаго ротмистра, верхомъ ѣздитъ, какъ мужчина (еще преступленіе!), носить стриженые волосы (какомъ наглості!) и въ заключеніе бенефиса мужскіе штаны (наглості сугубая!), чтобы заклеймить эту бариню именемъ Жюль Зандъ... Похвально.

Новыя сочиненія Г. П. Данилевскаго (А. Славронскаго, автора «Вѣглицъ въ Малороссіи»). *Изданіе исправленное и дополненное* А. Ф. Базунова. 2 тома. Спб. 1868.

Заглавіе этой книги представляетъ фактъ самонадѣянности, довольно рѣдкой въ нашей литературѣ, и, къ сожалѣнію, начинающей входить съ нѣкоторыхъ поръ въ обычай. Было время, что самые талантливые наши писатели всегда очень скромно заявляли о себѣ публикѣ; они не заискивали ея вниманія напоминаніемъ о прежнихъ литературныхъ подвигахъ, но ждали, что публика сама вспомнитъ объ нихъ. И. С. Тургеневъ, безспорно, известнѣйшій изъ нынѣ дѣйствующихъ повѣствователей, никогда не именовалъ себя ни авторомъ «Записокъ Охотника», ни авторомъ «Дворянскаго Гнѣзда», и за всѣмъ тѣмъ, публика знала и знаетъ, что это тотъ самый Тургеневъ, который написалъ и «Записки Охотника», и «Дворянское Гнѣздо». Нынѣ являются авторы «Нѣкуда», авторы «Марева», авторы «Вѣглицъ въ Малороссіи», и напоминаніями своими, съ перваго же шага ставятъ публику въ тупикъ. Чтѣ такое «Вѣглице въ Малороссіи»? спрашиваетъ себя публика, и слѣдуетъ ли читать «Новыя сочиненія Г. П. Данилевскаго» потому только, что онъ, Славронскій, авторъ «Вѣглицъ въ Малороссіи»? Согласитесь, что, для разрѣшенія этихъ недоумѣній, слѣдовало бы, по малой мѣрѣ, прилагать ко вновь издаваемымъ сочиненіямъ неизвѣстныхъ знаменитостей библіографическія изысканія, которыя бы свидѣтельствовали, что имя Славронскаго не выдумка, и что «Вѣглице въ Малороссіи», дѣйствительно, были когда-то гдѣ-то напечатаны.

Къ несчастію, въ этомъ случаѣ мы можемъ помочь нашимъ читателямъ очень мало. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ трудолюбивый нашъ библіографъ, М. Н. Лонгиновъ, разъяснитъ вопросъ о г. А. Славронскомъ во всей подробности, и даже, быть можетъ, отыщетъ могилу его; но мы объ этомъ псевдонимѣ знаемъ такъ немного, что должны относиться къ г. Г. П. Данилевскому, какъ къ писателю начинающему.

Съ сожалѣніемъ должны мы сознаться, что этотъ молодой дѣлатель вноситъ въ нашу скромную литературу элементъ совер-

ственно новый — элемент легкомыслия, девизомъ которому служить извѣстная присказка: «По щучьему велѣнью, по моему хотѣнью, ставь передо мной, какъ листъ передъ травой». Примѣтивъ, что большинство нашихъ романистовъ и повѣствователей, въ произведеніяхъ своихъ, обращаютъ преимущественное вниманіе на психологическую разработку характеровъ и на разрѣшеніе тѣхъ или другихъ жизненныхъ задачъ, интересующихъ общество, фабулу же собственно ставятъ на отдаленный планъ, г. Данилевскій рѣшился поступить совершенно на оборотъ, то-есть началъ писать романы и повѣсти совсѣмъ безъ всякой мысли, съ одною фабулой. Коли хотите, въ этомъ могла бы быть своя недурная сторона: на Руси еще такъ много праздношатающихся, что занять ихъ досуги даже фабулой было бы далеко не бесполезно; но для того, чтобы такая цѣль была достигнута, необходимо, во первыхъ, сильное воображеніе, вторыхъ, острую память, которая предостерегала бы автора отъ противорѣчій; третьихъ, умѣніе распорядиться съ матеріаломъ такимъ образомъ, чтобы фабула казалась сколько-нибудь правдоподобною. Впрочемъ, это послѣднее условіе нужно только тогда, когда самъ авторъ желаетъ, чтобы на повѣствованіе его смотрѣли, какъ на правдоподобное; если же онъ заранѣе говоритъ: читатель! во всемъ, что ты имѣешь прочитать, нѣтъ ни на грошъ правды! — то читатель и съ этимъ мирится, и затѣмъ, уже ожидая, что, взаимно правды, его, по малой мѣрѣ, попочтуютъ пребываніемъ во чревѣ крокодила и чудеснымъ оттуда освобожденіемъ.

Нивакихъ, подобныхъ данныхъ въ талантѣ г. Данилевскаго не усматривается. Хотя и видно, что онъ всею душой желаетъ сдѣлаться родоначальникомъ школы легкомыслия, но это ему удастся лишь въ малой степени. Это слабая попытка, быть можетъ, нѣвѣщая принести въ будущемъ сочныя плоды — но и только; это, такъ сказать, первоначальная манера легкомыслия, которая, подобно жанрѣ старинныхъ итальянскихъ мастеровъ, можетъ современамъ произвести своихъ Рафаэлей, но покуда производить только живописцевъ сусальской школы. Да и дай Богъ намъ дожить до этихъ Рафаэлей какъ можно поздне...

Воображеніе г. Данилевскаго не отличается ни силой полета, ни разнообразіемъ и колоритностью картинъ. Нельзя сказать, чтобы фабула его романа «Новыя мѣста» была недостаточно сложна; но вмѣстѣ съ тѣмъ, она страдаетъ такою властью въ рисовкѣ картинъ, такою неясностью въ изложеніи фактовъ, что критика самая добросовѣстная должна отказаться отъ попытки передать ея содержаніе. Какъ человѣкъ трудолюбивый, авторъ очень старательно навязываетъ одно происшествіе за другимъ, но изъ множества отдѣльныхъ эпизодовъ, которыми облуетъ его рассказъ, нѣтъ ни одного на столько занимательнаго, чтобы можно было вспомнить о немъ даже немедленно по прочтеніи романа. Богъ-знаетъ, чего тутъ нѣтъ: и степи, и суслики, и

ависти, и исправники, и колонисты, и разбойники, и дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій; но ни одному изъ этихъ элементовъ дѣйствія не отведено опредѣленнаго мѣста, всѣ они до того сбиты и смутаны, что читатель не можетъ даже дать себѣ отчета, услухи ли поймали фальшивыхъ монетчиковъ, или наоборотъ, или же и тѣхъ и другихъ накрылъ дѣятельный исправникъ Кащанчиковъ. Нѣтъ ничего томительнѣе, какъ присутствовать при процессѣ того тяжелаго творчества, когда авторъ останавливается на каждомъ шагѣ въ раздуміи, чѣмъ-то придется наполнить слѣдующую страницу, и не лучше ли совсѣмъ бросить это дѣло, тѣмъ болѣе, что тутъ нужна только рѣшимость раньше противъ предполагаемаго написать слово «конецъ». Именно, такую картину раздумій и сомнѣній представляли «Новыя мѣста»; въ романѣ этомъ великое множество лицъ; но всѣ они не оправдываютъ нетолько ожиданій читателя, но даже собственного своего появленія. Лица эти толкаются, дѣлаютъ видъ, что о чемъ-то разговариваютъ и чѣмъ-то занимаются, но, въ сущности, ни о чемъ не говорятъ и ничѣмъ не занимаются. Приходить на мысль, что авторъ всталъ завалившіеся Куртнеромъ діалогомъ, и выписалъ изъ нихъ избраннѣйшія мѣста.

Острою намѣткою г. Данилевскій тоже похвалиться не можетъ; такъ, напримѣръ, на стр. 12, говоря о землѣ, которую герой романа снимаетъ въ арендное содержаніе, авторъ называетъ ее цѣльною и вѣковною, а на стр. 16-й оказывается, что земля уже была до этого въ двѣнадцатилѣтнемъ содержаніи, и когда-то «кормила да рублевина ростила». Понятно, что писатель, который до такой степени неостороженъ, что забываетъ, что онъ говорилъ за три-четыре страницы назадъ, не можетъ внушить къ себѣ ни малѣйшаго довѣрія. Онъ можетъ сколько ему угодно утверждать, что герой его брѣзжетъ, а читатель будетъ думать, что онъ блудящій. Онъ будетъ твердить, что на Варенькѣ Чемодаровой женился колонистъ Чулковъ, а читатель останется при убѣжденіи, что рукою этой милой женицыни завладѣлъ злодѣй Музыкантовъ.

Отсюда третье, несовѣстимое съ значеніемъ основателя шлои свойство — неправдоподобіе. Г. Данилевскій до такой степени дурно распоряжается своимъ матеріаломъ, что позволяетъ своему герою, въ первый же годъ аренды, получить съ десятинами шнеиды по 20, а съ десятинами льна по 30 рублей — «въ очистку»! И замѣйте, что арендная плата за подобную десятину всего полтинничекъ, что въ торгахъ на отдачу земли, кромѣ Чулкова (человѣка, занесеннаго въ тотъ край совершенно случайно), участвовали въкоторыя мѣстные жители, что Чулковъ ваялъ въ аренду землю только весной, а осенью уже отсчиталъ себѣ въ карманъ по 20-30 цѣлковыхъ съ десятины въ очистку! И все это безъ всякаго труда, по одному шуцему велѣнію и авторскому хотѣнію! Есть ли тутъ тѣнь какаго-нибудь вѣроятія, и возможно ли безъ улыбки читать дѣтскія походы этого не-

ваго Робинзона, этого бѣлокураго брюнета, который владѣеть вѣковною, двѣнадцать лѣтъ сряду паханною, и получаетъ съ нея безъ труда, въ самое короткое время, болѣе четырехъ тысячъ процентовъ на рубль?

Столь же мало правдоподобенъ рассказъ и о производствѣ торговъ на эту знаменитую вѣковину. Вопервыхъ, торги производятся въ какомъ-то городѣ и въ какомъ-то неизвѣстномъ «присутствіи», тогда какъ казенныя оброчныя статьи, къ которымъ принадлежатъ и упомянутая вѣковина, сдаются съ торговъ въ «присутствіи» весьма опредѣленномъ, называемомъ палатою государственныхъ имуществъ. Въ вторыхъ, на торгахъ этихъ происходятъ такія вещи, которыя въ самомъ незаконномъ «присутствіи» никогда не допускались и не допускаются по той простой причинѣ, что въ нихъ не предстоить никакой надобности. Торгующіеся шепчутся другъ съ другомъ, дѣлаютъ другъ другу предложенія... и все это передъ зеркаломъ и въ глазахъ чиновниковъ, производящихъ торги! Согласитесь, что какъ ни развѣяны наши чиновники, и какъ ни отзываются наши торги одною формальностью, но подобной нелѣпой и ненужной безцеремонности положительно встрѣтить нигдѣ нельзя.

Ясно, что такое отсутствіе качествъ, столь необходимыхъ для литератора, пишущаго безъ мысли, не можетъ служить рекомендаціей для произведеній его. Ихъ не замѣнить ни трудолюбіе, ни развѣянность, хотя эта послѣдняя, въ соединеніи съ другими упомянутыми выше свойствами, довольно драгоценна. Читатели не увлекутся авторомъ, не повѣрятъ его сказаніямъ о легкой прбыли въ четыре тысячи процентовъ на рубль, и не потянутся вереницей съ насмѣженныхъ мѣстъ, съ коихъ получается на рубль 4-6 процентовъ, на «новыя мѣста». Да и благо имъ будетъ; увлекись они г. Данилевскимъ — Богъ-знаетъ, какъ бы еще взглянула на это дѣло полиція.

Во всякомъ случаѣ, мы отиѣнно рады, что попытка основать новую литературную школу легкомыслія, на первый разъ, не общается болшихъ успѣховъ.

Очерки нынѣшней общественной жизни въ Россіи.

Выпускъ I. Письма изъ среднихъ велико-россійскихъ губерній за 1867 годъ. Кн. В. П. Мещерскій. Спб. 1868.

Сочиненіе заключаетъ въ себѣ бѣглыя замѣтки путешественника по Россіи, частью основанныя на данныхъ довольно сомнительныхъ, частью же нелипшенныя наблюдательности и правды. Кн. Мещерскій, въ теченіе лѣта 1867 года, объѣздитъ значительныя и во всякомъ случаѣ замѣчательнѣйшія части губерній: Тверской, Московской, Владимирской, Ярославской и Нижегородской — очевидно, что въ такое короткое время онъ не имѣлъ возможности изслѣдовать общественную жизнь этихъ мѣстностей во всемъ ея разнообразіи, и что даже самое желаніе выполнить подобную задачу могло только повредить его труду.

И действительно, мы видимъ, что для выполнения того, что не могло доставить ему личное наблюдение, кн. Мещерскій нерѣдко прибѣгаетъ къ пособію такъ-называемыхъ официальныхъ данныхъ. Но извѣстно, во первыхъ, что статистика вообще есть тотъ самый предметъ, на поприщѣ котораго изслѣдователь можетъ дѣйствовать на всей своей волѣ, а во вторыхъ, что это опредѣленіе въ особенности примѣняется къ русской официальной статистикѣ, которая въ этомъ отношеніи представляется почти что пустыню. Самъ авторъ въ IX письмѣ своей книги очень убѣдительно говоритъ о крайней неудовлетворительности положенія статистическихъ изслѣдованій въ губерніяхъ. Такъ напримѣръ, въ Московской губерніи официальный статистическій комитетъ почти не существуетъ и «нельзя указать ни на одно изслѣдованіе о какой бы то ни было отрасли губернскаго и уѣднаго бита». Съ своей стороны, мы можемъ указать на подобныя же факты и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи; такъ напримѣръ, въ Рязанской губерніи, столь замѣчательной въ промышленномъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ, статистическій комитетъ не только не можетъ предъявить какихъ-либо о чемъ-либо изслѣдованій, но даже члены его едва-ли разъ въ годъ собираются, не ощущая, повидимому, никакой въ томъ потребности. Другой примѣръ, посмотрите на карту метеорологическихъ наблюдений, периодически издаваемую при «Сѣверной Почтѣ» — вы постоянно встрѣтите тамъ, напримѣръ, Тульскую губернію безъ всякихъ отмѣтокъ, а между тѣмъ едва-ли вѣроятно, чтобы въ этой губерніи вовсе не было никакой погоды.

Поэтому, почтенный авторъ весьма разумно предлагаетъ дѣло собранія статистическихъ данныхъ въ извѣстной мѣстности предоставить органамъ мѣстнаго земства, то-есть губернской и уѣзднымъ земскимъ управамъ. Во первыхъ, органы эти серьезнѣе взглянуть на это дѣло, такъ-какъ съ нимъ тѣсно связана равномѣрность взиманія налоговъ и повинностей, и слѣдовательно поручать веденіе его людямъ действительно знающимъ, а не такимъ, которые, по заведенному обычаю, «сочиняютъ статистику», потому только, что на всякомъ другомъ поприщѣ имъ нѣтъ мѣста, а статистика-де все мнѣтъ; во вторыхъ, земскія деньги не будутъ тратиться именно тѣми учрежденіями, которыя за правильное ихъ употребленіе отвѣтственны.

Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что данна, добытая черезъ посредство комитетовъ, должны быть отнесены къ разряду сомнительныхъ.

Что касается до личныхъ замѣтокъ автора, то, какъ сказано выше, онѣ нерѣдко свидѣтельствуютъ о его наблюдательности. Въ особенности заслуживаетъ уваженія та симпатія, съ которою относится кн. Мещерскій къ крестьянскому дѣлу. Хотя въ замѣткахъ его очень часто повторяются рассказы на тему о чрезвычайномъ распространеніи пьянства между простымъ народомъ, но для насъ важно уже то, что фактъ этотъ

приводится безъ наружательной цѣли и даже съ попыткою на объясненіе его. Дѣйствительно, статистическія данныя, на сей разъ несомнѣнныя, доказываютъ, что ни въ одномъ государствѣ Европы не выпивается такъ мало вина какъ въ Россіи, а между тѣмъ значительнаго распространенія пьянства въ нашемъ крестьянствѣ отрицать все-таки невозможно. Это объясняется съ одной стороны чрезвычайною необезпеченностью и неудовлетворительностью тѣхъ условій, въ которыхъ заключена жизнь нашего простонародья, съ другой же стороны крайнимъ обиліемъ приманокъ, которыя представляетъ на каждомъ шагу нынѣ существующая система раздробительной продажи вина. Объ этой послѣдней причинѣ много и побѣдоносно было въ послѣднее время говорено газетою «Москва», и потому мы можемъ ограничиться въ этомъ случаѣ отсылкою читателя къ названному нами источнику; но вотъ что говорить кн. Мещерскій о современномъ положеніи русскаго крестьянина.

«Имѣя въ виду только тѣ мѣстности Тверской губерніи, гдѣ мы были, смѣемъ думать, что не ошибемся, ежели скажемъ, что крестьянинъ, платя до 2 руб. 60 коп. податей, до 60 коп. на земскія повинности, до 80 коп. натуральными повинностями, да среднимъ числомъ по 8 руб. оброковъ, и того до 12 руб. ежегодно, платитъ вышшую мѣру того, что онъ, при обыкновенныхъ средствахъ, платитъ въ состояніи, такъ что всякая надбавка становится для него уже тягостью весьма ощутительною, тѣмъ болѣе, что при сдѣланномъ расчисленіи мы не приняли въ соображеніе, что нерѣдко на хозяевъ-крестьянъ падаетъ двойной окладъ податей при раскладѣ на нихъ овладовъ умершихъ, не приняли въ расчетъ того, что при неурожаѣ, который въ этихъ мѣстностяхъ повторяется гораздо чаще, нежели урожаѣ, крестьянину приходится платить съ капитала, а не съ дохода, то-есть въ зачетъ будущаго урожая, такъ что въ урожайный годъ доходъ его становится значительно меньшимъ отъ займовъ, сдѣланныхъ въ прошломъ году. Если положить по 10 руб. дохода съ десятины, и, среднимъ числомъ, взять три десятины на душу, да прибавить къ тому доходы отъ заработковъ и отъ другихъ случайныхъ статей, такъ чтобы составилось отъ 80 до 100 руб. въ годъ, мы получимъ, что крестьянинъ платитъ, предполагая одиночный, а не двойной окладъ податей, до 12 съ 80 руб., то-есть $\frac{1}{6}$ всего годоваго дохода, а безъ заработковъ болѣе $\frac{1}{3}$ поземельнаго дохода».

Вотъ непреувеличенная, а скорѣе значительно смягченная картина, рисующая экономическое положеніе русскаго крестьянина. Изъ нея видно, что крестьянинъ нашъ, чтобы получить право на самое простѣйшее прозябаніе (на счетъ 60—70 руб. въ годъ), долженъ трудиться безпрерывно и безъ надежды на переимѣну своей участи къ лучшему. Но смѣемъ думать, что расчетъ, приведенный кн. Мещерскимъ, даже слишкомъ смягченъ; такъ напримѣръ, натуральныя повинности оцѣнены только въ раз-

мѣрѣ 80 коп. съ души, тогда какъ для крестьянина эти повинности едва-ли не самыя тягостныя, ибо отвлекаятъ его отъ существеннаго дѣла неожиданно и нерѣдко въ самую нужную пору. Мы знаемъ случаи, когда крестьяне за содержание вакаго-нибудь перевоза платили и платять подрядчику болѣе 1 руб. съ души; мы знаемъ также, что за подводку казна платитъ контрмарку, стоющую 75 коп., а крестьянинъ, чтобы отбыть эту 15—20-тиверстную подводку, употребляетъ иногда 3—4 дня. Сверхъ того, выпущены изъ вида разнаго рода мірскіе расходи, расходи на сдачу рекрутъ, расходи на паспорта, расходи невѣденія (при взносѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ) и проч. и проч. Если сообразимъ все это да примемъ за несомнѣнный фактъ, что на долю каждаго крестьянина непремѣнно упадетъ уплата части окладовъ, числящихся на убылыхъ душахъ, то получимъ, что размѣръ ежегодныхъ уплатъ, дѣлаемыхъ крестьяниномъ, будетъ едва-ли многимъ менѣе 20 руб. съ души. Затѣмъ остается еще одѣться, обуться и пропитаться — и для удовлетворенія этого источника: 3 десятины земли и отходные промыслы!

Что такое такъ-называемые отходные промыслы — объ этомъ даетъ нѣкоторое понятіе описаніе «одного изъ лучшихъ рогожнскихъ заведеній» въ городѣ Ржевѣ, куда приходять на яму рабочіе изъ Калужской губерніи. Вотъ оно:

«Намъ случилось быть на одномъ изъ лучшихъ рогожнскихъ заведеній, и невольно-невольно вспоминаемъ объ этомъ посѣщеніи съ ужасомъ: дѣвушки, мальчики, мужчины и бабы какъ бы сливаются въ одну черную отъ грязи массу; сквозь широкія дыры на рубахахъ проглядываетъ тѣло, едва замѣтно отдѣляющееся отъ чернаго цвѣта бѣлья; жаръ до 20 и болѣе градусовъ и вѣстѣ съ тѣмъ темно и сыро, такъ что, пробывъ двѣ минуты, мы почувствовали что-то въ родѣ дурноты и должны были выйти на свѣжій воздухъ; *но рабочіе до того свиклись съ этою тюрьмою, что живутъ въ ней притворяючи, поютъ пѣсни и смѣются.*»

И хотя за все это плата 50 коп. въ сутки, но подобный промыселъ все-таки считается выгоднымъ, потому что позволяетъ крестьянину быть сытымъ и уплатить лежащія на немъ сборы. Не въ этой ли крайней необеспеченности будущаго, не въ этой ли горькой жизни со дня на день слѣдуетъ искать причины того, что крестьянинъ ищетъ забвенія въ винѣ? и правы ли мы будемъ, говоря что «крестьянинъ бѣденъ не потому, что лишень средствъ къ безбѣдному существованію, а потому лишь, что онъ пьетъ не въ мѣру, выдѣляется изъ семьи, небрежно ухаживаетъ за землею» и т. д. Не на оборотъ ли?

Чтобы помочь горю, вл. Мещерскій не видитъ никакого иного средства, кромѣ опеки, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ она была добросовѣстна и заботлива. Онъ съ большою симпатіей относится къ мировымъ посредникамъ прежняго времени (то-есть опредѣленнымъ при самомъ введеніи Положенія 19-го февраля

1861 года), и съ негодованіемъ говорить о мировыхъ посредникахъ современныхъ. Въ этомъ случаѣ мы уже совершенно несогласны съ почтеннымъ авторомъ. Мы лично знаемъ очень многихъ мировыхъ посредниковъ прежняго времени, и ничего не имѣемъ сказать объ ихъ дѣятельности, кромѣ слова уваженія. Но чтó же означаетъ этотъ фактъ, и чтó значить эта быстрая переимѣна искусныхъ мировыхъ посредниковъ менѣе искусными? А вотъ что: были хорошіе мировые посредники, и нѣтъ ихъ — не больше.

Не ближе ли будетъ, если мы, вмѣсто усиленія опеки надъ крестьянами, поищемъ средства къ улучшенію ихъ быта въ постепенномъ, по возможности, освобожденіи ихъ отъ этой опеки?

Г. Г. Вокль. Отрывки изъ царствованія королевы Елизаветы. Пять листовъ изъ III тома Исторіи цивилизаціи Англій. Спб. 1868. изд. В. Ковалевскаго.

Представляющаяся намъ книга составляетъ не что-либо цѣлое, обработанное, оконченное; это собраніе матеріаловъ для обработки, черновой, общій абрисъ, въ которомъ мѣстами аляповато подмалеваны нѣкоторыя части и подробности. На каждомъ шагу вы встрѣчаете вопросительные знаки автора, пропуски; мѣстами отъ этихъ пропусковъ теряется совершенно смыслъ разсказа. Но, несмотря на все это, книга читается съ интересомъ, и заставляетъ васъ глубоко жалѣть о томъ, что трудъ великаго человѣка былъ остановленъ смертію именно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ былъ представлять болѣе всего интереса по важности для исторіи цивилизаціи событій, разсмотрѣніе которыхъ входило въ третій томъ сочиненія. При всей неполнотѣ и отрывочности изданныхъ матеріаловъ, передъ вами, однакоже, по прочтеніи книги, во всей силѣ своего значенія и яркости воскресаетъ одна изъ великихъ эпохъ исторіи Англій, эпоха, которой Англія обязана во многихъ отношеніяхъ своимъ могуществомъ. Безъ всякихъ преувеличенныхъ похвалъ и пошлыхъ возвеличеній, безпристрастными, освятельными фактами Вокль обрисовываетъ личность Елизаветы, которую по глубокому уму, энергіи и плодотворной дѣятельности можно поставить на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ ряду дѣателей прогресса. Во время Елизаветы реформаціонная эпоха явилась къ упадку и Европа, раздѣленная между двумя партіями, католической и протестантской, тонула въ потокахъ бесполезно проливаемой крови. Протестантская партія въ это время успѣла уже забыть свой великій принципъ—свободы совѣсти и личнаго мнѣнія въ дѣлахъ религіи и не уступала католической въ нетерпимой кровожадности: обѣ партіи ни о чемъ болѣе не хлопотали, какъ объ уничтоженіи противниковъ и о господствѣ своей церкви, чего они добывались теперь не столько изъ увлеченія теологическими принципами, сколько ради житейскихъ выгодъ, соединен-

нихъ съ господствомъ той или другой церкви. При взаимной нетерпимости, при узкости взглядовъ и интересовъ, современникамъ Елизаветы, близко стоявшимъ у ея трона и увлеченнымъ въ потокъ вѣдшей и внутренней политики, ея дѣятельность могла казаться лишеною всякаго здраваго смысла и логичности. Естественно, что въ то время католическая партія ожидала всякаго зла отъ протестантской королевы, а протестантская, напротивъ того, всевозможныхъ мірскихъ благъ: узкіе, недалекновидные умы никакъ не могли себѣ представить иначе протестантскую, какъ не покровительницею протестантовъ и губительницею католиковъ.

И что же: та же самая королева, которая, положивъ прочное начало паденія испанскаго могущества, была злѣйшимъ врагомъ католичества и союзницею всѣхъ протестантовъ на материкѣ, внутри своего королевства дѣйствовала совершенно иначе: она не покровительствовала ни католикамъ, ни протестантамъ, раздавала первымъ наравнѣ съ послѣдними видныя государственныя должности и лишивъ духовенство разныхъ вѣзовыхъ привилегій, равно враждовала какъ съ тѣми, такъ и съ другими. Подобная дѣятельность могла казаться верхомъ безразсудства для недалекновидныхъ умовъ того времени. Но совершенно въ иномъ видѣ представляется такая политика потомкамъ. Терпимость Елизаветы, многочисленныя факты которой Вокль расширяетъ во второй главѣ, простираются изъ той причины, что стоя выше своего вѣка, чуждая религиозныхъ предразсудковъ своего времени, Елизавета преслѣдовала такіа дѣла, о которыхъ въ то время никто не помышлялъ въ Европѣ. Главными принципами царствованія Елизаветы было, обуздывать власть духовенства, ослабить вліяніе крупной аристократіи, и противъ этихъ двухъ силъ возвысить силу средняго сословія посредствомъ развитія торговли и промышленности страны. Преслѣдуя подобныя дѣла, Елизавета, очевидно, не питала никакой симпатіи ни къ католикамъ, ни къ протестантамъ; встать на сторону той или другой партіи, значило увеличить вліяніе одной изъ нихъ; Елизавета же старалась всячески подавить вліяніе духовенства, какое бы оно ни было, католическое или протестантское, и для нея было выгодно держать обѣ партіи въ одинаковомъ загонѣ, не усиливая той или другой своимъ личнымъ покровительствомъ.

Ослабленіе власти духовенства было тѣмъ возможное и легче совершить Елизаветѣ, что въ предшествовавшихъ вѣкахъ она нашла къ тому богатую подготовку. Вотъ какъ характеризуетъ Вокль различіе въ положеніи духовенства Англіи сравнительно съ другими странами Европы:

«Во всѣхъ европейскихъ націяхъ власть духовенства выхо-
лась въ ранній періодъ въ обратномъ отношеніи къ власти государей. Въ такихъ странахъ, какъ наприимѣръ, Франція, гдѣ феодальная система успѣла уничтожить всякіе слѣды представительскаго правленія, и гдѣ королевскаго авторитета было не-

достаточно. для выполненія этого пробѣла, церковные соборы были единственными нитями, для выполненія этого пробѣла связывавшими разнородные элементы и соединявшими въ одну націю множество независимыхъ леновъ. Церковь, своимъ вмѣшательствомъ и устраненіемъ частныхъ злоупотребленій, спасла французскую національность отъ гибели, которой грозилъ ей феодализмъ. Въ то же время, обстоятельства, давшія церкви такую власть, стремились и усилить ее. Французскіе короли, вида какъ лучшія ихъ провинціи исчезали одна за другой, и серьезно тѣснимые высококомѣріемъ крупныхъ феодаловъ, искали вокругъ себя оплота противъ аристократической власти. Этого оплота они нашли въ церкви. Со времени Карла Великаго, мы видимъ у французскихъ королей постоянно усиливающееся стремленіе увеличить власть духовенства. Мало по малу, власть эта достигла такой силы, что когда разразилась реформація, французское духовенство составляло уже стройное и тѣсно сплоченное цѣлое и могло устоять противъ движенія, которое глубоко потрясло всю Европу.

«Но въ Англіи положеніе дѣлъ было совершенно иное. Въ время владѣнства англо-саксовъ мы, правда, находимъ дѣйтельными тѣ же причины, которыя видѣли во Франціи; находимъ постоянное усиленіе власти аристократіи въ ущербъ власти королей; находимъ и слѣдствія такого порядка вещей, именно, что даже мудрѣйшіе изъ нашихъ королей считали необходимымъ заискивать у церкви съ дѣлію защитить себя отъ дворянства. Однако, уже въ среднѣи однадцатаго вѣка картина внезапно измѣняется. Завоеваніе страны норманами, отдавшее право раздачи баронскихъ помѣстій въ руки короля, сразу подчинило ему высшую аристократію; феодальная система не могла развиваться и, за исключеніемъ царствованія Стефана, національныя собранія не переставали созываться. Первые пять (?) королей Англіи обладали властію, которой не имѣлъ тогда ни одинъ европейскій монархъ. Вслѣдствіе существованія такой центральной власти, въ нашемъ отечествѣ никогда не ощущалась потребность въ церковныхъ соборахъ. Плантагенеты никогда не считали нужнымъ поддерживать авторитетъ духовенства; наоборотъ, они старались всячески ослабить его. Когда же, въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, быстрое паденіе монархической власти заставило нашихъ королей обратиться къ поддержкѣ церкви, было уже слишкомъ поздно навязывать авторитетъ, цѣни котораго могутъ быть прочно скованы лишь во времена грубаго невѣжества».

Находя подобныя же условія въ Германіи, Волкъ объясняетъ этимъ то явленіе, что только въ Германіи и Англіи реформація утвердилась на твердой почвѣ. Въ Англіи реформація потрясла низшее духовенство въ основаніяхъ и раззорила его совершенно. Доходы, и безъ того значительно уменьшенные въ количественномъ отношеніи, еще болѣе пали въ качественномъ, вслѣдствіе увеличенія количества денегъ на рынкахъ Европы и вадорожанія всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ для жизни; а между тѣмъ при

этомъ уменьшеніи доходовъ иждергіи духовенства должны были значительно возрасти, вслѣдствіе уничтоженія безбрачія и необходимости обзаведенія семействами. Все это, соединившись вмѣстѣ, поставило низшее духовенство въ самое жалкое положеніе.

«Нищенствующее, презираемое и преслѣдуемое духовенство—говоритъ Бокль — обратилось къ средствамъ, которыя должны взумлять современнаго читателя. Чтобы увеличить свои доходы, они нерѣдко продавали публично пиво, вино и другіе съѣстные припасы, а для большаго удобства торговли, превращали священническіе дома въ пивныя заведенія и таверны... «Вмѣстѣ съ другими отверженцами человѣческаго рода, они проводили время въ игръ въ кости и карты, или въ шинвахъ, откуда рѣдко выходили иначе, какъ въ состояніи животнаго оупьенія. Ихъ нравственная испорченность вполнѣ согласовалась съ грубостію ихъ нравовъ. Ни одинъ отецъ не рѣшился бы оставить дочь, ни одинъ мужъ жену, съ глазу на глазъ съ духовнымъ лицомъ».

Вслѣдствіе отсутствія всякихъ выгодъ въ духовномъ званіи, во всемъ королевствѣ оставалось множество незанятыхъ священническихъ мѣстъ и цѣлыя приходы оставались безъ малѣйшаго поученія. Для пополненія этого недостатка придумали нѣсколько странннй способъ, и только два года послѣ воцаренія Елизаветы наши удобннмъ дозволить простымъ ремесленникамъ читать народу церковную службу въ различныхъ церквахъ. Невѣжество духовенства, едва грамотнаго, доходило въ то время до баснословія и Бокль приводитъ нѣсколько фактовъ, по истинѣ поразительныхъ. Особенно курьезностью отличается, наприимѣръ, слѣдующій фактъ:

«Мы читаемъ у Айлмера, возведеннаго вполсѣдствіи въ санъ епископа, что однажды трумпингтонскій викарій, во время богослуженія, попалъ на текстъ «Эли, Эли, лама савахвани». Пораженный этимъ, по его мнѣнію, страннымъ повтореніемъ, достопочтенный джентльменъ не могъ скрыть своего удивленія. «Дойдя до этого мѣста,—я привожу слова епископа:—онъ остановился, и обратясь къ церковнымъ старостамъ, сказалъ: друзья мои, эту вещь надо измѣнить. Здѣсь, въ книгѣ, два раза написано: «Эли». Увѣряю васъ, что если лордъ Эли зайдетъ сюда и увидитъ это, онъ отниметъ у васъ книгу. Поэтому я совѣтую выскоблить это слово и на мѣсто его написать имя нашего города: «Трумпингтонъ, Трумпингтонъ, лама савахвани». Епископъ прибавляетъ (мы бы едва повѣрили менѣе важному авторитету), что церковные старосты согласились на это странное предложеніе и что текстъ церковной библіи былъ дѣйствительно измѣненъ».

Можно себѣ представить, какимъ уваженіемъ пользовалось въ глазахъ народа духовенство, находящееся въ такомъ ужасномъ положеніи. «Въ деревняхъ, говоритъ Бокль, представляющихъ естественное гнѣздо невѣжества, духовенство, несмотря на свой упадокъ, не много отличалось по образованію отъ мірянъ. Но въ

городахъ, гдѣ развитіе идетъ всегда далѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ страны, разница эта была поразительна и нельзя было ожидать, чтобы образованные горожане обращали большое вниманіе на духовныя увѣщанія такихъ лицъ, какъ только-что описанныя мною. И, въ самомъ дѣлѣ, имъ не только не оказывали уваженія, но считали ихъ законными мишенями для народныхъ насмѣшекъ. Священники почти не могли выходить изъ дому безъ того, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ и даже нападеніямъ мальчишекъ и слугъ, которые провожали ихъ по лондонскимъ улицамъ».

Между тѣмъ какъ низшее духовенство находилось въ такомъ крайнемъ униженіи, епископы утопали въ роскоши, пользовались завидными привилегіями и вліаніемъ въ государствѣ, мало уступавшимъ вліанію первыхъ лордовъ въ Англіи. Вотъ противъ этого-то вліанія епископовъ и привилегій ихъ направлено было все 50-тилѣтнее правленіе Елизаветы. Бокль вскользь только говоритъ о всѣхъ мѣрахъ, предпринятыхъ Елизаветою для подавленія власти епископовъ; замѣтно, что эта глава, самая послѣдняя, намѣчена имъ только вчернѣ и лишена совершенно почти фактовъ, которые должны были войти въ нее. Мы видимъ только, до какой необузданной энергіи доходила ненависть Елизаветы къ епископамъ, энергіи, которую не могъ потушить даже наступающій часъ смерти. «За нѣсколько часовъ до ея смерти, — говоритъ Бокль, — архіепископъ Кентерберійскій съ нѣкоторыми епископами явился во дворецъ напугивать ее духовными со-вѣтами, которыхъ она, конечно, вовсе не желала слышать отъ подобныхъ людей. Сосредоточивъ въ одно мгновеніе негодованіе цѣлой жизни, она, передъ лицомъ всего двора, обратилась къ нимъ съ словами глубочайшаго презрѣнія. «Увидя ихъ, говоритъ очевидецъ (?) этой ужасной сцены:—она пришла въ негодованіе, осмыкала ихъ гнѣвными словами и приказала убираться вонъ, сказавъ, что она атеистка, но хорошо знаетъ, какіе они служители алтаря и считаетъ униженіемъ, чтобы они говорили съ нею».

Въ слѣдующихъ главахъ первой книги Бокль намѣренъ былъ разобрать власть аристократіи и показать связь между ея упадкомъ и возвышеніемъ средняго сословія; во второй книгѣ было бы разсмотрѣно развитіе цивилизаціи въ другихъ отношеніяхъ, и наконецъ, въ третьей была бы представлена картина нравовъ этой эпохи. Но трудъ Бокля былъ прерванъ на пяти главахъ первой книги и книга заканчивается борьбою Елизаветы съ епископами.

Исторія Чешскаго Королевства. Сочиненіе В. Томка. *Переводъ съ чешскаго подъ редакціей В. Яковлева. Въ восьми томахъ. С.-Петербургъ. Изданіе книжпродавца С. В. Зеонарева. 1868 г.*

Книга эта представляетъ полный обзоръ (800 стран.) вѣшней, политической жизни чешскаго народа, отъ перваго заселе-

нія ея Боями и Маркоманнами до 1860 года, то-есть до того времени, когда, послѣ пораженій при Мадженто и Сольферино, австрійское правительство увидѣло невозможность продолжать дальше Баховскую систему загубленія и задавливанія всѣх національных стремленій и необходимость вступить на другой, болѣе либеральный путь. О внутренней жизни чешской націи, о ея культурномъ и социальномъ развитіи, въ ней говорится довольно вскользь и съ такой точки зрѣнія, которая вѣдь и вѣрна и не можетъ рассчитывать на особенное сочувствіе. Тѣмъ не менѣе мы очень рады появленію этой книги на русскомъ языкѣ, особенно теперь, когда нѣкоторые предрассудки, поименованному, исчезнушіе на время въ нашемъ обществѣ, снова начинаютъ оживать и грозятъ даже принимать размѣры, о которыхъ раньше едва дерзали и думать. Мы говоримъ о нашемъ сочувствіи къ «славянскимъ братьямъ», пробудившемся съ такою силой въ послѣднее время. Собственно говоря, сочувствіе къ «славянскимъ братьямъ» у насъ никогда совершенно не прерывалось: мы всегда продолжали относиться къ нимъ съ нѣкоторою аттенціей и у насъ еще до сихъ поръ существуетъ партія, задушевнѣйшую мысль которой составляетъ соединеніе всѣхъ «славянскихъ братій» въ одну семью подъ верховной командой старшихъ братьевъ, россіянъ. Но наши «славянскіе братья» такъ сильно и безпардонно скомпрометировали себя въ 1848 г., что, когда въ средніе пятидесятыхъ годовъ, наше народное сознаніе стало пробуждаться и намъ стало возможно нѣсколько свободнѣе осматриваться кругомъ и безобязаннѣе выражать свои симпатіи и антипатіи, — намъ какъ-то конфузно было снова затрогивать вопросъ о сочувствіи къ «славянскимъ братьямъ», тѣмъ болѣе, что въ то время намъ кто-то подсказывалъ, что одни археологическія заслуги не даютъ еще права на сочувствіе и что отъ такого сочувствія, обуславливающагося преимущественно сердечной любвеобильностью, ничего не можетъ выйти, кромѣ развѣ взаимнаго обмѣна любезностей и, пожалуй, совокупнаго бранничанья. Но tempora mutantur, и славянскій вопросъ снова всплылъ наверхъ. Барону Бейсту пришла несчастная фантазія сболтнуть какъ-то, что онъ «прижметъ славянъ къ стѣнѣ», и эти глупыя слова вызвали страшный гвалтъ во всѣхъ славяно-австрійскихъ земляхъ, отдавшійся громомъ проклятій и въ нашемъ довольно смирномъ обществѣ. Тотчасъ же всѣ наши журналы и газеты обзавелись особыми «славянскими» отдѣлами, снова начались іереміады о единоплеменныхъ славянскихъ братьяхъ, систематически загубленныхъ латинствомъ и нѣмецкой итампгенціей, снова пуцены въ ходъ все тотъ же панславянскій археологическій патріотизмъ, отъ котораго, казалось, мы избавились-было надолго. Краснорѣчивыя іереміады эти имѣли успѣхъ въ нашемъ обществѣ, какъ извѣстно, не могущемъ похвалиться ни политическимъ, ни историческимъ образованіемъ. При такомъ настроеніи умовъ, книга Томка явилась у насъ очень кстати.

Самъ Томка принадлежитъ, повидимому, къ той партіи, которая съ особенною сердечною услудою прикомандировываетъ себя къ программѣ Палацкаго и Ригера, разигравшихъ у насъ такую жалкую роль въ прошломъ году за московской кулебякой, которая видитъ верхъ государственной и политической мудрости, необыкновенный подвигъ на пользу славянъ и всего человѣчества въ томъ, что въ 1848 г. Палацкій отказался отъ участія во франкфуртскомъ парламентѣ (чѣмъ, по мнѣнію Томка, онъ спасъ и чешскій народъ, и Австрійскую имперію) и которая видитъ верхъ нелѣпости въ мысли, «что свобода выше народности». Известно, что это та самая партія, которая вывезала теперь столько жалкой безтактности въ современномъ политическомъ движеніи австрійскихъ народностей, которая изъ пошлой ненависти къ метаморфозировавшемуся барону Бейсту и либеральнымъ нѣмецкимъ партіямъ окончательно бросилась въ объятія самыхъ крайнихъ австрійскихъ консерваторовъ, страстно (на сколько археолога способны къ страстности) противодѣйствуетъ всѣмъ истинно либеральнымъ начинаніямъ современнаго австрійскаго правительства, совершенно забывая, что это именно тѣ реформы, за которыя ратовали лучшіе славянскіе умы, за которыя сожженъ былъ Іоаннъ Гусъ, истинно великій славянской дѣятель, — великій человѣкъ, которымъ справедливо гордится чешская нація. Мы причисляемъ Томка къ этой партіи, потому, что онъ еще и теперь, въ шестидесятыхъ годахъ, когда доголѣтняя Баховская практика могла бы, кажется, образумить самыхъ легкомысленныхъ, когда австрійское правительство такъ чувствительно отблагодарило славянскія народности, поддержавшія его въ критическую минуту, въ ущербъ своимъ кровнымъ интересамъ и здравому смыслу, противъ венгерскихъ и собственно нѣмецкихъ притязаній, — еще и теперь онъ всачески отстаиваетъ поведеніе чеховъ въ 1848 году, еще и теперь онъ вполне убѣжденъ, что банъ Елашичъ былъ горячій славянской патриотъ, единственно изъ панславянскихъ побужденій громившій Венгрію, — онъ доходитъ даже до того, что не прочь побавхвалиться чешскимъ происхожденіемъ Радецаго.

Но историческіе факты сильнѣе теоретическихъ предразсудковъ и навѣянныхъ кастой взглядовъ, — вотъ почему мы считаемъ переводъ исторіи Томка полезнымъ для нашей публики. Прочитавши книгу, читатель легко убѣдится, что въ порабощеніи и жалкомъ политическомъ и экономическомъ положеніи чеховъ и вообще славянскихъ народностей, главнымъ образомъ участвовали все тѣ же тлетворные элементы, которые вездѣ и повсюду, и на германской, и на романской, и на славянской почвѣ дѣйствовали одинаковымъ образомъ и производили одинаковые результаты. Не нѣмецкая интеллигенція, составляющая справедливую гордость современнаго человѣчества, не племенная ненависть германской національности къ славянской, изобрѣтенная и популяризированная догадливыми панславистами и ихъ blaгодѣ-

телями, но безысходная нищета и невѣжество массъ и нена-
сытнѣйшій эгоизмъ тѣхъ классовъ, которымъ на руку и эта ни-
щета, и это невѣжество, — вотъ истинныя причины паденія чеш-
скаго государства и страшнаго гнета, таготившаго надъ совре-
меннымъ славянскимъ миромъ. Но противъ этихъ губительныхъ
силъ именно и борется нѣмецкая интеллигенція, уничтоженіе
этихъ силъ именно и имѣли въ виду лучшіе германскіе дѣятели
1848 года, и не понимать это могли только патриоты-археологи,
для которыхъ древній памятникъ народной поэзіи бываетъ под-
часъ важнѣе правильнаго установленія налоговъ и тому подоб-
ныхъ непозитивскихъ вещей. Внимательное чтеніе книги Тома
какъ нельзя больше подтверждаетъ нашу мысль. Подъ вліяніемъ
феодалныхъ порядковъ, взмѣнившихъ весь прежній, внутренній
строй чешской націи и укorenившихся отчасти отъ постепеннаго
усиленія нѣмецкаго элемента, которому всячески благопріятство-
вали сами короли и несостоятельность тогдашней чешской непо-
средственной культуры при столкновеніи съ нѣмецкой, отчасти
отъ расдѣивающаго дѣйствія римской церковной іерархіи, сама
чешская нація распалась на два враждебныхъ лагеря: аристо-
кратовъ, всѣми средствами старавшихся удержать этотъ поря-
докъ и доводить его до самыхъ крайнихъ его выводовъ, и соб-
ственно народа, который постоянно урѣзывали въ его правахъ
и на который все меньше и меньше стали обращать вниманіе.
Во время гусситскихъ войнъ, составившихъ истинно народное
дѣло, когда, подъ вліяніемъ новыхъ идей, недовольный народъ
неслыханнымъ дотолѣ энергическимъ пробужденіемъ выразилъ
свой пламенный протестъ противъ церкви и государственныя
порядковъ, шедшихъ въ разрѣвъ съ его дѣйствительными по-
требностями, на сторонѣ реакціи, загубившей это движеніе, боль-
шинство составляютъ чешскіе паны и феодалы, и только нѣко-
торыя отдѣльныя благородныя личности приняли сторону народа.
Благодаря этимъ кровно-чешскимъ панамъ, великое гусситское
движеніе, поднявшееся во имя общечеловѣческихъ началъ про-
тивъ клерикально-феодалныхъ тенденцій, свелось къ подобію
знаменитой мыши, родившейся отъ горы — распаденію чешской
церкви на утраввистовъ и унионистовъ, и даже въ этой жалкой
развязкѣ величественной національной трагедіи на сторонѣ уни-
онистовъ оказались почти всѣ главнѣйшіе природно-чешскіе паны.
То же самое мы видимъ во всей исторіи этого замѣчательнаго
народа. Послѣ окончательнаго уничтоженія таборитовъ, соб-
ственно народъ больше и не является въ исторіи. Вся она за-
нята теперь борьбою феодаловъ съ королями и между собой за
власть и право эксплуатировать и грабить страну, а послѣ бѣно-
горской битвы, кончившейся полнымъ торжествомъ габсбургскаго
дома въ лицѣ императора Фердинанда II, побѣжденные феодалы
сдѣлались усердными слугами и пособниками императорскаго
самовластия, очень хорошо понимая, что при общемъ дѣлѣ
значительная часть выпадетъ и на ея долю.

Само собой разумѣется, что было бы нелѣпо поставить это въ упрекъ чешскому народу. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ вполнѣ раздѣлялъ участь другихъ европейскихъ націй. Феодальные порядки были однимъ изъ продолжительнѣйшихъ фазисовъ, чрезъ которые суждено было пройти европейскому человечеству, и видѣть въ томъ что нибудь оскорбительное для чести и достоинства націи было бы по меньшей мѣрѣ неблагоприятно. Мы упомянули объ этой сторонѣ чешской исторіи лишь съ тѣмъ, чтобы напомнить нашимъ читателямъ, что бѣдствія чешскаго народа, стоящаго во главѣ всѣхъ славяно-австрійскихъ народностей и задающаго тонъ послѣднимъ, коренятся въ тѣхъ же экономическихъ и общественныхъ неправдахъ, отъ которыхъ страдала и теперь еще, пожалуй, страдаетъ почти вся остальная Европа, и что, воопеку, исхода изъ нихъ слѣдуетъ искать не въ археологическихъ преданіяхъ и панславянскихъ бредняхъ, а въ тѣхъ реальныхъ началахъ, которыя выработала европейская, стало быть, и нѣмецкая наука. Всякое упорное противодѣйствіе этимъ началамъ, хотя бы оно истекало изъ самаго чистаго патріотизма и хотѣ бы на помощь ему призывались самыя древнія археологическія записки, должно считаться злоуряднымъ обскурантизмомъ и вызывать безпощадную борьбу.

Скажемъ нѣсколько словъ и о самой книгѣ. Мы уже замѣтили выше, что исторія эта есть болѣе политическая, чѣмъ культурно-бытовая, и что точка зрѣнія автора, съ которой онъ разсматриваетъ факты, касающіеся послѣдней стороны чешской исторіи, не можетъ считаться особенно удовлетворительной. Лучшее всего это видно на изложеніи гусситскаго движенія. Оно изложено довольно подробно, но всѣ эти подробности касаются больше различныхъ битвъ и стычекъ, нежели внутреннихъ элементовъ, вызвавшихъ и поддерживавшихъ движеніе. Отношеніе его къ этой эпохѣ тоже довольно странное. О самомъ Гуссѣ онъ говоритъ, конечно, съ полнымъ уваженіемъ, хотя и безъ особенной восторженности; да и мудро было бы и говорить иначе объ этой свѣтлѣйшей славянской личности. Не будь Гусса и произведеннаго имъ движенія, исторія западно-славянскихъ народностей лишилась бы, быть можетъ, всякаго всемірно-историческаго интереса. Но къ дальнѣйшимъ подробностямъ этого движенія, къ людямъ, пытавшимся развивать мысли великаго реформатора дальше, до ихъ послѣднихъ логическихъ выводовъ, онъ, повидимому, относится несочувственно и видитъ въ этихъ ученіяхъ не логическое слѣдствіе даннаго Гуссомъ толчка, а прямое и вредное уклоненіе отъ его основныхъ положеній. Оно и понятно. Ученіе и практическіе опыты позднѣйшихъ послѣдователей Гусса не имѣли успѣха, и потому для историка, оставающагося только на фактахъ, такъ или иначе, но ощутительно дающихъ себя чувствовать въ исторіи, они не могутъ и не должны имѣть никакого интереса. Для насъ же, неисториковъ, интересующихся всякимъ проявленіемъ человеческой мысли,

какъ бы странно и причудливо ни были принимаемыя ею формы, эти подробности нѣли бы большой интересъ, большій, бгь можетъ, чѣмъ исторія всего рода Премисла; чѣмъ больше мы изучаемъ подобныя народныя движенія, тѣмъ больше мы убѣждаемся, что масса его составляетъ неисчерпаемый источникъ истинной гуманности и что только онъ въ состояніи беззабвѣно жертвовать собою для разъ сознанный имъ идеѣ.

Поменьше опечен. Романъ В. А. Кондаурова. *Екатеринославъ. 1867.*

Названный нами романъ вышелъ еще въ концѣ прошлаго года, но въ Петербургѣ онъ появился только въ настоящемъ. Не можемъ обойти его молчаніемъ, такъ-какъ въ провинціяхъ не часто появляются романы въ отдѣльныхъ издаваніяхъ, и новыя ихъ служить отчасти нѣкоторымъ доказательствомъ того, что охота къ чтенію у насъ начинается, хотя и медленно, развиваться. Конечно, издавая романъ, авторъ рассчитывалъ, вѣроятно, и на мѣстныхъ покупателей. Незабалованные особенною быстротою современнаго русскаго развитія, мы готовы пожалуй радоваться даже и такому, не особенно важному явленію, что книга напечатана довольно чисто въ Екатеринославѣ, что повязываетъ, что тамъ есть довольно сносная типографія. Въ самомъ оптимистическомъ настроеніи духа взялись мы за чтеніе произведенія г. Кондаурова, но къ крайнему нашему прискорбію должны признаться, что книга его насъ не удовлетворила и навела на различные размышленія свойства не особенно веселаго. Романъ г. Кондаурова,—качества нѣсколько страннаго. Основная идея его—что воспитаніе дѣтей должно быть какъ можно свободнѣе, составляетъ безспорную истину; всѣ стремленія и взгляды автора, хотя неотличающагося особенною глубиною возрѣній, честны и командному искренни, нѣкоторыя его разсужденія (напр. на страницѣхъ 246—247) исполнены здраваго смысла, въ однихъ изъ дѣйствующихъ лицъ (учитель Калачевъ) удается автору создать даже какъ бы нѣкоторый намекъ на характеръ, но въ цѣломъ... романъ г. Кондаурова представляетъ какой-то либерально-младенческой лепетъ на общезвѣстныхъ и рутинныхъ темахъ по части либерализма. Самый разсказъ вялъ и скученъ. Всѣ его дѣйствующія лица, Любимовы, Воропаевы, князя Скочиловы, Грубины (отецъ и сынъ), равные гимназисты, Лизы, Настя, Луканишины, Софья и Груни, представляютъ какіе-то образы безъ лицъ и манеры съ ярлыками, на которыхъ довольно грубо написаны тѣ либеральныя тенденціи, какія авторъ возжелалъ ими олицетворить. Ни одной живой сцены, ни одного положенія, которое было бы сколько-нибудь ново или оригинально, ни одной строки, которая могла бы привести читателя на дѣйствительно плодотворныя размышленія—мы не нашли во всемъ романѣ г. Кондаурова. Утрировка во немъ идеѣ поражаетъ читателя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги самихъ

глубинъ образомъ; такъ напр., на стр. 114 ивѣщанская дочь Лиза рассказываетъ, что у родителей ея на лучшей улицѣ города стоялъ старый домъ съ гнилою крышею, существованіе котораго какъ бы ивѣщало жить начальнику города. Начальникъ своею административною властью приказываетъ его сломать... казалось бы на этомъ можно было и остановиться. Для бѣдныхъ людей остаться, вслѣдствіе дикаго произвола, безъ крова — бѣда нешуточная, но г. Кондаурову почему-то пришло желаніе, для усиленія эффекта, похоронить подъ развалинами его во время ломки, ни къ селу ни городу, малолѣтнюю сестру Лизы — Аксютку, повѣсить «на тоненькую веревочку, задѣтую за крюкъ удѣльнаго воротнаго столба», ея мать и сносить до смерти въ самомъ скоромъ времени ея отца, предварительно выпоротата «здорово-живень» усердными полицейскими властями. Такъ-какъ при этомъ все это рассказано весьма неискусно — то и впечатлѣніе рассказомъ производится фальшивое. Прочтя романъ г. Кондаурова, мы пришли къ заключенію, что авторъ его человекъ въ писательствѣ мало опытный и притомъ лишенный всякаго творчества. Говоримъ ему прямо, что его беллетристическій оныть весьма неудаченъ, хотя, какъ намъ кажется, съ его взглядами онъ могъ бы писать, небезполезно для себя и для общества — безхитростныя статьи о предметахъ житейскаго общежитія. При иракѣ, господствующемъ еще въ нашихъ отдаленныхъ провинціяхъ, и его голосъ былъ бы небезполезенъ при обсужденіи насущныхъ жизненныхъ вопросовъ. Для этого г. Кондаурову не слѣдуетъ только слишкомъ увлекаться полетомъ своей фантазіи, которая его приводитъ къ крайнимъ уродливостямъ. Мы должны заранѣе извиниться передъ публикой за тотъ примѣръ, который мы хотимъ указать въ романѣ г. Кондаурова, для подтвержденія нашей мысли. Вотъ до какого безобразія доходитъ г. Кондауровъ, желая доказать вредъ воспитанія, при которомъ немѣлыми родителями обращается вниманіе не на внутреннее развитіе ребенка, а только на внѣшнюю дрессировку его для достиженія внѣшнихъ житейскихъ цѣлей. Одинъ изъ его героевъ, Любимовъ, юноша лѣтъ двадцати-пяти, нарисованъ у него такими красками, которая встаетъ только въ книгѣ извѣстнаго специалиста — Тиссота.

«Впродолженіе рассказа Графини Васильевны, Грубинъ пристально смотрѣлъ на Любимова: ввалившаяся грудь, преждевременное старческое выраженіе, исхудалое лицо, тусклый, оловянный взглядъ впалыхъ глазъ, блѣдныя губы, дрожащія руки и общая худоба — все это обнаруживало въ Любимовѣ...» но мы думаемъ, что сдѣлаемъ лучше, если не послѣдуемъ далѣе за авторомъ въ этомъ описаніи, подобнаго которому по безцеремонности мы еще ничего не встрѣчали въ печати...

Обобщать такое явленіе, причины котораго весьма разнообразны и многочисленны, г. Кондауровъ, совсѣмъ не такъ легко, какъ

это кажется людямъ, незнающимъ фавіологіи и патологіи чело-
вѣка. Помѣщать же въ беллетристическомъ произведеніи описа-
нія такого рода тайныхъ недуговъ столько же нѣлзю, сколько
безполезно и литературно-непримично. Иден же, промахами такого
рода, если и оказываютъ услуги, то конечно только медѣлы.

Почти на столько же литературно-непримично у г. Кондаур-
ва и описаніе одной изъ героинь, Софіи, олицетворенной ино-
ромъ въ видѣ мишонка. Все это описаніе до нелзья пензле: «во-
милей, вѣчно-пиктиный товарищъ предсѣдателя, служившій нодъ
начальствомъ Либидрова, встрѣль на Соню, какъ жирный нодъ
на мишонка, идѣлазь уже разныя эволюціи, чтобы не увери-
лась отъ него вкусная добыча. Съ милой мордашкой (I), округ-
лыми фермами, говорившими о восстаніи на крушчатой музѣ (II),
красно-извивающемся изъ пу-де-суа крестикомъ (III), вѣчно-ме-
селный, плавовивный — онъ возбуждалъ аякетать во многихъ,
особенно же въ толстѣйшемъ товарищѣ предсѣдателя, который
заранѣе плотоудно облизывался при одной мысли объ удоволь-
ствіи, когда хороменькій мишончикъ запыцать въ котлкъ у не-
го» и т. д. Такая картинка, процессъ писанія которой долнеъ
быть отнесенъ, по системѣ Тлесота, къ умственной формѣ того
же порока, съ которнмъ ратуеть г. Кондауровъ, заканчивается
авторомъ такими провинціально-безцеремонными строками, ко-
торыи мы снова останавливаемся вышнелать.

Все это, какъ видать читатель, очень безцеремонно, и намъ
просто обидно встрѣчаться съ подобными пошлостями въ кни-
гахъ, гдѣ цѣль авторовъ было дѣйствительное стремленіе къ
пользѣ общества... Вѣдь эдакъ, чего добраго, можно повестъ
и въ Авенаріусн.

**Пережитое и передуманное. Воспомнанія Василіа
Кельсіева.** Спб. 1868 г.

Авторъ этой книги, какъ это красовалось нѣсколько времени
на книгопродавческихъ объявленіяхъ, экъ-эмигрантъ и сотруд-
никъ нѣкоторыхъ русскихъ газетъ и журналовъ, печатавшій свои
статьи подъ псевдонимомъ Иванова-Жалудкова. Внѣшняя его
исторія, въ общихъ чертахъ, извѣстна русской читающей публикѣ.
Едва окончивъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ, въ 1859 году,
онъ эмигрировалъ за границу, по собственнымъ его словамъ, «не
имѣя для этого ни малѣйшаго повода» (247 стр. «Воспомнаній»), а
«спустился въ десятыя похождения просто потому, почему мотыль
привлекаеть свѣчка» (251). Во время пребыванія его за границей,
ему пришлось «не только самому натерпѣться горя, но и другимъ
уходить въ тѣ блаженныя мѣста, куда, по народному выраженію,
Макаръ телятъ не гоняеть» (245). Въ это время онъ пригово-
ромъ сената былъ объявленъ неосужденнымъ государственнмъ
преступникомъ, изгнаннымъ на вѣчныя времена изъ предѣловъ
государства. 20-го мая 1861 года, онъ явился въ Суммы и

«отдался безусловно въ руки правительства», а 11-го сентября ему было объявлено помилованіе Государя Императора.

Казалось бы, недавность всѣхъ этихъ событій должна бы была разбудить въ г. Кельсіевѣ чувство деликатной скромности и сознанія щекотливости своего положенія. «Все ваше прошлое — забыто» — сказали ему при его освобожденіи (213), и всякій другой на его мѣстѣ, если бы и задумалъ тотчасъ же записывать свои недавнія воспоминанія и впечатлѣнія, то сталъ бы дѣлать это развѣ для себя... Но г. Кельсіевъ, на сколько онъ выражается въ своихъ воспоминаніяхъ, не таковъ. Основныя черты его дѣятельности: необдуманность всякаго поступка, такое бы печальное вліяніе на имѣли таковыя, какъ на его личную судьбу, такъ и на судьбу другихъ, и страсть къ рисовкѣ и позированію во что бы то ни стало.

Вся его книга переполнена доказательствами и того и другого. Дѣлаясь эмигрантомъ, онъ не имѣетъ на это «ни малѣйшаго повода», переселился изъ Тульчи въ Вѣну, взявъ на весь образъ своей жизни и воцерквивъ, онъ дѣлаетъ это «такъ, какъ на прогулкѣ сядишь не на ту, а на эту скамейку» (10), въ минуты тяжелаго раздумья, онъ одинаково готовъ «постричься на Афонѣ», «идти цѣшкомъ куда нибудь въ Индію», или «завратъ куда нибудь на Тихій океанъ». «Я могъ бы сдѣлаться, — говоритъ онъ — Робинзономъ Крузе» (5—6). Самую рѣшимость свою возвращаться на родину, онъ мотивируетъ такъ: «поводомъ къ возвращенію моему въ Россію, была коляска друга моего — спонца» (14) (спонцъ этотъ мылъ коляску, въ которой кто-то собирався ѣхать изъ Яссы въ русской границѣ).

Страсть къ рисовкѣ и позированію не покидаетъ его ни при какомъ положеніи, въ какия ни поставили бы его обстоятельства. Если поводы къ его дѣятельности обыкновенно и постоянно — *просто*, то эта простота рѣшительно покидаетъ его, едва онъ освоится съ новыми своимъ положеніемъ. Тутъ онъ уже, по словамъ Грибоѣдова, «словечка въ простотѣ не скажетъ — все съ ужимкой», напоминая собою тѣхъ карликовъ, которые съ такою необдуманностью ридятся въ маску и котурни Геркулеса. Такъ, во всей своей книгѣ, высказывая свои личные и легкомысленные взгляды, онъ отождествляетъ себя съ современностью и современность съ собою, и беретъ быть какъ бы выразителемъ стремленій и мыслей цѣлаго поколѣнія, постоянно освѣщая свою личность бенгальскимъ огнемъ реторики и шумихою фразъ.

Сознаваясь, что онъ былъ весьма плохимъ ученикомъ коммерческаго училища, гдѣ онъ «десять лѣтъ сразу болѣе лѣнчился, нежели учился», онъ драпировается своимъ невѣжествомъ, представляя въ книгѣ своей необычно яркія его доказательства («воздухъ состоитъ — говоритъ г. Кельсіевъ — изъ кислорода, азота и водорода», «гипнотизація (гипнотизмъ? явленіе, вызываемое физическимъ вліяніемъ металлическихъ предметовъ на нервную систему),

по его мнѣнію, — *явленіе психическое*). Драпшируюсь въ отрицаніе, онъ пародируетъ Байроновскаго Кайна: «Я сталъ ненавидѣть *все существующее* — и пришель въ такимъ отрицаніямъ, до какихъ едва ли кто нибудь доходилъ. Я промалъ міръ, родъ человѣческой, мысль, чувство, свои воспоминанія и свои надежды» (6). Боязнь имѣть что-нибудь свое, въ то время, когда онъ, по собственному выраженію, «велъ жизнь Діогена», доводитъ его до опасенія «имѣть лишній носовой платокъ», хотя человѣку, въ какихъ бы критическихъ положеніяхъ онъ ни былъ, имѣть носовой платокъ никогда не лишнее. Имѣлъ ли онъ бочку и фонарь — объ этомъ онъ умалчиваетъ. Возвращаясь въ Россію, онъ желаетъ играть роль Прометей, сокрушаясь, что его медлятъ приковывать къ скалѣ. Онъ чуть не требуетъ «железной музыки», какъ онъ образно называетъ вандалы, и едва не приходитъ въ отчаяніе, что не только Вулканъ, но даже простой кузнецъ не является на его зовъ. Когда по Могилевской губерніи его везутъ «какъ арестованную особу» два добродѣтельныхъ жандарма: Марковъ и Тимченко, то его занимаютъ не мысли объ его личной судьбѣ, правотѣ его или виновности, или объ участи тѣхъ лицъ, которыя ему *пришлось уходить и т. д.*, а то, что онъ «въ своей сѣрой поярковой шляпѣ, купленной въ Яссахъ, высокой, съ широкими полями, сидящій на полосатыхъ коврахъ», подъ козырькомъ жандармовъ, возбуждаетъ во встрѣчномъ населеніи «интересъ загадочной личности». Такимъ образомъ, желая въ своей книгѣ выставить себя какимъ-то Титаномъ, или по крайней мѣрѣ «героемъ нашего времени», г. Кельсіевъ, самъ того не замѣчая, напоминаетъ собою скорѣе новѣйшаго Грушницкаго изъ «Героевъ нашего времени» Лермонтова.

Благодаря только что нами указанному свойству личнаго характера г. Кельсіева, вся книга эскъ-эмигранта предсталиетъ собою какую-то его автофотографію, въ которой онъ является попеременно во всевозможныхъ костюмахъ: то въ курточкѣ льняваго и ординарнаго ученика коммерческаго училища, то въ ходульномъ плащѣ безцѣльнаго эмигранта, то въ смиренномъ костюмѣ дунайскаго раскольника хлыстовской секты, то во вретящѣ Діогена, отрицающаго даже носовые платки, то въ расѣ казакъ-башы (атамана некрасовцевъ въ Добруджѣ), то въ видѣ загадочнаго и влюбленнаго въ себя узника вѣнченскаго острога, то въ видѣ турецкаго подданнаго, *Wassily Jovanoffa*, то въ образѣ добродушнаго писака средней руки — Иванова-Желудова, въ потертомъ и засаленномъ халатѣ, то въ видѣ фантастическаго Синдбада — моряка, или Улисса — хитроумнаго... Позируя во всѣхъ этихъ одеждахъ передъ читателями, г. Кельсіевъ какъ будто навязывается, чтобы они сдѣлали ему тотъ комплиментъ, какииъ угостилъ нѣкогда Богдановичъ героиню своей книгѣ забытой поэмы: «Во всѣхъ ты душенька нарядахъ — хороша»...

Но, въ какихъ бы костюмахъ ни являлся г. Кельсіевъ, одиссея его пожденій не заинтересовываетъ читателя, такъ-какъ

интересъ ея — чисто внѣшній. Прочитавъ книгу его воспоминаній, всякій мыслящій читатель легко убѣдится, что г. Кальсіевъ — никогда не имѣлъ и не исповѣдовалъ никакихъ идей, ни отрицательныхъ, ни революціонныхъ или панславистскихъ; онъ только *состоалъ при нихъ*, какъ состоалъ при Гумченкѣ и Марковѣ, во время своей перевозки изъ Бессарабинъ въ Петербургъ. Идеи его обыкновенно только казовыя, и даже нинѣ родившееся въ немъ желаніе видѣть славянскія земли присоединенными къ Россіи, въ видѣ бѣлградскихъ и иныхъ губерній — для насъ подозрительно. Онъ самъ наивно проговаривается въ одномъ мѣстѣ своей книги, что «вообще, если я затѣваю что нибудь крупное, то какъ бы инстинктивно скрываю отъ всѣхъ свое намѣреніе» (68), и, слѣдовательно, если онъ и распространяется въ своей книгѣ о своемъ сочувствіи къ панславизму, то очевидно, что съ этой идеей онъ не связываетъ ничего «крупнаго», иначе онъ воздержался бы отъ своего никому ненужнаго разглашательства по этому поводу.

Внѣшній же интересъ книги г. Иванова Желудкова пострадалъ нѣсколько отъ того, что въ теченіе своей жизни онъ, какъ безъ повода становился казакомъ-баши, или *Диогеномъ*, такъ точно безъ повода же, отказывался отъ такихъ ролей, играть которыя въ житейской комедіи, ему, при его леотаровской ловкости и блонденовскомъ безстрашіи, было бы весьма не безъэффектно. А въ случаяхъ для такихъ видныхъ ролей — недостатка не было. Такъ онъ, во время своихъ безцѣльныхъ странствованій, если только ему вѣрить, «чуть-чуть не попалъ въ черкесскіе султаны» (106), а хлыстовская богородица предлагала ему сдѣлаться даже Христомъ, «говоря мнѣ, что я буду царемъ небеснымъ и земнымъ и владыкой всего міра видимаго и невидимаго, такъ что всѣ цари земные по моей власти ходятъ будутъ» (49).

Еслибы съ г. Кальсіевымъ случилось нѣчто подобное, то его воспоминанія были бы, вѣроятно, объемистѣе, и читатель былъ въ выигрышѣ, такъ-какъ они, вѣроятно, не были бы дороже той цѣны, которую авторъ назначилъ за нихъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Два рубля серебромъ за 14 листовъ разгонистой печати — весьма не дешево!

НЕКРОЛОГЪ.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ.

Печальная новость о ранней и неожиданной смерти талантливаго и плодовитаго русскаго писателя — Дмитрія Ивановича Писарева уже известна русской читающей публикѣ, — изъ газетъ. Онъ утонулъ 4-го іюля, купаясь въ Дубельнѣ, близъ Риги, куда поѣхалъ, въ концѣ іюня, по совѣту врачей, для поправленія своего здоровья, разстроеннаго какъ усиленными литературными занятіями, такъ и ненормальными условіями жизни, въ какиѣ незадолго до своей смерти находился около четырехъ лѣтъ. Разстройство это было до того глубоко, что требовало продолжительнаго леченія за границей, но къ сожалѣнію покойный писатель не могъ получить офиціального разрѣшенія на таку поѣзду, а отправился въ Ригу, гдѣ неожиданная смерть постигла его 28 лѣтъ отъ роду.

Въ виду свѣжей могилы почившаго нашего собрата, не время опредѣлять его литературное значеніе и вдаваться въ критическую оцѣнку его многосторонней и вліятельной дѣятельности. Обо всемъ этомъ мы скажемъ впоследствии, да конечно и не одни мы, такъ-какъ покойный Д. И. Писаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ литературныхъ дѣателей, прозведенія которыхъ оставляютъ глубокій слѣдъ въ средѣ своихъ современниковъ. Топки объ нихъ не превращаются съ ихъ смертью; напротивъ, съ этихъ поръ для нихъ начинается болѣе беспристрастный судъ людей, пережившихъ ихъ. Личныя некорректныя и житейскія пристрастія по отношенію къ нимъ ограничиваются; идеи, которыя они проповѣдывали, разсматриваются съ болѣею осмотрительностью; мнѣніямъ ихъ отдается болѣе справедливость, и самый личный характеръ ихъ слагается въ мысли людей, ихъ знавшихъ, въ болѣе опредѣленныхъ и ясныхъ чертахъ, какъ нѣчто опредѣленное и законченное. Поэтому мы скажемъ теперь только нѣсколько словъ о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни покойнаго, объ основномъ смыслѣ его литературной дѣятельности, и только въ общихъ чертахъ напомнимъ его характеръ, какъ личности. Последній мы имѣли случай изучить весьма близко, такъ-какъ покойный собратъ нашъ, въ послѣднее время

своей жизни, посвящая свою дѣятельность исключительно «Отечественнымъ Запискамъ», въ обновленныхъ ихъ, съ начала текущаго года, видѣть и счумѣть въ это короткое время заслужить наибѣйшее къ себѣ сочувствіе и глубокое уваженіе отъ всѣхъ своихъ товарищей по труду...

Д. И. Писаревъ родился 2-го октября 1840 года въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи, въ дворянской семьѣ небогатыхъ людей. Отецъ и мать его еще живы. Развѣтіе его началось чрезвычайно рано. Еще не умѣя говорить, онъ звукоподражаніями выражалъ, что онъ отличаетъ различныхъ животныхъ, которыя были нарисованы на его дѣтскомъ столѣикѣ. Трехъ лѣтъ отъ роду онъ уже зналъ азбуку, четырехъ — довольно отчетливо говорилъ порусски и пофранцузски. Восми лѣтъ — онъ сочинилъ уже пофранцузски сказку, которая хранится въ его семьѣ. Съ этого же возраста онъ сталъ учиться по нѣмецки и десяти лѣтъ уже читалъ прозаическія сочиненія Шиллера. Одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ 3-ю петербургскую гимназію, прямо въ третій или четвертый классъ, и окончилъ курсъ, не имѣя еще 16 лѣтъ, такъ что за три мѣсяца до наступленія этого возраста былъ уже студентомъ петербургскаго университета. Университетскій кружокъ, къ которому онъ примкнулъ по поступленіи туда, по словамъ товарища его г. Полеваго, «не принималъ никакого участія въ тогдашней жизни университета, отдаваясь исключительно наукѣ и специальностямъ». Такое направленіе сначала весьма повзвѣло Писареву, старавшемуся своей серьезностью выкупить свою крайнюю молодость, казавшуюся ему чуть не преступленіемъ. Основательныя знанія

* Вотъ списокъ статей Д. И. Писарева, напечатанныхъ въ нашихъ журналахъ: «Старое барство», «Романы Андре Део», «Мистическая любовь», «Французскій крестьянинъ 1789 года». Кроме того, онъ, въ видѣ отдыха, передалъ для «Отеч. Зап.» два романа: «Принцъ-собачка» Лабуэ и «Золотые годы молодой французкини» Дроза. Ни одна изъ этихъ статей не была, по желанію автора, подписанной, такъ-какъ съ подписью своего имени онъ хотѣлъ повѣстись позидѣе, въ самостоятельныхъ критическихъ статьяхъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ выразить вѣрнее результаты своей постоянно развивавшейся мысли. Несмотря на такую скромность, знающая читателя легко увидѣтъ, что такіа статьи, какъ, напримѣръ, «Французскій крестьянинъ», не только вполнѣ достойны его таланта, но даже по глубинѣ, сдержанности и опредѣленности мысли должны занять въ его произведеніяхъ первостепенное мѣсто. Кроме нерчисленныхъ намъ работъ, Д. И. Писаревъ, уѣзжая въ Ригу, заготовилъ матеріалы для семи, обѣщанныхъ намъ статей. Замѣтимъ при этомъ, что онъ бросилъ двѣ начатія имъ статьи (о Дидро и о современной Америкѣ) только потому, что случайно сошелся въ выборѣ предмета съ другими извѣстными писателями, статьи котораго (Лессингъ и Дидро и Сѣверо-американское сектаторство) были у насъ напечатаны. Понимать своихъ статей въ другихъ журналахъ онъ, по разнымъ причинамъ, не хотѣлъ. Изумительная его владованность можетъ быть объяснена не иначе, какъ необычайной легкостью, съ какой ему доставалась литературная работа.

въ древнихъ языкахъ, вынесенны имъ изъ гимназій, сразу доставили ему уваженіе товарищей по кружку, придававшихъ такое значеніе «спеціальности». Но кружокъ «специалистовъ» скоро его утомила, и хотя онъ по примѣру его и хотѣлъ также отдаться какой нибудь одной спеціальности, но энергическая его натура не могла удовлетвориться участіемъ изученія одной какой либо науки. Жажда болѣе широкой дѣятельности не давала ему покоя. Напрасно онъ перебрасывался отъ одной спеціальности къ другой — ни одна не удовлетворяла его, хотя это страстное отысканіе соответственной для себя дѣятельности и не прошло для него безъ пользы. Переходя отъ одной спеціальности къ другой, онъ имѣлъ возможность записать громаднымъ количествомъ знаній, прежде нежели выступилъ на литературное поприще. Но въ то же самое время усиленные труды въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ, напряженное изученіе самого себя для выбора дѣятельности, мысль, незнавшая усложненія, при нервной раздражительности и усиленной впечатлительности молодого организма — отразились роковымъ образомъ на юношѣ. Перейдя въ 4-й курсъ, Писаревъ поплатился за свою усиленную душевную дѣятельность страшною психическою болѣзнию. Только послѣ пребыванія въ лечебницѣ доктора Штейна и продолжительнаго отдыха въ деревнѣ — прежнія умственные способности возвратились къ нему, и къ веснѣ 1861 года онъ могъ окончить курсъ въ университетѣ — кандидатомъ. Диссертация его на эту степень «Аполоній Тиунскій» напечатана въ «Русскомъ Словѣ»; обширный этотъ трудъ былъ имъ написанъ всего въ 2 мѣсяца. Но, еще прежде окончанія курса, Писаревъ уже занимался литературой. Такъ въ 1859 году, еще до своей тяжкой болѣзни, онъ получилъ приглашеніе отъ г. Крепина, издававшего въ то время весьма сносный журналъ двѣдцать «Разсвѣтъ», завѣдывать библиографическою частью изданія. Въ числѣ многихъ статей его этого времени замѣчательна его статья о женскихъ характерахъ въ русскихъ романахъ, гдѣ онъ горячо и увлекательно вступался за права женщинъ. Эта статья однако же стоила ему разлада съ кружкомъ «специалистовъ», не раздѣлявшихъ, или можетъ быть даже не понимавшихъ его гуманныхъ взглядовъ. Убѣдись въ своемъ литературномъ призваніи, Д. И. Писаревъ, впрочемъ весьма скоро (въ 1860 г.), разорвалъ всякія свои связи съ этимъ кружкомъ.

Послѣ напечатанія «Аполонія Тиунскаго» въ «Русскомъ Словѣ», Писаревъ сталъ работать постоянно въ этомъ журналѣ, и доставилъ ему, какъ извѣстно, и успѣхъ и значительное число подписчиковъ. Въ статьяхъ его, рѣзкихъ и горячихъ по тону и увлекательныхъ по изложенію, онъ никогда не затруднялся проводить дорогія ему идеи до послѣднихъ логическихъ результатовъ, высказывалъ рѣзкія истины нашему обществу, популяризировалъ научные выводы западной науки по самымъ разнообразнымъ ея отраслямъ, старался пролагать новыя пути для мысли,

и побивалъ безъ пощады, какъ авторитетъ въ области науки, такъ и всюкую рутину въ дѣйствительной жизни, но въ каковыя бы блестящими формами она ни проявлялась въ мірѣ, каковыя бы почтенными аргументами ни отстаивала она право на свое существованіе. Дорожа идеями, до которыхъ онъ додумывался, онъ отстаивалъ порою, однакоже, также горячо и свои ошибки и увлеченія, если даже ему на нихъ указывали: онъ зналъ, что въ общемъ онъ былъ правъ, и потому всё свои діалектическія способности употреблялъ на отстаиваніе второстепенныхъ подробностей, часто въ ущербъ самому себѣ... Въ это время онъ нажилъ себѣ какъ множество горячихъ поклонниковъ, готовыхъ даже и теперь стоять чуть не за каждое слово имъ написанное, такъ и основательное количество сильныхъ литературныхъ и не литературныхъ враговъ, признавшихъ его за опаснаго мечтателя, отчаяннаго утописта и жалкаго теоретика...

Въ 1862 году послѣдовалъ снова печальный перерывъ въ его дѣятельности... онъ былъ арестованъ по обвиненію въ политической агитаціи, помѣщенъ въ крѣпость... Черезъ годъ, по приговору уголовного департамента сената, онъ былъ присужденъ къ заключенію въ крѣпости на два года и четыре мѣсяца, но освобожденъ оттуда нѣсколько ранѣе срока (въ концѣ 1866 года), вслѣдствіе амнистіи, послѣдовавшей по случаю бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича. Всѣ статьи свои 1865—1866 года онъ писалъ въ тиши и уединеніи казачата. Во все время своего заключенія, онъ удивлялъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія по дѣламъ службы, твердостью своего духа и неистощимой энергіей, съ каковыми онъ выносилъ свое тяжелое наказаніе...

По выходѣ своемъ изъ заключенія въ ноябрѣ 1866 года, Д. И. Писаревъ не желалъ по своимъ убѣжденіямъ участвовать ни въ одномъ изъ существовавшихъ тогда журналовъ, кромѣ «Дѣла», а когда у него вышли нѣкоторые недоразумѣнія съ редакціей и этого журнала, онъ оставилъ совершенно журналистику и сталъ заниматься переводами иностранныхъ книгъ. Въ это время вышло нѣсколько серьезныхъ сочиненій или переведенныхъ, или редактированныхъ имъ. Съ января текущаго года онъ сталъ исключительно работать для нашего журнала, и еще дня за два до своего отъѣзда въ Ригу передавалъ одному изъ своихъ пріятелей и товарищей по университету г. К. свои литературные планы и надежды, каковыя онъ возлагалъ на лѣто и благопріятную, какъ казалось для него, пережѣву климата... Случай рѣшилъ иначе!

Русская мысль и литература понесли въ Д. П. Писаревъ значительную утрату, особенно ошутительную въ настоящую минуту, бѣдную талантами того направленія, котораго онъ былъ однимъ изъ сильныхъ представителей. Главное достоинство его литературной дѣятельности состояло въ честности и искренности его мысли, которыми онъ никогда не измѣнялъ, какъ бы неблаго-

приятно ли отражалось это на личной его судьбѣ. Блестящій популяризаторъ, онъ стремился уяснить публикѣ выгоды честной жизни, согласной съ послѣдними выводами науки; энергическій общественный дѣятель, онъ, откликаясь на всѣ явленія современной ему дѣятельности, старался охватить и уяснить тѣ смутные и запутанные формы, въ которыхъ начинается и слагается эта дѣятельность, съ тѣмъ, чтобы жаркимъ протестомъ и различными житейскими наставленіями и противорѣчія предохранить людей отъ этихъ золъ и бѣдствій, виною которыхъ или личныя небрежность и непониманіе отдѣльныхъ людей или повальное невѣжество. Какъ критикъ, разрушавшій авторитеты, онъ тоже принесъ немалую пользу, хотя въ этой области онъ и ошибался, по нашему мнѣнію, въ методѣ, или въ слишкомъ крутомъ его приложеніи къ явленіямъ нашей литературы. Всѣмъ извѣстны его нападки на искусство, доходившіе порою до отрицанія... Взглядъ этотъ, имѣвшій свое историческое оправданіе, въпрямѣрь, въ буржанахъ, не соответствовалъ складу русской мысли, хотя и въ этихъ, отчасти парадоксальныхъ своихъ статьяхъ, онъ боролся не съ фантастическими призраками, а съ существеннымъ зломъ нашего времени, съ личною и общественною анафіею, которая, къ несчастію, у насъ цѣлые десятки лѣтъ поощрялась и оправдывалась иногда самыми видными и талантливыми представителями русской литературы. Онѣгилы, Печорины, Рудини и т. д., отражаясь въ полуразвитой, хотя и благородной русской массѣ, плодили несмѣтные толпы дармоѣдовъ, лежебокъ и всяческой саранчи, представители которой умѣли быть Гамлетами, но не умѣли освободить крестьянъ. Замѣтимъ при этомъ, что все, что ни писалъ Д. И. Писаревъ, отличалось блестящимъ изложеніемъ; преслѣдуя безсодержательную художественность, онъ, самъ того не замѣчая, былъ художникомъ.

Какъ человѣкъ, Писаревъ могъ возбуждать въ самыхъ развитыхъ людяхъ зависть къ себѣ. Онъ принадлежалъ къ числу, такъ-называемыхъ у насъ, *новыхъ людей*, стремившихся къ вѣрнѣйшему согласованію своихъ дѣйствій съ словами своими. Разумѣется, такое тождество убѣжденій и дѣла у насъ на практикѣ не всегда бываетъ возможно, но уже самая попытка идти по такому пути, едва-ли не важнѣйшая нравственная задача нашихъ дней. Человѣкъ, подчиняющій каждое свое дѣйствіе, каждое рождающееся въ себѣ представленіе, строгому анализу мысли и оцѣнкѣ разума, особливо если мысль его постоянно развивается, заслуживаетъ названіе человѣка въ высочайшемъ смыслѣ почтеннаго. Писаревъ былъ такимъ, по крайней-мѣрѣ въ то недавнее время, когда намъ стало возможнымъ изучать его. Честный, работающій, безкорыстный, деликатный до изыщества въ отношеніяхъ съ другими людьми, онъ невольно возбуждалъ во всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, невольное къ себѣ уваженіе и симпатію. Онъ велъ жизнь строго нравственную въ лучшемъ значеніи этого слова, и за то въ лицѣ его явномъ

и въ самомъ тонѣ голоса видѣлся тотъ отпечатокъ собственнаго достоинства, трезвой сдержанной мысли, который сообщалъ ему необыкновенную привлекательность...

Миръ праху твоему, честный и талантливый труженикъ, даровитый работникъ на пользу будущихъ поколѣннй!..

Сейчасъ мы вернулись съ похоронъ Писарева. Тѣло его было привезено изъ Риги 26-го іюля и поставлено въ церкви Маринской больницы. Выносъ на Волковское кладбище происходилъ въ часъ пополудни, сегодня 29-го іюля. Черный гробъ его былъ украшенъ множествомъ цвѣтовъ. Несмотря на тяжесть его (подъ внѣшнимъ дубовымъ находилса свинцовый гробъ), провожавшіе его друзья (и между ними также и дѣвушки) несли далеко на рукахъ. За гробомъ шло человекъ около двухсотъ (почему такъ мало, это трудно даже и понять). Когда тѣло его было погружено въ могилу, возлѣ того мѣста, гдѣ погребены Бѣлинскій и Добролюбовъ, два имени, которыя едва ли когда-нибудь будутъ забыты на Руси, то всѣмъ присутствовавшимъ хотѣлось сказать весьма многое и многое, какъ о самомъ Писаревѣ, такъ и вообще о судьбѣ русской мысли... Но рѣчей, собственно говоря, не произносилось. Сказали вѣсколько словъ гг. Павленковъ, Гирсъ, Гайдебуровъ и Благосвѣтловъ, особенно сильно любившій покойнаго... Г. Гирсъ, сверхъ того, прочелъ два стихотворенія, написанныя кѣмъ-то въ память Писарева не безъ чувства...

Кромѣ того была предложена подписка на учрежденіе стипендіи въ память Писарева. На кладбищѣ собрана довольно крупная сумма для этого.

Преждевременная гибель мыслящихъ людей на Руси — дѣло не новое. Недаромъ одинъ поэтъ, тоже погибшій безвременно, выразилъ, гдѣтъ семь тому назадъ, въ минуту тяжелаго отчаянія, мысль чуть не о роковой необходимости покориться такому явленію глубоко выстрадавшими стихами:

Отворяйся же кладбище,
Принимай гроба!

но всякій новый случай, подтверждающій горькое наблюденіе о нежизнучести талантливыхъ людей въ нашемъ отечествѣ, наводитъ всякій разъ, помимо сожалѣній о новомъ погибшемъ, на всѣхъ понимающихъ людей — скорбныя и печальныя размышленія...

Н. К.

ИЗЪ АМЕРИКИ.

НИСЬНО ПЕРВОЕ.

Въ четыре часа утра пароходъ присталъ къ пристани Бристоля. Пассажиры вышли и тутъ же сѣли на желѣзную дорогу въ Бостонъ. Я нѣсколько запоздалъ, и когда хотѣлъ сѣсть, то всѣ мѣста были заняты, сунуль въ одинъ вагонъ — полонъ; въ другой — полонъ. Кондукторовъ, которые указывали бы мѣста, нѣтъ, прислуги мало, она занята болѣе важными дѣлами; въ Америкѣ люди считаются за совершеннолѣтнихъ, сами могутъ себя находить мѣста, на то ноги и глаза, къ чему содержать лишняго человѣка? Походилъ, походилъ, да и напелъ же себѣ мѣсто. На желѣзной дорогѣ классовъ нѣтъ: для всѣхъ одна цѣна, для всѣхъ одно мѣсто. Видъ мѣстности равно отличается какъ отъ нашей Руси, такъ и отъ Запада. Общее между русскою мѣстностью и американскою то, что какъ у насъ, такъ и здѣсь много лѣсовъ и невоздѣланной земли. Этими онѣ обильно разительно отличаются отъ мѣстности, которую представляетъ Западъ. Отличіе же состоитъ — въ картинности, въ болѣе роскошной природѣ, разумѣется не говоря о постройкахъ и о мѣстности, куда приложена рука человѣка. Странно какъ-то чувствовалось мнѣ; передать это невозможно. Въ такомъ настроеніи невольно вспоминаешь стихи Тютчева;

Молчи, скрывайся и так
И чувства и мечты твои.

Не потому, что такъ слѣдуетъ дѣлать, а по необходимости приходится такъ дѣлать, никакими словами не передать всю глубину и истинный характеръ мысли, а только слабый ея отбѣнокъ. Много, много передумалъ я въ эти три часа, а думы были покрыты мѣлкимъ-то волшебнымъ ровнымъ колоритомъ, чему еще много способствовало прекрасное утро, восходящее солнце, быстрота ѣзды и картинная мѣстность. То думалъ я о томъ времени, когда почти вся Сѣверная Америка представляла безлюдное пространство, и только кое-гдѣ были раскинуты жилища дикихъ индійцевъ. Въ Англіи начались гоненія пуританъ, и эти суровые, строгіе люди плывутъ вдалѣ въ необитаемыя мѣста, чтобы найти тутъ сво-

боду совѣсти; ударилъ тоноръ, въ гѣсахъ Америки раздалось эхо, началась новая жизнь, ибо лучшія сіиля пріѣхали сюда, за ними другія, затѣмъ война за независимость съ Англіей, и явилось сильное, богатое передовое государство. А вотъ и я тутъ, и мнѣ представлялось, что я лечу отъ берега далеко, далеко въ глубь страны, а въ сущности мы ѣхали недалеко отъ берега. Вдругъ въ голову приходитъ вопросъ: сколько времени⁴ какъ я выѣхалъ изъ Россіи? Мѣсяць. Неужели? Чтò значить много впечатлѣній — долго живешь. И воображеніе начнетъ представлять разныя картины изъ жизни на родинѣ, вспомнятся дорогія сердцу лица. Ну, всего не перескажешь. Востонъ. Взялъ на плечи мой сакъ и отправился. Какъ хорошо, въ самомъ дѣлѣ, имѣть на столько вещей, что можешь носить съ собою (а вѣдь тутъ все необходимое). Уже не говоря о финансовой выгодѣ, еще я то удобство, что вы свободны. Напримѣръ, я рассудилъ, что въ Востонѣ останавливаться нечего. Хотя мнѣ въ Нью-Йоркѣ и говорили: о, это прекрасное мѣсто, но, тѣмъ не менѣе, думалъ я, это прекрасное мѣсто большой городъ, мнѣ же хотѣлось дышать свѣжимъ воздухомъ и избавиться отъ городского шума. Пройдя бостонскимъ паркомъ, вышелъ на шоссе, вижу лавочка, къ которой прибита вывѣска. Продаются билеты въ Кембриджъ; стоятъ 9 копеекъ (cents). Тутъ идетъ конная желѣзная дорога, кассиръ высматриваетъ, кричитъ остановиться и предлагаетъ мнѣ садиться. Кембриджъ отъ Бостона въ 5-ти верстахъ. Нашелъ комнату съ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ за 6 долларовъ * въ недѣлю, а посуточно 1 дол. Какъ въ большихъ, такъ и въ маленькихъ городахъ и деревняхъ Америки существуютъ такъ-называемыя Boarding House, гдѣ можно получить комнату со столомъ. Воспещаться вы отправляетесь въ общую залу; въ однихъ House'ахъ по звонку утромъ ровно въ 7 час., въ полдень, вечеромъ въ 7 час., въ другихъ назначено время отъ 7—9, 12—2, 6—8 часовъ. Завтракъ — каждому наливаютъ чашка кофе или чаю (что хочешь), принесятъ бивстекъ или ростбифъ, картофель, соусъ изъ зелени, бисквитъ. Публика ѣстъ, запивая чаемъ или кофеемъ. Обѣдъ — въ Нью-Йоркѣ 1-е блюдо супъ, который не уважается, ѣдятъ его очень мало и неохотно. Въ штатѣ Массачузетъ супъ почти нигдѣ не употребляется, а первымъ блюдомъ служатъ мясо, предлагаютъ рыбу, зелень, затѣмъ сладкій хлѣбъ, блюдечко варенья, большой кусокъ сладкаго пирога. Сладкій хлѣбъ намазывается масломъ и сопровождается вареньемъ. Ужинъ въ Нью-Йоркѣ — повтореніе обѣда съ прибавленіемъ чашки чая. Въ Массачузетѣ мяса не подаютъ, а чай, хлѣбъ горячій, масло, бисквитъ и варенье. Сладкій пирогъ изъ

* Долларъ золотой = 1 р. 23 коп. Долларъ бумажный равняется въ 1880 г. въ іюлѣ мѣс. 96 коп. Малкіе счеты въ Америкѣ ведутся на бумажн. дол.

ягодъ—это національное блюдо Америки. Вы его встрѣтите всѣхъ: на станціяхъ желѣзной дороги, вмѣстѣ съ закусками рас-
ложены круглыя сладкія кулебяки; на улицѣ стоятъ женщины съ
лотвомъ ягодъ и тутъ же сладкіе пироги. Въ 10 часовъ утра
былъ представленъ одному семейству, живущему верстъ за 20-ть
отъ города. Предполагаю, что я проголодался, сдѣлавъ такой
вожжъ, имъ подали закусить стаканъ вина и — сладкій пирогъ!

Кембриджъ — городъ съ 30-ю тысячами жителей. Выш-
нимъ видомъ онъ напоминаетъ дачи на Петербургскихъ остро-
вахъ. Красиво и разнообразно выстроенные деревянные доми
съ зелеными ставнями отъ солнца; передъ домикомъ палисад-
никъ съ дорожками и цвѣтами, позади садъ, огородъ и очень
часто кусокъ земли, служащій пастбищемъ для скота; улицъ
шоссе — очень усердно поливаемыхъ водою и усаженныхъ по бо-
камъ деревьями; изъ Кембриджа идутъ конно-желѣзныя дороги въ
Бостонъ и въ четыре близъ лежащія деревни (village). Изъ это-
го вы можете видѣть, что Кембриджъ очень раскинутъ. Тутъ
находится лучший университетъ Америки—Гервердскій—назван-
ный по имени лица, давшаго капиталъ на его устройство. Въ
городѣ есть библиотека изъ 200 тыс. томовъ. Граждане города—
фермеры, фабриканты, купцы, студенты, профессора, большая
часть населенія—собственники. Рабочихъ очень мало. Рабочи
плата на фермѣ отъ 50 — 80 долларовъ въ мѣсяцъ, зависитъ
отъ того, на сколько лицо обладаетъ земледѣльческими знаніями.
Кромѣ того рабочий получаетъ отдѣльную удобную комнату, полъ
которой непременно покрытъ ковромъ. Обѣдаетъ онъ вмѣстѣ
съ семействомъ хозяина. При отсутствіи мостовыхъ, въ городѣ
царствуетъ необыкновенная тишина, движеніе на улицахъ до-
вольно незначительно, совершенно противоположно большинъ
городамъ, какъ, напримѣръ, Бостонъ, Нью-Йоркъ, гдѣ на глав-
ныхъ улицахъ безпрестанно получаешь толчки, то вправо, то
влѣво. Это объясняется тѣмъ, что дѣятельность, вызывающая
сильную ходьбу и гоньбу, сосредоточена въ Бостонѣ, и Кем-
бриджъ, расположенный въ 5-ти верстахъ отъ Бостона, не
нуждается въ ней. Вечеромъ на улицахъ вы безпрестанно встрѣ-
чаете группы людей, играющихъ въ мячъ; эта игра здѣсь раз-
вита до высшей степени; кидаютъ мячъ очень далеко, и есть
такіе молодцы, которые ловятъ его обернувшись спиною къ мя-
чу; игра вызываетъ бѣготню, крики, смѣхъ, и это очень ожив-
ляетъ городъ. Въ городѣ есть даже большой лугъ, специально
назначенный для этой игры; кругомъ выстроены скамьи для зри-
телей; во время турнировъ, триумфаторы награждаются жен-
скими аплодисментами. Въ то же время на рѣчкѣ Charles бѣгаютъ
гички, гребцы упражняются, ибо наступаетъ 4-е іюля—народный
праздникъ освобожденія колоній, и городъ назначаетъ пять пры-
зовъ отъ 100 до 500 долларовъ. Одно изъ лучшихъ мѣстъ про-
гулки представляетъ кладбище, отстоящее версты на двѣ отъ го-
рода. И въ самомъ дѣлѣ, оно выглядываетъ не кладбищемъ, а

роскошнымъ садомъ. Это награда гражданамъ Кембриджа, убитымъ за свободу въ послѣднюю войну. Всюду мраморные памятники, въ довольно значительномъ числѣ отъ другаго разстояніи, и потому имѣющіе видъ не могильныхъ памятниковъ, а украшеній сада. Волнистая мѣстность, усыпанная пескомъ дорожки, скошенная ровно трава, ручейки, пруды, плавающіе лебеди, цвѣты. Среди кладбища—башня въ готическомъ вкусѣ, взойдя на которую вамъ представится очаровательный видъ Востона съ окрестностями. Востонъ и Кембриджъ—главные центры религіознаго общества унитаріевъ, ученія вышедшаго изъ народа и формулированного Чаннингомъ. Число приверженцевъ въ настоящее время считаютъ до 35,000, 300 общинъ или приходоѡвъ. Общины эти чисто религіозныя, особаго экономическаго устройства не имѣютъ. По ученію унитаріевъ человекъ не можетъ познавать атрибуты Бога, онъ только представляетъ ихъ себѣ сообразно его понятіямъ; отсюда нѣтъ представленія, которое бы имѣло преимущество предъ другимъ, а потому для унитарія всѣ формы богопознанія равны. Въ противоположность кальвинистамъ, они проповѣдуютъ чистѣйшую любовь Бога къ человеку и человека къ Богу; блаженство ожидаетъ всѣхъ въ загробной жизни. Унитаріанская церковь помѣщается въ двухэтажномъ замкѣ; на одномъ концѣ на возвышеніи стоятъ органъ, на другомъ каедрѣ. Присутствующіе сидятъ; проповѣдникъ, въ черной мантии, говоритъ проповѣди нравственнаго содержанія, читаетъ Евангеліе, въ промежуткахъ органъ играетъ религіозныя гимны, и поютъ лучшіе голоса прихода. На стѣнахъ никакихъ украшеній и надписей нѣтъ. Подъ вліаніемъ унитаріевъ находится въ Кембриджѣ гервердскій университетъ, который считается лучшимъ въ Америкѣ. Полный курсъ слушанія лекцій продолжается 4 года. Первые 2 курса — классическіе языки, математика, французскій, нѣмецкій языкъ и литература; слѣдующіе 2 курса—естественныя науки, исторія и философія. Экзамены производятся ежегодно. Кончающій курсъ получаетъ дипломъ бакалавра. Студентовъ въ кембриджскомъ университетѣ болѣе 500 человекъ, изъ коихъ 2 негра *. За слушаніе лекцій платятъ 100 долларовъ въ годъ. Не имѣющіе возможности содержать себя, увольняются отъ платы и получаютъ отъ города средства къ жизни. При университетѣ находится нѣсколько зданій, въ которыхъ живутъ студенты по два въ комнатѣ; если студентъ хочетъ, можетъ нанимать себѣ квартиру въ частномъ домѣ; гимнастическія упражненія, бѣгъ въ запуски, игра въ мячъ, гонка на гичкахъ уважаются всѣми **. Къ слушанію лекцій въ универ-

* Обыкновенный возрастъ студентовъ отъ 18 до 25 лѣтъ, но есть и болѣе молодые.

** Проступки, совершаемые студентами, вѣдетъ университетское начальство; каждый проступокъ имѣетъ соотвѣствующую ему цифру, и записывается въ книгу; если сумма цифръ за одинъ семестръ — 256 студентъ предлагается

ситетѣ допускаются и женщины, но до сихъ поръ примѣры рѣдки; женщины останавливаются на *College*, курсъ которыхъ является нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ (надо замѣтить, что въ западныхъ штатахъ названіе университетовъ носятъ заведенія, соответствующія *Colleges* восточныхъ штатовъ). Отношенія между профессорами и студентами вполне дружескія. Профессоровъ въ гервердскомъ университетѣ 42, изъ коихъ 22 республиканца и 20 демократовъ. По приѣздѣ моемъ въ Кембриджъ, я познакомился съ профессоромъ всеобщей литературы Cuthler, которому я много благодаренъ за его предупредительность; ежедневно онъ тратилъ для меня не менѣе 3-хъ часовъ, а иногда и цѣлый день, когда мы отправлялись въ окрестности. «Какъ велико вознагражденіе за ваши услуги?» спросилъ я профессора. «2,000 долларовъ въ годъ; мы получаемъ почти столько же, сколько простой рабочій, принимая въ соображеніе, что онъ получаетъ помѣщеніе и столъ, и гораздо менѣе рабочихъ техниковъ, но я нахожу это вполне справедливымъ, такъ-какъ нашъ трудъ несравненно легче и пріятнѣе; профессеры другихъ университетовъ и коллегій получаютъ еще меньше». Однажды я сидѣлъ у профессора, былъ жаркій день. «Не хотите ли выпить лимонаду?» спросилъ онъ. Я не отказался. Онъ всталъ, взялъ кувшинъ, и идя внизъ за водою, сказалъ: «Мы сами себѣ и хозяева и слуги».

Я получилъ приглашеніе профессора Кетле отправиться съ нимъ въ деревню, версты 30 отъ Бостона, въ которой живетъ его мать. Чтò такое американская деревня? Три-четыре прямыхъ и чистыхъ улицы версты въ $1\frac{1}{2}$, пять-шесть улицъ поперечныхъ истыхъ, по обѣимъ сторонамъ тротуары и деревья. Затѣмъ красные домики (не хуже, какъ въ Кембриджѣ), какъ наши лучшія каменноостровскія дачи, передъ домикомъ нѣсколько деревьевъ, цвѣты, иногда и фонтанъ. Свади поля, огороды. Вотъ на полѣ работаетъ, въ простомъ платьѣ, хозяинъ этого изящнаго домика; онъ не богатъ, и земля у него немного—столько, сколько онъ можетъ самъ обработать (есть и такіе, которые держатъ работниковъ). Кромѣ сельскаго хозяйства, онъ занимается и производствомъ обрабатывающимъ. Напримѣръ, деревня Holstin, которую посѣтилъ я съ профессоромъ, обрабатываетъ кожу и сбываетъ ее на фабрику. Кончить земледѣлецъ свою работу, одѣнетъ хорошее платье, и по платью не отличить богатаго отъ человѣка, имѣющаго немного. Въ деревнѣ нѣсколько церквей, банкъ, почтовая контора, большое зало, гдѣ собираются граждане для выбора представителей, школа, въ которой учатся дѣти до 16-ти и затѣмъ поступаютъ въ *College*

оставить университетъ, какъ не желающему исполнять его постановленій. По истеченіи семестра старыя книги уничтожаются и замѣняются новыми частіями книгами. Студенты могутъ говорить и писать все. Они издають журналъ «The Advocate», въ которомъ разбираютъ какъ лекціи профессоровъ, такъ и постановленія университета.

(коллегію). Школа раздѣляется на 2 отдѣленія, низшее и высшее. Учители низшаго отдѣленія, почти всегда, женщины; высшего — и мужчины и женщины. Мы посѣтили школу въ деревнѣ Holstln. Учительница, дѣвушка лѣтъ 20, сидѣла на каедрѣ; какъ передъ ней, такъ и на классныхъ столахъ, стояли букеты цвѣтовъ. Ученики и ученицы, въ непринужденныхъ позахъ, сидѣли на скамьяхъ. Былъ классъ географіи. Къ сожалѣнію, мы пришли не во время, черезъ четыре минуты урокъ кончился. Въ низшемъ отдѣленіи читають: грамоту, письмо, географію, исторію, популярное понятіе анатоміи, ботаники и зоологіи, ариметыку, геометрію и рисованіе.

Нѣсколько такихъ деревень, съ окружающими ихъ фермами составляетъ town, общину (что неправильно переводить *corode*), самостоятельную политическую единицу, которая является полнымъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ, не испрашивая ни у кого разрѣшенія и утвержденія. Никакая власть въ Соединенныхъ Штатахъ, ни власть штата, ни власть союзнаго правительства, не можетъ вмѣшиваться въ распоряженія town, если они не превышаютъ сферу его власти, а сфера его власти очень велика. Вторая политическая единица—country (графство), третья — state (штатъ) и четвертая—Сѣверо-американскій союзъ. Ходишь по этой счастливой village, и силишься увѣрить себя, что это не сонъ, что это не резиденція богатыхъ людей, пріѣзжающихъ сюда отдохнуть отъ шумной городской жизни, а это жилище работника-земледѣльца; вотъ онъ на полѣ косить траву, рука у него большая, крѣпкая, загорѣлая. Это не дачи, а деревня, деревня, повторяешь себѣ. Экое довольство, все какъ бы говоритъ тебѣ: а вѣдь такъ жить не дурно, и это не грѣхъ, не чужими руками нажито. Завидно станеть. Да отчего же это такъ? Что вы, люди другіе? Изъ другаго тѣла сотворены? Нѣтъ, люди мы тѣ же и не болѣе много мы учены, да жить-то намъ никто не мѣшаетъ, какъ думаемъ лучше будетъ, такъ и дѣлаемъ. Да и земли у насъ столько, что больше не сработать. Работаемъ же мы скоро. Вотъ къ примѣру, стану ли я руками траву косить—оно не легко и долго. Лучше я сяду въ тележку, а подъ тележкой коса, лошадь идетъ, а трава ложится, въ день у меня лугъ и скошенъ. Нѣтъ денегъ купить машину, мнѣ община дастъ: какая община? прибыль имѣть недостаточнаго члена? Дѣло выходитъ простое: какъ своей пользы не понять? каждый сдумѣтъ устроиться, только не мѣшай ему, да дай съ чего устроиться. Въ сѣверныхъ штатахъ Америки, которые главнымъ образомъ составляютъ ея силу и славу, существуетъ уже то экономическое положеніе, къ которому стремится Европа. Тамъ каждый можетъ отыскать себѣ кусокъ земли, который могъ бы дать полное занятіе труду его семья, но не болѣе, потому что единственные работники на него—онъ самъ и его подроставшіе сыновья. Сѣверъ—страна поселянъ-собственниковъ, передъ массою которыхъ исчезаютъ всѣ другія сословія. Въ штатахъ Новой

Англіи, наприѣръ, сильно развита мануфактурная промышленность всякаго рода, а городъ Нью-Йоркъ сталъ самымъ громаднымъ центромъ всесвѣтной торговли послѣ Лондона. Но эти фабричныя работники и рудокопы вышли изъ тѣхъ же поселенъ, и большинство ихъ снова сдѣлается черезъ нѣсколько лѣтъ поселанми, уступивъ свое мѣсто новымъ людямъ, все изъ тѣхъ же поселенъ. А громадный городъ Нью-Йоркъ для массы своего населенія также лишь временная ставціа, гдѣ человѣкъ останавливается на нѣсколько лѣтъ, чтобы собраться со средствами для переселенія на западъ, на которомъ становится онъ поселившимся. Если въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и существуютъ малочисленныя группы семействъ, издавна держащихся въ положеніи, сходномъ съ высшими и средними классами европейскаго общества, то не только эти малочисленныя группы, но и населеніе самихъ городовъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ поселившихся собственниковъ.

4-го іюля національный праздникъ Америки—день объявленія независимости колоній. Мнѣ пришлось видѣть этотъ праздникъ въ Бостонѣ. Восходящее солнце было встрѣчено колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою, продолжавшеюся 1¹/₂ часа. Разбуженіе шумомъ, жители города высыпаютъ на улицу. Громовой шумъ нарушается трескотнею выстрѣловъ изъ пистолетовъ забавляющихся дѣтей. Все стремится въ паркъ, гдѣ по преимуществу будутъ происходить забавы дня. Дома украшены коврами и національными флагами. По улицамъ города идетъ торжественная процессія пожарныхъ. Впереди хоръ военной музыки, за ней, верхомъ на лошади, распоражавшійся процессіей, главный машинистъ; далѣе отрядъ пожарныхъ въ малиновыхъ курткахъ съ бѣлыми шарфами и въ клеенчатыхъ шляпахъ, съ широчайшими полями, убранныхъ цвѣтами. За ними двигаются паровыя пожарныя машины, колесницы съ копьями, крюками и другими орудіями, все это убрано цвѣтами. Утренній концертъ (въ 8 ¹/₂ ч.) начался національною арією Starspangled Banner, которая сопровождалась малиномъ шапками, платками и криками энтузіазма. Между прочимъ, въ составъ играемыхъ піесъ входили: русскій гимнъ «Боже царя храни», національная французская арія «Partant pour la Syrie», англійская національная арія «Gode save the Queen». Попурри состояло изъ нѣмецкой аріи Vaterland, Marseillaise и Воскресный день. Концертъ смѣнился военнымъ парадомъ. На лугу парка выстроились въ 2 шеренги: баталіонъ изъ воспитанниковъ военныхъ бостонскихъ школъ и 3 баталіона пѣхоты, что составляетъ все постоянное войско штата Массачузетъ. Баталіонъ изъ состоитъ изъ 170 чел. Муштры на всѣхъ болѣе или менѣе одинакіе: синіе панталоны, у воспитанниковъ куртки, у солдатъ и офицеровъ односторонне сюртуки и нѣчто въ родѣ зполетъ. Трое гражданъ вышли изъ толпы—то были: Мажор города и два члена городской думы, музыка заиграла честь, войско взяло ружье на караулъ, мажор снялъ соломенную шляпу, поклонился и мѣр-

ными шагами отправился къ фронту. Затѣмъ слѣдовалъ церемоніальный маршъ.

Къ 11 часамъ паркъ началъ пустѣть—публика оставила его чтобы идти на набережную рѣки Charles, гдѣ должна происходить гонка, любимое зрѣлище американцевъ; не только на набережной, гдѣ устроены бесплатныя мѣста, но даже на пароходахъ, берущихъ довольно большую плату, трудно достать мѣсто. Дать сигналъ. Четыре изъ бумаги сдѣланныя гичин пустылись за приобрѣтеніемъ лаврового вѣнка въ 500 долларовъ. Интересно было смотрѣть, какъ напрягались мускулы гребцовъ, чему представлялась полная возможность, такъ-какъ рубашки у гребцовъ были сняты. Возволнованные, они еще болѣе возбуждались криками изъ толпы: «William! мы за васъ увѣрены!» «John! призъ будетъ вашъ!» «Красная шапка! сильный ударъ веслами и вы обогнали!» Конецъ волненія. Пушка выстрѣлила, нмѣ триумфатора пробѣжало въ толпѣ, передавалось съ парохода пароходу: онъ сдѣлалъ 6 верстъ въ 14 минутъ.

Вечеромъ былъ данъ большой фейерверкъ изъ 19 картинъ. 4-я картина, называвшаяся 4 іюля, представляла серебрянную звѣзду съ красными, синими и бѣлыми оконечностями (цвѣта американскаго флага); въ среднѣй звѣзды малиноваго цвѣта буквы: 4 іюля; все окружено золотымъ кругомъ. 5-я картина—звѣзда свободн: утрення зарѣ (бенгальскій огонь) превращается въ большую звѣзду изъ золотыхъ лучей, извергающихъ массы огненныхъ цвѣтовъ; 12-я картина—наше единство: брильянтовый кругъ, въ центрѣ малиновыя буквы: наше единство; все окружено пушками, копытами и національными флагами. Надъ всѣмъ этимъ вѣнокъ, на которомъ написано: Свобода. Последняя картина представляла 8 изображенія: посреди стоятъ Вашингтонъ, по бокамъ фигуры женщинъ, изъ которыхъ одна держитъ мечъ и вѣсы; надъ головою надпись: Правосудіе, въ ногахъ — Безопасность; надъ головою другой женской фигуры надпись: Свобода, а въ ногахъ — Единство.

Какъ восхожденіе такъ и захожденіе солнца сопровождалось колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Къ 11 часамъ ночи городъ уже спалъ. Замѣчу, между прочимъ, что американцы проводить праздникъ очень скромно. Пробывъ цѣлый день въ саду и на улицѣ, мнѣ не пришлось встрѣтить ссоръ, драки, или лицъ дѣйствующихъ не по собственному желанію, а по желанію спиртнаго напитка; иногда натываешься на группу людей, окружившихъ пару танцующихъ. Американскій танецъ очень несложень: на разстояніи пяти-шести шаговъ мужчина и женщина прыгаютъ другъ передъ другомъ, видѣливая при этомъ произвольныя движенія руками, головою и туловищемъ, попрыгаютъ; попрыгаютъ и перемѣняютъ мѣстами и въ такомъ родѣ продолжается прыганье съ $\frac{1}{4}$ часа.

ЗАМѢТКА О ЖЕНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Мы въ долгу у читателей, такъ-какъ до сихъ поръ не слыли еще ни слова объ одномъ весьма интересномъ явленіи нашей общественной жизни, толки о которомъ уже оволодо двухъ мѣсяцевъ занимають мысливую часть петербургской публики. Мы говоримъ о мысли учрежденія у насъ женскаго университета, возникшей въ средѣ русскихъ дамъ еще во время недавняго сѣзда естествоиспытателей. Въ статьѣ объ этомъ сѣздѣ было уже въ нашемъ журналѣ рассказано, въ чемъ состояло письмо русскихъ дамъ къ комитету сѣзда, и какъ этотъ комитетъ, выразивъ публично свои сочувствія желанію русскихъ женщинъ учиться, съумѣлъ отклонить отъ себя всякое ходатайство вѣредъ правительствомъ о какомъ бы то ни было постоянномъ учебномъ учрежденіи, которое могло бы удовлетворить замечанному стремленію русскихъ женщинъ — къ основательному ознакомленію ихъ съ наукою. Но на этомъ дѣло не остановилось. Нѣсколько дамъ, на основаніи предварительно полученнаго имъ согласія многихъ изъ университетскихъ профессоровъ, обратились письменно къ ректору санктпетербургскаго университета съ ходатайствомъ о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ. Два письма объ этомъ предметѣ были подписаны болѣе, нежели 400-ми изъ женскаго пола, что, въ случаѣ успѣха предпріятія, могло бы послужить какъ бы гарантіею, какъ того, что въ слушательницѣхъ предполагающихся лекцій не было бы недостатка, такъ и того, что необходимы для этого учрежденія матеріальныя траты значительное число лицъ готово принять на себя. Стремленіе имѣть учрежденіе, специально-организованное для высшаго образованія женщинъ, было мотивировано сторонниками этой счастливой мысли желаніемъ женщинъ приносить возможно большію пользу семьѣ и обществу въ качествѣ матерей и наставницъ, и пріобрѣсть путемъ знанія возможность зарабатывать себѣ честнымъ трудомъ обезпеченное существованіе. Петербургскій университетъ, по самому смыслу этого учрежденія, не могъ оставить безъ вниманія полученнаго имъ заявленія и недавно въ «Спб. Вѣдомостяхъ» напечатано слѣдующее постановленіе совѣта по этому дѣлу: «Совѣтъ спб. университета, по выслушаніи доклада особенной комиссіи, назначенной для обсужденія ходатайства лицъ женскаго пола о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ, постановилъ: 1) что совѣтъ университета выражаетъ свое полное сочувствіе стремленію организовать правильные курсы по

предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ; 2) что открытіе университетскихъ аудиторій для предполагаемыхъ курсовъ совѣтъ находить неудобнымъ и вообще предоставляетъ матеріальную часть организаціи лекцій самимъ просительницамъ, и 3) что по полученіи отъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшенія на открытіе сихъ курсовъ и по представленіи въ совѣтъ университета подписавшимися полного плана матеріальной стороны этого дѣла, совѣтъ университета займется не только пересмотромъ этого плана, но и приметъ на себя съ удовольствіемъ устройство учебной части, такъ-какъ многіе члены ученаго университета сего сословія выразили уже свое согласіе участвовать въ предполагаемыхъ курсахъ».

Вглядываясь однако въ это постановленіе совѣта университета, нельзя не замѣтить, что совѣтъ этотъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что только могъ сдѣлать безъ потери своего достоинства... не для малѣйшаго осуществленія полезной мысли, а для возможнаго ея затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было университету, этому высшему учебному заведенію, не признать, что стремленіе къ высшему образованію русскихъ женщинъ дѣло похвальное и полезное. Поэтому онъ и рѣшился «выразить полное свое сочувствіе къ правильной организаціи учебныхъ курсовъ». Но сочувствіе еще далеко не содѣйствіе. Въ отношеніи содѣйствія, совѣтъ университета своимъ постановленіемъ, какъ бы торжественно умыкаетъ руки отъ всякаго участія въ учрежденіи высшаго женскаго училища. Такого его образъ дѣйствій выразился какъ въ томъ, что онъ отказывается отъ ходатайства у г. министра о разрѣшеніи на открытіе курсовъ, такъ и въ томъ, что онъ для такихъ курсовъ даже самое открытіе университетскихъ аудиторій считаетъ неудобнымъ. Между тѣмъ, выполненіе обоихъ упомянутыхъ условій — прямая нравственная обязанность членовъ университета, и еслибы они искренно и серьезно взглянули на дѣло, то конечно легко бы уразумѣли, что ходатайство университетаго управленія объ открытіи женскихъ курсовъ было бы несравненно компетентнѣе передъ правительствомъ, нежели единоличная просьба объ этомъ кого либо изъ дамъ участницъ (подача просьбъ коллективнымъ законодательствомъ у насъ, какъ извѣстно, запрещена), и такъ-какъ все дѣло стоитъ только за правительственнымъ разрѣшеніемъ, то при малѣйшемъ желаніи университета, вѣроятно, женскіе курсы были бы давно уже дозволены и открыты. Что касается до открытія университетскихъ аудиторій, снабженныхъ всѣми необходимыми учебными пособиями и кабинетами, въ тѣ часы, когда въ этихъ аудиторіяхъ и кабинетахъ не занимаются студенты, то это сразу доставило бы столько удобствъ для новыхъ курсовъ, что ими конечно вполне выкупилось бы то единственное неудобство, что сторожамъ этихъ аудиторій и кабинетовъ приходилось бы нѣсколько дней въ недѣлю лишній разъ открывать и закрывать эти комнаты.

Разрѣшить ли правительство учрежденіе правильныхъ курсовъ для высшаго женскаго образованія или нѣтъ—мы предрѣшать не беремся, хотя вся вѣроятность на сторонѣ того, что это дѣло не встрѣтитъ никакого препятствія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, какъ оно, конечно, не встрѣтило бы его ни въ одномъ изъ просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ. Но если и со стороны правительствъ не предвидится препятствій къ скорѣйшему осуществленію этой мысли, то тѣмъ тяжелѣе и непріятнѣе должны дѣйствовать на всякаго порядочнаго человѣка различныя клеветы и инсинуаціи, какія уже успѣли появиться въ печати по этому дѣлу. Такъ, какой-то несообразный русскій корреспондентъ вѣмецкой «Allgemeine Zeitung» съумѣлъ уже наболтать столько вадору и хитросплетеній по этому дѣлу, что просто уши вянутъ. Такъ онъ обвинилъ уже русскихъ дамъ въ незаконной подачѣ коллективной просьбы объ отертіи женскаго университета министру народнаго просвѣщенія; такъ онъ успѣлъ предрѣчь неизбежность правительственнаго отказа—на желаніе дамъ учиться; такъ, съ наростью Фальстафа, онъ заявилъ, что въ качествѣ ищейки, въ средѣ подписавшихся женщинъ, онъ пронюхалъ въ сколько писемъ «нигилистокъ» и т. д. и т. д. Нашлись и русскія газеты, которымъ фантастическіе тезисы негѣпаго корреспондента послужили поводомъ для различныхъ неблагоприятныхъ варіацій по женскому вопросу... но ко всему этому русскія публика уже привыкла, и всѣмъ извѣстно, что въ наши дни, на Руси, ни одно благое дѣло не обходится безъ грязныхъ, безстыдныхъ и циничныхъ аксессуаровъ—въ этомъ ввусъ...

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ.

Періодическія замѣтки.

Литература и общество. — Литература не оправдала дождія. — Высшіе интересы. — Цезари и Катоны. — Заключение.

Одинъ изъ самыхъ характеристическихъ признаковъ современности—это совершенно особенное положеніе литературы въ русскомъ обществѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ, наше общество до того развилось и умудрилось, что уже не оно руководится литературою, но, наоборотъ, литература находится у него подъ надзоромъ. Завелись соглядатаи, наблюдатели, руководители и вдохновители, но болѣе всего развелось равнодушныхъ, которыхъ нельзя подкупить ни пріятнымъ словомъ, ни даже талантивыми, и въ глазахъ которыхъ литература есть одна изъ тѣхъ прискорбныхъ и жалкихъ потребностей, которыя, подобно домашъ терпимости, допускаются въ обществѣ, какъ необходимое зло.

Было время, когда литература заявляла претензію на монополию мысли — это, конечно, было съ ея стороны нѣсколько затѣяливо; но, по крайней мѣрѣ, затѣяливость эта ставила званіе литератора на извѣстную высоту. Нынѣче, на литературномъ рынкѣ оказывается такъ много продающихъ и такъ мало покупающихъ, что прежняя высота, у всѣхъ на глазахъ, превращается въ несомнѣннѣйшія низменности, а бывшій горделивый монополистъ мысли все больше и больше приобрѣтаетъ отличительныя качества зайца.

Какихъ-нибудь четыре, пять лѣтъ времени—а какъ многое измѣнилось! Сколько умокло, сколько поникло головами! Сколько, напротивъ того, выпололо на свѣтъ божій такихъ, которые и не надѣялись когда-либо поинуть тѣ темныя норы, въ которыхъ они бессильно злоумышляли!

Не подлежитъ никакому спору, что ремесло русскаго литератора вообще не можетъ похвалиться блестящимъ прошедшимъ. Мы всѣ еще помнимъ то время, когда мысль находилась подъ гнетомъ столь несомнѣнныхъ ограниченій, что читателю потребно было не мало усилій и изворотливости, чтобы побѣдить ту темноту и запутанность выраженія, на которую осуждено было слово. Это было, конечно, не поощрительно, но, по крайней-мѣрѣ, писатель того времени зналъ, что у него есть публика, которая ищетъ его понять, зналъ, что нѣтъ въ Россіи того захоластья, въ которомъ бы не бились молодня сердца, не пламенѣла молодая мысль подъ впечатлѣніемъ высказаннаго имъ слова. Быть можетъ, это была случайность, но случайность, во всякомъ случаѣ, благоприятная. Вспомнимъ Грановскаго, Бѣлинскаго и другихъ, которыхъ имена еще такъ недавно сошли со сцены; вспомнимъ то движеніе мыслей и чувствъ, которому было свидѣтельствомъ современное имъ поколѣніе, вспомнимъ увлеченія, восторги, споры... Вспомнимъ все это, и, взирая на современное умудрившееся общество, скажемъ: да! увлеченія безплодны, увлеченія легкомысленны, увлеченія больше всего преждевременны!

Современный литераторъ всего меньше «властитель думъ»; современный литераторъ — это парія, это почти прозаженный. Это существо забытое, вѣчно жмущееся къ сторонѣ, существо, коснѣющимъ языкомъ и съ безконечными оговорками сознающее въ своемъ ремеслѣ. Его терпятъ, на него смотрятъ съ снисходительнымъ состраданіемъ потому единственно, что литература вездѣ признается, какъ одна изъ функцій общественнаго бытія. Извѣстно, что когда общество создается, то въ основаніе его, по заведенному порядку, полагается множество разнаго рода матеріаловъ, изъ коихъ одни должны служить краеугольными камнями, другіе — орнаментами. Предполагается, что общество не можетъ существовать безъ благоустройства и благочинія, безъ народнаго продовольствія и народной нравственности, безъ справочныхъ сложныхъ цѣвѣй (сіи суть краеугольные камни), но съ другой стороны, невозможно также допустить, чтобы общество могло

обойтись безъ наукъ и искусствъ (сѣи суть орнаменты). Планъ начертанъ и апробованъ, и не исполнить его нѣтъ никакой возможности. Этотъ планъ, раздѣленный на множество глѣтокъ, заключаетъ въ каждой изъ нихъ либо краеугольный камень, либо орнаментъ, при чемъ строжайше наблюдается, дабы камни не смѣшивались ни между собою, ни съ орнаментами, такъ-какъ подобное смѣшеніе можетъ нанести ущербъ отдѣлкѣ плана. Заключенный въ свою глѣтку, со всѣхъ сторонъ окруженный краеугольными камнями, что можетъ совершать бѣдный, безпомощный литераторъ? на какіе подвиги онъ можетъ отважиться?

Очевидно, что подвиги эти не могутъ быть ни особенно интересны, ни особенно разнообразны. Какъ бы мы ни украшали глѣтку, все же изъ нея ни подъ какимъ видомъ не выйдетъ вселенной; какъ бы мы ни уподобляли поэта или публициста, сидящаго въ глѣткѣ, орлу парящему или соловью въ тремъхъ изнемогающему, все же это будетъ только орелъ или соловей, то-есть, въ обоихъ случаяхъ птица, которой и свойственны подвиги птицы, а не человѣческіе.

Но это-то несомнѣнно и имѣлось въ виду, при устройствѣ общества по предначертанному плану. Предполагалось, что каждая глѣтка сохранить свою чистоту во всей ея первобытной неприимѣнности; что поэты, отнюдь не прикасаясь къ краеугольнымъ камнямъ, будутъ воспѣвать красоты природы, поздравлять съ именинами и писать мадригалы, акрестихи, триолеты и бурны, прозаныи же, ораторы и публицисты предъавать образцы не дерзостнаго краснорѣчія съ оттолчкой (одно изъ соловьиныхъ излѣвнѣ) и усугубленіемъ. Затѣмъ общество, съ своей стороны, за каждую удачную оттолчку, за каждый ловко скомпонованный триолетъ будетъ жаловать по двугривенному. Понятно, что, задуманная въ такомъ видѣ, глѣтка литературы и искусствъ не могла изображать ничего иного, кромѣ глѣтки, изъ которой слышалась по временамъ трель соловья, и по временамъ свистъ скворца. Но съ другой стороны, общество, платившее по двугривенному за мадригалъ, также не могло не замѣтить, что, какъ ни пріятны для слуха оттолчки, усугубленія и трели, но, во всякомъ случаѣ, они далеко не столь увѣснсты, какъ тѣ булжнныи, кои именуетсяи краеугольными. Спора нѣтъ, хорошѣ триолеть:

Лавста — чухо въ бѣломъ свѣтѣ...

но, въ сравненіи съ «учрежденіемъ губернскихъ правленій», оное далеко не выдерживаетъ даже снисходительной критики. Слѣдуя это, общество, естественно, пришло къ заключенію, что ремесло поэта, оратора и публициста есть ремесло пустое и легкомысленное, необходимое лишь для наполненія празднои глѣтки, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ совершенно бесполезное.

Этотъ взглядъ на литературу до такой степени укоренился въ

обществѣ, что и до сихъ поръ большинство его очень не податливо на уступки въ этомъ смыслѣ. Въ сущности, большинство цивилизованное и большинство нецивилизованное разнятся на этотъ счетъ очень немного. Если нецивилизованная толпа называетъ литератора «физикомъ голландскимъ», то толпа цивилизованная видитъ въ немъ вѣчто въ родѣ трактирной арфистки, вѣчно голодной, и потому вѣчно и умиленно кривляющейся. Это его существенное назначеніе, это девизъ той клѣтки, въ которую онъ посаженъ; и покуда онъ не выходитъ за предѣлы этого девиза, покуда онъ поздравляетъ, акростишествуетъ и изнемогаетъ въ треляхъ, толпа терпитъ его и даже смотритъ на его эквилибристическія усилія съ сострадательною благосклонностью.

Но за предѣлами девиза начинается ненависть.

Бываютъ такія минуты въ жизни обществъ, когда краеугольные камни вдругъ приходятъ въ движеніе и переишьиваются какъ бы подъ вліяніемъ волшебства. Народное продовольствіе сталкивается съ благочиніемъ, народная нравственность вторгается въ предѣлы благоустройства, тишина пререкается съ спокойствіемъ и сложныя цѣны открыто враждуютъ съ справочными. Для орнаментовъ это моменты самыя опасныя и соблазнительныя, и благоразумнѣйшіе изъ нихъ именно такъ и взираютъ на это дѣло. Они еще глубже забиваются въ клѣтку, и всѣ старанія свои употребляютъ на то, чтобы какъ-нибудь пропѣть совсѣмъ по соловьиному. Не такъ бываетъ съ орнаментами юными и неопытными: они не понимаютъ опасности и прельщаются только соблазномъ. Видя, что большинство краеугольныхъ камней сдвинулось, они уже ни о чемъ больше не думаютъ, а открыто присоединяютъ свои голоса къ хору обывательскихъ голосовъ, празднующихъ побѣду. Странное зрѣлище являетъ тогда природа: птицы, простыя, ощипанныя птицы начинаютъ изречать человѣческія глаголы, тыкаютъ носами въ вучу, и извлекаютъ оттуда не червей навозныхъ и прочую благопотребную снѣдь, а какіе-то вопросы! Можно себя представить, какое дѣйствіе произзодитъ это зрѣлище на толпу, при укоренившемся въ ней убѣжденіи о бесполезности и негодности птицъ ни къ какому разумному дѣлу!

Надо сказать правду: способность пѣть по соловьиному и парить по орлиному является здѣсь какъ нельзя болѣе встати. Никогда, никакой хоръ цивилизованныхъ подъячихъ не пропоетъ съ такою ясностію пѣсенки о значеніи того или другаго краеугольнаго камня, съ какою сдѣлаетъ это любой птице-литературный хоръ. Тамъ, гдѣ подъячій недоумѣваетъ и путается въ приписываніи надлежащихъ формулъ, птица-литераторъ не только отыскиваетъ самую суть булжника, но тутъ же начерчиваетъ и образъ, который наиболѣе для этой сути приличествуетъ. Это послѣднее качество, въ особенности, повергаетъ толпу въ безпредѣльное изумленіе. Толпа всегда и вездѣ лаетъ

мѣрна; она сидитъ, крѣпко удѣвившись за свои булжники, и, закрывшись ими какъ щитомъ, думаетъ, что исполнявъ этотъ обрядъ, она исполнила все, что предписывается законами ходячей нравственности. Сверхъ того, она убѣждена, что ее никто не видитъ. И вдругъ, высккивается цѣлый хоръ лиходѣевъ, который безцеремонно проникаетъ въ самое капище нашего потаеннаго разврата, который дѣлаетъ подробный инвентарь нравственному хламу, накопившемуся на днѣ капища, и, совершивъ все это, начинаетъ беззащѣнно взирать на насъ тѣми самыми глазами, которыми мы, и только мы одни, взирали на себя въ тѣ рѣдкія минуты, когда въ насъ пробуждалась совѣсть. И кто же эти лиходѣи? Кто эти безстрашные изслѣдователи нашего домашнего хлама? Это птицы, простые, ощипанныя птицы!

Толпа протираетъ глаза и не можетъ придти въ себя. Ей долгое время кажется, что она слышитъ все тѣ же поздравительные стихи, но только въ новой, не совсѣмъ привычной для нея формѣ. Это время для птицъ самое льготное. Онѣ шелкаютъ, заливаются и свистятъ на всѣ лады и на всей своей волѣ; онѣ оперяются—оперяются, вспархиваютъ, машутъ крыльями, и вдругъ взмываютъ вверхъ, очаровывая зрителей смѣлостью полета и обширностью описываемыхъ въ воздухѣ круговъ. Ничто не удовлетворяетъ ихъ: ни конопляное сѣмя, ни манная каша, ни жованный хлѣбъ; «мале! еще!» свистятъ онѣ, разыгравшись. О, незабвенное зрѣлище! о, сладкія минуты птичьихъ надеждъ!

Но вотъ въ толпѣ начинается говоръ и слышится сдержанный ропотъ. Ея будущее казалось такъ свѣтло, — и вдругъ она усматриваетъ въ немъ только птицъ, безъ толку наполняющихъ воздухъ щебетаніемъ. Она начинаетъ совѣщаться, переговариваться и злоумышлять; она знаетъ, что птицы безхитроствы и безпечны, что онѣ никогда не умѣли отличить кормъ вольный отъ корма, разсыпаннаго кругомъ силковъ. Въ надеждѣ на эти птичьи качества, она ждетъ...

И дѣйствительно, случайно напущенный птицами мракъ мало по малу разсѣвается, и свѣтъ снова и безвозвратно вступаетъ въ права свои. Случая, простаго случая достаточно толпѣ, чтобы, по прежнему, занять тѣ позиціи, съ которыхъ она была временно сбита. И чѣмъ дряннѣе этотъ случай, тѣмъ радостнѣе хохочетъ толпа, тѣмъ неистовѣе плещетъ руками. «Птица-то! птица-то! смотри, какого напустила тумаву!» вопіютъ современные фарисеи, все еще ощупывая себя и не вѣря глазамъ своимъ, что бока у нихъ невредимы.

— Ату его! ату-у-у-у! вдругъ раздается побѣдный гласъ во всей линіи.

Съ той минуты, какъ раздался этотъ вловщій кликъ, скоротечное торжество литературныхъ птицъ уже кончилось. Захва-

ченныя врасплохъ, свѣтозарныя одежды падаютъ сами собою и передъ изумленными взорами любонитствующаго предствотъ простая птица, въ томъ видѣ, въ какомъ она должна быть въ самый дѣвствующій періодъ линянiя, съ слегка пораженной головой и съ надломанными крыльями. «Ты не оправдалъ моего довѣрія! ты злоупотребилъ моимъ добродушіемъ!» тычетъ въ укоръ толпа, и какъ ни темно подобное обвиненіе, но на сей разъ обыватели достаточно остроумны, чтобы не только постичь его, но и развить во всей ужасающей полнотѣ.

Нѣтъ ничего горчѣе, и въ то же время нѣтъ ничего комичнѣе, какъ положеніе бѣдной, ошипанной птицы, которую упрекають въ томъ, что она не оправдала довѣрія.

— Помилуйте! да я кружилась, играла... а... лепечеть смущенный заблѣкъ-литераторъ.

— Врешь! ты не оправдалъ моего довѣрія! ты злоупотребилъ моимъ добродушіемъ! продолжаетъ рычать толпа, невнимая никакимъ оправданіямъ.

И вотъ, на помощь этой толпѣ, изъ самой среды заблѣковъ, отдѣляются охочія птицы, и помогаютъ управиться съ злополучнымъ пернатимъ воинствомъ. «Мы не литераторы, кричатъ онѣ бойко и весело:—мы не имѣемъ съ литературой ничего общаго! Мы пѣли и свистали въ то время, когда литература сочиняла поздравительные стихи; теперь же мы просто благонамѣренныя обыватели, приобрѣтшіе опытность въ формулированіи обвиненій!»

Для толпы, подобныя охочія птицы—сущія кладъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите любаго изъ нашихъ обывателей; пойдите во всякое время на Невскій проспектъ и отдѣлите отъ этого праздншатающагося стада какаго хотяте субъекта, — что вы получите?—вы получите извозчика по убѣжденіямъ, извозчика по развитію, извозчика по надеждамъ и стремленіямъ! Какое дѣло извозчику до литературы, до умственного труда вообще? Можетъ ли интересовать его что-нибудь, находящееся внѣ самаго простаго брюшнаго матеріализма? Могутъ ли эти первоначальныя органы, эти сектаторы брюхопоклонничества, чѣмъ-нибудь тревожиться, особливо въ тѣ лнкующія минуты, когда двери ресторановъ отворены настезь, а камелии и кокетки такъ и шныгаютъ по торцовой мостовой? Ежели они и подозрѣвають, что въ движеніи мысли скрывается нѣчто для нихъ зловердное, то подозрѣвають это смутно, формулировать же и даже излаголатъ своихъ опасеній не могутъ. Понятно, какъ встаетъ являются тутъ на выручку охочія птицы. Иныя изъ нихъ за двугривенный, другія—просто за сладкій пирожокъ, однѣ — съ сугубымъ ехидствомъ, другія—просто по невѣдѣнію, но, въ окончательномъ результатѣ, каждая и во всякомъ случаѣ, можетъ подать дѣловой совѣтъ, каждая урѣшить и наставить, каждая съумѣетъ сформулировать противъ чего угодно и какое угодно обвиненіе.

И вотъ начинается спѣшная и дѣятельная работа; охочія пти-

ци устраняють гласныя и не гласныя глѣва, и, засѣвши къ нимъ, съ прилежностью и азартомъ приступаютъ къ дѣлу обстрѣливанія литературы...

Но отгратимъ взоры отъ этого плотояднаго зрѣлища, и спросимъ себя: ужели, въ самомъ дѣлѣ, двугривенный или сладкій пирожокъ вмѣютъ столь значительную внутреннюю цѣнность, чтобы за сію маду стоило отдавать на поруганіе дѣло мысли?

И виновата ли мысль въ томъ, что она не оставалась бы, что она обладаетъ способностью проникновенія, что она ищетъ постычь и усвоить себѣ явленія жизни?

Или забыты всѣ преданія? или понятія о литературной чести и правдѣхъ до такой степени упростались, что нѣтъ болѣе ни прештствій, ни преградъ для подвиговъ благоустройства и благочинія?

Ужели и съ какихъ именно поръ мысль приобрѣла свойства разрывной бомбы? Ужели, не шута, отъ нея слѣдуетъ ожидать не обновленія, а обветшанія и смерти общества?

Ужели, наконецъ, охочіе люди не понимаютъ, что ругаясь надъ мыслью, отдавая ее на прогнѣтіе, они косвеннымъ образомъ ругаются надъ самими собою, ибо и они, хоть въ превращеніи, хоть въ дѣтски-похвалительныхъ формахъ, а все-таки были причастны дѣлу мысли?

Ужели все это не сказка, не безобразный сонъ, а горькое кровавое свидѣтельство голой дѣйствительности?

Но будемъ снисходительны къ двугривенному; эта монета, хоти и малая, все-таки доступна для пониманія, ибо представляетъ собою известное число фунтовъ хлѣба. Для здороваго солдата, котораго желудокъ снабженъ жерновами, требующими непрерывной работы, и который, сверхъ того, обязанъ мочономъ, это обстоятельство очень важное. Бѣдность и сила аппетита однѣ могутъ въ этомъ случаѣ опредѣлить мѣру человѣческихъ подвиговъ, однѣ могутъ провести ту черту, за которую начнется виѣняемость. Но чтѣ сказать о тѣхъ износившихся, во снтенныхъ старичкахъ, которые каверничаютъ и предають изъ за сладенькаго пирожка? Ужели они не понимаютъ, что у нихъ даже зубовъ нѣтъ, чтобы съѣсть этотъ лакомый кусокъ?

Повторяемъ, толпа не имѣетъ надобности въ обвинительныхъ органахъ — ихъ въ достаточномъ количествѣ выдѣляетъ сама литература. Подвижники этой новаго рода благонамѣренности къ совершенствѣ понимаютъ свое ремесло и приступаютъ къ нему съ осмотрительностью и знаніемъ дѣла, заслуживающими лучшей участи. Съ одной стороны, они вполне знаютъ, чего именно хочетъ толпа, и какаго рода обвиненія соотвѣтствуютъ мѣрѣ ея роста; съ другой стороны, имъ небезвѣстны и нѣкоторые провинности литературы, которыя, будучи приведены въ соотвѣстствіе съ ростомъ толпы, могутъ дать пищу свойства несомнѣнно уло-

ловнаго. Иная это удобна устроивается, что темъ основана только наредить приговоры и приводить ихъ въ исполненіе.

Наситившись зрѣлищемъ подниманія горы, перешагнувъ слухъ соответственной бесѣдой, толпа любитъ поговорить о нравственности, о томъ, какой она представляетъ важный рычагъ въ обществѣ, и какъ она въ особенности необходима въ простомъ классѣ.

— Для нихъ вѣдь это одно утѣшеніе! мудрствуетъ одинъ.

— Не столько утѣшеніе, сколько уда! перекладъ другой.

— И утѣшеніе-сь и уда-сь! рѣшаетъ третій.

Что нужды до того, что разсужденія эти, своимъ азбучностью, напоминаютъ знаменитое изрѣченіе Педдолоесина: «да, братъ, жениться — это не то, что: эй, Иванъ! сними сапога!» — окочая итѣда очень хорошо понимаетъ, что хочетъ толпа, что она хлопочетъ собственно объ охраненіи правовъ... въ простомъ классѣ! и, слытивъ это, слышитъ обвинить литературу въ безнравственности.

Наругавшись до отвала надъ русскимъ именемъ и у себя и за границей, наговорившись въслать о безнравственности, невѣжествѣ и грубости русскаго мужика, толпа охотно предается на досугъ словеснымъ излияніямъ о сладостяхъ патриотизма, о томъ, какъ это чувство возвышаетъ душу, и какъ, въ особенности, необходимо развивать его въ простомъ классѣ.

— О, родна святая!

Тебя я вижу втом!

Грешить цивилизованная толпа, кстаки припомнивъ куплетъ изъ водевиля «Матрость».

— A tous les cœurs bien nés que la patrie est chère!

вторить хоромъ другая, такая же цивилизованная толпа.

— Да-сь, для нихъ-сь, для этихъ зацвадес — это единственная уда-сь! рѣшаетъ какой нибудь нящій духомъ, исправляющій на время должность мудреца.

Окочая птица слышитъ это, и начинаеть уразувѣвать, что толпѣ почему-то желательно распространеніе патриотическихъ чувствъ... въ простомъ классѣ. Не ясно ли, что тутъ какъ нельзя болѣе кстаки обвинить литературу въ пропагандѣ космополитизма?

Изворовавшись въ вонецъ, немногая подъ бременемъ неправыхъ стѣманий, толпа съ удвоеннымъ удовольствіемъ бесѣдуетъ о сладостяхъ чувствъ собственности, о томъ, что въ немъ заключается единственное твердое основаніе всякаго общества, о томъ, какъ друство, какъ неуѣднительно, что такое высокое чувство такъ мало уворенилось... въ простомъ классѣ.

— А вѣдь это единственная уда! вѣщаетъ общественный му-

драгъ, въ арсеналѣ котораго, невидимому, насеконно стали уады, что намъ легко можно вынудить дѣлу вселенную.

Охоча книга, сейчасъ только получившая двугривенный, молочно, не можетъ не раздѣлять этихъ социальнѣй. Она сама и кѣлостъ своей подачей, она тренецетъ, волнуется, нагодугъ. Результатомъ этихъ волненій оказывается обвиненіе въ неуваженіи къ собственности и въ распространеніи пагубнаго коммунизма.

Нужно ли продолжать этотъ перечень плодовъ досуга толпѣ тѣхъ напастей, поглѣбовъ и обвиненій, которыя возникаютъ въ книгѣ для литературы?

Каждая новая минута приноситъ новое обвиненіе, новую книгу наголоу бѣдной литературы! Устрашенные и убѣжденные, бривоколонники роютъ копитами землю, свергаютъ глазами, срезаютъ зубами, и показываютъ кулаки.

— Га! урчатъ они: — такъ вы вѣтъ какъ! такъ-то восплаивались вы нашимъ довѣріемъ! вы хотѣли посягнуть на священные принципы семейства и собственности! вы хотѣли отдать и поруганіе святое пламя любви къ отечеству! такъ мы не сумѣемъ поставить васъ въ надлежащія границы! съумѣемъ прервать къ одному знаменателю!

И затѣмъ наступаетъ эпоха приведенія литературы къ одному знаменателю, которая собственно и составляетъ нашу золотую вѣтъ наукъ и искусства.

Куда же исчезли таланты? спрашиваютъ уцѣлѣвшіе тамъ! самъ ревнители литературы.—Приведены къ одному знаменателю. Куда дѣвалась нѣкогда бодрая и смѣлая русская мысль?—приведена къ одному знаменателю. Куда скрылось живое, образное русское слово?—приведено къ одному знаменателю! И что это такое прелестное, для всѣхъ одинаково ясное выраженіе! Съ какою простотою оно устраняетъ всѣ возраженія, разъясняетъ всѣ смѣлнія!

Журналы, бывшіе нѣкогда проводниками и возбудителями русской мысли, хирѣютъ и чахнутъ; тѣ рѣдкія книги, какіе появляются,—свидѣтельствуютъ о волиѣйшей несамостоятельности русской мысли.

И это происходитъ въ то самое время, когда правительство упраздняетъ цензуру и учреждаетъ совѣтъ книгопечатанія? Не чудо ли?

Пристѣженный и сконфуженный, писатель самъ начинаетъ сомнѣваться: не обманулъ ли онъ и впрямь довѣрія публики? Дѣлательно ли было дано ему это довѣріе, и на что уполномочивался онъ имъ? Оказывается, что довѣрія никакого и нѣкогда не было, что съелъ онъ одно время кружился и поминивалъ, то это было простое дѣло случая — и ничего больше. Откуда же эти упреки? откуда это злобное урчаніе? Въ виду всякаго рода заманей и ловушекъ, писатель невольно ступенчивается, вынужденъ прямой искренности, дѣлается робекъ, не знаетъ, на какую ногу

ступить. Что ни шагъ, то улика; что ни слово, то подвигъ благочинія. Поневогѣ, мысль теряетъ всякую бодрость, и въ отчаяннѣ, даже пробуетъ стать на стезю рутинна. Но здѣсь новая неудача; рутинна поражена смертью, рутинна противна; нѣтъ средствъ приступить къ ней, не рискуя наложить руку на собственную свою дѣятельность. Чтѣ жъ остается? остается проникнуться тѣми отличительными свойствами зайца, о которыхъ говорено выше.

Но чѣмъ смиреннѣе становится бѣдный писатель, чѣмъ запутаннѣе и робче выступаетъ его мысль, тѣмъ обширнѣйшее представляется поле для подозрѣній и инсинуацій. У брюхопоклонника, между множествомъ постыдныхъ слабостей, есть одна очень пагубная — это убѣжденіе, что онъ хитеръ, и что его не проведешь ни подъ какимъ видомъ. Это общая слабость людей недалекихъ и неразвитыхъ, которые весьма часто, задавшись подобною мыслью, поступаютъ наперекоръ не только здравому смыслу, но и собственнымъ своимъ выгодамъ. Одержимый опасеніемъ, что его хотятъ надуть, брюхопоклонникъ заранѣе видитъ во всякомъ писателѣ челоуѣка, начиненнаго разрывнымъ составомъ, и ежели ему докладываютъ, что писателей больше нѣтъ, а есть быстроногіе зайцы, то онъ совершенно основательно возражаетъ: «эге! меня, друзья, не проведешь! я-то вѣдь очень хорошо понимаю, что все это львы, инкогнито журующіе въ маскарадѣ подъ личиною зайцевъ!» Затѣмъ никакія уже дальнѣйшія увѣренія ни къ какому результату привести не могутъ.

И снова начинается поставленіе въ надлежащіа границы, снова проповѣдуется теорія приведенія къ одному знаменателю, подрѣзывается, для большей убѣдительности, теоріей ежовыхъ рукавиць, теоріей макаровъ, гдѣ-то телятъ не гонящихся, и воробѣ, куда-то костей не заносащихъ...

Казалось бы, при такой обстановкѣ, давно бы сгинуть и пропасть слѣдовало — такъ нѣтъ! Есть какая-то нелѣпая живучесть въ этомъ постыломъ литературномъ ремеслѣ, есть въ немъ нѣчто такое, совершенно неуловимое и необъяснимое, чтѣ такъ и манитъ впередъ и впередъ, какъ манитъ какого-нибудь прохожаго празднаго куча народа, собравшагося на мосту. Продирается бѣдняга севозъ толпу; мнутъ ему бока, обываютъ нелегкими именами... и вотъ онъ, наконецъ, у дѣл! Смотритъ внизъ, а тамъ вода, и на поверхности ея — пузыри!

Зачѣмъ онъ шель?

Да; никогда еще литература не была такъ принижена, такъ покинута, какъ въ настоящее беззутно-просвѣщенное время. Читающая публика исчезла безъ слѣда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и запросъ на литературное дѣло сократился до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. «Довольно!» кричатъ со всѣхъ сторонъ общественныя

мудрецы, и такова рѣшительная сила этого облича, что много не приходится даже на мысль отнести къ нему безъ вниманіи.

— Да помикуйте же! могутъ намъ возразить — что же читатъ? чѣмъ увлекаться? старыя литературныя силы подорвались самъ собою, новыхъ, свѣжихъ талантовъ не нарождается — не поощритъ же литературу изъ-за того только, что тутъ примѣшалось извѣніе литературы!

Совершенно справедливо; литература дѣйствительно обномется до чрезвычайности слабо и медленно; она не представляетъ въ настоящую минуту ни особенно сильныхъ дѣятелей, ни умывающихъ толпу талантовъ. Но не оттого ли происходитъ это. что въ публикѣ исчезъ даже самый вкусъ къ литературѣ? не оттого ли, что публика всѣ предпочтенія свои направила совсѣмъ въ другую сторону, едва-ли не совершенно противоположную интересамъ и сущности литературнаго дѣла?

Вспомнимъ сороковые годы; вспомнимъ, что и тогда литература наша, съ формальной стороны, была далеко не въ блонѣ. тѣлѣ, что тогда даже существовали для нея такія ограниченія вторыхъ теперь и въ поминѣ нѣтъ — и что же? она все-таки дѣлала свое дѣло; не чувствовалось недостатка въ дѣятель. слово не было поражено безсиліемъ и властью, мысль работала и протѣснялась наружу, несмотря на непрерывную цѣпь силъ. Отчего же въ то время могъ существовать подобный фактъ? А оттого, милостивые государи, что публика относилась къ литературѣ сочувственно, и въ виду этого сочувствія, безміе поражало не литературную профессію, а тѣ ограниченія, которыя были противъ нея направлены. Нѣтъ сомнѣнія, что это же чувственное отношеніе публики обуславливало и появленіе новыхъ литературныхъ дѣятелей, ибо дѣятели эти не нарождаются ищательно, но появляются или не появляются въ прямомъ соотвѣствіи съ запросами публики.

Нынѣ, ограниченіе даже сравнительно слабое, падаетъ на писателя двойнымъ гнетомъ: вопервыхъ, какъ ограниченіе, а вторыхъ, какъ предметъ издѣвокъ и потѣхъ для разгуливавшей публики. Писатель въ бѣдѣ! да это такое лакомое увеселительное зрѣлище, съ которымъ можетъ развѣ сравниться зрѣлище какирирующей «Belle Hélène».

— А посмотримъ, какъ-то ты теперь запоешь! урчать одни расходившіеся брюхопоягонники.

— Посмотримъ, какъ-то ты станцуешь! вторять другіе.

— Поджаривай его! поджаривай! вопіють третьи.

Согласитесь, милостивые государи, что, при подобныхъ поощреніяхъ, можетъ быть рѣчь только о самосохраненіи, а отнюдь не о новыхъ литературныхъ подвигахъ.

Нерѣдко случается слышать, что современному обществу и до литературы, что вниманіе его поглощено интересами иного, вышенаго рода, что оно устрѣивается и собирается, что въ немъ безпрерывно ставоватся на очередь вопросы, разрѣшеніе кото-

рыхъ, по необходимости, стоять на первомъ планѣ, такъ-какъ съ этимъ связано обезпеченіе будущей организаціи общества.

Похвально. Никто не будетъ спорить, что ежели общество занято устройствомъ своего будущаго, что ежели всѣ думы его направлены къ тому, чтобы начавшееся въ этомъ смыслѣ движеніе не осталось, по его безпечности, бесплоднымъ, то, само собой разумѣется, что интересы литературнаго дѣла должны... но нѣтъ! почему же, однако, они *должны* отойти на второй, или, лучше сказать, на послѣдній планъ? Почему же литературѣ не сказать в свое слово объ этихъ *иныхъ, важныхъ* интересахъ, которые занимаютъ общество? Почему участіе ея въ этомъ дѣлѣ признается излишнимъ и чуть ли не вреднымъ? Почему уровень мысли литературной считается болѣе низменнымъ, нежели уровень мысли обывательской? Вотъ, милостивые государи, тѣ вопросы, на которые естественно наталкивается мысль, и которые мы охотно предлагаемъ вашему премудрому разрѣшенію.

Съ своей стороны, слѣдуя указаніямъ простаго здраваго смысла, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что участіе литературы не только не должно мѣшать обществу въ его заботахъ объ организаціи, но даже способно оказывать ему существенную въ этомъ смыслѣ помощь. Обыватели вообще легко успокоиваются; нерѣдко случается даже, что они хватаются за свалившуюся къ нимъ съ неба манну для того единственно, чтобы приобрѣсть въ ней приличный предлогъ для успокоенія. «Ахъ, какъ мы заняты! даже потъ градомъ льетъ!» охотно повѣствуетъ обыватель, измысливая тысячу хитросплетенныхъ маневровъ, чтобы скрыть отъ слишкомъ любопытныхъ взоровъ, что онъ занятъ совсѣмъ не дѣломъ, а успокоеніемъ. И затѣмъ, выставивши однажды на показъ свои труды и заботы, утвердивши между всѣми брюхопоклонниками свою репутацію трудолюбца, онъ уже не стѣсняется постановкой дальнѣйшихъ вопросовъ, въ родѣ нижеслѣдующихъ: «да помилуйте, до того ли намъ!» «да увольте! развѣ вы не видите?» и т. д.

Занятіе, заключающееся единственно въ тревогѣ о занятіи, трудъ, заключающійся въ зангиваніи съ трудомъ — вотъ та сладкая, неопѣнная штука, въ которой искони стремится обыватель всѣми силами души своей. Это счастливѣйшее изъ всѣхъ возможныхъ разрѣшеній той неразрѣшимой задачи о вѣчномъ, невозмутимомъ покоѣ, которая съ дѣтства составляла предметъ его пламеннѣйшихъ мечтаній. Если я сегодня, ложась на ночь, въ блаженномъ самодовольствѣ восклицаю: «Господи! что за время! что за тревожное время! и сколько предстоитъ впереди труда!» то кто же можетъ воспретить мнѣ и завтра, ложась на ночь, предаться подобнымъ же блаженнымъ восклицаніямъ? Такимъ образомъ, игра въ трудъ можетъ продолжаться безконечное время, и труда все-таки не будетъ. «Устраиваемся! организуемся! хлопотъ полночь ротъ! занятій по горло!» вотъ та твердокаменная крѣпость, неприступнѣе которой даже генію Вобана изобрѣсти

трудно. Подите, вытаскивайте оттуда обывателя, однажды, как онъ забрался въ нее! Кто обладает клещами, достаточно дли того цѣпками? Кто можетъ совершить такой подвигъ?

Этотъ подвигъ способна и можетъ совершить одна литература. Тамъ, гдѣ обыватель только тревожится и сомнѣвается одинъ на одинъ съ самимъ собою, литература формулируетъ свою мысль ясно и во всеуслышаніе; тамъ, гдѣ обыватель видитъ только предлогъ, чтобы поплотнѣе вылезаться, литература усматриваетъ возможность дальнѣйшаго движенія и развитія, и указываетъ на нее. Чтѣ въ силахъ совершить разрозненные полусонныя единичи, ежели у нихъ нѣтъ арены, на которой могла бы свободно выработываться общая руководящая мысль? Чтѣ могутъ эти единичи даже въ томъ случаѣ, если у нихъ есть такая арена, но арена односторонняя, зараженная ненавистью, нетерпимостью и исключительностью? Очевидно, что имъ будетъ предстоять только безъ конца восклицать: «Господи! сколько дѣла! сколько дѣла!» но ежели между ними найдутся люди добросовѣстные, то они, набѣрное, къ этому восклицанію прибавятъ: «и ничего-то вѣдь я не дѣлаю, ни къ чему-то не приступаюсь, да и приступиться, признаться, не могу!»

Такимъ образомъ, отсутствіе руководящей мысли, бѣдность и недостаточность разработки, боязнь анализа — вотъ совершенно достаточныя причины для объясненія того повального равнодушія, которое точитъ наше общество даже относительно самыхъ близкихъ ему интересовъ. Да; не къ одной литературѣ безучастно наше общество, но и къ тому дѣлу организаціи, о которомъ оно такъ безпрерывно и надобливо толкуетъ. Скажемъ больше: очень можетъ статься, что и литературу постигло общественное равнодушіе именно потому, что область, которую постепенно захватываетъ послѣднее, сдѣлалась до того несоразмѣрно обширною, что въ нее неминуемо попадаетъ все, встречающееся на дорогѣ. Говорятъ, что старыя порядки слишкомъ туго поступаютъ, что горячая дѣятельность въ этомъ туго-уступленномъ былы бы разносильна устриванію бури въ стаканѣ воды, что самолюбію обывателя неслестно устриваться тамъ, гдѣ уже все устроено безъ него и т. д. Но гдѣ же, однако, видано, чтобы старыя порядки поступались щедро и даже помимо заявленій обывателей? Гдѣ видано, чтобы прекрасная пословица «по Сенькѣ шапка» прилагалась наоборотъ? Гдѣ найдется примѣръ, чтобы прежде устривали шапку, а потомъ прилаживали къ ней Сеньку? Очевидно, что ничего подобнаго нигдѣ не видано и не слышано, что оболванивать Сеньку по шапкѣ противно даже всѣмъ правиламъ человѣколюбія. Очевидно также, что всѣ эти объясненія причинъ общественнаго индифферентизма суть не что иное, какъ недобросовѣстные извороты, направленные къ защитѣ чего-то другаго, въ чемъ намъ неудобно всеародно сознаться.

Въ сущности, мы защищаемъ одно — нашу исконную безсщетность и праздность. Въ этомъ заключается вся загадка нашего

бессознательнаго индифферентна, все объяснено, почему эта индифферентность, относительно литературы, возмущается, но временно, до новизны. Но даже и эта новизна не может претендовать на название силы, несмотря на то, что иногда она дѣйствуетъ безспорно извѣстельно. Это просто-на-просто сила бессилія.

Теперь понятно, почему намъ такъ противна литература. Она претитъ намъ потому, что ей самой, какъ представительницѣ мысли, противно наше умственное бессиліе, наша праздность, наши со дня-на-день отгнываемые носули дѣятельности. Мысль не можетъ жить въ глазахъ нашихъ особенной привлекательности уже по тому одному, что, забравшись однажды въ голову, она тревожитъ и понуждаетъ. «Бури въ стаканѣ водни!»—да ошибемся же хоть разъ правдою, и отвѣтить искренно: сами-то видны ли ми что-нибудь дагѣ этого стакана? И можемъ ли мы, не сѣбѣсти, отрицать, что этотъ стаканъ водни не есть существенное, внутреннее море, которое доступно нашимъ силамъ и нашему крутозору?

Никто охотѣе насъ не устраиваетъ всякаго рода шпильки, въ которыхъ удобно лежать на соломѣ (даврн-то намъ, помнитесь, еще не ко двору) отъ утомительныхъ подвиговъ иного надѣланія. Организовавши такое прочное лежаніе, мы огриваемся на каждаго проходящаго и издавна кричимъ ему: «не прикасайся! ибо здѣсь пахнетъ». Припомните, читатель, тревогу, которую надѣлала одна статья, помѣщенная въ началѣ книжечки года въ «Отечественныхъ Запискахъ», и явившая въ виду водни новыхъ свѣтелъ русской земли. Одна добродѣтельная газета рѣшилась даже напечатать, что какой-то исправникъ, по поводу ея появленія, лихо вообѣдалъ отъ критики. Вотъ, моль, до чего можете довести безтактное прикосновеніе къ власти! Но что же дѣлать, милостивые государи! вѣдь и къ исправникамъ нельзя не быть снисходительными! И они, бѣдныя, не все же мертвыя тѣла воднимать, но все нуждѣи прирести: исправлять, но, во временамъ, и обѣдять. Конечно, обѣдѣвшій исправникъ—картина довольно поразительная, но, сознаемъ откровенно, намъ не разъ случалось быть очевидцами таково зрѣлища, и ми выносили его безъ особеннаго потрясенія. Да и не въ исправникѣ овсѣмъ тутъ дѣло; а въ томъ властѣи, которое ми желаете во что бы ни стало возвести на стезю веро-россійскаго пантеона, и которое никакъ въ пантеонѣ повѣсть не можетъ. Вы полагаете, что къ этому каниду уже по тому одному не слѣдуетъ прикасаться, что оно новое, всокрѣшное, во всѣхъ сторонахъ окруженное опасностями. Прекрасно! Но укажите же, ради Бога, хоть на одно такое каниде, которое бы окрѣло и не было окружено опасностями! А между тѣмъ, моль, сказать, чтобы у насъ чувствовался недостатокъ въ властѣи вообще, напротивъ, они устраиваются дельнее исправно и периодически; да все какъ-то постытъ, постытъ, да и развалитъ сами себѣ.

Но оттого ли это происходит, что прежде, нежели начать доносить, мы уже сѣвнимъ оградимъ его существованіе не достояніемъ литературнаго на постройку его материала, а разнми дѣлами надписями, въ родѣ (не прикасайся!)

Послѣ всего сказаннаго выше, полагаемъ, не представляется даже надобности возвращаться къ вопросу, почему участіе литературы въ дѣлѣ, касающемся общественной организаціи, считается маловажнымъ и даже вреднымъ. Да просто потому: не прикасайся!

Литературное ремесло окажется еще болѣе невыгоднымъ, если мы применимъ къ соображенію, что, въ понятіи толпы, слово литераторъ есть не что иное, какъ глухой всезнающій. Толпа, вообще и вслѣдъ, не отличается прорывностью; она съ трудомъ отличаетъ друзей отъ недруговъ и въ большинствѣ случаевъ даже не понимаетъ, какимъ образомъ между ею и литературой могутъ образоваться отношенія доброжелательныя или злокозныя. У насъ, это явленіе обнаруживается въ формахъ еще болѣе ярыхъ и рѣзультативныхъ. У насъ, и такъ-называемая, цивилизованная толпа не всегда умѣетъ опредѣлить фнзіономію писателя, даже еслибъ онъ пользовался и извѣстностью, и ея благоволеніемъ (конечно, мы говоримъ здѣсь о массѣ общества, а не о тѣхъ газетно-журнальныхъ интеллигахъ, которые выкажутъ въ дѣятельность писателя даже сверхъ необходимой пропорціи).

Но это было бы еще не важно, еслибъ недостатокъ проницательности казался исключительно личностю того или другаго писателя; это было бы только пренорбію для его самолюбія — не больше. Но, очевидно, что тутъ идетъ рѣчь совсемъ не о личности писателя, а именно о мысли, которой эта личность служитъ представительницею. Очевидно, что тутъ прежде всего не понимается мысль, а затѣмъ, уже угоняетъ въ туманъ и фнзіономія писателя. Спрашивается: возможно ли, при такой туманности представлений, овладѣть преданнаго отношенія къ мысли? возможно ли надѣяться, чтобъ общество когда-нибудь зашло о своей устойчивости въ литературныхъ мысляхъ?

Первое естественное послѣдствіе такой шаткости отношеній обнаруживается въ томъ, что писатель, не имѣя въ виду данныхъ для опредѣленія, къ кому именно обращается его слово, почти всегда дѣйствуетъ на удачу. Можно случиться, что слово это падеть на землю добрую и возрастить надъ добрый; но можетъ случиться и тѣмъ, что слово падеть въ навозъ и возрастить крапиву. Тутъ, стало быть, умъ не до проселитизма, когда дѣло идетъ объ изустномъ даже той простой понимающей средѣ, безъ которой дѣятельность писателя есть дѣятельность, припадающая въ пустотѣ. А второе естественное послѣдствіе вотъ каково: когда писатель, случайно или не случайно, подпадаетъ

горшани, шловодно щелкаетъ зубами. Онъ боится, чтобъ у него какъ-нибудь не отпалило то мясо, на которое онъ заглядывается; онъ боится, чтобъ между нимъ и толъ растлвненъ наготове, которая одна въ состоянии пробуждать его вождввнн, не ону-стали, сверхъ ожиданн, заналсь. Все это заставляетъ замечать, что материалъ истернанъ еще не весь...

Еслибы на ономъ были одни триумфаторы, тогда живописку оставалось бы только бросить свои кисти, или же нарисовать на полотнѣ пятно, и подписать подъ нимъ: «Мрагъ времени». Но оказывается, что дѣло совсѣмъ не такъ просто; что рядомъ съ триумфаторами усматриваются и побѣжденные, и что шумные и восторженные клики первыхъ удачно отгвннются голосами ствнншихъ, алчущихъ и вопиющихъ. Такимъ образомъ, общнй голосъ торжества утрачивается до извѣстной степени томительное свое однообразн, и является полною музыкальною пьесой. Побѣжденные еще на лицо; они изранены, искалчченн, но не нагблн.

Какъ хотите, а это все-таки признакъ. Еслии еще не вполне устранилась потребность озираться, преслѣдовать и подозрѣвать, стало быть, не все еще предано безпробудному сну, стало быть, еще живо въ обществѣ нѣчто такое, что не допускаетъ его окончательно обрвнннуть и умереть. Конечно, время, которое мы переживаемъ, и тревожно, и тяжело, но все же оно подчиняется извѣстнымъ опредѣленнмъ, и слѣдовательно, не можетъ быть названо мракомъ времени въ полномъ значенн этого слова. Осмотритесь кругомъ, и вы увидите, что уже найдены нѣкоторые рамки для болѣе правильнаго теченн жизни, а этого одного достаточно, чтобъ освѣтить будущее лучомъ надежды. Положимъ, что рамки эти пришли къ намъ какъ будто со стороны, что общество тутъ ни при чемъ, и даже нерѣдко высказываетъ, по поводу ихъ, чувство явно враждебное; но утѣшнмся тѣмъ, что это рамки такого рода, которыя, будучи разъ поставлены, сдвннжаются съ мѣста гораздо труднѣе, нежели даже прилаживаются къ нему. Говорятъ, что отисать рамки для задуманнаго дѣла, уже значить на половину обезпечить успѣхъ его — и это вполне справедливо. Важно уже то, что брюхопклонннкъ видитъ передъ собой эти рамки, и привыкаетъ къ нимъ; привычка — великое дѣло; и если она однажды прнобрѣтена, то человекъ, даже закоснѣлый, начинаетъ мало-по-малу усматривать выгоды, которыя представляетъ для него лучшнй порядокъ вещей. Необходимость ограничивать свои желанн желаннми другихъ, необходимость смягчать днкость ннстинктовъ — вотъ та великая школа, которой суждено въ будущемъ поворить вредную секту брюхопклонннковъ.

Еслибы не было побѣжденныхъ, не было бы и триумфаторовъ. Еслии мысль содрогается при видѣ ходячихъ крашенныхъ гробовъ, то та же самая мысль съумѣетъ, даже съвозъ снлонную

массу живых морилъ, провидѣть нѣмъ сферы, нѣмъ интереснѣ
требованіе, нѣмъ температуру, нѣмъ жизнь. Какъ въ обширнѣ
любимъ, во около него ютится жизнь. Исторія не останавли-
вается оттого, что ничтожество, невѣжество и индифферентнѣ
дѣлается на время какъ бы закономъ и обозначеніемъ маршаго
человѣческаго существованія. Она знаетъ, что это явленіе пре-
ходящее, что подъ нимъ и рядомъ съ нимъ, во угасая, толпится
правда и жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1868 г.

(По общей нумерации тома CLXXIX).

СОДЕРЖАНИЕ № 5.

	СТРАН.
ДРЕВНЕ-АНГЛИЙСКІЯ И ШОТЛАНДСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ (I. Эдвардъ, II. Вальгельмъ и Маргарита, III. Джонъ О'Бедливъ) П. И. Войнберга.	1
ОЧЕРКЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. (Статья третья и послѣдняя). С. В. Ешевскаго.	9
ОСТАНОВКА. Разсказъ Глѣба Успенскаго	68
РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ. Періодъ первый. 1816—1830. Испанія и ея колонія. Португалія и Бразилія. Великобританія и Ирландія. В. И. Покровскаго	93
ГДѢ ЛУЧШЕ? Романъ. Часть первая. (IX—XIV) Ф. М. Рѣшетникова	121
ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ. Стих. Ольги Ленко	179

ДВА ЖЕНСКІЕ ХАРАКТЕРА. (<i>LES DEUX VILLES DE M.</i> Рысон, par André Léo).	183
ОБВЕРО - АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО. (<i>Статья краткая</i>)	269
ПѢСНЯ ПОРТУГАЛЬСКАГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА (изъ Ленау). Стих. Ив. Г. — М.	319
ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОРВЫША. Ро- манъ Джемса Гринвуда (продолженіе)	304

АВГУСТЪ 8.

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ. Стих. В. Курочкина.	321
ОБВЕРО - АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО (<i>Статья четвертая и последняя</i>)	324
ГДѢ ЛУЧШЕ? Романъ. Окончаніе первой части. Ф. М. Рышетникова	355
РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ И ПУГАЧЕВЪ. I—VII. Д. Л. Мордовцева.	419
СФИНКСЪ. Поэма. Дмитрія Миннаева	486
СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Ричардо Кастельсевичо. Переводъ съ итальянскаго Н. О. Бу- рочкина	499
РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИ- ЛѢТІЯ. Періодъ первый. 1816—1830. Греція и Турція. Франція во время реставраціи. В. И. Покровскаго.	571
ЖИЗНЬ ИЛИ СОНЪ? Разсказъ. Ф. Ромера	615
КРИТЯНКА ВЪ МОРЕЪ. Стих. Ив. Гольцъ-Миллера.	561
КЪ МОЕЙ МАТЕРИ. (Изъ Гейне). Стих. П. И. Вейнберга	663
ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОРВЫША. Ро- манъ Джемса Гринвуда (продолженіе)	352

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ІЮЛЬ № 3.

	ОТГЛ.
ОЧЕРКИ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ. П. Въ горяхъ. Э. Д.	1
КРИТИКА. — ПРОТИВОПОЛОЖНАЯ КРАЙНОСТЬ. (Со- чиненія Марко-Вовча. Т. I. Рассказы изъ украинскаго быта) А. М. Сабитчевскаго	19
НОВЫЯ КНИГИ. — Исторія цивилизаціи Германіи. I. <i>Шерра</i> . Первая половина. — Нравственная философія. <i>Ральфа Уолда Эмерсона</i> , въ 2-хъ частяхъ. — Утро. Ли- тературный и политическій сборникъ, издаваемый М. <i>Погодинымъ</i> . — Неотъемлемое право женщинъ. <i>Джонъ</i> <i>Отто</i>	50
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — ОБЪ УБЫТОЧНОСТИ ВОЙНЪ. (Leroy Beaulieu: Les guerres contempo- raines. 1868, Revue Nationale, février). — Крымская кампанія. — Итальянская война 1859 года. — Американ- ская междоусобная война 1862—65 г. — Германская война 1866 г. — Далекія экспедиціи французовъ. В. И. Покровскаго	76
СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ. — Нѣчто о радикализмѣ. — Лѣтнія извѣстія о голодѣ. — Приходъ и расходъ. — Отвѣтъ сѣвѣстербургскаго оберъ-полиціймейстера на запросы о возрастающей дороговизнѣ. — Г-жа Вальяшева, г. Рени и отецъ Кирилъ. — Архангельскія колыбельни и мѣстный публицистъ. — Отечественная заботливость и частная предпріимчивость. — Мнѣнія и соображенія влад- имірскаго епархіальнаго начальства о пользѣ центра- лизаціи. — Выборы благочиннаго	99

АВГУСТЪ № 8.

КРИТИКА. — РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ «ФИЛОСОФІИ ПРИ- РОДЫ» ГЕГЕЛЯ.	117
--	-----

ИСТОЧНИКИ НАРОДНАГО СУЕВѢРІЯ 129

НОВЫЯ КНИГИ. — Гражданскій бракъ. *Н. И. Чернявскаго*. — Новыя сочиненія *Г. П. Данилевскаго* (А. Славронскаго, автора «Вѣглицъ въ Малороссіи»). Изд. А. Ф. Базунова. 2 тома. — Очерки мыслѣнной общественной жизни въ Россіи. Выпускъ I. *Кн. В. П. Мецкерскій*. — Г. Г. Вольф. Отрывки изъ царствованія королевы Елизаветы. Изд. *В. Ковалевскаго*. — Исторія Чешскаго королевства. Соч. *В. Томка*. Перев. *В. Яковлева*. Изд. С. В. Звонарева. — Поменьше опаски. Романъ *В. А. Кондаурова*. — Пережитое и передуманное. Воспоминанія *Василія Кельсиева*. 144

НЕКРОЛОГЪ Д. И. ПИСАРЕВА, Н. Б. 174

ИЗЪ АМЕРИКИ. (*Письмо первое*). 180

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ТОЛКОВЪ О ЖЕНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 188

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ. (Періодическія замѣтки). — Литература и общество. — Литера не оправдала довѣрія. — Высшіе интересы. — Цезари и Катоны. — Заключение . 190

✓

662
32.0

50 (304

208

46

15

